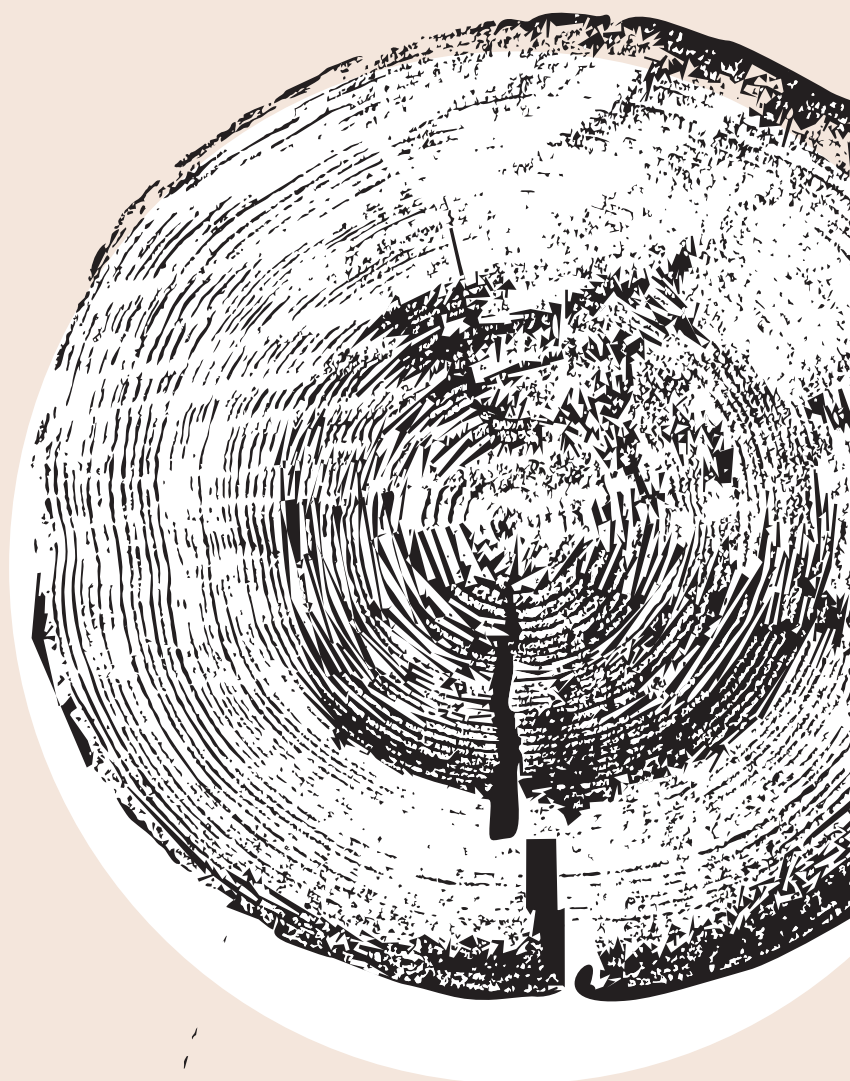

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Том XIII

2018

НОВОСИБИРСК

Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Музей истории Сибири имени С.Н. Баландина
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства

БАЛАНДИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник статей научных чтений памяти Сергея Николаевича Баландина

Том XIII

Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2018. — Т. XIII. — 620 с.

ISBN 978-5-89170-232-5

Ежегодник «Баландинские чтения» учрежден в память об исследователе сибирской архитектуры Сергее Николаевиче Баландине (1930—2006), основателе Музея истории архитектуры Сибири в г. Новосибирске. Издание основано при содействии Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств, Института археологии и этнографии СО РАН и Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства.

В сборнике представлены статьи, посвященные историко-архитектурному наследию Сибири и сопредельных территорий. Авторы затрагивают различные аспекты данной тематики: исторические закономерности складывания и развития планировки и застройки сибирских поселений; изучение и потенциал ревалоризации архитектурных памятников в Сибири; выявление «забытых» памятников; возможности использования новых методов исследования объектов наследия; кросс-культурные взаимосвязи, обнаруживаемые при изучении исторической архитектуры регионов, сопредельных с Сибирью; роль символов и знаков в историко-архитектурном наследии; новые сведения о творческом наследии сибирских архитекторов.

Раздел «Новые методы в изучении историко-архитектурного наследия» подготовлен при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»).

The *Balandin Readings* annals is dedicated to memory of Sergey Balandin (1930—2006) — a historian of Siberian architecture and a founder of the *Museum of Siberian Architectural History* in Novosibirsk. The issue was founded by three partners: *Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts*, the *Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences* and the *Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning*.

The annals contain scientific articles concerned with historical and architectural heritage of Siberia and neighboring areas. The authors of the articles deal with different aspects of the subjects including historical factors of organization and developing of planning structure and architecture of Siberian settlements; studying significant historical architectural objects of Siberia and opportunities for their revalorization; revealing of forget monuments; possibilities of new methods of studying heritage objects; cross-cultural relations appearing in studies of historical architecture of neighboring territories of Siberia; role of symbols and signs in the historical and architectural heritage; new facts about creative heritage of Siberian architects.

The part *The New Methods in Studying the Historical and Architectural Heritage* is supported by the *Russian Foundation for Basic Research* (project No 18-09-00469 *New Methods in Ethnography in the Information Age: an Assessment of the Results and Perspectives of Use for Material Culture Research*).

Редакционная коллегия издания:
ответственный редактор: Гаркуша Д.Д. (НГУАДИ)
научные редакторы:
Гаркуша Ю.Н. (ИАЭТ СО РАН)
Груздева Е.А., канд. искусствоведения (НГУАДИ)
Журин Н.П., канд. архитектуры (НГУАДИ)
Майничева А.Ю., д-р исторических наук (ИАЭТ СО РАН, НГУАДИ)
Орлова Е.Ю., канд. искусствоведения (НГУАДИ)

ISBN 978-5-89170-232-5

© Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, 2018
© Институт археологии и этнографии СО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018

Содержание

Песик С.

Проблемы интегральной экологии в среде обитания. Приветственное слово к участникам Баландинских чтений.....14

Piesik S.

The Integral Ecology of *HABITAT*. Opening speech for the Participants of the Balandin Reading.....14

Новые методы в изучении историко-архитектурного наследия**The New Methods in Studying the Historical and Architectural Heritage****Березиков Н.А.**

Зарубежные окулографические исследования и возможность их использования в работах по изучению материальной культуры.....17

Berezikov N.A.

Foreign Oculographic Studies and the Possibility of their Use in Learning of the Material Culture.....17

Ворожейкина В.А.

Универсальная методика создания колористической карты города (на примере Новосибирска).....23

Vorozheykina V.A.

The Universal Method of a City Coloristic Map Creating (Based on the Example of Novosibirsk).....23

Гаркуша Ю.Н.

Архитектура поселений коренного населения Севера Западной Сибири: дендрохронологический аспект.....30

Garkusha Yu.N.

Architecture of the Settlements of the Native Population of the North of Western Siberia: Research by Tree-ring Analysis.....30

Груздева Е.А., Орлова Е.Ю.

Применение цифровых технологий в изучении материальных объектов.....36

Gruzdeva E.A., Orlova E.Yu.

Application of New Technologies in the Study of Material Ethnographic Objects.....36

Козлов Г.В.

Историологический подход к визуализации основания архитектурного синтеза.....43

Kozlov G.V.

Historiologic Approach to Visualize the Foundation of Architectonical Synthesis.....43

Литвинова О.Г.

Апробация методики экспресс-обследования объектов культурного наследия в селе Нарым Томской области.....49

Litvinova O.G.

Approbation of the Methods of Express Inspection of Cultural Heritage Sites in the Village of Narym, Tomsk Region.....49

Майничева А.Ю., Степанцов И.С.

Методика воссоздания зданий и сооружений по материалам исторической этнографии с применением информационных технологий (на примере Саянского острога).....63

Mainicheva A.Y., Stepantsov I.S.

The Reconstructing Methods of Buildings and Structures Based on Historical Ethnography and Application of Information Technologies (on the Example of the Sayan Stockaded Town).....63

Майничева А.Ю., Талапов В.В., Куликова С.О.

Возможности применения BIM в этнографическом исследовании зданий и сооружений.....67

Mainicheva A.Y., Talapov V.V., Kulikova S.O.

The possibility of BIM Use in Ethnographic Research of Buildings and Structures.....67

Малкина Л.Н.

Методологические проблемы использования визуальных источников в историко-культурологических исследованиях.....71

Malkina L.N.

Methodological Problems of Using Visual Sources in Historical and Cultural Studies.....71

Понедельченко Л.О.

Использование метода голографии в этнографических исследованиях.....75

Ponedenchenko L.O.

Using the Method of Holography in Ethnographic Researches.....75

Радзюкевич А.В.

Опыт использования прикладных информационных технологий в сфере документирования форм объектов материальной культуры.....79

Radzyukevich A.V.

Experience in the Use of Information Technology Management in the Field of Documentation of Forms of Material Culture Objects.....79

Селиванов Р.С., Большаков А.Г.

Моделирование архитектурного пространства в контексте кварталов исторического центра.....83

Selivanov R.A., Bolshakov A.G.

Modeling of the Architectural Space in the Context of the Blocks of the Historic Center.....83

Соколовский И.Р.

Роль трехмерного компьютерного моделирования в изучении социальной истории архитектуры.....89

Sokolovsky I.R.

The Role of Three-Dimensional Computer Modeling in the Study of Social History of Architecture.....89

Талапов В.В.

О составе информационной модели памятника архитектуры и его применимости для этнографических исследований зданий и сооружений.....95

Talapov V.V.

On the Composition of the Information Model of the Monument of Architecture.....95

Чжан Гуаньин

Информационное моделирование храма Баогосы в Китае.....97

Zhang Guanuing

Information Modeling of the Baoguosi Temple in China.....97

История зодчества Сибири и сопредельных территорий до начала новейшего времени: новые материалы

The History of Architecture of Siberia and Neighboring Areas Before The Modern Times

Аванесов С.С.

Надвратный храм в структуре городского пространства: семантика и типология.....102

Avanesov S.S.

Gateway Church in the Structure of Urban Space: Semantics and Typology.....102

Адамов А.А.

Метрические характеристики Кучумово городища: анализ источников и реконструкция.....105

Adamov A.A.

Metric Characteristics of the Ancient Settlement of Kuchumovo: Source Analysis and Reconstruction.....105

Балюнов И.В.

Первые церкви города Тобольска.....111

Balyunov I.V.

The First Churches in the Town of Tobolsk.....111

Бушуева Е.С.	
Нерчинская Успенская церковь: описание убранства алтаря начала XVIII века.....	116
Bushueva E.S.	
Nerchinsk Assumption Church: Description of the Altar Decoration of the Early 18 th Century.....	116
Воронина О.С., Литвинова О.Г.	
Картографические материалы С.У. Ремезова в процессе изучения градостроительного наследия сибирских городов.....	124
Voronina O.S., Litvinova O.G.	
Cartographic Materials of S.U. Remezov in Studying the Urban Heritage of Siberian Cities.....	124
Горохов С.В.	
Сведения из путевого дневника И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога.....	132
Gorokhov S.V.	
Data from I.G. Gmelin's Itinerary on the Chausky Ostrog Planigraphy.....	132
Данилов П.Г.	
Воскресенская церковь Тобольска в XVII — начале XVIII века.....	137
Danilov P.G.	
The Resurrection Church of Tobolsk in the 17 th — Early 18 th centuries.....	137
Дворецкая А.П.	
Восстановление церквей города Енисейска после пожара 1869 года.....	143
Dvoretzskaya A.P.	
Restoration of the Churches of the City of Yeniseysk after the Fire of 1869.....	143
Емельянова Т.Б.	
Завод-Сузун как горнозаводское поселение: особенности застройки и сохранения исторического наследия.....	149
Emelyanova T.B.	
The Suzun Plant as a Mining Community: Features of Development and Preservation of Historical Heritage.....	149
Загваздин Е.П.	
Новые данные об устройстве фортификаций Тобольского кремля (по материалам исследований 2006 года).....	153
Zagvazdin E.P.	
New Information about the Fortification Structure of Tobolsk Kremlin (Based on the Research in 2006)....	153
Козлова Г.С.	
Смысловая преемственность в архитектуре православного храма как фактор его эволюционной трансформации (на примере Чудотворской церкви в Иркутске).....	160
Kozlova G.S.	
Semantic Continuity in the Architecture of the Orthodox Church as a Factor of its Evolutionary Transformation (Shown on the Example of the Chudotvorskaya Church in Irkutsk).....	160
Липс С.А., Кардаш О.В.	
Архитектура оборонительно-жилых комплексов аборигенов Севера Западной Сибири VIII века до нашей эры — XVIII века нашей эры.....	173
Lips S.A., Kardash O.V.	
The Architecture of the Fortified Residential Complexes of the North of Western Siberia in the 8 th Century BC — 18 th Century AD.....	173
Помыткина В.Л.	
Спасский кафедральный собор города Тары — от рождения до возрождения.....	188
Pomytkina V.L.	
Spassky Cathedral of the City of Tara — From the Birth to the Rebirth.....	188

Тихонов С.С.

Планиграфические особенности сибирских городов конца XVI — начала XVII века (по материалам «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова).....195

Tikhonov S.S.

Planigraphic Features of Siberian Towns of the Late 16th — early 17th Centuries (on the Materials of *The Drawing Book of Siberia* by S.U. Remezov).....195

Царёв В.И., Царёв В.В.

Русские крепости в Центральной Сибири XVII—XVIII веков: архитектурно-планировочное формирование.....199

Tsarev V.I., Tsarev V.V.

Russian fortresses in the Central Siberia of the 17th—18th Centuries: Architectural and Planning Organization.....199

Шульга А.А., Шульга Д.П.

Особенности развития погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации (на примере могилы Кан Е в Северном Китае).....205

Shulga A.A., Shulga D.P.

Development Features of Funerary Architecture within the Intercultural Communication (Shown on Example of the Kang Ye Tomb in North China).....205

Шульга П.И., Шульга Д.П.

Сравнение погребальной архитектуры скифов предгорного Крыма с внутримогильными конструкциями ранних кочевников Сибири и Дальнего Востока (IV—III века до нашей эры).....210

Shulga P.I., Shulga D.P.

Comparison of the Scythians' Funerary Architecture of the Piedmont Crimea with Tombs of the Siberian and Far Eastern Early Nomads (4th—3rd Century BC).....210

Шульга Д.П.

К вопросу о становлении некоторых архитектурных типов в Северном Китае.....214

Shulga D.P.

The Study of the Formation of Some Architectural Types in the Northern China.....214

Сибирский город на рубеже XIX и XX веков: новые материалы

Siberian Town at the Turn of the 19th and 20th Century: New Materials

Богачева И.А.

Памятник истории и культуры «Двухэтажное каменное здание 1909 года в неорусском стиле, бывшая лавка Ермолаева, ныне краеведческий музей» в городе Гурьевске (Кемеровская область).....219

Bogacheva I.A.

Historical and Cultural Monument — a Two-Storey Stone Building of 1909 in the Neo-Russian Style (a Former Ermolaev's Shop, Nowadays — the Museum of Local History) in the Town of Gurievsk (Kemerovo Region).....219

Гонина Н.В.

Развитие пространственно-планировочной структуры Енисейска в XVII — начале XX века как отражение исторических процессов.....225

Gonina N.V.

Development of Spatial and Planning Structure of Yeniseisk in the 17th — the Beginning of the 20th Century as Reflection of Historical Processes.....225

Гончаренко Е.Б.

Томск начала XX века в рисунке М.М. Щеглова «Деревянная Сибирь».....230

Goncharenko E.B.

Tomsk in the Beginning of the 20th Century in the Drawing *Wooden Siberia* Made by M.M. Shcheglov.....230

Журин Н.П.	
Гужевой транспорт как активная составляющая крупного сибирского города начала XX века.....	234
Zhurin N.P.	
Cartage as an Active Component of a Large Siberian Town in the Early 20 th Century.....	234
Зарубина Н.А.	
Типология барочных наличников жилых деревянных домов Иркутска: обзор основных типов пятой, шестой и седьмой групп сандриков.....	238
Zarubina N.A.	
Typology of Baroque Window Casings of Irkutsk Wooden Houses: a Review of the Main Types of the 5 th , 6 th and 7 th Groups of Pediments.....	238
Курилов В.Н.	
Новосибирский собор во имя Святого благоверного Александра Невского в изобразительном искусстве.....	244
Kurilov V.N.	
Novosibirsk Saint Alexander Nevsky Cathedral in Fine Arts.....	244
Латышева К.Г.	
Эволюция архитектуры малых предприятий Енисейской губернии в XIX веке.....	266
Latysheva K.G.	
Development of the Architecture of Small Enterprises of the Yenisei Province in the 19 th Century.....	266
Минина Н.А.	
Новый взгляд на историю Новониколаевска и его место в урбанизационном процессе в России.....	277
Minina N.A.	
A Fresh Approach to the History of Novonikolayevsk and Its Place in the Urbanization Process in Russia....	277
Островский Л.К.	
Вклад поляков в развитие строительства и архитектуры Западной Сибири в конце XIX — начале XX века.....	282
Ostrovsky L.K.	
The Poles Contribution to Developing of Building Industry and Architecture in the West Siberia in the Late 19 th – Early 20 th Centuries.....	282
Полищук А.О.	
Казенный винный склад № 6 в городе Каинске (ныне Куйбышев).....	287
Polishchuk A.O.	
State Wine Warehouse No 6 in the Town of Kainsk (Kuibyshev).....	287
Поповский Д.И.	
К вопросу расположения старообрядческого молеельного дома в городе Новониколаевске.....	297
Popovskiy D.I.	
To the Question of the Location of the Old-Believers Prayer House in Novo-Nikolaevsk.....	297
Субботин О.С.	
Историко-градостроительная эволюция г. Новониколаевска (Новосибирска).....	305
Subbotin O.S.	
Historical and Town-Planning Evolution of Novonikolaevsk (Novosibirsk).....	305
Целищева М.А.	
«Магазин Второва» в Барнауле — памятник архитектуры конца XIX — начала XX века: история и современное использование.....	311
Tselishcheva M.A.	
Vtorov Storehouse as an Architectural Landmark of Barnaul of Late 19 th – early 20 th Century: History and Modern Use.....	311

Архитектурно-градостроительная практика советского времени в Сибири и на Дальнем Востоке
Architecture and Urban Planning of the Soviet Period in Siberia and the Far East of Russia

Богданова О.В.

Роль архитекторов в деле охраны памятников истории и культуры в Томске в 1920-е годы.....319

Bogdanova O.V.

The Role of Architects in Historical and Cultural Heritage Protection in Tomsk During the 1920s.....319

Казусь И.А.

Дома Промышленности в истории архитектуры Сибири 1920—1930-х годов.....323

Kazus I.A.

Houses of Industry in the history of Siberian architecture of 1920s — 1930s.....323

Косенкова Ю.Л.

Новые научные подходы к изучению архитектурно-градостроительного наследия советского периода.....339

Kosenkova Y.L.

New Scientific Approaches to the Study of Architectural and Town Planning Heritage in Soviet-era.....339

Кузеванов В.С.

Архитектурное сообщество и творческие проблемы новосибирских проектировщиков второй половины 1940-х — 1950-х годов.....343

Kuzevanov V.S.

Novosibirsk Architectural Community and Its Professional Challenges in the Second Half of the 1940s — 1950s.....343

Кузнецова Е.А.

Жилой поселок завода «Тяжстанкогидропресс» (Расточка) в Новосибирске.....349

Kuznetsova E.A.

Industrial Community Tyazhstankogidropress (Rastochka) in Novosibirsk.....349

Паршуков В.В.

Монументальная скульптура С.Р. Надольского в архитектуре общественных зданий Новосибирска в 1920-е годы.....355

Parshukov, V.V.

Monumental Sculpture of S.R. Nadolsky in the Public Buildings in Novosibirsk in the 1920s.....355

Слободчиков С.Ю., Харитонов Н.Г.

Опыт линейного градостроительства в Сибири на примере города Лесосибирска.....360

Slobodchikov S.Y., Kharitonova N.G.

Experience of a Linear Urban Planning in Siberia on the Example of the City of Lesosibirsk.....360

Целищева М.А.

«Средняя школа» 1930-х годов в Барнауле: история памятника архитектуры.....366

Tselishcheva M.A.

Secondary School Building of the 1930s in Barnaul: History of an Architectural Monument.....366

Исторический город и историческое поселение сегодня: проблемы и перспективы
Historical Places: Actual Problems and Future

Акчурина Н.С.

Особенности объемно-планировочной организации современных православных деревянных храмов и комплексов для малых населенных пунктов.....372

Akchurina N.S.

Features of the Planning Organization of Modern Wooden Orthodox Temples and Complexes for Small Settlements.....372

Баландина Т.С.	
«Прозрачные одежды» новосибирского концертного зала имени А.М. Каца и другие материалы в его отделке.....	376
Balandina T.S.	
Transparent Facades of Novosibirsk A.M. Kats Concert Hall and Other Finishing Materials	376
Бодрова А.А.	
Перспективы и проблемы Умревинского острога как музея под открытым небом.....	381
Bodrova A.A.	
Perspectives and Problems of the Umrevinsky Ostrog as an Open-Air Museum.....	381
Бородовский А.П., Бородовская Е.Л.	
Проблемы макетирования русских острогов из окрестностей города Новосибирска.....	384
Borodovskiy A.P., Borodovskaya E.L.	
Modeling Issues Related to the Russian Ostrogs near Novosibirsk.....	384
Бухвалова А.Ю., Клюкина А.И.	
История градостроительства города Тюмени и современные проблемы сохранения исторической планировки.....	394
Bukhvalova A.Y., Klukina A.I.	
The History of Urban Development of Tyumen and Contemporary Issues of Preserving the Historical City Plan.....	394
Кисельникова Д.Ю.	
Цитаты и аллюзии в архитектуре Новосибирска 1990—2010-х годов.....	401
Kiselnikova D.Y.	
Citation and Allusions in Novosibirsk Architecture of 1990s—2010s.....	401
Клюкин А.А., Клюкина А.И.	
Границы применимости доктрины нового урбанизма в российском градостроительстве.....	408
Kliukin A.A., Kliukina A.I.	
The Applicability of the Doctrine of New Urbanism in Russian Urban Planning.....	408
Маринич А.А.	
Иркутск как исторический город: проблемы и перспективы.....	412
Marinich A.A.	
Irkutsk as a Historical City: Problems and Prospects.....	412
Савельева Н.В.	
Подлинность, определяющий фактор ценности, на примере здания Новосибирского театра оперы и балета.....	416
Savelyeva N.V.	
Authenticity as a Key Factor of Significance of an Object of Cultural Heritage (Shown on the Example of <i>Novosibirsk Opera and Ballet Theater</i>).....	416
Скуднева М.В.	
Проблема сохранения историко-архитектурного наследия центра города Ялты.....	424
Skudneva M.V.	
The Problems of Preservation of Historical and Architectural Heritage of the City of Yalta Centre.....	424
Супонина Л.С.	
Собрание Алтайского государственного краеведческого музея как источник по изучению архитектуры города Барнаула.....	429
Suponina L.S.	
Collection of <i>Altai State Regional Studies Museum</i> as a Source of Architectural Research of the City of Barnaul.....	429

Символ и знак в историко-архитектурном наследии Сибири
The Symbol and the Sign in the Siberian Historical and Cultural Heritage

Березиков Н.А.

Севернорусские архитектурно-строительные приемы в жилом строительстве Ангаро-Енисейского бассейна в XVII веке: функции и символика.....437

Berezikov N.A.

North-Russian Architectural and Construction Techniques in the Residential Construction of the Angara-Yenisei Basin in the 17th century: Functions and Symbols.....437

Бурнаков В.А.

Тёсы — мистические охранители и покровители освоенного пространства в традиционной культуре хакасов (конец XIX — середина XX века).....443

Burnakov V.A.

Tös'es — Mystical Protectors and Patrons of the Developed Space in the Traditional Khakas Culture (the end of 19th — the middle of 20th century).....443

Голубкова О.В.

Строительные традиции у сибирских коми: актуализация и стратегии сохранения сакральных символов.....447

Golubkova O.V.

Construction Traditions of the Komi in Siberia: Actualization and Strategies for Preserving of Sacred Symbols.....447

Лыгденова В.В.

Символика буддийской ступы-Паринирваны на примере ступы-колокольчика у баргузинских бурят.....451

Lygdenova V.V.

Symbolics of the Buddhist Stupa Parinirvana on the Example of the Stupa-Bell of Barguzin Buryats.....451

Люцидарская А.А.

Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства.....457

Lutsidarskaya A.A.

Mills of the Siberian Region in the 17th Century as Signs of the Formation and Development of Flour Milling.....457

Майничева А.Ю.

Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими.....462

Mainicheva A.Y.

Architecture of Siberia: the Symbolic Familiarization of Space by the Russians.....462

Охотников А.Ю.

Исследования российско-немецкой сельской архитектуры: историографический обзор.....466

Okhotnikov A.Yu.

Studies of the Russian and German Rural Architecture: a Historiographical Overview.....466

Пермиловская А.Б.

Архитектурный декор как конструкция и символ в русском традиционном зодчестве.....470

Permilovskaya A.B.

Architectural Decor as a Design and Symbol in the Russian Traditional Architecture.....470

Светачева У.В.

Традиции домостроения белорусских переселенцев Минусинского округа по материалам этнографической экспедиции Минусинского музея им. Н.М. Мартыанова 2017 года.....477

Svetacheva U.V.

The Belarusian Housebuilding Traditions in Minusinsk District Researched by Ethnographic Expedition of Minusinsk Martyanov Museum in 2017.....477

Стрекалина Е.А.

Вопросы музеефикации административного историко-культурного наследия Иркутской области: волостные правления XIX века.....481

Strekalina E.A.

Questions of the Museumification of the Historical and Cultural heritage of Irkutsk oblast: Buildings of Regional Administrations of the 19th Century.....481

Тихонов В.В.

Поселения русских старожилов Иркутской губернии.....486

Tikhonov V.V.

Settlements of Russian Old-timers in Irkutsk Province.....486

Фурсова Е.Ф.

Творчество народного мастера В.А. Югова: сибирские образы (к 90-летию со дня рождения).....491

Fursova E.F.

Creativity of the National Master V.A. Yugov: Siberian Symbols (on the Occasion of his 90th Birthday).....491

Фурсова Е.Ф., Васеха М.В.

Русская баня в обрядовой жизни: по этнографическим материалам рукописи «О ветлужских банях, печах и о мытье в них» Д.А. Маркова.....499

Fursova E.F., Vasekha M.V.

Russian bath in the Ritual Life: According to the Ethnographic Materials of the Manuscript "About the ovens of Vetluzh District Bathhouses, the Baths and Washing in Them" by D.A. Markov.....499

Сибирь: архитектурная среда обитания в условиях глобализации и современных экологических проблем

Siberia: Architectural Environment in the Age of Globalization and Actual Ecological Problems

Ведмидь Г.П.

Этнокультурный подход к формированию архитектурно-пространственной среды (поиск метода творчества).....505

Vedmid G.P.

Ethnocultural Approach to the Forming of Architectural Environment (a Search for the Method of Creativity).....505

Иванова А.П.

Народная дальневосточная архитектура: наши субурбии.....511

Ivanova A.P.

Far Eastern Vernacular Architecture: the Suburbs.....511

Любимова Г.В.

Русские Сибиряки: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX — начала XX века.....518

Lyubimova G.V.

Siberian Russians: Problems of Ecological Adaptation of Agrarian Settlers in the Late 19th — Early 20th centuries.....518

Мальцева О.В.

Влияние среды обитания на организацию жизненного пространства народов северной части тихоокеанского побережья (Восток России).....523

Maltseva O.V.

Influence of Habitat on Living Space of the Eastern Russia (Far East) People.....523

Исследования молодых авторов
Young Researches Issues

Абакумова О.С.

Опыт археологической реконструкции сооружений сайгатинского этапа городка Эмдер.....532

Abakumova O.S.

An Attempt of Archaeological Reconstruction of the Constructions Of Saigatinsky Stage of the Town of Em der.....532

Атапин И.И.

Сибирские инженеры-строители на Урале: к истории свердловской группы Объединения современных архитекторов.....539

Atapin I.I.

Siberian Building Engineers in the Urals: To the History of the Sverdlovsk Group of OSA.....539

Бирюкова Т.В.

Интерьер дома-особняка гражданского инженера А.Д. Крячкова в городе Томске. К проблеме архитектуры модерна в Сибири.....545

Biryukova T.V.

The Interior of Civil Engineer A.D. Kryachkov's Mansion in the City of Tomsk. To the Problem of Art Nouveau Style in Architecture of Siberia.....545

Вальтеран Т.Л., Альсова О.С.

Модели трансформации исторических промышленных территорий на примере радиозавода «Вега» в городе Бердске Новосибирской области.....552

Valteran T.L., Alsova O.S.

Models of Transformation of Historical Industrial Territories Shown on the Example of Vega Radio Manufacturer in the Town of Berdsk (Novosibirsk Region).....552

Купич В.С., Гашенко А.Е.

Преемственное развитие застроенных территорий с повышением инвестиционной эффективности нового строительства.....559

Kupich V.S., Gashenko A.E.

Development of Built-Up Territories with High Investment Efficiency and Historical Context Surviving.....559

Лазарева Ю.П., Гашенко А.Е.

Развитие планировочной структуры Владивостока в аспекте транспортного планирования.....563

Lazareva Yu.P., Gashenko A.E.

Vladivostok Planning Structure Evolution in the Aspect of Transport Planning.....563

Леонтьева К.А.

История и архитектура кафедрального собора Александра Невского в городе Чите.....569

Leonteva K.A.

The History and Construction of Alexander Nevsky Cathedral in the City of Chita.....569

Ловчагина Е.С.

Развитие застроенных территорий 1960-х — первой половины 1970-х годов в городе Иркутске: сравнительный анализ вариантов.....579

Lovchagina E.S.

Development of Built-up Areas of the 1960s — the first half of 1970s in the City of Irkutsk: a Comparative Option Analysis.....579

Прибылева Е.А.

Реставрация памятников архитектуры в Иркутске во второй половине 1960-х — середине 1970-х годов.....586

Pribileva E.A.

Restoration of Architectural Monuments of Irkutsk in the Second Half of 1960s — the Middle of 1970s.....586

Рагино Г.Я., Явкина Ю.А.	
Адаптация объектов индустриального наследия (на примере предприятий товарищества «Сибирский мукомол»)	589
Ragino G.I., Yavkina Yu.A.	
Adaptation of Industrial Heritage Facilities (Shown on the Example of Enterprises of the Siberian Miller Company)	589
Романов П.И.	
Башни Умревинского острога по материалам письменных источников	598
Romanov P.I.	
Towers of the Umrevinsky Ostrog on Materials of Written Sources	598
Чередниченко Ж.М.	
Новокузнецк в 1920—1930-е годы в памятниках модернизма	601
Cherednichenko Zh.M.	
Novokuznetsk in the 1920s—1930s in the Monuments of Modernism	601
Город и судьба	
A Town of My Life	
Т.С. Баландина	
О городе Мариинске и его невольных жителях	607
T.S. Balandina	
About the Town of Mariinsk and Its Citizens	607
Список сокращений	611
List of Abbreviations	611
Сведения об авторах	615
The Authors' Information	615

**The Integral Ecology of HABITAT.
Opening Speech for the Participants of the *Balandin Reading*
Проблемы интегральной экологии в среде обитания.
Приветственное слово к участникам Баландинских чтений**

We are living in a changing world¹ and the pace of technological development is so fast that we can no longer control its progress. Our relationship with nature is changing too and urban lifestyles are taking entire generations away from nature. One could ask a legitimate question: how can we talk about climate change or environmental sustainability without understanding nature and peoples' relationship with it? The danger is in pursuing solutions to contemporary challenges remotely, through science only, using computers and mathematical diagrams without empirical experiences. Perhaps a combination of scientific approaches combined with traditional knowledge systems can bring long-term solutions. The existing developmental model of growth is no longer working; one-dimensional technological paradigms, consumer orientated lifestyles and a throwaway culture are not delivering genuine progress. More growth (without focusing on sustainable growth) is also not good for a planet that has a limited capacity. There are limits to growth.

What worked then is not working now. We need new solutions, new *enlightenment*. We need change. This is why I feel that the forthcoming conference in Novosibirsk organised by *The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences* in Novosibirsk, *Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts and Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning*, and focusing on an analysis of the cultural and ecological heritage of Siberia from the perspective of present and future needs is a precious opportunity for a dialogue on how to get the future development of Siberia right. How to embrace the *integral ecology* framework with an understanding that nature and people together form its unique ecosystem? How to shape developmental patterns that would make it viable for people to stay in their existing settlements? How best to stimulate socio-economic and cultural development that would enable the creation of jobs without mass migrations? How to implement policies that embrace cultural ecology and future thinking whilst meeting the social aspirations of the younger generation?

There are plenty of small scale individual examples of new developmental models emerging, particularly from Africa — but we lack regional examples. The sheer geographical size of the Siberian forests is such, that any deliberations could lead to the transformative and regional solutions that we are lacking. I encourage whole heartedly discussions on environmental, social and cultural ecology as well as circular economy patterns with integral ecology in mind. Sustainable and economically viable co-existence of forest' ecosystems with cities is of paramount importance. Globally,

Мы живем в меняющемся мире, темпы его технологического развития настолько быстры, что мы больше не можем контролировать этот процесс. Наши взаимоотношения с природой тоже меняются: из-за городского образа жизни целые поколения отдалены от природы. Поэтому вполне закономерен такой вопрос: можем ли мы исследовать проблемы изменения климата и устойчивого развития без понимания взаимоотношений природы и людей? Очень рискованно решать проблемы современности, используя только науку, компьютерное и математическое моделирование, и не прибегая к эмпирическому опыту. Возможно, решение кроется в сочетании научных подходов с системами традиционных знаний. Модель экономического роста больше не работает; не обеспечивают подлинного прогресса и одномерные технологические парадигмы, ориентация на потребительский образ жизни. Не подходит для планеты с ее ограниченными ресурсами и направленность на увеличение темпов роста, особенно при игнорировании проблемы устойчивого роста.

То, что работало раньше, теперь уже не срабатывает. Нам нужны новые решения и новые знания. Нам нужны изменения. Вот почему я считаю, что предстоящая конференция в Новосибирске, организованная Институтом археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Новосибирским государственным университетом архитектуры, дизайна и искусств и НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства и сосредоточенная на анализе культурного и экологического наследия Сибири с точки зрения настоящих и будущих потребностей, — это прекрасная возможность обсудить развитие Сибири в правильном направлении. Как использовать теоретический концепт «интегральной экологии», ориентирующий на понимание единства природы и человечества, образующих уникальную экосистему? Какими должны быть новые модели развития, чтобы люди могли без потерь продолжать жить на своих местах обитания? Как стимулировать социально-экономическое и культурное развитие, чтобы оно позволяло создавать рабочие места и не прибегать к массовой миграции? Каким образом соединить политику, направленную на культурную экологию, и заботу о будущем, с социальными устремлениями молодого поколения?

На сегодняшний день существует несколько разных примеров новых моделей развития, особенно много их в Африке, однако в целом география таких примеров неширока. Но огромные массивы сибирских лесов — это предмет тех дискуссий, которые могут привести к искомым нами решениям устойчивого развития. Я призываю серьезно обсуждать экологическую, социальную и культурную экологию, а также циклические модели экономики с учетом интегральной экологии. Значение для устойчивого развития имеет сосуществование лесных экосистем с городами. По всему миру города теряют связь с природой и производством продуктов питания, а по-

¹ This text is an introduction firstly to the special topic of the *Balandin Reading* named *Siberia and the Far East of Russia — Architectural Environment Facing the Globalization and Actual Ecological Problems*, which was a part of *HABITAT Event* program (more information at www.3ideasme.com).

expanding cities are losing their relationship with nature and food production and trying to re-gain a long-term vision for social cohesion in urban neighbourhoods is difficult.

Migrations, inclusivity and identity are some of the pressing challenges that cities and regions are trying to resolve across all continents and it might be that depicting some of the historic patterns and precedents will prove helpful. No one knows the Siberian context better than the participants of this conference, but it is framing your observations and recommendations within the existing globally recognised framework of the Agenda 2030 for Sustainable Development that will make a regional and global difference. Focusing on SDG 12: *Ensure sustainable consumption and production patterns* and SDG 15: *Protect, restore and promote sustainable use of terrestrial ecosystems, sustainably manage forests, combat desertification, and halt and reverse land degradation and halt biodiversity loss* will enable dissemination of your knowledge across the globe and serve as a tool for local authorities to turn your recommendations into policies and regional action plans.

I would like to thank in particular the HABITAT encyclopaedia Russian contributors especially Dr Anna Y. Mainicheva (one of the initiator of the event, Senior Research Fellow at *The Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences in Novosibirsk*); Dr Olga V. Maltseva (Research Fellow at *The Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*) and Dr Anna Permilovskaya (Chief Researcher of the *Russian Academy of Sciences Institute of Ecological Problems of the North in Arkhangelsk*)

I also would like to extend my sincere greetings to the organising committee, the HABITAT panel who focused on Russia, Siberia and the Far East — *Architectural Environment Facing the Globalization and Actual Ecological Problems* — and all who are taking part in this important dialogue.

With best wishes to the people of Siberia and to all participants, Doctor Sandra Piesik, architect and a general editor of *HABITAT: Vernacular Architecture for a Changing Planet*

пытки восстановить социальное согласие через территориальное соседство не имеют большого успеха.

Мобильность, инклюзивность и идентичность — это тот круг проблем, который города и регионы на всех континентах пытаются решить, некоторые из этих прецедентных моделей могут быть полезными и рассматриваться в качестве примера. Никто не знает сибирский контекст лучше, чем участники этой конференции, однако им следует формулировать свои наблюдения и рекомендации в рамках Повестки-2030 по устойчивому развитию, это введет региональные исследования в общемировой контекст. Прежде всего следует сосредоточить свое внимание на цели № 12 Программы устойчивого развития (SDG 12): обеспечение устойчивых моделей потребления и производства, и цели № 15: защита, восстановление и содействие устойчивому использованию наземных экосистем, устойчивое управление лесами, борьба с опустыниванием, а также уменьшение деградации почв и борьба с уменьшением биоразнообразия. Все это позволит распространить конкретные знания по Сибири в общемировом масштабе и послужит инструментом для местных органов власти, которые смогут использовать ваши рекомендации в своей деятельности и региональной повестке.

Я хотела бы поблагодарить авторов энциклопедии «HABITAT» из России, в частности, доктора наук, ведущего научного сотрудника ИАЭТ СО РАН Анну Юрьевну Майничеву (одного из организаторов конференции «Баландинские чтения»), кандидата наук, научного сотрудника ИАЭТ СО РАН Ольгу Владимировну Мальцеву, и доктора наук, главного научного сотрудника Института экологических проблем Севера РАН Анну Борисовну Пермиловскую.

Я выражаю искренние приветствия организационному комитету конференции, научному семинару «Сибирь и Дальний Восток: архитектурная среда обитания в условиях глобализации и современных экологических проблем», участники которого будут обсуждать общероссийский и региональный контекст проблемы архитектуры и глобализации, и всем, кто принимает участие в этом важном диалоге.

С наилучшими пожеланиями жителям Сибири и всем участникам конференции, доктор наук Сандра Пьесик, архитектор и генеральный редактор «HABITAT: народная архитектура для меняющейся планеты»

Sandra Piesik @ Robert Judycki

**Новые методы в изучении историко-
архитектурного наследия**

**The New Methods in Studying
the Historical and Architectural Heritage**

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10001
 УДК: 39+519.95+004.422+617.761.009.1+72.017

Н.А. Березиков
 Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
 warumbaum@gmail.com

Зарубежные окулографические исследования и возможность их использования в работах по изучению материальной культуры

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ №18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

В статье рассмотрены имеющиеся прикладные окулографические исследования последнего десятилетия. На их основе выявлены возможные направления применения окулографической технологии в области истории и антропологии архитектуры, исторической этнографии. Показано, что использование айтрекеров способно предоставить новое знание в сфере восприятия архитектурных ансамблей, ландшафтов, карт, музейных экспозиций, моделей архитектурных памятников, наглядных учебных материалов. Окулографические измерения могут понять, как мыслит архитектор, существенно расширив достижения антропологии архитектуры. Перспективой сопряжения архитектуры и этнографии с одной стороны и окулографической технологии с другой является развитие нейронаук. Последние ориентированы на создание искусственного интеллекта через понимание мозговой деятельности.

Ключевые слова: окулография, айтрекинг, историко-архитектурные исследования, историко-этнографические исследования, моделирование, ландшафтоведение

N.A. Berezikov
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
 warumbaum@gmail.com

Foreign Oculographic Studies and the Possibility of their Use in Learning of the Material Culture

Abstract

The article deals with applied oculographic studies of the last decade. On their basis, possible directions of application of oculographic technology in history and anthropology of architecture, historical ethnography are revealed. It is shown that the use of eye trackers can provide new knowledge in the sphere of perception of architectural ensembles, landscapes, maps, museum expositions, models of architectural monuments, educational materials. We can understand how an architect thinks based upon oculographic measurements, significantly expanding the achievements of anthropology of architecture. The development of neuroscience is the perspective conjugation of architecture and ethnography on the one hand and oculographic technology on the other. The neuroscience is focused on creating artificial intelligence through understanding cerebration.

Key words: oculography, eye tracking, historical and architectural research, historical and ethnographic research, modeling, landscape studies

Поиск современных информационных технологий для исследований, посвященных материальной культуре, необходим для улучшения их научно-технологического оснащения и вывода на качественно новый результативный уровень. Одной из таких технологий является окулография (айтрекинг) — группа методов, которые используют движение глаз человека в качестве данных для анализа (eye tracking, gaze tracking, oculography). Это направление появилось в конце XIX в. и сейчас испытывает ренес-

санс в связи с тем, что развитие техники позволило значительно усовершенствовать точность получаемых данных. С самого начала окулография стала областью междисциплинарного общения, включив работы инженеров, физиологов, медиков, психологов, биологов. Она остается такой по сей день, постоянно расширяя область применения: физика, антропология, психиатрия, информатика, менеджмент, маркетинг, дизайн, картография, архитектура, лингвистика, нейронаука. Наверное, скоро не останется

ни одной области научного познания, в которой не попытались бы использовать окулографические методы исследования.

Данная статья посвящена обзору англоязычной литературы по окулографии. Ставится задача выбрать те направления исследований, которые можно применить в работах по истории и антропологии архитектуры как части материальной культуры, что выполнено в отечественной историографии впервые. Для этого предпринят сплошной анализ баз данных Web of Science, Scopus, Jstor, Brill online и электронных каталогов библиотек Корнельского, Йельского, Гарвардского и Принстонского университетов. Стоит отметить наличие обзорных статей по окулографическим исследованиям, хотя среди них нет специально посвященных использованию окулографии в архитектуре. В частности, дан обзор применения окулографии в нейропсихологии [Araujo et. al., 2017], включая такие проблемы, как понимание поведения и принятия решений, пространственная ориентация, производительность труда, реакция на информацию на веб-сайтах, рекламу, а также эмоциональное и когнитивное воздействие различных факторов на сознание [Pora et. al., 2015]. Отдельный обзор посвящен проведенным исследованиям с применением окулографии во время общения людей, в том числе сопоставления данных айтрекеров с томографическими данными [Pfeiffer et. al., 2013]. Есть обзорные работы по приборам, которые используются для айтрекинга [Kar et. al., 2017]. Наконец, была подготовлена обзорная статья по эффективности методик окулографии в конкретных исследованиях [Lappi et. al., 2015].

Эти обзоры дают только самое общее представление об окулографических методах и междисциплинарном применении. Для детального анализа понадобилось изучение конкретных исследовательских работ. Рассмотрев несколько десятков исследований, мы сгруппировали их по тематическим блокам. Эти исследования показывают, что окулографию можно применить для характеристики когнитивных процессов у архитекторов во время их профессиональной подготовки и в процессе работы. Окулографию используют для представления навигационно-картографической информации и справочного аппарата в историко-архитектурных исследованиях. Кроме того, окулография открывает широкие возможности в познании того, как воспринимается человеком ландшафт и отдельные его элементы, в том числе реконструкции архитектурных сооружений. Также окулография может быть применена для анализа взаимодействия человека с новыми музейными технологиями, включая очки виртуальной реальности, голограммы, 3D-изображения и видеоряды.

На настоящий момент окулографические методики также используются для контроля над образовательным процессом в высшей школе. Отслеживание движения глаз во время образовательного процесса позволяет оценить освоенный материал и при необходимости скорректировать программу обучения. Особенно это касается таких областей образования, как строительство, в которых подготовка специалистов связана с безопасностью на зданиях и сооружениях. Хотя подобных исследований не проводилось на студентах-инженерах, архитекторах и строителях,

аналогичные исследования показывают, что этот пробел может быть восполнен [Winke et. al., 2013].

Существенным подспорьем для студентов, которым необходимо учить наизусть те или иные массивы данных (в строительстве это СНиПы, свойства материалов, инженерные формулы), также могут послужить окулографические исследования. В частности, существуют прикладные исследования о взаимосвязи памяти и движения глаз, в которых показано, как те или иные визуальные приемы подачи материалов активизируют внеречевые бессознательные способы запоминания [Hannula et. al., 2010; Jarodzka et. al., 2017].

На примере восприятия лингвистических конструкций показано, насколько важна структурная адаптация элементов в процессе когнитивного познания и заучивания наизусть [Tamaoka et. al., 2014].

Еще одно направление применения окулографического метода связано с деятельностью архитекторов и инженеров непосредственно на производственных площадках. Это направление можно рассматривать как часть антропологии архитектуры, т.е. проблематизации того, как мыслит и действует архитектор. При этом окулографические измерения предоставляют объективные данные об этих процессах. Среди конкретных исследований в этой области можно отметить измерение внимания строителей в производственной деятельности для фиксации распределения внимания, увеличения эффективности программ по безопасности труда и выявления работников с повышенным риском нарушения техники безопасности [Hasanzadeh et. al., 2017; Bhavsar et. al., 2017]. Существуют специализированные программные комплексы, которые записывают движение глаз разработчиков во время работы с целью улучшения результатов. Хотя эта программа использовалась на примере программистов, она может быть использована при оценке работ проектировщиков и архитекторов [Shaffer et. al., 2015].

С помощью различных методик по отслеживанию движения глаз исследуется то, как специалисты по инженерному проектированию взвешивают разные информационные стимулы для принятия решений. В рамках проведенной работы были выделены когнитивные модели, которыми руководствуются специалисты инженерного проектирования. Полученные результаты позволяют улучшить подготовку специалистов, а также поставить вопрос об использовании искусственного интеллекта при проектировании зданий и сооружений [Bi et. al., 2016]. С помощью методики окулографии было доказано, что предоставление технической информации в виде трехмерных моделей улучшает производительность работ в сравнении с двумерными изометрическими чертежами [Alruwaythi et. al., 2017].

Некоторые результаты по автоматическому созданию иллюстраций объемных объектов можно найти в смежных исследованиях, посвященных технологии обнаружения объектов [Pan et. al., 2017; Kim et. al., 2016; Kasproski et. al., 2017].

Анализ и улучшение восприятия картографической информации также стали возможными по результатам окулографических исследований. На большой группе исследуемых, которым предлагалось выполнить ряд задач по поиску на карте, было

показано, что спутниковые и гибридные карты требуют большей сосредоточенности внимания, и соответственно времени на обработку, в сравнении со схематичными картами. В этом исследовании также обращено внимание на чередование фокусного и периферийного зрения при выполнении участниками картографических заданий [Krejtz et. al., 2017]. Похожее исследование было проведено с целью выяснения минимального порога фокусировки взгляда, необходимого для обнаружения движущейся точки на карте. Было выяснено не только пороговое значение, но и даны рекомендации по визуальному размещению информации на картах с целью уменьшения временного порога и, как следствие, повышения удобочитаемости продукта [Krassanakis et. al., 2016]. Также выяснилось, что умело подобранный дизайн условных обозначений карт позволяет улучшить чтение карт, причем эта закономерность проявляется как на специалистах (в данном случае географов-почвоведов), так и на людях без специального образования в области картографии [Coltekin et. al., 2017].

Исследуются с помощью окулографов и трехмерные визуализации местности. Показано, что у пользователей действуют разные стратегии при восприятии двумерных и трехмерных представлений картографической информации. Соответственно, с помощью окулографических исследований можно давать рекомендации о том, в каких случаях надо использовать двумерные и трехмерные карты для улучшения восприятия информации [Popelka et. al., 2013].

Навигация в пространстве также стала предметом окулографических исследований. В частности, исследовали навигационные возможности указателей. Выяснилось, какая визуальная кодировка в путеводителях и в точках навигации позволила лучше ориентироваться на месте, подчеркивается преимущество текстовой информации над визуальной [Franke et. al., 2017]. Кроме того, провели исследования о том, какие предметы могут служить ориентирами более эффективно, а какие — менее. Для этого была высказана гипотеза о том, что продолжительность фиксации глаз на предмете отражает степень использования предметов в качестве ориентиров во время навигации. Показано, что с помощью окулографии можно давать предварительную оценку эффективности навигационной системы [Viaene et. al., 2016].

Наложение полученной с помощью окулографии информации об ориентировании по картам с восприятием фотографий местности позволило исследователям создать модели смыслообразования при контакте человека с реальностью. В частности, было предсказана реакция на визуальные эффекты, что может быть использовано при моделировании реконструкций праздников, исторических событий, исторического антуража, включая здания и сооружения [Muller et. al., 2012].

Серией окулографических исследований показана возможность оценки восприятия текста. В частности, изучалось влияние конкретных шрифтов на восприятие того или иного типа информации [Puskarevic et. al., 2016], а также зависимости расположения картинки (баннера) на разных частях страницы [Resnick et. al., 2014; Franken et. al., 2015]. Также было показано, что с помощью окулографических исследований возможна оценка степени из-

быточности текстовой информации на странице, которая превосходит когнитивные возможности человека. Соответственно, каждый текст можно расположить на шкале когнитивной нагрузки, которую он оказывает на читателя. Это же исследование показало, что текст воспринимается быстрее и легче, когда информация организована в слаженное повествование [Liu et. al., 2011].

Окулографический метод может быть применен для оценки восприятия более сложных объектов, чем просто шрифт на экране монитора. В частности, проводились исследования восприятия музейных экспонатов в экспозиционных павильонах. Результаты позволяли оценить наилучшее положение экспоната для обзора [Tamaki et. al., 2016].

Аналогично оценке восприятия текста и фотографии возможно проводить замеры показателей восприятия видеоряда. В частности, имеются исследования, посвященные влиянию цвета на движение глаз, выяснению визуальных функций, которые привлекают внимание, привлекательности цветовых решений видео. Для этих целей разработаны специальные методики обработки данных, полученных методом окулографии. В частности, использование дисперсии между положениями глаз наблюдателей, сопоставление показателей салиентности со средней амплитудой саккад и средней продолжительностью фиксации [Hamel et. al., 2015].

Серия интересных публикаций посвящена восприятию ландшафта с помощью окулографических исследований. Ученые исходят из того, что этим методом возможно лучше понять то, как люди воспринимают и наблюдают ландшафты. Причем окулография дает наиболее объективную картину. В частности, изучалось восприятие пейзажей родной для исследуемых местности [Dupont et. al., 2014]. Использование математического факторного анализа для интерпретации окулографических данных позволяет выстраивать модели и закономерности в визуальном восприятии ландшафта различными субъектами. Авторы отмечают практическую значимость таких работ для проектировщиков и дизайнеров [DeLucio et. al., 1996].

Аналогичный прикладной характер носит и исследование, посвященное рекреационным возможностям ландшафтов и их улучшению при использовании данных окулографии. В частности, испытуемые рассматривали пейзажи и отвечали на вопросы об удобстве местности для отдыха, а в это время окулографический аппарат записывал движение глаз. Кроме того, авторы исследования демонстрировали испытуемым старые фотографии этих мест и затем сравнивали, насколько изменился рекреационный потенциал места [Nordh et. al., 2013].

Кроме того, есть исследование о степени привлекательности фотографий, позволяющих сделать выбор в пользу того или иного места для отдыха. Работа показала, что с помощью окулографических исследований возможна оценка визуальных стимулов, которые привлекают внимание целевой аудитории. Окулография в этом плане представляет новый подход к пониманию привлекательности туристических образов для потенциальных туристов [Wang et. al., 2016]. Исследователи исходят из допущения, что визуальное воздействие объекта уменьшается вместе

с уменьшением времени фиксации. Для глубинной оценки применяется свойство салиентности, используемое в нейробиологических исследованиях. Оно позволяет давать надежные прогнозы того, что и как наблюдает человек и таким образом предсказывать, какие элементы в ландшафте привлекут внимание. Это позволит уже на этапе проектирования улучшать модели объектов. Отмечается также, что метод неравнозначен для городских и сельских ландшафтов [Dupont et. al., 2016].

Перспективной исследований, по всей видимости, станет прогнозирование внимания человека. Исследователи выявили, что выбор точек фиксации при визуальной разведке можно понять в значительной степени на основе ретинотопически структурированных моделей. Объяснение пространственно-временной структуры траекторий движения глаз потребует понимания пространственно-временных свойств процесса выбора объекта для обозрения. Но уже сейчас массив окулографических измерений позволяет исследовать точную временную зависимость движений глаз и таких действий, как нажатие кнопки [Konig et. al., 2016].

На пути к искусственному интеллекту исследователи пытаются обучить машины человеческим навыкам, связанным со зрением. Часть этих разработок имеют прикладной характер, например, делаются создать модели того, как человек воспроизводит на бумаге тот или иной объемный объект. Для создания таких моделей используют методы окулографии. В литературе описан работающий прототип устройства, позволяющего анализировать объемные предметы в ландшафтных комплексах и создавать иллюстрации [Herman et. al., 2017]. Другой прототип позволил считывать данные с объемных объектов в движении. Для этого было использовано знание о зрении хищных животных, данные о котором были получены с помощью методов окулографии [Song et. al., 2016].

Важным направлением в презентациях историко-архитектурных исследований является визуализация данных. Все чаще для этого используют очки виртуальной реальности. Методы окулографии позволяют улучшить технологию дополненной реальности, в том числе уменьшить помехи при перемещении наблюдателя, улучшить картинку при высоком рендеринге, убрать чувство подташнивания [Yoon et. al., 2017; Lee et. al., 2010]. Описывается устройство, с помощью которого удастся считывать движение глаз при работе с 3D-очками [Lin et. al., 2007]. В результате использования методов окулографии удалось значительно улучшить прототипы 3D-очков, изменяя показатели визуализированного рендеринга и адаптируя процесс синтеза изображений для пользователя [Roth et. al., 2017; Takemura et. al., 2014]. Благодаря углубленному пониманию механизмов человеческого зрения удается усовершенствовать оборудование для виртуальной демонстрации моделей историко-архитектурных памятников.

Рассмотренные работы показывают, что окулографические технологии могут быть применены к историко-архитектурным исследованиям, в том числе к этнографическому изучению материального наследия. Исследователям становятся доступны новые массивы данных. На их основе можно решать ши-

рокий спектр проблем, включая антропологию архитектуры, когнитивную нейропсихологию творчества архитекторов, механизмы восприятия графической и текстовой информации на плоскости и в пространстве. Отчетливо прослеживается прикладной характер окулографических исследований. В историко-архитектурных и этнографических исследованиях это ориентация на повышение эффективности восприятия реконструкций, моделей и иных видов представления информации. Сопровождая свои исследования результатами окулографических измерений, архитекторы и этнографы будут добиваться более наглядных иллюстраций и понимать механизмы и характерные черты визуального восприятия объектов.

Список литературы

1. Alruwaythi O.F., Sears M.H., Goodrum P.M. The impact of engineering information formats on craft worker eye gaze patterns // *Computing in civil engineering 2017: smart safety, sustainability, and resilience*. — London, 2017. — P. 9—16.
2. Araujo X.R., Puentes-Rivera I., Direito-Rebollar S. Eye Tracking: methodological and theoretical review // *Media and metamedia management*. — 2017. — Vol. 503. — P. 317—322. — DOI 10.1007/978-3-319-46068-0_41
3. Bhavsar P., Srinivasan B., Srinivasan R. Quantifying situation awareness of control room operators using eye-gaze behavior // *Computers & chemical engineering*. — 2017. — Vol. 106. — P. 191—201. — DOI 10.1016/j.compchemeng.2017.06.004
4. Bi Y.Y., Shergadwala M., Reid T., Panchal J.H. Understanding the utilization of information stimuli in design decision making using eye gaze data // *International design engineering technical conferences and computers and information in engineering conference*. Vol. 2a. — London, 2016. — P. 56—71.
5. Coltekin A., Brychtova A., Griffin A.L., Robinson A.C., Imhof M., Pettit C. Perceptual complexity of soil-landscape maps: a user evaluation of color organization in legend designs using eye tracking // *International journal of digital earth*. — 2017. — Vol. 10. — Is. 6. — P. 560—581. — DOI 10.1080/17538947.2016.1234007
6. DeLucio J.V., Mohamadian M., Ruiz J.P., Banayas J., Bernaldez F.G. Visual landscape exploration as revealed by eye movement tracking // *Landscape and urban planning*. — 1996. — Vol. 34. — Is. 2. — P. 135—142. — DOI 10.1016/0169-2046(95)00208-1
7. Dupont L., Antrop M., van Eetvelde V. Eye-tracking analysis in landscape perception research: influence of photograph properties and landscape characteristics // *Landscape research*. — 2014. — Vol. 39. — Is. 4. — P. 417—432. — DOI 10.1080/01426397.2013.773966
8. Dupont L., Ooms K., Antrop M., van Eetvelde V. Comparing saliency maps and eye-tracking focus maps: The potential use in visual impact assessment based on landscape photographs // *Landscape and urban planning*. — 2016. — Vol. 148. — P. 17—26. — DOI 10.1016/j.landurbplan.2015.12.007
9. Franke C., Schweikart J. Mental representation of landmarks on maps: Investigating cartographic visualization methods with eye tracking technology // *Spatial Cognition & Computation*.

- 2017. — Vol. 17. — Is. 1–2. — P. 20–38. — DOI 10.1080/13875868.2016.1219912
10. Franken G., Podlessek A., Mozina K. Eye-tracking study of reading speed from LCD displays: influence of type style and type size // *Journal of eye movement research*. — 2015. — Vol. 8. — Is. 1. — P. 1–16. — DOI 10.16910/jemr.8.1.3
11. Hamel S., Houzet D., Pellerin D., Guyader N. Does color influence eye movements while exploring videos? // *Journal of eye movement research*. — 2015. — Vol. 8. — Is. 1. — P. 1–10. — DOI 10.16910/jemr.8.1.4
12. Hannula D.E., Althoff R.R., Warren D.E., Riggs L., Cohen N.J., Ryan J.D. Worth a glance: using eye movements to investigate the cognitive neuroscience of memory // *Frontiers in human neuroscience*. — 2010. — Vol. 4. — P. 1–16. — DOI 10.3389/fnhum.2010.00166
13. Hasanzadeh S., Esmaeili B., Dodd M.D. Measuring the impacts of safety knowledge on construction workers' attentional allocation and hazard detection using remote eye-tracking technology // *Journal of management in engineering*. — 2017. — Vol. 33. — Is. 5. — P. 54–79. — DOI 10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000526
14. Herman L., Popelka S., Hejllova V. Eye-tracking analysis of interactive 3d geovisualization // *Journal of eye movement research*. — 2017. — Vol. 10. — Is. 3. — P. 1–13. — DOI 10.16910/jemr.10.3.2
15. Jarodzka H., Holmqvist K., Gruber H. Eye tracking in educational science: theoretical frameworks and research agendas // *Journal of eye movement research*. — 2017. — Vol. 10. — Is. 1. — P. 1–18. — DOI 10.16910/jemr.10.1.3
16. Kar A., Corcoran P. A review and analysis of eye-gaze estimation systems, algorithms and performance evaluation methods in consumer platforms // *IEEE Access*. — 2017. — Vol. 5. — P. 16495–16519. — DOI 10.1109/ACCESS.2017.2735633
17. Kasprowski P., Harezlak K. Gaze self-similarity plot — a new visualization technique // *Journal of eye movement research*. — 2017. — Vol. 10. — Is. 5. — P. 1–16. — DOI 10.16910/jemr.10.5.3
18. Kim S.T., Choi K.A., Shin Y.G., Kang M.C., Ko S.J. Remote eye-gaze tracking method robust to the device rotation // *Optical engineering*. — 2016. — Vol. 55. — Is. 8. — P. 83–108. — DOI 10.1117/1.OE.55.8.083108
19. Konig P., Wilming N., Kietzmann T.C., Ossandon J.P., Onat S., Ehinger B.V., Gameiro R.R., Kaspar K. Eye movements as a window to cognitive processes // *Journal of eye movement research*. — 2016. — Vol. 9. — Is. 5. — P. 1–9. — DOI 10.16910/jemr.9.5.3
20. Krassanakis V., Filippakopoulou V., Nakos B. Detection of moving point symbols on cartographic backgrounds // *Journal of eye movement research*. — 2016. — Vol. 9. — Is. 2. — P. 1–16. — DOI 10.16910/jemr.9.2.2
21. Krejtz K., Coltekin A., Duchowski A.T., Niedzielska A. Using coefficient k to distinguish ambient/focal visual attention during cartographic tasks // *Journal of eye movement research*. — 2017. — Vol. 10. — Is. 2. — P. 1–14. — DOI 10.16910/jemr.10.2.3
22. Lappi O. Eye tracking in the wild: the good, the bad and the ugly // *Journal of eye movement research*. — 2015. — Vol. 8. — Is. 5. — P. 1–21. — DOI 10.16910/jemr.8.5.1
23. Lee E.C., Woo J.C., Kim J.H., Whang M., Park K.R. A brain-computer interface method combined with eye tracking for 3D interaction // *Journal of neuroscience methods*. — 2010. — Vol. 190. — Is. 2. — P. 289–298. — DOI 10.1016/j.jneumeth.2010.05.008
24. Lin C.S., Ho C.W., Chan C.N., Chau C.R., Wu Y.C., Yeh M.S. An eye-tracking and head-control system using movement increment-coordinate method // *Optics and laser technology*. — 2007. — Vol. 39. — Is. 6. — P. 1218–1225. — DOI 10.1016/j.optlastec.2006.08.002
25. Liu H.C., Lai M.L., Chuang H.H. Using eye-tracking technology to investigate the redundant effect of multimedia web pages on viewers' cognitive processes // *Computers in human behavior*. — 2011. — Vol. 27. — Is. 6. — P. 2410–2417. — DOI 10.1016/j.chb.2011.06.012
26. Muller M.G., Kappas A., Olk B. Perceiving press photography: a new integrative model, combining iconology with psychophysiological and eye-tracking methods // *Visual communication*. — 2012. — Vol. 11. — Is. 3. — P. 307–328. — DOI 10.1177/1470357212446410
27. Nordh H., Hagerhall C.M., Holmqvist K. Tracking Restorative Components: Patterns in Eye Movements as a Consequence of a Restorative Rating Task // *Landscape research*. — 2013. — Vol. 38. — Is. 1. — P. 101–116. — DOI 10.1080/01426397.2012.691468
28. Pan F., Zhang H.M., Zeng Y., Tong L., Yan B. Object detection via eye tracking and fringe restraint // *Ninth international conference on digital image processing (ICDIP 2017)*. — Hong Kong, 2017. — DOI 10.1117/12.2282087
29. Pfeiffer U.J., Vogeley K., Schilbach L. From gaze cueing to dual eye-tracking: Novel approaches to investigate the neural correlates of gaze in social interaction // *Neuroscience and biobehavioral reviews*. — 2013. — Vol. 37. — Is. 10. — P. 2516–2528. — DOI 10.1016/j.neubiorev.2013.07.017
30. Popa L., Selejan O., Scott A., Muresanu D.F., Balea M., Rafila A. Reading beyond the glance: eye tracking in neurosciences // *Neurological sciences*. — 2015. — Vol. 36. — Is. 5. — P. 683–688. — DOI 10.1007/s10072-015-2076-6
31. Popelka S., Brychtova A. Eye-tracking study on different perception of 2D and 3D terrain visualization // *Cartographic journal*. — 2013. — Vol. 50. — Is. 3. — P. 240–246. — DOI 10.1179/1743277413Y.0000000058
32. Puskarevic I., Nedeljkovic U., Dimovski V., Mozina K. An eye tracking study of attention to print advertisements: Effects of typeface figuration // *Journal of eye movement research*. — 2016. — Vol. 9. — Is. 5. — P. 1–12. — DOI 10.16910/jemr.9.5.6
33. Resnick M., Albert W. The impact of advertising location and user task on the emergence of banner ad blindness: an eye-tracking study // *International journal of human-computer interaction*. — 2014. — Vol. 30. — Is. 3. — P. 206–219. — DOI 10.1080/10447318.2013.847762
34. Roth T., Weier M., Hinkenjann A., Li Y.M., Slusallek P. A quality-centered analysis of eye tracking data in foveated rendering // *Journal of eye movement research*. — 2017. — Vol. 10. — Is. 5. — P. 1–12. — DOI 10.16910/jemr.10.5.2
35. Shaffer T.R., Wise J.L., Walters B.M., Muller S.C., Falcone M., Sharif B. Itrace: enabling eye tracking on software artifacts within the ide to support software engineering tasks // *10th joint meeting of the European software engineering conference and the ACM sigsoft symposium on the foundations of software engineering*. — London, 2015. — P. 954–957. — DOI 10.1145/2786805.2803188

36. Song W., Minami M., Shen L.Y., Zhang Y.N. Bionic tracking method by hand & eye-vergence visual servoing // *Advances in Manufacturing*. — 2016. — Vol. 4. — Is. 2. — P. 157—166. — DOI 10.1007/s40436-016-0143-8
37. Takemura K., Yamakawa T., Takamatsu J., Ogasawara T. Estimation of a focused object using a corneal surface image for eye-based interaction // *Journal of eye movement research*. — 2014. — Vol. 7. — Is. 3. — P. 1—9. — DOI 10.16910/jemr.7.3.4
38. Tamaki H., Sakai T., Ota Y., Kusunoki F., Inagaki S., Egusa R., Sugimoto M., Mizoguchi H. Range image sensor based eye gaze estimation by using the relationship between the face and eye directions // *International journal on smart sensing and intelligent systems*. — 2016. — Vol. 9. — Is. 4. — P. 2297—2308. — DOI 10.21307/ijssis-2017-965
39. Tamaoka K., Asano M., Miyaoka Y., Yokosawa K. Pre- and post-head processing for single- and double-scrambled sentences of a head-final language as measured by the eye tracking method // *Journal of psycholinguistic research*. — 2014. — Vol. 43. — Is. 2. — P. 167—185. — DOI 10.1007/s10936-013-9244-8
40. Viaene P., Vansteenkiste P., Lenoir M., de Wulf A., de Maeyer P. Examining the validity of the total dwell time of eye fixations to identify landmarks in a building // *Journal of eye movement research*. — 2016. — Vol. 9. — Is. 3. — P. 1—11. — DOI 10.16910/jemr.9.3.4
41. Wang Y., Sparks B.A. An eye-tracking study of tourism photo stimuli: image characteristics and ethnicity // *Journal of travel research*. — 2016. — Vol. 55. — Is. 5. — P. 588—602. — DOI 10.1177/0047287514564598
42. Winke P., Gass S., Sydorenko T. Factors influencing the use of captions by foreign language learners: an eye-tracking study // *Modern language journal*. — 2013. — Vol. 97. — Is. 1. — P. 254—275. — DOI 10.1111/j.1540-4781.2013.01432.x
43. Yoon K.H., Kim S.K. Expansion method of the three-dimensional viewing freedom of autostereoscopic 3D display with dynamic merged viewing zone (MVZ) under eye tracking // *Conference on three-dimensional imaging, visualization, and display*. — Anaheim, 2017. — P. 11—117. — DOI 10.1117/12.2264905

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10002
УДК 7.017.412+72

В.А.Ворожейкина
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
saalha@mail.ru

Научный руководитель: доктор архитектуры А.В. Ефимов

Универсальная методика создания колористической карты города (на примере Новосибирска)

Аннотация

Проблема гармонизации колористической среды в настоящий момент стоит особо остро в Новосибирске с его резко континентальным климатом, сложной градостроительной структурой и уникальной культурой региона. Реставрационные работы и новые проектные решения зданий и архитектурных сооружений зачастую ведутся без учета природного окружения, цветовых предпочтений местных жителей и способствуют все большему колористическому хаосу. Автор предлагает методику создания колористической карты города, которая поможет гармонизировать существующую полихромью, сохранить первоначальные данные красочного покрытия и внедрять новые концептуальные решения. Было проведено натурное обследование нескольких фрагментов территории Новосибирска с последующей фотофиксацией и цветовыми замерами при помощи цветового веера NCS. При этом учитывался масштаб территории, количество объектов, находящихся на ней, расстояние от зрителя до объектов.

Ключевые слова: колористическая карта города, естественная цветовая система, градостроительный каркас, колористика города, Новосибирск

V.A. Vorozheykina
*Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)*
saalha@mail.ru
Scientific adviser is A.V. Efimov

The Universal Method of a City Coloristic Map Creating (Based on the Example of Novosibirsk)

Abstract

The problem of harmonization of the coloristic environment at the present time is especially pointedly in Novosibirsk, with its sharply continental climate, a complex town planning structure and a unique culture of the region. Restoration work and new design solutions of buildings and architectural structures are often conducted without taking into account the natural environment, the color preferences of local residents and contribute to the increasing coloristic chaos. The author suggests a method for creating a coloristic map of the city that will help harmonize the existing polychromy, preserve the original data of the paint coating and introduce new conceptual solutions. The on-site survey of several fragments of the territory of Novosibirsk was carried out, followed by photofixation and color measurements using the fan deck NCS. At the same time, the scale of the territory, the number of objects located on it, the distance from the viewer to the objects were taken into account.

Key words: coloristic map of the city, natural color system, a town planning frame, city coloristics, Novosibirsk

На становление колористики города влияет множество факторов, среди которых климатический фон региона, эволюция структуры города, движения пешеходных масс, колористическая культура жителей региона, а также развитие инновационных технологий. Об этом писали многие специалисты, например А.В. Ефимов [1990, с. 221], В.И. Наумова [1992, с. 4] и др. Для того чтобы определить, как сформировалась колористическая среда Новосибирска, необходимо рассмотреть эти факторы, поскольку город, как пишет А.А. Правоторова, «представляет собой

живой организм, пространственное образование, в котором все элементы связаны» [Правоторова, 2012, с. 211].

Рассмотрим Новосибирск через призму градостроительной структуры, климата и традиционной цветовой культуры по методу А.В. Ефимова.

Новосибирск — относительно молодой город (датой основания считается 1893 г.) со сложной, многоядерной градостроительной структурой, который с момента создания динамично растет и расширяется. Важной особенностью заселения территории явля-

ется расселение по правому и левому берегу р. Оби. Город считается промышленным со времен Великой Отечественной войны, когда за Урал было эвакуировано множество важных предприятий и заводов. Он формировался несколько хаотично, планировка была в некотором роде условной, строительству новых дорог и магистралей препятствовал недостаток бюджета. Сегодня в повседневной жизни Новосибирска мы наблюдаем последствия этого — пропускная способность улично-дорожной сети остается низкой. Функциональное разделение по-прежнему не упорядочено, деловые, промышленные и жилые зоны мелкодисперсно «раскиданы» по карте.

Градостроительная структура напрямую связана с представлениями о колористике, появляющимися у гостей города. Первое впечатление складывается, когда они передвигаются по транспортным артериям — магистралям и шоссе, поэтому «каркас» [Гутнов, 1984, с. 244] имеет очень важное значение для идентификации цвета. Первое впечатление о «колористическом портрете города» [Олешко, 2016, с. 336] основывается на передвижении по главным магистралям. В настоящий момент в Новосибирске особо остро стоит вопрос благоустройства «гостевого маршрута» от аэропорта Толмачево до приемной Президента РФ в Сибирском федеральном округе в центральной части города. Являясь «лицом города», участок протяженностью почти 20 км пестрит рекламными конструкциями, территория не благоустроена, отсутствуют какие-либо элементы городской навигации. Вопросами очищения маршрута от рекламных конструкций в настоящий момент занимается главный художник города И.Ю. Фаткин.

Следующим условием формирования колористики города [Ефимов, 1990, с. 221] является климат региона. От климатических особенностей зависит выбор красочного покрытия, колера, материалов для строительства. Последователь А.В. Ефимова В.Ж. Елизаров пишет об условиях, которые необходимы для учета климатических особенностей региона: сбор метеоданных, световой климат, состояние атмосферы, температурный режим, соотношение сезонов года, продолжительность залегания снежного покрова и обледенения водных бассейнов, другие особенности: влажность, запыленность и загрязнение атмосферы [Елизаров, 1992, с. 199]. В 1960-е гг. В.П. Борзот проводил подобные исследования в Новосибирске. Он определил, что количество света, характер пейзажного окружения и погодные условия влияют на формирование цветовых особенностей архитектуры [Борзот, 1962, с. 30]. Борзот опирался на влияние природно-климатических условий для выбора строительных материалов, учитывающих климатические особенности Новосибирска. Согласно данным гидрометцентра за 2017 г., средняя температура воздуха в Новосибирске зимой колеблется от -16 до -25°C, летом +16 до +20°C, что совпадает с данными за 1962 г. с небольшими отклонениями. Климат резко континентальный. Максимально зафиксированная температура — +42,1°C, минимальная — -51°C. В.П. Борзот впервые отметил проблему «серости» Новосибирска, но объяснил применение терразитовых штукатурок на сером цементе тем, что они являются наиболее подходящими для климата Новосибирска — наиболее долговечными. Стоит от-

метить, что автор не считал серый цвет «плохим», так как, окруженный другими цветами, он может быть заложен в основе колористической гармонии ансамбля.

Выбор колористики города зависит и от цветовых предпочтений местных жителей, устоявшейся культуры. В.Ж. Елизаров определил, что анализ традиций местной цветовой культуры состоит из следующих элементов:

- изучение палитры и влияние традиционных цветосочетаний в архитектуре (народное жилище, городская культура, памятники архитектуры), живописи, декоративно-прикладном искусстве и ремеслах;

- выявление основных принципов структурирования полихромии исследуемых объектов (взаимоотношение цвета и формы, акцентов и фоновых цветов);

- анализ исторической эволюции архитектурной полихромии и цветовой культуры региона, ее современных тенденций, а также ее территориальных ареалов;

- исследование символики цвета в культуре региона и ее роли в архитектурной полихромии.

Исследовать вопрос цветовых традиций в Новосибирске трудно, так как местной цветовой культуры города как таковой нет. Ценности были привнесены приезжими купцами, а затем архитекторами, деятелями культуры, в основном в годы Великой Отечественной войны. В Новосибирск были эвакуированы жители городов, находящихся на линии фронта, в том числе деятели искусства, и множество материальных ценностей. В городе проводились концерты и спектакли, в том числе с участием эвакуированных творческих коллективов, они проходили в клубе Сталина, Доме Ленина, Красном факеле, театре оперы и балета и на других площадках, а также устраивались выставки картин и скульптуры. Все это, несомненно, повлияло на жизненный уклад новосибирцев. Рассматривая сувенирные лавки Новосибирска, можно увидеть товары, которые традиционно продаются во многих городах России. Это сувениры с орнаментом в стиле гжель, хохлома, традиционные русские украшения из бересты, природные минералы.

С точки зрения архитектурной идентичности городская среда Новосибирска включает в себя совокупность объектов, возведенных в разные периоды времени. Первый исторический стиль, заметно использовавшийся в городе — рационалистический модерн, именно в этом стиле начинал работать в Новониколаевске архитектор А.Д. Крячков.

Историческое ядро города включает здания работы А.Д. Крячкова, Б.А. Гордеева, С.П. Тургенева, С.А. Шестова, Н.В. Никитина, М.А. Бурлакова и др. в стиле конструктивизма, благодаря которым нарком просвещения А. Луначарский назвал Новосибирск в своем очерке 1928 г. «Сиб-Чикаго». А.В. Ефимов пишет: «Здания конструктивистов не имеют цветовой обработки, пусть даже подчеркивающей конструктивную суть сооружения. Новая творческая установка отрицала использование цвета как средства, якобы не связанного с внутренней сущностью вещей. Кирпичные здания оштукатуривались и оставались серыми» [Ефимов, 1990, с. 63]. Полихромия Новосибирска 1920-х гг. же напоминала работы художни-

ков-конструктивистов А. Веснина, Л. Поповой.

Многие исследователи определяют архитектурную среду Новосибирска как советскую, так как большой скачок в темпах строительства и формирования облика города пришелся на советский период. Архитектурный облик Новосибирска периода СССР сконцентрировал все преимущества и недостатки стиливых поисков градостроителей послереволюционных лет. После распада СССР динамика темпов градостроительных мероприятий подчинилась процессам коммерциализации.

По сей день сохранилось лишь несколько исторических зданий, которые возводились в первые годы жизни города, главные улицы некоторых районов украшают здания эпохи сталинского ампира, спальные районы застроены типовыми жилыми и общественными строениями, имеются сооружения, построенные по инновационным технологиям, в том числе высотные, — все это отражается на субъективном восприятии зрителем города.

Многие специалисты в области архитектуры из Новосибирска отзываются о проблеме цвета города крайне негативно, утверждая, что организации цвета в нем нет. Кандидат архитектуры В.Г. Тихов считает, что уделять особое внимание колористической среде Новосибирска не стоит, так как нет никаких перспектив для изменения сложившейся ситуации [Интервью, 2018]. Это связано с несколькими причинами: во-первых, местный бюджет не позволяет приобретать дорогостоящие красочные покрытия, которые были бы достаточно долговечными в условиях сурового климата Сибири, во-вторых, процессы коммерциализации диктуют свои условия для строительства, которые не учитывают особенности настоящего портрета города. Но тем не менее новые заказы на формирование комфортной городской среды, на реставрационные работы то и дело появляются, что может подтвердить необходимость формирования колористической карты города, которая поможет разработчикам опираться на текущее состояние среды.

Для формирования графической карты колористики города необходимо определить территориальные рамки наиболее характерных его участков. Для достижения этой цели нами было рассмотрено несколько градостроительных и архитектурных концепций. Для структурирования городского пространства мы используем терминологию, предложенную А.Э. Гутновым: «каркас», «ткань», «плазма», на примере которых нами было рассмотрено зарождение полихромии в Новосибирске [Ворожейкина, 2018, с. 305].

Г.А. Садыгова провела анализ цвета архитектуры в городах Азербайджана. Карта одного из фрагментов исследуемой территории показывает, как в пространстве города распределяется цвет. Карта создавалась вручную на основе черно-белой фотографии градостроительного плана и выкрасок [Садыгова, 1984, с. 156, рис. 19]. Такой способ цветового анализа не учитывает многие элементы среды и визуальные коммуникации. Кроме того, заданный масштаб не позволяет рассмотреть архитектурные объекты, не говоря о рекламе, вывесках, лайтбоксах и т.п.

И.А. Добрицина среди различных по типологии ориентиров городской среды в первую очередь выделяет цвет. Она приводит достаточно подробную

классификацию графических элементов и дает развернутый анализ ориентационного потенциала территорий, структурировав их согласно концепции А.Э. Гутнова. Работа примечательна тем, что автор для натурного обследования выбранного участка города использует так называемую круговую панораму [Добрицина, 1985, с. 75, рис. 1.7]. Фотографии размещаются по кругу, образуя цельную картину. Существенным недостатком этой работы является использование лишь черно-белых фотографий.

Т.С. Семенова предлагает собственную графическую интерпретацию цветовой среды Москвы на основе комплексного натурного обследования города в разные времена года, включающего сравнение колористики не только фасадов зданий, но и малых форм архитектуры, транспорта, детских площадок и зелени. Автор различает наиболее постоянные объекты, такие как фасады зданий; динамичные — рекламу, детские площадки, транспорт; наиболее динамичные — оформление праздников, зелень на крышах и т.п. Книга Т.С. Семеновой «Цвет в городе» содержит круговые цветограммы, которые помогают осмыслить колористику города [Семенова, 2007, с. 30—31].

Если представить фрагменты колористического портрета в упрощенном виде и рассмотреть их по отдельности, можно наиболее точно определить цветовую палитру и провести ее комплексный анализ. В этом нам помогут разработки А.В. Ефимова. В своем курсе «Колористика» он предлагает комплекс упражнений «Колористический анализ произведения живописи», с помощью которого любое полотно художника можно представить как композицию цветовых пятен. Произведение с той или иной степенью обобщения представляется в виде пятен локальных цветов [Ефимов, 2014, с. 598]. Мы используем этот прием для представления круговой панорамы каркасного узла города.

Важным моментом натурного обследования колористики объектов является точная фиксация цвета с целью последующего анализа. Фотография не может точно передать параметры цвета объекта, что в дальнейшем может ввести в заблуждение исследователей.

Для объективного описания колористики в мире используются различные цветовые системы, на основании которых созданы цветовые каталоги. Преподаватель колористики в Высшей школе декоративных искусств в Париже Ж.-Ф. Ланкло для точной фиксации цвета использует систему «NCS» (естественная цветовая система) [Lenclos, Lenclos, 1999, p. 45]. В ней учитываются параметры цветового тона, светлоты, насыщенности и чистоты цвета. Ланкло провел натурные обследования многих городов мира при помощи системы «NCS». Он фиксировал цвет зданий и сооружений, фрагменты отделки, штукатурки и элементы природного окружения. В результате им были предложены обобщенные цветовые палитры многих городов мира.

На основании вышеизложенного нами разработана методика формирования колористической карты города. В качестве важных элементов градостроительной структуры мы рассматриваем узлы градостроительного каркаса. А.А. Правоторова выделяет узлы каркаса города первого, второго и третьего по-

рядка [Правоторова, 2012, с. 211]. Для получения целостного представления о колористической среде города необходимо рассмотреть каркасные узлы трех порядков в центральной части города, в его срединной зоне и на периферии. Количество узлов определяется масштабом города. Для достижения более точного результата должны рассматриваться не только узловые участки, но и линии, которые образуются между узлами, т.е. пространство улиц.

Для получения наглядного представления колористики выбранного участка необходима фото-съемка со штатива с центральной точки узла (ил. 1). Расстояние до объектов должно быть примерно одинаковым, с разницей в 10—20 м. Здания должны находиться в поле зрения на расстоянии 200—250 м, чтобы их детали были хорошо различимы (ил. 2). Чтобы показать непрерывность пространства, панорама замыкается в круг (ил. 3). Радиальная панорама моделируется в программе Adobe Photoshop, впоследствии на ее основе создается обобщенная цветовая диаграмма. Круг выбран потому, что А.Э. Гутнов, говоря о каркасных узлах, имел в виду пересечение транспортных путей, которые и образуют радиальное пространство. Схематичное изображение должно включать в себя здания, дорожное покрытие, малые формы архитектуры, павильоны, остановки, элементы рекламы и навигации (ил. 4). Съемку рекомендуется проводить весной или осенью, когда зелень не препятствует обзору.

Цвет наиболее статичных элементов каркасного узла — зданий — фиксируется при помощи каталога «NCS» (ил. 4).

1. Театр оперы и балета: NCS S 2010–Y40R.
2. Жилой дом (ул. Орджоникидзе, 27): NCS S 4005–Y20R.
3. Жилой дом (ул. Депутатская, 38): NCS S 6005–Y20R.
4. Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств: NCS S 5500–N.
5. Мэрия: NCS S 6500–N.
6. «Деловой дом»: NCS S 7005–G50Y.
7. Краеведческий музей: NCS S 5030–Y70R.
8. Жилой дом с коммерческими функциями (ул. Орджоникидзе, 23): NCS S 0520–R80B.
9. Госбанк: NCS S 3560–Y70R.
10. Здание Сибкрайсоюза: NCS S 4005–R80B.
11. Административное здание (ул. Орджоникидзе, 18): NCS S 3560–R80B.

Натурное обследование одного и того же узла проходит при разных погодных условиях в светлое время суток, в пасмурную погоду и в солнечный день. Полученный колористический портрет каркасного узла демонстрирует цветовые особенности заданного фрагмента. Для наглядного представления о колорите города необходимо прежде всего исследовать подобным образом ряд узлов градостроительного каркаса.

Поскольку эта работа достаточно масштабная, мы рассмотрим несколько узлов центрального района Новосибирска. По картографическим данным, в центральной части города находится девять крупных узлов: Пл. Калинина; ул. Кропоткина на пересечении с Красным пр.; ул. Писарева на пересечении с Красным пр.; ул. Фрунзе на пересечении с Красным пр.; ул. Гоголя на пересечении с Красным пр.; пл.

Лунинецв; ул. Максима Горького на пересечении с Красным пр.; пл. Гарина-Михайловского; пл. Ленина (ил. 5).

В ходе натурного обследования был получен следующий результат:

1. Пл. Калинина: количество функционально активных объектов (видимые фасады в радиусе 200—250 м): 7 зданий, 2 павильона, 5 киосков. Колористический портрет: светло-серый, ахроматический в большей степени, преобладает охристый серый, в небольшом количестве светло-коричневый, кирпичный. Цветовая гамма ахроматическая, оттенки серого теплого и холодного, от светлого до темно-серого. Фасады зданий уровня первого этажа пестрят рекламой.

2. Ул. Кропоткина: 4 здания, 1 павильон, 2 киоска. Колорит: светло-серый, в основном ахроматический, в небольшом количестве присутствуют красный, сочетание красно-оранжевого и серого цвета. Цветовую характеристику данного узла можно обозначить как ахроматическую, присутствуют оттенки серого теплого и холодного, от светлого до темно-серого. Здания второго уровня светло-зеленого и оранжевого цвета видны с узловой точки и также влияют на общую палитру.

3. Ул. Писарева: 8 зданий, 6 киосков. Колорит: охристо-серый, красный, желтый, бежевый, бордовый, желто-оранжевый. Преобладают оттенки теплого цвета. Присутствуют контрасты по тону: бежевый светлый, темно-красный.

4. Ул. Гоголя: 8 зданий, 2 киоска, 1 павильон. Колорит: охристый светлый, светло-коричневый, красный, бордовый, серый, охристый, светло-красный. Цветовую палитру данного узла можно обозначить как красно-розовую с включением охристых оттенков. Цветовые контрасты по цветовому тону и по светлоте: темно-красный, светло-желтый.

5. Ул. Фрунзе: 5 зданий, 2 киоска. 1 павильон. Колорит каркасного узла: охристый светлый, светло-коричневый, красный, серый, желтый. Полихромии узла можно обозначить как желтую, бежевую, с красными акцентами. Определяются контрасты по цветовым тонам: желтый, светло-желтый.

6. Пл. Ленина: 11 зданий, 1 киоск. Колорит: охристый светлый, красный, серый, зеленый, белый, голубой. Присутствует теплая охристая гамма с контрастными пятнами красного и темно-серого цвета. Присутствуют цветовые контрасты по цветовому тону и по цвету, по тепло-холодности. Колористический портрет узла включает в себя практически все оттенки спектральных цветов, красный, зеленый, синий, оранжевый, желтый.

7. Ул. Максима Горького: 7 зданий, 2 киоска, 1 павильон. Колорит узла: охристый светлый, коричневый, серый, голубой. Здания имеют колористику светло-голубого и охристых цветов. Цветовые контрасты по цветовому тону и по светлоте, а также по тепло-холодности.

8. Пл. Лунинецв: 8 зданий, 2 киоска. Составные цвета колористического портрета: охристый светлый, светло-коричневый, красно-оранжевый светлый, зеленый, синий. Преобладают ахроматические оттенки. Цветовые контрасты по цветовому тону и по цвету: темно-красный, светло-желтый, зеленый.

9. Пл. Гарина-Михайловского: 9 зданий, 12 киос-

сков, 2 павильона. Колорит места: охристый светлый, светло-оранжевый, бордовый в небольшом количестве, темно-серый, бирюзовый. Больше всего внимания привлекает здание вокзала, выкрашенное в оттенки бирюзового цвета. Здание неоднократно перекрашивалось, но по своей протяженности привлекает внимание зрителя и в первую очередь обзревается идущими от пл. Ленина.

В ходе натурного обследования было выявлено различие колористического портрета узлов первого порядка. Ядро города (узел градостроительного каркаса — пл. Ленина) включает здания, имеющие высокую функциональную насыщенность. Большинство объектов являются учреждениями различного назначения: Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, Госбанк России, мэрия и др., первые этажи жилых домов отведены для магазинов или банков.

Больше всего колористически внимание зрителя привлекает здание Госбанка, выполненное в стиле минималистичной архитектуры конструктивизма. Спектрально красный цвет здания играет важную роль и запоминается как ориентир. Здание Торгового корпуса имеет яркий колорит, свойственный рационалистическому модерну, сочетание красного и зеленого привлекает внимание и выступает активным пятном на цветовой диаграмме. Вместе с тем серо-бежевое здание театра оперы и балета, считающееся брендом Новосибирска, теряется в окружающем монохромном контексте жилых домов, особенно в зимнее время, когда отсутствует зелень и цветочные клумбы на прилегающей к театру аллее. Дом, построенный по проекту архитектора М. Колесникова (ул. Орджоникидзе, 23), удачно вписывается в колорит узла и «освежает» пространство бело-зеленой холодной цветовой гаммой.

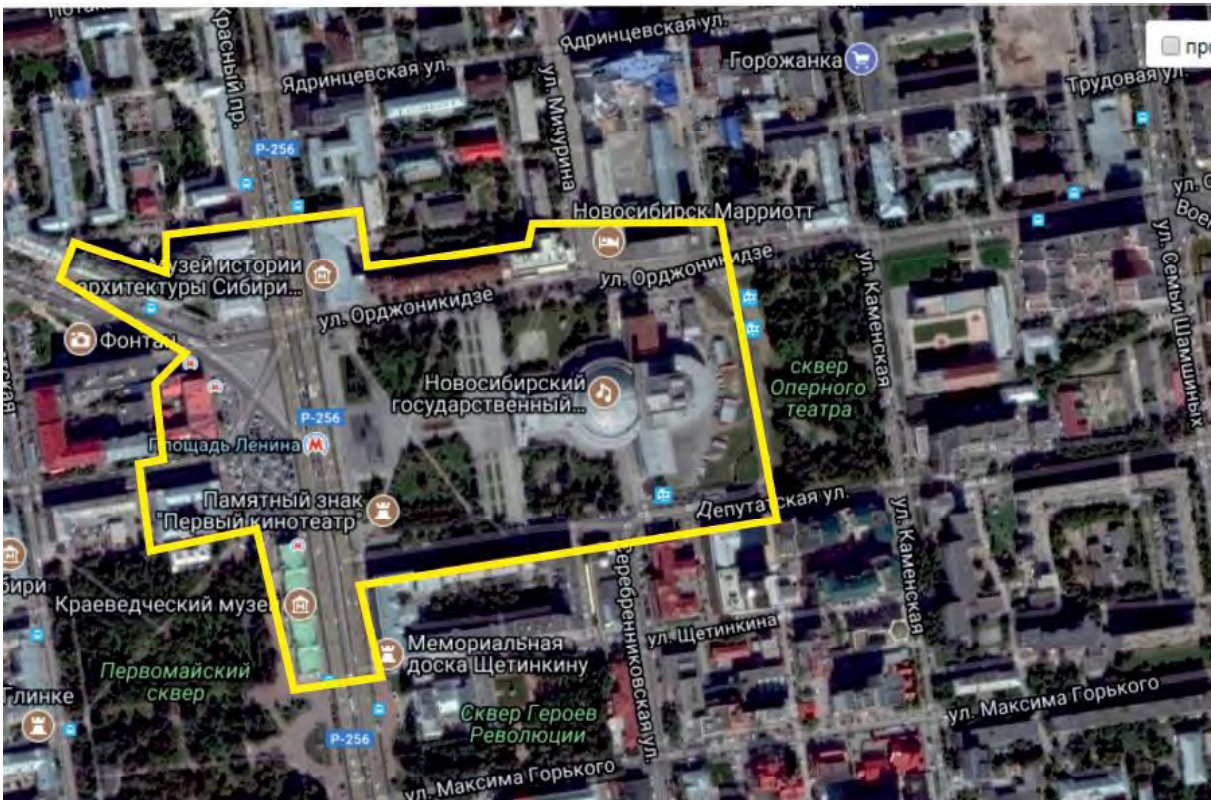
Колорит каркасных узлов ул. Фрунзе, Гоголя и Писарева определяется как монохромный охристый. Фрагменты ул. Максима Горького, Кропоткина и пл. Калинина в большей степени монохромные с преобладанием серого цвета. Пл. Гарина-Михайловского, Луначев и Ленина на схеме выглядят полихромными. В связи с тем, что данные узлы не имеют своей выраженной колористической индивидуальности и похожи друг на друга, можно сделать вывод, что колорит узла определяется близостью к ядру города и функциональной насыщенностью зданий.

Полученный колористический портрет фрагмента города в виде цветковых диаграмм с точной фиксацией цвета послужит основой для дальнейшего анализа колористической среды. А.В. Ефимов пишет: «Колористика города фиксируется тремя данными: структурой — связями и конструкцией цветковых масс, хроматическим содержанием — цветовой палитрой, динамикой — мерой подвижности структуры и ее хроматического содержания в пространстве и времени» [Ефимов, 1990, с. 236]. То есть, чтобы определить особенности колористики любого города, необходимо знать его градостроительную структуру, определить цветовую палитру и учитывать изменчивость ее «ткани» и «плазмы». Зная то, как сформировалась колористическая среда, имея точные сведения о цвете красочного покрытия каждого здания, предоставив эти данные главному художнику города, мы сможем упростить работу реставрато-

рам, дизайнерам, архитекторам — всем, кто вносит изменения в колористику города.

Список литературы

1. Борзот В.П. О композиции цвета в архитектуре городов Сибири (Новосибирск, Барнаул, Ангарск): дис.... канд. архитектуры. — Новосибирск, 1962. — 149 с.
2. Ворожейкина В.А. Эволюция колористической среды Новосибирска (на примере исторического ядра) // *Architecture and Modern Information Technologies*. — 2018. — № 1 (42). — С. 305—316 [Электронный ресурс]. — URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/1kvart18/22_vorozheykina/index.php
3. Гутнов А.Э. Эволюция градостроительства. — М.: Стройиздат, 1984. — 156 с.
4. Добрицына И.А. Средовые аспекты формирования систем визуальной коммуникации для города // *Тр. Всерос. науч.-исслед. ин-та техн. эстетики. Сер. Техническая эстетика, Дизайн и город*. — 1988. — № 57. — С. 75—92.
5. Елизаров В.Ж. Региональные факторы формирования колористики города // *Колористика города: материалы Междунар. семинара*. — М.: [б. и.], 1990. — Т. II. — С. 260—270.
6. Ефимов А.В. Колористика города. — М.: Стройиздат, 1990. — 272 с.
7. Ефимов А.В. Цвет + Форма. Искусство 20—21 веков. Живопись. Скульптура. Инсталляция. Лэнд-арт. Дигитал-арт. — М.: БуксМАрт, 2014. — 616 с.
8. Интервью с кандидатом архитектуры В.Г. Тиховым. Из личного архива автора
9. Наумова В.И. Методика цветовой организации городской среды (на примере промышленных городов Прииртышья): автореф. дис. ... канд. архитектуры. — М., 1992. — 24 с.
10. Олешко В.А. Генезис понятия «колористический портрет города» // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда // Вестн. Моск. худ.-пром. акад. им. С.Г. Строганова*. — 2016. — № 4. — С. 336—342.
11. Правоторова А.А. Социально-культурные основы архитектурного проектирования: учеб. пособие. — СПб.: Лань, 2012. — 320 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://e.lanbook.com/book/4235>.
12. Садыкова Г.А. Цвет в архитектуре городов Азербайджана: дис. ... канд. архитектуры. — М., 1984. — 175 с.
13. Семенова Т.С. Цвет в городе. — М.: Tikkurila Paints Oy, 2007. — 120 с.
14. Lenclos J.-Ph., Lenclos D. *Couleurs du monde*. — Paris: Le Moniteur, 1999. — 203 p.

Ил. 1. Фрагмент плана г. Новосибирска, для которого была выполнена съемка (www.google.ru/maps)

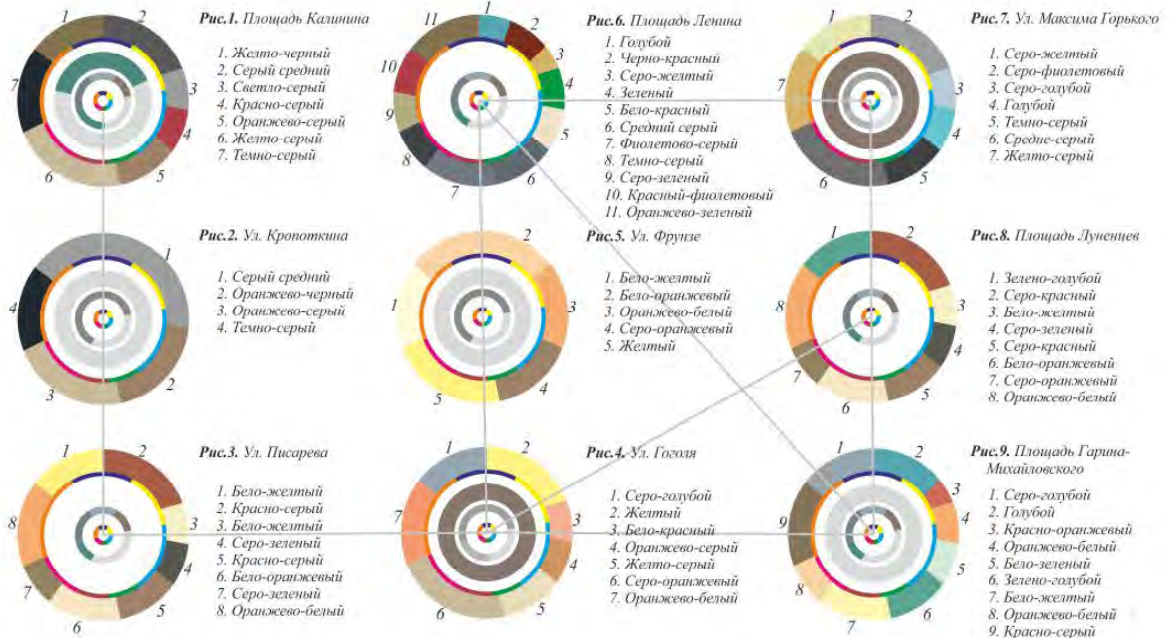
Ил. 2. Панорама пл. Ленина. Снимок В.А. Ворожейкиной, 17.03.17

Ил. 3. Радиальная панорама пл. Ленина. Снимок В.А. Ворожейкиной с последующей доработкой, 17.03.17

Ил. 4. Графическая интерпретация фотографий

Ил. 5. Колористическая модель фрагмента города

Ю.Н. Гаркуша
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
garkusha@archaeology.nsc.ru

Архитектура поселений коренного населения Севера Западной Сибири: дендрохронологический аспект

Аннотация

Как известно, метод дендрохронологии при изучении архитектурных объектов позволяет получать не только объективные даты их возникновения, но и решать более широкий круг вопросов. Среди таковых — восстановление строительной истории отдельного строения и населенного места в целом, реконструкции различных аспектов деревообработки и строительного дела. Среди археологических поселенческих комплексов Севера Западной Сибири выделяется ряд памятников с мерзлым культурным слоем. Его наличие обеспечило значительную сохранность их архитектуры. На примере ряда памятников, оставленных коренным населением, рассматривается, насколько полно используется метод дендрохронологии для решения вопросов истории традиционного домостроения коренного населения региона. Привлечены материалы Надымского и Полуевского мысового городков, городищ Бухта Находка и Усть-Войкарское. Установлено, что введенные в научный оборот результаты дендроанализа не систематизированы. Как правило, учитываются только образцы, прошедшие процедуру датирования. Также выборочно присутствует информация о дифференциации дендрообразцов из отдельных построек по породам, о местах отбора образцов, о сезоне лесозаготовок, и т.д. Ограничение информации делает реконструкцию строительной истории неполной. Игнорирование архитектурного контекста приводит к некорректным выводам о хронологии памятников.

Ключевые слова: дендрохронология, археология, Север Западной Сибири, Надымский городок, Полуевский мысовой городок, городище Бухта Находка, Городище Усть-Войкарское

Yu.N. Garkusha
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
garkusha@archaeology.nsc.ru

Architecture of the Settlements of the Native Population of the North of Western Siberia: Research by Tree-ring Analysis

Abstract

The tree-ring analysis is known to be effective while researching architectural objects for revealing not only their objective dates of origin but also a wide range of information. For example, it can reconstruct history of a building or a whole settlement, different aspects of woodworking and construction process. Monuments with a frozen cultural layer have a special place among the archeological settlements of the North of Western Siberia. Frozen components provided good preservation of the architectural objects in the settlements. The article deals with the way how the tree-ring analysis can be fully used for investigating of the history of traditional housing of the native population of the region. The work is based on a list of historical monuments which survived till nowadays — Nadymsky, Poluysky cusp, Bukhta Nakhodka and Ust-Voikarskoe settlements. It is revealed that published results of the tree-ring analysis for these historical places are not systemized. The researches usually analyze only such samples which have certain dates. In some works there is a few information about wood species, sampling points, timber harvesting time, etc. Such incomplete information doesn't allow to reconstruct a whole history of settlement building. Ignoring of architectural context makes the conclusions about historical monuments chronology incorrect.

Key words: dendrochronology, archeology, the North of Western Siberia, Nadymsky settlement, Poluysky cusp settlement, Bukhta Nakhodka settlement, Ust-Voikarskoe settlement

В ходе археологических исследований на Севере Западной Сибири в последние десятилетия был открыт ряд уникальных поселенческих комплексов, которые демонстрируют широкие возможности для практически всестороннего изучения различных сфер деятельности коренного населения региона. Своеобразие данной группы памятников — наличие в их структуре мерзлого культурного слоя — по-

зволило обеспечить высокую степень сохранности предметов из органических материалов. В полной мере это сказалось на состоянии деревянной архитектуры, представленной руинами строений различной конструкции и назначения, образующими крупные архитектурно-планировочные комплексы. Это позволило учитывать всю совокупность технологических приемов, используемых в деревянном строительстве, которые, как правило, недоступны в отсутствие фактора мерзлоты либо других специфических условий, обеспечивающих хорошую сохранность органики. Информация такого рода востребована для реконструкции традиционного домостроения. В таких условиях естественным образом встал вопрос о задействовании в исследованиях дендрохронологического анализа.

Наиболее активно метод дендрохронологии применялся при комплексных исследованиях таких средневековых поселенческих памятников на севере Западной Сибири, как Надымский, Полуйский мысовой городки, городища Бухта Находка и Усть-Войкарское. На базе данных археологических памятников были сформированы значительные в количественном отношении коллекции дендробразцов строительной древесины.

Основной задачей применения дендрохронологического метода в изучении археологических и исторических архитектурных объектов, как правило, является установление календарного времени их сооружения. Однако дендроанализ позволяет решать более широкий круг вопросов, связанных со строительной историей и отдельных строений и населенных мест в целом, а также внести значимый вклад в реконструкцию различных аспектов деревообработки и строительного дела. [Черных, Сергеева, 1997, с. 109].

Изучение Надымского городка положило начало долговременным стационарным исследованиям поселений аборигенного населения Севера Западной Сибири. Итоги первых дендрохронологических изысканий на памятнике были представлены их автором, В.М. Горячевым, в серии статей [Горячев и др., 2002; Горячев, 2003]. Основные результаты, изложенные в данных публикациях, с некоторыми корректировками и дополнениями были воспроизведены в обобщающем исследовании, посвященном результатам комплексного археологического исследования данного уникального памятника [Кардаш, 2009, с. 33—34, 61, 358—359].

На первом этапе для дендроанализа было отобрано около 1300 образцов археологической древесины, принадлежащих к «верхнему слою городища» [Горячев, 2003; Кардаш, 2009, с. 7, 27]. При этом определенная их часть не была четко привязана к «культурным» слоям, а происходила из обнажений в разрушающейся части памятника [Горячев и др., 2002, с. 22; Кардаш, 2005, с. 32]. Из полученных образцов оказались пригодными для датирования около 600; календарные даты были получены только для около 300. Выводы исследователей были основаны главным образом на анализе датированных остатков древесины, что составило около 20% от общего объема выборки [Кардаш, 2009, с. 33].

В ходе дендроанализа было выделено несколько временных интервалов на протяжении от первой половины X до первой четверти XVIII в., к кото-

рым тяготели группы датированных дендробразцов. Данные интервалы определены как периоды строительной активности на поселении [Горячев и др., 2002, с. 23]. Соотнесение периода, на который приходится наибольшее количество датированной древесины, и архитектурно-планировочного контекста их происхождения привело к выводу, что «верхний» культурный слой, характеризующий поздний этап функционирования укрепленного поселения, относится к концу XVI — первой трети XVIII в. [Кардаш, 2009, с. 27].

Для этого интервала была определена периодичность проведения наиболее радикальных перестроек и промежуточных ремонтов (35—40 и около 20 лет, соответственно); установлено время появления нового типа очажных устройств (чувалов) и освоение поселенцами срубной техники строительства (середина XVII в.) [Кардаш, 2009, с. 50, 54, 62].

На основании группы образцов, дендродаты которых приходятся на начало II тыс. н. э., время основания городка было отнесено к этому периоду; также утверждалось о непрерывном его функционировании до начала XVIII в. Отмеченная в пределах одного строения значительная хронологическая неоднородность дендробразцов, справедливо аргументировалась фактором вторичного использования древесины с более ранних построек [Горячев и др., 2002, с. 23; Горячев, 2003, с. 31; Кардаш, 2009, с. 33—34]. В историографии автора раскопок О.В. Кардаша время основания городка было уточнено XII в. [Кардаш, 2005, с. 32; 2009, с. 5, 42; 2013а, с. 16]. Необходимо отметить, что при этом остатков столь ранних строений, возраст которых был бы подтвержден дендроанализом, на сегодняшний день не выявлено. Однако материалы археологической вожпайской культуры (конец IX—X вв.), обнаруженные в месте расположения памятника, указывают, что это местонахождение уже было, по крайней мере, освоено местным населением на рубеже тысячелетий [Кардаш, 2005, с. 32; 2009, с. 5].

Хронологическая неоднородность выборки образцов по постройкам привела исследователей к важному методическому выводу: в данной ситуации отдельные строения должны датироваться *по совокупности* (выделено автором) наиболее поздних дат образцов, происходящих от капитальных элементов конструкции, а при датировании строительного уровня необходимо учитывать известные даты других строений, в том числе расположенных ниже [Кардаш, 2005, с. 32; 2009, с. 34].

Было установлено, что основным строительным материалом являлись ель, лиственница и в меньшей степени кедр [Горячев и др., 2002, с. 23]; реже применялись сосна, береза, ива [Кардаш, 2005, с. 32]. Дифференцированный анализ по породам позволил выделить периоды, в течение которых в строительном материале преобладала древесина определенного биологического вида. Одной из причин этого могло быть избирательное использование поселенцами древесины разных пород, приведшее со временем к изменению состава лесных сообществ на прилегающей территории; также нельзя исключать и эндогенные факторы, влияющие на изменение структуры и состава конкретного лесного сообщества [Горячев и др., 2002, с. 23].

Результаты статистической обработки дендрологической информации позволили утверждать, что основным источником получения стройматериала для поселенцев были участки пойменного леса в дельте р. Надым, к которой и приурочено месторасположение городка [Горячев, 2003, с. 31—32]; предполагалось, что такая древесина могла составлять от половины до трети от общего объема заготовленного стройматериала [Кардаш, 2009, с. 34]. Около трети могло приходиться на вторичную древесину; также в качестве стройматериала рассматривалась древесина, собранная после паводка (топляк) [Кардаш, 2005, с. 32; 2009, с. 34, 61]. Последний источник предполагал длительный процесс накопления необходимого количества древесного материала [Кардаш, 2005, с. 32]. Активное использование ближайших к поселению участков леса закономерно приводило к необходимости поиска сырья на более удаленных территориях с иными экологическими условиями, о чем свидетельствует присутствие в выборке дендробразцов с отличающимися дендрологическими особенностями [Горячев, 2003, с. 31—32].

В рассуждениях о способах доставки стройматериала в качестве основного был назван сплав по воде (самосплав) [Кардаш, 2005, с. 32; 2009, с. 61] и критически оценивались иные возможности. В то же время в зимний период становились возможными кратчайшие пути до лесных массивов по льду через систему пойменных озер. Именно зимой, как отмечал и О.В. Кардаш, происходили основные перемещения по близлежащей территории и, кроме того, в этот период городок располагал необходимыми людскими ресурсами [Кардаш, 2009, с. 43—44], которые могли быть задействованы в трудоемкой операции по заготовке и доставке строительной древесины. В дополнение необходимо отметить, что лиственница, составившая значительную часть стройматериала, в силу своего высокого удельного веса является малопригодной для сплава, дает значительное количество утопа, особенно свежесрубленная. Подготовка лиственницы к сплаву оставалась трудоемким процессом, учитывающим значительное количество факторов, и в начале второй половины XX в. [Пономарев, 1934, с. 182—186; Беленов и др., 1964]. Таким образом, возникает сомнение в определении самосплава как основного способа транспортировки древесины к месту строительства городка.

Обращаясь к итогам первого этапа изучения Надымского городка, остается сожалеть, что в рамках известной монографии, посвященной комплексным исследованиям памятника [Кардаш, 2009], результаты применения метода дендрохронологии не были представлены в виде самостоятельной части с развернутой аргументацией. Не были приведены данные о распределении как минимум датированных образцов по отдельным строениям, о местах их отбора, о дифференциации по постройкам породного состава древесины; остался без внимания вопрос о сезоне ее заготовки и другие вопросы.

Дальнейшее исследование городища привело к формированию новой серии образцов для дендрохронологических исследований. Дендроанализ был произведен дифференцировано по отдельным строениям; были учтены 78 образцов, отобранных от построек № 2 (55 шт.) и № 12 (23 шт.) [Омурова и др., 2013].

Соотношение по породам показало увеличение доли кедр (до трети). К сожалению, архитектурный контекст остался неизвестен, так как на момент отбора образцов постройки были демонтированы, но имелась информация о стратиграфическом положении древесины. Также был указан для каждого образца тип деловой древесины, но остались без внимания вопросы, связанные с сезоном заготовки стройматериала.

Анализ данных по постройке № 2 позволил исследователям выделить 4 временных интервала в период с середины 1460-х гг. до 1610—1620-х гг., к которым тяготеют даты образцов. Для постройки № 12 выделены две фазы для периода 1420—1460-х гг. [Омурова и др., 2013, с. 192—193]. Данные интервалы были охарактеризованы как периоды строительства (перестроек) анализируемых строений. Однако если под данными определениями авторы подразумевают значительные изменения в архитектуре построек, приведшие к смене конструкции, замене части основных конструктивных элементов или изменению внутренней планировки, то без учета архитектурного контекста выделенные группы дат не могут отражать в полной мере реальную строительную историю строения. Опубликованные изобразительные материалы по архитектуре Надымского городка [см. например: Кардаш, 2009] показывают, что основной объем сохранившегося стройматериала в отдельной постройке представлен несколькими ярусами различных настилов из свободно, но относительно плотно распложенной древесины. Эта часть конструкции является легко заменяемой; таким образом, разброс в датах образцов вполне мог быть вызван неоднократным проведением локальных ремонтных работ, не связанных со значительными «перестройками». Также авторы оставили без внимания фактор вторичного использования древесины в постройках, неизбежный при изучении любых объектов деревянного строительства [Черных, 1996, с. 58, 60, 64].

Необходимо отметить, что атрибуция построек не в полной мере соответствует той информации, которая уже введена в научный оборот, что приводит к искаженному восприятию хронологии строений. Ранее время функционирования постройки № 2 было определено как вторая треть XVII — первая треть XVIII в.; в то время как для первой трети XVII в. известен ее вариант — постройка № 2.5; для конца XVI — начала XVII в. — постройка № 2.7 [Кардаш, 2009, с. 99—101, 103, 105, 107]. Серединой XVI в. обозначено время строительства ее «9-го уровня реконструкции»; также упоминались в литературе более ранние 10-ый и 11-ый уровни [Кардаш, 2011, с. 196]. Известное время функционирования постройки № 12 было определено концом XVII — первой третью XVIII в. [Кардаш, 2009, с. 127].

Весьма спорным следует считать утверждение, что выделенные для двух построек временные интервалы, интерпретированные как периоды их строительства (перестройки), априори следует считать таковыми и для Надымского городка в целом [Омурова и др., 2013, с. 193]. Разная интенсивность эксплуатации построек определяла и разную интенсивность ремонтных работ: как больших реконструкций, так и локальных ремонтов отдельных помещений [Кардаш, 2005, с. 32]. Например, анализируемый вариант постройки № 2 со сторонами 2,5—3 м, расположенной

на периферии поселения (эти данные приводятся по аналогии с размерами и местом в архитектурно-планировочной структуре городка известных ее вариантов), совершенно определенно может обладать индивидуальной строительной историей.

Источником строительного материала, по мнению исследователей, мог служить локальный участок лесных массивов, расположенный вверх по течению р. Надым примерно на 15—20 (до 30) км [Омурова и др., 2013, с. 193]. Такой вывод был сделан из близких дендрологических особенностей древесины разных пород, использованной в строительстве.

Коллекция археологической древесины для дендроанализа Полуйского мысового городка была представлена 174 образцами, отобранными почти от всех выявленных строений (9 построек) [Горячев и др., 2013].

Анализ породового состава образцов древесины показал, что до 70% принадлежат лиственнице, около 30% относятся к ели [Горячев и др., 2013, с. 371]; есть упоминание о небольшом количестве кедровой древесины [Кардаш, 2013б, с. 61]. Также указано на факты использования стволов ивы во вспомогательных элементах конструкции (в частности, в качестве лаг для досок настила [Кардаш, 2013б, с. 117]. Однако вопрос о сезоне лесозаготовки остался без внимания.

Характеристики образцов сопровождалась указанием на место их отбора. Тем не менее архитектурный контекст остался без внимания при датировании отдельных построек. Процедуру датирования прошли 82 дендроспила, из них только 17 имели последнее годовое кольцо. Для образцов, у которых последнее измеренное кольцо не указывало на последний год жизни дерева, для определения вероятного периода их гибели (рубки) использовался такой критерий, как «вероятное число утраченных периферийных колец» [Горячев и др., 2013, с. 372, табл. 4.4.1]. Если прогнозируемая потеря была около 10 колец, то для таких образцов устанавливался вероятный период рубки с высокой степенью уверенности (для 42 образцов) [Горячев и др., 2013, с. 372, табл. 4.4.1]. По итогам дендроанализа было установлено, что даты до 80% образцов приходятся на интервал с середины XVI до конца XVII в., который был определен как период относительно активного строительства, ремонта и реконструкций строений городка [Горячев и др., 2013, с. 371]. Образцы, даты которых выходят за обе границы этого периода, свидетельствуют, с одной стороны, о вторичном использовании древесины, а с другой — фиксируют начало позднего этапа существования поселения, который был определен как начало — первая треть XVIII в. [Горячев и др., 2013, с. 371].

Учитывая, что количество образцов, для которых порубочные даты были определены с большой вероятностью, составило около 30%, время строительства отдельных построек рассматривалось как возможные периоды его начала [Кардаш, 2013б, с. 113—114, 116—119]. Продемонстрированный подход в данном контексте является более корректным для определения начала строительства, нежели установление времени по дендробразцу с наиболее поздней датой [Черных, 1996, с. 58].

Обращают на себя внимание разночтения между табличными данными, представляющими информа-

цию по каждому образцу и их интерпретацию. Так, в таблице в отношении постройки №4 из посада городка приводятся данные на 5 образцов, один из которых имеет календарную дату рубки [Горячев и др., 2013, с. 372, табл. 4.4.1]; в то же время утверждается, что для данной постройки отсутствовали пригодные для датирования образцы [Кардаш, 2013, с. 118].

Кроме того, вероятно, путаницей возможно объяснить разные версии утверждения о том, что среди строений городка присутствуют постройки, которые длительное время функционировали практически без значительных реконструкций. В одном случае к таковым относят постройку № 3 оборонительно-жилого комплекса городка [Кардаш, 2013б, с. 113]; в другом — постройку № 3 посада [Горячев и др., 2013, с. 371]. Судя по хронологической позиции образцов данного строения из посада в целом, по тому, что значительная часть дендроспиллов, которая происходит из стеновых наборов, имеет весьма короткий вероятный период рубки дерева, данное утверждение все же следует относить ко второй постройке.

Было предположено, что объем использованной в строительстве вторичной древесины мог варьироваться от 10 до 25% [Кардаш, 2013б, с. 62]. Данное соотношение было получено не только по наличию дендробразцов с относительно ранними датами, но, как следует из исследования, и по результатам визуального анализа строительной древесины. Если конструктивные элементы имели всевозможные пазы, выборки и т.д., наличие которых было функционально не обосновано в данном архитектурном контексте, то с большим основанием можно утверждать об их переиспользовании [Кардаш, 2013б, с. 113]. Таким образом, если в конструкции постройки выявлена древесина с соответствующей обработкой и располагающая по сравнению с большей частью комплекса образцов ранней дендродатой, то с большей вероятностью ее происхождение связано с ранними постройками, а не со случайными сборами, например использованием топляка.

Допускалась также возможность длительной, для определенных периодов функционирования городка, заготовки стройматериала; зимний период, в отличие от ситуации с Надымским городком, рассматривался как основное время для доставки заготовленной древесины к месту строительства нартенным транспортом [Кардаш, 2013б, с. 61, 62]. Обнаружение на некоторых бревнах остатков коры позволило предположить, что деревья могли использоваться практически сразу после рубки [Кардаш, 2013б, с. 288].

С двумя этапами на сегодняшний день связана история археологического и дендрохронологического изучения городища Бухта Находка. По итогам первого этапа на основе дендроанализа было установлено, что городище или, по определению автора раскопок О.В. Кардаша, оборонительно-жилой комплекс, был построен единовременно в 1220 г. На период 1280—1285 гг. приходится проведение ремонтных работ на отдельных участках внешней стены городища и сопряженных стен ряда построек. В качестве строительного материала была использована лиственница [Кардаш, 2011, с. 20]. К большому сожалению, кроме столь краткой информации, в широком доступе отсутствуют дополнительные материалы о проведенных исследованиях методом

дендрохронологии (во всяком случае, нам не удалось обнаружить сведений такого рода).

Продолжение изучения городища позволило вновь обратиться к дендроанализу, но уже на основе новой источниковой базы. Результаты этого исследования были представлены в ряде публикаций, посвященных вопросам датирования и отличающихся степенью полноты при характеристике изучаемого материала [Сидорова и др., 2017; Sidorova et al., 2017]. Однако вызывает недоумение, что в зарубежном издании эти результаты были представлены как первый опыт применения метода дендрохронологии при изучении городища Бухта Находка [Sidorova et al., 2017, p. 146]; при этом авторы периодически обращались к уже упомянутой публикации О.В. Кардаша, но в связи с другими вопросами. В дополнение отметим, что до выхода упомянутых статей в публикациях уже неоднократно приводилась уже известные результаты дендроанализа [см. например: Кардаш, 2013а, с. 15]. Кроме того, игнорирование результатов действительно первой работы такого рода привело исследователей к некорректным выводам о строительной истории поселения.

Коллекция отобранной для дендроанализа древесины составила 47 образцов, происходящих от различных элементов конструкции 6 из 8 построек, образующих, вероятно, единый архитектурный комплекс. Информация по каждому датированному образцу содержит указания на морфологические признаки стройматериала и конструктивные элементы, от которых они были отобраны [Sidorova et al., 2017, p. 151, Table 1]. Однако датирование отдельных построек проводилось без учета архитектурного контекста, по образцу с наиболее поздней датой по принципу *terminus post quem*. Процедуру датирования прошло только 13 образцов от 4 построек. Отсутствие у всех дендроспилов последнего годового кольца не позволило точно определить год рубки дерева. В некоторых случаях было установлено, что его отсутствие связано с особенностями обработки древесины во время строительства.

В указанных публикациях есть разночтения в сведениях о породовом составе древесины. В одном случае говорится, что только датированные образцы представлены лиственницей [Сидорова и др., 2017, с. 77], в другом — что к лиственнице относятся все образцы [Sidorova et al., 2017, p. 148]. Вопрос происхождения древесины не рассматривался; при этом в окрестностях памятника преобладает исключительно тундровый ландшафт [Кардаш, 2011, с. 11].

Итоговый вывод о том, что время создания городища приходится на конец второй четверти XIII в. [Сидорова и др., 2017, с. 77], нельзя считать корректным, так как он не учитывает ранее введенные в научный оборот данные.

Для дендроанализа археологической древесины, происходящей из городища Усть-Войкарское, было использовано около 430 образцов от древесины из 23 построек (к этой категории были отнесены все виды строений: от домов до настилов и различного типа ограждений), расположенных на различных стратиграфических уровнях, но главным образом в верхнем слое памятника [Гурская, 2008]. Для 217 образцов были получены «абсолютные порубочные даты»; 165 образцов, прошедших процедуру датиро-

вания, не имели последнего годового кольца [Гурская, 2008, с. 224]. Установлено, что наибольшее количество древесины было заготовлено на протяжении XVII столетия [Гурская, 2008, с. 225].

Дифференциация древесины по породовому составу показала, что в строительстве использовались ель (60%), лиственница (28%), кедр (4%); для изготовления различных легких ограждений могла использоваться береза [Гурская, 2008, с. 216].

В работах по дендрохронологии Усть-Войкарского городища при интерпретации результатов дендроанализа архитектурный контекст был учтен в наибольшей степени: образцы были рассмотрены по отдельным строениям, в связи с их принадлежностью к различным конструктивным элементам.

Возможность реконструкции строительной истории отдельного строения на основе комплексного анализа дендрологических и архитектурных данных предоставляют материалы срубной постройки № 8, обладающей достаточно представительной выборкой образцов — более 40, значительная часть которых сохранила последнее годовое кольцо. Количественно образцы происходят следующим образом: 15 из них получены от стен, 17 — от настила, 5 — из чувала; некоторое количество получено от колов, выполняющих фиксирующую функцию для ряда элементов конструкции дома. Порубочные даты древесины из венцов в близких пропорциях приходятся на осенне-зимний период 1639/1640 гг. и лето 1640 г. Для сооружения настила в значительной степени была использована древесина ели, заготовленная летом 1670 г. Древесина из чувала (в частности, образующая его раму) заготовлена в период 1515—1557 гг. Наиболее значительный разброс дендродат относительно времени сооружения стен был выявлен в группе образцов, взятых от фиксирующих колов (последняя треть XV — 40-е годы XVIII в.) и от древесины, находившейся в заполнении (1683—1743 г.) [Гурская, 2008, с. 219—220].

Таким образом, древесина для венцов сруба заготавливалась практически единовременно, возможно, в зиму и лето 1640 г. Вероятно, постройка функционировала без кардинальных перестроек. Поздние дендродаты древесины из настила связаны с работами по его замене в течение одного летнего сезона; для этого использовалась целенаправленно заготовленная древесина. Значительная вариативность дендродат, принадлежащих образцам из чувала и от колов, с одной стороны, показывает, что в данной категории стройматериала преимущественно использовалась вторичная древесина или приобретенная в результате случайных сборов. С другой стороны, наличие образцов с дендродатами, относящихся к началу второй трети XVIII в., показывает, что постройка могла эксплуатироваться еще какое-то время и после этого периода (если исключить случайное попадание столь поздней древесины в заполнение).

Также исследователем было обращено внимание на особенности сооружения легких ограждений не привлекавшие внимание других исследователей: использовалась древесина смешанных пород; часто применялась вторичная древесина; ограждение могло формироваться также из крупных ветвей со стволов деревьев (судя по наличию образцов с креновой

древесиной) [Гурская, 2008, с. 219].

Кроме всего прочего, известны примеры применения дендрохронологического метода в деятельности по выявлению, сохранению и использованию объектов традиционного домостроения населения Севера Западной Сибири. Так, краткие, к сожалению, сведения имеются в историографии о результатах дендроанализа, проведенного в ходе историко-архитектурного исследования сохранившихся построек усадьбы известного рода князей Тайшиных (п. Горнокнязевск). При этом в отдельных публикациях сведения о времени их строительства несколько разнятся: в одном случае сообщается — постройки появились не позднее 1825—1830 гг. [Кардаш, Ивасько, 2004, с. 477]; в другом — в пределах 1830—1833 гг. [Кардаш, 2013, с. 58]. Также сообщается, что в качестве строительного материала использована лиственница, которую доставляли «сверху, с реки Оби» [Кардаш, Ивасько, 2004, с. 477].

Таким образом, при исследовании поселенческих комплексов коренных жителей Севера Западной Сибири результаты дендрохронологических исследований были востребованы преимущественно для получения календарно датированных хронологий отдельных памятников. С их помощью решались вопросы строительной истории населенного пункта в целом и отдельных его построек. Введенные в широкий научный оборот материалы были представлены разной по наполненности структурой исследования. В основном были изложены результаты дендроанализа только древесины, прошедшей процедуру датирования, что в ряде случаев значительно ограничивало источниковую базу для реконструкции отдельных аспектов строительного дела. Как правило, сообщалась общая информация о породном составе строительной древесины, ставились вопросы об ее источниках поступления. Однако выборочное упоминание при характеристике дендрообразцов типов деловой древесины, дифференциации по породам, сезона лесозаготовок, о связи образцов с определенными конструктивными элементами строений делало реконструкцию строительной истории далеко не полной. В ряде случаев игнорирование архитектурного контекста при интерпретации результатов дендроанализа может привести к некорректным выводам о хронологии памятников и этапах строительной деятельности.

Список литературы

1. Беленов И.А., Пяткин В.И., Табулин А.И. Рациональная организация сплава лиственницы // Лесная промышленность. — 1964. — №3. — С. 10—12.
2. Горячев В.М., Горячева Т.М., Кардаш О.В. Хронология «Надымского городища» с помощью древесно-кольцевого анализа // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена западной Сибири сопредельных территорий. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. — С. 22—23.
3. Горячев В.М., Мыглан В.С., Омурова Г.Т. Определение возраста образцов древесины из строения Полуийского мысового городка по дендрохронологическому методу / О.В. Кардаш // Полуийский мысовой городок князей Тайшиных. — Екатеринбург-Сале-

хард: Магеллан, 2013. — С. 370—375.

4. Гурская М.А. Древесно-кольцевые хронологии хвойных деревьев для абсолютного календарного датирования городища Усть-Войкарского // Краткие сообщения Ин-та археологии. — 2006. — № 220. — С. 148—159.
5. Гурская М.А. Дендрохронологическая датировка археологических образцов древесины городища Усть-Войкарского (Северо-Западная Сибирь) // Фауны и флоры Северной Евразии в позднем кайнозое. — Челябинск: Рифей, 2008. — Вып. 6. — С. 212—231.
6. Кардаш О.В. Комплексное изучение Надымского городища. Итоги исследований 1998—2003 гг. // Науч. вестн. ЯНАО. — 2005. — Вып. 4. Обдорья; история, культура, современность. — С. 31—35.
7. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII в. История и материальная культура. — Екатеринбург-Нефтеюганск: Магеллан, 2009. — 360 с.
8. Кардаш О.В. Надымский городок в XV—XVI вв. (по результатам полевых исследований 2006—2008 гг.) // Археологические вести. — 2011а. — Вып. 17. — С. 193—201.
9. Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). — Нефтеюганск: АНО «Институт археологии Севера»; Екатеринбург: АМБ, 2011б. — 60 с.
10. Кардаш О. В. Археологические исследования Института археологии Севера в Арктике: памятники, открытия, научная проблематика // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. — Екатеринбург-Сургут: Магеллан, 2013а. — С. 12—28.
11. Кардаш О.В. Полуийский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки конца XVI — первой половины XVIII в. История и материальная культура). — Екатеринбург-Салехард: Магеллан, 2013б. — 379 с.
12. Кардаш О.В., Ивасько Л.В. Историко-архитектурные исследования в п. Горнокнязевске Приуральянского района ЯНАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск — Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 475—478.
13. Омурова Г.Т., Баринов В.В., Кардаш О.В., Мыглан В.С. Установление времени строительства (перестройки) Надымского городка: дендрохронологический аспект // Журн. Сиб. федер. ун-та. — Сер. Биология. — 2013. — Т. 6. — № 2. — С. 185—195.
14. Пономарев Н.А. Лиственницы СССР. — М.: Государственное лесное техническое изд-во, 1934. — 247 с.
15. Сидорова М.О., Омурова Г.Т., Кардаш О.В., Мыглан В.С. Дендрохронологическое датирование поселения Бухта Находка (п-ов Ямал) // Тр. V (XXI) Всерос. археологического съезда: в 3 т. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. — Т. 3. — С. 75—78.
16. Черных Н.Б. Дендрохронология и археология. — М.: Nox, 1996. — 216 с.
17. Черных Н.Б., Сергеева Н.Ф. Дендрохронология архитектурных памятников на севере России (басейн Северной Двины и Онеги) // Рос. археология. — 1997. — № 1. — С. 109—124.
18. Sidorova M.O., Büntgen U., Omurova G.T., Kardash O.V., Myglan V.S. First dendro-archaeological evidence of a completely excavated medieval settlement in the extreme north of Western Siberia // Dendrochronologia. — 2017. — Vol. 44. — P. 146—152.

Е.А. Груздева, Е.Ю. Орлова
Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (Новосибирск)
¹gruzdeva.evgenya@gmail.com, ²elenaorlovva8@gmail.com

Применение цифровых технологий в изучении материальных объектов

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ №18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

В статье рассматривается использование некоторых цифровых технологий в гуманитарной сфере, проводится систематизация современных методик исследования материальных объектов. Рассмотрено применение таких методик и технологий, как лазерное сканирование, фотограмметрия, видеосъемка, ГИС-технологии, 3D-моделирование. Данные приемы позволяют исследовать объект с наименьшим для него ущербом, получить и сохранить наиболее полную информацию о нем. В настоящее время существует тенденция комплексного применения при исследовании одного объекта указанных технологий и методов. Сделан вывод о возможности применения цифровых технологий в этнографических исследованиях материальной культуры, что выведет этнографическую науку на новый уровень.

Ключевые слова: материальные объекты, материальная культура, этнография, визуальная антропология, фотограмметрия, лазерное сканирование, ГИС-технологии, 3D-моделирование

Е.А. Груздева¹, Е.Ю. Орлова²
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹gruzdeva.evgenya@gmail.com, ²elenaorlovva8@gmail.com

Application of New Technologies in the Study of Material Ethnographic Objects

Abstract

The article reviews experience of application of some digital techniques in humanitarian sciences and systematizes modern technologies of studying material objects. The authors consider such experience for laser scanning, photogrammetry, video shooting, GIS technology, 3D modeling. These technologies allow to explore an object with the least damage to it, to obtain and retain the most complete information about it. Nowadays there is a tendency to apply several of technologies and methods in a complex to the study of a single object. The author make a conclusion about wide opportunities of using of digital techniques in ethnographic studies of material culture, which can lead ethnography to a new level.

Key words: material objects, material culture, ethnography, visual anthropologically, photogrammetry, laser scanning, GIS technology, 3D modeling

Развитие цифровых технологий ставит проблему использования их в различных областях гуманитарного знания. Они обладают рядом преимуществ по сравнению с традиционными правилами и приемами фиксации объектов и процессов, например, повышают точность и обеспечивают гарантированное хранение данных. В этнографии важной областью исследований является материальная культура, для которой решение проблем фиксации и долговременного сохранения сведений имеет первостепенное значение. В статье сделана попытка систематизации существующих методик в различных областях гуманитарной науки, основанных на новых цифровых технологиях, и анализа их применимости в этнографических исследованиях материальных объектов.

Развитие методов фиксации и долговременного сохранения сведений об объектах материальной культуры представляет собой постепенное поступательное движение по пути увеличения точности и детальности. В первую очередь эволюция таких методов связана с развитием полевой археологии. Революционные изменения на этом пути были связаны в первую очередь с развитием технологий. Первым таким изменением можно назвать изобретение фотографии. Уже с середины XIX в. археологи повсеместно старались «дублировать» свои чертежи и рисунки фотографиями, законно претендующими на большую объективность. Информация о раскапываемом памятнике стала передаваться в отчете тремя параллельными методами регистрации: «текст

— чертеж — фотография». Следующий серьезный «прорыв» в качестве археологической фиксации произошел на рубеже XX—XXI вв. и был связан с изобретением цифровой фотографии и началом использования электронного тахеометра. Их комплексное применение привело к увеличению точности и скорости фиксации, а также к началу перехода от фиксации на бумажных носителях к электронным способам передачи и хранения информации. Документирование процесса раскопок стало возможным проводить на основе цифровой тахеометрической фиксации и фотосъемки с последующей обработкой полученных данных в различных CAD-программах. При этом все представляемые в отчете чертежи и фотографии по-прежнему оставались двухмерными, а изучаемые и уничтожаемые в ходе раскопок археологические объекты — всегда трехмерны [Зайцева, 2014, с. 11].

Данные, получаемые с помощью цифровых методов исследования материальных объектов, можно поделить на первичные, получаемые непосредственно при контакте с исследуемым объектом, и вторичные, получаемые при обработке ранее полученных данных. Рассмотрим наиболее распространенные методы сбора первичных данных с помощью новых технологий.

Традиционно сбор первичных данных по материальным объектам велся путем непосредственного наблюдения с созданием чертежей или рисунков, с помощью фотофиксации и текстового описания. В последнее время все большее применение получают методы трехмерной фиксации, выполняемой путем сканирования объекта лазерным или оптическим сканером, видеофиксацией или фотограмметрией, результаты которой представляются в цифровом виде.

Лазерное сканирование объекта проводится специализированным оборудованием — наземными лазерными сканерами. Результат работы сканера может быть представлен в двух вариантах: в виде растрового изображения или как массив точек. Растровое изображение представляет собой «элементы вектора со следующими компонентами: измеренным расстоянием, интенсивностью отраженного сигнала и RGB-составляющей, характеризующей реальный цвет точки. Положение (строка и столбец) каждого элемента (пикселя) полученного растра отражает значения измеренных вертикального и горизонтального углов» [Середович и др., 2009, с. 9]. Массив точек — это лазерные отражения от объектов, находящихся в поле зрения сканера, с пятью характеристиками: пространственными координатами (X, Y, Z), интенсивностью и цветом [Середович и др., 2009, с. 10]. В дальнейшем результаты лазерного сканирования при помощи специализированного программного обеспечения (например, CloudCompare, ScanIMAGER, Cyclone) обрабатываются. Из облака точек можно получить любые фрагменты и сечения объекта в горизонтальном и вертикальном направлениях (планы, фасады, разрезы, детали, ортофотопланы), трехмерную модель объекта. Выбранные фрагменты и сечения переводятся в векторную графику путем их импортирования в форматы dxf с последующей ручной обводкой.

Лазерное сканирование в архитектуре и археологии стало применяться с начала XXI в. По методике

наземного лазерного сканирования написан ряд научных работ общего и прикладного плана [например: Комиссаров, 2015; Середович и др., 2009; Крутиков, 2011; Вальков, 2015]. Также известно большое количество публикаций, отражающих применение данной технологии в различных областях архитектуры и строительства (обследование реконструируемых зданий и сооружений, линейных объектов, при реставрации объектов культурного наследия и т.д.), в исследовании археологических и ландшафтных объектов и др. [например: Варламова, Дмитриева, 2017; Радзюкевич и др., 2012; Середович, Алтынцев, 2013]. Опубликованы результаты трехмерной съемки с помощью лазерного сканера сооружений Древнего Рима: древнеримских катакомб [Ковров] и Пантеона [Saccone, 2017].

Лазерное сканирование удобно при проведении обмеров зданий и сооружений. Хотя оно и не дает полной информации об объекте, в частности о его скрытых конструкциях и труднодоступных участках, можно получить точные геометрические параметры всего объекта за короткий промежуток времени и без возведения дополнительных конструкций, обеспечивающих доступ к различным участкам сооружения. Данный метод используют также для съемки больших по площади или протяженных территорий и создания топографических планов [Середович, Алтынцев, 2013], что позволяет получить трехмерное изображение объекта, его точные геометрические параметры, привязанные к заданным геодезическим координатам. С полученной модели с помощью специального программного обеспечения можно получить любое количество горизонтальных и вертикальных сечений для выполнения по ним чертежей планов, разрезов, фасадов архитектурного объекта, топографических планов или двухмерных видов объемного объекта.

В зависимости от размеров и протяженности исследуемого объекта применяется наземное лазерное сканирование (НЛС), мобильное лазерное сканирование (МЛС) или воздушное лазерное сканирование. Их различия заключаются в объекте исследования: компактный объект, протяженный линейный объект (транспортные магистрали, трубопроводы и т.д.) или большая по площади территория и, соответственно, в методах съемки этих объектов и оборудовании.

Для исследования (сканирования) больших по площади территорий используется, в частности, технология LIDAR (Light Identification, Detection and Ranging). Принцип действия заключается в том, что направленный луч источника излучения отражается от объекта, возвращается к источнику и улавливается высокочувствительным приемником: время отклика прямо пропорционально расстоянию до цели. Данная система используется, например, в топографии и археологии. В частности, технология LIDAR применялась при исследовании поселений майя [Chase et al., 2011; 2014].

Видеосъемка. Сегодня с помощью видеосъемки можно «зафиксировать» процессы, среду и контекст, что позволяет делать сбор данных максимально полным, а понимание «того, что происходит», более ясным; видеозапись легко выполняема с помощью мобильного телефона или фото- или видеокамеры. Видео становится одним из важных и эффективных

способов передачи результатов исследований, а визуальные и цифровые исследования позволяют по-новому взглянуть не только на научное и техническое знание, но и на процесс фильмопроизводства и фотографию. Результаты видеосъемки можно использовать и как эмпирический материал, и как обучающее средство для демонстрации того, как конструируется знание, из чего оно состоит.

Визуальные исследования, анализ научных изображений и использование фильмов и медиа для изучения научных практик переросли в целое направление — визуальную антропологию. Зачастую имеется представление, как работать с уже отснятым видео, но не имеется методологических установок и проработанных теоретических подходов к работе. Однако исследования в этой области проводятся, свой вклад в разработку методологии внесли такие зарубежные исследователи, как П. Галлисон [Gallison, 2014], Ф. Сормани [Sormani, 2014] Л. Мондада [Mondada, 2012]. В отечественных исследованиях этой темы касались Е.С. Данилко [2017, с. 94] и О.В. Макиенко [2017].

Метод видеосъемки включает в себя запись определенных процессов и мероприятий, визуальное ведение дневника, при этом видео не является заменой для полевых работ или полевого работника, оно направлено на то, чтобы не только зафиксировать исследование, но и представить знания, опыт и знания практикующего, понять динамику рабочих процессов, продемонстрировать полученный результат. Применение видеосъемки позволяет формировать базы данных и архивы. Видеосъемка может применяться для полевых исследований, при формировании обучающего и отчетного материала по результатам исследований, в ГИС системах; материалы аэро-видеосъемки (например, с квадрокоптера или другого БПЛА) возможно использовать для фотограмметрии.

Для проведения фотограмметрии достаточно цифровой фотокамеры и программного обеспечения (например, Agisoft PhotoScan). На основе серии цифровых снимков, сделанных при соблюдении специального алгоритма, программное обеспечение позволяет создать трехмерную модель объекта в виде облака точек, трехмерной сетки или цветной модели. «Технология съемки проще, чем при трехмерном сканировании: съемка объекта производится со всех сторон под разными углами. Зоны фотографирования на каждом последующем снимке должны перекрываться не менее чем на 70%. Затем в специальных программах происходит сопоставление полученных фотографий, выявляются общие точки, измеряются расстояния и углы между ними. Далее с помощью специальных математических алгоритмов создается трехмерная поверхность, и на нее накладывается текстура. На получаемой трехмерной модели по опорным точкам задается масштаб» [Зайцева, 2014]. Описание метода фотограмметрии применительно к археологии представлено во многих публикациях [см. например, Зайцева, 2014; Зайцева и др., 2015; Галынкин, 2017; Быков, Татаурова, Светлейший, 2016].

В настоящее время фотограмметрия, осуществляемая с воздуха БПЛА, применяется в археологии в комплексе с геоинформационными системами и

трехмерным моделированием, что описано в ряде публикаций [например: Жуковский, 2015; Бугров и др., 2015]. Этот метод удобен для получения трехмерного изображения экстерьера архитектурного объекта, интерьеров, рельефов, круглой скульптуры и других объемных предметов. Его целесообразно применять при исследованиях памятников архитектуры, археологии. В качестве материала для обмеров метод годится только для выполнения схематических чертежей. При выполнении более подробных и детальных обмеров он, так же, как и сканирование, не дает полной информации об объекте.

Используя данный метод, необходимо учитывать, что качество и точность объемного изображения напрямую зависит от соблюдения последовательности при фотографировании объекта, от правильности, количества и качества сделанных снимков. Развитие техники, такой как цифровая фотоаппаратура, в настоящее время дает широкие возможности для фиксации объектов культурного наследия, в частности, если речь идет об использовании *многоугольной теневой фотосъемки* [Пахунов, 2015].

Технология трехмерного моделирования (3D-моделирование) представляет собой создание трехмерной модели объекта на основе данных, полученных с использованием традиционных (архивные чертежи и описания, фотографии и т.д.) и новых (фотограмметрия, лазерное сканирование и др.) методов исследования. Технология трехмерного моделирования в архитектуре, в том числе для графической реконструкции архитектурных объектов, используется с конца XX — начала XXI в. Особенности и преимущества 3D-документа описаны в статьях А.В. Ленова [2015] и Ю.М. Батурина [Леонов, Батурина, 2013]. Применение трехмерных моделей в виртуальных экспозициях представлено в публикациях В.М. Иванова с коллегами [Иванов и др., 2015], С.В. Бахвалова и Ф.С. Малкова [Бахвалов, Малков, 2015]. Использование трехмерных моделей в археологических исследованиях описано в материале В.П. Мокрушина и М.В. Козлова [Мокрушин, Козлов, 2015], в исследованиях памятников архитектуры — в материале М.Н. Аникушиной с коллегами [Аникушина, Иванова, Леонова, 2012]. Графическая реконструкция объектов культурного и археологического наследия описана в публикациях М.Н. Дараган [2015], Д.А. Карелиной [2015], А.А. Никитина с коллегами [Никитин и др., 2015], О.В. Зайцевой с коллегами [Вавулин, Зайцева, Пушкарев, 2015], А.Ю. Майничевой и В.В. Талапова с коллегами [Майничева, Талапов, Чжан Гуаньин, 2017; Mainicheva, Talapov, Zhang Guanying, 2017; Майничева, Талапов, Куликова, 2018], Ю.В. Ольхина [2017].

Данная технология позволяет на основе графических, текстовых, фотографических и цифровых данных с помощью программного обеспечения (AutoCAD, Revit и др.) визуализировать объемную или пространственную модель существующего или ранее существовавшего объекта. В зависимости от первичных данных и целей создания трехмерной модели объекта можно получить совершенно разные данные: варианты графической реконструкции разрушенного объекта, этапы изменения объекта во времени и пространстве, пространственные характеристики объекта и его объемные геометрические

параметры, пространственные взаимосвязи отдельных элементов объекта и связи с окружающей средой и другими объектами. Спектр применения данного метода фиксации объекта предельно широкий. 3D-модель позволяет наглядно продемонстрировать облик объекта: его вид в настоящее время, восстановить его реальный либо предполагаемый первоначальный облик, а также наглядно продемонстрировать этапы развития объекта во времени. Модель позволяет неоднократно возвращаться к объекту в любой момент. Данные свойства 3D-модели позволяют максимально полно увидеть объект, более детально и точно его изучить, выбрать наиболее оптимальный вариант его реставрации или реконструкции, позволяют демонстрировать объект широкой аудитории в мультимедийных экспозициях и виртуальных музеях.

Еще одной технологией исследования материальных объектов являются *геоинформационные системы (ГИС)*. «Геоинформационная система, в традиционном понимании этого термина, это информационная система, обеспечивающая сбор, хранение, обработку, доступ, отображение и распространение пространственно-координированных данных... Однако анализ современных требований к этим системам как исследовательскому инструментарию в исторической науке, антропологии и этнографии показывает все более возрастающую потребность в возможности использовать ГИС не только как среду визуализации и традиционного моделирования историко-географических процессов, но и как платформу для интеграции разноплановой (гетерогенной) информации в интересах изучения указанных процессов...» [Ивакин, 2016, с. 22].

Возможности использования геоинформационных систем для исследований материальных объектов рассмотрены в публикациях Я.А. Ивакина и С.Н. Потапычева [Ивакин, Потапычев, 2016]. Результаты применения данной технологии в комплексных исследованиях археологических памятников опубликованы в статьях Е.В. Галынкина [2017], Л.В. Быкова и коллег [Быков, Татаурова, Светлейший, 2016], Р.Г. Подгорной и М.А. Васильева [2015]. На основе геоинформационного картографирования и ГИС-технологий были, например, созданы карты расселения мордвы в Сибири [Ивлева, 2017].

Геоинформационные системы включают несколько различных технологий, позволяющих проследить и уточнить координаты, положение, протяженность и другие параметры крупномасштабных объектов, динамику различных исторических процессов, на основе визуализации текстовых описаний идентифицировать и уточнить различные исторические факты и др.

Круг применения геоинформационных систем пока ограничен созданием и уточнением трехмерных моделей археологических памятников и их реконструкций, созданием карт расселения или распространения того или иного явления. «Технология представления данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ) о пространственно-протяженных исторических объектах позволяет обеспечить ретроспективное изучение состояния и динамики изменений объектов и явлений, географические масштабы которых не позволяют наблюдать их, в целом, не иначе как с околоземной орбиты» [Ивакин, 2016, с. 23].

Формирование цифровых баз данных — основная задача для большинства исследовательских, научных, учебных учреждений, архивов, музеев. Попытки внедрения цифровых технологий в мировое и региональное социокультурное пространство были сделаны в ходе выполнения интернет-проектов музейно-архивной направленности, например: «Архив академика А.П. Ершова» [Архив...], «СО РАН с 1957 года. Фотолетопись» [СО РАН...], исторический портал ММФ НГУ [Исторический портал...], «Открытый архив СО РАН» и др. [Ламин, Шелегина, 2014, с. 84]. База данных представляет собой совокупность самостоятельных материалов электронной системы хранения статей, фото, видео, расчетов, нормативных актов, судебных решений и прочих материалов, систематизированных таким образом, чтобы их могли найти и обработать. Методика разработки баз данных включает в себя не только сам хранящийся материал, складывающийся путем накопления разнородных данных в единой базе, но и методики систематизации знаний, цифровой обработки имеющихся материалов, создания видеоконтента, цифровых моделей, применения новых математических методов обработки и визуализации. Гибкость формирования баз данных позволяет не только сделать электронный вариант книги поступлений или бумажной картотеки, но создавать целые виртуальные пространства. Таким образом, формирование баз данных необходимо не только для учета и инвентаризации объектов, но и для научных исследований, выполнение которых значительно облегчается при поддержке современных информационных технологий и обеспечивает решение задач по созданию, наполнению, администрированию системы, архивации артефактов, созданию и накоплению цифровой информации, способствует выполнению на их основе соответствующих исследований и последующей подготовке публикаций. Такая систематизация обеспечивает удобную среду для работы с архивными и музейными материалами, реализуя принцип междисциплинарности в научных исследованиях. На сегодняшний день практически любая информация имеет возможность быть оцифрованной и систематизированной [Майничева, Мыльников, Рудая, 2013].

Стали появляться публикации обобщающего характера по применению цифровых технологий в этнографии, правда, они пока единичны [см., например: Радзюкевич и др., 2017; Майничева, 2017].

Таким образом, резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

В настоящее время к наиболее разрабатываемым методам сбора данных по материальным объектам относят лазерное сканирование, видеосъемку и фотограмметрию, которые позволяют ускорить процесс исследования объекта с наименьшим вмешательством и разрушением. На основе применения рассматриваемых методов можно получить новые сведения об объекте — комплекс данных, включающий контекст исследуемого объекта, его внутреннюю структуру, внешнюю среду и их взаимосвязь, с последующим получением трехмерной модели.

Методология исследований в гуманитарной сфере развивается в направлении обработки и систематизации полученных в процессе исследования све-

дений с помощью цифровых технологий, например трехмерное моделирование, применение геоинформационных систем, создание баз данных.

Сегодня существует тенденция применения комплекса современных новых технологий и методик исследования объекта для сбора данных, дальнейшей музеефикации и графической реконструкции этих объектов, происходит апробация новых цифровых технологий. Наиболее полно представлены новые цифровые методы в археологии, вместе с тем все перечисленные технологии вполне применимы к этнографическому исследованию объектов материальной культуры, что выведет этнографическую науку на новый уровень. Разработка соответствующих методик позволит использовать их потенциал.

Список литературы

1. Аникушина М.Н., Иванова А.В., Леонова А.В. О первых результатах лазерного сканирования и 3D-моделирования Шуховской башни на Шаболовке // Годичная научная конференция, посвященная 80-летию ИИЕТ РАН. — М.: Янус-К, 2012. — Ч. II. — С. 804—807.
2. Архив академика А.П. Ершова [Электронный ресурс]. — URL: <http://ershov.iis.nsk.su/>
3. Бахвалов С.В., Малков Ф.С. О создании виртуальных экспозиций археологического материала // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 195—198.
4. Бугров Д.Г., Гайнуллин И.И., Касимов А.В., Ситдинов А.Г. Комплексный подход при сборе информации для визуализации историко-культурного наследия острова-града Свяжск // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 104—111.
5. Быков Л.В., Татаурова Л.В., Светлейший А.З. Трехмерная реконструкция археологических памятников и объектов на основе данных дистанционного зондирования и глобальных навигационных спутниковых систем // Вестн. Ом. гос. аграр. ун-та. — 2016. — № 3(23). — С. 185—192.
6. Вавулин М.В., Зайцева О.В., Пушкарёв А.А. Трехмерное сканирование и моделирование корабельных деталей коча // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 234—239.
7. Вальков В.А. Геодезические наблюдения за процессом деформирования высотных сооружений с использованием технологии наземного лазерного сканирования: дис. ... канд. тех. наук. — Санкт-Петербург, 2015. — 158 с.
8. Варламова Л.Д., Дмитриев Д.Д. Использование лазерного сканера для сохранения архитектурно-исторического наследия // Интерактивная наука. — 2017. — № 12(22) [Электронный ресурс]. — URL: <https://interactive-plus.ru/e-articles/359/Action359-466433.pdf>
9. Галынкин Е.В. Специфика моделирования в археологических исследованиях // Вестн. Перм. Гос. гуманитар.-пед. ун-та. — 2017. — Сер. № 3. Гуманитарные и общественные науки. — Вып. 2. — С. 47—53.
10. Данилко Е.С. «Казымский переворот»: к истории первого визуально-антропологического проекта в России // Сибирские исторические исследования. — 2017. — № 3. — С. 93—112.
11. Дараган М.Н. Опыт 3D-моделирования курганных сооружений эпохи энеолита — ранней бронзы // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 125—138.
12. Жуковский М.О. Использование мультиторных БПЛА и фотограмметрических технологий обработки аэрофотосъемки в современных археологических исследованиях // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 69—80.
13. Зайцева О.В. «3D-революция» в археологической фиксации в российской перспективе // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 4. — С. 10—20.
14. Зайцева О.В., Вавулин М.В., Пушкарёв А.А., Водясов Е.В. Трехмерное сканирование и наземная фотограмметрия: возможности 3D-фиксации погребальных комплексов IN SITU // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 177—179.
15. Ивакин Я.А. Digital humanities: Междисциплинарный характер применения геоинформационных технологий в исторических исследованиях // Научный результат. — 2016. Сер. Информационные технологии. — Т. 1. — № 2. — С. 21—30.
16. Ивакин Я.А., Потапычев С.Н. Геохронологический трекинг — специализированный ГИС-инструментарий исторического исследования // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. — 2016. — № 1—2 (15—16). — С. 3—11.
17. Иванов В.М., Стрелков С.В., Холина А.А. Автюшенко А.Л. Виртуальные реконструкции в мультимедийных экспозициях объектов культурного наследия // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 41—49.
18. Ивлева Н.Г. Создание карт расселения мордвы в сибирском крае на основе материалов всесоюзной переписи населения 1926 // Финно-угорский мир. — 2017. — № 3. — С. 55—67.
19. Исторический портал ММФ НГУ [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.globalmmf.ru/>
20. Карелина Д.А. Реконструкции позднеимских крепостей в Египте: примеры, проблемы и особенности // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 181—188.
21. Ковров А.А. Документирование раннехристианских катакомб с использованием лазерного сканера RIEGL / Riegl. Laser Measurement Systems [Электронный ресурс]. — URL: http://www.riegl.ru/technology_27.html
22. Комиссаров А.В. Теория и технология лазерного сканирования для пространственного моделирования территорий: дис. ... д-ра техн. наук. — Новосибирск, 2015. — 278 с.
23. Крутиков Д.В. Трехмерное наземное лазерное сканирование в решении задач геоинформационного обеспечения инфраструктуры горнодобывающих предприятий: дис. ... канд. техн. наук. — Екатеринбург,

бург, 2011. — 123 с.

24. Ламин В.А., Шелегина О.Н. Проект «Открытый архив СО РАН» как синтез гуманитарных наук и информационных технологий // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2014. — Сер. Культурология и искусствоведение. — № 3 (15). — С. 84—91.
25. Ленов А.В. 3D-документы в музейной экспозиции: виртуальная реальность и веб-приложения // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 240—249.
26. Ленов А.В., Батурич Ю.М. 3D-документ — новый тип научно-технической документации // Вестн. архивиста. — 2013 — № 2 — С. 192—205
27. Майничева А.Ю. Перспективы использования информационных технологий в исторической этнографии на примере изучения русских в Сибири XVII—XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. — Т. XXIII. — С. 142—148.
28. Майничева А.Ю., Мельников В.П., Рудая И.М. Формирование базы данных по деревообработке и строительному делу русских сибиряков с использованием информационно-поисковой системы КАМИС // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — 2013. — Т. 12. — Вып. 3. Археология и этнография. — С. 235—246.
29. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Чжан Гуаньин. Принципы информационного моделирования недвижимых объектов культурного наследия (на примере деревянных буддийских храмов) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2017. — Т. 45. — № 2. — С. 142—148.
30. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Куликова С.О. Новый подход к сохранению памятников русского деревянного зодчества: применение технологии BIM // Урал. ист. вестн. — 2018. — № 1 (58). — С. 135—140. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-135-140.
31. Макиенко О.В. От STS к VSTS: проблема методологии визуальных исследований лабораторных практик и потенциал camera ethnography // Сибирские исторические исследования. — 2017. — № 4 — С. 94—103
32. Мокрушин В.П., Козлов М.В. Применение систем автоматического проектирования в археологических исследованиях // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 63—68.
33. Никитин А.А., Никитин А.В., Никитина А.А., Решетникова Н.Н. Компьютерные реконструкции крепости Ям-Ямбург на основе технологий интерактивного погружения // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 199—207.
34. Ольхин Ю.В. 3D-моделирование исторического ландшафтно-архитектурного объекта на примере Петровского сада г. Петрозаводска // Науч. журн. Кубан. гос. аграр. ун-та. — 2017 — № 127 (03) — С. 1—10 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/3d-modelirovanie-istoricheskogo-landshaftno-arhitekturnogo-obekta-na-primere-petrovskogo-sada-g-petrozavodska>
35. Пахунов А.С. Использование многоугольной теневой фотосъемки для фиксации состояния сохранности и следов реставрации палеолитической живописи (на примере Каповой пещеры) // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 171—176.
36. Подгорная Р.Г., Васильев М.А. Предпосылки создания ГИС «Археологическое изучение Пскова» и «Объекты археологического наследия Псковской области» // Виртуальная археология (эффективность методов): материалы Второй Междунар. конф. — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2015. — С. 226—233.
37. Радзюкевич А.В., Майничева А.Ю., Иванов А.В., Кулиев В.П. Новые технологии фиксации и документирования в этнографическом изучении зданий и сооружений // XII Конгресс антропологов и этнологов России. Ижевск, 3—6 июля 2017 г. — М., Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. — С. 126.
38. Радзюкевич А.В., Чернова М.А., Середович В.А., Иванов А.В., Мифтахудинова О.Р. Методика лазерного сканирования и пропорционального анализа форм памятника архитектуры (на примере храма Александра Невского в Новосибирске) // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2012. — Т. 3. — С. 115—126 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lazernogo-skanirovaniya-i-proporcionalnogo-analiza-form-pamyatnika-arhitektury-na-primere-hrama-aleksandra-nevskogo-v>
39. Середович В.А., Комиссаров А.В., Комиссаров Д.В., Широкова Т.А. Наземное лазерное сканирование. — Новосибирск: Сиб. гос. геодез. акад., 2009. — 261 с.
40. Середович В.А., Алтынцев М.А. Применение данных мобильного лазерного сканирования для создания топографических планов // Интерэкспо Гео-Сибирь. — 2013. — Т. 1. — № 3. — С. 96—100 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-dannyh-mobilnogo-lazernogo-skanirovaniya-dlya-sozdaniya-topograficheskikh-planov>
41. СО РАН с 1957 года. Фотолетопись [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.soran1957.ru/>
42. Chase A.F., Chase D.Z., Weishampel J.F., Drake J.B., Shrestha R.L., Slatton K.C., Awe J.J., Carter W.E. Airborne LiDAR, archaeology, and the ancient Maya landscape at Caracol, Belize // Journal of Archaeological Science — 2011. — Vol. 38. — Is. 2. — P. 387—398.
43. Chase A.F., Chase D.Z., Awe J.J., Weishampel J.F., Iannone G., Moyes H., Yaeger J., M. Brown K. The Use of LiDAR in Understanding the Ancient Maya Landscape. Caracol and Western Belize // Advances in Archaeological Practice: A Journal of the Society for American Archaeology — 2014. — Vol. 2. — Is. 3. — P. 208—221.
44. Gallison P. Visual STS // Visualization in the Age of Computerization / ed. by A. Carusi, A.S. Hoel, T. Webmoor, S. Woolgar. — London: Routledge, 2014. — P. 197—225 [Электронный ресурс]. — URL: https://galison.scholar.harvard.edu/files/andrewsmith/files/p_galison-visual_sts.pdf
45. Майничева А.Ю., Талапов В.В., и Zhang Guanying. Principles of the information modeling of cultural heritage objects: the case of wooden buddhist temples // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. — 2017 — Vol. 45. — Is. 2. — P. 142—148.
46. Mondada L. Video analysis and the temporality of inscriptions within social interaction: the case of

architects at work // Qualitative Research. — 2012. — No. 3. — P. 304—333.
47. Saccone Mauro. Disegnare il Pantheon. La pratica del rilievo nell'insegnamento accademico del XIX secolo e nel disegno digitale contemporaneo. — Roma:

Universita degli Studi Roma, 2017. — 324 p.
48. Sormani Philippe. Respecifying Lab Ethnography: An Ethnomethodological Study of Experimental Physics — Farnham, Surey, U.K., Ashgate, 2014. — 296 p.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10005

УДК 72.01:004.9

Г.В. Козлов

Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
archifutura@ya.ru

Научный руководитель: кандидат архитектуры А.В. Радзюкевич

Историологический подход к визуализации основания архитектурного синтеза

Аннотация

Представлены результаты исследования архитектурного синтеза с применением новых компьютерных технологий. В ходе исследования на основе многофакторного анализа данных установлен субординирующий и системообразующий характер архитектурного синтеза по отношению к базовым категориям архитектурной теории. Представлена графоаналитическая постнеклассическая модель, которая являет собой геометрическую систему, описывающую процесс архитектурного формо- и стилеобразования. Полученные результаты дают возможность историологического осмысления геометрического языка архитектуры. Рассматривается геометрическая визуализация основания архитектурного синтеза, фрагменты которой, в частности, проявляются на историческом полотне западноевропейской философии на протяжении основного исторического периода существования направления. Приводятся данные об использовании некоторых геометрических символов в философской и архитектурной интерпретациях наиболее яркими историческими личностями, специализирующимися и представляющими данные области познания. Дается пример отображений из философской плоскости в архитектурную с помощью полученной архитектурной конструкции.

Ключевые слова: архитектурное стилеобразование, архитектурный синтез, визуализация основания, онтология, гносеология, бытие

G.V. Kozlov

Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
archifutura@ya.ru

Scientific adviser is A.V. Radzukevich

Historiologic Approach to Visualize the Foundation of Architectural Synthesis

Abstract

Article deals with the research results of architectonic synthesis using the new computer technologies. During the research, based on mathematical factor analysis of the obtained data, the subordinating and system-forming character of architectonic synthesis in relation to the basic categories of architectural theory was determined. The graphic-analytical post-non-classical model is presented. This model is a geometric system that describes the process of architectural form and style making. The obtained results give the possibility of historical understanding of the geometrical language of architecture. The geometric visualization of the foundation of architectonic synthesis is considered, fragments of which, in particular, appear on the historical canvas of Western European philosophy during the main historical period of the direction. There are materials of the use of some geometric symbols in philosophical and architectural interpretations, by the most outstanding historical figures, specializing on and presenting these fields of knowledge. The example of representation from the philosophical plane to the architectural one is shown, with the help of the obtained architectonic construction.

Key words: architectonical style making, architectonical synthesis, visualization, foundations, ontology, epistemology, existence

Достигнет ли он достаточного знания, имея понятие относительно круга и самой божественной сферы, человеческой же нашей сферы и кругов не ведая, но пользуясь при постройке домов и в других искусствах правилом и циркулем?

Сократ. Из Диалогов Платона. XXV. Филеб

Основа языка архитектурной теории формируется на базе философии. Исторически сложилось так, что в текстах об архитектуре философское понятие архитектоники (как тектоники) впервые в 1844 г. употребляет К. Бэттихер в своем труде «Тектоника Эллинов» [Bötticher, 1844]. В рамках истории архитектуры вокруг этой даты можно произвести деление на два исторических периода соответственно: имплицитный и эксплицитный. В действительности понятие архитектоники зародилось ранее и, в частности, используется в трудах И. Канта, понимаемое им как «искусство систем» [Кант, 2006]. Ситуация заключается в том, что архитектоника может быть понята и, более того, обоснована и объяснена не только с опорой на философию, но также и на архитектуру. Понятие архитектоники проходит большой цикл определения на философской стадии, но в этом процессе постепенно нарастает необходимость более расширенного видения системы и основания архитектоники за счет архитектурного представления.

Внедрение К. Бэттихером философского понятия архитектоники в области архитектуры как «тектоники» впоследствии вызвало логическое затруднение внутри архитектуроведческих научных сообществ в связи с тем, что понятия «архитектоника» и «архитектура» неразличимы по существу. Эти понятия различимы только на уровне языка. «Архитектура» — слово римского происхождения. Слово «архитектоника» может быть переведено с помощью древнегреческого языка.

С течением времени в понятии архитектуры как бы элиминируется нечто, и наоборот, что-то остается в философской архитектонике неизменным. Архитектоника имеет фундирующее значение в архитектуре. Потому как если мы скажем: «Архитектура не архитектоника, но больше нее», то этим всеобщим высказыванием мы перейдем границу архитектоники и тем лишим архитектуру основания, и, более того, лишимся ее определения и, следовательно, возможности правильно рассуждать о ней, в то время как архитектура, о которой говорят, что она больше и при этом без основания, есть, по сути, только неопределенность, а архитектоника и есть искомая архитектура.

В некоторых антиархитектонических течениях, стремясь к ордеру искусственности, направляя систему негативных кривых зеркал на то разумное, что удастся познать из подлинной архитектоники, мнят, что структуру удается сломать, и то, что получается, в частности, согласно Ж. Делёзу, является «логикой смысла» [Делёз, 1995]. Однако «идея ризомы» Делёза не нова, и онтология уже является неформальной философией, так как уже «бытие» Парменида «не имеет частей». Наоборот, мало попыток формализовать философию, выясняя подлинную архитектонику, которая есть, благодаря чему в современных знаниях об архитектуре становятся справедливы слова Ф. Ницше: «Пустыня растет...» [Хайдеггер, 2006]. В терминах Г. Гегеля, происходит погружение

в «бесконечность рассудка» вместо «истинной бесконечности разума» [Hegel, 1978]. При отрицании возможности денотативного обоснования архитектуры исчезает возможность ее изучения. В результате оказываемых противодействий соответствующая методология не формируется, что постоянно отбрасывает новые поколения исследователей архитектуры в эту самую «пустыню», без основания.

В настоящее время состояние философского знания требует систематизации как детального построения модели архитектоники, философские исследования требуют не только экстраполяции на другие области в качестве проверки полученных знаний, но и визуализации этих моделей, затрагивая древнейший архитектурный язык геометрии. Этот процесс познания напрямую обращается к главной функции и способности архитектуры — выражению. В свою очередь, архитектура требует философских знаний для понимания смыслов собственных выражений, ранее недоступных напрямую. Таким образом, начинается взаимопроникновение идей, конвергенция между двумя разными историческими сообществами: философами и архитекторами. С открытием нового артефакта — феномена архитектоники — функциональная связь между данными сообществами становится намного интенсивнее.

В период XIX—XX столетий активно формируется исторический ландшафт архитектурно-философского взаимодействия. Особенно значимым для развития данного взаимодействия является важное осмысление, возникшее в первой половине XX в., когда философская идея позитивного дуализма затрагивает непосредственно сферу архитектурной теории. В. Гропиус предлагает представление организации архитектуры не как «замкнутой в себе сферы», а как «моста, соединяющего противоположные полюса мысли» [Гропиус, 1971, с. 121]. Намечается бинарная структура процесса, который можно наблюдать на историческом полотне архитектурных стилей, с чем связано возникновение термина «бином Ле Корбюзье». Одни стили опираются на функцию и конструктив, другие выразительны по форме и композиции (деконструктивисты). На основе философского дуализма возникает две соответствующие архитектурно-философские школы. Возникает разрыв, устранение которого в дальнейшем вызывает затруднения, для преодоления которых требуется архитектурный (архитектонический) синтез, который мог бы дать опору новым архитектурным исследованиям.

С одной стороны, сторонники конструктивного подхода основываются на возможностях экономии материала путем рациональных оптимизационных расчетов, но сталкиваются с утратой многообразия форм как выразительной способности архитектуры. Это дает основание современной архитектурно-философской школе конструктивистов (В.Г. Щухов, Н. Форстер, Р. Пиано, С. Калатрава и др.).

С другой стороны, сторонники композиционного

(деконструктивного) подхода полагаются на способность чувственного художественного выражения архитектуры, возвышающую последнюю до искусства, и сталкиваются с потребностью экономии материалов. Это дает основания современной архитектурно-философской школе деконструктивистов (Р. Колхас, З. Хадид, Ф. Гери, Т. Ито, Д. Либезкинд и др.), возникшей на основе философии Ж. Дерриды.

Следовательно, возникает проблема архитектурно-синтетического синтеза в получении целостного представления об архитектуре.

Для решения данной проблемы сформирована база исследования (феноменологического типа) и научно-теоретический заказ на изучение проблемы архитектурно-синтетического синтеза [Зубов, 2000; Габричевский, 1993; Иконников, Степанов, 1971; Некрасов, 1994; Норенков, 1989; Palmquist, 1986]. Современные технические возможности делают возможным получение новых знаний по решению данной проблемы, благодаря чему указанное направление исследований становится актуальным.

Рассмотрим историологическую гипотезу, где предположим, что понятие феномена архитектурной познано в историческом контексте и представляет конкретный артефакт, фрагменты которого возникают в процессе «флуктуаций» в историческом контексте, фиксируемом на уровне формирования теорий.

Объектом исторического исследования становится пара научных сообществ: философы и архитекторы.

Предметом исторического исследования становится феномен архитектурной логики как артефакт, который осуществляет взаимодействие образуемых архитектурно-философских сообществ.

Хронологические границы исследования могут быть представлены периодом от V в. до н. э. (Парменид [Платон, 1994]) до конца XX в. (С. Палмквист [Palmquist, 1986]).

Историографические границы рассматриваются в рамках западноевропейской культуры, включая российский корпус.

Цель — выявление и визуализация архитектурно-синтетического основания по числовым параметрам как системы отношений, указывающей на существование единого объекта архитектурно-синтетического синтеза и объясняющей его влияние на отдельные категории архитектуры (формы и стилиобразования).

Общие задачи соответствуют структуре проблемы исследования:

- 1) исследование конструктивной логики;
- 2) исследование композиционной логики;
- 3) построение единой логической конструкции;
- 4) визуализация.

Исследование архитектурно-синтетического синтеза требует междисциплинарного подхода. Объединению нескольких дисциплин служит поиск общих объектов на основе определения признаков с помощью численных математических методов вычисления, применимых как в естественно-научных, так и гуманитарных областях.

1. В качестве естественнонаучных дисциплин рассматривается, в частности, теория упругости, цель применения которой — изучение конструктивной стороны архитектурной логики. Для расчетов использу-

ется численный метод конечных элементов (МКЭ), в частности на примерах плоской задачи теории упругости.

2. В качестве гуманитарных дисциплин рассматривается, в частности, теория когнитивной психологии и психофизики, цель применения которых — изучение композиционной стороны архитектурной логики. Используются методы окулографии (метод записи движения взгляда), миографии (метод записи мышечной (кинестетической) реакции) и методы математической статистики, включая многофакторный анализ.

3. Для построения единой логической конструкции используются методы математической статистики, в частности факторный анализ.

4. Для написания данной статьи автором впервые используется исторический подход к визуализации объекта архитектурно-синтетического синтеза. Рассматривается историологический подход вопроса визуализации (иконографии) архитектурно-синтетического основания. Базовые элементы и их системная организация выясняются в эмпирическом анализе и устанавливаются с помощью расчетных методов математической статистики. Данные базовые элементы и их частная и полная взаимосвязь считаются историческими артефактами.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты:

1. Конструктивная архитектурная логика заключается в соотношении нагрузки и опоры. Отношения нагрузки и опоры в пределе можно описать через эксцентриситет (e). Основными символами логики эксцентриситетов в конструктивном подходе являются: круг ($e=0$) и крест ($e=\text{inf}$). Единство достигается при $e=\text{indef}$. Круг и крест — базовые геометрические символы для архитектурного языка конструирования, поскольку в первую очередь дают разграничение применению архитектурной пластики путем работы линиями, обладающими кривизной, кольцевыми структурами и, с другой стороны, дают возможность артикуляции путем работы с хорошо просчитываемыми прямыми линиями-структурами, не обладающими кривизной и делящими форму на части, превращая ее в конструкцию как объединение структур [Радзюкевич, Козлов, 2012.].

2. Композиционная сторона тоже может быть изучена номотетически, численными методами, с помощью современной компьютерной окулографии и миографии. Как и в случае с конструктивным подходом, в композиционном уместна логика эксцентриситетов. Композиционная логика эксцентриситетов заключается в отношении визуальной массы (развернутого пространства) и основания (развернутой площадки опоры) [Козлов, 2018].

Основными символами логики эксцентриситетов в композиционном подходе является конус и перевернутый конус. С другой стороны, в других психологических исследованиях также фигурирует символ креста и круга: «Такие реальные символы, как солнечный диск или крест, отражают основные виды человеческого опыта с помощью основных изобразительных форм» [Арнхейм, 1974, с. 2].

3. На основе единой логики эксцентриситетов, обоснованной математически, возможно различение и совмещение геометрически обусловленных

символов, означающее единое архитектурное решение, говоря на языке философии, как единство движения ($e=0$) и покоя ($e=\text{inf}$). Единая логика и ее параметры указывают на существование архитектурного основания, которое может быть выявлено. Возникает сложносоставная философская система как конструкция, с присущими ей геометрическими характеристиками (ил. 1).

4. С момента, когда начинают выясняться базовые элементы визуализации основания архитектурного синтеза, ставится вопрос о проявлении и становлении знаков и символов архитектуры в рамках исторического процесса. В теории архитектуры полученный ряд элементов был предсказан А.И. Некрасовым: «Руководящими формами должны быть квадрат и круг, куб и шар, пирамида и цилиндр, иначе говоря, элементарные формы планиметрии и стереометрии» [Моисеев, 2010]. Также важность выяснения роли этих базовых фигур отмечает Х. Зедльмайр [Зедльмайр, 2008, с. 114].

К возможности историографической визуализации архитектурного основания в научных кругах стали присматриваться задолго до идеи феноменологии, предложенной философом Э. Гуссерлем, призывающим обратить внимание на необходимость изучения объекта феномена [Гуссерль, 1994]. Г. Гегель пишет: «Поскольку вера начинается с чувственного образа, она имеет перед собой историю, совершающуюся во времени» [Гегель, 1977].

Среди современных отечественных исследователей на необходимость визуализации объекта онтологии, в частности, указывает В.И. Моисеев [Моисеев, 2002]. На основе онтологии он поднимает вопрос «визуализации материи» [Моисеев, 2010]. В.И. Моисеев сетует на сложность визуализации, поскольку мы не можем «напрямую» созерцать основание, оно постоянно ускользает. Л. Витгенштейн писал: «то, что может быть показано, не может быть сказано» [Wittgenstein, 1922]. М. Хайдеггер так говорит о данном обстоятельстве: «То, что мы еще не мыслим, исходит в гораздо большей степени из того, что это данное для осмысления само отвергается от человека, и это происходит уже давно» [Хайдеггер, 2006, с. 38].

Рассмотрим возможную, с нашей точки зрения, иконографическую интерпретацию. При этом остается затруднительным рассуждать о целом символе, хотя он и может быть здесь образован, к тому же в этом случае могут быть необходимы многие дополнительные исследования. Проведем малую часть рассуждений, возможных в отношении символа креста в круге, полученных в логике эксцентриситетов.

При обращении к историографии можно выявить факты, указывающие на существование данного так называемого солярного символа с древних времен. Помимо того что этот символ используется в современной логике и христианстве, он был известен в Древней Финикии как так называемая тета. Также в письменности Древней Греции есть знак «фита». Символ по праву может считаться древнейшим артефактом.

Генетические корни, как частные решения и элементы визуализации архитектурного основания, возникали еще в древности. Исторически первым символом философии становится упомянутая ранее

«сфера» Парменида: «Вид его (бытия — Г.К.) массе правильной сферы всюду подобен» [Платон, 1993, с. 312; Парменид, 1989]. Известнейший вопрос Сократа «Что есть красота?» на самом деле имеет следующий, его собственный, ответ: «Под красотой очертаний я пытаюсь теперь понимать не то, что хочет понимать под ней большинство, то есть красоту живых существ или картин; нет, я имею в виду прямое и круглое...» [Платон, 1990, с. 821]. В размышлениях Аристотеля было такое представление: «Движение в пространстве может быть: 1) круговым, 2) прямолинейным и 3) сочетанием движения прямолинейного с круговым» [Аристотель, 1976, с. 30].

В истории западноевропейской философии, в различных ее трактатах, рассматривается в основном круг как символ неделимости, бесконечного возвращения, цикла, вечности, по Платону — «зона». Целесообразно обратить внимание на факты употребления символа круга, осмысленные и сформулированные в различные периоды в работах И. Канта, М. Хайдеггера, Х.Г. Гадамера, Ж. Делёза и других авторов, включая Г. Гегеля, считавшего эту фигуру выражением идеи процесса становления бытия циклической сменой конечного и бесконечного: «истинная же бесконечность, обратно в себя загибающаяся, имеет своим образом круг» [Hegel, 1978].

На ландшафте философии западноевропейской тематики, при укрупненной выборке, после идей представления бытия как круга (окружности), известной уже две с половиной тысячи лет, начиная со «сферы» Парменида как символа бесконечности, не возникло иного пласта представлений. В этом смысле нужно отметить, что в особенности в философии XX в. недостаточно внимания уделяется символу креста как идее предела в архитектуре мироздания, обширно представленной христианскими текстами, которые также дают неформальное описание архитектурной системы как решения основной философской проблемы единства движения (крест) и покоя (круг): «сила их — сидеть спокойно» (Ис. 30:7). В связи с этим для исторического представления артефакта архитектурного синтеза имеет важное значение историологическая идея О. Конта, связанная с тем, что любое познание начинается с теологии, проходит стадию философии и приводит к обоснованному научному пониманию.

Становятся возможными размышления о форме, стилеобразовании и языке архитектурного искусства на основании базовой геометрии архитектурного синтеза, подтверждая, в частности, многие идеи Б.Р. Виппера, высказанные им в труде «Введение в историческое изучение искусства» [Виппер, 1985].

Теперь рассматриваемые формы (фигуры) круг (S, субъект) и крест (P, предикат) являются базовыми логическими элементами для языка архитектуры. По отношению к архитектонике формы крест — движение и определенность, круг — покой и неопределенность. Языком архитектуры становятся органическая (пластическая) «круглая пластика» А.И. Некрасова и аналитическая прямая артикуляция.

В процессе развития архитектурного стилеобразования к круглым формам стремятся деконструктивисты, например З. Хадид, а с прямыми формами работают конструктивисты, хотя в результате процесса получается напротив: артикуляция (деление на ча-

сти) — цель деконструктивистов, пластика (объединение частей) — цель конструктивистов. На основе геометрии рассматриваемого символа происходит деление стилевых направлений линейного конструктивизма и плавного деконструктивизма.

Искусством архитектуру делает метод (путь) живого мышления (М), который обеспечивает смысл и свободу «S—P» преобразований [Duncker, 1935.]. В истории архитектуры также существуют важные примеры понимания выражения смысла архитектуры. Базовые архитектурные формы имеют философский смысл. Становится вопрос о том, как архитектор может работать с данным рядом смыслов — вопрос о методе или пути. Смысл как понимание возникает, когда проходит путь, который объединяет эти разные «полюса мысли», как это было в опыте Ле Корбюзье, прошедшем путь от «функции» (S) «Дома в Марселе» до «формы» (P) «Капеллы в Роншане».

Таким образом, язык геометрии архитектурного синтеза становится целесообразным рассматривать в историческом контексте, поскольку этот процесс затрагивает интересы как философов, так и архитекторов, обладающих различными знаниями о рассматриваемом артефакте в разные периоды времени.

Наши выводы:

1. Отдельные стороны архитектурного синтеза имеют единую логику — логику эксцентриситетов.

2. Логика эксцентриситетов имеет геометрическое выражение, в результате чего становится возможной визуализация основания архитектурного синтеза. Архитектурный синтез как феномен может быть визуализирован.

3. Выявлено архитектурное основание. Архитектоника научно познаваема, является системообразующим основанием, вокруг которого субординируются базовые категории архитектурного стилеобразования.

4. Произведена визуализация архитектурного основания с учетом исторического контекста. Визуализация архитектурного синтеза может служить в качестве базы исторического изучения архитектурного искусства. Существует историческое пространство, в котором просматривается геометрическая идея феномена архитектурного синтеза.

Проблема архитектурного синтеза находится в начале пути ее исследования. Визуализация архитектурного основания как символа решения проблемы не только возможна, но и проверяема научным опытным путем с помощью номотетических методов.

Исследование показало, что к иконографии применимы номотетические методы, в частности, физико-математические и технологии исследования, благодаря чему архитектура становится объективной научной дисциплиной.

В рамках исторического подхода объект архитектурного синтеза представляет артефакт, содержащий новые данные о возможности формирования метаязыка науки и способный характеризовать взаимоотношения различных научных сообществ, найти общие для них исторические связи, обусловленные его существованием. В частности, на основе существования данного артефакта происходит сближение

таких консервативных дисциплин, как философия и архитектура, так как между ними обеспечивается не только функциональная, но и генетическая связь. В результате этого становится возможным отображение рассуждений философии в геометрию архитектуры и обратно в логико-философские объекты с помощью архитектурной конструкции, формирующей смысл архитектуры при данных непрерывных отображениях.

Список литературы

1. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1. — М.: Мысль, 1976. — 550 с.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — М.: Прогресс, 1974. — 386 с.
3. Виппер Б.Р. Введение в историческое изучение искусства. — М.: Изобразительное искусство, 1985. — 580 с.
4. Габричевский А.Г. Теория и история архитектуры: Избранные сочинения. — Киев: Самватас, 1993. — 256 с.
5. Гегель Г. Философия религии. В 2 т. Т. 2. — М.: Мысль, 1977. — 573 с.
6. Гропиус В. Границы архитектуры. — М.: Искусство, 1971. — 287 с.
7. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. — Новочеркасск: Сагуна, 1994. — 368 с.
8. Делёз Ж. Логика смысла. — М.: Изд. центр «Академия», 1995. — 299 с.
9. Зедльмайр Х. Утрата середины. — М.: Прогрестрадиция; Изд. дом «Территория будущего», 2008. — 640 с.
10. Зубов В.П. Труды по истории и теории архитектуры. — М.: Искусствознание, 2000. — 528 с.
11. Иконников А.В., Степанов Г.П. Основы архитектурной композиции. — М.: Искусство, 1971. — 255 с.
12. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. В 4 т. — М.: Наука, 2006. — Т. 2. Критика чистого разума. Ч. 1. — 1082 с.
13. Козлов Г.В. Выявление объективного подхода к изучению композиционной стороны архитектурной методами окулографии и миографии. // *Architecture and Modern Information Technologies*. — 2018. — № 1 (42). — С. 341—354 [Электронный ресурс]. — URL: http://marhi.ru/AMIT/2018/1kvart18/24_kozlov/index.php
14. Моисеев В.И. Логика всеединства. — М.: ПЕР СЭ, 2002. — 415 с.
15. Моисеев В.И. Философия науки. Философские проблемы биологии и медицины. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. — 560 с.
16. Некрасов А.И. Теория архитектуры. — М.: Стройиздат, 1994. — 480 с.
17. Норенков С.В. Архитектурный принцип (Кант — Гегель — М.М. Бахтин) // *Эстетика М.М. Бахтина и современность*. — Саранск: Знание, 1989. — С. 103—106.
18. Парменид. О природе // *Фрагменты ранних греческих философов*. — Ч. 1: От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. — М.: Наука, 1989. — С. 295—298.
19. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — 860 с.

20. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — 528 с.
21. Платон. Собрание сочинений. В 4 т. — Т. 3 — М.: Мысль, 1994. — 654 с.
22. Радзюкевич А.В., Козлов Г.В. Виртуальное моделирование физических процессов как новый инструмент архитектурного формообразования // Architecture and Modern Information Technologies. — 2012. — № 4(21). — С. 1—11 [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/radzjukevich/radzjukevich.pdf>
23. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? — М.: Территория будущего, 2006. — 320 с.
24. Botticher K. Die Tektonik der Hellenen. — Potsdam, 1844. — 278 с.
25. Duncker K. Zur Psychologie des produktiven Denkens. — Berlin: Springer, 1935. — 135 s.
26. Hegel G. W. F. Wissenschaft der Logik. Erster Band. Die objektive Logik (1812/13). — Hamburg: Hrsg. von Friedrich Hogemann und Walter Jaeschke, 1978. — 1593 s.
27. Palmquist S. Kant's system of perspectives: an architectonic interpretation of the Critical philosophy. — Oxford: St. Peter's College, 1986.
28. Wittgensteqn L. Tractatus Logico-Philosophicus. — London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., Ltd; New York: Harcourt, Brace & Company, Inc., 1922 — 173 p.

Ил. 1. Постнеклассическая субординация базовых категорий архитектурного (архитектонического) стилообразования. Выполнено автором на основе расчета в программе STATISTICA

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10006
УДК: 719

О.Г. Литвинова
Томский государственный архитектурно-строительный университет (Томск)
litvinovaolga1982@gmail.com

Апробация методики экспресс-обследования объектов культурного наследия в селе Нарым Томской области

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РГНФ: 17-14-70601 е(р) «Научно-реставрационные и физико-географические полевые исследования исторического поселения Нарым» 2017 г.

Аннотация

В статье представлены результаты полевых научно-исследовательских работ, проведенных на 24 объектах культурного наследия историко-архитектурного комплекса с. Нарым Парабельского района Томской области. По итогам работ сформулирована структура методики, а также дана характеристика метода экспресс-анализа технического состояния объектов. Результаты позволяют рекомендовать данный метод для проведения мониторинга состояния объектов культурного наследия.

Ключевые слова: архитектурное наследие, реставрация, методы обследования, с. Нарым, экспресс-обследование, объекты культурного наследия

O.G. Litvinova
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
litvinovaolga1982@gmail.com

Approbation of the Methods of Express Inspection of Cultural Heritage Sites in the Village of Narym, Tomsk Region

Abstract

The article deals with the results of field research carried out on the 24 cultural heritage sites of the historical and architectural complex in Narym of the Parabelsky district of the Tomsk region. Based on the results of the work, the structure of the methodology is formulated, and also the express analysis method of the technical state of objects is given. The results allow us to recommend this method for monitoring the status of cultural heritage sites.

Key words: architectural heritage, restoration, methods of examination, Narym, express inspection, cultural heritage sites

Серьезным недостатком современных теоретических и прикладных принципов исследования в реставрационной науке является отсутствие детального описания методов, применяемых в практике натурального обследования объектов культурного наследия, а также мониторинга их технического состояния. По сути, архитекторы-реставраторы используют только несколько ключевых методов, опубликованных в конце XX в. знаменитыми учеными О.И. Пруцыным в учебном пособии «Реставрация и реконструкция архитектурного наследия» [1996] и С.С. Подъяпольским в руководстве «Реставрация памятников архитектуры» [1988]. Однако развитие общества и технологий требует усовершенствования методик обследования. Современные статьи изобилуют описанием важности использования высокотехнологичных исследований, но при этом не дают описания самих методов, в особенности их результатов [Попело, 2013; Паушкин и др., 2014; Козлова, 2013]. Как правило, современные технологии не гарантируют качественных комплексных результатов. В период проведения полевых ис-

следований на труднодоступных территориях (или территориях, удаленных от центральных городов) исследователь сталкивается с рядом ненадуманных сложностей: это ограниченные сроки исследования, плохие погодные условия, удаленность от современных средств коммуникаций и прочие, порой непредсказуемые, факторы. В таких условиях значение приобретают методы, которые позволяют снять наибольшее количество информации с наименьшими затратами, так как сложные измерения провести просто невозможно.

Современным законодательством установлено требование о проведении мониторинга технического состояния объектов культурного наследия. Данное требование относится ко всем регионам России, а также ко всем территориальным единицам. Исследования такого рода крайне редки, поскольку комплексный анализ большого числа объектов имеет большую стоимость.

В связи с этим задачи по разработке новых методик обследования для проведения мониторингов

весьма актуальны и имеют практическую значимость в работе федеральных органов охраны объектов культурного наследия, а также для муниципалитетов.

В данной работе представлены результаты апробации одной из таких методик — экспресс-обследования, которое применялось для изучения технического состояния объектов культурного наследия в 2017 г. в с. Нарым Парабельского района Томской области с учетом существующих природно-климатических и гидрографических условий. Экспедиция длилась 14 дней, в ее составе работали 7 человек: доценты кафедры теории и истории архитектуры ТГАСУ (г. Томск): кандидат исторических наук, архитектор-реставратор О.Г. Литвинова (руководитель) и кандидат архитектуры, ландшафтный архитектор О.С. Воронина; профессор, доктор технических наук, инженер-гидротехник А.А. Беляков (г. Москва); студенты 4-го курса кафедры реставрации и реконструкции архитектурного наследия ТГАСУ А. Осипова (г. Горно-Алтайск), Т. Резниченко (г. Кемерово) и Е. Лукомский (г. Лесосибирск); старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея, историк-краевед М.Г. Лоскутова (Томск).

Участниками проекта было обследовано 24 объекта, среди которых шесть объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) (далее по тексту — ОКН) федерального значения, одиннадцать ОКН регионального значения и семь объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия. Было установлено, что из тридцати трех ОКН, включенных в государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации, утрачено девять. Пять ОКН были утрачены в результате руловых процессов проток, окружающих населенный пункт. Четыре объекта утрачены из-за ветхого состояния. Все сохранившиеся объекты были зафиксированы и изучены (табл. 1).

Методика экспресс-обследования объектов позволила установить, что семь ОКН находятся в аварийном состоянии (на грани исчезновения) и требуют срочных ремонтно-восстановительных работ. Шесть ОКН находятся в ограниченно работоспособном состоянии, однако их числовые показатели (согласно методике экспресс-анализа) указывают, что техническое состояние граничит с категорией аварийного и необходим ремонт. Четыре ОКН находятся в работоспособном состоянии, но их первоначальный облик частично утрачен и необходимы реставрационные работы (ил. 1).

Среди объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия, экспресс-анализ показал, что один объект имеет работоспособное состояние, пять объектов — ограниченно-работоспособное и один объект требует срочного ремонта.

Все объекты были привязаны к единой международной системе координат WGS84. Для каждого объекта составлен информационный пакет документов, в который вошли: обмерные схемы с обозначением дефектов и поздних наслоений, карты технического состояния объектов в виде анкет и фотофиксация.

Методика экспресс-обследования, проведенная на объектах с. Нарым, включала три основных метода:

— метод визуального анализа — фотофиксация объектов с помощью размерной линейки;

— метод инструментального обследования — составление схематичных архитектурных обмеров с нанесением габаритных размеров и дефектов;

— метод экспресс-анализа технического состояния объектов.

Поскольку первые два метода являются традиционными в реставрационной науке и не нуждаются в аннотации, далее более детально описан метод экспресс-анализа.

В целом экспресс-анализ состоит из четырех этапов.

Первый этап: выявление структурно-функциональных элементов объекта культурного наследия

На первом этапе необходимо составить общий перечень основных структурно-функциональных элементов обследуемого сооружения, из которого в дальнейшем формируются группы элементов по укрупненным блокам. Следует сгруппировать отдельные блоки важных конструктивных элементов, т.е. несущих конструкций, от устойчивости которых зависит основной несущий остов сооружения. Дополнительными блоками формируются элементы, отвечающие за декоративно-стилистические особенности сооружения; показатели комфорта эксплуатации здания; элементы окружающей среды, которые напрямую воздействуют на эксплуатационные показатели объекта.

Каждому элементу сооружения следует присвоить процент общего технического состояния («устойчивость» элементов) в границах от 0 до 100%. С целью более корректной оценки введены два дополнительных параметра: «не предусмотрено» и «отсутствует».

Процент общего технического состояния необходимо разделить на диапазоны, которые соответствуют пятибалльной системе. Это позволяет адаптировать оценку степени сохранности («устойчивости») элементов в более понятную форму. Оценочная шкала от 5 до 1 балла задана по убывающей, например, отличное состояние приравнено к оценке «5», аварийное состояние — к оценке «2», а остатки и следы элементов — к оценке «1».

Также необходимо дать оценку для категории вмешательства (имеется в виду срочность мероприятий по сохранению). Категориям присвоены буквенные литеры.

Экспресс-анализ технического состояния объекта должен сопровождаться обязательной фотофиксацией с масштабной линейкой, а также фиксационными обмерными архитектурными схемами, так как часто вокруг зданий растут деревья и выстроено множество хозяйственных построек.

Второй этап: составление анкет технического состояния

Анкеты составляются для каждого сооружения. Укрупненные блоки сгруппированы в две части (за исключением мемориальных объектов, у которых отсутствуют интерьеры): внешнюю, оценка которой определяется по элементам наружного облика сооружения, и внутреннюю — по внутренним элементам, доступ к которым осуществляется изнутри. Число самих блоков ограничивается особенностями типологии обследуемых сооружений и может варьироваться.

В анкетах для обследования ОКН в с. Нарым по

внешней части было выделено восемь укрупненных блоков, по внутренней — семь. В каждом блоке выделены главные структурно-функциональные элементы, отвечающие как за сохранность объекта в целом, так и элементы, необходимые для комфортной эксплуатации сооружений. Также учтены элементы, традиционно отвечающие за определение стилевой (архитектурно-художественной) принадлежности объектов. Таким образом, в анкетах были учтены все те элементы, которые указываются в предмете охраны объектов культурного наследия.

Оценка каждого элемента определена по процентному диапазону «устойчивости» элементов, к которому приравнена шкала по пятибалльной системе, а также степень требуемого вмешательства. Кроме ключевых граф, для каждого элемента должна присутствовать графа «замечания» с целью более детального раскрытия особенностей (табл. 2).

Третий этап: оценка состояния структурно-функциональных элементов

Принципиальный подход в оценке элементов сведен к понятию «устойчивости» структурно-функциональных элементов и маркируется следующим образом:

— устойчивость элемента отсутствует, но при этом сохранились следы или руинизированные остатки, на основании которых можно провести процедуру воссоздания. Оценка в данном случае равна единице и маркируется знаком «х»;

— плохая устойчивость элемента (аварийное состояние) маркируется знаком «-». Оценка равна двум баллам. Это означает, что элемент трудно идентифицируется по его наличию, при этом его эксплуатация невозможна;

— средняя устойчивость (ограниченная работоспособность) элемента маркируется знаком «-+» и равна трем баллам. Элемент способен выполнять функции с ограничением, но его легко можно идентифицировать;

— хорошая устойчивость элемента означает работоспособное состояние и маркируется знаком «0» равным четырем баллам;

— отличная устойчивость (нормативная, с сохранением подлинности) и выполнение структурно-функциональным элементом своих функций маркируется знаком «+» с пятью баллами.

Помимо технических характеристик, в анкету сооружения вносятся графы, отвечающие за информацию о наименовании, местоположении, координатной привязке, истории объекта, фазах предыдущих ремонтов и реставрациях, наличии архивных материалов.

Таким образом, каждому элементу здания присваивается общий процент технического состояния (устойчивости), который переводится в балльную систему и дает возможность установить категорию вмешательства.

На следующем этапе в каждом укрупненном блоке вычисляется средний арифметический балл, который в дальнейшем вводится в среднюю арифметическую оценку технического состояния всего сооружения. В зависимости от типологии, первоначальной функции и особенностей эксплуатации здания, при вычислении могут не учитываться элементы, изначально отсутствующие и не являющиеся

обязательными атрибутами современных показателей комфортности. Например, в здании не предусмотрены приборы отопительной системы, так как на территории поселения теплосети отсутствуют. Поэтому элементам, которые изначально не предусмотрены, оценка не дается. Среднеарифметический балл вычисляется исключительно по наличию элементов и их оценки.

Четвертый этап: получение сводных данных

На следующем этапе показатели укрупненных блоков и итоговая оценка по каждому зданию сводятся в единую матричную таблицу, позволяющую увидеть общую картину технического состояния объектов, а также категорию срочности ремонтно-реставрационных работ для каждого здания (табл. 3). Например, при итоговой средней оценке технического состояния здания в «3» (три) балла, наглядно представлено, в результате каких именно укрупненных блоков произошло снижение технических характеристик объекта (например, из-за снижения устойчивости конструкций стропильной системы или фундаментов). И если в целом общее техническое состояние не требует срочного вмешательства, то благодаря видимым баллам в диапазоне укрупненных блоков может выясниться, что требуются срочные противоаварийные мероприятия для кровли или лестничной клетки сооружения. Также в матрице наглядно показано, что достаточно часто внешнее техническое состояние объекта не соответствует внутреннему.

Для каждого среднеарифметического балла следует назначить условное цветовое обозначение, позволяющее маркировать объекты для наглядных графических материалов, которые также упрощают представление результатов мониторинга технического состояния ОКН.

Дополнительное удобство методика экспресс-анализа вносит в полевые исследования при разнообразии видов ОКН, к которым могут относиться исторические памятники, мемориальные комплексы, градостроительные ансамбли и т.д. Принцип анкетирования остается неизменным, разница лишь в том, что наименования конструктивных элементов корректируются в зависимости от типа сооружения.

В целом анкета объекта культурного наследия является текстовым информационным источником, который необходимо дополнять графическим наглядным материалом, позволяющим провести процедуру составления сметной документации по укрупненным показателям на ремонтно-реставрационные работы. Кроме этого, графические схемы с дефектами и фотофиксацией объектов необходимы для формирования учетной документации с целью ведения государственного реестра ОКН Российской Федерации.

Данная методика имеет ряд преимуществ. Во-первых, значительно сокращается время, затрачиваемое на обследование. Во-вторых, появляется возможность выполнять мониторинг ОКН более регулярно, что существенно удешевляет проведение общего мониторинга технического состояния, а также дает возможность выявлять основные факторы, снижающие степень сохранности объектов.

В результате проведения анкетирования объектов культурного наследия, которое учитывало окру-

жающую обстановку на прилегающих территориях, были выделены следующие факторы, влияющие на техническое состояние ОКН и утрату их первоначального облика:

1) природно-климатические (естественные русловые процессы р. Оби и ее притоков);

2) антропогенные (отсутствие средств на ремонт и реставрацию, некорректная деятельность человека при организации благоустройства территории);

3) географические (удаленность от районного центра и отсутствие регулярной транспортной связи).

С целью установления подлинности объектов и причин их утраты были проведены исследования по выявлению эволюции исторического планировочного каркаса села. Данные были сведены в общую ретроспективу пространственно-временных изменений для установления особенностей и закономерностей явлений, выявлены их структуры и взаимосвязи, изучена динамика в пространстве и времени.

Ретроспектива составлена картографическим методом исследования на основе сравнения архивных графических источников (всего 8 планов с. Нарыма) с реально сложившейся ситуацией. В итоге была составлена модель планировочного развития и трансформации антропогенного ландшафта Нарыма. Этот же анализ позволил отследить изменения функциональной модели поселения. Всего зафиксировано три основных формы планировочного каркаса Нарыма:

I — дорегулярная, существовавшая до середины XIX в. (основным планировочным каркасом являлись природные компоненты и культовые доминанты);

II — регулярная, существовавшая со второй половины XIX до первой половины XX в. (планировочным каркасом являлись транспортно-пешеходные связи. Свободная планировка реконструирована в упорядоченные модули жилых кварталов. Культовые доминанты после Великой Отечественной войны утрачены);

III — районная, вторая половина XX в. (не изменила уже сложившуюся среду кардинально, в основе по-прежнему заложены принципы регулярных каркасов, но уже в пределах локальных функциональных участков). На период обследования зафиксированы новые процессы ухода от регулярной основы планировочного каркаса к свободной форме [Воронина, Литвинова, 2017].

Ретроспектива функционального зонирования показала, что градостроительная перепланировка Нарыма (в периоды перехода с той или иной формы планировочного каркаса) не изменила принципиального взаиморасположения основных функциональных зон (культурно-бытовой, административно-общественной, торговой, производственной и жилой). Однако значительное влияние оказали следующие факторы: изменение ландшафта, изменение политического строя в 1917 г. и экономическое положение России в конце XX в.

Структурные трансформации ландшафта в большей степени повлияли на распределение жилой застройки в обход вновь заболоченным и затапливаемым участкам суши, а также на перенос производственных функций. Русловые процессы протоки Безымянной по-прежнему влияют на перераспределение жилой функции по направлению северо-вос-

точных окраин села.

Смена политического строя в 1917 г. привела к рассредоточению крупных торговых зон, увеличению производственных площадей и увеличению административно-общественных зон. Экономическое положение России в конце XX в. при массовом оттоке сельского населения в районные центры привело к регрессии производственных территорий. В настоящее время функциональная модель сохраняет рассредоточенную форму, установившуюся в период существования Советской России.

На местности изучена гидрографическая ситуация, выявившая масштаб трансформации антропогенного ландшафта с. Нарыма. Удалось установить период времени, когда изменилась гидрография природного ландшафта Нарыма. С этого времени (середина XIX в.) происходит эрозия почв береговой линии, на которой расположено село. Главной причиной этого процесса является увеличение интенсивности деятельности протоки Безымянной, которая имеет сообщение с р. Обью. Водность протоки Безымянная, особенно в паводковый период, стала увеличиваться водами реки Копыловской Кети (правый приток Оби). В соответствии с новыми условиями изменился характер очертания береговой линии, что привело к утрате построек, расположенных вдоль протоки.

Помимо естественных природных процессов, на территории Нарыма были обнаружены следы некорректно выполненных во второй половине XX в. противопаводковых мероприятий, которые привели к изменению режима грунтовых вод — их объемы значительно увеличились. Активизировались процессы заболачивания низин (пространства между волами грив), в результате чего потребовалось повысить вертикальную отметку грунтовых дорог. Увеличение грунтовых вод привело к изменению физических свойств грунтов и оснований фундаментов объектов. Соответственно, увеличилось морозное пучение, которое отрицательно влияет на устойчивость несущих каркасов сооружений. В совокупности выявленные процессы активно влияют на степень сохранности как всего историко-архитектурного комплекса, так и отдельных его объектов.

Таким образом, в рамках полевых исследований были установлены причины утрат и деформаций основных несущих остовов объектов культурного наследия, расположенных вдоль исторических улиц. Зафиксирован процесс сокращения границы суши вдоль береговой линии протоки Безымянной, что вызывает обрушение объектов. Процесс эрозии берега и заболачивание территории села напрямую влияет на степень сохранности историко-архитектурного комплекса. Процесс начался в середине XIX в. и находился в активной фазе до середины XX в. В настоящее время эрозия береговой линии в среднем отнимает от 2 до 9 м суши в год. В условиях отсутствия мероприятий по дренированию территории и укреплению откосов береговой линии историко-архитектурный комплекс будет утрачен приблизительно через 56 лет.

Список литературы

1. Воронина О.С., Литвинова О.Г. История и архитектура Нарыма: до и после октября 1917 года // Октябрь 1917 в истории архитектуры и изобразительного искусства Сибири: избр. тез. Всерос. науч. конф. — Новосибирск, 2017. — С. 17—19.
2. Козлова Т.И. Информационная модель недвижимого объекта культурного наследия как новый инструмент работы в музеефикационной практике // Вестн. Том. гос. ун-та. — Сер. История. — 2013. — № 3 (23). — С. 33—37.
3. Паушкин А.Г., Черкасова Л.И., Иванов М.Н. О системных критериях определения категорий технического состояния объектов культурного наследия по степени износа и повреждения // Интернет-Вестник ВолгГАСУ. — 2014. — № 4 [Электронный ресурс]. — URL: http://vestnik.vgasu.ru/attachments/19PaushkinCherkasovaIvanov-2014_4_35_.pdf
4. Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М. Реставрация памятников архитектуры. — М.: Стройиздат, 1988. — 264 с.
5. Попело А.В. К концепции мониторинга земель и объектов историко-культурного назначения // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. — Сер. География. Геоэкология. — 2013. — № 2. — С. 44—47.
6. Пруцын О.И. Реставрация и реконструкция архитектурного наследия. Теоретические и методические основы реставраций исторического архитектурного наследия: учеб. пособие. — М.: Академия реставрации, 1996. — 104 с.

Таблица 1

Перечень объектов культурного наследия (памятники истории и культуры). Россия. Томская область. Парабельский район. С Нарым

№ пп	Код памятника	Наименование ОКН	Категория охраны	Датировка	Документ о постановке на государственную охрану	Мониторинг на 09.2017: + — наличие ОКН; - — отсутствие ОКН	Местонахождение ОКН
ОКН ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ							
1	7010051000	«Коллин Бор» — место маевки и собраний большевиков, которые в 1912 г. впервые провели массовку в условиях ссылки	Ф	1912 г.	Постановление СМ РСФСР от 04.12.74 № 624	+	с. Нарым, Коллин Бор
2	7010052000	Дом, в котором находилась созданная большевиками столовая и библиотека	Ф	1900—1910 гг.	Постановление СМ РСФСР от 30.03.60 № 1327	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 26
3	7010054000	Дом Алексеевых, в котором в 1912 г. жил в ссылке Юсиф Виссарионович Сталин	Ф	1912 г.	Постановление СМ РСФСР от 04.12.74 № 624	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 33а
4	7010053000	Дом, где в помещении каталажной камеры находились в заключении многие арестованные большевики — Я.М. Свердлов, В.В. Куйбышев, А.В. Шишков и др.	Ф	1900—1910 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 33б
5	?	Дом, в котором жил В.В. Куйбышев	Ф	1910—1912 гг.	Постановление СМ РСФСР от 30.08.60 № 1327	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 44
6	7010056000	Деревянный дом, построенный ссылными поляками, участниками восстания 1863—1864 гг.	Ф	сер. 60-х гг. XIX вв.	Постановление СМ РСФСР от 04.12.74 № 624	+	с. Нарым, пер. Сибирский, 6
		ИТОГО — 6 ОКН-Ф					
ОКН РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ							
1	7000743000	Усадьба с домом полицейского управления, где бывали ссылные большевики	Р	1900—1910 гг.	Решение облисполкома от 21.05.73 № 160	+/- (расселен как аварийный)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 1
2	7000744000	Дом, в котором жили ссылные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 2
3	7000745000	Дом, в котором жили ссылные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 5
4	7000746000	Дом, в котором жили ссылные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 6
5	7000747000	Дом, в котором жили ссылные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 8

Таблица 1 (продолжение)

№ пп	Код памятника	Наименование ОКН	Категория охраны	Датировка	Документ о постановке на государственную охрану	Мониторинг на 09.2017: + — наличие ОКН; - — отсутствие ОКН	Местонахождение ОКН
6	7000748000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 9
7	7000749000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 10
8	7000750000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 11
9	7000751000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 12
10	7000752000	Здание лавки Родюкова, в которую на имя приказчика Тобольжина поступала нелегальная корреспонденция от заграничного бюро ЦК РСДРП	Р	1912—1913 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 15
11	7000753000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 18
12	7000754000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 20
13	7000755000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 24
14	7000757000	Дома, в которых жили ссыльные большевики	Р	1907—1911 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 28
15	7000758000	Дома, в которых жили ссыльные большевики	Р	1907—1911 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, ул. Куйбышева, 32
16	7000760000	Дом, в котором жили ссыльные большевики А.В. Шишков и Н.Н. Яковлев	Р	1911—1916 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 42
17	7000762000	Дом, в котором жил в ссылке большевик А.В. Шотман	Р	1914—1917 гг.	тот же	+	с. Нарым, ул. Куйбышева, 52
18	7000763000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, пер. Нарымский, 3
19	7000764000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, пер. Нарымский, 4
20	7000765000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900—1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, пер. Почтовый, 2

Таблица 1 (окончание)

№ пп	Код памятника	Наименование ОКН	Категория охраны	Датировка	Документ о постановке на государственную охрану	Мониторинг на 09.2017: + — наличие ОКН; - — отсутствие ОКН	Местонахождение ОКН
21	7000766000	Дом, в котором жили ссыльные большевики	Р	1900— 1910 гг.	тот же	- (снесен)	с. Нарым, пер. Садовый, 3
22	7000769000	Кладбище - место захоронения ссыльных	Р	Кон. XIX в. — 1910-е гг.	тот же	+	с. Нарым
23	7000770000	Могила А.С. Ермолаева и С.Я. Гольдштейна, революционеров	Р	1891— 1916 18??— 1916	тот же	+	с. Нарым
		ИТОГО — 25 ОКН-Р					
	В Реестре числятся	ВСЕГО 6+24= 33 ОКН					
	Сохраняются фактически	6 ОКН-Ф + 11 ОКН-Р = 17 ОКН					

Таблица 2

Форма анкеты, использованная при обследовании ОКН в с. Нарым

АНКЕТА ЗДАНИЯ, Внешняя часть	Выполнил: Литвинова	Дата: 01.08.2017
Наименование объекта / Адрес:	Бывшая больница	Нарым, ул. Куйбышева, 6
Жилец:	0	
Владелец:	Муниципальная собственность	
Координаты WGS 82	58°55'22»N 81°35'17»E	
Координаты WGS 82	в 2012 г. проведены ремонтные работы. Заменены фасадная отделка, оконные заполнения, кровля, входной узел, лестницы. Сделана перепланировка.	
Первая оценка ремонта: ремонт выполнен некорректно, требуется воссоздание фасадов		
Историческое использование	Доходный дом купца Родюкова, в нач. XX в. — больница	
Современное использование	не эксплуатируется	
Возможности использования	Возможно использование под новую функцию	

Таблица 2 (продолжение)

Сдаваемые в наем площади в кв. м		-----		присутствуют		автор		дата	
Архивные источники:									
Разрешение на строительство									
Описание здания									
Фотографии									
Художественное изображение									
Лазерное сканирование									
Чертежи		Ситуац. план		Поэт. планы		Разрезы		Фасады	
		СОСТОЯНИЕ		ПОВРЕЖ.		ВМЕШАТЕЛ.			
		+ = хор = 0—20%		0—20% = 5		с = срочно			
		o = сред. = 20—40%		20—40% = 4		m = сред			
		-+ = 40—60%		40—60% = 3		l = долгосрочн.			
		- = плох. = 60—80%		60—80% = 2		k = не треб.			
		x = отсутст. = 80—100%		80—100% = 1					
		КОНСТРУКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ / СТРОИТЕЛЬНЫЙ МЕТОД / МАТЕРИАЛ / КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ						ЗАМЕЧАНИЯ	
A - 1		Внешние сети, благоустройство							
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ									
1	Разница высот, улица / участок			Глубина ок. 8 м		Высота ок. 0,2 м			
2	Ограждение	x		1		c			
3	Ворота	x		1		c			
4	Подъезд, доступ к дому	+		5		l			
5	Терраса (веранда)	+		5		l		новодел	
6	Стоянка для машин, гаражи	x		1		c			
7	Крыльцо, вешняя лестница	+		5		l			
8	Место для мусора	x		1		l			
9	Озеленение, газоны	x		1		l			
10	Сараи, перголы, зимние сады							2,5	
A - 2		Наружные стены подвальный этаж и 1-й этаж (вид + материал)							
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ									
1	Устойчивость стен	+		5		l			
2	Поверхность стен, внешн.	+		5		l			

Таблица 2 (продолжение)

3	Водосточные трубы, водосток		+		5	I		
4	Элементы декора: карниз и т.д		+		5	I		
5	Балконы, зимние сады, навесы		+		5	I	5	
A - 3	Наружные стены 2-й этаж (вид + материал)	Бревенчатый сруб. Врубка «в лапу», с обшивкой. Бревна окантованы с внутренней стороны. Наружная отделка, включая декор, новодельная						
	КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ							
1	Устойчивость стен		+		5	I		
2	Поверхность стен, внешн.		+		5	I		
3	Водосточные трубы, водосток		+		5	I		
4	Элементы декора: карниз и т.д.		+		5	I		
5	Балконы, зимние сады, навесы		+		5	I	5	
A - 4	Наружное окно (вид + материал)	Деревянные окна. Уличные рамы новые, деревянные. Внутренние рамы (комнатные) стеклопакет в пластиковых рамах без фрамуг и расстекловки. Наличники новодельные						
	КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ							
1	Стабильность рам		+		5	I		
2	Поверхность рам		+		5	I		
3	Фурнитура						не предусмотрены	
4	Уплотнитель		+		5	I		
5	Теплоизоляция		+		5	I		
6	Каркас		+		5	I		
7	Крепление к наружным стенам		+		5	I		
8	Подоконники, снаружи		x		1	c		
9	Подоконники и отделка, внутри (при внутреннем обследовании)		+		5	I		
10	Жалюзи, ставни, решетки		x		1	c		
11	Декоративные элементы: резьба		+		5	I	4,2	
A - 5	Внешние двери, входы (вид + материал)	Одностворчатые, деревянные. Открываются наружу						
	КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ							
1	Стабильность дверей		+		5	I		
2	Поверхность двери		+		5	I		
3	Фурнитура, замок		0		4	m		
4	Уплотнитель		x		1	c		
5	Крепление к наружным стенам		+		5	I		

Таблица 2 (окончание)

6	Почтовый ящик												
7	Звонок, ручка двери	х		1		с							
8	Наружное освещение	х		1		с							
9	Входная лестница, внешняя площадка	+		5		л							
10	Тамбур, навес	+		5		л							
11	Декоративные элементы	х		1		с	3,3						
A - 6	Кровля, надстройки над крышей (вид + материал)	4-скатная, тесовая с покрытием из листового стали, слуховое окно — позднее											
	КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ												
1	Плотность покрытия							+		5		л	
2	Конструктивные элементы кровли							+		5		л	
3	Крепление покрытия кровли							+		5		л	
4	Гидроизоляция							+		5		л	
5	Крепление кантов кровли и присоединение к стенам							+		5		л	
6	Карнизы, облицовка карнизов							+		5		л	
7	Водосток							+		5		л	
8	Слуховые окна							+		5		л	
9	Печные трубы							+		5		л	
10	Фриз, декоративные фронтоны, и т. д.							х		1		с	
11	Ограждение, снегозадержатель							х		1		с	
12	Вентиляция	+		5		л							
13	Антенны	х		1		с	4,1						
A - 7	Техническая защита конструкций												
	КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ												
1	Теплоизоляция							+		5		л	Утеплитель — пакля
2	Гидроизоляция							+		5		л	
3	Звукоизоляция							+		5		л	
4	Противопожарная	х		1		с							
5	Молниеотвод	х		1		с							
A - 8	Колористическое решение	Цветовое решение не сохранилось. Первоначально наличники были окрашены. Цвет не удалось установить											

Таблица 3

Матрица показателей технического состояния объектов культурного наследия

Место проведения экспресс-анализа: Томская область, с. Нарым, историко-культурная территория
 Время создания: август 2017 г.

№	Укрупнённые блоки	Благоустройство	Стены / подвал, 1-й этаж	Стены / 2-й этаж	Окна	Двери	Кровля	Техническая защита конструкций	Колористическое решение	Внутренняя часть объекта								Лестницы/ лестничные клетки	Перекрытия	Стены перегородки + проёмы	Стены / подвал + инж. сети	Сантехническое оборудование	Колор./ое решение	Общий средний балл Max = 5 Min = 1	Срочность ремонтных работ С М К И	Вид работ (в зависимости от статуса и тех. состояния)								
										Внешняя часть объекта																	Средняя оценка технического состояния объектов по блокам							
										А-1	А-2	А-3	А-4	А-5	А-6	А-7	А-8										Б-1	Б-2	Б-3	Б-4	Б-5	Б-6	Б-7	
		Маркировка	А-1	А-2	А-3	А-4	А-5	А-6	А-7	А-8	Б-1	Б-2	Б-3	Б-4	Б-5	Б-6	Б-7																	
		Адрес объекта																																
1	ОКН	Куйбышева, 1	2,2	2,2	3,3	2	1,2	2,1	1,6	Отсут.	2,8	1,2	1,9	1,4	1,6	1,6	Белый	1,9	С	Рестав.														
2	В	Куйбышева, 1 (конюшня)	1,5	5	-	3,6	3,4	2,7	2,7	Отсут.	4,3	-	4,8	4,6	4	-	Отсут.	3,7	М	Ремонт														
3	ОКН	Куйбышева, 6	2,5	5	5	4,2	3,3	4,1	3,4	Отсут.	4,4	5	3,7	3,4	2,5	3,2	Белый	3,8	И	Рестав														
4	ОКН	Куйбышева, 9	1,5	4	-	2,1	1,8	2,4	2	Отсут.	2,2	-	2,3	2,4	0,9	1,6	Белый	2,1	С	Ремонт														
5	ОКН	Куйбышева, 10	1,7	4,6	4,6	4	2,5	2,15	2,4	Бел/гол	3,6	2,4	3,3	2,6	1,9	1	Бел, кор.	2,8	М	Ремонт														
6	ОКН	Куйбышева, 11	2,7	4,8	4,3	4,4	3,3	1,9	2,4	Бож.	3	3,4	3,6	2,1	1,9	2,1	Белый	3,1	М	Ремонт														
7	ОКН	Куйбышева, 12	2,4	4,7	-	4,5	3,1	3,2	3	Гол/беж	3,7	-	4	3	2	2,8	Белый	3,3	М	Ремонт														
8	В	Куйбышева, 13	3,1	4,3	3,3	3,4	2,6	3	3	Отсут.	3,8	3,3	3	2,4	2,5	2,7	Полих/ое	3,1	М	Рестав.														
9	ОКН	Куйбышева, 15	2,3	4	-	3	2	2,4	1,2	Красн.	3	-	2,2	2,6	2,1	1,1	Полих/ое	2,4	С	Рестав.														
10	В	Куйбышева, 17	3,4	3,7	-	3,9	3,4	3	2,6	Отсут.	3,4	-	3,6	3,5	2,6	2,9	Полих/ое	3,3	М	Ремонт														
11	В	Куйбышева, 21	2,7	3,7	-	3,5	2,4	2,6	2,6	Бел/гол	3,4	-	3,1	3,1	2,5	2,4	Полих/ое	2,9	М	Ремонт														
12	ОКН	Куйбышева, 26	1,8	4,3	-	3,9	1,9	3,2	2,4	Бел/гол	2,6	-	3	2,5	2,6	2,4	Белый	2,8	С	Рестав.														
13	В	Куйбышева, 27	2,5	3	-	3,7	3,4	3,4	3,2	Отсут.	3,4	-	3,2	3,3	2,3	2,9	Белый	3,1	С	Ремонт														

Таблица 3 (окончание)

14	ОКН	Куйбышева, 32а	5	4,3	-	3,8	3,7	3,8	3,8	3,8	Отсут.	4,6	-	4,7	4,3	4	3	Белый	4,1	I	Рестав.
15	ОКН	Куйбышева, 32б	5	5	-	2,4	3,6	4,5	3,2	3,8	Отсут.	3,8	-	3,5	3,4	-	-	Отсут.	3,8	I	Рестав.
16	ОКН	Куйбышева, 52	1,6	2,7	2,8	3,4	2,2	2,8	2,2	2,2	Отсут.	3	2,3	3	2,4	2,2	2,3	Полих/ое	2,5	C	Ремонт
17	ОКН	Куйбышева, 46	2,8	3,3	3,3	3,4	2,4	2,3	1,8	2,3	Бел/гол	2,6	2,3	2,6	3,1	2,4	2,4	Полих/ое	2,7	C	Рестав.
18	ОКН	Куйбышева, 44	2,4	2,7	3	2,9	2,4	2,3	1,8	2,3	Бел/гол	2,2	2,3	2,5	2,9	2	2,1	Полих/ое	2,4	C	Рестав.
19	В	Нарымский П., 3	2	2,7	-	3,1	1,6	2,2	1,6	2,2	Отсут.	2,3	-	1,4	1,6	1,2	1,3	Полих/ое	1,9	C	Рестав.
20	ОКН	Сибирская, 3	5	5	5	4	4,2	2,7	3,8	3,8	Бел/жёлтый	2,5	4,8	4	3,8	3	2,3	Полих/ое	3,9	I	Рестав.
21	В	Садовый, 7	2,2	3	-	3,3	2,4	2,2	2	2,2	Отсут.	2,6	-	3	2,5	2,1	2	Отсут.	2,5	C	Ремонт
		Мемориальные комплексы	Благоустройство	Конструкция	Отделка	Памятные доски															
22	ОКН	Коллин Бор	1,3	2,3	1,6	1													1,6	C	Рестав.
23	ОКН	Кладбище политических ссыльных, Мошковская, 4	1,3	2,7	1,6	1													1,7	C	Рестав.
24	ОКН	Могила Ермолаева, Гольдштейна	1	3,3	1,6	3													2,2	C	Рестав.

0—1,5 балла = утраченные элементы (сохранились следы) = утраты 80—90%

3,5—4,5 балла = работоспособное состояние = утраты 20—40%

4

A = A1+A2+A3+A4+A5+A6+A7 (только присутствующие укрупненные блоки)

1,5—2,5 балла = не удовлетворительное состояние = утраты 60—80%

5

4,5—5 баллов = хорошее работоспособное состояние = утраты 0—20%

3

2,5—3,5 балла = ограничено работоспособное состояние = утраты 40—60%

A+B = C

C / число присутствующих блоков = S общ.

Аварийное				
Ограниченно работоспособное				
Работоспособное				

Ил. 1. Фотографии объектов культурного наследия в с. Нарым Парабельского р-на Томской обл. (кроме мемориальных комплексов). ПМА, 2017 г.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10007
УДК: 39+004

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Новосибирский государственный университет архитектуры,
дизайна и искусств (Новосибирск)
annmaini@gmail.com

И.С. Степанцов
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

**Методика воссоздания зданий и сооружений по материалам исторической этнографии с применением информационных технологий
(на примере Саянского острога)**

*Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ 18-09-00469
«Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования
для исследования материальной культуры»*

Аннотация

В статье рассматривается проблема воссоздания элементов материальной культуры русских в рамках исторической этнографии. Существенной частью материальной культуры являются здания и сооружения. Опыт работы авторов, использовавших специальные программы и технологии информационного моделирования для создания эскизных и рабочих чертежей объектов Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН, был применен для графических реконструкций построек Саянского острога. Разработанная методика воссоздания зданий и сооружений включает несколько этапов со свойственным им набором работ, которые должны обеспечить научно обоснованную реконструкцию. Информационные технологии расширяют возможности в переборе и сравнении вариантов, учете, верификации и хранении данных, наглядной презентации облика постройки и элементов ее интерьера.

Ключевые слова: историческая этнография, архитектура, информационные технологии, русские, Сибирь

A.Y. Mainicheva
*Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
annmaini@gmail.com*

I.S. Stepantsov
*Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)*

**The Reconstructing Methods of Buildings and Structures
Based on Historical Ethnography and Application of Information Technologies
(on the Example of the Sayan Stockaded Town)**

Abstract

The article deals with the problem of reconstruction of the elements of Russian material culture within the framework of historical ethnography. An essential part of the material culture are buildings and structures. The experience of the authors, who used special programs and information modeling technologies to create sketch and working drawings of the objects of the Historical and Architectural Museum of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, was applied for graphic reconstructions of the Sayan Stockaded town. The developed methods for the reconstruction of buildings and structures include several stages, which should provide scientifically based reconstruction. Information technologies expand the possibilities in the search and comparison of options, metering, verification and holding data, visual presentation of the appearance of the building and elements of its interior.

Key words: historical ethnography, architecture, information technologies, Russians, Siberia

Историческая этнография решает проблему изучения прошлого путем реконструкций процессов развития культуры и общественного сознания этнических групп любого уровня таксонометрии, а также воссоздания этапов становления общества и характерных для него мировоззренческих установок, традиций, обрядов, верований, быта, элементов материальной культуры. Существенной частью материальной культуры являются здания и сооружения как «вторая природа», создающая своеобразную среду обитания, которая определена чертами жизни людей и определяет их, поэтому одной из задач исторической этнографии является воссоздание облика построек, их конструкций и технологий возведения. Реконструкция построек русских Сибири XVII—XIX вв. выступает отдельным направлением [Майничева, 2017а], проясняющим закономерности развития поселений, возведения культовых, оборонных, торговых, административных, жилых зданий и достигшим определенных успехов. Опыт работы авторов, использовавших специальные программы и технологии информационного моделирования для создания эскизных и рабочих чертежей объектов Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН, избы и амбара в крестьянской усадьбе XIX в., печи в Спасской церкви из Зашиверска (XVII—XVIII вв.), был применен для графических реконструкций построек Саянского острога (кузницы, порохового амбара, дома приказчика) и позволил выработать методику воссоздания зданий и сооружений по материалам исторической этнографии с применением информационных технологий. Статья посвящена итогам работы по разработке методики воссоздания Саянского острога, основой которой стали такие принципы, как составление корпуса источников, подбор аналогов, определение исторического времени возможной реконструкции, выявление культурных и конструктивных особенностей построек, современных воссоздаваемым, учет этноконфессиональных маркеров, мировоззренческих установок, стилевых особенностей и тенденций развития архитектуры и строительства, верификация реконструкции на всех этапах по различным критериям [Майничева, 2017, с. 105].

Для реконструкции построек Саянского острога были проведены работы по воссозданию кузницы, амбара-погреба, амбара, порохового погреба (ил. 1) и дома приказчика Саянского острога, которые можно разделить на несколько этапов.

Подготовительный этап. Формирование источниковой базы. Выявление исторического фона. Определение типологических, конструктивных, функциональных, градостроительных особенностей зданий и сооружений. Поиск аналогов. Определение системы измерений и пропорционального строя. Выбор компьютерных программ. Обоснование всех положений.

Основной этап. Моделирование построек с помощью средств информационных технологий. Перебор вариантов реконструкции, ее верификация.

Заключительный этап. Получение чертежей и рисунков, наглядно характеризующих постройку, меблировку и оборудование, включая размеры и детали конструкций. 3D-моделирование. Составление текстового сопровождения, формулировка основных выводов по облику и конструктивным особенностям

воссоздаваемых зданий и сооружений.

Подготовительный этап

Кроме общенаучных приемов, таких как постановка проблемы, определение объектно-предметной области, стандартом в исследованиях в области исторических наук, которым принадлежит историческая этнография, является формирование релевантной и достоверной источниковой базы, поиск и анализ литературы по теме исследования. Обращая внимание на изменения зданий и сооружений в результате перестроек, воздействия природно-климатических и социальных факторов, необходимо выбрать период, на который можно выполнить воссоздание их облика. Основным критерием должен стать наиболее полный комплекс источников, характеризующий строения, а также историческую обстановку их существования. Для построек Саянского острога наиболее полный корпус источников предоставляет археология благодаря выполненным раскопкам всей территории крепости [Скобелев, 2012]. Работы историков дополняют обстоятельства создания и функционирования поселения. Излишне говорить, что многие исследования оцифрованы и могут быть найдены на специализированных сайтах в сети Интернет. Острог создан в 1718 г. для обеспечения обороны и управления русских властей в Северном Присаянье и продвижении на новые территории [Быконя, 1981, с. 54—57; История Хакасии, 1993, с. 203], что показывает его важное военно-стратегическое значение. Уже в начале XIX в. острог потерял свое ключевое значение и более не развивался, приходя в запустение [Степанов, 1997, с. 39]. На территории острога хозяйственная деятельность велась слабо, что сохранило остатки многих построек, которые были тщательно исследованы археологами в 1986—2000 гг. [см., напр., Шаповалов, 1997]. Было установлено, что все постройки были деревянными или древоземляными.

К сожалению, археологические данные дают информацию о постройках только в том, какие конструкции находилось на уровне земли и ниже, габаритные размеры, основные членения. Вся надземная часть утрачена. В силу этого в исследовании применен историко-сравнительный метод, т.е. поиск синхронных и диахронных аналогов, имеющих как генетическую, так типологическую близость к изучаемым зданиям и сооружениям. Выбор аналогов опирался на географический (территория расположения и распространенность), исторический (датировка, этапность распространения), морфологический (общность структуры и конструкций) принципы. Были учтены данные о подобных строениях сибирских крепостей и других городов русского государства в XVI — первой четверти XVIII в., так как в этот период архитектура русских в Сибири представляла вариант общих правил и способов строительства. Особенностью деревянной архитектуры русских в изучаемый период является то, что типологически и конструктивно постройки имели значительную степень общности, поэтому жилые и хозяйственные сооружения острогов и городов повторяли постройки слобод, дворов горожан, монастырей, отличаясь лишь размерами, что позволяет расширить список аналогов, которые можно найти в описаниях городов, заимок, монастырей, пустыней и пр. Благодаря

тому что традиции деревянного зодчества дошли и до современности, важными сведениями для проведения реконструкций являются этнографические данные и музеефицированные постройки. Комплекс источников, литературные данные, выявленные аналоги, стилистические и мировоззренческие особенности эпохи являются основой реконструкций.

Коль скоро речь идет о воссоздании конструктивных особенностей построек, немалую роль играет выбор и обоснование их системы измерений и пропорционального строя. Если нет четких указаний в документах, а таких для Саянского острога не было найдено, то можно исходить из того, к какому типу относится то или иное сооружение, какая система измерений существовала в изучаемую эпоху и период времени, на который выполняется реконструкция, а также аналоги. Впрочем, габаритные размеры построек на уровне земли известны по данным раскопок, что значительно упрощает задачу. Крепостные стены острога могли измеряться городской саженью (284,8 см), а постройки внутри острога — трехаршинной (213,4 см), которая использовалась с 1630-х гг. и была узаконена Соборным уложением 1649 г. [Соборное уложение, 1987]. Возможно, что строители острога пользовались измерениями в футах, равных 30,48 см или 1/7 сажени, что ко времени строительства острога уже было введено в петровской России. Часть измерений может получаться дробной, что не является ошибкой, так как подобное нередко встречается в источниках, вместе с тем стремление к целночисловым измерениям является важной частью верификации реконструкции. Неточность измерений конструкций, как правило, длинноразмерных бревен, полиц, теса, драниц, куриц, потоков, объёмна, поскольку строители не могли достичь высокой степени точности, так как не имели выверенных измерительных приборов и многое определяли «на глаз». Часто пользовались в качестве эталона размерами собственного тела — размахом рук, длиной и шириной ладони, длиной пальцев и т.п., которые для каждого человека является индивидуальным. Исследователю, занимающемуся реконструкцией, нужно принять во внимание, что погрешности измерений также могут давать плохая сохранность найденных остатков зданий, обуславливающих вариативность размеров, увеличивая количество просматриваемых вариантов.

Основной этап

Моделирование построек с помощью средств информационных технологий, перебор вариантов реконструкции, ее верификация. Сам процесс моделирования зависит от выбора компьютерной программы. В настоящее время существует большое количество разнообразных программ, используемых в проектировании современных зданий, которые можно применить и для работы в области исторической этнографии. К программам трехмерного моделирования, которые вполне можно использовать, относятся ArchiCAD, AutoCAD, 3ds MAX, SketchUp и т.п. При применении технологии BIM потребуются программы, совместимые с Autodesk Revit, например Bentley AECOsim Building Designer. Выполненные варианты реконструкции должны соотноситься с аналогами. Так, аналоги порохового погреба Саянского острога, пороховые погреба Тобольска и Иркутска

подказали конструкцию кровли в виде наката с дерновым покрытием; чертеж порохового погреба Барнаульского острога выправил его форму и конструктивные членения. Постоянное обращение к археологическим данным позволяет корректировать принятие решений. Прототипом амбара-погреба можно считать амбар-погреб, вывезенный из зоны затопления Илимской ГЭС и ставший экспонатом Историко-архитектурного музея ИАЭТ СО РАН. Для кузницы были найдены аналоги на Русском Севере в музеях под открытым небом. Из нескольких вариантов, представляющих дом прикащика, исходя из особенностей самого здания и развития архитектурных стилей эпохи, выбор был сделан в пользу использования в качестве аналога образцовых домов Д. Трезини, а не традиционных для XVI—XVII вв. бревенчатых изб с кровлей на два ската «по курицам и потокам». Однако последний вариант также рассматривается как правомочный. Обе реконструкции остаются гипотетическими, поскольку дополнительных данных в пользу какой-либо из них нет. Перебор возможностей был бы трудно выполним без использования компьютера. Положительными чертами использования программы является простота внесения изменений в чертежи, верификация размеров, представление наглядных трехмерных цветных изображений самих построек и ландшафтного окружения.

Заключительный этап

Большим преимуществом компьютерного моделирования является получение плоскостных чертежей и рисунков, наглядно характеризующих постройку, с автоматической расстановкой горизонтальных и вертикальных размеров. Полученные данные могут быть положены в основу 3D-моделирования, как графического, так и натурального, 3D-принтером. Важной частью исследования является воссоздание не только экстерьера, но и интерьера с меблировкой, оборудованием и утварью. Завершением работы является составление текстовых пояснений, выводов по характеристике архитектуры воссоздаваемых зданий и сооружений.

Таким образом, разработанная методика воссоздания зданий и сооружений в рамках исторической этнографии была апробирована на примере построек Саянского острога и включает несколько этапов со свойственным им набором работ, которые должны обеспечить научно обоснованную реконструкцию. Немалое значение в успешной работе имеют информационные технологии в виде специализированных программ, расширяющие возможности в переборе и сравнении вариантов, учете, верификации и хранении данных, наглядной презентации облика постройки и элементов ее интерьера.

Список литературы

1. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. — Новосибирск: Наука, 1981. — 248 с.
2. История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. — М.: Наука, Восточная литература, 1993. — 528 с.
3. Майничева А.Ю. Методические основы реконструкции зданий и сооружений русских Сибири XVII—XVIII веков: междисциплинарный аспект // Культура

русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. — Омск: Наука, 2017. — 580 с.

4. Майничева А.Ю. Перспективы использования информационных технологий в исторической этнографии на примере изучения русских в Сибири XVII—XVIII веков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017а. — Т. XXIII. — С. 492—494.

5. Скобелев С.Г. Пороховой погреб Саянского острога XVIII века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — Серия:

История, филология. — 2012. — Т. 11. — Вып. 3. Археология и этнография. — С. 273—279.

6. Соборное уложение 1649 года. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. — 448 с.

7. Степанов А.П. Енисейская губерния. — Красноярск: Горница, 1997. — 224 с.

8. Шаповалов А.В. Саянский острог — памятник материальной культуры русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в.: автореф. дис... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1997. — 22 с.

Ил. 1. Вариант реконструкции порохового погреба Саянского острога. Реконструкция А.Ю. Майничевой, И.С. Степанцова. Компьютерная графика И.С. Степанцова

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10008

УДК: 39+351.853.1

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
annmaini@gmail.com

В.В. Талапов
Сибирский государственный университет
геосистем и технологий (Новосибирск)
talapoff@yandex.ru

С.О. Куликова
ООО «Synergy Systems» (Москва)
s_sorena@mail.ru

Возможности применения BIM в этнографическом исследовании зданий и сооружений

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

В статье впервые рассматриваются общие направления использования технологии BIM в этнографических исследованиях зданий и сооружений и открывающиеся при этом новые научно-практические перспективы в полевой и исторической этнографии, так как информационная модель становится местом структурированного хранения и обработки первичной информации, а также проверки ее на непротиворечивость. Особое значение приобретает технология BIM в теории этнографии, так как информационное моделирование открывает возможность создания единой информационной системы для исторически значимых объектов на разных территориях, относящихся к различным историческим периодам, культурам и народам. Технология BIM позволяет не только собирать, структурировать и хранить в единой среде информацию об объекте, но и предоставляет все расширяющийся инструментарий для работы с ней, что имеет принципиальное значение для исследования исторических объектов, как существующих, так и утраченных.

Ключевые слова: памятник архитектуры, исторический памятник, информационное моделирование, BIM, деревянное зодчество, этнография

A.Y. Mainicheva
*Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
annmaini@gmail.com*

V.V. Talapov
*Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk)
talapoff@yandex.ru*

S.O. Kulikova
*Synergy Systems Ltd. (Moscow)
s_sorena@mail.ru*

The possibility of BIM Use in Ethnographic Research of Buildings and Structures

Abstract

The article deals with the general trends of using BIM technology in ethnographic studies of buildings and structures. These technologies open new scientific and practical perspectives in field and historical ethnography. The information model becomes a place for structured storage and processing of primary information, as well

as checking it for consistency. The BIM technologies play an important role in the theory of ethnography, since information modeling opens the possibility of creating a single information system for historically significant objects in different territories related to different historical periods, cultures and peoples. BIM technologies allow not only to collect, structure and store information about the object in a single environment, but also provide an expanding toolkit for working with it, which is of fundamental importance for the study of historical objects, both existing and lost.

Key words: architectural monument, historical monument, information modeling, BIM, wooden architecture, ethnography

Технология BIM — информационного моделирования зданий, первоначально создававшаяся для проектно-строительной отрасли, сегодня открывает все новые и новые возможности для работы с памятниками архитектуры и объектами исторического наследия [Талапов, 2015б]. Особенность применения BIM к таким объектам позволяет эффективно работать как с существующими, так и с полностью или частично утраченными памятниками [Майничева, Талапов и др., 2018], отводя информационной модели роль основного накопителя, носителя и координатора информации как геометрического и физико-технического, так и историко-культурного характера, пригодной для разнообразной компьютерной обработки, анализа и использования в целях исследования, музеефикации, популяризации и эксплуатации [Талапов, 2015а]. Несмотря на то что памятники архитектуры при всем их многообразии делятся на несколько крупных категорий, внутри каждой из которых использование информационного моделирования имеет массу специфических особенностей [Майничева, Талапов и др., 2017; Mainicheva, Talarov et. al., 2017], уже имеющиеся возможности и методики можно адаптировать к изучению зданий и сооружений как объектов этнографии.

Использование BIM в полевой этнографии

В настоящее время разработаны программы по этнографическому обследованию недвижимых объектов культурного наследия [Майничева, 2009], которые можно применить к непосредственному этнографическому обследованию. В полевых этнографических исследованиях BIM непротиворечиво вписывается в уже существующую методику, предусматривающую натурное обследование объекта, при котором, кроме общих сведений (названия поселения, районирования по административному делению разных периодов, фамилий, имен, отчеств и этнической принадлежности владельцев здания, социального положения и занятия хозяев, датировки здания, года или периода возведения, данных строителей здания, местных названий постройки и ее частей, заготовки строительного материала, выбора места для жилища, обрядов и ритуалов, связанных со строительными работами), фиксируются этапы строительства (возведение фундамента, стен, крыши и прочих элементов зданий и сооружений), технология строительных работ и инструментарий, оформление и отделка, детали, конструкции [Майничева, 2005; 2013; 2016]. В первоначальном обследовании объекта при съемке размеров, выявлении особенностей и типологии использования здания или сооружения необходимо учитывать возможность использования полученных данных в технологии BIM, адаптируя их фиксацию к построению инфор-

мационной модели по выработанным формам. Уже сейчас можно использовать разработанную новую технологию фиксации существующего состояния архитектурного объекта, при этом информационная модель становится местом структурированного хранения и обработки первичной информации, а также проверки ее на непротиворечивость. Обычно собираемые этнографические данные содержат характеристику планировки и типа здания или сооружения, что также требуется для уточнения и конкретизации модели.

Технология BIM позволяет моделировать здания непосредственно на месте исследования при наличии необходимых электронных ресурсов и оборудования. В случае необходимости эту работу можно отнести на период камеральной обработки полученных данных. Одним из важных следствий применения BIM на описанном этапе этнографического обследования является повышение точности данных (ил. 1).

Использование BIM в исторической этнографии

В тематике исторической этнографии немало место занимает воссоздание частично или полностью утраченных зданий и сооружений прошлого. Здесь информационное моделирование позволяет не только представить геометрию сооружений, но и за счет добавляемой информации проводить верификацию сделанных реконструкций. Последнее особенно важно, когда воссоздание объекта носит гипотетический характер из-за отсутствия в нужном объеме дошедшей до нас достоверной исторической информации. Отписки сибирских воевод, представителей местной и московской власти, зарисовки современников, отложившиеся в архивах и опубликованных в научной печати, предоставляют широкие возможности для анализа и перевода сведений в форму, пригодную для обработки по технологии BIM. Так, описания крепостных сооружений, сделанные в XVII—XVIII вв. для нужд восстановительных работ, дают информацию об общих размерах острога или города, размерах и форме стен и отдельных сооружений, их элементов, количестве использованных бревен, досок, жердин, лемехов, причелин. Виртуальные реконструкции поселений, зданий и сооружений придают результатам исследования наглядность, позволяют использовать их как сравнительные и образцовые материалы для дальнейшей работы. Облик и конструктивные особенности поселений раскрывают особенности среды обитания, быта и мировоззрения людей прошлого, что имеет первостепенное значение для этнографии.

Значение BIM для развития теории этнографии

Абсолютно новым направлением в этнографии может стать мониторинг этнографически значимых зданий и сооружений, поскольку становится воз-

можным не только описание первоначального облика постройки непосредственно после возведения, но и оперативная и несложная фиксация последующих изменений постройки в целом и ее элементов. Ранее этнография в основном только отмечала существующее положение вещей без учета возможных трансформаций. Подобное выполнялось только для памятников архитектуры в рамках музееведения, реконструкции и реставрации. Но далеко не все значимые в культурном отношении здания имеют статус памятника архитектуры. Теперь же появляется технологическая и, что особенно важно, малозатратная возможность проследить живую историю здания или сооружения, что открывает перспективы для теории этнографии. Информационное моделирование открывает реальную возможность создания единой информационной системы для исторически значимых объектов на разных территориях, относящихся к различным историческим периодам, культурам и народам.

В результате компьютерной обработки данных облегчается возможность сравнения различных вариантов строительной культуры определенной этнической группы в синхронном или диахронном аспекте, а также сопоставления явлений и феноменов строительной культуры различных этнических групп, что позволяет установить степень их распространенности, их маркирующие свойства, общность, особенность или единичность, а также их трансформацию. Технология BIM позволяет не только собирать, структурировать и хранить в единой среде информацию об объекте, но и предоставляет всё расширяющийся инструментарий для работы с ней, что имеет принципиальное значение для исследования исторических объектов, как существующих, так и утраченных.

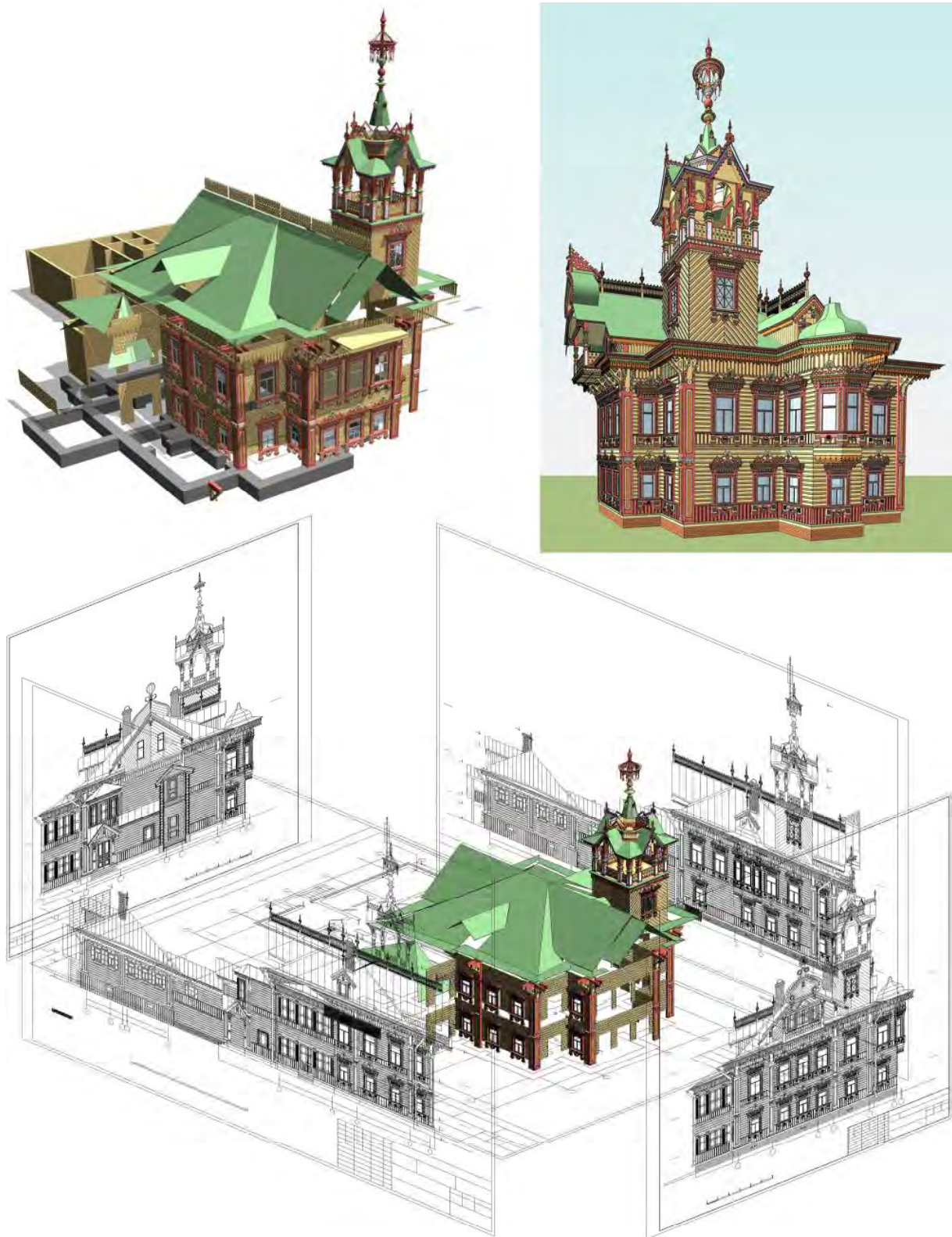
Благодаря BIM можно технологически перенести накопленные знания из прежних эпох в современную практику возведения зданий и сооружений, сокращая путь внедрения (или возвращения) рациональных конструкций и элементов в строительные технологии сегодняшнего дня. Аналогичным образом решается и еще один важный вопрос — практического внедрения достижений науки, ограничивавшийся во многих случаях исключительно сферой конвертации полученных знаний в образовательный процесс.

Технология информационного моделирования зданий BIM как в своем существующем, так и в перспективном виде применительно к исследуемым различными разделами этнографии зданиям и сооружениям открывает новые возможности, которые заключаются в точной фиксации параметров построек, структурировании, обработке и проверке на непротиворечивость первичной информации; в возможности проведения мониторинга этнографически значимых зданий и сооружений, что позволяет проследить трансформации построек в зависимости от действия различных факторов; в рамках тематики исторической этнографии можно воссоздавать геометрию и конструктивные особенности сооружений и проводить верификацию сделанных реконструкций. Для развития теории этнографии и практического использования результатов исследований существенно то, что технология BIM позволяет

хранить в единой среде информацию об объекте и предоставляет инструментарий для работы с ней, что открывает возможности для широкомасштабных сравнительных сопоставлений как диахронных, так и синхронных процессов, и находить полезные для современности конструктивные и строительные приемы.

Список литературы

1. Майничева А.Ю. Зодчество как предмет исследования этнографии: методология и методика работы // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2005. — С. 244—248.
2. Майничева А.Ю. Программы этнографического обследования недвижимых объектов культурного наследия // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2009 г.: Археология, этнография, устная история. — Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2009. — С. 132—135.
3. Майничева А.Ю. Методические основы этнографических исследований объектов деревянного зодчества // Баландинские чтения: VII науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новоси. гос. архит.-худ. акад., 2013. — С. 257—263.
4. Майничева А.Ю. Методика полевого этнографического исследования жилища русских в Сибири: проблемы выявления традиций и новаций // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — 2016. — Т. XI. — С. 52—55.
5. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Куликова С.О. Новый подход к сохранению памятников русского деревянного зодчества: применение технологии BIM // Урал. ист. вестн. — 2018. — № 1 (58). — С. 136—141.
6. Майничева А.Ю., Талапов В.В., Чжан Гуаньин. Принципы информационного моделирования недвижимых объектов культурного наследия (на примере деревянных буддийских храмов) // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2017. — Т. 45. — № 2. — С. 142—148.
7. Талапов В.В. О некоторых закономерностях и особенностях информационного моделирования памятников архитектуры // *Architecture and Modern Information Technologies*. — 2015a. — № 2 (31) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/talapov/abstract.php/>
8. Талапов В.В. Технология BIM: суть и основы внедрения информационного моделирования зданий. — М.: ДМК-пресс, 2015б. — 410 с.
9. Mainicheva A.Y., Talapov V.V. and Zhang Guanying. Principles of the information modeling of cultural heritage objects: the case of wooden Buddhist temples // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. — 2017. — Vol. 45. — Is. 2. — Pp. 142—148. DOI: 10.17746/1563-0110.2017.45.142-148.

Ил. 1. Разные стадии информационного моделирования терема в с. Асташово Костромской области

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10009
УДК 008.001

Л.Н. Малкина
Институт архитектуры, строительства и дизайна
Иркутского национального технического университета (Иркутск)
larisamalkina1@yandex.ru

Методологические проблемы использования визуальных источников в историко-культурологических исследованиях

Аннотация

В статье рассматривается методологическое понятие «визуальные источники», проводится анализ визуальных объектов как методологическое сближение искусствоведения, культурологии и истории с позиции его осмысления исторической наукой, антропологией, социологией и социальной психологией. Понятие «визуальные источники» рассмотрено в свете интерпретации различных ученых. В результате уточнены некоторые существующие квалификации визуальных источников.

Ключевые слова: визуальные источники, визуальная антропология, методология, культурно-исторический контекст, история, культурология, искусствоведение

L.N. Malkina
Institute of Architecture, Construction and Design
(Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk)
larisamalkina1@yandex.ru

Methodological Problems of Using Visual Sources in Historical and Cultural Studies

Abstract

The article deals with the methodological concept of visual sources. The author considers visual objects as methodological convergence of art history, cultural studies and history, from the point of view of historical science, anthropology, sociology and social psychology. There are a lot of interpretations of these concept made by various scientists. As a result, some existing qualifications of visual sources have been refined.

Key words: visual sources, visual anthropology, methodology, cultural and historical context, history, cultural studies, art history

Последние десятилетия XX в. в методологии историко-гуманитарных наук ознаменовались комплексом событий, которые получили наименование «визуальный поворот». Он заключается в том, что в широком круге гуманитарных исследований визуальные (зрительные) источники начинают рассматриваться как равноправные с текстовыми. Признается также тезис о том, что процедуры внешней критики по отношению к визуальным и текстовым источникам совпадают в своей методологической основе: «визуальная реальность (включая автоматизмы визуального восприятия в повседневной жизни) должна быть помыслена как культурный конструкт, подлежащий вследствие этого «чтению» и интерпретации в той же мере, в какой этим процедурам поддается литературный текст» [Усманова]. Анализ зрительных источников наравне с текстовыми сегодня приносит много интереснейших результатов в различных областях гуманитарного знания.

Анализ визуальных объектов (архитектурных проектов, фотографий, плакатов, произведений станковой, монументально-декоративной живописи

и ДПИ) сегодня составляет один из наиболее бурно развивающихся и передовых сегментов исторической науки. Крупнейший российский специалист по визуальной истории И.В. Нарский полагает, что методологическое сближение искусствоведения, культурологи и истории в их отношении к объектам зрительной культуры является необходимым и неизбежным следствием общей логики развития исторического знания. «Интерес историков к визуальным источникам был обусловлен, конечно, не только постмодернистским вызовом. Он совпал с поворотом от социальной истории макропроцессов и макроструктур к культурной истории — микромиру повседневности восприятия, опыта и памяти «маленьких» людей, в большинстве своем безымянных и безмолвных участников истории» [Нарский, 2008, с. 31]. Таким образом, перекрестный обмен методами и парадигмами между историей, искусствоведением и культурологией является логическим продолжением методологической революции, которую принято связывать с исторической «школой Анналов» [Блок, 1986]. Согласно данной парадигме, значительная

часть первичных сведений о массовом повседневном укладе жизни содержится не в текстовом виде, а в виде зрительном — в тех картинках, которыми украшали интерьеры, использовали в дизайне упаковки, которые определяли повседневную моду в одежде и украшениях и т.д. [Бойм, 2002].

Аналогичные тенденции следует отметить в такой влиятельной гуманитарной дисциплине, как социальная антропология. На пересечении культурологии, истории изобразительных искусств и структурной антропологии возникает и быстро развивается новая дисциплина — визуальная антропология. «Визуальная антропология, — пишут издатели сборника «Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность», — развивающаяся сейчас в рамках отечественной этнографической традиции, ставит своей задачей изучение аудиовизуального наследия мировой и отечественной этнографии, фиксацию современной жизни народов, исследование визуальных форм культур и создание аудиовизуальных архивов. Интересными открытиями и результатами кропотливой и большой работы известна Российская ассоциация визуальной антропологии, в состав которой входят: Центр визуальной антропологии Новосибирского государственного университета, Лаборатория аудиовизуальной антропологии Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Этнографическое бюро [Екатеринбург–Тобольск — Л.М.]; кроме того, это направление визуальной антропологии представляют исследователи Московского государственного университета, Пермского государственного университета, ряда других вузов и научных институтов» [Ярская-Смирнова, 2007, с. 7].

«Визуальный поворот» в значительной степени коснулся и таких областей гуманитарного знания, как социология и социальная психология. Критический обзор исследований визуальной культуры в компаративном анализе социальных структур содержится в классических работах К. Леви-Строса. Исследование экзотических и примитивных сообществ приводит его к выводу о полной контекстной обусловленности особенностей декоративного искусства: «... искусство, — пишет Леви-Строс, — тесно связано с социальной организацией: мотивы и темы служат выражению различий рангов, привилегий знати и степени престижа» [Леви-Строс, 2001, с. 266]. Изучение особенностей изобразительного искусства для антропологов служит средством для постижения социального устройства. Впрочем, методология, основанная на связывании стилеобразующих деталей архитектуры, бытовой живописи, скульптуры и т.д. с формированием и распадом социальных формаций, активно развивалась в марксистской социологии и искусствоведении на протяжении всего XX в. [Иконников, 1997].

Дополнением к социально-историческому (антропологическому) подходу выглядит методология анализа архетипов, предложенная К. Юнгом [Юнг, 1995]. Возникновение одинаковых элементов в культурах, разделенных непреодолимыми географическими и хронологическими расстояниями, объясняются взаимными влияниями в рамках классической антропологии и, напротив, архетипическим параллелизмом — в юнгианской социальной психологии.

Огромный объем материала по сравнительной истории культур, накопленный обеими научными школами, не позволяет игнорировать ни один из этих двух подходов при обсуждении методологических основ современного культурологического исследования.

Интересным экспериментом в области взаимодействия визуального и вербального (словесного) способов гуманитарного исследования выглядит последний по времени крупный труд Умберто Эко [Эко, 2008]. В присущем этому крупнейшему ученому беллетристическом стиле Эко исследует роль зрительных фактов в формировании социально-психологических структур личности в бурном социально-историческом контексте 30–50-х гг. XX в., не ограничиваясь ни полностью контекстным подходом классической антропологии, ни архетипическим методом юнгианской социальной психологии.

Основная методологическая проблема, возникающая при использовании изображений в качестве источника социальной, исторической, антропологической или культурологической информации, заключается в адекватном переводе визуальных образов в словесные (вербальные), так как весь комплекс гуманитарных наук традиционно строится на методах анализа и сопоставления текстов. Даже такие исторические науки, как археология, включают тот или иной объект в рассмотрение только после того, как данный объект будет надлежащим образом описан. Описание производится по вполне определенным и научно обоснованным правилам, в противном случае никакой объект не может рассматриваться в качестве научного факта и как-либо включаться в общий контекст научного знания. В большинстве случаев собственно научному анализу подвергается не сам объект, а соответствующий ему текст.

Основные проблемы перевода визуального образа в текст были поставлены Эрвином Панофски. Сама возможность такого перевода в общем случае следует из базовой концепции иконологии: основной тезис метода Панофски заключается в том, что каждое произведение искусства содержит в себе некую идею. Исследованию сущности и свойств идеи как таковой посвящена специальная работа [Панофски, 2002], в которой идея предстает как некая квинтэссенция, смысл, содержание образа. Этот смысл может быть извлечен из первичной зрительной формы и перемещен в другую форму, словесную.

Вместе с тем Панофски видел принципиальные различия между зрительным образом и его словесным описанием. Картина воспринимается зрителем одновременно, одномоментно (синхронно). Текст, напротив, требует последовательного прочтения, он развернут во времени (диахроничен). И чем более значительное произведение изобразительного искусства мы пытаемся описать, тем более длинный и сложный текст мы вынуждены сконструировать — следовательно, тем дальше он от мгновенного впечатления самой картины. На принципе осторожного, постепенного превращения синхронии в диахронию и построен метод Панофски: доиконологическое описание — иконография — иконология [Meaning in the Visual Arts..., 1995].

С точки зрения задач, стоящих перед данной работой, одним из существеннейших недостатков иконологического метода следует признать его

ориентацию на сюжет и опознаваемые персонажи картины. Именно переход к собственно иконологическому анализу обязательно включает обсуждение не только того, как построено изображение, но и того, что изображено. Объектом анализа является не только сама картина, но и те объекты предметного мира, которые могут быть узнаны в картине. Таким образом, иконологическому анализу в принципе поддается только предметная живопись, в которой каждый элемент может быть соотнесен с объектом предметного мира. Живописные стили с высоким уровнем экспрессивного искажения или абстракционистского направления не могут быть «переведены» на язык слов методом Панофски.

Более универсальной в данном случае представляется методология Рудольфа Арнхейма [Арнхейм, 2000]. Его методика главным образом относится к анализу композиции в живописи, фотографии и кинематографе. Арнхейм выделяет внутри визуального кадра систему «скрытых структурных факторов». Согласно его парадигме, воспринимающий изображение зритель бессознательно ожидает увидеть акценты картины в определенных зонах и на определенных осях (ил. 1).

Существенным для наших целей выводом из теории Арнхейма является тезис о наличии набора графических символов (графем), делящих кадр на осмысленные фрагменты. К таковым относятся вертикали, горизонталы, диагонали, а также их сочетания. В данном пункте положения метода Арнхейма смыкаются с тезисами о значениях отдельных элементов изображения, которые разрабатывались в начале XX в. в трудах В. Кандинского, а также теоретиков конструктивизма, таких как О. Брик, Н. Пунин, Б. Арватов, Б. Кушнер, А. Ган, С. Третьяков, Н. Тарабукин, Н. Чужак и др. — сотрудников журналов «Леф» и «Новый Леф» [Хан-Магомедов, 2001].

Современные дискуссии о «языке» изображений и его переводе в текст ведутся структуралистами с шестидесятых годов XX в. и весьма далеки от завершения. Признанным пунктом этой дискуссии можно считать тезис о параллельности языков зрительного и словесного образа. Иначе говоря, признается существование специфического языка изображений, которым картина обращается к зрителю. Однако язык этот имеет качественные отличия от словесного языка, так что адекватное описание картины в общем случае невозможно.

Тем не менее очевидно, что к произведению изобразительного искусства может быть применен один из центральных тезисов структуральной теории Ролана Барта — тезис о множественности способов прочтения любого высказывания [Барт, 1994].

Среди множества смыслов, которые можно обнаружить в картине (считая картину высказыванием на «визуальном языке»), согласно Барту, имеется смысл, независимый от контекста, общечеловеческий. Такой смысл Барт называет денотатом. Денотат не привязан к историческому моменту или месту, в котором происходит взаимодействие зрителя с картиной, он не зависит от уровня образования или культурного типа зрителя и т.д.

Архетипический язык графем, цвета и фактуры произведений визуальных искусств, очевидно, повествует о денотативном содержании картины. Смыслы

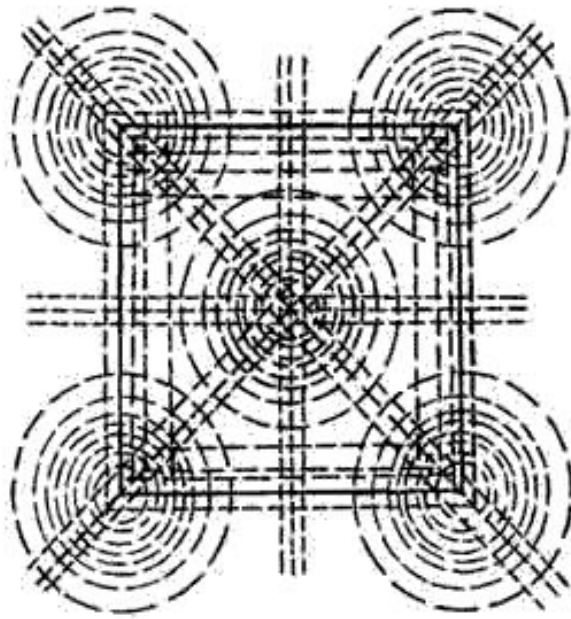
элементов композиции и цвето-фактурного ключа не зависят от социально-исторического контекста. Денотат факта визуальной культуры определяет феномен «вечного» в искусстве и позволяет эстетически воспринимать произведения искусства в совершенно различных социально-исторических контекстах.

Параллельно с денотативным смыслом, картина содержит неограниченное количество смыслов, возникающих в зависимости от конкретного места, времени, ситуации и личностных особенностей зрителя. Эти смыслы полностью контекстно-зависимы и несут на себе гораздо больше информации о зрителе и его конкретном социально-историческом окружении, чем о картине. По Барту, контекстно-зависимые смыслы называются коннотативными (коннотатами).

Основная методологическая установка нашего исследования заключается в изучении как денотативных смыслов произведений изобразительного искусства, так и тех, которые зависят от культурно-исторического контекста и, следовательно, несут уникальную информацию об этом контексте.

Список литературы

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. — Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. — 392 с.
2. Барт Р. Риторика образа / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Изд. группа «Прогресс-Универс», 1994. — 616 с.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка. — М.: Наука, 1986. — 178 с.
4. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. — М.: Нов. лит. обозрение, 2002. — 320 с.
5. Иконников А.В. Историзм в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1997. — 559 с.
6. Леви-Строс К. Структурная антропология. — М.: Изд-во Эксмо-Пресс, 2001. — 512 с.
7. Нарский И.В. Фотокарточка на память: семейные истории, фотографические исследования и советское детство (автобио-историко-графический роман). — Челябинск: ООО Энциклопедия, 2008. — 516 с.
8. Панофски Э. Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. — СПб.: Андрей Наследников, 2002. — 237 с.
9. Усманова А. Визуальные исследования как исследовательская парадигма [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.read.in.ua/book195367/>
10. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. — М.: Стройиздат, 2001. — Кн. 2. Социальные проблемы. — 712 с.
11. Эко У. Таинственное пламя царицы Лоаны. — СПб.: Симпозиум, 2008. — 592 с.
12. Юнг К.-Г. Ответ Иову. — М.: Канон, 1995. — 298 с.
13. Ярская-Смирнова Е.Р. Интеллектуальное поле визуальной антропологии // Визуальная антропология: новые взгляды на социальную реальность. — Саратов: Научная книга, 2007. — С. 7—18.
14. Meaning in the Visual Arts: Views from the Outside. — Princeton: Princeton University Press, 1995. — 418 p.

Ил. 1. Система скрытых структурных факторов квадратного визуального кадра [Арнхейм, 2000, с. 26].
Пунктирными линиями показаны поля «сил», действующих на объект внутри кадра

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10010

УДК: [39+004]

Л.О. Понедельченко
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
ponedelchenko.l@yandex.ru
Научный руководитель: доктор исторических наук А.Ю. Майничева

Использование метода голографии в этнографических исследованиях

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ 18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»

Аннотация

В данной статье рассматривается использование метода голографии в этнографии на основе применения новых методов фиксации и презентации объектов культурного наследия. Использование современных информационных технологий и новых средств расширяет возможности достоверной фиксации информации о предметах, что позволяет сохранить их изображения для последующего научного исследования. Впервые проанализированы возможности использования метода голографии в этнографии. Голографические изображения позволяют реализовать новые приемы презентации редких и ценных предметов в экспозициях музеев. Также рассмотрены сферы возможного применения голографий в современных музеях и выставочных центрах.

Ключевые слова: метод голографии, голографическое изображение, объект культурного наследия, объект архитектуры, этнография

L.O. Ponedelchenko
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
ponedelchenko.l@yandex.ru
Scientific adviser is A.Y. Mainicheva

Using the Method of Holography in Ethnographic Researches

Abstract

This article deals with the use of the method of holography in ethnography, based on the application of new methods of fixation and presentation of objects of cultural heritage. The use of modern information technologies and new tools expands the opportunities of reliable fixation of information about objects. It allows preserving the image of the object of cultural heritage for subsequent scientific research. The opportunities of using the holography method in ethnography are analyzed for the first time. Holographic images allow the implementation of new techniques for the presentation of rare and valuable items in museum expositions. The areas of possible application of holography in modern museums and exhibition centers are also presented.

Key words: method of holography, holographic image, objects of cultural heritage, object of architecture, ethnography

Современный этап развития техники и технологии предоставляет большое разнообразие для фиксации и презентации объектов. Метод голографии широко используется, в том числе музеями, поэтому закономерно поставить вопрос о перспективности использования его в этнографических исследованиях. В данной статье проведен анализ публикаций, репортажей и сообщений об использовании голографии в качестве средства фиксации и презентации объектов культурного наследия, а также рассмотрена возможность дальнейшего использования и расширения сферы применения голографий в этнографических исследованиях.

Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» содержит следующее определение термина «объект культурного наследия»: «...объекты недвижимого имущества (включая объекты археологического наследия) и иные объекты с исторически связанными с ними территориями, произведениями живописи, скульптуры, декоративно-прикладного искусства, объектами науки и техники и иными предметами материальной культуры, возникшие в результате исторических событий, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градо-

строительства, искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры и являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, подлинными источниками информации о зарождении и развитии культуры» [Федеральный закон].

Голография рассматривается не только как трехмерное изображение предмета, но как комплексная методика фиксации и последующей презентации отдельных объектов и их комплексов с возможным привлечением анимационных эффектов для воссоздания образа и атмосферы этнокультурной среды, направленная в конечном итоге на создание трехмерного изображения: «Голограммы обладают уникальным свойством — восстанавливать полноценное объемное изображение реальных предметов. Простыми словами, это многослойная вариация изображения, каждый слой которой отражает свет по-своему. Голограмма — это трехмерная фотография, получаемая посредством интерференции двух лазерных лучей» [Рябухина, Литвинова, 2014]. С одной стороны, голография, как и фотография, фиксирует, воспроизводит и сохраняет внешний вид объекта, а с другой — голографическое изображение трехмерно и поэтому более реалистично.

Идея голографии была впервые высказана Денисом Габором (Великобритания, 1948 г.), однако техническая реализация метода стала возможна только в 1960-е гг., когда с появлением лазеров открылись многочисленные и разнообразные возможности практического использования голограмм в радиоэлектронике, оптике, физике и различных областях техники [Голография].

В современном мире голографию широко используют во всех сферах жизни, начиная от голографических этикеток и заканчивая спецэффектами на различных мероприятиях. Рассмотрим более детально применение данного метода при работе с объектами культурного наследия: в данном контексте чаще всего применяют голографическое изображение в следующих направлениях:

1. Голограммы музейных предметов.
2. Голограммы людей современности и деятелей прошлого.
3. Голограммы объектов архитектуры.
4. Голография как самостоятельный объект.

Голограммы музейных предметов. Данное направление наиболее распространено в музеях и выставочных центрах, которые размещают дополнительно к основной экспозиции специальное оборудование. Как правило, оно представляет собой небольшую рамку, окошко или приспособление в виде пирамиды или прямоугольного ящика, в которых при помощи различных технологий проецируется изображение предмета. Данный способ отлично зарекомендовал себя и используется в ведущих музеях мира. При этом предметы не подвергаются воздействию света или колебаниям температурно-влажностного режима, что обеспечивает максимальную сохранность ветхих или очень хрупких экспонатов. Трехмерное изображение, максимально приближенное к оригиналу, может быть переправлено в любую точку земного шара для экспонирования или научного изучения.

Есть и еще одно преимущество у голографического изображения перед оригинальным объектом.

В исследовании или экспонировании крупногабаритные предметы могут быть уменьшены до максимально комфортного для восприятия посетителем размера либо, наоборот, очень маленькие могут быть увеличены. Современные технологии позволяют дополнить экспозицию анимацией с использованием предметов, а также выполнить реконструкцию внешнего облика, техники изготовления, способа использования представленных экспонатов в быту.

Так, например, ученым из Санкт-Петербурга удалось создать высококачественные голограммы экспонатов Алмазного фонда Кремля. Разработанный ими метод позволяет передавать не только мельчайшие детали, но даже блики и переливы драгоценных камней. «Главная идея проекта — сделать так, чтобы уникальные музейные ценности, которые запрещено возить на выставки, смогли увидеть больше людей. Ведь непрофессионалу изображение практически невозможно отличить от оригинала» [Кутаренко, Трофименко, 2018]. Использование голографии в музеях позволяет менять качество контента при статической экспозиции, при этом не меняя количество экспонатов, расширяет целевую аудиторию и делает объект более доступным.

Голограммы людей современности и деятелей прошлого. Это направление широко представлено в музеях с устоявшейся интерьерной экспозицией, где посетителей встречает голограмма-экскурсовод на входе в зал, либо во время экскурсии часть интерьера превращается в экран, на который проецируется изображение. Используются эта технология как при индивидуальном посещении, так и в составе экскурсионных групп. К примеру, в Музее истории Костромского края установлено несколько голографических экскурсоводов: часть экскурсии в одном из залов проводит «призрак» губернатора И. Хозикова, рассказывая о своей деятельности и истории развития города [Кузнецов, 2017]. Это новшество позволило увеличить целевую аудиторию и экскурсионный поток музея. За последние два года такие электронные экскурсоводы приобрели широкое распространение и постепенно заменяют аудиогидов. Единственным минусом такого экскурсовода является стоимость оборудования, от которого зависит качество изображения и набор специальных возможностей (реагировать на голос, отвечать на вопросы, создавать ощущение беседы). Кроме того, на такой смелый и дорогостоящий эксперимент пока решаются только известные и часто посещаемые музеи в туристических регионах, таких как Кострома, Ярославль, Сочи, Волгоград, Москва, Санкт-Петербург и пр. [Прозоров, 2012].

Голограммы объектов архитектуры. На первоначальном этапе развития данного направления, при низком качестве конечного изображения архитектурных объектов, голограммы использовались вместо макетов из картона и папье-маше. Стремительное развитие информационных технологий позволяет сейчас не только зафиксировать объект в масштабе, но и выполнить любые манипуляции, не нанося вред самому сооружению. Кроме того, детальная фиксация объекта, предшествующая созданию полноценного голографического изображения, способствует накоплению важной информации о здании, которая может быть использована в научном

исследовании, даже если само строение в силу непредвиденных причин будет утрачено, и позволит, например, разместить в музее средневековый посад с жителями, который станет доступен всем посетителям. Внешний вид любого здания может уместиться буквально на экране, и при наличии специальных технических средств оно может быть изучено в любой точке земного шара. Так, чтобы изучить облик собора Василия Блаженного, можно загрузить в специальное устройство голографическое изображение и рассмотреть мельчайшие детали, а также увидеть реконструкцию первоначального вида храма в XVI в. [Новый взгляд..., 2013]. Все это можно дополнить анимацией.

В данном направлении отдельное место занимают реконструкции объектов культурного наследия, которые были утрачены окончательно, и на данный момент нет возможности их восстановления. В таких случаях реконструкция выполняется на основе архивных материалов, сохранившихся гравюр, картин, зарисовок, набросков и фотографий. Изображение создается с учетом мельчайших деталей по описаниям или известным аналогиям того периода. Возможно, данные изображения субъективны и не могут использоваться для научного изучения самого объекта, однако они помогают воссоздать образ строения и соотнести его с архитектурным обликом эпохи, что не менее важно при комплексном подходе к изучению истории любого населенного пункта.

Отдельно необходимо отметить, что при создании голографического изображения высокого качества требуется не только дорогостоящее оборудование, но и большое количество времени на съемку объекта, дальнейшую техническую обработку изображения и файлов, разработку программного обеспечения. Необходимы компетентные специалисты, владеющие данными технологиями. Несмотря на высокую стоимость и трудозатраты, создание таких изображений для уникальных объектов оправданы риском полной утраты части культурного наследия страны.

Голография как самостоятельный объект. На данном этапе развития техники и технологии современного общества голография перестала быть только способом отображения объектов культурного наследия. Теперь, говоря о голографическом изображении, мы уже подразумеваем совокупность технических средств и программного обеспечения, применяемых для получения конечного результата. Анализ публикаций на сайтах многих музеев России позволяет сделать вывод о том, что голограмма сама может стать объектом культурного наследия [«Ожившие картины...; Художественная голография...; Выставка голограмм...]. Во многих европейских и российских городах созданы музеи голографии, отражающие историю становления данной технологии и эволюцию технических средств отображения трехмерного изображения [Мир голографии...; Музей голографии...; Лаборатория голографии...]. Множество лабораторий и компаний постоянно разрабатывают и внедряют свои новации в данной сфере [Настоящее 3D..., 2013; В Музее Москвы..., 2015; Уникальный голографический фильм...].

Для создания изображения требуются сканеры, фотокамеры и специализированные установки. Для

обработки изображений и создания трехмерной модели должно быть создано программное обеспечение, которое подбирается в зависимости от целевого назначения конечного продукта. Часть оборудования адаптируется и после успешного тестирования брендируется и в составе комплектов распространяется для создания голографических изображений.

Таким образом, анализ существующей ситуации с использованием голограмм показывает, что эта технология успешно используется для фиксации и презентации объектов. Голографический метод требует специального оборудования и недешев, что окупается точным трехмерным воспроизведением предметов, живых существ, зданий и сооружений. В полевой этнографии голографии понадобились бы для исследования объектов материальной культуры, фиксации утвари, украшений, одежды, мебели, транспортных средств, зданий, сооружений. Применение метода увеличило бы, по сравнению с фотографией, наглядность изображений, что важно для дальнейших исследований, дало бы возможность сразу передавать предметы на музейное хранение и в экспозиции. В исторической этнографии голограммы будут полезны в поиске аналогов для воссоздания элементов материальной культуры (предметов, построек и пр.).

Список литературы

1. В Музее Москвы представили голографический видеоблог // Advertology.ru. 23.12.2015 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.advertology.ru/article134741.htm> (дата обращения: 7.05.2018).
2. Выставка голограмм // Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический» [Электронный ресурс]. — URL: https://chersonesos-sev.ru/?page_id=8892 (дата обращения: 10.05.2018).
3. Голография // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/80157#sel> (дата обращения: 07.05.2018).
4. Кузнецов А. В музеях России начали проводить экскурсии голограммы и роботы // Первый канал. 24.01.2017 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.1tv.ru/news/2017-01-24/318424-v_muzeyah_rossii_nachali_provodit_ekskursii_gologrammy_i_roboty (дата обращения: 7.05.2018).
5. Кутаренко П., Трофименко К. Ученым удалось сделать голограммы бесценных экспонатов Алмазного фонда // Телеканал «Звезда». 15.03.2018 [Электронный ресурс]. — URL: https://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201803151936-rga3.htm (дата обращения: 07.05.2018).
6. Лаборатория голографии // Политехнический музей [Электронный ресурс]. — URL: https://polymus.ru/ru/museum/exhibition_halls/rds/hologram (дата обращения: 07.05.2018).
7. Мир голографии // Музеи России [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.museum.ru/N14864> (дата обращения: 07.05.2018).
8. Музей голографии и новых визуальных средств массовой информации [Электронный ресурс]. — URL: <https://travel.rambler.ru/guide/europe/germany/poi/47377/> (дата обращения: 07.05.2018).

9. Настоящее 3D. На смену очкам приходят голографические дисплеи // Полит.ру. 25.03.2013 [Электронный ресурс]. — URL: http://www.polit.ru/article/2013/03/25/ps_real_hologram/ (дата обращения: 11.05.2018).
10. Новый взгляд на архитектуру: 3D-голограммы. — 06.06.2013 [Электронный ресурс]. — URL: <https://realty.rbc.ru/news/577d27a19a7947a78ce92c50> (дата обращения: 08.05.2018).
11. «Ожившие картины». Выставка художественной голографии и карикатуры Х. Бидструпа. // Томский областной художественный музей [Электронный ресурс]. — URL: <http://artmuseumtomsk.ru/page/7/0/335> (дата обращения: 07.05.2018).
12. Прозоров И. В Сочинском художественном музее появились голограммы-экскурсоводы // Первый канал. 26.05.2012 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.1tv.ru/news/2012-05-26/93386-v_sochinskom_hudozhestvennom_muze_e_poyavilis_gologrammy_ekskursovody (дата обращения: 07.05.2018).
13. Рябухина Е.А., Литвинова В.Л. Голограммы — так мечты становятся реальностью // Молодежный научный форум: Технические и математические науки: электрон. сб. ст. по материалам XII Междунар. студ. науч.-практ. конф. — № 5 (12). — М.: Изд-во МЦНО, 2014 [Электронный ресурс]. — URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_tech/5\(12\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_tech/5(12).pdf) (дата обращения: 08.05.2018).
14. Уникальный голографический фильм «Истории вне границ» // Музей «Фридландские ворота» [Электронный ресурс]. — URL: <http://fvmuseum.ru/уникальная-голографическая-экспозиц/> (дата обращения: 07.05.2018).
15. Федеральный закон от 25 июня 2002 года № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения: 07.05.2018).
16. Художественная голография [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.museum.ru/N66862> (дата обращения: 07.05.2018).

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10011
УДК: [004+39]

А.В. Радзюкевич
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
radz@rambler.ru

Опыт использования прикладных информационных технологий в сфере документирования форм объектов материальной культуры

*Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ №18-09-00469 «Новые методы
в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования
для исследования материальной культуры»*

Аннотация

В статье представлены результаты практического использования некоторых новых технологий фиксации и документирования форм объектов материальной культуры. Обосновывается актуализация данного направления, связанная с отсутствием комплексного, междисциплинарного научного исследования. Приводится попытка систематизации знаний и прикладного опыта по данной теме. Высказывается предположение, что в ближайшее время придется пересматривать целый ряд стандартов по документированию объектов культурного наследия.

Ключевые слова: технологии фиксации и документирования форм объектов материальной культуры, объемное лазерное сканирование, фотограмметрия, облака точек

A.V. Radzyukevich
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)
radz@rambler.ru

Experience in the Use of Information Technology Management in the Field of Documentation of Forms of Material Culture Objects

Abstract

The article deals with the results of the practical use of some new technologies of fixation and documentation of forms of material culture objects. The significance of this direction, associated with the lack of comprehensive, interdisciplinary research is substantiated. An attempt to systematize knowledge and applied experience on this topic is given. It is suggested that in the near future it will be necessary to revise a number of standards for documentation of cultural heritage objects.

Key words: technologies of fixation and documentation of forms of material culture objects, 3D laser scanning, photogrammetry, point clouds

Глобальное внедрение информационных технологий во все сферы научной деятельности начинает оказывать кардинальное влияние на технологию фиксации и документирования объектов культурного наследия. Сравнительно недавно, в 2005 г., была успешно использована технология объемного лазерного сканирования формы римского Пантеона — сложнейшего по пластике памятника античной архитектуры. В результате сканирования были получены облака точек, которые позволяют формировать высокоточные по размерам чертежи фасадов, планов, разрезов как всего памятника, так и его элементов. Благодаря огромному количеству точек (почти полмиллиарда) количество таких фиксационных чертежей может быть огромным. С необходи-

мой точностью можно зафиксировать практически любой элемент поверхности памятника. Важно, что результаты измерений технологически объективны и не зависят от субъективных факторов.

В последующие годы были разработаны и апробированы новые методы фиксации форм объектов. Для их практического осуществления в первую очередь были использованы технические устройства и соответствующее программное обеспечение, используемое ранее в других сферах (геодезия, геофизика и т.д.). На сегодняшний день таких устройств и программ накопилось уже достаточно много. Научное осмысление этого процесса еще только начинается. Написано несколько диссертаций, в которых в той или иной степени освещаются особенности исполь-

зования новых технологий [Жеребятъев, 2013; Перес Вальдез, 2016; Alberti, 2014; Saccone, 2017]. Новые технологии позволяют не только фиксировать геометрию любого, даже очень сложного участка поверхности объекта, но и с помощью неразрушающих методов определять геометрию внутренних пустот и разных по плотности сред. Особо следует отметить появившиеся возможности создания высококачественных визуализаций, позволяющих фиксировать практически любые изображения как поверхностей объектов, так и их внутренних сред. Исключительную важность представляет собой также возможность моделирования физических свойств конструкций объектов, позволяющие производить экспертные заключения о физическом состоянии объекта, о его устойчивости и распределении внутренних напряжений.

В России уже накоплен определенный опыт использования новых технологий. Несколько фирм используют объемное лазерное сканирование для фиксации памятников архитектуры и археологических объектов. Так, например, компанией ООО «Триметари Консалтинг» (г. Санкт-Петербург) и Институтом археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск) были произведены работы по лазерной съемке и 3D-моделированию объекта «Денисова пещера», а также найденных на месте микроартефактов [Аникушин и др.]. Этой же компанией в сотрудничестве с Институтом истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН (г. Москва) произведены работы по лазерной съемке и 3D-моделированию памятника архитектуры «Шуховская башня» [Аникушин, Леонов]. Научно-производственное предприятие «Фотограмметрия» (г. Санкт-Петербург) также имеет большой опыт как сканирования форм памятников архитектуры, так и создания качественных программных продуктов и технологий [Портфолио]. По практическому использованию новых технологий написан целый ряд научных статей, из которых следует отметить следующие: [Талапов, 2015; Радзюкевич и др., 2012]. Тем не менее в России до сих пор нет комплексного, междисциплинарного научного исследования данной проблемы и нет методик практического использования новых технологий для документирования и информационного моделирования форм объектов и предметов культурного наследия. В связи с этим актуальным представляется проведение научного исследования по систематизации знаний, накопленных в этом направлении прикладных информационных технологий. Проводимые нами на протяжении нескольких последних лет исследования дают возможность провести некоторую предварительную систематизацию изученного материала.

В первую очередь перечислим используемые методы фиксации форм объектов:

- 1) метод объемного лазерного сканирования объектов культурного наследия;
- 2) метод стереофотограмметрии с использованием наземных фотографических съемок и съемок с БПЛА;
- 3) BIM-моделирование памятников архитектуры;
- 4) метод прототипирования и макетирования объектов в материале;
- 5) метод георадиолокации.

Фиксируемые объекты культурного наследия можно классифицировать по размерам:

1) крупные объекты (памятники ландшафтной архитектуры, архитектурные ансамбли, улицы, памятники садово-паркового искусства, пещеры и т.д.), имеющие протяженность по шкале сотен метров;

2) средние объекты (памятники архитектуры, зоны археологических раскопок и т.д.), имеющие протяженность по шкале десятков метров;

3) маленькие объекты (элементы архитектурного декора, скульптура, барельефы, горельефы и т.д.), имеющие протяженность по шкале метров;

4) микрообъекты (ювелирные украшения, монеты, инструменты, хозяйственный инвентарь и т. д.), имеющие протяженность по шкале сантиметров.

Полученные результаты фиксации и документирования форм и свойств объектов можно представить в виде геометрических, физических или информационных моделей.

Используемые для проведения работ технические устройства и программные средства, применяемые для построения моделей, обобщенно представлены в таблице 1.

Полученные с помощью новых технологий продукты (облака точек, ортофотопланы, чертежи и т.д.) имеют настолько высокий уровень детализации и точности, что, по нашему мнению, должны повлиять на содержание имеющихся стандартов документирования объектов материальной культуры. Так, например, в Федеральном законе от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 29.12.2017) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» для описания формы объекта культурного наследия должно использоваться только фотографическое изображение. Очевидно, что в случае утери объекта такого объема информации будет совершенно недостаточно для его восстановления. Кроме того, в стандарте «Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения» (ГОСТ Р 56891.2-2016) в пункте 2.65 прописан даже термин «технология информационного моделирования сооружений (BIM)». Принят также ГОСТ Р 57310 «Моделирование информационное в строительстве. Руководство по доставке информации. Методология и формат». Однако никаких пояснений и норм по созданию BIM объектов культурного наследия пока нет. Представляется, что в этом направлении предстоит большая работа по разработке и апробации новых методик и технологий.

Основой для проведения прикладных научных исследований по обозначенной тематике может стать определенный опыт работы группы ученых, работающих в настоящее время в рамках гранта РФФИ №18-09-00469 «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры». В частности, совместно с Управлением по государственной охране объектов культурного наследия Новосибирской области под руководством автора статьи было проведено объемное лазерное сканирование четырех объектов (кирпичные и деревянные памятники архитектуры):

1) собор Святой Живоначальной Троицы (р.п. Колывань, Колыванский район Новосибирской области);

2) церковь Святой Троицы (с. Мохнатый Лог, Краснозёрский район Новосибирской области);

3) церковь во имя Святого Равноапостольного царя Константина и царицы Елены (с. Константиновка Татарского района Новосибирской области);

4) дом жилой и контора управляющего Сузунским медеплавильным заводом (р.п. Сузун, Сузунский район Новосибирской области).

По всем этим объектам были получены файлы с облаками точек, которые были преобразованы в обмерные чертежи для проектов реставрации.

Накоплен также определенный опыт по выполнению наземного лазерного сканирования таких объектов, как:

1) Покровская церковь в Филях (г. Москва), совместно с МИИГАиК и СГУГиТ;

2) храм во имя Александра Невского (г. Новосибирск), совместно с СГУГиТ;

3) церковь Спаса Нерукотворного образа из Зашиверского острога (находящаяся в Историко-архитектурном музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирск), совместно с ООО «ГЕКСАГОН ГЕОСИСТЕМС РУС», «Триметари Консалтинг» и ИАЭТ СОРАН.

По всем объектам имеются облака точек высокого качества разрешения. В частности, по Зашиверской церкви облако насчитывает почти 500 миллионов точек.

В рамках диссертационной магистерской работы В. Кулиева (НГУАДИ, рук. А.В. Радзюкевич) была апробирована технология создания 3D-моделей и выполнение прототипа в материале на станке с ЧПУ на примере деревянных оконных наличников начала XX в. В магистерской работе О.В. Медведевой (НГАСУ, рук. А.В. Радзюкевич) была сделана попытка создания паспортов фасадов памятников архитектуры на основе метода стереофотограмметрии.

Исключительно перспективным представляется направление деятельности по формированию баз данных о формах объектов культурного наследия с последующим их выставлением в сети в открытом доступе. Прекрасно зарекомендовал себя опыт создания электронных библиотек и архивов. Начинают создаваться электронные архивы 3D-моделей. Так, например, на сайте sketchfab.com, который является крупнейшей в мире платформой для публикации 3D-контента, содержатся уже десятки тысяч текстурированных полигональных моделей, большинство из которых содержат информацию о формах объектов материальной культуры (памятники архитектуры, ландшафтные объекты, фрагменты исторических улиц, скульптуры, барельефы, горельефы, ювелирные украшения, предметы мебели и т.д.). Очевидно, что некоторые объекты, обладающие очень сложной пластикой, например горельефы, можно зафиксировать только методом объемного сканирования. На сайте repository.edition-topoi.org также собрана большая коллекция облаков точек, фиксирующих формы наиболее выдающихся памятников архитектуры (Пантеон в Риме, храм Софии в Константинополе и т.д.) и целого ряда археологических объектов античности. Все эти материалы открыты для скачивания, что является новым, исключительно удобным форматом хранения информации, необходимой для проведения научных исследований. Представляется, что данную технологию необходимо использовать для создания электронных архивов 3D-моделей,

фиксирующих формы отечественных объектов материальной культуры. В первую очередь это необходимо сделать для сохранившихся памятников архитектуры и имеющихся музейных коллекций, что важно для развития этнографии.

Список литературы

1. Аникушин М.Н., Бобков А.Е., Леонов А.В. Создание виртуальной 3D-модели Денисовой пещеры на Алтае // Trimetari Consulting [Электронный ресурс]. — URL: <http://trimetari.com/ru/proekty/sozdanie-virtualnoj-3d-modeli-denisovoj-peshhery-na-altae>.
2. Аникушин М.Н., Леонов А.В. Лазерное сканирование и 3D-моделирование Шуховской башни на Шабаловке // Trimetari Consulting [Электронный ресурс]. — URL: <http://trimetari.com/ru/proekty/lazernoe-skanirovanie-i-3d-modelirovanie-shuhovskoj-bashni-na-shabolovke>
3. Жеребятъев Д.И. Методы исторической реконструкции памятников истории и культуры России средствами трёхмерного компьютерного моделирования: дис. ... канд. ист. наук. — М., 2013. — 319 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.dissercat.com/content/metody-istoricheskoi-rekonstruktsii-pamyatnikov-istorii-i-kultury-rossii-sredstvami-trekhmer>
4. Перес Вальдез Мануэль де Хесус. Разработка и исследование фотограмметрической технологии обмеров архитектурных и исторических сооружений по материалам плановой и перспективной аэрофото съемки: дис. ... канд. техн. наук. — М., 2016. — 117 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.miiigaik.ru/upload/iblock/1f0/1f0f6d5b283e77b083e5d2186f2764cc.pdf>.
5. Портфолио // Научно-производственное предприятие «Фотограмметрия» [Электронный ресурс]. — URL: <http://photogrammetria.ru/portfolio/>
6. Радзюкевич А.В., Чернова М.А., Середович А.В. Технология лазерного сканирования и пропорционального анализа форм памятника архитектуры (на примере храма Александра Невского в Новосибирске (Новониколаевске) // Architecture and Modern Information Technologies. — 2012. — № 2 (19) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/2kvart12/radzjukevich/radzjukevich.pdf>.
7. Талапов В.В. О некоторых закономерностях и особенностях информационного моделирования памятников архитектуры // Architecture and Modern Information Technologies. — 2015. — № 2 (31) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/talapov/abstract.php>.
8. Alberti Licina. Pantheon y Clasicas Romanas: Geometria y Construcccion. Tesis Doctoral. — Madrid: Universidad Politecnica de Madrid, 2014. — 535 p.
9. Saccone Mauro. Disegnare il Pantheon. La pratica del rilievo nell'insegnamento accademico del XIX secoloe nel disegno digitale contemporaneo. — Roma: Universita degli Studi Roma, 2017. — 324 p.

Направления использования прикладных информационных технологий в сфере документирования форм и материалов объектов материальной культуры

№№	Сферы деятельности	Используемые технические средства	Используемое программное обеспечение	Создаваемые продукты	Сфера применения полученного продукта
1	Фиксация формы поверхности объекта	Объемные лазерные сканеры, 3D-сканеры, БПЛА	ScanIMAGER, PhotoIMAGER, Agisoft, Leica Cyclone, CloudCompare и т.д.	Облака точек, текстурированные полигональные поверхности, ортофотопланы, обмерные чертежи	Научные исследования, базы данных, образование, музейное дело, паспорта фасадов, планы раскопок и т.д.
2	Фиксация внутренней структуры конструкций	Георадары, компьютер	GeoPointer X, GailaSpectrum, Geoscan 32 и т.д.	Сплошные 3D-модели форм	Экспертиза по выявлению внутренних пустот и деформаций
3	Геометрическое моделирование	Компьютер	3DsMax, AutoCAD, Blender, SketchUp и т.д.	3D-модели, текстурированные полигональные поверхности	Научные исследования, базы данных, образование, музейное дело, проекты реставрации и т.д.
4	Физическое моделирование	Компьютер	SolidWorks - Cosmos Simulation, Ansis и т.д.	Экспертные заключения	Экспертиза состояния конструкций
5	Информационное моделирование	Компьютер	Revit, Allplan-Allplot и т.д.	ВМ-модели	Реставрация, управление, эксплуатация и т.д.
6	Прототипирование в материале	3D-принтеры, станки с ЧПУ	Cura, Match3, NC system, Repetier-Host и т.д.	Копии объектов в материале, макеты	Музейное дело, реставрация и т.д.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10012
УДК 711.62

Р.А. Селиванов¹, А.Г. Большаков²
Институт архитектуры, строительства и дизайна Иркутского
национального исследовательского технического университета (Иркутск)
¹am_kolizeum@mail.ru; ²andreybolsh@yandex.ru

Моделирование архитектурного пространства в контексте кварталов исторического центра

Аннотация

В современной архитектурной практике города Иркутска, к сожалению, имеет место подход к проектированию без серьезного исследования и предпроектного анализа вопроса тактичного вхождения в контекст исторической среды центра. Точечная застройка заполняет по максимуму отведенный участок, не реагируя на окружение. Единственным ограничением выступает регламент по высоте застройки или охранные зоны, если таковые имеются. В данной работе поставлена цель разработать методику, которая даст возможность тактичного вхождения новообразования в контекст, без нарушения его пространственной структуры. Эта пространственная структура опосредует такие факторы, как преемственность, позиционирование, морфотипичность, массо-пустотные отношения, высотность. Метод заключается в построении пространственной решетки квартала, в котором предполагается строительство нового здания. В основе решетки лежат массо-пустотные отношения. Ячейками решетки выступают пустоты. Полосы «массы» оконтуривают ячейки. Габариты и конфигурация полос и ячеек строятся путем проецирования контуров существующих зданий на границы квартала. Контурные новые здания лежат в границах построенного таким образом пятна «массы». В качестве результатов дается предложение по методике формообразования в контексте исторического центра города Иркутска. Выполнен анализ пространственной ситуации исторического квартала. Разработаны пространственно-контекстуальные требования к предполагаемому архитектурному объекту в границах данного квартала. Исследователи пришли к выводу о том, что для получения качественного проектного результата в работе с кварталами центра города Иркутска необходим контекстуальный подход, включающий в себя, помимо традиционного предпроектного анализа, исследования пространственной структуры исторической среды кварталов.

Ключевые слова: контекст, архитектурная среда, массо-пустотные отношения, преемственность, проецирование масс

R.A. Selivanov¹, A.G. Bolshakov²
Institute of Architecture, Construction and Design
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
¹am_kolizeum@mail.ru; ²andreybolsh@yandex.ru

Modeling of the Architectural Space in the Context of the Blocks of the Historic Center

Abstract

In the modern architectural practice of the city of Irkutsk, unfortunately, there is an approach to design without serious research and pre-design analysis for a tactful entry into the context of the historical environment of the center. Infill construction fills the maximum allocated area, not responding to the environment. The only restriction is the regulation on the height of the building or protective zones, if there are any. In this article, the goal is to develop a method that will enable a tactful entry of a new formation into the context, without disarranging its spatial structure. This spatial structure intermediates such factors as continuity, positioning, morphotypicity, mass-hollow relations, height of buildings. The method consists in constructing a spatial lattice of the block, in which a new building is planned. Mass-hollow relations are the basis of the lattice. The lattice cells are empty. Strips of «mass» outline cells. Dimensions and configuration of strips and cells are constructed by projecting the contours of existing buildings on the boundaries of the block. The new building contours are within the boundaries of the constructed in such a way «mass» patch. As a result, a proposal on the method of form making in the context of the historical city of Irkutsk has been made. The analysis of the spatial situation of the historic block has been carried out. Space contextual requirements for the proposed architectural object within the boundaries of this block have been developed. Researchers came to the conclusion that in order to obtain a high-quality design result, a contextual approach is required in working with the city center of Irkutsk, which includes, in addition to the traditional pre-project analysis, the study of the spatial structure of the historic neighborhood environment.

Key words: context, architectural environment, mass- hollow relations, continuity, projection of masses

Предлагая те или иные проектные решения, осуществляемые в архитектурной среде исторического центра Иркутска, необходимо иметь методику формирования современной застройки, учитывающую и тактично эволюционно развивающую пространственный контекст исторических кварталов города. В результате проводимой авторами статьи исследовательской работы был сформулирован алгоритм тактичного включения современной застройки в пространственный контекст исторических кварталов Иркутска.

Предметом исследования послужили проблемы моделирования архитектурной формы и пространства в контексте исторического центра Иркутска, формирования целостной пространственной структуры на основе рассматриваемого контекста. В рамках проводимого исследования необходимо протестировать алгоритм авторской методики включения моделируемой архитектурной формы и пространства в существующую историческую среду квартала № 22 центра города Иркутска. Под контекстуальностью следует понимать отношение проектируемого объекта к окружению, при котором сохраняется целостность фрагмента городской среды и каждая из его частей играет свою роль, приобретает свое значение в структуре целого. В свою очередь, контекст может представлять собой как целостную, так и разрозненную структуру.

Контекст как целостная структура: городская ткань может представлять собой непрерывную высокоорганизованную структуру с выстроенной иерархией элементов градостроительной композиции, ясно выраженными морфотипами застройки. Такую градостроительную ткань можно назвать целостной.

Контекст как разрозненная структура: городская ткань может представлять собой полностью или фрагментарно разобщенную градостроительную систему без выстроенной иерархии элементов, без какой-либо внятной целостной композиционной структуры, без выраженной отнесенности застройки к какому-либо из морфотипов, с участками разрывов целостной градостроительной ткани (так называемыми пустырями). Такую градостроительную ткань можно назвать разрозненной (деструктивной). Ее необходимо реконструировать («лечить»), включая в нее недостающие для достижения целостности фрагменты среды в зависимости от конкретного случая.

Данное исследование нацелено на выявление целостной пространственной структуры кварталов и тестирование механизма включения современной застройки в контекст исторического квартала Иркутска. На первый взгляд, рассматриваемые кварталы выглядят как довольно случайно организованные, композиционно не связанные образования. Застройка весьма разношерстна — по временным периодам, габаритам, конфигурации, стилистике, материалам отделки, силуэту и т.д. Ориентация строений в кварталах либо выстраивается по внешнему периметру, либо фрагментарно и практически произвольно рассредоточена внутри квартала, образуя (невыпуклые) [Александр, 2014, с. 516] пространства без отнесенности к застройке. В редких случаях внутренние открытые пространства кварталов представлены четко очерченными дворовыми пространствами с застройкой по периметру. Авторами исследования

предполагается наличие скрытых, не выраженных композиционных закономерностей в бессистемно скомпонованных кварталах.

Какова картина композиционного целого квартала? Для того чтобы выявить целостность и неявные закономерности, необходимо каждый из них рассмотреть в узком аспекте — в качестве пространственной решетки. Рисунок решетки в каждом квартале уникален и чувствителен ко всем участвующим в ее прорисовке элементам. Одним из ключевых факторов, влияющих на целостность и непрерывность градостроительной ткани, является позиционирование ее элементов, т.е. выявление расположения зданий и сооружений по отношению друг к другу, очертаниям квартала, улицы, площади и т.д. [Бринкман, 1935, с. 25]. Основой для формирования пятна застройки проектируемого объекта должно служить убедительное и системное композиционное обоснование [Schumacher, 2009]. Например, сложносоставная плоская решетка [Зейтун, 1984]. Для формирования плоской решетки, отражающей композиционные закономерности интересующей территории, необходимо построить позиционные векторы влияния структуры застройки на формирование композиционной матрицы квартала. Векторы транслируют только основные контуры строений и границы пятна застройки, не давая расползаться проектируемой планировочной структуре и сразу помещая ее в систему координат существующей градостроительной ткани. Опираясь на полученные «позиционные векторы», можно прорисовать сложносоставную плоскую решетку. Прочерчиваемая решетка продлевает и заводит композиционное влияние от объектов в структуру квартала, формируя композиционную матрицу проектируемой территории. Сложносоставная плоская решетка является механизмом разделения целого пятна квартала на части в его границах, проецируя закономерности формирования целостной пространственной структуры от существующей застройки к проектируемой.

Решетка заполняется сплошной массой, в которой по структуре решетки вырезаются ячейки пустот [Зитте, 1993]. В основе графического языка — черный, белый и серый цвета. В черный окрашены существующие строения, в белый — пространство (ячейки пустоты), а в серый цвет — потенциально возможная связующая градиентная ткань застройки, в границах которой и должны быть вписаны в определенных местах проектируемые объекты. Данный графический метод позволяет представить ясную картину отношений между объектом и окружением. Для строения — в качестве «фигуры» — пространство и ткань — фон [Peterson, Row, 1979; Schumacher, 1971]. Ткань и строение являются фоном для пространственной ячейки. Такая характеристика, как замкнутость, лежит в основе правил, затрагивающих моделирование целостности городских пространств [Зитте, 1993, с. 74]. Проектируемое пространство является неотъемлемой частью целостной пространственной структуры (решетки) квартала, его массы (ткани) и пустоты (пространства). Это означает, что конфигурация проектируемого объекта в его геометрических контурах уже задана пространственной решеткой квартала, в который интегрируется проектируемый объект. Остается только выявить его

контуры из поля, выкрашенного серым цветом. Как уже было сказано, это поле есть потенциально возможная связующая градиентная ткань застройки.

Процедура построения решетки квартала № 22 города Иркутска складывается из следующих этапов:

1. От существующих строений А, С, D, G, I по периметру квартала по линиям их фасадной плоскости проводятся отрезки 1, 2, 3, 4. Получаем внешний контур пятна решетки квартала (ил. 1).

2. В рамках полученного внешнего контура пятна квартала закрашиваем поле в серый цвет. От существующих строений А, В, С, D, E, F, G, I, J квартала по контурам их фасадной плоскости проводятся отрезки 5—17. Образуется плоская решетка квартала, состоящая из 17 отрезков с уникальными геометрическими характеристиками, отражающими композиционные закономерности именно этого квартала (ил. 2).

3. В полученной плоской решетке квартала выявляем ячейки открытых пространств. Получается 6 ячеек сложной конфигурации, характерных для очертаний данного квартала (ил. 3).

4. Из серого поля по выявленным контурам вырезаем ячейки. В итоге получаем сложносоставную решетку квартала № 22, состоящую из существующей застройки, окрашенной в черный цвет, градиентное поле серого цвета, в границах которого следует интегрировать проектируемые объекты, и ячейки открытых пространств белого цвета, которые должны оставаться свободными от застройки (ил. 4).

Объект проектирования в контексте исторических кварталов Иркутска — реконструируемое здание гостиницы «Сибирь» (арх. К.В. Миталь, 1931—1933 гг.). Значительная часть здания утрачена при пожаре (Н, I). Строение J представляло собой ценность в качестве фрагмента среды усадебной застройки, которая утрачена. Дом J предлагается к переносу в окружение с усадебной застройкой (ил. 1). Процедура интеграции проектируемого объекта в пространственную решетку квартала № 22 города Иркутска такова (ил. 5 — красным цветом на рисунках с 1 по 5 показаны объекты влияния, на рисунках с 6 по 16 показан результат их влияния):

1. В полученную сложносоставную решетку квартала № 22 добавляются векторы влияния от строений в соседних кварталах по прилегающим улицам (ил. 5, 1—5).

2. На основе сложносоставной решетки квартала № 22 с учетом влияния решеток от кварталов № 13, 23 и 29 komponуется формальный прототип объекта в контексте (ил. 5, 6—16).

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Контекстуальный подход включает множество аспектов свойств среды, с которой должно быть согласовано проектирование новых зданий. В данной работе рассматривается только пространственный аспект. Суть его состоит в том, что в случайных расположениях и конфигурациях существующей застройки выявляются прежде всего скрытые геометрические закономерности организации квартала как пространственной решетки. Она получается в результате проецирования масс существующих зданий на границы квартала и сохранения на плоскости квартала проекционных следов. Эти следы форми-

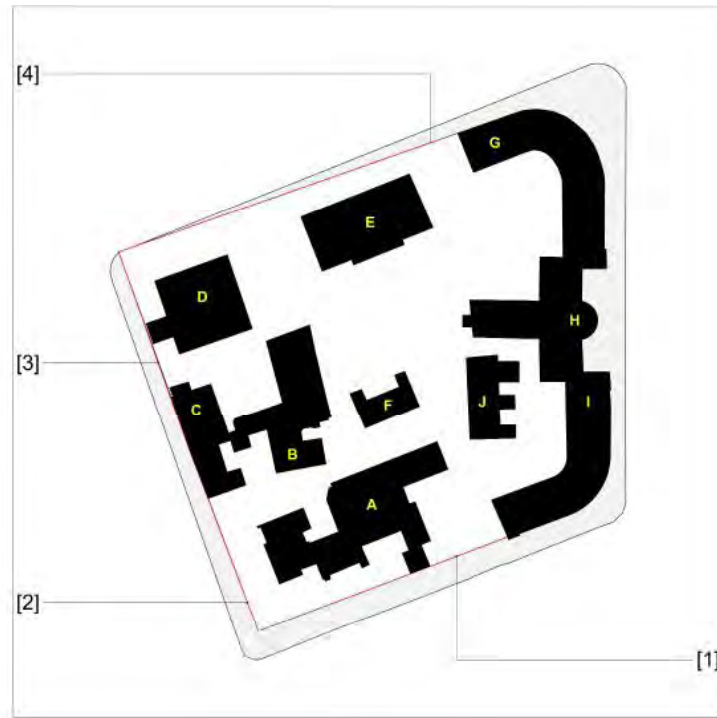
руют границы массы и пустоты в модели квартала. Пятно нового объекта должно отвечать выявленным закономерностям, если мы хотим вписать его в пространственный контекст квартала.

2. Полученная сложносоставная решетка квартала № 22 в центре города Иркутска (ил. 4) отражает геометрические характеристики пространственной структуры квартала и позволяет выявить потенциал развития квартала, не нарушая композиционной целостности и иерархии его структуры. Для данного квартала построена модель предполагаемого к строительству архитектурного объекта в его основных массах (ил. 6).

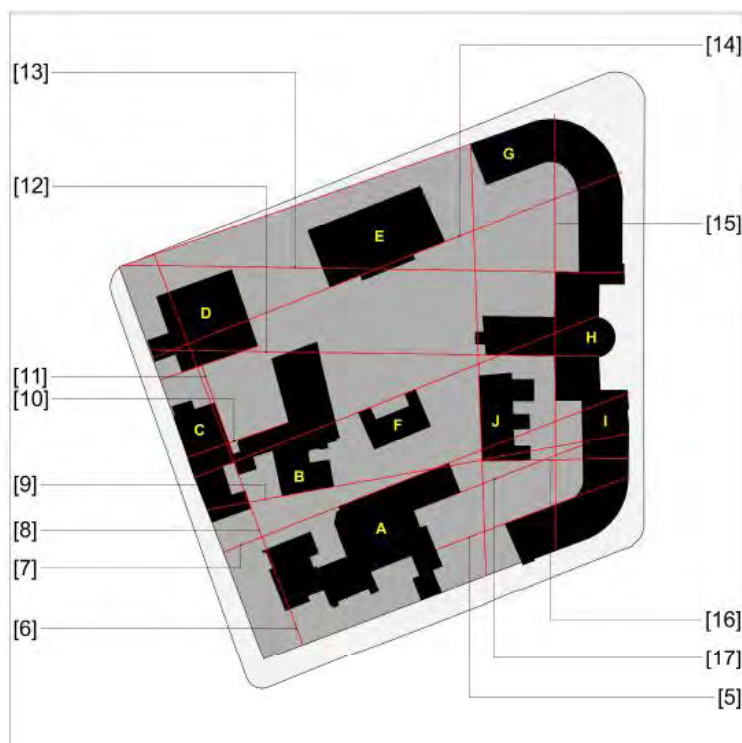
3. Имея решетку квартала с выявленной геометрией массы и пространства, методика интеграции объекта в контекст исторического квартала становится объективной и предсказуемой в части корректности или некорректности проектного результата (ил. 5).

Список литературы

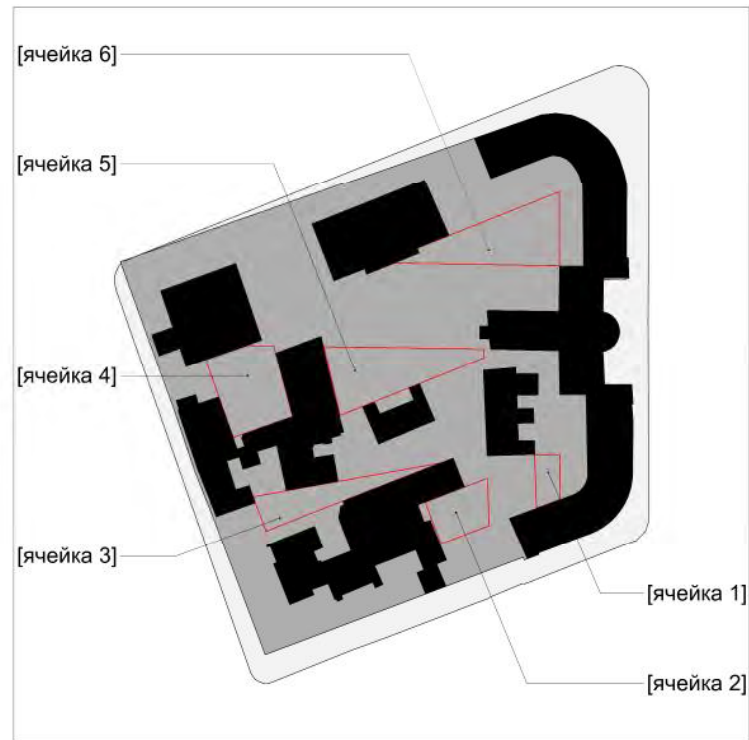
1. Александер К. Язык шаблонов. Города. Здания. Строительство. — М.: Изд-во «Студия Артемия Лебедева», 2014. — 1096 с.
2. Бринкман А. Площадь и монумент как проблема художественной формы. — М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1935. — 296 с.
3. Зейтун Ж. Организация внутренней структуры проектируемых архитектурных систем. — М.: Стройиздат, 1984. — 160 с.
4. Зитте К. Художественные основы градостроительства. — М.: Стройиздат, 1993. — 255 с.
5. Peterson S., Row K. Urban design Tactics // Architectural Design. — 1979. — No 3—4. — Pp. 76—81.
6. Schumacher P. Parametricism — A New Global Style for Architecture and Urban Design // Architectural Design. — 2009. — Vol. 79. — No 4. — Pp. 14—23.
7. Schumacher T. Contextualism: urban and deformation // Casabella — 1971. — No 359—360. — Pp. 79—86.

Ил. 1. Построение внешнего контура решетки квартала № 22

Ил. 2. Построение плоской решетки квартала № 22. Автор Р.А. Селиванов

Рис. 3. Выявление ячеек открытых пространств в структуре плоской решетки квартала № 22

Рис. 4. Вырезание ячеек открытых пространств из сплошного поля массы. Автор Р.А. Селиванов

Рис. 5. Процедура интеграции проектируемого объекта в пространственную решетку квартала № 22 города Иркутска (автор Р.А. Селиванов): 1—5 — подключение к полученной решетке квартала №22 векторов влияния от строений в соседних кварталах по прилегающим улицам; 6—16 — моделирование формального прототипа объекта в контексте

Рис. 6. 3D-моделирование формального прототипа объекта в контексте. Автор Р.А. Селиванов

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10013
УДК 72.03:004.925

И.Р. Соколовский
Институт истории СО РАН (г. Новосибирск)
sokolowski@yandex.com

Роль трехмерного компьютерного моделирования в изучении социальной истории архитектуры

Аннотация

В статье ставится вопрос о том, что социальный аспект архитектуры почти не рассматривается в литературе. Под социальностью понимается все, что связано с человеческими группами. Нас интересует, как группы выражают себя в архитектурных памятниках, как взаимодействуют и т.д. Собор и стадион отличаются не только человеческой активностью, которая протекает в их стенах, но и самим характером групп, которые их создают и используют. Социальные аспекты можно исследовать как на примере отдельных памятников, так и в целом на примере городской среды. Отвечая на подобные вопросы, можно получить и, главное, транслировать интересные научные результаты. Для этого удобно использовать программы для трехмерного моделирования, в частности программу Blender, которая позволяет имитировать высокополигональные структуры с помощью низкополигональных. Ее использование позволяет сравнивать и анализировать социальные аспекты как отдельных зданий, так и городской среды в целом.

Ключевые слова: социальный, история, архитектура, модель, трехмерный, Blender, оборонительный, жилой, город, колонизация

I.R. Sokolovsky
Institute of History
(Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences, Novosibirsk)
sokolowski@yandex.com

The Role of Three-Dimensional Computer Modeling in the Study of Social History of Architecture

Abstract

The article deals with the social aspect of architecture, which is almost not presented in literature. By 'social' we mean everything that is connected with human groups. We are interested in the issues how groups express themselves in architectural monuments, how they interact, etc. A cathedral and a stadium are notable not only for activity that takes place within their walls, but also for the nature of the groups that are created and used by these groups. Social aspects can be explored either with some certain monuments, or with city environment. Answering such questions, you can get interesting scientific results and what is more important, broadcast them. A special computer program *Blender*, which allows imitating high-poly structure with the help of low-poly ones makes it possible. With use of this program it is possible to compare and analyze the social aspects of both individual buildings and the urban environment as a whole.

Key words: social, history, architecture, model, three-dimensional, *Blender*, defensive. residential, city, colonization

Архитектуру изучают обычно как часть искусства, т.е. такую часть человеческой деятельности, которая подчинена человеческому чувству прекрасного. Однако, если это верно для лучших образцов архитектурных сооружений: Парфенона в Афинах, Собора в Реймсе, храма Покрова-на-Нерли и т.д., то это далеко не универсальная характеристика человеческих построек. Многие сооружения, воздвигнутые человеком, или уродливы, или вообще не имеют эстетической составляющей, как, например, Великие египетские пирамиды. Мы не хотим сказать,

что изучать архитектуру только с эстетической точки зрения неправильно. Совсем нет. Мы только хотим отметить, что эстетическое измерение не является единственным измерением, с которым мы можем подойти к архитектуре.

Другим аспектом архитектуры является символический, который можно назвать культурным. Архитектурное сооружение вписано не только в физический ландшафт, но и в «ландшафт» культуры. Оно соотносится с базовыми культурными смыслами, ставит себя в отношении к определенной строитель-

ной традиции, в рамках которой прочитывается как автором, так и теми людьми, которые произведение воспринимают. Если кто-то строит здание, стилизованное под фахверковый дом Западной Европы, то, скорее всего, не только он, но и окружающие будут воспринимать его как дом, стилизованный под здание в Западной Европе, и переносить на него все представления, которые они имеют о Западной Европе. В этом смысле вполне обоснованным, например, является строительство в Китае целого жилого района, который имитирует кварталы Парижа, включая макет Эйфелевой башни. Архитектура может включать в себя цитаты из работ предшественников, может противостоять им, относиться к наследию бережно, игнорировать его, может преуменьшать или преувеличивать какие-то аспекты прошлого. Но со времен Ренессанса европейская архитектура осведомлена о своем прошлом, а за ней уже подтянулись и все остальные. До этого момента архитектура контекстуализировалась в рамках культуры, когда храмы включали в себя статуи богов и надписи в их честь, а обычные дома отражали представления об устройстве вселенной. Без этого контекста обходились разве что первобытные шалаши, которые наши далекие предки строили в Африке для защиты от солнца. Этот аспект архитектуры тоже достаточно хорошо изучен, существует целый ряд монографий, он так или иначе отражается в общих руководствах по истории архитектуры, является предметом пристального внимания со стороны специалистов.

Однако существует еще целый ряд аспектов архитектуры, которые, конечно, не являются забытыми, но которыми, на наш взгляд, стоило бы заняться чуть более эксплицированно и чуть более пристально. Одним из важнейших аспектов истории архитектуры является социальный. То есть, поскольку архитектура является общественным порождением, то «пространство социально, а социальность — опространственна». Эту максиму мы можем приписать гению Пьера Бурдьё. На наш взгляд, этот аспект архитектуры наиболее интересен для историка, поскольку любое освоенное человеком пространство — это не просто «летопись в камне», как было принято говорить раньше, а «каменный палимпсест», где то, что было стерто, не менее интересно чем то, что осталось.

Причем социальный аспект является наиболее ярким и наиболее интересным, так как эта та часть социальной истории, которая одновременно предоставляет пространство для исторических событий и организуется историческими событиями. Париж 1789 г. был одновременно сценой французской революции и порождением тех процессов, которые в конечном итоге привели к подъему третьего сословия и падению Старого порядка. Точно так же и Петроград 1917 г., с одной стороны, определял происходящие события, когда те или иные социальные силы пытались удержать за собой разные фрагменты городского пространства, с другой же — был порождением социальных процессов, ставших предтечей революции. Еще более это характерно для Москвы 1905—1917 гг.

Теоретически эти аспекты должны были найти свое освещение в рамках марксистско-ленинской историографии, которая для любого явления обще-

ственной жизни искала его классовую природу и истоки. Однако такой подход не позволял обсудить все аспекты социального характера архитектуры. Марксистская историография останавливалась, причем часто довольно формально, только на аспектах буржуазного, пролетарского или феодального характера того или иного архитектурного явления, его связи с народным искусством, его прогрессивном или реакционном характере. Другие значимые аспекты могли упускаться из виду.

Нас же интересует такое явление, как связь архитектуры и различных человеческих групп. Эти группы различаются не только размерами и постоянством состава (семья имеет постоянный состав на протяжении долгого времени, а группа болельщиков может меняться довольно радикально за короткий срок, очередь же меняется еще быстрее), но и внутренней структурой, степенью артикулированности подгрупп этой группы, характером отношений внутри нее и т.д.

Важным аспектом, связанным с группами, является характеристика групп по степени неоднородности. Мы имеем дело с метагруппами, состоящими из однородных подгрупп, и с метагруппами, состоящими из весьма разнородных подгрупп. Например, такая внутренняя неоднородность метагруппы может указывать на очень сложное и многообразное разделение труда. На сложность группы может указать и количество «передаточных звеньев», которое проходит принятое решение. Если решение вождя племени сообщается его исполнителям самым непосредственным образом, то решение президента (или правительства) крупной державы проходит до десятка передаточных звеньев, цепочка которых начинается в таком бюрократическом органе, как канцелярия.

Для решения задач, которые ставит перед собой социальная история архитектуры, можно использовать различный иллюстративный материал. Например, если нам надо представить какой-то памятник целиком или отметить, как он функционировал в поле действия разных социальных групп, то нам достаточно в каком-нибудь визуальном редакторе нанести текст на картинку, обвести нужные фрагменты и получить искомый результат. Например, если место сохранилось, то мы можем отметить на фотографии этого места, где существовали несохранившиеся постройки, и тем самым показать читателю, как изменялось функционирование данного архитектурного объекта для разных социальных групп. Например, к сохранившемуся зданию Южной ратуши в Стокгольме было в разное время пристроено два деревянных русских двора. Один сгорел в 1694 г., «на Николин день», другой был уничтожен при строительстве городской железной дороги в 1860-е гг. И хотя площадь перед ратушей так и называется «Русский рынок», показать его местоположение смогут лишь единицы. Для нас же это хороший пример конкуренции групп за городское пространство, при которой доминирующая группа вытесняет подчиненную, хотя топоним все же сохраняет память о ней.

Если нас интересуют какие-то элементы здания или сооружения, и это здание сохранилось, то тогда мы можем просто на фотографии, например из гугл-карт, отметить нужный элемент. Если же здание

не сохранилось, то мы можем использовать рисунок, который является художественной реконструкцией, восстанавливающей с помощью воображения художника внешний облик утраченного здания.

Однако в этом случае еще острее, чем с фотографиями, встает вопрос об авторских правах. Например, мы можем сделать фотографию какого-либо здания или их группы, иметь на это изображение все права и, соответственно, размечая его в графическом редакторе, показывать, как те или иные социальные группы взаимодействовали вокруг этого здания. Если же это изображение создано современным художником, оно, как и фотография, защищено авторским правом. Получается, что без проблем мы можем пользоваться только изображениями, копирайт на которые уже истек: это могут быть дореволюционные гравюры из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, иллюстрации Виоле ле Дюка и т.д.

Если же, например, чтобы объяснить амбициозность какого-нибудь проекта, нам нужно совместить изображения, на которые еще не истек копирайт, то мы оказываемся в весьма пикантном положении. Мы даже не можем воспользоваться чужими научными схемами, ибо с точки зрения копирайта они не открытия, а иллюстрации, на худой конец, если не для разумных людей, то для западных издательств, которые не хотят никаких судебных исков. И это при том, что накоплено большое количество изобразительных и картографических материалов, которые могут быть использованы при исследованиях социальной истории архитектуры.

Например, историк архитектуры В.И. Кочедамов реконструировал внешний облик целых городов, но мы не можем использовать его рисунки даже для целей критики, ибо на них распространяются авторские права его наследников. Таким образом, единственный путь решения проблемы — создание собственных иллюстраций или трехмерных моделей. Мы считаем, что трехмерные модели предпочтительней, так как они более полифункциональны, чем просто иллюстрации.

С помощью программ для трехмерного компьютерного моделирования мы можем воссоздать внешний облик здания и фрагменты окружающего ландшафта, показать здание с разных углов зрения так, как его видели и использовали современники. С помощью компьютерных программ можно воссоздать внутреннюю структуру здания, показать его в разрезе, отразить, например, этапы строительства, если на его ход оказывали влияние различные социальные факторы.

Наконец, с помощью трехмерного моделирования легко объяснить, какие в том или ином обществе существовали строительные технологии. Например, фахверковые конструкции, с одной стороны, были связаны с нехваткой дерева. Из него изготовляли только каркас, а промежутки заполняли «чем Бог пошлет». С другой стороны, фахверковая конструкция была связана с большим разделением труда, чем изготовление сруба из бревен, потому что пиление досок и брусьев было не под силу одному плотнику, требовалось мануфактурное производство. Свою роль в распространении фахверка играли и более долгий строительный сезон, и более теплый климат.

Трехмерные модели предпочтительнее планов и рисунков, так как на них можно показать не только наличие и расположение построек, но и их этажность — например, если важно знать, как выглядел общий силуэт группы построек, закрывала ли одна другую и т.д. План дает только общее расположение построек относительно друг друга, но не дает достаточного представления об архитектурном комплексе в целом, хотя и относительно прост в изготовлении.

С помощью трехмерного моделирования можно реконструировать такие достаточно сложные объекты, как Королевский замок в Стокгольме, дотла сгоревший в 1697 г. Модель позволяет понять, как изменилось символическое значение объекта в городском пространстве.

Трехмерное компьютерное моделирование позволяет сопоставлять здания и сооружения, которые иначе невозможно было бы сравнить, причем делать это с инженерной точностью, так как компьютерная модель может быть создана фактически на основании чертежа. Например, мы можем сравнить старинное здание в городе Рай (Великобритания) и избу средней зажиточности на невысоком нежилом подклете. Видно, что при строительстве избы использовалось гораздо больше дерева. В хороших случаях в дело мог пойти лес диаметром до 30 см. Видим, что вопросы теплосбережения стояли перед обитателями избы гораздо острее, чем перед жителями южного побережья Англии. Однако, например, стекольная промышленность и кузнечное дело там были больше развиты, что выразилось в больших окнах с частыми переплетами.

Используя трехмерные модели, мы можем проследить эволюцию жилища или его территориальные вариации. На иллюстрации 1 представлены реконструированный дом в Риге (старейший из «Трех братьев», относящихся к Средневековью), дом с картины Вермеера и средний дом в Новой Англии. Тут может быть сделана масса наблюдений, выходящих за рамки небольшой статьи, начиная от изменений функций дома: в первом — верхние этажи отданы под склад, в последнем — оба этажа гарантированно жилые. Можно упомянуть и развитие стекольной промышленности, и рост потребности обитателей дома в хорошем дневном освещении при сохранении проблемы безопасности (ставни), и отметить, что «фронтальная архитектура» была, конечно, шагом на сторону архаизации. В Амстердаме деревянное строительство было запрещено в XV в., но оно пышно расцвело в колониях, как голландских, так и английских.

Трехмерное моделирование хорошо подходит для изучения групп построек, например построек крестьянского или, скажем, воеводского двора, который изучен в работах А.А. Люцидарской и А.Ю. Майничевой.

Трехмерное компьютерное моделирование кажется нам незаменимым в области обсуждения ландшафтных представлений той или иной социальной группы. Например, в любом пейзаже войсковой разведчик видит пути движения войск, дефиле, возможности для расквартирования и снабжения, а также укрепления и силы и средства противника. Конечно, это частный случай, который тем не менее достаточно характерен, но и другие социальные группы видят ландшафт довольно избирательно. И

показать это можно только на хорошем примере, с использованием средств визуализации.

Совершенно невозможно обойтись без трехмерного моделирования, когда в дело вовлечена терминология, утраченные технологии и приемы строительства, например военного. Определение редута как «сомкнутого полевого укрепления» ничего не говорит современному человеку при чтении даже «Бородина» Лермонтова. Такие моменты требуют пояснения с помощью наглядной модели.

Важной особенностью компьютерных моделей является их мультифункциональность. С помощью одной и той же модели можно изучать как внешний вид жилища, так и его интерьер. Например, без моделей было бы трудно объяснить, как эволюция окна русской избы виделась изнутри, как менялись проблемы гигиены, когда произошел переход от топки по-черному к отоплению по-белому, с выводом дыма через печную трубу. Можно представить даже различные переходные формы окон XVIII в., чтобы показать, что в конечном итоге привычный нам интерьер крестьянской избы является не только результатом долгой эволюции, но и напрямую вызван к жизни Петровскими реформами, которые, как принято считать, не затронули жизнь широких крестьянских масс. Утверждение это верно только для первой четверти XVIII в., и то лишь частично, в долговременной же перспективе, в качестве отдаленных последствий, реформы эту жизнь, несомненно, затронули.

Без трехмерных моделей нельзя обойтись в области, где требуется изучение и сравнение объектов, широкое знание о которых в настоящий момент утрачено. Например, мы однажды изучали и продолжаем изучать перемены, которые произошли при переходе от строительства традиционных оборонительных построек со стенами и башнями, буквально берущими свой путь от стен Иерихона, к строительству бастионных крепостей. Нас интересовал только один аспект — резкое возрастание требований к математической образованности строителей крепостей нового типа. Но есть тут и множество других аспектов — от изменения периметра оборонительного сооружения до изменения создаваемого им символического впечатления (для понимания последнего достаточно сравнить впечатление от «восточной сказки» Московского Кремля с впечатлением от «гранитных берегов» Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге). Поскольку одно из сооружений, приводимых на картинке, утрачено, то для сравнения дан обычный пятиэтажный дом постройки 1960-х гг. (ил. 2).

Трехмерное моделирование может оказать большую услугу в понимании влияния социального фактора на развитие городской среды, даже первичной. На иллюстрации 3 дано сравнение Ньютауна (позднее Кембриджа) в штате Массачусетс и Нового Амстердама (позднее Нью-Йорка, в одноименном штате). Тут интересно не только плотность застройки, но и наличие укреплений. Ньютаун, расположенный в 7 км от моря, представлен как открытый город, тогда как южная оконечность острова Манхэттен отделена стеной бастионного начертания в районе нынешней Уолл-стрит, а также прикрыта сомкнутым бастионным же укреплением от атаки с моря.

Очень многое может дать компьютерное моделирование относительно нереализованных проектов (например, стало очевидным, что шведские планы по обороне устья Невы страдали явным «прожектерством», стремление вычертить красивую картинку явно доминировало в них над здравым смыслом). Для социальной истории это является важным подтверждением веберовского тезиса о бюрократии, который так афористично сформулировал Л.Н. Толстой: «гладко вписано в бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить».

Полифункциональность моделей хороша еще тем, что мы можем показать не только план, как в случае с Ньютауном и Новым Амстердамом, но и общий вид, который, например, не только отразит наличие в городе обширных мест, свободных от застройки и пригодных для огородничества, но и покажет сам тип застройки, ее этажность, используемые строительные материалы, принадлежность к определенной культурной традиции и т.д. Для Нового Амстердама, например, была характерна развернутость к берегу моря, к заливу, когда даже ратуша помещалась у гавани, так же как место, где выставлены тела казненных.

Надо отметить, что современный читатель полностью лишен масштаба в восприятии утраченных исторических памятников и сооружений, без которого невозможно понять производимый ими эффект. Например, все могут представить, хотя бы вчерне, внешний облик деревянного корабля XVII—XVIII вв. Однако мысленно соотнести линкор типа «Виктории» (поскольку он сохранился) с размерами, скажем, несохранившейся Бастилии сможет уже далеко не каждый, тогда как для тех современников, которые жили в Париже или путешествовали на морских кораблях, это был реальный масштаб для восприятия окружающей действительности и оценки собственных сил и результатов труда. Выражение «плавающая крепость» не было просто метафорой.

В заключение скажем несколько слов о программе Blender как о профессиональной программе для трехмерного моделирования. Она обладает достаточно мощными возможностями для работы с высокополигональными моделями, но мы предпочитаем делать упор на низкополигональных моделях с имитацией рельефа. Последние версии Blender поддерживают текстурирование прямо в процессе моделирования, что очень удобно при работе с картами и планами, но по техническим причинам нами это почти не использовалось.

Кроме обычного сеточного моделирования (так называемые мэш-объекты), Blender поддерживает целый ряд различных типов кривых и иных объектов, которые, в сочетании с набором инструментов, превращают моделирование сложных поверхностей в довольно легкую задачу. Фактически в течение нескольких минут можно воссоздать бастионный фронт только по данным о его плане и профиле.

Blender поддерживает очень сложные системы частиц, что помогает имитировать городскую застройку в том случае, если не нужно следовать четкой сетке улиц, а застройка однотипна. Подобный прием экономит силы и время при моделировании каких-то объектов, где точность не особенно нужна, например лесных массивов и английских парков.

Низкополигонное моделирование в Blender хорошо тем, что поддерживает текстурную прозрачность, т.е. дает возможность создать иллюзию отверстий, просто правильно настроив текстуру и сеточный объект (чтобы он воспринимал тени от прозрачной текстуры). Кроме усилий по моделированию, это еще и серьезно уменьшает количество полигонов в модели, а значит, делает возможным обработку больших моделей сложных архитектурных объектов. Для любого объекта можно легко получить развертку для последующего текстурирования, в том числе с прозрачностью.

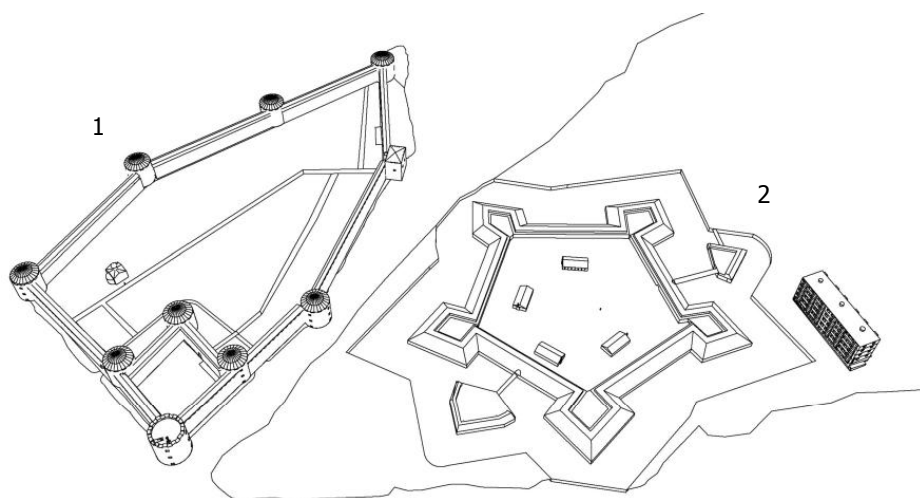
Карта искажений позволяет при финальном рендере создавать иллюзию объема, выше уже было сказано о прозрачности, и, кроме того, средствами векторной графики легко создать любую подходящую текстуру. Модель Летнего дворца на самом деле состоит всего из одного кубического сеточного

объекта (еще три объекта использованы для крыши и двух труб), а все барельефы, рисунок оконных переплетов и прочего являются всего лишь имитацией, построенной на основе двух-трех текстур, послойно наложенных на сеточный объект (ил. 4).

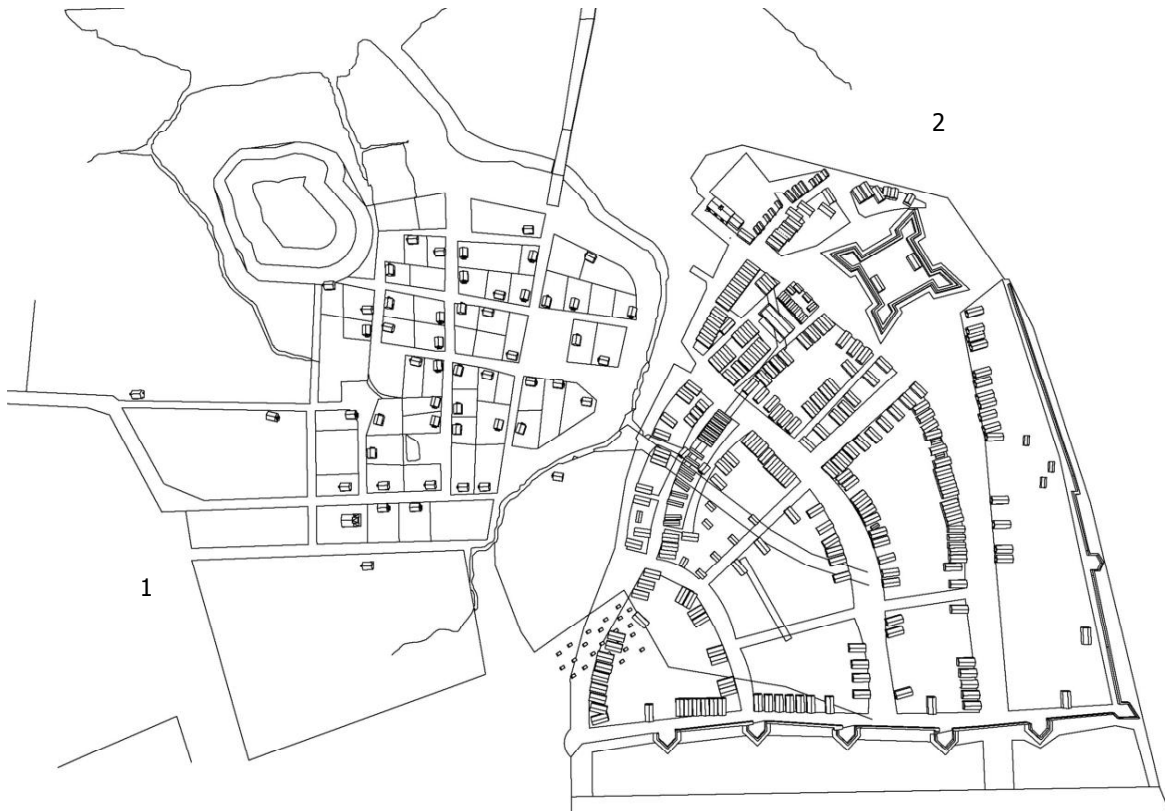
Подведем итоги. В настоящее время вопрос о социальных аспектах архитектуры почти не рассматривается в литературе. Как группы выражают себя в архитектурных памятниках, как взаимодействуют и т.д. — не интересует современных исследователей. Однако такие вопросы стоят как по отношению к отдельным памятникам, так и в целом по отношению к городской среде. В этом отношении можно получить и, главное, транслировать интересные научные результаты с использованием программ для трехмерного моделирования, в частности программы Blender, которая позволяет имитировать высокополигонные структуры с помощью низкополигонных.

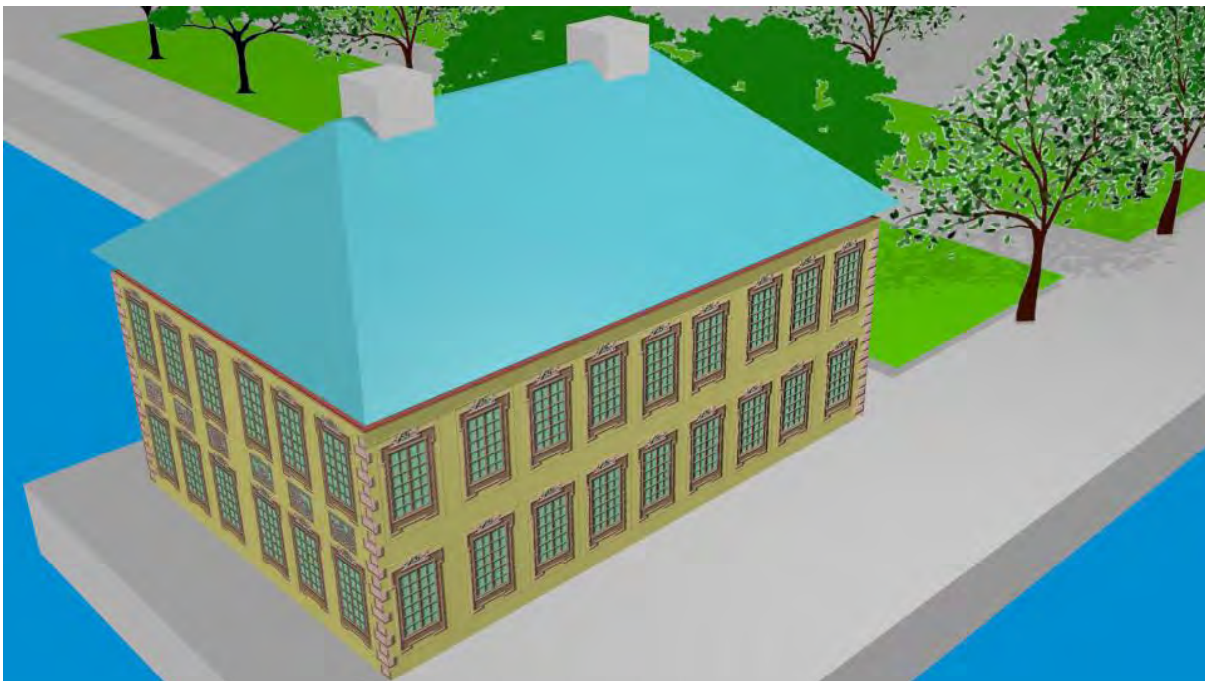
Ил. 1. Реконструкция жилых домов: 1) Латвия, г. Рига, Маза Пилс, 17, Рига, Латвия (ок. 1490 г.); 2) Нидерланды, г. Дельфт, предположительно, Фламингстрат, 40—42 (с картины Яна Вермеера, не раньше середины XVII в.); 3) США, Массачусетс, г. Саугус, Говард, 17 (1692 г.). Выполнено автором в SketchUp 6

Ил. 2. Реконструкция крепостей в едином масштабе: 1) Нотебург (ныне Шлиссельбург, состояние на 1692 г.); Ниеншанц (ныне в черте г. Санкт-Петербурга, состоянию на 1703 г.). Для сравнения дан сборный панельный железобетонный дом серии 1-335. Выполнено автором в SketchUp 6

Ил. 3. Реконструкция городов: 1) Ньютаун, ныне Кембридж (США, шт. Массачусетс, пригород г. Бостона); 2) Новый-Амстердам (США, г. Нью-Йорк, южная оконечность острова Манхеттен). Ориентация планов не соответствует географической. Выполнено автором в SketchUp 6

Ил. 4. Реконструкция Летнего дворца Петра I в Санкт-Петербурге. Выполнено автором в SketchUp 6

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10014
УДК: [72.036+711.4.03](571.1)

В.В. Талапов
Сибирский государственный университет
геосистем и технологий (Новосибирск)
talapoff@yandex.ru

О составе информационной модели памятника архитектуры и его применимости для этнографических исследований зданий и сооружений

*Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ 18-09-00469
«Новые методы в этнографии в информационную эпоху:
оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры»*

Аннотация

В статье рассматривается общая структура информационной модели памятника архитектуры. Основное внимание уделяется основной геометрически-информационной части и возможности ее создания без серьезного привлечения программ компьютерного моделирования, делая упор на связку BIM и моделирования реальности.

Ключевые слова: информационное моделирование, BIM, модель реальности, информационная модель, памятник архитектуры, музей под открытым небом

V.V. Talapov
Siberian State University of Geosystems and Technologies (Novosibirsk)
talapoff@yandex.ru

On the Composition of the Information Model of the Monument of Architecture

Abstract

The article deals with the general structure of the information model of the architectural monument. The main attention is paid to the main geometric and information part and the possibility of its creation without the serious involvement of computer simulation programs, focusing on a bunch of BIM and reality modeling.

Key words: information modeling, BIM, reality model, information model, architectural monument, open-air museum

В работе [Талапов, 2015] было представлено описание общей схемы информационной модели памятника архитектуры, поэтому в настоящей публикации мы приведем лишь общий вид этой схемы (ил. 1). При получении информационной модели основную ее часть, геометрически-информационную, предполагалось строить в программах информационного моделирования с использованием заранее созданных библиотек элементов.

Геометрическое построение модели памятника архитектуры.

Такой подход имеет ряд достоинств:

— построенная модель не просто передает форму объекта, но и является наглядным представлением как его общей конструктивной схемы, так и отдельных узлов и деталей, что в дальнейшем позволяет исследовать памятник архитектуры как с точки зрения технологии построения, так и на устойчивость при различных внешних нагрузках;

— построение модели облегчается в случае на-

личия ранее созданной библиотеки основных конструктивных элементов. В этом случае также открывается возможность создания на основе этих библиотек унифицированных информационных систем по памятникам архитектуры, объединенным некоторыми общими признаками (историческая эпоха, стиль, территориальная принадлежность и т.п.).

Но этот подход имеет и недостатки, среди которых прежде всего стоит отметить:

— большую трудоемкость выполняемой работы по моделированию, особенно при отсутствии библиотеки составляющих элементов. К тому же даже готовая библиотека элементов требует адаптации к особенностям конкретного памятника архитектуры, учитывающей его уникальность;

— невозможность обеспечить высокую геометрическую точность при построении модели (отсутствие дефектов при создании памятника, исторических деформаций и т.п.). Поэтому для полноты общей информационной модели памятника архитектуры

приходится дополнять такую геометрически-информационную модель облаком точек или другим результатом реального обследования форма объекта, называемым моделью реальности.

Модель реальности как основа для геометрически-информационной части.

Поскольку модель реальности является неотъемлемой частью общей информационной модели памятника архитектуры, то возникает желание ее использовать и при создании геометрически-информационной модели.

Благодаря появившимся в последние годы новым возможностям программного обеспечения, позволяющим объединять BIM и модель реальности, такая идея стала вполне жизнеспособной и уже многократно проверенной при создании информационных моделей территорий и поселений [Талапов, 2018].

Новый подход в построении геометрически-информационной части модели можно разбить на три этапа:

1. Создание модели реальности. Это точная геометрическая модель объекта (внутренняя и внешняя), полученная в результате построения по внешней съемке. Внешняя съемка может быть как лазерным сканированием (результат — облако точек), так и обычной фотофиксацией (результат в виде геометрической модели получается в результате обработки фотоснимков методами фотограмметрии). Второй способ более экономичен с точки зрения объема получаемой модели, хотя в жизни чаще всего используется комбинация обоих подходов.

2. Соединение модели реальности с BIM. Для этого к соответствующим частям модели реальности добавляются (обычно невидимые, но доступные для

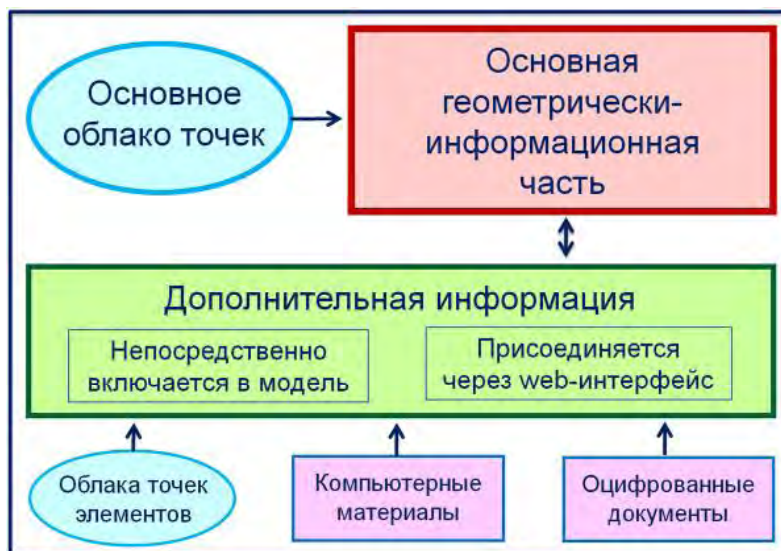
работы) BIM-объекты, реальная форма которых не имеет значения, но которые позволяют привязывать к себе всю необходимую информацию по элементам памятника архитектуры.

3. Добавленные BIM-объекты получают хорошо продуманные структурированные идентификаторы (названия, инвентарные номера, коды по классификатору и т.п.), после чего построенная модель готова к использованию.

Конечно, такой подход также не лишен недостатков, но он позволяет достигать основные цели информационного моделирования памятников архитектуры, например, мониторинг состояния объектов музея под открытым небом, с меньшими временными и материальными затратами. Такая информационная модель полностью применима к зданиям и сооружениям, исследуемых в рамках этнографии, что повышает точность, детальность и воспроизводимость данных.

Список литературы

1. Талапов В.В. О некоторых закономерностях и особенностях информационного моделирования памятников архитектуры // *Architecture and Modern Information Technologies*. — 2015. — № 2(31) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/talapov/abstract.php>
2. Талапов В.В. BIM в Сингапуре становится «окружающей средой» // *САПР и графика*. — 2018. — № 3. — С. 54—58.

Ил. 1. Общая схема информационной модели памятника архитектуры

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10015
 УДК: [72.036+711.4.03](571.1)

Чжан Гуаньин
AVIC Forestry Company Ltd (КНР)
 clava19890602@qq.com
 Научный руководитель: кандидат
 физико-математических наук В.В. Талапов

Информационное моделирование храма Баогосы в Китае

Аннотация

В статье представлены результаты информационного моделирования основного здания храма Баогосы, являющегося памятником деревянного зодчества Древнего Китая. Информационное моделирование велось на основе созданной автором компьютерной библиотеки элементов системы доугун. В дальнейшем построенная модель может использоваться для структурированного накопления, исследования, использования и хранения информации об указанном памятнике архитектуры.

Ключевые слова: информационное моделирование, BIM, деревянное зодчество, доугун, Древний Китай, дадянь, Баогосы

Zhang Guanuing
AVIC Forestry Company Ltd (China)
 clava19890602@qq.com
 Scientific adviser is V.V. Talapov

Information Modeling of the Baogوسي Temple in China

Abstract

The article presents the results of information modeling of the Dalian of Baogوسي temple, which is a monument of wooden architecture of Ancient China. Information modeling was carried out on the basis of a computer library of elements of Dougong system created by the author. Hereafter the constructed model can be used for the structured accumulation, research, use and storage of information on the specified monument of architecture.

Key words: information modeling, BIM, wooden architecture, Dougong, Ancient China, Dalian, Baogوسي

Работа посвящена опыту информационного моделирования [Талапов, 2015б] дошедшего до нас храма Баогосы — памятника деревянного зодчества Древнего Китая. Моделирование велось на основе разработанной автором компьютерной библиотеки элементов системы доугун (основы деревянного зодчества Древнего Китая), описанной в работе [Талапов, Чжан Гуаньин, 2016]. Эта библиотека элементов создавалась по канонам трактата «Инцзаофаши» [Ли Цзе], определявшего в Китае правила использования системы доугун при возведении зданий, так что работу можно в определенной степени считать попыткой пересказа на русский язык основных положений этого трактата. Там же приведен достаточно подробный словарь терминов, связанных с системой доугун, использование которого облегчит читателям знакомство с настоящей публикацией.

Краткая история храма Баогосы

Первый храм Баогосы (храм Служения Родине) назывался «Линшаньсы» (название указывает, что он находится в горах Линшань) и был построен в династии Тан, но в 845 г. он подвергся полному разрушению. Вновь храм был выстроен в 880—881 гг. и

назван «Баогосы».

В эпоху Сун, когда на юге Китая бурно развивался буддизм, храм Баогосы получил серьезное развитие. Дадянь (основное здание храма) был построен в 1013 г. и сохранился до наших дней. В дальнейшем храм Баогосы претерпел несколько ремонтов и расширений. В частности, в 1020 г. был построен храм Фанчжандянь (здесь проходит крупный обряд моления), в 1032 г. — храм Чаюаньг (здесь встречаются с небожителем или святым человеком), в 1041—1048 гг. — Цутан (храм Предков), после чего храм Баогосы стал сформировавшимся комплексом зданий.

После реконструкции 1684 г. храм Баогосы сильно изменил свой внешний вид. Ранее существовавший Дадянь (здание длиной и шириной в три помещения с одноярусной девятиребристой крышей) стал длиной и шириной в пять помещений с двухъярусной крышей. Однако сунская структура храма Баогосы в этот период осталась практически без изменений. В дальнейшем сильный ущерб храмовому комплексу нанес пожар 1910 г., однако к 1914 г. было завершено его восстановление.

Особенности Дадянь Баогосы и требования трактата «Инцзаофаши»

Система доугун — основа деревянного зодчества Древнего Китая, она использовалась и при возведении сооружений храма Баогосы. Однако, как уже отмечалось, Дадянь храма Баогосы был построен в 1013 г., а трактат «Инцзаофаши», вобравший в себя многовековой опыт и определявший правила применения доугун, появился лишь в 1103 г. Таким образом, Дадянь был построен на 90 лет раньше трактата, но изготовление элементов конструкций и само строительство в основном велось по правилам, указанными в «Инцзаофаши», хотя какие-то расхождения, конечно, были. Более конкретно это выражается в следующем:

— параметры цай и це: размер цая для доугун — 21,5 x 14,5 см, отношение высоты и ширины цая равняется 3:2,02; согласно же трактату, высота цая составляет 15 фэней, ширина — 10 фэней, т.е. их отношение должно быть 3:2;

— колонны: в Дадянь имеется 16 комбинированных колонн; их сечения составляют восьмигранные лепестковые формы; внешний максимальный диаметр колонны — 56 см, внутренний — 62 см, что соответствует цай в 39,2 и 43,4 фэней. Это практически совпадает с правилом изготовления колонн в «Инцзаофаши», когда диаметр колонны равняется 42 фэням;

— каркас здания имеет 16 колонн, в том числе 4 внутренних; их два поперечных и два продольных ряда составляют несовершенную симметричную композицию;

— элемент чомуфан имеет особый вид. Он находится под ланье и между передними колоннами. Его форма похожа на форму «чаньду чому», указанную в «Инцзаофаши»;

— лудоу в чжутоу (доугун на колонне) и чжуаньцао пуцзо (доугун на угловой колонне) представляют собой круглый доу с лепестком, а лудоу в буцзянь пуцзо (доугун на балке) является квадратным доу, что также соответствует «Инцзаофаши»;

— длина шуатоу — 34,5 см (примерно 23,96 фэней), что также приближается к правилам «Инцзаофаши»;

— размер доугуна для цаоцзин — 17 x 11,5 см, высота це — 7 см, что меньше размера доугуна самого Дадянь;

— выступ карниза равняется 130 см в соответствии с правилами «Инцзаофаши».

Дадянь храма Баогосы имеет и много иных особенностей как использовавшейся системы доугун, так и построения здания вообще. В целом все это вписывается в основные правила возведения храмовых сооружений в Древнем Китае. Однако моделирование указанного сооружения потребовало как

специального изучения памятника архитектуры, так и разработки дополнительных методик моделирования и адаптации компьютерной библиотеки элементов доугун [Чжан Гуаньин, 2015] под измененные формы и параметры.

Моделирование Дадянь храма Баогосы

Как уже отмечалось, моделирование Дадянь храма Баогосы велось на основе созданной ранее автором библиотеки элементов системы доугун в программе Autodesk Revit. Работа велась фактически в три этапа, реализовывавшихся почти параллельно:

1. Моделирование общих элементов здания и прилегающей территории, не относящихся к системе доугун. Особо здесь стоит отметить трехкупольную конструкцию Доуба Заоцзин, уникальную для деревянных храмов Древнего Китая (ил. 1).

2. Адаптация созданных ранее библиотечных элементов доугун к особенностям храма Баогосы (ил. 2).

3. Использование этих элементов при построении основной части каркаса Дадянь храма Баогосы (ил. 3).

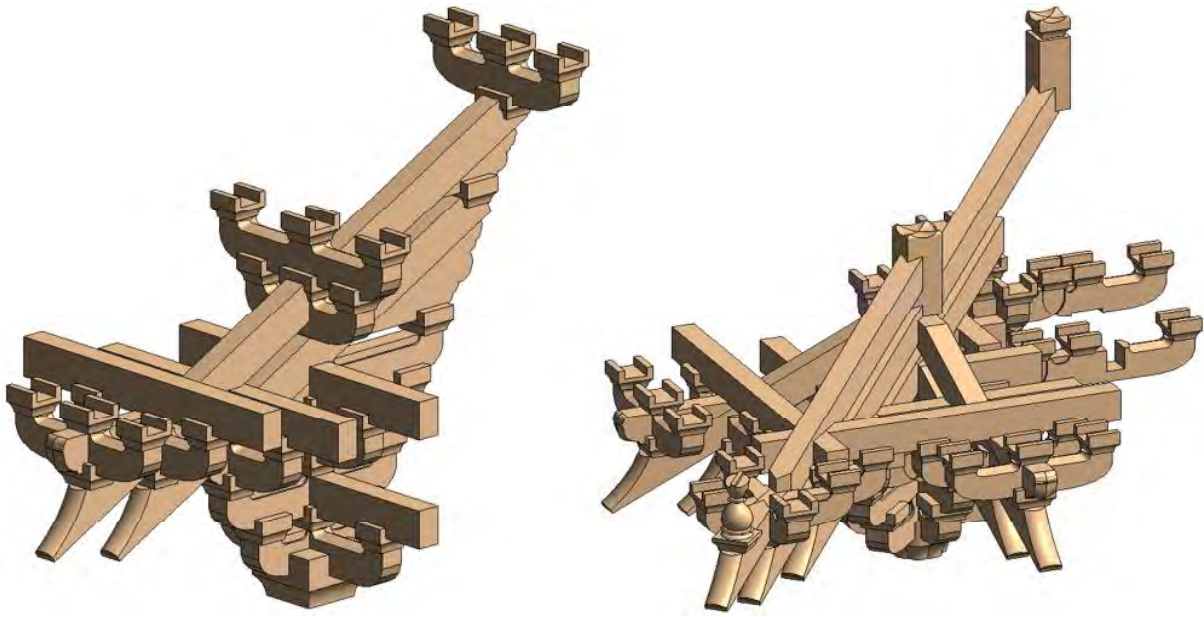
Построенную в результате проделанной работы модель Дадянь храма Баогосы можно отнести к основной геометрически-информационной части общей информационной модели [Талапов, 2015а], которую затем можно наполнять всевозможными данными по памятнику архитектуры и его составным элементам.

Список литературы

1. Ли Цзе. «Инцзаофаши» («Методы архитектуры») // Династия Сун, 1103 г. (李诫 : «营造法式», 宋, 1103) [Электронный ресурс]. — URL — <http://www.guoxuedashi.com/guji/6551k/>
2. Талапов В.В. О некоторых закономерностях и особенностях информационного моделирования памятников архитектуры // Architecture and Modern Information Technologies. — 2015. — № 2 (31) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/talapov/abstract.php>
3. Талапов В.В. Технология BIM: суть и основы внедрения информационного моделирования зданий. — М.: ДМК-пресс, 2015. — 410 с.
4. Талапов В.В., Чжан Гуаньин. Информационное моделирование памятников архитектуры на примере древнекитайской системы доугун. — Новосибирск: НГУАДИ, 2016. — 183 с.
5. Чжан Гуаньин. Библиотека элементов доугун и информационное моделирование памятников архитектуры Древнего Китая // Architecture and Modern Information Technologies. — 2015. — № 2 (31) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2015/2kvart15/chzhan/abstract.php>

Ил. 1. Заоцин — купольная, квадратная или многогранная часть в потолке внутреннего помещения для его украшения. Обычно использовалась в храме или монастыре и устанавливалась над алтарем

Ил. 2. Дугун на восточных балках и южных угловых колоннах

Ил. 3. Дадянь храма Баогосы: разные виды

**История зодчества Сибири и сопредельных
территорий до начала новейшего времени:
новые материалы**

**The History of Architecture of Siberia
and Neighboring Areas Before The Modern Times**

С.С. Аванесов
Томский государственный
педагогический университет (Томск)
iskiteam@yandex.ru

Надвратный храм в структуре городского пространства: семантика и типология

Аннотация

Данное исследование посвящено выявлению и анализу ключевых элементов города как визуально-семиотической структуры (текста). В исследовании определена синтаксическая позиция надвратного храма в структуре городского пространства, обеспечивающая формирование визуально доминирующего ансамбля «вход–центр». Эксплицирован сакральный смысл указанной топической оси. Зафиксированы семантические функции надвратного храма в традиционном русском городе (монастыре): знак высшего заступничества, свидетельство триумфа христианства, индекс типического соответствия Иерусалиму, иконический аналог Небесного Града. Установлены основные типы сочетания ворот и надвратного храма: храм на воротах; ворота в нижнем ярусе храма; храм с проездом, примыкающий к воротам. Подчеркнута градообразующая роль надвратного храма в русской и сибирской архитектуре.

Ключевые слова: городское пространство, христианский город, визуальные доминанты, надвратный храм, семиотика архитектуры

S.S. Avanesov
Tomsk State Pedagogical University (Tomsk)
iskiteam@yandex.ru

Gateway Church in the Structure of Urban Space: Semantics and Typology

Abstract

This study deals with the identification and analysis of key elements of the city as a visual and semiotic structure (text). The syntactic position of the gateway church in the structure of the urban space is described in the study. This position ensures the creation of a visually dominant ensemble entrance-center. The sacral meaning of the spatial axis is explicated. The semantic functions of the gateway church in the traditional Russian city (monastery) are noted: the sign of the highest intercession, the testimony of the triumph of Christianity, the index of typical accordance to Jerusalem, the iconic analog of Heavenly City. The main types of combination of the gate and the gateway church are determined: the temple on the gate; gate in the lower tier of the temple; a temple with a passage, adjacent to the gate. The city-forming role of the gateway church in Russian and Siberian architecture is emphasized.

Key words: urban space, a Christian city, visual dominants, gateway church, semiotics of architecture

Пространство традиционного русского города, начиная с принятия Русью христианства, сознательно формировалось как семиотическая конструкция, как своего рода «текст», фиксирующий и транслирующий определенные — прежде всего сакральные — смыслы. Несущими визуальными доминантами этого «текста», его ключевыми синтаксическими единицами выступали городской собор, отмечавший собой священный центр обитаемого пространства, и главные городские ворота, представлявшие собой, как правило, такую композицию, которая соединяла в себе триумфальный въезд, крепостную башню и храм. Как и весь город в целом, въездная композиция создавалась исходя из трех функциональных параметров: прагматического, эстетического и се-

мантического, т.е. служила утилитарным (транспортным и оборонительным) целям, выражала собой представления о прекрасном и сообщала о высших ценностях и жизненных ориентирах. Благодаря кафедральному собору и воротам с надвратным храмом культурное пространство города явным образом отличалось от окружающего город географического «места». В то время как за пределами городской стены располагались неупорядоченные, хаотические «пустоты», внутри города пространство было упорядочено и ранжировано — в первую очередь благодаря наглядной связи ворот и собора. Нарастание сакрального качества городского пространства происходило именно по направлению от ворот к собору, достигая своей наивысшей концентрации в священ-

ном центре города.

Основная семиотическая функция городского собора заключается в визуальном обозначении сакрального центра, выражающего собой идею начала и центра обитаемого мира. Будучи определенным образом структурирован в своем внутреннем объеме, собор выступает также в качестве доминирующего архитектурного элемента, придающего упорядоченность всему городскому пространству. Динамика соборного интерьера, распространенная на город в целом, сообщает городской топике свойство «переходности», движения, пространственной неравномерности. Эта гетерогенность городской жизненной среды оптически выражена как иерархическое «сгущение» священного пространства от периферии к центру; направление этого нарастания сакральности задано двумя позиционными доминантами — главным входом в город и кафедральным собором. Указанная градостроительная «схема», воспроизводимая практически во всех русских городах и монастырях, соответствует пространственной структуре Эдемского сада, израильского походного «стана», исторического Иерусалима и Небесного Града. Русский город, организованный согласно названному типу, является многослойной пространственной иконой, архитектурной репрезентацией и конкретным воплощением архетипического сакрального пространства [Аванесов, 2018, с. 90].

Композиционная связь главных городских ворот и храма на этих воротах характерна по преимуществу для русской архитектурной и градостроительной традиции. Храм Благовещения на Золотых воротах Киева (1037 г.), судя по всему, является первым известным примером надвратного храма. До постройки киевских Золотых ворот часовни и храмы в Византии помещались либо рядом с воротами, либо внутри воротных башен, но никогда не были выделены в качестве самостоятельных композиционных элементов.

Главные городские ворота наряду с соборным храмом формируют основную динамическую ось города; эта оптически выраженная ось имеет сакральный характер, поскольку и собор, и ворота функционируют в качестве священных объектов. Ворота — визуальный ориентир для того, кто находится на неосвященной («внешней») территории; они означают место входа в освященное пространство города. Затем они же оказываются исходной позицией для начала движения к месту наибольшего сосредоточения святости обитаемого пространства, к городскому «святому святых» — его соборному храму. Ворота и собор являются двумя взаимосвязанными семиотическими доминантами, организующими сакральную топика города, в которой концентрическая статика компенсируется эксцентрической динамикой и в которой задана ценностная ориентация, мотивировано движение, выражена иерархическая «переходность» самого городского пространства [Аванесов, 2018, с. 78].

Сочетание ворот и храма во многом подготовлено восточнохристианским пониманием самого храма как врат, которыми не только человек входит в небесное Царство, но и Бог входит в человеческий мир. Об этой смысловой связи храма с воротами сообщает первый же библейский текст, посвященный созданию храма: «Иаков пробудился от сна своего и

сказал: истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал! И убоился и сказал: как страшно сие место! это не иное что, как дом Божий, это врата небесные» (Быт. 28:16—17). Город как пространство встречи земного и небесного, как сакральное пространство (город-храм) естественно предполагает визуальный акцент на входе в город; сакральный смысл этого входа и выражается с помощью храма, расположенного на воротах.

Семантическая нагрузка надвратного храма имеет многослойный характер. Во-первых, такой храм выражает идею покровительства, защиты, обороны. И если воротная башня выражает эту идею в ее, так сказать, физическом аспекте, то надвратный храм — в аспекте метафизическом, сверхъестественном. Он функционирует как знак высшего заступничества, как свидетельство передачи города под божественную защиту. Иногда эта градозащитная семантика надвратного храма еще более подчеркивается за счет сочетания ворот с двумя фланкирующими оборонительными башнями (эта композиция характерна для архитектурной традиции Ростова Великого). Именование храма, как правило, также прямо связано с призыванием покровительства свыше и посвящением всего города заботе высших сил.

Во-вторых, надвратный храм, представляющий собой, попросту говоря, христианскую церковь, поставленную на античную триумфальную арку, выражает собой идею триумфа христианства над язычеством. Как римские императоры входили в город через парадные ворота, так через врата, осененные храмом, входит в город Сам Христос, превращая его в освященное пространство, принимая его под свое попечение. Храм, поставленный на ворота, придает всей композиции вертикальный, доминирующий характер, становится видимым знаком триумфа христианства как пути к высшей, совершенной жизни.

В-третьих, сочетание храма с городскими воротами представляет собой своеобразную «цитату», отсылающую к исходному прототипу святых ворот, которыми входит Господь, а именно — к Золотым воротам Иерусалима, репликой которых выступают все известные Золотые ворота (Константинополь, Киев, Владимир) и все вообще городские и монастырские входы в их сакральном значении. В этом смысле надвратный храм оказывается средством для установления видимого соответствия города (или монастыря) историческому Иерусалиму или Константинополю как второму Иерусалиму. «Идея переноса святости из Константинополя в Киев — Владимир — Новгород или другой центр Руси, — отмечает Вл. В. Седов, — неизбежно влекла за собой представление об этом центре как о еще одном Константинополе (несравнимом, но сопоставимом), а через это — и представление о возникновении еще одного Нового Иерусалима» [Седов, 2009, с. 574]. Надвратный храм выступает при этом как визуальный акцент, удостоверяющий святость тех ворот, на которые он поставлен, и, следовательно, их типологическое соответствие иерусалимским Золотым воротам.

Наконец, в-четвертых, священные ворота, отмеченные храмом, функционируют как структурный аналог ворот Небесного Иерусалима; соответственно, тот город (или монастырь), в который ведут эти ворота, воспринимается как «икона» Небесного Гра-

да, который сойдет с неба в конце времен. Поскольку же в этом Городе не будет храма, но сам он будет храмом (ср. Откр. 21:22), постольку и земной христианский город тоже воспринимается как храм под открытым небом. Такому восприятию способствует явное соответствие между формой главных городских ворот, порталом собора и восточной (алтарной) аркой того же собора, часто именуемой «триумфальной». Такое соответствие впервые установлено опять-таки в Киеве с его Благовещенским храмом на Золотых воротах и сценой Благовещения, расположенной на алтарной арке Софийского собора.

Композиция храм-ворота в средневековой Руси, насколько можно судить, была одного из трех типов: а) храм на крепостных воротах, б) ворота в нижнем ярусе храма; в) крепостные ворота с примыкающим к ним изнутри храмом, причем ворота в его подклете являлись продолжением крепостных ворот (в тех случаях, когда храм несколько отстоял от въездных ворот, между ними возникал зазор наподобие крепостного захаба). Первый тип представляют, например, Золотые ворота в Киеве и Владимире (1164 г.), а также Благовещенский храм Суздальского Покровского монастыря (1515 г.). Ко второму типу относятся надвратная церковь Пресвятой Троицы в Киево-Печерской лавре (1108 г.) и все подобные монастырские храмы, например, надвратная церковь св. Иоанна Лествичника (1572 г.) в Кирилло-Белозерском монастыре [Выголов, 1994, с. 11—15] или церковь Благовещения в Соловецком монастыре (1601 г.). К третьему типу можно отнести Никольский храм (в соединении с Никольской башней) Псково-Печерского монастыря (1564 г.) и храм Спаса Нерукотворного (в соединении со Спасской башней) Казанского кремля (1555—1556 гг.) [Выголов, 1994, с. 16—19]. В Великом Новгороде (по крайней мере, в XVII в.) так были устроены все ворота кремля: к каждым крепостным воротам изнутри примыкал храм с проездом в нижнем ярусе. Кроме того, русские надвратные храмы постепенно «эволюционируют» в надвратные храмы-колокольни («иже под колоколы») и, далее, в надвратные колокольни.

В истории сибирского градостроительства известны надвратные часовни как конструктивно выделенные элементы въездной башни — например, в Илимском [Майничева, 2000, с. 36—38], Иркутском и Якутском острогах (XVII—XVIII вв.); также можно отметить наличие надвратных храмов второго типа — это храм преп. Сергия Радонежского в Тобольском кремле (1688/2013 гг.), несохранившиеся

деревянные храмы св. Иоанна Предтечи (1693 г.) и св. Николая (1785 г.) в Киренском Свято-Троицком монастыре, также несохранившаяся Спасская церковь Нижнеудинского острога (конец XVII — начало XVIII в.), храм свв. апостолов Петра и Павла Троицкого монастыря в Тюмени (1755 г.), храм свв. Захарии и Елизаветы Спасо-Преображенского монастыря в Енисейске (1785—1796/1855—1859 гг.) и храм св. Архистратига Михаила Селенгинского Свято-Троицкого монастыря в Бурятии (1835 г.). В качестве свидетельства продолжения традиции строительства таких храмов можно назвать храм «иже под колоколы» св. Анастасии узорешительницы Ачаирского монастыря в Омской области.

Каждый такой храм возводился в общем контексте русской градостроительной традиции и потому призван был нести на себе ту же семиотическую нагрузку, что и всякий надвратный храм: отмечать собой границу между освященным пространством города (монастыря) и еще только подлежащей освящению округой, выражать собой идею высшей защиты, являться свидетельством триумфа христианства над заблуждением язычества, превращать обитаемое пространство в видимый образ исторического Иерусалима и одновременно в икону будущего Небесного Града. Такова роль надвратного храма в процессе формирования сибирского города как сакрального архитектурного текста.

Список литературы

1. Аванесов С.С. Сакральная топика русского города (5). Собор и ворота // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. — 2018. — № 1 (14). — С. 70—92.
2. Выголов В.П. Надвратные храмы древней Руси (проблемы эволюции и происхождения) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Столица и провинция. — М.: Наука, 1994. — С. 3—36.
3. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 64 с.
4. Седов В.В. Новый Иерусалим в надвратных храмах Византии и древней Руси // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. — М.: Индрик, 2009. — С. 544—584.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10017
УДК 902.2

А.А. Адамов
Тобольская комплексная научная
станция УрО РАН (Тобольск)
adamowaa@yandex.ru

**Метрические характеристики Кучумова городища:
анализ источников и реконструкция**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы
ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи
и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.)»*

Аннотация

К настоящему времени площадка, на которой в XV—XVI вв. располагалась столица Сибирского ханства — городище Искер, практически смыта водами р. Иртыш. В статье рассмотрены источники, позволяющие реконструировать размеры площадки городища Искер в различные исторические периоды. На основе плана Искера В. Филимонова 1806 г. точно реконструированы размеры и форма площадки городища, что позволило достоверно рассчитать и размеры памятника по рисунку С.У. Ремезова 1703 г. Анализ характера обрушений за XVIII—XX вв. позволил рассчитать минимальные и максимальные размеры столицы Сибирского ханства на конец XV и XVI вв. Было выяснено, что в конце XVI в. площадь памятника составляла не менее 2,2 га, что вполне позволяет считать Искер городом, если сравнить его площадь с русскими городами Сибири в XVII столетии.

Ключевые слова: Кучумово городище, Искер, столица Сибирского ханства, С.У. Ремезов, В. Филимонов

А.А. Adamov
Tobolsk Complex Scientific Station
(the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Tobolsk)
adamowaa@yandex.ru

**Metric Characteristics of the Ancient Settlement of Kuchumovo:
Source Analysis and Reconstruction**

Abstract

Nowadays, the site on which the capital of the Siberian Khanate, the Isker ancient settlement, was located in the 15th-16th centuries, is practically washed away by the Irtysh River. The article deals with the sources that allow to reconstruct the size of the Isker ancient settlement in different historical periods. Based on the plan of V. Filimonov in 1806, the size and shape of the ancient settlement were exactly reconstructed, which made it possible to calculate the dimensions of the monument according to the drawing of S.U. Remezov in 1703. Analysis of the collapse of the 18th—20th centuries allowed to calculate the minimum and maximum size of the capital of the Siberian Khanate at the end of the 15th and 16th centuries. It was found out that at the end of the 16th century the area of the monument was no less than 2.2 hectares, which makes it possible to consider that Iskar was a city, if one compares its area with the Russian cities of Siberia in the 17th century.

Key words: Kuchumovo ancient settlement, Isker, the capital of the Siberian Khanate, S.U. Remezov, V. Filimonov

Кучумово городище (или Искер) — столица Сибирского ханства — располагается на высокой (более 50 м) надпойменной террасе р. Иртыш в 17 км выше по течению от устья Тобола. В результате обрушения террасы от Искера остался небольшой участок площадки городища в форме вытянутого треугольника шириной всего несколько метров в северо-восточной части и до 20 м — в юго-западной. Длина этого треугольника доходит до 88 м. Искер располагался в очень удобном для обороны месте.

Со стороны Иртыша находился почти отвесный осыпавшийся склон высотой более 50 м, с двух других — такой же высоты крутой откос оврага, образованного р. Сибиркой. С напольной стороны площадку городища отделяли два смыкающихся оврага: один — со стороны р. Сибирки, другой — со стороны р. Иртыш. Перепад высот от верхней точки террасы до наименьшей глубины оврага составляет 19 м. С западной стороны покатым край оврага был срезан во времена Сибирского ханства и на получившейся

нижней узкой (шириной до 15 м) площадке располагались укрепления. Здесь неглубокий ров фиксировался еще в 1968 г. [Овчинникова, 2014, рис. 4]. Сейчас размер верхней площадки составляет всего 67 x 10 м.

Один из критериев, служащих для определения статуса поселения, это его размеры и количество жителей. Понятно, что величина поселения напрямую зависит от количества жителей. Так как данные о численности населения столицы Сибирского ханства отсутствуют, и вряд ли стоит ожидать появления источника с такой характеристикой, то единственным показателем остается размер самого поселения. Но в настоящее время площадка столицы Сибирского ханства практически полностью смыта водой. Однако сохранились источники, характеризующие размеры Кучумова городища в разные хронологические периоды, и поэтому возможны подсчеты общей площади столицы Сибирского ханства, основанные на реальных данных.

Первый план Кучумового городища (с нанесенными промерами) был составлен в августе 1703 г. С.У. Ремезовым (ил. 1). Впоследствии этот план был подклеен к чертежу р. Иртыш и включен в «Хорографическую чертежную книгу» [Белич, 2010, с. 144]. Судя по рисунку С.У. Ремезова, в 1703 г. городище в плане представляло собой четырехугольник. Если длина площадки городища равнялась 68 сажням, то не совсем понятно было, почему ширина городища с западной и восточной сторон оказалась различной — 60 и 33 сажени, тогда как на рисунке С.У. Ремезова обе стороны имеют одинаковые размеры [Белич, 2010, рис. 2].

В 30-х гг. XVIII в. размеры Искера оценил академик Г.Ф. Миллер, составивший его описание. Им впервые был поставлен вопрос о том, является ли городом столица Сибирского ханства, когда при его описании Г.Ф. Миллер выразил осторожное сомнение: «Остатки сего столичного города (ежели такое место, как сие по видимому было, званием города почтить можно) еще и поныне видны» [Миллер, 1750, с. 134]. Понятно сомнение маститого ученого, который увидел округлую площадку «поперек не более 50 сажень» и сделал из этого заключение, что «там кроме хана и его фамилии и служителей немногим другим знатым Татарам жить можно было» (Миллер, 1750, с. 135). Хотя Г.Ф. Миллер понимал, что площадь столицы была, конечно же, больше, но сколько было смыто водами Иртыша, «много ли или мало, того не известно» [Миллер, 1750, с. 135].

Губернский землемер 8-го класса В. Филимонов в 1806 г. составил историко-археологический атлас Тобольской губернии, где среди карт и планов древних памятников есть «План остатков бывшего ханского города Сибири» [Коновалова, 2015, с. 175, 208]. Учитывая то, что В. Филимонов, по нашему мнению, являлся первоклассным геодезистом [Адамов, 2015, с. 14] и составленный им план весьма точен (ряд параметров совпадает и с нашими промерами городища), мы можем весьма точно рассчитать размеры Искера по состоянию на 1806 г. Согласно плану, в самом широком месте ширина площадки городища составляла 38, а длина вдоль р. Иртыш — 62 сажени (ил. 2).

Тобольский художник-краевед М.С. Знаменский,

собранный на Искере в 80-х гг. XIX в. замечательную коллекцию средневековых артефактов [Tallgren, 1922], пытался составить план (в Тобольском музее-заповеднике сохранился черновик), на который нанесены этапы разрушения памятника. За основу М.С. Знаменский взял план 1806 г. В. Филимонова. При этом художник-краевед не знал, кто составил план начала XIX в. и датировал его 1820-ми гг. Пунктирными линиями была нанесена линия обрыва 1884 г. (по представлению М.С. Знаменского) и линия обрыва 1734 г., надо думать, по данным Г.Ф. Миллера. Если размеры Искера в 1730-х гг. на черновике краеведом в целом определены вполне достоверно, то размеры городища на 1884 г. завышены по крайней мере в два раза. В своей работе, посвященной Искеру, М.С. Знаменский писал, что по промерам Г.Ф. Миллера в самом широком месте размеры холма составляли 50 сажень, по плану 1820-х гг. — 40 (по нашим промерам 38), по измерению самого М.С. Знаменского — 15 сажень [Знаменский, 1901, с. 9].

В вышедшей в 1915 г. работе В.Н. Пигнатти «Искер» есть описание городища, составленное по посещению его автором в 1912 г. Приведены в нем и размеры оставшейся части памятника, где ширина достигает 12 сажень, а общая длина составляет приблизительно 40 сажень [Пигнатти, 1915, с. 9]. В том же году, по просьбе В.Н. Пигнатти, А. Давыдовским был составлен и план столицы Сибирского ханства. По этому плану наибольшие размеры верхней площадки Искера составляли 15 на 45 сажень [Пигнатти, 1915, цв. вставка]. План вступает в противоречие с описанием В.Н. Пигнатти, а его общая длина, больше 95 м, сильно завышена.

Следующий план столицы Сибирского ханства был снят в 1968 г. Б.Б. Овчинниковой [2014, рис. 4]. В ходе археологических исследований на памятнике был вскрыт культурный слой на площади 70 кв. м. Тогда площадка городища предстала в виде двух небольших овально-вытянутых по линии запад-восток площадок, соединенных перешейком. Западная площадка наиболее широкая, восточная — узкая, завершающая треугольный мыс [Овчинникова, 2014, с. 176].

В 1988 и 1993 гг. на памятнике работала экспедиция под руководством А.П. Зыкова. За два года работ был вскрыт культурный слой на площади 117 кв. м. Снят план. Было отмечено, что ширина площадки городища едва превышала 10 м [Зыков и др., 2017, с. 55]. Впоследствии А.П. Зыков подсчитал возможную ширину мыса к концу XVI в., которая, по его мнению, составляла около 160 м, а площадь верхней площадки была не менее 1,3 га [Зыков, 2004, с. 12].

В 2006 г. группа исследователей из Тобольского музея-заповедника провела разведочные работы на Искере и в его окрестностях, в ходе которых был собран подъемный материал [Адамов и др., 2006], а также снят инструментальный план, который впоследствии, по просьбе наших омских коллег, был опубликован в работе В.И. Соболева [Соболев, 2008, рис. 6].

В 2010 г. тобольский этнолог И.В. Белич опубликовал план, составленный С.У. Ремезовым в 1703 г. Опираясь на промеры, приведенные в плане, И.В. Белич высчитал площадь городища, которая, по его мнению, составляла 18 850 кв. м [Белич, 2010, с. 145].

В 2015 г. вышла работа Д.Н. Маслюженко и С.Ф. Татаурова, где утверждалось, что Искер не является городом. Одним из доказательств служила небольшая площадь памятника, вмещающая во времена Сибирского ханства, по их мнению, всего 150—300 человек. При этом исследователи опирались на данные Г.Ф. Миллера, т.е. площадь памятника в 1730-х гг., по их подсчетам, составляла где-то около 1 га [Маслюженко, Татауров, 2015, с. 139, 141].

Сейчас, после публикации планов, составленных С.У. Ремезовым, В. Филимоновым, и по давно опубликованным промерам В.Н. Пигнатти, появилась возможность с большой точностью подсчитать площадь памятника на начало XVIII, XIX, XX вв., а опираясь на эти данные, высчитать возможную площадь столицы Сибирского ханства конца XV и XVI вв.

Прежде всего нужно понять, как долго размывалась терраса, на которой расположено городище. Во времена С.У. Ремезова еще существовала петля р. Иртыш напротив с. Абалак [Leo Bagrow, л. 81]. Старица существует и сейчас: на ней расположена д. Араповская. Анализ космоснимка поймы Иртыша показывает, что эта петля существовала и гораздо раньше XVIII в., двигаясь циклично в направлении с ЮВ на СЗ, при этом Иртыш широкой дугой подмывал Тобольский материк от с. Абалак до Саусканского мыса, подчиняясь вращению Земли. С большой долей вероятности можно предполагать, что Иртыш на всем протяжении II тыс. н. э. разрушал террасу, на которой и располагалась столица Сибирского ханства.

Приступая к вычислению размеров Искера в разные исторические периоды, нужно учитывать, что Искер с южной стороны размывается Иртышом, поэтому ширина площадки с запада и с востока с течением времени уменьшается. При этом склон оврага с западной стороны хорошо задернован и стабилен, поэтому с западной стороны площадка городища не разрушалась. Достаточно стабильной была и северная сторона городища, где небольшая речка Сибирка существенных разрушений вызвать не могла. Важно определить, и какой формы была площадка памятника. На рисунке 1703 г. С.У. Ремезова эта форма подпрямоугольная, но приведенные С.У. Ремезовым промеры этому противоречат.

Только по плану В. Филимонова 1806 г. мы можем судить о действительной форме памятника. Площадка городища была пятиугольной формы (ил. 2). При этом только северная и западная сторона составляли прямой угол. Длина западной стороны составляла 38, северной — 31,5, северо-восточной — 37, восточной — 6,5, а южной — 62 сажени. В метрах, соответственно, длина сторон была 81, 67, 79, 14, 132 м. Таким образом, площадь верхней площадки городища равнялась около 7 440 кв. м, нижней площадки (шириной до 15 м) — 1215 кв. м (ил. 3). Общая площадь Искера в 1806 г. составляла чуть меньше 0,9 га.

Опираясь на план В. Филимонова и добавляя к нему промеры С.У. Ремезова, можно констатировать, что и в 1703 г. Искер представлял собой неправильный пятиугольник. Длина южной стороны, вдоль р. Иртыш, составляла 147 м, а ширина с западной стороны — 130 м. Стороны вдоль р. Сибирки по размерам были: северная — 67 м, северо-восточная —

90 м, восточная — 71 м. То есть в 1703 г. площадь памятника по уточненному плану равнялась 17 960 кв. м, включая 1950 кв. м, приходящиеся на нижнюю площадку (ил. 3). И.В. Белич оценивал площадь Искера в 1703 г. в 18 850 кв. м [Белич, 2010, с. 145]. Расхождение в подсчетах получается вследствие того, что представить реальную конфигурацию городища только по карте С.У. Ремезова было достаточно сложно.

Учитывая, что в 1912 г. ширина Искера с напольной стороны, если руководствоваться планом, начерченным А. Давыдовским, была 15 сажень (32 м) [Пигнатти, 2015, цв. вставка], а по промерам В.Н. Пигнатти — 12 сажень (26 м), мы можем констатировать, что за XIX в. ширина столицы Сибирского ханства уменьшилась чуть более чем на 50 м, а за XVIII в. ширина уменьшилась на 49 м. В среднем за одно столетие ширина памятника уменьшалась где-то на 50 м. Эти подсчеты позволяют нам предполагать, что в 1582 г. наибольшая ширина памятника составляла около 180 м, а площадь городища — около 26 000 кв. м. Максимальная ширина городища Искер в конце XV в. могла составлять около 230 м, а наибольшая площадь города составляла 34 000 кв. м, или 3,4 га (ил. 3).

Предложенные расчеты показывают наибольшую площадь Искера, рассчитанную на основе анализа динамики обрушения памятника в XVIII—XIX вв., но за весь XX в. ширина уменьшилась где-то на 16—22 м вместо в прежних 50 м. Ответ, на наш взгляд, может дать план В. Филимонова 1806 г., где материковая терраса, на которой располагался Искер, показана несколько выступающей по сравнению с террасой р. Иртыш на левом берегу р. Сибирки. Поэтому Иртыш вынужден был огибать выступающий мыс городища. Понятно, что выступающий участок размывался очень интенсивно, но к XX в. выступ был смыт и разрушение памятника заметно уменьшилось. Пожалуй, единственным объяснением, почему Искер оказался столь выступающим из общей линии Тобольского материка, является предположение, что материковую террасу левого берега р. Сибирки к востоку от Искера разрезал еще один глубокий овраг, параллельный течению р. Иртыш. Русло Иртыша, смыв один край оврага, сильно продвинулось к северу, а противоположный мыс с городищем оказался далеко выступающим, что и привело к интенсивному разрушению памятника.

Поэтому мы можем предполагать, что в XV—XVI вв. столица Сибирского ханства городище Искер не столь стремительно разрушалось, как в последующие века. Поэтому в конце XV в. минимальная площадь города Сибир могла составлять около 2,6 га, а в конце XVI в. — около 2,2 га (ил. 3).

Отдельно хотелось бы остановиться на комментариях к высказыванию А.П. Зыкова о том, что Искер — это только цитадель расположенного к западу, северу и востоку от него крупного развитого позднесредневекового города Сибир [Зыков и др., 2017, с. 5; 419]. Впервые о многочисленных жилищах татар во времена Кучума в окрестностях Искера со слов местных жителей писал в тексте к своей карте В. Филимонов, отметивший: «А древнее известие у татар имеется таковое, што под городом Сибирью было увальное место посредственной вышины, на кото-

ром было жилище воинских кучумовых людей до 300 домов, сей род воинских кучумовых людей и поныне называется служилыми казаками и места под номерами 9-м и 10-м были также жительствовавшими фарштатами» [Коновалова, 2015, с. 422]. В. Пигнатти, опираясь на план В. Филимонова [Пигнатти, 1915, рис. 10] писал: «можно предположить с большим вероятием, что на тех местах, где ныне поля д. Алемасовой, — на том месте, которое неизвестный любитель старины на своем плане 60-х годов назвал местом жилищ воинов Кучумовых, был расположен город в истинном значении слова» [Пигнатти, 1915, с. 17].

Понятно, что слова местного населения в начале XIX в. — довольно шаткие основания считать, что город Сибир был гораздо крупнее, чем площадка Кучумова городища. На сегодняшний день можно уверенно утверждать, что никаких слоев XV—XVI вв. от крупного поселения в окрестностях Искера не существует и не существовало. Этот район достаточно хорошо изучен, в том числе и с помощью металлоискателей.

Итак, может ли считаться городом жилая площадка минимальным размером 2,2—2,6 га и укрепленная мощной оборонительной системой? Конечно, размеры Искера не впечатляют, если сравнивать их с золотоордынскими городами, имеющими порой площадь в несколько квадратных километров [Хлебникова, 2013, с. 68]. Но трудно ожидать огромных по площади городов в Сибири, где была достаточно низкая плотность населения. Наши вычисления позволяют утверждать, что площадь укрепленной площадки Искера вполне соответствует рядовому древнерусскому городу. Рассматривая типологию древнерусских поселений, П.А. Раппопорт отмечал, что поселения, имевшие укрепленную площадь 1—2 га, вполне могут оказаться городами [Раппопорт, 2010, с. 5]. Ряд городов Полоцкой земли в XII—XIII вв. имели сопоставимую с Искером площадь [Штыхов, 1978, табл. 3]. Совсем небольшим по площади (3 га) был Минск [Штыхов, 1978, с. 124]. И позднее в Сибири площади русских городов в XVII в. имели сопоставимые с Искером размеры. Например, площадь Мангазеи, учитывая кремль и посад, составляла около 2 га [Визгалов, Пархимович, 2007, с. 4].

Обобщая сказанное, можно констатировать, что имеющиеся исторические данные о разрушении Искера водами Иртыша позволяют получить достоверные данные о размерах и площади столичного города Сибирского ханства. Реконструируемые данные вполне позволяют рассматривать Искер как некрупный (по меркам русского государства) город. Хорошо укрепленная столица существовала как постоянное поселение сибирских татар по крайней мере с конца XV по конец XVI в.

Список литературы

1. Адамов А.А. Поиски могилы Ермака: археологические исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 9—1 (59). — С. 13—15.
2. Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Разве-

дочные работы в устье реки Сибирки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Инта археологии и этнографии СО РАН, 2006. — Т. XII. — Ч. I. — С. 242—248.

3. Белич И.В. Чертеж «Кучумово городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У. Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 1 (12). — С. 141—155.

4. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001—2004 гг.). — Нефтеюганск-Екатеринбург: Баско, 2007. — 320 с.

5. Знаменский М.С. Искер // Исторические окрестности г. Тобольска. — Изд. А.А. Крылова. Собств. тип. — Тюмень, 1901. — 66 с.

6. Зыков А.П. Искер — забытая столица Сибири // Родина. Спец. выпуск «Тобольск — живая былина». — 2004. — С. 12—16.

7. Зыков А.П., Косинцев П.А., Трепавлов В.В. Город Сибир — городище Искер (историко-археологическое исследование). — М.: Наука — Вост. лит., 2017. — 559 с.

8. Коновалова Е.Н. Карты земли Тюменской XVI — начала XX в.: очерки. — Тюмень: Тюмен. гос. нефтегаз. ун-т, 2015. — 494 с.

9. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. — 2015. — № 4. — С. 135—150.

10. Миллер Г. Ф. Описание сибирского царства. — СПб.: Тип. при Имп. Акад. наук, 1750. — 490 с.

11. Овчинникова Б.Б. Искер — Кучумово городище (археологические исследования 1968 года) // Поволжская археология. — 2014. — № 1 (7). — С. 166—193.

12. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея. — Тобольск, 1915. — Вып. XXV. — С. 1—43.

13. Раппопорт П.А. Типология древнерусских поселений // КСИА — 1967. — Вып. 110. — С. 3—9.

14. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археологическим материалам). — Новосибирск: Наука, 2008. — 356 с.

15. Хлебникова Т.А. Историческая топография Болгара // Великий Болгар. — М., Казань: Феория, 2013. — С. 68—77.

16. Штыхов Г.В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). — Минск: Наука и техника, 1978. — 160 с.

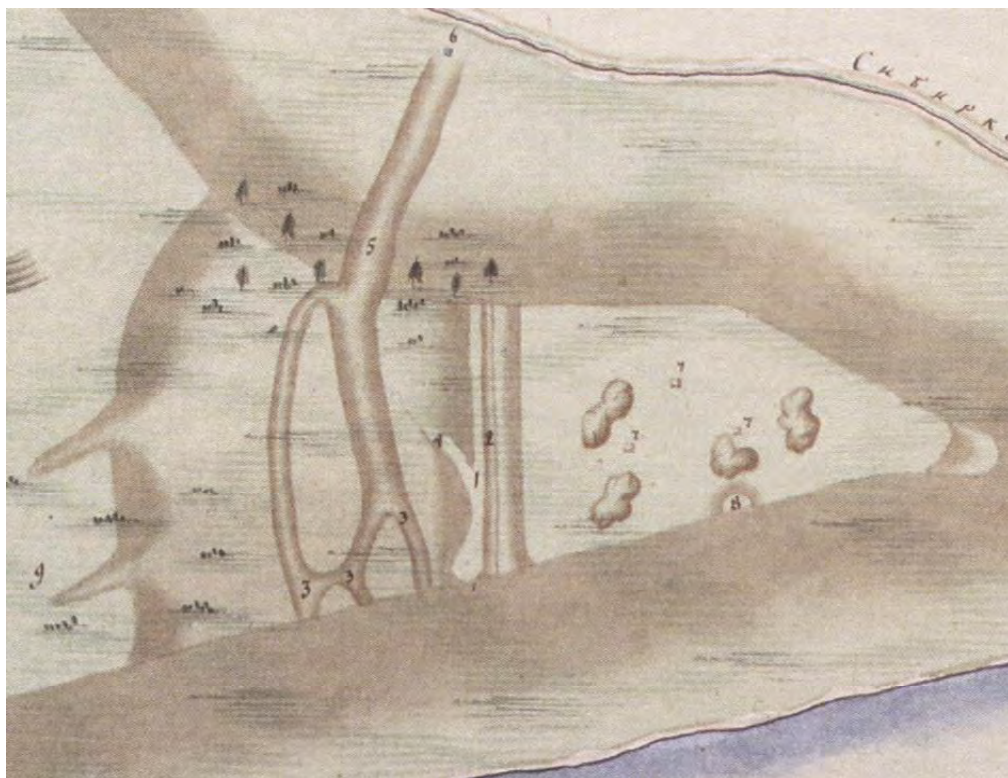
17. Tallgren A.M. Catalogue de la collection de M. Znamenski: Antiquités de la Sibéria occidentale conservées au Musée national de Finlande // Suomen Muinaismuistoyhdistyksen aikakauskirja. Helsinki-Helsinfors, 1922. — XXIX: 4. — P. 2—29. Pl. I—VI.

Список источников

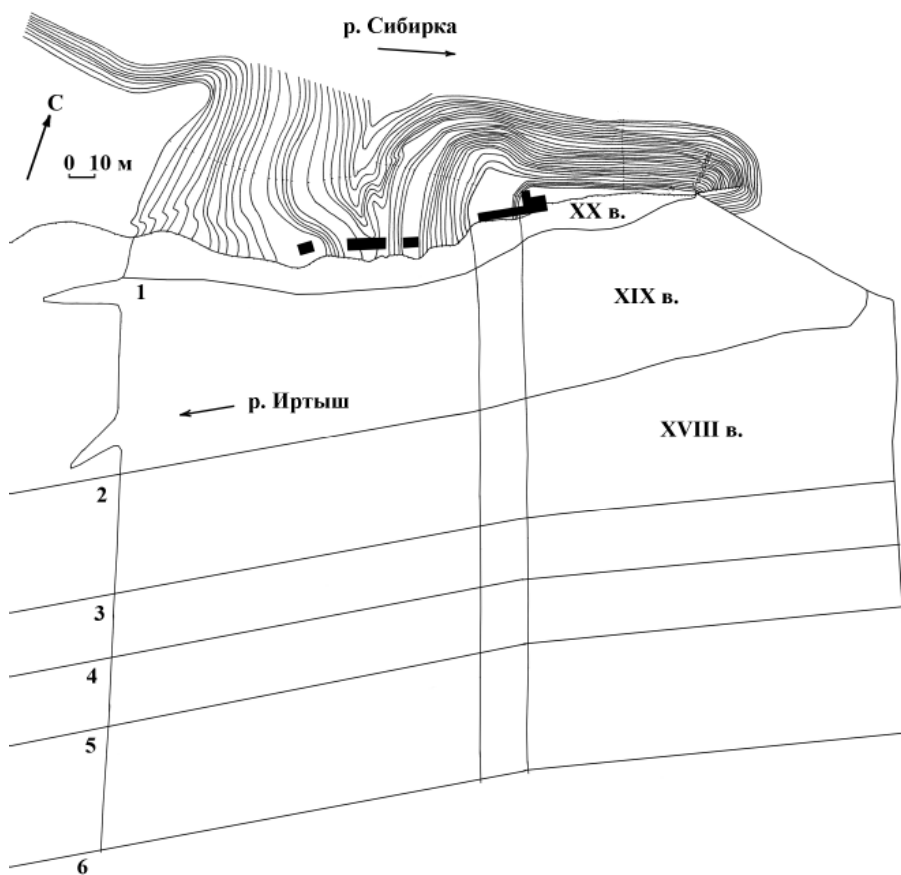
1. Leo Bagrow Collection of Maps of Siberia, 1667—1726 (MS Russ 72). Houghton Library, Harvard University [Электронный ресурс]. — URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155> (дата обращения: 07.04.2016).

Ил. 1. План Кучумово городища, снятый С.У. Ремезовым в 1703 г. (ориентирован на север автором публикации) [Leo Bagrow]

Ил. 2. План городища Искер, составленный В. Филимоновым в 1806 г. (деталь). По: [Коновалова, 2015, с. 208]

Ил. 3. План городища Искер и реконструкция размеров площадки городища в различные периоды. Реконструкция автора. Цифрами обозначены линии обрыва: 1 — на 1912 г. по В.Н. Пигнатти; 2 — на 1806 г. по В. Филимонову; 3 — на 1703 г. по С.У. Ремезову; 4 — на кон. XVI в. по минимальным подсчетам; 5 — на кон. XV в. по минимальным подсчетам, на кон. XVI в. по максимальным подсчетам; 6 — на кон. XV в. по максимальным подсчетам

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10018
УДК 904:72

И.В. Балюнов
Тобольский историко-архитектурный
музей-заповедник (Тобольск)
balyunoff@mail.ru

Первые церкви города Тобольска

Аннотация

В статье анализируются известные данные о строительстве первых церквей в Тобольске. Обращение к научным публикациям выявило наличие противоречивых взглядов на время создания и на количество храмов, возведенных в городе в конце XVI в. Сделанный обзор данных сибирских летописей и других источников позволяет представить возможную хронологию строительства церквей в древнем Тобольске и обобщить информацию по указанной теме.

Ключевые слова: церкви, Тобольск, строительство, летопись, Данила Чулков, конец XVI в.

I.V. Balyunov
*Tobolsk Historical and Architectural
Park Museum (Tobolsk)*
balyunoff@mail.ru

The First Churches in the Town of Tobolsk

Abstract

The article deals with the known data on the construction of the first churches in Tobolsk. The appeal to scientific publications revealed the presence of mixed views on the time of creation and the number of churches erected in the city at the end of the 16th century. The review of the data of the Siberian Chronicles and other sources allows to suppose a possible chronology of the construction of churches in ancient Tobolsk and to summarize the information on this topic.

Key words: churches, Tobolsk, construction, chronicle, DanilaChulkov, the end of the 16th century

Проникновение русского населения на территорию Западной Сибири сопровождалось активным строительством первых городов и острогов. Понятно, что важной частью их планировки являлись военно-оборонительные сооружения и жилые постройки, но на площади поселений всегда находилось место для возведения культовых построек. Можно процитировать достаточно популярную фразу сибирского историка П.А. Словцова: «... где зимовье ясачное, там и крест или впоследствии часовня, где водворение крепостное, там церковь и пушка, где город, там правление воеводское, снаряд огнестрельный и монастырь кроме церкви» [Словцов, 1886, с. 32]. Следует признать, что эти процессы достаточно неравномерно отражены в письменных источниках и, как следствие, история первых деревянных церквей достаточно скупо представлена в научных публикациях.

Применительно к городу Тобольску можно отметить несколько работ, посвященных указанной теме. Это прежде всего труды дореволюционного историка А.И. Сулоцкого, который составил краткое описание всех церквей Тобольска [Сулоцкий, 2000, с. 16—26]. В 1963 г. вышла в свет книга В.И. Кочедамова, где указанная тема рассматривалась как составная часть общей истории строительства города [Кочедамов, 1963, с. 7—10].

Первое обращение к опубликованным материалам сразу же обнаруживает противоречивость данных, относящихся к строительству города Тобольска. Так, у А.И. Сулоцкого обозначено: «Тобольск срублен письменным головой Данилом Чулковым в 1587 году, и в том же году в нем построены три церкви: сначала во имя Живоначальных Троицы и Вознесения Господня, а потом Всемилоственного Спаса» [Сулоцкий, 2000, с. 18]. Несколько иную информацию приводит В.И. Кочедамов: «Одновременно построили две церкви: Троицкую в остроге и Спасскую на взвозе. Троица в 1587 г. была 4 июня, а Спас — 6 августа (по новому стилю). Можно считать, что строительство первого тобольского острога состоялось в это время, так как в летописи сказано: «на оные праздники свершилось городовое строение» [Кочедамов, 1963, с. 7—8].

Получается, что, по мнению одного автора, было заложено сразу три деревянные церкви, по мнению другого — две. Если посмотреть на источники, которые аргументируют эти взгляды, то выяснится, что и А.И. Сулоцкий, и В.И. Кочедамов пользовались компилятивными трудами, составленными и изданными в конце XVIII столетия. Например, это «Записки, к сибирской истории служащие» [1788] и «Краткое по-

казание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах; кто именно и в каких городах были и кто какой город строили и когда» [1792]. Эти издания по своей сути являются адаптированным воспроизведением одной из редакций Сибирского летописного свода, и при их подготовке не было осуществлено сопоставление с другими редакциями и источниками.

Чтобы разобраться в обозначенной проблеме, необходимо обратиться к историческим источникам, содержащим информацию о ранней истории города. Нами уже отмечалось, что при проведении археологических исследований в Тобольске по целому ряду обстоятельств остатки деревянных церквей обнаружить пока не удалось [Балюнов, 2017, с. 321]. По этой причине при изучении заявленной темы ведущую роль играют письменные источники, прежде всего сибирские летописи, изданные к настоящему времени уже достаточно полно. Еще в 1907 г. Императорская Археографическая комиссия опубликовала сборник, куда вошли списки Строгановской, Есиповской и Ремезовской летописей [Сибирские летописи, 1907]. При осуществлении объемного издания Полного собрания русских летописей был подготовлен том 36 «Сибирские летописи», где опубликована так называемая группа Есиповской летописи (Румянцевский летописец, Есиповская летопись, Погодинский летописец, Сибирский летописный свод) [Там же]. В 1991 г. вышла в свет книга «Летописи сибирские», в которую, по мнению автора-составителя Е.И. Дергачевой-Скоп, вошли «наиболее яркие образцы сибирской летописной традиции, связанной с рассказами о походе Ермака в Сибирь, о первых годах ее освоения: Румянцевский летописец, написанный в Москве; Хронографическая повесть — явно енисейского происхождения; Погодинский летописец — из Тобольска или Тары; Строгановская летопись, возникшая в вотчинах солепромышленников на Урале; Бузуновский летописец, возможно, из Чердыни...» [Летописи сибирские, 1991, с. 268].

В таких источниках, как Румянцевский летописец и Строгановская летопись, нет прямого указания на строительство в первом тобольском остроге церквей. Автор последней, очевидно, не осознавал разницу между столицей Сибирского ханства — городищем Искер — и вновь поставленным городом; в Строгановской летописи сообщается: «Воевода же Данила Чулков подошел к городу и подумал, что нечестивые в городе спрятались и желают им причинить большое зло. И, придя к воротам, отворив их и оглядевшись, вошли в город, радуясь и славя святую Троицу. И стали в городе Тобольске жить и радоваться» [Там же, с. 167].

В таких источниках, как «Хронографическая повесть», «Погодинский летописец», «Бузуновский летописец», существуют прямые указания на то, что при возведении Тобольска в нем была построена первая церковь. Можно процитировать «Погодинский летописец», где приводятся такие сведения: «Здесь же в городе Тобольске воздвигли храм во имя Пресвятой Живоначальной Троицы, поскольку здесь в Троице славимому Богу быть превознесенному в похвалах православными христианами» [Там же, с. 95].

Особое внимание заслуживают источники, которые, как считается, имеют тобольское происхождение и были созданы в том числе на местных материалах. Прежде всего стоит обратиться к летописи, написанной архиепископским дьяком Саввой Есиповым. Очевидно, что при написании он пользовался сведениями, собранными еще при первом руководителе Сибирской и Тобольской епархии Киприане, в частности, основой его работы стали «Синодик Ермаковым казакам» и «Написание како приидоша в Сибирь». В повествовании им описаны события начиная с прихода дружины Ермака на реку Тавду и до гибели хана Кучума. Отдельное внимание автор уделяет созданию Сибирской епархии и деятельности первого архипастыря Киприана. «Есиповская летопись» дошла до наших дней в многочисленных редакциях, которые в ряде моментов не соответствуют друг другу в изложении. Так, в основной редакции, говорится о походе Данилы Чулкова: «Благоизволити и просветити место во славословие отцу и сыну и святому духу вместо сего царствующего града» [Сибирские летописи, 1987, с. 66]. В Забелинской редакции сообщаются более конкретные данные: «...и воздвигла церковь деревяну во имя живоначальной Троицы, отца и сына и святого духа» [Там же, с. 115].

Еще одним источником местного происхождения является Сибирский летописный свод, созданный на основе Есиповской летописи с включением погодных записей, описывающих в том числе и раннюю историю города Тобольска. Этот памятник также неоднократно переписывался и дошел до нас в нескольких редакциях. «Книга записная» (считается одной из ранних редакций) сообщает: «А первая в Тобольску поставлена церковь живоначальная Троицы да в пределе Николая Чудотворца, а была, где ныне Софийской двор и святительской сад, позаде каменной палаты» [Там же, с. 139]. Схожий текст можно найти в Академической редакции: «А первая в Тобольску поставлена церковь живоначальная Троицы да в пределе Николая Чудотворца, а была где ныне Софийский дом, да на том же мысу, где ныне колокольня Софийская, и город первой был поставлен Данилом Чулковым, срублен из судового лодного лесу» [Там же, с. 368].

Чаще в разных редакциях встречается фраза «Благоизволи бог и прослави место во славословие отцу и сыну и святому духу, поставивша Тоболеск и в нем церковь воградиша первую во имя живоначальные Троицы» [Там же, с. 186]. Почти дословно эта фраза встречается в Нарышкинской редакции [Там же, с. 253—254], однако здесь несколькими страницами ниже можно найти указания иного содержания: «И по в[о]ли великаго бога и по государскому указу на реке Иртише пониже Тобола реки устья на горе построиша град и церков в нем соградиша Вознесения господа и бога и спаса нашего Иисуса Христа, и нарекоша его град Тоболеск вместо бесерменского града Сибири» [Там же, 1987, с. 259]. Почти точно такое же предложение можно найти в Сибирском летописном своде Томского вида [Там же, с. 315] и Шлёцеровской редакции [Там же, с. 345]. Можно видеть, что указания на то, что Данила Чулков поставил в Тобольске Вознесенскую церковь немногочисленны, и очевидно, что это более поздняя вставка в

текст, которая была продублирована как минимум в трех редакциях Сибирского летописного свода.

Еще одним источником по интересующей нас теме является «История Сибирская» или, как ее чаще называют, «Ремезовская летопись», по имени автора — Семена Ульяновича Ремезова [Ремезов, 2006]. В «Истории Сибирской» описан поход дружины Ермака вплоть до гибели атамана и обстоятельств его погребения. В завершающей части летописи повествуется о возведении русских городов Тюмени и Тобольска, о создании Тобольской епархии и о возгласении вечной памяти Ермаку и казакам, павшим во время похода. В статье 122 сообщается: «И по промыслу Божию доплыв воевода Данило Чулков и против устья Тоболу поставил град именем Тоболеск на горе, первый столной во всех городах и церковь первую воздвиге во имя Святые Троицы и другую Всемиловитого Спаса на звезде» [Сибирские летописи, 1907, с. 349] (ил. 1).

Указанные выдержки из сибирских летописей практически без изменений вошли в состав сводных трудов по истории Сибири, изданных в конце XVIII в. Например, в труде «Записки, к сибирской истории служажие» сообщается, что Данило Чулков построил церковь «Вознесения господа и бога и спаса нашего Иисуса Христа», а ниже указано, что «первая в Тобольску поставлена церковь живоначалныя Троицы да в пределе Николая Чудотворца» [Записки..., 1788, с. 107—108]. Здесь можно видеть, что на страницы книги попали противоречивые данные, которые, судя по всему, были вычленены из некоторых редакций Сибирского летописного свода. «Краткое показание...» указывает, что в остроге было возведено сразу два храма — Живоначалной Троицы и Вознесения Господня [Краткое показание..., 1792, с. 4].

В результате сделанного обзора можно утверждать, что основная масса письменных источников называет Троицкую церковь как первый храм, возведенный в Тобольске Данилой Чулковым в 1587 г. Этот факт может быть дополнительно аргументирован доводами В.И. Кочедамова, который рассчитал, что Троица (на которую состоялась закладка острога) в 1587 г. приходилась на самое начало лета [Кочедамов, 1963, с. 8]. Это вполне реальный срок для того, чтобы казаки могли выступить из Тюмени на строительство нового города вскоре после того, как реки освободились ото льда. Вознесение Господне — праздник, который отмечается на 10 дней раньше Троицы, из-за своего расположения в календаре вряд ли мог стать временем начала строительства первого храма, а, кроме прочего, сообщения о строительстве в 1587 г. церкви, освященной в честь Вознесения Господня, происходят фактически из нескольких редакций одного письменного источника. Еще меньше указаний на то, что в то время в Тобольске могла быть построена церковь Всемиловитого Спаса. Данные о строительстве этого храма, очевидно, происходят из Ремезовской летописи, позже они многократно были продублированы в более поздних трудах.

Не имея точной информации о времени строительства Вознесенской и Спасской церквей, следует обозначить, что они действительно могут считаться одними из самых ранних и были возведены вслед за Троицким храмом, что, вероятно, и обусловило

их присутствие в сибирских летописях. Говоря об этом, необходимо учесть, что в научной литературе существует общепринятое выделение строительных этапов тобольского города. Считается, что крепость, построенная при Данииле Чулкове, простояла до 1594 г. В тот год «на том же мысу на Троицком срублен из лодейнова лесу город Тоболск, весь рубленной полной поставлен небольшой круг посаду» [Сибирские летописи, 1987, с. 139]. К этому времени Тобольск становится главным городом Сибири и центром воеводского правления. Спустя шесть лет (1600 г.) «перенесен Тобольск рубленной город, что из лодейнаго лесу, с Троицаго мыса на другую сторону Торговаго звозу на мыс» [Там же, с. 140]. Чуть позднее «город» подвергся дополнительному переустройству, как свидетельствуют источники, был «обложен» в 1606 г. и «совершен» в 1609 г., при этом известно, что он простоял до большого пожара, случившегося 14 августа 1643 г. [Там же, с. 142—143].

Учитывая вышеприведенные данные, можно предположить, что каждый новый строительный этап влек за собой не только городовое, но и церковное строительство. Существует вероятность, что Спасская церковь была возведена, когда происходило переустройство самой первой крепости около 1594 г.; это предположение следует подкрепить косвенными данными. В результате известных событий, когда в городе Угличе в 1591 г. погибает сын Ивана IV Грозного, примерно двумя годами позже в тобольской ссылке оказался медный колокол. Как сообщается в Сибирском летописном своде: «А колокол, в которой заблаговестили как царевичу Дмитрию убийение на Угличе учинилось, сослан в Сибирь же, в Тоболск, к церкви ко всемиловитому Спасу, что на торгу, а ныне он на Софийской колокольне часобитной» [Там же, с. 139]. Сопоставление разных данных дает основание предполагать, что колокол прибыл в Тобольск, когда новый храм еще не был возведен, и оказался на звоннице уже после завершения строительства.

Вознесенская церковь, в свою очередь, могла быть построена, когда шло возведение нового города на западной части Троицкого мыса. Именно этим можно объяснить, что ее создание в нескольких редакциях Сибирского летописного свода относят к 1587 г. В недавнем исследовании П.Г. Данилова и Н.П. Туровой, посвященном тобольскому Вознесенскому храму, авторы приводят обзор источников, указывающих на время его строительства, откуда следуют две возможные даты — 1587 г. и 1599/1600 г. [Данилов, Турова, 2016, с. 104]. Анализ данных сибирских летописей, сделанный выше, показывает, что первая датировка имеет слабое подтверждение, из чего следует признать 1599/1600 г. наиболее вероятным временем появления этой церкви.

Примерно тому же строительному этапу соответствует еще одно летописное сообщение за 1602 г. В Есиповской летописи по Абрамовскому виду сообщается: «явися святитель Христов Николай Чудотворец в Тоболску у Прямского з[в]озу, где ныне Никольской, и повелевая воздвигнути на том месте церковь во имя его. И в том же году мирянами построена, а лес вожен был с Никольского бору» [Сибирские летописи, 1987, с. 98]. Эту информацию подтверждает и «Сибирский летописец», изданный тоболь-

ским краеведом XIX в. Е.В. Кузнецовым [Кузнецов, 1999, с. 78]. Можно предполагать, что возведение этого храма отражает новую тенденцию в развитии Тобольска, что, в свою очередь, характеризует рост города и увеличение количества его жителей. К началу XVII столетия деревянная крепость оказалась окружена внушительным городским посадом, где и была построена Никольская церковь в некотором удалении от главных оборонительных стен.

Говоря о первых тобольских храмах, возведенных в первые десятилетия существования города, следует отметить, что ряд источников указывают на то, что в его ближайших окрестностях на левом берегу Иртыша был основан мужской монастырь. Это, например, следует из исследований А.И. Сулоцкого [Сулоцкий, 2000, с. 71], который в материалах сборника «Дополнения к актам историческим...» (1851 г.), нашел указания, что в 1596 г. тобольский атаман «дал вкладу в Знаменский монастырь деревянную свою вверх по Иртышу, с хоромы и с пашенной землю и со всеми угодьями» [Дополнения..., 1851, с. 264]. Согласно летописным сводам в 1610 г., обитель была перенесена на территорию верхнего города, вместе с тем сообщается: «А за рекою стоял монастырь на усть реки Тобол, по нижнюю сторону с приезде, сверху, на левой стороне» [Сибирские летописи, 1987, с. 143]. О существовавшей там церкви можно узнать из записи за 1623 г. (в этом году монастырь еще раз был перенесен и соответственно отстроен): «И воздвигнуты церкви божии во имя Знамения пресвятыя богородицы, яже в Великом Новеграде, а другую во имя Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, яже и первоначально бысть за рекою в монастыре» [Там же, с. 147]. Здесь мы видим прямое указание на то, что в первоначальной мужской обители, основанной на левом берегу в конце XVI в., существовала церковь Зосимы и Савватия. Эти данные подверглись критической оценке в статье И.Л. Маньковой, которая поставила под сомнение само существование Зосимо-Савватиевского монастыря и правильность даты, указанной в «Дополнениях к актам историческим...». Не вдаваясь в подробный анализ всех фактов, следует констатировать, что аргументы, приведенные автором, нельзя принять как безусловные, но, тем не менее, можно считать, что монашеская община появилась в Тобольске до 1609/10 г. [Манькова, 2014, с. 142—143].

В завершение следует отметить, что обзор известных материалов показывает, что в письменных источниках достаточно редко встречаются указания на точное время строительства храмов в сибирских городах и острогах. При этом достаточно сложно предполагать, что в год возведения крепостных сооружений строили более одной культовой постройки. На примере Тобольска можно видеть, что строительство храмов соответствовало дальнейшему поэтапному развитию города, когда менялся статус, расширялась площадь, увеличивалось количество жителей. При этом происходило это достаточно стремительно, когда за относительно короткий срок в древнем Тобольске было построено как минимум четыре храма: Троицкая, Спасская, Вознесенская, Никольская церкви.

Список литературы

1. Балюнов И.В. Некоторые результаты археологических исследований тобольских храмов конца XVII—XVIII века // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Изд. дом «Наука», 2017. — С. 320—324.
2. Данилов П.Г., Турова Н.П. Страницы истории города Тобольска: Вознесенская церковь // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. XI. — № 1. — С. 104—110.
3. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографическою комиссиею. — СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851. — Т. 4. — 452 с.
4. Записки, к сибирской истории служащие // Древняя российская вифлиофика. — М., 1788. — Ч. III. — С. 104—289.
5. Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). — Тюмень: Тюмен. кн. изд-во, 1963. — 154 с.
6. Краткое показание о бывших как в Тобольске, так и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия Сибирского государства воеводах и губернаторах и прочих чинах; кто именно и в каких городах были и кто какой город строили и когда. — Тобольск: В тип. у Василья Корнильева, 1792. — 84 с.
7. Кузнецов Е.В. Сибирский летописец. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — 367 с.
8. Летописи сибирские / сост. и общ. ред. Е.И. Дергачевой-Скоп. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. — 272 с.
9. Манькова И.Л. Тобольский Знаменский монастырь в первой половине XVII века: рождение и становление // Вестн. Екатеринбург. духовной епархии. — 2014. — № 2 (8). — С. 139—178.
10. Ремезов С.У. История Сибирская: факсимильное воспроизведение рукописи б-ки РАН (Санкт-Петербург). — Тобольск: Изд. отд. ТРОБФ «Возрождение Тобольска», 2006. — 81 с.
11. Сибирские летописи. — СПб.: Императорская археографическая комиссия, 1907. — 464 с.
12. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — ПСРЛ. — Т. 36. — Ч. 1. — 384 с.
13. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. — СПб.: Изд. И.М. Сибирякова, 1886. — Т. 1. — С. 379.
14. Сулоцкий А.И. О церковных древностях Сибири. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000. — Т. 1. — 480 с.

Ил. 1. Град Тобольск, поставленный в 1587 г. Данилом Чулковым. По: [Ремезов, 2006]

Е.С. Бушуева
Институт экономики, управления и права
Иркутский национальный исследовательский
технический университет (Иркутск)
ale-2002@yandex.ru
Научный руководитель: доктор исторических
наук П.А. Новиков

Нерчинская Успенская церковь: описание убранства алтаря начала XVIII века

Аннотация

Рассматривается особенность оформления экстерьера и интерьера алтарной части Нерчинской Успенской церкви, восстановленные по сохранившимся монастырским приходно-расходным описям первой четверти XVIII в. Исторические документы не только назвали имя заказчика строительства каменной монастырской церкви, но и позволили проследить преемственность служителей Успенской церкви старинным традициям, разрешающим им расписывать собственноручно необходимые атрибуты церковного служения. Ярким примером этому стала Плащаница с изображением положения во гроб Иисуса Христа. В процессе работы с архивным материалом удалось установить, что первая Плащаница, прослужившая более полувека, была написана строителем Успенского мужского монастыря знатным казаком нерчинским сыном боярским Никитой Титовичем Варламовых, впоследствии принявшим монашеский постриг и ставшим его настоятелем.

Ключевые слова: Забайкальский край, Нерчинск, каменная Успенская церковь, алтарь, полукруглая апсида, богослужебная утварь, антиминс, настоятель монастыря, организатор строительства каменной церкви

E.S. Bushueva
Institute of Economics, Management and Law
(Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk)
ale-2002@yandex.ru
Scientific adviser is P.A. Novikov

Nerchinsk Assumption Church: Description of the Altar Decoration of the Early 18th Century

Abstract

The article deals with the peculiarity of the exterior and interior decoration of the altar part of the Nerchinsk Assumption Church, which was reconstructed according to the surviving monastic receipt and payment inventory lists of the first quarter of the 18th century. Historical documents not only named the customer for the construction of the stone monastery church, but also allowed to trace the succession of the Assumption Church churchmen to the old traditions, allowing them to paint the necessary attributes of the church ministration with their own hands. A striking example of this was the Shroud, with a picture of the encoffinement of Jesus Christ. In the course of work with archival material it was possible to establish that the first Shroud, which served more than half a century, was painted by the builder of the Assumption monastery by the nerchinsky noble cossack, Nikita TitovichVarlamov, later he accepted ordination and became its abbot.

Key words: Zbaykalsky region, the city of Nerchinsk, the stone Assumption Church, altar, semicircular apse; liturgical plate, antimins, abbot of the monastery, the customer of the construction of a stone church

В год 305-летнего юбилея со дня окончания строительства и освящения каменной Нерчинской Успенской церкви, некогда главного соборного храма Нерчинского Успенского мужского монастыря — самого удаленного на юго-восточных рубежах складывающейся Российской империи, нельзя обойти вниманием этот незаурядный памятник православного культового зодчества начала XVIII в.

В Нерчинском Успенском храме, ныне совершенно разрушенном и забытом, от прежнего убранства не осталось ничего. Были безвозвратно утрачены колокола, иконы, богатая богослужебная утварь, дорогостоящее священническое облачение (ил. 1). О том, какими святынями располагал алтарь в прежние времена, сохранились сведения в «Приходно-расходных описях» монастырского имущества за

1726—1729 гг. (ил. 2).

Благодаря имеющимся в Государственном архиве Забайкальского края историческим документам, впервые введенным в научный оборот автором данной статьи, удалось описать экстерьер и воссоздать интерьер алтарной части Нерчинской Успенской церкви первой четверти XVIII в. [Бушуева, 2010; Бушуева, 2012, с. 22—26; Бушуева, 2013; Бушуева, 2014; Бушуева, 2016а, с. 69—77].

Небольшая каменная монастырская Успенская церковь, выстроенная из красного кирпича по форме базилики («корабля»), располагала одной просторной полуциркульной апсидой, в которой находился алтарь. Термин «алтарь» (*altarium*, в переводе с латинского языка — «высокий жертвенник») интерпретируется в двух смыслах. Согласно первому, алтарем называется вся восточная часть храма, отделенная иконостасом от основного объема культового строения. Алтарное завершение православных храмов могло быть одно-, двух-, трех- и многоапсидным. Во втором смысле, алтарь — это основная святыня, освящающая все здание храма, символически изображающая Синайскую гору, где впервые было совершено таинство евхаристии. Главным атрибутом сакральной части святилища является размещенный здесь престол — стол (чаще всего деревянный), на котором совершается евхаристия.

Возвращаясь к описанию экстерьера Нерчинской Успенской церкви, отметим, что к ее восточной стороне была пристроена алтарная часть с одной широкой полукруглой (полуциркульной) апсидой. В прежние времена над перекрытием-конхой возвышалась «низкая главица», о которой в монастырской описи сказано: «на святом алтаре глава каменная одна... на ней водружен крест большой железный с подзолотом» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 11].

Знакомясь с экстерьером апсиды древней монастырской церкви, отметим, что в ее алтарной части расположены три больших окна, которые перекликаются с тремя оконными проемами, находящимися в нижнем ярусе южного фасада Успенской церкви. Богатое и разнообразное декорирование окон алтаря соотносилось с сакральным смыслом всего строения и было посвящено Святой Троице, поскольку Святая Троица для русского человека всегда ассоциировалась с пламенным призывом Сергия Радонежского: «Воззрением на Святую Троицу побеждать ненавистную рознь мира сего!». Духовный наставник земли русской пытался донести до сознания каждого, что Бог не где-то там, на небесах, он здесь, на земле, среди людей, в их единении. При этом суть призыва строителями Успенского храма понималась не только как собирание земель русских, но и как единение людей разных национальностей и разных религиозных верований в формирующейся новой империи. Это и нашло воплощение в камне: архитектурно-строительное решение Успенской церкви было полностью подчинено провозглашенной идее.

Количество окон в алтарной части храма было выбрано не случайно, оно символизировало прообраз Троицыного Бога. Разнящиеся своим декоративным оформлением оконные проемы апсиды, бесспорно, олицетворяли Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа. Эта же тенденция прослеживалась и в декорировании трех наличников окон ниж-

него яруса основного объема церкви с южной стороны, которые значительно отличаются друг от друга.

К особенностям Нерчинского храма можно отнести специфику оформления его окон, которая заключается в неповторимости декоративной отделки. Алтарное окно, расположенное с южной стороны, близко по оформлению окнам южного фасада основного здания церкви, окно северной стороны алтаря — схоже с оформлением оконных проемов северного фасада, а центральное окно алтаря вобрало в себя элементы тех и других: наличник декорирован по канонам северной стороны, а фронтон — южной.

К этому времени город Нерчинск уже превратился в своеобразный перекресток человеческих судеб, в «бурлящий плавильный котел», вобравший в себя специфику многих религий и национальных традиций, объединивший людей разных социальных слоев и уровня жизни, мировоззренческих и политических взглядов, степени образования и культуры. Продолжительное мирное сосуществование и взаимная поддержка проживающих здесь этнических групп способствовали формированию специфической социокультурной среды, в которой удачно развивались принципы универсализма и толерантного взаимодействия.

Казачи-первопроходцы не случайно обратились к образу Святой Троицы здесь, на окраине складывающейся великой Российской империи. Пребывая долгие годы в плотном кольце инородцев, горстка казаков смогла закрепиться и обжиться в этих местах лишь благодаря новому качеству характера — толерантности. Потому в архитектуре церкви и апсиды иносказательно передавался призыв к национальной терпимости. Этот смысл хорошо понимали все прибывающие в Даурскую землю. Описание данной направленности образно представлено в статье Я.А. Бушуевой: «Маленький Успенский храм вмещал множество разного народа. Во время богослужения в нем стояли плечом к плечу и сибирские казаки, и русские крестьяне-переселенцы, и московские купцы, и крещеные инородцы, и ссыльные, и сыны боярские, и греческие мастера, и литовского списка служилые люди. Всех их объединяла православная вера — вера, дающая им стойкость и духовную твердость в повседневной нелегкой жизни. Они в молчании молились перед ликами святых, смиренно смотрящими на них с иконостаса. Их души и мысли, сливаясь в едином устремлении, были направлены к Богу, к Жизни, к укреплению своего Духа. Ибо в Библии сказано: "И славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку..." (Рим. 1:23). И далее: "а теперь вы отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; не говорите лжи друг другу, совлекшись ветхого человека с делами его и облекшись в нового, который обновляется в познании по разуму Создавшего его, где нет ни Элины, ни Иудея, ни варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос...". Призыв библейский облечься в "милосердие, благодать, долготерпение, смиреннодоушие...", следовать собственной предназначенности в этом мире был бы не услышан без помощи святых ликов, без благодатной силы икон» [Бушуева, 2016б, с. 172]. Поэтому можно говорить о том, что Успенская церковь сыграла немаловажную роль в воспитании межнациональной

терпимости как у осевших, так и у пришлых обитателей края. Посредством условных архитектурных приемов и их образного воплощения строители церкви способствовали глубокому укоренению в общественном сознании специфических для этого края мировоззренческих принципов.

В небольшой Успенской церкви алтарная часть была хорошо освещена в течение всего дня. Солнечный свет легко проникал через три высоких окна, затянутых слюдой и укрепленных ажурными решетками из белого железа, озаряя внутреннее пространство невысокого каменного помещения. Храмовый алтарь, являясь символом неведомого и незримого мира, призван был свидетельствовать о непостижимости Бога-Творца. Приблизить же греховного человека к Богу-Отцу должны были помочь многочисленные святые, изображенные на образах иконостаса. Павел Флоренский говорил по этому поводу, что иконостас не есть стена между видимым и невидимым мирами, но есть своеобразное «окно в невидимое».

Восстанавливая по монастырской описи за 1726—1729 гг., сохранившейся в фондах архива Забайкальского края, фрагменты внутреннего убранства алтаря, расположенного в восточной части каменной церкви и отделенного иконостасом от основного пространства храма, узнаем, что в центре его, на деревянном престоле, предназначенном для совершения евхаристии, лежало «одеяние из камки соломянки желтой» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 12].

Престол, являющийся первостепенным атрибутом алтаря, представлял собой освященный четырехугольный деревянный стол «мерой в длину и поперек аршин две чети, а в высоту аршин шесть вершков» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 4], украшенный, согласно церковным традициям, двумя лоскутами ткани: нижней — из полотна и верхней — из красивой заморской шелковой ткани. В момент составления монастырской описи престол был покрыт покровом «черного цвета с искусной отделкой», что свидетельствовало о том, что описывали церковное имущество в дни Великого поста.

На престоле «на полотенце, на белом лощеном» лежал аккуратно сложенный антиминс из ткани «желтого цвета» с вшитой в нее частичкой святых мощей и подписью епархиального архиерея. Антиминс, расписанный вручную, был небольшим платом, на котором были изображены Положение Христа во гроб и Голгофский крест. Обычно на антиминсе совершалась Евхаристия, главная часть православной литургии, во время которой освящались хлеб и вино.

Рядом с антиминсом находились два напестольных Евангелия, по традиции того времени украшенные богато и изысканно. Одно из них, «напестольное большое мерой длины десять вершков в ширину шесть вершков с досками» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 9], покрытое «бархатом красным» и писанное на «александрийской бумаге», было оформлено серебряными окладами с незатейливым декоративным орнаментом: «средник серебряный чеканной работы с подзолотом... на другой стороне в середине образ страстей Христовых, во углах наугольники серебряные с подзолотом... чеканной же работы с подзолотом пять застежек серебряных резных золоченых по образу золоченые листовым золотом» [ГАЗК. Ф. 282.

Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.].

Второе, рядом лежащее Евангелие было «крыто бархатом синим... посредине серебряный резной оклад... на обратной стороне средник и наугольники серебряные резные... гладь же застежки серебряные резные» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 9 об.]. Вероятно, чрезвычайно дорогое серебряное декорирование окладов этих богослужебных книг было выполнено монастырскими мастерами — чеканщиками и граверами по металлу — из местного серебра, добываемого в монастырских серебряных рудниках.

В алтаре на престоле имелись и другие атрибуты православного церковного служения: большой крест напестольный «онный чистого золота весом фунт... кругом его корона серебряная девять репьев». Общий вес этого креста доходил до одного фунта тридцати девяти золотников. Другой крест «серебряный под золотом весом 77 золотников», как указывается в описи, был «животворящим с мощами многих святых» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 36]. В архиве Забайкальского края автору статьи удалось найти упоминание о том, мощи каких святых находились в кресте (имена священномучеников были вырезаны на нем): Лазаря четверодневного, Андрея Первозванного, Евангелиста Марка, архидиакона Стефана, царя Константина, Василия Великого, святителя Филиппа, Игнатия Богоносца, Федора Стратилата, Ефрема Сирина, первомученицы Феклы, великомученицы Варвары. Сохранилось указание на то, кто приложил святой крест в каменную церковь: этот крест был лично пожалован монастырю Петром I. Он бережно хранился в алтаре вплоть до упразднения мужского Свято-Успенского монастыря. К сожалению, недобросовестные современные исследователи, плохо знакомые с архивными источниками, приписывают принадлежность данной святыни схимонаху Гедеону — архиепископу Ростовскому и Ярославскому, вице-президенту Святейшего синода Георгию Дашкову, некогда отбывавшему ссылку в Нерчинском Успенском монастыре и умершему в нем 17 (28) апреля 1739 г. Данное заблуждение исследователей [Кудрявцев, 2003, с. 44—45] сыграло роковую роль в судьбе древнего памятника — Нерчинской Успенской церкви. Ее разрушение останется целиком на их совести (ил. 3).

Здесь же лежали еще несколько напестольных крестов, исполненных из чистого серебра «под золотом», а «кругом их иконы золоченые» выставлены, одна из которых — образ Казанской Богородицы. На ней «венце с короной и гривна серебряные резные под золотом... а на венце, на короне камешков четыре лазоревых и два красных простых строганцов... а у чудотворцев шесть венцов четыре гривны... поля по окладе резные гладкой резьбы под золотом» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 7. Л. 48]. Автор обращает внимание на то, что «простыми строганцами» в монастырских описях именовались самоцветы высшего достоинства, добываемые недалеко от монастыря.

Все эти предметы лежали на покрове престольном из «камки черной», снизу которой шли «травы красные, а кругом опушка камки зеленой». По матерчатой складке пропустили отделку из «красной фанзы простой без травы». «Другой покров напестольный», находящийся возле первого, был «бархату травчатого синего на золоте в середине крест

камчатой». На этом покрове стояла «гробница серебряная под золотом весом фунт семь золотников». Всего же в алтаре было шесть покровов «камчатых разных цветов», среди которых особо выделялся «воздух (плат — *Е.Б.*) парчовый на золоте» в центре с «крестом вышитым золотом», слова же на нем были искусно «подписаны и высажены жемчугом русским мелким» умелыми руками монастырских мастериц. Этот тончайшей работы плат (воздух) был предназначен для покрытия потира и дискаса во время литургии.

Главным алтарным атрибутом любого храма всегда являлась Плащаница с изображением Положения во гроб Иисуса Христа. Не стала исключением и Нерчинская Успенская церковь. В ней также имелась Плащаница с «писанным на красной камке соломянке красками образом Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». По краям изображение было искусно обложено камкой лазоревой «с подписанием из листового золота богообразных псалмов». Наряду с золотым крестом и крестом с «мощами многих святых», эта Плащаница являлась бесценной святыней монастыря. Дорога она была еще и потому, что писалась собственноручно инициатором строительства монастыря и первым его настоятелем — игуменом Панкратием, некогда знатным нерчинским казаком, сибирским боярином «Никитой Титовым сыном Варламовых» [ГАЗК. Ф.282. Оп. 1. Д. 4. Л. 643].

Знакомясь с историей строительства первого в Нерчинском уезде монастыря, нельзя не коснуться личности человека, по чьей инициативе он был открыт. Известный дореволюционный исследователь С.В. Максимов утверждал, что «редкий из сооружителей монастырей не признавался в народном представлении за святого, угодившего Богу и послужившего добрым примером всем людям» [Максимов, 1897, с. 196]. Оттого первостепенным долгом забайкальцев в год 310-летия со дня открытия Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря является воскрешение в народной памяти личности «сооружителя», стараниями которого монастырь преобразился и стал известным далеко за пределами края. О жизни и деятельности нерчинского сына боярского Никиты Титовича Варламовых будет подробно рассказано в отдельной статье. В настоящей работе ограничимся лишь кратким сообщением о том, что монастырь был основан по настоятельной просьбе сына боярского Никиты Титовича Варламовых. В 1706 г. им была подана челобитная Петру Великому о необходимости возведения в Даурской землице мужской обители. В конце мая было получено высочайшее позволение на ее строительство с указанием конкретного места — первоначальной закладки Нерчинского зимовья в 1753 г. Самодержец, осознавая геополитическое значение Даурии как для международных контактов, так и дальнейшего приращения земель по Амуру, невзирая на трудности форсированной застройки Санкт-Петербурга, утверждает сооружение монастыря. Трудности же заключались в том, что мастера каменного дела из всех уголков европейской части России, а также провинциальных земель Сибири были собраны для возведения новой столицы Российской империи. Эти меры, спешно предпринятые правительством, выразились в многолетнем застое в каменном зодчестве по всей Сибири,

в том числе и церковном. Добиться разрешения на строительство монастыря с каменным храмом в тех исторических условиях было невиданным успехом. Никита Варламовых не только получил позволение на учреждение монастыря, но и, приняв монашеский постриг, в сане игумена и в качестве настоятеля возглавил строящийся им монастырь.

Возвращаясь к описанию интерьера алтаря Нерчинской Успенской церкви начала XVIII в., отметим, что в нем находились и другие предметы, необходимые для проведения торжественного богослужения. Это «два ковша серебряных служебных весом девятнадцать золотников с полузолотником... блюдо серебряное чеканной работы весом шестьдесят шесть золотников с четвертью... кадило серебряное чеканной работы весом два фунта... чаша водоосвященная медная луженая... блюдо с тарелью оловянные».

При знакомстве с описью этих изысканных драгоценностей серебряных, медных, оловянных предметов восточно-христианского культа невольно поражаешься тому богатству, которое было присуще отдаленной провинциальной церкви в рассматриваемый исторический период, когда серебро ценилось дороже золота.

В то время московское государство, не обладая своим драгоценным металлом, вынуждено было закупать его в других странах и одновременно искать всевозможные пути его легального приобретения. Интересный вариант был предложен в Новоторговом уставе 1667 г., который использовал игру в разнице себестоимости денег. С этой целью в ряде статей Устава был закреплен особый размер торговой пошлины, взимаемой с иностранных купцов, приезжающих с товаром в Архангельск. Они обязаны были платить пошлину в своих национальных денежных единицах, называемых на Руси ефимками (ефимок — русское наименование иностранной серебряной монеты, привозимой для обмена на перечеканные русские деньги, которые по себестоимости были дешевле аналога на 14 копеек) [Российское законодательство X—XX веков, 1986, с. 140]. При обмене же рублевого иноземного ефимка на мелкие русские серебряные деньги прибыль возрастала до 41 копеек. В результате такой неравноценной мены существенно увеличивалась государственная прибыль и появлялась реальная возможность чеканить свою отечественную серебряную монету.

Нерчинский же край был богат золотыми приисками, серебряными и оловянными рудниками и являлся местом оживленной международной торговли [Записки..., 2007, с. 245]. Поэтому все, кто впервые посещал Нерчинскую монастырскую Успенскую церковь, испытывали эмоциональное потрясение от изобилия золота, серебра, олова, самоцветов и драгоценных камней, жемчуга и богатых китайских тканей в ее внутреннем убранстве.

Обобщая вышеизложенный материал, следует признать очевидным тот факт, что для воссоздания исторически верного убранства не только алтарной части, но и экстерьера всего древнего каменного Успенского храма необходимо углубленное изучение старинных документов, сохранившихся в фондах архивов, и только после этого появится возможность приступить к реконструкции сибирской святыни. В деле же всестороннего анализа дошедшего до на-

ших дней архивного материала, изложенного на «старославенорусском» языке, обобщении социокультурных особенностей указанного периода, ведущая роль принадлежит историкам.

Откровенное же пренебрежение строителей-архитекторов исторической информацией привело их к ошибкам в определении архитектурного стиля (Успенскую церковь причислили к стилю нарышкинского барокко), непониманию историко-культурной ценности памятника культового зодчества Восточной Сибири и пр., и, как следствие, некомпетентность людей, причастных к делу реставрации церкви, их низкие морально-нравственные личностные качества лишь усугубили процесс дальнейшего разрушения древней святыни, ее безвозвратную утрату (ил. 4).

Список литературы

1. Бушуева Е.С. Иконостас Успенской церкви Нерчинского мужского монастыря начала XVIII века и его роль в демонстрации преуспевания православия в регионе // Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 14—15 января 2010 г.). — Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. — С. 224—236.
2. Бушуева Е.С. Нерчинская Успенская церковь: архитектура и внутреннее убранство начала XVIII века (к 300-летию со дня окончания строительства и освящения). — Чита: Заб КИПКРО, 2012. — 104 с.
3. Бушуева Е.С. История строительства Нерчинской Успенской церкви в документах Государственного архива Забайкальского края // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2013. — № 7. — С. 160—163.
4. Бушуева Е.С. Воссоздание облика утраченного иконостаса Нерчинской монастырской церкви во имя Успения Пресвятой Богородицы начала XVIII

века по документам Государственного архива Забайкальского края как значимого фактора в уточнении архитектурного стиля древнего храма // European social science journal, 2014. — № 2 (41). — Т. 1. — С. 428—436.

5. Бушуева Е.С. Наследие Нерчинского Свято-Успенского мужского монастыря: приходской храм и его настоятели (1775—1930 гг.) — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2016а. — 319 с.

6. Бушуева Я.А. Причины падения духовности русского народа: литературно-исторический анализ // Поиск решения проблем выживания и безопасности развития цивилизации в условиях современной глобализации. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2016б. — Вып. 26. — С. 169—179.

7. Записки путешественников и исследователей (вторая половина XVII—XVIII в.). — Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 2007. — Т. 1. — 480 с.

8. Кудрявцев С.В. Первая от Байкала, белокаменная... // Забайкалье: наука, культура, жизнь. — 2003. — № 3 (7). — С. 44—45.

9. Максимов С.В. Собрание сочинений: Честна-вдова — Сибирская святыня. — СПб.: Типо-лит. Т-ва «Промсвещение», 1897. — Т. 16. — 340 с.

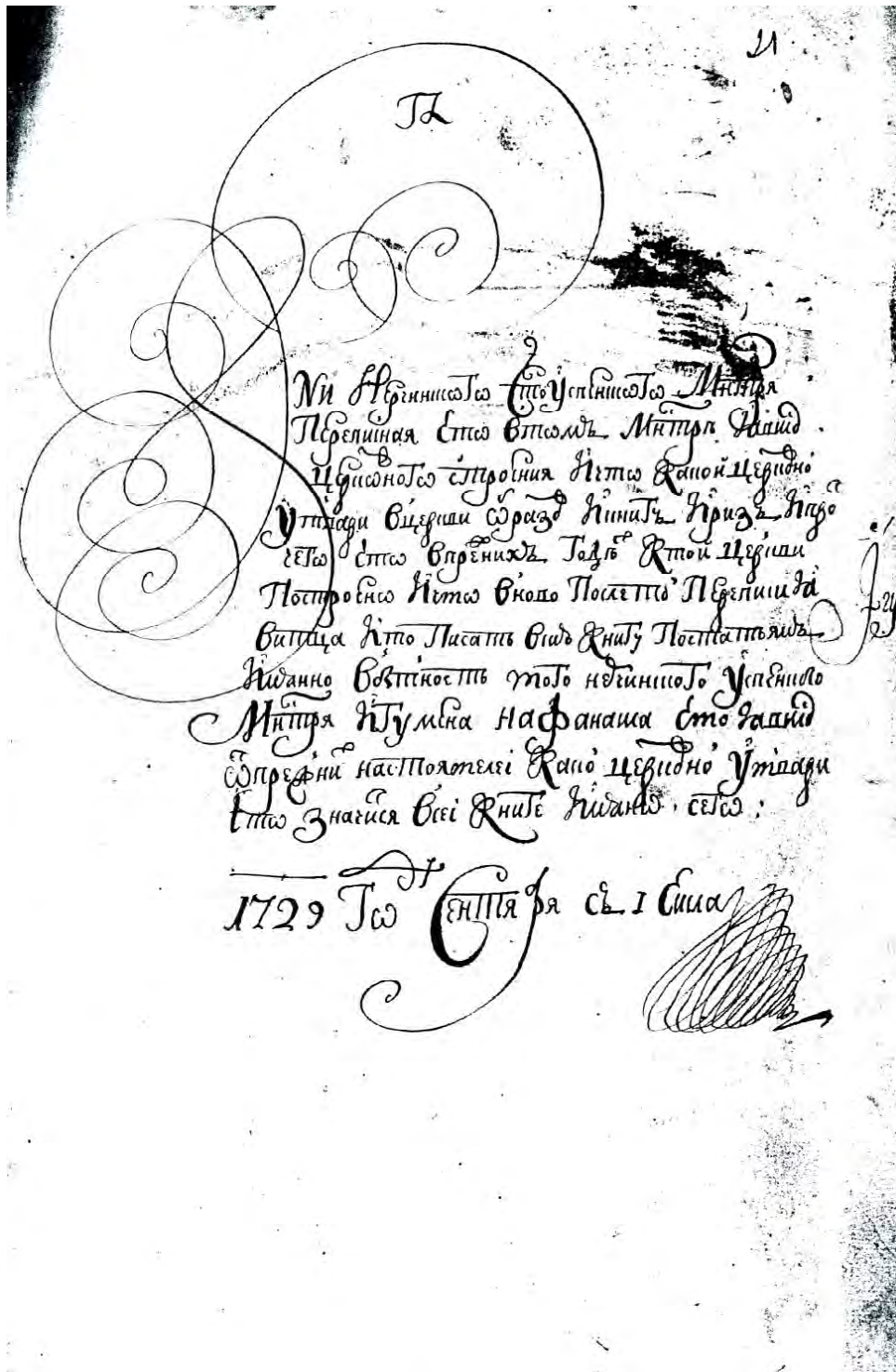
10. 10. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. — М.: Юридическая литература, 1986. — Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. — 512 с.

Список источников

1. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4.
2. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 7.

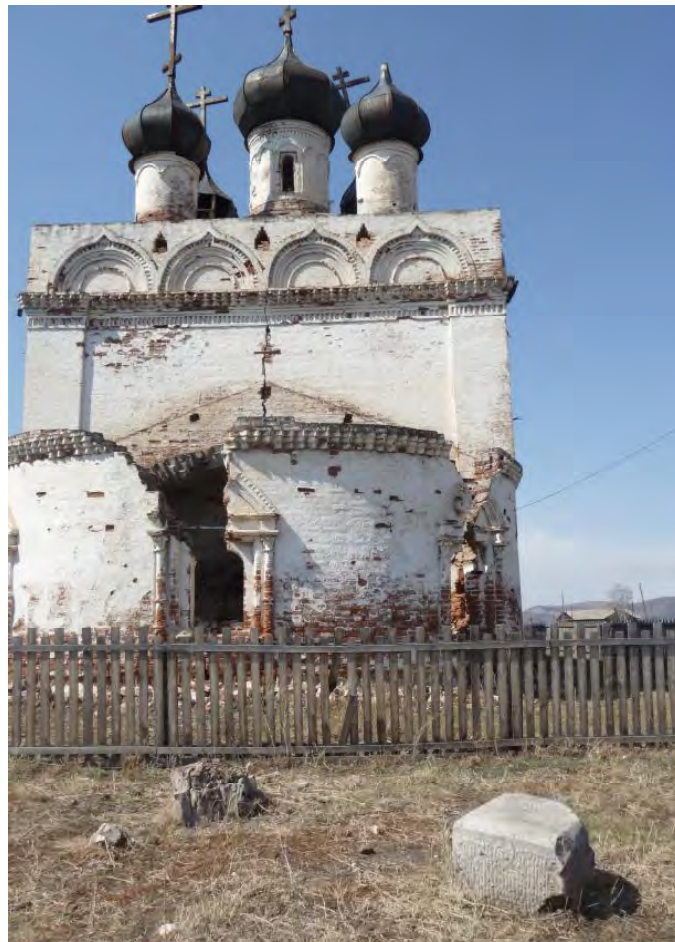
Ил. 1. Алтарная часть Нерчинской Успенской церкви. Снимок автора, 2012 г.

Ил. 2. Лист из приходно-расходной описи за 1729 г. Нерчинского Свято-Успенского монастыря [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 4. Л. 12]

Ил. 3. Общий вид разрушенной алтарной части Нерчинской Успенской церкви (современное состояние). Снимок автора, 2012 г.

Ил. 4. Разрушенная алтарная часть Нерчинской Успенской церкви (современное состояние). Снимок автора, 2012 г.

Картографические материалы С.У. Ремезова в процессе изучения градостроительного наследия сибирских городов

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ: 18-012-00464 «Градостроительная ретроспектива средних и малых населенных пунктов на Обь-Енисейском водном пути»

Аннотация

В данной статье раскрываются актуальность, цели и задачи исследования, в котором предлагается использование архитектурно-градостроительных методов в процессе изучения картографического наследия С.У Ремезова конца XVII — первых лет XVIII в. в целях реконструкции системы расселения на территории Сибири на основе современных геоинформационных систем. Полученный результат создаст предпосылки для комплексной оценки исторического документа, с одной стороны, и динамики развития малоизученного региона — с другой. Территориальные границы исследования обозначены Обь-Енисейским водным путем и сосредоточены в пределах Обского и Енисейского бассейнов. Обширность и труднодоступность данного региона на сегодняшний день обусловили отсутствие системных и достоверных знаний о развитии средних и малых поселений на великих сибирских реках. Данная публикация на одном территориальном фрагменте наглядно иллюстрирует потенциал предлагаемой реконструкции картографического материала XVII—XVIII вв. с использованием ГИС-технологий, дополненных архивными изысканиями.

Ключевые слова: Служебная чертежная книга, С.У. Ремезов, Обь-Енисейский водный путь, архитектурно-градостроительные методы, ГИС-технологии, Московско-Сибирский тракт

Cartographic Materials of S.U. Remezov in Studying the Urban Heritage of Siberian Cities

Abstract

This article deals with significance, aims and objectives of the research, which proposes the use of architectural and town-planning methods in studying cartographic heritage of S.U. Remezov of the end of the 17th— the beginning of the 18th century, for the reconstruction of the settlement system on the territory of Siberia on the basis of modern geo information systems. The result will create the conditions for a comprehensive estimation of the historical document on the one hand, and the dynamics of development of the little-studied region on the other. The territorial boundaries of the research are defined by the Ob-Yenisei waterway and are concentrated within the Ob and Yenisei river basins. The vastness and inaccessibility of this region, nowadays, have caused the lack of systematic and reliable knowledge about the development of small and medium settlements on the great Siberian rivers. On one territorial fragment this article clearly illustrates the potential of the proposed reconstruction of cartographic material of the 17th—18th centuries using GIS technologies supplemented with archival research.

Key words: service drawing book, S. U. Remezov, Ob-Yenisei waterway, architectural and town-planning methods, GIS-technologies, Moscow-Siberian tract

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью формирования научно-исследовательской базы, способствующей включению в хозяйственную деятельность Российской Федерации мощного потенциала сибирских рек Обского и Ени-

сейского бассейнов. Уровень значимости проекта заключен в потенциале территорий, занимающих центральное положение на карте России, площадь которых уверенно занимает одну седьмую часть всей территории нашего государства [Литвинова, 2016, с.

2]. Кроме того, на сегодняшний день:

- отсутствует программа комплексного развития транспортной инфраструктуры в Сибири, совмещающей речные и сухопутные маршруты на территориях, расположенных севернее Транссибирской магистрали;

- являются насущными проблемы хозяйственного освоения Сибирского региона и формирования безопасной среды, отвечающей современным социокультурным требованиям и имеющей впоследствии устойчивый характер развития, независимый от ярко выраженной сезонности климатических условий региона и деятельности ресурсодобывающих компаний;

- отсутствуют градостроительные рекомендации для формирования архитектурно-планировочной структуры населенных мест в условиях сурового резко-континентального климата, труднопроходимой тайги, болот, низких температур, полярной ночи, высокого снежного покрова, труднодоступности и малонаселенности местности, сложности прохождения весеннего ледохода, большого количества диких зверей и гнуса;

- отсутствуют современные нормы, правила, рекомендации для строительства жилых домов и социальных объектов, основанные на обобщенном опыте строительных традиций коренных народов и современных технологических возможностей;

- существует потребность в создании управляемого культурного импульса для инициирования в обществе процесса «поиска» внутренней, уникальной самоидентичности, основанной на многовековых традициях, которые по разным причинам были утрачены.

Архитектурно-градостроительная тематика в полной мере подходит для создания научной базы для смежных наук и будет хорошим началом современного этапа в истории изучения и последующего освоения территорий Обского и Енисейского бассейнов, основанного на использовании их речного потенциала.

Новизна исследования вытекает из его значимости:

- предлагается реализовать комплексный проект исследования труднодоступных территорий на основе архитектурно-градостроительных методов;

- впервые ГИС-технологии, технические средства позволяют не только обобщить имеющиеся данные, но и предложить междисциплинарные исследования;

- впервые интернет-технологии, уровень доступности архивных данных, карт позволяют сделать ретроспективу градостроительных преобразований средних и малых населенных пунктов, совмещенную с трансформацией транспортной инфраструктуры (речной, сухопутной и железнодорожной);

- необходима своевременная историческая оценка процессов функционирования древнейшего транспортного маршрута Обь-Енисейской водной системы в контексте административно-территориального реформирования, проводимого в Московском государстве, Российской империи, Советской России и Российской Федерации;

- есть потребность наглядного представления как общей сводной картосхемы, отражающей процессы функционирования транспортной инфра-

структуры на этих территориях, так и ее отдельных элементов — градостроительных функциональных моделей малых и средних населенных пунктов на разных исторических этапах.

Результатом исследования станут ретроспективы процессов трансформации транспортной инфраструктуры (картосхема) и моделей средних и малых населенных пунктов Сибири. Совокупность полученного аналитического материала ляжет в основу модели территории опережающего развития.

Основу исследования составляет сохранившийся в наиболее полном объеме исторический источник — наследие сибирского картографа С.У. Ремезова, а именно три атласа и карта:

1. «Чертежная книга Сибири» составлена в 1699—1701 гг., содержит 23 карты [Чертежная книга., 2003]. В 1882 г. было сделано факсимильное переиздание этого атласа в два цвета. Известно, что оригинал создан в шести красках [Кусов, 1983, с. 25].

2. «Служебная чертежная книга Сибири» состоит из 47 карт, время их составления оценивается периодом 1702—1730 гг., все чертежи отличается удивительная гармония цвета, особая графическая аккуратность [Служебная чертежная., 2006].

3. «Хорографическая книга» содержит 167 карт, составленных в 1697—1711 гг. В настоящее время хранится в США в библиотеке Гарвардского университета, доступной является ее цифровая копия [Хорографическая книга...].

4. Общая карта «Чертеж Сибирских земель», представлена на холсте 2,2 x 2,8 м.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время стала общедоступной значительная часть картографического наследия С.У. Ремезова. Его атласы, карты, росписи, записки, рисунки и чертежи находилось и находится под пристальным вниманием преимущественно историков [Молчанов, 2003, с. 20] и археологов [Тихонов, 2003, с. 52]. Одним из первых деятельность сибирского боярина с сыновьями подробно осветил в своих трудах Л.А. Гольденберг, который считается и его биографом [Гольденберг, 1965]. Чаще всего атласы С.У. Ремезова привлекаются в качестве документального свидетельства при установлении первоначального месторасположения населенных пунктов и архитектурных сооружений [Черная, 2002, с. 52; Маслюженко, 2013], а также в качестве примера-образца в области картографии своего времени [Залесов, Воронина, 2004, с. 58]. Особый интерес представляют работы исследователей, рассматривающие этот исторический источник в качестве философского представления об устройстве миропорядка на территории Сибири [Смит-Питер, 2014]. Отдельную группу составляют ученые, изучающие филологический аспект картографического наследия [Софронова, 2009, с. 79]. Приведенный выше обзор прежде всего нацелен на демонстрацию лишь части спектра современной научно-исследовательской деятельности, для которой труды, оставленные С.У. Ремезовым, являются ценнейшим историческим источником.

Авторами предполагается изучение картографического наследия архитектурно-градостроительными методами. Из методов градостроительных исследований применяется: ландшафтный анализ

территории, историко-генетический анализ планировочной организации территории, а также графо-аналитический анализ композиционно-планировочной структуры городов применительно к средним и малым населенным пунктам. Ландшафтный анализ территории позволит оценить соответствие сложившейся функциональной и композиционной структуры средних и малых населенных пунктов по отношению к ландшафтной ситуации. Основой для изучения предмета исследования должен стать метод историко-генетического анализа планировочной организации территории, который даст возможность выявить объективные закономерности и особенности в процессе градостроительного развития средних и малых населенных пунктов, а также обозначить историко-градостроительную ценность фрагментов природного и антропогенного ландшафтов.

Исследование картографического материала С.У. Ремезова авторами было начато в начале 2000-х гг. и сосредотачивалось вокруг изучения процесса организации главного государственного транзита Московско-Сибирского тракта как самого крупномасштабного проекта первой половины XVIII в. Известно, что работы по организации государственной дороги Московско-Сибирского тракта были начаты с составления атласа Сибирских земель. В «Истории Сибири» П.А. Словцова говорится о том, что эта ответственная работа была поручена тобольскому боярину, историку и картографу Семену Ульяновичу Ремезову, который приступил к работе в 1699 г., а помощниками ему были сыновья [Словцов, 2006, с. 135]. Считаю важным упоминание авторитетного историка о том, что для составления атласа картограф использовал воеводские карты. В качестве примера можно привести известную карту Сибири Тобольского воеводы стольника П.И. Годунова (1667—1670 гг.). Подобные исторические факты свидетельствуют о наличии в Московском государстве средневековой школы картографии, которую, предположительно, осваивали при обучении в Оружейной палате «строению каменных дел».

В качестве первого опыта на основе рисованных карт С.У. Ремезова авторами была сделана реконструкция томской агломерации конца XVII — начала XVIII в. для выяснения особенностей организации Московско-Сибирского тракта, который в значительной степени определил характер градостроительного развития Томска. Изображения города в разных атласах имеют отличия, но все представляют Томск расположенным в структуре рек и сухопутных дорог. Особый интерес представляет лист А1 из «Чертежной книги Сибири», который называется «Чертеж земли Томского города» (ил. 1).

Реконструкция фрагмента рисованного чертежа позволила определить функциональные взаимосвязи города и его пригорода в начале XVIII в. Были определены три группы используемых на карте условных обозначений: сооружения — монастыри, церкви, заимки, юрты и пр.; элементы ландшафта — реки, растения и дороги; пояснения — надписи, подписи, разъяснения. На иллюстрации 2 в качестве примера представлена первая группа указанных в исследовании условных обозначений — «сооружения».

Следующим шагом отмеченные на карте 1701 г. элементы (названия населенных пунктов) были на-

несены на ближайшую доступную карту Томского района, которая была частью карты Томской губернии 1901 г. Основная сложность этой работы заключалась в разной ориентации карт. Карта 1701 г. была ориентирована на юг, а карта 1901 г. — на север. Повернуть карту С.У. Ремезова не удалось, соответственно, было изменено направление карты Томской губернии, что показано на рисунке (ил. 3).

Далее на карте 1901 г. были отмечены населенные пункты по чертежу 1701 г., а также нанесены траектории всех дорог, зафиксированных С.У. Ремезовым. Важно, что большинство элементов в результате сопоставления имели полное совпадение названий и объединяющих их дорог-связей.

Карта 1901 г., совмещенная с условными обозначениями чертежа 1701 г., была совмещена с картой Томского района 2003 г., что позволило понять траекторию Московско-Сибирского тракта в пригороде Томска на современном этапе развития (ил. 4). Обе реконструкции дают наглядное представление о глубоком историческом прошлом пригорода, в ходе исследования будет доказано и его влияние на градостроительное развитие города. Что касается конкретно архитектурно-планировочного развития Томска, то рисованный чертеж С.У. Ремезова фиксирует сложившиеся к началу XVIII в. функциональные центры города, которыми были крепость, монастыри и церкви.

Таким образом, проверка сведений, зафиксированных в этих атласах на территории Томского района, показала удивительную точность и достоверность транспортных связей между реками и населенными пунктами. Выявленные сведения позволили высказать мнение, что Московско-Сибирский тракт был создан на основе существовавшей древней транспортной инфраструктуры; в первой половине XVIII в. были достроены лишь недостающие дороги-связки [Воронина, 2017, с. 20].

Для окончательного подтверждения вышевысказанного мнения требуется расширить территориальные границы исследуемой территории и провести изыскания по описанной выше схеме: сопоставить информацию, содержащуюся в атласах С.У. Ремезова, с современными картографическими данными.

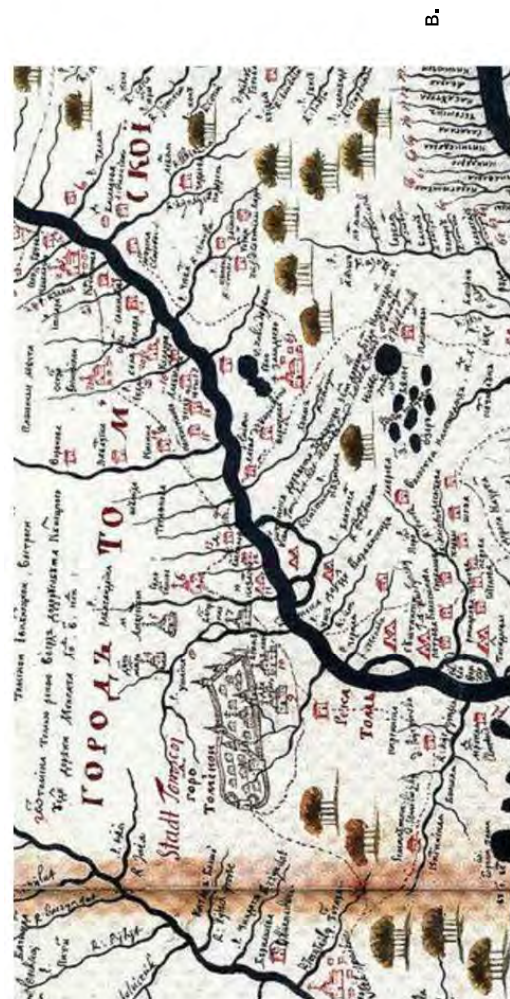
Понимание процессов формирования транспортной инфраструктуры (реки и дороги) дает инструменты широкому кругу специалистов для формирования методов и подходов к ее реконструкции и регенерации. Данный опыт дает полное основание утверждать, что изучение населенных пунктов, расположенных в структуре Обь-Енисейского канала, необходимо производить на основе реконструкции картографического наследия С.У. Ремезова.

Список литературы

1. Воронина О.С. Развитие планировочной структуры города Томска в XVII—XX вв.: автореф. дис. ... канд. архитектуры. — СПб., 2017. — 18 с.
2. Гольденберг Л.А. Семен Ульянович Ремезов: сибирский картограф и географ. — М.: Наука, 1965. — 266 с.

3. Залесов В.Г., Воронина О.С. Градостроительная деятельность в Сибири при Воеводско-приказной системе управления // Вестн. Том. гос. архит.-строит. ун-та. — 2007. — № 3. — С. 38—46.
4. Кусов В.С. Карту создают первопроходцы. — М.: Недра, 1983. — 69 с.
5. Литвинова О.Г. Инженерно-технологические аспекты строительства водных коммуникаций России в XVIII — первой четверти XX в. (на примере Обь-Енисейской соединительной водной системы): дис... канд. ист. наук. — Томск, 2016. — 243 с.
6. Маслюженко Д.Н. Царекурганская слобода на чертежах С.У. Ремезова. // XI Зырянские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. — Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2013. — С. 6—8.
7. Молчанов В.Ф. Чертежная книга Сибири С.У. Ремезова из коллекции графа Н.П. Румянцева // Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. — М.: Федер. служба геодезии и картографии России, Рос. гос. б-ка, 2003. — Т. 2. Исследования, перевод, комментарии, указатели. — 206 с.
8. Словцов П.А. История Сибири. От Ермака до Екатерины II. — М.: Вече, 2006. — 512 с.
9. Служебная чертежная книга. Семен Ремезов и сыновья. — Тобольск: Обществ. благотвор. фонд «Возрождение Тобольска», 2006. — 167 с.
10. Смит-Питер С. С.У. Ремезов и сибирская идентичность в конце XVII — начале XVIII в. // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 3. — С. 7—23.
11. Софронова М.Н. Преданность «Государеву делу» и вера в промысел божий — творческое кредо Семёна Ремезова // Мир науки, культуры, образования. — 2009. — № 5. — С. 77—80.
12. Тихонов С.С. Карты С.У. Ремезова в археолого-этнографических исследованиях // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. — 2013. — № 3 (23). — С. 52—56.
13. Черная М.П. Томский кремль середины XVII—XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 187 с.
14. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году: в 2 т. — М.: Федер. служба геодезии и картографии России, Рос. гос. б-ка, 2003.
15. Хорографическая книга С.У. Ремезова // Библиотека Гарварда [Электронный ресурс]. — URL: [https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$1i](https://iif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$1i) (дата обращения: 13.04.2018).

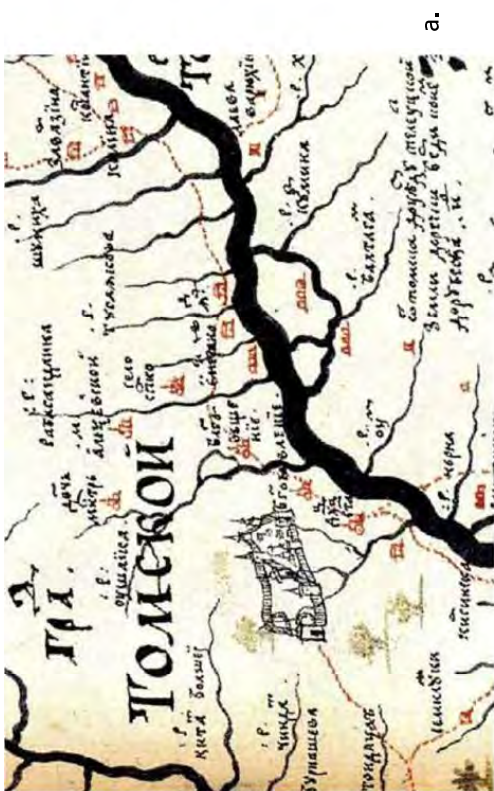

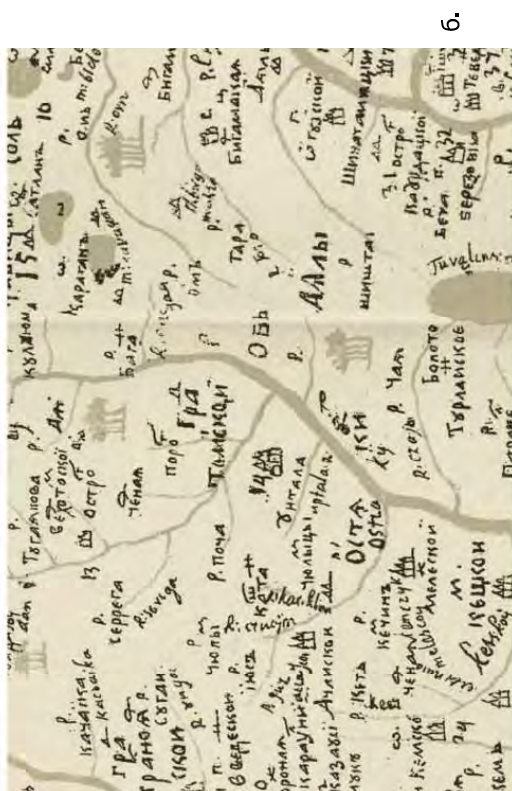
В.

Г.

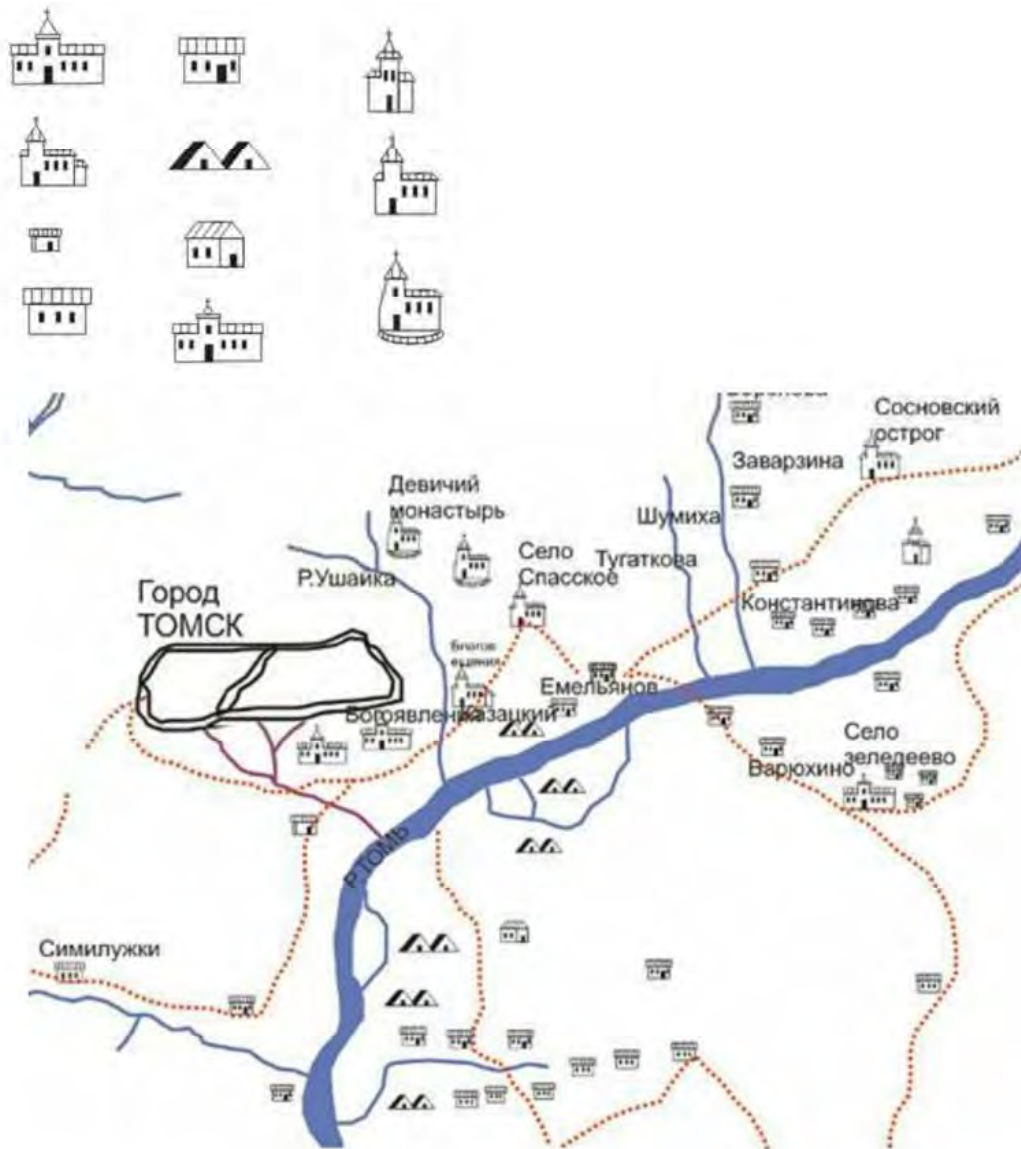

а.

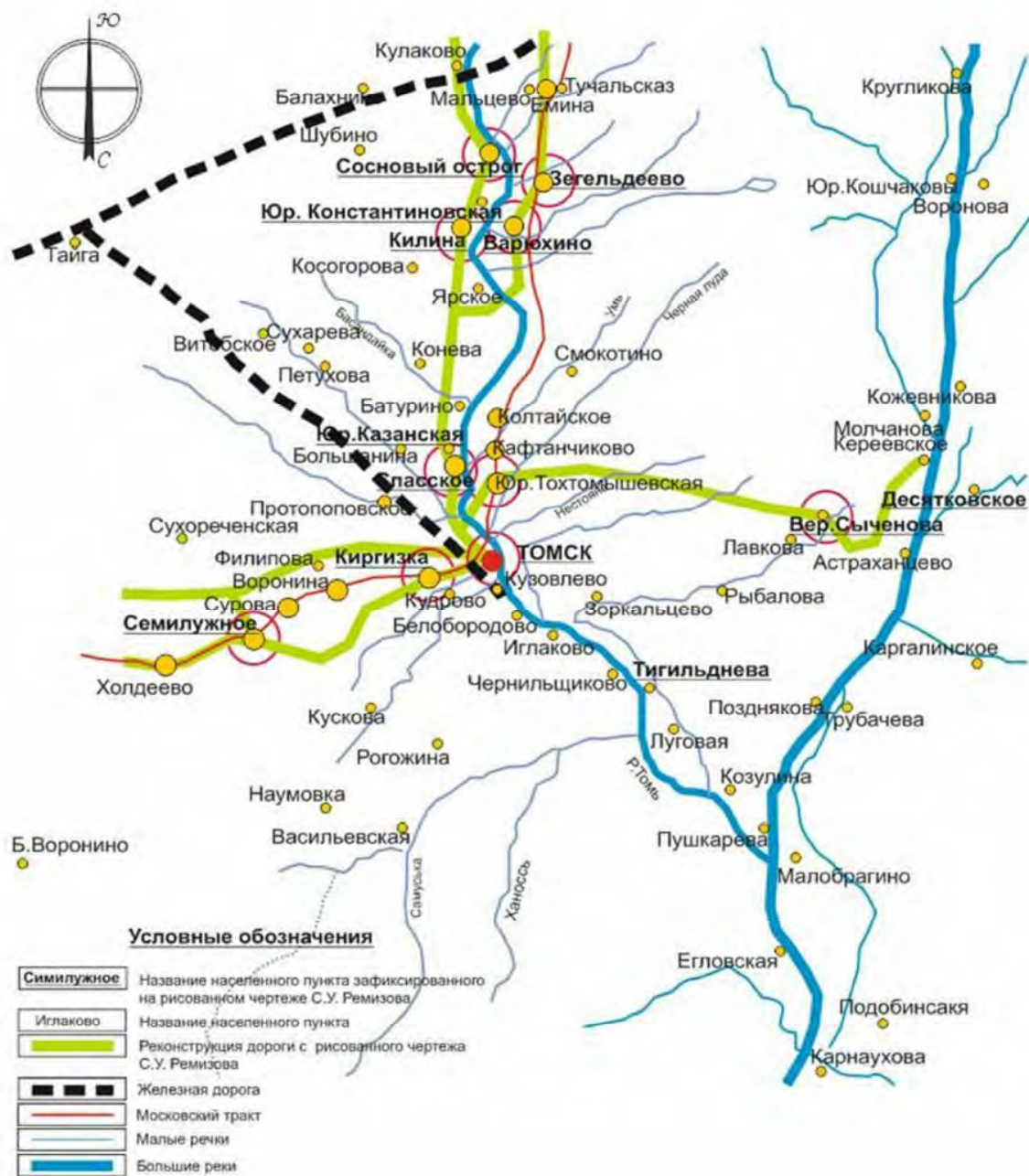

б.

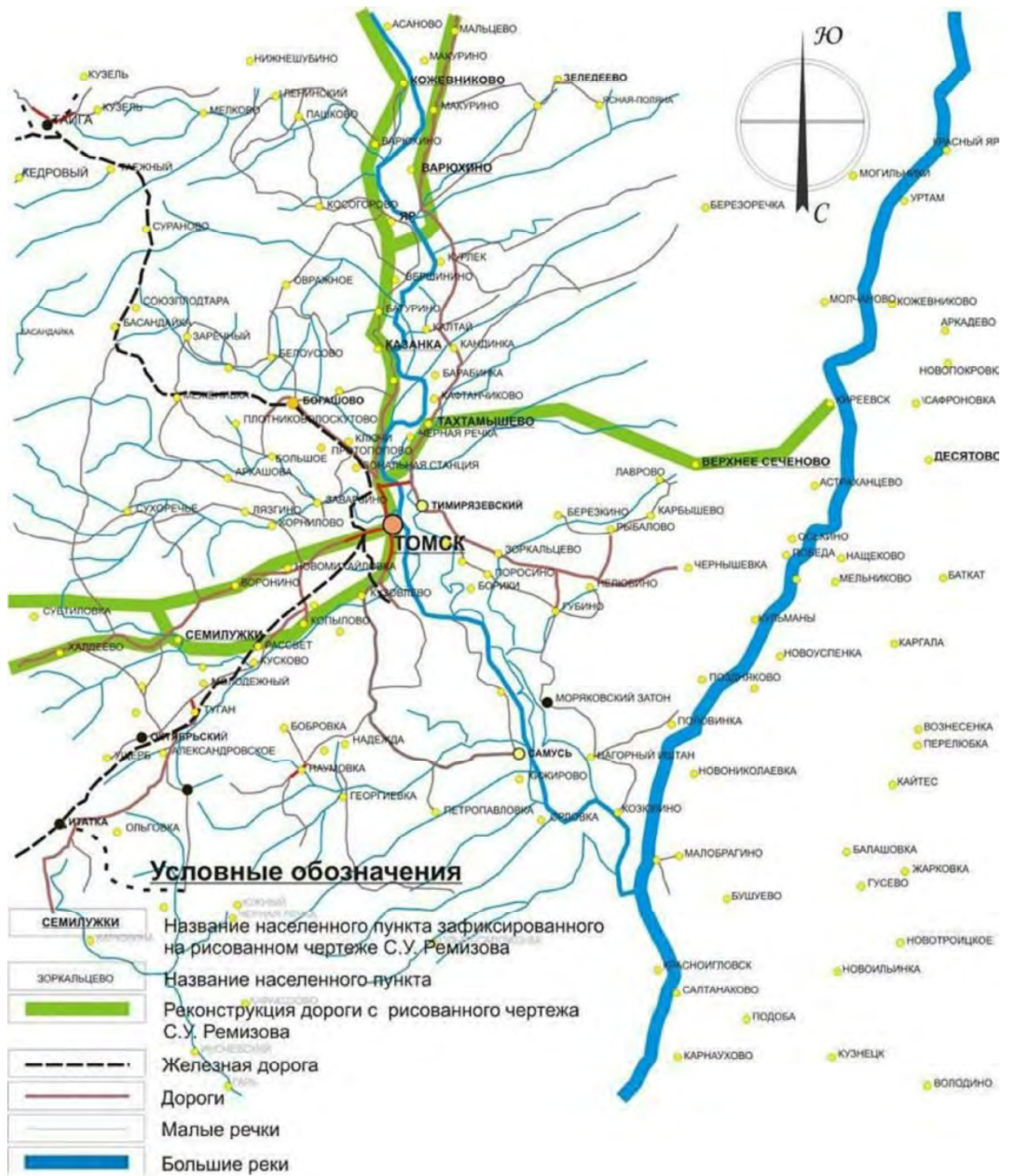
Ил. 1. Изображение г. Томска в атласах С.У. Ремезова, кон. XVII — первые годы XVIII в.: а — Чертежная книга Сибири; б — Служебная чертежная книга Сибири; в — чертеж Сибирских земель; г — Хорографическая книга

Ил. 2. Реконструкции: фрагмента рисованного чертежа С.У. Ремезова и первой группы условных обозначений — «сооружения». Графическая реконструкция О.С. Ворониной

Ил. 3. Реконструкция карты Томской губернии 1901 г.
Графическая реконструкция О.С. Ворониной

Ил. 4. Реконструкция карты Томского района. 2003 г.
Графическая реконструкция О.С. Ворониной

С.В. Горохов
Институт археологии и этнографии
СО РАН (Новосибирск)
gorokhov.sv@gmail.com

Сведения из путевого дневника И.Г. Гмелина о планиграфии Чаусского острога

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ № 18-09-00150

Аннотация

История Чаусского острога находится в центре внимания исследователей истории русского освоения Верхней Оби в XVII—XVIII вв., так как этот пункт, находясь на пересечении сухопутной и водной магистрали, имел ключевое значение для развития ситуации в регионе. Историки давно обратили внимание на описания планиграфии острога, однако источник, содержащий самые подробные сведения, остался вне поля зрения серьезных исследователей — это путевой дневник И.Г. Гмелина. В статье дан обзор источников по планиграфии Чаусского острога, приведен полный перевод фрагмента текста И.Г. Гмелина, посвященного планиграфии острога, выполнена графическая реконструкция на основе этого описания. По данным на 1741 г. острог был прямоугольной формы (100 x 64 м), стены тарасные с четырьмя угловыми и двумя проезжими башнями в противоположных стенах, окружен рвом, надолбами и рогатками. Приведено подробное описание размещения строений на территории двора острога.

Ключевые слова: Чаусский острог, Новосибирская область, Д. Лаврентьев, Д. Белл, Д.Г. Мессершмидт, С.Л. Владиславич-Рагузинский, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас, И.П. Фальк, XVIII в.

S.V. Gorokhov
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy
of Sciences, Novosibirsk)
gorokhov.sv@gmail.com

Data from I.G. Gmelin's Itinerary on the Chaussky Ostrog Planigraphy

Abstract

The history of the Chaussky Ostrog is carefully studied by those scientists specialized in the Russian development of the Upper Ob region in the 17th—18th centuries as this place is located at the junction of the overland and water transport arteries, played a key role for development of the situation in the region. The historians paid their attention to the description of the Ostog's planigraphy long ago, however the source containing the most detailed data remained neglected by the most prominent researchers, i.e. I.G. Gmelin's itinerary. The article includes a summary of the sources related to the Chaussky Ostrog's planigraphy, a fully translated abstract from I.G. Gmelin's text devoted to the Ostrog's planigraphy; besides, a graphical model based on this description is provided. According to the 1741 data, the Ostrog was rectangular (100x64 m), had taras walls with four corner and two passable towers located in the opposite walls, was surrounded by a graff, post obstacles, and chevaux de frise. There is a detailed description of location of buildings on the territory of the Ostrog yard.

Key words: Chaussky Ostrog, Novosibirsk Region, D. Lavrentiev, D. Bell, D.G. Messerschmidt, S.L. Vladislavich-Raguzinsky, G.F. Miller, I.G. Gmelin, P.S. Pallas, I.P. Falk, the 18th century

На территории Новосибирской области ключевым военно-административным центром в первой половине XVIII в. был Чаусский острог, значение которого распространялось далеко за пределы современных границ области. В первую очередь это было связано с особенностями его месторасположения — на сухопутном пути между Тарой и Томском (Московско-Сибирский тракт) и водном пути между металлургическим районом на Алтае и Томском. Дальнейшая судьба этого населенного пункта сложилась

таким образом, что его точное месторасположение сейчас не известно, но, вероятнее всего, занято строениями современной д. Чаус Кольванского района. В условиях, когда памятник не доступен для непосредственного археологического изучения, отдельные аспекты его истории могут быть восстановлены по письменным источникам. Цель настоящей работы заключается в реконструкции планиграфической структуры Чаусского острога по письменным источникам XVIII в.

В настоящее время исследователям доступно несколько описаний Чаусского острога XVIII в. Самое раннее из них относится к январю 1714 г. (спустя половину года после завершения строительства острога). Согласно челобитной руководителя строительства Д. Лаврентьева царю: «...всей рубленой в две стены с преградами и покрыл весь тесом. А по углам, государь, того острога построены четыре башни да в стенах две башни с проезжими ворота и з запускными решетки. И покрыл те все башни в две тесницы, а мерою, государь, тот острог длина пятьдесят сажень попереку, тридцать сажень печатных. А околотога острогу с трех — с полоденную, з западную, з северную стран — выкопан глубокий ров. А от восточная страны вышепомянутая река Чаус, которая течет с южныя страны под север. А подле рва устроены рогатки. А от Чауса реки с южной страны к западу поставлены надолбы до Большаго озера, которое обошло с южныя страны к северу» [Долгова, Резун, 1984, с. 225].

В самом конце января 1720 г. через Чаусский острог проехал посольство Л.В. Измайлова, направлявшееся в Китай. В составе посольства находился Джон Белл, который в своих путевых заметках сообщил о Чаусском остроге следующее: «небольшая крепостца, огражденная рвом и тыном, снабденная многими пушками и стрегомая несколькими пограничными войсками для сопротивления калмыцким набегам» [Русско-китайские..., 1978, с. 502]. В этом описании прежде всего обращает на себя внимание то, что автор в качестве типа стен указал тын.

Следующее известие о Чаусском остроге относится к 21 марта 1721 г., когда через него проследовал Д.Г. Мессершмидт по пути из Тары в Томск. Он оставил крайне скупое описание острога, отметив лишь, что крепость построена из дерева [Messerschmidt, 1962, с. 76].

2 марта 1726 г. через острог во главе посольства в Китай проехал С.Л. Владиславич-Рагузинский, который также в нескольких словах отметил Чаусскую крепость: «крепостца деревянная рубленая четвероугольная з башнями» [Русско-китайские..., 1990, с. 195].

По состоянию на октябрь 1734 г. Г.Ф. Миллер описывает Чаусский острог следующим образом: «построен в 1713 г. четырехугольным, по образцу Томской крепости, с двумя воротами и шестью боевыми башнями, которые снабжены артиллерией из медной двухфунтовой, двух чугунных двухфунтовых и двух чугунных однофунтовых пушек. В остроге есть церковь, посвященная Илье пророку, изба приказчика, судная изба вместе с амбарами. Вокруг протянут ров, вокруг которого еще установлены рогатки и надолбы» [Элерт, 1988].

Вечером 6 июня 1741 г. в Чаусский острог прибыл И.Г. Гмелин, который следовал сухим путем из Томска в Тару. Здесь он пробыл до 13 июня. Оставленное им описание Чаусского острога в настоящее время является наиболее полным и подробным из известных. Приведем его полностью: «Крепость представляет собой вытянутый четырехугольник из лежащих бревен, восточная и западная стороны которого сорок шесть сажень и один аршин в длину. В середине южной и северной стороны, а именно в каждой есть башня, снизу снабженная воротами и кроме этих двух башен на каждом углу есть башня

для стрельбы. Вокруг южной, западной и северной стороны тянулся глубокий ров, который с южной и северной стороны вплотную подходит к реке. Вокруг рва расположены надолбы и вокруг них установлены рогатки для большей укрепленности. При первоначальном возведении укреплений были еще установлены надолбы от южной стены на запад на протяжении двух сотен сажень до большого безымянного озера, иногда едва-едва можно видеть дыры, так как, стоящие бревна (надолбы — С.Г.), были забиты (в землю — С.Г.). Внутри крепости с южной стороны к востоку от ворот расположен цейхгауз, рядом с которым ближе к воротам расположены другие несколько меньшие надолбы. К западу от этих ворот и на некотором расстоянии от стены расположено караульное помещение вместе с небольшой кладовой и другими помещениями, в которых находится всевозможная церковная утварь. Судная изба стоит у восточной стены недалеко от южной. Между ней и южной стеной расположен царский винокурный погреб. Дом командующего стоит у этой же стены почти посередине. Пять амбаров с провиантом и соляной амбар были выстроены в два ряда вдоль северной стороны западнее ворот и тянутся едва ли не до западной стороны. Деревянная церковь, посвященная Пророку Илье, стоит почти в середине крепости или несколько ближе к южной стороне»¹ [Gmelin, 1752, с. 88—90].

Ранее исследователи уже обращались к путевым дневникам И.Г. Гмелина для характеристики Чаусского острога. Н.А. Миненко при подготовке рукописи книги «По старому Московскому тракту» использует большое количество данных из этого произведения. Однако заимствования, на наш взгляд, носят отрывочный и несколько хаотичный характер. Кроме этого, при переводе оригинального текста допущены грубые ошибки содержательного характера. Еще более странным представляется то, что опытный специалист по истории Новосибирского Приобья XVIII в. проигнорировала столь подробное описание Чаусского острога [Миненко, 1990, с. 34]. Вероятно, Н.А. Миненко лично не изучала работу И.Г. Гмелина, а положила на перевод или пересказ этого фрагмента книги неизвестного нам лица, которое само определяло, что важно, а что второстепенно.

В 2017 г. вышла статья А.Л. Автушковой, в которой она приводит описание Чаусского острога И.Г. Гмелиным. Перевод изобилует фактологическими неточностями. Их так много, что у читателя неизбежно сложится искаженное впечатление о планировке острога, поэтому во избежание возможной трансляции другими исследователями ошибочных сведений, мы перечислим все неточности, касающиеся планиграфии: 1) «Подробное изложение фактов (И.Г. Гмелиным — С.Г.), вплоть до промера расстояний между внутренними постройками» (у И.Г. Гмелина ничего не сказано о промерах расстояний между постройками); 2) «Крепость в плане представляла собой четырехугольник из поднятых вверх бревен» (из такой формулировки не ясно, о каком типе стен идет речь, И.Г. Гмелин пишет о стенах из лежащих (т.е. горизонтально расположенных) бревен); 3) «В каждом углу имелись сторожевые башни» (у

¹ Перевод автора

И.Г. Гмелина — башни для стрельбы); 4) «На южной и северной сторонах располагались дополнительные башни, одна из которых была снабжена въездными воротами» (по И.Г. Гмелину ворота имелись в обеих башнях); 5) «Западная башня также имела ворота» (во-первых, в путевом дневнике нет упоминания о западной башне, во-вторых, в западной стене есть только угловые башни и ни одна из них не упомянута как проезжая); 6) «Внутри был расположен арсенал» (следует переводить как цейхгауз, так как круг функций у арсенала существенно шире); 7) «К западу от него (цейхгауза — С.Г.) имелся другой, чуть поменьше» (к западу от цейхгауза строений не было, там располагались надолбы, защищавшие цейхгауз со стороны ворот); 8) «Дом командующего находился... недалеко от подвала» (должно быть: между домом командующего и винокурным погребом), почти в центре (должно быть: посередине восточной стены); 9) «В северо-западной стороне острога в два ряда были построены пять домов для хранения провианта и соли» (должно быть: шесть амбаров, пять из которых для провианта, а один для соли); 10) «В центре крепости стояла деревянная церковь Святого Ильи» (должно быть: Ильи Пророка) [Автушкова, 2017, с. 111—112].

10 июня 1741 г., в день когда И.Г. Гмелин еще находился в остроге, для Г.Ф. Миллера и по его запросу была составлена «Запись в Чаусском присутствии о заведении Чаусского острога», содержащая некоторые сведения о конструкции острога и его планиграфии: «Чеуской острог весь рубленой, в две стены с переградами покрыт весь тесом, а по углам четыре башни да в стенах две башни — и с проезжими воротами и з запускными решетками и покрыты оные шесть башен в две теснины.... В остроге казенное строение — церковь свята пророка Ильи, построена в 719 году; двор, где прикащики живут, судная изба, пять амбаров, в которые принимаетца с чеуских плательщиков четвериковой провиант да амбар с казенною продажною солью» [Долгова, Резун, 1984, с. 225—226]. Данное описание полностью соответствует описанию, составленному И.Г. Гмелиным в те же самые дни.

В одной из научно-популярных работ Н.А. Миненко без ссылки на источник приведено подробное описание двора приказчика на территории острога: «двор, где живут прикащики, в нем строения: горница с казенною, изба черная, меж ими сени, у горницы и у избы двери на крюках железные; во дворе скоцкая изба, по нижнюю стороны горницы клеть, под клетью погреб, промеж клетки и горницы сени, и с тех сеней выход забран в заплот досками в пояс, промеж выходом баня с предбанником, под горницею подвал, двор забран в заплот. Против горницы подвал с выходом» [Миненко, 1989, с. 86]. Судя по контексту, это описание может относиться к 1731, 1740 или 1741 г.

В 1772 г. в Чаусском остроге побывал П.С. Паллас, который дал характеристику крепости всего в нескольких словах: «Место сие окружено развалившимся забором; в нем одна церковь» [Паллас, 1788, с. 7].

В 1772 г. через острог проезжал И.П. Фальк, который также был очень лаконичен: «был построен в 1671 году и имеет деревянное укрепление с башнями. Ныне в самом остроге находится церковь,

соляные и хлебные магазины, но они очень ветхи» [Фальк, 1824, с. 431]. В этом описании странным представляется год основания острога, существенно расходящийся с общепринятой датой.

На основе доступных описаний острога краевед К.П. Зайцев выполнил графическую реконструкцию крепости (ил. 1). Как можно видеть на рисунке, с путевым дневником И.Г. Гмелина он знаком не был, так как проезжие башни показаны в смежных стенах, постройки на территории острога расположены иначе и пр. Представляется странным, что форма острога в плане квадратная, хотя в челобитной Д. Лаврентьева указаны длины сторон, предполагающие прямоугольную форму крепости.

Приняв за основу данные И.Г. Гмелина, мы выполнили собственную графическую реконструкцию планиграфии острога (ил. 2). Один из важнейших параметров при реконструкции — это форма и протяженность укреплений. В путевом дневнике И.Г. Гмелина указана точная длина сторон крепости параллельных реке (46 сажень и 1 аршин (100 м)) и сказано, что форма острога четырехугольная. При этом протяженность сторон, перпендикулярных к реке, не указана, поэтому мы позаимствуем соответствующие данные из челобитной Д. Лаврентьева (30 сажень). Другой важный параметр — конструкция стен. У И.Г. Гмелина сказано, что стены из лежащих бревен. Это могут быть как тарасы, так и городни и заплот. Поэтому вновь приходится обращаться к челобитной Д. Лаврентьева, в которой сообщается, что стены имели тарасную конструкцию («рубленный в две стены с преградами»). Относительно количества, места расположения и функционального назначения башен, характера и расположения рва, расположения надолбов и рогаток, а также о планиграфии внутреннего двора острога путевой дневник дает исчерпывающую информацию. Планиграфия двора командующего реконструирована по материалам Миненко [Миненко, 1989, с. 86].

Путевой дневник И.Г. Гмелина содержит обширный материал о планиграфии русских укрепленных пунктов в Сибири, которые он лично посетил, что дает возможность создать достаточно ясную картину об архитектуре и состоянии сибирских острогов и городов во второй половине 1730-х — первой половине 1740-х гг.

Список литературы

1. Автушкова А.Л. Русские остроги и форпосты на территории современной Новосибирской области в описании Иоганна Готлиба Гмелина // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Изд. дом «Наука», 2017. — С. 110—114. — URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_30632382_75615517.pdf (дата обращения: 21.04.2018).
2. Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. (Археография и источниковедение Сибири). — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 224—228.
3. Миненко Н.А. По старому Московскому тракту. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1990. — 184 с.
4. Миненко Н.А. Русские остроги и форпосты на

территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — С. 80—91

5. Молодин В.И., Бородовский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Колыванского района Новосибирской области. — Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма РАН, 1996. — 192 с.

6. Паллас П.С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства. Часть третья. Половина вторая. 1772 и 1773 годов. — Санкт-Петербург: при Имп. Акад. наук, 1788. — 481 с.

7. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. — Т. 1. 1700—1725. — М.: Изд-во «Наука», 1978. — 703 с.

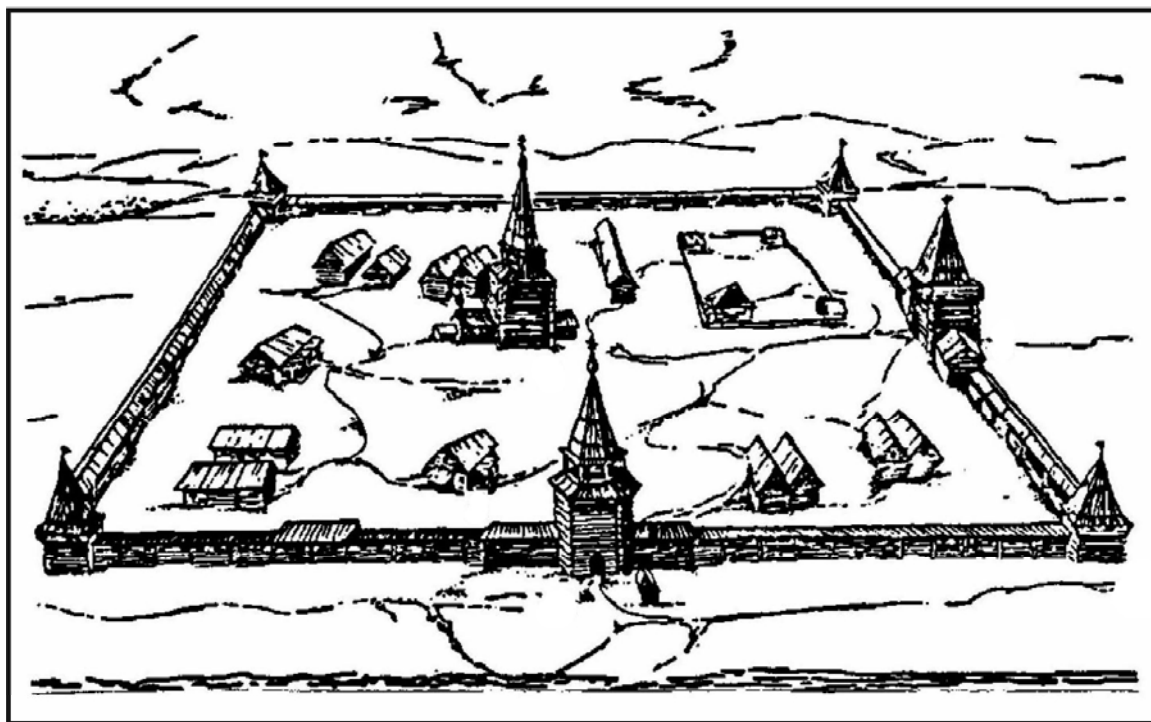
8. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. — Т. 2. (1725—1727). — М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. — 668 с.

9. Фальк И.П. Полное собрание ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Императорскою Академіею Наукъ, по предложеніюея президента. Т. 6. Записки Путешествія Академика Фалька. — Санкт-Петербург: при Имп. Акад. наук, 1824. — 560 с.

10. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 59—101.

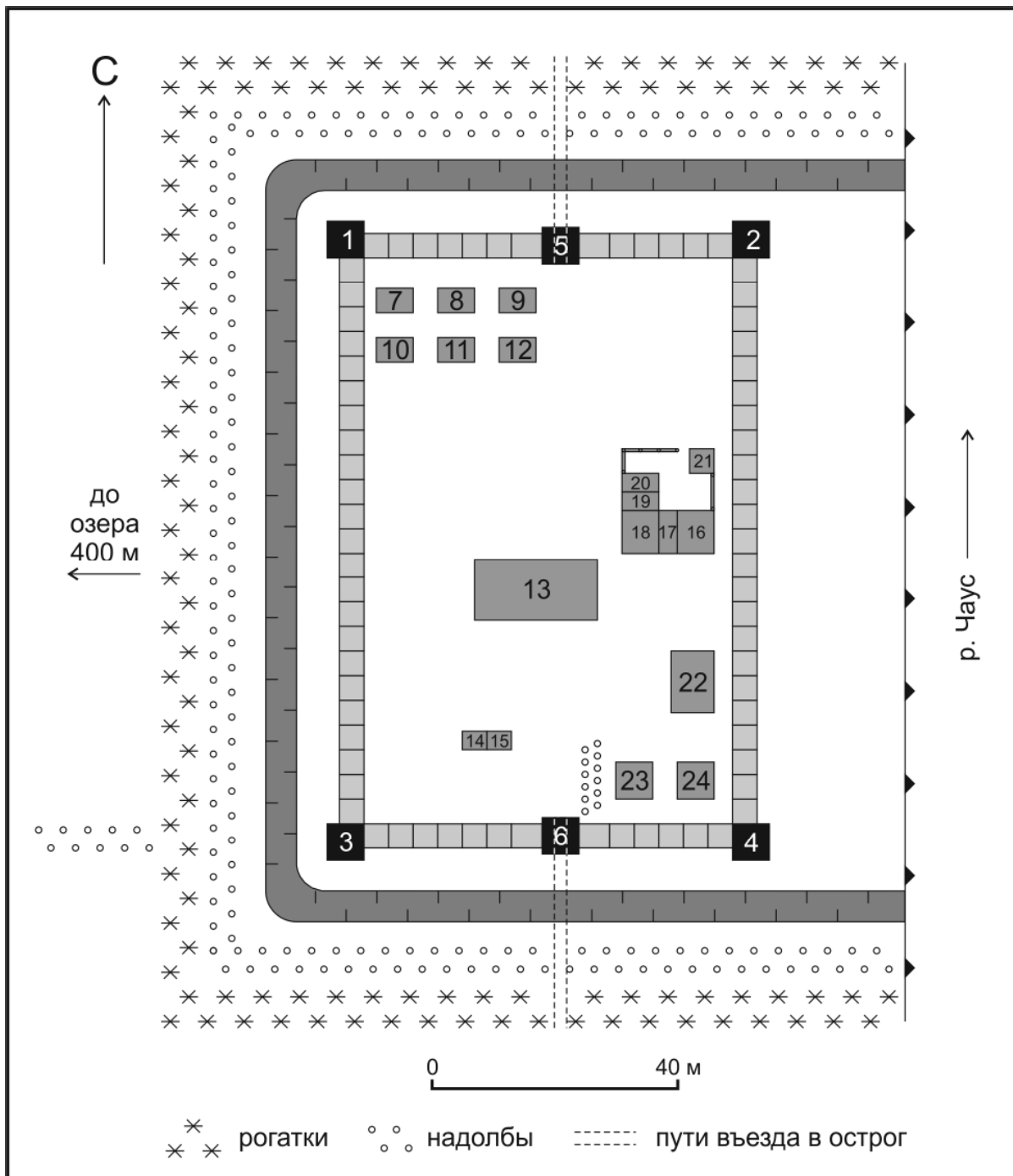
11. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. — Göttingen: verlegt's Abram Vandenhoecks seel. — Wittwe, 1752. — 700 s.

12. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. — В. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721—1722. — Berlin: Akademie-Verlag, 1962. — 380 s.

Ил. 1. Графическая реконструкция Чауского острога по К.П. Зайцеву (рис. Е.В. Сизиковой) [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 159]

Ил. 2. Графическая реконструкция Чаусского острога по И.Г. Гмелину и Д. Лаврентьеву (выполнена автором).

1—4 — угловые башни; 5, 6 — проездные башни; 7—12 — пять продовольственных и один соляной амбар; 13 — церковь Ильи Пророка; 14 — склад церковной утвари; 15 — караульное помещение; 16 — изба черная; 17 — сени; 18 — горница с казенкою и подвалом; 19 — сени; 20 — клеть с погребом; 21 — изба для скота; 22 — судная изба; 23 —цейхгауз; 24 — царский винокуренный погреб

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10021
УДК 902.2

П.Г. Данилов
Тобольская комплексная научная
станция УрО РАН (Тобольск)
danilovpg@mail.ru

Воскресенская церковь Тобольска в XVII — начале XVIII века

*Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001
«Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири
(I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.)»*

Аннотация

В статье на основании археологических, письменных и картографических источников рассматривается история Воскресенской церкви города Тобольска. Приводятся известные летописные свидетельства об истории храма в XVII в. Дается характеристика археологических исследований на месте предполагаемой территории при церкви. В двух шурфах выявлено семь детских погребений, датируемых второй половиной XVII в. Время существования Воскресенской церкви датируется 1600-ми — 1701 г. Делается вывод о необходимости проведения археологических исследований с целью определения места расположения как самой церкви, так и уточнения границ участка кладбища.

Ключевые слова: Тобольск, Воскресенская церковь, археологические исследования

P.G. Danilov
TobolskComplex Scientific Station
(the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Tobolsk)
danilovpg@mail.ru

The Resurrection Church of Tobolsk in the 17th — Early 18th centuries

Abstract

The article deals with the history of the Resurrection Church of the city of Tobolsk on the basis of archaeological, written and cartographic sources. There are well-known chronicles of the history of the temple in the 17th century. The characteristics of archaeological research on the site of the proposed territory at the church are given. In two dug pits seven children's burials dated from the second half of the 17th century. The Resurrection Church dates back to the 1600s — 1701. It is concluded that it is necessary to carry out the archaeological research to determine the location of both the church itself and the boundaries of the cemetery site.

Key words: Tobolsk, Resurrection Church, archaeological research

Тобольск занимает особое место в истории русской колонизации Сибири. За небольшой отрезок времени с момента основания в 1587 г. до начала XVIII в. город прошел путь от небольшого острога — форпоста русской колонизации во враждебном окружении — до военно-административного, экономического и духовного центра всей русской Сибири. Планировочная структура города Тобольска в XVII в. имела типичное для средневекового градостроительства трехчастное деление: кремль, посад нижний и верхний, монастыри. Тобольский кремль играл в ней большую организующую роль. Панорама Тобольска была немыслима без ее архитектурных доминант — многочисленных православных храмов. Первая деревянная церковь (Троицкая) появилась в год основания Тобольска — в 1587 г., дав название мысу, на котором был сооружен острог. В дальней-

шем строились другие храмы, первоначально возводимые из дерева, в конце XVII в. часть из них стали перестраивать в камне. Многие из этих храмов сохранились до наших дней, другие были утрачены по разным причинам. В первую очередь это касалось деревянных храмов, история существования которых не выходит за рамки XVII столетия. Историк И.Л. Манькова отмечает, что за период с 1624 по 1741 г. в верхней части города количество приходских церквей сократилось в два раза — с 8 до 4 [Манькова, 2015, с. 241].

К таковым мы можем отнести Воскресенскую церковь, достоверных сведений о которой в исторической литературе сохранилось немного. Вероятно, с этим храмом следует связывать одну из городских легенд, весьма популярную в 80—90-е гг. XX в. у тоболяков, о том, что спортивный стадион «Стро-

итель», расположенный с северной стороны от Гостиного двора Тобольского кремля, был построен на месте древнего кладбища. Утверждалось также, что еще совсем недавно (1990-е гг.) на его поле были видны западины от могильных ям. Эту легенду длительное время не могли подтвердить или опровергнуть местные краеведы и историки в силу недостатка исторических сведений.

Письменные свидетельства по истории Воскресенского храма немногочисленны. В первую очередь неизвестна дата основания церкви. Историк И.Л. Манькова на основе анализа Дозорной книги Тобольска 1624 г. считает, что храм был основан задолго до 1624 г. [Манькова, 2014, с. 216]. Исследователь предлагает интересную версию причин появления этого храма в Тобольске, проводя аналогии с Верхотурьем: «Воскресенские церкви, скорее всего, строились по инициативе или при активном участии торговых людей, которые приезжали торговать «с Руси». Они проживали в Верхотурье и Тобольске временно и не принадлежали ни к одному из городских приходов, им нужна была церковь, которую они могли бы посещать по воскресным и праздничным дням» [Манькова, 2014, с. 217]. В Тобольске Воскресенская церковь была построена рядом с торговыми рядами на посаде. Известно описание храма в Дозорной книге Тобольска 1624 г.: «На посаде же церковь во имя Воскресенье Господа нашего Иисуса Христа, да в приделе Илия пророк...» [Дозорная книга., 1885, с. 2]. Церковь выделялась среди других городских храмов большим количеством икон. Кроме иконостаса, в ней имелась еще 21 икона, в том числе два образа Богородицы Одигитрии, три иконы Николая Чудотворца, четыре иконы Воскресения [Манькова, 2014, с. 224]. Упоминается Воскресенская церковь в Сибирских летописях и статьях местных краеведов в связи с частыми пожарами, от которых страдал Тобольск в XVII в. Первый крупный пожар произошел в 1643 г. Сибирский летописный свод сообщает об этом событии довольно скупо: «Лета 7151-го году августа против 14 го числа в нощи в 3 часа в Тоболску бысть пожар большой. Згорел город и соборная и приходские церкви, и святительский двор, и воеводские и гостин дворы... и посад на горе весь по Девичь монастырь» [Сибирский летописный., 1987, с. 201]. В следующем, 1644 г. начали строить новый город с девятью башнями, четыре из которых служили воротами. Одна из этих башен носила название Воскресенской по названию церкви [Абрамов, 1857, с. 118]. Следующий крупный пожар, в котором пострадала Воскресенская церковь, произошел 29 мая 1677 г. Летопись сообщает об этом событии следующее: «... от другаго ударения громнаго от молнии же загореся на горе у церкви Вход во Иерусалим, что завомо Воскресение Христово, что на торговой площади, шатер с восточную страну» [Сибирский летописный., 1987, с. 212].

Пожар 4—5 июня 1701 г., по-видимому, поставил точку в существовании церкви. В пожаре, как сообщает летопись, вновь сгорел весь город — «все без остатку», за исключением церкви Николая Чудотворца и небольшого количества дворов [Есиповская летопись., 1987, с. 106]. В дальнейшем Воскресенская церковь более не упоминается. И.Л. Манькова пишет, что церковь «не вписалась» в новую камен-

ную застройку города начала XVIII в. [Манькова, 2015, с. 240]. Видимо, именно в начале каменного строительства в Тобольском кремле следует видеть причину, по которой деревянная Воскресенская церковь после пожара 1701 г. не была восстановлена и прекратила свое существование. Храм находился рядом с торговыми рядами, которые также разделили судьбу церкви, т.е. исчезли по причине того, что на их месте в 1703 г. началось строительство каменного Гостиного двора [Копылова, 1977, с. 295]. Кроме того, от северо-западной башни нового каменного Гостиного двора по территории церкви и торговых рядов была построена северная стена «каменного города» по проекту С.У. Ремезова [Копылов, 1974, с. 129]. Не стало торговых рядов, не стало и прихожан у церкви. Фундамент стены был выявлен в 2007 г. около северо-западной башни Гостиного двора при проведении археологического надзора [Балюнов, 2008, с. 22]. На обследованном участке длина фундамента составляла 6 м при ширине 1,7 м. Конструктивно фундамент представлял собой сохранившиеся несколько рядов кирпичной кладки, положенные на забутовку из битого кирпича и извести. Кирпичная кладка сохранилась только у стены Гостиного двора. Она сложена из кирпича форматом 7,5—8,5 x 14,5—15,5 x 28,5—31 см на известковом растворе.

Графические изображения Воскресенской церкви известны нам по трудам С.У. Ремезова конца XVII — начала XVIII в. Храм изображен на плане Тобольска 1701 г. в «Чертежной книге Сибири» [Чертежная книга., 1882, л. 3], на чертежах «...град Тоболеск по мере вокруг блиские места», «...городоваго и валоваго строения и обруб» в «Хорографической книге» [Remezov, лл. 161, 163а], чертежах «Град Тоболеск», «Чертеж по указу розмер хресцам и балчикам», «Чертеж деревянного города» в «Служебной чертежной книге» [Служебная чертежная., лл. 20а—21, 25, 135а—136]. На всех перечисленных чертежах церковь С.У. Ремезов располагает с северной стороны от деревянного, а впоследствии каменного Гостиного двора и торговых рядов (ил. 1—3). Опираясь на чертежи, довольно трудно определить точное место размещения церкви. Интересен в этом плане «Чертеж по указу розмер хресцам и балчикам» из «Служебной чертежной книги» (ил. 3) [Служебная чертежная., л. 25]. Составлен он был после пожара 1701 г., в котором сгорел деревянный город и сама Воскресенская церковь. В пользу этого мнения говорит тот факт, что достаточно точно прорисованы только объекты, сооруженные из кирпича, такие как соборная церковь и северо-западная башня Софийского двора. Гостиный двор показан «вновь каменного строения» либо в процессе строительства, либо сразу после его завершения (1708 г.), поскольку на чертеже нет северной каменной стены кремля (ил. 3, 2). Городские объекты из дерева на этом чертеже не прорисованы, в частности, строений двора воеводы нет, имеется только указание на «место воеводского двора» (ил. 3), в то время как на чертеже деревянного города воеводский двор показан со всеми постройками (ил. 1). Такую же ситуацию мы можем наблюдать и в отношении Воскресенской церкви. Церковь на чертеже обозначена как «место воскресенской церкви» (ил. 3, 1), т.е. храм еще не восстановлен после пожара, однако указано его ме-

стоположение относительно каменного Гостиного двора и торговых рядов.

На чертеже «Град Тоболеск» из «Служебной чертежной книги» Воскресенская церковь показана тоже достаточно условно без указания точных размеров и расстояний до ближайших объектов, к северу от проектируемого каменного Гостиного двора (ил. 2). Судя по чертежам С.У. Ремезова, церковь после пожара 1701 г. не восстанавливалась, нет ее и на более поздних планах Тобольска. В частности, на планах 1714 и 1728 гг. участок к северу от каменного Гостиного двора показан свободным от застройки [РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Дд. 2177; 2182]. В советский период на этом участке города разместился стадион «Строитель». Память о церкви могла лечь в основу городской легенды о кладбище.

Выяснить, насколько достоверна эта легенда, позволили результаты археологических исследований, проводившихся в 2000-х гг. на территории стадиона и рядом с ним. В 2003 г. вдоль северной стены Гостиного двора на территории стадиона были заложены несколько разведочных шурфов, в которых погребения обнаружены не были. В 2007—2008 гг. археологические исследования на месте стадиона «Строитель» проводила экспедиция Тюменского государственного университета. Общая площадь исследований на стадионе составила 732 кв. м. Впоследствии на месте раскопов был сооружен фонтан (ил. 4, 4). Авторы исследований отмечали, что «... было опровергнуто бытующее среди части горожан мнение о том, что данный участок некогда использовался как кладбище. Более того, установлено обратное: на протяжении долгого периода это место являлось частью посадской территории» [Аношко, 2014, с. 139]. Казалось бы, полученные результаты археологических исследований внесли полную ясность: легенда о старом кладбище на стадионе «Строитель» не имеет в своей основе достоверности. Однако археологические исследования, проводившиеся перед западным фасадом Гостиного двора, указали на наличие кладбища перед зданием. В 2003 г. в шурфе, заложенном перед западным фасадом Гостиного двора, было выявлено потревоженное погребение, попавшее в площадь шурфа частично (ноги) (ил. 4, 1) [Данилов, 2009, с. 55]. В 2007 г. был заложен разведочный шурф возле северо-западной башни Гостиного двора (ил. 4, 2). В шурфе было выявлено семь детских захоронений. Дети были похоронены в деревянных колодах, ориентированных в западном направлении, вытянуто на спине. Положение рук удалось зафиксировать только в двух погребениях, поскольку сохранность костей плохая — руки сложены на груди (погребение 1) и на животе (погребение 4). В погребении 5 зафиксирована береста, перекрывавшая сверху колоду [Балюнов, 2007, с. 31—33]. По стратиграфическим наблюдениям погребения были совершены в культурном слое, т.е. на уже ранее обжитом участке города не ранее 1600-х гг. (расширение территории города) и не позднее 1703 г. (начало строительства каменного Гостиного двора). Погребения датируются второй половиной XVII в. Таким образом, стадион, построенный в советское время, мог частично, своей западной границей, разместиться на площади кладбища при церкви, однако этот вопрос требует уточнения и проведения допол-

нительных исследований.

Проведенные исследования показали, что кладбище при Воскресенской церкви занимало участок, расположенный перед западным фасадом каменного Гостиного двора, построенного в 1703—1708 гг. [Копылова, 1977]. Гостиный двор, видимо, частично занял участок кладбища, поскольку выявленные в шурфе детские погребения располагались вплотную к стене Гостиного двора. Археологические исследования, проведенные в 2009 г. Е.П. Загваздиным в центре и у южной стены внутри Гостиного двора, погребений не выявили (ил. 4, 3) [Загваздин, 2014, с. 62—64]. Опираясь на материалы археологических исследований, данные письменных и картографических исследований, мы можем с определенной долей вероятности указать время существования Воскресенской церкви 1600-ми — 1701 гг., выделить условные границы и территорию кладбища при церкви. На космоснимке участка Тобольского кремля (ил. 4) нами выделена предполагаемая территория кладбища при Воскресенской церкви, шурф 2003 г. (1), шурф И.В. Балюнова 2007 г. (2), два шурфа внутри Гостиного двора Е.П. Загваздина 2009 г. (3), фонтан на месте раскопов Тюменского государственного университета 2007—2009 гг. в центре бывшего стадиона «Строитель» (4).

На сегодняшний день, руководствуясь известными данными, мы не можем достоверно указать место расположения Воскресенской церкви. Актуальной задачей является проведение археологических исследований с целью определения места расположения как самой церкви, так и уточнения границ участка кладбища.

Список литературы

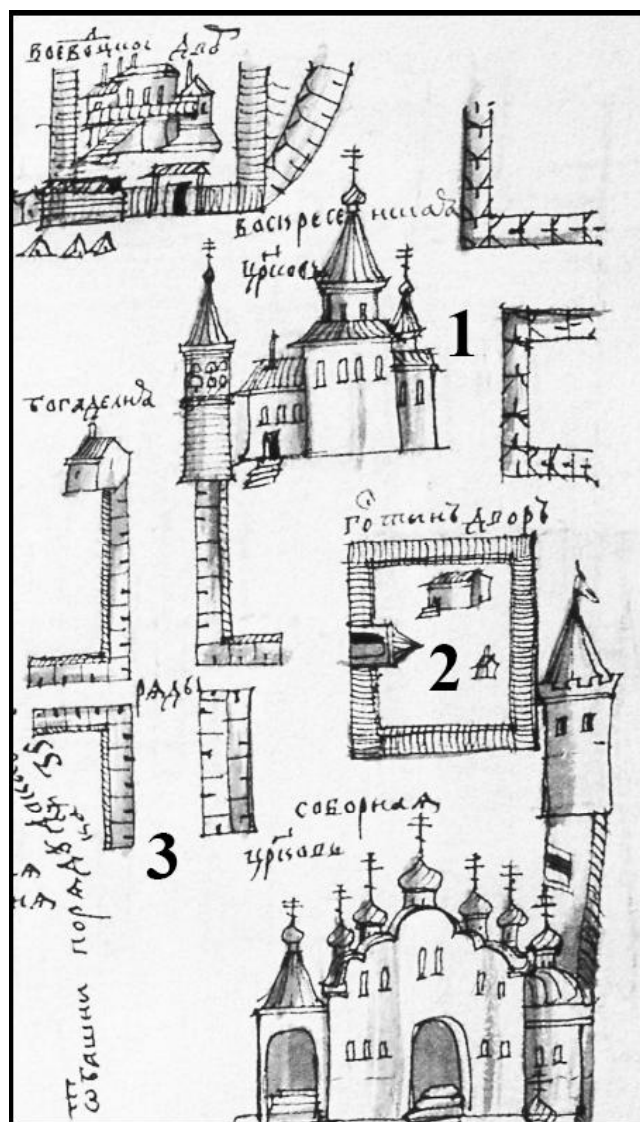
1. Абрамов Н. Тобольские пожары // Тобольские губернские ведомости. — 1857. — № 14. — С. 118—121.
2. Аношко О.М. Посадские постройки Тобольска XVII—XIX вв.: описание, датировка, назначение (по материалам Первого и Второго гостиных раскопов) // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. В 2 т. — Омск, Тюмень, Екатеринбург: Изд-во Магеллан, 2014. — Т. I. — С. 138—142.
3. Данилов П.Г. Некоторые итоги археологического изучения развития Тобольского кремля в XVII—XIX вв. // Исторический сборник. — Тобольск: ТГСПА им. Д.И. Менделеева, 2009. — С. 54—57.
4. Загваздин Е.П. Материалы к истории Гостиного двора Тобольска // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — Т. IX. — Ч. 1. — С. 61—68.
5. Копылов А.Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. — 252 с.
6. Копылова С.В. К истории строительства каменного Гостиного двора в Тобольске (начало XVIII в.) // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1977. — С. 291—301.
7. Манькова И.Л. Дозорная книга 1624 г. как источник для реконструкции православного ландшафта Тобольска // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2. Гумани-

тарные науки. — 2014. — № 3 (130). — С. 212—226.
8. Манькова И.Л. Реконструкция православного ландшафта Тобольска XVII — первой половины XVIII вв.: приходские церкви // Историческая урбанистика: прошлое и настоящее города. — Курган: Курган. Дом печати, 2015. — С. 232—246.

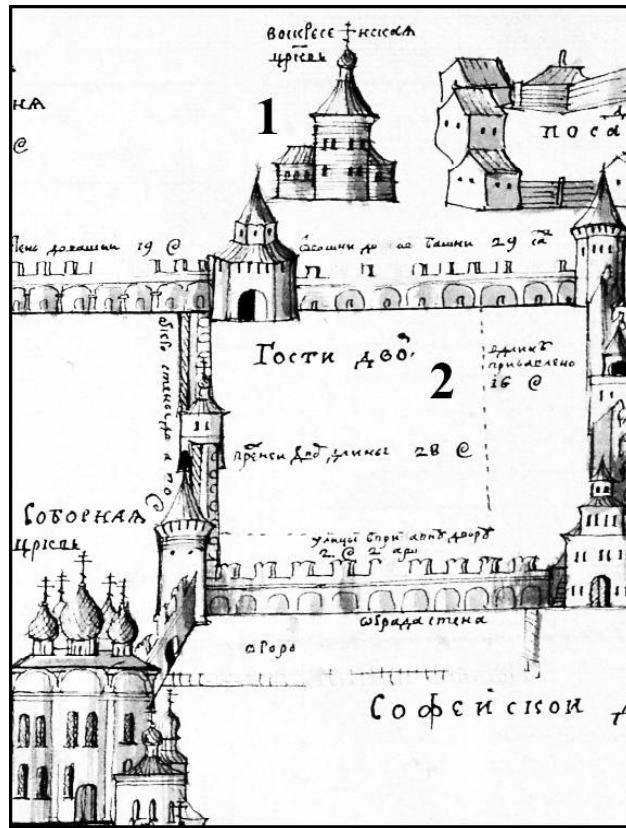
Список источников

1. Балюнов И.В. Отчет о проведении археологических исследований на объекте «Инженерные сети Тобольского кремля» в 2007 году. Тобольск, 2007 // НА ТИАМЗ. № 1746. — 81 с.
2. Балюнов И.В. Отчет об археологических исследованиях на территории Тобольского кремля в 2007 году. Тобольск, 2008 // НА ТКНС. — № 36. — 72 с.
3. Дозорная книга 1624 г. // Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. — М., 1885. — С. 1—10.
4. Есиповская летопись. Абрамовский вид // ПСРЛ. — Т. 36. Сибирские летописи. — Ч. 1. Группа Еси-

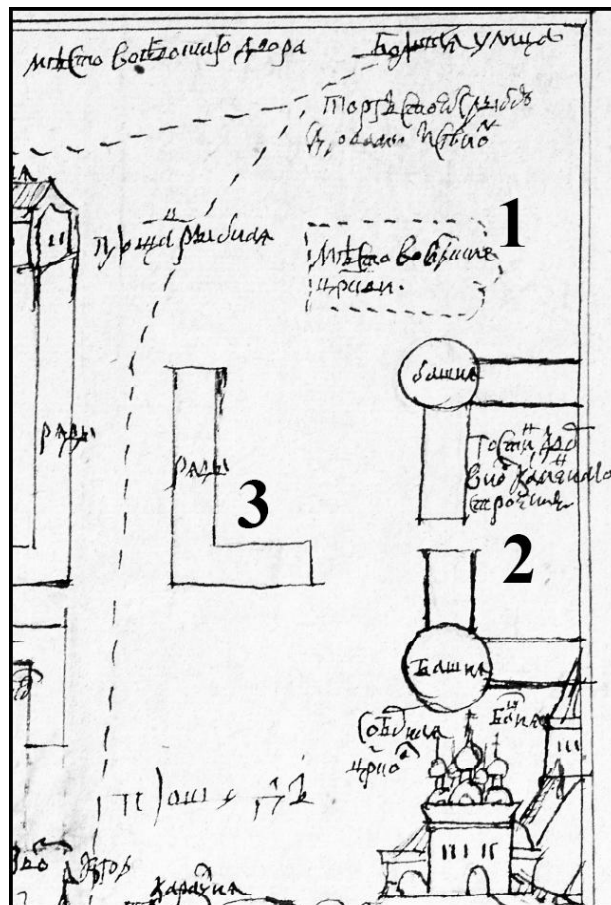
- повской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 91—106.
5. План города Тобольска 1714 года // РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2182.
6. План Тобольского кремля 1728 года // РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2177.
7. Сибирский летописный свод. Головинская редакция // ПСРЛ. — Т. 36. Сибирские летописи. — Ч. 1. Группа Есиповской летописи. — М.: Наука, 1987. — С. 177—231.
8. Служебная чертежная книга 1702—1730 гг. // Гос. публ. б-ка им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, рукоп. отд., Эрмитажное собр. — № 237. — 167 л.
9. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. — СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1882. — 50 л.
10. Remezov, Semen Ul'ianovich, 1642-ca. 1720. Khorograficheskayakniga [cartographical sketch-book of Siberia] // MS Russ 72 (6). Houghton Library, Harvard University, Cambridge, Mass. — 229 p. — URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155> (дата обращения: 07.02.2018).

Ил. 1. Воскресенская церковь на чертеже деревянного города Тобольска По: [Служебная чертежная., л. 135а—136]:
1 — Воскресенская церковь; 2 — Гостиный двор; 3 — торговые ряды

Ил. 2. Воскресенская церковь на чертеже проекта каменного Тобольского кремля По: [Служебная чертежная., л. 20а—21]: 1 — Воскресенская церковь; 2 — Гостиный двор

Ил. 3. Воскресенская церковь на чертеже «Чертеж по указу розмер хресцам и балчикам» По: [Служебная чертежная., л. 25]

- 1 - шурф 2003 г.   ● 2 - шурф 2007 г.   ⬠ 3 - шурфы 2009 г. в Гостином дворе
4 - фонтан на месте стадиона «Строитель»
- ▭ - предполагаемая граница кладбища при Воскресенской церкви   0   40 м

Ил. 4. Участок Воскресенской церкви на современном плане Тобольского кремля. Схема автора

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10022
УДК 93/94

А.П. Дворецкая
Гуманитарный институт
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)
advoreckaya@mail.ru

Восстановление церквей города Енисейска после пожара 1869 года

Аннотация

В статье на основе прижизненных свидетельств очевидцев и архивных источников рассматривается процесс разрушения и восстановления церквей г. Енисейска после пожара 1869 г. «Большой» пожар 1869 г. в Енисейске существенно повлиял на развитие города. Вследствие пожара выгорело почти 6/7 застройки. В огне пострадали и пять церквей города. Новизна исследования состоит в том, что в статье впервые публикуются сведения о масштабах разрушений и формировании облика храмов и обителей, восстановленных после огня, уточняются имена священников, благотворителей, связанных с этим процессом. Обращается внимание, что Синодом были выделены средства на восстановление храмов, но значительная помощь была оказана и населением. Церкви восстанавливали всем миром, что позволяет говорить о христианских принципах соборности и милосердия, общинной взаимопомощи и гражданского сотрудничества, объединении усилий государственных и общественных органов, частных и коллективных благотворителей при восстановлении церквей.

Ключевые слова: храмовое зодчество, памятники Енисейска, Енисейская губерния, XIX в.

A.P. Dvoretzkaya
The Humanitarian Institute of the Siberian Federal University
advoreckaya@mail.ru

Restoration of the Churches of the City of Yeniseysk after the Fire of 1869

Abstract

The article examines the process of destruction and restoration of the churches of the city of Yeniseysk after the fire of 1869, based on the surviving witnesses' testimonies, archival sources. *The Big Fire* of 1869 in Yeniseysk significantly influenced the development of the city. Due to the fire burned almost 6 and 7 building. And five churches of the town were affected in the fire. The novelty of the research is that in the article for the first time information is published on the extent of destruction and the formation of the appearance of temples and monasteries restored after the fire, the names of priests, philanthropists associated with this process are specified. Attention is drawn to the fact that the Synod allocated funds for the restoration of temples. But considerable help was rendered by the population. The churches were restored by the whole world, which allows us to speak about the Christian principles of and charity, community mutual assistance and civic cooperation, uniting the efforts of state and public agencies, private and collective benefactors in the restoration of churches.

Key words: temple architecture, monuments of Yeniseysk, Yenisei province, 19th century

Во второй половине XIX в. произошло одно из самых трагических событий в истории города Енисейска. 27 августа 1869 г. страшная буря и огонь обрушились на город. Неизвестный очевидец тех событий так описывает пожар 27 августа 1869 г.: «В этот день поднялась погода, превратившаяся в страшный ураган... Вдруг раздался зловещий звук набата на всех Енисейских колокольнях. Все затрепетали. Катастрофа началась от возгоревшегося мелкого кустарника за городом; огонь быстро добрался до склада сена, и вот мгновенно образовался огненный шар, рассыпавшийся в разные стороны. Речка Мельничная была разлившись почти на версту, но и чрез нее перебросилось пламя и загло огромные хлебные амбары купца Скорнякова. В это же время и в центре города, в Христорождественском прихо-

де, свирепствовала огненная буря. Не только деревянные, но и каменные здания, железные крыши, церкви и колокола подверглись страшной разрушительной силе грозной стихии. Вся атмосфера имела темно-красный вид и обдавала жгучим дымом, искрами, пеплом, дреевою и головнями. Пламя лилось с каким-то грохотом, треском и свистом, несмотря на то, что, по видимому, в некоторых местах нечему было и гореть» [Записка..., 1889, с. 292—293].

В XIX в. в России пожары являлись самыми распространенными стихийными бедствиями, особенно в городах с преобладающей деревянной застройкой. Были среди них и те, которые называли «Большими». Так обозначались катастрофы, чрезвычайные ситуации, когда уничтожалась большая часть города и погибала значительная часть населения [Дмитри-

енко, 2000, с. 171—173]. В настоящее время такие бедствия выходят за рамки местной и территориальной катастрофы, данные чрезвычайные ситуации являются региональными. С религиозной точки зрения подобные стихийные бедствия являются неким нарушением равновесия, гармонии созданного Богом мира и требуют участия в их ликвидации всем миром.

Первый большой пожар был в Енисейске в 1777 г., когда сгорело 120 домов. Пожар около Троицкой церкви 3 июля 1869 г. удалось затушить. Пострадало только 18 домов. В страшном зареве 27 Августа 1869 г. сгорело более 700 домов, через месяц — 2—3 октября — загорелись дома Калашниковых с многочисленными пристройками. Огонь перебросило на 200 сажен в другой квартал, и пламя истребило еще 24 дома и большой хлебный амбар купцов Щеголевых. Жители постоянно находились в паническом страхе. Нередко раздавался набатный звон только при воображаемой опасности [Записка..., 1889, с. 291].

Для Сибири, в силу холодного климата, такие пожары были особенно страшны. Уничтожение в огне жилищ и запасов продовольствия могло привести не только к разорению, но и гибели людей от голода и холода. Пожар стал знаковым событием истории города. Стихия практически уничтожила старый Енисейск XVIII — первой половины XIX в., превратив в груды пепла 36 каменных и 800 деревянных домов. В пожаре 1869 г., который распространялся со страшной скоростью, погибло, по разным источникам, от 70 до 249 человек. В Воскресенской церкви сгорел священник Илья Хнюнин с женой и сыном, а с ним еще 6 человек. Погибли 6 монахинь Христорождественского монастыря. Стихийное бедствие привело к значительному сокращению населения города. Многие семьи, потеряв дом и хозяйство, переехали из города к родственникам в ближайшие селенья и города Енисейской губернии. На 1870 г. в Енисейске проживало только 4141 чел., таким образом, с 1860-х гг. население города сократилось более чем на треть и только к концу 1870-х гг. численность восстановилась [Аксенова, Гонина, 2017, с. 52].

Во время страшного пожара, когда сгорело 6/7 частей города, пострадали пять церквей. Значительно пострадало и церковное имущество. До пожара в одной только Христорождественской церкви было значительное количество серебряных богослужебных изделий: Царские врата, два паникадила (одно большое, около 4 пудов), гробница, одежда, дарохранительница на престоле, лампы, кресты, евангелия, множество серебряных риз на иконах; всего по описи в храме числилось более 35 пудов серебра. В Воскресенской церкви были также серебряные Царские врата, в иконостасе находилось множество риз и утвари из этого же металла. Такая же ситуация была в Преображенской и Троицкой церквях [Записка..., 1889, с. 299—300].

Почти не пострадали только каменные соборы. Уцелел Богоявленский собор, он стоял «как свеча пред Богом». На нем по-прежнему сияла зеленая крыша, выкрашенная незадолго до пожара. Сильно пострадала колокольня. Как пишет епископ Никодим, «колокола выглядывают в окна, засевши на стене во время падения и не успев ни упасть, ни распотиться» [Записка..., 1889, с. 294].

Сам храм потерял кресты и главы; пять окон вынесла огненная буря, пронесшаяся с юга и запада. Но внутри приделы храма остались совершенно невредимы. Осталась новая позолота иконостаса. Огонь не тронул ни одной иконы; драгоценные ризы на иконах остались совершенно невредимы. «Персть Божий есть sie! (Исх. VIII, 19)», восклицает епископ [Записка..., 1889, с. 298]. А.И. Кытманов добавлял в своей летописи, что в соборе сгорели все деревянные лестницы и иконостасы в боковых приделах [Кытманов, 2016, с. 452]. Но из восьми колоколов расплавились только два малых (3 пуда 19 фунтов и 2 пуда 2 фунта) и один средний (21 пуд) [ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 29. Л. 22—24, 44].

Церкви восстанавливали всем миром. Пострадавшие от пожара 27 августа 1869 г. енисейские церкви уже в 1870 г. начали исправляться, частью на свои церковные суммы, а частью на деньги, пожертвованные церковными старостами [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 367. Л. 4]. Епископ Никодим передал енисейскому духовенству 1000 руб. своих личных денег и написал ходатайство в Синод с описанием бедствия и просьбой о помощи [РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 9691. Л. 13—18].

Все тяготы по восстановлению церкви легли на настоятеля городского собора о. Павла Любомудрова. К храму были приписаны Воскресенская, Преображенская и две кладбищенские церкви [Кытманов, 2016, с. 461].

Единственными церквями, которых не коснулся пожар, стали Успенская и две кладбищенские, хотя огонь к ним подступал тоже. В Успенскую церковь было снесено часть спасенного имущества других храмов [Записка..., 1889, с. 301—302]. Абалацкую кладбищенскую церковь спас ее староста, купец Мингалев, который, несмотря на гибель собственного дома и имущества, ревностно охранял церковь, сидя то на колокольне, то на кровле здания при церкви и заливая сыпавшиеся из раскаленной атмосферы градом искры [Записка, 1889, с. 302].

В пожаре 1869 г. сильно пострадала Воскресенская церковь. Протоиерей В. Касьянов, посетивший Енисейск в феврале 1870 г., писал, что колокольня Воскресенской церкви стоит как прекрасное туловище без головы [Кытманов, 2016, с. 451]. По меткому замечанию В. Касьянова, она стояла «развенчанная» — без крыши, без глав, без окон и дверей [Записка..., 1889, с. 294]. Сгорели все приделы, кроме Казанского, сгорели иконы, за которые купец Родюков заплатил 15000 руб. [Кытманов, 2016, с. 452].

Церковную паперть занял огромный колокол, упавший с колокольни. Он провалил все своды и лежал на боку в мусоре. Правда, сам колокол уцелел, но лежал без языка. На выходе из Благовещенского придела был найден приходской священник Илья Хнюнин: его убило пламя, ворвавшееся в церковь из колокольни, в то время как он с дароносицей бежал из церкви. Его узнали по воротнику, кусочек которого остался у шеи. К сожалению, тело его сильно подверглось пожару, не уцелела даже половина костей. Рядом сгорели его жена и сын.

Уцелел только придел Казанской Божией Матери. В этом приделе остался невредимым даже занавес над Царскими вратами, не растопились и свечи. «Покланяюся Тебе, Христе!», — пишет Владыка, — «Ты

здесь был в часы крушения храма и запретил огню коснуться придела, посвященного честной иконе Божественной Матери Твоей!» [Записка..., 1889, с. 300].

Чудом осталась реликвия — икона Казанской Божией Матери, которая, по преданию, была принесена из Устюга, и в память торжественной встречи ее в Енисейске был учрежден 8 июля вокруг города крестный ход. Ранее он совершался из Воскресенской церкви, а в позднейшее уже время из собора [Кытманов, 2016, с. 453].

В 1873 г. был освящен Благовещенский придел, иконостас для которого сделан на средства П.Г. Фунтосова; в 1876 г. — Воскресенский придел, в нем был устроен иконостас на пожертвования Н.Н. Дементьева; в 1877 г. — верхний придел с новым иконостасом, финансировал который А.В. Елтышев [Кытманов, 2016, с. 506]. К сожалению, уникальные настенные росписи, покрывавшие ранее стены и своды главного храма и алтаря, восстановить не удалось [Буланков, 1999, с. 181].

Несмотря на все произошедшие события, в храме сохранился ряд старинных икон: Св. Великомученицы Варвары, Священномученика Харлампия, Александра, человека Божия, Священномученика Власия и преподобной Пелагии — самые ранние упоминания о них относятся к 1790 г. Кроме того, остались старинные ризы, плащаницы, дарохранительница и другие предметы, относящиеся к XVII в., но не имеющие четкой датировки [Очерки истории..., 2009, с. 123].

Значительно пострадала и Преображенская церковь: «Преображенская, — тоже огромная, изящная, и также опустошенная» [Записка..., 1889, с. 294]. Возле входа лежал и преграждал путь его упавший с колокольни главный колокол, весивший 250 пудов. Он лежал на боку, без языка, но не разбитый [Записка..., 1889, с. 299].

В пожаре 1869 г., как указывает А.И. Кытманов, сгорело все: иконостасы и иконы в них, ризница, утварь, библиотека и архив. Сохранились только Св. Антиминсы и ценное напрестольное евангелие, напечатанное в 1703 г. [Кытманов, 2016, с. 453]. Евангелие сохранялось в церкви до революции 1917 г. Всего убытка причинено пожаром по приблизительной оценке на 50000 руб. [Краткое описание приходов Енисейской епархии, 1916, с. 200].

После пожара Преображенская церковь была приписана к Богоявленскому собору до 1877 г., затем стала вновь самостоятельной. В 1872 г. церковный староста Степан Кузьминых отстроил заново главный Преображенский храм; в 1875 г. восстановлен на средства И. Кытманова придельный Знаменский храм. Иконостас и все украшения изготовлял местный умелец Григорий Барышевцев. Впоследствии в 1882 г. на средства того же Кытманова был восстановлен и освящен Вознесенский придел [Кытманов, 2016, с. 461, 506].

Четвертая совершенно опустошенная пожаром церковь — Троицкая [Записка..., 1889, с. 294]. Как указывает А.И. Кытманов: «В Троицкой церкви сгорело все» [Кытманов, 2016, с. 454]. Остались неповрежденными только два образа: маленький образ Божией Матери, писанный на дереве, стоящий над южной церковной дверью; другой образ — Знамения Божией Матери, на восточной стороне храма, писанный на самой стене, над алтарем. Прихожане успели

вынести храмовый образ Пресвятой Троицы в богатой ризе и еще образ Воскресения Христова, спасли огромную хоругвь [Записка..., 1889, с. 297—298].

Храм начал восстанавливаться сразу после пожара. В 1874 г. был заново освящен придел Живоначального Источника Божьей Матери [Кытманов, 2016, с. 461, 506]. После пожара это был единственный храм Енисейска, остававшийся не отремонтированным в течение 15 лет. Храм был восстановлен в 1883 г. и очень красиво отделан: весь холодный храм выкрашен светло-голубой краской, а купол украшен мелкими золотыми звездочками. Новый золоченый иконостас включал иконы, выполненные местными живописцами [Очерки истории..., 2009, с. 138]. Имена большинства из них не сохранились, но в церковных документах от 1881 г. упоминается енисейский иконописец Бутусин, выполнявший заказ Енисейского епархиального попечительства [АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88. Л. 16].

Пожар 1869 г. уничтожил все строения в Енисейском Христорождественском монастыре. На Христорождественской церкви остались кресты, хотя и покосились. Внутри храм весь выгорел, крышу сорвало, окна стояли пустые. Тут же остались два обгорелых остова каменных домов женского монастыря [Записка..., 1889, с. 293].

Колокола попадали или растопились. И на колокольне и на церкви осталось по одной главе с крестом. Верхний этаж с тремя престолами сгорел, но нижний этаж от огня пострадал частично. Главный престол, в середине, во имя Рождества Христова, остался совершенно невредим. Правый, в южной стороне, великомученика Никиты — сохранен, но с повреждениями. Значительно пострадал главный образ св. Никиты, стоявший во главе иконостаса, у стены и окна, но не сгорел и не зажег иконостаса: иконостас и все иконы его уцелели. В алтаре жертвенник значительно обгорел, но не сгорел, а сам престол остался совершенно невредим, хоть и находился менее чем в двух аршинах от жертвенника.

Налево, в северной стороне храма, придел во имя Рождества Богородицы был уничтожен пожаром наполовину: левая северная сторона его с иконами и половина Царских врат совершенно оказались истреблены огнем; правая же сторона и другая половина Царских врат совершенно остались целы и с иконами. Престол и жертвенник сгорели совершенно [Записка..., 1889, с. 302—303]. Как указывает А.И. Кытманов, во второй половине этого придела сохранилась икона Спаса Нерукотворного, принадлежащая монастырю [Кытманов, 2016, с. 453].

Енисейская Христорождественская церковь после пожара стала приходской. Как пишет в Записке епископ Никодим: «Стоит поразмыслить: прихожане сей церкви, почему-то тяготясь пребыванием женского монастыря около их церкви, ходатайствовали о передаче ее им одним, без участия монастыря: им это уступлено в нынешнем году. Но вот и другое решение!» [Записка..., 2016, с. 305].

После пожара церковь была отремонтирована и украшена за счет благотворителей, во многом сохранив свой первоначальный облик. В 1872 г. жителями Енисейска Щукиными начал исправляться обгорелый иконостас, был восстановлен придел Рождества Богородицы. На средства, вырученные от продажи го-

релого серебра и меди и пожертвования разных лиц, начинает отстраиваться придел во имя Чудотворца Николая. Местный живописец Барышевцев построил иконостас, который обошелся в 4275 руб., а Бутусин написал 31 икону за 1200 руб. Придел освящен в 1877 г. Иконостасы к двум верхним боковым приделам сделаны Бутусиным за 3150 руб. Петропавловский придел освящен в 1878 г., Владимирской Божией Матери — в 1879 г. [Кытманов, 2016, с. 461, 506].

Пожар кардинально изменил судьбу Енисейского Христорождественского монастыря. Была выстроена новая престольная церковь, а сам монастырь получил другое название. В связи с тем, что монастырская каменная церковь была построена во имя Иверской Божией Матери, 11 октября 1873 г., по благословению Св. Синода, Енисейский Христорождественский женский монастырь был переименован в Енисейский Иверский девичий монастырь 3-го класса [Федоров, 2017, с. 53].

19 октября Преосвященный Никодим побывал на пепелище Христорождественского женского монастыря: «Приехали к Христорождественской церкви, при коей от основания города доселе существовал женский монастырь. Разрушена пожаром и сея церковь. При монастыре было училище девиц духовного звания. Для него лишь отстроено было хорошее деревянное здание в полтора этажа. Как огненный ураган охватил окрестность и когда вдруг запылала и церковь и монастырь, — монахини бросились куда какая успела. Шесть из них лишились жизни» [Записка..., 1889, с. 303—304]. Над могилою старца Даниила, где был поставлен шатер, сгорели все деревянные детали. Остался каменный остов [Записка..., 1889, с. 305].

Очевидец событий, перечисляя жертвы пожара, так рассказывает об этом: «На каждой улице лежали обгоревшие трупы, как головни, а иных в мусоре и пепле не отыскалось совсем. <...> В Христорождественской церкви, на полу, лежал труп задохшейся монахини Феофании, а недалеко от нее был труп женщины, как бы стоявшей на коленях. Пред входными воротами в церковь лежали два трупа: монахини Павлы, а другой — мужской. В ограде около ворот лежали сгоревшая женщина и трапезник Поляков. В левом пределе нашли труп монахини Иустины. В кельях оставалась слепая монахиня Ксения, но и костей ее не отыскали, а под берегом речки Мельничной найдена тонувшая монахиня Татьяна» [Записка..., 1889, с. 296—297].

Во время пожара монастырская воспитанница Ксения Лукьянова спасла от смерти восьмерых девочек-сирот, воспитанниц монастырского училища. Из дневника епископа Енисейского и Красноярского Никодима (1869 г.): «Восемь отроковиц училища [при женском монастыре] из коих некоторым только по семи лет, спасла мужественная и разумная девица Ксения, одна из обитавших в монастыре. Сообразив быстро смертную опасность, она приказала одеться девочкам и идти за нею. С ними она направилась на выход из города на восток, и около версты бежала по улице, направо и налево загоревшейся, в мраке огненной бури, с бегущими и едущими жителями города, запрудившими улицу и выбралась благополучно к Иерусалимскому кладбищу, неся на руках то одно, то другое дитя, уставшее и падавшее от изне-

можения. Отсюда Ксения бежала еще семь верст до села Верхнепашенного, где священник Илия и супруга его приняли их и успокоили. Эта Ксения лет 30, девица, семь лет живущая в монастыре на обещании, дочь крестьянина Михаила Лукьянова деревни Изыкчуль Назаровской волости Ачинского округа. Да сохранится в потомстве имя ее и подвиг ее, разум и человеколюбие ее, а наипаче всего воздействующее промышление Божие: се не воздремлет <...>. Храни младенца Г<оспо>дь: смирился и спасен <...>» [ГАКК. Ф. 561. Оп. 1. Д. 18. Енисейск. Рукопись архиепископа Никодима. 1869]. Никодим выхлопотал у Синода для нее пособие — 100 руб., по тем временам достаточно значительная сумма [РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 9691. Л. 17—17 об.].

После огненной трагедии, уничтожившей весь монастырь, сестры и послушницы первоначально нашли приют сначала в церковной сторожке в с. Верхнепашенном, затем в селе Казачинском, а оттуда в Красноярске, где епископ Никодим предложил им основать для себя обитель [Кытманов, 2016, с. 454].

В Казачинском монахинь посетил епископ и передал им 100 руб. на обустройство на новом месте [Записка..., 1889, с. 305]. Позднее, когда сестры переехали в Красноярск, настоятельница-игуменья и монахини жили в частном доме, нанимаемом за 250 руб. в год, о чем преосвященным Никодимом было донесено Синоду [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 367. Л. 3—4].

В конце 1869 г. монастырю было выделено Синодом 4500 руб. на исправление корпусов монастыря. В одном из этих корпусов была разрешена постройка домово́й церкви для монашествующих. Был разрешен и сбор добровольных пожертвований двумя сборщицами [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 367. Л. 3—4].

Распоряжение, по-видимому, задержалось в пути, и в январе 1870 г. архиерей Павел, вновь назначенный вместо Никодима, приехал в Красноярск и при представлении ему новой игуменьи Афанасии объявил ей, что Енисейский монастырь велено закрыть, а монахинь разместить по другим монастырям. Игуменья была поражена этой вестью, но в том же месяце архиерей Павел привез ей на квартиру телеграмму обер-прокурора Синода, в которой тот извещал, что по ходатайству генерал-губернатора М.С. Корсакова разрешено возобновить женский монастырь в Енисейске и ему назначено в пособие 1500 руб. Енисейское епархиальное начальство выделило 675 руб. Пожертвовали деньги купцы И.И. Стахеев, И.Г. Пискунов, Т.И. Щеголева и др. Значительную сумму собрали и добровольных пожертвований с населения по Сибири и остальной России — 5048 руб. 53 коп.

Игуменья приступила, не отлагая времени, к обновлению монастыря. Пожертвования потекли обильно: елабужский купец Стахеев пожертвовал 10000 руб., неизвестный благотворитель пожертвовал капитал на устройство в монастыре отдельной церкви, многие другие лица жертвовали деньгами, иконами и проч. Была заложена каменная церковь в каменном корпусе, приобретенном игуменьей Девворою, колокольня устроена вблизи церкви, но отдельно от нее [Кытманов, 2016, с. 477].

Новый храм был выполнен в стиле эклектики. Над трапециевидным корпусом воздвигнут деревянный восьмерик с круглыми проемами, завершен-

ный шатром с главкой. Второй шатровый восьмерик меньшего размера возвышался над алтарной частью. Примыкающая с запада башенка монастырской ограды была переделана в звонницу, завершённую шатром с высоким шпилем. В 1872 г. храм был освящен и обитель восстановила свою деятельность [АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 31]. Игуменья Афанасия позаботилась и об украшении храма дорогими иконами в серебропозолоченных ризах, ценной утварью и богатой ризницей [Евтихийев, 1890, с. 371—380].

По мнению А.В. Высоцкого, первоначальный облик Иверской церкви, созданный, предположительно, архитектором Г.Я. Судовским, нес черты, близкие к чертежам К.А. Тона в изданиях 1850-х гг. К числу заимствований следует отнести восьмигранную форму барабанов глав, форму оконных проемов, трехгранную форму оконных перемычек, рисунок оконных обрамлений, форму крыльца на южном фасаде здания. Характерной чертой интерьера Иверской церкви, сближающей ее с «тоновскими образцами», в частности с собором Рождества Богородицы в Красноярске, служил редкий прием, усиливший эффект вертикального развития подкупольного пространства: нижняя часть стен барабана храмовой главы расширялась внутрь здания [Высоцкий, 2015, с. 252—253].

Храмовая икона, размером 1 аршин на 15 вершков, была написана в Москве по заказу епископа Никодима, освящена им же. Икона располагалась в иконостасе слева от Царских врат. Купец Иван Герасимович Гадалов в 1880 г. пожертвовал для нее драгоценные венцы и оклад [Исаева, 2008, с. 108].

Спасский монастырь также пострадал. Из записки Преосвященного Никодима, епископа Енисейского и Красноярского, мы узнаем, что церковь над бывшими некогда святыми воротами (Захарьевская) сгорела совершенно. Колокольня соборной монастырской церкви тоже сгорела; большой колокол наполовину растопился и лежит на земле. Южная сторона собора Спаса Нерукотворенного опалена, полкрыши сорвано, верхний купол с крестом снесен; но внутрь церкви огонь не проник, несмотря на то, что она стояла среди трех огней: с востока пылала Захарьевская церковь, с запада — колокольня, слитая с церковью, с юга — весь огненный вал пылающего города. Монастырем кончалась черта разрушения пожаром города. Сами монахи размещались в небольшом деревянном домике, построенном для монастырской прислуги: в нем скопилось вся братия. Было спасено и все церковное имущество, хоть и не без повреждений [Записка..., 1889, с. 294]. А.И. Кытманов в своей летописи указывал, что после пожара в уцелевшем каменном корпусе монастыря некоторое время помещались присутственные места [Кытманов, 2016, с. 454].

Из отчета епископа Павла за 1870 г. мы узнаем, что уже в этом году поврежденная пожаром главная монастырская Спасская церковь начала исправляться на собственные монастырские средства, а также на плату за сдачу монастырского корпуса под присутственные места. На церкви были залиты все своды и купола известью с алебастром, выстланы новым кирпичом все стены и сделана новая железная крыша [РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 367. Л. 3—4].

Однако пожар подорвал все монастырское хо-

зяйство, и без того достаточно слабое, и для восстановления Спасского монастыря настоятелем был назначен эконо́м Енисейского Архиерейского дома игумен Савва, сумевший подправить материальное благополучие обители, за что он был награжден наперсным крестом от Святейшего синода [Федоров, 2017, с. 46—47].

В 1875 г. после пожара была восстановлена надвратная Захарьевская церковь, капитально перестроен верхний этаж корпуса и разобрано деревянное крыльцо с «балконом» у южного фасада. Лестница размещена в деревянной пристройке у западного фасада [Храмы г. Енисейска...].

Автор приходит к следующим выводам на примере локального социума Енисейска. Поступки человека, попавшего в огненную стихию, определялись не только естественным инстинктом самосохранения, но и осознанием ответственности за жизнь окружающих его людей и сохранность коллективного материального и духовного благосостояния. Верующие и служители церкви пытались спасти енисейские церкви, выстроенные на их пожертвования и благолепно украшенные. Многие жители города и представители духовенства оказались на высоте своего призвания. В случае действительной материальной помощи и реальной социальной поддержки тяжесть утрат значительно снижалась, а восстановление проходило значительно быстрее. Верующие и духовенство стремились восстановить церкви и монастырские комплексы в том виде, в котором они прибывали до пожара.

Список литературы

1. Аксенова А.В., Гонина Н.В. Енисейск в последней трети XIX — начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. — Красноярск: Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2017. — 279 с.
2. Буланков В.В., Шумов К.Ю. Енисейск. Очерки по истории развития и застройки города. — Красноярск, 1999. — 216 с.
3. Высоцкий А.В. История строительства объекта культурного наследия «Церковь Иверской Богородицы. 1871—1872 гг.» расположенного по адресу: ул. Ленина, 100. г. Енисейск, и актуальность реставрации и приспособления для современного использования // Архитектурное наследие Сибири: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. Междунар. дню памятников и исторических мест. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. — С. 251—254.
4. Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX — первой трети XX века: Управление, экономика, население. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. — 284 с.
5. Евтихийев Д. Игуменья Енисейского Иверского монастыря Афанасия // Енисейские епархиальные ведомости. — 1890. — № 22. — С. 371—380.
6. Записка Преосвященного Никодима о посещении им «разоренного от пожаров» города Енисейска // Енисейские Епархиальные Ведомости. — 1889. — № 17. — С. 291—305.
7. Исаева Н.Н. Привозные иконы и приезжие мастера в Приенисейском крае (XVII—XIX вв.) // IX Рождественские образовательные чтения в Красноярске:

Русская православная церковь и будущее России. — Красноярск: Ситалл, 2008. — С. 105—115.

8. Краткое описание приходов Енисейской епархии. — Красноярск: Эл.-тип. Епархиального братства, 1916. — 243 с.

9. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии, 1594—1893 год. — Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. — 850 с.

10. Очерки истории г. Енисейска и Енисейского уезда (XVII—XIX вв.). — Енисейск: Енисейская типография, 2009. — 260 с.

11. Федоров И.Г. Очерки по истории монастырей Приенисейской Сибири в досоветский период. — Красноярск: Поликом, 2017. — 157 с.

12. Храмы г. Енисейска [Электронный ресурс]. — URL: <http://biblen.ru/index.php/kraevedenie/hrami.html> (дата обращения: 14.11.2017).

Список источников

1. АГЕ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 88.

2. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 23.

3. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 29.

4. ГАКК. Ф. 561. Оп. 1. Д. 18. Енисейск. Рукопись архиепископа Никодима. 1869 г.

5. РГИА. Ф. 565. Оп. 3. Д. 9691.

6. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 367.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10023

УДК: 908

Т.Б. Емельянова
 Краеведческий музей «Центр исторической
 информации» (р.п. Сузун)
 mkuktsii@mail.ru

Завод-Сузун как горнозаводское поселение: особенности застройки и сохранения исторического наследия

Аннотация

Статья освещает особенности застройки единственного на территории современной Новосибирской области горнозаводского поселения — р.п. Сузун. Раскрыто влияние существования горнозаводского комплекса на планировку поселка. Представлены материалы по сохранению культурного, исторического и архитектурного наследия на территории р.п. Сузун на основании выделения объекта культурного наследия «Достопримечательное место Сузунский медеплавильный завод и монетный двор».

Ключевые слова: Завод-Сузун, горнозаводское поселение, планировка, достопримечательное место

T.B. Emelyanova
 "The Center of Historical Information" (Suzun)
 mkuktsii@mail.ru

The Suzun Plant as a Mining Community: Features of Development and Preservation of Historical Heritage

Abstract

The article deals with the features of the construction of the only mining community on the territory of the modern Novosibirsk region — the town of Suzun. The influence of the mining complex on the layout of the town is revealed. The materials on the preservation of cultural, historical and architectural heritage on the territory of Suzun are presented on the basis of the selection of the cultural heritage site "Suzun Copper Plant and Mint".

Key words: Suzun plant, mining community, layout, place of interest

Датой основания р.п. Сузун является 31 января 1764 г. Само его возникновение и развитие было тесно связано с горнозаводской промышленностью Алтая, определявшей не только экономический облик поселения, но и состав населения, уровень культуры, образования, а также систему планировки.

Начало монетному делу Сибири положил именной указ императрицы Екатерины II от 7 ноября 1763 г. Окончательно место под единственный в Сибири монетный двор и медеплавильный завод было определено 27 марта 1764 г. А уже 9 мая 1764 г. канцелярия горного ведомства дала наставление маркшейдеру Н. Бахареву как главному смотрителю начинать строительство. «Строить с упреждением планов, хорошо, к прочному строению надежно. Материалы беречь, людей использовать полностью...» [Ведерников, Пережогин, 2009].

Вокруг рабочей зоны горного комплекса начинает разрастаться и сам поселок. Его проектирование осуществлялось архитектором Фроловым в Санкт-Петербурге. Столичные специалисты учитывали каждую особенность рельефа местности.

Как и все заводские поселки Алтайского округа, Сузун строился строго по плану: предзаводская территория, завод, поселковая площадь, селитьба.

Первым и главным объектом комплекса стала плотина, составлявшая композиционную ось любого горнозаводского поселка XVIII в. Относительно нее впоследствии располагались производственные и жилые здания и сооружения. Искусственный пруд, образованный дамбой для подачи воды к механизмам заводских фабрик, располагался над плотиной, ниже были построены производственные и вспомогательные помещения медеплавильного завода и монетного двора. Плотина имела длину более 100 саженей, ширину 12 саженей, высоту 3 сажени. и была оборудована сложной гидравлической системой для подачи воды из пруда к механизмам заводских фабрик.

Плотинная схема, используемая в строительстве заводов XVIII в., в общих чертах была одинаковой во всех горнозаводских поселениях. Но в сузунской плотине была особенность, отличавшая ее от других подобных строений. Специалисты Урала и Алтая, возводившие плотину под руководством инженера-гидротехника Д. Головина, изначально расположили ее вспомогательные сооружения таким образом, чтобы обезопасить заводскую территорию в случае паводка. С этой целью водоспуск плотины (вешняной прорез), ряжи и сливной мост были вынесены за

пределы заводской территории. Этот факт говорит о более совершенной конструкции сузунской плотины в сравнении с подобными сооружениями прочих заводов (Барнаульский, Колыванский и др.), которые имели вешняной прорез в средней части, рядом с основным рабочим.

К 1798 г. система для пропуска талых вод была усложнена: плотину удлинени и в ее продолжении был устроен второй вешняной прорез. Прорезы сооружались широкими, чтобы обеспечить пропуск максимального количества талой воды. Водоспуски — наиболее уязвимая часть плотины, подверженная разрушениям в случае наводнения, потому к их сооружению относились со всей тщательностью. Но, несмотря на прилагаемые усилия, в истории Сузуна было несколько случаев сильнейших паводков с серьезными последствиями не только для завода, но и для поселения в целом.

С нижней стороны пруда, за плотиной (к западу от нее) располагалась заводская крепость. Крепость имела стены в виде бревенчатого частокола с воротами; была построена в виде неправильного четырехугольника. В крепости располагались: плавильная фабрика, выстроенная в виде каре с длинным помещением вдоль плотины; заводская контора; денежная кладовая; гауптвахта; магазины (склады); рудоприемная изба; столярный цех; пробирная.

Внутри большой крепости была построена крепость поменьше — собственно монетный двор. В крепость можно было попасть только через одни ворота, у которых стояла караулка и гауптвахта. В длинном помещении монетного двора имелись следующие цеха: расковочный, плавильный, прорезной, печатный, якорный, для резьбы чеканов. Рядом располагались слесарная и счетная избы, а также казарма для мастеровых [Шаповалов, 2011, с. 7].

На всех сохранившихся планах и видах Заводской поселок представлял собой единую, регулярно-планировочную композицию с четкой системой прямоугольных улиц (ил. 1). Левобережная часть имела сильно покатуую поверхность, правобережная — равнинную. Эти особенности рельефа повлияли на систему водоотведения и застройки улиц поселка. Улицы левобережного жилого района располагались вдоль склона и левого берега пруда. Улицы правобережной части были параллельны юго-западной заводской ограде и сбегали к реке.

Селитьбу — жилую часть поселения — условно можно было разделить на три основных квартала. В первом квартале, расположенном на левом берегу р. Нижний Сузун, проживали рабочие монетного двора. К этой части селитьбы примыкали и стены «денежной кузни». Все проходы, тропинки были расположены таким образом, чтобы обслуживающему персоналу было удобно добираться до производства. Второй квартал располагался на правом берегу и примыкал к стенам медеплавильного завода. Здесь, соответственно, проживали мастеровые, работающие в его цехах. Все улицы и проходы в этой части селитьбы ориентированы были именно на движение к воротам завода. В каждом квартале располагался кабак, где жители могли провести свободное время. Вблизи обязательно находилась караульная будка для соблюдения порядка и охраны. На этой же стороне, на берегу притока р. Пивоварки, располагался третий

квартал. Его часто называли «богатая слободка», хотя по численности домов он был небольшим. Самая крупная центральная усадьба предназначалась для всех управляющих монетным двором и медеплавильным заводом, а рядом располагались казенные квартиры высших офицеров горного корпуса.

Таким образом, в основе расположения жилых кварталов лежал признак приложения труда на медеплавильном заводе, а также система безопасности монетного производства. По массивам застройки определялись профессии рабочих с объединением индивидуального посемейного проживания на отдельном земельном участке усадебного ограничения и типовым набором элементов застройки: жилой дом с палисадом, хозяйственный двор с постройками для домашних животных (корова, овца, свинья), птицы (куры, утки, гуси) и овощного огорода (картофель, капуста, морковь и др.), обеспечивавшими питание семьи. Размер участка поместья имел строго определенную площадь — 100—200 кв. саженей. — и длину по улице — 10—15 саженей. и в глубину участка — 10—15 саженей.

К 1769 г. в поселке уже было 322 двора, 488 семей, 1050 душ мужского пола и 909 женского. Из них 188 семей мастеровых людей, 163 крестьянских семьи, 61 — воинской команды, чиновников — 13 семей, староверов — 32 семьи [Кондрашова, 2015, с. 286].

В 1770 г. известный российский ученый, исследователь и путешественник П.С. Паллас писал: «По правую сторону Сузуна стоит вне заводского округа на плотине контора. <...> Далее стоят потребные запасные дворы, гауптвахта, и по другой линии офицерские дома также и постоянные места. Все простые жилые дома, коих число простирается до двухсот, стоят частью ниже завода по правую сторону Сузуна, частью по левую руку пруда на регулярные и пространные ряды разделенно и составляют с казенными строениями и с построенною к южному концу плотины большою церковью порядочный длинный четырехугольник, который теперь обнесен рогатками. Почти в каждом доме есть свой кладезь. По западную сторону простираются прекрасные луга, и по сию сторону лежит кирпичня» [МКУК ЦИИ, ОФ 179, с. 415].

Три транспортных магистрали связали два жилых района (право- и левобережный) с заводом и между собой. Одна из них прошла вдоль северо-восточной, вторая — вдоль северо-западной сторон производственных площадок. Третья магистраль подошла к юго-западной окраине завода — к месту, где были вспомогательные службы, склады сырья и топлива, подсобных и строительных материалов.

Места общественного пользования — храм с колокольней, купеческие лавки — были расположены на базарной площади левого берега, в непосредственной близости к селитьбе рабочих монетного двора. Именно на этой площади с 1836 по 1924 г. проходила знаменитая Никольская ярмарка.

Проведение большого торгового торжества сказалось и на особенностях архитектурного стиля сузунских домов — это наличие «крытых» дворов. Дело в том, что приезжие купцы останавливались на постой у местных жителей. Это давало им прекрасную возможность заработать, поэтому постояльцев принимали с охотой. А чтобы разбойники и воры не

видели повозок с товаром, дворы стали закрывать от людских глаз. Это тип постройки настолько укоренился, что дожил до наших дней. Даже в ближайших поселениях к Сузуну такая особенность не наблюдается.

Жилые улицы непосредственно или с помощью переулков связывались с водоемами. Длина улиц составляла 1,5—2 км, ширина проезжей части улиц была достаточна для проезда двух повозок. Улицы были вымощены шлаком с завода, имели водоотводные канавы, а пешеходы ходили по деревянным тротуарам. Таким образом видно, что вопросами благоустройства в поселении занимались с самого начала его существования.

Исторические особенности застройки поселка Сузун сохранились и после закрытия монетного двора (1847 г.) и медеплавильного завода (1914 г.). Они продолжали оставаться основой его генерального плана и на протяжении последующих десятилетий.

На протяжении XX столетия мост, соединяющий два берега плотины, ремонтировали дважды. Связано это было с паводковой ситуацией. Так, в 1964 г. его полностью разрушила большая вода.

Первые же целенаправленные шаги по сохранению исторического наследия были осуществлены в 2008 г. На большом внешнем прорезе провели ремонтные работы, сохранив при этом «окошки», где видна старинная кладка из бутового камня.

В 2010 г. для обеспечения сохранности объектов культурного наследия, расположенных на территории р.п. Сузун, связанных с горнозаводской промышленностью, была утверждена программа «Создание музейно-туристического комплекса "Завод-Сузун. Монетный двор"». Сохранившиеся объекты были включены в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации по виду «достопримечательное место». На сегодняшний день в него входят: территория, на которой располагался заводской комплекс, останки одного из цехов медеплавильного завода, сохранившиеся рабочие сооружения середины XVIII в.: плотина, заводской пруд, береговые ряжи, прорезы для спуска весенних вод. Данные сооружения до сих пор являются основой планировочной структуры поселка Сузун, его историческим центром.

За годы реализации данной программы были успешно проведены следующие мероприятия:

1. В 2010—2011 гг. состоялись археологические раскопки на месте, где когда-то плавился металл и чеканилась монета. В результате были получены интересные артефакты о заводских строениях, методах их постройки и использования. На основе полученных археологических данных в 2013—2014 гг. была проведена реконструкция и музеефикация единственно сохранившегося производственного цеха Сузунского медеплавильного завода. Сегодня в нем функционирует музей «Медеплавильный завод».

2. В октябре 2016 г. двери распахнуло здание монетного двора. В нем разместили полномасштабные модели действующих станков и механизмов монетного производства конца XVIII — первой половины XIX в., а также нумизматическую экспозицию «Монетная кладовая», охватывающую временной период с XVI по начало XX в.

3. Некоторые изменения претерпело здание краеведческого музея: оно было приспособлено под музей «Дом и контора управляющего Сузунским медеплавильным заводом». Это был первый объект культурного наследия, который вошел в состав музейно-туристического комплекса. Здание являлось жилым домом всех управляющих Сузунского горного комплекса. Намеченная его реконструкция позволит создать аутентичную атмосферу XIX в.

4. На протяжении реализации программы была проведена работа по строительству малых архитектурных форм (17 октября 2013 г. — открытие памятника Сибирской монете (ил. 2); 2015 г. — установка декоративного указателя на территории исторического центра; 2017 г. — размещение туристических дорожных знаков к объектам культурного наследия и другой ориентирующей информацией) и благоустройству территории достопримечательного места «Сузунский медеплавильный завод и монетный двор».

Включение исторических объектов в достопримечательное место дает возможность решить многие проблемы их комплексной охраны и возрождения исторических ландшафтов р.п. Сузун, а также способствует их интеграции в современную жизнь.

Сегодня исторический центр становится доминантой в туристической привлекательности поселка. Памятники и туризм рассматриваются как две стороны одной задачи — сохранения и показа объектов наследия. В основе лежит идея органического слияния исторической и туристической зон. Предприятия туризма должны войти в структуру застройки таким образом, чтобы ни в коей мере не нарушить исторический облик и силуэт.

В 2019 г. поселок Сузун отметит свое 255-летие. Заложенные особенности развития поселка в самом начале его существования и сегодня во многом определяют его «лицо». Он имеет свою индивидуальность, свой образ, который тесно связан с его историческим прошлым. И поэтому р.п. Сузун становится все больше и больше привлекателен для туристов не только Новосибирской области, но России и зарубежья.

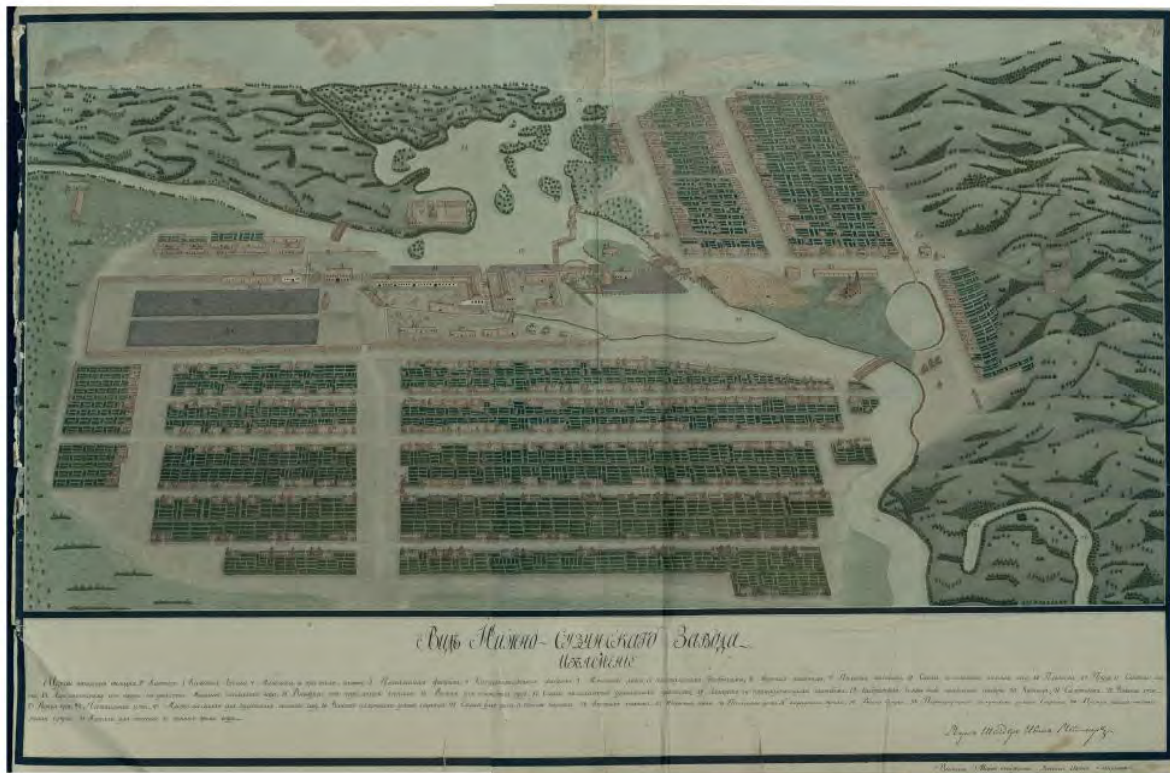
Список литературы

1. Ведерников В.В., Пережогин А.А. Где было производство горное, стоит слобода Сузунская // Историческая энциклопедия Сибири. — 2009 [Электронный ресурс]. — URL: http://irkipedia.ru/content/kolyvano_voskresenskie_altayskie_zavody_i_rudniki_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 23.04.2018).
2. Кондрашова С.А. Первые улицы горнозаводского поселка // Новосибир. архив. вестн. — 2015. — № 44. — С. 285—291 [Электронный ресурс]. — URL: http://suzun.nso.ru/sites/suzun.nso.ru/wodby_files/files/page_1360/vestnik_no44.pdf (дата обращения: 09.04.2018).
3. Шаповалов А.В. Сузунский медеплавильный завод и монетный двор // Каталог коллекций Сузунского краеведческого музея. — Новосибирск: Сибирское музейное агентство, 2011. — 112 с.

Список источников

МКУК ЦИИ. ОФ 179. П.С. Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства по велению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Часть вторая. Книга вторая. 1770 г.

Ил. 1. Вид Нижне-Сузунского завода. 1798 г. Автор — маркшейдер Иван Мейншнер. Цифровая коллекция МКУК ЦИИ

Ил. 2. Памятник Сибирской монете, Сузун, 2017 г. Автор снимка — Ю.С. Карабасов. Цифровая коллекция МКУК ЦИИ

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10024
УДК: 550.384.32

Е.П. Загваздин
Тобольская комплексная научная
станция Уральского отделения РАН (Тобольск)
kulay_arx@mail.ru

Новые данные об устройстве фортификаций Тобольского кремля (по материалам исследований 2006 года)

Исследование выполнено при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001
«Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири
(I тыс. до н. э. — II тыс. н. э.)».

Аннотация

В статье вводятся в научный оборот материалы исследований, проведенных в Тобольском кремле в 2006 г. на месте спрямления южного участка крепостной стены. Эта часть крепостной стены новая, ее восстановили во время реставрационных работ 1950—1960-х гг. Ценным открытием оказалось то, что при реконструкции она была поставлена на фундаменты крепостной стены конца XVII — начала XVIII в. Во время работ по спрямлению стены было изучено устройство этих сооружений. Прояснены некоторые детали топографии Троицкого мыса.

Ключевые слова: крепость, Тобольский кремль, топография

E.P. Zagvazdin
*Tobolsk Complex Research Station
(the Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Tobolsk)*
kulay_arx@mail.ru

New Information about the Fortification Structure of Tobolsk Kremlin (Based on the Research in 2006)

Abstract

The article deals with scientific materials of research conducted in the Tobolsk Kremlin in 2006 on the site of straightening the southern part of the fortress wall. This part of the wall is new. It was restored during the restoration works of the 1950—1960s. However, valuable thing was that the wall was put on the foundations of the fortress walls of the late 17th— early 18th centuries. During the straightening of this part of the wall and subsequent excavation works the arrangement of these structures, as well as details of the topography of the Cape Trinity were studied.

Key words: fortress, Tobolsk Kremlin, topography

Посвящается Серафиме Георгиевне Скидановой — моему другу и коллеге, без которой эти исследования бы не состоялись

В последние десятилетия на территории Тобольского кремля активно проходили археологические раскопки. Благодаря им были изучены неизвестные ранее аспекты истории города. Отдельно стоит отметить работы по изучению оборонительной архитектуры кремля (стен, башен, вспомогательных сооружений). Исследования этой направленности представлены в работах А.А. Адамова [Адамов, 2000], И.В. Балюнова [Балюнов, 2006] и П.Г. Данилова [Данилов, 2007].

Расширить корпус источников по истории фортификаций города помогли работы 2006 г., прохо-

дившие на участке южной стены Тобольского кремля [Загваздин, 2006]. При благоустройстве территории Софийского двора возникла необходимость спрямить зигзагообразный выступ стены. Для этого он был разобран, а затем по линии стены была вырыта траншея для устройства ростверка. До возведения ростверка в траншее были обследованы обнажившиеся кирпичные кладки (8 объектов).

Длина траншеи от северо-западного угла стены по линии «запад—восток» составила 21,5 м. Расстояние от северо-западного угла траншеи до южной стены Архиерейского дома по линии «север—юг» со-

ставляет 12,7 м. Ширина траншеи 1,35—3 м. Глубина траншеи до 2,36 м (ил. 1). К рытью траншеи механическим способом приступили после частичной разборки стены, проходившей со второй половины июля по август 2006 г. (ил. 2, 1, 2).

Объект 1 (ил. 2, 3; 3, А). Прослежен в траншее с северной стороны. Представляет собой угол кирпичного сооружения подквадратной формы. Кладка частично разрушена. Имеет повышение ближе к северной стенке траншеи (-94 см от репера) и понижается к южной (-203 см). В кладке зафиксирована вбитая труба для инъекции бетона. Прослежено 16 рядов кирпича. Размеры кирпичей 29—30 x 14,5 x 7 см. Скреплены мелкозернистым известково-песочным раствором желтовато-серого цвета. Особенностью фундамента является его трапециевидное расширение к низу. Ширина стен 80—90 см. Размер конструкции 200 x 195 см. К южной стороне примыкают кладки объектов 2 и 3.

Объект 2 (ил. 2, 3; 3, А). Примыкает с южной стороны к объекту 1. Кладка вошла в траншею частично. Кирпичный ряд не перевязан с кладкой объекта 1. Кирпичная кладка повреждена. Ближе к южной стенке траншеи уровень кладки сохранился лучше. Характерно аналогичное объекту 1 понижение ступеньками уровня кладки. Прослежено 10 рядов кирпича. Размеры кирпича 29—31 x 14—14,5 x 6,5—7 см. Кирпичи скреплены известково-песочным раствором белого цвета (цвет раствора отличается от раствора объекта 1). Ширина кладки равна длине кирпича. На торце кирпича обнаружено клеймо в виде буквы «Р» (ил. 2-А). Размер конструкции 65 x 30 см.

Объект 3 (ил. 3, 3; 3, А). Примыкает с юга к объекту 1. Кладка вошла в траншею частично. Частично разрушена. Ближе к южной стенке кладка сохранилась лучше. Объект 3 аналогичен объекту 2 по устройству. Прослежено 12 рядов кирпича. Расстояние между внутренними сторонами кладки объектов 2 и 3 — 48—50 см. Размер конструкции 88 x 30 см.

Объект 4 (ил. 2, 4; 3, А). Вошел в траншею частично с северной стороны. Между северной стороной объекта 5 и южной стороной объекта 4 имеется небольшой промежуток, заполненный землей. Таким образом, с объектом 5 перевязки кладки нет. Прослежено 14 рядов кирпича. Размеры кирпича 31 x 14—15 x 7 см. Скреплены известковым раствором белого цвета. Толщина швов 2—3 см. Размер сохранившейся части кладки 162 x 45 см. Частично обнажился фундамент — подушка (смесь извести и битого кирпича) розоватого цвета на 40 см от уровня нижнего в кладке кирпича.

Объект 5 (ил. 2, 4; 3, А). Вошел в траншею частично с северной стороны. Частично примыкает к южной стороне объекта 4. Ближе к южной кромке кладки вбита труба для инъекции бетона. Прослежено 13 рядов кирпича. Размер кирпича 28,5—30 x 13,5—14 x 7 см. Кладка скреплена известковым раствором белого цвета. Кладка трапециевидно расширяется к низу. Частично длинная ось кладки виднелась под бетонной плитой — основанием разобранного участка стены. Размер сохранившейся части кладки составляет 250 x 86 см.

Объект 6 (ил. 3, А). Примыкал к южной стенке объекта 5 в виде столбика. Прослежено 10 рядов кирпича. Размер кирпича 29 x 14 x 7 см. Размер со-

хранившейся части 47 x 30 см. По всей видимости, объект представлял собой подпорную стенку.

Объект 7 (ил. 2, 4, 5; 3, Б). Фиксировался в траншее частично (угол), с северной стороны. Кладка подтреугольной формы. Ближе к южной кромке кладки вбита труба от инъекции бетона. Прослежено 17 рядов кирпича. Размер кирпича 28,5 x 14—15 x 6—7 см. Скреплены известковым раствором белого цвета. Кладка трапециевидно расширяется к низу мелкими ступеньками. Размер кладки, вошедшей в траншею, — 450 x 84 см.

Объект 8 (ил. 2, 4, 6; 3, Б). Вошел в траншею частично с восточной стороны. Подпрямоугольной формы. Прослежено 11 рядов кирпича. Размеры кирпичей 28—28,5 x 13,5—14 x 6,5—7 см. Скреплены известковым раствором белого цвета. В нижнем ряду, на торце кирпича, обнаружено лигатурное клеймо «ОМ», аналогичное клейму из кладок крепостных стен Тобольского кремля (конец XVII — начало XVIII в.) (Загваздин, 2004). Такое же клеймо известно из раскопок на ул. Ремезова, где обнаружено на кирпиче из основания печи (1-я половина XVIII в.) [Данилов, 2009]. Кладка расширяется книзу. Южная грань кладки скруглена. Исследован фундамент (известково-кирпичная подушка белого цвета), мощность которого составила 85 см от подошвы до обреза. Размер объекта, зафиксированного в траншее, — 176 x 60 см.

По фундаменту объекта 8 видно, что заглубление происходило в темно-серый суглинистый слой (древняя почва) (ил. 2, б). Это единственное место в траншее, где прослежен уровень дневной поверхности на момент строительства стены. В то же время с противоположной, южной стороны, в почвенном слое древней поверхности не выявлено. Культурные напластования в этом месте прослежены в виде длинных, местами мощных (до 1 м), прослоек строительного мусора и желтоватого материкового суглинка. Прослойки не характерны для переотложного грунта. Несомненно, что фундаменты на этом участке ранее откапывались в процессе реставрационных работ. Это четко прослежено в почвенном слое в виде мешаной серой земельной массы близ объектов 1—3 (ил. 3, 3). По остальной же части южного профиля траншеи следов ям нет.

«Потеря» древней поверхности объяснима, если в совокупности с данными страто-планиграфических наблюдений привлечь картографические материалы XVIII—XIX вв. Так, к примеру, на плане 1728 г. [План..., 1728] (ил. 4, 1) отчетливо показана ложбина, близко подходившая к зигзагообразной линии южной стены. Это свидетельствует о том, что при строительстве конфигурация крепостной стены была выбрана исходя из особенностей местности. Однако уже на плане 1800 г. [Вид Тобольского кремля..., 1800] (ил. 4, 2) эта особенность рельефа почти не отображена.

Изменения в рельефе совпадает с активными трансформациями в облике Кремля середины XVIII в. На ряде планов второй половины XVIII в. и живописных произведений середины — второй половины XVIII в. отмечен новый Архиерейский дом, встроенный в крепостную стену [Кочемамов, 1963, с. 85; Конев, 2017, с. 187; ил. 1]. В.И. Кочемамов относит возведение этого строения к 1750 г. [Кочемамов В.И., 1963, с. 84], С.В. Копылова — к 1750—1752 гг.

[Копылова, 1974, с. 51]. Этот Архиерейский дом существовал чуть более 20 лет. В 1775 г. были возведены новые покои архиерея, отодвинутые вглубь Троицкого мыса (где сейчас и расположены), а старое здание, встроенное в южную стену, разобрано [Кочедамов., 1963, с. 89—90]. Тогда же, в последней четверти XVIII в., конфигурацию изуродованной крепостной стены меняют: спрямляют и упрощают ее конструкцию — сооружают легкую ограду — штакетник на кирпичном фундаменте. Для этой цели засыпают естественный лог, который бы помешал этому строительству. Именно такая топографическая картина на конец XVIII в. была зафиксирована на плане 1800 г.

Судя по тому, что при наших исследованиях уровень материковой породы не был обнаружен, скат этого древнего лога, вероятно, был достаточно крутой.

Заключение. Исследования 2006 г. позволили уточнить ряд сведений, связанных с особенностями возведения каменных крепостных стен Тобольского кремля в конце XVII — начале XVIII в. Были изучены мощные кирпичные фундаменты разной конфигурации, отстоявшие друг от друга на небольшом расстоянии. У некоторых из них расчищены подпорные конструкции. Исследованные фундаменты были устроены не ленточным способом, а в виде точечных опор, на которых возводилась арочная крепостная стена с конца XVII по начало XVIII в. Затем, в середине XVIII в., на фундаментах старых стен строится Архиерейский дом, существовавший, вероятно, до 1775 г. Судя по тому, что изменений в устройстве фундаментов крепостных стен не обнаружено, особый интерес вызывают особенности строительства покоев архиерея близ кромки обрыва. Этот вопрос требует дальнейшей проработки.

Также исследованиями проанализированы особенности древнего рельефа. Судя по ряду данных, обнаружены следы оврага, подходившего близко к стене. Во время реконструкции кремля, в последней четверти XVIII в., овраг засыпали.

В 1950—1960-х гг. на фундаментах разобранной южной стены реставраторы отстроили стену заново. Ее возвели на бетонном основании-плите. В 2006 г. при реконструкции конфигурация крепостной стены была в очередной раз изменена. Зигзагообразный выступ у Архиерейского дома был спрямлен, из-за чего стена отступила немного к югу.

Список литературы

1. Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы: материалы III Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11—13 декабря 2000 г., Тобольск). — Тобольск — Омск: Ом. гос. пед. ун-т, 2000. — С. 450—451.
2. Балюнов И.В. Начало каменного строительства в г. Тобольске (по материалам археологических исследований) // Ежегодник Тобольского музея-заповедника. — № 3—4 (32—33). — Тюмень: Изд-во «Вектор-Бук», 2006. — С. 184—189.
3. Данилов П. Г. Усадьба первой половины XVIII в. в Тобольске // Новгородская Земля — Урал — Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2 ч. Ч. 2. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2009. — С. 392—396.
4. Данилов П.Г. К вопросу об оборонительных укреплениях города Тобольска в XVII веке (по данным археологии) // XVII Уральское археологическое совещание: материалы науч. конф. — Екатеринбург — Сургут: Изд-во «Магеллан». — С. 237—238.
5. Загваздин Е.П. Кирпичные клейма конца XVII—XVIII вв. г. Тобольска // Диалог культур и цивилизаций. — Тобольск, 2004. — С. 18—19.
6. Конев А.Ю. «Перспект города Тобольска» из Геттингенской коллекции Георга фон Аша (к критике источника) // Тобольск научный—2017: материалы XIV Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф., посвящ. Году экологии в России (г. Тобольск, 16—17 ноября 2017 г.). — Тобольск, 2017. — С. 185—188.
7. Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири (конец XVII — XVIII в.). — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. — 255 с.
8. Кочедамов В.И. Тобольск (как рос и строился город). — Тюмень: Тюм. кн. изд-во, 1963. — 156 с.

Список источников

1. Вид Тобольского кремля с юга. Планы и фасады каменных строений. Чертеж губернского архитектора П. Лукина (1800 г.) // РГИА. Ф. 1399. Оп. 1. Д. 792.
2. План Тобольского кремля (1828 г.) // РГВИА. Ф. 349. Оп. 39. Д. 2177.
3. Загваздин Е.П. Отчет по результатам археологических исследований, проведенных в г. Тобольске и Тобольском районе.— Тобольск, 2006 // НА ТИАМЗ. НА. Д. 1709.

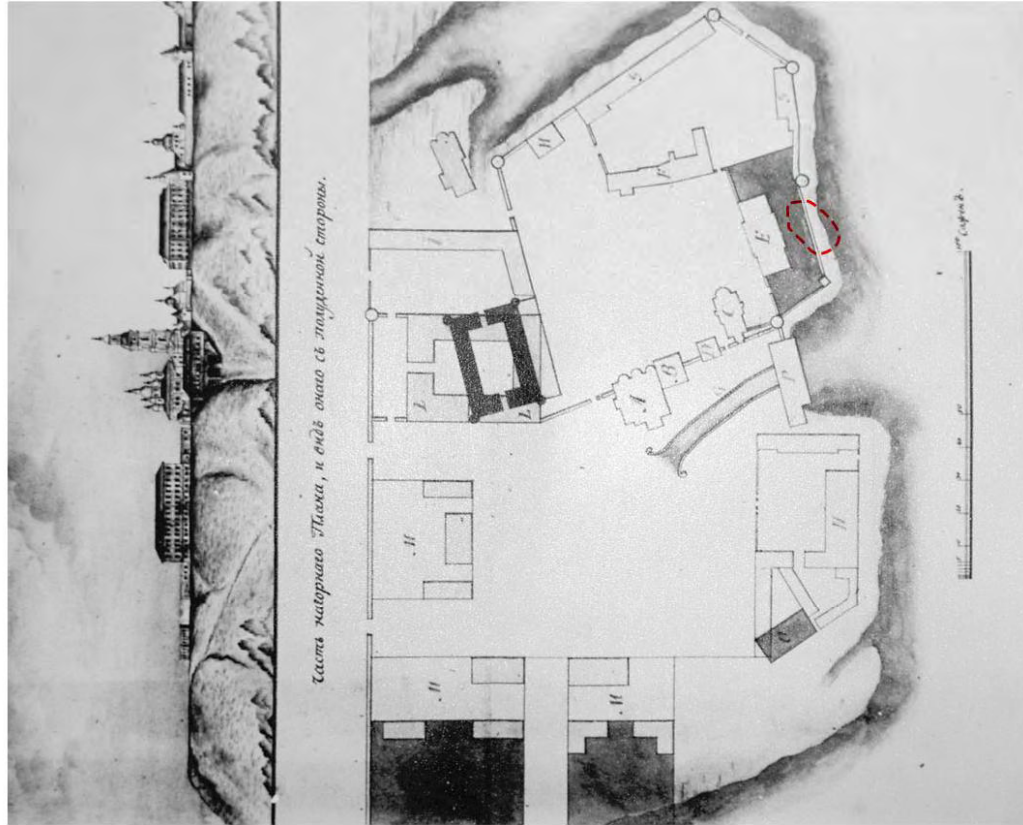
Ил. 1. ПМА, 2GIS. Схема расположения участка работ в Тобольском кремле в 2006 г.

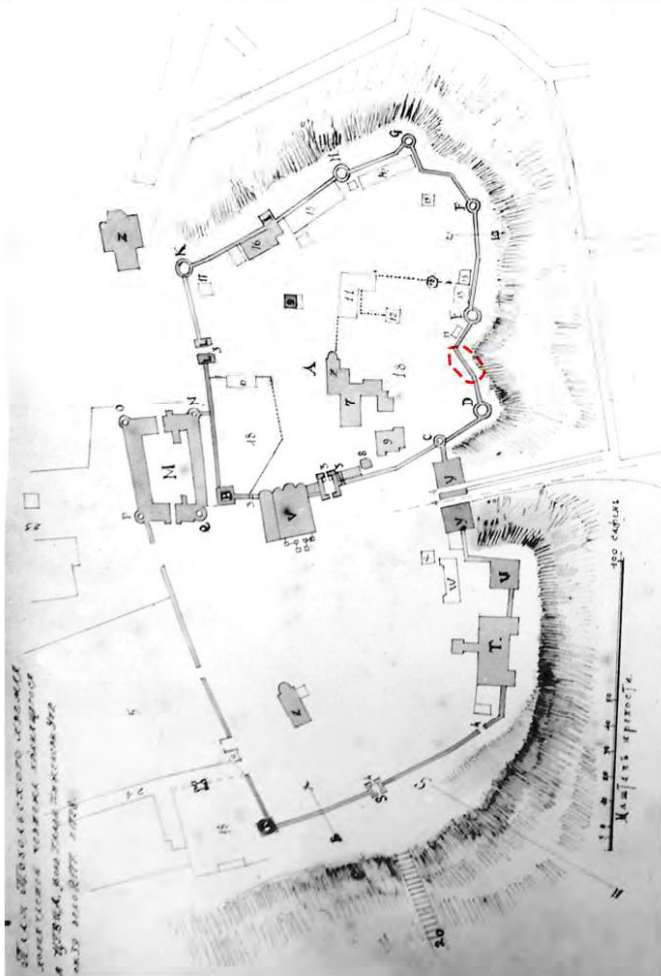
Ил. 2. ПМА. Работы по исследованию остатков архитектурных объектов (1 — стена в процессе разбора; 2 — вид на траншею с северо-востока; 3 — вид на объекты 1—3 с востока; 4 — вид на траншею с запада; 5 — вид на объект 7 с востока; 6 — вид на объект 8 с юго-запада)

Ил. 3. ПМА. План траншеи с обнаруженными объектами (1 — схема траншеи; А — план западной части (1—6: описание объектов в тексте статьи); Б — план восточной части (7—8: описание объектов в тексте статьи))

2

1

 - участок спрямления стен

Ил. 4. 1 — план 1728 г. (фрагмент) (РГВИА, Ф. 349, Оп. 39, Д. 2177); 2 — план 1800 г. (РГИА, Ф. 1399, Оп. 1, Д. 792)

Г.С. Козлова
Институт архитектуры, строительства и дизайна
Иркутский национальный исследовательский
технический университет (Иркутск)
koza-gala@mail.ru

**Смысловая преемственность в архитектуре православного храма
как фактор его эволюционной трансформации
(на примере Чудотворской церкви в Иркутске)**

Аннотация

Проектно-исследовательская работа по воссозданию архитектурного облика Чудотворской церкви, проводимая автором, основана на изучении истории формирования объекта, аналогичных памятников сибирского барокко в Иркутске, а также факторов развития храмового ансамбля. Архитектура православного храма являет собой символическое наследие в исторический период его создания и последующих стилистических изменений. Эти качества предлагается рассмотреть сквозь призму смысловой преемственности в эволюционном формообразовании храма, трансформации его образа.

Ключевые слова: православный храм, сибирское барокко, воссоздание, смысловая преемственность, символическое устройство

G.S. Kozlova
*Institute of Architecture, Construction and Design
(Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk)*

**Semantic Continuity in the Architecture of the Orthodox Church
as a Factor of its Evolutionary Transformation
(Shown on the Example of the Chudotvorskaya Church in Irkutsk)**

Abstract

The project and research work on the reconstruction of the architectural appearance of Chudotvorskaya Church, undertaken by the author, is based on the study of the historical creation of similar monuments of the Siberian baroque in Irkutsk, as well as the factors of the development of the temple ensemble. The architecture of the Orthodox Church is a symbolic heritage in the historical period of its creation and subsequent stylistic changes. These qualities are proposed to be considered through the prism of the semantic continuity in the evolutionary form making of the temple, the transformation of its image.

Key words: Orthodox church, Siberian baroque, reconstruction, semantic continuity, symbolic organization

В настоящей публикации показан раздел проектно-исследовательской работы автора по воссозданию утраченного архитектурного наследия. Объектом исследования является Чудотворская церковь в Иркутске — памятник архитектуры сибирского барокко середины XVIII — начала XX в., утраченный в 1930 г. Архитектура церкви за время почти двухсотлетнего своего существования неоднократно перестраивалась и меняла свой облик. Причины перестройки были обусловлены повреждениями храма после пожаров, наводнений, землетрясений и другими факторами. Восстановление храма всегда являлось его новым возрождением и преображением, отражающим потребности меняющегося общества, новые символы эпохи. Трансформации архитектурных форм и первоначального образа храмового ансамбля нисколько не уменьшали его культурную ценность.

Для восстановления чертежей храма автору было полезно проследить логику развития пространственной структуры храма как единого, целостного организма, изменение стилистики отдельных форм, отвечающей духу времени, а также понять его символическое устройство. В основу проектно-исследовательской работы были положены следующие исторические документы: рисунки иркутских художников первой половины XIX в., фотографии середины XIX — начала XX в., опись имущества церкви на 1869 г., а также клировые ведомости, сохранившиеся в Государственном архиве Иркутской области. Исторические чертежи и обмеры здания церкви, другие ценные документы по ее перестройке были утрачены. Необходимо отметить, что в исторических документах встречаются и другие названия Чудотворской церкви: Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев, Прокопьевская, Градо-Иркутская Чудотворо-Проко-

пьевская, Прокопия Праведного и другие вариации.

В данной статье автор предлагает проследить смысловую преемственность в архитектуре православного храма как фактора его эволюционной трансформации. В связи с этим выделяются следующие позиции: преемственность стилистических норм, символическое устройство православного храма, знаки места.

Преемственность стилистических норм

С начала XVIII в. в архитектуре православных храмов Иркутска широко распространилось региональное направление стиля барокко, получившее название «сибирское барокко». Историки, путешественники, ученые отмечали в своих публикациях огромный вклад иркутской школы в развитие этого архитектурного стиля и необходимость внимательного изучения этого опыта. Характерными его чертами называли богатую пластику архитектурных форм, выразительность линий силуэтов, вариативность объемно-пространственной композиции, обусловленной особенностями места (рельефа, ландшафта, градостроительной ситуацией), разнообразие декоративных приемов, отражающих картину культурно-этнических связей.

Архитектурные формы и принципы церковного искусства, воспринятые от Византии, получили яркое национальное преломление в развитии русской культуры. Византийская архитектура складывалась постепенно, в результате совмещения элементов позднеантичной, раннехристианской архитектуры и восточных влияний. Византийское искусство никогда не было подчинено только богословию, а находилось под воздействием светских интересов, государственных задач. Именно эти особенности были восприняты и развиты в русском православном зодчестве. В архитектурных формах Владимира-Суздаля виделось утверждение национального начала. В новгородских и псковских школах сформировались типы кубического храма со шлемовидными или луковичными завершениями и шатровыми перекрытиями, характерные для русского каменного зодчества.

В XVII в., в эпоху барокко, на фоне общего обмирщения церковной жизни в храмовую архитектуру проникает западное влияние. Этому способствовали реформы Петра I. Однако высокий уровень ремесла приводят в XVIII в. к стремительному взлету храмового зодчества и развитию отечественных церковных традиций. Культурное взаимодействие с Западом отразилось в преемственности готических шпилей в завершении колоколен, ордерных элементов декора и пластики барокко.

В России этот стиль получил развитие на гребне становления Российской империи, патриотизма и новаторства, что отразилось в храмовом зодчестве через дух Возрождения (Ренессанса). Это общий характер величия, спокойного благородства, уравновешенности архитектурных форм, плоскостная пластика декора, не нарушающая массивность стены, а придающая ей нарядность и индивидуальность. Вместо западной вычурности барочных форм — игра света и тени в белоснежном камне, поражающая разнообразием и фантазией зодчего. Вертикальную устремленность объемов подчеркивали вертикальные членения лопаток и ярусные вариации завершений.

Храмовое зодчество барокко проникло в Иркутск на столетие позже европейской части страны и запечатлело в камне влияние культуры запада, творчество северных и восточных народов, а также самобытную фантазию мастеров местной школы. Иркутск во второй половине XVII в. превратился в процветающий торговый город; на месте обветшавших деревянных церквей на средства богатеев купечества и пожертвования прихожан стали возводиться каменные. К этому времени население увеличивается, разрастаются и церковные приходы. В XVIII в. появились белокаменные кубические храмы продолговатой прямоугольной формы, двухэтажные, с гранеными апсидами на востоке, с крытыми крыльцами и галереями-гульбищами, с ярусной или шатровой колокольной и высоко поднятыми куполами с завершением в виде луковиц или шпилей.

Первые каменные храмы Иркутска — Спасская церковь (1706 г.) и собор Богоявления (1718 г.). Спасская церковь представляла собой двухэтажный, двухпридельный храм с одноэтажным объемом трапезной с западной стороны и ярусной колокольной перед ней, возведенной значительно позже, в 1758 г. (ил. 1а). В декоративной обработке стен использовались барочные мотивы тобольских храмов [Оглы, 1982, с. 13]. Богоявленский собор имел более развитое объемно-пространственное решение и явился связующим звеном между архитектурой первой церкви и храмами середины XVIII в. Появился тип многопридельного храма с вариантами устройства боковых приделов, примыкающих к четверику и трапезной, а также устройства придела под колокольной (ил. 1г). Объемно-планировочная композиция Богоявленского собора получила трехчастное деление плана (алтарь, четверик, притвор с высоким объемом колокольни и низкой трапезной), ярусное построение объемов типа «малый восьмерик на четверике» и завершения в виде луковичной главки. Первоначальное шатровое завершения колокольни — свидетельство преемственности деревянных храмов — существовало до 1742 г. Пятиглавие в завершении четверика (до 1790 г.) было следствием церковной реформы, предписывающей запретить шатры и строить пятиглавые завершения. Позднее в Иркутске пятиглавие использовали только в важных градостроительных узлах (Владимирская церковь) или в подчеркивании кафедрального статуса собора.

Возведение Чудотворской церкви (1748—1765 гг.) положило начало строительству храмов стиля сибирское барокко и его своеобразной интерпретации в Иркутске [Калинина, Медведев, 2013, с. 32]. Всего за тридцать лет (1747—1777 гг.) было построено семь церквей в стиле иркутской школы сибирского барокко: Чудотворская (1748—1765 гг.), Крестовоздвиженская (1747—1758 гг.), Знаменская (1757—1762 гг.), Тихвинская (1754—1759 гг.), Троицкая (1763—1775 гг.), Владимирская (1777—1780 гг.), Вознесенская монастырская (1749—1759 гг.). Три из них — Чудотворская, Тихвинская, Вознесенская — были утрачены безвозвратно. Владимирская сохранилась с очень большими утратами. Еще две церкви относятся к стилю барокко: Харлампиевская (1777—1782 гг.), построенная с сильным влиянием зодчества Тотьмы, и Преображенская (1795—1798 гг.), отличающаяся скупыми позднебарочными фор-

мами и влиянием классицизма.

На иллюстрации 1 сопоставлены планы храмов Иркутска периода XVIII — первой трети XIX в. (с наружными лестницами и галереями-гульбищами). Схема выстроена таким образом, чтобы проследить (по вертикали и горизонтали) преемственность и отличия в компоновке частей плана, а также тенденцию перехода к более четким планировочным композициям (по диагонали слева направо). Координатная сетка выявляет общее и индивидуальное в планировочной структуре и привязана к мере сажени. Нижний ряд планов принадлежит к утраченным памятникам архитектуры — Чудотворской, Тихвинской, Владимирской церквям (ил. 1ж, з, и). Они являются важным звеном в развитии Иркутской школы сибирского барокко. Автор предлагает свой эскизный вариант восстановления плана Тихвинской церкви (ил. 1з) как необходимый компонент сравнительной таблицы.

Объемно-планировочная организация Чудотворской церкви интегрировала в себе опыт предыдущих храмов (Спасской церкви и собора Богоявления) и заложила пути дальнейшего совершенствования (ил. 1ж). Вершиной развития стиля была признана Крестовоздвиженская церковь, особенно по пластике декора. В планировочной организации наметилось преодоление живописного подхода в компоновке приделов и смещении продольных осей, выявлении главной оси от входа к главному приделу (ил. 1в). Необходимо отметить, что трапезная, являющаяся по церковным канонам частью притвора, выделяется самостоятельным элементом в композиции плана, объединяя приделы главного и боковых храмов (ил. 1и) или включая в свой объем дополнительные приделы (ил. 1в, е). Сравнительный анализ планов показывает достоинства гибкой планировочной композиции, позволяющей создать на основе общей схемы неповторимое разнообразие вариаций.

Дальнейшее эволюционное развитие храмов связано со стилистическими изменениями первоначального планировочного и архитектурного решения. Перестраивались завершения колоколен, шатры и шпили заменялись на ярусные объемные комбинации. Вместо наружных лестниц возводили двухэтажные объемы паперти, трансформировалась внутренняя планировка и объемная композиция, менялась стилистика декора. Эти преобразования в целом органично дополняли исходную архитектурную композицию храма, подчиняя новые архитектурные темы и пластику развитию стиля барокко и совмещая разнообразные формы в единый ансамбль.

На иллюстрации 2а, б показана трансформация облика южного фасада Чудотворской церкви в начальной и конечной стадии эволюции. Два контрастных образа храма являются отражением своего времени в формировании культуры храмового зодчества в течение двух столетий.

В период середины XVIII — первой трети XIX в. формируются характерные стилистические черты Чудотворского храма, определяющие особенности местной школы сибирского барокко. В декоре фасадов храма применяются такие декоративные темы, как заглубленное панно различной геометрической формы, перспективные ступенчатые наличники окон, в том числе с характерным зигзагообразным

стрельчатым завершением. Вариации и самобытные интерпретации этих приемов просматриваются в архитектуре Крестовоздвиженской, Троицкой, Тихвинской и Владимирской церквей, каждая из которых вносит особое ценное дополнение в развитие стиля.

Первоначальный архитектурный облик Чудотворской церкви (ил. 2а) отличается влиянием деревянного зодчества (высокий подклет, «клетность» в целом, вариации сочетаний четверик-восьмерик, луковичные завершения куполов), угадываются традиции хоромного зодчества, где каждый архитектурный объем выделяется особым завершением, создавая динамичную многообъемную композицию. Суровое величие и монументальность объемов, компактность и строгость, высокий подклетный этаж — свидетельство преемственности северного деревянного храмостроения (Великий Устюг). Кровля храма выделяется красноватым оттенком, что отражает исторический факт тесового покрытия до 1824 г. и отмечается в летописях [Романов, 1993, с. 66]. Неудержимое стремление ввысь выражает готический шпиль, означающий, по мнению протоиерея Л. Лебедева, «подъемлющее от земли к небу каменные громады» [Лебедев, 1983, с. 160].

Окончательный архитектурный облик храм получил после страшного пожара 1879 г. Увлечения древнерусской архитектурой в конце XIX в. повлияли на образное решение восстановленного после пожара храма (ил. 2б). Декоративное убранство в виде короны кокошников в основании куполов храма и колокольни преобразили его облик. Также была очередная перестройка крыльца: вместо сгоревшей деревянной надстройки 2-го этажа, подчеркивающей поперечный объем притвора, построили новую продольную надстройку из камня, продлив четверик храма под колоколами просторной трапезной. Новый портал увеличил общую длину храма почти на две сажени. В целом объемная композиция храмового ансамбля получила динамичное осевое развитие, еще больше отражающее идею корабля. Классические темы декора притвора в виде стройных лопаток поддержали строгий декор колокольни и вертикальную устремленность объемов здания. Горизонтальные темы карнизов продолжил ритм профилированных составных кронштейнов с использованием старого модуля. Отказ от окон в цокольном ярусе храма был обусловлен его частой затопляемостью во время паводков и поднятием верхней отметки земли. Нижний храм вернулся к своему образному истоку — раннехристианскому катакомбному храму.

На иллюстрации 2в по фрагментам исторических рисунков и фотографий восстановлен весь ряд эволюционных преобразований архитектурного облика Чудотворской церкви. Эти иллюстративные материалы были приведены к одному масштабу на основе модульной сетки и сопоставлены с воссозданным чертежом западного фасада церкви периода 1885—1930 гг. Первым показан фрагмент рисунка А.И. Лосева 1804 г., который и явился основой воссоздания первоначальной архитектурной формы храма. На рисунке первой трети XIX в. видно, что галерея-гульбище перестроена в деревянный объем и служит трапезной храма под колоколами. Эта надстройка сохраняется и отчетливее показана на втором рисунке первой половины XIX в. В этот пе-

риод колокольня достраивается еще на один ярус и завершается куполом вместо старого шпиля. В период 1844—1846 гг. летописи отмечают освящение приделов храма после поправок. К этому времени крыльцо храма было переделано, а крыша покрыта листовым железом на средства иркутского купца П.И. Саламатова [Романов, 1993, с. 66]. Эти изменения в облике храма подтверждает также фотография А.К. Гофмана 1865 г. Колокольня над колоколами была достроена из дерева, оштукатурена и покрашена белой краской. Таким же способом был достроен объем трапезной под колоколами, поэтому во время пожара 1879 г. они были уничтожены. Восстановительные работы длились шесть лет.

Фрагмент панорамы 1913 г., а также другие фотоматериалы [ГАИО, фотоколлекция] помогли исследовать пропорции и восстановить ортогональные проекции фасадов завершающего этапа эволюции. Графическая реконструкция всех этапов эволюции храма, а также методы исследования были опубликованы в предыдущих изданиях [см. например: Козлова, 2017]. В представленной таблице итог этого исследования иллюстрирует западный фасад Чудотворской церкви периода 1885—1930 гг. Реконструкция притвора дополнена новыми смысловыми акцентами. Вместо старой лоджии-террасы на западном фасаде появился новый ключевой элемент — окно-витраж, как символ божественного света и духовной трансформации человека. Заостренная форма кокошников в основании куполов храма и колокольни изменили его образ, придав еще большую вертикальную устремленность композиции, выразив идею духовного горения (ил. 26, в).

Необходимо отметить, что смена эпох на рубеже XVIII — второй половины XIX в., связанные с переходом барокко к классицизму, а также важные события, происходившие в судьбе России, ее великие победы отразились в архитектуре храмов. Традиционные для древнерусского зодчества формы становились символами национального духа. А национальная идея Третьего Рима нашла выражение в формах русско-византийской архитектуры второй половины XIX в. Символом этой эпохи в Иркутске стал Казанский кафедральный собор, реализующий в своей архитектурно-пространственной композиции знаковые формы византийской и русской культуры — крестово-купольный план, пятиглавое завершение кубического объема храма, сочетание византийских и древнерусских декоративных форм (кубические капители колонок, закомары и кокошники). В этот период перестраивались после пожара Чудотворская церковь в духе нового времени. В Крестовоздвиженской церкви после пожара было перестроено ярусное завершение колокольни на шатровое (1897 г.). Башенки нового притвора Тихвинской церкви (1885 г.) получили шатровое завершение. В новой Князе-Владимирской церкви (1887—1895 гг.) базиликальная форма храма сочетала купольные и шатровые (в колокольне) завершения. Позже, в 1985 г., было воссоздано шатровое завершение колокольни Богоявленского собора по проекту Г.Г. Оранской.

Рассмотренные этапы стилистической и объемно-пространственной трансформации храма проверены временем и местом существования памятника архитектуры. Духовное предназначение храма рождало

в этом процессе все новые и новые формы выражения, раскрывающие глубину православного учения, поэтому эволюционное развитие храмовой архитектуры составляет важное культурное и символическое наследие.

Символическое устройство православного храма

Познание реального объекта в храмовом зодчестве направлено на постижение смыслов и установление причинно-следственной связи в его культурном многообразии. Объектом восприятия храма служит форма, отдельные части или детали которой в то же время являются культурными элементами (текстами). Сама же архитектурно-пространственная форма является моделью мировидения той или иной эпохи, а ее образы представляют символическое наследие. При этом архитектурные формы выступают в качестве знаковых систем. В сакральном контексте храм открывается постепенно, по мере духовного возрастания. Через материальные формы храма, его структуру и внутреннее убранство открывается незримая духовная сущность. Объемно-пространственная форма предстает в двуединстве внешних форм (экстерьера) и внутренних (интерьера) и пронизана идеей иерархии как в общих, так и в частных архитектурных формах храмового ансамбля. Это проявляется, например, в функциональной организации храма, органичным соответствием материальной оболочки ее функциональному содержанию. В христианской догматике внутренняя форма — существо Бога, внешняя — обращенная вовне энергия. Они неслиянны и, в то же время, неразделимы между собой. Предметный образ и глубинный смысл не могут восприниматься один без другого [Тарасенко, Козлова, 2015, с. 59].

С точки зрения своего назначения православный храм является ковчегом спасения для верующих людей и, словно корабль среди бурных волн житейского моря, препровождает их от берега тьмы к берегу света. Зрительный образ корабля выражает высокая мачта-колокольня, наполненные ветром паруса-купола, устремление к восходу солнца закругленными алтарными апсидами. Внутреннее устройство храма знаменует собой духовное небо, связанное с землей столпами истины. Интерьер православного храма организован световым символизмом, ориентирующим душу на внутреннее переживание Божественного Света. Свет в православном храме является прежде всего образом небесного и знаменует собой Христа как свет миру. Путь к богообщению сопровождается обрядом богослужения, в котором архитектура, живопись, музыка, поэзия становятся частями единого литургического целого. Таинство действия и таинство изображенного едины как внутренне, по своему смыслу, так и внешне, по той символике, которая этот смысл выражает [Лебедев, 1983, с. 171].

По церковной иерархии корабельный тип церкви разделен на три части: алтарь знаменует собой область бытия Божия, дух человека; храм (средняя часть) — область горнего архангельского мира (духовное небо и душа человека); притвор (или трапеза) — область земного бытия, где происходит борьба света и тьмы, добра и зла, начальная степень духовной жизни человека [Там же, с. 26]. Кратко рассмотрим назначение и принципиальное отличие каждой из частей.

Алтарь является главной сакральной частью храма и знаменует собой область бытия Троицеугольного Бога, отделенную от средней части храма преградой-иконостасом с царскими и боковыми дверями, размещенной на солее со ступнями возвышения. Такое отделение соответствует догматическому понятию о Боге как совершенно отличном от Своего творения [Там же, с. 69]. Амвон в центре солеи означает восхождение и знаменует собой те места, с которых проповедовал Христос (гору, корабль). На солее слева и справа есть место для певчих и чтецов (киросы).

В центре алтарного пространства размещается престол — самое святое место храма, ради которого существует алтарь. Четыре стороны престола соответствуют четырем сторонам света, четырем периодам суток, четырем степеням области земного бытия (неживая природа, растительный мир, животный мир, человеческий род). На престоле совершается великое таинство, и поэтому здесь устраивается еще одно, третье, возвышение (со всех сторон подножия) от одной до трех ступеней, знаменующие собой степени духовного совершенства, необходимые для восхождения к святине божественных тайн [Там же, с. 39]. Престолы в храме освящаются во имя какого-нибудь святого или священного события, отчего получает свое название весь храм и приход.

Средняя часть храма знаменует собой область небесного бытия (горний, архангельский мир), соответствует средней степени духовной жизни человека. В архитектурной композиции храмового пространства наиболее важной координатой является вертикальная, основанная на онтологических представлениях о столпе как вертикальной оси бытия, Мирового древа с трехчастным делением снизу вверх (подземное царство, земля, небо).

В отличие от алтаря, знаменующего собой область бытия Божия, средняя часть храма — это тварный мир, место, где земная церковь соприкасается с Церковью Небесной. Святые образы иконостаса, закрывая алтарь от верующих, раскрывают духовную сущность, того, что совершается в алтаре, а также участие святых в спасении членов земной церкви. Арки и своды центральной части храма, завершающиеся в центральном подкупольном пространстве, соответствуют объемам, сферичности пространства Вселенной. Стремящиеся вверх архитектурные сферы изображают область небесного бытия и стремление человеческих душ к высоте небесной жизни. Нижняя часть храма (пол) знаменует собой землю. Небо и земля не противопоставляются, а находятся в тесном единстве: истина возникает от земли, а правда — с небес [Там же, с. 72]. Простейшие архетипические формы квадрата и круга, заложенные в планировку храма, олицетворяют, соответственно, земное и небесное. Небесное (то, что вне времени) и земное (то, что имеет время) существуют, проникают одно в другое, восполняют друг друга, но при этом не сливаются и не перестают быть отличными друг от друга областями бытия [Там же, с. 7].

Притвор, как первая по входу часть храма, соответствует области земного бытия, где происходит борьба света и тьмы, добра и зла, начальной степени духовной жизни человека. Само название «при-

твор» отображает исторический факт, когда к двухчастным древнерусским храмам стали пристраивать, притворять третью часть. Древнее название этой части — трапеза, в ней устраивались угощения нищих по случаю праздника или поминовения усопших. В Византии это нарфикс (нартекс в древнем Риме) — место для наказанных. Впоследствии почти все православные храмы стали иметь эту третью часть [Там же, с. 80]. Притвор устраивается с западной стороны храма по всей ширине или уже нее, или размещается под колокольней, где она примыкает к храму вплотную (внутренний притвор). Вход в притвор с улицы обычно устраивается в виде паперти — площадки перед входными дверями, на которую ведут несколько ступеней, возвышающие храм (внешний притвор). Паперть — это первое от входа возвышение храма, она имеет большой догматический смысл, как образ того духовного возвышения, на котором находится Церковь среди окружающего мира.

В XVIII в. в иркутских храмах принято было строить высокое крыльцо (крытое или без кровли) для восхода на второй этаж. Крытая галерея-гульбище (терраса) связывала входы верхних приделов с внешними лестницами (ил. 1). Каждый придельный храм имел свою связь с внешним пространством с запада как отдельная церковь. В Спасской церкви такая галерея опоясывала почти весь храм [Акулич и др., 2008, с. 85]. В Чудотворской церкви крытая галерея примыкала с запада, внешняя парадная лестница вела в верхний храм, а подъем в храм под колоколами находился в толще стены (ил. 1ж). После перестройки крыльца в 1825 г. все лестницы в нижний и верхний храмы сделали внутри притвора. В других иркутских церквях — Харлампиевской, Крестовоздвиженской, Владимирской, Тихвинской — только со второй половины XIX в. парадное крыльцо с галереей заменили на двухэтажный объем притвора-паперти, в котором разместились внутренние лестницы, служебные и хозяйственные помещения.

Служебные помещения. Ризница как подсобное, служебное помещение для хранения священных риз, сосудов, книг и других вещей обычно устраивается в правой южной части церкви или в другом удобном месте храма. В алтаре у южной стены ставится стол для положения ризы. Духовно ризница означает таинственную небесную сокровищницу, из которой проистекают благодатные дары Божии для спасения и духовного украшения верных людей [Лебедев, 1983, с. 54]. Служебные помещения могут быть единственными для всей церкви.

В Чудотворской церкви ризница размещалась над папертью нижнего храма, пристроенной с юга к объему колокольни, в нижнем этаже которой было помещение для сторожа, а пространство в уровне с ризницей являлось внутренним притвором храмов второго этажа. Общей для них являлась и ризница.

К подсобным помещениям принадлежит пономарня, которая устраивалась обычно в алтаре или сбоку. В Чудотворском храме это ниша для приготовления кадила, с вытяжкой для дыма и умывальником. Она размещалась в полукруглом в плане помещении, пристроенном к южной грани апсиды.

Доминирующим объемом храмового ансамбля является колокольня, которая ставится с западной стороны так, чтобы вход в храм осуществлялся че-

рез ее нижний этаж, который в этом случае служит притвором. Возникновение колоколен обусловлено созданием больших и звучных колоколов: чем выше поднят колокол, тем дальше его слышно. В этом заложены и духовные смыслы: наблюдатель на мачте корабля возвещает об опасности или о приближении долгожданной цели плавания; гора или вершина земной истории человечества, над которой звучит архангельская труба-благовест [Там же, с. 83].

Важными структурными частями православного храма являются храмы-приделы (соприкасающиеся или встроены). Многие храмы сразу создавали несколько храмов внутри одного. Например, Чудотворская церковь сначала строилась трехпривольной. Нижний подклетный этаж изначально был предназначен для складов. Однако в связи с необходимостью расширения приходов еще во время строительства (в 1754 г.) была произведена некоторая перепланировка церкви и на подклетном этаже устроены еще два храма [Иркутские епархиальные ведомости, 1899, с. 173]. Освящали эти храмы по мере окончания строительства. Первыми были освящены верхний и нижний храмы северного придела (1749 и 1754 гг.), затем — храм под колоколами (1765 г.), позднее — верхний и нижний храмы главного придела (1767, 1779 гг.).

Каждый придел состоит из средней части и алтаря, обращенного на восток. В Чудотворской церкви над средней частью каждого придела сооружен купол, с ярусным, пирамидально убывающим завершением. Каждая алтарная часть отмечена луковичной главкой на восьмигранном барабане. Трехсветный кубический объем четверика, завершенный ярусной композицией, доминирует во внутреннем пространстве храмового ансамбля. Привольные храмы отделяются от главного храма пространством трапезной, которая является продолжением средней части каждого из них. Эти закономерности изначально были заложены еще в деревянном храмостроении, в типе великоустюжского клетского храма XVII в., привнесенного переселенцами на иркутскую землю. Для него было характерно постепенное наращивание объемов и расширение первоначального храма по мере необходимости — от одного до двух, трех и более храмов-приделов. В этом случае трапезная, являясь притвором храма, становилась важным связующим звеном в храмовом ансамбле, позволяющим создавать различные вариации. Новый вариант возникает, когда основной объем поднимают на подклет с размещением в нижнем ярусе второго престола, благодаря чему все здание превращается в двухэтажное.

Внутренняя архитектура церкви выражает собой идеал мирообъемлющего храма, в котором обитает сам Бог и за пределами которого ничего нет. При этом купол должен выражать предел Вселенной, небесную сферу. Снаружи она приобретает динамичную форму купола, заостряющегося кверху в виде пламени. Это видимое снаружи горение имеет большой смысл: горение неба сходит на землю и проводится внутрь храма в образе купола, где все земное покрывается благословляющей рукой Всевышнего, побеждая мирскую рознь и приводя к единству соборного целого [Лебедев, 1983, с. 162]. Для прихожан это дополнительное духовное усилие от знаков

храма к подлинному небесному своду (вселенной). Для города это знак защиты, обладающий непостижимой тайной, потому что создан Спасителем, и это ключевое звено в символике храма. В завершениях Чудотворского храма заостренная форма кокошников, обнимающих основание купола, усиливает образ духовного горения в динамичном стремлении к небесной сущности.

Не все доступно для понимания верующих. Сакральный смысл каждого символа, как правило, кодируется в качестве меры предосторожности для сохранения учения православия. Пронизанная символизмом обрядовая композиция православного богослужения, призванная озарить человеческую природу светом Божественных истин, воспринимается как путь к богообщению [Там же, с. 207]. Переживание соборности преодолевает границы времени и пространства, дает возможность человеку ощутить себя в сущностном единстве с вечными истоками христианства.

Соборное начало церкви осуществляется в единстве многообразия и богатства в единстве. Это выражается в целом и в деталях, обусловленных национальными особенностями, временем или местом, если эти особенности не нарушают единства церкви, а вносят в нее новые, свойственные им формы выражения. Таким образом, церковь постепенно создает новое как по содержанию, так и по форме искусство, которое в образах и формах материального мира передает откровение Божественного [Там же, с. 170].

Знаки места

Город является своего рода знаком (метафорой, образом, символом) и имеет широкое многосоставное значение. Главные его функции — жилища, обороны и духовного спасения. Единение всех этих ветвей одного дерева «мыслилось только в Боге, только в идее Горнего Града». Эта идея концентрировалась как в образе храма, так и в более широком всеохватывающем смысле города. Город развивался как живой организм, от стен малого города (острога) к большому (посаду) и далее за границы палисады, фиксируя жизненно важные узлы возведением храмов, концентрирующих энергию космоса и распределяющих эту божественную благодать на защиту и процветание. Богатства, стекавшиеся в город, способствовали развитию храмового зодчества. Торгово-хозяйственное общение с народами Сибири и соседних стран повлияли на формирование архитектурного стиля храмов в Иркутске. Большую роль в этом сыграли местные купцы, вкладывающие средства и курирующие строительство храмов. «Тщанием» купца М.И. Глазунова, выходца из Великого Устюга, бывшего в 1740—50-е гг. президентом Иркутского магистрата, построено каменное двухэтажное здание иркутской церкви Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев. Один из приделов (под колоколами) был освящен в честь архистратига Михаила — небесного покровителя Михаила Глазунова.

Охрана рубежей. Первоначально на этом месте размещалась деревянная церковь, возведенная выходцами с Русского Севера, принесших с собой икону святых Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев, прославленных заступничеством родной земли от нашествия врагов. Осваивая сибирские земли, переселенцы приносили с собой ее будущих защитников

в виде святых покровителей города. Формы первых деревянных храмов, в том числе Чудотворской церкви, имели шатровое завершение колоколен и образы деревянных острогов. Интерпретация традиций русского деревянного оборонного зодчества в каменном храмовом зодчестве ассоциировались с образами воинов, стерегущих рубежи Отечества.

Новое соседство. Иркутская таможня. Во второй половине XVIII в. город становится столицей Сибири и переживает стремительный рост. В 1764 г. учреждается Иркутская губерния, ее границы расширяются на северо-восток Азии и Аляску. Выгодное географическое положение Иркутска на основном торговом пути в Забайкалье, Китай и Монголию способствует его экономическому развитию. Город становится важным перевалочным пунктом на сибирских торговых путях. В связи с этим деятельность Иркутской таможни выходит на первый план. Она должна была обеспечивать экономическую безопасность России с востока. В 1876 г. Иркутская таможня разместилась на берегу Ангары по соседству с Чудотворской церковью. Были приобретены и в начале 1880-х гг. реконструированы бывшее здание городской Думы и дом дворянина Посельского [Иркутская таможня, 2002, с. 18]. Здания удачно вписались в ансамбль Береговой улицы (ил. 3). Через Иркутскую таможню пропускali различные товары, в том числе товары Великого чайного пути. Их тщательно проверяли и складировали в таможенных дворах. Велась борьба с некачественным товаром и контрабандой. В этом контексте храм являлся ориентиром визуальным и духовным. Его вид призывал к правдивости, осмысленности действий, защищал от вредоносных поступков, служил критерием ценности и богатства.

Фрагмент панорамы набережной со зданиями главного управления Иркутской таможни и Чудотворской церкви конца XIX в. дает представление о масштабной взаимосвязи соседних зданий (ил. 3а). Сохранено традиционное формирование низкой городской застройки, подчиненной доминанте храма. Благоустроенная территория, непосредственно прилегающая к храму, включая ограждение участка, дорожку для крестных ходов с круговой посадкой цветов и деревьев, имеет символическое значение райского сада, но с точки зрения архитектурно-пространственной организации разнохарактерных и контрастных по масштабу объектов представляет своеобразную буферную зону, необходимую для их гармоничного сочетания.

На схеме генплана (ил. 3б) показан главный таможенный двор со зданиями управления Иркутской таможни, ориентированными на Набережную улицу, и хозяйственными постройками, размещенными вдоль границ участка, а также территория Чудотворской церкви, представляющая вместе с храмом историко-градостроительную ценность. Сам квартал является частью планировочной структуры исторического города. Размещение и ориентация храма подчиняет и фокусирует окружающий ландшафт, является доминантой в пространстве набережной (ил. 3г).

Графическая реконструкция развертки северных фасадов Чудотворской церкви и таможенных зданий по Набережной улице конца XIX в. воссоздает архитектурный облик застройки исторического города (ил. 3в). В этом небольшом фрагменте гармонично

соединились характерные архитектурные типы зданий этого исторического периода. Старый каменный дом, построенный в 1761 г. иркутским купцом М.И. Глазуновым, был перестроен под здание таможни и представлял собой классический образец каменной застройки деловой части Иркутска XIX в. Основные членения фасада — горизонтальные тяги по уровню цоколя и карниза, арочные окна с наличниками, рустовка углов, пилястры, рельефные геометрические элементы. Рядом было возведено двухэтажное деревянное здание управления таможни — симметричный объем с высоким, крытым парадным крыльцом, на высоком цоколе и дощатой обшивкой фасада с декоративной обработкой наличников и фриза. И, наконец, Чудотворская церковь как образец культовой архитектуры в стиле сибирского барокко в Иркутске.

Характер окружающей среды раскрывают виды Иркутска на почтовых открытках из коллекции С.И. Медведева. Берег представляет собой оживленную городскую улицу. Фасад исторического города обращен к реке, главные улицы города имеют выход к ней. По Береговой улице, являющейся самой длинной в городе, проходили торжественные процессии, связанные с церковными праздниками и важными событиями города. Храмы воспринимались с главных подъездных дорог, речных путей, пешеходных маршрутов. Их визуальные образы способствовали формированию ясного запоминающегося ландшафта, понимания его структуры и ориентации в нем. Иллюстрация 3г демонстрирует фрагмент исторической набережной города, воспринимаемый как целостная глубинно-пространственная композиция. Снимок В.К. Ястремского с колокольни Богоявленского собора представляет вид на набережную от Сукачевского сквера (слева на первом плане) до Чудотворской церкви (вмонтирован чертеж восточного фасада). Справа — правобережный причал плашкоута московского перевоза (напротив, у реки, организована плашкоутная переправа, связывавшая речной и сухопутный пути). Совсем рядом за собором Богоявления — парадный подъезд к городу, Московский тракт, отмеченный триумфальными Московскими воротами и пятикупольным объемом Владимирской церкви (не попадает в кадр).

Визуальное поле насыщено знаками: напротив переправы беседка в восточном стиле как символ главного направления торговых путей; сквер как символ места древнего острога; его планировочная ось указывает на Чудотворский храм, восточный фасад которого означает направление пути священного ковчега, плывущего с запада на восток по морю житейских страстей; сам окружающий ландшафт, его берег, река, фрагмент города с Иркутской таможней сфокусированы в одном объекте, организующем окружающую среду и являющемся ее архитектурным и духовным ориентиром.

Излучина реки. Самое выразительное место природного ландшафта исторически закрепились размещением Чудотворского храма. С противоположного берега в панораме города храм воспринимается в ансамбле белоснежных храмов-доминант и участвует в формировании образа исторического города (ил. 4). Излучина реки явилась важным фактором в архитектурно-пространственной композиции Чу-

дотворской церкви, определяет ее масштабность, смысловые и образные характеристики. Эволюционно изменяясь, архитектурные формы храма всегда оставались монументальными ориентирами в окружающем ландшафте. Долгие годы до конца своего существования этот храм являлся ключевым звеном в формировании градостроительного ансамбля в панораме города. Это уникальное место с выразительной доминантой воспринималось с главных пешеходных и транспортных маршрутов города. Ценность и в то же время проблема состояла в том, что Чудотворская церковь относительно близко размещалась к береговой линии. Это являлось причиной подтапливания нижнего храма в периоды паводков. Выше по течению реки другой конец изгиба береговой дуги фиксировала Троицкая церковь, но она располагалась значительно дальше от берега, поэтому со временем оказалась в окружении высокой застройки и была потеряна как доминанта.

На иллюстрации 4 показаны три исторических периода в формировании панорамы Иркутска с Кайской горы. На верхнем снимке Чудотворская церковь на переднем плане в визуальном поле белокаменных ярусных храмов, является началом восприятия глубинно-пространственной композиции ансамбля — ее ключевым звеном (ил. 4а). На среднем снимке появляется новый доминирующий элемент панорамы — кафедральный Казанский собор в русско-византийском стиле. Ко времени окончания строительства собора архитектурный облик Чудотворской церкви преобразуется и приобретает завершения вертикальных объемов в неорусском стиле, перекликаясь с кокошниками закомар нового храма. Ансамбль храмов преобразуется в глубинную композицию, развивающуюся от двух фланкирующих разновеликих объемов, уравновешенных в пространстве. В этом видовом поле фокусом притяжения становится Спаская церковь, за ней видна пятиглавая Владимирская церковь, а на дальнем плане между ними появилась Князе-Владимирская церковь, построенная позже (1887—1895 гг.) и усиливающая глубинно-пространственную композицию (ил. 4б). За Чудотворской церковью видны Московские ворота и две ярусных колокольни Богоявленского собора. Смысловой круг развития русского православного зодчества как преемника Византии замыкается архитектурной доминантой кафедрального Казанского собора.

На снимке панорамы 1913—1914 гг. видны тенденции изменения ландшафта города — промышленные здания и многочисленные трубы, которые загораживают объемы храмов, разрушая сложившийся градостроительный ансамбль и глубинные смыслы, лежащие в основе его формирования (ил. 4в). Чудотворскую церковь постепенно окружают производственные корпуса. Индустриальный город словно оттесняет от себя церковное здание, но оно еще остается доминантой на своем месте, у края приметной дуги, которая защищает его видовое поле огибающей гладью воды, отражающей небо и храм (ил. 4в). Символы нового времени — могучие фабричные трубы, выражающие прогресс индустриализации и презрение к храмам. Кафедральный Казанский собор будет взорван в 1932 г. На его месте возникнет Дом Советов — предвестник архитектурных трансформаций новой эпохи.

В 1925 г. власти города закрывают Иркутскую таможню. В 1930 г. отдают Чудотворскую церковь и ее территорию под расширение Чаепрессовочной фабрики. Через год храм разрушили. На его месте дирекция фабрики построила четырехэтажный дом для своих инженерно-технических работников. Отныне это ключевое место было потеряно для панорамы, отрезано от набережной, лишено всякого смысла. Свернулось все благодатное, что было заложено на этом месте нашими предками и что могло бы еще быть. Разрушая храмы, нарушая законы эволюции, человечество загоняет себя в тупик.

Изменение городского ландшафта, появление разнохарактерной неоднородной застройки явилось причиной изменений в облике храмовой архитектуры. Со временем утраченный ансамбль белокаменных храмов-доминант распался на самостоятельные акценты в плотной городской среде. Видимо, поэтому возникла необходимость в контрастном выделении декора с помощью цвета (собор Богоявления, Крестовоздвиженская церковь). Собрать в целостную картину сохранившееся стилистическое достояние помогают также туристические маршруты, специально организованные и отмеченные информационной рекламой. Так, в 2013 г. в Иркутске появился Зеленый маршрут, объединивший видовые точки на архитектурные памятники пешеходными и водными трассами. Фрагменты благоустройства набережной формируют общественное пространство, насыщенное новыми пластическими знаками, иллюстрирующими исторические вехи в развитии города.

Историческая память проявляется и в формах современной архитектуры, использующей метод имитации отдельных элементов, напоминающих об утраченном наследии. Например, на площади Кирова является знаком разрушенного Казанского собора, восьмигранный купол в завершении башни современного жилого комплекса на Чудотворской улице напоминает о разрушении Чудотворского храма. В 2016 г. было возвращено название Чудотворской улице вместо улицы Баграда. В этом же году был проведен Всероссийский конкурс «Квартал XXI века», победителем которого стала концепция воссоздания Чудотворской церкви [Итоги конкурса]. Наконец, возникла положительная тенденция в поиске пути к восстановлению градостроительного наследия, а значит, еще остался шанс вернуть ансамбль набережной, его смысловые и духовные ориентиры.

Эволюционная трансформация в архитектуре храма представляет собой предметный образ, глубинный смысл которого в церковном толковании должен соответствовать процессу духовного совершенствования человека и общества. Предметный образ и глубинный смысл православного храма не могут развиваться один без другого. В связи с этим возникают вопросы о том, каким мог бы стать архитектурный облик Чудотворского храма сегодня и какова была бы окружающая его городская среда. Можно предположить, что путь архитектурной трансформации храма соответствовал бы духу времени и места, и что сегодня не было бы рядом с храмом чаеразвесочной фабрики, так же как в свое время убрали с территории собора Богоявления хлебозавод и дымящие трубы. Единая набережная

с широким зеленым бульваром объединила бы архитектурно-исторические памятники в целостный ансамбль. Возможно, тогда не возникли бы неразрешимые градостроительные проблемы утраченного знакового места.

Исследование эволюционной трансформации архитектурных форм можно осмыслить как ценный познавательный процесс семантического прочтения религиозной архитектуры, в котором раскрываются ее символические ценности. В настоящей статье не ставится целью объяснение символики в устройстве храма, автор представляет воссозданный храм как часть символического наследия. Новая жизнь Чудотворского храма не в реальном, а в духовном мире — воссоздание его чертежей и восстановление исторической ценности в сознании людей. Исследование его эволюции можно рассматривать как звенья одной цепи в развитии архитектурного ансамбля православных храмов Иркутска.

Список литературы

1. Акулич О.А., Крючкова Т.А., Полунина Н.М. Во имя Спаса Нерукотворного Образа: Документальное повествование о жизни первого каменного храма города Иркутска. 1706—2006. — Иркутск: Иркутский кремль, 2008. — 488 с.
2. Богородице-Владимирская церковь в Иркутске: история и современность. — Иркутск: Земля Иркутская, 2012. — 444 с.
3. Живописные путешествия по Иркутской губернии XVIII—XIX веков. Графика (Опыт историко-искусствоведческого исследования). — Иркутск: ИОКМ, 2007. — 189 с.
4. Иркутская таможня. — Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1, 2002. — 220 с.
5. Иркутские епархиальные ведомости. — 1899. — № 6. — С. 169—177.

6. Итоги конкурса «Квартал XXI века» // Архитайм [Электронный ресурс]. — URL: <http://architime.ru/competition/2016/compexhibition290716kvartal.htm>

7. Калинина И.В. Православные храмы Иркутской епархии: XVII — начало XX века. — М.: Галарт, 2000. — 496 с.

8. Калинина И.В., Медведев С.И. Храмы дореволюционного Иркутска. — Иркутск: Репроцентр А1, 2013. — 124 с.

9. Козлова Г.С. Воссоздание архитектурного облика Чудотворской церкви в городе Иркутске на основе ретроспективного метода // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 132—141.

10. Лебедев Л., протоиерей. Православный храм, богослужения, утварь и одеяния духовенства // Настольная книга священнослужителя. В 7 т. — М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1983. — Т. 4. — С. 7—157.

11. Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. 1899—1917. — М.: Галарт, 1996. — 641 с.

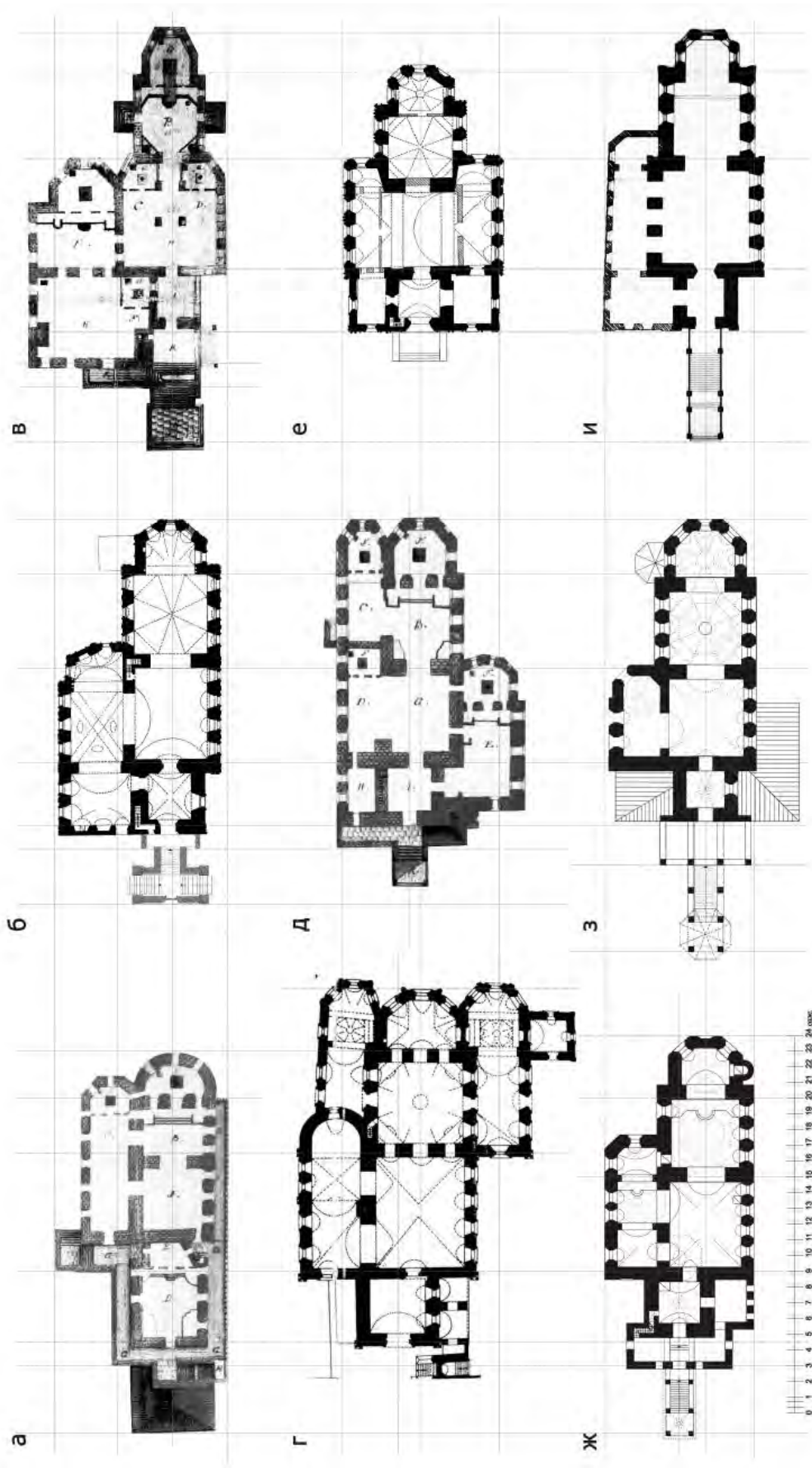
12. Оглы Б.И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. — 112 с.

13. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881—1901 гг. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. — 544 с.

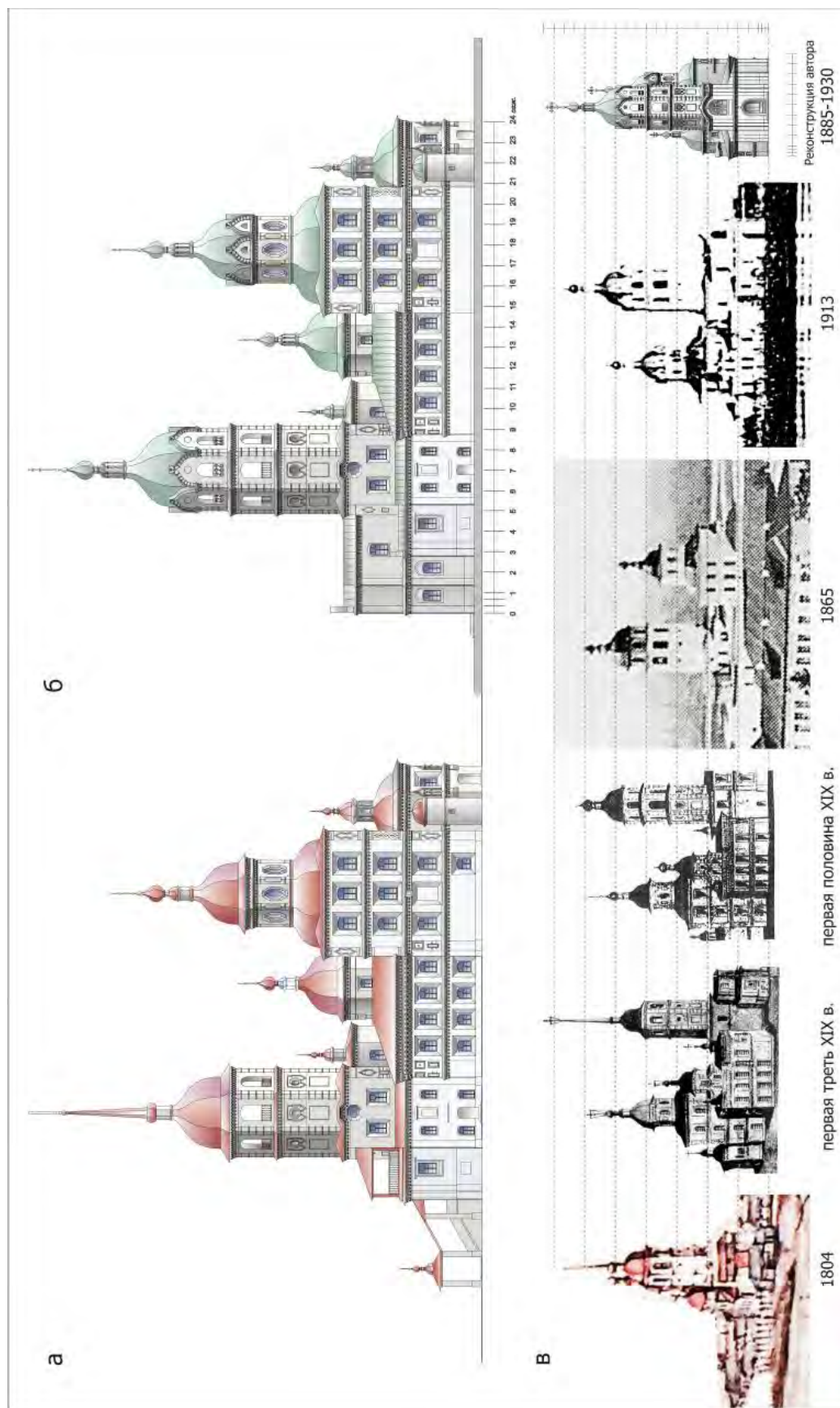
14. Тарасенко О.В., Козлова Г.С. Национальное и интернациональное в архитектурной символике. — Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 2015. — 246 с.

Список источников

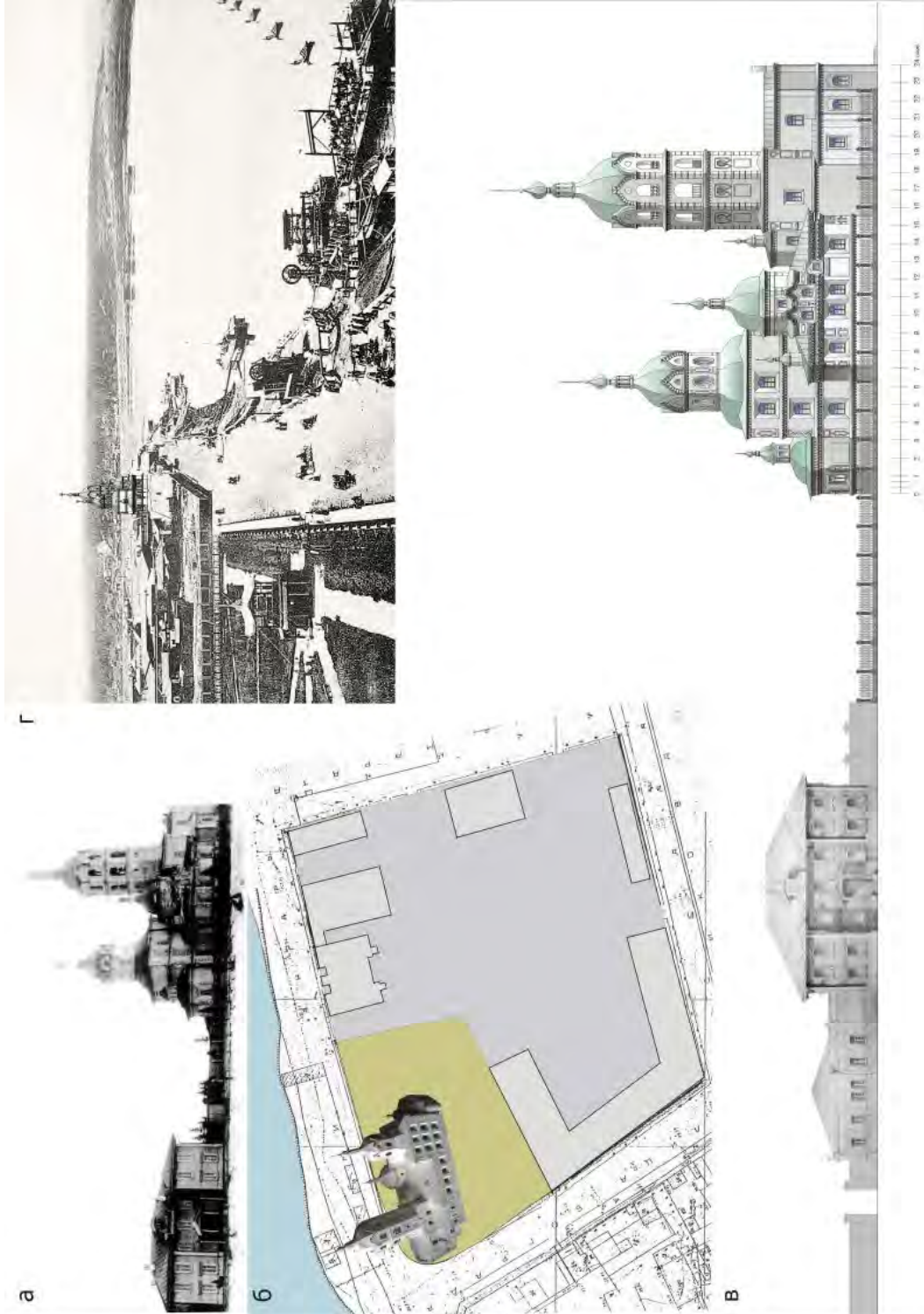
1. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 8187 (Иркутская духовная консистория. Опись имущества Градо-Иркутской Прокопьевской церкви).
2. ГАИО. Фотоколлекция О.В. Маркевича. Кн. 4. Оп. 1.

Ил. 1. Сравнение планов иркутских храмов периода XVIII — первой трети века XIX в.: а — Спасская церковь (рисунок И.Е. Кожевина, 1825 г., ИОКМ) [Живописные путешествия..., 2007, с. 71]; б — Харлампиевская церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г., монтаж крыльца — реконструкция автора) [Калинина, 2000, с. 127]; в — Крестовоздвиженская церковь (рисунок И.Е. Кожевина, 1825 г., ИОКМ) [Живописные путешествия..., 2007, с. 72]; г — собор Богоявления (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 108]; д — Знаменская церковь (рисунок И.Е. Кожевина, 1825 г., ИОКМ) [Живописные путешествия..., 2007, с. 73]; е — Троицкая церковь (чертеж Е.Ю. Барановского 1979 г.) [Калинина, 2000, с. 144]; ж — Чудотворская церковь (графическая реконструкция автора); з — Тихвинская церковь (графическая реконструкция автора); и — Владимирская церковь [Богородице-Владимирская церковь..., 2012, с. 123]

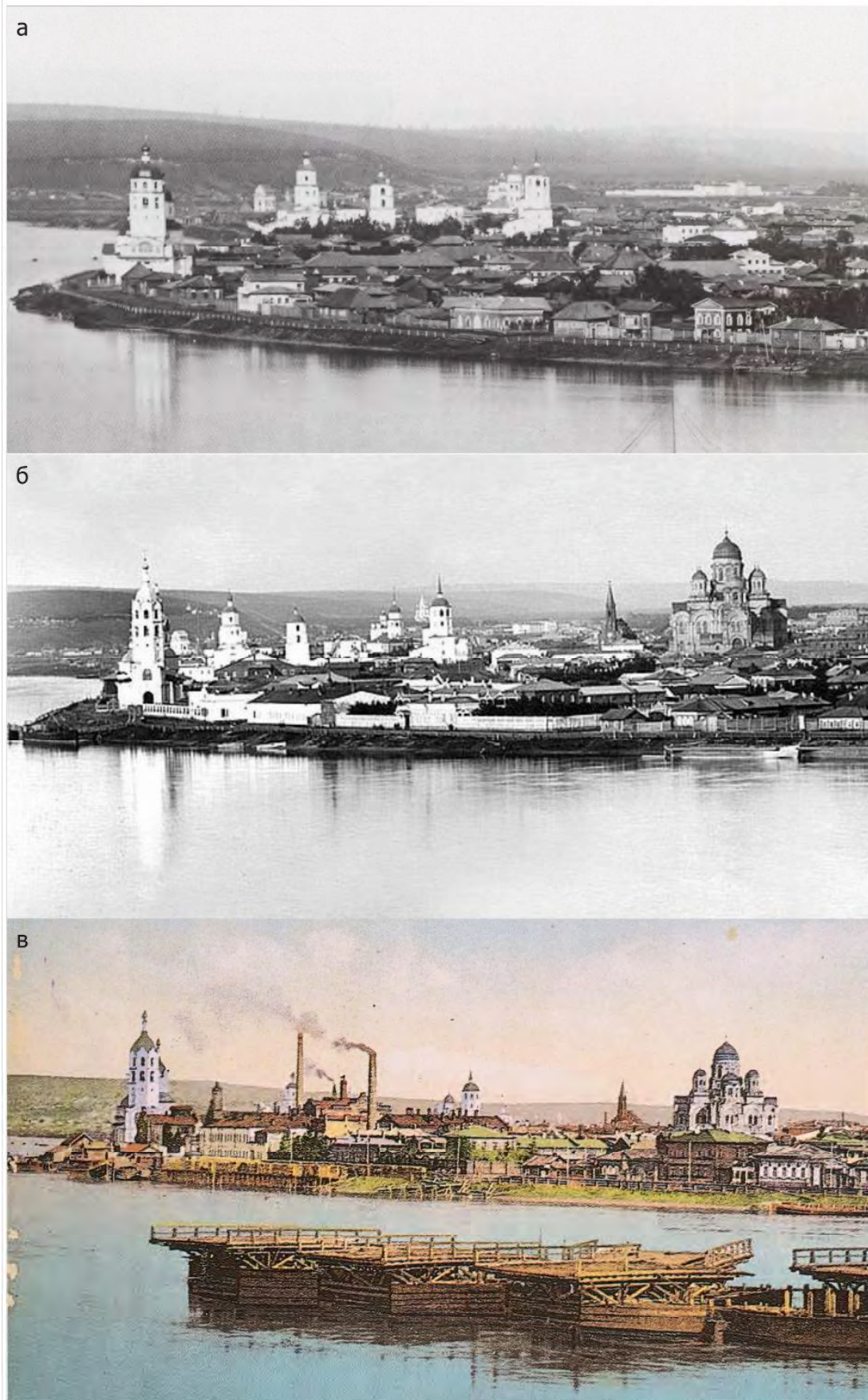

Ил. 2. Эволюционная трансформация архитектурного облика Чудотворской церкви на период 1804 г. (реконструкция автора); б — южный фасад Чудотворской церкви на период 1885—1930 гг. (реконструкция автора); в — фрагменты исторических фотографий и рисунков соотнесенные с модульной сеткой и чертежом западного фасада Чудотворской церкви. Источники слева направо: рисунок А.И. Лосева 1804 г. [Акулич и др., 2008, с. 80—81]; рисунок неизвестного автора первой трети XIX в., ИОКМ [Калинина, 2000, с. 137]; рисунок неизвестного автора первой половины XIX в. (архив Иркутской таможни); снимок 1865 г. А.К. Гофмана [URL: http://lib.rg.ru/resources/irgktsk_types.html]; снимок 2013 г. издатель Т.-Д. Хахаев [Медведев, 1996, с. 31.1]; западный фасад Чудотворской церкви на период 1885—1930 гг. (реконструкция автора)

Илл. 3. Фактор места. Чудотворская церковь в квартале Иркутской таможни:

а — панорама набережной со зданиями главного управления Иркутской таможни и Чудотворской церкви конца XIX в. [Иркутская таможня, 2002, с. 41]; б — схема генплана исторического квартала Иркутской таможни и Чудотворской церкви (составлена автором, макет церкви выполнил А.А. Яковлев); в — развертка северных фасадов Чудотворской церкви и зданий управления Иркутской таможни по Набережной улице. Реконструкция здания выполнена студентами ИРНИТУ группы ДАС-02-2 А.Ю. Янов и П.Л. Поздняков); г — снимок 1894 г., В.К. Ястремский [Медведев, 1996, с. 312], на место изображения Чудотворской церкви вмонтирован чертеж восточного фасада (реконструкция автора)

Ил. 4. Развитие ансамбля православных храмов в панораме исторического города. Фрагмент панорамы Иркутска с Кайской горы: а — снимок А.К. Гофмана, 1860-е гг. [Калинина, Медведев, 2013, с. 30]; б — снимок начала XX в. [URL: http://library.isu.ru/ru/resources/Irkutsk_types.html]; в — снимок 1913—1914 гг. [Медведев, 1996, с. 340]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10026

УДК: [902/904+902.01+72.031]

С.А. Липс
svetlanalips@yandex.ru
О.В. Кардаш
kov_ugansk@mail.ru

АНО Институт археологии Севера (г. Нефтеюганск)

Архитектура оборонительно-жилых комплексов аборигенов Севера Западной Сибири VIII века до нашей эры — XVIII века нашей эры

*Исследование выполнено в рамках проекта по гранту Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 17-11-86008)*

Аннотация

В статье представлены результаты предварительных историко-архитектурных исследований оборонительно-жилых комплексов середины I тыс. до н. э. — середины II тыс. н. э. в составе крупного археологического комплекса «Соровские озера». В ходе первого этапа исследований 40 оборонительно-жилых комплексов урочища Соровские озера была прослежена динамика заселения данной территории и составлена систематизированная таблица ОЖК Соровских озер по хронологическим этапам их функционирования. В результате архитектурного анализа выделены 3 планировочные структуры ОЖК: прямоугольная, прямоугольно-диагональная и радиально-кольцевая. Определено, что 73% городков относятся к прямоугольной планировочной системе с возможными вариантами композиции оборонительной системы. Выявлена преемственность архитектурных традиций проектирования ОЖК Соровских озер и их инженерных решений, которые остаются неизменными на протяжении тысячелетий. Выявлены общие элементы планировочной структуры и архитектуры Зауралья и Севера Западной Сибири, характерные для укрепленных поселений широкого хронологического периода.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, средняя тайга, Соровские озера, комплекс археологических памятников, эпоха раннего железного века, эпоха Средневековья

S.A. Lips
svetlanalips@yandex.ru
O.V. Kardash
kov_ugansk@mail.ru

Institute of Archeology of the North (Nefteyugansk)

The Architecture of the Fortified Residential Complexes of the North of Western Siberia in the 8th Century BC —18th Century AD

Abstract

The article deals with the results of preliminary historical and architectural studies of fortified residential complexes from the second half of 1st millennium BC to the first half of 2nd millennium AD as a part of a large archaeological complex *Sorovskie Oзера*. During the first stage of the research of the 40 fortified residential complexes *Sorovskie Oзера*, the authors traced dynamics of settlement of the territory and made a systematized table of the fortified residential complexes *Sorovskie Oзера* according to the chronological stages of their activity. As a result of the architectural analysis, 3 planning structures of fortified residential complexes were identified: rectangular, rectangular-diagonal and radial-ring. It is determined that 73% of the fortified residential complexes belong to the rectangular planning system. The continuity of the architectural tradition of designing of fortifications *Sorovskie Oзера* and their engineering solutions were revealed that have remained unchanged for thousands of years. The general elements of planning structure and architecture of the southern Urals and the North of Western Siberia are revealed, specific for the fortified settlements of the wide chronological period.

Key words: the North of Western Siberia, the Middle taiga, the Sorov lakes, a complex of archeological monuments, the early Iron Age, the Middle Ages

В работе представлены результаты предвари-
тельных историко-архитектурных исследований го-
родков середины I тыс. до н. э. — середины II тыс.
н. э. в составе крупного археологического комплекса

«Соровские озера».

Задачами работы является: проведение пред-
варительного архитектурного анализа композиции и
параметров планировочной структуры оборонитель-

но-жилых комплексов² Соровских озер по визуально выраженным в рельефе остаткам сооружений; проведение сравнительного анализа композиции и состава ОЖК основных хронологических этапов — эпохи раннего железного века и эпохи Средневековья.

Исследуемые археологические объекты расположены в зоне средней тайги Западной Сибири. Часто в российской археологии подобные объекты называются городища. Учитывая их функциональное значение и небольшие размеры — максимум 100 x 100 м — для корректной классификации веден термин «оборонительно-жилой комплекс».

Ландшафт таежной зоны Западной Сибири, а именно песчаные и супесчаные грунты, — это уникальная особенность территории с точки зрения археологии. Супесчаные почвы хорошо сохраняют конфигурацию остатков археологических объектов — рвы, валы³, ямы и др. Остатки ОЖК разных эпох визуально фиксируются на поверхности рельефа и могут служить источником для первичного анализа композиции и параметров планировочной структуры и архитектуры.

Другой особенностью территории является расположение укрепленных поселений. Часто встречаются единичные укрепленные поселения, однако наибольшее их количество зафиксировано в составе крупных археологических комплексов — крупных скоплений археологических объектов, сконцентрированных на локальной территории. Исследование археологических комплексов позволит проанализировать хронологию и интенсивность заселения территории Севера Западной Сибири.

Известно, что наиболее ранние укрепленные поселения в таежной зоне Севера Западной Сибири⁴ относятся к эпохе неолита—энеолита (VII—III тысячелетия до н. э.). Их насчитывается менее 15 объектов. Археологически они не изучены, их происхождение достоверно неизвестно, поэтому в настоящее время невозможно сделать репрезентативную выборку неолитических ОЖК.

Несколько больше укрепленных поселений (око-

ло 40 объектов) относятся к позднему бронзовому веку — рубежу II—I тыс. до н. э. Однако большинство этих объектов представляют собой отдельные жилища, иногда с двумя помещениями, и не имеют архитектурно-планировочной связи с ОЖК более поздних периодов.

В период с VIII—VII вв. до н. э. до III—IV вв. н. э. — в эпоху раннего железного века, ОЖК широко распространяются по территории. На сегодняшний день количество известных памятников белоярской, калинкинской и кулайской археологических культур насчитывается около 260 единиц. Количество городков последующего периода, от III в. и до начала XVIII в., насчитывает более 300 объектов, относящихся к разным археологическим культурам. Причем в позднем Средневековье количество укрепленных поселений существенно снижается. ОЖК периода XVI—XVIII вв. н. э. насчитывается около 15 объектов.

На сегодняшний день нет обобщающей работы по исследованию укрепленных поселений в составе археологических комплексов. Существует ряд работ по изучению ОЖК в рамках отдельно взятого периода существования городка (Надымский городок XVI—XVIII вв., городок Бухта Находка XII—XIII вв., Полуйский мысовой городок конца XVI — первой трети XVIII в., городок Монкысь урий [Кардаш 2011; Кардаш 2013а; Кардаш 2013б; Кардаш, Визгалов, 2015]), либо рассматривались укрепленные поселения одной археологической культуры [Чернецов, 1949, с. 67—74]. Результаты стационарных и камеральных исследований представлены в ряде публикаций [Борзунов, Чемякин, 2012; Зыков, 2012, с. 46—60].

Специальные историко-архитектурные и инженерные исследования западносибирских ОЖК не проводились. Первым этапом таких исследований стало их изучение в составе археологических комплексов (10 на территории Западной Сибири), первым из которых стал архитектурный анализ ОЖК археологического комплекса «Соровские озера».

Урочище Соровские озера расположено на юге Нефтеюганского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, в юго-западной части Среднеобской низменности в междуречье Оби и Иртыша, в бассейне верхнего течения реки Большой Салым (ил. 1, 2).

Археологический комплекс «Соровские озера» составляет 101 объект археологии и этнографии разного времени функционирования. Среди них 40 оборонительно-жилых комплексов. Большинство археологических памятников расположены на юго-западном и южном берегах Большого и Малого Соровских озер (ил. 3).

Уникальность комплекса памятников Соровских озер заключается в том, что на локальной территории в первозданном ландшафте сохранились руинированные комплексы поселенческих и иных объектов, существовавших и сменявших друг друга на протяжении нескольких тысячелетий. Большинство поселенческих объектов археологического комплекса не подвергались антропологическому воздействию и находятся в отличном состоянии. Остатки сооружений визуально хорошо различимы на поверхности, что позволяет зафиксировать их концентрацию на участке (ил. 4).

² Оборонительно-жилой комплекс (здесь и далее) — это группа построек, объединенных специально спланированной территорией, окруженных системой обороны. Впервые термин употребил О.В. Кардаш [Кардаш, 2013а].

³ Визуально на поверхности по периметру укрепленного поселения фиксируются вытянутые углубления и возвышения рельефа, называемые в археологических источниках рвами и валами [Чемякин, 2008; Зыков 2012]. Немногочисленные археологические раскопки оборонительной системы городков на территории Севера Западной Сибири показали, что вал — это остатки грунтовой подсыпки наружных деревянных стеновых конструкций в виде частотола либо остатки заполнения пространства между внутренней и внешней деревянной обочкой наружной стены. А ров — это место, откуда вынимался грунт для подсыпки или заполнения деревянной стены. Деревянные конструкции на рассматриваемой территории сохраняются плохо, после их разрушения грунт оползает и на поверхности фиксируется небольшой вал. Для достоверного определения функционального назначения фиксируемых на поверхности рвов и валов необходимо их археологическое изучение и комплексный анализ.

⁴ В данном случае рассматриваются количественные показатели на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, так как он охватывает большую часть таежной зоны Севера Западной Сибири.

На берегу Соровских озер зафиксированы 40 ОЖК разных хронологических периодов. Из них: 2 ОЖК эпохи бронзы (III — начало I тысячелетия до н.э.), 22 ОЖК раннего железного века (VIII в. до н.э. — III в. н.э.); 16 ОЖК эпохи Средневековья (IV—V вв. — XII—XIII вв. н.э.). Хронология функционирования ОЖК определена в основном по керамическому материалу, который определяет археологическую культуру, и в ряде случаев — по радиоуглеродному анализу.

На территории археологического комплекса «Соровские озера» проведена сплошная геодезическая съемка поверхности рельефа. На все ОЖК составлены топографические планы. Все они систематизированы в хронологическом порядке от бронзового века до Средневековья.

Проведен архитектурный анализ планировочных схем ОЖК и их параметров (табл. 1), на основании которого составлены реконструкции проектной планировочной схемы ОЖК.

Методика проведения архитектурного анализа планов ОЖК заключалась в графическом восстановлении осей основных планировочных элементов городков — системы фортификации и жилого комплекса. Оси оборонительной системы преимущественно проведены по средней части вала, так как по данным археологических исследований городков на территории таежной зоны Западной Сибири именно в средней части вала выявлены остатки стеновых конструкций [Зыков, 2012, с. 51, 63, 105]. Оси в жилом комплексе городка проведены по основным направляющим расположения сооружений, а также по центральным «улицам» городков. Графический анализ отдельных ОЖК представлен в таблице 2.

Первые укрепленные поселения появляются в окрестностях Соровских озер в эпоху бронзы (II—I тыс. до н. э.). Однако объективно их нельзя назвать ОЖК, так как фактически они являются отдельно стоящими укрепленными сооружениями — наземными жилищами прямоугольной или квадратной в плане формы, окруженные системой обороны.

Собственно ОЖК, включающие в себя жилую площадку с не менее чем четырьмя сооружениями, появляются здесь только с VIII в. до н. э. в раннем железном веке. Всего насчитывается 22 оборонительно-жилых комплекса раннего железного века, трех археологических культур: белоярской, калинградской и кулайской.

Известно три ОЖК белоярской археологической культуры. Для них характерна форма, близкая к прямоугольнику. Оборонительная система состоит из рва и вала, примыкающего к рву с внутренней стороны, окружающих площадку жилого комплекса с четырех сторон. Входы в городок фиксируются с трех или четырех сторон.

На площадках располагаются остатки 6—10 сооружений — наземных жилищ в виде неглубоких впадин или площадок, окруженных валом. Остатки сооружений расположены параллельно центральной продольной оси ОЖК. В двух из трех случаев прослеживается симметричное расположение сооружений относительно центральной оси. Остатки сооружений представляют собой впадины, близкие по форме к прямоугольнику. Один из ОЖК имеет характерные отличительные черты — это наличие усеченных с

четырех сторон углов и трех входов-выступов, расположенных с трех сторон.

Шесть ОЖК калинградской археологической культуры отличаются более разнообразными формами в плане. Однако у большинства форма близка к прямоугольнику и прослеживается стремление к симметричной организации плана. У трех из шести городищ четко видна зеркальная симметрия в композиции плана. Постройки на жилой площадке расположены в два ряда, симметрично относительно центральной продольной оси. 2 ОЖК имеют форму прямоугольника с усеченными углами. Общая черта всех ОЖК — устройство фортификационной системы. В большинстве случаев на поверхности фиксируется вал, окружающий по периметру жилую площадку, и ров с наружной стороны вала. В ряде случаев фиксируются дополнительные рвы и валы.

Тринадцать ОЖК — кулайской археологической культуры. В их планах прослеживается симметричная композиция. Формы планов в большинстве случаев близки к прямоугольнику. Встречаются единичные случаи, когда ОЖК в плане имеют форму неправильного пятиугольника, трапеции с усеченными углами и шестиугольника. В композиции плана читается четкая зеркальная симметрия.

Следующий за ранним железным веком период Средневековья представлен 16 ОЖК шести археологических культур: карымской, зеленогорской, рёлкинской, кучиминской, вожапайской и кинтусовской. У всех средневековых городков прослеживается симметрия в композиции планировочной структуры. И большая их часть основана на принципе зеркальной симметрии относительно продольной оси городка, проходящей по его центральной улице.

Городков карымской археологической культуры насчитывается всего шесть. ОЖК представляют собой жилые площадки прямоугольной формы, окруженные системой обороны в виде вала и рва, с зеркальным размещением сооружений относительно центральной продольной или центральной поперечной осей.

Лишь один ОЖК в плане имеет более сложную многоугольную форму с входом в виде выступа. В размещении построек можно проследить определенную закономерность: часть из них расположены на одной оси, однако четкая система не выявлена.

Два ОЖК относятся к карымской и зеленогорской археологическим культурам. Они представляют собой жилые площадки прямоугольной формы с небольшими треугольными выступами с одной или с двух сторон, окруженные оборонительной системой в виде вала и рва. На жилой площадке размещены от 4 до 8 построек в два ряда симметрично относительно центральной продольной оси.

Два ОЖК зеленогорской и рёлкинской археологических культур составляют замкнутую группу, расположенную на мысу и окруженную единой системой обороны в виде рва и вала. Кроме того, эскарпированные склоны мысового выступа использовались как дополнительная система обороны. Жилые площадки самих городков прямоугольной формы, окруженные системой обороны в виде вала и рва. На площадке первого ОЖК располагаются 2 сооружения. Второй ОЖК составляют 8 построек в два ряда.

Все ОЖК кучиминской археологической культуры

представляют собой окруженные оборонительной системой жилые площадки с 7—8 сооружениями на них, расположенными в 2 ряда или в 3 ряда.

Городища кинтусовской археологической культуры стали завершающим этапом функционирования ОЖК на территории Соровских озер. Одно из них принципиально отличается от всех описанных ОЖК. В основу композиции заложена радиально-кольцевая планировочная система. На поверхности зафиксированы остатки ОЖК круглой в плане формы. Городище отличается довольно мощными фортификационными сооружениями, хорошо видимыми в современном рельефе. С северной стороны жилой комплекс защищен крутым эскарпированным склоном. С других сторон по периметру городок окружен рвом и валом. При этом сама площадка была искусственно поднята на высоту около 2 м.

В итоге на основании архитектурного анализа ОЖК Соровских озер по двум элементам — конфигурации оборонительной системы и расположению сооружений на жилой площадке — выделены 2 основные планировочные системы: смешанная и регулярная.

В смешанной планировочной системе несколько элементов композиции расположены вне общей закономерности или хаотично. В большинстве случаев внутри четкой геометричной оборонительной системы хаотично расположены постройки жилой площадки.

В регулярной планировочной системе прослеживается определенная закономерность расположения элементов и их взаимосвязь, а именно параллельное и перпендикулярное расположение осей сооружений внутри четкой геометричной оборонительной системы. В большинстве случаев в данной системе наблюдается симметрия в размещении элементов или групп элементов.

В регулярной планировочной системе выделены 3 планировочные структуры: прямоугольная, прямоугольно-диагональная и радиально-кольцевая.

В прямоугольной структуре форма оборонительной системы в плане прямоугольная или близкая к прямоугольной, основные оси жилого комплекса прямые, расположенные относительно друг друга и относительно центральной оси параллельно и перпендикулярно. Возможны варианты организации оборонительной системы как прямоугольника с усеченными углами или с выступами. К данной структуре относится 29 ОЖК, из них 17 раннего железного века и 12 средневековых.

В прямоугольно-диагональной структуре форма оборонительной системы в плане многоугольная, основные планировочные оси жилого комплекса прямые или изогнутые, расположенные относительно друг друга параллельно и перпендикулярно и под иным углом. К данной планировочной структуре относятся 4 ОЖК раннего железного века и 2 ОЖК Средневековья.

В радиально-кольцевой структуре элементы планировки расположены по прямым (радиальным) и кольцевым осям. К данной планировочной структуре относится 1 средневековый ОЖК.

Таким образом, анализ планировочной структуры показал, что большая часть городков (73%) относятся к прямоугольной планировочной системе

с формированием рядов построек вдоль основных продольных осей (улиц).

Подобная планировочная структура укрепленных поселений встречается в степной зоне Южного Зауралья, но в более раннее время — в эпоху бронзы. Это, например, поселения Андреевское, Бахта, Коноплянка, Париж и Синташта II, Устье (ил. 5) [Зданович, Ботанина, 2007, с. 60—68, 78—82, 111—118, 152—156, 164—168]. Они прямоугольные в плане с 2—3 рядами построек, расположенными вдоль улиц. Оборонительная система поселений также состоит из рвов и валов (остатков стен). Однако поселения степной зоны отличаются от более поздних таежных большими размерами: часто размеры поселений Южного Зауралья достигают в длину 150 м и более, тогда как ОЖК Севера Западной Сибири — менее 100 м (см. табл. 1). Данный факт можно объяснить техническими возможностями строительства ОЖК в разных ландшафтных зонах, а также наличием подручных строительных материалов.

Вероятно, эти архитектурные традиции проникают в таежную зону Западной Сибири с южных территорий, распространяются до арктических земель и продолжают свое существование вплоть до позднего Средневековья.

В итоге исследования 40 ОЖК урочища Соровские озера была прослежена динамика заселения данной территории и составлена систематизированная таблица ОЖК Соровских по хронологическим этапам их функционирования. На территории зафиксировано: 2 городища эпохи бронзы (II—I тыс. до н. э.), 22 городища раннего железного века (VIII—VII вв. до н. э. — III в. н. э.); 16 городищ эпохи Средневековья (II—IV — XII—XIV вв. н. э.).

В результате архитектурного анализа выделены 3 планировочных структуры ОЖК: прямоугольная, прямоугольно-диагональная и радиально-кольцевая. Определено, что 73% городков относятся к прямоугольной планировочной системе с возможными вариантами композиции оборонительной системы — с усеченными углами, с треугольными выступами, с добавлением небольших выступов, или комбинации данных вариантов. С чем связано возникновение вариаций планов — пока достоверно не известно. Может быть, со стремлением гармонично вписаться в ландшафт или обхождением препятствий в виде крупных деревьев. Кроме того, отклонение от прямых линий и прямых углов возникло вследствие несовершенства технологий строительства и орудий труда. Очевидна преемственность архитектурных традиций проектирования ОЖК комплексов Соровских озер и их инженерных решений, которые остаются неизменными на протяжении тысячелетий.

По данным анализа планировочной структуры укрепленных поселений Андреевское, Коноплянка и Синташта II можно предположить, что древние строители ОЖК на территории таежной зоны Севера Западной Сибири были выходцами из степной зоны Южного Зауралья. Данная теория подтверждается и общностью культурных традиций, выраженных в орнаменте на керамических сосудах [Зыков, 2012, с. 46—60]. Кроме того, хронология функционирования укрепленных поселений Южного Зауралья ограничивается эпохой бронзы, далее подобные сооружения здесь перестают существовать. Именно в это время

на территории Севера Западной Сибири начинается строительство сооружений с подобной планировочной структурой, данная архитектурная традиция продолжает существовать до позднего Средневековья.

Список литературы

1. Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымское общество таежного Приобья: некоторые аспекты его генезиса, развития и взаимодействия с соседями // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — Вып. 10. — С. 217—261.
2. Зданович Г.Б., Ботанина И.М. Аркаим — «страна городов»: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). — Челябинск: Изд-во «Крокус»; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. — 260 с.
3. Зыков А.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. — Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 2012. — 232 с.
4. Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследований). — Екатеринбург-Нефтеюганск: Изд-во АМБ, 2011. — 60 с.
5. Кардаш О.В. Надымский городок князей Большой Карачеи (Обдорские городки в конце XVI — первой трети XVIII в.: История и материальная культура). — Екатеринбург-Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013а. — 360 с.
6. Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки в конце XVI — первой трети XVIII вв.: История и материальная культура). — Екатеринбург-Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013б. — 380 с.
7. Кардаш О.В., Визгалов Г.П. Городок Монкысь урий: К истории населения Большого Югана в XVI—XVII веках (по результатам комплексного археологического изучения). В 2 т. Т. 1. Археологические исследования. — Екатеринбург: Изд. группа «Караван», 2015. — 448 с. (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири. Вып. 5).
8. Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут-Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — 224 с.
9. Чернецов В.Н. Зеленая горка близ Салехарда // КСИА. — Вып. XXV. — М.-Л. 1949. — С. 68—74.

Таблица 1

**Систематизированная таблица оборонительно-жилых комплексов Соровских озер
по хронологическим периодам с метрическими характеристиками**

№	Наименование памятника	Хронологический период	Археологическая культура	Планировочная система Планировочная структура	Ориентация	Характеристика ОЖК		
						Размеры ОЖК: Габаритные (м) Внутренние (м)	Кол-во сооруж.	Размеры: Ров (ш x г, м) Вал (ш x в, м)
ЭПОХА БРОНЗЫ (II начало I тыс. до н.э.)								
1	Гор. Соровское 11	Эпоха бронзы (XII—VIII вв. до н.э.)	Барсовская, атлымская	Регулярная Прямоугольная	3-В	29,6 x 26,5 20,8 x 18,4	1	Ров: 2,0 x 0,20 Вал: 3,2 x 0,15
2	Гор. Соровское 38	Эпоха бронзы (XII—VIII вв. до н.э.)	атлымская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	29,3 x 22,2 18,8 x 13,9	1	Ров: 2,0 x 0,3 Вал вн.: 1,5—2 x 0,15 Вал нар.: 2,0 x 0,1
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (VII в. до н.э. — III—IV вв. н.э.)								
3	Гор. Соровское 1	РЖВ (VIII—IV до н.э.)	белоярская	Регулярная Прямоугольная	3-В	54,8 x 36,6 47,7 x 28,1	10	Ров: 1,0—2,0 x 0,2 Вал: 2,5—3,0 x 0,2
4	Гор. Соровское 3	РЖВ (VIII—IV до н.э.)	белоярская	Регулярная Прямоугольная	3-В	53,9 x 38,9 45,6 x 31,5	7	Ров: 1,0—1,5 x 0,3 Вал: 2,0—2,5 x 0,3
5	Гор. Соровское 9	РЖВ (VIII—IV до н.э.)	белоярская	Регулярная Прямоугольная	3-В	50,8 x 33,3 44,35 x 25,2	6	Ров: 2,0 x 0,25 Вал: 2,5 x 0,3
6	Гор. Соровское 7	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	49,5 x 35,3 40,0 x 26,9	7	Ров: 1,5 x 0,2—0,4 Вал: 3,0 x 0,2—0,3
7	Гор. Соровское 39	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	58,1 x 39,5 46,3 x 26,3	12	Ров вн.: 1,5—2,4 x 0,4 Ров нар.: 1,0—2,5 x 0,2 Вал: 2,0—3,0 x 0,2—0,3
8	Гор. Соровское 2	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	3-В	57,5 x 34,3 49,2 x 28,0	12	Ров: 1,5—2,0 x 0,3 Вал: 2,0 x 0,3
9	Гор. Соровское 4	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	СВ-ЮЗ	66,0 x 44,3 52,0 x 32,3	5	Ров: 2,0—2,5 x 0,25 Вал нар.: 1,5 x 0,15 Вал вн.: 2,0 x 0
10	Гор. Соровское 14	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	СВ-ЮЗ	45,8 x 44,7 32,7 x 32,1	8	Ров: 2,0—2,5 x 0,25—0,4 Вал вн.: 2,5 x 0,3 Вал нар.: 2,0 x 0,1

Таблица 1 (продолжение)

11	Гор. Соровское 19а	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	СВ-ЮЗ	32.1 x 28,6 22.2 x 18,4	3	Ров: 2,0-2,5 x 0,6 Вал: 2,5-3,0 x 0,5
12	Гор. Соровское 19б	РЖВ (VI—IV до н.э.)	калинкинская	калинкинская	Регулярная Прямоугольная	СВ-ЮЗ	49,8 x 46,8 43,9 x 36,3	6	Ров: 2,0 x 0,25—0,5 Вал: 2,5—3,0 x 0,5—0,7
13	Гор. Соровское 29	РЖВ (VI в. до н. э. — III в. н. э.)	кулайская	кулайская	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	70,0 x 37,7 58,6 x 26,0	6	Ров: 2,0 x 0,25—0,3 Вал: 2,5-3,5 x 0,2
14	Гор. Соровское 6	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	кулайская	кулайская	Регулярная Прямоугольно- диагональная	З-В	49,7 x 43,0 41,1 x 35,4	8	Ров: 1,5—2,0 x 0,3 Вал: 2,0—3,0 x 0,2—0,3
15	Гор. Соровское 22	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	58,1 x 39,5 46,8 x 28,2	12	Ров: 1,5—2,0 x 0,3—0,4 Вал: 3,0 x 0,3
16	Гор. Соровское 35	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	смешанная	З-В	56,5 x 48,5 38,3 x 36,4	13	Ров: 1,0—1,5 x 0,2—0,4 Вал: 2,0—3,0 x 0,3—0,5
17	Гор. Соровское 18	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольно- диагональная	З-В	100,3 x 51,5 90,3 x 40,1	9	Вал вн.: 2,0 — 3,0 x 0,4 Вал нар.: 3,0 — 4,0 x 0,3
18	Гор. Соровское 18а	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольно- диагональная	З-В	45,1 x 39,0 32,5 x 27,5	5	Вал вн.: 2,0—3,0 x 0,4 Вал нар.: 3,0 — 4,0 x 0,3
19	Гор. Соровское 37	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	смешанная	С-Ю	56,5 x 48,5 47,8 x 38,8	13	Ров: 1,5—2,0 x 0,4 Вал: 2,0—3,0 x 0,2—0,3
20	Гор. Соровское 8	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольно- диагональная	З-В	62,3 x 37,7 55,5 x 31,3	11	Ров: 1,0—1,5 x 0,15 Вал: 3,0 x 0,3
21	Гор. Соровское 13	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	СВ-ЮЗ	66,8 x 41,0 53,5 x 30,4	11	Ров: 1,2—2,2 x 0,3 Вал: 1,5—2,0 x 0,3
22	Гор. Соровское 12	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	49,8 x 35,5 41,6 x 28,0	12	Ров: 1,5 x 0,25—0,3 Вал: 2,0—3,0 x 0,6—0,7
23	Гор. Соровское 40	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	З-В	41,8 x 28,6 26,8 x 19,7	4	Ров: 2,5—5,5 x 0,3—0,7 Вал: 2,0—3,0 x 0,4
24	Гор. Соровское 23а	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	26,5 x 22,1 19,6 x 14,4	2	Ров: 1,5—2,0 x 0,4 Вал: 2,0 x 0,4
25	Гор. Соровское 23б	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	З-В	37,6 x 33,3 27,8 x 24,9	3	Ров: 2,0 x 0,7 Вал: 2,0 x 0,3

Таблица 1 (продолжение)

26	Гор. Соровское 23в	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	СВ-Ю3	38,5 x 33,1 29,5 x 24,1	3	Ров: 2,0 x 0,5 Вал: 2,0 — 3,0 x 0,35	
27	Гор. Соровское 33	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	51,2 x 38,6 35,3 x 25,7	5	Ров: 3,0 x 0,3—0,45 Вал: 4,0 x 0,3—0,5	
28	Гор. Соровское 34	РЖВ (VI до н.э. — III н.э.)	Кулайская (?)	Регулярная Прямоугольная	З-В	42,8 x 42,3 29,7 x 29,1	5	Ров вн.: 2,0 x 0,4 Ров нар.: 1,5 x 0,15—0,3 Вал: 2,0—2,5 x 0,2—0,3	
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (вт. пол. IV — XII—XIII вв.)									
29	Гор. Соровское 17	Средневековье (IV — V вв.)	карымская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	53,5 x 33,3 48,2 x 24,9	10	Ров: 2,0 x 0,2 Вал: 2,0—2,5 x 0,1—0,2	
30	Гор. Соровское 20	Средневековье (IV — V вв.)	карымская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	60,4 x 34,9 48,9 x 25,0	12	Ров: 2,0 x 0,25—0,7 Вал: 2,0 x 0,3—0,5	
31	Гор. Соровское 10	Средневековье (IV — V вв.)	карымская	Регулярная Прямоугольная	СВ-Ю3	39,9 x 21,1 28,0 x 15,5	3	Ров: 2,0 x 0,2—0,35 Вал: 2,5—3,0 x 0,4—0,5	
32	Гор. Соровское 5	Средневековье (IV — V вв.)	карымская	Регулярная Прямоугольная	З-В	35,9 x 21,2 32,3 x 15,6	3	Ров: 1,5—2,0 x 0,2—0,4 Вал: 2,0—3 м x 0,3—0,6	
33	Гор. Соровское 21	Средневековье (IV — V вв.)	карымская	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	47,6 x 32,6 38,6 x 23,6	6	Ров: 2,0 x 0,3 Вал: 2,0 x 0,4	
34	Гор. Соровское 36	Средневековье (IV — V вв.)	карымская	смешанная	З-В	37,6 x 30,1 27,4 x 23,0	7	Ров: 1,0—2,5 x 0,3—0,45 Вал: 1,5—2,5 x 0,55	
35	Гор. Соровское 24а	Средневековье (V — VII вв.)	карымская, зеленогорская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	44,7 x 30,5 35,4 x 21,8	4	Ров: 2,0 x 0,7 Вал: 4,0 x 0,5—0,65	
36	Гор. Соровское 24б	Средневековье (V — VII вв.)	карымская, зеленогорская	Регулярная Прямоугольная	С-Ю	58,3 x 44,7 51,3 x 35,4	8	Ров: 2,0 x 0,7 Вал: 4,0 x 0,5—0,65	
37	Гор. Соровское 30	Средневековье (V — VII вв.)	карымская, зеленогорская	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	46,4 x 43,9 35,0 x 32,7	6	Ров: 3,0 x 1,0 Вал вн.: 3,0 x 0,9 Вал нар.: 4,0 x 0,3	
38	Гор. Соровское 26	Средневековье (VII в.)	зеленогорская релкинская	Регулярная Прямоугольная	СВ-Ю3	56,8 x 52,6 45,8 x 41,0	8	Ров: 3,0 x 0,95 Вал: 3,0 x 0,5—0,8 Ров нар.: 2,5—3,0 x 0,8 Вал нар.: 2,0—3,0 x 0,7	
39	Гор. Соровское 27	Средневековье (VII в.)	зеленогорская релкинская	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	27,6 x 22,9 18,1 x 12,4	2	Ров: 3,0 x 0,7 Вал: 2,5 x 0,5	

Таблица 1 (окончание)

40	Гор. Соровское 25	Средневековые (VII в.)	кучиминская	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	77,8 x 56,0 41,8 x 31,1	7	Ров вн.: 3,0—5,0 x 0,9—1,5 Вал вн.: 2,0—4,0 x 0,45—0,6 Ров нар.: 3,0—5,0 x 0,4—0,5 Вал нар.: 2,0—4,0 x 0,2—0,45
41	Гор. Соровское 28	Средневековые (VII в.)	кучиминская	Регулярная Прямоугольная	З-В	54,3 x 48,7 44,5 x 33,9	8	Ров: 4,0 x 0,7—1,1 Вал: 4,0 x 0,8—1,4
42	Гор. Соровское 16	Средневековые (VII — VIII вв.)	кучиминская	Регулярная Прямоугольная	СЗ-ЮВ	44,9 x 42,1 29,5 x 26,1	6	Ров: 2,5—3,0 x 0,5—0,7 Вал вн.: 1,5—2,0 x 0,4 Вал нар.: 3,0 x 0,3—0,4
43	Гор. Соровское 31	Средневековые (VII — VIII вв.)	вожпайская	Регулярная Прямоугольно- диагональная	СЗ-ЮВ	50,1 x 37,1 21,0 x 19,0	3	Ров: 4,0—5,0 x 0,8 Вал вн.: 5,0 x 0,7 Вал нар.: 3,0 x 0,8
44	Гор. Соровское 15	Средневековые (X — XII вв.)	кинтусовская	Регулярная Радиально-коль- цевая	С-Ю	43,5 x 37,5 25,0 x 20,0	7	Ров: 3,0—6,0 x 1,1 Вал: 1,5—2,5 x 1,5
45	Гор. Соровское 32	Средневековые (X — XII вв.)	кинтусовская	Регулярная Прямоугольно- диагональная	СЗ-ЮВ	36,4 x 34,5 27,6 x 27,3	2	Ров: 3,0—5,0 x 0,9—1,2 Вал: 4,0—6,0 x 0,2—1,2

Планировочные схемы оборонительно-жилых комплексов Соровских озер, систематизированные по хронологическим периодам

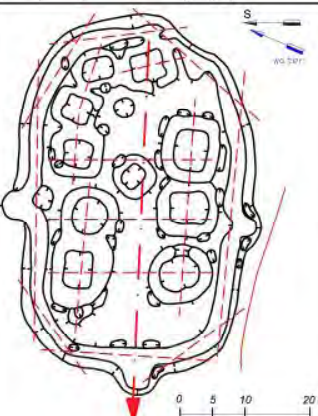
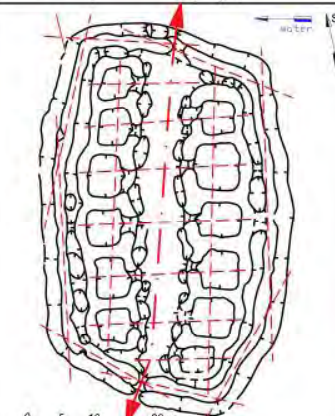

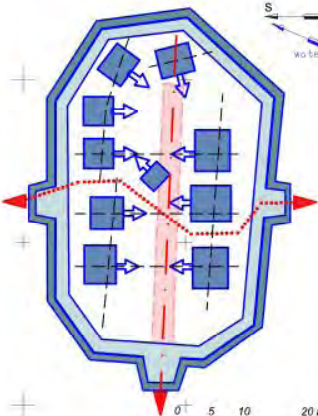
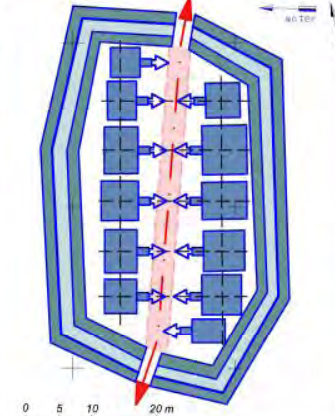
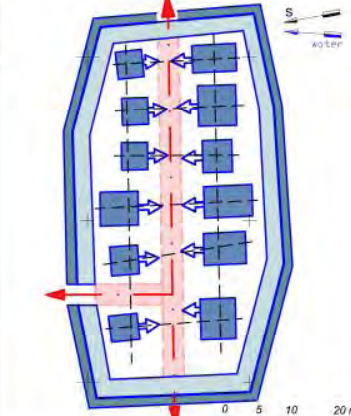
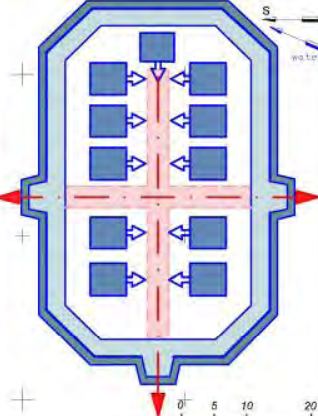
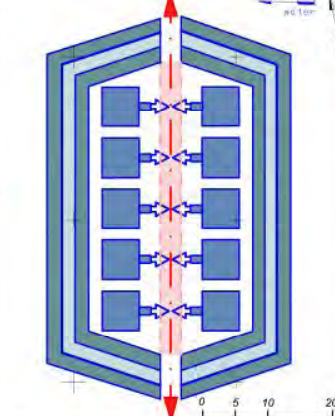
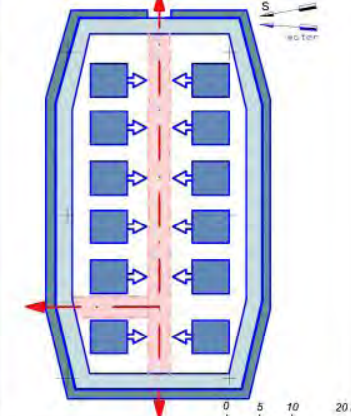
№	1	2	3
	Городище Соровское 1 VIII - IV вв. до н.э. (Белоярская археологическая культура)	Городище Соровское 39 VI - IV вв. до н.э. (Калининская археологическая культура)	Городище Соровское 2 VI - IV вв. до н.э. (Калининская археологическая культура)
топографический план			
РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (VI в. до н.э. - III-IV вв. н.э.) планировочная схема			
реконструкция проектной планировочной схемы			

Таблица 2 (продолжение)

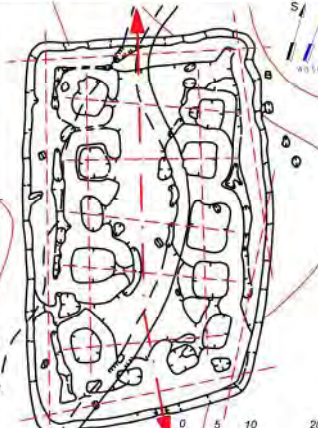

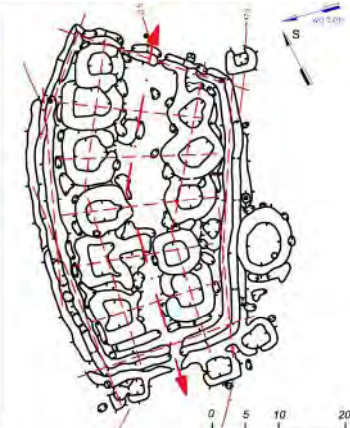
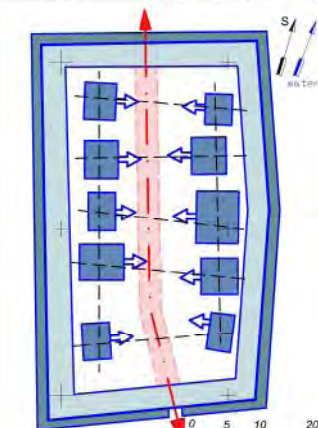
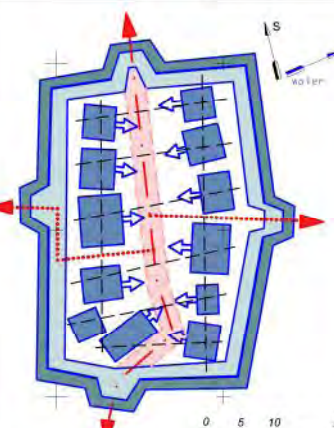
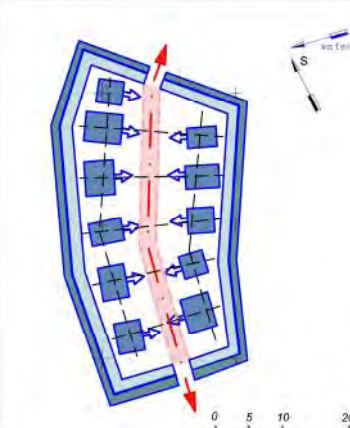
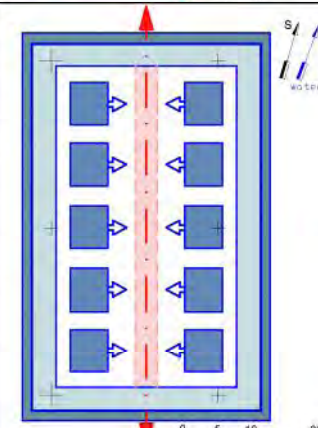
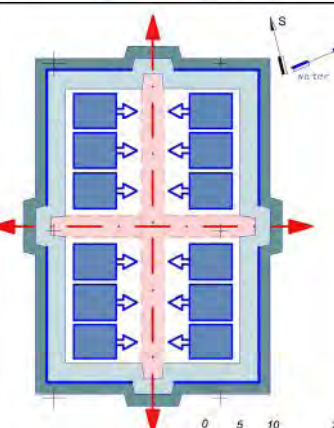
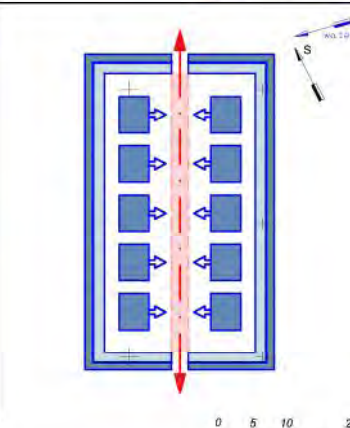
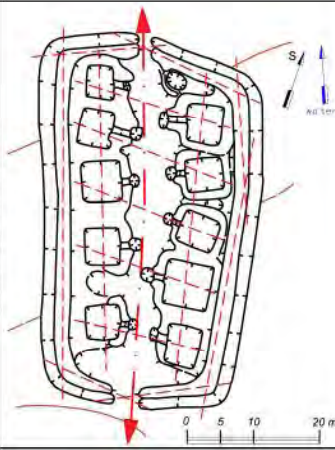

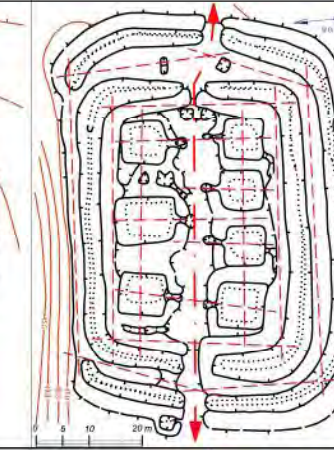
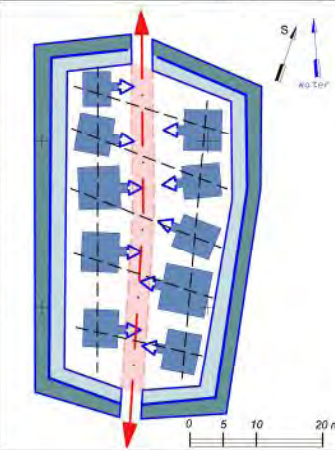
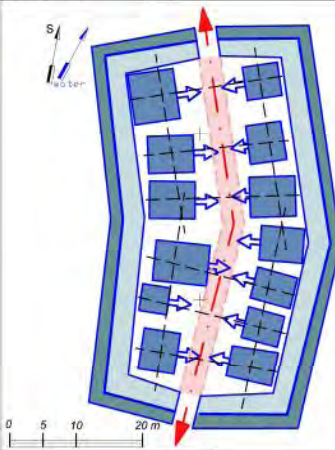
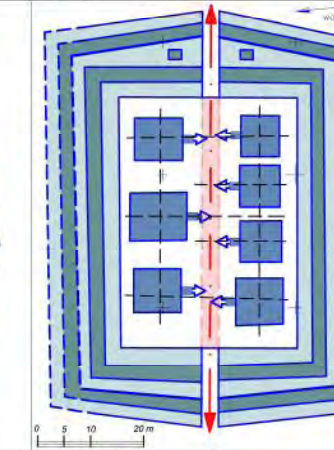
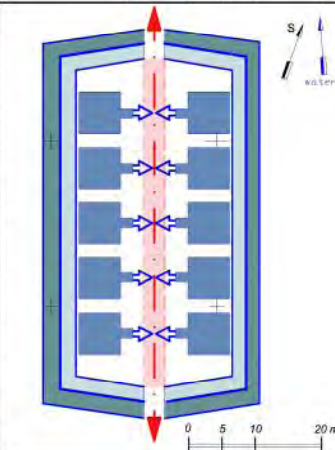
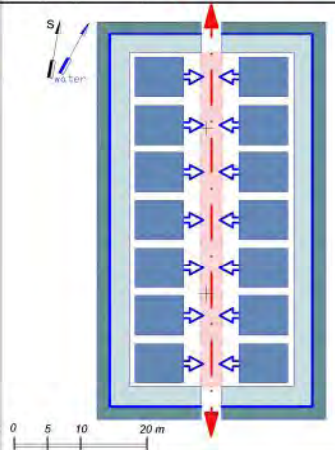
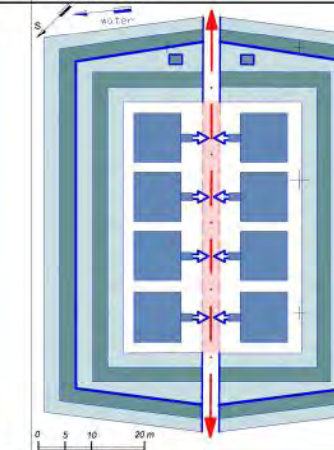
№	4	5	6
<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК (VII в. до н.э. - III-IV вв. н.э.)</p>	<p>Городище Соровское 22 IV в. до н.э. - III в. н.э. (Кулайская археологическая культура)</p>	<p>Городище Соровское 12 IV в. до н.э. - III в. н.э. (Кулайская археологическая культура)</p>	<p>Городище Соровское 13 IV в. до н.э. - III в. н.э. (Кулайская археологическая культура)</p>
	<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">топографический план</p> 		
	<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">планировочная схема</p> 		
<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">реконструкция проектной планировочной схемы</p> 			

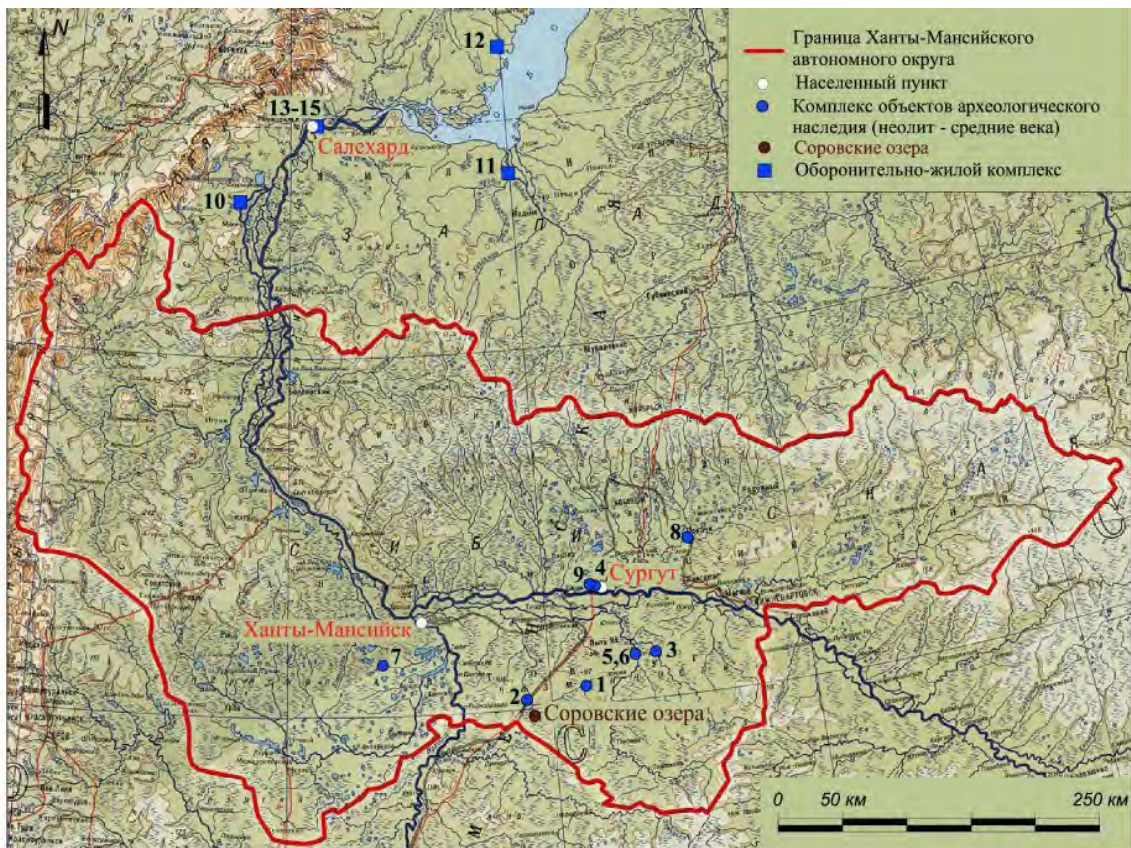

Таблица 2 (окончание)

№	7	8	9
Городище Соровское 17 VI - V вв. н.э. (Карымская археологическая культура)	Городище Соровское 20 VI - V вв. н.э. (Карымская археологическая культура)	Городище Соровское 25 VII в. н.э. (Кучиминская археологическая культура)	
топографический план			
ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (IV - XVI вв.) планировочная схема			
реконструкция проектной планировочной схемы			

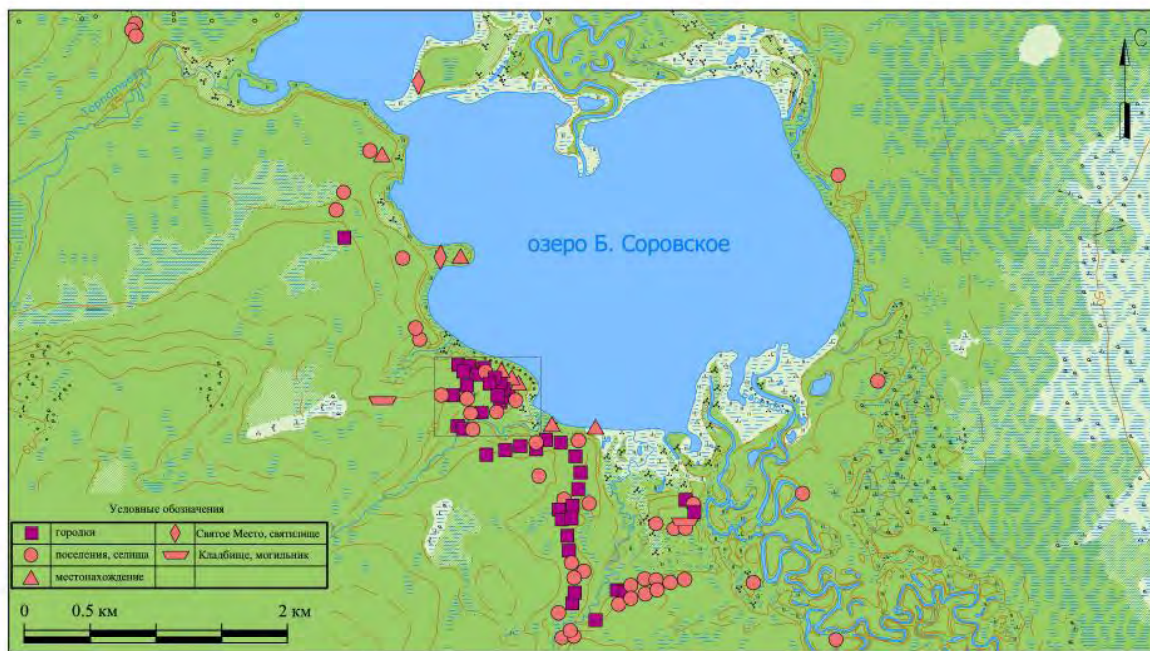

Ил. 1. Схема расположения объекта исследований урочища Соровские озера в границах Российской Федерации. Схема авторов

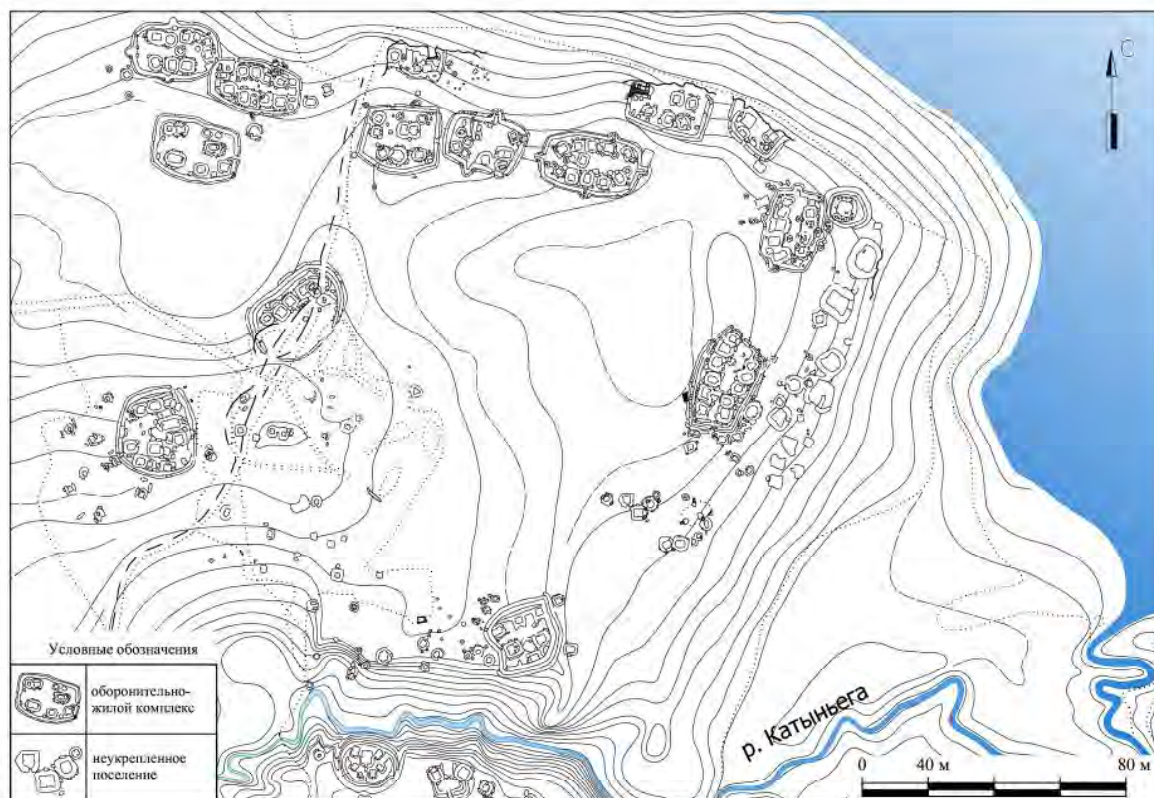

1 - Комплекс объектов археологического наследия "Пунси"	10 - Войкарский городок (XIII-XIX века)
2 - Комплекс объектов археологического наследия "Сыровский сор"	11 - Надымский городок (XIII-XVII века)
3 - Комплекс объектов археологического наследия "Кинямыны"	12 - Городище Находка (XIII-XIV века)
4 - Комплекс объектов археологического наследия "Барсова Гора"	13 - Полуйский городок (XIII-XVII века)
5 - Комплекс объектов археологического наследия "Угутские"	14 - Полуйский мысовой городок (XVI-XVIII века)
6 - Комплекс объектов археологического наследия "Когончины"	15 - Городище Зеленая горка (XIII-XIV века)
7 - Комплекс объектов археологического наследия "Согом"	
8 - Комплекс объектов археологического наследия "Покачи"	
9 - Комплекс объектов археологического наследия "Сайгатино"	

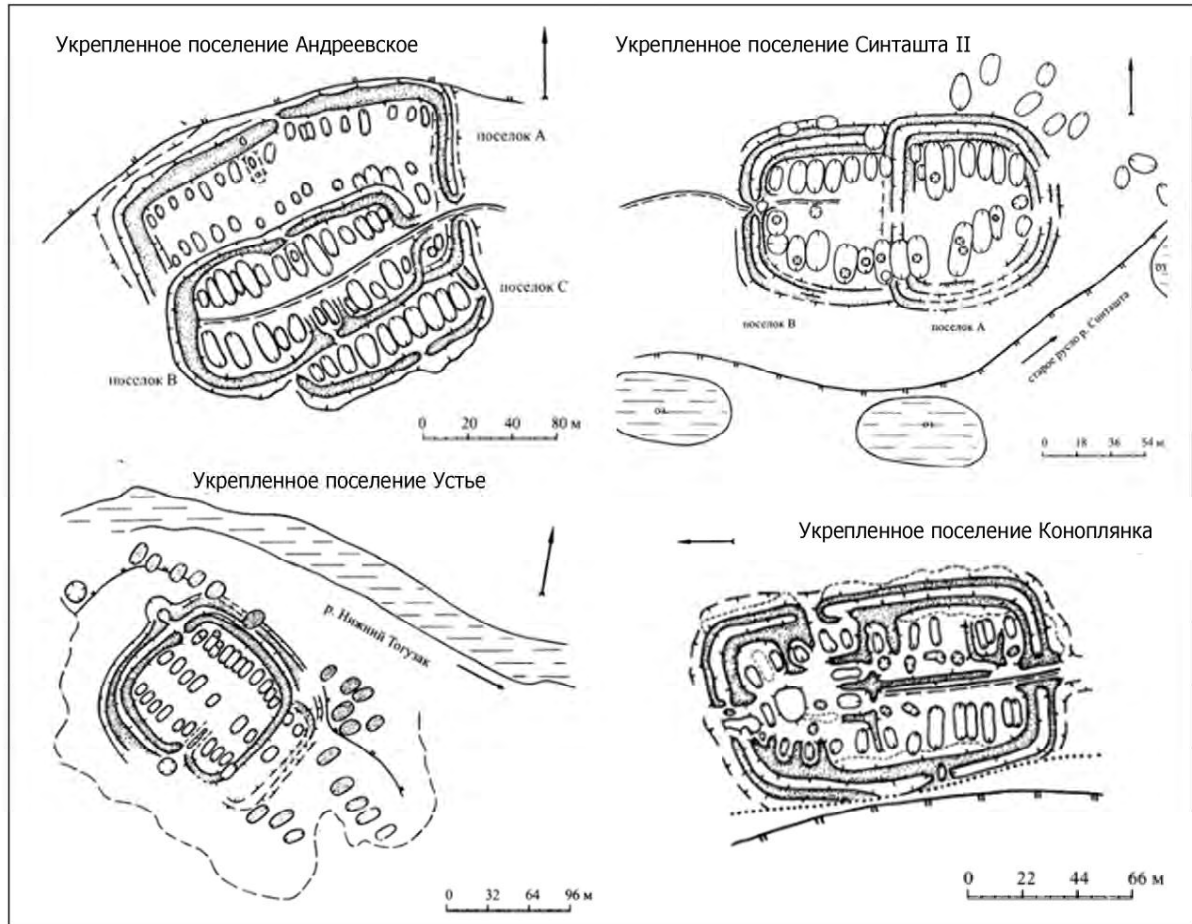
Ил. 2. Карта-схема расположения археологического комплекса «Соровские озера» в границах Ханты-Мансийского автономного округа. Схема авторов

Ил. 3. Карта-схема расположения объектов археологии в границах комплекса «Соровские озера». Схема авторов

Ил. 4. Фрагмент топографического плана археологического комплекса «Соровские озера», характеризующий интенсивность освоения территории. Схема С.А. Липс, А.В. Гоман

Ил. 5. Планы укрепленных поселений Андреевское, Синташта II, Устье, Коноплянка
[Зданович, Ботанина, 2007, рис. 27, 61, 90, 98]

В.Л. Помыткина
Филиал Исторического архива
Омской области в г. Таре (Тара)
tfisa@mail.ru

Спасский кафедральный собор города Тары — от рождения до возрождения

Аннотация

Спасская церковь в городе Тара, возведенная в 1753—1776 гг., — это первое каменное здание на территории современной Омской области, образец сибирского барокко, памятник архитектуры федерального значения. Является единственным из шести тарских каменных храмов, уцелевшим до наших дней. В статье на основе научных публикации и ранее неопубликованных исторических источников дается описание архитектуры и внутреннего убранства церкви. В статье подробно рассматривается процесс национализации материально ценных элементов церковной утвари в 1920-х гг. в пользу голодающих Поволжья. Рассматривается процесс реставрации церкви: насколько отреставрированная церковь соответствует той, которая была в конце XIX в.

Ключевые слова: Спасская церковь, Тара, барокко, памятник архитектуры, икона, реставрация

V.L. Pomytkina
*Branch of the Historical Archives of
the Omsk Region in the City of Tara (Tara)*
tfisa@mail.ru

Spassky Cathedral of the City of Tara — From the Birth to the Rebirth

Abstract

The Spassky church in the city of Tara erected in 1753—1776 is the first stone building on the territory of the modern Omsk region, an example of Siberian baroque, a listed building of federal importance, the only one of the 6 Tara stone temples that has survived to the present day. The article deals with the architecture and interior decoration of the church on the basis of scientific publication and previously unpublished historical sources. The article details the process of nationalization of valuable elements of church plate in 1920s for starving people of Volga region. The process of restoration of the church is considered: as far as the restored church corresponds to the one that existed at the end of the 19th century.

Key words: Spassky church, Tara, baroque, architectural monument, icon, restoration

Серебрится храм трижды крестами,
И летит снег, отрочески свят,
Натянув нити между веками,
Снег идет, как и сто лет назад.
Слава Богу, что нет зданий выше,
Чем единственный храм вдалеке.
И так праведно светятся крыши
В просветленном насквозь городке.
С. Мальгавко

Тара — старинный сибирский городок, основанный в 1594 г. Долгие годы Тара была опорным пунктом, вокруг которого росли русские деревни и села; через Тару проходили Великий чайный путь — торговый путь, шедший из Китая и Монголии в Россию, и Московско-Сибирский тракт, по которому ехали ссыльные, общественные и политические деятели, путешественники. Со временем Тара превратилась в важный торговый городской центр. В

XVIII—XIX вв. купечество составляло значительную часть населения и во многом определяло тенденции социально-экономической и культурной жизни города. Купцы возглавляли органы местного самоуправления, входили в состав городских дум и управ. Они создавали торговые и промышленные предприятия, обеспечивая тем самым работой местное население, производили и привозили промышленные товары, открывали заведения отдыха, клубы, общественные

библиотеки, бани, кинематографы и другие заведения. Большую помощь при строительстве и последующих ремонтах Тарских храмов оказывали именно купцы. А помогать действительно было чему. Вот как писали «Тобольские губернские ведомости» 25 июля 1870 г. в заметке о Тарских церквях: «Как и все старинные города православной Руси, Тара богата храмами: при небольшом числе жителей (около 5000 душ) в Таре 6 церквей. Этому обилию домов молитвы нынешние жители Тары обязаны своим благочестивым предкам, которые не щадили своих имений на устройство и украшение храмов Божьих...» [Цветкова, 1994, с. 43—44].

Первые церкви г. Тары были деревянными. Город неоднократно горел, горели и церкви, но отстраивались заново. И только в XVIII в. были построены каменные храмы: Богородице-Казанская церковь (год постройки — 1777-й), Пятницкая церковь (между 1791 и 1825 гг.), Никольский собор (1771 г.), Тихвинская церковь (между 1784 и 1789 гг.), Успенский собор (между 1774 и 1792 гг.), Спасская церковь (1753—1776 гг.) [Лебедева, 1999, с. 25—28]. К сожалению, в годы борьбы государства с религией, пять храмов из шести были безвозвратно утеряны, и сегодня город украшает лишь одна церковь — Спасская.

Спасская церковь — это не только первое каменное строение на территории Омской области и памятник церковного зодчества второй половины XVIII в., но и ярчайший пример сибирского барокко с оригинальными элементами в декоре, памятник архитектуры федерального значения (ил. 1). Первое известное упоминание о Спасском мужском монастыре в Таре относится к 1616 г. В середине XVIII в. встал вопрос о строительстве нового здания церкви взамен обветшавшего. Интересно, что кирпич для постройки церкви использовался местный, а известь привозили в Тару с Урала и территории современного Казахстана [Жиров, 2008, с. 54].

К сожалению, нам не известны имена строителей церкви, но историки и краеведы сходятся во мнении, что строительством занимались тобольские мастера, и делают это не безосновательно. А.А. Жиров указывает на то, что Спасская церковь имеет много общих черт с тобольскими храмами того же времени постройки, представляющими собой образцы сибирского барокко. Историк пишет: «Основной объем церкви — массивный четверик с вытянутыми по вертикали пропорциями. Первый и второй этажи перекрыты сводами, широкими проемами, соединенными с алтарем и трапезной. Над входом в храм (притвором) возвышается восьмигранная колокольня с шатром, завершенным маленькой луковичной головкой и шпилем. Аналогичное завершение имеют храмовая часть и пятигранная алтарная апсида» [Жиров, 2008, с. 53—54].

Начало строительства церкви относится к 1753 г. 30 июля (10 августа) 1760 г. был освящен храм во имя нерукотворного спасительного образа Христа, расположенный в первом этаже, он заканчивался сводчатым потолком и служил зимней церковью. Второй этаж, являвшийся летней церковью, был достроен в 1776 г., престол был освящен во имя Святого и Чудотворца Пророка Ильи. Спасская церковь представляет собой классическую схему трехчастного корабельного типа храма с осевой ориентацией

на восток. Двухэтажная церковь состоит из храма с апсидой, трапезной и притвора с восьмигранной колокольней. Храм завершается восьмигранным барочным куполом, увенчанным световым фонариком с куполочком и луковичной главкой на высокой шее. На втором этаже находился балкон, в настоящее время утраченный. Декоративные элементы церкви — угловые лопатки, полуколонки, перехваченные дыньками, «пламенеющие» очелья наличников первого этажа, яркость венчающих элементов. Общая высота церкви более 40 м, толщина стен первого этажа — 165 см, второго — 135 см. Церковь окружала фигурная металлическая решетка на каменном основании и каменных столбах. Колоколов было 5, самый большой весил 30 пудов. [Лебедева, 1999, с. 30].

Составитель «Справочной книги Омской епархии» 1914 г. И. Голошубин так описывает Спасскую церковь: «Спасская церковь г. Тары двухпрестольная, в нижнем этаже во имя Нерукотворного Образа Христа Спасителя, а в верхнем — во имя святого пророка Божьего Ильи; каменная, построена в 1776 году усердием и средствами прихожан, прочна и вместительна. К церкви приписана деревня Лоскутово... часовен и молитвенных домов нет. При церкви имеется усадебная земля по Спасскому переулку: 12 сажень по улице и 23 сажени вглубь, отказанная по духовному завещанию тарской мещанской девицей Анной Лоскутовой. <...> Церковно-приходского попечительства нет. Церковно-приходская школа устроена одна для всех приходов и содержится на средства всех городских церквей. Численность прихода — мужских душ 674, женских душ — 689» [Справочная книга..., 1914, с. 767].

В Тарском филиале Государственного Исторического архива Омской области хранятся документы, обратившись к которым можно более детально изучить не только архитектурную композицию, но и убранство церкви в начале XX в.

В 1921—1922 гг. под лозунгом помощи голодающим Поволжья по всей стране, в том числе, и в Тарском уезде началось изъятие церковных ценностей. В воззвании Тарской уездной комиссии по изъятию церковных ценностей говорилось: «Граждане! <...> Костлявая рука голода дошла и до Омской губернии, прошла и в Тарский уезд, где уже насчитываются сотни смертей от голода. Массы крестьян, умирающих от голода в предсмертной агонии, требуют помощи, самых решительных мер по борьбе с голодом. Советское государство уже отдало на борьбу с голодом большие средства. Немало золотого фонда пошло на покупку семян для обсеменения полей голодающего Поволжья. <...> В России хлеба недостаточно, его нужно купить за границей. Капиталистические страны могут дать нам хлеб... но они предъявляют большой спрос на золото и другие ценности, служащие лишь украшением...» [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 17—24]. Далее разъяснялось, что из церквей следует изъять золотую и серебряную утварь, без которой можно обойтись при богослужении. На деле же оказалось, что изымали все ценное.

Всего из церквей г. Тары было изъято 16 пудов 28 фунтов 57 золотников (около 273 кг 800 г), в том числе из Спасской церкви 3 пуда 28 фунтов 48 золотников (около 60 кг 820 г) [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 34]. В архивных документах сохрани-

лась выписка «О церковных ценностях из главной описи имущества из Тарской Спасской церкви Тарского уезда Омской епархии», опись выдана из Омской духовной консистории 26 июля 1903 г. Согласно этой описи, в храме было 29 икон, среди которых: икона Тихвинской Божьей Матери, две иконы пророка Илии, икона Казанской Божьей Матери, икона Спасителя, икона Святого Николая, икона Нерукотворного Образа Христа Спасителя, икона Знамени Божьей Матери и др. Все иконы были в серебряных ризах, некоторые вызолоченные, с венцом [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 54—55]. Было три Евангелия: 1847 г., в серебряном позолоченном чеканной работы окладе, 1703 г. и 1694 г., тоже с серебряной отделкой. Кроме того, имелось 4 серебряных креста и другая разная серебряная посуда и утварь для проведения богослужений [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 55—55 об.].

5 мая 1922 г. Тарская уездная комиссия по изъятию церковных ценностей из г. Тары в пользу голодающих, состоящая из председателя уисполкома Кравченко, заведующего уездным финотделом Новицкого и представителя городского духовенства священника Александрова, произвела проверку наличности церковных ценностей и сравнила с вышеуказанной описью 1903 г. Все проходило в присутствии священника Тарской Спасской церкви Василия Успенского, председателя совета группы верующих Тарской Спасской церкви Сударинова, членов совета общины Янина, Челпанова, Рогалева и секретаря совета Никифорова. По итогам проверки комиссией было установлено, что все ценности, занесенные в опись, имелись в том количестве, в каком и были указаны. Исключение составили Евангелие и крест весом в 1 фунт. Эти предметы были положены по обряду православного исповедования в гроб священнику Павлу Князеву, что и подтвердили представители общин верующих. Кроме значащихся в описи ценностей, членами совета общины были представлены четыре иконы и «разная серебряная ломь», еще не занесенная в опись [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 57].

А на следующий день, 6 мая, комиссия приступила к фактическому изъятию ценностей из Спасской церкви. Были изъяты серебряные и позолоченные ризы с 10 икон, серебряное кадило с цепями и колпачком, крест серебряный под чернью, серебряный лом и медные монеты. Всего вес изъятых составил 1 пуд 7 фунтов 60 золотников. После этого члены Спасской общины обратились в комиссию с просьбой оставить при храме ризы на иконах в иконостасе и за клиросами, так как эти иконы особо чтимы народом. Эти иконы были древнего художественного письма (темные) и краска на них приходила в ветхость, поэтому снятие риз привело бы к потере вида, а при частых выносах икон на молебен и по домам верующих грозило их окончательным разрушением [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 61—62]. По видимости, члены комиссии все-таки уточняли этот вопрос в вышестоящих инстанциях, и потому в дополнительном протоколе от 8 мая сказано следующее: «...приступили на основании ответной телеграммы по прямому проводу из Омска, полученной 7 мая в 6 часов вечера, к фактическому изъятию всех ценных украшений с икон, как местных, так и ико-

ностасов». Так были изъяты ризы с 14 икон общим весом 2 пуда 20 фунтов и 84 золотника [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212. Л. 63].

Очевидно, комиссия по изъятию церковных ценностей работала оперативно, так как уже 19 июня 1922 г. на пароходе «Мельник» в губфинотдел было отправлено 18 пудов 34 фунта 78 золотников, а уже 20 июня Тарский уездный финотдел отчитывался в Тарский уисполком: «вес ценностей изъятых пока из 30 уездных церквей выразился к 20 июня в 2 пудах 5 фунтах 12 золотниках, которые и отправляются на пароходе «Варяг» [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 215. Л. 1, 2].

В описи имущества Спасской церкви от 31 мая 1922 г. находим и описание самой церкви: «Церковь каменная двухэтажная, построенная в 1776 году, покрыта листовым железом, выкрашенной зеленой краской, на деревянных стропилах. На ней с [неразб.] две главы и столько же крестов железных вызолоченных. Окон всех 30 со стеклян. рамами, из них 12 с двойными рамами. В 24 окнах по одной железной решетке. Одна печь. При церкви четыре железных двери. В связи с церковью колокольня каменная, 2-х этажная, покрыта листовым железом, выкрашенной зеленой краской, с главой и железным крестом позолоченным. В верхний этаж ведет деревянная лестница из 3-х ярусов с перилами из точеных балясин. В помещении колокольни дверей железных три. Колокола: № 1 весом 68 п. 23 ф., № 2 28 п., 28 ф., № 3 10 п. (зачеркнуто), № 4 4 п., 26 ф., № 5 2 п. 1. ф., № 6 1 п., 1 ф., № 7 1 п. (Справа имеется приписка: № 3 10 пудов, № 7 не читать, № 6 верить). Вокруг церкви каменная с железными решетками и такими же воротами (большими и малыми) ограда в 36 звеньев. Над входом в церковь устроен фронтон. Фундамент ограды, столбы ее и фронтон накрыты листовым железом, окрашенным зеленой краской. Фундамент и столбы ограды оштукатурены и выбелены известкой. В нижнем этаже церкви стены и своды окрашены масляной краской» [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 264. Л. 20—21] (ил. 3.). Знакомясь дальше с описью, узнаем еще некоторые детали: «престол и жертвенник были сделаны из соснового леса, иконостас [предалтарный — В.П.] в 4 яруса, деревянный, выкрашенный красной краской, с резными вызолоченными колонками с царскими вратами в [неразб.]. Иконостас в [трапезе] полукруглый, столярной работы, выкрашенный красной краской с иконою Вседержителя. Иконостас предалтарный в верхнем этаже церкви, деревянный с золочеными [полосками — В.П.], карнизами и рамами (в 6 ярусов) с царскими вратами. Иконостас деревянный, столярной работы, полукруглый, в нем 5 икон [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 264. Л. 22—25].

Также принадлежащими церкви значились два деревянных дома с надворными постройками и землей по улице Александровской, 95 и Соборному переулку, 9, и земля по Соборному переулку 12 сажней в длину и 23 сажени в ширину [ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 264. Л. 26].

Тем временем борьба государства с религией продолжалась. Закрывались и рушились тарские храмы. В 1922 г., когда многие здания в городе были национализированы, религиозные общины, в том числе и община Спасской церкви, вынуждены были

заклучить договор на аренду своих церквей. Снова обратимся к архивным документам: Спасский собор прекратил действовать в 1936 г. В протоколе заседания горисполкома от 27 февраля 1938 г. говорится о том, что еще 20 февраля были изъяты ключи от церкви и на дверях вывешено объявление, которое давало возможность в течение 7 дней любой из общин взять на себя здание, но не одна община этого не сделала. Изъятие ключей комментировалось тем, что здание церкви пришло в негодность, требовало капитального ремонта и находилось в бесхозяйственном состоянии [ТФ ГИАОО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 116. Л. 103 об.], 22 марта 1938 г. на заседании президиума Тарского горсовета было решено временно использовать здание Спасской церкви для засыпки зерном [ТФ ГИАОО. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 116. Л. 94]. В этом же году здание церкви было передано на культурные нужды города, церковная ограда была разобрана [Лебедева, 1999, с. 32]. В разные годы в бывшем храме размещались архивное бюро, спортивная школа и музей.

Спасский собор был взят на государственную охрану как памятник республиканского значения в 1974 г. постановлением Совета Министров РСФСР № Р 624. Через 4 года начался ремонт здания, а в 1979 г. в нем открыли краеведческий музей и картинную галерею. В Спасской церкви до 1990 г. находился музей.

30 марта 1990 г. здание Спасской церкви было передано в ведение вновь образованной Омско-Тарской епархии. Храм получил статус кафедрального собора. В декабре 1991 г. тарчане вновь услышали колокольный звон. На колокольню были подняты восемь колоколов, изготовленных в Воронеже и Киеве. Самый большой благовест весит 1050 кг. К 400-летию Тары была произведена реставрация здания Спасской церкви, восстановлена ограда, позолочены кресты и купола храма. Спасская церковь дважды пострадала от шаровой молнии: в 1980 и 2001 гг., однако испорченные элементы — купол и маковка с крестом — тут же были восстановлены.

В 2002 г. город Тара был включен в программу «Сохранение и развитие исторических городов России (2002—2010 гг.)». В 2005 г. в рамках этой программы было выделено 5 млн рублей на ремонт здания церкви, в результате был укреплен его фундамент и произведены другие работы. Через несколько лет церковь включили в федеральную программу «Культура России (2012—2018 гг.)», проект «Историческая память» по восстановлению самых значимых в стране храмов-памятников. Из федерального бюджета было выделено более 200 млн рублей. Реставрационные работы начались в 2015 г. и на настоящий момент близятся к завершению (ил. 4). Но именно реставрация церкви вызвала большой общественный резонанс в городе.

Победителем открытого конкурса на реставрацию Спасского собора стала строительная компания ООО «Ремстрой» (г. Москва). В ходе реставрационных работ произвели полное удаление штукатурки со стен храма, что позволило обнажить все дефекты. От окна апсиды, алтарной части храма, трещина протянулась от нижнего этажа до верхнего. Устранить дефект было возможно, сделав вычинку кирпичной кладки — заменив разрушившиеся от времени кир-

пичи новыми точно таких же размеров. Укрепление стен толщиной 1—1,5 м проводилось методом инъектирования. Купол и так называемые барабаны над четвериком, основной частью здания, были разобраны из-за своей ветхости. Эти архитектурные элементы были воссозданы заново. Под штукатуркой оказались спрятанными некоторые декоративные детали. Находкой оказались двери на втором этаже, выходящие на одну и другую стороны здания [Алферов, 2015].

Барабаны были воссозданы заново, из нового кирпича. Новый купол был изготовлен в Таре: золотой цвет ему придало покрытие из нитрида титана, ярко блестящее на солнце [Алферов, 2016а].

Однако возникающий в ходе реставрации внешний облик собора вызвал неоднозначную реакцию у общественности. Так, журналист С. Алферов отмечал: «Строить новое всегда проще, чем ремонтировать старое, да еще пытаться сохранить первоначальный вид. Потому и оценивается труд реставраторов довольно высоко. В прошлом году на «починку» Спасского собора, старейшего каменного здания в области, было выделено более ста миллионов. Однако в ходе работ оно превратилось практически в едва узнаваемый новодел» [Алферов, 2016б].

На одном из заседаний общественной организации «Тарский уезд» Анатолий Аскаленко, строитель по специальности, краевед по зову души, показал фотографии, сделанные им в 1960-е гг. Отличительной особенностью Спасской церкви являлась ее устремленность ввысь своими небольшими острыми куполами. Теперь на их место водрузили новые, золоченые и более массивные. Если же сравнить две фотографии, прежний восьмерик и восстановленный, прекрасно видно, что творение зодчих XVIII в. реставраторы не смогли повторить в пропорциях, окончательно приземлив заметно «пополневшую» храмовую часть. Также в ходе реставрационных работ к церкви была пристроена двухмаршевая наружная лестница с кирпичными стенами, которой никогда не было. Исторических документов, подтверждающих наличие в прошлом наружной лестницы, нет. По мнению А. Аскаленко, пристраиваемая тяжелая наружная лестница должна изменить напряжение и равновесие грунтов. Все это может вызвать ускоренное разрушение колокольни, стены которой уже имеют вертикальные трещины снизу до самых проемов звонницы. Также исследователь считает, что в ходе реставрации был уничтожен оригинальный декор восьмериков церкви и уничтожена старинная фреска, находившаяся под куполом перекрытия снесенного восьмерика [Аскаленко, 2017].

С середины 2016 г. с объектом работает новый генеральный подрядчик — ООО «Реставратор» (г. Великий Новгород) [Алферов, 2016б]. Ему придется восстанавливать отсутствующий декор по старым фотографиям. О разборе барабанов речь даже не идет. Можно лишь приподнять разделяющую их зеленую юбочку, вставить фигурные кирпичи и визуально расширить окна [Алферов, 2016в].

К концу марта 2017 г. реставрационные работы были выполнены на 95%, незавершенными остались ряд объектов, финансирование которых не было предусмотрено проектной сметой: полы второго

этажа, настенные росписи, иконостас, окна внешней лестницы. Доделывать все предстоит силами района, города и самих реставраторов. Особого внимания требуют проявившиеся за последнее время изъяны: трещины на лестнице, промерзающие окна в верхнем храме, предполагаемый прорыв на тепло-трассе, ведущей к собору, и т.д. Строители, дающие пятилетнюю гарантию, готовы свою работу переделывать и устранить все недостатки [Алферов, 2017].

К чему приведет окончательная реставрация храма, неизвестно, но на сегодняшний день она еще не окончена.

Список литературы

1. Алферов С. Реставраторы прописали инъекции // Тарское Прииртышье. — 2015. — № 4 — С. 4.
2. Алферов С. Возвращение // Тарское Прииртышье. — 2016а. — № 3. — С. 6.
3. Алферов С. Собор, да не тот // Тарское Прииртышье. — 2016б. — № 22. — С. 8.
4. Алферов С. Лишь юбку приподнять // Тарское Прииртышье. — 2016в. — № 33. — С. 5.
5. Алферов С. Сенатор дал оценку реставрации // Тарское Прииртышье. — 2017. — № 12. — С. 2.
6. Аскаленко А.А. Кто защитит охраняемый законом памятник? [Электронный ресурс]. — URL: <http://spasitehram.mya5.ru/index/kto-zashchitit-ohranyaemu-zakonom-pamyatnik/> (дата обращения: 20.02.2018).
7. Жиров А.А. Ностальгия по колокольному звону // Если бы стены могли говорить... — Омск: ЗАО «По-

лиграф», 2008. — С. 53—69.

8. Лебедева Н.И. Храмы г. Тары // Культурологические исследования в Сибири. — 1999. — Вып. 2. — С. 25—38.

9. Справочная книга Омской епархии. — Омск: Тип. «Иртыш», 1914. — 1250 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://xn--90ax2c.xn--p1ai/catalog/000199_000009_003815045/ (дата обращения: 31.01.2018).

10. Тара с высоты птичьего полета. Тарские храмы // Сайт города Тары [Электронный ресурс]. — URL: http://taragorod.ru/photo/tara_s_vysoty_ptichego_poljota/spasskaja_cerkov_2017g/5-0-2033 (дата обращения: 31.01.2018).

11. Тарские храмы // Сайт города Тары [Электронный ресурс]. — URL: http://taragorod.ru/photo/starinnye_fotografii_gravjury_karty/tarskie_khramy/spasskaja_cerkov_1930_e_gody/46-0-1141 (дата обращения: 31.01.2018).

12. Цветкова Г. Город на речке Аркарке // Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594—1917 гг.). — Омск: Ом. кн. изд-во, 1994. — С. 6—45.

Список источников

1. ТФ ГИАОО. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 212.
2. Там же. Д. 215.
3. Там же. Д. 264.
4. Там же. Ф. Р-134. Оп. 1. Д. 116.

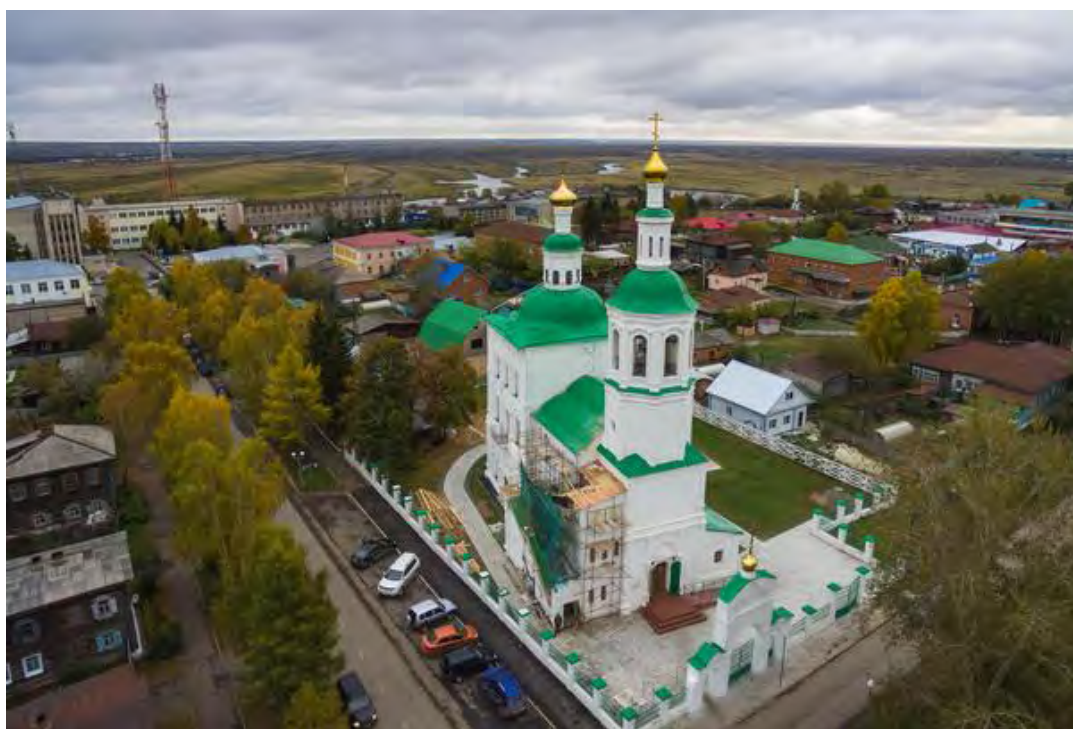
Ил. 1. Спасская церковь в г. Тара. Снимок автора

Ил. 2. «Противостояние», автор снимка С. Мальгавко, 1992 г.
Из фондов Тарской центральной районной библиотеки

Ил. 3. Спасская церковь, 1930-е гг. Сайт города Тары [Тарские храмы...]

Ил. 4. Спасская церковь, 2017 г. Снимок В. Кубрина [Тара с высоты...]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10028

УДК 904

С.С. Тихонов
Омский филиал Института археологии
и этнографии СО РАН (Омск)
semchi957@gmail.com

**Планиграфические особенности сибирских городов конца
XVI — начала XVII века
(по материалам «Чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова)**

Аннотация

Автор рассматривает возможность изучения планиграфии и некоторых особенностей строительства первых сибирских городов, построенных в конце XVI — начале XVII в. По его мнению, комплексное исследование картографических, письменных, археологических, устных источников обязательно приведет к получению достоверных результатов. Некоторые результаты таких работ были продемонстрированы им на примере изучения Тарской крепости.

Второй аспект, на который автор обращает внимание коллег, — вписывание русских крепостей в ландшафт. На материалах этноархеологических исследований Тарской крепости автор показывает, что ее строители в полной мере использовали природно-географическую ситуацию для увеличения обороноспособности крепости и создания благоприятных условий для ее функционирования.

Ключевые слова: первые сибирские города, планиграфия, С.У. Ремезов, урбанизация ландшафта

S.S. Tikhonov
*Omsk Branch of Institute of Archaeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk)*
semchi957@gmail.com

**Planigraphic Features of Siberian Towns of the Late 16th — early 17th Centuries
(on the Materials of The Drawing Book of Siberia by S.U. Remezov)**

Abstract

The author considers the possibility of studying the planigraphy and some features of the construction of the first Siberian towns built in the late 16th — early 17th centuries. In his opinion, a comprehensive research of cartographic, written, archaeological, verbal sources will definitely lead to reliable results. Some results of such works were demonstrated by him on the example of the Tara fortress.

The second aspect, to which the author draws the attention of colleagues: the framing of Russian fortresses into the landscape. On materials of ethnoarchaeological researches of the Tara fortress it is shown, that its builders fully used a natural and geographical situation for increases in defensive power of fortress, and creation of favorable conditions for its functioning.

Key words: the first Siberian towns, planigraphy, S.U. Remezov, landscapeurbanization

Омские ученые с 2007 г. под общим руководством С.Ф. Татаурова ведут раскопки Тарской крепости (современный г. Тара — районный центр в 300 км севернее Омска на левом берегу Иртыша), построенной князем А.В. Елецким в 1594 г. Для корректной интерпретации материалов исследований автор познакомился с результатами работ археологов, изучавших другие сибирские города конца XVI—XVIII вв., а также с некоторыми картографическими и письменными источниками, отражающими их историю. В результате, как это обычно и происходит, появились новые направления исследований, что напоминало бы ветвящиеся процессы [Колмогоров,

Дмитриев, 1947], если бы этот раздел теории вероятности был бы адаптирован к процедуре гуманитарных исследований.

В данной работе я остановлюсь на рассмотрении некоторых общих планиграфических черт первых русских городов Сибири и вписывании их в ландшафт. Источниками стали «Чертежная книга Сибири» [Ремезов, 2003], а также материалы полевых археологических и этноархеологических работ по изучению Тарской крепости в 2009—2017 гг.

Первые десятилетия освоения Западной Сибири. Итак, в первые два десятилетия освоения Западной Сибири русские заложили следующие крепости в

ключевых местах: 1586 г. — Тюмень, 1587 г. — Тобольск, 1591 г. — Пелым, 1593 г. — Березов, 1594 — Тара и Сургут, 1595 г. — Нарым, 1600 — Епанчин (Туринск), 1601 — Мангазея, 1604 — Томск, 1618 — Кузнецк. То есть каждые 3—5 лет в Западной Сибири появлялся новый город. Исключение составляет Кузнецк, построенный через 14 лет после Томска. Столь длительный промежуток времени может быть связан со Смутным временем и сменой династий русских царей. Естественно, такой мощный процесс освоения Сибири происходил только с ведома властителей Руси самого высокого уровня.

Предположу, что инициатива в этом принадлежала шурина царя Федора I Иоанновича — Борису Федоровичу Годунову, поскольку сам самодержец управлять государством, по свидетельствам современников, из-за физической слабости, болезненности и слабоумия был неспособен. Он больше заботился о душе, любил церковную службу, наслаждался колокольным звоном, кулачными боями и травлей людей медведями. Борис же Годунов, будучи фактическим управителем Руси, с большим размахом занимался строительством. По его велению в Диком поле были построены крепости Воронеж (1585 г.) и Ливны (1586 г.). На Волге были выстроены Самара (1586 г.), Царицын (1589 г.), Саратов (1590 г.). В 1592 г. был восстановлен г. Елец на р. Быстрая Сосна (приток Дона). На Донце были заложены Белгород (1596 г.) и Царев Борисов (1600 г.). Кроме того, были построены крепостная стена в Смоленске (1596—1602 гг.), а в Москве — стены Белого города (1584—1591 гг.) и деревянно-земляной Скородом (1592 г.).

По датам постройки городов видно, что в европейской части Руси строительство началось на несколько лет раньше, нежели в Сибири, поэтому логичен вывод, что укрепив южный и западный рубежи государства, а также столицу, Борис Годунов взялся за освоение восточного фронта. За 10 лет с 1594 по 1604 г. русские укрепились на Иртыше, Оби и Томи, присоединив к освоенным ранее землям по Туре, Тоболу и в низовьях Оби гигантские территории — фактически всю таежную и отчасти лесостепную части Западной Сибири.

Планиграфия первых сибирских крепостей. «Рецепт» закладки сибирских крепостей был стандартен: в нужный район под руководством опытного военачальника выходило снаряженное войско. В его составе обычно были стрельцы, казаки, «литва», пушкарки, служилые татары, плотники, духовенство и т.д. Выбрав конкретное место для постройки крепости, ратники заготавливали лес, под руководством плотников возводили укрепления, церковь, административные, хозяйственные, жилищные строения, и начинали нести службу по охране границ и сбору ясака. Оговорюсь, что технику возведения стен, башен и других сооружений, а равно и способы рубки бревен я рассматривать не буду, поскольку это специальная (и весьма объемная) тема исследований, и ограничусь планиграфией крепостей и их соотношением с ландшафтом.

Судя по чертежам в книге С.У. Ремезова [2003], русские ставили крепости прямоугольной формы (Тобольск, Тюмень, Епанчин (Туринск), Мангазея, Пелым, Березов, Томск (ил. 1, а—ж)) или округлой (Тара, Сургут, Нарым, Кузнецк (ил. 1, з—л)). Внутри

крепостей, правда не всех, был острог — внутреннее укрепление прямоугольной формы (Тобольск, Пелым, Тара (ил. 1, а, д, з), Кузнецк (округлый острог) (ил. 1, л)), или крепость была перегорожена стеной пополам (Томск, Сургут (ил. 1, ж, и)), или к крепости было пристроено снаружи дополнительное укрепление (Березов (ил. 1, е)). Вокруг крепости со временем формировался посад.

Судя по рисункам в «Чертежной книге Сибири» [2003, л. 6, 10, 12, 14, 16, 20, 22, 24, 26, 28, 30], крепостные стены были сделаны из вертикально стоящих бревен, что показано штриховкой. То есть крепость была «поставлена». Обращу внимание на тот факт, что скаты крыш бешен, церквей и изб показаны косою штриховкой, что соответствует наклону кровли. Башни же были сооружены из горизонтально лежащих бревен (были «срублены») (ил. 1).

Это видно на примере Епанчина (Туринска) (ил. 1, в), где стены показаны вертикальной штриховкой, а башни — горизонтальной. В Таре (ил. 1, з) несколько иная ситуация: стены острога состоят из массы городен (горизонтально лежащих бревен, отделенных друг от друга вертикально стоящими бревнами). Этому есть подтверждение. В «Дозорной книге Тарского уезда» за 1624 г. написано: «Городни: меж (Спаские и Оси) новые башни шесть (городень), меж Осиновые и Водяные башни дватцать пять городень, меж Водяные и Княжие башни пятнатцать городень, меж Княжие и Вестовые башни дватцать одна городня, меж Вестовые и Вешняковы башни тритцать одна городня...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 5. Л. 317]. Кроме того, в 2012 г. были раскопаны остатки восьмиугольной в плане Княжьей башни, от которой сохранилось девять венцов бревен.

Иными словами, сведения, приведенные С.У. Ремезовым, подтверждаются письменным источником и материалами раскопок г. Тары, т.е. они достоверны. Конечно, и у него встречаются ошибки. Например, Лачиновская курья показана не на том берегу р. Томи [Хорографическая чертежная книга..., 2011, л. 131]. Но в данном случае, в Таре, сведения С.У. Ремезова не противоречат другим материалам. И даже буерак, показанный к югу от Тары (ил. 1, з), частично сохранился в виде относительно пологой Омской долины.

По каким причинам русские землепроходцы ставили крепости разной планиграфии? Заманчиво было бы это объяснить особенностями рельефа. Но все крепости стоят на практически ровной поверхности первой надпойменной террасы, которую пересекают овраги. Так вот на ремезовских рисунках показано, что Тобольск, Епанчин (Туринск) — прямоугольные и стоят между двумя оврагами (ил. 1 а, е). Тара тоже стоит между двумя оврагами, но она округлая. Может быть, дело не только в рельефе, а еще в традициях крепостного строительства в европейской части Русского государства? И мастера-плотники ставили крепость привычной им планиграфии (прямоугольной, округлой, перегороженную или с пристроенным острогом)? Ответ на этот вопрос я пока дать не могу.

Вписывание крепостей в ландшафт. Говоря о месте расположения крепостей, напомним тот факт, что, как правило, крепости строили на месте расположения юрт или городков сибирских аборигенов

либо близости от них. Так, Епанчин (Туринск) был построен на месте татарских Епанчиных юрт, разрушенных Ермаком. Тюмень встала на месте Чимги-туры, столицы Тюменского ханства. Пелым возник на месте столицы вогульского князца Аблегирима. Березов был построен на месте остяцкого городка Сумгут Ваш. Сургут возвели в центре земель Пегой орды близ городка князца нарымских остяков (селькупов) Бардака и т.д.

Но в каждом конкретном случае место для крепости выбрали индивидуально, учитывая особенности расположения и высоту надпойменных террас, наличие оврагов. Об этом можно судить по планам крепостей. Другие особенности расположения (близость к строевому лесу, наличие воды, сенокосных угодий, мест выпаса коней и т.д.) можно только реконструировать. Такая работа была начата в Таре [Тихонов, 2016, с. 32—38; Тихонов, 2017, с. 428—431]. Предварительные результаты такие:

— историческая часть Тары сохраняет свою планировку, расположение и направление современных улиц и улиц XVIII в. совпадают;

— определены места перехода через Аркарку (реку, на которой фактически стояла крепость) и через ее левый приток (ныне заболочивающийся безымянный лог, который некогда был речкой Кладбищенской);

— как Старая Екатерининская дорога идентифицирована дорога в юрты Верхние на картах С.У. Ремезова;

— рассмотрены естественные преграды на пути к Тарской крепости с юга, запада и востока. На террасе это р. Аркарка, ее приток — Кладбищенская речка — и Большое болото, из которого она вытекает, а также овраги (в местной огласовке — ущелья), по которым устроены спуски в пойму. В пойме препятствием для продвижения являются р. Аркарка, ее правый приток Ржавец, затапливаемые озера, образованные пойменными дюнами, лога в пойме. Эти природные образования серьезно затрудняли подходы к собственно крепости. Однако современная застройка существенно исказила рельеф, поэтому для изучения старого ландшафта необходимо постоянное обращение к письменным, картографическим и устным источникам.

К сожалению, устные предания и сведения о тарской старине, которые могли бы значительно расширить наши знания о ранней истории Тары (вероятно, и других городов Сибири), сегодня очень быстро исчезают. Так, жители Тары 1930-х и более ранних годов рождения еще могут что-то рассказать о событиях первых десятилетий XX в. и редко — более ранних. Например, опрошенные мной татары иногда вспоминали о старом татарском кладбище в районе стадиона «Олимп», но о его возникновении (установлено в 1860-е гг.) они ничего рассказать не могли. То есть устная история города Тары постепенно исчезает [Тихонов, 2015, с. 409—410].

Возвращаясь к вписыванию города в ландшафт, вспомним, что в некоторых случаях строители эскарпировали террасу. Как пример приведу улицу Обруб в районе Томского кремля, название которой произошло от того, что террасу «обрубили», чтобы сделать ее более крутой.

В случае если изначально место было выбрано

неправильно, город переносили на другое место, как, например, Нарым.

Выводы. Некоторые особенности планировки первых русских городов Западной Сибири и особенности расположения бревен при строительстве башен и стен могут быть рассмотрены на материалах карт С.У. Ремезова и дополнены письменными архивными источниками, а также материалами археологических раскопок и устными сведениями. Полагаю, что в результате мы получим достоверные данные. По крайней мере, разные по происхождению источники, использованные при изучении Тарской крепости, не противоречат друг другу.

Изучение ландшафтных особенностей места закладки крепости позволяет оценить некоторые аспекты их обороноспособности и функционирования. К сожалению, нам не известны примеры детального изучения этого аспекта на материалах сибирских городов. Зато часто встречаются фразы общего характера об удачно выбранном месте для устройства крепости и возможностях ее обороны.

Надеюсь, что в дальнейшем будут получены новые результаты.

Список литературы

1. Колмогоров А.Н., Дмитриев Н.А. Ветвящиеся случайные процессы // Докл. Акад. наук СССР. — М., 1947. — Т. 56. — Вып. 1. — С. 7—10.
2. Тихонов С.С. К вопросу о микротопонимике малого сибирского города и глубине исторической памяти его населения (по материалам города Тары, Омская область) // Третьи Ядринцевские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска. — Омск: Ом. гос. ист.-краевед. Музей, 2015. — С. 409—410.
3. Тихонов С.С. Бухарская слобода Тарской крепости: исследования топографии и исторических районов города // Средневековые тюрко-татарские государства. — 2016. — № 8. — С. 32—38.
4. Тихонов С.С. Естественные преграды в системе обороны Тарской крепости (предварительные результаты исследований 2013—2017 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2017. — Т. XXIII. — С. 428—431.
5. Хорографическая чертежная книга Сибири Семена Ульяновича Ремезова. — Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2011. — 692 с.
6. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. В 2 т. — М.: Федер. служба геодезии и картографии России, Рос. гос. б-ка, 2003. — Т. 1. Факсимильное издание. — 201 с.

Список источников

РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 5. Дозорная книга Тарского уезда 1624 г.

Ил. 1. Планиграфия сибирских городов по материалам «Чертежной книги Сибири»: а — Тобольск (л. 6); б — Тюмень (л. 12); в — Епанчин (Туринск, л. 14); г — Мангазея (л. 30); д — Пелым (л. 16); е — Берёзов (л. 20); ж — Томск (л. 26); з — Тара (л. 10); и — Сургут (л. 22); к — Нарын (л. 24); л — Кузнецк (л. 28)

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10029

УДК 72.03 571.51

В.И. Царёв
НИИ теории и истории архитектуры
и градостроительства (Москва)
Институт архитектуры и дизайна Сибирского
федерального университета (Красноярск)
vits_2004@mail.ru

В.В. Царёв
Министерство строительства
Красноярского края (Красноярск)

Русские крепости в Центральной Сибири XVII—XVIII веков: архитектурно-планировочное формирование

Аннотация

В статье представлены некоторые результаты исследования архитектурно-планировочных особенностей первых русских крепостей в Центральной Сибири XVII—XVIII вв., которые получены на основе анализа документальных материалов местных и центральных архивов страны. Выявлены этапы и планировочные принципы формирования отдельных крепостей, архитектурно-конструктивные особенности оборонных сооружений. На основе исторических документов предложена графическая реконструкция ряда русских острогов Центральной Сибири, возведенных в XVII—XVIII вв.

Ключевые слова: русские крепости, острог, планировочные принципы, архитектурно-конструктивные особенности, деревянная архитектура, Центральная Сибирь

V.I. Tsarev
*Scientific Research Institute of Theory and History
of Architecture and Urban Planning (Moscow)
Institute of Architecture and Design
of the Siberian Federal University (Krasnoyarsk)
vits_2004@mail.ru*

V.V. Tsarev
*Ministry of Construction
of Krasnoyarsk Region (Krasnoyarsk)*

Russian fortresses in the Central Siberia of the 17th—18th Centuries: Architectural and Planning Organization

Abstract

The article deals with some results of the study of architectural and planning features of the first Russian fortresses in the Central Siberia of the 17th—18th centuries, which were obtained on the basis of the analysis of documentary materials of Russian local and central archives. The authors reveal stages and planning principles of organization of different fortresses, architectural and constructive features of defensive constructions. On the basis of historical documents it is proposed a graphic reconstruction of a number of Russian stockaded towns erected in the Central Siberian in the 17th—18th centuries.

Key words: Russian fortresses, stockaded town, planning principles, architectural and structural features, wooden architecture, Central Siberia

В XVII в. первыми русскими селениями в сибирских землях являлись деревянные крепости, большинство из которых назывались острогами (по типу крепостных стен из частокола заостренных бревен). В Центральной Сибири главным из них был Енисей-

ский острог, основанный в 1619 г., через который пролегла водно-сухопутная дорога между Обью, Енисеем и Верхней Тунгуской (Ангарой), связывавшая русское государство с новыми восточными территориями. Этапы формирования Енисейского

острога авторы проследили по архивным документам, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА).

I этап (1619 г.). Основание и строительство первого четырехугольного острожного укрепления отрядом, руководимым сыном боярским П. Албычевым и казаком Ч. Рукиным.

II этап (1623 г.). Расширение крепости с устройством двух проездных башен при воеводе Я. Хрипунове.

III этап (1651 г.). Строительство под руководством воеводы А. Пашкова восьмибашенной деревянной крепости.

IV этап (1667 г.). При воеводе К. Яковлеве поставлен новый острог с шестью башнями вокруг посада.

V этап (1704—1705 гг.). Восстановление малого и большого острогов после пожара 1703 г.

VI этап (1770-е гг.). Утрата последних крепостных сооружений.

Енисейский острог, как крупный военно-административный центр, включал в свою объемно-пространственную композицию большинство наиболее характерных элементов сибирского оборонного зодчества: это выбор местоположения крепости во взаимосвязи с большими и малыми реками, быстро-возводимый острожно-тыновый тип крепостных стен, квадратные в плане срубы башен, в которых устраивались боевые ярусы — «обламы», и смотровые вышки — «клетки», покрытые тесовыми четырехскатными кровлями — «колпаками». На рубеже XVII—XVIII вв. в основном сложились конструктивные и композиционные приемы возведения сибирских деревянных крепостей, опиравшиеся на вековые традиции русского зодчества и проверенные десятилетиями боевых действий в новых условиях. Поэтому вполне закономерно, что Енисейск преемственно стал наглядным образцом для строительства новых крепостей на восточных рубежах российского государства (ил. 1).

В 1628 г. отряд служилых людей под руководством воеводы А. Дубенского, отправленный из Енисейска, построил Красноярский острог, о формировании которого ранее мы представляли результаты исследований [Царёв, Крушлинский, 2001, с. 9—32]. Новые материалы, выявленные в процессе последующих архивных поисков, позволили уточнить некоторые аспекты архитектурно-планировочного формирования Красноярского острога в XVII—XVIII вв. Например, документально подтверждено, что основные постройки первоначального острога сохранялись до середины XVII столетия. Первый этап существования этой крепости завершился в 1679 г., когда острог сгорел в пожаре. В 1726 г. в малом городе сгорела деревянная Преображенская соборная церковь, взамен которой была поставлена вновь деревянная церковь во имя Преображения Господня с двумя приделами — во имя Пресвятой Богородицы Владимирской и Святого Николая Чудотворца. В 1735 г. в городе насчитывалось около 350 дворов. Крепостные сооружения Красноярска и основная часть нерегулярной городской застройки перестали существовать после крупного пожара в 1773 г.

В XVII в. в обширном Енисейском уезде были возведены русские крепости-остроги, обеспечивавшие

безопасность осуществления государственных, военных и торговых взаимосвязей между западными и восточными территориями Сибири. В 1631 г. енисейские служилые люди в районе среднего течения Ангары, около Падунского порога, построили острог, получивший название Братского (по бурятскому народу, населявшему окружавшие его земли). Он неоднократно переносился на новые места и перестраивался до тех пор, пока окончательно не закрепился при устье реки Оки (левого притока Ангары) в середине XVII в. О работах, проведенных при его возведении в 1654 г., сообщается в донесении, poslanном в Сибирский приказ сыном боярским Дмитрием Фирсовым, руководителем отряда служилых людей, занимавшихся строительными работами: «В нынешнем во 162 году Братский нижний острог поставили весной четыре башни высокие, под тремя башнями три избы, четвертая порожняя» [АРАН. СПб. Ф. 21. Оп. 4. № 22. Л. 336].

В августе 1675 г. «Брацкой острог» посетил Николай Спафарий, оставивший в дорожном дневнике о нем краткую запись: «А острог стоит на ровном месте. А в остроге церковь во имя Пресвятыя Богородицы Владимирския. А жилых дворов казачьих с 20. Да под острогом течет река Ока. А вытекла из степи, а по ней живут пашенные крестьяне и братья» [Спафарий, 1882, с. 107].

Две башни Братского острога, сохранившиеся до настоящего времени, имеют исключительное значение для истории русской архитектуры Сибири. Они привлекли внимание исследователей еще в XIX в. Первые чертежи Братских башен были доставлены в министерство внутренних дел в 1870 г., а в сопроводительном описании было сказано следующее: «Башни, существующие в Братском селении, Нижнеудинского округа, построены из лиственничного леса среднего размера, четырехугольные, имеют 8 аршин в ширину и 10 в высоту» [Султанов, 1907, с. 144]. В те же годы, вероятно художником Ф. Чалеевым, был выполнен рисунок башен Братского острога, а в начале XX столетия сделана одна из первых фотографий западной башни крепости. В 1927 г. башни были обследованы А.И. Михайловской, которая составила их описание: «Башни сложены из лиственничных бревен толщиной в 22—24 см. Нижняя часть башен состоит из 20 венцов, а верхняя (более широкая, выступающая) из 5 венцов. В пазах между бревнами — мох. Срублены башни «с остатком». Концы бревен выступают сантиметров на 25, а там, где эти выступающие концы образуют кронштейны, на которых лежит более широкая верхняя часть башни, они выступают почти на полметра. <...> Размер башен в прежних описаниях указан довольно точно (8 арш. — стены и 10 арш. высоты). Длина сторон 1-ой башни — 5 м 96 см, а 2-ой — 5 м 87 см. Высота — 6 м 85 см — до конуса крыши (считая 18 см на вrostание в землю). Высота 2-ой башни до облама — 4,4 м, а стенки облама — 1,3 м. В башнях два этажа — высота нижнего 2,75 м и верхнего (до крыши) — 3,75 м. Потолка в верхнем этаже нет и видны стропила крыши» [Михайловская, 1928, с. 14—15]. Согласно исследованиям, проведенным И.В. Маковецким в 1960-х гг., одна из башен Братской крепости была перенесена Д. Фирсовым из старого острога (1631 г.), в котором «одной боевой башни было вполне до-

статочно для обороны находящегося там казачьего гарнизона» [Маковецкий, 1971, с. 119]. В настоящее время эта наиболее древняя из двух сохранившихся башен Братского острога находится в московском Государственном объединенном художественном историко-архитектурном и природно-ландшафтном музее-заповеднике «Коломенское», куда она была перевезена в 1959 г., вторая башня — в музее города Братска «Ангарская деревня». Сравнительно простые первые крепости типа Братского острога, отличавшиеся прямоугольным планом и небольшим количеством башен, имели широкое распространение в сибирских землях, в которые проникали енисейские служилые люди в XVII в. (ил. 2).

В 1667 г. под руководством енисейского воеводы К.А. Яковлева проводились масштабные работы по возведению острожных укреплений, поводом для которых явилось очередное обострение военной ситуации на южных границах уезда [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 528. Л. 217—242]. Новые остроги были поставлены на р. Енисее «на Казачьем лугу» и заимке Вороговой, на реках Усолке в Усолье (на месте солеварен) и Рыбной (бассейн реки Верхней Тунгуски-Ангары), в деревнях Большой Ялани, Черкаской, в селении Маковском, на р. Белой. Укрепления в виде «надолоб» и «засек» были устроены около деревень Усть-Тунгусской, Родюковской, Моклоковской, Верхней, Нижней, Казанцевой, Зырянки.

На Обь-Енисейском волоке важным укрепленным пунктом являлся Маковский острог, о строениях которого сохранились документальные описания 1667 г.

«В Маковском поставлен острог на углах острогу сделаны четыре выходы с бойницами башня проезжая в вышину мерою и с обламами до кровли тритцать венцов а на верху башни клетка рубленая десять венцов а мерою та башня трех сажен печатных и с углами во всех стенах а на той башне сделаны бои верхней и средней и исподней а мерою тот острог и с выходы сто шесть сажен а около острогу сделаны надолбы кругом двойные связми и с наметными слегами а мерою кругом те надолбы сто пятьдесят сажен а поперек полторы сажени и в том остроге поставлены великого государя на хлебные запасы и для приезде с казнами шесть анбаров больших да в том же остроге поставлены будут торговых людей анбары для клатки привозу товаров да в Маковском же в розных местах засечено засек триста сорок сажен. А острог поставлен бревна облые на иглах. А делал тот острог и надолбы и засеки атаман Иван Колесников да посацкой человек Оска Банщик да служилой человек Пронка Сиротинин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 528. Л. 233 об. —234].

Из данного описания следует, что острог имел четырехугольную форму плана. При его возведении использовались бревна круглого сечения — «облые», а для более прочного их соединения применялась особая слега, поперечная вязка — игла. На всех углах были устроены «выходы» — деревянные укрепленные площадки (часто пятиугольные) для установки пушек — в виде выступа крепостной ограды для обстрела местности впереди и вдоль крепостных стен. Периметр острожных стен составлял примерно 230 м, а длина стороны крепости (при квадратном плане) могла быть около 40 м. В одной из стен размещалась проезжая башня, вероятно, четыре-

хугольная в плане. Она имела три основных яруса: нижний (исподний) с воротами, средний — боевой, а третий, также предназначенный для обороны, был выполнен с уширением периметра стен, т.е. с «обламом», над которым размещалась так называемая клетка — небольшое помещение для караульных, наблюдавших за окрестностями. Высота башни достигала 6,5 м. При ее сопоставлении с общим количеством венцов выявляется, что диаметр бревен, использовавшихся в строении, был относительно небольшим и равнялся 15—16 см. С наружной стороны острожных стен был сделан длинный ряд укреплений, «надолбы двойные» — два ряда (на расстоянии около 3 м) вкопанных в землю заостренных кольев, связанных между собой прогонами — «наметными слегами».

Функциональное назначение Маковского острога — перевалочного пункта на волоке — характеризовали находившиеся в нем амбары, служившие для временного хранения государевой казны — ясака (пушной подати, собиравшейся с коренных жителей), хлебных запасов, которые присылались служилым людям из центральных районов страны, а также для обеспечения зарождавшейся в сибирских землях торговой деятельности. На опасных подступах к Маковскому острогу были устроены лесные засеки из срубленных деревьев, иногда обводившиеся рвом.

В 1675 г. краткие сведения об этом укрепленном селении зафиксировал Н. Спафарий в своем дорожном дневнике: «Маковский острог стоит на красном месте, на Кете реке, на яру, левой стороне; а во остроге церковь, а дворов с 20, и тут дощаников и каюков зело множество розбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям. А с полверсты от острогу есть слобода торговых людей, и тут анбаров множество построено для ради того, что торговые товары свои тут кладут и после того ходят чрез волок» [Спафарий, 1882, с. 84].

На пути между Маковским острогом и Енисейском находилось еще одно селение — Большая Елань, в котором был возведен новый острог, вошедший в систему укреплений Енисейского уезда, организованную воеводой К. Яковлевым в 1667 г. Описание этого острога, сохранившееся в архивных документах, свидетельствует о существовании единых методов и приемов строительства русских деревянных крепостей в Сибири XVII в.

«В деревне на большой Ялане круг церкви поставлен острог на четыре стены и по углам сделаны выходы с бойницами и на полуденной острожной стене сделаны ворота створные выводные а высота острогу две сажени аршинных а поперек острожной стены башня глухая в стенах мерою полутретьих сажен и с углами а в вышину дватцать пять венцов до обламов а обламов шесть венцов наверху клетка брусная а мерою башня трех сажен до кровли и бои верхней и исподней и в остроге выкопан колодец а мерою тот колодец пять сажен до воды а кругом того острогу мерою сто десять сажен и кругом острогу надолбы двойные связми и с наметными слегами а мерою тех надолоб сто пятьдесят сажен а поперек сажен. А делал тот острог и надолбы атаман Иван Колесников да служилой человек Моска Вязма. А острог поставлен бревна облые на иглах» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 528. Л. 230 об. —231об.].

Из данного описания новыми сведениями являются указанная высота острожных стен, превышавшая 4 м, а также размеры четырехугольной глухой (непроезжей) башни, составлявшие в плане примерно 5 × 5 м; по высоте башня достигала 6,5 м и завершалась «клеткой», выполненной из бруса. Через восемь лет после строительства этого острога Н. Спафарий отметил некоторые перемены: «А после того недалеко есть деревня большая, в которой острог и церковь. А именуется та деревня — Елань. А из той деревни опять до Енисейска множества деревень и жилья есть, и места еланья, zelo хорошия и хлебородныя. И сказывают, что во всем Енисейском уезде есть деревень с 500» [Спафарий, 1882, с. 85].

В 1667 г. енисейцы построили новый Рыбинский острог, находившийся на правом берегу Верхней Тунгуски (Ангары). Об этом событии сохранились сведения в архивном документе: «Да послан для острожного строенья на рыбную волость сын боярской Федор Мешинин а велено ему Федору на рыбной острог поставить в облом лесу мерою сто сажень да башню рубленую в вышину и с обламами тритцати венцов до кровли да клетку десяти венцов и покрыть тесом и кругом острогу велено сделать надолбы двойныя связми и с наметами сто дватцать сажень» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 528. Л. 234 об.].

Из описания следует, что намеченный к постройке острог должен был иметь одну боевую башню и укрепления, весьма схожие с такими же строениями, возведенными в Маковском и Большееланском острогах, что вновь подтверждает высказанное ранее предположение об имевшихся общих правилах крепостного строительства в Сибири XVII в. (ил. 3).

В 1636 г. красноярские казаки возвели Канский острог на переправе через реку Кан (правый приток Енисея) в земли бурят. В 1640 г. в помощь Канскому острогу (в ста верстах к северу от него) был заложен Тасеевский острог, который можно отнести к числу первых в Центральной Сибири военных поселений, организованных для защиты зарождавшихся заводских производств (Троицкого усолья). В 1672 г. на месте Туруханского зимовья в низовьях Енисея был возведен город Новая Мангазея. В 1675 г. для защиты южных подступов к Красноярску построен Караульный острог. В 1683 г. на переправе через реку Чулым, находившейся с северной стороны высокого Аргинского хребта, был поставлен Ачинский острог. К концу XVII в. Ачинский, Красноярский и Канский остроги образовали в подтаежных районах, вдоль древнего конного пути, пограничную линию широтного направления, отделявшую районы нижнего и среднего Енисея, уже перешедшие под «государеву высокую руку», от «немирных землиц» юга Центральной Сибири. Наконец, в 1707 г. русским служилым людям удалось закрепиться в «кыргызской земле», осуществив строительство Абаканского острога. В 1717 г. была поставлена самая южная в приенисейских районах русская крепость, получившая название по окружавшим ее горам — Саянский острог.

Военно-стратегические функции, являвшиеся главными для новых сибирских городов в XVII—XVIII вв., определяли первостепенную роль архитектурно-конструктивных особенностей крепостных сооружений. Традиционные для древнерусского оборонного

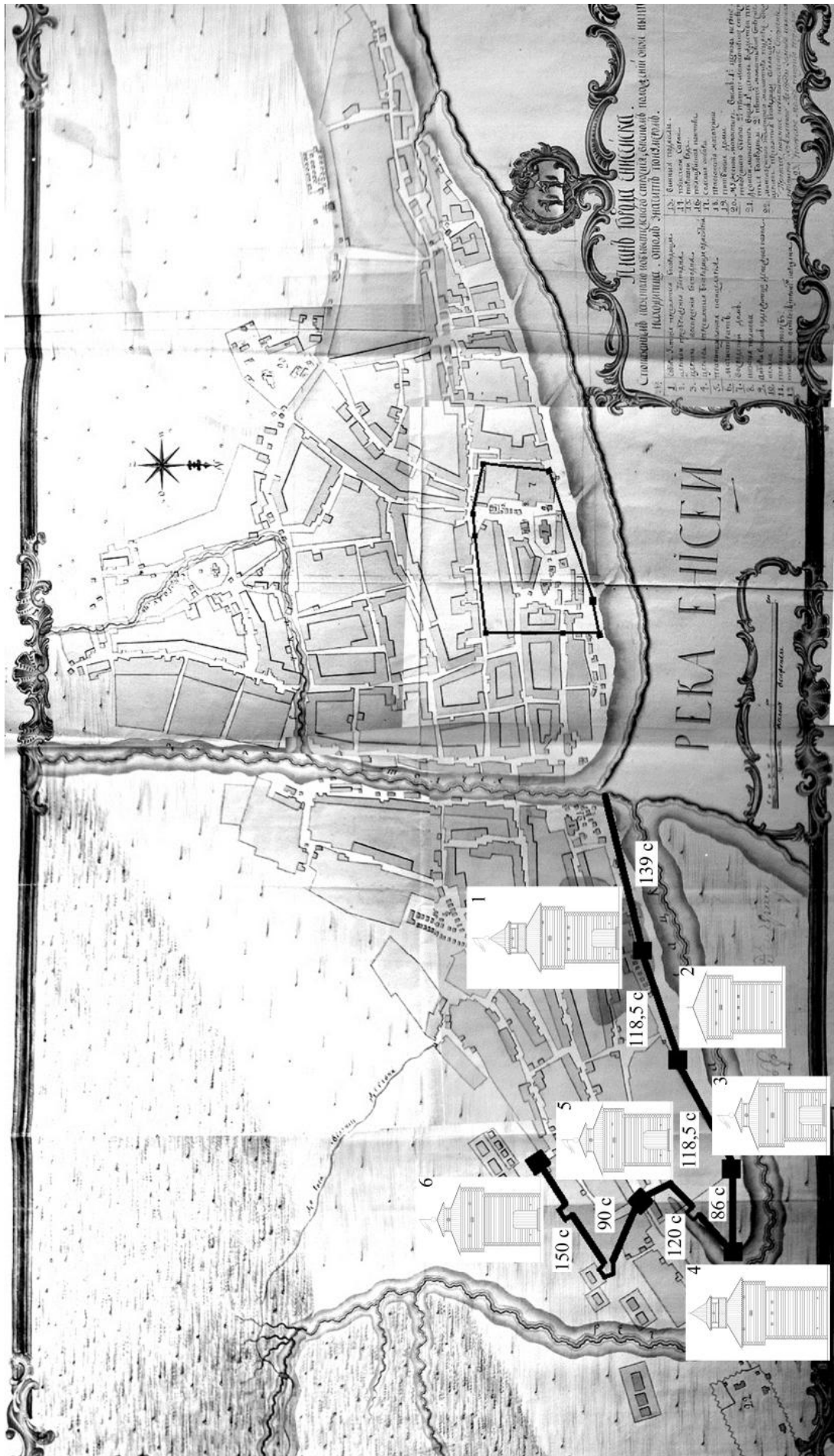
зодчества рубленые двойные стены, относительно трудоемкие при возведении, в большинстве укрепленных поселений региона заменялись тыновыми стенами из вертикально заглубленных в землю и заостренных бревен, получивших название «острог». Более сложные конструктивные типы стен возводились в исключительных случаях: при особо сложных природно-климатических условиях севера — Новая Мангазея — или при отдаленном приграничном местоположении русских форпостов — Абаканская и Саянская крепости. Другим общим для большинства русских военных пунктов планировочным принципом являлся выбор формы плана крепости — в виде четырехугольника. Строительство в XVII — начале XVIII в. однотипных укреплений было обусловлено главным фактором — централизованным государственным регулированием процесса «острожного ставления», в результате которого осуществлялась «типизация» составлявшихся иногда чертежей и возведенных строений.

Список литературы

1. Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Ч. 1. Приангарье. — Новосибирск: Наука, 1971. — С. 106—143.
2. Михайловская А.И. Братский острог. (Историко-археологический очерк). — Иркутск: Иркут. гос. обл. музей, 1928. — Сер. История. Вып. I. — 20 с.
3. Спафарий Н. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введением и примечаниями Ю.В. Арсеньева // Зап. Имп. Рус. геогр. о-ва по отдельной этнографии. — Т. X. — Вып. 1. — СПб., 1882. — С. 30—193.
4. Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторых других памятников деревянного зодчества в Сибири (по архивным данным) // Изв. Имп. археол. комис. — Вып. 24. — СПб., 1907.
5. Царёв В.И., Крушлинский В.И. Красноярск. История и развитие градостроительства. — Красноярск: Кларетианум, 2001. — 252 с.

Список источников

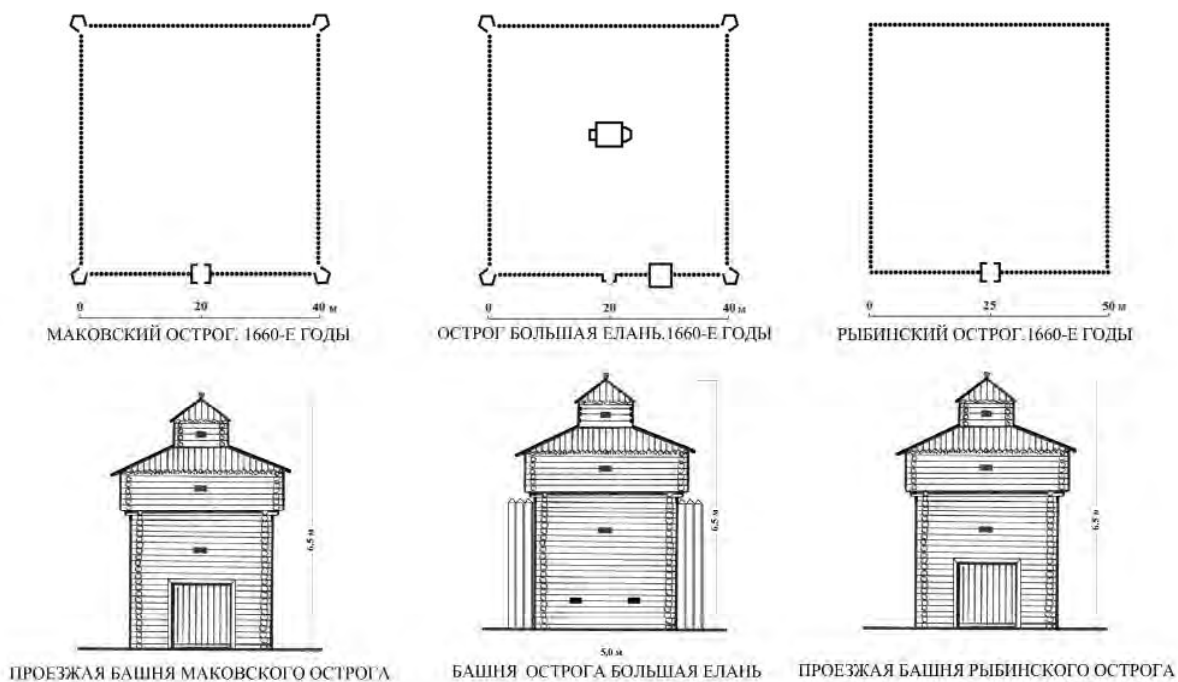
1. АРАН. СПб. Ф. 21. Оп. 4. Списки документов из сибирских архивов. № 22. Л. 336—337.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 528. Строельная книга Енисейска. 1667. Л. 217—242.

Ил. 1. Графическая реконструкция системы укреплений Енисейска 1667 г. на фиксационном плане города 1760—1770-х гг. (выполнена авторами)

Ил. 2. Башня Братского острога в Московском государственном музее-заповеднике «Коломенское». Снимок авторов, 2017 г.

Ил. 3. Остроги Енисейского уезда (Маковский, Большая Елань, Рыбинский). 1660-е гг. Графическая реконструкция выполнена авторами

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10030
УДК 72.031

А.А. Шульга
Сибирский институт управления РАНХиГС
annushka.ru@mail.ru

Д.П. Шульга
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет;
Сибирский институт управления РАНХиГС
alkaddafa@gmail.com

**Особенности развития погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации
(на примере могилы Кан Е в Северном Китае)**

*Исследования выполнены при поддержке Министерства образования и науки РФ
по Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих
мировых научно-образовательных центров (проект 5-100)*

Аннотация

В апреле 2004 г. в северном пригороде г. Сиань была раскопана могила периода Северной Чжоу. Имя человека, который был помещен в могилу, — Кан Е, где первая часть может трактоваться не только как фамилия, но и как название государства Кан на территории Согдианы. Археологические материалы, извлеченные из этой гробницы, дают бесценные сведения для изучения культурного обмена между Востоком и Западом, а также развития живописи и архитектуры в зоне Шелкового пути. В ходе исследования мы увидели глубокий синкретизм (включающий в основном иранские и североазиатские элементы) погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации. Также можно констатировать наличие высоко развитой изобразительной традиции, тяготеющей к реализму.

Ключевые слова: Северный Китай, Шелковый путь, погребальная архитектура

A.A. Shulga
Siberian Institute of Management
(the Russian Presidential Academy Of National
Economy and Public Administration, Novosibirsk)
annushka.ru@mail.ru

D.P. Shulga
Novosibirsk National Research State University (Novosibirsk)
Siberian Institute of Management
(the Russian Presidential Academy Of National
Economy and Public Administration, Novosibirsk)
alkaddafa@gmail.com

**Development Features of Funerary Architecture within the Intercultural Communication (Shown on
Example of the Kang Ye Tomb in North China)**

Abstract

In April of 2004 Chinese archaeologists excavated a tomb from the Northern Zhou Dynasty in the northern suburb of Xi'an. Dead man's name is Ye, a citizen from the State in the territory of Sogdiana. The archaeological materials excavated from this tomb give priceless information for studying the cultural exchange between East and West and the development of painting and architecture on the Silk Road territory. In the study, we can see a funerary architecture deep syncretism (including, mainly, the Iranian and North Chinese elements) within the intercultural communication. Also we can state the presence of a highly developed pictorial tradition tending towards realism.

Key words: Northern China, the Silk Road, funeral architecture

Шелковый путь имел огромное значение для экономического, политического и культурного развития Северного Китая, Южной Сибири и Средней Азии. Движение товаров и идей происходило не только с востока на запад, но и в обратном направлении. Даже такая, казалось бы, «маломобильная» сфера искусства, как архитектура, получила сильнейший импульс. Согдийские купцы, которые нередко и осуществляли торговлю по Шелковому пути, не только сделали из своего языка «лингва франка» в регионе (от Каспия до Алтая и Гоби) [Rose, 2010], но и оставили шедевры погребального строительства на китайском северо-западе. Примечательно, что ряд гробниц содержит в себе имена усопших и описание их деяний [Wertmann и др., 2017]. Разумеется, без публикации и изучения подобных источников исчезает возможность объективного изучения истории развития архитектуры в сопредельных (и исторически связанных) с Сибирью регионах (Средняя Азия, Северо-Западный Китай).

Гробница Кан Е расположена северо-западнее деревни Кандицзай, примерно в 3500 м к востоку от исторических границ столицы удельного царства Северное Чжоу (г. Чанань) [Cheng, Zhang, 2008, p. 23]. Примерно в 150 м к югу от описываемой могилы расположено погребение еще одного иноземного торговца — Ан Цзя. В 2 километрах к востоку от Кан Е покоился третий негониант — Ши Цзюнь [Кудинова, Комиссаров и др., 2016].

Гробница Кан Е глинобитная, имеет купол, делится на три части (пандус, тамбур и погребальная камера). Пандус сильно разрушен, его длину невозможно точно определить, но он точно располагался к югу от погребальной камеры. Ширина пандуса 1,58 м, в самом глубоком месте он проходит в 7,9 м от уровня древней поверхности. Тамбур представляет собой подземное помещение со сводчатым потолком, подтрапециевидной формы, северный конец шире южного. Длина тамбура 2,16 м, южный конец достигает 1,42 м в ширину, а северный — 1,5 м. Потолок обвалился, поэтому невозможно определить высоту. Погребальная камера представляет собой подземное помещение с купольным потолком почти правильной квадратной формы (стороны имеют длину 3,3—3,4 м). Стены гробницы украшены фресками, которые сейчас находятся в плохом состоянии. Рядом с северной стенкой погребальной камеры находится каменная кушетка (по оси восток–запад) со «спинкой» и «подлокотниками». Эпитафия установлена в южном конце погребальной камеры. К западу от нее найдены кости жертвенных животных. В середине погребальной камеры находится провал площадью около 1 кв. м (ил. 1А).

В гробнице две двери. Первая находится снаружи, закрывая пандус, в разрушенном состоянии имеет высоту 0,3 м. Вторая дверь расположена в тамбуре. Украшенная камнем, она состоит из притолоки, дверного полотна, рамы, порога и дверных прокладок. Присутствуют дверные шипы и пазы. Железные кольца прикреплены к каждому концу дверной притолоки. Притолока и дверная рама украшены линейными узорами. Передняя сторона дверного полотна лишена гравировки. Декор там присутствует в виде трех рядов гвоздей с позолоченными головками (по пять в каждом ряду). К середине каждого полотна

прикреплено устройство для стука в дверь (в виде деревянного стержня на кольцах) [Cheng, Zhang, 2008, p. 23—25].

В погребальной камере присутствует мебель. Центральное место занимает каменная кушетка со «спинкой» (из двух панелей, имеющих длину 106—111 см, высоту 82—83,5 см, толщину 9—10 см) у северной стены погребальной камеры [Zheng, 2008]. По бокам ложа имеются панели-«подлокотники». Как восточная, так и западная панели имеют длину 93,5 см, высоту 82 см, толщину 7—8,5 см. Внутренние стороны панелей (вокруг усопшего) отполированы и украшены десятью рельефами; западная и восточная панели имеют по две картины, а северные — по три. Картины частично позолочены. Платформа кушетки имеет прямоугольную форму, длину 2,38 м, ширину 1,07 м, толщину 0,16 м. Передняя часть и боковые стороны украшены рельефами. У этой кушетки пять ножек, три передних имеют форму присевших львов, а две задних выполнены в форме сапог. Все они имеют 0,34 м в высоту [Cheng, Zhang, 2008, p. 23—26].

Читая эпитафию в гробнице Кан Е (ил. 1Б), можно понять, что изображения на камне не имеют конкретной задачи отобразить жизнь и достижения Кан Е. В лучшем случае можно сказать, что эти изображения представляют социальное положение захороненного в гробнице. Например, неоднократное появление знатной женщины в сюжетах можно рассматривать как относящееся к жене усопшего. Все десять картин имеют сходную композицию, относясь к одному тематическому блоку. Во-первых, перед нами групповые портреты. В центре картины мужская или женская фигура, сидящая на кушетке, лицо повернуто. Господина и госпожу окружает множество слуг и гостей, некоторые из этих фигур или сидят, или же стоят, словно слушают речи господина и госпожи. Меньшие фигуры и разделены по социальному статусу между собой. Во-вторых, все фигуры расположены в горах и лесах. В-третьих, все фигуры собраны под большими деревьями [Zheng, 2008].

На поверхности каменной кушетки находится скелет человека, голова ориентирована на запад, ноги направлены на восток. Тело лежит на спине с вытянутыми конечностями. Во рту — золотая монета Восточной Римской империи с имперскими и христианскими символами (ил. 1Г), а в руке зажата монета из бронзы. Усопший облачен в халат из шелка и парчи, остатки которого фиксируются до сих пор. Ткань вышита металлическими и каменными украшениями. Талию Кан Е украшал наборный пояс. Сохранилась лишь бронзовая фурнитура. Кроме монет, украшений одежды и пояса, обнаружена табличка с эпитафией. Надпись в общей сложности состоит из 397 символов в характерном вэйском стиле, подробно описывает семейное происхождение умершего и другие обстоятельства. К слову, часть найденных в гробнице монет имеют китайскую форму, несут на себе иероглифы «布泉». Наиболее примечательными находками являются поясная пряжка (с подвижным язычком, длина 8 см) и золотая восточноримская монета. Она круглая по форме, обод изношен. На лицевой стороне портрет императора, надевающего императорскую корону с рядом связанных жемчужных орнаментов. Он держит скипетр в правой руке и

положил его на плечо. Надпись по краю монеты читается DNIVSTINI / ANVSPPAV. На оборотной стороне стоит ангел с двумя крыльями, выходящими с плеч. Его правая рука держит крест, левая — держит шар с крестом сверху. Надпись вдоль обода — VICTORI / AAVGGGZ и CONOB. Размеры монеты: 1,81 см в диаметре, 0,11 см толщиной. Масса 2,1 г [Cheng, Zhang, 2008, p. 25—26].

Предположительное время изготовления монеты — первая половина VI в. н. э., эпоха правления императоров Юстина [Grierson, 1982, p. 52] или Юстиниана. В истории хорошо известны его попытки восстановить границы Римской империи вкупе с выдавливанием платонизма из образовательной системы. находка в гробнице Кан Е показывает, что опосредованные связи Византии простирались до Западного Китая. Что касается положения монеты (во рту покойного), то было бы очень заманчиво попытаться связать это с греческим обрядом положения «платы Харону», однако для такой интерпретации у нас недостаточно данных. К тому же, нельзя исключать смещения монеты в результате разложения тела и органических материалов одежды. Следует помнить и о роли грызунов в перетаскивании артефактов на небольшие расстояния. Например, в могильнике Локоть-4а в Алтайском крае суслик перенес большую часть головного убора с золотыми аппликациями в сторону от черепа, где было логово грызуна [Шульга, 2003, с. 72—74].

Как уже говорилось, в гробнице Кан Е были найдены фрески. Техника нанесения включала в себя сначала покрытие стены гробницы слоем белой штукатурки, а затем покраску стены непосредственно на этот слой. Поскольку вся погребальная камера подвергалась перепадам температуры и влажности, большая часть белой штукатурки и изображений постепенно отслаивалась, и только линии, обрамляющие каждую изобразительную единицу, все еще разборчивы. На каждой стене имеется по четыре изображения, все обрамлены красными линиями. Высота каждого изображения в основном такая же, как у самой стены гробницы, а ширина варьируется от 0,7 до 0,8 м [Cheng, Zhang, 2008, p. 27].

Гробница Кан Е — это третье захоронение выходцев из Согдианы, найденное в окрестностях Сианя [Кудинова, Комиссаров и др., 2016]. Согласно эпитафии, имя ее хозяйки — Е, а его когномен — Юаньци. Он был потомком царской семьи одного из государств в районе Самарканда. Его отец был назначен на пост датяньчжу (досл. «большой небесный предводитель») в десятый год девиза правления Датун в государстве Западное Вэй (544 г. н. э.) и скончался в третий год девиза правления Баодин в государстве Северного Чжоу (563 г. н. э.). Отметим, что Северное Чжоу стало во многом правопреемником Западного Вэй. Сам Кан Е выступил в качестве следующего датяньчжу, вырастил трех сыновей, скончавшись на шестом году девиза правления Тяньхэ в Северном Чжоу (571 г. н. э.). На момент смерти Кан Е было шестьдесят лет. Посмертно ему было присвоено символическое звание управителя Ганьчжоу (совр. пров. Ганьсу). Имена старшего и среднего сыновей усопшего по-китайски переданы как Бяньсюань (浞休延) и Паньто (槃陶), это явно транскрипция для записи иероглификой не китайских имен. Третий сын

был назван вполне по-китайски — Хочжу («货主», досл. «владелец товаров»). Это иллюстрирует характер согдийцев как специалистов в торговле, при том что сам Кан Е занимался не только купеческим делом [Cheng, Zhang, 2008, p. 26—31]. С другой стороны, на момент рождения младшего сына Кан Е, очевидно, несколько «китаизировался».

Найденные в гробнице артефакты (в особенности золотая восточноримская монета) и содержание изображений отражают очень тесные цивилизационные контакты на рубеже древности и Средневековья (эпоха Южных и Северных династий в китайской историографии). Предки Кан Е происходили из государства на южном берегу реки Зерафшан (отчасти совпадает с территорией г. Самарканд). Некоторое время данное царство было гегемоном в согдийском регионе. Судя по китайским изображениям, у согдийцев были глубоко посаженные глаза и крупные носы, они носили длинные бороды. Мужчины обривали свои волосы, женщины забирали свои волосы в косы. По всему Шелковому пути были известны коммерческие таланты среднеазиатских торговцев. Это отчасти и сделало согдийский язык «лингва франка» Центральной Азии того времени. Доминирующими религиями в этой среде были зороастризм [Lerner, 2011], манихейство, буддизм [Grenet, 2007] и, несколько позже, несторианское христианство. Что касается вероисповедания самого Кан Е, то этот вопрос остается открытым. С одной стороны, мы видим монету с явной христианской символикой, расположенную во рту усопшего (даже если она изначально была не там, то более чем вероятно лежала в головах). С другой стороны, некоторые исследователи соотносят изображения с буддийской традицией, проводя параллели с циклом о диалоге Вималакирти и Манджушри [Zheng, 2008]. И при всем этом есть мнение о том, что Кан Е был зороастрийским жрецом [Wu, 2015]. Обряд погребения не типично зороастрийский, хотя наличие каменной кушетки можно истолковать как попытку не осквернить землю.

Среди рельефов на «спинке» и «подлокотниках» кушетки большинство фигур изображено с обрезанными волосами, одеты они в длинные туники с круглыми воротниками и узкими рукавами; некоторые действующие лица носят длинные одежды с разрезами спереди. Как уже отмечалось выше, подобный внешний вид может указывать на иностранное происхождение. Кроме того, не китайский характер, очевидно, имеет орнамент в виде «соединяющихся жемчужин».

На рельефах пространство делится на три или четыре части сверху вниз. В верхней части изображены горы, плавающие облака, птицы и т.д. Даны они подчеркнута «легко», дабы создать впечатление об удаленности от зрителя. Задний план представлен крутыми скалами и большими деревьями, которые реалистично изображены вплоть до ветвей и листьев (ил. 1В). Следующий уровень изображения — люди с центральной фигурой в середине. Каждая деталь прически, костюма, позы и выражения лица, несмотря на каноничность, выписана детально. Именно «людская» часть является самой важной. Нижний сегмент обычно состоит из ручья, цветов и травы. В композиции соблюдено реальное (а не с точки зрения важности, как в искусстве Египта) со-

отношение переднего и заднего планов. Например, в некоторых случаях деревья занимают половину пространства изображения, в то время как люди и их действия занимают одну треть пространства изображения.

Период Троецарствия и эпоха Южных и Северных династий стали периодом развития китайского пейзажа. Рельефы на плитах каменной кушетки нельзя рассматривать как пейзажную живопись как таковую, однако по ним можно довольно точно судить об уровне развития изобразительного искусства Поднебесной. Равно как сама гробница Кан Е, не будучи самой крупной, дает нам представление о культурном синкретизме населения Западного Китая в раннем Средневековье.

Список литературы

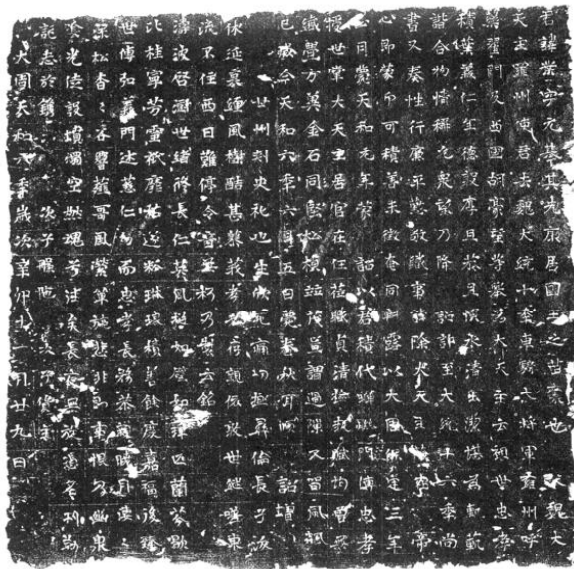
1. Кудинова М.А., Комиссаров С.А., Соловьев А.И., Николаева Н.Ш. Гробница согдийца Ши Цзюня (Виркака) в контексте межкультурных связей Китая периода раннего Средневековья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. — Т. XXII. — С. 323—327.
2. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. — 204 с.
3. Cheng Linquan, Zhang Xiangyu. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi // Chinese Archaeology. — 2008. — Vol. 9. — P. 23—38.
4. Grenet F. Religious diversity among Sogdian merchants in sixth-century China: Zoroastrianism, Buddhism, Manichaeism, and Hinduism // Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East. — 2007. — Vol. 27. — No. 2. — P. 463—478.
5. Grierson P. Byzantine Coins. — Los Angeles: California University Press, 1982. — 411 p.
6. Lerner J.A. Zoroastrian Funerary Beliefs and Practices Known from the Sino-Sogdian Tombs in China // Silk Road Journal. — 2011. — Vol. 9. — P. 18—25.
7. Rose J. The Sogdians: prime movers between boundaries // Comparative studies of South Asia, Africa and Middle East. — 2010. — Vol. 30. — No. 3. — P. 410—419.
8. Wertmann P., Wagner M., Tarasov P. Sogdian careers and families in sixth- to seventh-century northern China: a case study of the Shi family based on archaeological finds and epitaph inscriptions // The history of the family. — 2017. — Vol. 22. — No. 1. — P. 103—135.
9. Wu M. J-m. Contact and Exchange in Northern China: A Case Study on the Tomb of a Zoroastrian Sogdian, Kang Ye (512—571 CE) // Asian Archaeology. — 2015. — Vol. 3. — P. 107—128.
10. Zheng Yan. Notes on the Stone Couch Pictures from the Tomb of Kang Ye in Northern Zhou [Electronic Resource] Mode of access. — URL: <http://www.kaogu.cn/uploads/soft/Chinese%20Archaeology/9/Notes%20on%20the%20Stone%20Couch%20Picture%20from%20the%20Tomb%20of%20Kang%20Ye%20in%20Northern%20Zhou.pdf> (дата обращения: 22.02.2018).

A

B

Б

Г

Ил. 1: А — общий вид гробницы Кан Е; Б — внешний вид доски с эпитафией;
В — один из рельефов с плит каменной кушетки;
Г — восточноримская золотая монета из погребения Кан Е [Cheng, Zhang, 2008]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10032
УДК 72.032

П.И. Шульга
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
shulgapi55@yandex.ru

Д.П. Шульга
Сибирский институт управления РАНХиГС (Новосибирск)
alkaddafa@gmail.com

Сравнение погребальной архитектуры скифов предгорного Крыма с внутримогильными конструкциями ранних кочевников Сибири и Дальнего Востока (IV—III века до нашей эры)

Аннотация

В статье рассматриваются своеобразные погребальные сооружения из камня и дерева, использовавшиеся в качестве склепов в IV—III вв. до н. э. скифами в Крыму. Появление склепов с коллективными последовательными погребениями у скифов в начале IV в. до н. э. убедительно объясняется влиянием греков (конструкция склепа) и местного оседлого населения (коллективные погребения). Исследованные каменные склепы в курганах Холодная Гора-1 и Дмитрово-2 с подквадратными погребальными камерами датируются концом IV — началом III в. до н. э. Похожие процессы в это время происходили в Южной Сибири и Северном Китае, но причины их не столь очевидны.

Ключевые слова: погребальная архитектура, склепы, скифы Крыма, Северный Китай, тагарская культура

P.I. Shulga
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
shulgapi55@yandex.ru

D.P. Shulga
Siberian Institute of Management
(the Russian Presidential Academy Of National
Economy and Public Administration, Novosibirsk)
alkaddafa@gmail.com

Comparison of the Scythians' Funerary Architecture of the Piedmont Crimea with Tombs of the Siberian and Far Eastern Early Nomads (4th—3rd Century BC)

Abstract

The article deals with original stone and wood funerary constructions used by Scythians as crypts in the 4th—3rd centuries BC in the Crimea. The appearance of Scythians crypts with collective serial burials in the early 4th century BC is convincingly explained by the Greeks influence (the crypt construction) and the local settled population (collective burials). The investigated stone crypts in the Kholodnaya Gora-1 and Dmitrovo-2 mounds with squares burial chambers dated back to the end of the 4th— beginning of the 3rd century BC. Synchronous processes in South Siberia and Northern China were also occurred.

Key words: funeral architecture, crypts, Scythians of Crimea, Northern China, Tagar culture

В обществах древности и Средневековья изменения погребального обряда подчас происходили очень резко. Одной из переломных эпох стал III в. до н. э., когда заметные сдвиги наметились на территории от современного Пекина до Крымского полуострова. В настоящей работе речь, впрочем, идет скорее о постановке проблемы и вводе в научный оборот новых материалов по погребальной архитек-

туре древнего населения нашей страны и сопредельных территорий.

В 2017 г. на территории Республики Крым в ходе аварийных раскопок, проведенных отрядом ИАЭТ СО РАН, в пяти курганах были выявлены разнотипные захоронения скифов второй половины IV — начала III в. до н. э. В их число входило шесть склепов, в которых было погребено от 2 до 25 и более чело-

век. Три склепа представляли собой грунтовые камаксы с небольшой входной ямой, заглубленные примерно на 2—2,5 м от уровня современной поверхности. Каменных конструкций в них не было, за исключением нескольких плит, закрывавших вход в погребальную камеру. Четвертый мини-склеп в могиле глубиной около 1,5 м с двумя погребенными воинами являлся простейшей конструкцией с небольшим обложенным камнем дромосом и крупной плитой, перекрывавшей погребальную камеру.

Значительно сложнее были устроены каменные склепы из могильников Холодная Гора-1 и Дмитрово-2. Склеп Холодная Гора-1 у г. Белогорска находился на небольшой известняковой возвышенности. Вокруг склепа располагалась ритуальная дуговидная каменно-земляная насыпь со следами тризны (обломки амфор и кости животных). Склеп был сооружен в подквадратной яме размерами в плане 3,2 x 3,2 м. Нижняя часть ямы вырублена в известняке. Общая глубина ямы от уровня древней поверхности составляла около 2 м, что соответствовало высоте склепа с перекрытием (ил. 1, 1). Стенки погребальной камеры шириной около 60 см были сложены из плитняка. Кладка однорядная постелистая. Южная, западная и северная стенки сооружались примерно одинаковым способом (ил. 1, 2). С внутренней стороны погребальной камеры произвольными слоями укладывались сланцевые плиты. При этом внутрь камеры (лицевая сторона) обращались достаточно ровные боковые стороны плит, затем промазанные раствором на основе глины. В основание укладывались более крупные плиты правильной формы. Невидимые изнутри камеры внешние стороны каменных стенок, примыкавшие к стенкам ямы, закладывали по остаточному принципу местным известняком, вырубленным при устройстве могилы. В верхней части камеры стены немного сужались. Пол погребальной камеры промазывался глиной. Вход в склеп находился с востока. Проем оконтуривался двумя крупными широкими плитами высотой 1,6 и 1,8 м, создававшими на входе ощущение цельнокаменной гробницы. Далее к востоку имелся наклонный дромос длиной 2 м. Сверху склеп, очевидно, перекрывался поперечными (по линии С-Ю) бревнами и жердями. На дне склепа находились сдвинутые к стенкам черепа 7—8 умерших и сравнительно небольшое количество костей, среди которых выделялись кости рук в анатомическом порядке. В центре камеры обнаружены непотревоженные лепная курительница с обожженными камнями внутри, два железных наконечника дротиков, а также скопление астрагалов мелкого рогатого скота с бусинами, бисером и золотой подвеской серьги, датированные в рамках конца IV — начала III в. до н. э. Очевидно, что после завершающего ритуала с курительницей погребения в склепе были прекращены.

Курган Дмитрово-2 располагался в 9 км к востоку от г. Симферополя. По центру небольшой возвышенности был устроен склеп, окруженный ритуальной выкладкой из камней, подобной найденной в Холодной Горе-1. Склеп включал подквадратную в плане сравнительно низкую погребальную камеру, сложенную из уплощенных известняковых камней в яме размерами 4x4 м, глубиной 1,1 м от уровня древней поверхности. С юга к камере был пристроен дромос

из массивных плит (ил. 1, 3). Внутренняя поверхность стенок склепа была неровной и отклонялась в стороны от центра на 10—15 см. Чтобы сделать стенки (ил. 1, 4) ровными и вертикальными, их промазывали слоем глины мощностью в верхней части до 10—12 см с постепенным уменьшением книзу. Вход в камеру оконтуривался своеобразными «столбами», сложенными из крупных блоков. Склеп также перекрывался бревнами, примерно на уровне древней поверхности. Дно дромоса было выложено плитами и плоскими камнями, а в последней плите перед входом в погребальную камеру имелся поперечный желоб для устройства дверного проема. Судя по имеющимся материалам, на завершающей стадии функционирования склепа в нем находились останки около 25 умерших, большинство которых укладывались на спину, вытянуто, головой преимущественно на запад и восток. Склеп неоднократно подвергался ограблению, но сохранились датированные артефакты второй половины IV в. до н. э.: чернолаковая мисочка, курительница и 6 бронзовых наконечников стрел.

Рассмотренные выше склепы с каменными стенками из Предгорного Крыма несколько различаются, но в целом близки по устройству: 1) подквадратная погребальная камера, перекрытая деревом на уровне древней поверхности; 2) стенки сложены из плитняка, и промазаны изнутри слоем глины; 3) с одной из сторон примыкал дромос длиной 2—3 м со входом, оконтуренным стелами или своеобразными столбами из крупных блоков; 4) стены и дромос возводились из подручных материалов без явных следов обработки. По наблюдениям С.Г. Колтухова, склепы с подквадратными камерами следуют античной традиции [Колтухов, 2005, с. 27], но сооружались они местными мастерами. Так, стенки камеры в Дмитрово-2 были сделаны с наклоном во внешние стороны, чтобы они не завалились вовнутрь под тяжестью бревенчатого перекрытия. Такой наклон был явным нарушением традиции, предполагавшей устойчивую кладку с отвесными или наклонными вовнутрь стенками. Указанный недостаток был исправлен увеличенным слоем глинистой обмазки сверху.

Подобные, но более сложные и значительные погребальные конструкции появляются в Крыму в захоронениях высшей боспорской знати в начале IV в. до н. э. при непосредственном участии античных мастеров, соорудивших дромосы и склепы из обработанных каменных блоков. Прослеживается также влияние фракийской и местной скифской традиций. С последней связывают устройство над склепом насыпи, а также обычай совершать последовательные захоронения в одном сооружении. В элитных захоронениях наиболее ранним типом перекрытия была уступчатая конструкция, образованная напуском последующих рядов квадров одновременно по всем четырём сторонам [Всеобщая история архитектуры..., 1973, с. 383]. В конце IV в. до н. э. появляются склепы с полуциркулярным сводом [Там же, с. 384]. Склепы «рядового» населения, подобные исследованным в Дмитрово-2 и Холодной Горе-1, были значительно проще, из необработанного камня с горизонтально уложенным недолговечным перекрытием из дерева. Важно подчеркнуть, что в данном случае ранее не существовавший тип погребального сооружения в

виде каменного помещения с дромосом распространился у местных племен в течение полувека. В скифском мире это редкое явление, поскольку вследствие консервативности погребального обряда подобные изменения происходили очень медленно.

Похожие изменения погребальной обрядности с «внезапным» появлением большого количества подобных (но бревенчатых) склепов зафиксированы в 5 тыс. км восточнее — в тагарской скифоидной культуре (сарагашенский этап) на Енисее. Максимальное количество погребенных в этих склепах также постепенно увеличивалось и могло достигать 100 и даже 300 человек. Интересно, что по некоторым данным появляются они на Енисее синхронно с крымскими, однако источник и причины их появления на Енисее неясны. Впрочем, погребальные конструкции с подквадратными камерами и дромосами были распространены у скифоидных культур Казахстана в VII—VI вв. до н. э. и вполне могли быть привнесены на Енисей. На поздних этапах тагарской культуры некоторыми специалистами в конструкции склепов прослеживается влияние пазырыкцев Горного Алтая, хунну и даже Ханьского Китая.

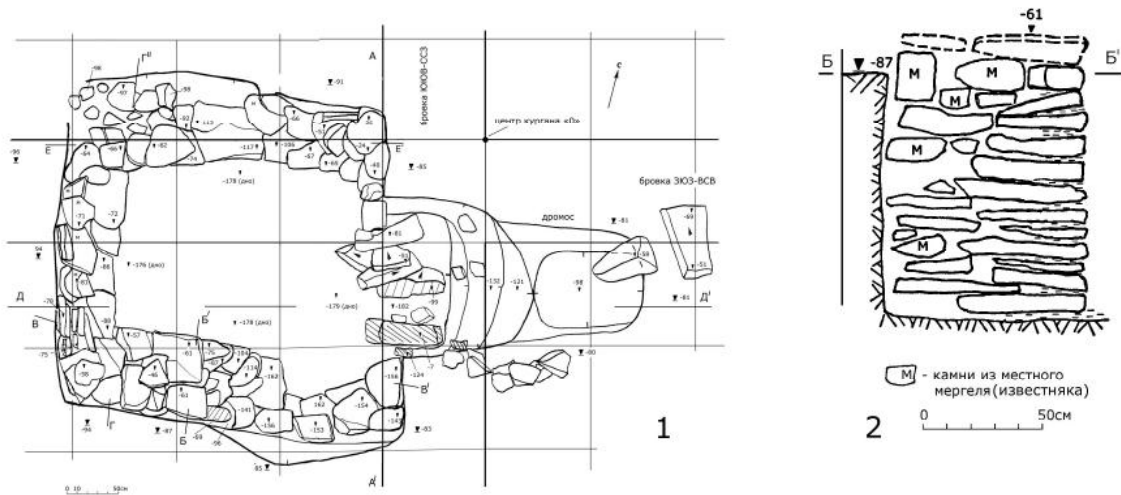
Подобные процессы наблюдаются и в Северном Китае [Шульга, Шульга, 2016, с. 123; Мао *et al.*, 2002, с. 75]. В первой трети III в. до н. э. формируется погребальный стиль «варварского» царства Чжуншань, повлиявший, по одной из версий, на эволюцию архитектуры гробниц в Поднебесной [Шульга, 2017, с. 60—61; Хэбэйский исследовательский институт..., 2005, с. 12—16]. Тогда же в долине Хуанхэ отмирает традиция «царских кладбищ», и причиной тому выступали не только чжуншаньцы. С III в. до н. э. правящая элита предпочитала создавать отдельные мавзолеи. Теперь у каждого умершего правителя был свой собственный независимый погребальный комплекс со стеной, траншеей или изгородью. Мавзолеи разделяют значительные расстояния. Перед нами самостоятельные архитектурные объекты, которые, в отличие от захоронений «царских некрополей» периодов Шан и Чжоу, не связаны с друг другом. Каждая усыпальница нового типа имела свое имя: например, могила Цинь Шихуана называлась Лишанюань (彌山園, досл. «Сад на горе Ли»). Такая же традиция осталась и в Хань: у государя Гаоцзу гробница именовалась Чанлин (長陵, досл. «Длинный холм»), у Вэнь-ди — Балин (霸陵, досл. «Княжеский холм»), у У-ди — Маолин (茂陵, досл. «Цветущий холм») [Zhao Huacheng, 2006, с. 130—131].

На основе вышеуказанного можно сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, в IV—III вв. до н. э. в степном поясе Евразии проис-

ходят существенные изменения в погребальной архитектуре. Причины этого не вполне ясны, так как процессы в испытывавшем греческое влияние Крыму, в изолированной Минусинской котловине и в Северном Китае сложно увязать меж собой. Во-вторых, можно заметить, что культурное взаимовлияние кочевников и земледельческих цивилизаций было куда сложнее, чем просто заимствование номадами элементов оседлой традиции. В-третьих, есть основания полагать, что изменения могли «вызреть» и внутри довольно замкнутых общностей, не будучи следствием интенсивных контактов.

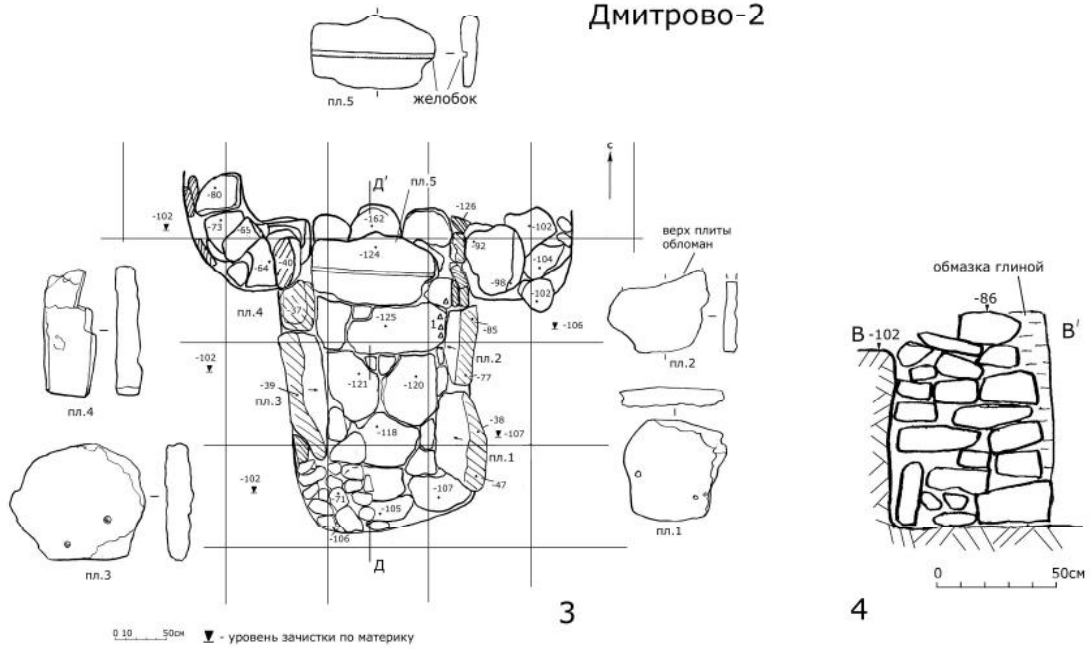
Список литературы

1. Всеобщая история архитектуры. В 12 т. — М.: Стройиздат, 1973. — Т. 2. Архитектура античного мира (Греция и Рим).— 712 с.
2. Колтухов С.Г. Склепы варварского населения Степного и Предгорного Крыма в скифское время // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. — Т. XII. — Запоріжжя: Вид-во ЗНУ, 2005. — С. 259—299.
3. Шульга Д.П., Шульга А.А. Письменные свидетельства и археологические материалы как источник информации о переселенцах в эпоху Хань (по материалам Северного Приграничья Китая) // Материалы V Междунар. конф. «Кадырбаевские чтения-2016». — Ак-Тобе: Ин-т археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. — С. 122—125.
4. Шульга Д.П. Особенности развития погребальной скульптуры и архитектуры ранних кочевников Центральной Азии в условиях китайской культурной среды (на примере царства Чжуншань) // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 59—62.
5. Хэбэйский исследовательский институт материальной культуры. Чжаньго Чжуншань голиншоучэн [河北省文物研究所. 河北省文物研究所] Город Линшоу царства Чжуншань эпохи сражающихся царств. — Пекин: Вэньучубаньшэ, 2005. — 393 с.
6. Mao Ruilin, Li Yongning, Zhao Wucheng, Wang Gang. The Springs and Autumns Period Qin Burials at Yuandingshan, Lixian County, Gansu // Chinese Archaeology. — 2002. — Vol. 3. — С. 74—82.
7. Zhao Huacheng. The Evolutionary Path from the Shang-Zhou "Centralized Royal Cemetery System" to the Qin-Han "Independent Mausoleum System" // Chinese Archaeology. — 2006. — Vol. 7. — С. 123—131.

Холодная Гора-1

Дмитрово-2

Ил. 1. Склепы Холодная Гора-1 (1, 2) и Дмитрово-2 (3,4): 1 — план склепа; 2 — разрез южной стенки погребальной камеры; 3 — план дромоса; 4 — разрез западной стенки погребальной камеры

Д.П. Шульга
Сибирский институт управления РАНХиГС (Новосибирск)
alkaddafa@gmail.com

К вопросу о становлении некоторых архитектурных типов в Северном Китае

Аннотация

В статье кратко излагаются свидетельства о древней архитектуре Китая по письменным и археологическим данным, делается попытка воссоздать архитектурную историю в долине Хуанхэ — одном из главных регионов, где создавалась китайская цивилизация. Археологические данные в этом регионе показывают, что Северный Китай имел свою собственную архитектурную историю, отличную от существовавшей в долине реки Янцзы со времен неолита. Предложена гипотетическая последовательность архитектурного развития северного региона: от пещер, через землянки, до домов на земле и, наконец, платформенных зданий.

Ключевые слова: Северный Китай, энеолит, история архитектуры

D.P. Shulga
Siberian Institute of Management
(the Russian Presidential Academy Of National Economy
and Public Administration, Novosibirsk)
alkaddafa@gmail.com

The Study of the Formation of Some Architectural Types in the Northern China

Abstract

This article deals with the evidence of China's ancient architecture on written and archaeological data, the architectural history in the Huang He Valley (one of the main regions where the Chinese civilization was created) is being reconstructed. Archaeological data in this region show that Northern China had its own architectural history different from one that existed in the Yangtze River valley since Neolithic times. A hypothetical sequence of architectural development of northern region is proposed: from caves through dugouts to the ground houses and, finally, to platform buildings.

Key words: Northern China, Chalcolithic Age, history of architecture

Северный Китай как минимум со II тыс. до н. э. был связан с Сибирью и Дальним Востоком. Касалось это искусства, демографии, оружейных традиций и много другого. Не была исключением и архитектура [Кызласов, 2001], хотя тут кочевой быт населения Саяно-Алтайского региона накладывал свой отпечаток. В Китае есть богатая источниковая база для изучения технологии древнего строительства в виде крупных поселений еще со времен неолита. Со II тыс. до н. э. уже можно найти эпиграфические и краткие письменные свидетельства. Таким образом, для реконструкции архитектурного прошлого российско-китайского порубежья, а также с целью глубинного понимания китайской традиции дизайна и строительства (элементы которой всё чаще видны в городах РФ), мы рассмотрим историю некоторых характерных для Северного Китая типов зданий от энеолита до поздней древности.

В книге конфуцианца Мэн-цзы (умер ок. 290 г. до н. э.) говорится, что в низинах, где земля болотистая, нужно применять сваи, а там, где место высокое и грунт состоит из лёсса, предпочтительно

строительство землянок и полуземлянок. Собственно, философ дает нам первичную классификацию жилых и хозяйственных построек: «чао» (гнездо) и «сюэ» (пещера). Провинция Аньхой в бассейне Янцзы — классический пример региона, где распространены постройки первого типа. Второй тип представлен жилищами и хозяйственными постройками на лессовом плато вблизи Хуанхэ. Истоки двух традиций проистекают еще из периода неолита (V—IV тыс. до н. э.). Традицию «чао» можно обнаружить в культуре Хэмуду (совр. пров. Чжэцзян на юге КНР). «Пещеры» активно возводили представители культуры Яншао на севере Китая. Каждый тип обладал рядом очевидных преимуществ, ибо соответствовал специфике региона. Явным отличием двух систем, разумеется, является материал, из которого были созданы здания [Guo, 2001, p. 3—5].

В настоящей статье мы сделаем упор на северную традицию. Дело в том, что территория современной провинции Чжэцзян (юг КНР) по крайней мере до III в. до н.э. была в основном заселена вьетскими народами, которые создали здесь могучее царство Юэ

(VII—IV вв. до н. э.). Хотя культура Хэмуду является частью культурного наследия Китая, продолжение ее архитектурных традиций следует искать, вероятно, среди национальных меньшинств КНР и собственно вьетнамцев [Жерне, 2001, с. 74—75], которые под давлением с севера постепенно смещались в Индокитай. Справедливости ради, надо отметить, что некоторые группы древнего населения перемещались с места на место, проживая в свайных конструкциях летом («сячао»), в землянках зимой («дунсюэ»).

По материалам жилищ в Баньпо (4800—4300 гг. до н. э.) (ил. 1А), Цзянчжай (4600—4400 гг. до н. э.) и Бэйшоулине (4080—3790 гг. до н. э.) в провинции Шэньси [Е Ваньсун, 2014, с. 11—14] мы видим, что ранние здания были в основном крытыми полуподземными. Граница дома была отмечена отверстиями, где стояли колонны. Углубления находились примерно на 0,4—0,8 м ниже уровня древней поверхности. Жилища были круглой, квадратной (с закругленными углами) или прямоугольной формы. Увеличение количества форм зданий (в том числе жилищ) было напрямую связано с переходом на производящее хозяйство, сопровождающееся становлением социального неравенства и профессионального разделения.

Здания возводились вокруг открытой центральной площади, и этот «комплекс» был окружен большой траншеей (вероятно, таковая соотносилась с забором). Траншея могла обозначать границы надела, также, вероятно, служила для слива дождевой воды. Входные двери зданий выходят на центральную площадь. Останков дверных створок обнаружено не было, но существовал глиняный порог для защиты от дождевой воды. Крыша должна была быть «зонтообразной» формы из дерева и глины, с отверстием в крыше для выхода дыма. Основа крыши могла быть сделана путем установки стволов деревьев или ветвей в землю и связывания их концов вместе в верхней части. Высота дерева определяла размер крыши и, следовательно, здания [Guo, 2001, p. 4—6].

Тщательно изучив внутреннюю часть останков прямоугольных зданий, например F38 и F41 в Баньпо и F1 и F141 в Цзянчжае, мы видим, что пол с каждой стороны от входа поднимается на 10 см выше уровня земли, определяя пространство, скорее всего, для сна. У задней стены (напротив входа) обнаружены банки с просом и горшки, так что эту часть помещения можно трактовать как чулан. Место приготовления пищи тяготело к очагу и находилось в середине комнаты, ближе к входу. Основными строительными материалами были земля (ту 土) и древесина (му 木). Следовательно, сочетание «туму» (土木) означает древесно-земляную строительную конструкцию, которая продолжает использоваться и до настоящего времени. Останки зданий в Баньпо показывают, что колонны были погружены в землю примерно на метр, это говорит о том, что древесно-земляные здания, расположенные непосредственно на земле, могли появиться уже примерно в 4000 г. до н. э. [Е Ваньсун, 2014, с. 12—15]. Впрочем, круг используемых в строительстве материалов не ограничивался только перечисленным. Установлено, что в ряде поселений эпохи энеолита в Северном Китае полы покрыты гладкой и твердой белой штукатуркой, выполненной в основном с использованием порошкообразного красноватого материала, состо-

ящего из CaCO₃ и SiO₂. Запасы этих минералов по-прежнему доступны в регионе. Некоторые полы, по-видимому, были сделаны из глины, соломы и песка и затем выровнены белой штукатуркой, чтобы поверхность стала плоской и ровной. Некоторые участки помещения, такие как приподнятые места для сна, были преднамеренно обработаны с помощью огня, а обожженная глина была эффективным барьером от влаги [Guo, 2001, p. 5].

Развитие строительных технологий приводило к появлению достаточно крупных строений. Например, дом F1 в Баньпо на центральной площади поселения. Здание имело подквадратную форму 10,8 м на 10,5 м. Стены, очевидно, были глиняными с деревянной основой. В центральной части дома — четыре колонны (каждая диаметром 45 см) для поддержания крыши. Здание направлено входом на восток. Вероятно, это был общий дом для встреч и церемоний. Отсюда в китайской историографии складывается вывод о достаточно высоком социальном развитии населения [Е Ваньсун, 2014].

Другой заметный дом, F901, располагался в поселении Дадивань (сер. IV тыс. до н. э.), провинция Ганьсу. Терраса, на которой стояло селище, возвышается примерно на 80 м над уровнем реки Циншуй. В здании были обнаружены некоторые предметы для общественного пользования, такие как мерные сосуды для зерна и другие измерительные инструменты. Это указывает на то, что строение являлось резиденцией властей и центром хозяйственно-административной жизни. Здание имеет прямоугольную планировку, примерно 16 на 8 м (пропорция 2:1), с тремя дверьми шириной 1,2 м. К центральному входу примыкает небольшой портик. Восемнадцать внешних столбов равномерно распределены перед домом, вероятно, для поддержания крыши над площадкой, которая, предположительно, могла использоваться как церемониальное и ритуальное пространство. Очаг диаметром 2,6 м расположен в центре зала. В задней части дома есть 5 комнат и еще по комнате в боковых частях здания. Последние могли быть личными помещениями, используемыми вождем в качестве хранилища. Такой план здания (передний торжественный зал и закрытые задние комнаты) сохранялся в Северном и Центральном Китае вплоть до исторического времени. Со времени династии Шан (XVI—XI вв. до н. э.) эта планировка применялась почти ко всей дворцовой и храмовой архитектуре. В период Воюющих царств (453—221 гг. до н. э.) для такого рода строений выработался официальный термин «мяньчао хоуши». К эпохе Западной Хань (206 г. до н. э. — VIII в. н. э.) в несколько измененном варианте данная традиция добралась до погребальной архитектуры [Guo, 2001, p. 6].

Постепенно из вышеописанных парадных зданий выросла новая традиция — строения на платформах. Доказательства раннего существования (еще во II тыс. до н. э.) платформенных зданий были получены из раскопок, проведенных в конце 1970-х гг. на месте города Шан в провинции Хэнань. Наиболее яркой находкой стали остатки платформы шанского дворца длиной более 10 м и высотой 1 м с основаниями колонн. Сам дворец не сохранился. Археологические данные вместе с пиктограммами на черепаховых панцирях позволяют нам восстановить

всю его форму. Предполагается, что здание имеет прочную платформу, укрепленную деревянными конструкциями по контуру. Этот тип архитектуры получил широкое распространение в районе долины Хуанхэ периода Восточного Чжоу (середина VIII — середина III в. до н. э.). Известно, что территория современных провинций Ганьсу, Шэньси, Шаньси и Хэнань часто подвергалась и подвергается разрушительным наводнениям. Чтобы избежать ударов стихии и подтоплений, необходимо было создавать искусственные возвышения. Как писал философ Мо-цзы (468—376 гг. до н. э.), «строительство домов на высокой платформе [необходимо], чтобы избежать избыточной влаги». Лёсс достаточно прочен, чтобы выдерживать тяжелые нагрузки, когда он сухой, но избыток воды может привести к его разрушению и скольжению, что приведет к разрушению здания. Эта проблема была решена путем утрамбовки земли и использования деревянной «арматуры» (т.е. прутьев в утрамбованной земле для укрепления конструкции). Также, возможно, платформа имела некоторое оборонительное значение. Конечно, подобные размеры дворцов и храмов требовали использования больших трудовых ресурсов. Государственные и религиозные строения на платформах активно создавались во второй половине периода Воюющих царств (IV—III вв. до н. э.), что подтверждают литературные и археологические источники. Причина их появления и развития кроется в укрупнении удельных государств, их имперских амбициях, милитаризации жизни в Поднебесной, усилении вертикали власти [Guo, 2001, p. 10].

Несмотря на то что как минимум 5000 лет назад в Северном Китае уже были достаточно развитые формы надземных построек, строительство землянок никуда не исчезло и по сей день. Около 40 миллионов китайцев используют такие конструкции, которые называются «яодун» (窑洞) [Юань Вэй, 2001]. В современности чаще всего речь идет не о собственно жилых помещениях, а о гаражах, складах, загонах, летних кухнях и т.д. Самые ранние искусственные пещеры были найдены в поселениях культуры Яншао среднего неолита.

Размеры яодунов, как и их формы, чрезвычайно разнообразны, но обычно они имеют около 8 м в длину, 3,5 м в ширину и 3,5 м в высоту. По форме можно выделить два основных типа. Оба они, к слову, становились весьма опасны для обитателей во время землетрясений, затоплений и селей.

Первый тип, который можно назвать «яодун в склоне холма», вырыт в лёссовом грунте. У семьи могло быть две или три отдельные пещеры для различных функций (спальня, кухня, склад) [Юань Вэй, 2001]. С фасадной стороны имелась дверь, окно и вентиляционное отверстие вверху. Внутренняя сторона, кроме пола, покрывалась глиняной штукатуркой. В спальне большую часть площади занимала

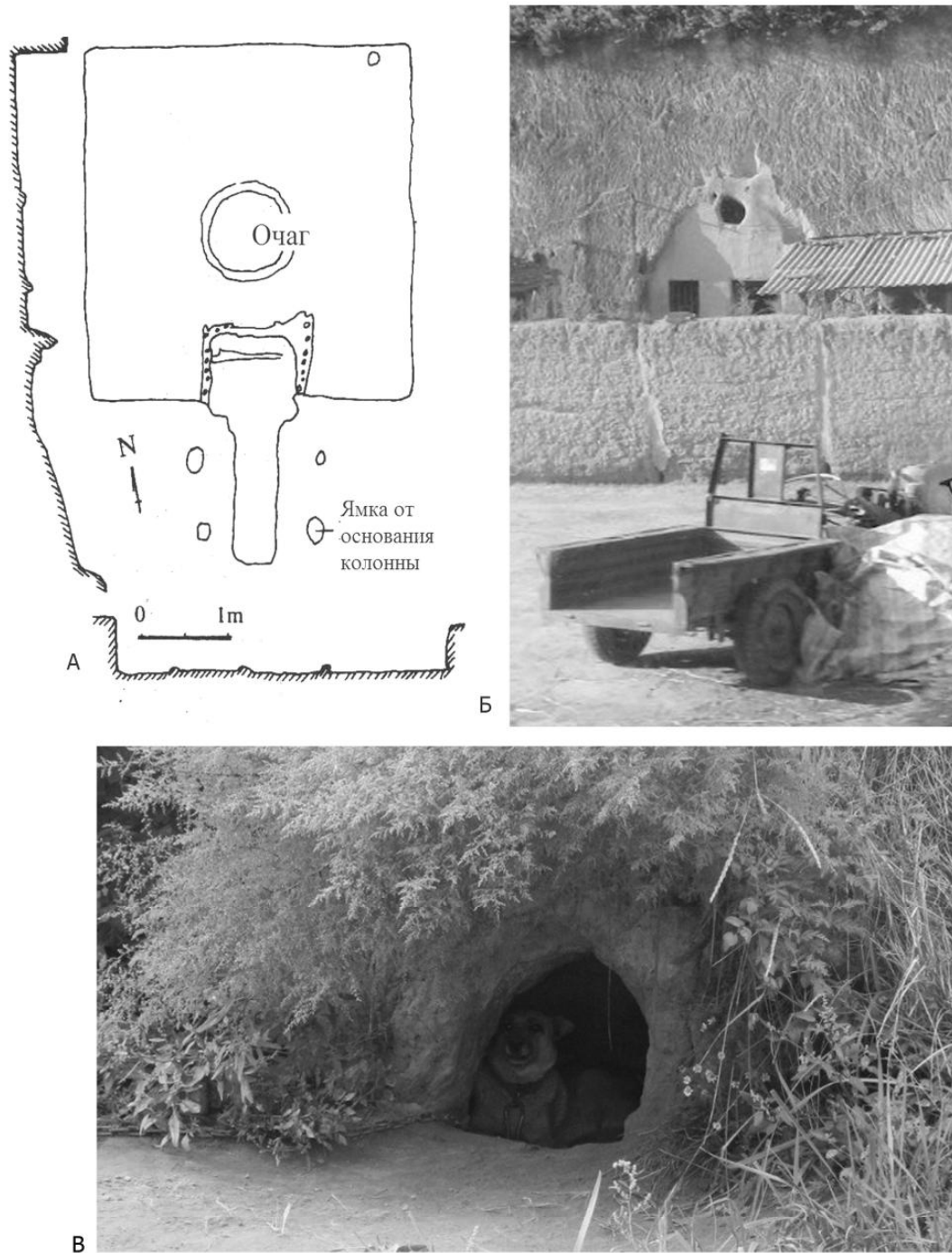
большая кровать с подогревом («кан»). Кан был кирпичным или глинобитным со своеобразной системой подогрева. Основной принцип планировки — жилые помещения ближе к входу, хозяйственные — в дальних помещениях [Guo, 2001, p. 12]. Вне яодуна располагается передний двор, обычно огороженный стеной, которая обеспечивает безопасность и конфиденциальность (ил. 1Б).

Второй тип, который можно назвать «заглубленный яодун», появился во многих регионах с лёссовыми почвами, где нет холмов. Нередко копались логан 6—12 м на 8—12 м, глубиной 6—10 м. Потом внутри устанавливались стены и перекрытие. Второй вариант — во дворе копались две или три пещеры. Различные пещеры можно было связать, создавая неповторимые внутренние пространства [Юань Вэй, 2001]. Этот тип яодуна требовал больше труда и времени, чем первый. Можно констатировать, что яодуны второго типа оказали куда меньшее влияние на развитие архитектурной традиции [Guo, 2001, p. 13].

Как мы видим, даже внутри одного из регионов Китая (северного) в развитии архитектуры проявилось разнообразие форм, материалов и подходов. Причиной этому стали различные локальные природные условия, неравномерность лесов, тип хозяйственной деятельности, социальное неравенство, бедность рядового населения, для которого полужемлянки были спасением, а также способность правителей к мобилизации огромных масс зависимого населения. Примечательно, что даже в современности многие испытанные тысячелетиями строительные приемы продолжают использоваться, хотя и все более «факультативно» (ил. 1В).

Список литературы

1. Жерне Жак. Древний Китай. — М.: Изд-во АСТ, 2004. — 157 с.
2. Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. — М.: Вост. лит., 2001. — 176 с.
3. Guo Qinghua. The Formation and Early Development of Architecture in Northern China // Construction History. — Vol. 17. — 2001. — P. 3—16.
4. Е Ваньсун. Патриархальные родовые сообщества Центральной равнины Китая в эпоху Яншао [叶万松. 中原地区在仰韶文化时期进入父系氏族社会 // 三门峡职业技术学院学报] // Вестн. политехн. ин-та Саньмэнься. — 2014. — №1. — С. 11—18 (на кит. яз.).
5. Юань Вэй. Основные черты и развитие яодунов на востоке провинции Ганьсу [袁薇. 陇东窑洞的特点及发展 // 铁道工程学报] // Вестн. железнодорож. инженерии. — 2001. — № 1. — С. 62—64 (на кит. яз.).

Ил. 1: А — схема рядового жилища на поселении Баньпо [Guo, 2001]; Б — яодун первого типа в пров. Ганьсу (снимок автора статьи); В — собачья конура, выполненная в технике яодун. Снимок автора

**Сибирский город на рубеже XIX и XX веков:
новые материалы**

**Siberian Town at the Turn of the
19th and 20th Century: New Materials**

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10067

УДК: [72.036+908]

И.А. Богачева
Гурьевский городской краеведческий музей (Гурьевск)
gurmuseum@rambler.ru

**Памятник истории и культуры «Двухэтажное каменное здание 1909 года
в неорусском стиле, бывшая лавка Ермолаева, ныне краеведческий музей»
в городе Гурьевске (Кемеровская область)**

Аннотация

Данная статья посвящена истории объекта культурного наследия регионального значения — «Двухэтажному каменному зданию 1909 г. в неорусском стиле, бывшей лавке Ермолаева, ныне краеведческому музею», расположенному по адресу: Кемеровская область, г. Гурьевск, ул. Коммунистическая, д. 2. Первое каменное здание города Гурьевска на сегодняшний день признано памятником архитектуры. Данное здание, построенное в начале XX в., стало центром идеологической и культурной жизни заводского городка. События, связанные с историей города и страны, нашли свое отражение в истории памятника. Статья показывает историю развития местности до строительства здания и центральное место его в дальнейших событиях городской жизни. Краеведческий музей относится к наиболее ценным объектам культурного наследия города и региона и обладает архитектурно-исторической, стилевой, градостроительной, типологической ценностью.

Ключевые слова: объект культурного наследия, памятник архитектуры, музей, Гурьевск, Ермолаев

I.A. Bogacheva
Guryevsky Museum of Local History (Guryevsk)
gurmuseum@rambler.ru

Historical and Cultural Monument — a Two-Storey Stone Building of 1909 in the Neo-Russian Style (a Former Ermolaev's Shop, Nowadays — the Museum of Local History) in the Town of Guryevsk (Kemerovo Region)

Abstract

This article is deals with the history of a cultural heritage site of regional significance — two-storey stone building situated on Kommunisticheskaya street, 2, Guryevsk, Kemerovo region. The building was constructed in 1909 in the neo-Russian style as a shop of the merchant Ermolaev. Now it is themuseum of local lore. The first stone building of the town ofGuryevsk, today it's recognized as an architectural monument. This building, built in the early 20th century,became the center of the ideological and cultural life of the factory town. Events related to the historyof the town and the country are reflected in the history of the monument. The article shows the historyof the area before the construction of the building and its central place in further events. The building is one of the most valuable cultural heritage sites of the town and the region and hasarchitectural, historical, stylistic, urban planning, typological value.

Key words: cultural heritage site, architectural monument, museum, Guryevsk, Ermolaev

Есть в городе Гурьевске (Кемеровская область) весьма интересное и необычное здание. Стоит оно в центре города, на берегу р. Бачат. Это старинное двухэтажное кирпичное здание бывшего магазина купца Нарциса (Наркиза) Павловича Ермолаева. На плане поселка Гурьевский Завод 1917 г. отмечены три торговых объекта: винная лавка, магазин купца Фонарева и особенно выделяется единственное каменное здание города — двухэтажный, красного кирпича магазин купца Ермолаева. По архитектуре и высоте здание доминировало над всеми остальными строениями поселка и до сих пор является украшением Гурьевска (ил. 1).

Интересно здание не только своей архитектурой,

не только своим возрастом и историей. Многие годы дом находился в самом центре событий, происходивших в городе, он впитал в себя атмосферу, мысли, эмоции, чаяния и надежды, и, наверное, не случайно сейчас здесь располагается городской краеведческий музей.

Город Гурьевск — один из старейших городов Кузбасса. Образовался он в 1816 г. со строительством сереброплавильного завода, названного Гурьевским в честь святого Гурия. Историк Сибири В.И. Шемелев отмечал, что поселение, как и на Салаирском руднике, состояло из рабочих и служащих, в поселке был только один казенный дом для заводской администрации, не было ни церкви, ни

школ, ни даже кабаков. А историк М.Е. Сорокин при подготовке книги «Гурьевск» нашел в Кемеровском областном архиве одно из ранних описаний поселка — «Роспись домам, находящимся при Гурьевском заводе в 1818 г.». В «росписи» указывается, что в горнозаводском поселке в начале его развития было «всего 58 деревянных домов да 32 землянушки, где проживало 418 жителей» [Сорокин, 1987, с. 9].

В 1826 г. с вводом доменной печи завод стал смешанным предприятием, где наряду с серебром стали получать и продукцию черной металлургии. В 1833 г. в поселке при заводе проживало 458 человек, у них было 192 дома (все деревянные). Жители поселка, кроме работы на заводе, занимались разведением скота. Пашни при поселке не было. Распространение получили некоторые промыслы, например бортничество, кроме того, имелось 4 кузницы, мельниц не было [Гурьевск, 2008, с. 21].

В 40-х гг. XIX в. выплавка серебра была прекращена и завод полностью стал чугуноплавильным и железодельным. Согласно данным, динамика численности населения и увеличения числа жилых построек выглядит следующим образом:

- 1851 г. — 672 чел. и 286 домов;
- 1855 г. — 899 чел. и 295 домов;
- 1860 г. — 1969 чел. и 453 дома.

В 1860 г. в поселке при Гурьевском заводе появились два питейных дома и торговый рынок. Предметами торговли, как правило, являлись продукты первой необходимости: мука, крупа, мясо, рыба и т.д. На плане базарной площади Гурьевского горнозаводского селения (ил. 2) ясно видно центральное местоположение торговых заведений — возле моста, соединяющего две части поселка. И сама базарная площадь 60-х гг. XIX в. — это центр левобережной части горнозаводского поселка [Гурьевск, 2008, с. 23].

В перечислении владельцев торговых заведений фамилии Ермолаева пока не значится. Но уже в 1890-е гг. Ермолаев упоминается как купец, ведущий серьезную торговлю. В заметках Д.А. Поникаровского о Салаире и Гурьевске отмечается, что в начале 1890-х гг. Гурьевский завод производил ежегодно 60 тыс. пудов железа, из которых 40 тыс. пудов поставлялось на другие заводы Алтайского горного округа, а 20 тыс. пудов продавалось по оптовым ценам купцу Ермолаеву. Последний был монополистом во всем Салаирском крае, он перепродавал железо местным жителям, а также реализовывал товар в Бийске, Барнауле и Томске [Поникаровский, 2011, с. 251].

В эпоху капитализма Сибирь вступила, имея лишь один железодельный завод — Гурьевский. Поселок Гурьевский Завод преобразовался в село Гурьевское, входившее в Бачатскую волость Кузнецкого уезда Томской губернии. В памятной записи Томской губернии за 1904 г. поселок описывается так: «В селе Гурьевском находится 276 дворов в коих проживает 1200 жителей обоого пола, имеется железодельный завод, мукомольная мельница купца Ермолаева, хлебный магазин, казенная винная лавка, три погребов по продаже вина, церковь во имя Троицы, еженедельный базар, 3-х классная церковно-приходская школа на 40 учеников» [Сорокин, 1996, с. 28]. Меняется и центральная площадь левобережной части поселка. У заводского моста по обе стороны дороги было несколько добротных де-

ревянных двухэтажных домов, среди которых безусловной доминантой был магазин Ермолаева (ил. 3).

Интересен уже сам факт строительства в маленьком, одноэтажно-деревянном, в четыре улицы, рабочем поселке в далеком 1909 г. такого красивого и необычного здания. Этот кирпичный особняк с ажурными декоративными карнизами был построен купцом Ермолаевым напротив заводской проходной, у единственного в то время моста через Бачат, соединявшего две части поселка. На первом этаже магазина продавали изделия Гурметзавода, скобяные и хозяйственные товары, а на втором этаже — продовольственные товары. Нарцисса Ермолаева во многих воспоминаниях называют фактическим хозяином Гурьевска. Он был человеком европейски образованным, торговлю вел во многих городах Сибири. Ермолаев к тому времени проживал с семьей в Томске, хотя довольно часто наезжал с проверками в Гурьевск. Лавки и магазины он держал в Бачатах, Кузнецке, Томске, Барнауле. В Гурьевске у него имелась еще мельница и конный завод. Во время своих приездов в город, Ермолаев останавливался в деревянном особнячке, находившемся напротив магазина.

Также во всех воспоминаниях, касающихся описания поселка начала XX в., отмечается его неблагоустроенность — непролазная грязь на улицах; домашние животные (коровы, свиньи и т.д.) гуляющие по поселку свободно, без загонов. Единственным относительно благоустроенным местом в поселке была площадь около магазина Ермолаева, фактически это было центральное место Гурьевска.

Бойкая торговля в магазине велась вплоть до Февральской революции 1917 г. Весной 1917 г., вскоре после известий о революционных событиях в столице, купец Ермолаев с семьей в одну ночь бесследно исчез из города. Торговля в купеческом магазине прекратилась, а жителям Гурьевска осталось богатое наследство — двухэтажный дом, который почти сразу же, уже в середине марта 1917 г., занимает Гурьевский Совет старост (позже преобразованный в Совет рабочих депутатов). Бывший магазин получает новое название — Народный дом.

С этого момента и до 1920 г. Народный дом стал центром революционных событий, происходящих в Гурьевске — он был военным штабом и переходил из рук в руки от Советов рабочих депутатов к белогвардейцам, от колчаковцев к роговцам, затем к партизанам П. Гапузина и красногвардейцам. Здесь проводились митинги, собирались большевики, складировалось оружие, чинились допросы и расправы.

В 1918—1919 гг. в бывшем магазине Ермолаева располагался штаб белогвардейцев. В архиве ГКМ хранятся воспоминания старых рабочих и первых комсомольцев, рассказывающие об этом времени. «На площади около штаба проводилась порка и истязания всех, кто подозревался в сочувствии советской власти, партизан, захваченных в плен...» (из воспоминаний К.И. Иванова). Здесь велись допросы. Старожилы вспоминают, что стены нижнего этажа здания были забрызганы кровью допрашиваемых людей [Архивный фонд ГКМ].

5—6 декабря 1919 г. отряд колчаковцев покинул поселок Гурьевский Завод и отправился в направлении Кольчугина. Отряд их был разбит в районе с. Ур-Бедари, вслед за ними в Гурьевск вошли парти-

заны Петра Гапузина и уже традиционно заняли под свой штаб здание магазина Ермолаева, так же как и сменившие их чуть позже части Красной армии. На здании музея укреплен мемориальная доска с надписью: «В этом здании в мае 1919 г. работала первая партячейка, организаторами которой были коммунисты Лагздин Э.Ф., Летягин П.Ф., Брюханов П.А.».

И вот 1920 г. — ещё «шумят» в округе бывшие партизанские командиры Рогов и Новоселов, выступившие теперь против Красной армии, а в Гурьевске понемногу налаживается мирная жизнь. В августе 1920 г. состоялась Всероссийская демографическая перепись. В материалах переписи среди поселений городского типа Кузнецкого уезда перечислен и Гурьевский Завод с 3098 жителями.

По воспоминаниям ветеранов завода, Гурьевск в то время все еще представлял собой грязный и неухоженный поселок — постройки деревянные, насыпные и землянушки. В поселке существовало всего несколько улиц, главными из которых являлись Залуговская (в настоящее время ул. Ленина), Заключевская (Революционная), Занарышевская (Коммунистическая), Забачатская (Гагарина). С увеличением численности населения появились улицы 1-я и 2-я Вокзальные, которые потом стали называться Кирова и Мичурина, 1-я (Воровского), 2-я (Энгельса) и 3-я Партизанская (Островского). В районе этих улиц стоял настоящий лес, в котором жители охотились на зайцев, а по ночам там слышался волчий вой [Архивный фонд ГКМ].

А бывшая купеческая лавка из военных штабов превращается в настоящий Народный дом (ил. 4). Здесь собирается молодежь первой комсомольской ячейки: организована агитбригада; на первом этаже занимались духовой и театральный кружки; на втором этаже располагалась библиотека. Фонд библиотеки, подаренный комсомольцам Гурьевского завода 308-м полком 5-й Красной армии, состоял из книг и газет, и пользовались им не только заводчане, но и все местные жители. Заведующим библиотекой официально считался Э. Лагздин, основатель первой партячейки Гурьевска, о чем имел соответствующий мандат. А первым библиотекарем на общественных началах была Вера Хмелевцева, активистка комсомольской ячейки.

Из Народного дома вышло еще одно учреждение — городской Дворец культуры. Годом его основания считается 1935-й, но с этим можно поспорить. 1935-й — это год строительства Дворца культуры металлургов (ныне городской Дворец культуры), и уже в это новое и красивое здание были переведены кружки и коллективы, которые занимались в Народном доме с 1920 г.

Освободившееся здание бывшего магазина Ермолаева решено предоставить детям — здесь с 1935 г. начинает свою работу Дом пионеров Гурьевска. Деятельность его продолжается до 1941 г. С началом войны в здании располагаются производственные мастерские ФЗО. Мальчишки не только получали здесь профессию, чтобы занять освободившиеся рабочие места у станков Гурметзавода. Воспитанники ФЗО отрабатывали полноценную смену, вытачивая на станках корпуса мин и другие изделия, не работали ребята только в ночные смены. После войны, до 1953 г., в бывшем магазине Ермолаева снова рас-

полагается Дом пионеров.

С начала 1950-х гг. здание выполняло свою первоначальную функцию: в 1953 г. здесь открывается новый магазин — универмаг промышленных товаров. А в пристройке с северной стороны здания помещается «Хозмаг». Торговую функцию здание выполняло до 1973 г. Многие жители города до сих пор вспоминают о том, какие товары и в каких отделах универмага они приобретали.

С 1973 г. и по настоящее время в бывшем здании купеческого магазина и Народного дома располагается городской краеведческий музей. Организатор музея и его первый директор — первый почетный гражданин г. Гурьевска Федор Ильич Александров. Его имя хорошо известно кузбасским краеведам. В 1973 г. Гурьевский исполком принимает решение о предоставлении городскому краеведческому музею нового помещения — фонды музея к тому времени насчитывают около 12 тысяч экспонатов, и разместить их в старом помещении уже не представляется возможным. Вполне закономерно, что из всех имеющихся вариантов по предложению Ф.И. Александрова отдается предпочтение самому историческому зданию города Гурьевска.

Решением Кемеровского облисполкома № 259 от 14.06.1982 г. здание музея признано памятником исторического значения и внесено в каталог памятников истории и культуры Кемеровской области. Кроме исторической ценности, здание обладает ярко выраженной архитектурной и градостроительной значимостью.

Здание краеведческого музея как памятник архитектуры относится к наиболее ценным объектам культурного наследия города и обладает следующими ценностными характеристиками:

1. Культурно-исторической и типологической ценностью, как первое каменное общественное здание города, тесно связанное с культурным и социально-экономическим развитием г. Гурьевска.

2. Архитектурно-исторической и стилиевой ценностью: здание имеет ярко выраженные стилиевые признаки, обладает архитектурно-планировочными и художественными качествами. В его объемно-планировочном и архитектурно-художественном решении отмечаются принципы формообразования и функциональной архитектуры конца XIX — начала XX в. Архитектурно-художественное решение объекта — стиль эклектика. Объемно-планировочное решение — двухэтажное кирпичное здание, первоначально имеющее симметричную Г-образную форму. Позднее с восточной и южной стороны здания были выполнены пристройки (время не установлено). Главный вход в здание первоначально был с северо-западного его угла, позднее вход перенесли на северный фасад (время переноса также не установлено). Архитектурно-художественное оформление фасадов акцентировано аттиками сложной формы, центральный из них совмещен со слуховым окном. Крупные оконные проемы первого этажа имеют прямоугольную форму. Окна второго этажа — спаренные арочные. Плоскость стены завершает многоступенчатый карниз из нескольких рядов кирпичного орнамента. Первоначальные интерьеры в связи с многочисленными перепланировками не сохранились [Проект зон охраны, 2010, с. 61].

3. Градостроительной ценностью: здание фиксирует функционально-планировочный узел, связывающий завод и селитебную территорию. Здание краеведческого музея является визитной карточкой города и главным зданием на первой площади поселения, завершающей ул. Коммунистическую. Физические границы площади создают силуэты заводских зданий, на фоне которых и расположено здание [Проект зон охраны, 2010, с. 61].

Градостроительная значимость объекта в том, что историческое здание формирует фронт застройки улицы. История здания музея и этапы формирования окружающей его территории тесно связаны с историей планировочного развития города Гурьевска. Градостроительная политика диктовала формирование поселка и объектов социального и культурного обеспечения в непосредственной близости от производственного объекта (Гурьевский металлургический завод). Здание, расположенное в центральной части города, имеет угловое расположение в структуре квартала, визуально замыкает перспективу ул. Коммунистической и Советской.

После наращивания производственного потенциала завода в 1930-е гг. происходит перемещение центра города восточнее, к железнодорожной станции Гурьевск, вдоль основного направления — ул. Ленина, историческое направление в г. Белово. С прокладкой железнодорожной ветки как основного транзита ул. Коммунистическая становится второстепенной, здание музея оказывается в стороне от административного центра.

Капитального ремонта здания за все время не производилось — по крайней мере, таких фактов установить не удалось. Единственный ремонт фасада здания, установленный достоверно, проводился в 1981 г. — покраска фасада.

В настоящее время здание находится в ава-

рийном состоянии. Осыпается ажурная кирпичная кладка, разрушается штукатурный слой, настенная роспись⁵. В предаварийном состоянии находятся перекрытия второго этажа, кровля. Осуществление реконструкции здания музея, проведение капитального ремонта всего здания в целом позволит сохранить архитектурный и исторический памятник начала XX в., сохранить культуру и традиции народов, населяющих наш край.

Список литературы

1. Гурьевск: страницы истории. — Кемерово: Агентство рекламных форм, 2008. — 180 с.
2. Поникаровский Д.А. Сочинения по истории земли Кузнецкой. — Кемерово: ИНТ, 2011. — 272 с.
3. Сорокин М.Е. Гурьевск. — Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1987. — 189 с.
4. Сорокин М.Е. Гурьевск. — Кемерово: Кемеров. кн. изд-во, 1996. — 271 с.

Список источников

1. Архивный фонд МБУ ГКМ.
2. КГКУ ГААК. Ф. 50. Оп. 13. Д. 97.
3. Проект зон охраны объекта культурного наследия — Двухэтажное каменное здание 1909 г. в неорусском стиле, бывшая лавка Ермолаева, ныне краеведческий музей. Т. II. Историко-архивные исследования. — Томск: [б.и.], 2010. — 63 с.

⁵ Во второй половине 70-х гг. XX в. при реконструкции основной экспозиции музея интерьеры здания были дополнены тематической настенной росписью. Роспись первого этажа выполнялась группой художников из г. Белово. Роспись второго этажа выполнялась известным кузбасским художником и скульптором Н.Я. Козленко, членом Союза художников России.

Ил. 1. Здание Гурьевского городского краеведческого музея. 1980-е гг.
Снимок из архивного фонда МБУ ГКМ

Ил. 3. Магазин Ермолаева. Почтовая карточка. 1917 г. Снимок из архивного фонда МБУ ГКМ

Ил. 4. Здание Народного дома. 1920 г. Снимок из архивного фонда МБУ ГКМ

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10068
УДК 711.4:94(57)

Н.В. Гониная
Красноярский государственный
аграрный университет (Красноярск)
nvg7@mail.ru

Развитие пространственно-планировочной структуры Енисейска в XVII — начале XX века как отражение исторических процессов

Аннотация

В статье дано сопоставление этапов и тенденций развития планировочной структуры города и исторических процессов государственного и локального масштаба. Выделены основные группы факторов, определяющих развитие планировочной структуры. Показаны уникальные аспекты эволюции городского пространства. Особенность Енисейска заключается в сохранении до наших дней облика северного города XVIII—XIX вв. Представляет интерес историческая многослойность города, отражающая как историю архитектуры, так и динамику занятий населения. В то же время вызывает тревогу ситуация, сложившаяся в Енисейске, когда охране и реставрации подлежат только отдельные объекты, а сам исторический город постепенно приходит в упадок. Данный материал позволяет обосновать тезисы о значимости использования пространственных категорий в историческом познании и о необходимости привлечения междисциплинарной работы при изучении городской среды.

Ключевые слова: Енисейск, история, планировочная структура, социокультурное развитие

N.V. Gonina
Krasnoyarsk State Agricultural University (Krasnoyarsk)
nvg7@mail.ru

Development of Spatial and Planning Structure of Yeniseisk in the 17th — the Beginning of the 20th Century as Reflection of Historical Processes

Abstract

The article deals with the comparison of stages and tendencies of planning structure development of the city with historical processes of the national and local scale. The main groups of the factors defining development of planning structure are allocated. Unique aspects of evolution of city space are shown. The feature of Yeniseisk consists in maintaining the image of the northern city of the 18th—19th centuries up to now. The historical multiple layers of the city reflecting both architecture history, and evolution of people occupations are of interest. On the other side the situation which has developed in Yeniseisk when only separate objects are under protection and restoration gives rise to concern, and the historical city gradually falls into decay. This material proves taking points about the importance of use of spatial categories in historical knowledge and about need of attraction of cross-disciplinary work when studying the urban environment.

Key words: Yeniseisk, history, planning structure, sociocultural development

Енисейск привлекает всеобщее внимание в связи с празднованием 400-летия в 2019 г. Уже несколько лет в городе ведутся активные исследовательские и восстановительные работы. Реализуются меры по благоустройству и привлечению туристов. Однако специалисты оценивают ситуацию как тревожную. Главная проблема Енисейска сегодня — разрушенная культурно-историческая среда. Ее основу составляет деревянная застройка, которая не является объектом охраны. И в этом плане особое значение приобретает популяризация социально-гуманитарного знания, целью которого, в частности, может быть формирование аксиологического восприятия

пространства Енисейска как комплексного объекта исторического наследия. Архитекторы говорят об этом очень давно. В качестве яркого примера могут быть названы работы В.И. Царева, С.С. Попадюка, Е.З. Гевеля и др. [Царев, 2005; Попадюк, 2004; Гевель, 2015] К сожалению, эти выводы до сих пор не реализуются в Восточной Сибири применительно к городу. Единственный пример — «исторический квартал» в Иркутске, но это больше коммерческий проект, чем историко-культурный. Следовательно, необходимо идти дальше и формировать представление о нематериальных объектах культурного наследия, в первую очередь — о социокультурной со-

ставляющей городской среды, отражением которой является, в частности, архитектура.

Основой работы в данном направлении может быть изучение планировочной структуры. Факторы, определяющие ее формирование и динамику, можно условно разделить на внешние (природа, политика, коммуникации) и внутренние (мировоззрение и деятельность населения). Причем наибольший интерес представляет их диалектическое взаимодействие. Как писал М.С. Каган, город приобретает свой специфический облик благодаря превращению духовных качеств горожан в предметное бытие городской среды [Каган, 1992].

Енисейск был основан как административный центр с военными, дипломатическими и фискальными функциями. В его расположении главную роль играл Енисей, по которому шел основной маршрут движения казаков, осваивающих Восточную Сибирь, и торговцев, в том числе международного уровня. Таким образом, для Енисея актуальны рассуждения Л. Мечникова о великих исторических реках [Мечников, 2013]. Енисейск сразу получил значение порта, поэтому острог был расположен достаточно близко к реке. Эта точка сохраняет значение центра планировочной структуры весь рассматриваемый период. Вокруг острога постепенно стал развиваться посад.

Большая излучина Енисея обусловила положение города на площадке, вытянутой в широтном направлении, а его береговой «фасад» был обращен к северу. Основная застройка идет вдоль русла Енисея. Перпендикулярной осью стала река Мельничная, в тот период она еще была судоходной. Важное влияние оказывали сухопутные дороги, которые формируются позднее — в прилегающие деревни, на Макковский острог (западное направление), в Ачинск, Красноярск (южное направление). Параллельно транспортным линиям пролегли главные улицы.

В период зарождения Енисейска и его наиболее активного развития планировка города отражала преимущественно процесс взаимодействия человека и природы. Суровые природные условия налагали ограничения развития на все северные города. В этом плане их судьбы достаточно похожи. Болотистая почва мешала застройке развиваться вглубь территории. Низменное положение и высокий подъем воды весной определяли регулярные наводнения. Торфяники и сильные ветра при деревянной застройке и печном отоплении создавали условия для пожаров. Это не позволяло делать плотную жилую застройку и благоустраивать городскую территорию. В то же время пожары способствовали обновлению, так как исчезали старые постройки, утратившие свое значение. Северные города недаром сравнивают с птицей-фениксом.

Образ жизни енисейцев носил традиционный характер, что определялось их занятиями: пушной и рыбный промысел, земледелие, торговля и судоходство. Им принадлежала важная роль в освоении богатств Севера. В то же время эта деятельность определяла эпизодическое пребывание в городе. Холодный климат и зависимость от самообеспечения требовали большого количества хозяйственных построек, а роль города как порта и центра снабжения северных земель — больших хранилищ. Понятие «благоустройство города» здесь сильно отличалось

от привычного нам. Поэтому базовыми признаками городской архитектуры были дешевизна, надежность и эргономичность.

Другим важнейшим фактором, влияющим на формирование и развитие города, был духовно-аксиологический. Его отражением выступали культовые сооружения, главные доминанты и украшения городского пространства. Енисейск в этом плане не исключение. В остроге сразу была построена небольшая деревянная церковь. С Запада и Востока город ограничивают и защищают мужской и женский монастыри.

Один из первых в Восточной Сибири и первый в Приенисейском регионе, Спасский монастырь (основание: 1592—1642 гг.) расположен в западной части города на возвышенности и обозначает новое пространство — Гору. Колокольня Спасского собора стала самой высокой точкой города, ее крест виден и в соседних деревнях, и далеко по транспортным линиям. Расположение монастыря в глубине территории относительно Енисея дает узел пространственно-координатной системы. Мимо него шла дорога на Макковский острог, а от монастыря к ядру города тянулась Спасская улица.

Восточная координатная точка — Христорождественский (с 1871 г. — Иверский) женский монастырь (1632 г.), расположенный на берегу р. Мельничной. Колокольня женского монастыря стала второй важнейшей доминантой городского пространства. Территорию монастыря определяли две реки (Толчая-Мельничная и Абалацкая-Лазаревка). Связь с центральной территорией осуществлялась через наплавной, а позднее стационарный мост. Таким образом, в XVII в. определились три основных пространственных координаты города, образующие в плане тупоугольный треугольник с вытянутой в западном направлении вершиной.

Время расцвета и наиболее активного развития базовой пространственно-планировочной структуры города — XVIII в. Находясь на пересечении важных водных путей, Енисейск был центром ремесла и торговли, земледелия и судоходства. Острог в это время уже утрачивает свое значение, но роль функционального центра, тесно связанного с рекой, остается именно за данным местом. На берегу Енисея располагаются пристань, административные и складские помещения. От пристани улица поднимается к незначительно удаленному центру города, где были расположены Богоявленский собор, воеводский дом, двухэтажный гостиный двор с 114 лавками и рынком, Гостинодворская (Преображенская) церковь.

Основную роль в городе играла деревянная одноэтажная усадебная застройка. В XVIII в. она активно распространяется на Гору, застраивается территория за р. Мельничной, формируя так называемое Заречье, где располагается Кузнечная слобода. Из новопоселенцев формируется слобода Бараба, отделенная ручьем Скородум, который затем был перекопан, и по его руслу прошла улица Ручейная (ул. Фефелова). Как правило, патриархальным семьям соответствовали большие усадьбы с целым комплексом хозяйственных построек (конюшни, ледники, бани, амбары и др.), часто соединенных между собой подворьями или близко расположенных.

Главным явлением в застройке Енисейска в

XVIII в. стало возведение каменных зданий, в первую очередь великолепных православных церквей и соборов. В разное время их насчитывалось от 6 до 14. Интересно, что в своем облике церкви Енисейска соединили приемы народного деревянного зодчества, элементы барочной и классической архитектуры. С Енисея были видны 4 храма, остальные отмечали небольшие возвышенности в глубине городского пространства и одновременно части города, формирующиеся по мере заселения и разделенные по приходам.

Регулярные пожары и наводнения стимулировали использование камня в жилой застройке. В силу низких доходов большинства населения распространяется смешанный тип здания — деревянный дом на каменном фундаменте и подклете. Нижний этаж часто использовался под торговую лавку или склад. Жилые постройки целиком из камня начинают возводиться с 1730-х гг. [Градостроительство Сибири..., 2011, с. 130—156].

В XVIII в., благодаря политике Петра I и Екатерины II, развивается регулярная планировка городов. Однако в Енисейске проведение регулярного планирования было осложнено отсутствием специалистов, рельефом, а также болотистой местностью и огородничеством. Поэтому ландшафтный принцип застройки, характерный для Средневековья, во многом сохраняется. План XVIII в. отразил нерегулярную планировку разрастающегося города. Его пространственно-планировочная структура похожа на птицу, летящую на Север, что подчеркивает фронтальный статус поселения. Енисейск в это время считался одним из красивейших городов Сибири [Там же].

Несмотря на сложившуюся ситуацию, все же в планировку Енисейска вносится определенная упорядоченность, отражающая мировоззрение классицизма XVIII в. Выделяется главная улица, соединяющая дороги на Маковский острог и на Красноярск, проходящая в основной части параллельно излучине Енисея. Главные здания города располагаются вдоль нее. Там, где это возможно, новая застройка велась уже ориентировочно к регулярному плану. Появились новые черты в планировке и застройке общественного центра. Обязательным элементом городского пространства наряду с культовыми сооружениями становились административные здания (присутственные места). Они возводились по предварительному «образцу», который утверждался императором и получал силу закона [Кошман, 2013]. Так, например, в 1780 г. было выстроено здание Присутственных мест на пересечении ул. Кедровой (ул. Кирова) и Алексеевского переулка (пер. Партизанский) [Здание Присутственных мест, 2015]. Рубежом перехода к упорядоченной застройке можно считать большой пожар 1778 г., уничтоживший значительную часть города.

Интересно заметить, что большую территорию в русском городе занимали огороды. В Енисейске они имели особое значение в плане самообеспечения населения. Вынести их за территорию города не позволяли болота и необходимость покосно-выгонных земель, обеспечивающих кормовую базу скота. Кроме того, учитывая постоянную опасность пожаров, застройка не могла быть плотной, и пустующие площадки логично было использовать.

Данная ситуация не была уникальной и отражала общую градостроительную политику. Как пишет Л.В. Кошман, по Жалованной грамоте 1785 г., среди прав, которые получал город, было владение территориями для сельскохозяйственного использования: сады, поля, пастбы, луга, рыбные ловли, леса, пустые места, мельницы и т.д. Но если территория застраивалась, то новых выгонов город не получал [Кошман, 2013]. Хозяйственные практики и условия владения не изменились и в дальнейшем. Опросный лист Российской Академии наук 1792 г. зафиксировал, что во всех уездных городах обыватели «упражняются черной огородной работою...» [Глазычев, 1995, с. 138].

В конце XVIII — начале XIX в. развитие Енисейска замедляется, так как Московско-Сибирский тракт прошел значительно южнее, а в 1822 г. город лишился статуса регионального центра. Это способствовало сохранению традиционных занятий населения. Некоторое время Енисейск еще сохранял роль самого крупного города Приенисейского края, в котором насчитывалось более пяти тысяч жителей, было 1081 здание, в том числе 15 каменных. В 1840-х гг. жизнь города резко изменилась, он был охвачен «золотой лихорадкой». Вновь увеличился приток населения, активизировалась торгово-снабженческая деятельность. Приходят в упадок ремесла и земледелие, зато растет число питейных и игорных заведений.

Енисейск, несмотря на его удаленность и статус, в это время демонстрировал те же процессы, что и города других регионов. Продолжается тенденция прежних лет вкладывать средства в культовые сооружения. Благоустраиваются и развиваются территории монастырей, украшаются церкви. Возводятся и несколько новых: Входоиерусалимская, Иверская, часовня Даниила Столпника. Также на территории города появляются мечеть и синагога, отмечающие достаточно крупные религиозные общины мусульман и иудеев.

Развитие капитализма нашло отражение в росте числа богато украшенных купеческих особняков, выполненных преимущественно в духе классицизма. Каменные дома сосредотачивались преимущественно в центральной части города, их облик носил ярко выраженный индивидуальный характер. Собственный дом был не только жилищем купца или золотопромышленника, но и олицетворял материальное благосостояние и был символом общественного положения [Петерс, 2007].

К середине XIX в. регулярное планирование было проведено повсеместно, в том числе и по Енисейской губернии. Енисейск оставался единственным «не упорядоченным» городом. В 1855 г. был составлен регулярный план, но его отвергли из-за многочисленных ошибок. Тогда Восточно-Сибирский генерал-губернатор направил в город специально картографа. Но составленный на месте план не получил одобрения уже центральных властей из-за несоответствия требованиям пожарной безопасности. Удаленное положение города и его транспортная изоляция сильно затянули процесс выяснения отношений между Енисейском и Санкт-Петербургом. Наконец, в 1858 г. новый план был составлен и отправлен в Енисейск. Однако по дороге его потеряли.

Только случайно он был обнаружен на постоялом дворе в Томске и в 1860 г. прислан в Енисейск. Этот вариант плана был признан неудобным местной губернской строительной комиссией, так как не предусматривалась защита города от наводнений [РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 659. Л. 34—38, 45, 69—72, 89, 102—130, 150—150 об.]. Наконец, согласованный в очередной раз план прибыл в город, и наступило время воплощения его в жизнь. По иронии судьбы это был 1869 г. — год Большого пожара, уничтожившего 6/7 города.

После пожара Енисейск пришлось восстанавливать заново, и теперь в основу был положен регулярный план. Однако, если сравнить его и облик города, мы увидим, что при застройке хозяева постарались сохранить свои участки. Архив содержит записи городской думы о выдаче разрешений на сотни домов, которые восстанавливались жителями на прежнем месте [АГЕ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1]. И только те места, что не укладывались в план или чьи хозяева не объявились (некоторые жители после пожара покинули Енисейск и нашли себе место в других городах или селах), корректировались в общей застройке. Неизменными остались и все базовые ориентиры — монастыри и церкви, административные здания. Рынок и гостиный двор уже утратили свое значение, но сохранились в качестве ядра планировки. Большие средства, собранные по стране для нужд погорельцев, стали основой не только восстановления жилых домов, но и значительного благоустройства города. Была заново устроена набережная с бульваром — место отдыха горожан. Восстановлены и украшены храмы. Рядом с ними были организованы общественные пространства — площади (например, Троицкая). В то же время, бедность горожан не позволила усилить каменную застройку, город остался деревянным, как и в прошлые столетия. Анализ плана Енисейска 1896 г., показывает, что территория города осталась в пределах границ, очерченных еще в 1820-х гг. Регулярный план сохранил традиционно сложившийся облик города, только несколько упорядочив его [Градостроительство Сибири..., 2011, с. 314—329].

Конец XIX в. — время сокращения золотодобычи и экономического кризиса города, но это и период расцвета интеллектуальной и общественной деятельности. Енисейск снова демонстрирует черты, характерные для большинства городов. В это время повсеместно получает развитие строительство по индивидуальным планам, в первую очередь общественных зданий [Кошман, 2013]. Исторический центр Енисейска украшается театром (1855 г.) и Благородным собранием (1858 г.) (к сожалению, постройки были деревянными и вскоре сгорели), мужской и женской гимназиями, библиотекой Баландиных, выполненными по индивидуальным проектам. Они достаточно сильно отличаются как от барочной архитектуры церквей, так и от классического облика купеческих особняков, вписывая свою страницу в архитектуру города.

Независимо от наличия регулярной планировки, преобладание традиционного образа жизни вносило свои коррективы. Например, элементом непланового характера были помойки и захоронения павших животных. Большое количество скота, содержащееся

в городе, порождало огромный объем навоза, вывозить который не стремились. В итоге многие территории города оказывались чрезвычайно загрязненными, и уже это мешало развитию застройки. В частности, долгое время в Енисейске не могли построить больницу, так как выбранное для нее губернским архитектором удобное по рельефу место было неприемлемо из-за зловония [ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 262. Л. 24, 56]. Происходило и загрязнение водоемов, из которых енисейцы брали воду. Итогом становились массовые отравления и желудочно-кишечные инфекции. Данная ситуация была характерна для большинства малых городов.

Начало XX в. традиционно определяют как время упадка города. Если в 1897 г. в Енисейске было 11,5 тыс. жителей, то в 1917 г. — около 7 тыс. Активная жизнь сместилась к Транссибирской магистрали, многие общественные деятели покинули город. Многие общественные здания пришли в упадок, на благоустройство города денег не выделялось [Миндаровский, 1915, с. 17]. Развития городской планировочной структуры в это время не происходит. Новые культурные объекты (кинотеатр, библиотека) располагаются в центре города, но в старых помещениях. Эпоха модерна нашла отражение только в одном доме — купца А.М. Бородкина (1909 г.).

Таким образом, пространственно-планировочная структура Енисейска определена природными условиями и историческими процессами. Каркас пространственно-планировочной структуры определен основными транспортными магистралями, включающими город в систему мировых и российских коммуникаций. Доминанты и узлы планировки представлены каменной застройкой и отмечают значимые этапы в жизни города, которые, в свою очередь, отражают общероссийские политические, социальные и культурные процессы XVIII — начала XX в. Основная застройка — деревянная, отражает традиционный образ жизни большинства населения и практически не изменяется в течение рассматриваемого периода.

Енисейску, несмотря на постоянные пожары и другие негативные факторы, удалось сохранить свой самобытный облик, запечатлевший в исторической многослойности реалии естественного развития северного города, что представляет несомненную историческую ценность и нуждается в восстановлении и сохранении. Концептуальная основа такой работы требует современного научно-исторического подхода, без него все может принять искусственный характер, в результате чего утратится сам смысл сохранения исторического наследия. Чтобы избежать этого, необходима разработка историко-культурологических и историко-антропологических текстов, в том числе популярного характера, которые будут служить основой для целостного восприятия городской среды.

Список литературы

1. Гевель Е.В., Лысенко Д.Н. Енисейское городище — основное достопримечательное место Приенисейской Сибири [Электронный ресурс]. — URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/20914/gevel%27_lysenko_eniseskoe_gorodische.

- pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 11.07.2018).
2. Глазычев В.Л. Города России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса. — М.: Наука, 1995. — С. 137—144.
  3. Градостроительство Сибири. — СПб.: Коло, 2011. — 784 с.
  4. Здание Присутственных мест в Енисейске [Электронный ресурс]. — URL: <http://naov.ru/objects/zdanie-prisutstvennih-mest-po-ulkirova-79-v-geniseyske.html> (дата обращения: 11.07.2018).
  5. Каган М.С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура. — СПб.: [б. и.], 1992. — С. 14—19.
  6. Кошман Л.В. Культурное пространство русского города XIX — начала XX в. К вопросу о креативности исторической памяти // Человек и культура. — 2013. — № 2. — С. 42—115.
  7. Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. — М.: Айрис-Пресс, 2013. — 320 с.
  8. Миндаровский М.П. В Енисейскую Городскую Думу: Доклад. — Енисейск: Тип. братьев Кытмановых, 1915. — 24 с.
  9. Петерс Е.В. Архитектурно-пространственная среда малого города Западной Сибири XIX — начала XX вв. // Вестн. Кузбас. гос. техн. ун-та. — 2007. — № 2. — С. 112—114.
  10. Попадюк С.С. Памятники архитектуры Енисейска // Архив наследия. — 2002. — М.: Институт наследия, 2004. — С. 47—100.
  11. Царёв В.И., Можайцева Н.В. Градостроительная летопись Енисейска XVII — XX веков. — Красноярск: Краснояр. гос. архит.-строит. акад., 2005. — 162 с.

Список источников

1. АГЕ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 262.
3. РГИА. Ф.1287. Оп. 39. Д. 659.

Е.Б. Гончаренко
Томский областной художественный музей (Томск)
geba@sibmail.com

Томск начала XX века в рисунке М.М. Щеглова «Деревянная Сибирь»

Аннотация

Публикуемый в статье рисунок из коллекции Томского областного художественного музея принадлежит перу известного иллюстратора и карикатуриста М.М. Щеглова, жившего в Томске в 1906—1913 гг. Рисунок датирован 1929 г., однако, по всей вероятности, он был выполнен на основе более ранних натуральных зарисовок. Знакомый с детства каждому томичу силуэт родного города заставляет задуматься о проблемах сохранения исторического ландшафта и деревянной архитектуры Томска.

Ключевые слова: рисунок, М.М. Щеглов, Сибирь, деревянная архитектура, каланча, Томск, Новосибирск

Е.В. Goncharenko
Tomsk Regional Art Museum (Tomsk)
geba@sibmail.com

Tomsk in the Beginning of the 20th Century in the Drawing Wooden Siberia Made by M.M. Shcheglov

Abstract

In the article published drawing from the collection of the Tomsk Regional Art Museum is made by the famous illustrator and caricaturist M.M. Shcheglov, who lived in Tomsk in 1906—1913. The picture is dated 1929, but much more likely it was made on the base of the earlier sketches from nature. The skyline of the native city familiar to every inhabitant since childhood makes us think about the problems of preserving the historical landscape and wooden architecture of Tomsk.

Key words: drawing, M.M. Shcheglov, Siberia, wooden architecture, fire tower, Tomsk, Novosibirsk

Рисунок М.М. Щеглова в коллекции Томского областного художественного музея с изображением мыса горы и массивом разнородных деревянных строений (ил. 1) привлек наше внимание странным, как нам казалось, названием. На лицевой стороне листа есть авторская надпись графитным карандашом: «Деревянная Сибирь». Изображенный селитебный ландшафт очень выразителен и характерен для Томска. Почему же автор выбрал столь обобщенное название?

Сибирь стала для Михаила Щеглова родным краем с детства, поскольку его отец работал в партиях по изысканию сибирской железной дороги от Урала до Енисея. Кочевая жизнь семьи Щегловых закончилась в конце 1890-х гг. в Красноярске, где мальчика определили в гимназию, а мать получила место экономки в доме золотопромышленников Кузнецовых, известных меценатов и благотворителей. Именно Кузнецовы в свое время оказали материальную поддержку В.И. Сурикову, отправив талантливого самородка учиться живописи. Серьезное увлечение Михаила рисованием побудило его мать, заручившись рекомендательным письмом Кузнецовых к Сурикову, отвезти сына в Москву. Благодаря содействию Сурикова в 1900 г. Михаил был принят в Строгановское

училище [Щеглов, 1957, с. 40—42].

После окончания училища в 1906 г. М.М. Щеглов приехал в Томск и прожил здесь почти семь лет. Он преподавал рисование в Коммерческом училище и сотрудничал с различными периодическими изданиями в качестве иллюстратора [Казачков, 2004, с. 425]. Есть упоминание о том, что в 1913 г. художник активно работал над сибирским номером еженедельного иллюстрированного журнала «Солнце России» [Горький и Сибирь, 1961, с. 71]. Этот проект осуществлен не был, но наработки остались. Судя по сохранившейся акварели с изображением ворот [Казачков, 1991, с. 14], Щеглов предвосхитил деятельность томских художников 1920-х гг., натурные зарисовки которых дают нам представление о многих утраченных ныне памятниках деревянной архитектуры Томска. Покинув Сибирь в 1913 г., Михаил Михайлович по-прежнему выписывал сибирские и алтайские газеты, вел переписку с сибиряками. Во время Великой Отечественной войны жил и работал в Томске в эвакуации.

Рисунок из коллекции ТОХМ датирован 1929 г. В это время Щеглов работал главным художником и очеркистом центральной украинской газеты «Вісті». Он много ездил по стране, «сопровождая свои очер-

ки по самым разнообразным вопросам жизни, быта и культуры зарисовками и иллюстрациями» [Полканов, 1957, с. 4]. После расшифровки едва читаемых надписей на паспорту удалось выяснить, что наш рисунок был опубликован в журнале «Всесвіт» («Вселенная») в качестве иллюстрации к очерку Щеглова «По Сибири» [Щеглов, 1929, с. 7]. Журнал в электронном виде можно найти на сайте научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

Любопытно, что такое же название — «По Сибири» — имела постоянная рубрика в газете «Сибирская жизнь», в которой вместе с начинающим писателем В.Я. Шишковым работал начинающий иллюстратор и карикатурист М.М. Щеглов.

Рисунок для обложки этого номера «Всесвіт» также выполнен Щегловым. В архиве музея хранится его печатный экземпляр без названия и выходных данных журнала [Архив ТОХМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 3]. На нем стилизованно изображен скалистый берег Байкала с железной дорогой, туннелями и паровозом, внизу слева есть авторская подпись: «Байкал 1929 год». В очерке нет конкретных указаний на время и цель путешествия, понятно только, что автор летом посетил Верхнеудинск (с 1934 г. — Улан-Удэ). Упомянутая в тексте заметка из газеты «Красноярский рабочий» опубликована 23 июля 1929 г., следовательно, очерк написан Щегловым после этой даты. Учитывая этнографические интересы художника, можно предположить, что основной целью его поездки было знакомство с культурой старообрядцев «семейских», переселенных в Забайкалье из Ветки в XVIII в.

Рисунок с подписью «Дерев'яний Сибір» резко отличается от остальных иллюстраций очерка степенью проработанности. Если другие рисунки являются быстрыми набросками из путевого альбома, то этот представляется законченным самостоятельным произведением. Он тщательно скомпонован; предварительный рисунок, сделанный сангиной, тонально проработан коричневой акварелью, затем контуры очерчены пером, черной тушью. Репродукция в журнале все эти тонкости оригинала не передает. Одноименная глава очерка содержит следующий текст:

«Городов мало. Все там построено из дерева: и дома, и кровли, и улицы. В тихих улочках Томска, Красноярска, Иркутска немало можно найти красивой ажурной старины: резные ворота, крыльца и т.д. Совсем не то в Новосибирске, в этом сибирском Чикаго. Тут, среди массы маленьких деревянных домиков, особенно заметно новое строительство сероцементных домов — небоскребов советского стиля. В 35-летнем ребенке-великане Новосибирске нет места тихой грусти и былому романтизму старых сибирских городов. Город жадно поглощает кирпич, железо, цемент. И целый ряд кирпичных заводов не успевает насытить этот прожорливый город» [Щеглов, 1929, с. 6].

Надо сказать, что возведение практически с нуля города-символа новой эпохи Новосибирска было предметом постоянного обсуждения в прессе. Для сравнения приведем еще одну цитату:

«Не напрасно носит наша краевая столица имя «советского детища». Такого бурного, такого стремительного роста, какой переживает ныне Новоси-

бирск, не имел ни один город старой Сибири. <...> Здания, которые придают нынче столичный вид городу (дом текстильсиндиката, госторга, крайисполкома, госбанка и др.) были закончены постройкой всего лишь летом прошлого года. Громадная строительная программа намечена к осуществлению и в начавшемся уже строительном сезоне. <...> Большой недостаток будет испытываться в строительном материале, главным образом в железе и цементе. Ни одна из построек этими сортами материалов полностью не обеспечена» [Лесной, 1926, с. 2].

Таким образом, наш рисунок олицетворяет обобщенный образ городов Сибири, которые утратили свое административное значение и были «законсервированы» в развитии на неопределенное время. Томск, обойденный Транссибирской магистралью, был самым пострадавшим среди пострадавших, и шансы сохранить свою «своеобразную физиономию» у него были очень высоки. Мы не знаем, заезжал ли художник в Томск во время своего путешествия в 1929 г., но тот факт, что за время его отсутствия с 1913 г. в Томске архитектурный облик города мало изменился, очевиден.

На рисунке изображен мыс горы, но не празднично-парадный, какой мы привыкли видеть со стороны улицы Бакунина, а какой-то щемящее-неприхотливый в своей будничной жизни, совершенно непрезентабельный, но такой родной и узнаваемый. На крышах снега нет, но на земле он местами еще лежит, значит, на дворе весна, скорее всего апрель. (Это важно, поскольку изображенное межсезонье не соответствует времени путешествия художника.) Холодно; тянущиеся вверх из труб извилистые проводочные струи дыма вносят дополнительное движение, активизируют пространство по вертикали. Над горой, задевая шпиль каланчи, простерлось плотное массивное облако, придавая изображению оттенок сказочно-мифологический.

На горе представлен целый административно-хозяйственный комплекс: и котельная с характерной длинной трубой, и пожарное депо, и деревянные строения различной конфигурации. Здесь и дом-пятистенок, и дом-шестистенок, и вросшие в землю сараюшки. Явным анахронизмом для Томска выглядит трехэтажное каменное здание с плоской крышей и водруженным флагом. Первые постройки в стиле конструктивизм появились в Томске (как и в Иркутске, с которым Щеглов также сравнивает Новосибирск) позднее, в 1934—1935 гг. Источником вдохновения для Щеглова в данном случае мог послужить проект трехэтажного здания коммунальной бани, опубликованный в газете «Красноярский рабочий» в мае 1929 г. [П.Б., 1929, с. 4]. (Мы уже упоминали о том, что художник регулярно читал сибирские газеты, в частности «Красноярский рабочий». Баню планировали построить неподалеку от речки Качи, на берегах которой юный гимназист Щеглов участвовал в кулачных боях с городскими мальчишками. На рисунке в верхней части здания обозначен некий круглый объект, который можно принять за рупор. В проекте бани на этом месте — циферблат часов. Художник Н.А. Исаев высказал предположение, что перед зданием изображены строительные леса, в таком случае строительство еще не окончено. Совершенно очевидно, что этот конструктивист-

ский элемент композиции понадобился художнику для того, чтобы хоть как-то обозначить в рисунке наступление новой эпохи.

Доминанта композиции — пожарная каланча с несколько комичным силуэтом обозревающего местность дозорного наверху — напоминает вышку Петровского (Болотного) депо, построенного в 1906 г. на пересечении современных улиц Яковлева и Большой. Это образцовое пожарное депо было представлено отдельной фотографией в альбоме городских видов [Виды Томска, 1910, с. 62]. Изображение Петровской каланчи украшало бланки удостоверений Томского добровольного пожарного общества [Вульфсон, 2005, с. 22]. Кроме своих прямых обязанностей по выявлению возгораний, дежурные каланчисты отбивали время ударами в колокол, так что эти башни были чем-то вроде сибирских Биг-Бенов. С развитием средств связи каланча как способ сигнализации безнадежно устарела, и под предлогом обветшания все постройки этого типа были ликвидированы. Несколько десятилетий в городе не было ни одной деревянной каланчи. К счастью, городские власти приняли решение восстановить каланчу на здании бывшей Воскресенской полицейской частной управы, что и было сделано к 400-летию Томска. Деятельность Музея истории города, в ведении которого ныне находится это выдающееся во всех смыслах сооружение, привела к возникновению устойчивого ассоциативного ряда: Томск — гора — Каланча. Именно этот ряд («город — гора — каланча») мы видим на рисунке Щеглова.

Изображенный под горой посад как будто наглядно иллюстрирует годовой отчет Томской городской пожарной команды, констатирующий вопиющие нарушения жителями города элементарных правил жилой застройки: «сооружения без необходимых разрывов, без брандмауэров, недопустимая скученность деревянных строений... кучи стружек и неубранный отброс от деревянных построек, отсутствие древесных ограждений» [Отчет Томской., 1914, с. 11]. Здесь пространство сильно уплотнено и уплощено, данные фронтально фасады деревянных жилых домов и хозяйственных построек напоминают театральные декорации, как и фонарь на переднем плане слева. Это своеобразное «попурри» на тему деревянной архитектуры Томска.

Архитектурный декор домов намечен хотя и схематично, но со знанием дела — резные наличники, кронштейны, причелины, ставни с ромбовидным узором, витражные окна эркера с треугольным фронтоном. Привлекают внимание наличники с разорванным лучковым карнизом на окнах второго этажа двухэтажного дома, сейчас они встречаются довольно редко. Судя по публичным высказываниям М.М. Щеглова, в период его работы в Томском кустарном комитете он тщательно и критично изучал особенности местной деревянной резьбы: «Взгляните на сибирские дома-ящики: украшены они иной раз сверху до низу пропиленной резьбой, но такой шаблонной, что один и тот же мотив можно встретить на одной улице несколько раз» [Щеглов, 1911, с. 2].

Многополосная колея перед закрытыми воротами усадьбы указывает на обитаемость жилища, несмотря на кажущуюся безлюдность местности: не видно ни детей, ни собак, ни прохожих. Явственно ощуща-

ется близость речки, в нашем контексте — Ушайки. Не случайно в книге воспоминаний «Наброски по памяти» художник, изображая красноярский ландшафт, размещает этот же набор графических элементов (дом, ворота, колея и бревна у дороги) на берегу Енисея [Щеглов, 1957, с. 40].

Таким образом, в рисунке «Деревянная Сибирь», наряду с элементами, общими для всех сибирских городов, есть и элементы, присущие исключительно Томску. Наверное, не случаен и тот факт, что этот замечательный графический лист хранится именно в томском музее.

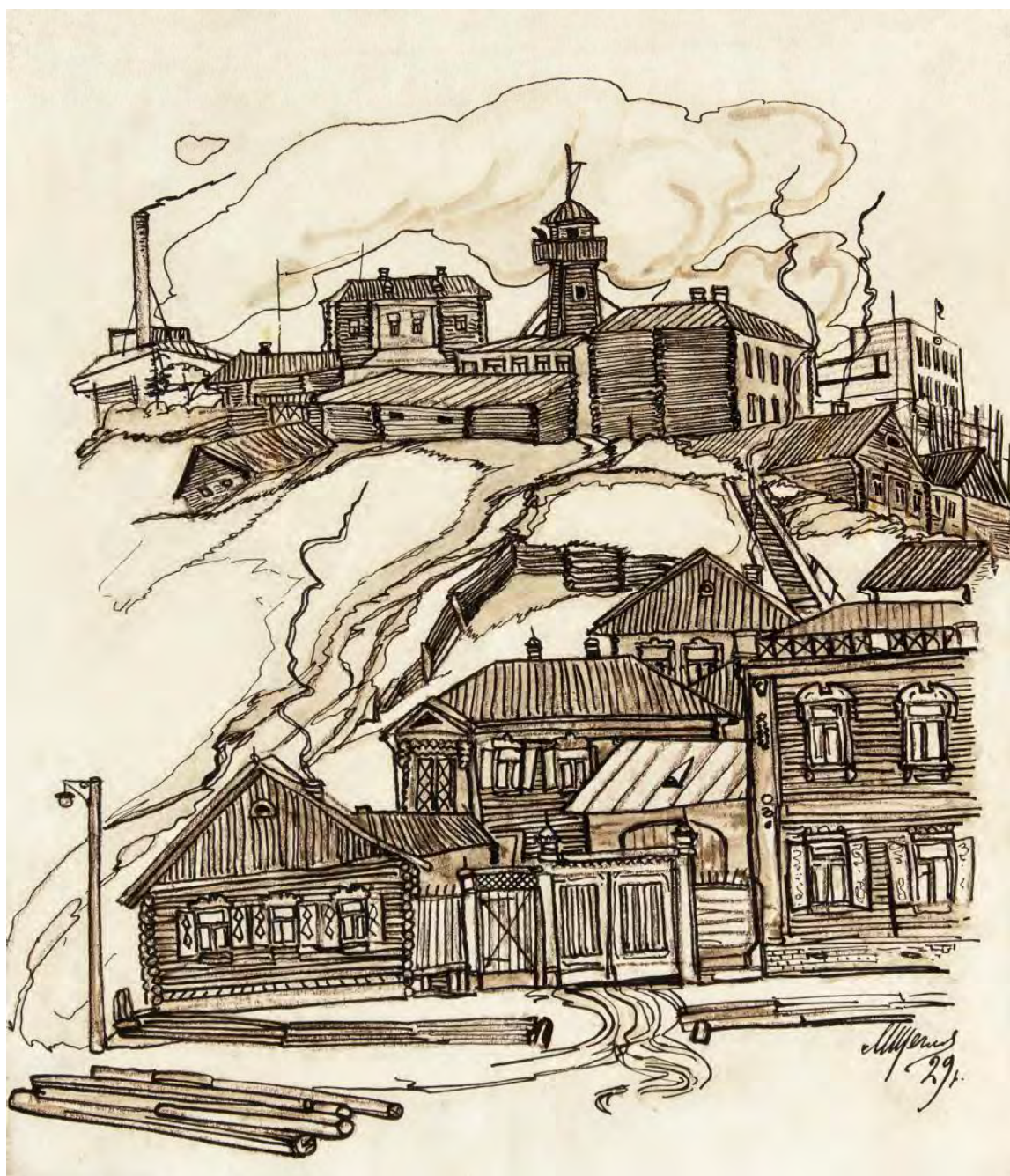
Натурные обследования улиц Загорной, Большой Подгорной и Октябрьской, предпринятые в процессе написания статьи, выявили наличие руинированных объектов и мусорных свалок, не прибавляющих привлекательности заповедному историческому центру. Вандализм как привычный способ самовыражения части общества остается проблемой, которую особенно остро ощущают люди творческих профессий и которую надо решать, если мы хотим сохранить бесценное историческое наследие.

Список литературы

1. Виды Томска: альбом. — Томск: Тип. Т-ва «А.Р. Щепкин и Д.М. Сквородов», 1910. — 104 с. [Электронный ресурс]. — URL: <http://elib.tomsk.ru/purl/1-11107/> (дата обращения: 05.02.2018).
2. Вульфсон Е.А. Томские огнеборцы // Сибирская старина: краевед. альм. — 2005. — № 23. — С. 20—22.
3. Горький и Сибирь: письма, воспоминания. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1961. — 463 с.
4. Казачков А. Художник Михаил Щеглов // Томская старина: краевед. альм. — 1991. — № 2. — С. 14—15.
5. Казачков А.Б. Щеглов Михаил Михайлович // Томск от А до Я: Краткая энциклопедия города. — Томск: Изд-во НТЛ, 2004. — С. 425.
6. Лесной Е. Строительная горячка. Письмо из Новосибирска // Красное знамя. — 1926. — 13 мая (№ 107). — С. 2.
7. Отчет Томской городской пожарной команды за 1913 год. — Томск: Сиб. т-во печатного дела, 1914. — Ч. 2. — 30 с.
8. П.Б. Начинается постройка новой бани // Красноярский рабочий. — 1929. — 15 мая (№ 108). — С. 4.
9. Полканов А. Художник-публицист // Щеглов М. Наброски по памяти. — Симферополь: Крымиздат, 1957. — С. 3—20.
10. Щеглов М.М. Сибирский стиль в прикладном искусстве // Сибирская жизнь. — 1911. — 24 нояб. (№ 259). — С. 2.
11. Щеглов М. По Сибіру // Всесвіт. — 22 вересня 1929. — № 37. — С. 6—7 [Электронный ресурс]. — URL: <http://escriptorium.univer.kharkov.ua/handle/1237075002/2960> (дата обращения: 28.01.2017). (текст на укр. яз.).
12. Щеглов М. Наброски по памяти. — Симферополь: Крымиздат, 1957. — 122 с.

Список источников

Архив ТОХМ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

Ил. 1. М.М. Щеглов. Деревянная Сибирь. Б., сангина, акв., тушь, перо. 1929 г. ТОХМ. Г-2523

Н.П. Журин
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
nikolayzhurin@mail.ru

Гужевого транспорта как активная составляющая крупного сибирского города начала XX века

Аннотация

В статье рассматривается специфичная особенность функционирования крупного сибирского города начала XX в. — наличие и преобладание гужевого транспорта. Содержание и эксплуатация данного транспортного средства в городских условиях оказали определенное влияние на характер и сохранение усадебной застройки, где жители города оборудовали конюшни, строения для хранения фуража. Отсутствие мощения и благоустройства городских улиц превращало лошадь в единственно возможное всепогодное транспортное средство. При этом относительная дешевизна в сибирском городе этого транспортного средства обеспечила высокий уровень хозяйственной деятельности горожан, свободу их индивидуального перемещения в растущем городском пространстве.

Ключевые слова: сибирский город начала XX в., гужевого транспорта, усадьба, прямоугольная сетка кварталов, благоустройство уличной сети

N.P. Zhurin
*Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)*
nikolayzhurin@mail.ru

Cartage as an Active Component of a Large Siberian Town in the Early 20th Century

Abstract

The article deals with a specific feature of the functioning of a large Siberian town at the beginning of the 20th century — the presence and predominance of cartage transport. Maintenance and operation of this vehicle type in urban conditions had a certain effect on the character and preservation of the town estate development where the inhabitants built up stables and forage storing structures. The lack of paving and improvement of town streets made the horse the only possible all-weather vehicle. At the same time, the relative cheapness of this vehicle in a Siberian town ensured a high level of economic activity of the citizens, freedom of their individual movement in the growing urban space.

Key words: Siberian city of the beginning of the 20th century, cartage, town estate, rectangular grid of blocks, improvement of the street network

Не будет преувеличением утверждать, что основным городским транспортом в сибирском городе начала XX в. была лошадь. Все современные виды индивидуального городского транспорта — автомобиль, мотоцикл, велосипед — из-за их дороговизны, сложности обслуживания и эксплуатации, качества дорожной сети, климатических условий превращались в предметы роскоши и экзотики, мало пригодные для практических целей.

Отсутствие общественного городского транспорта в сибирском городе превращало индивидуальный гужевого (предназначенный для выезда) или ломовой (рабочий) транспорт в необходимый элемент городского быта в Сибири. Этому способствовала относительно невысокая стоимость лошади в сибир-

ском городе: цены достаточно разнились, но были значительно ниже, чем в городах европейской России. Ломовую крестьянскую лошадь можно было приобрести за 30—40 руб., выездные лошади стоили дороже, начиная с 80—100 руб. [Широкогоров].

Сено, упряжь, телеги, коляски широко и относительно дешево предлагались в сибирских городах на «сенных рынках», обычно располагавшихся на окраине городской застройки. Учитывая большой процент среди городского населения бывших крестьян, многие из которых так и не вышли из крестьянского сословия, содержание лошади было привычным делом. В сибирской деревне в зажиточных крестьянских хозяйствах содержалось по 4—5 лошадей. На одно крестьянское хозяйство к 1917 г. — в среднем

по 16—18 голов скота (в Европейской России — 8—9 голов). По данным на 1909 г., на 100 жителей Сибири приходилось 55 лошадей, в Европейской России — только 18, в США — 25, во Франции — 5, в Голландии — 6, в Дании — 21. Как видим, Сибирь занимала первое место по количеству лошадей на 100 жителей. Наиболее близко к этому показателю подошла только Канада — 41 [Корелин].

Столь же впечатляющим было количество лошадей во владении сибирских горожан. Планировка застройки городской усадьбы предполагала наличие, кроме жилых построек, большого количества вспомогательных служб, необходимых для тогдашней жизни. Относительно невысокая стоимость городской земли в Сибири позволяла на земельном участке размером около 15 на 17 сажень (31,5 на 35,7 м) в Новониколаевске иметь обширные конюшни, складские помещения для хранения продуктов, фуража, запасов топлива на зиму. Такой быт был привычен для сибирского горожанина, который, повторимся, имел тесную родственную связь с деревней [Журин, 2014, с. 108—109].

В структуре сибирского города важное место занимали крупные торговые и ярмарочные площади, которые предполагали многочисленную торговлю крестьянами и горожанами прямо с возов. Обширные площади, полностью заполненные крестьянским гужевым транспортом, являются яркими картинами городской сибирской жизни [Там же, с. 56—57] (ил. 1).

Лошадь в сибирском городе позволяла перемещать седоков и грузы по труднопроходимым для других транспортных средств немощным улицам сибирских городов в любые сезоны. Торцовая мостовая из деревянных чурок, углубленных в грунт, и первые асфальтовые покрытия являлись лишь немногочисленными, редкими фрагментами благоустройства центральных улиц даже крупных губернских сибирских городов — Омска, Томска, Красноярска, Иркутска. Мелкая, равноценная по значимости прямоугольная уличная сеть среди кварталов сибирских городов в основном была наиболее адаптирована на использование гужевого транспорта. Ее большая протяженность, связанная с применением подобной «шахматной» градостроительной схемы, при ограниченности городских бюджетов затрудняла благоустройство транспортной сети городских улиц. В данной ситуации гужевого транспорт в начале XX в. в сибирском городе оказался наиболее уместным (ил. 2, 3).

Следует назвать значительные по своей площади неблагоустроенные городские селитебные территории, где дорожная сеть в принципе отсутствовала. К таким обширным, стихийно сложившимся очагам проживания малоимущих горожан относились разросшиеся овраги, неудобья городских территорий, стихийно сложившиеся вдоль трассы железной дороги и набережных рек. Сами их названия в молодом Новониколаевске — «Порт-Артур», «Нахаловка» — ясно обозначали технологию их возникновения. На «живописных» тропах подобных жилых образований, где трассирование проездов никогда не производилось, лошадь, доступная в Сибири и для этой категории городских жителей, оставалась единственно возможным транспортным средством.

Важным элементом городской улицы был легко-

вой извозчик. Основной сферой его деятельности являлось обслуживание прибывающих на вокзал пассажиров железной дороги, а также выполнение частных заказов горожан, представителей имущих слоев, не имевших собственного выезда или предпочитающих не использовать его в данном случае. Так, сохранились многочисленные фотосвидетельства семейных выездов горожан на пикники с запасом продуктов и даже с собственным самоваром. Городская администрация следила за качеством городского извоза, регламентируя качество и виды экипажей, униформу их владельцев, занимающихся частным извозом.

Важно отметить, что активное использование конного транспорта не являлось в начале XX в. чертой только сибирского города. В городах Северной Америки, как и в городах Европейской России также активно использовался гужевой транспорт, однако в Сибири он не имел альтернативы в виде общественного транспорта и новых типов транспортных средств (ил. 4).

Важным элементом городской жизни в Сибири являлись ипподромы, использовавшиеся для лошадиных бегах. Такие ипподромы размещались на периферии городской территории и выполняли спортивно-развлекательную функцию, где лошадь являлась ведущим участником этого мероприятия с участием большого количества сибиряков.

В Томске деревянное здание, декорированное пропиленной резьбой, на ипподроме было спроектировано в 1906 г. ведущим сибирским архитектором-художником К.К. Лыгиным. Симметричная по композиции постройка имела два этажа с центральной трибуной для зрителей на главном фасаде [Романова, 2004]. На ипподроме обустроили беговую дорожку для лошадей из измельченной пробки, смешанной с просеянным грунтом. Здесь на ней устраивались бега разных пород лошадей, которых доставляли с конных заводов Сибири и Европейской России.

Другим видом использования лошади в городе являлась перевозка ломовыми извозчиками различных грузов, необходимых для хозяйственной деятельности города. Крупные и мелкие промышленные предприятия сибирского города использовали свой гужевой транспорт или нанимали частный. Так, по улицам Томска передвигались фирменные обозы, запряженные лошадьми-тяжеловесами, перевозившие в бочках пиво известной фирмы «Крюгер».

Совершенно не экзотично смотрелись на улицах Омска и Благовещенска сани и повозки, запряженные верблюдами. Дело в том, что эти города непосредственно граничили со степными районами Средней Азии и Монголии, а использование данного вида гужевого транспорта было характерно для представителей коренных народов, регулярно доставлявших в эти города товары. Характерно, что и опыт устройства мобильного жилища в виде юрт на переселенческих пунктах Транссибирской магистрали также был заимствован у кочевых народов Средней Азии и Монголии [Журин, 2014, с. 28].

Список литературы

1. Журин Н.П. Архитектура сибирского города кон-

ца XIX — начала XX века: учеб. пособие. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — 145 с.
2. Корелин А.П. Сельское хозяйство России на рубеже XIX — начала XX вв. // Энциклопедия «Петр Аркадьевич Столыпин» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.stolypin.ru/proekty-fonda/entsiklopediya-petr-arkadevich-stolypin/?ELEMENT_ID=254 (дата обращения: 26.12.2017)

3. Романова Л.С. Творчество архитектора Константина Лыгина в Томске. — Томск: Д-Принт, 2004. — 193 с.
4. Широкогоров В. Цены и оклады: дореволюционная Россия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.pmarketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi> (дата обращения: 26.12.2017).

Ил. 1. Красноярск. Базар на Ново-базарной площади. Фотография 1895 г.
(URL: humus.livejournal.com/4643106.html)

Ил. 2. Томск. Почтамтская улица (совр. ул. Ленина), оборудованная тротуарами для пешеходов и немоощным дорожным полотном для гужевого транспорта. Конец XIX в. Фотография И.Р. Томашкевича (из альбома «Великий путь. Виды Сибири и Великой Сибирской железной дороги». Красноярск: Изд. М.Б. Аксельрод и К, 1899)

Ил. 3. Фритъоф Нансен — полярный норвежский исследователь — перед поездкой в окрестности Красноярска на Такмак. 27 сентября 1913 г. (URL: <http://newslab.ru/photo/726211>)

Ил. 4. Вокзал Луисвилл и Нэшвилл с конными легковыми экипажами, ожидающими пассажиров. Флорида, 1910 г. («Американские мегаполисы сто лет тому назад», URL: <http://bigpicture.ru/?p=275579>)

Н.А. Зарубина
Институт архитектуры, строительства и дизайна
Иркутский национальный исследовательский
технический университет (Иркутск)
natali.a.zarubin@yandex.ru

Научный руководитель: доктор
архитектуры, доктор исторических наук М.Г. Меерович

Типология барочных наличников жилых деревянных домов Иркутска: обзор основных типов пятой, шестой и седьмой групп сандриков

Аннотация

Статья посвящена стилю сибирское барокко в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска XIX — начала XX в.: представлены дополнительные результаты исследования характерных элементов барочного декора — сандриков наличников оконных проемов. Приводится характеристика основных типов сандриков пятой, шестой и седьмой групп. В результате исследования в отдельные группы выделены наличники с нетипичной формой сандрика, выполненные в упрощенных формах; наличники, барочные элементы которых представлены составной частью сандрика, а также барочные наличники широких и двоянных оконных проемов.

Ключевые слова: деревянная архитектура г. Иркутска, сибирское барокко, декор фасадов, наличники, сандрики

N.A. Zarubina
Institute of Architecture, Construction and Design
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
natali.a.zarubin@yandex.ru
Scientific adviser is M.M. Meerovich

Typology of Baroque Window Casings of Irkutsk Wooden Houses: a Review of the Main Types of the 5th, 6th and 7th Groups of Pediments

Abstract

The article deals with the Siberian baroque style in wooden civil architecture of Irkutsk of 19th- the beginning of the 20th century. The additional results of the research of the most characteristic elements of the baroque decoration are presented — the main types of the baroque pediments of the fifth, sixth and seventh groups which were revealed by the author. As a result of the research the baroque window casing with an atypical form of a pediment, executed in the simplified forms, window casing which baroque elements are presented by a component of a pediment and also baroque window casing of wide and dual windows are combined into separate groups.

Key words: wooden architecture of Irkutsk, Siberian baroque, facade decoration, window casing, pediments

Не поддается сомнению уникальность деревянной архитектуры Иркутска, сохранившейся целыми кварталами на территории города. Барочный декор, главным образом представленный наличниками в виде двух встречных волют и акротерия, выполненных в технике объемной резьбы, по праву считается символом деревянного зодчества Иркутска. Исследование этого феномена, имеющего яркую региональную ветвь, ведется автором с 2011 г. [Зарубина, 2012; 2014].

В результате анализа фасадов иркутских деревянных домов выявлена особенность расположения барочных элементов: они присутствуют в оформлении оконных и, реже, дверных проемов, но отсут-

ствуют в местах, характерных для размещения элементов декора других стилей: на карнизе, фризе, поле стены.

Выявлено, что барочные наличники применялись в декорировании фасадов всех типов домов, а также сочетались с наличниками других стилей как на главном, так и на других фасадах, образуя с ними единые многостилевые художественные ансамбли.

Впервые в истории изучения стиля сибирское (иркутское) барокко автором сформирована классификация сандриков — наиболее характерных элементов барочного декора. В результате исследования выявлено 70 разновидностей барочных сандриков, которые объединены в 7 групп. Все разновидности

сандриков схематизированы и классифицированы, каждой разновидности присвоено условное название и дана краткая характеристика. В основу классификации положен принцип усложнения форм сандрика, завитков волют, акротерия.

В первую группу объединены простые криволинейные профилированные сандрики.

Ко второй группе относятся ступенчатые сандрики с усложненными формами волют и акротерия.

Третья группа представлена сандриками с венчающей частью акротерия в форме детали картуша.

К четвертой группе относятся развитые усложненные сандрики с объемной проработкой завитков волют и акротерия.

В пятую группу выделены наличники с нетипичной формой сандриков, выполненные в упрощенных формах.

Шестая группа объединяет наличники, барочные элементы которых представлены составной частью сандрика.

Седьмую группу составляют сандрики широких, а также сдвоенных оконных проемов.

Основные типы сандриков наличников первой, второй, третьей и четвертой групп представлены в статьях, ранее опубликованных в сборнике Баландинских чтений [см. например: Зарубина, 2015а, 2015б].

Завершая аналитический разбор форм барочного стиля в декоре жилых деревянных домов Иркутска, рассмотрим подробнее сандрики наличников пятой, шестой и седьмой групп.

Пятая группа (нетипичные по форме сандрики)

Главным отличительным признаком пятой группы является нетипичная форма сандрика, представленная в виде встречных волют с плечиками: а) волнообразных очертаний, б) с защипами и полочками, в) с точечными деталями по краям наличника. Сандрики выполнены в упрощенной форме (ил. 1).

5.1. Волнообразный сандрик с веерообразным акротерием

Данный тип представлен гладкими встречными волютами с волнообразными плечиками, профилированными по контуру. Акротерий выполнен в виде детально проработанного веерообразного элемента, стянутого пояском в центре, между завитками волют. В завершении — венчающий элемент, чуть нависающий над акротерием.

5.2. Простой криволинейный сандрик с защипами

Данный тип представлен сандриком с защипами, в завершении которого — встречные волюты среднего радиуса с неполным завитком. Акротерий — симметричный относительно центра веерообразный элемент, представленный в виде «порезки» с гладким круглым элементом в центре. По краям сандрика появляется горизонтальная полочка.

5.3. Вогнутый, профилированный по нижнему краю сандрик с полочками

Данный подтип представлен единственным примером сандрика с вогнутыми сегментами. Плечики волют завершаются горизонтальными полочками. Сандрик значительно профилирован по нижнему краю. Акротерий представлен в виде веерообразного элемента.

5.4. Простой профилированный одноступенчатый сандрик с петлевидными элементами в акротерии

К данному типу относятся одноступенчатые сандрики, с «глазком» в завершении волютного завитка. Акротерий представлен в виде петлевидных элементов: прорезных в верхней части и глухих с декором в виде дорожки бусин или без него в нижней, «перевязанных» в центре между волютами тонким пояском.

5.5. Ступенчатый профилированный сандрик с токарными фигурными элементами по краям

Криволинейный контур данного типа сандрика усложняется, становится ступенчатым. На крайних полочках расположены токарные фигурные элементы. Волюты среднего радиуса, с «глазком» в завершении полузавитка. Акротерий представлен в виде элемента с легкой порезкой и с венчающим свисающим элементом в завершении.

Шестая группа (сандрики прямого или лучкового завершения с барочным навершием)

К шестой группе относятся наличники, барочные элементы которых представлены не самостоятельным сандриком, а его составной частью: над сандриком прямого или лучкового завершения расположен небольшой элемент барочного рисунка. Степень проработки волютных завитков и акротерия в навершии различна (ил. 2).

6.1. Лучковый сандрик с рельефным барочным элементом в навершии

Сандрик с лучковым завершением, в навершии — встречные завитки волют с центральным веерообразным элементом с кнопкой в центре, представленные в виде глухой рельефной резьбы.

6.2. Лучковый сандрик со стилизованным барочным элементом в навершии

В данном примере барочное завершение лучкового наличника представлено в виде гладкого элемента с накладными поясками, обозначающими контур завитков волют и акротерия.

6.3. Горизонтальный сандрик с барочным элементом с акротерием в виде морской раковины

Горизонтальный профилированный сандрик, барочный элемент которого представлен двумя встречными волютами на криволинейных плечиках с акротерием в виде стилизованной морской раковины.

6.4. Лучковый сандрик со скульптурно проработанным барочным элементом в навершии

Сандрик профилированный, с лучковым завершением. Барочный элемент в его оформлении имеет изящную скульптурную проработку и представлен двумя встречными волютами с акротерием в виде растительных элементов, акантового листа в завершении и четырехлепестковой розетки в центре.

7. Седьмая группа (сандрики широких и сдвоенных оконных проемов)

В седьмую группу отнесены сандрики наличников широких двух- и трехчастных оконных проемов, а также сандрики наличников парных (сдвоенных) оконных проемов (ил. 3). Их присутствие в иркутской гражданской деревянной архитектуре следует подчеркнуть особо, так как подобный прием является достаточно редким для изучаемых объектов. В рассматриваемых примерах парных наличников применены те же типы сандриков, что и в декоре одиночных наличников.

В первую подгруппу объединены сандрики широких оконных проемов.

7.1.1. Простой криволинейный профилированный сандрик с удлиненными плечиками

Сандрик представлен встречными волютами плоского характера на криволинейных профилированных плечиках. Волюты имеют один виток с глазком в центре. Акротерий выдержан в строгих формах, декорирован тонким пояском по контуру. Особенностью данного типа сандрика являются удлиненные на всю ширину трехчастного оконного проема плечики.

7.1.2. Простой криволинейный профилированный сандрик с лучковыми плечиками

Простой криволинейный профилированный сандрик обрамляет широкий трехчастный оконный проем, но его отличительной особенностью является лучковое завершение плечиков сандрика над боковыми узкими частями оконного проема. Сандрик сохраняет плоский характер, волюта имеет один виток с глазком в центре. Акротерий усложнен растительными элементами.

7.1.3. Усложненный ступенчатый сандрик с защипом

Криволинейный одноступенчатый профилированный сандрик с защипом. Полуобъемные волюты имеют большой радиус витка, который соединяется с удлиненной полочкой небольшим защипом. В центре между волютами — плоская кнопка. Акротерий состоит из растительных элементов, в завершении — небольшой по размерам резной акантовый лист.

Ко второй подгруппе данной группы относятся наличники сдвоенных (парных) оконных проемов.

7.2.1. Парный горизонтальный сандрик с барочным элементом в навершии

Горизонтальный профилированный сандрик над двухчастным окном, с навершием из парного барочного элемента, представленного двумя встречными волютами на криволинейных плечиках и акротерием в виде стилизованной морской раковины.

7.2.2. Парный простой криволинейный сандрик с симметрично вытянутым акротерием

Каждый из парных сандриков представлен встречными волютами плоского характера на криволинейных изогнутых плечиках, декорированных тонким пояском по контуру. Акротерий представлен в виде симметрично вытянутого элемента, обрамленного тонким пояском, с объемным декоративным элементом в центре или без него.

7.2.3. Парный усложненный сандрик ступенчатого профиля с объемной проработкой завитков волют и токарной розеткой между ними

Сандрик представлен встречными волютами с объемной проработкой витка. В акротерии — растительные элементы с завершением в виде незначительно проработанного акантового листа. Между завитками волют — круглая токарная розетка.

7.2.4. Парный развитый сандрик ступенчатого профиля с объемной проработкой завитков волют и

акротерия

Каждый из парного сандрика представлен двумя встречными волютами с детальной объемной проработкой завитков. Акротерий с навершием в виде акантового листа содержит в своем составе стилизованные детально проработанные бутоны цветов на стебле в верхней части, крупный перевернутый бутон лилии — в нижней части. В центре — розетка в виде четырехлепесткового цветка.

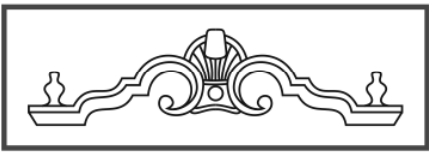

Одна из приоритетных задач исследования декора фасадов иркутских деревянных домов — акцентировать внимание на уникальности разнообразия встречающихся ансамблей декоративных элементов с целью повышения значения декора как критерия определения ценности объектов деревянной архитектуры Иркутска.

Список литературы

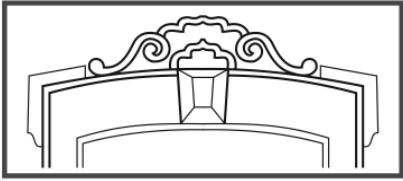

1. Зарубина Н.А. Типология барочных наличников жилых деревянных домов Иркутска: обзор основных типов первой и второй групп сандриков // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015а. — Т. X.— Ч. 2. — С. 28—34.
2. Зарубина Н.А. Типология барочных наличников жилых деревянных домов Иркутска: обзор основных типов третьей и четвертой групп сандриков // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015б. — Т. X.— Ч. 2. — С. 35—42.

Список источников

1. Архив СООКНИО. Фотофиксация объекта по ул. Кожова, 28б в г. Иркутске. Исп. Е.С. Иванова. 2009 г.
2. Архив СООКНИО. Фотофиксация объекта по ул. Профсоюзной, 35 в г. Иркутске. Исп. М. Степанов. 1983 г.
3. Архив СООКНИО. Щербин В.Т. Историко-архитектурный опорный план г. Иркутска: Фотофиксация памятников архитектуры: в 13 т. — Иркутск, 1981.
4. Зарубина Н.А. «Сибирское барокко» в деревянной гражданской архитектуре г. Иркутска XIX века: науч.-исслед. ист.-теорет. диплом. работа [рукоп.]. — Иркутск, 2012. — 277 с. (Метод. фонд каф. архитектурного проектирования ИрНИТУ).
5. Зарубина Н.А. Классификация барочных сандриков деревянной гражданской архитектуры г. Иркутска XIX — начала XX в.: дис. ... магистра [рукоп.]. — Иркутск, 2014. — 112 с. (Метод. фонд каф. архитектурного проектирования ИрНИТУ).

Пятая группа (нетипичные по форме сандрики)			
№ п/п	Схема сандрика	Фото наличника	Фрагмент
5.1		 ул. Подгорная, 29 (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)	
5.2		 ул. Кожова, 286 (фото из архива СООКНИО)	
5.3		 ул. Профсоюзная, 35 (фото из архива СООКНИО)	
5.4		 ул. Писарева, 10, (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)	
5.5		 ул. Ушаковская, 3 (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)	

Ил. 1. Пятая группа — нетипичные по форме сандрики. Схема, примеры

Шестая группа (сандрики прямого или лучкового завершения с барочным навершием)			
№ п/п	Схема сандрика	Фото наличника	Фрагмент
6.1		 ул. Софьи Перовской, 22 (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)	
6.2		 ул. Тимирязева, 13 (фото В. Шишканова, 2005 г.)	
6.3		 ул. Тимирязева, 39 (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)	
6.4		 пер. Черемховский, 8 (фото Н. Зарубиной, 2011 г., из архива СООКНИО)	

Ил. 2. Шестая группа — сандрики прямого или лучкового завершения с барочным навершием. Схема, примеры

Седьмая группа (сандрики широких и сдвоенных оконных проемов)		
№ п/п	Схема сандрика	Фото наличника
7.1.1		 ул. Кожова, 17 (фото А. Исаева, 2006 г.)
7.1.2		 ул. Полярная, 75 (фото Н. Зарубиной, 2015 г.)
7.1.3		 ул. Освобождения, 91 (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)
7.2.1		 ул. Тимирязева, 39 (фото Н. Зарубиной, 2011 г.)
7.2.2		 ул. Сурикова, 5 (фото из архива СООКНИО)
		 ул. Сурикова, 9 (фото из архива СООКНИО)
7.2.3		 ул. Тимирязева, 55 (фото Н. Зарубиной, 2015 г.)
7.2.4		 ул. Тимирязева, 55 (фото Н. Зарубиной, 2015 г.)

Ил. 3. Седьмая группа — сандрики широких и сдвоенных оконных проемов. Схема, примеры

В.Н. Курилов
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
kuri_love@mail.ru

Новосибирский собор во имя Святого благоверного Александра Невского в изобразительном искусстве

Аннотация

Статья посвящена старейшему каменному сооружению общественного назначения, сохранившемуся до наших дней в Новосибирске. Впервые автор ставит задачи обнаружения, исследования и публикации анализа произведений изобразительного искусства, непосредственно связанных с новосибирским собором во имя Святого благоверного князя Александра Невского. Предваряет анализ вступление о месте и роли здания в градостроительной ситуации прилегающего района, исторические, эстетические, гуманитарные аспекты его появления и функционирования на протяжении без малого 110 лет.

Ключевые слова: графика, графическое искусство, акварель, живопись, православное зодчество, византийский стиль, церковная архитектура, Великая сибирская железная дорога, Н. Соловьев, К.К. Лыгин, Н.М. Тихомиров, Н.Д. Грицюк, В.А. Касаткин, М.Г. Казаковцев, Новониколаевск, Новосибирск

V.N. Kurilov
*Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)*
Kuri_love@mail.ru

Novosibirsk Saint Alexander Nevsky Cathedral in Fine Arts

Abstract

The article deals with the oldest stone construction of public purpose, which has survived to our days in Novosibirsk. For the first time the author tries to discover, research and publish the results of works of art analysis directly associated with Novosibirsk Saint Alexander Nevsky Cathedral. The introduction about the place and the role of the building in the urban planning situation of the adjacent area, the historical, aesthetic, humanitarian aspects of its appearance and functioning for almost 110 years precedes the analysis.

Key words: graphic art, watercolor, painting, orthodox architecture, Byzantine style, church architecture, The Great Siberian Railway, N. Soloviev, K.K. Lygin, N.M. Tikhomirov, N.D. Gritsyuk, V.A. Kasatkin, M.G. Kazakovtsev, Novonikolaevsk, Novosibirsk

Старейшим каменным зданием Новосибирска, целиком сохранившимся до наших дней, является собор во имя Святого благоверного князя Александра Невского. Более ста лет этот архитектурный объект и территория вокруг него являются ареной борьбы интересов разных групп людей. Ожесточенность борьбы не ослабла и по сей день. Хотя предметом настоящего исследования являются исключительно архитектурные и художественные качества сооружения, оказалось невозможным обойти упоминания отголосков этой борьбы и некоторых сопутствующих аспектов городской жизни.

«Храм св. Александра Невского стал не только первым общественным зданием города. Город построил храм, ставший крупнейшим на всем протяжении Транссибирской магистрали — от Урала до Дальнего Востока» [Кретинин, 2010, с. 56]. Тот факт, что храм в то время являлся крупнейшим на всем протяжении Транссибирской магистрали, утвержда-

ет и профессор С.Н. Баландин, но считает первым общественным сооружением железнодорожный мост через Обь, вторым — комплекс станции Обь [Баландин, 1978, с. 12—13].

О возведении храма заговорили именно во время строительства железнодорожного моста и станции Обь. «10 октября 1895 года общее собрание — сход жителей, обсуждая вопросы местной жизни, решило обратиться с ходатайством к томскому епископу Макарию о разрешении на строительство каменной церкви во имя святого Александра Невского. Для строительства был образован комитет во главе с Н.П. Межениновым. В него вошли инженеры М.В. Березин, В.С. Королев, А.А. Литвинцев, В.А. Линк, крестьянин А.Н. Вагин, купец Е.А. Жернаков, лесничий Б.В. Имшенецкий, мещанин М.В. Можаров и строители, в том числе итальянские рабочие-каменщики. Понимая, что строительство каменного храма вместимостью 500 человек займет достаточно большое

время, сход жителей решил построить на первых порах временный молитвенный дом. 24 ноября 1895 года молитвенный дом, первый на правом берегу Оби, был открыт. Это было деревянное здание с небольшой колокольней, отдельно стоящей на столбах. Престол был освящен в честь св. Александра Невского. Молитвенный дом оставался единственным православным храмом в поселке до ноября 1898 года, когда произошло освящение церкви святого пророка Даниила близ станции Обь. С открытием храма Александра Невского 29 декабря 1899 г. молитвенный дом был упразднен. Предполагается, что на его месте был построен храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы» [История города., 2005, с. 298]. Несколько иную дату составления прошения о возведении храма указывает другой источник: «18 сентября 1895 г. Было возбуждено ходатайство о постройке храма во имя Великого Князя Александра Невского» [Справочник по городу., 1912, с. 35]. «От имени ходатайствующих, прошение было составлено инженером В.А. Линком» [Новокшенов, 2013, с. 101].

«...В отдельных случаях, когда какой-либо поселок представляется особо оживленным центром поселения новоселов, а также в тех случаях, когда тот или другой поселок расположен в совершенно безлесной местности — предпринимается сооружение каменного храма. <...> Наиболее величественным по размерам и внутреннему убранству является храм, освященный в декабре 1899 г., во имя Святого Александра Невского в поселке Ново-Николаевском близ станции «Обь» Средне-Сибирской железной дороги» [Колонизация Сибири., 1900, с. 279]. Поскольку безлесной эту местность назвать невозможно, ведь, судя по фотографиям той поры, как раз на месте возведения храма произрастал мощный сосновый бор, остается предположить, что обоснованием возведения именно каменного храма послужило возникновение здесь «особо оживленного центра» (ил. 1).

«...Обе церкви (Святого пророка Даниила близ станции Обь и Александровского собора) строились по проектам и под руководством архитектора Н. Соловьева, при этом для проекта каменной соборной церкви Н. Соловьев воспользовался как прототипом проектом «Новой церкви Божией Матери» для Петербурга гражданских инженеров В. Косякова и Д. Пруссак, составленным в 1888 г. Н. Соловьев уменьшил общие размеры здания, несколько упростил его план, но сохранил почти без изменений его архитектурную стилизацию» [Баландин, 1978, с. 14].

Любопытно, как авторство в работе ученика С.Н. Баландина С.М. Новокшенова мягко переходит другому архитектору. Он будто цитирует учителя: «Оба храма строились под руководством архитектора Н. Соловьева». Но далее в цитируемый текст Баландина вставлена фамилия Лыгина вместо Соловьева: «Официально проектировщиком зданий был К.К. Лыгин, который занимал должность архитектора Средне-Сибирского участка Великой Сибирской железной дороги. При этом для проекта каменной соборной церкви К.К. Лыгин воспользовался как прототипом проектом «Новой церкви Божией Матери» для Петербурга гражданских инженеров В. Косякова и Д. Пруссак, составленным в 1888 г. Он уменьшил общие размеры здания, несколько упростил его план, но сохранил почти без изменений его архитек-

турную стилизацию...» [Новокшенов, 2013, с. 103].

На самом деле авторство передавали Лыгину и ранее. А.В. Радзюкевич, обращаясь к проблеме авторства собора, в своей статье кратко излагает, как в трудах разных исследователей оно переходит от одного архитектора к другому [Радзюкевич, 2007]. Путем сопоставления некоторых фактов биографии Лыгина, анализа фасадов схожих храмов и других логических цепочек он приходит к вероятному авторству этого архитектора. Однако подчеркивает, что это лишь гипотеза, у него нет на руках неопровержимых доказательств. Нигде не опубликованы пока проектные чертежи, на которых якобы стоит подпись К.К. Лыгина, хотя многие на них ссылаются. В другой своей статье Радзюкевич уже утверждает Лыгина как бесспорного автора собора [Радзюкевич, Чернова, 2011]. Безоговорочно отводят авторство Лыгину многие публицисты, в том числе и И.В. Поповский [Поповский]. Но в настоящее время не все специалисты согласны с этим. Профессор Н.П. Журин утверждает приоритет за Н.М. Соловьевым, ссылаясь на издание Дмитриева-Мамонова «Путеводитель по Великой железной дороге» [Журин, 2014, с. 30]. В.А. Авдеев также приводит чертеж фрагмента фасада собора: «На чертеже подпись архитектора Н. Соловьева. Чертежей с подписью Лыгина никто не показал» [Авдеев].

В Новосибирском государственном краеведческом музее хранится эскиз бокового фасада собора, датируемый 1894(?) г. (ил. 2). Этот эскиз в картотеке архивных номеров числится под фамилией Тихомиров, и на обороте листа рядом с архивным номером обозначена фамилия Тихомиров и надпись «Эскиз собора». Возможно, Николай Михайлович Тихомиров работал по этому эскизу. На лицевой и оборотной стороне листа множество карандашных зарисовок строительных узлов и монтажных механизмов, а также надписей в виде вопросов по расходам строительных материалов. Часть из них намеренно и аккуратно стерты ластиком. На лицевой стороне, в левом нижнем углу листа четкая каллиграфическая надпись: «Негативъ и фототипию изготовил Завед. чертежною А. Ширяевъ», а в правом нижнем углу — другая, тем же почерком: «Печатано в литогр. Упр. Средне-Сибирской ж.д.». На лицевой же стороне прямо под чертежом, чуть правее масштабной линейкой едва заметная подпись архитектора Н. Соловьева. Эскиз выполнен на листе, склеенном из двух слоев бумаги, между ними — армированная ткань. Видимо, чертеж отпечатан литографским способом с последующей ручной отмывкой черной тушью.

«Этот храм сооружался во имя Александра Невского и должен был выполнять роль памятника «царю-миротворцу» Александру III на Сибирском железнодорожном пути. Отсюда у здания появился казенный «византийский» стиль, получивший большое распространение в официальной архитектуре России во второй половине XIX в. «Византийская» церковная архитектура рассматривалась царской камарильей как «праматерь» так называемого «православного» зодчества. Эти образцы зодчества «национального стиля», насаждаемые свыше, не имели ничего общего с древнерусской народной архитектурой и были лишь выражением шовинистической политики царизма. В.А. Косяков, проект которого был

положен в основу проекта Н. Соловьева, был «архитектором высочайшего двора». И другие его работы в архитектуре, например собор в Кронштадте, выполнялись в измельченных «русско-византийских» формах, отличающих соборные храмы, возводившиеся в окраинных городах России «по высочайшему повелению». Эти не лучшие образцы сооружений носили печать ученой профессиональной рассудочности и творческой сухости» [Баландин, 1978, с. 13—15]. В этой цитате из замечательного труда С.Н. Баландина, который повлиял почти на все вышедшие впоследствии издания о Новосибирске и необычайно актуален сейчас, ясно видна бескомпромиссная идеологическая подоплека того времени. А «печать профессиональной рассудочности и творческой сухости», тяжеловесности присуща многим «официальным» постройкам того времени по всему миру.

«Начальником строительства по специальному приказу Министерства путей сообщения был назначен инженер-путеец Николай Михайлович Тихомиров. <...> Ленточный фундамент храма был сделан из естественного бутового камня. Первоначально предполагалось выложить стены поочередно рядами светлого и темного кирпича, но эта затея оказалась чрезвычайно затратной. Потому был приобретен красный кирпич, сложную кладку которого осуществляли итальянские рабочие-каменщики. Полы по грунту мостились на металлических плитах. Пол вымостили привезенной из Голландии керамической плиткой. Внешние стены были побелены, роспись внутри храма выполнили иконописцы первой в Сибири Томской мастерской Иосифа Панкрышева» [История города., 2005, с. 299]. «За постройку храма Тихомиров получил третий орден — св. Анны III степени» [Кретинин, 2010, с. 78].

Сейчас, пожалуй, невозможно определить, кто же все-таки выбрал и утвердил место возведения храма: Н. Соловьев, К.К. Лыгин или Н.М. Тихомиров. «По своему строительному объему собор стал самым крупным из церковных зданий, построенных на средства фонда им. Александра III на всем протяжении Великой Сибирской железной дороги. Его местоположение было выбрано на направлении поворота железнодорожной линии к станционному комплексу «Обь». Первое, что должен был увидеть пассажир железнодорожного вагона, переехав на правый берег Оби — величественный каменный храм, своим объемом доминирующий над окружающей территорией. Небольшое плато на поднимающемся рельефе, в середине стихийно образовавшейся торговой площади, идеально подходило для строительства. Здание собора стало организующим элементом Старо-Базарной площади. Его композиция с ярко выделенным купольным объемом своей массивностью обозначила центр южной части городской территории. На протяжении всего дореволюционного периода здание собора было самым значительным сооружением застройки города Ново-Николаевска, определяющим её силуэт» [Новокшенов, 2013, с. 103].

Как и многие здания религиозного назначения в России XX в., храм имеет весьма драматичную судьбу:

— 1915 г.: храм Св. Александра Невского получает статус собора.

— 1923—1938 гг.: собор захватили раскольники «обновленцы». В нем с 1923 по 1934 г. находилась

кафедра «митрополита всея Сибири» Петра Блинова.

— 1938 г.: по постановлению облисполкома храм был закрыт, сняты колокола, кресты, снесена колокольня.

— В 1930-е гг. трижды делались попытки взорвать собор, но разрушили только подвальные перегородки. По расчетам инженеров, более мощный взрыв мог привести к разрушению близлежащих правительственных зданий.

— В 1940-е гг. в соборе разместили проектный институт.

— В 1957 г. здание передали Западно-Сибирской студии кинохроники, внутри соорудили второй этаж. Из купола сделали комнату. Росписи соскоблили.

— 1971 г.: при прокладке кабеля рабочие наткнулись на могилу с останками руководителя строительством храма Н.М. Тихомирова, которые были перенесены на Заельцовское кладбище.

— 1984 г.: здание передано в ведение управления культуры Новосибирского облисполкома, создан проект переоборудования храма под концертный зал. Из-за отсутствия денежных средств реконструкция затянута.

— 1989 г.: принято решение о передаче здания Новосибирской епархии, через 90 лет после первого освящения храм вновь стал принадлежать православной церкви.

Вступление к статье о новосибирском Александровском соборе в изобразительном искусстве оказалось чрезвычайно объемным, однако мы сочли необходимым показать хотя бы часть документов, где обозначились противоречивые оценки качества архитектуры объекта, загадки авторства, проблемы статуса и визуализации данного сооружения в архитектурном и градостроительном облике Новосибирска. Эти проблемы нашли свое отражение и в творчестве художников, пытавшихся запечатлеть храм в своих произведениях.

С момента освящения храма до прихода советской власти здание не могло попасть на полотна художников ввиду отсутствия таковых в Новониколаевске. При этом сохранилось много качественных фотографий того времени, впоследствии послуживших художникам основой для создания произведений, воспроизводящих ушедшую эпоху. Не случайно в течение тридцати лет (1899—1930 гг.) здание являлось «визитной карточкой» Новониколаевска-Новосибирска. Для всех прибывающих сюда путешественников на любом виде транспорта оно представлялось лицом города. Затем, в период власти Советов, когда церковь находилась под официальным прессингом, изображение храмов и «служителей культа» допускалось разве что в сатирическом ключе. Ходили разговоры о сносе собора. Строительство здания управления «Записзолота» (1930 г.), а затем госпиталя в непосредственной близости к собору нивелировали его доминантное положение. Характерный силуэт уже плохо прочитывался со стороны реки. А при движении с севера на юг по Красному проспекту и ул. Советской сооружение и вовсе было скрыто за внушительными фасадами названных учреждений. Сделали ли это намеренно, «в целях борьбы с религиозными предрассудками» или ради уплотнения застройки центра, невзирая на законы композиции? Теперь это мало кому интересно, но на

долгие времена нам досталось лицезреть очевидную градостроительную несуразность. Наглядная иллюстрация — рисунок 1933 г. А.Д. Силича (1901—1945) [Сибирь в графике., 2011] (ил. 3). Удивительно то, что купол собора попал-таки на рисунок для газеты. Изображение купола смягчило жесткий прямолинейный конструктивизм окружающих построек, добавило пластики рисунку, но внедрение чужеродного «объекта» в структуру госучреждений Сибирского края, в самый его центр, было явно «идеологически ошибочно» и могло дорого стоить художнику. Счастливым образом этот момент ускользнул от глаз цензоров, и рисунок дошел до нас, а художник дожил до конца Великой Отечественной войны. В более мягкие времена советской власти мне доводилось присутствовать на обсуждениях чиновниками художественных работ, когда ставились в вину автору самые незначительные и случайные детали как идеологически вредные и опасные. Разумеется, не все чиновники были категорическими блюстителями «чистоты помыслов строителей коммунизма». Так, рисунок тушью для газеты «Советская Сибирь» оказался самым ранним из обнаруженных мною оригинальных изображений, на котором присутствует фрагмент купола храма. Правда, на куполе вместо креста нарисован флаг, как и на здании Крайисполкома, в то время как по информации официального сайта собора кресты были сняты гораздо позднее, в 1938 г. [Закрытие и частичное...].

Если следовать хронологии в поисках интереса художников к изображению Александровского собора, то после рисунка Силича ровно двадцать лет к нему никто не приближался. Но вот в Новосибирске появляется Николай Демьянович Грицюк (1922—1976). Человек-загадка, как всякий гений, овеянный мистической аурой. Уже начиная с того, что он, модельер по образованию, окончивший в 1951 г. Московский текстильный институт, рисовал городской пейзаж Новосибирска больше, чем кто-либо из художников. Переехав с семьей в Новосибирск в 1952 г., Грицюк начинает работать в Новосибирском доме моделей, впервые в Новосибирске разрабатывает журнал мод и примерно в это же время создает огромное количество акварельных городских пейзажей. Причем акварельное творчество становится главным делом. Может быть потому, что этим работам сопутствовал успех уже на первых крупных выставках: Областной художественной выставке в Новосибирске и Выставке произведений художников РСФСР [Манин, 2015, с. 399]. Замечу, что в 1953 г. Николаю Демьяновичу было 32 года. Увлечение городским пейзажем возникло не случайно: годы учебы в текстильном институте, где, вероятно, и были привиты натурные штудии, пленэры на московских улочках и окрестностях... Во время проживания (около года) в Ленинграде самостоятельные натурные этюды на улицах продолжались. В новосибирских листах виден активный поиск новых пластических возможностей внутри акварельной техники. Эти эксперименты продолжатся всю творческую жизнь автора. Мы не вполне согласны с самым авторитетным исследователем творчества Грицюка искусствоведом Виталием Серафимовичем Маниным, когда тот утверждает: «В натуральных работах этот облик города не столь интересен. В «ас-

социативных» произведениях открывается скрытый пульс города, его необычная жизнь, особый ритм и темп его бытия» [Манин, 2015, с. 7]. Мне кажется, нельзя умалять и натурные работы этого художника. Почти в каждой из работ автор экспериментировал, и, пройдя через многие открытия, он нашел путь к «ассоциативным» произведениям, коими прославился. Здесь процесс интересен не менее чем результат, потому что в процессе виден нерв и напряжение поиска. Во всяком случае, автор этой статьи знает это не понаслышке, и сам сломал на этом поле немало «копий», хоть и не претендует вставать в один ряд с гением. Манин и сам, справедливости ради, отмечает на первых страницах книги: «Натурное искусство продержалось в его пристрастиях всю жизнь, составляя параллельный поток искусству ассоциативному» [Манин, 2015, с. 6]. Получается, что Николай Демьянович до конца дней своих находил смысл в натуральных изображениях. Хотя определение «натурных» здесь весьма условно, поскольку стилистика этой «натурности» постоянно менялась, а правильнее сказать «неабстрактность» (теперь же принято употреблять понятие «фигуративность»).

Среди многих городских этюдов Грицюка 1953 г. есть две акварели с изображением здания собора. Одна из них вертикальная (ил. 4). Место выбрано на подъеме Красного проспекта в районе пересечения с ул. Каинской. Впереди барачное здание и столб электропередач. Этот грубый и «неинтересный» первый план прописан весьма четко, а задний план смывает. Хотя там как раз и находится самое интересное пластическое содержание картины — собор. Его силуэт едва угадывается, а четкость характерной формы куполов смазана прямогольником здания «Записбзолота», навалившимся сзади. Корпус госпиталя еще не построен, и силуэт части купола мы различаем в сгущающихся сумерках. Не видя сложного объема здания, мы все же замечаем перед собой неординарное сооружение, которое пытаются скрыть в своей тени мрачноватые параллелепипеды. Весь драматизм градостроительной провокации отразился в одной акварели. Он заметен во многих работах разных авторов, и мы постараемся проследить, как эту «травму» на теле города пытались обнажить или загримировать разные художники. Каждый, кто старался найти выгодный ракурс изображения храма, наталкивался на большую проблему. Эта проблема существует. Она изначально закладывалась конкретными людьми. На самом деле это проблема не художников, а города, его жителей, его архитекторов, градостроителей, чиновников, управленцев, комиссаров, председателей, магнатов, его чести и совести. И это лишь одна из, казалось бы, совсем незначительных проблем. А художники подсознательно хотят понравиться зрителю своими произведениями, и всегда находят выход. Посмотрим, каким образом.

Вторая акварель Грицюка 1953 г. выполнена с другого ракурса, со стороны Спартаковского моста (ил. 5). На первом плане во всю ширину картины виден край железнодорожной выемки, еще не оформленный в бетонную плитку и потому имеющий рваные очертания. Этюд выполнен «на одном дыхании», «по-мокрому», и потому мягок, пластичен и дышит свежестью. Контуры собора опять же на

втором плане и снова размыты, хотя теперь время написания не вечернее, это солнечный день. Размыты и контуры зданий Красного проспекта — третьего плана. Здесь все гармонично. Доминанта собора композиционно и колористически организует окружающее пространство. Такой вид и закладывался первостроителями изображаемых мест. Примерно таким он и предстал в зрительное поле со времени возведения собора и до 30-х гг. XX в. Но в 1950-е гг. картина была несколько иной. Николай Демьянович в данной работе идеализировал пейзаж простым способом: он не стал изображать слева мешающее собору здание «Запсибзолота», вторгшееся в «неприкасаемое пространство храма», и пейзаж зазвучал. Подобного желая — избавиться от чуждой застройки — не мог побороть и автор настоящей статьи, когда захотел изобразить тот же собор в другое время и с противоположного ракурса — со стороны Красного проспекта и Стоквартирного дома (ил. 6). Заметим: ко времени создания эскиза автор не видел представленных здесь работ Грицюка и мысли, здесь изложенные, его не посещали. А совершил автор свой художественный «вандализм» и погрешил против правды скорее интуитивно, желая видеть мир гармоничнее, чем он есть на самом деле.

В 1954 г. Н.Д. Грицюк пишет «портрет собора» с того же самого места, только теперь он не намерен отходить от документальности (ил. 7). Манера письма почти не изменилась, но контуры зданий становятся жестче, у строений намечаются объемы, у собора проявляются детали: намечаются окна, четко обозначается входная зона. Теперь храм окружен постройками, и постройки эти приземляют статус сооружения, внося характер обыденности в сюжет картины, хотя и здесь подчеркивается его индивидуальность и центровое главенство. При этом на здании остается флер таинственности, недосказанности. Цветовая гамма становится более сдержанной, прозаичной и даже сумрачной.

Через три года художник вновь обращается к собору и пишет его на этот раз не со стороны железной дороги, а со стороны Красного проспекта (ил. 8). Этот ракурс для собора крайне невыгоден: небольшая его часть едва выглядывает из-за глыбы «Запсибзолота». Картина безрадостная. Поздняя осень или начало зимы, солнце скрылось за стенами здания, однако небо все еще отражает золото его предзакатных лучей, хотя фасады уже не читаются. Вот-вот лягут сумерки. Грицюк — мастер передачи печальных оттенков настроения города, его повседневной будничной драматургии. Он воспользовался ускользящим, как видение, положением церковного здания. Здесь оно случайно, эфемерно. Да и здание ли это? А может трепещущая пленка, прикрывающая строительные леса?

Автора статьи нередко упрекали в том, что он не нашел лучшего ракурса для изображения своего этюда собора 2005 г. (ил. 9). Разумеется, автор не знал тогда, что похожий ракурс уже использовал Николай Демьянович. У него, конечно же, иные тона изложения одноименного сюжета, он ищет развитие формы купола в ритме бетонных шаров лестничной балюстрады входа в «Запсибзолото» и уличных светильников. Не случившийся в авторе архитектор пытается сгладить неловкую ситуацию надеждой,

что там за углом вам всё же откроется нечто прекрасное. И хотя ситуация пасмурная, движение не останавливается...

В 1960 г. внимание Н.Д. Грицюка снова обращено на изучаемый нами участок. Но теперь главный герой картины совсем не собор, а строящееся напротив него здание (ил. 10). Вид из окна знаменитого Стоквартирного дома, где жил художник. Новостройки — один из любимых сюжетов мастера. Возможно, в начале 1960-х гг. это был всесоюзный тренд, ни один художник не прошел мимо этой темы. Уходящее старое, без водопровода и с туалетом во дворе, и быстрорастущее новое, несущее комфорт со всеми удобствами. Поэтому стройки того времени всегда подавались художниками в мажорных тонах. Акварель Грицюка не была исключением. Можно представить испытываемые им самим неудобства от этой стройки: грязь, пыль, многолетний шум под окнами. А на картине ясный зимний день, стройка многолюдна, работа спорится, на фоне чистого снега — розовый кирпич стен, веселый забор вокруг стройки... А где же собор? И он присутствует на картине, но совсем невесомым призраком. Не сразу обнаруживаешь его среди снежной идиллии, и то потому только что знаешь: он должен быть на этом месте. Художник словно чувствует зыбкость реального существования этого здания, его возможный демонтаж. Мы замечаем эфемерность этого собора практически на всех акварелях Грицюка. Существует лишь один рисунок тушью, где форма здания прорисована достаточно четко (ил. 11).

В это время, 1960-е гг., живописная манера мастера претерпевает значительные изменения. Уходит мягкость и плавность переходов — природное свойство акварели. Появляется, казалось бы, чужеродная ей жесткая контурная обводка, графическая и цветовая контрастность. Переход к этой манере заметен на картине 1964 г. (ил. 12). Здесь предмет нашего исследования и вовсе потерялся в жесткой линейной структуре города, он стеснен, придавлен, едва различим. Больше он не появится на живописных листах этого автора.

Любопытно, что тема храмовой архитектуры не ушла вместе с нашим собором из творчества Грицюка, а наоборот, стала развиваться, переходя в новые качества. Вдохновением для этого роста послужили иные образцы русского церковного зодчества других городов. Так появилась огромная московская серия и не менее знаменитая серия «Переславль-Залесский». Изобразительные мотивы русской храмовой архитектуры слились и переплелись с мотивами русского декоративного искусства, наложились на динамику мотивов современного города и проявились в качестве ассоциативного искусства Николая Демьяновича.

Неутомимая творческая деятельность Грицюка на ниве городского пейзажа была замечена и высоко оценена не только в Новосибирске. Его успехи в этом направлении подстегнули многих молодых в то время художников. Как вспоминает Михаил Сергеевич Омбыш-Кузнецов, они с В.С. Бурхановым ходили буквально по тем же местам, что и Грицюк, и рисовали, рисовали. Разумеется, каждый пытался найти свою манеру, свою стилистику. Бурханов уже в 1960-е гг. старается уйти от натурности, переда-

чи глубины пространства, а затем и передачи объема. На представленном пейзаже палитра пока еще весьма богата и даже пестра, здесь он работает смешанными красками (ил. 13). Впоследствии художник все более себя ограничивает в средствах, используя 4—5 открытых цветов.

В Новосибирском государственном краеведческом музее хранится довольно много графических и живописных листов из серии «Старый Новониколаевск». Со слов тогдашней сотрудницы музея Татьяны Владимировны Гришаниной, работы эти в фондах музея не числятся, а подобрала она их на помойке во время ремонта в музее, и решила сохранить. С ее же слов, выполнены картины Владимиром Евгеньевичем Бартошевичем, 1927 г. рождения, в 1950-е гг. Работал он тогда в мастерских Художественного фонда Новосибирска. Более о личности этого человека нам ничего обнаружить пока не удалось. В списках членов Союза художников он не значится, вероятно, не состоял там. На листах художник пытался воспроизвести бытовые сцены начала XX в. в Новониколаевске, а также некоторые уголки типичных улиц того времени. На двух его графических работах вполне узнаваем собор Александра Невского (ил. 14, 15). Были ли это заказные картины, или они выполнены по инициативе самого художника, выяснить не удалось. Полотна новониколаевской серии показывают не представление автора, а скорее пропагандируемое и устоявшееся в то время убеждение о беспросветной жизни трудящихся в дореволюционную эпоху «прогнившего царизма».

Не сохранилось сведений и о цели воспроизведения А.А. Пятковым (1919—1982) по известной открытке панорамы Новониколаевска (ил. 16). Вероятно, это был заказ музея, так как в фондах хранится еще несколько исторических реконструкций этого автора, выполненных в графической технике.

С той же открытки, но более документально, была воспроизведена акварель Черницына (ил. 17). В данном случае доподлинно известно, что выполнялась она в серии с другими городскими видами работниками Ленинградского художественного фонда.

Следующая открытка послужила основой для копирования сразу трем художникам (ил. 18—21). Все эти работы заказные. В 1985 г. Новосибирский краеведческий музей обратился в Ленинградский художественный фонд с заказом на выполнение художественных работ с видами города Новониколаевска (художники О.А. Черницын, Ю.А. Дронов) (ил. 19, 20). В качестве документального прототипа были предоставлены открытки того времени, выпущенные издательством Н.П. Литвинова (ил. 18). В наши дни, начиная с 2003 г., с тех же открыток и других старых фотографий города Михаил Григорьевич Казаковцев выполняет весьма обширную хронологически ностальгическую серию живописных работ небольшого формата, осевших в частной коллекции (ил. 21, 22). «Казаковцев написал Новосибирск поэтический, в котором нет плохой погоды, в котором не происходит ничего дурного, в котором всегда улыбаются люди. И никто не умирает» [Новосибирск. Портрет города., 2017, с. 8].

А вот взгляд архитектора. С 1930 по 1980 г. В.А. Касаткин (1908—1992) внимательно следил за тем, как меняется городской пейзаж Новосибирска.

Окончив Омский художественно-промышленный техникум, он с начала 1930-х гг. работает в нашем городе. В свободное время Василий Александрович постоянно делает натурные зарисовки Новосибирска, оставив нам в наследство бесценный материал. Сохранилось две акварели Касаткина с видами на собор. Одна из них выполнена в 1960-х гг. из окна облсполкома (ил. 23). Картина показывает ситуацию площади Свердлова с открывающимся видом на Коммунальный мост и часть левого бережья. Вторая — в 1948 г. в непосредственной близости от здания (ил. 24). В обеих работах чувствуется твердая, «рациональная» рука архитектора. Четко воссозданы пропорции, соотношения масс и объемов. Нет фотографически мельчайшей детализировки, но при этом документальная и почти чертежная точность. На втором рисунке мы видим и тогдашнее состояние постройки: неровно, варварски вырванный крест, обрывки водосточных труб, облезлая местами побелка. Со слов Натальи Васильевны Касаткиной, дочери архитектора, ее папа в те годы работал в этом здании. Там, во внутренней надстройке второго этажа, находился проектный институт.

Похожий ракурс, только с юго-западной стороны, на акварели Натальи Табатчиковой (ил. 25). Однако звонкие мажорные акварельные ноты вносят абсолютно противоположный настрой и говорят о коммерческом мотивации создания этой работы. Для пущей выразительности объекта автор прибегла к приему, уже упомянутому нами: она игнорировала здания на втором плане, просто не воспроизводя их на рисунке. То же самое предпринял и Виктор Хандрыкин на своем полотне (ил. 26), в очередной раз утверждая, что это сооружение не приемлет близких соседей.

Желанием подчеркнуть значимость собора, изначально заложенную особыми архитектурными формами, вознамерился А.О. Иванов, создавая гуашь «Храм» (ил. 27). Для этого он усилил яркое цветовое звучание кирпичных стен здания и золоченых куполов. В заданном ракурсе со стороны железной дороги сделать это было необходимо ввиду упомянутого нами ранее градостроительного «пренебрежения» к объекту: «подпираем» его с северной стороны фасадом госпиталя с контрастными ритмами балконов и солнцезерезов. Автору пришлось значительно приглушить тоновое давление заднего городского плана. Таким образом, он не погрешил против истины, документально воспроизведя существующую на тот день застройку, и одновременно не дал «потеряться» в этой застройке главному герою картины.

Удачный ракурс для изображения на картине собора нашел Вениамин Карпович Чебанов (ил. 28). Этот вид с балкона госпиталя ветеранов войн доступен не каждому. Мы оказываемся перед храмом на равных лицом к лицу. Он открывает нам всю свою гармонию сложного, органичного и тектонически выверенного образования форм и объемов. Здесь он во главе раскинувшегося перед ним большого и мощного города, а также необъятного пространства с огромной рекой и бескрайними далями. Именно здесь понимаешь, насколько точно было выбрано место для строительства храма.

В начале 2000-х гг. было завершено обустройство прилегающей к храму территории с возведе-

нием каменного крестильного храма, надкладезной часовни, подсобных помещений, церковной ограды, что отразилось и в работе художника (ил. 29).

Византийская купольная система храма не характерна и весьма редка для Сибири. Этот факт — дополнительный аргумент для сохранения редкого архитектурного объекта. Выше отмечено неоднозначное отношение к зданию не только со стороны горожан, но и со стороны специалистов, архитекторов в частности. Разумеется, пропорции собора лишены утонченного изящества, они приземисты, коренасты, монументальны, но создают ощущение величавой надежности и нерушимости. Таков уж он есть, византийский стиль. Теперь не подвергается сомнению сохранение этого памятника. Он продолжает таить в себе еще много загадок. И главная из них заключена в том, что до сих существуют сомнения: кто же действительный автор проекта этого храма?

Уверены, что данное исследование было бы гораздо полнее, если бы не возникли непреодолимые препятствия, казалось бы, «на ровном месте». С такими сталкивались, как нам известно, многие исследователи. Дело в том, что оказались закрыты к просмотру некоторые картины в государственных учреждениях, как раз и созданных для накопления исторических художественных артефактов, хранения их и демонстрации всем желающим. Абсурд, но большая часть экспонатов накрепко закрыта не только от народа, но и от научных исследователей. В этом мы убедились, когда пришлось обратиться с просьбой ознакомиться с имеющимися в фондах Новосибирского государственного художественного музея работами художников, изображающих городской пейзаж Новосибирска, к директору музея С.М. Дубровину. Совершенно неожиданно мы получили ничем не обоснованный отказ, несмотря на представленные документы об исключительно научном и образовательном характере проводимой работы. Таким образом, конкретными лицами искусственно создаются «темные пятна».

Недавние неоднозначные события, вызванные водружением памятника последнему российскому императору с его наследником, показывают, что страсти вокруг собора не собираются утихать. История продолжается.

Список литературы

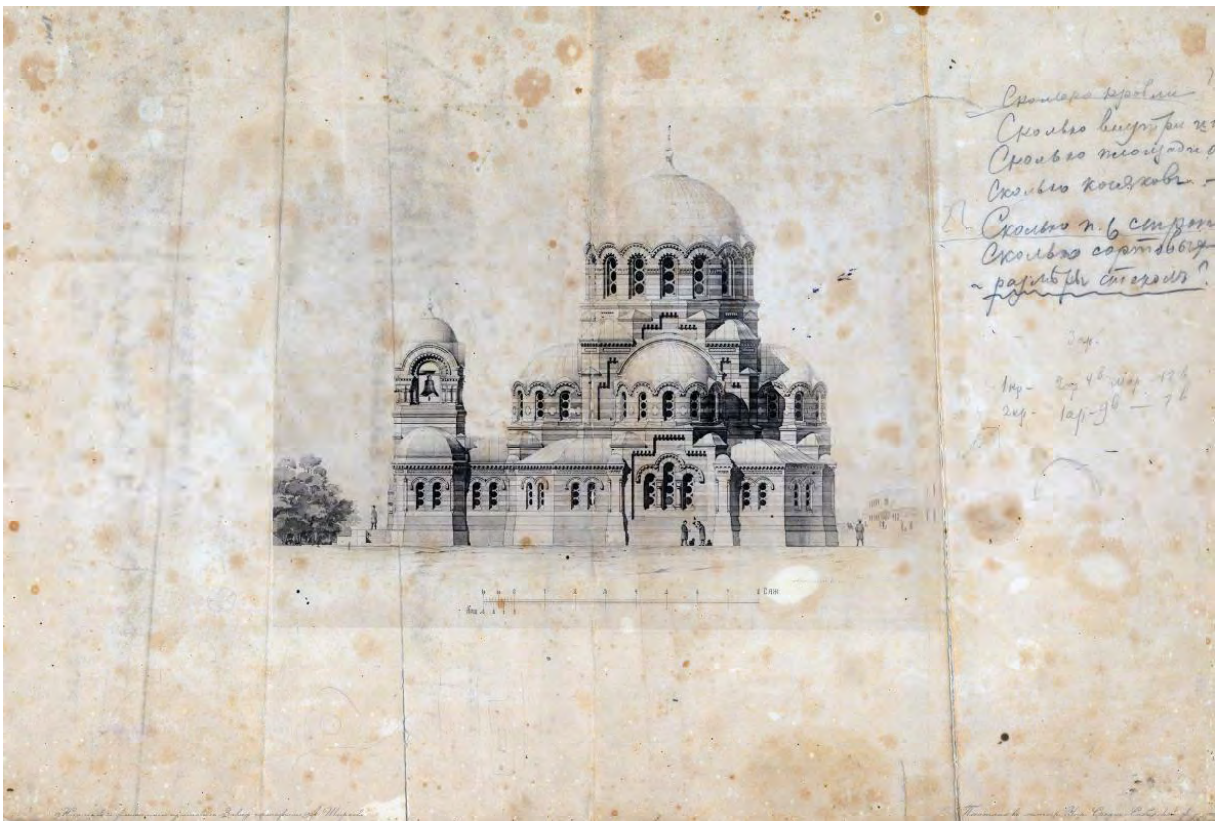
1. Авдеев В.А. Реплика в теме «Действующие церкви. Собор Александра Невского (ул. Советская, 1а)» / Новосибирск в фотозагадках. Краеведческий форум — история Новосибирска [Электронный ресурс]. — URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=122> (дата обращения: 01.02.2018).
2. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства 1893—1945 гг. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — 135 с.
3. Жулин Н.П. Архитектура сибирского города конца XIX — начала XX века. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — 145 с.
4. Закрытие и частичное разрушение храма / Русская Православная Церковь. Новосибирская Епархия. Собор во имя святого благоверного князя Александра

Невского [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ansobor.ru/articles.php?id=255> (дата обращения: 01.02.2018).

5. История города. Новониколаевск-Новосибирск. Исторические очерки. Т. 1. — Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2005. — 862 с.
6. Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом. — СПб: Изд. Канцелярии Комитета Министров, 1900. — 374 с.
7. Кретинин А.Е. Новониколаевск-Новосибирск: одна судьба на двоих. — Новосибирск: Советская Сибирь, 2010. — 546 с.
8. Манин В. Николай Грицюк. — Новосибирск: [б. и.] 2015. — 400 с.
9. Николай Грицюк. Каталог. В 22 т. Т. 2—4, 8—9. — Новосибирск: [б. и.], 2006.
10. Новокшенов С.М. Градостроительное развитие города Ново-Николаевска (Новосибирска) с 1893 по 1917 годы. — Новосибирск: ГАУ НСО НПЦ, 2013. — 148 с.
11. Новосибирск. Портрет города. Городские пейзажи Михаила Казаковцева. — Новосибирск: [б. и.], 2017. — 172 с.
12. Поповский И.В. Кто является архитектором храма Александра Невского / Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс]. — URL: <http://bsk.nios.ru/content/kto-yavlyaetsya-arhitektorom-hrama-aleksandra-nevskogo> (дата обращения: 01.02.2018).
13. Радзюкевич А.В. К вопросу об авторстве собора Св. Александра Невского в Новониколаевске (Новосибирске) [Электронный ресурс]. — URL: www.a3d.ru/architecture/stat/190 (дата обращения: 24.02.2018).
14. Радзюкевич А.В., Чернова М.А. Пропорционально-метрологические особенности храма Александра Невского в Новониколаевске (Новосибирске) / ARTMATLAB. 02 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://artmatlab.ru/articles.php?id=54&sm=2> (дата обращения: 01.02.2018).
15. Справочник по городу Ново-Николаевску. — Ново-Николаевск: Электротпечатня Н.П. Литвинова, 1912. — 146 с.
16. Сибирь в графике Александра Силича. Возвращение забытых имен. — Новосибирск: Белая стена, 2011. — 48 с.
17. Новосибирск в рисунках Касаткина. — Новосибирск: Советская Сибирь, 2010. — 101 с.
18. Чебанов Вениамин. Картины, портреты, иллюстрации. Художественный каталог произведений. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2006. — 60 с.

Ил. 1. Просека в сосновом бору на месте Николаевского (Красного) проспекта.
Снимок 1896 г. (URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/3044>)

Ил. 2. Эскиз собора Александра Невского. Боковой фасад. 1894 г. [НГКМ. ОФ-10619/35]

Ил. 3. А.Д. Силич. У Крайисполкома. Бумага, тушь, перо. 1933 г. [Сибирь в графике]

Ил. 4. Н.Д. Грицюк. Вечерний силуэт. Бумага, акварель. 1953 г. Коллекция семьи Н. Грицюка [Николай Грицюк. Т. 2. Ч. 1. С. 319]

Ил. 5. Н.Д. Грицюк. Вид на собор. Бумага, акварель. 1953 г. Коллекция семьи Н. Грицюка
[Николай Грицюк. Т. 2. Ч. 1. С. 321]

Ил. 6. В.Н. Курилов. Эскиз Александровского собора. Бумага, акварель, белила. 2002 г. Собрание автора

Ил. 7. Н.Д. Грицюк. Собор и дома. Бумага, акварель. 1954 г. Коллекция семьи Н. Грицюка [Николай Грицюк. Т. 2. Ч. 1. С. 343]

Ил. 8. Н.Д. Грицюк. Остановка «Сибревком». Бумага, акварель. 1957 г. Коллекция семьи Н. Грицюка [Николай Грицюк. Т. 3. Ч. 2. С. 145]

Ил. 9. В.Н. Курилов. Запсибзолото. Бумага, акварель. 2005 г. Собрание автора

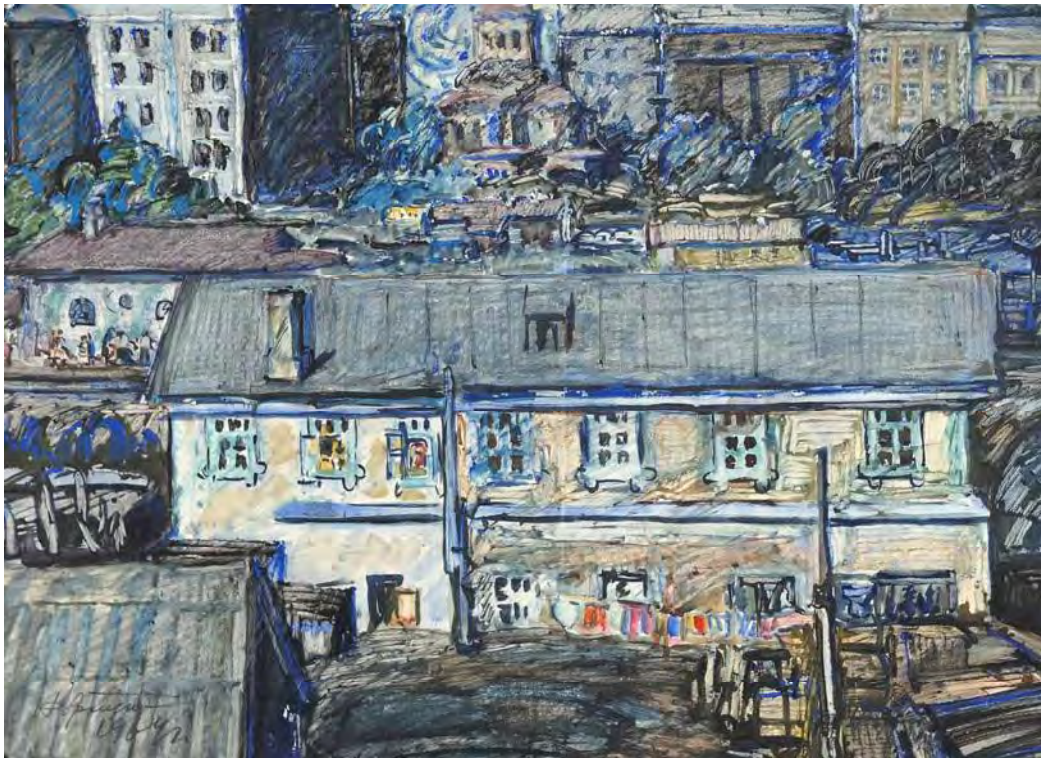

Ил. 10. Н.Д. Грицюк. Строится дом. Бумага, акварель. 1960 г. Коллекция Новосибирского муниципального банка [Николай Грицюк. Т. 4. С. 19]

Ил. 11. Н.Д. Грицюк. Без названия. Бумага, черный фломастер. 1965 г. Коллекция семьи Н. Грицюка [Николай Грицюк. Т. 9. С. 435]

Ил. 12. Н.Д. Грицюк. В городе. Бумага, акварель. 1964 г. Коллекция семьи Н. Грицюка [Николай Грицюк. Т. 8. С. 197]

Ил. 13. В.С. Бухаров. Красный проспект. Холст, масло. 1963 г. Собрание автора. Снимок автора на персональной выставке В.С. Бухарова в Арт-центре «Красный», январь 2017 г.

Ил. 14. В.Е. Бартошевич. Николаевский проспект. Бумага, уголь. 1950-е гг. [НГКМ]

Ил. 15. В.Е. Бартошевич. У собора Александра Невского. Бумага, уголь. 1950-е гг. [НГКМ]

Ил. 16. А.А. Пятков. Новониколаевск 1915 г. Центр города. Бумага, тушь. 1970 г. [НГКМ. КП-15104/2 осн.]

Ил. 17. О.А. Черницын. Новониколаевск. Вид с юго-восточной стороны на центральную часть города. 1986 г.
[НГКМ. № 15136 всп.]

Ил. 18. Открытка, издана Писчебумажным магазином «Глобус» Н.П. Литвинова в 1916 г.
(URL: <http://nsk.nvosibdom.ru/node/3044>)

Ил. 19. О.А. Черницын. Новониколаевск. Николаевский проспект. 1912 г. Бумага, акварель. 1985 г. [НГКМ. № 14936/І всп.]

Ил. 20. Ю.А. Дронов. Новониколаевск. Николаевский проспект. Дерево, масло. 1985 г. [НГКМ. № 14938/II всп.]

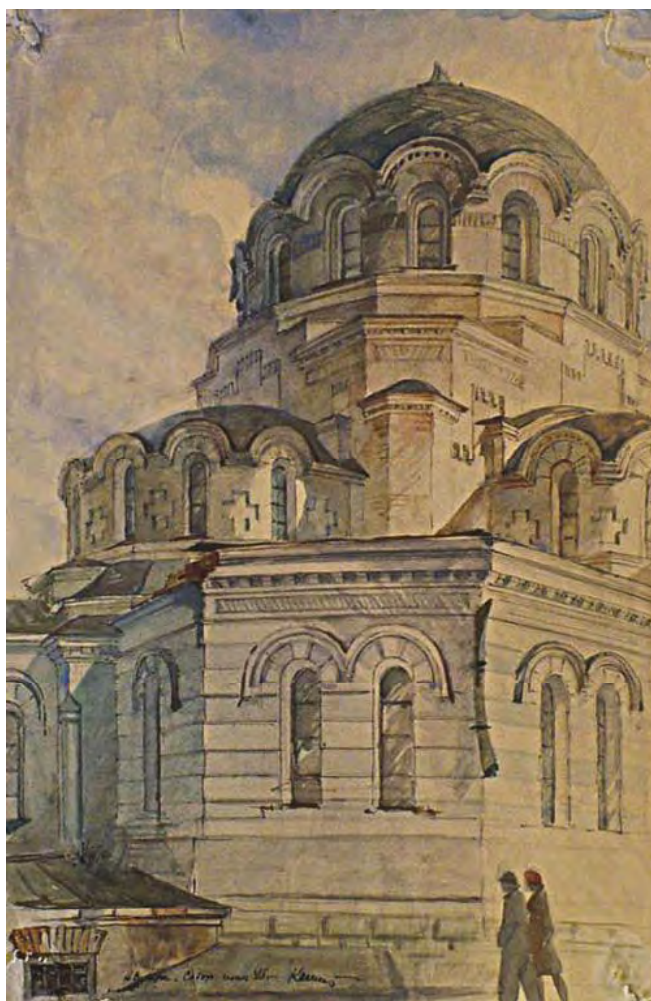
Ил. 21. М.Г. Казаковцев Новониколаевск. 1910-е гг. Картон, масло. 15 x 20 см. 2003 г.
Частная коллекция [Новосибирск. Портрет города, с. 21]

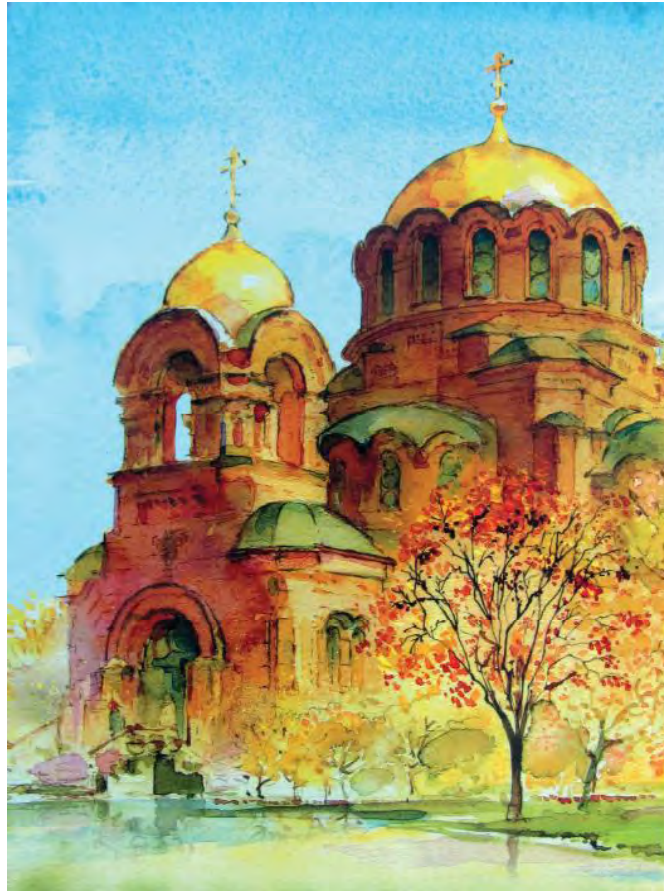
Ил. 22. М.Г. Казаковцев. Вид на собор Александра Невского. 1910-е гг. Холст, масло. 40 x 50 см. 2010 г.
Частная коллекция [Новосибирск. Портрет города, с. 11]

Ил. 23. В.А. Касаткин. Панорама города из окон Горисполкома. Бумага, акварель. 1967 г.
Коллекция семьи В.А. Касаткина (URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2647/>)

Ил. 24. В.А. Касаткин. Собор Александра Невского. Бумага, акварель. 1948 г.
Коллекция семьи В.А. Касаткина (URL: <http://nsk.novosibdom.ru/node/2647/>)

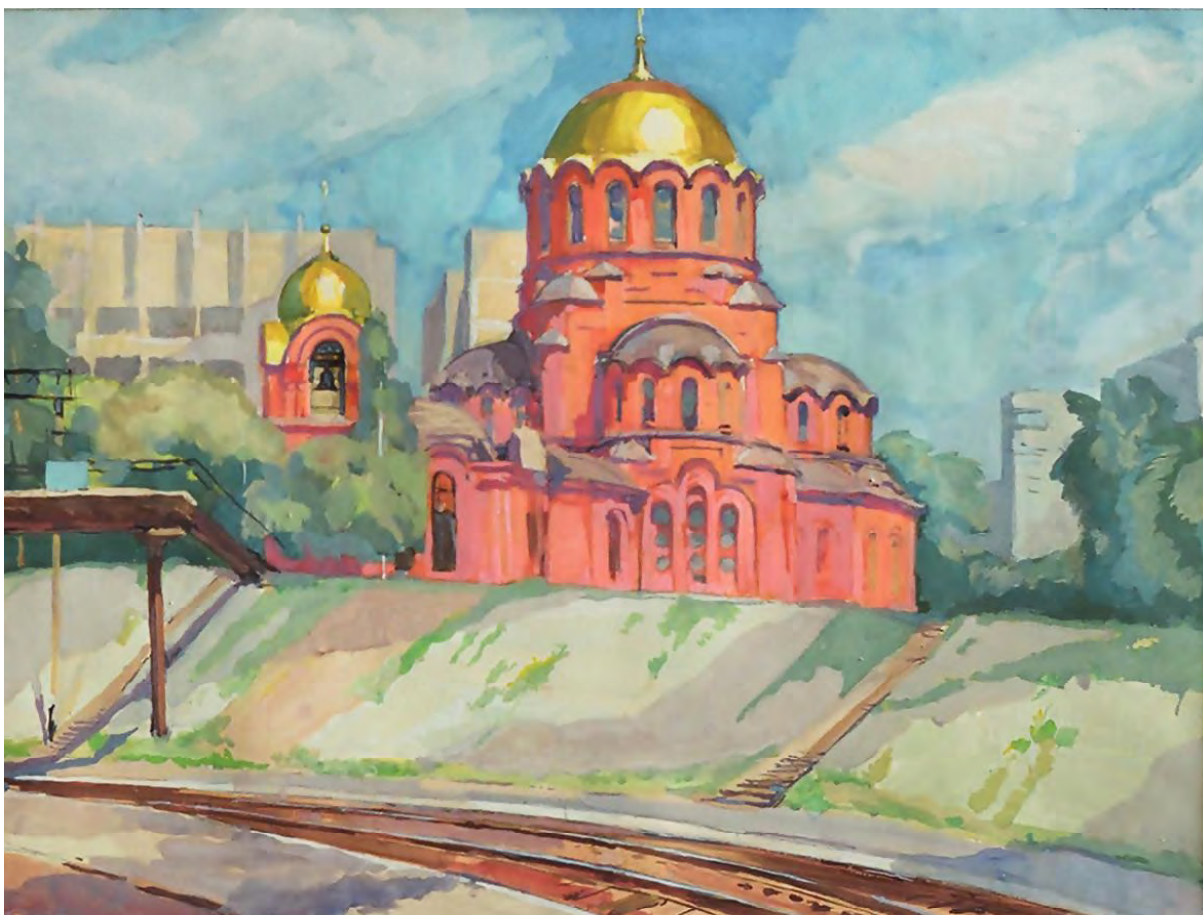

Ил. 25. Н. Табатчикова. Открытка. Собор Александра Невского. 14,5 x 10 см. Бумага, акварель. 2016 г.

Ил. 26. В.П. Хандрыкин. Собор Александра Невского. Холст, масло. 2003 г.

Ил. 27. А.О. Иванов. Храм. Бумага, гуашь. 1996 г. Собрание автора

Ил. 28. В.К. Чебанов. Собор Александра Невского. Холст, масло. 70 x 120 см. 1996 г. [Вениамин Чебанов., 2006, с. 50]

Ил. 29. В.Н. Курилов. Южные врата собора Александра Невского. Бумага, акварель. 2003 г. Собрание автора

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10073
УДК 72.03

К.Г. Латышева
Институт архитектуры и дизайна
Сибирского федерального университета (Красноярск)
Clatisha@yandex.ru
Научный руководитель: доктор архитектуры В.И. Царёв

Эволюция архитектуры малых предприятий Енисейской губернии в XIX веке

Аннотация

Архитектура малых предприятий Сибири прошедших веков является важной составляющей истории отечественного зодчества, однако до сих пор остается мало изученной. Например, практически не исследованы процессы развития промышленной архитектуры в одном из крупнейших сибирских регионов дореволюционной России — Енисейской губернии.

Данная статья посвящена эволюции архитектуры промышленных предприятий городов Енисейской губернии в XIX в. Сооружения, дошедшие до нашего времени в редких графических документах — проектах и чертежах, сохранившихся в архивных фондах, представляют несомненный интерес для истории промышленной архитектуры. Их возникновение относится к периоду зарождения научно-технической деятельности на восточных окраинах страны. Автор попытался выявить основные особенности и закономерности архитектурно-планировочного формирования заводов малой мощности и восполнить некоторые пробелы исследований.

Ключевые слова: Енисейская губерния, кустарные промыслы, архитектурно-планировочные особенности, производственные предприятия, проект, завод, фасад

K.G. Latysheva
*Institute of Architecture and Design of
the Siberian Federal University (Krasnoyarsk)*
Clatisha@yandex.ru
The scientific adviser is V.I. Tsaryov

Development of the Architecture of Small Enterprises of the Yenisei Province in the 19th Century

Abstract

The architecture of small enterprises of Siberia of the past centuries is an important component of the history of Russian architecture, but it has been studied a bit so far. For example, the development of industrial architecture in one of the largest Siberian regions of pre-revolutionary Russia, the Yenisei province, has not practically been studied.

This article deals with the development of the architecture of industrial enterprises in the cities of the Yenisei province in the 19th century. Constructions that have survived to our time in rare graphic documents — projects and drawings preserved in archival collections, are of undoubted interest for the history of industrial architecture. Their origin refers to the period of the birth of scientific and technical activities in the east of the country. The author tried to identify the main features and patterns of architectural and planning organization of low-power plants and fill some of the research gaps.

Key words: Yenisei province, handicraft industry, architectural and planning features, production facilities, project, plant, facade

В XIX в. развитие добывающей и обрабатывающей промышленности в Енисейской губернии, несмотря на обилие и разнообразие природных богатств, сдерживалось малой ее населенностью, отсутствием надежных путей сообщения и слабым притоком капиталов. Незначительность местных финансовых средств не позволяла поставить то или иное производство в большом масштабе. До проведения в конце столетия Сибирской железной дороги произведенная в губернии продукция (главным образом сельского хозяйства) почти не вывозилась,

что приводило к созданию замкнутой экономики полунатурального типа. Слабое развитие фабрично-заводской промышленности в Енисейской губернии, суровые климатические условия, лишавшие возможности в полной мере заняться земледелием, были причиной появления кустарных промыслов, близко стоявших к той форме организации общественного труда, которая всего ярче выражалась домашним производством.

В начале XIX в. первые относительно крупные предприятия кустарно-ремесленного производства

появились в главном городе Енисейской губернии — Красноярске. Например, в 1820—1830-х гг. основная производственная деятельность города сосредотачивалась в так называемом рабочем доме, который, по сведениям губернатора А.П. Степанова, представлял собой шесть больших деревянных зданий, разделенных на семь отделений — «плотников и столяров, каменщиков, кузнецов и слесарей, медников и серебряников, кожевников и шорников, маляров, чернорабочих». Рабочие, занятые изготовлением продукции на предприятии, были в основном ссыльные [Латышева, Царёв, 2012, с. 46].

Проект деревянного рабочего дома, составленный для Красноярска в начале 1820-х гг., сохранился в Российском государственном историческом архиве [СПб. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 3. Ил.]. Он выполнен на трех листах плотной бумаги размерами приблизительно 35 × 40 см. Графический язык изображений достаточно прост, использована черная тушь и цветная акварель. На первом листе изображены продольные фасады кустарно-ремесленных зданий, другие два листа проекта занимают планы. Фасады деревянных одноэтажных зданий симметричные, с нечетным количеством прямоугольных окон — пять и девять (ил. 1), [СПб. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 1. Ил.]. Все окна одинакового размера, различно украшены: треугольным профилированным сандриком на кронштейнах или замковым камнем; полуциркулярными завершающими наличниками. Оконные проемы графически отражены на планах, которые расположены на листах вертикально (ил. 2) [СПб. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 2. Ил.], (ил. 3), [СПб. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 3. Ил.]. Общая форма планов — прямоугольная со слегка заметными выступами. Свободно расположенные производственные комнаты вписываются в общий объем проектируемого здания. Вход через сени осуществлялся к различным производственным помещениям — шорного, кожевенного, медного, кузнечного, слесарного, серебряного, плотничного, экипажного, столярного, каменного и молярного ремесел; каждое из помещений оборудовано печью.

Сдержанные формы фасадов производственных зданий декорировались тесаными досками в горизонтальном направлении, имитируя рустовку камня, характерную для стиля классицизм. Поле стены деревянных сооружений было частично оштукатурено. Верхнюю часть стен завершал карниз с парапетом, который возвышался над четырехскатной кровлей. В небольшом описании даны сведения о материалах и конструкциях: «выполнить крепление парапета из досок к крыше на железных костылях, приподняв их на три вершка от верха кровли» [СПб. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 1. Ил.].

В примечании сделана запись о том, что проект был рассмотрен и одобрен Строительным комитетом, состоявшим при Министерстве внутренних дел, в марте 1824 г. На листах проекта утверждающую подпись «верно» поставил Людвиг Шарлемань. Строительство деревянных зданий рабочего дома, запроектированных архитекторами, вероятно, было осуществлено, так как они как уже существовавшие здания отмечены на проектном плане губернского города Красноярска, утвержденного в 1828 г. В описании к плану они значатся как «ремесленные

дома». Местоположение сооружений было выбрано вдоль главной городской улицы Воскресенской (ныне пр. Мира). Занимаемая ими территория располагалась на западной окраине города и составляла два квартала по обе стороны улицы [Градостроительство Сибири, 2011, с. 298].

Нами в соавторстве с В.И. Царёвым рассматривались редчайшие архивные документы — проекты малых производств. Одним из примеров объектов кустарной деятельности является «Проект на постройку деревянных мастерских и амбара при Енисейском внутреннем гарнизонном батальоне в городе Красноярске Енисейской губернии» (ил. 4) [Латышева, Царёв, 2012, с. 48]. Приведенные сведения отражают процесс проектирования, составителей и исполнителей проекта, используемые материалы в оформлении чертежей, также в них представлено описание архитектурно-планировочного формирования производственных помещений. Проект состоит из чертежей (фасадов, планов, разрезов) трех одноэтажных строений, выполненных в одном масштабе, из которых первое предназначено для размещения плотничной и малярной, второе — кузницы и слесарной, а третье — амбара для хранения угля и мела. На четвертом листе проекта в отдельном масштабе выполнен генеральный план части города Красноярска с объяснением размещения предполагаемых построек. Архитектурная графика во многом заимствована из образцовых проектов жилых домов XIX в. На фасадах производственных строений выявляется симметрия в размещении нечетного количества оконных проемов (семь и пять), а на фасаде амбара — проемами двух ворот. Декор наружных стен представлен простыми прямоугольными наличниками окон и горизонтальным дощатым карнизом. Двухчастное деление плоскостей фасадов производственных строений создается контрастом материалов — деревянной обшивкой стен и кирпичного цоколя. В плане все строения прямоугольной формы и разделены внутренней поперечной стеной на два помещения по функциональному назначению: плотничная и малярная, кузница и слесарная, амбары для угля и мела. Разрезы строений выполнены в упрощенном виде, без подробной проработки узлов конструкций, устройство которых входило в обязанности местных специалистов. Например, разрез слесарной и кузнечной мастерских в проекте выполнен с устройством пола и потолка, а в смете к проекту, подготовленной красноярскими архитекторами, указано, что в помещении кузницы устройство полов и потолков не предполагается. В смете определялись материалы для фундаментов зданий (бутовый камень), для цоколя (кирпич и штукатурка известковым раствором), техника рубки и наружной обшивки бревенчатых стен, конструкции полов и потолков, а также устройство кровли (четырёхскатная деревянная по стропилам). Деревянные элементы зданий — кровлю, карнизы, наличники, двери — предполагалось окрасить масляной краской. Для обогрева помещений малярной и плотничной проектировалось устройство русских печей [Там же, с. 47].

В Красноярске по полученным из Петербурга проектным чертежам предполагалось отвести участок под строительство зданий мастерских на берегу р. Качи. Но уже в 1858 г. чертежником Сафоновым

было сделано измерение новой территории на берегу р. Енисей [ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1777. Л. 137]. Это место изначально предполагалось по высочайше подтвержденному «плану Енисейской губернии, губернского города Красноярска» 1852 г. под устройство кузниц [Градостроительство Сибири, 2011, с. 302]. В объяснении к плану вновь предполагаемые сооружения обозначены как каменные общественные здания кузниц. Осуществить постройку зданий мастерских не удалось в связи с произошедшим расформированием гарнизонного батальона в 1860 г.

Российское правительство пыталось активизировать промышленную деятельность в 30-х гг. XIX в., а затем, в 1835 г., были приняты попытки усилить существующие и устроить новые производства [Латышева, Царёв, 2012, с. 44]. Первый енисейский губернатор А.П. Степанов и председатель енисейской казенной палаты И.С. Пестов в своих книгах о губернии приводят сведения о существовавших на ее территории в 1820—1830-х гг. заводских производствах. Среди новых промышленных предприятий, построенных после учреждения Енисейской губернии, чиновники отметили стекольный завод И.И. Коновалова, находившийся в Зелеевской волости Красноярского округа, который снабжал стеклянными изделиями не только свою, но Томскую и Иркутскую губернии, а также упомянули бумажную фабрику купца Родионова близ Ачинска, оценив ее «значительной по предполагаемой от нее пользы в будущем» [Там же, с. 46].

В выявленных архивных документах за 1823 г. содержатся сведения о разрешении титулярной советнице Коноваловой построить «завод для делания стекла», вести строительство предполагалось мастером из Москвы [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 1. Л. 2]. В 1832 г. землемером Д. Шабановым производилось межевание земли в Зелеевской волости по речкам Каче и Тамосуле, им были составлены межевая книга и план участка. На этой территории располагались существовавшие производственные, общественные и жилые здания: стекольный завод, при нем две гранильни; господский дом; двадцать семь домов для рабочих; магазины; «кожевеня»; кузница; «пчельница»; три мукомольных мельницы по речке Тамосуле [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 1. Л. 24].

А.П. Степанов насчитал по всей губернии 15 кирпичных и 29 мелочных заводов, принадлежавших 13 хозяевам, на которых находилось 110 работников, в том числе 82 человека государственных крестьян, занимавшихся выделкой кож, сала и мыла. Исследователи указывают, что «промышленные предприятия, которые в источниках того времени именуются заводами, являлись, вернее говоря, ремесленными мастерскими, в которых было занято по несколько рабочих и которые не оказывали заметного влияния на планировку городов» [Латышева, Царёв, 2012, с. 46].

Проектные планы городов Енисейской губернии, составленные в середине XIX в., решали задачи расположения улиц, образование площадей, размещение общественных зданий и производственных сооружений. Например, для Красноярска на вновь проектируемой территории предполагалось устроить «заведения фабричные, мануфактурные, заводские и другие, которые по существу и образу их производства имеют влияние на здоровье, спокойствие и

безопасность от огня жителей, как то: кузницы мельницы, лесопильни и прочие» [Градостроительство Сибири, 2011, с. 302]. Промышленное производство губернского города размещалось на левом берегу речки Качи, в некотором отдалении от основной городской застройки [Градостроительство Сибири, 2011, с. 302]. На плане окружного города Енисейска, составленном в 1820-х гг., производственная территория, именуемая «Каштак», располагалась на берегу реки Енисей и была отделена от восточной части города речкой Лазаревкой [Градостроительство Сибири, 2011, с. 315]. В 1862 г. некоторые кустарные заводы были перенесены к бойням, рядом с «западным кладбищем». В юго-западной части города, в непосредственной близости от обывательских строений, все еще оставались мыловаренные, салотопенные и кожевенные производственные заведения, что признавалось местными властями «неуместным и вредным для здоровья жителей» [Кривошапкин, 1865, с. 213]. Проектным планом окружного города Канска, составленным в середине XIX в., места для заводов, кузниц и бойни выносились за городскую черту [Градостроительство Сибири, 2011, с. 340]. Места под фабрики и заводы в городе Минусинске предполагалось отвести на левом берегу протоки реки Енисей рядом со зданием «смирительного дома для преступников» [МКУ АМ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 20. Л. 1]. В основном все существующие предприятия были частными и предназначались для различных видов деятельности.

В памятной книге Енисейской губернии за 1861 г. приведены данные о численности фабрик и заводов по городам и округам. В общий список были включены салотопенные, мыловаренные, кожевенные, бумажные, стеклоделательные, маслябойные, канатные, чугунолитейные, кирпичные, гончарные, солеваренные и экипажные производства [Памятная книга, 1863, с. 136—137].

В 1863 г. в связи с учреждением акцизной системы налогового обложения производства спиртных напитков в Енисейской губернии была разрешена постройка четырех винокуренных заводов, которые принадлежали частным лицам [Там же, с. 163]. В 1866 г. в Минусинском округе существовали винокуренные заводы: Александровский — Даниловых, Казанский — Ярилова, Спасский — купцов Попова, Сватикова и Путилова [МКУ АМ. Ф. Р-1121. Л. 2]. Заводы располагали в малонаселенных местностях. При «обмежевании» земель Минусинского округа Шушенской волости на «выкопировке» из плана было обозначено место «лесной дачи, отведенной для Александровского винокуренного завода». Местоположение самого завода указано по реке Лугавке, примерно в двадцати верстах от города Минусинска и семи верстах от села Лугавки [МКУ АМ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 12, Л. 1].

По архивным сведениям за 1879 г. в ведомостях Енисейского общего губернского управления было отмечено пять винокуренных заводов. Первый из упомянутых заводов находился в селе Каменском, Усть-Тунгуской волости Енисейского округа, принадлежал почетному гражданину Баландину [ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 841. Л. 1]. Второй — Ильинский винокуренный завод — располагался на правом берегу Енисея в Тасеевской волости Канского округа,

владельцем был купец Васильев. Он снабжал вином Красноярский, Канский, Енисейский округа, а также город Нижнеудинск Иркутской губернии. В описании производственного оборудования даны наименования шести квасильных и двух заторных чанов. Завод приводился в действие паровой машиной. Работы выполняли в основном рабочие под руководством мастера; количество рабочих составляло около 60 человек [Там же, л. 7]. Меньше информации представлено о заводах Ачинского округа, владельцами которых являлись купцы Некрасов и Никифоров, а также Иорданский, Широков и Бурмакин. Готовое вино заводов привозили на оптовые склады Красноярска, Канска, Ачинска и Иркутска.

В 1880 г. был выполнен «План Владимирского № 22 винокуренного завода 2-й гильдии купцов Минусинского Михаила Петровича Попова и Канского Фёдора Ивановича Иорданского, находящегося в Енисейской губернии, Минусинском округе Тесинской волости, отстоящего от города Минусинска в северо-восточную сторону в 85 верстах», который сохранился в архивных фондах музея города Минусинска (ил. 5) [МКМ. Архив. Оп. 1. Д. 189. Л. 1]. На большом листе ватмана черной тушью выполнены фасад и план строения, в котором находились водоканал с манежем; план, разрез и фасад здания завода; план второго этажа завода, а также приведено «описание планов». Чертежи расположены на листе компактно и находятся в последовательной очередности (сверху вниз) — план, разрез, фасад.

Главное здание завода представляло собой двухэтажное деревянное сооружение прямоугольной формы в плане размерами 3,5 x 18 сажени, а высота его до конька кровли составляла 4 сажени и 1 аршин. Здание было выполнено из каркасно-дошчатых и срубных конструкций, которые были объединены в общий производственный корпус завода. Завод включал заторное, квасильное, перегонное и паровое отделения. К вспомогательным помещениям относились комната для винокура и контрольного снаряда, кладовая для хранения припасов, манеж под заторным отделением. Внутреннее пространство разделялось по высоте перекрытием; высота первого этажа равна 2 сажени, а второго — 1 сажени и 1 аршину. В квасильном, перегонном и паровом отделениях высота производственного помещения равна двум этажам. Можно предположить, что объединенное пространство было необходимо для устройства крупногабаритного технологического оборудования. Помещения на вторых этажах завода соединены между собой переходом, устроенным между комнатой винокура и заторным отделением. Его длина составляла 10 сажени, а прочность конструкции обеспечивалась за счет элементов каркаса — столбов; ограждение перехода было устроено из баясин.

В здание завода было сделано два входа. Первый осуществлялся в квасильное, перегонное и паровое отделения. На фасаде завода он выглядел довольно просто, дверь без декоративных элементов и крыльцо из двух ступеней. Другой вход — технологический, вел на второй этаж в заторное отделение. Его конструкция была каркасно-столбовой, состоящей из двух элементов: площадки и пандуса. Некоторые элементы конструкций, изображенные на плане, отражены на фасаде здания: вертикальное деление

стойками каркаса и пристроенный сруб с правой стороны. На втором этаже устроены полуциркульные окна без наличников, расположенные близко к карнизу крыши. Четырехскатная кровля выполнена из теса и завершена декоративными элементами — слуховым окном и смотровой башней, которые придают особый колорит зданию завода. На плане рядом с корпусом завода показана водоканал с манежем. Подача воды на технологические нужды осуществлялась с помощью механизмов (зубчатые колеса с шестернями), которые приводились в движение лошаадьми. Вода, поднимаемая из скважины, текла по деревянным желобам в резервуар, а затем в «водо-варь» — емкость для нагрева воды. Достигая температуры кипения, она через «фонтаны» (каскадное расположение желобов) поступала в «паровик» для дальнейшей передачи пара к перегонному оборудованию.

Вспомогательные здания выполнены в каркасно-дошчатых конструкциях и размещены друг от друга на расстоянии менее одного аршина. Манеж представляет собой правильную девятиугольную призму радиусом 1 сажень и 2 аршина, высотой до верха конусообразной кровли 2 сажени и 2 аршина. Водоканал прямоугольной формы в плане, размером по короткой стороне 1 сажень, по длинной — 1 сажень и 1 аршин, высотой 4 сажени и 2 аршина.

Другим примером проектов малых заводских производств является чертеж Михайловского № 26 винокуренного завода, выполненный в 1881 г. для ачинского купца Никанора Егоровича Хижинского (ил. 6) [МКМ. Архив. Оп. 1. Д. 189. Л. 2]. На чертеже имеются план и фасад винницы, фасад и план подвала, а также план водоканалки. В оформлении чертежа применялась черная тушь и цветная акварель. Здание состоит из одного объема, внутреннее пространство которого разделено функционально на следующие помещения: комната для контрольного снаряда, манеж для конного привода, заторное, квасильное, перегонное и сливное отделения. Стены здания срубной конструкции. Поперечные стены-перегородки выступали торцами на главном фасаде, отражая конструктивно-планировочную структуру. Над кровлей здания устроена смотровая площадка.

Устройство рассмотренных винокуренных заводов интересно технологией добычи и подачи воды, а также способом производства вина. Новые технические усовершенствования исключали необходимость в устройстве трудоемких инженерных сооружений, такие как, например, плотины.

Опубликованный автором ранее другой пример первых в Енисейской губернии проектов малых производственных объектов, выполненных в каменных материалах, является «Проект каменного водочного завода и оптового склада Нижнеудинского 2-й гильдии купца Спиридона Философовича Васильева во 2-й части г. Красноярска по Воскресенской / Большой/ улице», составленный в 1883 г. (ил. 7), [Латышева, Царёв, 2012, с. 49]. Автором проекта был, вероятно, известный российский зодчий XIX в., инженер-архитектор М.Ю. Арнольд, исполнявший в 1883 г. должность красноярского городского архитектора.

По проекту строительство завода предполагалось на усадьбе, принадлежавшей купцу С.Ф. Васильеву,

на которой уже находился двухэтажный каменный дом, стоявший на главной улице города. Городские власти, рассматривая прошение купца, отмечали необходимость отвода специальных мест «для устройства водочных заводов и оптовых складов для вина и спирта», но отсутствие в тот период утвержденных правил «о питейной торговле» и применение каменных материалов позволило властям принять решение о разрешении постройки завода на городской усадьбе. Производственные функции объекта отражены в его архитектурном облике сравнительно слабо, главным образом в сдержанном декоре фасада. Проект водочного завода и оптового склада был утвержден, вероятно, в строительном отделении Енисейского губернского правления (образованы в 1865 г.) и осуществлен в постройке, что запечатлено на старых фотографиях Красноярска [Там же].

Изучение графических документов позволило выявить общие особенности зданий и сооружений, необходимые для дальнейшего изучения промышленных производств. Отличительной чертой проектов являлась архитектурно-планировочная целесообразность их решений, выражавшаяся в простоте конструкций и четкости планировки зданий, что способствовало обеспечению безопасности производственных процессов. Характерной особенностью для архитектуры предприятий Енисейской губернии можно считать сравнительно небольшие размеры промышленных сооружений. Проведенный анализ градостроительного размещения промышленных предприятий позволяет утверждать, что мелкие частные заводы располагались преимущественно в городских жилых кварталах; более крупные выносились на окраину селитебной территории. Развитие различных сфер жизнедеятельности привело к увеличению количества типов и видов промышленных зданий в Енисейской губернии XIX в.

Список литературы

1. Градостроительство Сибири / В.Т. Горбачёв, Н.Н. Крадин, Н.П. Крадин, В.И. Крушлинский, Т.М. Степанская, В.И. Царёв. — СПб.: Коло, 2011. — 784 с.
2. Кривошапкин М.Ф. Енисейский округ и его жизнь

/ Изд. Имп. Рус. геогр. о-ва на иждивении В.А. Кокорева. — СПб.: Тип. В. Безобразова и Комп., 1865. — 378 с.

3. Латышева К.Г., Царев В.И. Особенности проектирования малых заводов Енисейской губернии в XIX веке // Вестн. Том. гос. архит.-строит. ун-та. — 2012 — № 4 (37). — С. 44—56.

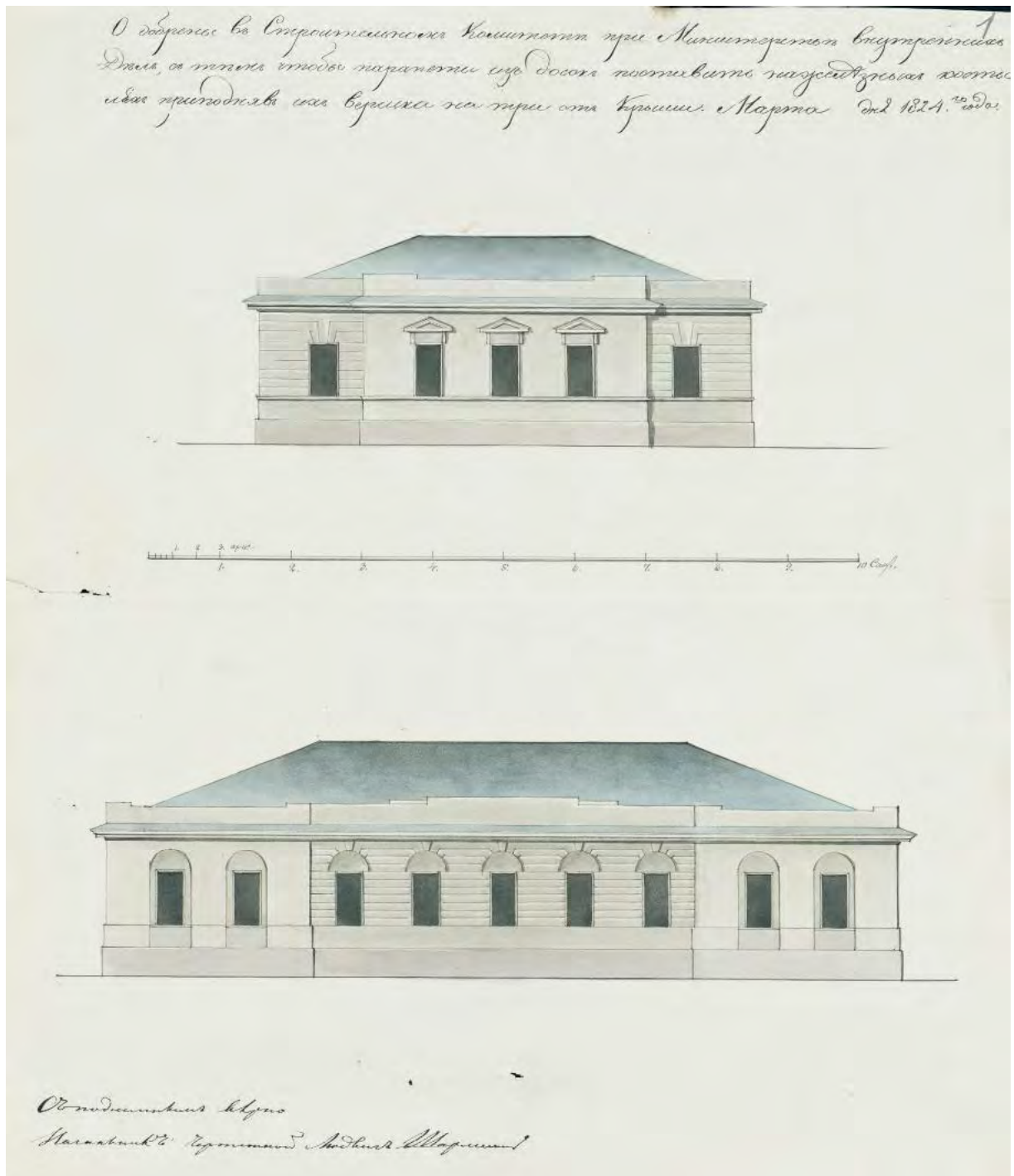
4. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. — СПб: Тип. Иосафата Огризко, 1863. — 350 с.

5. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года, составленные Статским советником И. Пестовым. — М.: Унив. тип., 1833. — 298 с.

6. Степанов А.П. Енисейская губерния: в 2 ч. — СПб.: Тип. Конрада Вингебера, 1835. — 364 с.

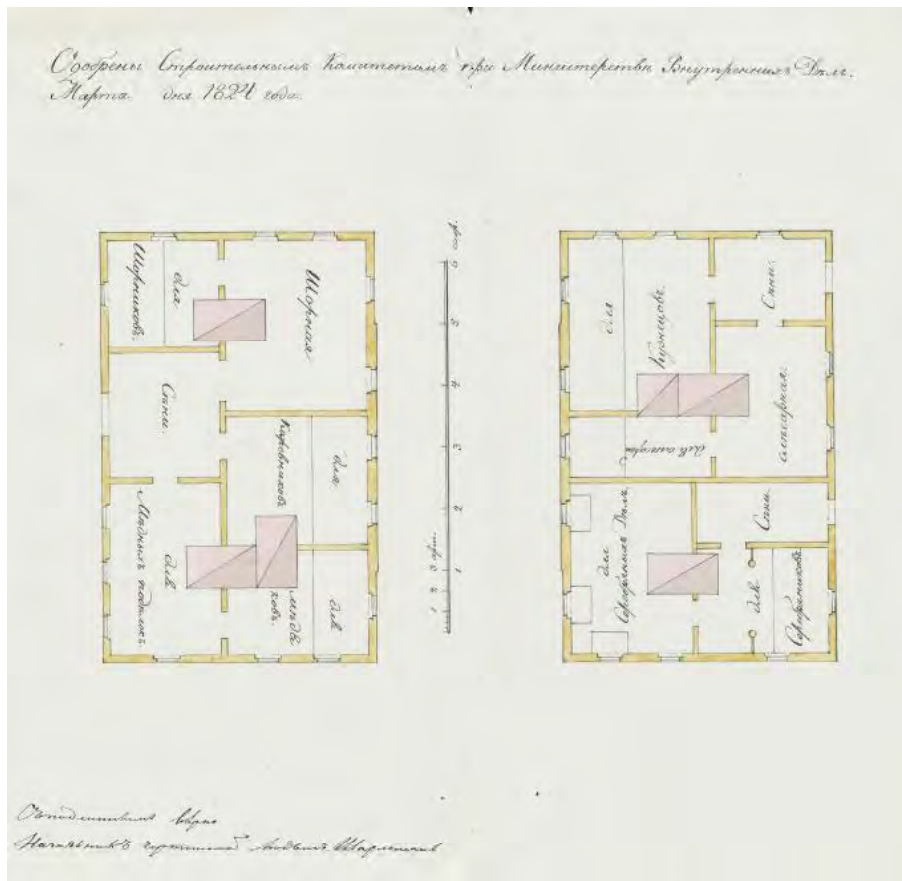
Список источников

1. ГАКК. Ф. 161. Оп. 1. Д. 660. Планы и купчие крепости на постройки зданий. 1883 г.
2. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 279. Предписание Енисейского губернатора о развитии в городе Красноярске мануфактурной промышленности. 1835 г.
3. ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1777. О постройке деревянных мастерских и амбара при Енисейском внутреннем гарнизонном батальоне в городе Красноярске Енисейской губернии. 1854—1858 гг.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 1. Дело по прошению Титулярной советнице Коноваловой, о дозволении построить завод для делания стекла. 1823 г.
5. ГАКК. Ф. 595. Оп. 19. Д. 841. Дело Енисейского общего губернского управления. О фабриках и заводах по Енисейской губернии за 1879 год. 1879 г.
6. МКМ. Архив. Оп. 1. Д. 189.
7. МКУ АМ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 20. Фонд Минусинского управления земледелия и государственных имуществ.
8. МКУ АМ. Ф. 54. Оп. 2. Д. 12. По делу стеклозавода Г. Гусевой. 1877 г.
9. МКУ АМ. Ф. Р-1121. Оп. 1. Владимирский №22 винокурный завод (бывший Колобовых). 1919—1921 гг.
10. РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182.

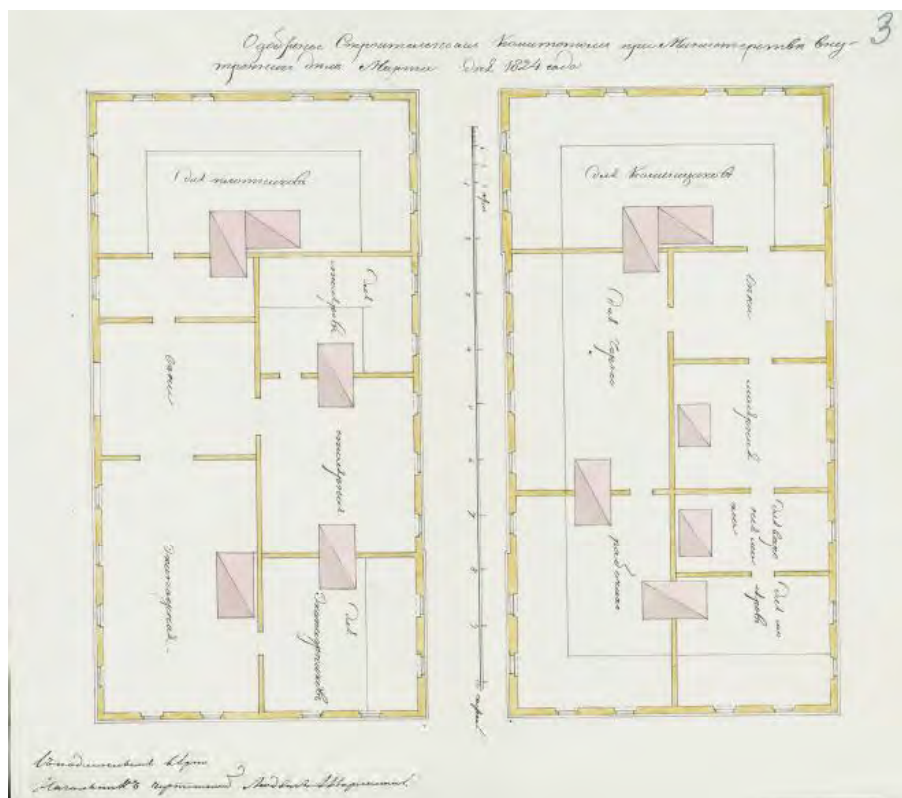

Ил. 1. Проект деревянного рабочего дома в г. Красноярске. Главные фасады. 1824 г.
[РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 1]

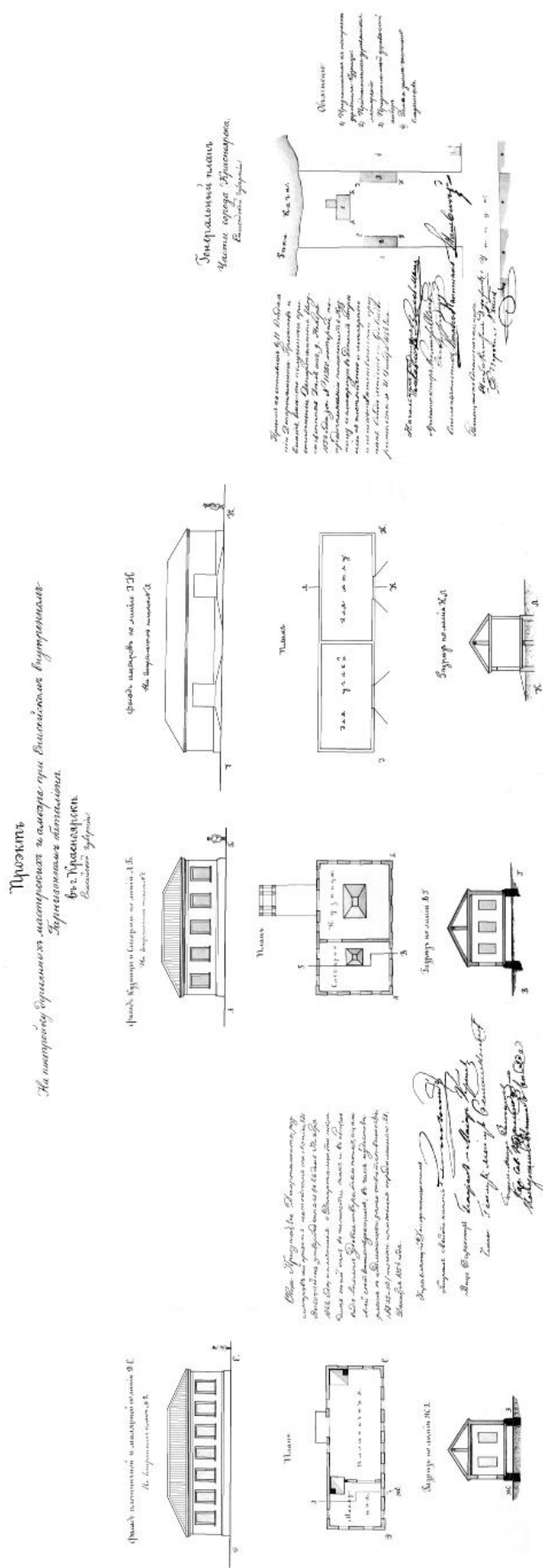

Ил. 2. Проект деревянного рабочего дома в г. Красноярске.
Планы. 1824 г. [РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 2]

Ил. 3. Проект деревянного рабочего дома в г. Красноярске.
Планы. 1824 г. [РГИА. Ф. 1488. Оп. 3. Д. 1182. Л. 3]

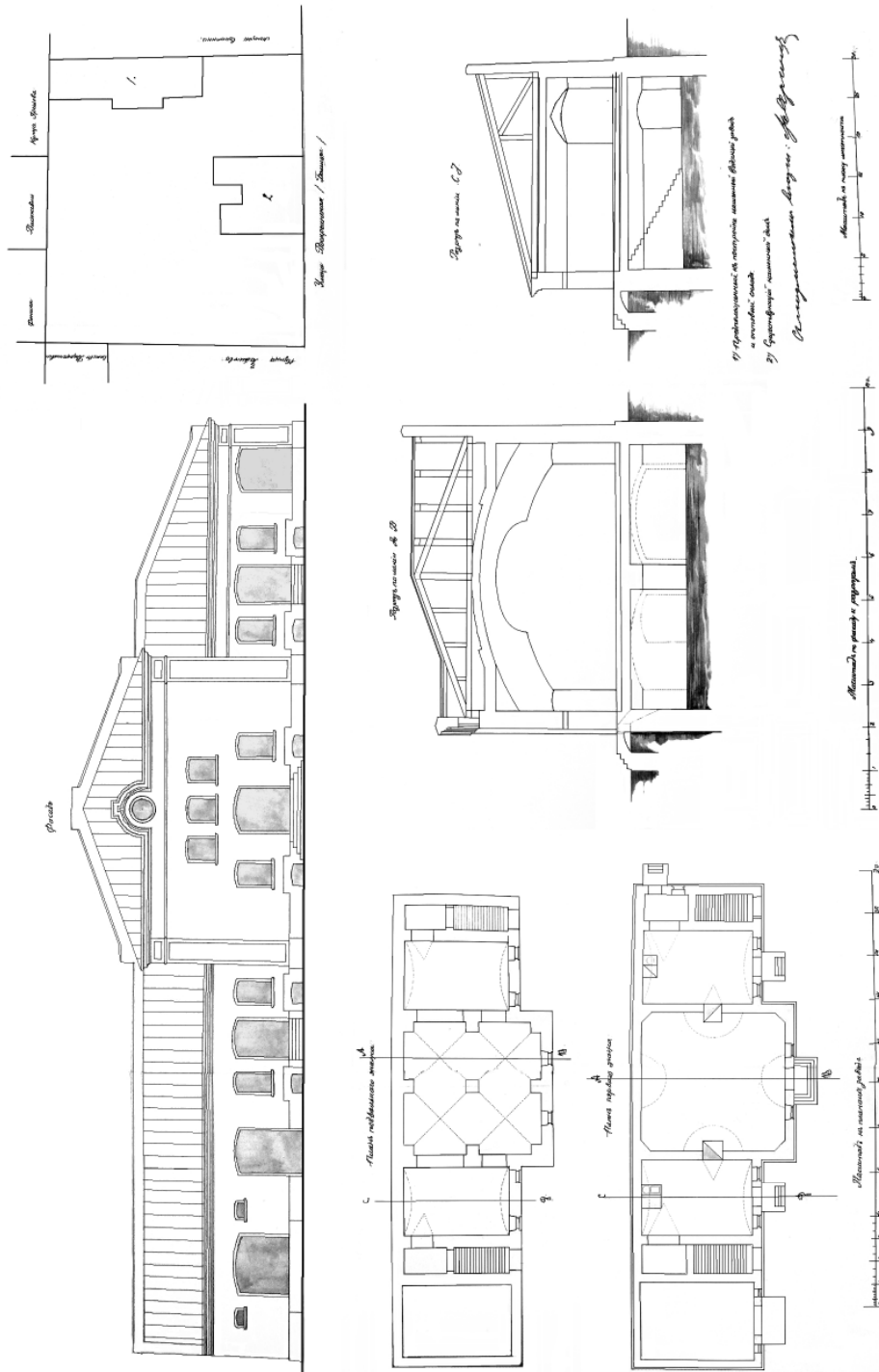

Ил. 4. Проект на постройку деревянных мастерских и амбара при Енисейском внутреннем батальоне в городе Красноярске Енисейской губернии. Составил старший чертежник Егоров. Чертил кондуктор Тимофеев. 1854 г. [ГАКК. Ф. 173. Оп. 1. Д. 1777. Л. 138]

Проект каменного водочного завода и оптового склада 2-й гильдии купца Спиридона Философовича Васильева, во 2-й части 5-й братской по Александровск. / Звонки / 1909.

Ил. 7. Проект каменного водочного завода и оптового склада 2-й гильдии купца Спиридона Философовича Васильева во 2-й части г. Красноярска по Воскресенской / Большой / улице. Инженер-архитектор М.Ю. Арнольд (?), 1883 г. [ГАКК, Ф. 161, Оп. 1, Д. 660, Л. 38]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10074
УДК: 63.3 (2P5)

Н.А. Минина
Новосибирский государственный краеведческий музей
mi.nata.12@yandex.ru

Новый взгляд на историю Новониколаевска и его место в урбанизационном процессе в России

Аннотация

История Новониколаевска неизменно привлекает большое внимание и в то же время не вполне осмыслена современниками. Очевидно, что для формирования адекватного образа города должно измениться состояние источниковой и методологической базы. Новые факты из истории города, в том числе градостроительной истории, дают основание для пересмотра некоторых устоявшихся выводов и идей. Современные подходы в изучении городов позволяют выделить особые черты Новониколаевска как города нового типа, образованного в период активной урбанизации в России. По сравнению с другими, старыми и новыми городами Сибири, Новониколаевск представлял собой иной тип города — большой город. В статье приводятся факты, которые характеризуют Новониколаевск как новый тип города, ставший феноменом в российской истории.

Ключевые слова: Новониколаевск, большой город, урбанизация, землеустройство, планировка города

N.A. Minina
The Novosibirsk State Museum of History and Nature
mi.nata.12@yandex.ru

A Fresh Approach to the History of Novonikolayevsk and Its Place in the Urbanization Process in Russia

Abstract

The history of Novonikolayevsk constantly attracts much attention, and at the same time is not fully understood by contemporaries. In order to form an adequate image of the city, it is obvious that the state of the source database and methodological one must change. New facts from the history of the city, including urban history, give reason for revising some established conclusions and concepts. Modern approaches to the study of cities make it possible to single out the special features of Novonikolayevsk as a new type of city formed during the period of active urbanization in Russia. In comparison with other old and new cities in Siberia, Novonikolayevsk was a different type of city - a big city. The article outlines the facts that characterize Novonikolayevsk as a new type of city, which has become a phenomenon in Russian history.

Key words: Novonikolayevsk, metropolis, urbanization, land management, city planning.

История городов, в том числе сибирских, давно и успешно исследуется в рамках исторической урбанистики. Обширная историография показывает, что Новосибирск от этого процесса отстает — по крайней мере, как местные, так и другие сибирские исследователи дореволюционную историю нашего города пока не помещают в общероссийский контекст. Актуальным в изучении Новониколаевска остается историко-архитектурный подход, когда исследовательский интерес концентрируется на застройке города.

В 2001 г. вышло в свет фундаментальное исследование НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства Российской академии архитектуры и строительных наук «Градостроительство России середины XIX — начала XX века», в котором авторы представили анализ урбанизационного процесса в России в пореформенный период. Со второй поло-

вины XIX в. происходил неуклонный рост российских городов и городского населения: если в середине XIX в. горожане составляют всего 7,8% населения, в 1897 г. — 12,3%, то в 1917 г. — уже 27%. В России даже в начале XX в. преобладал малый город: в 80% из общего количества городов (865) проживали от 1 до 20 тыс. человек. Абсолютное преобладание малых городов было характерно как для центра страны, так и Сибири. Одновременно растут крупные города и появляются термины — большой и малый город, характеризующие не столько размеры, сколько тип города. Это был общемировой процесс, связанный с промышленным переворотом. Промышленный переворот изменил сам механизм горообразования: города в это время возникают и развиваются естественно, в соответствии с собственными внутренними стимулами развития, а в доиндустриальный период города часто «назначались» [Градостроительство

России., 2001, с. 27].

Таким «естественно возникшим» городом был Новониколаевск. Какое место он занимал в общероссийском урбанизационном процессе? Авторы исследования дают неожиданный и одновременно очевидный ответ: «Только на исходе существования Российской империи в Сибири появился город, по принятым во всем мире нормам могущий быть причисленным к числу больших городов — это Новониколаевск» [Там же, с. 24]. То есть Новониколаевск был единственным большим городом из новых городов, в том числе образовавшихся в результате строительства Сибирской железной дороги. В это время среди старых городских центров большие города не были редкостью. Например, население Санкт-Петербурга с пригородами с 1900 по 1910 г. увеличилось на 466 тыс., Москвы — на 300 тыс., Тифлиса — почти вдвое с 1897 по 1910 г. — на 145 тыс. [РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 697. Л. 92 об.]. Новониколаевск, благодаря комплексу известных факторов, сразу оказался городом иного порядка, и этот факт был осознан еще современниками. В 1912 г. на собрании Императорского русского технического общества, посвященном развитию холодильного дела в России, был отмечен рост Новониколаевска: «...С американской быстротой растут города Сибири. Не только Томск и Иркутск, но даже такие совершенно незначительные города, как Курган, Тюмень, Барнаул, представляют из себя в настоящее время большие торговые центры, а Новониколаевск, бывший еще недавно селом, соперничает уже с Томском. Все более крупные станции Великого Сибирского пути обращаются постепенно в городские поселения, а некоторые из них уже в ближайшее время предположено превратить в уездные города» [РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 697. Л. 93]. В историографии обнаруживается и другое отношение современников. В 1908 г. вышла в свет статья Г.Н. Потанина «Города Сибири», в которой о Новониколаевске не сказано ни слова, как будто его не было вовсе [Потанин, 1908].

Большой город имеет свои особенности — качественные отличия от города малого. Малые города сохраняли патриархальный облик, быт, привычные функции. Большие города — это не просто города с большим населением, за ними стоят существенные структурно-планировочные и функциональные особенности. Рассмотрим некоторые особенности на примере Новониколаевска.

1. Большой город сливается с пригородом в единое социально-экономическое целое.

Прежде всего нужно определиться с площадью городских земель, принадлежавших Новониколаевску. В историографии с давних времен сложилась традиция считать дореволюционный Новосибирск крайне мелким — так, в книге Л.М. Горюшкина указывается, что город находился на территории 15 кв. км [Горюшкин и др., 1978, с. 12]. К сожалению, до сих пор выводы о «малоземелье» Новониколаевска встречаются в современных исследованиях, в том числе сибирских урбанистов [Города Западной Сибири., 2003, с. 217]. Очевидно, при оценке размеров города имелась в виду только селитебная территория, но историки не принимали во внимание наличие у города обширных земель, с которыми его площадь составляла порядка 80 кв. км (ил. 1). Такую

площадь город занял в результате землеустройства, завершившегося в целом в 1907 г. [Минина, 2016]. Городские земли, лежащие за пределами селитьбы города, будет правильно назвать пригородом. Почти половину пригорода составлял полученный еще в 1904 г. городской выгон; в состав пригорода входили пристани, земли промышленного назначения и часть лесной дачи в северном направлении — этой территории городу было вполне достаточно для успешного развития, в том числе для роста селитьбы.

Д.С. Дегтярев, исследовавший пространственное развитие городов Западной Сибири, внешней границей пригорода считает собственно границу городских земель, за которой начинаются земли окрестных селений. По мнению историка, в Новониколаевске сразу формировался пригород индустриального типа, в отличие от пригородов Томска или Барнаула, где много времени ушло на трансформацию старых форм и конструкций в новые [Дегтярев, 2012, с. 17]. Пригород Новониколаевска играл огромную экономическую роль: здесь сложился крупнейший в Томской губернии комплекс промышленных площадок — Приобский промышленный узел, занимавший территорию от Обского моста до Большой Ельцовки. Формирование этой промзоны началось со строительства промышленных и транспортных объектов Сибирской железной дороги, а с 1900 г. здесь располагались производства частных предпринимателей. Подчеркнем, что складывание промышленной территории отнюдь не носило «стихийный» характер, как принято считать: земельные участки целенаправленно предоставлялись Кабинетом под промышленную застройку, а после 1907 г. эту практику продолжил город. Выгодное местоположение привлекло сюда и государственные объекты, такие как винный склад Министерства финансов и сахарный завод Военного ведомства, а также лесопильный завод Кабинета, основанный еще Сибирской железной дорогой. Главной составляющей Новониколаевской промзоны являлась Сосновая дача — будущая ул. Фабричная, распланированная Кабинетом в 1903 г. [Минина, 2017].

Экономическое влияние Новониколаевска выходило далеко за пределы пригорода в его историческом понимании. Благодаря своему выгодному экономико-географическому положению Новониколаевск являлся центром окружающих его экономических областей, и это требовало адекватных изменений его административного статуса. Еще в 1903 г. томский губернатор предлагал создать Новониколаевский уезд: «...для уезда образовался устойчивый административный центр — поселок Новониколаевский, который около 10 лет тому назад возник в самой середине Томской губернии». В проектируемый уезд предполагалось включить 19 волостей, в том числе Бердскую, Ордынскую, Кривошековскую, Чаусскую. Как отмечал губернатор, уезд уступает по своей величине, но играет «весьма важное значение в торгово-промышленном отношении», а население его составляет более 300 тыс. человек [ГАТО. Ф.3. Оп. 12. Д. 778. Л. 1—3]. Однако уезд был создан лишь в 1917 г., уже при Временном правительстве.

Социально-экономическое влияние города на окрестную территорию требует развитых коммуникаций, прежде всего наличия дорог. Для Новони-

колаевска эта была серьезная проблема: начиная с 1902 г. планировалось строительство грунтовой дороги до села Бердского по правому берегу Оби, но стройка постоянно откладывалась в виду высокой стоимости [ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2698. Л. 1—5]. Городское управление хорошо представляло себе значение города как экономического центра, поэтому сделало все, чтобы Алтайская железная дорога прошла через Новониколаевск, превратив город в настоящий транспортный узел. Но, одержав победу в строительстве железной дороги, город не смог отстоять строительство сельхозинститута и проиграл Омску, но и в Омске вуз был открыт лишь в феврале 1918 г. усилиями интеллигенции, без помощи государства [Слабодцкий, Чернявская, 2015, с. 82—83].

Кроме экономического значения, пригород в больших городах играет роль места отдыха горожан, поэтому вокруг города появляются дачные поселки. Строительство дач и формирование дачной территории в Новониколаевске относится, очевидно, к периоду после 1907 г., когда город получил в собственность Ельцовское междуречье. К сожалению, отрывочность источников по этому вопросу не позволяет судить даже о количестве городских дач и их владельцах — пожалуй, единственным источником являются планы города, начиная с 1909 г. [ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 221. Л. 50]. Тем не менее дачное строительство — это признак зрелого города, и в этом молодой Новониколаевск не отставал от Томска или Барнаула.

2. Уплотнение застройки исторического ядра, интенсификация строительства в пределах городской черты.

В этой характеристике авторы указанного исследования отмечают, что в большом городе «исчезают пустыри и сады, характерные для русского дореформенного города» [Градостроительство России..., 2001, с. 25]. В Новониколаевске, как новом городе, не сложилось такого понятия, как «историческое ядро», но в нем быстро оформился центр и окраины. В целом городская застройка Новониколаевска хорошо изучена, но неоднократно подвергалась не вполне обоснованной критике. «Новониколаевск не имел выраженного городского облика и представлял распластавшуюся на обширных пространствах массу мелких деревянных строений...» [Оглы, 1991, с. 10]. Историки часто подчеркивают крестьянские традиции в застройке города. Влияние крестьянских традиций нельзя сбрасывать со счетов, но факты говорят о том, что планировочная система Новониколаевска имела четкую структуру. Исходной позицией в анализе городской застройки является тот факт, что его территория была целенаправленно распланирована администрацией Алтайского округа в 1894—1896 гг., что исключало так называемое стихийное развитие. Молодой город унаследовал от Алтайского округа архаичную ортогональную планировку, восходящую к традициям XVIII в., в то время как русские города Харбин, Дальний и Порт-Артур, построенные, как и наш город, на железной дороге, испытали на себе градостроительную новацию — планировку по типу городов-садов [Градостроительство России..., 2010, с. 551].

3. Центр большого города из административно-торгового превращается в торгово-деловой и куль-

турно-просветительный.

Ярким примером является трансформация Старобазарной площади: в 1910 г. городские власти вывели ее территорию из разряда торговых в усадебные для строительства здания реального училища, считая, что «площадь утратила свое торговое значение», но, являясь центральным местом, более подходит для строительства здания реального училища, которое обещает быть украшением города [ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1392. Л. 1—13]. В дальнейшем рядом с училищем была открыта детская спортивная площадка, а через некоторое время остатки базарной площади отданы под строительство первого театрального здания города — Народного дома [ГАНУ. Д-97. Оп. 1, Д. 98, Л. 4—18]. Этот же процесс был запущен на Новобазарной площади (ныне пл. Ленина), когда на месте торгового помещения в 1908 г. Ф.Ф. Махотиным был открыт первый кинотеатр, а позже рядом с ним был построен еще один — «Гигант». Со временем эту огромную торговую площадь ожидала трансформация в сторону административно-делового и культурного назначения, но до революции этот процесс только начался.

Таким образом, характеристика Новониколаевска как города нового типа — большого города — выделяет его особенные черты среди других городов нашей страны. На наш взгляд, это достойное место для города, за короткий временной период достигшего значительных успехов в своем развитии. В возникновении торгово-промышленных городов на рубеже веков роль государства была минимальной, и история Новониколаевска служит ярким тому примером. Город не планировался, но в результате благоприятных факторов, главным из которых было чрезвычайно выгодное экономико-географическое положение, стал равным среди крупных старых городских центров Сибири. Надеемся, что изложенный в статье подход к истории Новониколаевска позволит обнаружить то общее свойство, «генетический код», присущий Новосибирску с момента его появления и до настоящего времени.

Список литературы

1. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А, Цепляев Л.Н. Новосибирск в историческом прошлом: конец XIX — начала XX в. — Новосибирск: Наука, 1978. — 294 с.
2. Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — Кн. 1. Общая характеристика и теоретические проблемы. — 340 с.
3. Градостроительство России середины XIX — начала XX века. — М.: Прогресс-Традиция, 2010. — Кн. 3. Столицы и провинция. — 616 с.
4. Дегтярев Д.С. Пригородные зоны городов Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. — Барнаул: Азбука, 2012. — 176 с.
5. Минина Н.А. Выкуп кабинетских земель — завершающий этап землеустройства Новониколаевска // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2016. — № 412. — С. 78—83.
6. Минина Н.А. Торгово-промышленное развитие Новониколаевска в 1893—1903 гг. // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие: материалы 2-й Всерос. науч. конф. — Томск: Изд-во Том. гос.

архит.-строит. ун-та, 2017. — С. 143—152.

7. Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1991. — 120 с.

8. Потанин Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды. — СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1908. — С. 235—259.

9. Слабодцкий В.В., Чернявская Н.К. Омский сельскохозяйственный институт: как все начиналось // Вестн. Ом. гос. аграр. ун-та. — 2015. — № 3. — С. 75—83.

10. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. — Ч. 1. Население. Экономика. — 360 с.

Список источников

1. РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 697.

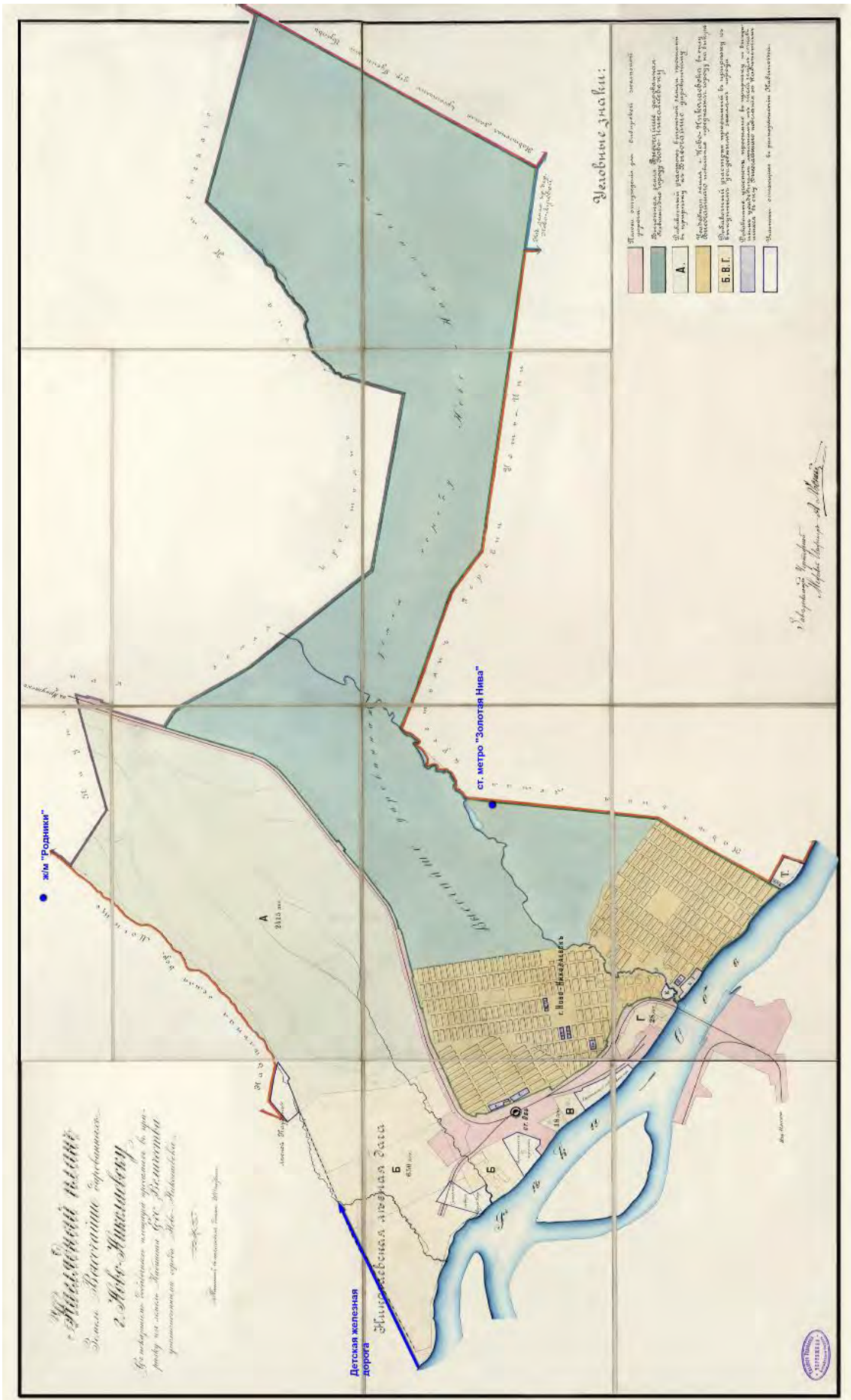
2. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2698.

3. ГАНО. Д-97. Оп. 1. Д. 98.

4. ГАТО. Ф. 3. Оп. 41. Д. 1392.

5. ГАТО. Ф. 196. Оп. 4. Д. 221.

6. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 778.

Ил. 1. План-схема земель Новониколаевска, полученных в собственность города по указу 18 февраля 1907 г., относительно современных объектов города. Составлено по: [РГА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 438. Л. 40]

Л.К. Островский
Новосибирский государственный архитектурно-
строительный университет (Сибстрин) (Новосибирск)
leo-ostrovskij@yandex.ru

Вклад поляков в развитие строительства и архитектуры Западной Сибири в конце XIX — начале XX века

Аннотация

Объектом исследования являются представители польской диаспоры, их вклад в развитие строительной отрасли и архитектуры Западной Сибири. Актуальность данного исследования связана с возросшей ролью диаспор в жизни современного общества, поэтому в последние годы ученые большое внимание уделяют изучению данного явления. История поляков в Западной Сибири является частью истории России. В настоящее время изучение российской истории, в том числе и истории Сибири, невозможно представить без рассмотрения роли польской диаспоры в хозяйственном освоении Сибири, роли поляков в общественной жизни края, в развитии его культуры. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в отечественной историографии предпринята попытка исследования вклада поляков, проживавших в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в., в развитие строительства и архитектуры. В научный оборот вводятся новые источники, показывающие участие поляков в развитии строительства и архитектуры края. Особая роль в формировании архитектурного облика городов Западной Сибири принадлежит архитекторам Ивану Носовичу, Викентию Оржешко и Станиславу Хомичу. Поляки принимали участие в работе «Первого Западно-Сибирского товарищества извести и портландцемента», сыгравшего большую роль в создании местной цементной промышленности.

Ключевые слова: поляки, строительство и архитектура, Западная Сибирь, конец XIX — начало XX века

L.K. Ostrovsky
*Novosibirsk State University of Architecture
and Civil Engineering (Sibstrin)*
(Novosibirsk)
leo-ostrovskij@yandex.ru

The Poles Contribution to Developing of Building Industry and Architecture in the West Siberia in the Late 19th – Early 20th Centuries

Abstract

The study object is the Polish diaspora representatives, their contribution to developing the construction industry and architecture of West Siberia. The research relevance is related to raising the diasporas' role in the modern society life, so scientists have paid much attention to investigating this phenomenon during recent years. The Poles history in West Siberia is a part of Russian history. Russian history, including the history of Siberia, is impossible without Polish diaspora contribution in the Siberian economic development, the Poles role in regional public life, and the culture development. A special role in the formation the architectural image of West Siberian cities belongs to architects Ivan Nosovich, Vikenty Orzheshko, and Stanislav Khomich. The Poles participated in the «First West-Siberian partnership of lime and portland cement», which played a significant role in creating the local cement industry.

Key words: The Poles, building and architecture, West Siberia, the late 19th — early 20th centuries

Актуальность данной работы обусловлена возросшим научным интересом к такому явлению, как диаспора, в котором этничность является одной из главных составляющих. Актуальность темы исследования продиктована важностью российско-польских отношений XIX — начала XX в. в истории обеих стран. В Сибири особенно остро чувствовалась нехватка специалистов: врачей, педагогов, научных

работников, архитекторов и инженеров. Поэтому большое значение имела деятельность на этом поприще поляков, добровольно переселившихся в Сибирь, политических ссыльных и их потомков. Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в отечественной историографии предпринята попытка исследования вклада поляков, проживавших в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в.,

в развитие строительства и архитектуры. В научный оборот вводятся новые источники, показывающие участие поляков в развитии строительства и архитектуры края.

В конце XIX — начале XX в. Сибирь относилась к территориям с быстро растущей экономикой. С другой стороны, социально-экономическое развитие Сибири отличалось большим своеобразием. К началу XX в., несмотря на быстрый рост городов в Сибири, в силу слабого развития промышленности они являлись преимущественно торговыми центрами.

По данным переписи 1897 г. ремонтом, содержанием жилищ и строительными работами в Томской губернии было занято 92 поляка, что вместе с членами семьи составляло 2% польского населения губернии. В Тобольской губернии данным видом деятельности было занято также 92 человека, вместе с членами семьи — 154 человека, или 2,7% польского населения губернии [Первая Всеобщая..., 1904, с. 152—153; Первая Всеобщая..., 1905, с. 156].

Строительство являлось важной частью сибирского хозяйства. Строились железные, грунтовые, шоссейные дороги, промышленные предприятия, обустроивались переселенческие участки; втрое вырос жилой фонд городов. Все это требовало большого количества леса, и лесозаготовки из крестьянского промысла становились предметом предпринимательства казны и частных лиц [Зиновьев, 2007, с. 46]. Так, например, купец 2-й гильдии, повстанец 1863 г. Ян Андреевич Печокас в 1898—1901 гг. вел в Тобольске торговлю лесом. Печокас происходил из дворян Сувалкской губернии. Умер Ян Печокас в Тобольске 10 июля 1913 г. в возрасте 83 лет [ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 15. Д. 725. Л. 116 об.]. Затем торговлей начали заниматься сыновья Печокаса Александр, Константин и Петр.

Как отмечал Сибирский торгово-промышленный ежегодник, в начале XX в. быстро рос город Омск, где «появляются красивые каменные здания» [Сибирский торгово-промышленный..., 1913, с. 299], и свою лепту в это развитие внес Александр Янович Печокас. Он родился в Тобольске в 1875 г., а с 1900 г. работал в Омске в качестве строительного подрядчика и одновременно являлся действительным членом Польского благотворительного римско-католического общества [ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 168. Л. 14]. В 1911—1916 гг. А.Я. Печокас вел в Омске торговлю цементом, известью и другими строительными материалами и заведовал складом, с которого шла торговля каменным углем Судженских копей. Угольный склад находился на левом берегу Иртыша в доме Саметника [ГАНУ. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 168. Л. 93.].

В Тобольске в 1912—1915 гг. существовала торговая фирма «Печокас Мария Семеновна и Константин Иванович». Мария Семеновна Печокас, в девичестве Антонович, происходила из мещан города Тобольска. Семья Печокас в 1905—1913 гг. владела в Тобольске паровым лесопильным заводом, которым заведовал Константин Печокас. В Сибири все лесопильные предприятия являлись фабриками и были оснащены паровыми двигателями [Рабинович, 1975, с. 90].

Семья Печокас стремилась оказать помощь католическому приходу Тобольска. Так, братья Петр и Константин Печокасы принимали участие в стро-

ительстве плетения при католическом костеле [Masiarz, 1999, с. 168].

В начале XX в. владельцы томской строительнотехнической конторы инженеры Цезарий Цезаревич Любинский и Эдвард Иосифович Веккер впервые в городе стали применять железобетонные конструкции в строительстве, например при возведении здания университетской библиотеки. Фирма «Ц. Любинский и Э. Веккер» существовала в Томске с середины 1900-х гг. Эдуард Веккер приехал в Сибирь в 1905 г. и вместе с женой Клотильдой принимал активное участие в жизни польской колонии Томска [Поляки в Томске..., 2015, с. 75].

Предприятие Любинского и Веккера выполняло также работы по проведению водопровода и канализации. В 1911—1912 гг. в Томске было построено здание ломбарда. Железобетонные перекрытия здания были спроектированы и установлены фирмой «Ц. Любинский и Э. Веккер». Эта же организация проектировала и возводила железобетонные перекрытия в здании Сибирского торгового банка и мельницу для торгового дома «Е. Кухтерин и С-я». Инженеры фирмы выполнили несколько заказов для «Первого Западно-Сибирского товарищества извести и портландцемента» [Залесов, 2004, с. 136]. Самым известным сооружением общества «Ц. Любинский и Э. Веккер» является железобетонный Думский мост через р. Ушайку, построенный в 1915—1916 гг. [Скворцов, 1999, с. 64].

Строительство Сибирской железной дороги потребовало создания местной цементной промышленности, так как привозной цемент был слишком дорог. Яшкинский цементный завод начал работу в 1913 г. Предтечей цементного завода считается завод известковый [Семка, 1987, с. 146—147]. 28 июля 1911 г. в Томске был зарегистрирован договор «Первого Западно-Сибирского товарищества извести и портландцемента» [Семка, 1987, с. 149].

Кроме инженера З.М. Джурича и «ковровского мещанина» М.Г. Головина, основателями товарищества были рудничный инженер Цезарий Цезариевич Любинский, инженер-технолог Владислав Осипович Веккер, инженер-механик Густав Осипович Веккер, инженер-технолог Эдуард Осипович Веккер и Мария Юлиановна Любинская — жена Ц. Любинского. Однако М. Любинская не являлась вкладчицей. Все вышеназванные, кроме Любинской, являлись «полными товарищами с неограниченной ответственностью». Товарищество ставило целью производство извести, портланд-цемента, огнеупорных строительных материалов и торговлю ими [ГАНУ. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 19].

Для ведения дел товарищества избиралось правление. Главное управление организации находилось в Томске. Общее наблюдение за ходом дел принадлежало как полным товарищам, так и вкладчикам, которые собирались на общие и экстренные собрания [ГАНУ. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 20—20 об.]. Главную роль в товариществе во время организации играли Джурич и Головин. Среди получателей цемента с Яшкинского завода значится «Товарищество инженеров Ц.Ц. Любинский и Э.О. Веккер», которое занималось производством строительных работ в Томске и Новониколаевске. В Новониколаевске этим товариществом в 1913 г. построен туннель-путепро-

вод из монолитных железобетонных конструкций под линией железной дороги, служащий транспортным путем из прибрежной части города к центру [Семка, 1987, с. 150].

Состав товарищества был пестрый, в том числе он включал «свободного художника» Берту Семеновну Коварскую. Любинский привлек в товарищество брата Владислава Любинского и сестру Марию Цезариевну Вегнерович. Кроме трех братьев Веккер и их отца, доктора Осипа Альбиновича Веккера, в организацию входила и жена одного из братьев, Мария Людвиговна Веккер [Семка, 1987, с. 157].

Яшкинский завод занял монопольное положение за Уралом, так как цементное производство в Сибири было развито слабо: здесь существовало всего несколько цементных заводов. Цемент в 1914—1915 гг. предприятие поставляло в Томск, Новониколаевск, Омск, Барнаул, Красноярск, Читку и Иркутск, крупнейшим потребителем продукции являлась железная дорога [ГАНУ. Ф. Д. 84. Оп. 1. Д. 1. Л. 94 об.].

Поляки, по нашим данным, составляли более 27% пайщиков «Первого Западно-Сибирского товарищества извести и портландцемента». В 1914 г. управляющим цементным заводом был А.А. Тржецяк, которому было выдано добавочное вознаграждение «за усиленные труды по развитию завода и инструктированию новых служащих и мастеров по производству взамен призванных на войну в 1914 г.» [ГАНУ. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 61 об.—62].

За 1916 г. предприятие продало 140 344 бочки цемента и 518 598 бочек извести. Однако в отчете за период с 1 января по 1 декабря 1916 г. отмечалось, что вследствие «слабой подачи вагонов под нагрузку, отправка наших фабрикатов значительно сократилась и отправка цемента производилась преимущественно Кольчугинской железной дороге» [ГАНУ. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 85]. В 1917 г. предприятие начинает испытывать трудности. В докладе правления общему собранию 21 января 1917 г. отмечалось, что «массового ухода рабочих не предвидится, так как большинство рабочих состоит из военнообязанных, получивших отсрочку призыва, и военнообязанных инородцев». Однако далее отмечалось, что предприятие не может рассчитывать «на громадный спрос цемента в 1917 г.», так как «частное строительство совершенно прекратилось» [ГАНУ. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 100 об.—101].

На собрании пайщиков 28 декабря 1917 г. отмечалось, что задержка в исполнении заказов происходит вследствие полного расстройтва железнодорожного транспорта. С 27 октября в сторону запада не было отправлено ни одного вагона цемента. Обострился продовольственный вопрос. По сравнению с городом Томском, для пропитания служащих, рабочих и их семей имелось достаточное количество хлеба, мяса, сала и масла. Однако в докладе отмечалось, что дальнейшее заготовление продовольствия в связи с расстройством железнодорожного транспорта станет невозможным и делался вывод о неизбежной остановке заводов [ГАНУ. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1. Л. 128 об.—129]. Что касается дальнейшей судьбы предприятия, то 11 февраля 1920 г. известковый и цементный заводы были национализированы советской властью [Семка, 1987, с. 149].

Большую роль сыграли представители польской

диаспоры в развитии архитектуры городов Томской губернии. Государственная архитектурно-строительная служба в Томской губернии, в которой работало немало поляков, в конце XIX — начале XX в. была представлена строительной и дорожной комиссией (1859—1886 гг.), а в 1886—1917 гг. — строительным отделением. Из 103 архитекторов, которые работали в Томске в XIX — начале XX в., поляков насчитывалось 12 человек (11,6%) [Залесов, 2004, с. 95—136]. Среди них: И. Буковецкий, Н. Збаржевский, П. Наранович, К. Заранек, А. Сабек, В. Сухоровский, Б. Тарчух [Ханевич, 2007, с. 121].

Среди архитекторов польского происхождения находился сын ссыльного повстанца 1863 г. архитектор Викентий Флорентинович Оржешко. Оржешко родился в Томске в 1876 г. в семье врача Ф.Ф. Оржешко [Поляки в Томске..., 2015, с. 412]. С 1902 г. Викентий Оржешко после окончания Высшего художественного училища Императорской Академии художеств занимался частной архитектурной практикой в Томске. Оржешко исполнял обязанности архитектора при Томской Духовной консистории, занимался проектированием и надзором за строительством православных храмов в Томской губернии [Ханевич, 2009, с. 108]. В Томске по проекту Оржешко были построены: часовня на могиле старца Федора Кузьмича, здание Сибирского товарищества печатного дела, Мухинобугорское начальное училище, кожевенный завод «Г. Голованов и сыновья», собственный дом архитектора по Офицерской улице и Народный сад императора Александра II. В апреле — июне 1911 г. Оржешко исполнял обязанности томского городского архитектора [Туманик, 2009, с. 533].

Центром художественной жизни Томской губернии стало Томское общество любителей художеств, которое было создано по инициативе группы художников в 1908—1909 гг. Выставочная деятельность Общества стала сосредоточием духовных интересов интеллигенции губернии. В выставках активное участие принимал и Викентий Оржешко, который был избран членом первого правления Общества и его секретарем [Залесов, 2004, с. 18].

Из 16 архитекторов польского происхождения, которые работали в Западной Сибири на рубеже XIX—XX вв., по нашим подсчетам, половину составляли выпускники Петербургского института гражданских инженеров. К примеру, Константин Антонович Заранек воспитывался в Пажеском Его Императорского Величества корпусе Строительного училища, а в 1885 г. окончил Институт гражданских инженеров в Петербурге. С 1892 по 1893 г. Заранек работал дорожным техником на Сибирском тракте, затем служил на Сибирской железной дороге. В 1894 г. Заранек осуществлял реконструкцию Томского римско-католического костела. В 1895 г. работал по найму в фирме «Технико-промышленное бюро», в качестве агента фирмы в этом же году исполнял обязанности городского архитектора.

В 1902 г. Заранек был избран в число директоров Томского отделения Императорского русского музыкального общества. Кроме того, Заранек исполнял в Обществе должность казначея. Дочь архитектора Елизавета являлась ученицей музыкального училища по классу пения. В составе действительных членов Общества Заранек находился до отъезда в

1906 г. из Томска в Хабаровск [Залесов, 2004, с. 108].

В 1891 г. начал свою карьеру в строительном отделе Томского губернского управления в качестве младшего инженера титулярный советник Станислав Викентьевич Хомич. Хомич родился в 1864 г. в Киевской губернии в дворянской семье, в 1891 г. окончил Институт гражданских инженеров. Сразу после окончания института Хомич был направлен в Строительное отделение Томского губернского управления, где до 1897 г. работал младшим инженером. В 1892 г. Хомич составил проект перестройки и расширения Римско-католической церкви в Томске [Сибирский торгово-промышленный..., 1893, с. 273]. В 1897—1903 гг. статский советник Хомич занимал должность губернского архитектора, а в 1903—1914 гг. — губернского инженера и архитектора в строительном отделении Томского губернского управления [Памятная книжка..., 1914, с. 18]. За добросовестную службу Хомич был награжден орденами Св. Станислава II и III степеней и Св. Анны III степени. В Томске Хомич занимался строительством и ремонтом тюремных зданий, в том числе пересельной тюрьмы. С 1897 г. в течение 11 лет Хомич исполнял обязанности епархиального архитектора. Под его наблюдением были построены храмы в Барнауле, Бийске, селах Вьюнском, Верхне-Ануйске, в селах Усть-Камень и Спасское Каинского уезда [Поляки в Томске..., 2015, с. 589—590].

Особая роль в формировании архитектурного облика городов и сел Алтая принадлежит архитектору Ивану-Каликсту Носовичу, который приехал в Барнаул в 1899 г. и служил техником по строительной и дорожной части Алтайского округа. Иван-Каликст Носович происходил из дворян Волынской губернии, родился архитектором в 1862 г. После окончания Института гражданских инженеров в 1889 г. Носович в январе 1890 г. был назначен на должность младшего архитектора строительного отделения при Управлении приамурского генерал-губернатора. В феврале 1893 г. Носович произведен в чин титулярного советника, а 6 ноября 1893 г. назначен на должность архитектора в Семипалатинскую область. С 1897 г. Носович заведовал ирригацией в Семиреченской области [ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 145. Л. 21].

С 24 марта 1899 г. Носович, в то время уже коллежский асессор, был переведен на службу в Алтайский округ в качестве техника по строительству и дорожной части, где работал до 1909 г. Жалованье инженера Носовича в 1909 г. составляло 2200 руб. С февраля 1911 г. Носович временно исполнял обязанности томского губернского архитектора. В то время в Барнауле шло строительство городской заразной больницы, скотобойни и различных частных построек. Городская управа Барнаула 8 февраля 1912 г. назначила И.Ф. Носовича на должность городского архитектора, которую он исполнял до 1915 г. [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 25. Л. 10 об., 52].

В 1902 г. английский футуролог Эбинер Говард выпустил книгу «Города-сады будущего». Идея Говарда получила широкое распространение в русском градостроительстве начала XX в. В 1913 г. в Петербурге было организовано Русское общество городов-садов, целью которого стала пропаганда улучшения жилищных условий [Степанская, 1998, с. 30]. В начале XX в. в Барнауле и Бийске возникли сибирские от-

деления Русского общества городов-садов, поддержанные гражданскими инженерами и краеведами, в том числе Носовичем [Степанская, 2005, с. 327]. В октябре 1917 г. после грандиозного пожара в Барнауле в городскую думу был представлен проект города-сада, разработанный Носовичем. Территорию, выделенную под город-сад, начали застраивать в 1918—1919 гг., но в силу экономических трудностей проект не был завершён [Поляков, 2000, с. 83].

Обращаясь к итогам по данной теме, отметим, что немало поляков было среди предпринимателей Западной Сибири, занятых в области строительства. В развитие архитектуры городов Западной Сибири внесли свой вклад выдающиеся мастера-поляки Викентий Оржешко, Станислав Хомич и Иван Носович.

Список литературы

1. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX — начало XX века). — Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. — 170 с.
2. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. — 258 с.
3. Памятная книжка Томской губернии на 1914 год. — Томск: Тип. Губ. Управления, 1914. — 105 с.
4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXIX. Томская губерния. — СПб.: [б. и.], 1904. — 245 с.
5. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXVIII. Тобольская губерния. — СПб.: [б. и.], 1905. — 247 с.
6. Поляки в Томске (XIX — XX вв.): биографии. — Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2015. — 686 с.
7. Поляков О.Н. Город-сад // Барнаул. Энциклопедия. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. — С. 83.
8. Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX в. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. — 327 с.
9. Семка Б.И. Производство и сбыт цемента в Западной Сибири накануне и в годы Первой мировой войны // Торговля городов Сибири конца XVI — начала XX в. — Новосибирск: [б.и.], 1987. — С. 143—170.
10. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1913. — СПб.: Изд. Д.Р. Юнг, б. г. — 570 с.
11. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1894 год / Томск: Типо-лит. П.И. Макушина, 1893. — 178 с.
12. Скворцов Г.В. Участие поляков-томичей в формировании архитектурного образа Томска в период XVII — первой четверти XX веков // Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Томск: [б. и.], 1999. — С. 63—67.
13. Степанская Т.М. Служили Отечеству на Алтае: книга для чтения по художественному краеведению. — Барнаул: Пикет, 1998. — 136 с.
14. Степанская Т.М. Сад в сибирском городе XIX — начала XX столетий // Современное историческое сибиреведение XVII — начала XX вв.: сб. науч. тр. — Барнаул: Изд-во «Аз Бука», 2005. — С. 323—328.
15. Туманик А.Г. Оржешко Викентий Флорентинович // Историческая энциклопедия Сибири. Т. II (К—Р).

— Новосибирск: [б. и.], 2009. — С. 533.

16. Ханевич В.А. К истории польской колонии Томска конца XIX — начала XX века // Польская интеллигенция в Сибири XIX—XX вв.: сб. материалов Межрегион. темат. чт. «История и культура поляков Сибири» 2006 — 2007 гг. — Красноярск: [б. и.], 2007. — С. 119—125.

17. Ханевич В.А. Католики в Кузбассе (XVII—XX вв.) (очерк истории, материалы и документы). — Кемерово: [б. и.], 2009. — 348 с.

18. Masiarz W. Dzieje kościoła i polskiej diaspory w Tobolsku na Syberii. 1838—1922. — Kraków: Wydaw. i poligrafia Zakonu Piarów, 1999. — 201 s.

Список источников

1. ГААК. Ф. Д-4. Оп. 1. Д. 145.
2. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 25.
3. ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 168.
4. ГАНО. Ф. Д-84. Оп. 1. Д. 1.
5. ГУТО ГАТ. Ф. 156. Оп. 15. Д. 725.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10076

УДК: 725.41

А.О. Полищук
 Научно-производственный центр по сохранению
 историко-культурного наследия
 Новосибирской области (Новосибирск)
 eskopeo.84@mail.ru

Казенный винный склад № 6 в городе Каинске (ныне Куйбышев)

Аннотация

В статье рассматривается краткая история строительства казенного винного склада № 6 и его дальнейшая судьба с привлечением ранее не опубликованных документов из фондов Государственного архива Томской области, в которых отражается ход строительства некоторых его сооружений. Ряд сохранившихся зданий является в настоящее время объектами культурного наследия, изучение истории которых важно для понимания их особенностей с точки зрения истории и архитектуры. В статье приводятся фамилии участников строительства: инженеров-технологов, подрядчиков.

Ключевые слова: производственные сооружения, казенный винный склад, Каинск

A.O. Polishchuk
 Scientific and Production Centre on the Conservation
 of Historic and Cultural Heritage
 of the Novosibirsk Region (Novosibirsk)
 skopeo.84@mail.ru

State Wine Warehouse No 6 in the Town of Kainsk (Kuibyshev)

Abstract

The article deals with brief history of the State wine warehouse № 6 construction and its future destiny. Some previously unpublished documents from funds of the *State Archive of the Tomsk Region* which reflect construction progress of some buildings are used in this article. Study of some of the survived buildings, which are now cultural heritage sites, is important for understanding their characteristics in terms of history and architecture. The article lists the names of construction participants: process engineers, contractors.

Key words: production facilities, state wine warehouse, Kainsk

В настоящее время расположенные в г. Куйбышеве (Новосибирская область) здания, которые рассредоточены по локальной территории, ограниченной ул. Шишкова–Трудовая–Октябрьская–Волдарского, мало напоминают единый производственный комплекс⁶. Однако когда-то, в начале XX в., эти здания являлись достойными представителями комплексов казенных винных складов, построенных на территории Российской империи, не уступая своим «собратям» — мощным, оснащенным современным для начала XX в. техническим оборудованием.

В начале 1890-х гг. по инициативе императора Александра III и министра финансов С.Ю. Витте российское правительство приступило к осуществлению питейной реформы, которая предполагала введение государственной монополии на производство спирта и водки. К 1901 г. было построено основное число

казенных винных складов, количество которых достигало 500 по всей территории Российской империи [Губанов, Борознов, 2014].

Под названием «склад» подразумевался комплекс помещений для хранения, переработки и розлива спирта и водки. Они подразделялись на разряды и категории в зависимости от годовой производительности, которая измерялась в ведрах (1 ведро равнялось 12 литрам) [Латышева, Царев, 2013].

Строительству складов предшествовала большая работа по проектированию заводских комплексов, которая велась непосредственно в Техническо-строительном отделе Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Архитекторами и техниками отдела были разработаны типовые проекты всех видов зданий и сооружений завода, начиная с производственных сооружений со сложными технологическими процессами и заканчивая несколькими вариантами решения ограждающих заборов. Эти проекты впоследствии при необходимости корректировались и приспособлялись под местные условия [Манонина, 2013]. К земельному участку под завод

⁶ В настоящее время по адресу: Новосибирская область, Куйбышевский район, г. Куйбышев, ул. Шишкова, 2 сохранились следующие объекты культурного наследия: «Завод водочный казенный», комплекс: «Склад для хранения спирта, мастерские, дом жилой, склады, склад».

предъявлялись строгие требования: обеспечение бесперебойного водоснабжения чистой питьевой водой, возможность устройства сброса загрязненных сточных вод, безопасность в противопожарном отношении и наличие подъездной дороги шириной не менее десяти саженей (21,3 м) [Там же].

В начале XX в. под руководством Тобольско-Акмолинского и Томско-Семипалатинского акцизных управлений на территории Тобольской и Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей таких заводов было построено пятнадцать [Манонина, 2013]. Одним из них явился казенный винный склад, возведенный в начале XX в. в Каинске, уездном городе Томской губернии (ныне г. Куйбышев Новосибирской области). По сведениям из архива ГАУ НСО НПЦ, основанным на воспоминаниях старейшего сотрудника завода Додина, «казенный водочный завод построен в 1904 г., его проект был куплен за границей». Книга, выпущенная к юбилею завода в 1994 г., подтверждает эти сведения:

«1897—1904 годы. В эти годы по проекту, купленному за границей, на средства акционерного общества и государственные субсидии строился Каинский винный завод. Строительство велось почти семь лет. Основной строительный материал, кирпич, привозили с Каинского кирпичного завода. Кирпич был исключительно высокого качества. При строительстве использовался известковый раствор. <...> Сначала завод выпускал винную продукцию, затем стал функционировать как ликеро-водочное предприятие.

1919—1922 годы. Во времена колчаковщины завод был полностью разрушен, а главный корпус сожжен дотла....» (Упомянется конкретная дата — 28 ноября 1919 г. — А.П.) [Чибрякова, 1994, с. 18].

На снимке, выполненном фирмой «Шерер, Набгольц и КО» в 1903 г., изображены здания по объемно-пространственной композиции и архитектурно-художественному оформлению, имеющие сохранившиеся аналоги в других городах России и Украины: Канске, Курске, Черкассах, пос. Мелекесе, Челябинске, Белгороде, Белебее, Бирске, Чебоксарах, Тобольске, Соликамске, Златоусте, Пятигорске, Шадринске и др. [Губанов, Борознов, 2014, табл. 1] (ил. 1). Исходя из этого, завод был построен не по проекту, купленному за границей, а по ранее упомянутым типовым проектам.

На дальнейших этапах изучения в ГАТО выявлено дело Управления акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области «О постройке Каинского № 6 Казенного винного склада», где собраны доклады, предписания, акты приемки работ и материалов, отчеты, фрагментарно отражающие процесс строительства комплекса винного склада [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129]. В деле не обнаружено генерального плана комплексного периодического, однако общее представление о назначении и взаимосвязи корпусов можно получить, обратившись к истории строительства других комплексов казенных винных складов — «аналогов».

Винные склады представляли собой автономные комплексы с самостоятельными энергообеспечением, водоснабжением, канализацией и занимали целые городские кварталы (площадь земельного участка должна была составлять не менее 3 тыс. кв.

саженей (1,4 га). На генеральных планах комплексов четко выделяются основные функциональные зоны. В производственной зоне, занимавшей 2/3 части площади всей территории, размещались главный корпус, здание для цистерн, сторожка «с контрольным ходом», приемный покой, бондарка, материальный склад, навесы для бочек и лошадей. В зоне подготовительного производства основным объектом являлся угольный завод с углеобжигательной печью с колосниковым ходом, на котором заготавливался древесный уголь, служивший для очистки спирта. К территории склада примыкал участок домов для администрации. За территорией склада, как правило, располагался двухэтажный жилой дом рабочих склада. Участки домов администрации и рабочих благоустраивались крытым навесом и службами (ледник, дровяник, конюшня, коровник, кладовки и отхожее место).

На территориях всех заводских комплексов ведущая роль отводилась главным технологическим корпусам, в которых объединялись несколько производственных отделений (спиртоприемное, котельное, машинное, фильтрационное, разливающее, моечное, упаковочное, отпусковое), а также помещения столовой, конторы и лаборатории [Манонина, 2103] (ил. 2а, б).

Территория складов по периметру ограничивалась оградой, а внутри мостилась булыжником, в жилой части для проходов устраивались деревянные тротуары. От здания цистерн к главному корпусу под мостовой, судя по исследованиям комплексов в других городах, был проложен специальный тоннель, в котором располагались спиртопроводные трубы.

Любопытным фактом при изучении дела «О постройке Каинского № 6 Казенного винного склада» является то, что спиртопровод мог быть не только подземным, но и «воздушным». О нем упоминается в отчете младшего ревизора, который был составлен после посещения каинского и новониколаевского складов летом 1901 г.: «Немедленно приступить к установлению столбов для воздушного спиртопровода между зданием цистерн и приемочным отделением при расстоянии между столбами в 2 саж. 1 арш., а также к устройству кирпичного туннеля, который начат от склада, и вести по особому чертежу так, чтобы высшая точка устраиваемого туннеля совпала бы с высшей точкой существующего в стене здания склада; к зданию цистерн туннель должен иметь подъем» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 276].

Из дела узнаем имена участников строительства. «Рядчиком» по постройке склада был Петр Андреевич Свищев, договор с которым был заключен 2 марта 1900 г. Строителем склада являлся инженер-технолог Феликс Наполеонович Добкевич, а после того как он ушел в отставку, 7 июня, работы и материалы по постройке склада принимает Вильгельм Генрихович Штамм. Доверенными Свищева были Иван Андреевич Свищев, Михаил Григорьевич Лошаков и Михаил Колпаков.

Упоминаются фамилии рабочих. Так, в состав артели каменщиков Никиты Овсянникова входили: Иван, Петр, Михаил и Василий Бостриковы, Иван и Андрей Акуловы, Иван 1-й и 2-й, и Николай Васильевы, Егор, Иван и Николай Вакорины, Василий 1-й и 2-й, Алексей и Иван Овсянниковы, Василий 1

и 2, Иван 1-й и 2-й и Алексей Красниковы, Алексей Углив, Тимофей Егоров, Андрей Леутин, Трофим и Андрей Мельников, Константин и Павел Хозяйкины, Николай Петухов, Парфирий Менгалев, Василий Кабыльский, Гаврила Григорьев, Михаил Греднев, Осип Никонов, Андреан Леонов, Филипп Плотников, Тимофей Слесарев, Василий Серичев [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 203].

Основная часть обращений в деле составлена на имя управляющего Томской губернии и Семипалатинской области Баженова. Акцизным окружным надзирателем, заведующим хозяйственной частью, был Владимир Иванович Швачкин. Помощниками надзирателя являлись Дорошенко и Садков. Упоминаются надсмотрщик Михаил Веревкин, чиновник особых поручений Камаев (в Каинске находился для выяснения причин, вызывающих «недовольство» рабочих) и младший ревизор Р. Войнилович [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 275].

Материалы, используемые при строительстве склада, были как казенными (подвергались страхованию), так и подрядчиков. Так, из доклада № 223 надзирателя III Акцизного округа от 30 января 1901 г. узнаем, что малярные материалы были застрахованы на сумму 1956 р. страховым обществом «Россия» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 44].

Информация, сохранившаяся в деле «О постройке Каинского № 6 Казенного винного склада», дает представление о ходе строительства. Уже к декабрю 1900 г. было завершено здание бондарки и машинное отделение здания склада, в стене которого были устроены дымоотводные трубы [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 22].

В декабре 1900 г. Свищев в своем заявлении просит у строителя склада выдать ему к 10 января чертежи «косоур железных», где они запроектированы в зданиях склада и жилом доме для устройства лестниц, чертежи для изготовления кронштейнов под печи, а также чертежи железных зонтов для здания склада, цистерн и сторожек «для постановки таких у входов»; упоминает «ажурные работы». Из документа, составленного строителем склада Добкевичем, узнаем, что «косоуры лестниц было проектировано сделать из железных балок, частью из рельс...» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 11, 13].

То же заявление Свищева дает представление об окнах в здании склада. В п. 3 говорится о видах оконных переплетов и фрамуг дверей — с прямым верхом и полукруглым. Окна в складе были шириной 2 аршина. Средняя мера переплета примерно равнялась $4 \frac{1}{4}$ квадратного аршина. В зданиях был переплет, как глухой, так и створный. При этом Добкевич, по мнению Свищева, «выдает чертеж довольно сложный, где вместо двух створок — три». В п. 5 Свищев просит стекла не позднее 15 февраля 1901 г., а также «алебаstra для оштукатурки здания склада не позднее 15 марта» и «песок доставить более чистый, песком же, имеющимся на стройке, я штукатурные работы производить отказываюсь». В этом же пункте говорится о планах начала внутренних штукатурных работ весной. Песок и алебастр было обещано доставить. Сохранился документ от 1 марта «О высеялке пробы песку, затребованной предписанием за № 1167, взятого с участка склада, малой скоростью 27 февраля, а также с участка

купца Митрохина и Ивана Самойлова». Сохранилось донесение строителя Штамма о заготовке алебаstra для штукатурных работ. Поставщиком сырого алебаstra являлся томский купец А.Е. Ельдештейн [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 250, 265].

Из п. 7 заявления Свищева узнаем, что «заложение всех фундаментов, кроме фундамента сторожки, навеса и под площадкой лестницы на материальном складе, ниже горизонта земли на 4 аршина». А из п. 8 — что высота стенок под цистерны была равна 3,6 сажени. (Приемка работ по возведению стенок состоялась еще 29 ноября 1900 г.)

2 января 1901 г. окружной надзиратель Швачкин докладывает, что на место постройки склада доставили железные изделия: решетки, скобы, поджелобники, закрепы и стремена (всего 101 пуд 12 фунтов) [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 4—5]. Железные балки, колонны, башмаки и капители, судя по документу от 24 февраля 1901 г., были заказаны на Путиловском заводе.

В документах, относящихся к зимнему периоду 1901 г., упоминаются бетонные полы.

15 марта 1901 г. между крестьянином Владимировской губернии Петром Андреевичем Свищевым («главным подрядчиком») и мещанином города Кольвань Филиппом Васильевичем Овсянниковым («подрядчиком») был составлен и подписан договор, по которому Овсянников принимал у Свищева каменные работы в г. Каинске по следующим зданиям: «а) здание жилого дома, недоделанную часть карниза на двух флигелях здания склада, заднюю часть того же здания склада и одной сторожки на готовых Свищевым фундаментах... б) своды в здании склада и в жилом доме, все какие будут около 170 кв. саж. с моей, Овсянникова, установкою под них кружал из всего казенного материала, но моими средствами с восстановлением по ним пазух щебнем с раствором и сверх щебня выровнять под рейку и ватерпас все своды слоем гидравлического раствора несколько повыше железных балок ценой по 2 р. 50 коп. квадратных саж., при чем кружалы из-под сводов после их просушки должны быть вынуты и лес вынесен. 2) Я, Овсянников, произвожу все означенные работы из всего казенного материала, как то песок, вода, кирпич, лес и гвозди для подмоста должны быть на дворе постройки, известь в творильных ямах должна быть распушена Свищевым...» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 228].

Узнаем, что в этом же месяце 1901 г. строитель склада уже получил копии договоров на предметы оборудования, «некоторые из них, именно, котлы с арматурой уже пришли; для их хранения нужно помещение, а между тем, одно отделение материального склада занято материалами Свищева, а другое же — почти переполнено». В документе Добкевич упоминает асфальтовые работы: «Нынешним летом предстоят асфальтовые работы, поэтому необходимо приобрести его». На что хозяйственный комитет 26 марта 1901 г. дает ответ: «...что же касается асфальтовых работ, то таковые будут сданы особому подрядчику с его материалом». В этом же документе сообщается о заказе и доставке на строительную площадку в ближайшее время дверных и оконных приборов (переплеты были на этот период уже готовы).

Печальной страницей в истории строительства явилась ночь с 21 по 22 марта, когда по неосторожности в здании главного технологического корпуса возник пожар. Упоминание о последствиях находим в некоторых документах. Один из них, отчет младшего ревизора Р. Войниловича от 4 июля 1901 г., дает ответ на вопрос, почему фасады здания главного производственного корпуса на снимке 1903 г. окрашены в светлые тона: «Согласно предписания от 5 мая 1901 г. за № 3872 строитель склада произвел штукатурку цементным раствором наружных стен в двух местах, где кирпич обгорел, выкрошился и карниз обился (предполагая в будущем окрасить все здание и расшить швы); я нахожу этот способ ремонта трудно выполнимым и потому желательным же произвести штукатурку всего здания, причем последняя может быть произведена известковым раствором, затем здание следует побелить. Эта работа с материалами будет стоить не менее 1200 руб.» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 275].

Интерес представляет документ от 30 мая 1901 г. В одном из пунктов говорится об окраске деревянных частей в разных зданиях. Строитель Ф. Добкевич обращается к управляющему акцизными сборами: «...имею честь сообщить, что исполнить его [предписание] вполне теперь не представляется возможным, т.к. малярные работы по некоторым зданиям уже почти закончены и сделаны согласно предварительных смет. Так, по зданиям материального склада, сторожки с контрольным проходом, бондарки и цистерн все деревянные части покрашены за 2 раза в желтый цвет охрой. Точно также и части рам и переплетов в здании склада закрашена, согласно смете, в желтый цвет охрой же. Таким образом, указанное предписание значительно запоздало». В документе также упоминается стекло, которое на момент составления заявления еще не поставлено на стройку, чем замедляет работы по внутренней отделке помещений. Так же интерес представляет и упоминание каменных работ: «В настоящее время каменные работы находятся в следующем состоянии: кончена кладка приемного покоя, материального склада, бондарки, цистерн, навеса для бочек, сторожки, кончаются: 1) здание склада (немного осталось по брандмауэрам котельного отделения и стенки для сводиков лестницы правого флигеля рядом с машинным отделением); 2) здание навеса для лошадей. Работы производятся по жилому дому и здан. угольн. печей, которое выведено до цоколя, осталось вывести ледник и ретирадь. Задержка в кирпиче принуждает меня прекратить работы, по зданию угольных печей <...> В заключение имею честь сообщить, что напорный чан в 600 в. поднят на фильтрационное отделение и поставлен на железные балки». В документе упоминается поставщик кирпича — рядчик Бульвахтер [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 198].

Вопрос о цветовом решении деревянных элементов был поднят и в отчете, составленном 4 июля 1901 г. младшим ревизором: «Оконные переплеты и двери в зданиях: сторожка с контрольным проходом, здание цистерн, материальный склад и бондарка окрашены были в желтый цвет; согласно постановлению Хозяйственного комитета снаружи требуется окраска темно-коричневая, а внутри разделка под

дуб. Согласно подсчета строителя такая перекраска обойдется не свыше 50 рублей...» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 12. Л. 276].

В деле сохранились несколько приемочных актов от 1900 г. и 1901 г., благодаря которым узнаем, что крыши мансарды главного производственного здания (предположительно, как и других сооружений), были покрыты кровельным железом по обрешетке с проаливкой железа, изготовлением картин, прибивкой его клямерами и загибкой гребней [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 7—8].

В документах от 12 июля, 16 августа и 27 августа 1901 г. описаны проблемы, связанные с неравномерной осадкой главного корпуса и, как следствие, образованием трещин на внешних и внутренних стенах здания. Из документа от 16 августа 1901 г. узнаем, что уже на возведенном здании после обильного выпадения дождей появились вновь образованные трещины в следующих частях здания: по боковому фасаду левого флигеля, по переднему фасаду левого флигеля, в коротком боковом фасаде того же флигеля, по переднему фасаду средней одноэтажной части, по переднему фасаду правого флигеля, по его боковому фасаду, на заднем фасаде: в стенах лестничной клетки, а также средней одноэтажной части и в подвале. (Еще 4 июля в отчете младшего ревизора говорится о грунте, «сильно напитанном водой» — А.П.) [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 275, 327].

В объяснениях к чертежу от 12 июля 1901 г. строителя Штамма упоминается жилой дом: «К этому имею честь просить Ваше Высочордие разрешить производить подливку лицевого кирпича наружных стен на гидравлическом растворе и по нем производить расшивку швов, так как расшивка цементным раствором кладки, произведенной в пустошовку ввиду малоопытности каменщиков, которыми производятся работы, не вполне удовлетворительна: таким образом расшивались стены первого этажа выше цоколя и швы получились не ровные, не одинаково углубленные, и местами цементная расшивка держится слабо» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 291].

24 августа 1901 г. в телеграмме рядчик сообщает, что все каменные работы закончены и, если нет новых работ, каменщики будут уволены. На что ему приходит ответ, что еще будет строиться кирпичный забор.

Благодаря некоторым приемочным актам и отчетам, сохранившимся в деле, есть возможность узнать не только об исполненных работах, но и о качестве используемых материалов на стройке. Так, 12 марта 1901 г. был составлен приемочный акт на «связи железные для жилого дома, из полосового железа 3»×5/8» полос, к ним клиньев штук 33, хомутов 54, штырей. <...> Означенные в сем акте кузнечные изделия сделаны из хорошего железа и признаны вполне отвечающими техническим условиям, потому приняты в казну и оставлены под охраной рядчика Свищева до употребления их в дело».

В пример можно привести и стекло, которое принималось только высокого качества, что отражено в нескольких сохранившихся документах. Так, в телеграмме подрядчика Свищева от 6 июня 1901 г. говорится следующее: «По ошибке завода Пашкова стекло пришло первый и второй сорт. <...> Согласны ли принять?», — в приемке стекла второго сорта

Хозяйственным комитетом было отказано. Младший ревизор Р. Войнилович в своем отчете от 4 июля 1901 г. пишет: «Затем как в Каинском, так и в Ново-Николаевском складах доставлено рядчиком Свищевым оконные стекла, при чем в обоих складах в числе бемского стекла имеется и простое, в каждом складе 12 ящиков простого стекла. Простое стекло предложено Свищеву вывезти из склада» [ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Л. 245, 277].

Согласно справочнику «Список фабрик и заводов Европейской России», изданному в 1912 г., составленному по официальным сведениям Отдела промышленности Министерства торговли и промышленности, годовая производительность Каинского казенного винного склада № 6 составляла 1778.937 руб. Имелся паровой двигатель с числом сил, равным 24. Число рабочих — 69 человек [Список фабрик, 1912, с. 249].

В деле Управления «О постройке Каинского № 6 Казенного винного склада» не обнаружено генерального плана комплекса и чертежей строений. Однако при дальнейших изучениях генеральные планы найдены в делах, касающихся реконструкции завода конца 1920-х — начала 1930-х гг., помимо генеральных планов и чертежей зданий, в делах этого периода содержатся «Исполнительные чертежи к техническому отчету» по постройке зданий Каинского № 6 казенного винного склада [ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 2, 10] (ил. 2, 3, 4а—в, 5).

Ряд сохранившихся зданий казенного винного склада в г. Куйбышеве являются в настоящее время объектами культурного наследия, изучение истории которых важно для понимания их особенностей с точки зрения истории и архитектуры.

Список литературы

1. Губанов А.В., Борознов С.А. К вопросу изучения типов объемно-пространственных решений казенных винных складов в конце XIX — начале XX в. // Вестн.

Перм. нац. исслед. политех. ун-та. Строительство и архитектура. — 2014 — № 1 [Электронный ресурс]. — URL: http://vestnik.pstu.ru/arhit/archives/?id=&folder_id=3591 (дата обращения: 18.10.2017).

2. Латышева К.Г., Царёв В.И. Архитектурно-строительная история заводских комплексов казенных винных складов в Енисейской губернии начала XX века // Вестн. Том. гос. архит.-строит. ун-та. — 2013. — № 4. — С. 83—99.

3. Манонина Т.Н. Комплексы промышленных зданий для производства спирта в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Региональные архитектурно-художественные школы: материалы Международ. науч.-практ. конф. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2013. — С. 310—312.

4. Список фабрик и заводов Российской Империи. Ч. II. Гр. XI. Обработка питательных и вкусовых веществ. Составлен по официальным сведениям Отдела Промышленности Министерства Торговли и Промышленности под редакцией фабричного ревизора В.Е. Варзара. — СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. — 720 с. [Электронный ресурс]. — URL: http://istmat.info/files/uploads/26498/fabriki_i_zovodi_1912_11b.pdf

5. Чибрякова Т.Д. С заводом связана судьба. — Новосибирск: Изд-во ЦЭРИС, 1994. — 96 с.

Список источников

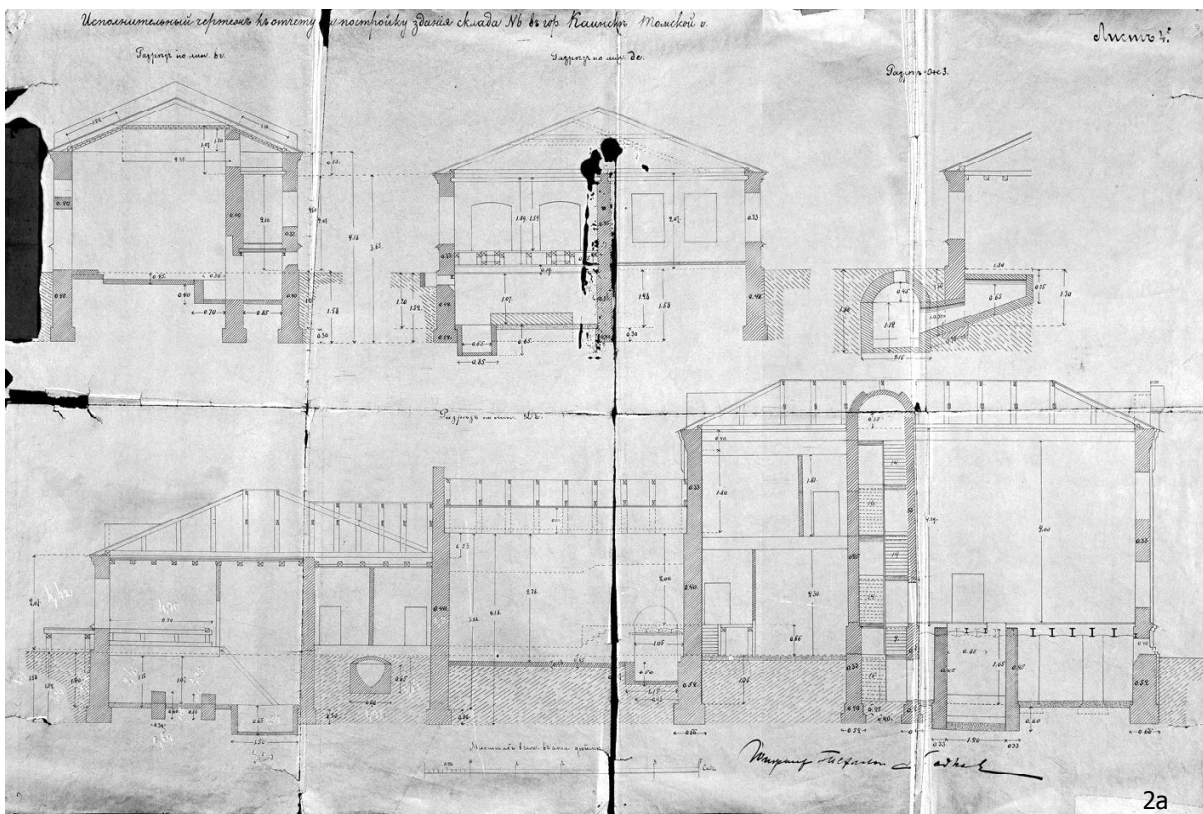
1. ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 129. Дело Управления акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области «О постройке Каинского № 6 Казенного винного склада».

2. ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 2. Чертежи Куйбышевского завода.

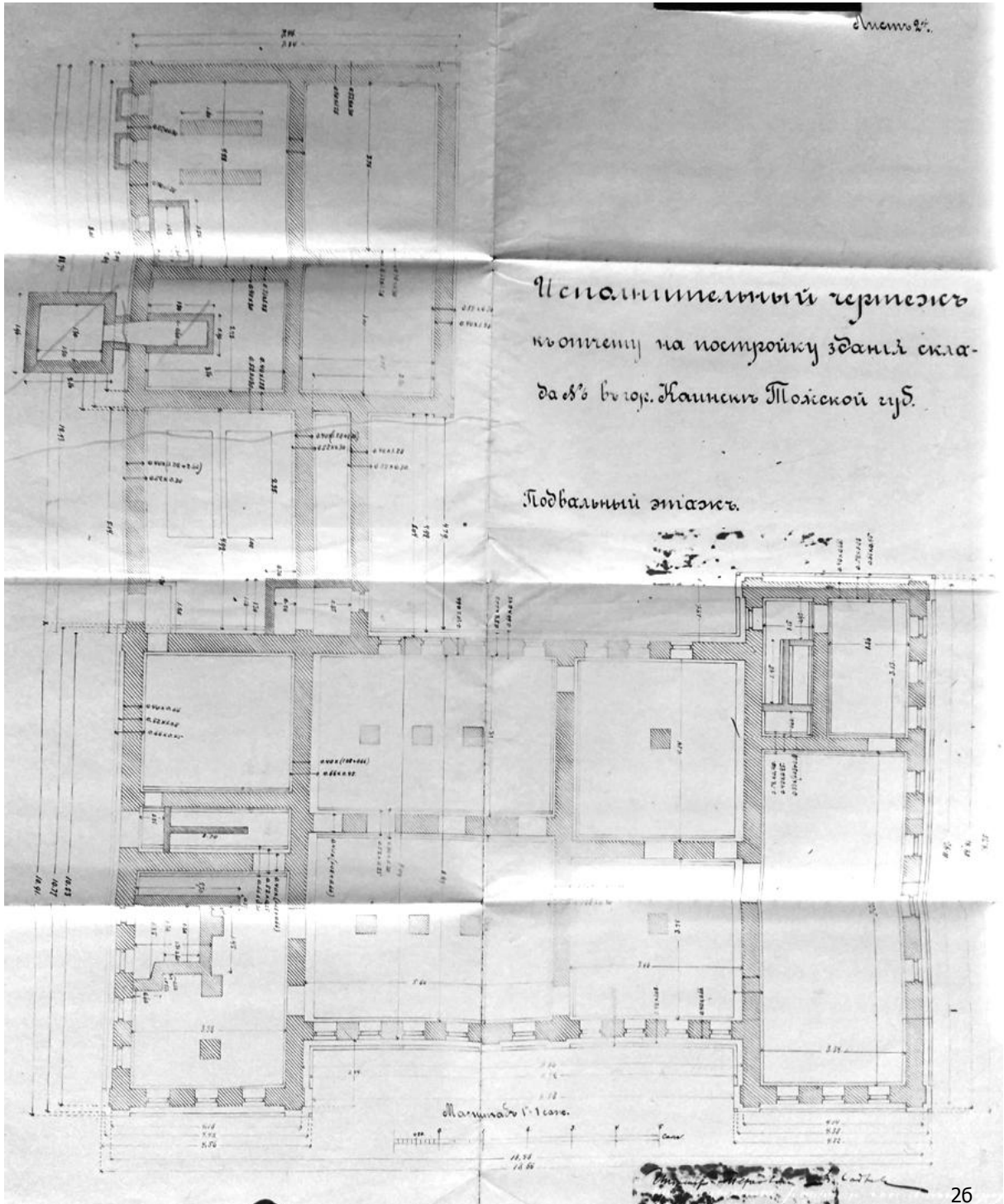
3. ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 10. Проект переоборудования Каинского угольного завода под спиртоводочный.

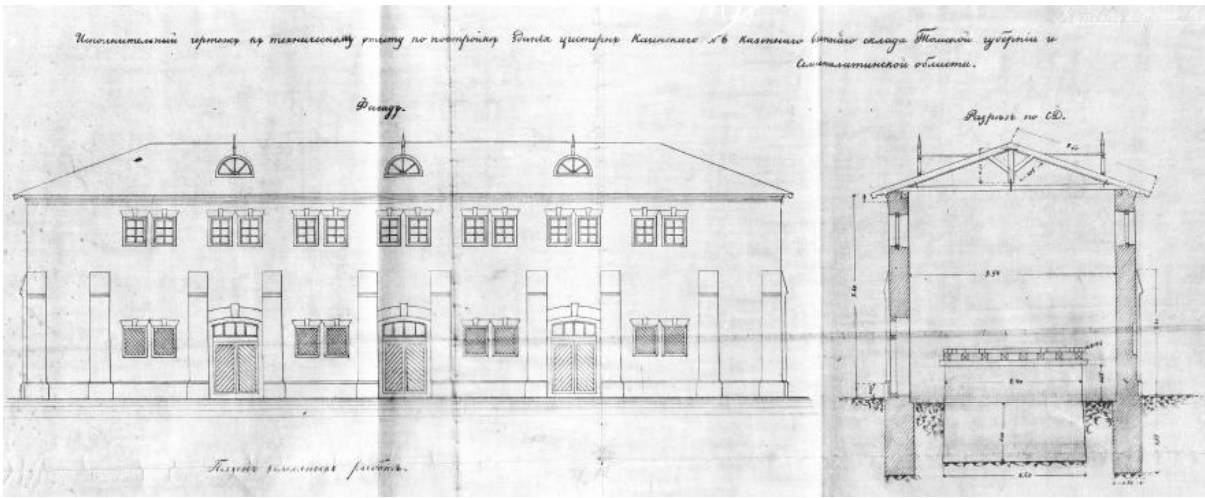

Ил. 1. Каинск. Казенный винный склад. В центре снимка — главный корпус. На дальнем плане слева — здание цистерн. 1903—1905 гг. (Набор открыток МУК «Музейный комплекс» г. Кубышева Новосибирской области). Архив ГАУ НСО НПЦ, № 1152

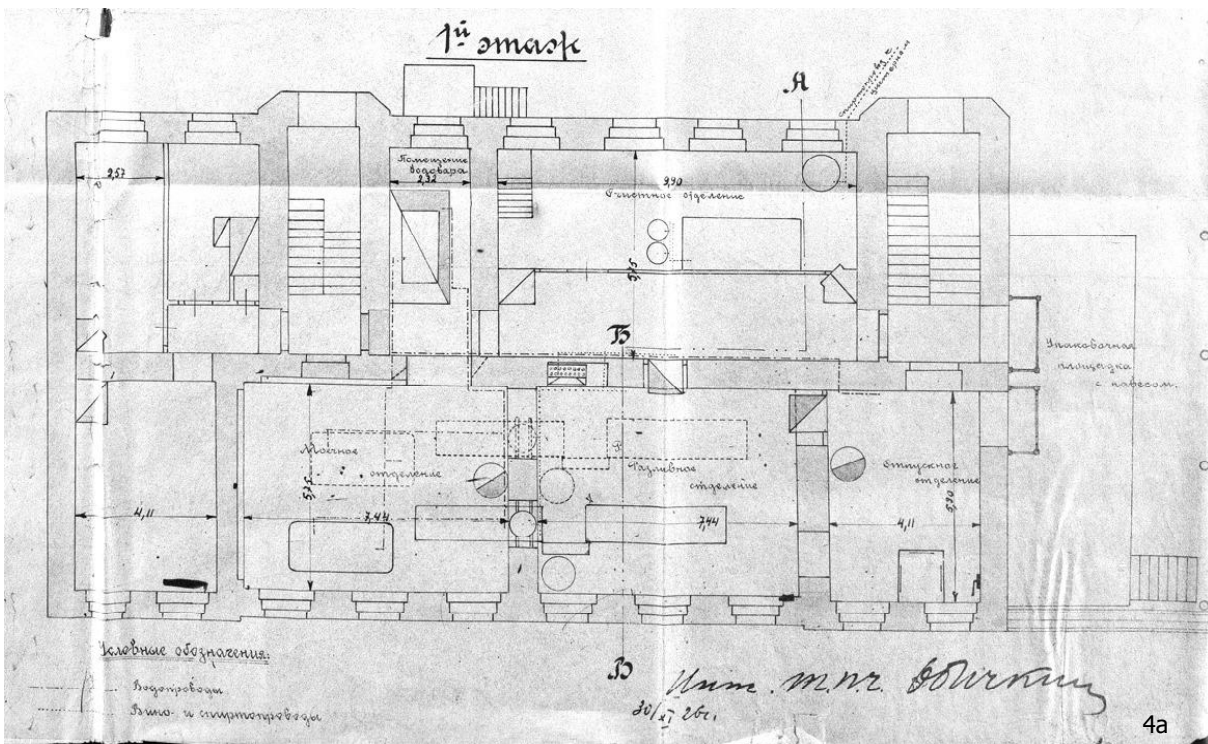

Ил. 2а, б. Исполнительные чертежи к отчету по постройке здания склада № 6 в г. Каинске Томской губернии [ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 2. Л. 18, 28] (продолжение — на следующей странице)

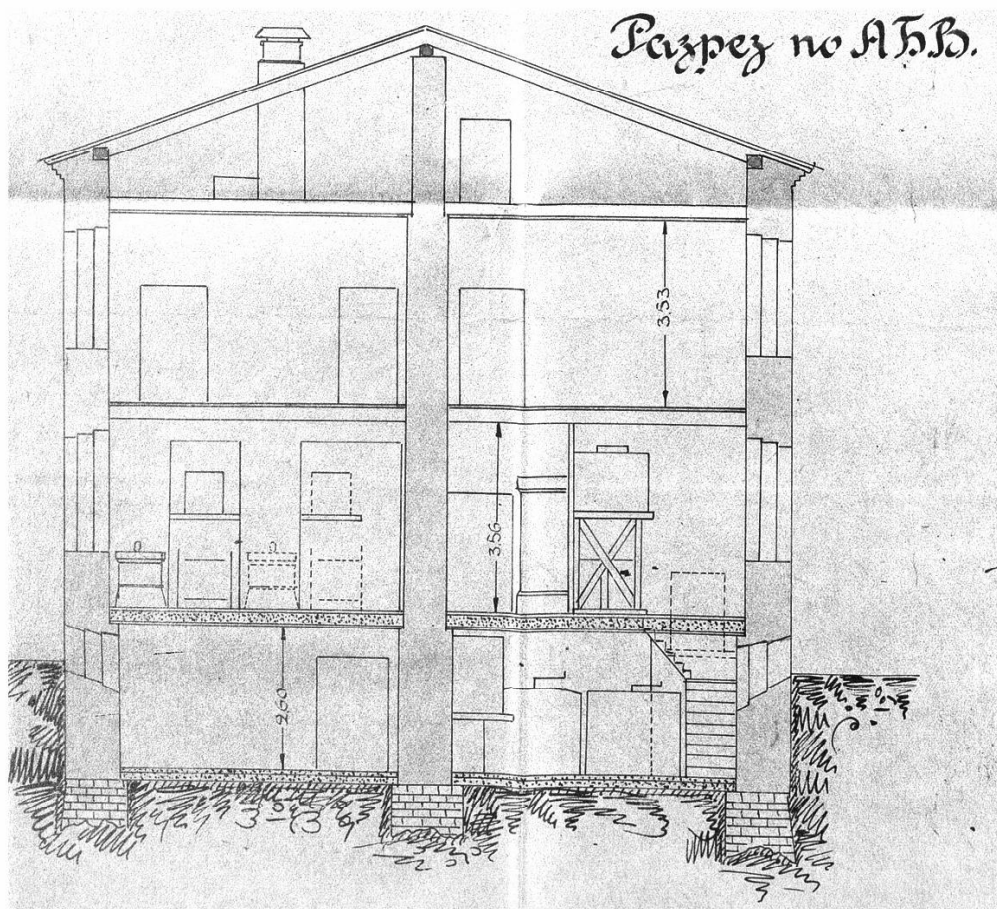
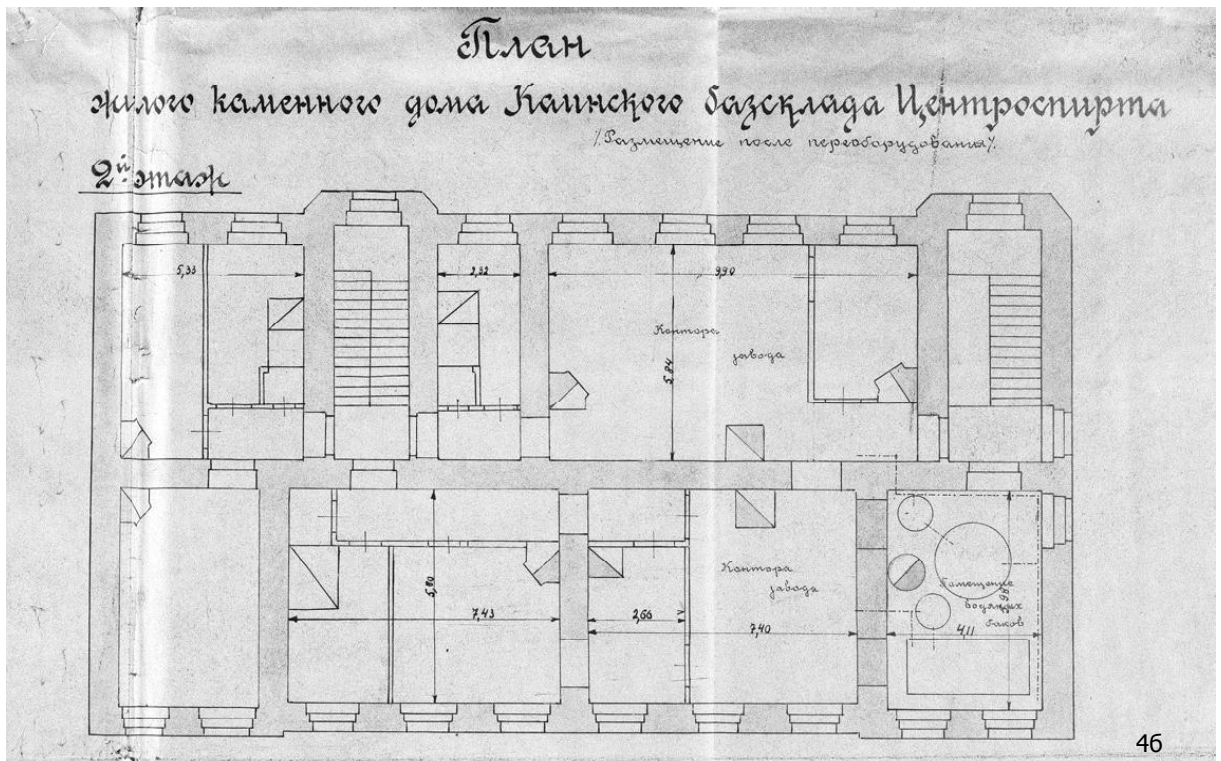

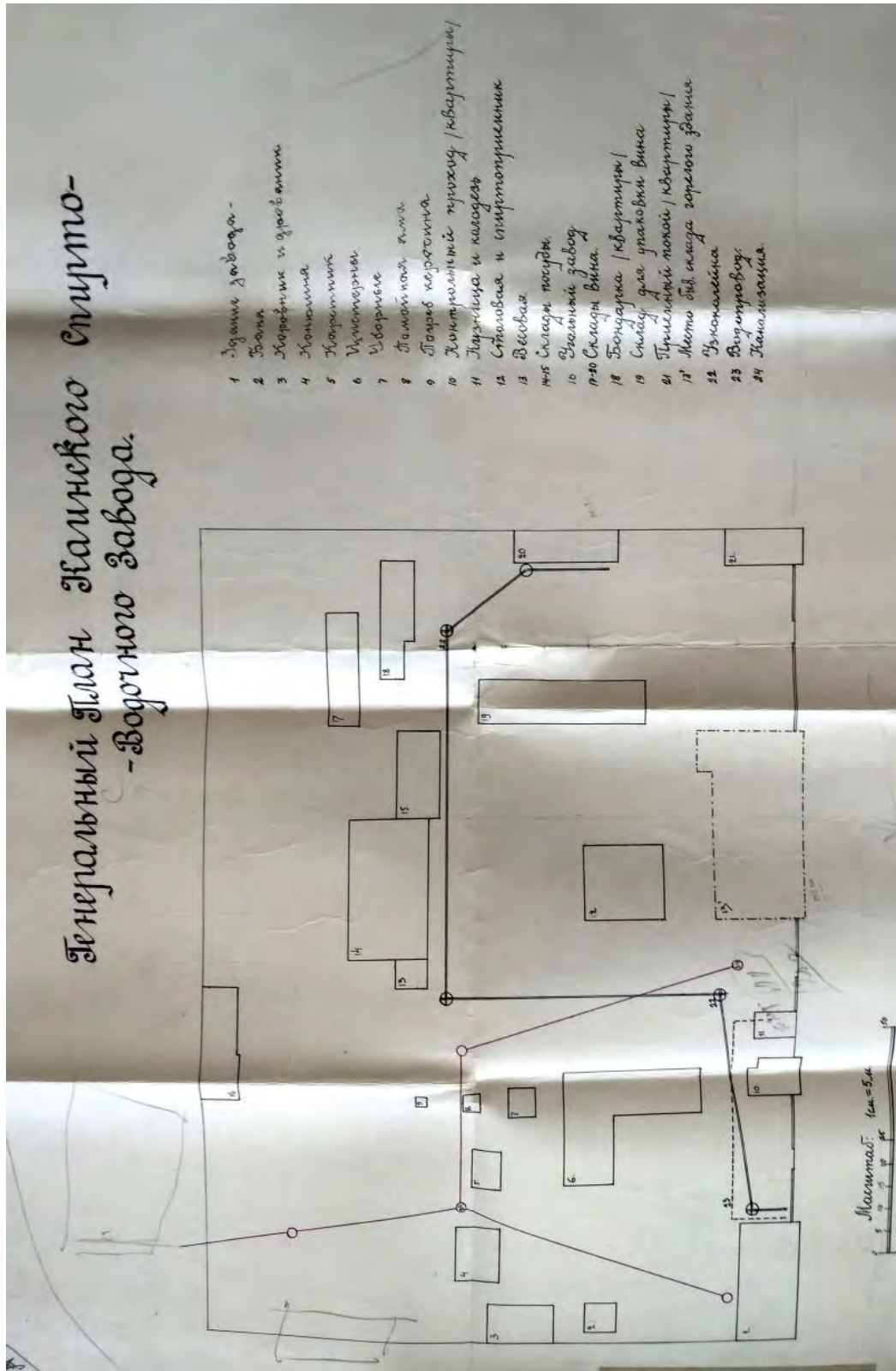
Ил. 3. Исполнительные чертежи к техническому отчету по постройке здания цистерн Каинского № 6 казенного винного склада Томской губернии и Семипалатинской области [ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 2. Л. 11]

Ил. 4. Планы (а, б) и разрез (в) каменного жилого дома Каинского базсклада Центроспирта. 30.11.1926 г. [ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 2. Л. 13] (продолжение — на следующей странице)

Ил. 5. Генеральный план Каинского спирто-водочного завода [ГАТО. Ф. Р.-543. Оп. 3. Д. 2. Л. 29]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10077

УДК: 908

Д.И. Поповский
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
dpopovskiy@yandex.ru

К вопросу расположения старообрядческого молельного дома в городе Ново-Николаевске

Аннотация

В статье раскрывается проблема выбора места для постройки нового храма, вставшая перед Ново-Николаевской старообрядческой общиной в первые годы после ее официальной регистрации. Строительство храма откладывалось по ряду причин, в том числе из-за необходимости срочно возвести школу на земельном участке, отведенном городской властью в безвозмездное пользование общины. В результате богослужения продолжали проводиться в старом молельном доме на ул. Семипалатинской. Автор статьи на основе архивных документов уточнены места, где в Ново-Николаевске располагались молельный дом и школа для детей старообрядцев. Составлено описание планировочной организации усадьбы при молельном доме, а также зданий, располагавшихся на этом участке. Прежняя планировка усадьбы молельного дома сопоставлена с современной градостроительной ситуацией.

Ключевые слова: архитектура, молельный дом, Ново-Николаевск, Новосибирск, старообрядческая община

D.I. Popovskiy
Novosibirsk State University of
Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
dpopovskiy@yandex.ru

To the Question of the Location of the Old-Believers Prayer House in Novo-Nikolaevsk

Abstract

The article deals with the problem of choosing a place for the construction of a new old-believers temple in Novo-Nikolaevsk. This problem was very actually for Novo-Nikolaevsk old-believers community in the first years after its official registration. The construction of a temple was postponed for a number of reasons, including the need to built urgently a school on the land allocated by the municipality authorities for free use of the community. Worships continued to be conducted in the old prayer house on Semipalatinskaya st. The author of the article, basing on the archival documents, clarified the places where the prayer house and the school for children of Old Believers were located in Novo-Nikolaevsk. The article describes the planning organization of the site of prayer house and buildings located on it. The former layout of the site is compared with the present-day situation.

Key words: architecture, prayer house, Novo-Nikolaevsk, Novosibirsk, old-believers community

Известно, что в Новониколаевске до революции «старообрядцы собирались на богослужения в деревянном молитвенном доме, который находился, как утверждают старые прихожане, на нынешней улице Урицкого» [Энциклопедия, 2003, с. 640]. В Государственном архиве Новосибирской области отложились документы руководителя Новониколаевской общины старообрядческой церкви купца Кирилла Александровича Полякова. Фонд Д-73 достаточно хорошо изучен исследователями, с использованием его материалов написаны статьи, посвященные истории старообрядчества. Благодаря некоторым документам установлено приблизительное местоположение и адрес старообрядческого молельного дома в Новониколаевске — 63-й квартал Центральной части города, участок № 10, ул. Семипалатинская, 6.

Сегодня это место расположено в глубине квартала [Знаменательный юбилей, 2007], ограниченного ул. Урицкого, Ленина, Революции и Вокзальной магистралью. Однако в документах купца К.А. Полякова практически отсутствует описание молельного дома и участка, на котором он находился.

Проведенное исследование преследовало следующие цели:

- 1) кратко изложить историю вопроса строительства старообрядческого храма в Новониколаевске;
- 2) уточнить место расположения старого молельного дома, привязав его к современной градостроительной ситуации в квартале;
- 3) выполнить описание молельного дома и планировочной организации усадебного участка, на котором он располагался.

В ходе работы были изучены документы, хранящиеся в фондах Д-73 и Д-150 Государственного архива Новосибирской области.

Цель данной статьи — познакомить с результатами проведенного исследования.

Приблизительно в 1899 г., согласно журналу «Церковь», в Новониколаевском поселке образовался старообрядческий приход, в 1901 г. был построен храм во имя Рождества Пресвятыя Богородицы [Материалы по истории старообрядчества., 1909, с. 909]. Это был молельный дом, расположенный на усадьбе Михаила Прокопьевича Заграничнова на ул. Семипалатинской (Орджоникидзе). Сведений о его первоначальном виде в настоящее время не обнаружено.

Именной высочайший указ императора Николая II от 17 апреля⁷ 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» предоставил старообрядцам определенные права, в том числе признавалось, «что сооружение молитвенных старообрядческих и сектантских домов, точно так же, как разрешение ремонта и их закрытие, должны происходить применительно к основаниям, которые существуют или будут постановлены для храмов инославных исповеданий». Именной высочайший указ от 17 октября 1906 г. подтвердил, что «старообрядцам предоставляется свободное исповедание их веры и отправление религиозных обрядов, по правилам их вероучений, а также образование... религиозных общин» [Именной высочайший указ., 1906, с. 2]. Указ подробно регламентировал порядок регистрации и деятельность старообрядческих обществ. За 17 месяцев, последовавших после указа, старообрядцами было зарегистрировано до 700 общин [Перечень зарегистрированных., 1908, с. 418]. В их числе была Новониколаевская старообрядческая община храма Рождества Пресвятой Богородицы, образование которой было разрешено постановлением общего присутствия Томского губернского управления от 21 февраля 1907 г. [Знаменательный юбилей, 2007].

Одним из важных вопросов с первых дней регистрации новониколаевской общины становится строительство нового храма и старообрядческой школы. Согласно императорскому указу от 17 октября 1906 г., сооружение старообрядческих храмов, молитвенных домов, скитов и обителей разрешалось губернаторами или градоначальниками. Для выдачи разрешений было необходимо постановление общего собрания членов общины с ходатайством относительно предполагаемой постройки и соблюдение технических условий Строительного устава [Именной высочайший указ., 1906, с. 2].

В 1906 г. Кабинет Его Императорского Величества отдал старообрядцам в бесплатное пользование два участка под постройку молитвенного дома [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 29]. Это были участки №1 и №14 общей площадью 680 кв. саженей (3095,53 кв. м), расположенные в квартале 87 Центральной части Новониколаевска (ил. 1).

Община планировала построить храм и школу с общежитием при ней. Имеющейся в распоряжении земли не хватало, поэтому в заявлении от 12 мая 1907 г. доверенный старообрядческого общества

Арефий Тимофеевич Поляков просил Городское Управление отвести старообрядцам в бесплатное пользование два смежных участка, №2 и №13, в том же квартале. 1 августа 1907 г. уполномоченные города Новониколаевска передали старообрядческой общине соответствующие участки на следующих условиях:

1) общество старообрядцев обязано построить на уступленных в пользование участках в течение трех лет школьное здание и открыть школу;

2) в случае, если старообрядческое общество не построит в указанный срок школы и не откроет ее, или после постройки школа по какой-либо причине прекратит свое функционирование, уступленные участки поступают вновь городу, при этом Городское Управление компенсирует старообрядческому обществу стоимость возведенных зданий [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 2 Л. 1—1 об.].

Таким образом, в 1907 г. у старообрядцев в пользовании оказалось 4 участка общей площадью 1190 кв. саженей (5417,178 кв. м). Они располагались на ул. Логовской (Семьи Шамшиных) между улицами Потанинской и Гуляевской (Романова).

22 мая 1908 г. прошло общее собрание членов Новониколаевской старообрядческой общины, на котором были подняты вопросы по финансированию строительства нового храма и месту его постройки. Собрание решило для изыскания средств на церковное строительство уполномочить священника о. Петра Черемухина «ходатайствовать пред Томским Старообрядческим Епископом о разрешении сбора пожертвований по крайней мере для пяти лиц по пяти сборным книжкам и, впоследствии, по подписным листам и талонным книжкам чрез добровольные пожертвования родных жертвователей» [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 1].

Второй вопрос касался места строительства храма. После обсуждения община приняла решение приобрести более удобный и подходящий для этой цели земельный участок. Собрание уполномочило Тараса Антоновича Чернышева, Дмитрия Порфирьевича Филиппова, Аггея Ипполитовича Мезенцева, Кирилла Александровича Полякова войти с заявлением в Городское Общественное Управление об обмене имеемого места в квартале 87 на два усадебных участка в квартале 28 Центральной части. Существующий молельный дом на ул. Семипалатинской было решено отремонтировать и расширить [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—1 об.].

24 июля 1908 г. состоялось заседание уполномоченных города Новониколаевска, на котором был доложен вопрос об отводе старообрядческой общине двух усадебных участков в квартале 28 Центральной части города для постройки молитвенного дома и школы. Община объясняла необходимость получения нового места под запланированное строительство тем, что выделенные Кабинетом и городской властью участки в квартале 87 «расположены на окраине города, вдали от населенного места, куда в зимнее время посылать детей в школу очень рискованно, так как они могут замерзнуть». Сегодня квартал 87 является частью территории, ограниченной ул. Семьи Шамшиных, Романова, Ольги Жилиной и Ядринцевской. Это место прочно ассоциируется с периферией центра, однако в 1908 г. квартал непо-

⁷ Здесь и далее в тексте даты приведены по старому стилю.

средственно прилегал к городской границе, проходившей в створе современной ул. Ольги Жилиной.

Уполномоченные Новониколаевска, заслушав доклад, постановили отвести старообрядческой общине для безвозмездного пользования участка № 19 и 20 в квартале 28. Выделенная городом земля размещалась на углу ул. Дворцовой (Революции) и Асинкритовской (Чаплыгина). Каждый усадебный участок имел стандартные размеры 10 x 25 сажень, общая площадь территории составляла 500 кв. сажень. Городская власть поставила прежние условия:

1) старообрядческая община обязана построить в течение трех лет школьное здание и открыть в нем школу;

2) выделенные участки поступают обратно в распоряжение Городского Управления, если строительство школы не будет осуществлено в оговоренный срок;

3) в случае прекращения функционирования школы участки также изымаются в пользу города, причем Городское Управление должно уплатить старообрядческой общине стоимость строительного материала, использованного при возведении зданий.

Журнал уполномоченных № 54 от 1 августа 1907 г., по которому город передавал в пользование общины участки в квартале 87, отменялся, усадебные места № 2 и 13 возвращались в ведение городской власти. Старообрядцы были обязаны ходатайствовать о передаче в собственность города участков № 1 и 14, выделенных Кабинетом Его Императорского Величества [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 24—24 об.]. Это требовало выполнения ряда процедур для урегулирования имевшихся правовых вопросов.

В первую очередь было необходимо получить план и акт на переданные Кабинетом земли. Этот вопрос поднимался еще в 1906 г. [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 29], однако, как следует из документов, не был решен в течение двух лет. 16 октября 1908 г. Совет общины уполномочил священника о. Петра Черемухина и члена совета Ивана Семеновича Ефремова подать прошение Управляющему Томским Именем о выдаче необходимых документов [Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 27].

1 ноября 1909 г. Совет общины поручил Ивану Прокопьевичу Заграничнову навести справки в Новониколаевской Городской Управе о переводе участков в квартале 28 на имя старообрядческой общины и при возможности получить копии переписки Городского Управления с Кабинетом Его Императорского Величества [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 44].

19 января 1910 г. общее собрание членов старообрядческой общины приняло решение «возбудить ходатайство пред Кабинетом Его Величества в Главном Его Управлении находящемся в гор. Барнауле, для чего уполномочило Тараса Антоновича Чернышева» [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 8].

1 августа 1910 г. были избраны представители для подачи прошения и проведения личных переговоров с Санкт-петербургским чиновником Кабинета Его Императорского Величества, находившимся на тот момент в Новониколаевске. Прошение касалось обмена участков, дарованных императором в 1906 г., на усадебные места в квартале 28 Центральной части. Подать документ и провести переговоры поручили членам Совета общины — священнику о.

Петру Черемухину, Тарасу Антоновичу Чернышеву, Исидору Ефимовичу Пинаеву, Ивану Семеновичу Ефремову, Сергею Тимофеевичу и Кириллу Александровичу Поляковым [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 59 об. — 60].

Исход встречи неизвестен, однако страховые дела свидетельствуют, что обмен участков все же состоялся. В страховых планах строений, составленных в 1911—1912 гг., владельцем усадьбы № 13 по ул. Гуляевской (Романова) указан город Новониколаевск. В границы усадьбы, судя по планам, входили участки № 1, 2, 13 и 14 квартала 87 [ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 563. Лл. 3—3 об., 9—9 об.]. Согласно страховому делу, открытому в 1911 г., недвижимое имущество на участках № 19 и 20 в квартале 28 принадлежало Новониколаевской старообрядческой общине [ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 569. Л. 4—5].

Получив в пользование усадьбы в квартале 28, старообрядцы не успели построить храм, как планировали. Подходил к концу трехгодичный срок, отпущенный городом на строительство школы. На общем собрании членов старообрядческой общины, состоявшемся 19 января 1910 г., был открыт сбор пожертвований для возведения школьного здания. В результате собрали 588 рублей, переданных на хранение Ивану Прокопьевичу Заграничнову [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 8].

Старообрядческую школу на углу ул. Дворцовой (Революции) и Асинкритовской (Чаплыгина) выстроили к апрелю 1911 г. Это было одноэтажное бревенчатое здание с железной кровлей. Размеры в плане составляли 5,3 x 6 сажень (11,3 x 12,8 м), высота — 1,5 сажени (3,2 м). К восточному фасаду примыкал тамбур, к южному — черный ход и отхожие места [ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 569. Л. 5 об.]. В настоящее время на месте школы располагается девятиэтажный жилой дом по адресу ул. Революции, 6.

Все время, пока решался вопрос по обмену участков и строительству школы, богослужения проводились в старом молельном доме, располагавшемся на ул. Семипалатинской. Это был участок №10 в квартале 63 Центральной части Новониколаевска, принадлежавший изначально Михаилу Прокопьевичу Заграничнову. Участок в свое время продали старообрядческой общине, однако формального перевода земли совершено не было [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 2. Л. 50—50 об.].

К оформлению прав на усадьбу, где размещается молельный дом, вернулись только в 1910 г. 22 марта Совет общины постановил ускорить перевод участка с постройками, находящегося по Семипалатинской улице, в собственность общины. Для выполнения этой задачи избрали К.А. Полякова и И.С. Ефремова [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 53]. С 1910 по 1912 г. урегулировались вопросы наследования земельного участка, возникшие в результате смерти М.П. Заграничнова в 1902 г. [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 2. Лл. 49, 50—50 об., 63, 64—64 об.].

1 июля 1910 г. Совет общины принял решение отремонтировать дом священника, расположенный рядом с молельным домом. Необходимо было обшить здание тесом, засыпать опилками, перекрыть крышу с добавлением нового теса и исправить печи. Наблюдение за ремонтом поручили С.Т. Полякову и И.С. Ефремову [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 58 об.].

17 мая 1911 г. член Совета Филипп Иванович Антонов от имени Новониколаевской старообрядческой общины подал заявление о страховании недвижимого имущества, находящегося на участке № 10 квартала 63 [ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 2040. Л. 2]. Документы открытого страхового дела дают представление о планировочной организации усадьбы, описывают в общих чертах молельный дом и дом священника (ил. 2).

Усадьба № 10 в квартале 63 являлась стандартным прямоугольным участком размерами 15 x 17 сажений (32 x 36,3 м). Северо-восточную часть участка занимал дом священника, поставленный на меже и выходящий главным фасадом на красную линию ул. Семипалатинской. Это было одноэтажное бревенчатое здание, обшитое тесом. Размеры в плане составляли 4 x 4 сажени (8,5 x 8,5 м), высота — 1,3 сажени (2,77 м). К западному фасаду примыкал черный ход. Кровля здания была выполнена из теса [ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 2040. Л. 3 об.].

В глубине участка, практически у задней межи, располагался молельный дом (ил. 3). В настоящее время неизвестно, как первоначально выглядело здание. В 1908 г. его отремонтировали и расширили. Сумма, затраченная на строительные работы, составила 1585 руб. 78 коп. [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 3—4]. Активную финансовую помощь в ремонте оказали Т.А. Чернышев, И.С. Ефремов [ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18. Л. 3 об., 7—7 об.].

Страховой план строений, составленный 17 мая 1911 г., содержит описание молельного дома после ремонта и расширения. Он представлял собой одноэтажное бревенчатое строение с железной кровлей. Стены были обшиты. Размеры в плане составляли 6,3 x 2,8 сажений (13,44 x 5,97 м), высота — 2,3 сажени (4,9 м). К северному фасаду примыкал объем черного хода. К западному фасаду была пристроена сторожка размерами 2,5 x 2 сажени (5,33 x 4,27 м). Высота составляла 1,4 сажени (2,99 м). Бревенчатые стены сторожки были обмазаны глиной, крыша покрыта железом [ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 2040. Л. 3 об.].

Страховой план строений, расположенных на участке № 10 квартала 63, позволяет достаточно точно определить прежнее местоположение молельного дома, дома священника и сторожки. Сохранившиеся здания, построенные в окрестностях ул. Ленина не позднее 1920-х гг., фиксируют дореволюционные створы улиц, границы кварталов и земельных участков. Квартал 63 представлял собой стан-

дартный квартал Новониколаевска, состоявший из 12 участков. Размеры угловых участков составляли 20 x 17 сажений (42,66 x 36,26 м), рядовых — 15 x 17 сажений (31,99 x 36,26 м). Нумерация участков началась от угла ул. Кузнецкой (Ленина) и Дворцовой (Революции). Угол квартала и его красные линии зафиксированы школьным зданием (ул. Ленина, 22), построенным в 1912 г. Нанесение на современную топографическую съемку в масштабе дореволюционного межевания и строений усадьбы № 10, указанных в страховом плане, дает четкое представление о том, где когда-то находился старообрядческий молельный дом (ил. 4). В настоящее время это двор жилого дома № 20 на ул. Ленина. Молельный дом не сохранился. Сегодня приблизительно на его месте находится современная детская площадка, расположенная к северо-востоку от трансформаторной подстанции (ил. 5).

Список литературы

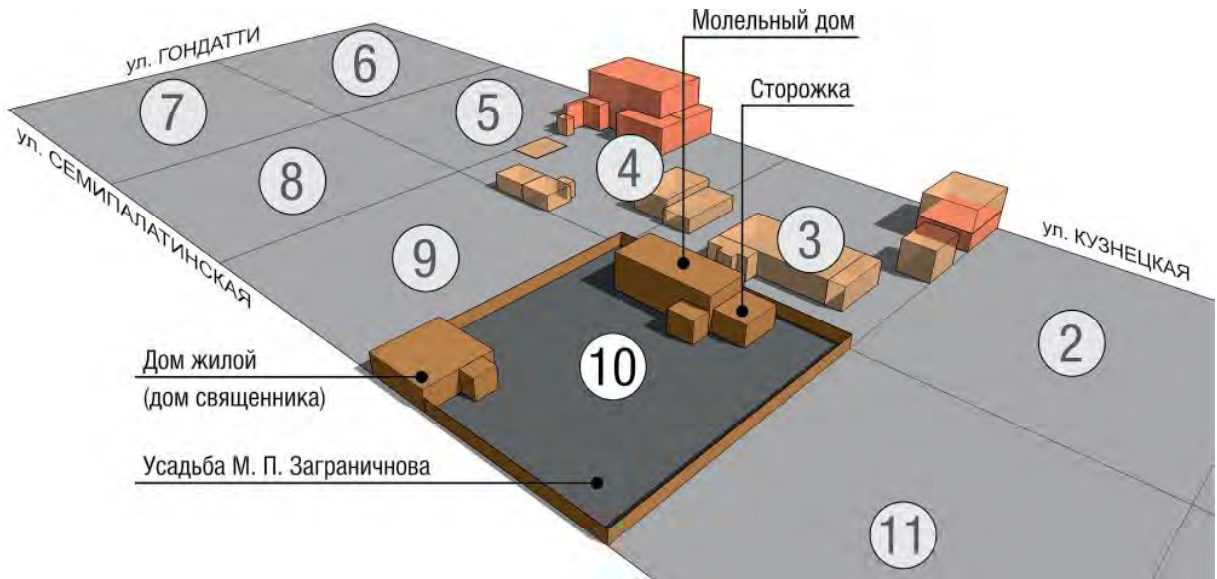
1. Знаменательный юбилей // Вечерний Новосибирск. — 14.09.2007 [Электронный ресурс]. — URL: <https://vp.ru/news-88184/> (дата обращения: 26.06.2018).
2. Именной высочайший Указ. О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин и о правах и обязанностях входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия сектантов: Правительствующему Сенату. — Москва: Тип. П.П. Рябушинского, 1906. — 24 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.prlib.ru/item/711271> (дата обращения: 26.06.2018).
3. Материалы по истории старообрядчества. Г. Новониколаевск, Томской губ. // Церковь. — 1909. — № 30. — С. 909.
4. Новосибирск: энциклопедия / гл. ред. В.А. Ламин. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. — 1071 с.
5. Перечень зарегистрированных старообрядческих общин // Церковь. — 1908. — № 12. — С. 418.

Список источников

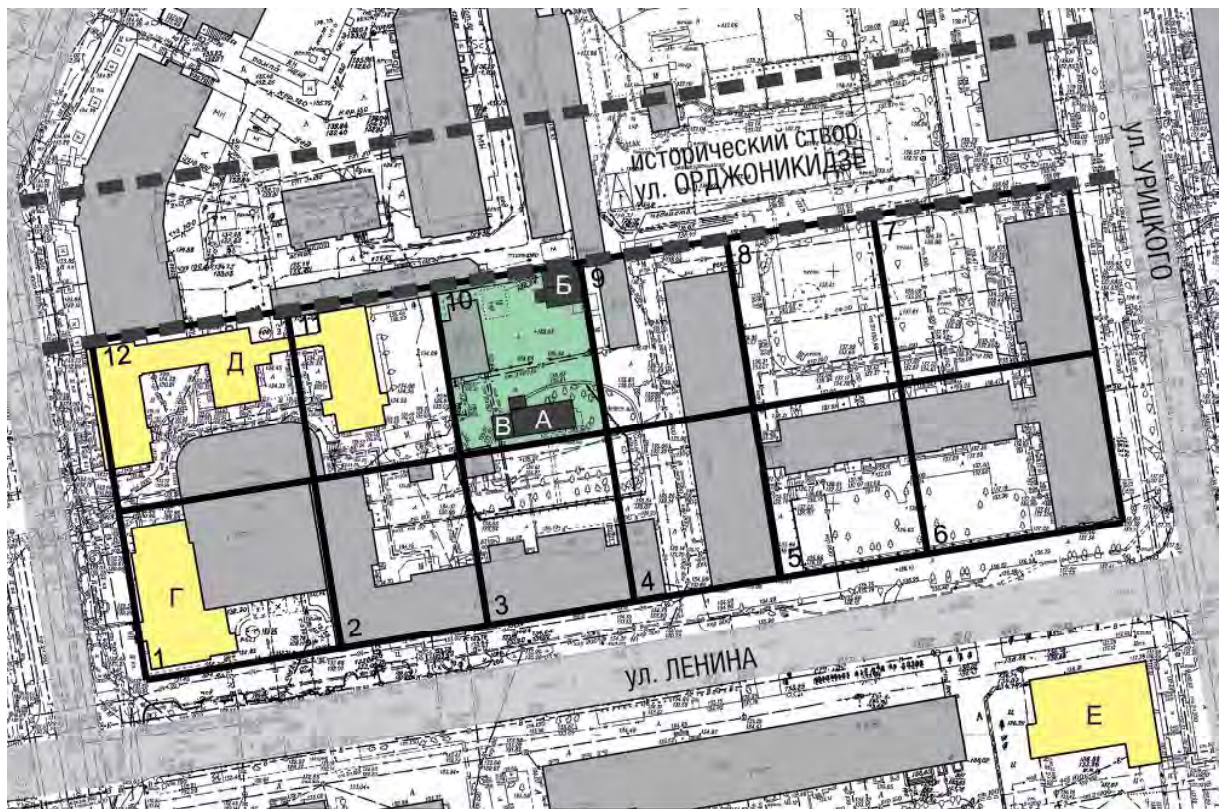
1. ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 2.
2. ГАНУ. Ф. Д-73. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАНУ. Ф. Д-97. Оп. 1. Д. 356.
4. ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 563.
5. ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 569.
6. ГАНУ. Ф. Д-150. Оп. 1. Д. 2040.

Ил. 3. 3D схема участка № 10 в квартале 63. Графическая реконструкция автора

Ил. 4. Место, на котором находились молельный дом, дом священника и сторожка. Графическая реконструкция автора.
Буквами обозначены: А — место молельного дома; Б — место дома священника; В — место сторожки;
Г — бывшая школа, ул. Ленина, 22; Д — здание, ул. Революции, 36; Е — гимназия П.А. Смирновой, ул. Ленина, 11

Ил. 5. А — жилой дом №20 на ул. Ленина; Б — место, на котором находился старообрядческий молельный дом. Снимки автора

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10078

УДК: 711.1

О.С. Субботин
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар)
subbos@yandex.ru

Историко-градостроительная эволюция г. Новониколаевска (Новосибирска)

Аннотация

Рассматриваются основные этапы градостроительного развития города Новониколаевска (Новосибирска), его архитектурно-планировочной структуры. Значительное место отведено первоначальному этапу становления населенного пункта, а также природно-климатическому состоянию территории на момент строительства моста через Обь. Отдельно выделено местоположение первых улиц Закаменской части города. Опираясь на основные направления культурно-исторической преемственности г. Новониколаевска, проанализировано его архитектурно-градостроительное развитие. Акцентируется внимание на различные факторы, способствующие становлению и формированию указанного города. Обозначена уникальная ценность исторической застройки городского центра.

Ключевые слова: история, эволюция, город, населенный пункт, генеральный план, центр, планировочная структура, Новониколаевск, наследие, ценность

O.S. Subbotin
*Kuban State Agrarian University named
after I. T. Trubilin (Krasnodar)*
subbos@yandex.ru

Historical and Town-Planning Evolution of Novonikolaevsk (Novosibirsk)

Abstract

The main stages of urban development of the city of Novonikolaevsk (Novosibirsk), its architectural and planning structure are considered. A significant place is given to the initial stage of the settlement, as well as to the natural and climatic state of the territory at the time of the construction of the bridge across the Ob. The location of the first streets of Zakamensky part of the city is separately highlighted. Based on the main directions of the cultural and historical continuity of the city of Novonikolaevsk, its architectural and urban development is analyzed. Attention is focused on the various factors that contribute to the formation and formation of this city. The unique value of the historical development of the city center is indicated.

Keywords: history, evolution, city, populated area, master plan, center, planning structure, Novonikolaevsk, heritage, value

Город — творенье рук человечества, его душа и память. Именно память, материализованная в архитектурных достопримечательностях, составляет основу его богатства. Пространственная среда постоянно развивается, видоизменяется, но ядром города по-прежнему остается его исторический планировочный каркас [Субботин, 2011а, с. 640].

История любого города — это прежде всего история человеческих судеб и событий, его культура и традиции, неповторимая красота, а также здания и сооружения исторической и художественной ценности, памятники архитектуры и градостроительства, формирующие присущий только ему своеобразный эстетический облик. При этом архитектурно-планировочная структура города является уникальным историко-культурным наследием данного населенного места. Большинство городов богаты объектами для туризма, запоминающимися за счет особенного

облика архитектуры и оставляющие незабываемые впечатления в сознании человека, обогащая его интеллектуально.

В настоящее время — век стремительной урбанизации, активного строительства, — когда происходит подчас изменение системы ценностей и нравов, тема научного исследования, посвященная сохранению уникальной архитектурной и градостроительной картины исторического городского пространства, является актуальной и своевременной.

Цель исследования — провести комплексный ретроспективный анализ архитектурно-градостроительного развития г. Новосибирска.

Задачи исследования заключаются в том, чтобы проанализировать историко-архитектурную эволюцию города и выявить характерные черты его градостроительной структуры и архитектуры.

Объект исследования — архитектурно-планиро-

вочная структура Новониколаевска на протяжении этапов его архитектурно-градостроительного развития.

Предметом исследования является историко-культурное развитие г. Новониколаевска (Новосибирска), преемственность архитектурно-градостроительных традиций в рамках географических границ города, определенных современным его состоянием.

Методика исследования включает в себя изучение литературы, архивный поиск источников, сравнительный анализ градостроительных приемов.

Город Новосибирск (Новониколаевск), как и другие города, имеет свою историю становления, формирования и развития. Появление города было предопределено необходимостью строительства моста Транссибирской железной дороги через р. Обь. День закладки первого камня в железнодорожный мост через Обь — 20 июля 1893 г. — считается датой рождения Новосибирска. Одновременно со строительством моста в полутора верстах от реки начали строить второй крупный железнодорожный комплекс — станцию Обь. Третьим крупным сооружением на железной дороге у р. Оби была каменная церковь, самая большая из всех подобных зданий, построенных вдоль дороги. Возле крупных сооружений, сопутствующих железной дороге, — моста, станции, церкви — все более и более расселялись люди. Образовались два ядра поселения — у станции Обь и между мостом и храмом, и районы быстро росли территориально навстречу друг другу. Уже в 1893 г. в районе моста и у станции проживало 734 человека [Баландин, 1978, с. 11—15] (ил. 1—2).

Поселок мостостроителей, ставший впоследствии г. Новосибирском, за всю историю своего существования несколько раз менял название — Новая деревня, Александровский, Новониколаевский. До начала основания поселка на правом берегу Оби, одной из крупнейших рек в мире, по обеим сторонам речки Каменки, впадающей в Обь практически в центре основания будущего поселка и являющейся в то время относительно крупной водной артерией с крутыми берегами, находился девственный сосновый лес, произрастающий преимущественно на сухой песчаной почве, с преобладающими вековыми соснами, с примесью ели, березы, осины и других древесных пород. Данный лес входил в состав Верх-Обского бора (после 1902 г. — Николаевский бор, или «Николаевская лесная дача»). В настоящее время отдельные экземпляры сосен частично сохранились на территории бывшего сада им. Кирова в Октябрьском районе Новосибирска (до 4 октября 1936 г. — сад «Свобода»).

Первый в истории города Новониколаевска-Новосибирска план его развития был составлен в 1896 г. межевщиком (землемером) Кузнецовым «для отвода земли под усадьбную оседлость». В январе 1897 г. план поселка был утвержден начальником Алтайского горного округа. По переписи 28 января 1897 г. в поселке уже проживало 11600 человек.

Хотя план не учитывал градостроительные принципы в полном смысле этого слова, тем не менее он отразил сложившуюся целесообразность в застройке и заложил некоторые основы территориального развития поселка. Согласно плану, улицы, обрамляющие прямоугольные кварталы, предназначавшиеся

для усадебной одно-, двух-этажной застройки, были разбиты параллельно Оби в Закаменской части и параллельно железной дороге — в Привокзальной. В центре поселка улицы вытянулись с юга на север, их пересекали под прямым углом улицы, идущие с запада на восток [Новосибирск, 2007, с. 15—18] (ил. 3).

Большинство улиц Закаменской части, обрамляющие кварталы, были разбиты параллельно р. Оби, являющейся важнейшим природным градостроительным фактором в архитектурно-планировочной структуре населенного места. Главной улицей и транспортной артерией данной части города являлась ул. Трастовая (в 1912 г. — Будаговская, в честь талантливого инженера-путейца, выполнявшего обязанности главного инженера стройки при возведении моста через Обь). 5 августа 1920 г. постановлением горуправления исполкома 14 улиц, один проспект и одна площадь были переименованы. Затронула эта участь и ул. Будаговскую, которая получила новое название ул. Большевикской, сохранившееся до настоящего времени. Одной из самых старых и исторических улиц Закаменки является ул. Нижегородская, которая была обозначена на плане Новониколаевска уже через три года со дня основания города, вместе с Турухановской и Вагановской улицами, и сохранила название до наших дней.

Выход центра города к реке, активное включение акватории реки и пространства долины в композицию города и его центра стали чрезвычайно важными темами перспективного функционально-планировочного и композиционно-пространственного формирования Новосибирска во всех генеральных планах города. Стратегическая важность и сложность этой композиционно-пространственной задачи во многом была обострена тем обстоятельством, что Транссибирская железнодорожная магистраль, давшая рождение городу на Оби, после перехода через реку с запада на восток резко поворачивала на север и на протяжении двух километров следовала параллельно Оби, отрезая территории дальнейшего формирования исторической зоны будущего центра города от важнейшего природного фактора, каким является крупная река [Туманик, 2014, с. 10].

Впоследствии градостроительное устройство и территориальное деление Новониколаевска менялись в зависимости от исторических условий и наглядно отражались в его архитектурно-планировочной структуре. Город переживал удивительную историю своего развития, пройдя исторический путь через сложные события времени. Дальнейшее решение композиционно-пространственной задачи по преобразованию архитектурно-планировочной структуры будущего Новосибирска и взаимосвязанных с этих систем представляло собой преемственный характер градостроительной культуры. В процессе разработки генеральных планов анализируются тенденции и перспективы экономического и социального развития города.

Вместе с тем озабоченность вызывает реконструкция застройки исторической части города с памятниками архитектурно-градостроительного наследия. «Большая их часть сосредоточена вдоль главных улиц центральной части городов, которые особенно привлекательны для инвесторов. При осуществлении реконструкции центральной части, не-

смотря на трансформацию планировочной структуры в процессе ее развития, необходимо в первую очередь тщательно прорабатывать архитектурные решения по гармонизации данной городской среды, т.е. создания единства и художественной выразительности, сохраняя при этом преемственность градостроительной культуры. Ядром планировочной структуры большинства городов является его исторический центр, именно его старейшая часть, которая фиксирует естественный процесс развития и наглядно отражает его архитектурное прошлое [Субботин, 2017, с. 35]». Необходимость исторической точности в решении проблемы преемственности архитектурно-планировочной структуры поселений требует всестороннего изучения существующей застройки данных поселений [Субботин, 2014, с. 22].

Тяжелыми для города были годы революций и Гражданской войны, и лишь после 1921 г., с введением в Сибири новой экономической политики, Новониколаевск получил новое развитие [Невзгодин, 2005, с. 8].

На 1-м краевом съезде Советов Сибири, который проходил 3—8 декабря в Доме Ленина (сейчас это памятник истории регионального значения⁸), депутаты приняли решение, что городу следует присвоить новое название — Новосибирск, так как старое связано с именем царя, а это нереволуционно. Центральный исполнительный комитет СССР (ЦИК СССР) 12 февраля 1926 г. утвердил указанное решение.

Заметным событием в судьбе Новосибирска, а также многих городов Урала, Западной и Восточной Сибири, стран бывших советских республик стал перенос в город большого количества эвакуированных промышленных предприятий с территорий центральной части страны, которым угрожал захват нацистами в годы Великой Отечественной войны. В результате концентрации промышленного производства и других градообразующих функций средний размер отдельных наиболее крупных старых и формирующихся новых городов Сибири к 1950 г., по сравнению с довоенным периодом, увеличился со 170—180 тыс. до 280 тыс. человек, а такие города, как Новосибирск и Омск, вошли в категорию крупнейших, с населением свыше 500 тыс. человек. Общий процесс расселения в это время приобретает выраженный централизованный характер с преобладанием от 50 до 93% городского населения в городах-центрах и тяготеющих к ним малых городах и поселках. Что же касается Новосибирска, то его исключительное значение как крупнейшего центра Сибири было predetermined в 1930-х гг., а территориальные емкости и планировочный масштаб миллионного города заложен во всех генеральных схемах предшествующего периода [Оглы, 1980, с. 107, 122].

Необходимо подчеркнуть, что одним из основополагающих материалов градостроительной документации, определяющей пути планировочного развития генеральных планов г. Новосибирска, был проект планировки, выполненный в 1927 г. под руководством профессора Б.А. Коршунова (ил. 4).

⁸ Постановление главы администрации Новосибирской области от 11.07.1997 № 360 «Об отнесении памятников истории и культуры федерального значения к категории памятников местного значения Новосибирской области».

Основные положения данного градостроительного документа были представлены Б.А. Коршуновым на расширенном Пленуме планировочной комиссии 29 декабря 1926 г.

Таким образом, анализируя тенденции и перспективы экономического и социального становления и развития Новониколаевска (Новосибирска), можно выделить четыре ключевые составляющие, которые способствовали развитию города как крупнейшей городской агломерации Сибири до настоящего времени:

— строительство железнодорожной магистрали и моста через Обь, послужившее началом быстрого роста населенного пункта (1893 г. — начало XX в.);

— преобразование города в административный центр Сибири, способствующее его формированию как одного из центров региона с высоким торговым и культурным значением (1920-е гг.);

— размещение большого количества промышленных предприятий в пределах города во взаимосвязи с планировкой селитебной территории (1940-е гг.);

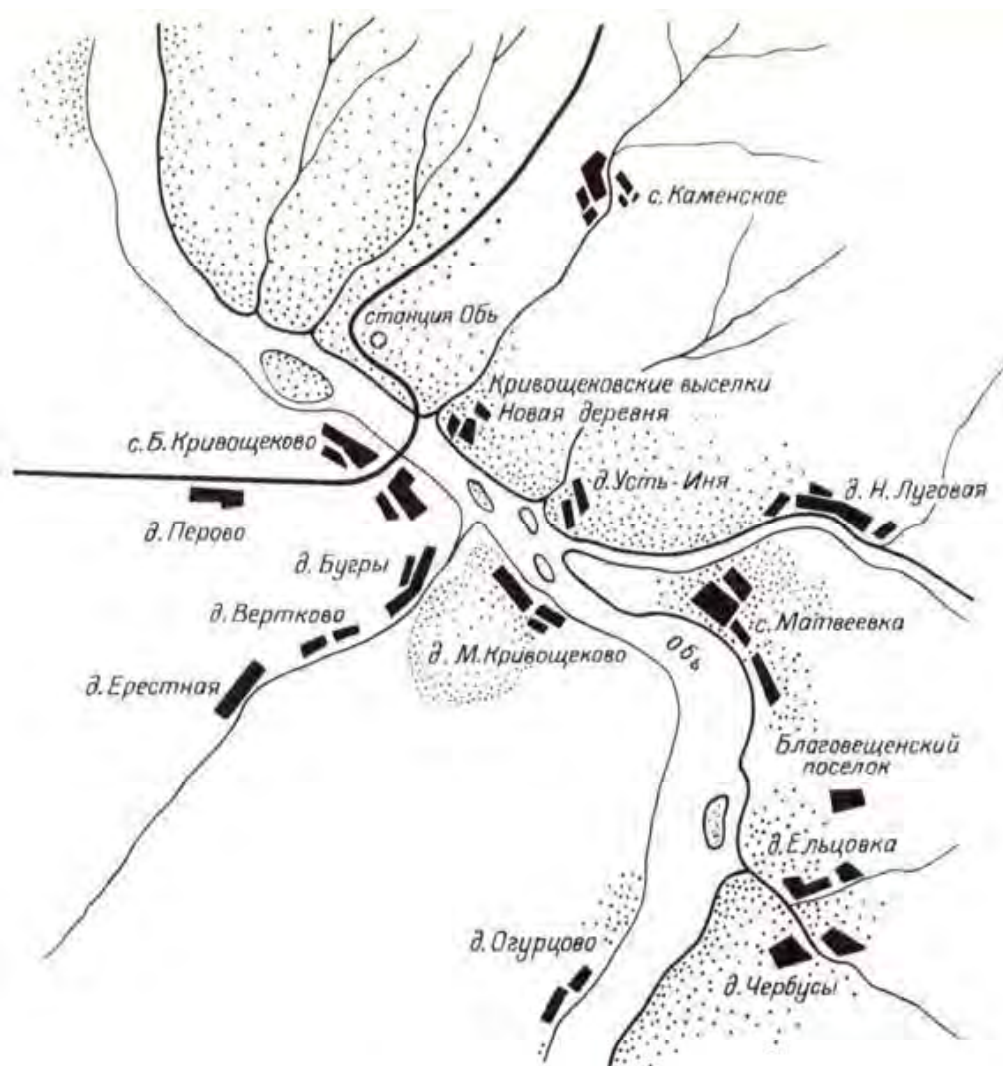
— образование Указом Президента РФ от 13 мая 2000 г. Сибирского федерального округа с административным центром в г. Новосибирске.

Общегородской центр, расположенный на одной из главных композиционных осей городского плана — Красном проспекте, является основным историческим ядром города, организующим его архитектурно-планировочную структуру. Несмотря на относительно молодой возраст города, историческая застройка центра представлена зданиями деревянного народного зодчества, кирпичными и железобетонными зданиями в стиле конструктивизма и рационального модерна. Поэтому основная задача, «от грамотного решения которой зависит дальнейшая судьба исторической застройки — восстановление утраченных частей или целого организма существующей застройки. И в первую очередь это сохранение самобытности среды, реставрация памятников архитектуры, воссоздание утраченных объектов культурного наследия. В то же время новые объекты, несмотря на свою индивидуальность, должны гармонизировать со сложившейся исторической застройкой. Следует сохранять масштабность данной застройки и архитектурные традиции» [Субботин, 2012, с. 25]. Вместе с тем одной из трудных и часто неразрешимых архитектурно-планировочных проблем современного градостроительства является совмещенная композиционная гармонизация элементов прошлого, настоящего и будущего при формировании художественного облика города [Субботин, 2011б, с. 48].

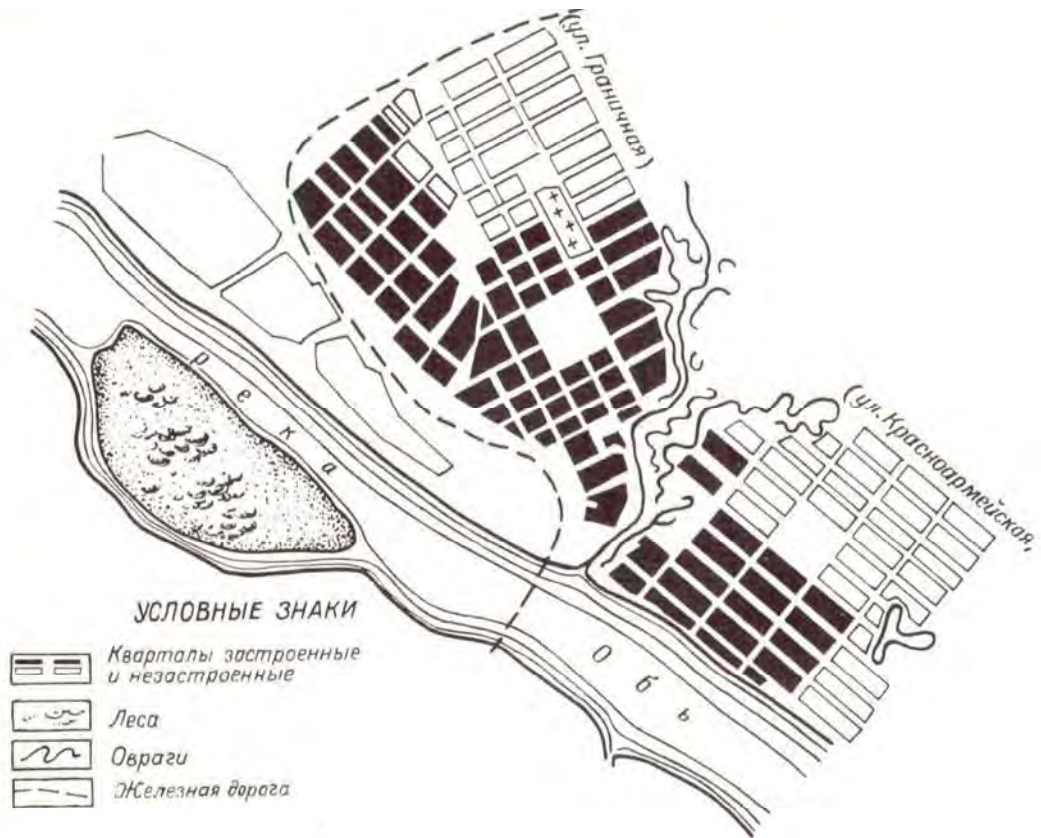
Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893—1945 гг. — Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1978. — 136 с.
2. Невзгодин И.В. Архитектура Новосибирска: Первые крупные каменные здания, революционный романтизм, рационализм, функционализм, конструктивизм, архитектура переходного периода, хрущевский модернизм и интернациональный стиль эпохи застоя. — Новосибирск: Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2005. — 204 с.

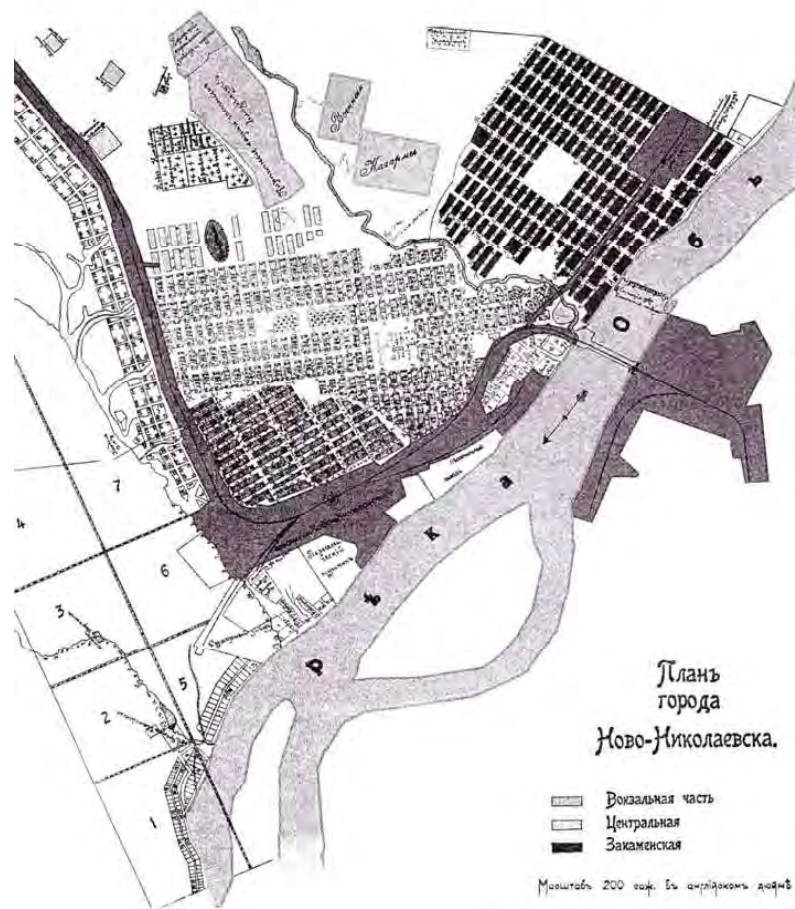
3. Новосибирск. История генеральных планов в документах / авт.-сост. В.Н. Шумилов — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2007. — 440 с.
4. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. — Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1980. — 272 с.
5. Туманик Г.Н. Новосибирск: неиспользованные возможности градостроительного формирования (полемиические заметки). — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2014. — 174 с.
6. Субботин О.С. Концептуальные особенности генеральных планов г. Краснодара // Вестн. Моск. гос. строит. ун-та. — 2011а. — № 6. — С. 640—644.
7. Субботин О.С. Памятники архитектурного наследия Тобольска // Жилищное строительство. — 2011б. — № 10. — С. 48—50.
8. Субботин О.С. Особенности регенерации кварталов исторической застройки. Ч. I // Жилищное строительство. — 2012. — № 10. — С. 22—25.
9. Субботин О.С. Развитие систем расселения и самобытные черты в планировке населенных мест Кубани // Жилищное строительство. — 2014. — № 11. — С. 16—22.
10. Субботин О.С. Проблемы сохранения архитектурно-градостроительного наследия в условиях современного города (на примере Краснодара) // Жилищное строительство. — 2017. — № 7. — С. 35—40.

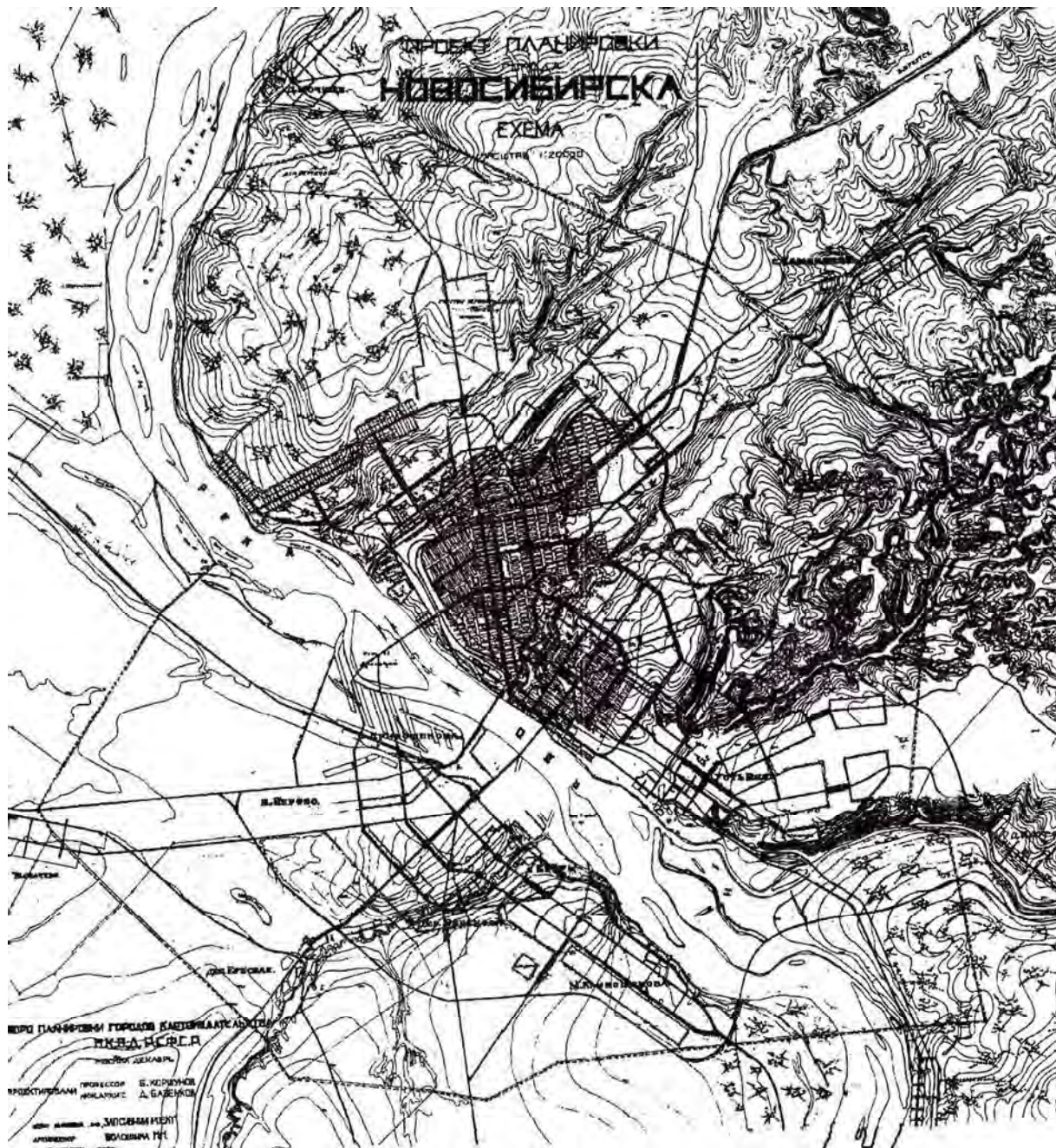
Ил. 1. Трасса железной дороги по берегам р. Оби с мостовым переходом у с. Б. Кривошеково. По: [Баландин, 1978]

Ил. 2. План Новониколаевска в 1906 г. По: [Баландин, 1978]

Ил. 3. План города Новониколаевска. 1912 (1913) г. По: [Невзгодин, 2005]

Ил. 4. Проект планировки г. Новосибирска, составленный в 1927 г. в бюро планировки Картоиздательства НКВД под руководством профессора Б.А. Коршунова. По: [Новосибирск, 2007]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10079
УДК: 72 (571.150)

М.А. Целищева
Алтайская региональная краеведческая
общественная организация «Наследие Алтай»
c.marina64@mail.ru

**«Магазин Второва» в Барнауле — памятник архитектуры
конца XIX — начала XX века: история и современное использование**

Аннотация

В статье на основе архивных источников представляются сведения об архитектурном памятнике г. Барнаула конца XIX — начала XX в. — магазине купца А.Ф. Второва — с момента постройки и до современности. Здание расположено в исторической части города и было построено потомственным дворянином И.К. Платоновым. С 1899 г. дом Платонова иркутский купец А.Ф. Второв арендовал под оптово-розничный магазин. До национализации в 1920 г. торговлю в здании вело Товарищество «А.Ф. Второв с С-ми». Объект является примером торгового здания сибирского города конца XIX в., выполненного в формах эклектики.

Ключевые слова: культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия, архитектура Барнаула, стиль эклектика

М.А. Tselishcheva
Altai Regional Local History Non-government
Organization Altai Heritage (Barnaul)
c.marina64@mail.ru

**Vtorov Storehouse as an Architectural Landmark of Barnaul
of Late 19th – early 20th Century: History and Modern Use**

Abstract

The article deals with the archival data, revealing the information about an architectural landmark of the city of Barnaul of the late 19th — the early 20th centuries — Vtorov Storehouse, from its construction to the present. The building is located in the historical part of Barnaul and was built by I.K. Platonov, a nobleman. Since 1899 the Platonov's house was rented by the Irkutsk merchant A.F. Vtorov for a wholesale and retail store. A.F. Vtorov with Sons Company rented the building up to its nationalization in 1920. The building with its forms of eclecticism is an example of a commercial building of the Siberian city of the late 19th century.

Key words: cultural heritage, architectural landmark, objects of cultural heritage, architecture of Barnaul, eclecticism

На рубеже XIX—XX вв. Барнаул превращается в крупный торговый центр Сибири. В городе сформировалась развитая торговая инфраструктура. Особенно усилилось строительство города в начале XX в. [Скубневский, 1993, с. 264—265]. Вдоль Московского проспекта и на других улицах здания строились в так называемом кирпичном стиле, одном из проявлений эклектики [Долнаков и др., 1982, с. 81]. Улица Льва Толстого — одна из немногих в Барнауле, где история сохранилась практически в первоначальном виде.

Исследуемое здание расположено в исторической части Барнаула и включено в ряд непрерывной застройки торговой улицы Льва Толстого (до 1910 г. — ул. Большая Тобольская). Изначально на этом месте находилось два здания — небольшой деревянный двухэтажный домик и одноэтажный каменный магазин. Это можно увидеть на старых фотографи-

ях. Двухэтажное кирпичное здание было возведено в конце XIX в. на месте двухэтажного деревянного домика, с шестью парами окон по центральному фасаду и двумя балконами (ил. 1). Здание по ул. Б. Тобольская принадлежало потомственному дворянину И.К. Платонову, который владел винокурным, мукомольным и стекольным заводами, имел собственное пароходство [Целищева, Слуцкий, 2013, с. 429]. В феврале 1899 г. городская дума рассмотрела вопрос об установке столбов для подачи электроэнергии в магазины города. Платонов желал устроить у себя на усадьбе (на ул. Иркутской) электрическую станцию с целью освещения своего жилого дома и принадлежащего ему магазина на Б. Тобольской улице, арендуемого А.Ф. Второвым, который торговал в нем мануфактурными и галантерейными товарами, готовым платьем, чаем и сахаром [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2. Л. 11].

В опубликованном в 1900 г. Сибирском торгово-промышленном календаре отмечено, что Александр Федорович Второв — иркутский купец 1-й гильдии, он осуществлял торговлю мануфактурными товарами и готовым платьем [Сибирский., 1900, с. 176]. В составленных списках владельцев торговых предприятий за 1904—1905 гг. Товарищество «А.Ф. Второв с С-ми» имело в доме Платонова магазин [ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9. Л. 1]. В декабре 1907 г. доверенный А.Ф. Второва Яковлев сообщил в Городскую Управу, что товаров для барнаульского отделения в течение года перевозится до 90000 пудов, вывозимых же товаров почти нет [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5. Л. 25].

В 1908—1910 гг. с целью расширения площадей и увеличения оборотов торговли И.К. Платоновым была сделана пристройка к зданию с правой стороны (на месте одноэтажного каменного магазина), величиной в треть существующего здания. Через 4—5 лет после пристройки здание было оштукатурено и побелено. В 1911 г. в доме Платонова по ул. Л. Толстого находился оптово-розничный, мануфактурно-галантерейный магазин Т-ва «А.Ф. Второв с С-ми». Об этом мы можем узнать из списка предприятий, подлежащих ревизии в отношении правильности оплаты гербовым сбором актов и документов на 1911 г. [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12. Л. 95]. 11 ноября 1911 г. в газете «Жизнь Алтая» (№ 249) было напечатано объявление, что главный розничный мануфактурный магазин Т-ва «А.Ф. Второв с С-ми» переведен в помещения Л.С. Новоселовой (в девичестве Суховой) — угол Московского проспекта и ул. Л. Толстого, в бывший магазин Торгового Дома «Сухов и С-я» [Жизнь., 1911]. Из списка торгово-промышленных предприятий 1-го участка Барнаульского уезда, подлежащих ревизии по гербовому сбору в 1913 г., следовало, что Товарищество в доме Платонова имеет оптово-розничный магазин мануфактурных, галантерейных и других товаров [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 166]. В 1914 г. здание перешло в собственность Товарищества «А.Ф. Второв с С-ми». Об этом мы можем узнать из составленного списка торгово-промышленных предприятий, подлежащих ревизии по гербовому сбору на 1914 г., где указано, что оптово-розничный магазин Второва находится по ул. Л. Толстого в собственном доме [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20. Л. 183].

В 1914—1915 гг. Товарищество торговало в Барнауле бельем, обувью, мануфактурными товарами, готовым платьем, шапками, меховыми товарами, а также чаем и сахаром [Сибирский., 1914, с. 51]. В 1916 г. организация имела имущество в г. Барнауле на сумму 114 840 руб. [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50. Л. 102]. В этом же году в Томскую Казенную Палату был направлен список купцов, владеющих недвижимым имуществом в г. Барнауле. Товарищество имело свой дом по адресу: ул. Л. Толстого, 34—36 [ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 52. Л. 153]. Помимо собственного здания Товарищество «А.Ф. Второв с С-ми» в 1916 г. продолжало арендовать по этой же улице (№28 / угол Московского проспекта) помещение под магазин у Л.С. Новоселовой [ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 19. Л. 63, 66].

2 мая 1917 г. в Барнауле произошел большой пожар, в котором пострадало много жилых и административных построек. Здание Товарищества чудом

не пострадало в огне, а дом Новоселовой на углу ул. Л. Толстого и Московского пр., где у Товарищества находился розничный магазин, полностью сгорел и не подлежал восстановлению. 6 июня 1917 г. Товарищество «А.Ф. Второв с С-ми» пожертвовало 30 тыс. руб. в помощь пострадавшим от пожара [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 3. Л. 143]. С конца 1917 г. в здании магазина на втором этаже располагался Алтайский губернский исполнительный комитет, временно несущий функции губернской земской управы. В документах от 26.10.1917 г. и от 21.11.1917 г. был указан следующий адрес исполкома: «дом Второва — ул. Л. Толстого, верх над магазином, вход со двора» [ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 8. Л. 80; Ф. 51. Оп. 2. Д. 114. Л. 18]. В этом же году Городская Управа провела оценку недвижимого имущества в г. Барнауле на 1917—1918 гг. Здание Товарищества было оценено в сумму 13 573 руб., налог по имуществу составил 135,13 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 61. Л. 66 об.]. Из инвентарной книги недвижимого имущества по г. Барнаулу за 1918 г. следует, что Товариществу по ул. Л. Толстого, 34—36 принадлежит двухэтажный каменный магазин, склады, нортонский колодец. Все имущество было оценено в сумму 15 950 руб. [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 358. Л. 211об.; Ф. 52. Оп. 1. Д. 189. Л. 4 об.].

С 1918 по 1921 г. здание было занято под воинский постой и лагерь принудительных работ (лагерь военнопленных). Так, 23 августа 1918 г. Городская Управа направила в адрес Товарищества письмо (№ 6419) о занятии их помещений по ул. Л. Толстого солдатами, прибывающими в г. Барнаул [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 4]. В декабре 1918 г. на основании приказа по Барнаульскому военному району санитарная комиссия осмотрела дом Второва, занятый 3-м батальоном 3-го Барнаульского кадрового полка. В акте комиссия отметила, что в помещениях холодно, много разбитых стекол в окнах (требовалось окна привести в порядок), не было умывальников и постельных принадлежностей, в наличии было только 40 матов. Особенно холодно было в 11-й роте, из-за того что входная дверь в сенях отсутствовала. На дворе была куча мусора, не было помойной ямы. Проба обеда, по мнению членов комиссии, была хороша [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 53]. В январе 1919 г. Городская Управа предписала (предписание № 353) технико-строительному отделу устранить замечания, отмеченные в акте [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 158]. В 1919 г. под воинский постой была занята левая часть здания и склады [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195. Л. 46]. 9 февраля 1919 г. командир Омского кадрового артиллерийского дивизиона направил в городскую думу прошение о скорейшем проведении следующих работ: «вывезти снег со двора и крыши, ускорить работы по проведению в порядок всего здания и кухни» [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 142, 199]. В составленном перечне счетов по городским и частным зданиям, занятым военными частями, за февраль 1919 г. по магазину Второва сумма расхода по приспособлению помещений составила 5 631,06 руб., а за июль — 1 228,64 руб. [ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 12. Л. 9, 87]. В мае 1919 г. в технико-строительный подотдел Горкомхоза (городского коммунального хозяйства) обратился командир 2-й батареи Второго Сибирского стрелкового ардивизиона

с просьбой построить перегородку на нижнем этаже [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 63]. 21 июля 1919 г. командующий войсками Омского военного округа по Барнаульскому военному району направил во врачебно-санитарный отдел Городской Управы письмо, в котором сообщил, что ввиду предоставления помещения верхнего этажа магазина Второва для команды мастеровых конного запаса, им было предложено срочно провести дезинфекцию означенного помещения, а также нижнего этажа и кухни. В справке от 19 июля 1919 г. заведующий врачебно-санитарным отделом сообщил, что больных солдат на этом этаже не было, поэтому в здании необходимо помещения хорошо вымыть и если нужно, то побелить [ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307. Л. 361].

В 1920 г. в здании разместили лагерь принудительных работ военнопленных, а также склад № 3 [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1л. Д. 35. Л. 7]. В январе 1920 г., судя по составленным сведениям о квартирах, занятых военными частями, в бывшем магазине Второва разместили 700 человек [ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 216. Л. 12]. В апреле был составлен список домохозяев, проживающих в 9 квартале по ул. Л. Толстого. Так, по документам, бывший дом Второва был занят военными казармами [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 331. Л. 5]. В ноябре 1920 г. были составлены списки национализированных домов г. Барнаула. Под № 191 указано Т-во «А.Ф. Второв с С-ми» (Второвский корпус) по ул. Л. Толстого, у которого было следующее имущество: 2-этажный корпус, склады, сторожка и уборная [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8. Л. 33]. Из сводного списка советских учреждений, предприятий и организаций, находящихся в г. Барнауле в 1921 г., следовало, что в бывшем магазине Второва продолжал находиться лагерь принудительных работ [ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202. Л. 92; Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 35. Л. 7]. 7 апреля 1921 г. в бюллетене № 34 комендант концлагеря Воинцев известил все учреждения, заведения и предприятия города, что долги лагерю за работы заключенных по выставленным счетам, следует вносить в кассу лагеря по адресу ул. Л. Толстого (быв. дом Второва), а именно: 75% — в доход казны и 25% — на депозит концлагеря принудительных работ для выдачи заключенным после их освобождения [ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 47. Л. 30]. В лагере были военнопленные немцы, австрийцы, ранее — чехи, поляки [ГААК. Ф.Р. 448. Оп. 1. Д. 14. Л. 6; Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 16. Д. 18]. В апреле 1921 г. заместитель председателя Губисполкома в письме в адрес губернского квартирному комитету сообщил, что Президиум Губисполкома предлагает приостановить выселение концентрационного лагеря из бывшего магазина Второва [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 1. Д. 36].

15 июня 1921 г. Алтайский губернский Союз рабоче-крестьянской кооперации (Губсоюз) обратился в губернский исполком с просьбой выделить складское помещение для цели товарообмена в бывшем магазине Второва [ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 10. Л. 30]. В дальнейшем в здании до 1926 г. находился центральный склад Алтайского Союза сельскохозяйственных кооперативов и Губсоюз. В 1922 г. были составлены списки учреждений г. Барнаула, занимающих жилую площадь. Центральный склад Губсоюза имел квартиру в бывшем здании Второва [ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 68 об.]. В 1923—1924 гг. в

бывшем корпусе Второва находилось чайно-рассыпное заведение, принадлежащее с 6 апреля 1923 г. Алтайскому Губсоюзу [ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 2. Д. 79. Л. 3]. По окладной книге по налогу со строений за 1923—1924 гг. здание было оценено в сумму 171 395 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 167. Л. 58]. В 1925 г. часть домовладения (торговое помещение) Горкомхоз продал за 2 000 руб. [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 144. Л. 98].

В мае 1926 г. Сибирский краевой суд рассмотрел вопрос комиссии по распределению муниципализированных и национализированных строений. В итоге суд постановил каменный корпус по ул. Л. Толстого, 34—36 (быв. магазин Второва) считать муниципализированным [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 2 об.]. По данному адресу находилось следующее имущество: дом каменный — 42,34 кв. саж.; магазин каменный — 1688,12 кв. саж.; склад каменный — 906,88 кв. саж.; сторожка каменная — 5,94 кв. саж. [ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155. Л. 24]. В 1926 г. часть каменного магазина со складами арендовало у отдела местного хозяйства (ОМХа) Сибирское товарищество на паях (Сибторг) [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 117. Л. 121; Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 244. Л. 30]. В октябре 1927 г. Сибторг обратился в отдел местного хозяйства с просьбой разрешить пробить в задней каменной стене одно окно в арендуемом им помещении. В акте от 13.10.1927 г. после осмотра помещений Сибторга в верхнем этаже было решено, что на задней стене возможно проделать окно величиной не менее двух метров для освещения помещения. Препятствий со стороны комиссии не имеется при условии укрепления верха окна железными балками [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 84. Л. 8].

В дальнейшем нумерация домов в г. Барнауле изменилась. Так, 19.09.1929 г. Сибторг сообщил в Барнаульский окружной статистический отдел, что находится по адресу: ул. Л. Толстого, 40, где у Сибторга был универсальный склад общей площадью 779,53 кв. м [ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 92. Л. 29; Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 142. Л. 8]. В это же время в данном здании барнаульское отделение Сибирского акционерного общества розничной торговли «Акорт» открыло универсальную торговлю, занимая под магазин площадь 942,32 кв. м [ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 142. Л. 9]. Из составленного 26.05.1943 г. списка предприятий, где по решению Барнаульского городского совета (№ 245) вводились дворники, мы можем узнать, что в это время в здании находились две организации Барнаулторга — магазин № 1 (13 чел.) и база (1 чел.) [ГААК. Ф.Р. 312, Оп. 1а. Д. 75, Л. 297]. В 1946 г. в целях благоустройства города по решению городского Совета от 15.05.1946 (№ 187) Барнаулторгу необходимо было покрасить фасады здания [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 121. Л. 246—247].

После войны нумерация домов снова изменилась. Так, в 1948 г. в г. Барнауле проходила государственная регистрация предприятий. Барнаульский городской пищевой торг (Горпищеторг) указал, что находится по адресу: ул. Л. Толстого, 32, проводит розничную торговлю [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 127. Л. 153]. В 1949 г. в регистрационной карточке Барнаульский городской промтоварный торг (Горпромторг; торговля промышленными товарами) сообщил, что находится по адресу: ул. Л. Толстого, 32 [ГААК.

Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 127. Л. 183]. В 1954 г. кроме Горпромторга в здании находился Барнаулхлебторг, который проводил организацию и производство розничной торговли хлебными изделиями [ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 127. Л. 351].

6 августа 1959 г. решением Барнаульского горисполкома (№ 447) был утвержден список домов местных Советов, подлежащих капитальному ремонту. На ремонт здания было выделено 261310 руб., а по факту израсходовано только 70000 руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 3. Л. 320]. 4 февраля 1960 г. решением горисполкома (№ 85) на капитальный ремонт здания было выделено 261310 руб., по факту израсходовано 45975 руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 5. Л. 144]. 18 февраля 1970 г. решением горисполкома (№ 806) был утвержден титульный список капитального ремонта фонда местных Советов на 1970 г. На ремонт здания было выделено 96078 руб. [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 222. Л. 159].

В дальнейшем до 1988 г. бывший магазин Второва находился на балансе ПЖЭТ Центрального района. Его арендаторами являлись Горпромторг, Союзпечать, база книготорга. Решением крайисполкома от 21.04.1988 (№ 124) здание было передано на баланс управлению культуры. В 1989 г. здание было поставлено на государственную охрану как памятник архитектуры. В этот момент в здании было две организации — Горпромторг и Алтайглавснаб. В 1995 г. часть первого этажа (уличная) была продана в частную собственность Барнаулметаллобазе. С 1997 г. часть первого (дворового) этажа и второй этаж здания находились на балансе НПЦ «Наследие», сдававшего его в аренду под магазины и складские помещения.

В 1997 г. специалисты НПЦ при обследовании здания установили, что стены бескаркасного двухэтажного здания выполнены из керамического кирпича, перекрытия — деревянные по деревянным балкам из тесаных бревен. Концы балок, опирающиеся на наружные стены и потолки вдоль наружных стен, имели поражение гнилью и жучком, отслоение штукатурки, провисание досок. Требовалось усиление опорных зон деревянных балок и конструкции потолков вдоль наружных кирпичных стен здания [Иванов, Тюкова, 2001, с. 279—280]. В 1998 г. в части здания (помещения второго этажа) был произведен капитальный ремонт перекрытий с заменой деревянных балок на металлические, с усилением узлов. В том же году был укреплен металлической обшивкой ризалит северного фасада.

В 1999 г. при осмотре здания специалисты НПЦ «Наследие» отметили в акте, что на стенах наблюдаются трещины и выбоины кладки стен северного фасада. Главный (южный) фасад оштукатурен, побелен колером; дворовый (северный), западный и восточный фасады неоштукатурены. Крыша скатная, кровля металлическая, местами разрушена. Утрачены элементы водосточных труб главного фасада и элементы покрытия нескольких столбиков парапета. Лопатки на фасаде здания с лепным декором, богато декорированный карниз с башенками, открытыми жестью, фигурный фронтон со слуховым окном и глухой люкарной находились в удовлетворительном состоянии. В интерьерах — окна с клинчатыми перемычками, лестница на второй этаж — по металличе-

ским косоурам, ступени бетонные (наблюдались выбоины, сколы ступеней), ограждение металлическое современное. В итоге специалисты рекомендовали выполнить ремонт кровли, перекрытий, ремонт главного фасада, а также заделать трещины кирпичной кладки северного (дворового) фасада, восстановить утраченные элементы водосточных труб главного фасада и элементы окрытия нескольких столбиков парапета.

В 2002 г. НПЦ на капитальный ремонт крыши здания затратило 436000 руб. По дворовому фасаду в 2002 г. было произведено усиление металлической обшивкой стен пристроенного объема лестничной клетки, которые были оштукатурены и окрашены, частично облицованы природным камнем. В 2006 г. специалисты НПЦ выполнили цветное решение реставрации фасадов (ил. 2). В 2007 г. часть арендаторов выполнили капитальный ремонт помещений на сумму 194500 руб. В 2010 г. при обследовании здания специалисты центра рекомендовали восстановить покрытие брандмауэрной стены, провести реставрацию фасадов и ремонтно-восстановительные работы всей крыши, гидроизоляцию фундаментов.

В апреле 2011 г. был составлен акт обследования о причинении вреда объекту культурного наследия. В нем специалисты НПЦ «Наследие» отметили, что в результате визуального осмотра части первого и второго этажей были выявлены деформации и обрушение перекрытия над лестницей в помещении №1. В связи с выявленными повреждениями помещение лестничного блока было признано аварийным. В этом же году в здании была произведена замена проводки и отопления, кроме того, специалисты центра «Наследие» осуществляли контроль за проведением противоаварийных работ по перекрытию лестничной клетки. В 2013 г. сотрудники центра вновь осмотрели здание и выявили следующее: двухэтажное кирпичное здание, прямоугольной формы в плане, дополнено разновременными пристройками со стороны дворового фасада: двухэтажным и небольшим одноэтажным объемами. Стены кирпичные, по главному фасаду оштукатуренные. Крыша основного объема двухскатная, двухэтажной пристройки — вальмовая, одноэтажной — односкатная, выполнена из листового металла, водосток организованный. Декоративное оформление имел преимущественно главный юго-восточный фасад, стены которого были оштукатурены и окрашены. Основной фон — в терракотовой гамме, декоративные элементы выделены белым цветом. Дверные проемы со стороны главного и дворового фасадов имели двупольное металлическое заполнение на заклепках, в здании имелись две печи: утермарковская (круглая в металлическом кожухе) и голландская. Декоративные балконы, имевшиеся первоначально в уровне второго этажа, были утрачены. Водопровод, канализация и электрооборудование централизованные, отопление — от газовой котельной. В 2014 г. решением администрации города арендаторов здания заставили снять рекламные плакаты, которые искажали облик памятника. В настоящее время в здании находятся различные организации, которые используют помещения, как и 100 лет назад, под магазины, офисы и склады (ил. 3). По главному юго-восточному фасаду установлена информационная табличка.

Объект культурного наследия регионального значения «Магазин Второва» конца XIX в., поставлен на государственную охрану решением исполнительного комитета № 108 Алтайского краевого Совета народных депутатов от 24.03.1989. Здание является примером торгового здания сибирского города конца XIX в., выполненного в формах эклектики. Приказом МК РФ от 31.12.2014 № 2664 объект включен в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением регистрационного номера 231410038790005.

Список литературы

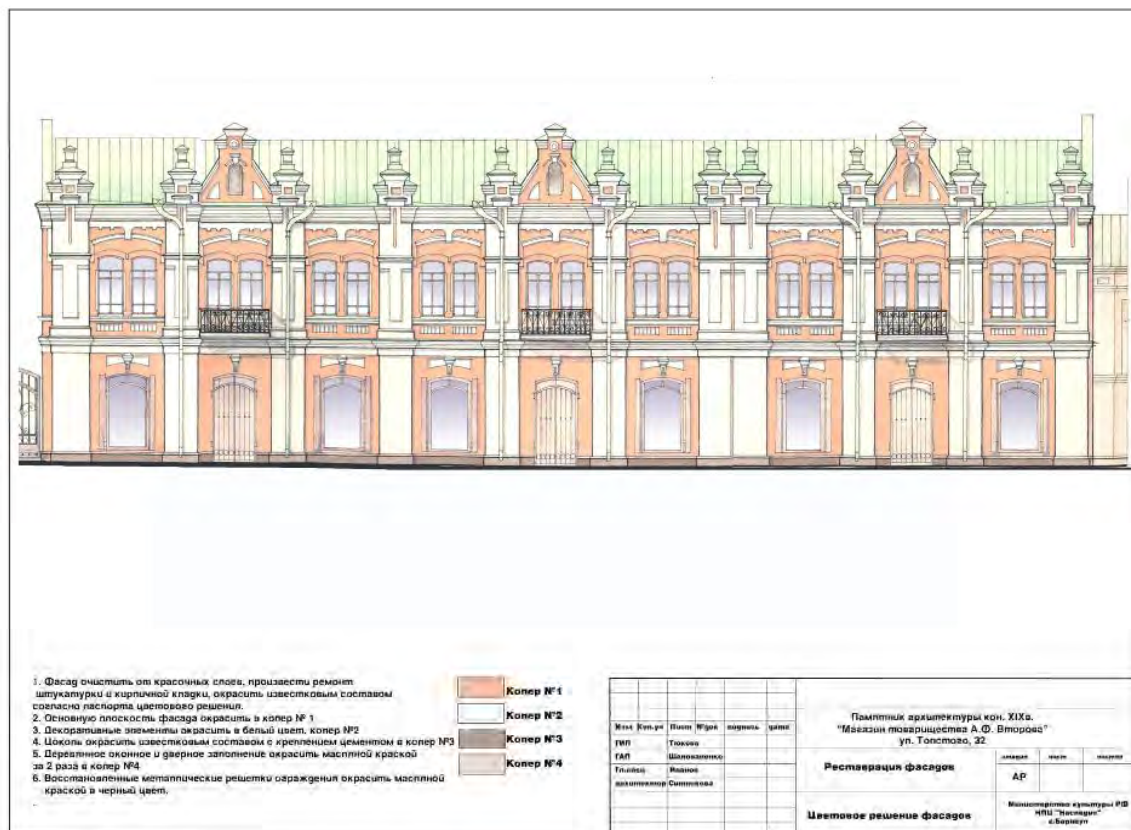
1. Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотеева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. — 160 с.
2. Жизнь Алтая. — Барнаул, 1911. — 11 ноября (№ 249).
3. Иванов В.П., Тюкова Н.М. Усиление деревянных конструкций покрытия на здании — памятнике архитектуры по ул. Л. Толстого, 32 в г. Барнауле // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. — Выпуск XII. — С. 279—280.
4. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1900 год. Год седьмой. — Томск: Издание Ф. П. Романова, 1900 (Паровая типо-лит. П.И. Макушина). — 944 с.
5. Сибирский торгово-промышленный ежегодник. 1914—1915 гг. / изд. Д.Р. Юнг. — Петроград: Тип. АО «Аргус» Т-ва «Труд», 1914. — 1597 с.
6. Скубневский В.А. Купеческая застройка Барнаула конца XIX — начала XX в. // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1993. — Ч. II. — С. 263—267.
7. Целищева М.А., Слуцкий М.А. Усадьба Платоновых (г. Барнаул, ул. Пушкина, 40) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: материалы XVIII и XIX регион. науч.-практ. конф. — Барнаул: АЗБУКА, 2013. — С. 429—437.

Список источников

1. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 3.
2. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 61.
3. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 114.
4. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 195.
5. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 307.
6. ГААК. Ф. 51. Оп. 2. Д. 358.
7. ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 2.
8. ГААК. Ф. 52. Оп. 2. Д. 9.
9. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 12.
10. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 20.
11. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 52.
12. ГААК. Ф. 52. Оп. 1. Д. 189.
13. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 5.
14. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 19.
15. ГААК. Ф. 219. Оп. 1. Д. 50.
16. ГААК. Ф. 233. Оп. 5. Д. 8.
17. ГААК. Ф. 233. Оп. 1в. Д. 12.
18. ГААК. Ф.Р. 9. Оп. 1. Д. 216.
19. ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 8.
20. ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 2. Д. 10.
21. ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 16.
22. ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 5. Д. 18.
23. ГААК. Ф.Р. 10. Оп. 1. Д. 36.
24. ГААК. Ф.Р. 12. Оп. 2. Д. 202.
25. ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 331.
26. ГААК. Ф.Р. 14. Оп. 1. Д. 338.
27. ГААК. Ф.Р. 16. Оп. 2. Д. 79.
28. ГААК. Ф.Р. 102. Оп. 1. Д. 155.
29. ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1л. Д. 35.
30. ГААК. Ф.Р. 141. Оп. 1. Д. 47.
31. ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 84.
32. ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 117.
33. ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 142.
34. ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 144.
35. ГААК. Ф.Р. 166. Оп. 1. Д. 167.
36. ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 75.
37. ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 121.
38. ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 3.
39. ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 5.
40. ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 7. Д. 222.
41. ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 92.
42. ГААК. Ф.Р. 328. Оп. 1. Д. 244.
43. ГААК. Ф.Р. 448. Оп. 1. Д. 14.
44. ГААК. Ф.Р. 784. Оп. 2. Д. 127.

Ил. 1. Здание магазина А.Ф. Второва (г. Барнаул, ул. Б. Тобольская). Снимок начала XX в. Архив НПЦ «Наследие»

Ил. 2. Цветовое решение фасадов. Архив НПЦ «Наследие», 2006 г.

Ил. 3. Памятник архитектуры «Магазин Второва» (г. Барнаул, ул. Л. Толстого, 32).
Вид с юго-запада. Снимок 2017 г. Архив НПЦ «Наследие»

**Архитектурно-градостроительная практика
советского времени
в Сибири и на Дальнем Востоке**

**Architecture and Urban Planning
of the Soviet Period
in Siberia and the Far East of Russia**

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10050
УДК 930.85

О.В. Богданова
Томский государственный университет (Томск)
Ol-pr2002@mail.ru

Роль архитекторов в деле охраны памятников истории и культуры в Томске в 1920-е годы

Аннотация

В статье рассматривается состояние охраны памятников истории и культуры в Томске в 1920-е гг., поскольку именно с этого времени данное направление стало развиваться на уровне административных органов, а также роль архитекторов в этой работе. Сначала была создана комиссия по регистрации памятников архитектуры, в дальнейшем она была преобразована в секцию по охране памятников искусства и старины, а затем реорганизована в самостоятельный подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. С июля 1921 г. охраной памятников стал заниматься Томский губернский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузей). Наиболее активную позицию в деле охраны памятников в Томске среди зодчих занимали Б.Н. Засыпкин и А.Л. Шиловский, которые были первыми зодчими, стоявшими у истоков формирования памятникоохранительной деятельности в губернском Томске.

Ключевые слова: архитектор, охрана памятников истории и культуры, Томск

O.V. Bogdanova
Tomsk National Research State University (Tomsk)
Ol-pr2002@mail.ru

The Role of Architects in Historical and Cultural Heritage Protection in Tomsk During the 1920s

Abstract

The article deals with situation in the sphere of historical and cultural monuments preservation in Tomsk of the 1920s. Since these years this direction had been developing at the level of administrative bodies. The author also marks significance of the work of architects in this sphere. Firstly, an architectural heritage registration commission was established. It was transformed into an art and antiques protection section later, and over the following years it was reorganized into an independent sub-department of museums and art and antiques protection. Since July 1921, the protection of architectural heritage was administered by the *Tomsk Provincial Committee for Museums, Heritage, Folk Life and Nature Protection* (the Gubmuzey). B.N. Zasyepkin and A.L. Shilovsky were the first architects who took an active part in creating and developing the heritage protection system in the governorate town of Tomsk.

Key words: architect, protection of historical and cultural heritage, Tomsk

В последней трети XIX в. русские зодчие активно включились в дело сохранения памятников истории и культуры [Богданова, 2017]. Еще в 1880-е гг. зодчим В.В. Суловым было проведено обследование большого количества памятников древнерусской архитектуры на севере России (побережье Белого моря, Архангельская, Олонецкая и Вологодская губернии). Сулов собрал богатый археологический материал, выполнил большое количество архитектурных зарисовок. К 1890-м гг. к рассмотрению проектов по реставрации древних памятников, которая была одним из методов по сохранению объектов, обязательно привлекались архитекторы и художники из Академии художеств. В 1893—1900 гг. В.В. Суловым была выполнена реставрация храма Св. Софии в Новгороде. По проектам архитектора Н.А. Суланова

прошла реставрация памятников в Москве, Нижнем Новгороде, Углице, Пскове. Следует вспомнить и реставрацию известного памятника, входящего сегодня в список ЮНЕСКО, — церкви Спаса на Нередице в Новгородской области, выполненную в 1902—1908 гг. архитектором и археологом П.П. Покрышкиным. Активно участвовали архитекторы и в различных обществах, комиссиях и заседаниях по охране памятников старины. Так, например, Н.А. Суланов как представитель Петербургского общества архитекторов стал активным участником Комиссии по вопросу о сохранении древних памятников в России (учреждена в 1876 г.). Был он и членом Московского археологического общества, в котором дело охраны памятников было приоритетным направлением. В начале XX в. вопросы охраны памятников стали

активно обсуждаться на археологических и архитектурных съездах.

Но так обстояло дело с охраной памятников в европейской части России. В Сибири же в этот период вопросами охраны памятников практически не занимались. Кроме того, до 1917 г. так и не было создано государственной системы охраны памятников, не существовало какого-либо центрального государственного органа, контролировавшего охрану памятников в России.

До настоящего времени исследователи не выделяли роль зодчих в деле охраны памятников истории и культуры. Наиболее полное исследование того, как обстояло дело с охраной памятников в Томске, было проведено Л.Ю. Исаевой. В своих статьях она рассматривает работу секции по делам музеев и охране памятников искусства и старины [Исаева, 2012]. В другой статье Л.И. Исаева кратко характеризует памятникоохранительную деятельность архитектора А.Л. Шиловского [Исаева, 2008]. А.А. Донцова представила результаты изучения деятельности секции по охране памятников искусства и старины при Томском губернском отделе народного образования Томска [2016], работы Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губмузей) [2017].

Цель нашей статьи — рассмотреть, как обстояло дело с охраной памятников истории и культуры в Томске, а также показать роль зодчих в памятникоохранительной деятельности.

Губернский город Томск, получивший этот статус еще в 1804 г., к началу XX в. стал главным культурным и образовательным центром Западной Сибири. Здесь были открыты первые сибирские вузы: университет и технологический институт. Но после кардинального изменения политической ситуации в России, связанного с революцией, Томск к 1920-е гг. утратил былое значение культурного центра. Согласимся с Н.С. Юрцовским, так определявшим значение Томска 1920-х гг.: «Томск потерял прежнее исключительное значение перевалочного пункта грузов и удержался на высоте главным образом благодаря свои вузам, связи с Нарымским краем, окружному значению, и тому, что предыдущий период заложил в нем основы некоторой промышленности» [Юрцовский, 1928, с. 7—9]. Вслед за снижением социально-экономического значения застой наблюдался и в архитектурном жизни города. В Томске из ведущих зодчих осталось работать всего несколько человек: выпускник Академии художеств К.К. Лыгин и выпускники Института гражданских инженеров А.Д. Крячков и Н.В. Баумгартен. Архитектурный облик Томска в этот период не обогатился какими-либо значительными постройками. Гражданский инженер Ф.А. Черноморченко еще в 1913 г. в своем письме к строителю Омского сельскохозяйственного училища Ф.П. Засухину так характеризовал ситуацию в архитектурных кругах города: «Постройка здания библиотеки и актового зала при университете в настоящее время мною закончена — остались небольшие кое-какие недоделки. Приступили к постройке клиник, но последняя работа мне неинтересна во всех отношениях. В Томске архитектору делать нечего, частных построек нет» [ГАТО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5. Л.

33—34]. По проектам известного сибирского зодчего К.К. Лыгина в этот период в городе практически ничего не строилось, он занимается в основном преподавательской деятельностью в ТТИ вплоть до самого закрытия инженерно-строительной специальности в 1930 г. А.Д. Крячков в этот период проектирует в основном для развивавшегося Новониколаевска (с декабря 1925 г. — Новосибирска), куда и переезжает в 1930 г.

Несмотря на это, Томск все же продолжает оставаться центром образования в Сибири, и совершенно справедливо исследователь В.Г. Рыженко определяет Томск как «культурное гнездо», создававшееся благодаря труду «работников высокой квалификации, связанных с культурой, искусством, охраной памятников искусства и старины, музейной работой...» [Рыженко, 2003, с. 168]. Именно дело охраны памятников становится одним из приоритетных направлений в деятельности томских зодчих.

Как же вообще в это время обстояло дело с охраной памятников в Томске? В начале 1920-х гг. Сибревком принял к исполнению декрет Совнаркома РСФСР от 5 октября 1918 г. «О регистрации, приеме на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ, учреждений». Этим делом было поручено заниматься Сибирскому отделу народного образования — его внешкольному подотделу. При внешкольных подотделах губернских, городских, уездных, волостных и районных отделов наробразы наметили организацию секций по охране памятников искусства и старины.

В Томске работа по охране памятников истории и культуры на уровне административных органов началась только с 1920 г. Была создана комиссия по регистрации памятников архитектуры, в дальнейшем преобразованная в секцию по охране памятников искусства и старины (январь — август 1920 г.) при Томском губернском отделе народного образования. Секция работала по трем основным направлениям: охрана памятников археологии, архитектуры и просветительская деятельность. Главной задачей секции была охрана и постановка на учет имевшихся памятников. Члены архитектурной подсекции проводили натурные обследования и выдавали рекомендации для постановки на учет особо ценных памятников архитектуры. В августе 1920 г. секция была реорганизована в самостоятельный подотдел по делам музеев и охраны памятников искусства и старины (существовала до июля 1921 г.). Затем охраной памятников стал заниматься Томский губернский комитет по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (губмузей) (июль 1921 — май 1925 гг.).

Наиболее активную позицию в деле охраны памятников в Томске среди зодчих занимали Б.Н. Засыпкин и А.Л. Шиловский. Выпускник Московского училища живописи ваяния и зодчества Б.Н. Засыпкин после окончания училища в 1916 г. участвовал в реставрационных работах Сухаревой башни, а также работал в с. Коломенском [Прибыткова, 1957]. В Томск архитектор приехал в 1921 г. и активно включился в работу по охране памятников истории и культуры города. Засыпкиным были выполнены зарисовки архитектурных объектов. Именно им в 1921 г. была составлена инструкция по охране па-

мятников истории и культуры. В этом же году он посетил деревню Светленькую Томского района с обследованием деревянной архитектуры. В 1922 г. Засыпкин был направлен в Среднюю Азию, где занимался реставрацией памятников Бухары, Самарканда, Термезы, Хивы, Ферганы. В 1934 г. был арестован и сослан. В 1937 г. работал в Узбекистане в управлении охраны памятников. После 1953 г. был назначен начальником охраны памятников в Узбекистане. Умер зодчий в Ташкенте в 1955 г.

А.Л. Шиловский окончил архитектурное отделение Высшего художественного училища при Академии искусств [Исаева, 2008]. Для совершенствования своих знаний он побывал в Италии, Флоренции и Генуе. На становление зодчего оказало влияние творчество ведущих архитекторов и художников Л.Н. Бенуа, В.А. Щуко. По возвращении в Россию А.Л. Шиловский работал в Москве под руководством известного советского зодчего В.А. Щуко над реконструкцией здания Николаевского вокзала. Под руководством Н.В. Рериха Шиловский занимался также реставрацией Новгородского кремля. Сохранившиеся зарисовки памятников Москвы и Ярославля, Новгорода, выполненные им в 1909—1910 гг., Петербурга, Петергофа и Генуи — 1915—1916 гг. и др. говорят о высоком профессиональном уровне зодчего. Работы А.Л. Шилова часто публиковались в российской печати — в журналах «Зодчий», «Ежегоднике Императорского Общества архитекторов-художников» и т.д. [В Императорском..., 1916, с. 134].

Революционные события 1917 г. вынудили художника отправить жену и маленькую дочь в Томск к родственникам, в связи с чем он и направился в город весной 1918 г. Но события в стране заставили художника провести лето и осень в Кунгуре Пермской губернии, где он выполнил большое количество зарисовок города. В Томск А.Л. Шиловский приехал в 1919 г. и в 1920 г. был назначен председателем подотдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Томского краевого музея [Шатилов, 1927, с. 4]. В октябре 1920 г. он передал руководство подотделом М.М. Берингову, а сам возглавил архитектурную секцию. Именно деятельность архитектурной секции положила начало систематизации и научному изучению архитектурного наследия Томска. Работа секции велась по нескольким направлениям. Проводились натурные обследования архитектурных построек и среди них выявлялись наиболее ценные. В процессе обследований выполнялись обмерные чертежи, зарисовки зданий и сооружений, отдельных деталей, проводилось фотографирование объектов. По результатам обследования выдавались рекомендации для постановки памятников на учет.

Самим А.Л. Шиловым и сотрудниками секции под его руководством в 1920—1921 гг. была зафиксирована большая часть подлежащего охране культурного наследия, проведены описания и зарисовки архитектурных памятников города и его окрестностей. Всего было выполнено около 200 рисунков, из которых 61 принадлежит авторству А.Л. Шилова. Благодаря Шилову работа секции в деле охраны памятников истории и культуры Томска была поставлена на научную основу, им был разработан план очередности обследования памятников, составлена инструкция, проведена работа по учету и составле-

нию единого свода памятников Томской губернии.

Зодчий часто выступал в местной печати, им были написаны как статьи по охране памятников, например «Художественные сокровища Томска», «Томская деревянная архитектура», «Загорная улица», «Сибирские впечатления», так и статьи, в которых освещались проблемы совершенствования системы школьного образования («Принципы и задачи эстетического воспитания в социалистической школе»). После смерти А.Л. Шилова в мае 1921 г. его сменила на посту Л.П. Проскуракова.

Члены архитектурной секции выполняли зарисовки, обмеры, фотографии не только самих памятников, но и целых комплексов. Так, например, в протоколе одного из заседания комиссии по регистрации памятников архитектуры указывалось следующее: «желательно кроме фотографий и обмеров производить зарисовки, акварели и этюды, как отдельных памятников, так и характерных улиц, домов, уголков, и пейзажи» [Архив ТОКМ. Ф.1. Оп. 4. Д. 310. Л. 21 об.].

Особое внимание уделялось деревянным постройкам как наиболее уязвимым. Так, А.Л. Шиловский отмечал в статье «Художественные сокровища Томска» [1927, с. 53] особую ценность ампирических построек, он писал: «...весь аромат высокохудожественной эпохи ампира в них сохранился в неприкосновенности. В России, в ее городах едва ли встретите так цельно представленную в дереве полосу этого строительства». В газете «Знамя революции» за 28 октября 1920 г. был опубликован список деревянных сооружений Томска, которые были взяты на охрану. Он содержал 33 объекта как подлежащих постоянной охране, и 51 — временной. Зарисовки отдельных элементов деревянных построек представляют собой уникальное явление. Авторы не только отражали в своих произведениях сам облик построек и их отдельных элементов, но приводили здесь и цветовое решение, что было особо значимым, поскольку цветовое решение не отражалось ни на черно-белых фотографиях, ни на проектных чертежах данных построек. Если рисунок был выполнен в черно-белой манере, то автор на полях описывал цветовое решение памятника.

Кроме этой работы, члены архитектурной секции собирали архитектурные элементы с разрушившихся архитектурных объектов. Балясины, различные резные украшения, воротные столбы и прочие элементы предназначались для коллекции будущего музея. Весь накопленный секцией материал, такой разнообразный и ценный, стал основой для формирования коллекций Томского губернского музея, образованного в 1922 г.

Таким образом, именно благодаря деятельности зодчих были заложены основы в деле охраны памятников архитектуры в губернском Томске. Благодаря зарисовкам, выполненным членами секций и отделов, и сегодня можно представить облик губернского города с его многообразием ампирических и эклектичных построек. Благодаря их деятельности современные архитекторы могут использовать зарисовки при проведении проектных реставрационных работ, а отдельные элементы зданий и сооружений — как аналоги утраченных. Работая в томских административных органах по охране памятников

истории и культуры, архитекторы были первыми, кто стоял у истоков формирования памятникоохранительной деятельности в Томске.

Список литературы

1. Богданова О.В. К вопросу об охране памятников старины в России в нач. XX в. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. — Вып. XXIII. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. — С. 7—13.
2. В Императорском Петроградском о-ве архитекторов // Зодчий. — 1916. — № 13. — С. 134—135.
3. Донцова А.А. Создание и деятельность секции по охране памятников искусства и старины при Томском губернском отделе народного образования // Вестн. Том. гос. ун-та. — Сер. Культурология и искусствоведение. — 2016. — № 1 (21). — С. 123—132.
4. Донцова А.А. Деятельность Томского губернского комитета по делам музеев и охраны памятников искусства и старины, народного быта и природы (Губ-музей): июль 1921 — май 1925 г. // Вестн. Том. гос. ун-та. — Сер. Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 25. — С. 137—146.
5. Исаева Л.Ю. Коллекция А.Л. Шиловского «Проектирование в области гражданской архитектуры» в фондах ТОКМ // Тр. Том. обл. краевед. музея: сб. ст. — Томск: Изд-во «Ветер», 2008. — Т. 15. — С. 120—138.
6. Исаева Л.Ю. Секция по делам музеев и охране памятников искусства и старины в Томске // Томские

музеи. Краеведческий музей им. М.Б. Шатилова. Муниципальные музеи: материалы к энциклопедии «Музеи и музейное дело Томской области». — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — С. 180—185.

7. Прибыткова А.М. Б.Н. Засыпкин (некролог) // Архитектурное наследие. — 1957. — Вып. 8. — С. 189.
8. Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. — 370 с.
9. Шатилов М.Б. Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Тр. Том. краев. музея. — Томск: Красное знамя, 1927. — Т. 1. — С. 1—37.
10. Шиловский А.Л. Художественные сокровища г. Томска (посмертная статья) // Тр. Том. краев. музея. — Томск: Красное знамя, 1927. — Т. 1. — С. 53—56.
11. Юрцовский Н.С. Современная Сибирь. — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1928. — 81 с.

Список источников

1. ГАТО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 5.
2. Архив ТОКМ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 310.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10051

УДК: 72.092

И.А. Казусь
 НИИ теории и истории архитектуры
 и градостроительства (Москва)
 igorkazus@mail.ru

Дома Промышленности в истории архитектуры Сибири 1920—1930-х годов

Аннотация

С использованием архивных материалов рассмотрена история проектирования и строительства Дома Промышленности в Новосибирске (1926—1931 гг.) и последующие проектные замыслы Домов Промышленности в Иркутске и Сталинске (Новокузнецке). Не имея исторических прототипов, эти социально-новые объекты как символы индустриализации СССР наряду с Домами Советов в 1920—1930-е гг. были выдвинуты на роль главных зданий. В контексте других выдающихся произведений этого типа — зданий Госпрома в Харькове, конкурсов на проекты Домов Промышленности в Свердловске (1927 г.) и Москве (1929 г.), проектных поисков во ВХУТЕМАСе (1922—1925 гг.) и ВХУТЕИНе (1928 г.) и др. анализируется возникновение идеи Дома Промышленности для условий Сибири, этапы выбора места для его строительства, разработки проекта и строительства здания. Показаны причины, вследствие которых проект Дома Промышленности в Новосибирске не был осуществлен, в том числе недооценка роли этого здания в градостроительной структуре Новосибирска.

Ключевые слова: архитектурный конкурс, А.И. Бобров, ВСНХ, ВХУТЕИН, Дом Промышленности, Дом Трестов, Иркутск, А.Д. Крячков, МАО, Новосибирск, Сталинск, Тельбесбюро

I.A. Kazus
 Scientific Research Institute of Theory and History
 of Architecture and Urban Planning (Moscow)
 igorkazus@mail.ru

Houses of Industry in the history of Siberian architecture of 1920s — 1930s

Abstract

With the use of archival materials, the history of design and construction of the House of Industry in Novosibirsk (1926—1931) and the subsequent design concepts of the House of Industry in Irkutsk and Stalinsk (Novokuznetsk) are considered. Having no historical prototypes, these new social objects as symbols of the industrialization of the USSR along with the Houses of the Soviets in the 1920s — 1930s were regarded as main buildings. In the context of other outstanding works of this type — the buildings of the Gosprom in Kharkov, the project contests of the House of Industry in Sverdlovsk (1927) and Moscow (1929), the design searches in VHUTEMAS (1922—1925) and VHUTEIN (1928) etc., concepts of the House of Industry for the Siberian conditions, the location for its construction, the development of a project and the construction of a building are analyzed. The reasons why the project of the House of Industry in Novosibirsk was not realized, including the underestimation of the role of this building in the city planning structure of Novosibirsk, are shown.

Key words: architectural contest, A.I. Bobrov, VSNKh, VKHUTEIN, House of Industry, House of Trusts, Irkutsk, A.D. Kryachkov, MAO, Novosibirsk, Stalinsk, Telbessbureau

История проектирования и строительства Домов Промышленности в Сибири не изучена. Между тем решение о строительстве Дома Промышленности в Новосибирске было принято уже в ходе возведения здания харьковского Госпрома (1925—1927) — первого представителя этого нового типа общественных сооружений. Тем самым новосибирский проект оказывается вторым в ряду строившихся затем Домов Промышленности в Брянске, Свердловске, Самаре, Сталинграде, а также конкурсных проектов Дома Промышленности и Дома Наркомтяжпрома в Москве,

проекта Дома Промышленности в Сталинске (Новокузнецке) и др., представляющих феномен Домов Промышленности 1920—1930-х гг.

Не имевший исторических прототипов, Дом Промышленности, символизируя индустриальное развитие страны и получая на разных этапах ее истории разные наименования (Дом ВСНХ, Госпром, Дом Трестов и др.), выдвинулся на роль главного здания страны уже в 1918 г., когда президиум ВСНХ, председателем которого был А.И. Рыков, решил провести всероссийский конкурс на проект здания ВСНХ

[Протоколы Президиума., 1991, с. 277]. Идея этого конкурса была важна, поскольку обозначила приоритет, который Советская Россия отдавала развитию промышленности. С началом НЭПа главным зданием выступил новый символ — Дворец Труда в Москве, конкурс на который, состоявшийся в 1922—1923 гг., совпав по времени с I съездом Советов СССР, получил всесоюзное значение. Однако поиск образа и типа здания ВСНХ как органа управления индустриализацией страны, наряду с аналогичными поисками другого важнейшего для советского общества социально-нового типа зданий — Домов Советов, актуальности не потерял. В связи с созданием в системе ВСНХ СССР республиканских и местных управлений промышленности — госпромов — потребовались специализированные здания, обеспечивающие работу СНХ и подведомственных им трестов, объединений, акционерных обществ. Об этом свидетельствуют экспериментальный проект «небоскреба ВСНХ» В.Ф. Кринского (1922—1923 гг.) на Лубянской площади в Москве и выполненные в 1924—1925 гг. под руководством Н.А. Ладовского курсовые проекты «небоскреба ВСНХ» студентов ВХУТЕМАСа на московском Бульварном кольце (у Сретенских ворот) [Хан-Магомедов, 2007, с. 127—128, 194—196].

Реальный импульс строительству Домов Промышленности дала XIV Всесоюзная конференция РКП(б) (27—29 апреля 1925 г.), признавшая «постройку новых заводов металлопромышленности первоочередной задачей» [Коммунистическая партия., 1970, с. 206]. Председатель президиума ВСНХ СССР Ф.Э. Дзержинский в тезисах доклада наметил районы постройки новых заводов черной металлургии: Юг (Запорожье), Урал (гора Магнитная) и Кузбасс [Дзержинский, 1925, с. 89]. Именно с центрами этих регионов в 1925—1927 гг. оказались связаны первые проекты Домов Промышленности.

Так, сразу после конференции, в мае 1925 г. был объявлен всесоюзный конкурс на проект здания Госпрома в составе нового административно-хозяйственного и политического центра УССР в Харькове. Согласно программе, его архитектурное решение должно было не только отразить идею советской промышленности, предусмотреть для каждого из трестов обособленные помещения, но и обеспечить их кооперированное взаимодействие с республиканским СНХ. Реализованный проект группы С.С. Серафимова (Ленинград) предложил именно такую схему, которая обусловила выразительное объемно-пространственное построение монументального комплекса с мостовыми переходами между корпусами [Горвиц, 1976; Швыденко, 2008] (ил. 1).

Экономическое и политическое значение ключевой в осуществлении планов индустриализации как Урала, так и Сибири, проблемы Урало-Кузбасса резко актуализировалось с созданием в том же 1925 г. Сибирского края. Постановление Сибревкома от 4 сентября 1925 г., которым Сибпромбюро было переименовано в СибкрайСНХ [Совнархозы, 2009], ускорило объединение предприятий в тресты и создание синдикатов в основных отраслях промышленности. После одобрения XIV съездом ВКП (б) в декабре 1925 г. курса на индустриализацию страны, ранее намеченные темпы промышленного строительства в Сибири на заседании президиума ОСВОК ВСНХ СССР

4 января 1926 г. под председательством Г.Л. Пятакова были признаны недостаточными, и для выяснения возможностей их форсирования в Новосибирск была направлена правительственная комиссия во главе с заместителем председателя ВСНХ РСФСР, одним из недавних руководителей Сибревкома А.П. Брыковым⁹ [Тимошенко, 2007, с. 90—91]. Вслед за утверждением в феврале 1926 г. президиумом ВСНХ Тельбесского месторождения в качестве рудной базы будущего Кузнецкого металлургического комбината [Кузнецкий металлургический, 2008] проблема Урало-Кузбасса заняла одно из центральных мест на I Всесоюзном съезде президиумов Госплана СССР и Госпланов союзных республик с участием местных плановых органов (март 1926 г.) и в материалах генерального (на 15 лет) и перспективного (на 5 лет) планов развития народного хозяйства СССР [Полянская, 1956, с. 21].

Тогда же для проектирования металлургических заводов был создан институт Гипромез (Ленинград) и его филиалы на местах строительства: Уральский, Сталинградский, Днепропетровский, Северо-Кавказский, и, по постановлению Сибкрайисполкома от 2 марта 1926 г., — Тельбессбюро (Новосибирск) [Вележев, 1926, с. 63], в которое вошли профессора Сибирского технологического института Н.В. Гутовский и М.А. Усов, член Сибкрайплана инженер П.Д. Зуев и другие специалисты под руководством председателя СибкрайСНХ Н.Г. Терехова [Тельбессбюро приступает., 1926]. Перед Тельбессбюро были поставлены задачи выявления запасов железных руд и каменного угля, выбор площадки для строительства металлургического завода и рабочих поселков, концентрация материалов, необходимых для проектирования завода, и участие совместно с Гипромезом в его проектировании [Гутовский, 1927, с. 30].

Хотя последовавшая активизация производственной деятельности в Сибирском крае, несомненно, инициировала замысел создания Дома промышленности (первоначально — Дома Трестов) подобного харьковскому Дому Госпромышленности, ситуация с необходимостью его строительства определилась лишь к концу 1926 г., когда СибкрайСНХ возглавил В.С. Корнев.¹⁰ «Всемерное использование энергетических ресурсов Кузбасса», — писал он, — «осуществление Урало-Кузнецкой проблемы, постройка Тельбесского металлургического комбината, развертывание отраслей промышленности, связанных с постройкой Туркестано-Сибирской магистрали... максимальное использование растущих сырьевых ресурсов — продукция сельского хозяйства... дальнейшее развертывание с.-х. машиностроения — таковы главнейшие

⁹ Брыков Александр Петрович (1889—1937) — в 1922—1924 гг. заместитель председателя Сибревкома, председатель Сибплана, затем член Сибирского бюро ЦК РКП(б) и ЦКК РКП(б) (1923—1924 гг.), с 1924 г. заместитель председателя ВСНХ РСФСР, член ЭКОСО РСФСР, с 1927 г. начальник Управления государственной промышленности ВСНХ РСФСР [Брыков Александр., 2016].

¹⁰ Корнев Василий Степанович (1889—1939) — с 1922 г. председатель Сиблессиндиката, затем Томского и Омского губисполкомов, возглавлял представительство Сибирского СНХ в Москве, в 1926—1929 гг. председатель СибкрайСНХ и член президиума Сибкрайисполкома, в 1929—1930 гг. заместитель наркома НКВД РСФСР и председателя ВСНХ РСФСР [Корнев Василий., 2017].

объекты планирования сибирской промышленности в пятилетнем разрезе». Для этого, подчеркивал Корнев, необходимо «безотлагательно улучшить систему управления промышленностью», «обеспечить единство руководства всей государственной промышленностью Сибири» [Корнев, 1927, с. 32].

Мобилизующую роль в формировании идеи Дома Промышленности мог играть также состоявшийся 5—8 декабря 1926 г. пленум Сибкрайисполкома, посвященный контрольным цифрам развития народного хозяйства Сибири на 1926—1927 г., накануне которого были опубликованы данные о фактически более ускоренной динамике роста продукции Сибири, нежели промышленности РСФСР в целом. Если в 1925—1926 гг. продукция РСФСР выросла на 24%, то сибирская — на 37%, результаты следующего года были предположены соответственно в 13% и 22% [Певзнер, 1926]. Пленум постановил, что «план индустриализации в части промышленности должен охватить в первую очередь такие отрасли, которые, благодаря имеющимся в крае богатым природным ресурсам, усиливают хозяйство Союза <СССР> в целом и приобретают, таким образом, общегосударственное значение... : 1) каменноугольная, 2) золотодобывающая, 3) металлургия черных и цветных металлов, 4) лесопромышленная, 5) бумажная, 6) силикатная, 7) производство сельскохозяйственных машин, 8) кожевенная» [ГАНУ. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 88. Л. 89].

На эти масштабные задачи индустриализации края был нацелен и Первый Сибирский научно-исследовательский съезд (15—21 декабря 1926 г.), в работе которого наряду с научными организациями и вузами Сибири участвовали делегаты от АН СССР, ВСНХ и Госплана СССР и РСФСР, Главнауки Наркомпроса. По результатам геологических исследований, предпринятых Тельбессбюро, Н.В. Гутовский констатировал на съезде, что запасы высококачественной руды и коксующегося угля Тельбеса могут обеспечить развитие крупной металлургической и химической промышленности не только Сибири, но и Урала, осуществить электрификацию отраслей народного хозяйства. Доклад председателя Сибкрайплана А.М. Певзнера «Народное хозяйство Сибири и перспективы его развития» на пленарном заседании съезда под председательством Н.В. Гутовского занял центральное место [Нагорнов, Яловская, 2007, с. 174].

В этом контексте в январе 1927 г., уже по завершении съезда, «Советская Сибирь» информировала, что «Сибкрайсовнархоз и сибирские тресты наметили построить в этом году специальное здание — Дом Трестов», трехэтажное объемом 50 тыс. куб. м. В Горкомхоз было направлено ходатайство об отводе необходимого участка площадью 1000 кв. саженей на одном из «следующих мест: или на Красном проспекте между Свердловской и Спартаковской <улицами>, где сейчас находится Дом Крестьянина, или на одном из углов Красного проспекта и Семипалатинской улицы, против Дома Госучреждений или Дома Сибкрайсоюза» [Дом Трестов, 1927]. То есть, исходя из понимания Дома Трестов — одним из главных зданий Сибирского края, для него предлагались участки, композиционно связанные с построенными в 1925—1926 гг. крупными зданиями на формировавшихся площадях центра Новосибирска. Не исключено, что автор этих зданий А.Д. Крячков мог

быть причастен и к выбору перечисленных участков. В тот момент в Сибирском крае действовала только одна проектная организация, которая могла взять на себя проектирование Дома Трестов — Тельбессбюро. В этом бюро А.Д. Крячков руководил «конструкторским отделом», а после перевода Тельбессбюро в начале 1927 г. в Томск и базирования в Сибирском технологическом институте, где бюро возглавил Н.В. Гутовский, стал его заместителем по строительной части [Гутовский Николай., 2011]. По проектам А.Д. Крячкова, рабочие чертежи которых разрабатывали сотрудники бюро инженер-строитель А.Н. Пирожкова и техник-архитектор А.Р. Попов, вскоре были построены заводоуправление и другие сооружения Тельбесского комбината, жилые двухэтажные дома рабочего поселка [Пирожкова, 2013, с. 128, 132, 136].

Соседство участков, затребованных для постройки Дома Трестов, с Домом Госучреждений и Домом Сибкрайсоюза, предопределялось одобренным в апреле 1926 г. коммунальной секцией Горсовета предложением архитектора Окргосстроя И.И. Загряков об устройстве центральной площади города «в месте пересечения главной магистрали — Красного проспекта с Кузнецкой улицей» [Горсовет тоже., 1926]. Вместе с тем неясность в определении места расположения Дома Трестов и в связи с этим многовариантный выбор участка еще раз актуализировал необходимость генплана Новосибирска, разработка которого была возложена на возглавлявшего Комиссию по планировке города заведующего Отделом местного хозяйства Горкомхоза Г.П. Щукина. Он отмечал, что «учитывая все значение индустриализации Новосибирска как краевого центра», обсуждать вопросы его развития было бы вполне своевременным, поскольку их правильное решение «имеет не отвлеченно-академический характер, а послужит материалом при работах по составлению проекта плана будущего Большого Новосибирска» [Щукин, 1926]. Председатель Окрисполкома и Горсовета И.Г. Зайцев предложил действовать радикально: «Планировка города — одна из важнейших задач Горсовета и <Гор>комхоза. Тут важно предусмотреть перспективы развития города на десятки лет. Существовавшая у нас планировочная комиссия проделала большую работу. Но мы решили обратиться еще к более компетентным лицам. <...> Мы пригласили сюда московского профессора Коршунова, который в декабре приедет в Новосибирск для ознакомления с проделанной работой и дальнейшего направления ее» [Наше капитальное., 1926].

Однако Отдел местного хозяйства, понимая Дом Трестов, ориентируясь на его нехарактерное название, скорее конторским, нежели главным зданием Новосибирска, предложил «использовать под постройку Дома Трестов место на углу Советской и Кузнецкой ул., где сейчас находится склад Сельмаша», т.е. на участке, примыкающем к дворовому фасаду строившегося Доходного дома. Было решено, определив «площадь, необходимую для каждого треста», начать проектные работы, исходя из стоимости строительства здания в 1 млн руб. [Где будет., 1927]. Но далее определения участка дело тогда не пошло, поскольку, апеллируя к ранее опубликованной статье председателя Сибкрайисполкома Р.И. Эйхе о необходимости преодоления жилищной нуж-

ды, «Советская Сибирь», пренебрегая значимостью будущего символа города, уже в феврале 1927 г. отметила, что говорить о не предусмотренной планами «постройке нового небоскреба Дома Трестов» «сейчас, когда у нас нет бани, недостаточно школ, нет театра», странно. И информировала, что «вопрос о постройке Дома Трестов решен отрицательно. Дом Трестов строиться не будет. Все средства, какими располагает Новосибирск для строительной цели, <будут> использованы по линии расширения жилищного строительства и создания общественно полезных и необходимых построек» [Дом Трестов строиться., 1927].

Сибкрайисполком в предстоявшем тогда 1927 г. действительно не мог «широко развернуть капитальное строительство сибирской промышленности», поскольку «напряженное состояние государственных финансов не позволило центральному правительству отпустить для Сибири те средства, каких она ожидала». Вместо затребованных на эти цели 18 млн. руб. ЭКОСО РСФСР утвердило «отпуск дотации» в размере 2 млн. 181 тыс. руб., из которых на строительство за счет госбюджета было выделено 850 тыс. и из местного бюджета 750 тыс. руб. В связи с острым недостатком средств президиум Сибкрайисполкома на внеочередном заседании 25 января 1927 г. сократил строительную программу, наметив лишь постройки Сибмаслотреста, Сибкожтреста, Сибзолота, Сибцемента, Сибфарфора, достройку бумажной фабрики в Томске и условно ряда объектов в случае получения из центра дополнительных средств, но Дом Трестов в их перечень не вошел [Новый план., 1927].

Исключение из строительных планов Дома Трестов в какой-то мере было амортизировано завершением к январю 1927 г. строительства здания Промбанка, где собственно банк занял «сравнительно небольшую площадь», а «все 200 комнат, — как писала «Советская Сибирь», — ...распределены между сибирскими учреждениями» и «большая часть квартирантов Промбанка уже переехала»: первый этаж был отведен Обществу взаимного кредита, тресту «ТЭЖЭ» и универсальному магазину общества «АКОРТ», на втором этаже разместились отделение синдиката Уралмет, Сибирское краевое бюро синдикатов и контора винодельческого кооператива «Конкордия», на третьем — «конторы и управления акционерного общества "Сырье", Сиблестреста, АИК Кузбасса и Запсибторга» [Дом Промбанка., 1927]. Кроме того, тогда завершалась постройка Доходного дома, который намечался к сдаче в октябре 1927 г., хотя и был отнесен И.Г. Зайцевым к «наиболее уязвимым пунктам» строительства («своих средств вложить в него мы не можем, строится он исключительно на кредиты и на авансы будущих арендаторов помещений» [Наше капитальное., 1926]). В нем предполагалось разместить универсальный магазин, гостиницу на 99 номеров, кафе-ресторан, отделения Всекобанка и Цекомбанка [Достройка доходного., 1926], но после окончания постройки в 1928 г. помещения были выделены и для СибкрайСНХ, его проектного бюро, ЦБРИЗа, отделов горного надзора и сплава леса [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1406. Л. 3].

Весьма схожей с Новосибирском оказалась ситуация и в центре Уральской области Свердловске, где в начале 1927 г. был объявлен закрытый кон-

курс на эскизный проект Дома Промышленности и Торговли. Здание предназначалось для размещения УралоблСНХ и крупных областных трестов, объединений и акционерных обществ, таких как Гормет, Леспромтрест, Уралтекстиль, Уралзолото, Уралплатина, Уралпромстрой и др. [Токменинова, 2012, с. 189]. Жюри, в которое вошли представители Московского и Ленинградского архитектурных обществ, а в качестве экспертов — ведущие архитекторы Свердловска, премировало прежде всего проекты ленинградских архитекторов — выбранный для строительства проект Г.А. Симонова, А.И. Гегелло и Д.Л. Кричевского (1 премия) и И.А. Фомина (2 премия). Конструктивистские проекты братьев А.А. и Л.А. Весниных, группы А.К. Бурова, М.О. Барща и М.И. Синявского и свердловских архитекторов А.В. Каца и Г.А. Голубева остались без должной оценки [Токменинова, 2012 с. 197]. Но строительство здания на этом этапе из-за недостатка финансирования также не состоялось и было развернуто лишь в 1931 г. по результатам нового конкурса.

Мысль о возведении новосибирского Дома Трестов возродилась с началом реализации плана Первой пятилетки, после того, как 15 января 1929 г. СНК СССР и СТО приняли решение о строительстве Тельбесского (Кузнецкого) металлургического комбината [Кузнецкий металлургический., 2008]. Как следует из «Советской Сибири» от 11 июня 1929 г., в СибкрайСНХ был «снова поднят вопрос о постройке в Новосибирске Дома Трестов и Синдикатов. Постройка была намечена полтора года тому назад, — напомнила газета, — но задерживалась за отсутствием кредитов. Горсовет отводит Крайсовнархозу место на углу против Почты и Текстильсиндиката. На днях Крайсовнархоз объявляет открытый конкурс на эскизный проект. Детальный проект здания будет выработываться в Проектбюро Крайсовнархоза. Постройка дома обойдется в полтора миллиона рублей, которые окупятся экономией, получаемой в результате размещения трестов и синдикатов в специальном здании» [Снова поднят., 1929].

К этому времени в Харькове уже несколько лет действовал комплекс Госпрома, в Брянске по проекту А.З. Гринберга был построен губернский Дом Банков и Промышленности (1927—1928), был проведен конкурс в Свердловске. Кроме того, поиск типа Дома Промышленности получил продолжение в мастерских Н.А. Ладовского и Н.В. Докучаева во ВХУТЕИНе, войдя в 1928 г. «в число тем, предложенных для проработки студентам-дипломантам архитектурного факультета», как «весьма актуальных в данный момент», предоставляющих «авторам-проектировщикам достаточно широкие возможности для выявления своих архитектурных качеств». Квалификационная комиссия выделила дипломные проекты А.А. Сильченкова, С.А. Гельфельда и И.А. Грушенко [Арх. Л., 1929, с. 12, 16] с разными функционально-пространственными приемами компоновки здания.

В центре Москвы под постройку семиэтажного Дома Промышленности ВСНХ РСФСР объемом 200 тыс. куб. м на 3300 служащих и 1000 посетителей был отведен участок на стыке Красной площади и Зарядья. Программа заказного конкурса на этот проект с участием Госпроекта, МАО, ВОГИ, АРУ, ВОПРА, АСНОВА, ОСА и Архитектурного факультета МВТУ,

объявленного в октябре 1929 г., была весьма детально разработана в самом Госпроекте. В здании предполагалось разместить аппарат ВСНХ РСФСР с директоратами по отраслям промышленности, Сахаротрест, Лесосиндикат, акционерное общество «Экспортлес», трест «Сельмашина», объединение «Волго-Каспий-Лес», Цементрест, Центрофарфор-трест, Крахмалпатсиндикат, тресты «Лесохим», «Сетеснасть», Центрошамот, «Лакокраска», Металлический трест Центрального района, а также гостиницу, клуб на 500 чел., ресторан-столовую и амбулаторию [РГАЛИ. Ф. 1981. Оп. 1. Д. 53. Л. 197—230].

Первой премией на конкурсе был удостоен конструктивистский проект П.А. Голосова (МАО) с «периферийной разомкнутой застройкой». Стилистически к нему близок проект В.Н. Симбирцева и А.В. Машинского (ВОПРА), выделившийся фасадной аббревиатурой «ВСНХ». Проект группы Л.С. Залесской, М.П. Коржева, Л.М. Лисицкого и М.И. Прохоровой (АСНОВА), отмеченный второй премией, предложил, ориентируясь на проекты ВХУТЕИНа, павильонную композицию. При этом наиболее известный проект И.И. Леонидова (ОСА), несмотря на сокращение объема на 40 тыс. куб. м за счет отказа от коридоров [Леонидов, 1930], из конкурса был исключен из-за башнеобразного решения здания, не допускавшего программу [Докучаев, 1930].

Учитывая названный конкурсный опыт и ориентируясь на МАО, СибкрайСНХ, вновь подступив к строительству Дома Трестов, документом «Организация проектирования Дома Трестов в г. Новосибирске» предусмотрел стадии подготовки, проведения и реализации результатов организуемого через МАО конкурса: «подготовительные работы» — с 1 июля 1929 г., рассылка анкет и обработка их, выбор участка — до 20 июля 1929 г., подготовка программы конкурса — к 10 августа, присуждение премий — к 10 ноября, «детальная разработка проекта» в Проектном бюро СибкрайСНХ — с 15 ноября 1929 г. по 1 мая 1930 г., заключение договора со стройорганизацией на постройку здания — до 1 декабря 1929 г., начало строительства — с 1 апреля 1930 г. [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1406. Л. 17 и об.]. Для уточнения объема здания и стоимости строительства СибкрайСНХ в первой половине июня 1929 г. разослал трестам опросную анкету о потребной для них площади с просьбой «ввиду срочности вопроса» возвратить заполненный бланк не позднее 21 июня [Там же, Л. 27 об.].

18 июня 1929 г., информируя Горкомхоз, что «в будущем строительном сезоне предполагается приступить к постройке Дома Трестов, в котором будут размещены СибкрайСНХ и ряд трестов, объединяющих Сибирскую краевую промышленность», СибкрайСНХ первоначально исходил из параметров 1926—1927 гг. — трехэтажное здание объемом около 50 тыс. куб. м, требующее участок земли площадью около 4500 кв. м. При этом обойма желательных для отвода участков была расширена, и они вновь оказались в соседстве с постройками А.Д. Крячкова: «1. Красный проспект, угол Ядринцевской <ул.>, против Госстраха; 2. Угол Красного проспекта и Семипалатинской <ул.>, против Дома Учреждений»; 3. Угол Кузнецкой и Советской <улиц>, рядом с Доходным домом; 4. Советская ул. между Кузнецкой и Семипалатинской <улицами> (против <здания>

Текстильсиндиката)» [Там же, Л. 20 и об.]. Ответ Горкомхоза от 25 июня 1929 г. дублировал решение, опубликованное в «Советской Сибири» в январе 1927 г. и повторенное газетой 11 июня 1929 г.: «из 4-х участков, просимых Вами для постройки Дома Трестов, может быть предложен участок на углу Кузнецкой и Советской улиц рядом с Доходным домом размером по Кузнецкой 73 метра и по Советской — 43 метра» [Там же, Л. 18].

Торопясь с подготовкой конкурса, СибкрайСНХ 20 июня 1929 г. направил в МАО запрос о возможности организации и проведения обществом всесоюзного конкурса на проект Дома Трестов. Отвечая СибкрайСНХ 28 июля 1929 г., архитекторы Л.А. Веснин и П.А. Заруцкий, соответственно «за председателя» МАО и «за секретаря», сформулировали условия, которые могли обеспечить успех конкурса: «Срок, необходимый для составления проекта (работа конкурентов), по мнению Общества не может быть менее 2½ месяца, т.к. более короткие сроки обычно дают не совсем благоприятные результаты», а «в целях привлечения к соревнованию лучших архитекторов-проектировщиков число премий желательно установить не менее шести, причем первую — не ниже 4000 руб.» [Там же, Л. 12]. К этому письму был приложен подписанный И.В. Рьльским и датированный им 3 июля 1929 г. «Бюджет времени на проведение конкурса Дома Промышленности в г. Новосибирске с момента получения программы конкурса, плана владения и 1-го взноса», в котором впервые зафиксировано новое для Новосибирска наименование Дома Трестов — Дом Промышленности. Будучи с 1923 г. заведующим кафедрой архитектурного проектирования ВХУТЕМАСа, а с 1925 г. — деканом его архитектурного факультета, Рьльский, естественно, знал дипломные проекты Дома Промышленности, выполненные как во ВХУТЕМАСе (Дом ВСНХ, 1922—1925 гг.), так и во ВХУТЕИНе (1928 г.), и потому, надо полагать, воспринимал наименование «Дом Промышленности» более соответствующим новому градостроительному по сути типу общественных зданий, нежели сугубо конторский термин «дом трестов». Ориентируясь в «Бюджете времени» на сроки, намеченные в СибкрайСНХ, Рьльский исходил из того, что, если конкурсное задание поступит в МАО 1 августа 1929 г., то премированные проекты придут в Новосибирск все же не в ноябре 1929 г., а к 1 января 1930 г. [Там же, Л. 10].

Сроки представления в МАО документов, перечисленных Рьльским, основными из которых были программа (задание) и план владения, СибкрайСНХ не обеспечил. В связи с этим 28 июля 1929 г. для переговоров по организации конкурса Рьльский был командирован в Новосибирск [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1406. Л. 11; Д. 1562. Л. 30]. Видимо, уже во время его пребывания в Новосибирске СибкрайСНХ в письме от 8 августа 1929 г. сообщил вновь назначенному председателю Горсовета В.П. Кураеву, что предлагаемый Горкомхозом для Дома Трестов «участок (на углу Советской и Кузнецкой ул. рядом с Доходным домом) по своей площади не совсем может соответствовать задаче размещения СКСНХ и ряда трестов и синдикатов». Запросив «о возможности получения в центре города других, более подходящих участков приблизительно размерами 4000—4500 кв. м», Сиб-

крайСНХ обосновал свою просьбу необходимостью «в самом срочном порядке высылать <...> задание и план участка Моск<овскому> Архит<ектурному> Об<ществ>у, которым организуется всесоюзный конкурс на проект Дома Промышленности» [ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1406. Л. 8]. Не исключено, что СибкрайСНХ, уже использующий в своем письме новое наименование здания, отказался от предложенного ему участка по итогам рассмотрения ситуации совместно с Рыльским, поскольку его расположение за Доходным домом было весьма проигрышным в градостроительном отношении. Тем более, как следует из рабочих записей одного из участников состоявшегося тогда же совещания по этому вопросу, Горкомхоз настаивал на подчинении проектного решения будущего здания Доходному дому: «дом должен иметь все четыре стороны фасадного характера с внутренним двором для обслуживания. Ввиду же непосредственной близости этого дома с Доходным, — указывал Горкомхоз, — необходимо согласовать высоту его с последним, а также и распределение этажей» [Там же, Л. 18]. Кроме того, автор записи отметил, что новое здание «глаголем делать не разрешат, а посему подъезд должен быть сделан вправо от подъезда Доходного дома» (расположенного в его торцевом фасаде) с разрывом в 18 м [Там же, Л. 14].

Ходатайствуя 14 августа 1929 г. перед Сибкрайисполкомом о разрешении в 1930 г. приступить к постройке Дома Промышленности и поясняя финансовый план, председатель СибкрайСНХ обосновал необходимость строительства преимущественно экономическими причинами, прежде всего тем, что «отсутствие в Новосибирске надлежащих зданий для размещения в них органов, управляющих промышленных трестов, привело к тому, что правления краевых трестов и некоторых сибирских отделений центральных синдикатов и трестов вынуждены помещаться в разных пунктах города, используя непригодную для учрежденческой работы жилую площадь». «Потребность перевода в Новосибирск правлений еще ряда трестов (Сибметаллтрест, Сибфарфор, <трест строительных материалов> «Красный Строитель»), — отмечал он, — ...встречает весьма значительные затруднения при наличии жилищного кризиса в г. Новосибирске», однако «концентрация в одном месте СКСНХ и ряда правлений трестов и отделений синдикатов, тесно связанных друг с другом, не только сэкономит время и создаст более благоприятные условия для работы, но и даст значительную экономию в эксплуатации помещения» [Там же, Л. 3].

Тем не менее взаимодействие СибкрайСНХ с Горсоветом вскоре приобрело выраженное градостроительное наполнение, диктуемое формировавшимся пониманием неординарной функции Дома Промышленности в структуре Новосибирска. Исходя из того, что «значимость вопроса о постройке Дома Промышленности выходит из рамок только соображений о целесообразном и экономически выгодном размещении управляющих местной промышленностью органов, но и имеет общегородской характер (Дом Промышленности должен являться украшением города)» и что «в выборе наиболее подходящего участка заинтересован не только он, но и Горсовет», СибкрайСНХ в новом письме В.П. Кураеву от 10 сентября 1929 г., «останавливаясь окончательно

в выборе», констатировал: «Из трех участков, кои намечались для постройки Дома Промышленности, лишь один может удовлетворять поставленной перед нами цели, а именно в кварт<але> № 64 по Кузнецкой ул. (участки №№ 5, 6, 7, 8)» [Там же, Л. 4]. Действительно, этот участок, хотя и расположенный за строившимся А.Д. Крячковым зданием Госбанка и надстраиваемым в тот период зданием Текстильсиндиката того же Крячкова, был более выигрышным, так как позволял развернуть главный фасад в сторону центральной площади, откуда могло просматриваться по крайней мере его угловое решение, чего при расположении за Доходным домом, тем более с учетом условий Горкомхоза, достичь было невозможно.

Изложенная ситуация свидетельствует о конфликте интересов: СибкрайСНХ под влиянием контактов с МАО, когда еще не было не только проектов, но и замыслов зданий Дома Науки и Культуры и Крайисполкома, исходил из понимания Дома Промышленности как одного из главных зданий города, а Горсовет воспринимал его все еще рядовым сооружением. При этом обе стороны, хотя и методом подбора, и не ссылаясь на утвержденную Сибкрайисполкомом 29 июня 1929 г. схему планировки Большого Новосибирска, разработанную Б.А. Коршуновым [Баландин, 1978, с. 89], все же следовали ей, выбирая площадку в историческом центре, что корреспондируется с наблюдением С.С. Духанова по фактически аналогичной ситуации, связанной в 1930 г. с поиском участка для Дома Науки и Культуры [Духанов, 2014, с. 110].

В активную фазу подготовка к строительству Дома Промышленности вошла лишь после того, как к работе приступил трест Сибпромстрой, устав которого был утвержден 12 сентября 1929 г. [Казусь, 2009, с. 276]. Письмом от 3 октября 1929 г. новый председатель СибкрайСНХ В.Ф. Тиунов¹¹ обратился к председателю ВСНХ РСФСР С.С. Лобову с просьбой поддержать СибкрайСНХ в направленном в Цеккомбанк ходатайстве о предоставлении долгосрочной ссуды в размере 625 тыс. руб. на строительство Дома Промышленности и жилого дома специалистов СибкрайСНХ [ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 4 и об.]. 5 октября 1929 г. СибкрайСНХ информировал Сибкрайисполком, что по итогам анкетного опроса в Думе Промышленности могут быть размещены: СибкрайСНХ, Сиблестрест, Сибкомтрест, Сибмаслотрест, «Красный Строитель», Сибвинтрест, Сибфарфор, Сибпромстрой, Сибметаллтрест, Продасиликат, Масложирсиндикат, Химсиндикат, Махорсиндикат и представительство Кузнецкстроя, исходя из общей площади здания 9500 кв. м и объема, возросшего до 85 тыс. куб. м [Там же, Л. 1]. Сообщив 10 октября 1929 г., прежде всего, Сиблестресту, Сибмаслотресту, Сибвинтресту и Сибметаллтресту, что постановлением СибкрайСНХ они включены в число

¹¹ Тиунов Виктор Фатеевич (1897—1938) — в 1925—1927 гг. являлся председателем исполкома Енисейского губернского Совета, затем Красноярского окружного Совета; в 1929—1932 гг. — председатель СибкрайСНХ, затем председатель ЗапсибкрайСНХ и заместитель председателя Запсибкрайисполкома; в 1937 г. — начальник Главного управления государственной съемки и картографии НКВД СССР [Тиунов Виктор., 2018].

акционеров «Общества по постройке Дома Промышленности», В.Ф. Тиунов предложил каждому из трестов «для осуществления подготовительных работ и объявления конкурса на проектирование... внести в Сибкомбанк... первую часть платежа в сумме десять тысяч рублей» [Там же, Л. 7].

О предстоящем строительстве Дома Промышленности в Новосибирске стало известно в Самаре, где в июле 1929 г. также было организовано Товарищество по постройке Дома Промышленности [Самогоров, 2015, с. 41]. Не зная реальной фазы работы в Новосибирске, председатель Средне-Волжского КрайСНХ В.А. Хонин 8 октября 1929 г. обратился к председателю СибкрайСНХ с просьбой «в целях осведомления» выслать «подробное задание и программу конкурса, а также чертежи строящегося» новосибирского Дома Промышленности, и, «если имеется, альбом проектов, поступивших на конкурс» [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 5]. Это обращение, вероятно, было инициировано А.П. Брыковым, в июне 1929 г. избранным председателем Средне-Волжского Крайисполкома, до того возглавлявшим Управление государственной промышленности ВСНХ РСФСР [Брыков Александр., 2016]. Поскольку перечисленные материалы отсутствовали, автору проекта самарского Дома Промышленности инженеру-архитектору Ю.В. Сухову пришлось действовать самостоятельно.

Поступившие от трестов 40 тыс. руб. Сибкрайисполком немедленно отпустил на проектные работы [Проектировка Дома., 1929], после чего 6 ноября СибкрайСНХ получил основание обратиться в Управление окружного строительного контроля с просьбой внести Дом Промышленности (5 этажей) объемом около 80 тыс. куб. м, «располагаемый в квартале № 64 на участках № 5, 6, 7 и 8», в план строительства 1929—1930 г., сообщив его этапы: «заготовка основных материалов и подготовительные работы», т.е. проведение конкурса (декабрь 1929 г. — март 1930 г.), «земляные работы» (апрель — май 1930 г.), «железобетонный скелет здания и заполнение стен» (май — сентябрь 1930 г.), «покрытие кровли» (сентябрь — октябрь 1930 г.), «столярные и плотничные работы» (ноябрь 1930 г. — февраль 1931 г.) «подготовительные работы по отоплению, вентиляции, водопроводу, канализации» (март — апрель 1931 г.), «штукатурные работы, малярные работы, внутренняя отделка» (май — сентябрь 1931 г.), «окончание всех работ» (октябрь 1931 г.) [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 21].

Подготовленное к этому времени задание на проект Дома Промышленности 8 ноября 1929 г. было рассмотрено на техническом совещании Сибпромстроя с участием архитекторов А.И. Боброва, И.Д. Лалевича, Б.А. Гордеева (секретарь совещания), И.А. Бурлакова и Д.М. Агеева (перечислены в порядке документа) под председательством старшего инженера проект-бюро Сибпромстроя И.В. Косицына [Там же, Л. 22].¹² Имея этот документ, председатель

СибкрайСНХ 18 ноября 1929 г., ссылаясь на предварительное согласие МАО и переговоры с приезжавшим в Новосибирск И.В. Рьльским, обратился к МАО с просьбой «принять на себя организацию и проведение конкурса» на проект Дома Промышленности, сообщив при этом о необходимости исключить из программы пункт о проведении выставки конкурсных проектов в Новосибирске «ввиду ограниченности времени» [Там же, Л. 30]. Затем 27 ноября 1929 г. по докладу Косицына задание на проект рассмотрел и утвердил президиум СибкрайСНХ под председательством В.Ф. Тиунова, одоббив проведение конкурса через МАО и решив «детальную разработку проекта, принятого к выполнению, поручить Сибпромстрою», в план которого строительство Дома Промышленности было включено уже в декабре 1929 г. [Проекты в воздухе., 1929]. Руководство организацией строительства было возложено на заместителя председателя СибкрайСНХ М.М. Исаева [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 48].

Однако финансирование строительства Дома Промышленности обеспечено все еще не было. Хотя ВСНХ РСФСР поддержал указанную выше просьбу СибкрайСНХ о кредите на его постройку, Цеккомбанк в нем отказал. Изыскивая пути кредитования, СибкрайСНХ 2 декабря 1929 г. обратился в Сибкрайисполком с просьбой разрешить «образовать» сумму в 1,5 млн руб., требовавшуюся для возведения здания в его новом объеме, «путем позаимствования в 1929—30 и 1930—31 гг. из прибылей краевых промышленных организаций (трестов и синдикатов) в виде долгосрочной ссуды, погашаемой имеющей причитаться с них платою за помещения в ДOME Промышленности, причем в текущем операционном году определить размер расхода в 500 т<ыс>.р<уб>.» [Там же, Л. 43 и об.]. Постановлением Сибкрайисполкома от 7 декабря 1929 г. такое разрешение было получено [Там же, Л. 90] и расходы постановлением президиума СибкрайСНХ от 4 января 1930 г. распределены между 12 трестами и синдикатами пропорционально заявленной ими потребности в производственной площади в ДOME Промышленности [Там же, Л. 85].

Объявление о конкурсе на проект Дома Промышленности, намеченное МАО в «Бюджете времени» на первую половину сентября, вследствие задержки задания было опубликовано газетой «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» лишь 22 декабря 1929 г. со сроком подачи проектов 3 марта 1930 г. В Совет жюри конкурса вошли: от МАО — Г.Б. Бархин, Н.Я. Колли, И.В. Рьльский, С.Е. Чернышев и в качестве кандидата А.З. Гринберг, по проекту которого в Новосибирске в это время строился комплекс Окружной больницы и который уже работал над первоначальным вариантом Дома Науки и Культуры. Помимо представителей профсоюза строителей и Рабис, в жюри от СибкрайСНХ были включены управляющий Сибпромстроем А.Я. Сулимов, инженер И.В. Косицын, архитектор А.И. Бобров и кандидатами — архитектор А.И. Агеев и инженер А.М. Рукавицын. Функцию ответственного секре-

в новосибирское Управление окружного инженера [ГАНУ. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 483. Л. 1], в 1929—1930 гг. старший инженер Проектного бюро Сибпромстроя [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 25], с начала 1930 г. работал в Управлении строительством завода «Сибкомбайн» [Там же, Л. 184].

¹² Косицын Иван Васильевич — окончил Томский технологический институт (1921 г.), инженер-строитель, [ГАНУ. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 483. Л. 8], руководил строительством по проектам А.Д. Крячкова Дома Госучреждений и здания Сибревкома, затем Доходного дома по проекту Д.Ф. Фридмана [Баландин, 1978, с. 80—81], в марте 1928 г. переведен

таря конкурса выполнил архитектор П.А. Заруцкий [Московское архитектурное., 1929].

Из программы конкурса, не отходящей от проектного задания, разработанного в Сибпромстрое [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 26–29], следует, что для постройки пятиэтажного (с подвалом) Дома Промышленности, рассчитанного на 1000 сотрудников и 200 посетителей, объемом «ориентировочно» 80 тыс. куб. м был отведен «земельный участок, расположенный в центре города, ограниченный с южной, восточной и северной сторон улицами Кузнецкой, Советской и Семипалатинской, а с западной стороны соседними владениями», т.е., в названном выше квартале № 64. Помещения Дома Промышленности, распределились так: СибкрайСНХ — 2650 кв. м, тресты: Сиблестрест — 750 кв. м, Сибкожтрест — 600 кв. м, Сибмаслотрест — 450 кв. м, «Красный строитель» — 300 кв. м, Сибвинтрест — 300 кв. м, Сибфарфор — 150 кв. м, Сибпромстрой — 640 кв. м, синдикаты: Масложирсиндикат — 150 кв. м, Химсиндикат — 150 кв. м, Махорсиндикат (не обозначено) и Продасиликат — 300 кв. м. Программа предусматривала, что СибкрайСНХ «как планирующий и руководящий орган промышленности всего края должен иметь удобную связь со всеми трестами и представительствами». Поскольку «тресты оперативно связаны в своей текущей работе с соответствующими синдикатами», а именно, Сибфарфор с Продасиликатом, Сибмаслотрест с Масложирсиндикатом и т.д. (которые в программе, исходя из занимаемой ими площади, «заменены типовыми трестами» площадью 600, 300 и 150 кв. м с возможностью комбинации $600+150=750$ кв. м и $300+150=450$ кв. м), при проектировании требовалось учесть «производственное родство учреждений». Помещение для представительства Кузнецкстроя, в проектной части наследовавшего деятельность Тельбессбюро, программой предусмотрено не было.

Исходя из конструктивистской направленности МАО, программа определила, что «фасады здания, при простоте форм, должны соответствовать назначению сооружения. Применение дорогостоящих материалов для отделки здания не допускается. Допускается наружная штукатурка здания с добавлением мраморной крошки». И далее: «Основным материалом для постройки проектируемого здания является железобетон и кирпич, кровля железная, но допускается устройство и плоской кровли. <...> Междуэтажные перекрытия несгораемые железобетонные». На участке Дома Промышленности программа предложила «запроектировать открытую площадку для стоянки автомобилей по числу трестов, считая СКСНХ за два» [Там же, Л. 68–75].

Председатель СибкрайСНХ В.Ф. Тиунов 10 марта 1930 г., еще до решения жюри по итогам конкурса, информировал синдикаты, что в целях скорейшей постройки Дома Промышленности Сибпромстрой приступил к заготовке материалов [Там же, Л. 157], вслед за чем 8 апреля 1930 г. через «Советскую Сибирь» начало строительства было анонсировано на середину мая 1930 г. [В мае начнется., 1930]. Но конкурсные проекты, необходимые для разработки окончательного проекта, из Москвы до конца апреля не поступили, о чем свидетельствует телеграмма ответственного руководителя строительства М.М.

Исаева, 21 апреля 1930 г. сообщившего в МАО, что «проектов Дома Промышленности нет, срываются работы, примите меры продвижения в пути» [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 180].

Неизвестно, когда проекты Дома Промышленности были доставлены в Новосибирск, не исключено, что одновременно с выходом из печати майского номера журнала «Строительная промышленность» 1930 г. со статьей об этом конкурсе. Подписав статью лишь инициалом «К.», автор констатировал, что конкурс «прошел довольно оживленно и явился одним из удачных» — на него было подано 32 проекта. Но в отличие от публикаций, посвященных другим «удачным» конкурсам, например, 1928 г. — на здание Госбанка в Новосибирске (25 проектов), Дома Центросоюза в Москве (32 проекта), Дома Советов в Хабаровске (51 проект), в которых назывались и репродуцировались все премированные проекты, автор статьи приводит лишь три из них: ленинградца В.М. Гальперина — 1-я премия, студента МВТУ А.Г. Климухина — 2-я премия, и архитекторов И.Н. Лихачева и Н.Н. Соболева (Москва) — 3-я премия, хотя были премированы, что было объявлено в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» от 27 марта 1930 г., также проекты группы Л.Б. Райкина, И.В. Шервуда и С.С. Ганешина — 4-я премия, студентов ВХУТЕИНа В.Н. Яковлева, Ю.Н. Швердяева и Г.В. Ливанова — 5-я премия, Н.Л. Яковсона (Москва) — 6-я премия и, кроме того, 6 проектов (три из которых остались под девизами) были рекомендованы к приобретению.

При этом автор, как следует из статьи, ознакомился с ними на выставке в Москве. «Представленные проекты, — пишет «К.», сопоставляя результаты конкурса с его программой, — в большинстве решены именно в простых формах плана и фасада; в лучших же проектах выполнено, кроме того, и требуемое программой размещение отдельных групп помещений в назначенных этажах». По его наблюдению «разнообразные приемы плановых решений» в конкурсных проектах сводились к «следующим основным видам: 1) в виде буквы Н, 2) буквы П, 3) буквы Г и, наконец, 4) несколько приемов более сложной конфигурации плана; однако, последние (особенно приемы с замкнутыми дворами) надо отнести к не вполне удачным решениям» [К, 1930, с. 462]. «Таким образом, — резюмировал автор, — основными видами планировки явились три первых вида, причем прием плана в виде буквы Н явно преобладал: судя по количеству решений, ему принадлежали симпатии участников конкурса; его сторонникам, наконец, были отданы и основные премии. Сравнение проектов определенно показало, что плановые решения в форме буквы Н для данного здания более приемлемы, так как централизованный вестибюль при хорошо разработанных лестницах, верно решает главную задачу связи всех групп помещений по вертикали и дает экономическую связь помещений по горизонталям» [К, 1930, с. 462].

Подчеркнув в проекте В.М. Гальперина «симметричный прием застройки с внутренним открытым двором», возможность «в последующем легко перепланировывать» оперативные помещения и административные кабинеты, продуманность и разработанность «в конструктивном отношении», автор констатирует, что «внешнее оформление излиш-

не сложно и в отдельных частях не совсем удачно (расположение часов, застекление передних торцов, вертикальные надписи, отдельные балкончики над магазинами)» [К, 1930, с. 463]. В отношении проекта А.Г. Климухина (участвовавшего в тот момент совместно с А.З. Гринбергом в разработке окончательных проектов и строительстве Окружной больницы в Новосибирске), предложившего в своем проекте, в частности, не только озеленение двора, но и плоской кровли Дома Промышленности, «К.» отмечает, что «общий прием конструирования здания не дает вполне экономического решения вследствие чрезмерного применения железобетонных конструкций» [К, 1930, с. 464]. В проекте И.Н. Лихачева и Н.Н. Соболева при положительной оценке размещения основных корпусов параллельно ул. Советской, благодаря чему минимизировано «количество помещений, выходящих на север», в качестве недостатков отмечены не только «неэкономичность перекрытий вследствие больших расстояний между опорами», но и «отсутствие связи помещений Сибпромстроя с главным вестибюлем». Тем не менее этот проект «несмотря на недостатки (исправимые при разработке)» «К.» признал представляющим «интерес по общему приему, и особенно по внутренней проработке помещений» [К, 1930, с. 464] (ил. 2).

Учитывая, что «К.», указав на приведенные в статье «материалы жюри», оперирует в статье преимущественно данными об экономичности конструкций и планировочных решений, не затрагивая вопросы архитектуры, можно предположить, что этим автором явился руководитель подготовки задания для конкурса, член его жюри И.В. Косицын, занимавший в проектно бюро Сибпромстроя руководящую инженерную должность. В статье он не указал, какой из премированных проектов выбран для реализации, хотя согласно цитированному выше постановлению СибкрайСНХ от 27 ноября 1929 г. по результатам конкурса именно Сибпромстрою было предусмотрено поручить «детальную разработку проекта, принятого к выполнению».

Как следует из содержания архивных синек чертежей, по которым вскоре началось строительство Дома Промышленности, и из Пояснительной записки к ним, в ходе конкурса было изменено задание на проект здания, в связи с чем, прибывшие с запозданием конкурсные проекты, видимо, и были использованы лишь как материал для нового проекта, в котором И.В. Косицын, возможно, не участвовал (его подписей на листах нет). Первый чертеж — планы 1-го и 2-го этажей (ил. 3), — ориентировочно дающий возможность начать выемку грунта из котлована и провести процедуру закладки Дома Промышленности, подписан А.И. Бобровым 3 июня 1930 г., причем одновременно за заведующего проектным отделом Сибстройобъединения, которым он являлся [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 196 об.], и «групповода», а также в графах «проектировал» и «конструктор». Других подписей, кроме копировщицы, на чертеже нет. Аналогично подписаны и последующие чертежи (синьки), датированные 3 и 12 июля — планы этажей, фасады (ил. 4), разрезы [ГАНУ. Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 71а. Л. 4, 5, 7, 12, 13]. Пояснительная записка, подписанная А.И. Бобровым 7 июля 1930 г., фиксирует увеличение расчетного количества сотрудников

до 1600 чел. (вместе с посетителями — до 1800) и высоты здания — до шести этажей (объем 88,1 тыс. куб. м) с возможностью последующей надстройки до восьми (объем 110,2 тыс. куб. м) [Там же, Л. 1–3].

Выявленный регламент обращения с проектами, представленными на конкурс МАО, фактически был модификацией прецедента 1929 г., когда при строительстве в Новосибирске здания Госбанка после объявления конкурса на его проект правление банка исключило из программы клуб, детский сад и часть квартир, уменьшив объем здания. Как писал ответственный секретарь жюри этого конкурса А.Д. Крячков, «администрация банка и жюри конкурса для осуществления в натуре ни на одном из премированных проектов не могли остановиться», поэтому ему «было предложено разработать окончательный проект <...>, используя конкурсный премированный материал и положив в основу планировки банковской части схему проекта, получившего вторую премию», т.е. М.Я. Гинзбурга. При этом ввиду наступившего строительного сезона эскизный проект был выполнен и утвержден в течение месяца [Крячков, 1929, с. 899].

Архитектор А.И. Бобров, подписавший Пояснительную записку как «инженер-строитель», был одним из учеников гражданского инженера А.Д. Крячкова. По окончании в 1927 г. архитектурно-строительного факультета Сибирского технологического института, где преподавал Крячков, Бобров работал в строительном подотделе Кузнецкого окружного Отдела местного хозяйства и в апреле—сентябре 1927 г. был помощником производителя работ А.Ф. Потапова (с которым Крячков сотрудничал в течение многих лет) на постройке по проекту А.Д. Крячкова Дворца Труда в Щегловске [ГАНУ. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 90. Л. 3]. В марте 1928 г., одновременно с Косицыным, Бобров подал заявление о зачислении в новосибирское Управление окружного инженера [Там же, Л. 1], благодаря чему оба оказались активно включены в проектную практику Новосибирска и, зная организационные особенности принятия решений в ситуации тех лет, возможно, участвовали в окончательном выборе участка для строительства Дома Промышленности. Поэтому выдвижение на первое место в списке участников рассмотрения 8 ноября 1929 г. задания на проект Дома Промышленности А.И. Боброва, на что обращено внимание выше, было не случайным, а вкуче с последующим включением его в состав жюри конкурса и с появлением затем в качестве автора окончательного проекта, перефразирующего идеи конкурсантов, еще раз экспонирует затронутую в работе С.С. Духанова специфику архитектурной жизни Новосибирска 1920—1930-х гг., когда вопросы авторского права не всегда адекватно учитывались на разных этапах проектирования [Духанов, 2017].

Сопоставление опубликованных в статье «К.» конкурсных проектов с синьками чертежей, выполненных А.И. Бобровым, свидетельствует, что в новом проекте, хотя и сохранены основные пропорции приближающегося к квадрату плана и коридорная планировка этажей, свойственная проектам В.М. Гальперина и А.Г. Климухина, но «централизованный вестибюль» исключен. Н-образная схема плана уступила место П-образной с выносом подбием

ризалита только торца левого корпуса, куда был перемещен главный вход в здание. Образовавшийся при этом отступ от красной линии протяженного корпуса по ул. Советской использован для стоянки автомобилей. Для рабочих помещений Дома Промышленности, аналогично компилируемым конкурсным проектам, был, пишет А.И. Бобров, «принят тип горизонтального окна как логически вытекающий из консольной конструкции здания», что обеспечило зданию конструктивистский облик. В отличие от конкурсного задания, заполнение наружных стен было в новом проекте предусмотрено не кирпичом, а шлакобетонными камнями системы «Амби» с насыпкой торфом-сфагнумом [ГАНУ. Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 71а. Л. 1—2]. Остекление торцов на всю высоту здания, предусмотренное проектом Гальперина, было исключено, но из проекта Лихачева и Соболева заимствован консольно-выступающий объем ресторана-столовой с панорамным остеклением. Тем самым, здание получило четко выраженный угловой акцент, обусловленный его расположением на пересечении крупных улиц Новосибирска.

«Торжество закладки» фундамента Дома Промышленности, приглашения на участие в которой разослал заместитель управляющего трестом Сибпромстрой Г.П. Брейденбах, было назначено на 28 июля 1930 г. [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562. Л. 194]. Лишь после этой акции 3 августа 1930 г. «Советская Сибирь» опубликовала перспективу из состава проекта здания [Дом Промышленности..., 1930] (ил. 5). Однако, стройку это не ускорило, поскольку, возможно, в связи с последовавшей административной реорганизацией и образованием по постановлению ВЦИК от 30 июля 1930 г. Западно-Сибирского края, потребовалась новая корректировка проекта. Во всяком случае, «Советская Сибирь» в заметке за подписью «Б.» (видимо, А.И. Бобров) констатировала, что Проектный отдел Сибстройобъединения «задержал чертежи на четыре месяца», фактически сорвав строительство, в результате чего к октябрю 1930 г. кладка фундаментов была выполнена лишь на 5%. Это вызвало опасения, что с наступлением заморозков они дадут трещины, для преодоления чего было предложено «ежедневно выложенную часть фундамента засыпать землей с плотной утрамбовкой» [Б, 1930]. В результате запланированный на 1930 г. объем строительства по Дому Промышленности осуществить не удалось.

На 1931 г., как информировала «Советская Сибирь» 26 января 1931 г., «Краевая строительная тройка» утвердила постройку Дома Промышленности Западно-Сибирского КрайСНХ с затратой в 2 млн. руб. в ряду других крупных объектов строительства — Вокзала (2 млн. руб.), «Дома краевых учреждений», т.е. нового здания Крайисполкома (1,5 млн. руб.), Окружной больницы (544 тыс. руб.), «квартирного строительства» (853 тыс. руб.), жилого Дома специалистов (853 тыс. руб.), Дома Науки и Культуры (750 тыс. руб.) [Краевой Дом., 1931]. О строительстве Дома Промышленности летом 1931 г. газета отчиталась так: «Постройка... идет ударными темпами. Сейчас началась кладка фундаментных стен. <...> Здание будет в шесть этажей и седьмой — подвал. В нем будут размещены Крайсовнархоз, все тресты и управления промышленных и коопера-

тивных предприятий. Там же будет деловой клуб. <...> Здание будет самым большим в Сибири. Кубатура его около ста тысяч куб. метров, почти вдвое больше Дворца Труда и в два раза с лишним больше Доходного дома. <...> Внешнее оформление здания с архитектурной точки зрения и с целью разгрузки движения двух перекрещивающихся больших шумных улиц (Кузнецкой и Советской) является особо интересным для Сибири». «В этом году, — сообщила газета, — предполагается построить здание вчерне и... сдать в эксплуатацию подвальное помещение и два нижних этажа, а на будущий год закончить здание в целом. Для постройки... потребуется около 450 тонн железа, около 1500 тонн цемента, полтора миллиона пористого кирпича, более 6000 куб. метров лесоматериалов. Каждый этаж будет иметь площадь в среднем около 4000 кв. м. <...> Строительство Дома Промышленности признано первоочередным наравне с постройкой Дома <Зап>сибкрайисполкома и Дома Науки и Культуры» [Самое большое., 1931].

Действительно, акт от 6 сентября 1931 г., составленный комиссией, включившей начальника строительного участка № 3, прораба, представителя ЗапсибкрайСНХ и др., фиксировал следующий объем работ по постройке Дома Промышленности, исполненных Сибстройобъединением и Сибпромстроем в течение операционного года: «произведены дополнительные земляные работы ввиду изменения проектов против прошлогоднего»; разобрано 18,90 куб. м верхних рядов «бутовой кладки стен», выложенной осенью 1930 г., раствор которой вследствие морозов не схватился; выполнена кладка фундаментов и стен подвальных помещений из бутового камня и фундаментов под железобетонные колонны; сделана и установлена опалубка для железобетонного ленточного фундамента под рамы, для башмаков колонн и фундаментов лестниц; заготовлена и установлена арматура для железобетонных рам, ленточного фундамента, лестничного фундамента и рам с ригелями, балками и плитой; забетонированы фундаменты лестничных клеток и башмаков, что составило «15,8% от работ по всему Дому» [ГАНУ. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1850. Л. 11]. Готовясь к строительному сезону 1932 г., та же комиссия 31 декабря 1931 г. составила «Ведомость наличия материалов на постройку Дома Промышленности», включившую тысячи тонн и тысячи кубометров строительных материалов [Там же, Л. 12], а также перечень дополнительно потребных материалов [Там же, Л. 14].

Однако в ходе реорганизации управления промышленностью по постановлению ЦК ВКП (б) от 25 декабря 1931 г. за ВСНХ СССР было закреплено руководство тяжелой промышленностью, соответственно легкая, лесная и лесоперерабатывающая промышленность были переданы вновь созданным наркоматам. Затем постановлением ЦИК и СНК СССР от 5 января 1932 г. ВСНХ СССР был преобразован в Наркомтяжпром, областные и краевые СНХ — в управления легкой промышленности, действующие в ведении местных органов власти [Создание фундамента., 1977]. Это нарушило с трудом складывавшийся в течение нескольких лет алгоритм осуществления уникального архитектурного замысла Дома Промышленности в Новосибирске. Его строительство было прекращено. Многие функции отде-

лов КрайСНХ перешли к соответствующим новым подразделениям Запсибкрайисполкома, что, видимо, потребовало корректировки проектного задания и увеличения объема уже строившегося здания Крайисполкома. Фундаменты Дома Промышленности вскоре были использованы при строительстве вместо него жилого дома.

Других примеров проектирования и строительства в Сибири Домов Промышленности пока выявить не удалось, за исключением «столицы» Восточно-Сибирского края Иркутска и сформировавшегося как один из крупнейших индустриальных центров Кузбасса Сталинска, переименованного впоследствии в Новокузнецк, в которых работа в этом направлении остановилась фактически на стадии замысла. Так, в 1932 г., уже после проведенной реорганизации ВСНХ СССР, «Восточно-Сибирская правда» отметила, что в Иркутске многие новые организации Наркомлеса (в частности, трест Востсиблеспром) и Наркомснаба (прежде всего, местные управления всесоюзных объединений Союзмясо, Союзмука и др.) заинтересованы в постройках зданий под свои учреждения. Высказывая суждение, что «лучше было бы, если бы все средства были вложены в один дом — Дом Промышленности», который «в городе Иркутске необходимо построить», автор полагал, что «этим вопросом — следует заняться Городскому совету и краевым организациям» [Гревцов, 1932].

Основным фактором развития Сталинска, благодаря, на начальном этапе, напряженной проектно-изыскательской работе Тельбессбюро, являлся Кузнецкий металлургический комбинат. В середине 1930-х гг., когда подход к решению градостроительных задач изменился, при разработке генплана города и проекта застройки его центра на одном из этапов в ансамбль проектировавшейся центральной площади был включен Дом Промышленности. В разработанном в январе 1934 г. группой архитекторов Стандартгорпроекта под руководством И.С. Гуревича (Л.М. Букалова, А.С. Смолицкий и др.) эскизном проекте планировки города, утвержденном Горсоветом в качестве основы генплана города, он еще не был предусмотрен [Валиуллин, 2008]. На этом этапе архитектурное проектирование центральной площади Сталинска было поручено архитектурной мастерской № 4 Моссовета. Исходя из того, что уже в 1935 г. на этой площади «начнет строиться ряд административных и общественных зданий, которые создадут единый, монументальный ансамбль, по своему социально-политическому и архитектурно-художественному значению ведущий в городе», авторы проекта И.А. Голосов, В.М. Кусаков и А.Т. Капустина подчинили симметричную композицию площади монументальному зданию Дома Советов (Горсовет), трактованному «в простых и вместе с тем сильных и выразительных формах» [Кусаков, 1935, с. 35].

Работавшие непосредственно на строительстве города авторы генплана Сталинска разработали и свою версию проекта. «Центральная общегородская площадь, — писали они, — в соответствии с ее значением решена в симметрично-монументальных формах. Западная сторона оформляется величественным зданием Горсовета. Северная и южная стороны центральной площади оформляются отвечающими друг другу объемно-архитектурными массивами

зданий гостиницы и хозяйственных организаций. Против здания Горсовета устанавливается монумент-obelisk. Противоположная Горсовету сторона площади застраивается Домом Промышленности с подчеркнутой высотностью» [Букалова, Смолицкий, 1936, с. 44] (ил. 6). Несомненно, что не только эту «высотность» сталинского Дома Промышленности, но и его доминирующую роль в ансамбле площади, т.е., функцию главного здания города, предопределили выдающиеся по своей художественной значимости результаты проведенных в 1934 и 1935 гг. этапов заказного конкурса на проект здания Наркомтяжпрома на Красной площади в Москве. Однако, в связи с решением правительства о строительстве Паровозо-вагоностроительного завода, потребовавшего существенной корректировки генерального плана Сталинска, этот проект реализован не был [Валиуллин, 2008].

Таким образом, в Сибири, прежде всего в Новосибирске, в процессе подготовки и в ходе выполнения Первой пятилетки индустриализации народного хозяйства, как и в других регионах страны, и практически одновременно с Москвой, возникла необходимость строительства общественных зданий нового типа — Домов Промышленности, предназначенных для размещения Советов народного хозяйства и подразделений подведомственных им трестов, синдикатов, объединений и др., ориентированных тем самым на повышение эффективности процесса индустриализации. Одновременно, что не менее важно, Дом Промышленности в специфических условиях индустриализации рассматривался в роли главного здания города (края), не только функционально, но и в градостроительном отношении.

Однако, как свидетельствует рассмотренный на примере Новосибирска материал, недооценка обоих факторов, а также затягивание разработки проектного задания и недостаточное финансирование строительства привели в итоге как к задерживавшему строительство поспешному проектированию Дома Промышленности, когда для его осуществления, казалось бы, сложились все необходимые предпосылки, так и, вследствие этого, — к корректировке проекта уже в ходе строительства. Выявленная недооценка значимости Дома Промышленности для Сибири в целом сказалась и в подходе к результатам конкурса МАО на его проект, когда ни один из претворенных проектов не был принят к реализации, а также в поспешном свертывании начатого строительства в ходе реорганизации ВСНХ СССР, в отличие от других регионов, где подобные проекты были успешно завершены.

Список литературы

1. Арх. Л. Проекты «Дома Промышленности и торговли» и «Дома съездов» // Строительство Москвы. — 1929. — № 1. — С. 12—16.
2. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1893—1945. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1978. — 135 с.
3. Б. Немедленно засыпать фундамент // Советская Сибирь. — 1930. — 10 окт. (№ 234).
4. Брыков Александр Петрович. 2016 [Электронный

- ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Брыков_Александр_Петрович (дата обращения: 16.04.2018).
5. Букалова Л.М., Смолицкий А.С. План Сталинска // *Архитектура СССР*. — 1936. — № 1. — С. 40—44.
  6. Валиулин В. Раритеты улицы Кирова // *Кузнецкий рабочий*. — 2008. — 8 авг. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.kuzrab.ru/publics/index.php?ID=14088> (дата обращения: 22.05.2017).
  7. Вележев Д. Работа Крайисполкома // *Жизнь Сибири*. — 1926. — № 3. — С. 62—67.
  8. В мае начнется постройка Дома Промышленности // *Советская Сибирь*. — 1930. — № 80. — 8 апр.
  9. Где будет Дом Трестов? // *Советская Сибирь*. — 1927. — 27 янв. (№ 21).
  10. Горвиц Г. Из истории творческих связей архитекторов Ленинграда и первой столицы Украины // *Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры*. — М.: Советский художник, 1976. — С. 311—349.
  11. Горсовет тоже за центральную площадь. На заседании коммунальной секции // *Советская Сибирь*. — 1926. — 9 апр. (№ 80).
  12. Гревцов А. Построим Дом Промышленности в Иркутске // *Восточно-Сибирская правда*. — 1932. — 20 июля (№ 162).
  13. Готовский Н.В. Итоги работы Сибирского филиала Гипромеза — Тельбессбюро // *Жизнь Сибири*. — 1927. — № 2. — С. 30—40.
  14. Готовский Николай Владимирович. 2011 [Электронный ресурс]. — URL: <http://portal.tpu.ru/person/gotovskiy/patriot> (дата обращения: 16.04.2018).
  15. Дзержинский Ф.Э. Очередные задачи промышленной политики. Сборник статей. — М.-Л.: Центр. упр. печати ВСНХ СССР, 1925. — 133 с.
  16. Докучаев Н. Конкурс на «Дом Промышленности» // *Строительство Москвы*. — 1930. — № 3. — С. 31—34.
  17. Дом Промбанка готов // *Советская Сибирь*. — 1927. — № 5. — 7 января.
  18. Дом Промышленности в Новосибирске...: проект здания // *Советская Сибирь*. — 1930. — 3 авг. (№ 177).
  19. Ежегодник О-ва архитекторов-художников. Вып. 12. — Л.: Изд. Общества архитекторов-художников, 1928. — 211 с.
  20. Дом Трестов // *Советская Сибирь*. — 1927. — 19 янв. (№ 15).
  21. Дом Трестов строиться не будет // *Советская Сибирь*. — 1927. — 16 февр. (№ 38).
  22. Достройка Доходного дома // *Советская Сибирь*. — 1926. — 23 дек. (№ 297).
  23. Духанов С.С. Влияние региональных условий в градостроительстве Западной Сибири первой пятилетки // *Архитектон*. — 2014. — № 1 (45) [Электронный ресурс]. — URL: http://archvuz.ru/2014_1/10 (дата обращения: 16.04.2018).
  24. Духанов С.С. Неизвестные проекты архитектора Б.А. Алексеева в Новосибирске начала 1930-х годов // *Архитектон*. — 2017. — № 3 (59) [Электронный ресурс]. — URL: http://archvuz.ru/2017_3/9 (дата обращения: 16.04.2018).
  25. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 464 с.
  26. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. восьмое. Т. 3: 1924—1927. — М.: Политиздат, 1970. — 552 с.
  27. Корнев В. Задачи сибирской промышленности // *Жизнь Сибири*. — 1927. — № 3—4. — С. 29—38.
  28. Корнев Василий Степанович. 2017 [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org_Корнев,_Василий_Степанович (дата обращения: 16.04.2018).
  29. К. Конкурс Дома Промышленности в Новосибирске // *Строительная промышленность*. — 1930. — № 5. — С. 461—464.
  30. Краевой Дом учреждений в Новосибирске // *Советская Сибирь*. — 1931. — 26 янв. (№ 25).
  31. Крячков А.Д. Конкурс проектов Сибирской краевой конторы Госбанка в Новосибирске // *Строительная промышленность*. — 1929. — № 10. — С. 898—900.
  32. Кузнецкий металлургический комбинат им. И.В. Сталина (1929—1945). — 2008 [Электронный ресурс]. — URL: <https://su-industria.livejournal.com/58586.html> (дата обращения: 16.04.2018).
  33. Кусаков В. Центральная площадь, Дом Советов и гостиница в Сталинске // *Архитектура СССР*. — 1935. — № 3. — С. 35—36.
  34. Леонидов И.И. Дом промышленности: Пояснительная записка к проекту // *Современная архитектура*. — 1930. — № 4. — С. 1—2.
  35. Московское архитектурное общество. Программа конкурса на составление проекта здания «Дома Промышленности» в гор. Новосибирске. — М.: [Моск. архитектурное о-во], типо-лит. им. т. Воровского, 1929. — 16 с.
  36. Нагорнов В.И., Яловская Г.В. Вклад сибирского форума ученых в индустриальную модернизацию края // *Изв. Том. политехн. ун-та*. — 2007. — Т. 310. — № 3. — С. 171—174.
  37. Наше капитальное строительство. Как проходят в центре новосибирские вопросы (Беседа с предокрисполкома тов. Зайцевым) // *Советская Сибирь*. — 1926. — 8 дек. (№ 284).
  38. Новый план капитального строительства сибпромышленности (в Президиуме Крайисполкома) // *Советская Сибирь*. — 1927. — 28 янв. (№ 22).
  39. Певзнер А.М. Контрольные цифры на 1926—27 год // *Советская Сибирь*. — 1926. — 4 дек. (№ 281).
  40. Пирожкова А. Я пытаюсь восстановить черты. Воспоминания: о Бабеле — и не только о нем. — М.: АСТ, 2013. — 605 с.
  41. Полянская Е.М. Из истории социалистической индустриализации Сибири // *Вопросы истории*. — 1956. — № 8. — С. 15—32.
  42. Проектировка «Дома Промышленности» // *Советская Сибирь*. — 1929. — 26 окт. (№ 247).
  43. Проекты в воздухе // *Советская Сибирь*. — 1929. — 21 дек. (№ 293).
  44. Протоколы Президиума Высшего Совета Народного Хозяйства. Декабрь 1917 г. — 1918 г.: сб. док. — М.: Наука, 1991. — 352 с.
  45. Самогоров В.А., Сухов Ю.В. Жизнь и творчество Самарского инженера-архитектора Сухова Василия Константиновича // *Вестн. Самар. Гос. архит.-строит. унта. Сер. Градостроительство и архитектура*. — 2015. — № 2 (19). — С. 41—47.
  46. Самое большое здание в Сибири // *Советская Сибирь*. — 1931. — 15 июня (№ 163).
  47. Снова поднят вопрос о Доме Трестов // *Советская*

Сибирь. — 1929. — 11 июня (№ 131).

48. Совнархозы // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. — Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009 [Электронный ресурс]. — URL: http://irkipedia.ru/content/sovnarhozy_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 (дата обращения: 16.04.2018).

49. Создание фундамента социалистической экономики в СССР (1926—1932 гг.). — М.: Наука, 1977. — Т. 2: Перестройка управления промышленностью [Электронный ресурс]. — URL: <https://history.wikireading.ru/127972> (дата обращения: 16.04.2018).

50. Тельбессбюро приступает к практической работе (беседа с инж. Зуевым) // Советская Сибирь. — 1926. — 9 апр. (№ 80).

51. Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. — Новосибирск: Параллель, 2007. — 287 с.

52. Тиунов Виктор Фатеевич. 2018 [Электронный ресурс]. — URL: https://ru.wikipedia.org_Тиунов,_Виктор_Фатеевич (дата обращения: 30.04.2018).

53. Токменинова Л. Дом Промышленности и Торговли. Екатеринбург. Даниил Фридман, Глеб Глущенко, Петр Пастернак. — Екатеринбург: TATLIN, 2012. — 59 с.

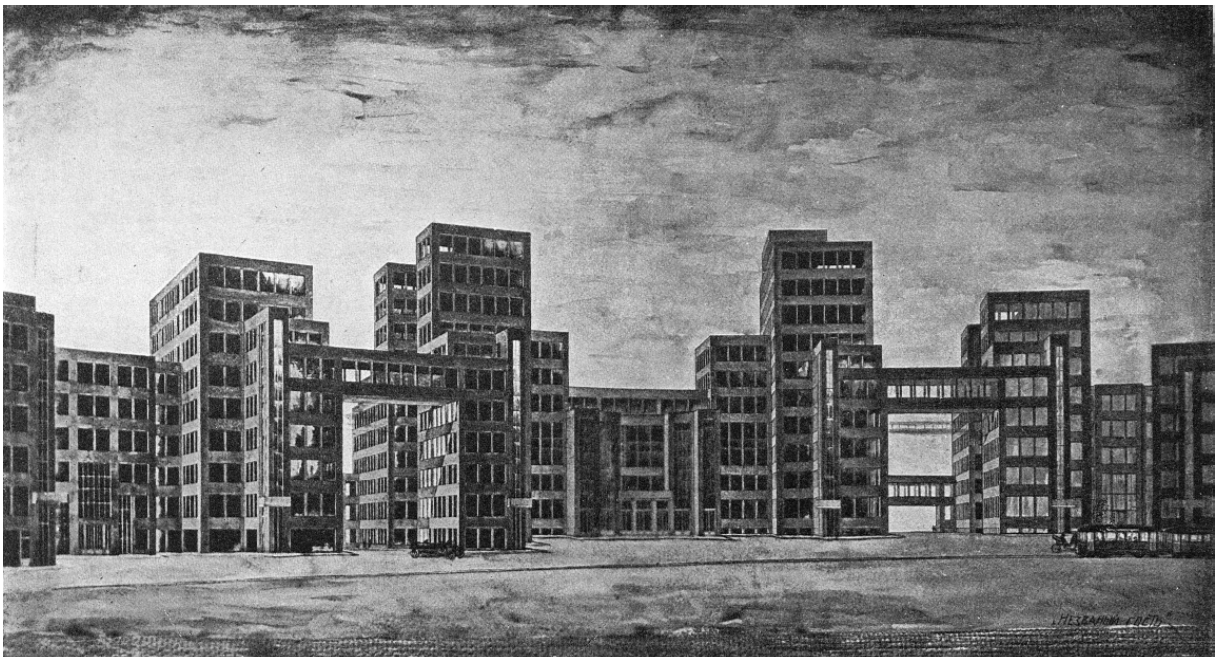
54. Хан-Магомедов С.О. Рационализм — «формализм». — М.: Архитектура-С, 2007. — 496 с.

55. Швыденко О.А. Конкурс на создание Дома Государственной Промышленности в Харькове в контексте развития архитектуры 1920-х годов // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. — 2008. — № 13. — С. 135—150.

56. Щукин Г. О будущем Новосибирска // Советская Сибирь. — 1926. — 9 дек. (№ 285).

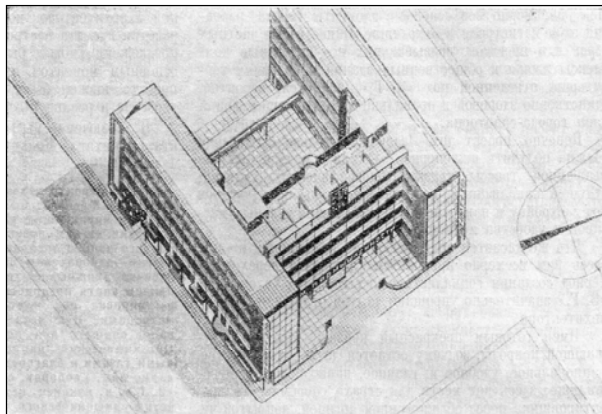
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1406.
2. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1562.
3. ГАНО. Ф. Р-22. Оп. 1. Д. 1850.
4. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 87.
5. ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 88.
6. ГАНО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 90.
7. ГАНО. Ф. Р-204. Оп. 2. Д. 483.
8. ГАНО. Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 71а.
9. РГАЛИ. Ф. 1981. Оп. 1. Д. 53.

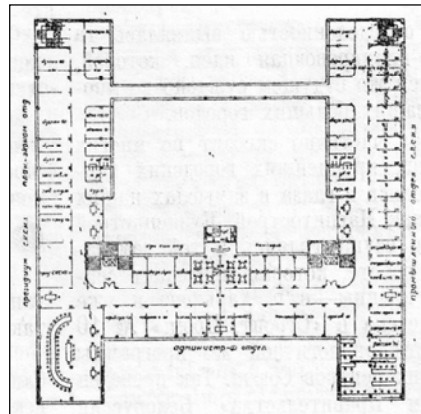

Ил. 1. Проект Дома Госпромышленности в Харькове. 1925—1927 гг. Архитекторы С.С. Серафимов, М.Д. Фельгер, С.М. Кравец. Перспектива [Ежегодник Общества., 1928, с. 112]

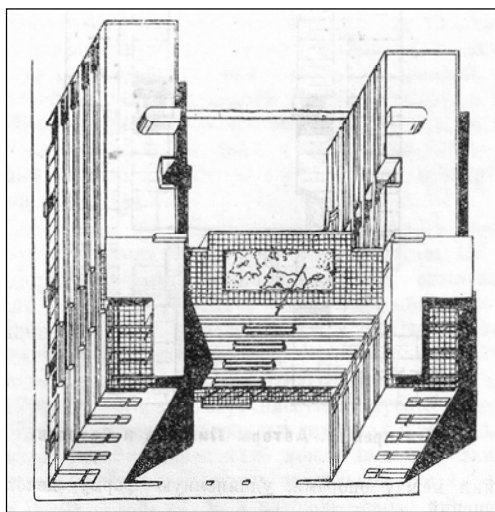

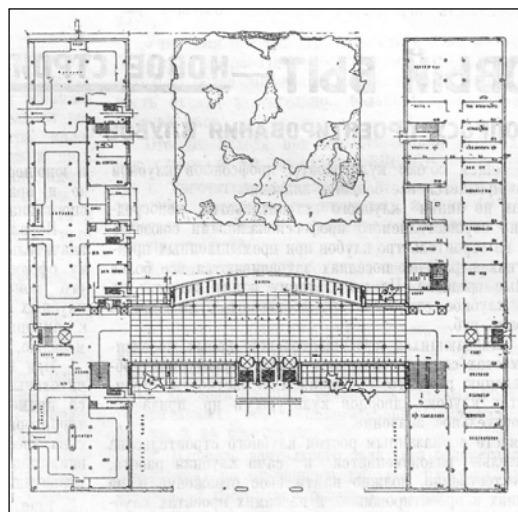
1

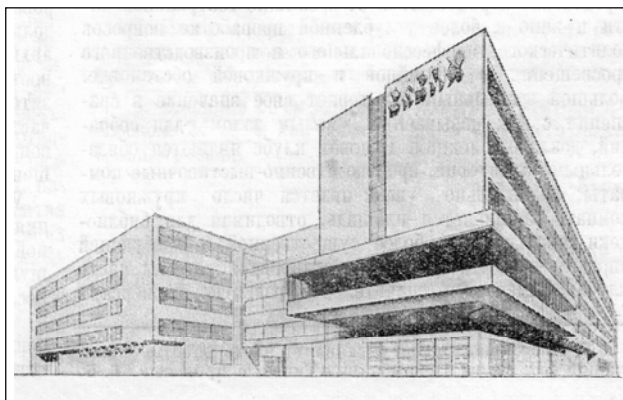
2

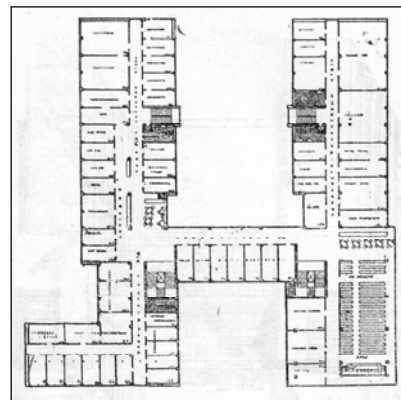
3

4

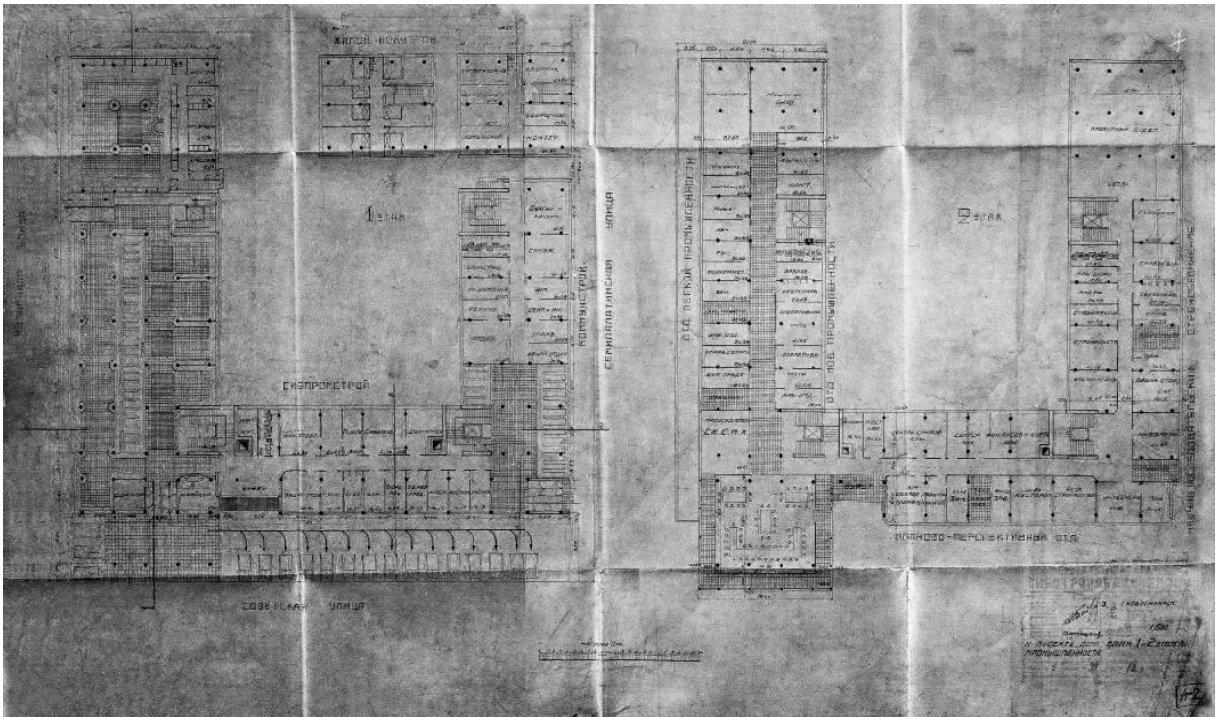

5

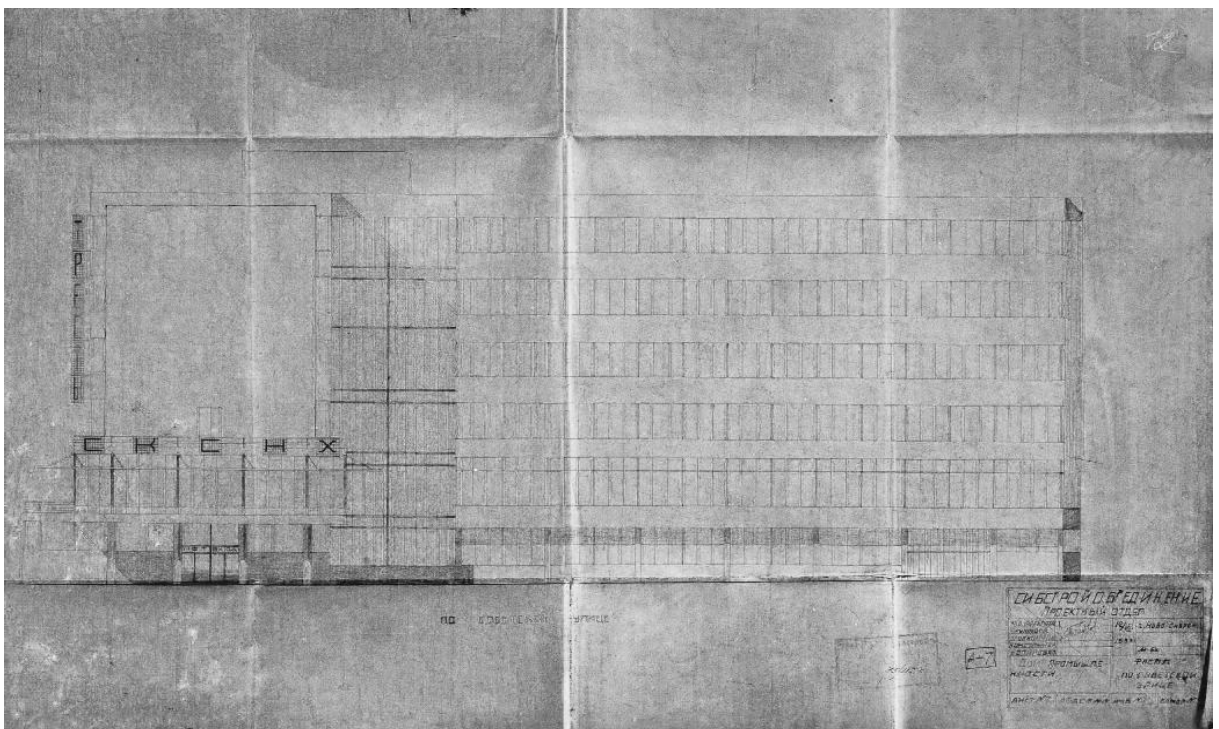

6

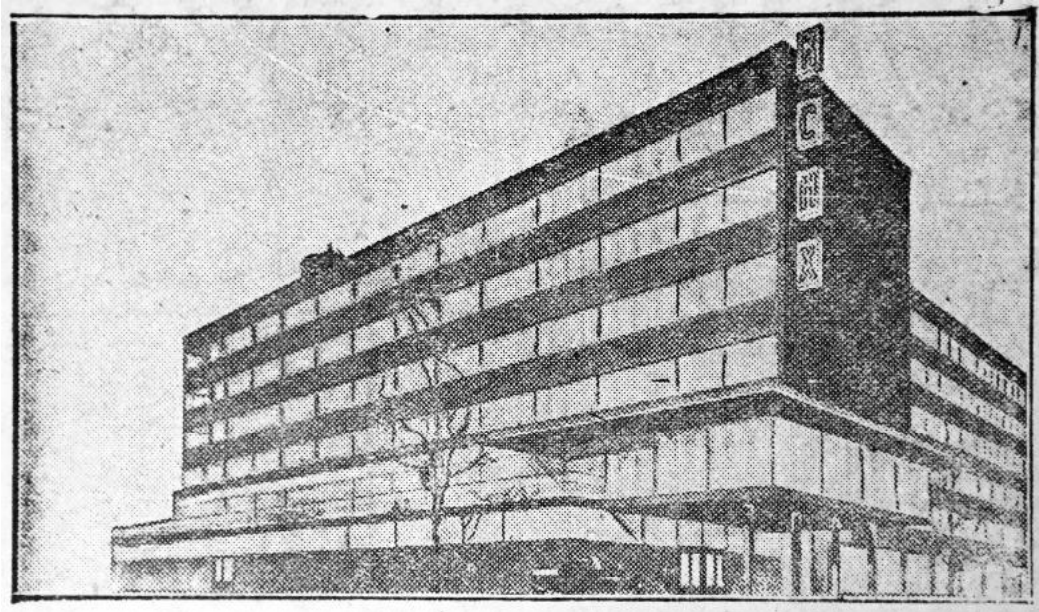
Ил. 2. Конкурсные проекты Дома Промышленности в Новосибирске. 1929—1930 гг. 1—2 — гражд. инж. В.М. Гальперин (1-я премия). Аксонометрия. План 2-го этажа. 3—4 — студент МВТУ А.Г. Климухин (2-я премия). Аксонометрия. План 1-го этажа. 5—6 — архитекторы И.Н. Лихачев, Н.Н. Соболев. Перспектива. План 2-го этажа [К, 1930, с. 462—464]

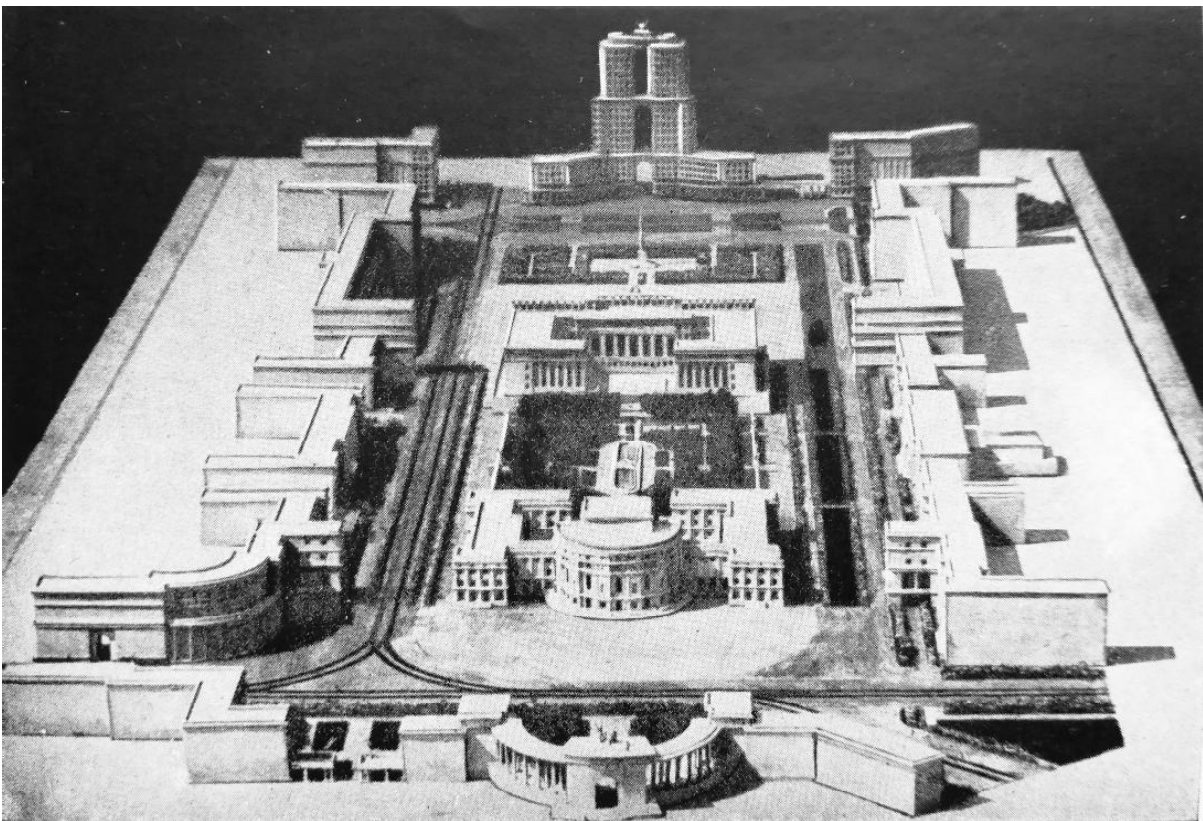
Ил. 3. Проект Дома Промышленности в Новосибирске. 1930 г. Архитектор А.И. Бобров.
Планы 1-го и 2-го этажей [ГАНУ. Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 71а. Л. 7]

Ил. 4. Проект Дома Промышленности в Новосибирске. 1930 г. Архитектор А.И. Бобров.
Фасад по Советской ул. [ГАНУ. Ф. Р-293. Оп. 1. Д. 71а. Л. 12]

Ил. 5. Проект Дома Промышленности в Новосибирске. 1930 г. Архитектор А.И. Бобров.
Перспектива [Дом Промышленности., 1930]

Ил. 6. Проект Центральной площади Сталинска. 1934 г. Архитекторы И.С. Гуревич, Л.М. Букалова,
А.С. Смолицкий и др. [Букалова, Смолицкий, 1936, с. 44]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10052

УДК: 72.03

Ю.Л.Косенкова
 Научно-исследовательский институт
 теории и истории архитектуры
 и градостроительства (г. Москва)
 Jkosenkova@yandex.ru

Новые научные подходы к изучению архитектурно-градостроительного наследия советского периода

Аннотация

Статья посвящена проблемам изучения архитектуры и градостроительства советского периода на современном этапе. Раскрываются изменения методов работы историков, произошедшие в последние 25—30 лет. Показано, что произошло не только углубление предмета исследований, но и расширение круга привлекаемых исторических источников. Дается характеристика практических трудностей, с которыми сталкиваются современные историки советской архитектуры.

Ключевые слова: история российской архитектуры и градостроительства, развитие культуры, сохранение архитектурного наследия, управление застройкой городов, архитектурный ансамбль, творчество мастеров архитектуры

Y.L. Kosenkova
 Scientific Research Institute of Theory and History
 of Architecture and Urban Planning (Moscow)
 Jkosenkova@yandex.ru

New Scientific Approaches to the Study of Architectural and Town Planning Heritage in Soviet-era

Abstract

The article deals with the problems of studying Soviet architecture and town planning in modern times. Revision of historians' methods that have occurred in the last 25-30 years is discussed. It is shown that not only extension of the research subject, but also enlargement of the range of historical sources has taken place. The article deals with practical difficulties faced by modern historians of Soviet architecture.

Key words: Russian architecture and town planning history, cultural evolution, architectural heritage preservation, town development, architectural ensemble, creative work of architecture masters

Градостроительство современной России уже в течение трех десятилетий развивается в новых социальных и экономических условиях, существенно отличающихся от тех, что складывались в стране на протяжении почти всего XX в. Есть ли необходимость сегодня вглядываться в наследие, оставленное советской эпохой — недавней, но уже отодвинувшейся в прошлое? Казалось бы, здесь и так все давно известно, определены и «лучшие достижения», и «отдельные ошибки». Но действительно ли мы так хорошо знаем и понимаем то, чем была занята тогда профессиональная мысль, что составляло суть и смысл архитектурно-градостроительной деятельности не только в столицах и крупнейших городах, но и в небольших городках, поселках, селах, где обитало большинство населения страны?

Не получив исчерпывающих и, что важно, научно достоверных и правдивых ответов на эти вопросы,

едва ли возможно успешно и безошибочно действовать в современных условиях. Ведь наследие советской эпохи — это та почва, с которой так или иначе связаны архитектура и градостроительство сегодняшнего дня. И это не только материальное наследие — сложившийся тогда специфический характер застройки городов или созданная немалым трудом база массового индустриального домостроения, но и ментальное — возможные концептуальные подходы к городу, особенности восприятия его как объекта проектирования и управления.

Современная архитектурная наука нуждается в рациональном научном осмыслении тех процессов, которые происходили в градостроительстве советского периода. Для этого, в свою очередь, необходимо фундаментальное, академическое по своему характеру исследование градостроительства советского периода, выстраиваемое на прочном осно-

вании исторических документов и исходящее из вечных гуманных ценностей архитектурно-градостроительной профессии. Наметим несколько наиболее важных позиций.

Задача построения современной концепции истории архитектуры и градостроительства советского периода

Отношение общества к опыту советской архитектуры во многом зависит от того, как формируется новая концепция истории архитектуры советского времени, каким это наследие предстает перед нами сегодня? Несомненно, те мерки, с которыми историки подходят к советской архитектуре, в значительной степени изменились за более чем 30 лет, прошедших с начала перестроечных процессов в нашей стране. Прежде всего, минуло уже достаточно времени с тех пор, как специалисты-историки, занимающиеся советской архитектурой, перестали быть частью этой системы, они получили возможность занять другую исследовательскую позицию, посмотреть на явление советской архитектуры как бы «извне», соблюдая необходимую историческую дистанцию [Проблемы изучения..., 1991]. В связи с этим мы вправе задать вопросом: что же изменилось сегодня в нашем понимании советской архитектуры и методах его изучения?

В начале 1990-х гг. вопрос о том, нужно ли переосмысливать предмет истории советской архитектуры, вызывал довольно много волнений. Слишком еще свежи были воспоминания о конъюнктурных переосмыслениях и переоценках советского периода, которые, как известно, академик архитектуры А.В. Иконников тогда обозначил морским термином — поворот «все вдруг». Прошедшее с тех пор время показало, что в историко-архитектурных исследованиях, во-первых, постепенно формировались не столько оценочное, сколько целостно-ценностное отношение к предмету исследования, понимание его взаимосвязей со сложнейшим историческим и культурным контекстом, стремление не оценить, а скорее объяснить то или иное явление; во-вторых, постепенно происходило не столько переосмысление, сколько расширение предмета исследования [Архитектура сталинской эпохи..., 2010]. Если говорить коротко, в поле зрения историка оказались не только традиционные вопросы «что» и «как» было спроектировано и построено, но и «почему» и, главное, «зачем», т.е. каково было подчас скрытое за риторическими формулами истинное целеполагание в градостроительном процессе [Косенкова, 2009а]. Предмет исследования включил в себя не только некий набор «объектов», будь то постройки, проекты или архитектурно-градостроительные тексты, но и «деятельностные механизмы», подчас подминавшие под себя и изменявшие до неузнаваемости спроектированные архитектурные и градостроительные объекты. Разведение желаемого и действительного в советской архитектуре — в этом, на наш взгляд, состоит одно из самых глубоких концептуальных изменений в работе историков в последние годы [Косенкова, 2009б].

Расширение предмета исследования, в свою очередь, быстро развеяло миф об «исчерпанности знаний» о советской архитектуре и градостроительстве, столкнув историков с явлениями сложными, неоднозначными и подчас трудно объяснимыми. Другой стала и фактологическая основа исследований; при-

чем ее расширение шло не только за счет обращения к материалам 1960—1980-х гг. [Эстетика «оттепели»..., 2013], ранее не включавшихся в понятие «история», но и за счет изменения привычного круга используемых исторических источников, изучения таких документов, как служебная учрежденческая переписка, материалы промышленных ведомств, государственных и общественных организаций, мемуары участников событий и т.п. Все более активно исследуются и местные региональные архивы.

В настоящее время, по нашему мнению, медленно, но верно идет процесс формирования современной концепции истории советской архитектуры как продукта коллективного научного творчества [Духанов, 2014; Кобышева, Меерович, 2012]. Последнее принципиально важно, поскольку множественность авторского видения сегодня нужна главным образом для того, чтобы, многократно меняя «исследовательскую оптику» в исследованиях разного масштаба, попытаться как можно более полно выявить наиболее общие, фундаментальные свойства советской архитектуры, в том числе и градостроительства, проявляющиеся на всех этапах их развития, несмотря на броски в разные стороны и неоднократное отрицание самое себя. Процессы общности, преемственности различных этапов советской архитектуры не столь очевидны, они скрыты от поверхностного наблюдения, но они, несомненно, имели место и должны быть внимательно отслежены — только в этом случае мы сможем говорить о построении современной целостной концепции истории советской архитектуры [XX век..., 1996].

Раскрытие специфики взаимодействия «общего и особенного» в советском градостроительстве

В исследованиях последних лет наряду с общими тенденциями советского градостроительства, стремившимися к унифицированным подходам [Меерович, Кобышева и др., 2011], выявляются особенности, значительно влиявшие на картину расселения и развития отдельных городов «на местах». В новейших историко-архитектурных работах показано, что региональные особенности, несмотря на схематизм и повторяемость многих принимавшихся в советский период архитектурно-градостроительных решений, все же проявлялись, хотя и не так, как до революции [Духанов, 2013]. Такие факторы, как ландшафт, климат, уровень развития градостроительной базы, местные архитектурно-градостроительные традиции, сформировавшие те или иные города, наконец, просто нежелание властей и деятелей городского хозяйства «на местах» некритично принимать указания «центра» [Вайтенс, 2010], создавали сложную и неоднозначную картину градоформирования в регионах, достойную отдельного пристального изучения. Примеры такой «сопротивляемости» градостроительного материала, обрекавшего, по сути, город на годы неопределенности в планировочном развитии, рассматриваются, в частности, автором на примерах послевоенной реконструкции городов, когда градостроительные приемы русского классицизма пытались наложить на пространство городов, сформированных в рамках иной градостроительной культуры. Причем эти особенности проявились как в регионах России, так и в градостроительстве бывших союзных республик.

Вместе с тем проведенный анализ методологических основ градостроительного проектирования, формировавшихся в первой половине 1930-х гг. в работах Гипрогора, украинского Гипрограда, институтов коммунальной гигиены России и Украины, дает основания говорить о том, что в этот краткий период зарождался новый для советской практики подход, обозначенный в свое время автором как «градоведческий», основанный на выявлении и развитии тех возможностей, которые заложены в комплексе индивидуальных особенностей каждого города. Город с этих позиций рассматривался как некая самодостаточная целостность, формируемая ради наиболее полного обеспечения всех аспектов жизни людей, что, по сути, становилось главным критерием архитектурно-градостроительной деятельности. Такой подход не предполагал создания единой, заранее заданной градостроительной концепции; каждый город должен был получить свою собственную концепцию, включавшую, в частности, и освоение художественно-композиционными средствами его морфологических особенностей. Логика градоформирования лежала в сфере профессионального влияния архитекторов, но основывалась на всестороннем предпроектном изучении города с помощью комплекса градovedческих дисциплин. Формирование этой тенденции было в значительной степени подавлено в самом начале, поскольку требовало длительной, кропотливой работы, не отвечавшей по существу постановки проблемы целям государства и форсированным темпам строительства.

Выявление управленческих механизмов градостроительной деятельности

Рассматривая различные формы проявления «общего и особенного» в советском градостроительстве, нельзя не заметить, что уже в 1920-е гг. в стране стала формироваться двойственная система управления планировкой и застройкой городов. Одна линия, идущая от Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД (в дальнейшем наркомат коммунального хозяйства (НККХ) РСФСР), в значительной мере ориентировалась на сложившиеся еще до революции традиции детального «градоустройства». Другая линия, идущая от Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и его основного преемника наркомата тяжелой промышленности (НКТП), а также других ведомств, была ориентирована на строительство временных, барачных поселков при производстве или в лучшем случае на строительство стандартизированных «соцгородов».

Противоречия между интересами города и интересами промышленных ведомств особенно обострились в послевоенный период, когда государство, с одной стороны, ставило задачу проектирования города как единого художественного ансамбля — «памятника Победы», призванного прежде всего воздействовать на сознание людей, а с другой — направляло основное финансирование через промышленные ведомства, с правом распоряжаться им по своему усмотрению. На примере градостроительной управленческой и нормотворческой деятельности Комитета по делам архитектуры при СНК (СМ) СССР, созданного в 1943 г. специально для решения задач целостного архитектурно-художественного восстановления и реконструкции городов, отчетливо видна

безуспешность попыток «собрать» целостный город хотя бы на основе ансамблевого подхода. Это привело к ликвидации комитета уже в конце 1940-х гг. Результатом стал тяжелый кризис градостроительства, особенно ярко проявившийся на рубеже 1940—1950-х гг. и в числе прочих факторов обусловивший «перестройку творческой направленности советской архитектуры».

Проблемы районной планировки — к новому размещению промышленности

В исследованиях последних лет показано, что основные принципы и подходы, которыми поначалу руководствовалась районная планировка в СССР, двигаясь в русле общемировых тенденций децентрализации крупных городов, уже в конце 1920-х гг. существенно изменились. В стране был взят курс на индустриализацию, в связи с чем радикально менялись размещение промышленности и система расселения. Проанализированы теория и практика создания проектов районных планировок в 1930-е гг., смещения акцентов с развития городских агломераций на развитие производства вблизи источников сырья, в неосвоенных районах страны. Это привело в конце 1930-х гг. ко многим градостроительным и хозяйственно-экономическим ошибкам, связанным с отсутствием или невыполнением проектов районных планировок. Отсутствие частной собственности на землю и плановый характер хозяйства отнюдь не сделали проблему районной планировки легко решаемой.

Несмотря на политическую риторику, трактовую районную планировку как основу для улучшения условий жизни трудящихся и рассуждающую о преимуществах советского социального строя в деле районной планировки, в 1930-е гг. все основные теоретические достижения в этой области были разрушены самим ходом проектирования и строительства в промышленно-экономических районах. Целью и смыслом работы по районной планировке стало не столько научно обоснованное развитие крупных городов или системы населенных мест, сколько интересы промышленных предприятий, ориентированных на форсированные темпы выдачи продукции любой ценой. Население при этом рассматривалось лишь как одно из средств производства.

В жертву лихорадочно менявшимся промышленно-хозяйственным планам был фактически принесен и территориальный принцип районной планировки, поскольку не было возможности создать сколь-нибудь устойчивую систему населенных мест с продуманными взаимосвязями, а сельскохозяйственная составляющая районной планировки в силу так и не найденной удовлетворительной концепции своего развития чаще всего вообще оказывалась «белым пятном». При плановом характере экономики так и не была создана разумная система взаимоувязки интересов различных ведомств, а население вовсе оказалось исключенным из этого процесса. Проекты районной планировки основывались на заведомо ущербных исходных данных и не находили своей полной реализации.

Необходимость «сквозного действия» исследований градостроительства на всем протяжении советского периода

С точностью датировок проектов, построек и событий архитектурно-градостроительной жизни на-

прямую связана проблема периодизации истории советской архитектуры. Практика периодизации по партийно-правительственным постановлениям была признана порочной и ушла в прошлое. Но обращение непосредственно к анализу исторического материала показало наличие наслоения одного хронологического периода на другой и подчас одновременное существование двух или нескольких разнонаправленных концепций архитектурно-градостроительной деятельности. Одним из таких периодов была вторая половина 1930-х гг., когда на более раннюю концепцию соцгорода как поселения при промышленном производстве наложилась совершенно противоположная по смыслу концепция города-ансамбля [Советское градостроительство..., 2010].

Усложнение принципов периодизации советского градостроительства ставит определенные задачи и перед исследователем: архитектурно-градостроительный процесс советского периода предстает не как набор дискретных «этапов», определяемых лишь указаниями сверху, а как сложное, имеющее свои внутренние закономерности явление, обладающее на разных фазах своего развития и существенными различиями, и общими чертами

В последние годы все более выявляется необходимость столь же углубленно, с использованием документальной основы, подойти к изучению советского градостроительства конца 1950-х — начала 1980-х гг. Ведь вопросы, поставленные перед проектировщиками в первой половине века, по сути, никуда не делись, что, среди прочего, подтверждается многократной актуализацией одних и тех же проблем (например, запрет на промышленное строительство и ограничение роста крупных городов) на всем протяжении советского периода.

В годы «творческой перестройки советской архитектуры», казалось бы, все принципы и подходы, определявшие проектирование городов в послевоенное десятилетие, поменялись на противоположные, а сам город распался на отдельные «территории», на которых велась застройка микрорайонов. Но важно понимать, что такие очевидные инверсии на самом деле носили достаточно поверхностный характер, глубинное же ощущение природы города практически не изменилось. Город по-прежнему, с одной стороны, оставался объектом проектно-планировочного манипулирования, а с другой — формировался под воздействием разнообразных факторов, существовавших как бы вне границ профессионального внимания и подчас сводивших не на усилие по формированию пригодного для полноценной жизни города.

На рубеже 1960—1970-х гг. впервые в истории советского градостроительства была сделана попытка рассмотреть город как объект, не зависящий впрямую только от промышленного развития, как объект многофункциональный и не имеющий жестких пространственных границ: развитие наукоемкого производства, отраслей обслуживания, управления и культуры является важнейшим источником роста больших городов, многофункциональность города становится основной его чертой. Городская культура была признана самодостаточным феноменом, играющим важную роль в современном обществе.

Однако эти соображения были скорее фиксацией мировых тенденций, нежели отражением реального поворота в осмыслении города отечественной

градостроительной мыслью. Качественный скачок в профессиональном мышлении, который произошел на рубеже 1960—1970-х гг., совсем не означал, что существенно изменились условия архитектурно-градостроительной деятельности, десятилетиями складывавшиеся в стране, а следовательно, продолжали свое существование и многие сформировавшиеся стереотипы в проектировании и застройке городов. Это было только начало долгого пути к созданию новой интегральной науки о городе, формирование которой происходит и по сей день.

Сегодня настало время формирования нового подхода к истории советского градостроительства, основанного как на выявлении особенностей профессионального мышления и деятельности архитекторов, определявших их работой в специфических условиях советского общества, так и на привлечении новых исторических материалов, отражающих сложность и противоречивость архитектурно-градостроительных процессов этого времени.

Список литературы

1. Архитектура сталинской эпохи: Опыт исторического осмысления. — М.: КомКнига, 2010. — 496 с.
2. Вайтенс А.Г. Регулирование градостроительного развития Санкт-Петербурга—Ленинграда 1870-е — 1991 гг. — СПб: СПбГАСУ, 2010. — 231 с.
3. Духанов С.С. Градостроительный аспект Урало-Кузнецкого комбината: трансформация идеи в местных условиях // Ползуновский вестн. — № 4—1. — Барнаул: Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова, 2013. — С. 66—72.
4. Духанов С.С. Влияние региональных условий в градостроительстве Западной Сибири первой пятилетки // Архитектон: известия вузов. — 2014. — № 45 [Электронный ресурс]. — URL: http://archvuz.ru/2014_1/10.
5. Кобышева, Е.В., Меерович, М.Г. Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). — М.: Ленанд, 2012. — 224 с.
6. Косенкова Ю.Л. Градостроительное мышление советской эпохи. Поиск устойчивых структур // Вопросы теории архитектуры. Архитектура и культура России в XXI веке: сб. науч. тр. и докл. на Четвертых и Пятых Иконниковских чтениях. — М.: URSS, 2009а. — С. 359—369.
7. Косенкова Ю.Л. Советской город 1940-х — первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2009б. — 378 с.
8. Меерович М.Г., Кобышева Е.В., Хмельницкий Д. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР 1928—1932 гг. — М.: РОССПЭН, 2011. — 270 с.
9. Проблемы изучения истории советской архитектуры: по материалам круглого стола 15—16 апреля 1991 г. — М.: ВНИИТАГ, 1991. — 265 с.
10. Советское градостроительство 1920—1930-х годов: Новые исследования и материалы. — М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. — 384 с.
11. Эстетика «оттепели»: новое в архитектуре, искусстве, культуре. — М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. — 496 с.
12. XX век. Образы истории отечественной архитектуры. — М.: НИИТАГ РААСН, 1996. — 468 с.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10081
УДК 908+ 321.74+72.036

В.С. Кузеванов
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)
KuzevanovVS@omsu.ru

Архитектурное сообщество и творческие проблемы новосибирских проектировщиков второй половины 1940-х — 1950-х годов

Аннотация

В статье рассматривается корпоративная культура новосибирских архитекторов во второй половине 1940-х — 1950-х гг. К этому моменту в городе сложилось влиятельное архитектурное сообщество со своими традициями. В узком кругу профессионалов были как корифеи, так и молодые архитекторы, которые перенимали опыт старших наставников. Рассмотрение архитектурных проектов этого времени (в том числе, не реализованных) не представляется возможным в отрыве от социально-культурой составляющей.

Ключевые слова: архитектурное сообщество, Союз Советских архитекторов, Новосибирское отделение ССА, историзм, архитектура Новосибирска

V.S. Kuzevanov
F.M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk)
KuzevanovVS@omsu.ru

Novosibirsk Architectural Community and Its Professional Challenges in the Second Half of the 1940s — 1950s

Abstract

The article examines corporate culture of Novosibirsk architects in the second half of 1940s — 1950s. In that time the city its significant architectural community with own traditions. In a close circle of professionals there were both luminaries and young architects who took over experience of the masters. Consideration of architectural works (including not realized) is not possible with out social and cultural component.

Key words: architectural community, Union of Soviet Architects, Novosibirsk Branch of the Union of Soviet Architects, historicism, architecture of Novosibirsk

Ко второй половине 1940-х — 1950-м гг. в Новосибирске сложилось собственное архитектурное сообщество со своими традициями. В нем, с одной стороны, отмечалась интегрирующая роль в профессиональной деятельности зодчих Новосибирского отделения ССА. В решении № 152 от 18 февраля 1944 г. Новосибирским исполкомом было указано на «плодотворную организационную роль (Союза — В.К.) в деле творческого роста объединяемых им архитекторов и целеустремленного направления их деятельности» [ГАНУ. Ф. Р.-1444. Оп. 1. Д. 24. Л. 2]. В связи с десятилетним юбилеем Союза 15 архитекторов и инженеров были награждены почетными грамотами.

Одновременно с этим, на совещании молодых архитекторов города в 1957 г. архитектор Сибгипрозолото Шильниковская высказала мнение об изоляции архитекторов: «В нашем городе колоссальное количество проектных организаций, все они разбросаны, и мы почти не имеем возможности встречаться друг с другом» [ГАНУ. Ф. Р.-1444. Оп. 1. Д. 155. Л. 56.]. Заместитель председателя новосибирского отделения Союза советских архитекторов Б.Г. Сигал на совеща-

нии проектных организаций 30 ноября 1956 г. заявил: «В Новосибирске работает большой коллектив, раздробленный по 33-м проектным организациям, но в работе всех этих организаций так много общего, что это нисколько не мешает нам обсудить все интересующие нас вопросы. Тем более что задачи перед всеми стоят одни и те же» [ГАНУ. Ф. Р.-1444. Оп. 1. Д. 141. Л. 9]. И до реорганизации области в 1939 г. в Союз архитекторов входили архитекторы более чем из шести крупных проектных организаций Новосибирска (Запсибпроект — 15 чел., Горстройпроект — 23 чел., Сибтранспроект — 16 чел., Сибметаллстрой — 3 чел., Сибстрин — 7 чел., Совхозмонтажпроект — 3 чел., из разных организаций — 19 чел.), а также других городов края — Барнаула (3 чел.), Сталинска (3 чел.), Кемерова (1 чел.), Ойрот-Туры (после 1948 г. — Горно-Алтайск) — 2 чел.) [ГАНУ. Р.-1444. Оп. 1. Д. 11. Л. 2—2об].

В описании новосибирского архитектурного сообщества стоит отметить, что здесь количество переходит в качество, отчетливо видны черты профессиональной интеллигенции. Необходимо подчеркнуть, что архитектурное сообщество — это особый тип; по

Г.Н. Соколовой: «Интеллигенция социалистического общества определяется, т.о., как социальный слой трудящихся, профессионально занятых умственным трудом высокой квалификации, требующим, как правило, для своего выполнения специального высшего или среднего образования» [Соколова, 1989, с. 49]. Такая категория специалистов является интеллигенцией, которая в нашем случае выступает носителем профессиональной культуры.

Архитектурная культура — это совокупность нескольких видов деятельности. Ж. Вержбицкий выделяет следующие виды: «архитектурно-художественное творчество; проекты как модели потребного будущего; осуществленные строительным производством объекты в натуре; и, наконец, система архитектурного образования» [Вержбицкий, 2010, с. 13]. Можно сюда добавить корпоративную культуру, т.к. она не совпадает с архитектурной, — это те связи архитекторов (профессиональные или личные), которые определяют производственную работу.

Б.А. Биткин, председатель новосибирского отделения ССА, на заседании с молодыми архитекторами из Москвы и Ленинграда 30 сентября 1947 г. во вступительной речи подчеркнул: «Архитектурная культура Новосибирска создавалась одним поколением. Нашим, которое сидит в этом зале» [РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 230. Л. 2]. По этим каналам можно восстановить новосибирскую архитектурную культуру, но стоит также учитывать социальный статус архитектора в иерархии.

Профессиональный конгломерат сложился в 1930–х гг., в период активного строительства в стиле конструктивизма. Так, например, архитекторы Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев и инженер Н.В. Никитин работали в плотном сотрудничестве, несмотря на отсутствие общей производственной площадки: в свое время специалисты работали в разных организациях. Историк архитектуры И.В. Невзгодин назвал коллектив «новаторским» [Невзгодин, 2013, с. 280–293]. Коллективом было выполнено более десяти совместных проектов для Новосибирска.

В число корифеев описываемого времени безусловно входил архитектор А.Д. Крячков. Показателен в отношении архитектурной стилистики проект Стоквартирного жилого дома для Крайисполкома, который А.Д. Крячков составил в 1933–1934 г. совместно с коллегой по кафедре В.С. Масленниковым [Баландин, Ваганова, 1986, с. 45]. В облике этого здания сошлись модернистический декор, конструктивистская основа и экспликация помещений в подходе рационализма. Эта сложная стилиевая эклектика, с одной стороны, не вписывалась в пространственный лаконизм конструктивизма, с другой, была свойственна для творческих поисков того времени. Подтверждение тому можно найти в докладе зодчего А.И. Гегелло на заседании новосибирского отделения ССА 5 ноября 1943 г.: «После 30–го года, когда начался поворот в сторону освоения классиков, начался по существу период исканий, которые часто приводили архитектора к эклектике» [ГАНУ. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д. 21. Л. 2об.]. По словам С.Н. Баландина, биографа А.Д. Крячкова, гран-при международной выставки искусства и техники в Париже 1937 г. за научные и проектные работы, в том числе, переработанный проект Стоквартирного дома, озаменовал «расцвет

архитектурного таланта мастера» [Баландин, 1991, с. 140]. На выставке были также представлены выполненные Крячковым конкурсные проекты Домов Советов в Иркутске и в Красноярске, которые также выглядели как набор конструктивистских моделей в классицистическом звучании.

Крячков не мог не делиться своими идеями с коллегами и со своими подопечными. Тематика дипломных проектов студентов-архитекторов Сибстрина под руководством А.Д. Крячкова в описываемый период была схожа с его профессиональными работами: те же Дом Советов в Красноярске и Иркутске, библиотеки, музеи русской культуры и др. В эксперьере студенческих работ и проектов мэтра можно найти много общего. В постоянной экспозиции Музея истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина НГУАДИ представлен дипломный проект общественного здания, выполненный в 1947 г. студентом Г. Серебряковым [Баландин, Пустоветов, 1993, с. 64–65, рис. 35]. Центральный объем выполнен в формах, схожих с используемыми в проекте административно-хозяйственного корпуса комплекса Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР, выполненного Крячковым (ил. 1). Силуэтика зданий схожа с Адмиралтейством в Санкт-Петербурге: ярусное построение, галереи колонн на верхнем ярусе, высокий шпиль.

А.Д. Крячков, архитектор, начинавший профессиональную карьеру в дореволюционной России, оказался в 1932 г. в творческом коллективе Б.А. Гордеева и С.П. Тургенева при разработке и строительстве авангардистского здания Крайисполкома. Архитектор К.К. Леонов, будучи студентом Сибстрина, был направлен на производственную практику на строительство этого здания. Впечатления Леонова отражены, в том числе, в неопубликованной статье (рукопись статьи «Здание Облисполкома в Новосибирске. Дом Советов» была найдена нами в ходе архивных поисков) [ГАНУ. Ф. Р–2208. Оп. 1. Д. 4]. В связи с тем что статья не была опубликована, является необходимость представить интересующий нас фрагмент: «На всем этапе проектирования рабочих чертежей и развернулась совместная творческая работа проф. А.Д. Крячкова, арх. Б.А. Гордеева и арх. С.П. Тургенева. В разработке рабочих чертежей Дома Советов принимали непосредственное участие многие видные специалисты <...> Справедливости ради должен сказать, что эскизный проект, составленный проф. А.Д. Крячковым, был по планировочной структуре четким и рациональным с хорошими пропорциями помещений, особенно входного узла, которые сохранились и в рабочем проекте. Однако фасады, как главный, так и боковые, хорошо обзриваемые со всех сторон, были сухи и невыразительны. Четкий размеренный ритм оконных проемов подчеркивал сухость архитектурного решения фасадов» [ГАНУ. Ф. Р–2208. Оп. 1. Д.4. Л. 4об.—5]. Фасады здания были решены в итоге по разработкам Б.А. Гордеева и С.П. Тургенева. Образ здания сложился в результате привнесения каждого члена авторского коллектива в общее дело.

Архитектор-исследователь В.М. Пивкин в истории архитектуры рассматриваемого периода выделяет группу архитекторов, которые получили образование в стенах Академии художеств —Т.Я. Бардта, В.М. Тейтеля, К.Е. Осипова. Эти архитекторы знали друг

друга, но крайне редко работали под единым началом. Приверженцы разных методов строительства, с разным жизненным достатком, они объединены В.М. Пивкиным только по критерию образования. Творческие работы этих архитекторов редко попадают в дискуссионное поле отраслевых исследователей [напр.: Пивкин, Евстешина, 2007].

Обращение к классике привело к формированию сложного типа профессионального сознания архитектора — историзма. Одним из авторитетных ученых в этой области является А.В. Иконников, который дал емкое описание явлению: «историзм в архитектуре можно определить как установку на создание знаков, обозначающих связь с культурой прошлого, и отсылку к исторической памяти в системе, отражающей идеальные представления о будущем (естественно, о том «обозримом» будущем, которому адресует свое конкретное произведение архитектор)» [Иконников, 2006, с. 320]. Возможный образ социалистической архитектуры — «дворец» [Иконников, 1997, с. 430] — не для одного, а для народа. Архитекторы предпринимали попытки создать такой дворец.

Так, в Новосибирске в суровых условиях борьбы «с излишествами» архитектор Л.С. Михайлов со своими коллегами вели строительный процесс Дворца культуры им. М. Горького по ведомственной линии, для того чтоб задуманный вид не пострадал. Л.С. Михайлов вспоминал, что строительные работы велись непрофессионалами, порой, в целях удешевления строительства, привлекался труд военнопленных и заключенных. Архитектору пришлось исправлять ошибки строителей, которые «залили фундамент портика», поэтому диаметр колонн вынужденно был увеличен: вопреки классическим традициям коринфский ордер получил дорическую толщину.

Ситуационная застройка позволяет оценить Дворец культуры как яркий местный памятник эпохи (здание с богатым лепным убранством, многочисленными балюстрадами и двумя фонтанами, решенными в общей стилистике объекта). В связи с этим можно привести слова критика Ю.Б. Борева: «...художники, работавшие в русле этого метода (социалистического реализма — В.К.), нередко создавали яркие, а иногда и классические произведения» [Борев, 2008, с. 292]. Архитектор, подобно художнику, уходил от реальности в «реализм». О Дворце культуры им. М. Горького главный архитектор Новосибирска В. Терехин в своем докладе на собрании «О состоянии застройки города и перспективах его развития» заметил: «К числу таких (т.е. выполненных на высоком профессиональном уровне — В.К.) жилых массивов относится Красная горка с дворцом культуры, который в нынешнем году будет сдан в эксплуатацию. Этот объект является первым, в котором особенно выражено сотрудничество архитекторов, скульпторов и художников» [ГАНУ. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 140. Л. 12]. В таком содружестве, надо отметить, жило и всё новосибирское отделение Союза архитекторов, до возведения Дома архитекторов профессиональные выставки зодчих проходили в помещениях Союза художников; библиотека Союза располагалась вместе с библиотекой Союза писателей [ГАНУ. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 18 Л. 17.]. Такое тесное сотрудничество, своеобразный альянс, возможно, позволил архитек-

торам находясь в плотном контакте осваивать все стороны метод «соцреализма».

В период председательствования в Новосибирском отделении ССА Е.А. Ащепкова происходит сближение архитекторов и потребителей архитектуры: «В практику работы Союза в 1956—1957 годах была введена организация встреч архитекторов с жильцами выстроенных по их проектам домов» [Долнаков, 192, с. 82]. На подобных встречах архитекторы могли увидеть реальную картину жизни. Сами архитекторы замечали разницу между замыслом и реальностью. В частности, архитектор Н.В. Васильев взял на себя ответственность сказать об этом на заседании молодых зодчих Новосибирска: «Между графикой, которая не очень плохо сделана на подрамниках, и натурой разница есть — в натуре сделано во многом лучше, чем вся эта графика, которая нам представлена. Так, между прочим, покойный Щусев делал проекты: у него на подрамниках выходили проекты хуже, а в натуре лучше, он сам об этом говорил» [ГАНУ. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 155. Л. 32]. Действительно, качество архитектурной графики изменилось после 1955 г., когда были внесены изменения в учебные планы и рабочие программы дисциплин, но однозначно определить, в какую сторону были направлены произошедшие изменения, трудно. Так, например, молодой специалист А.А. Воловик, который в 1950 г. закончил Казахстанский республиканский строительный техникум и продолжил обучение в НИСИ [Воловик Анатолий Афанасьевич, 2003], в качестве дипломного выполнил проект с ориентацией на высотные здания в Москве (ил. 2). Дипломный проект сделан в традиционной для первой половины 1950-х гг. манере и графике, он не стал «клеймом» на карьере архитектора. В будущем А.А. Воловик создал целый ряд крупных архитектурных проектов с прекрасной графической прорисовкой [Кабаков, 2004].

Основные архитектурные силы в рассматриваемый период были консолидированы вокруг преобразования центра города. Историк архитектуры Б.И. Оглы дает характеристику послевоенного периода: «Особое внимание было уделено проекту центра, что во многом предопределялось общим духовным эмоциональным подъемом в стране после окончания войны и стремлением придать городу более яркий, обновленный выразительный облик, который бы отразил победоносный триумф народа» [Оглы, 1991, с. 55]. Над проектом городского центра работали, в том числе, специалисты архитектурно-планировочной мастерской Новосибирского горисполкома И.И. Соколов-Добрев, Р.М. Окунева, А.Ф. Якусевич. В проблему преобразования центра города в его расширенном понимании входило и решение набережной Оби. Реконструкция центра включала в себя проработку силуэтики набережной при взгляде с левого берега и с Оби (ил. 3). Общая тенденция поворота города к реке наметилась в конце 1940-х — начале 1950-х гг. [Оглы, 1980, с. 130]. Примечательна эволюция архитектурных образов зданий. В узловых точках предполагалось поставить высотные акценты. Проект разрабатывался на протяжении двух лет — с 1948 по 1950 г. В личном фонде Е.А. Ащепкова в ГАНУ сохранилась фотокопия развертки проекта реконструкции набережной [ГАНУ. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д.

308. Л. 2 (из двух частей)], утвержденная главным архитектором Новосибирска А.М. Двориным. Архитектурно-планировочная мастерская разработала проект, на котором центральное место занимает высотка. Возможно, облизполкома и партийного аппарата. К этому главному объему композиции стягиваются основные магистрали, в том числе магистраль, идущая с коммунального моста, с разделением направлений бульваром. После 1950 г. этот проект получил дальнейшее развитие [Оглы, 1991, с. 56—57, иллюстрации на вклейке]

Архитекторы Новосибирска находили оптимальные решения для города. Было неоднозначным понимание архитектурных образцов, которые предлагались московскими градостроителями. Архитекторы предпринимали попытки создания удобной городской среды со своей уникальной пространственной организацией.

Список литературы

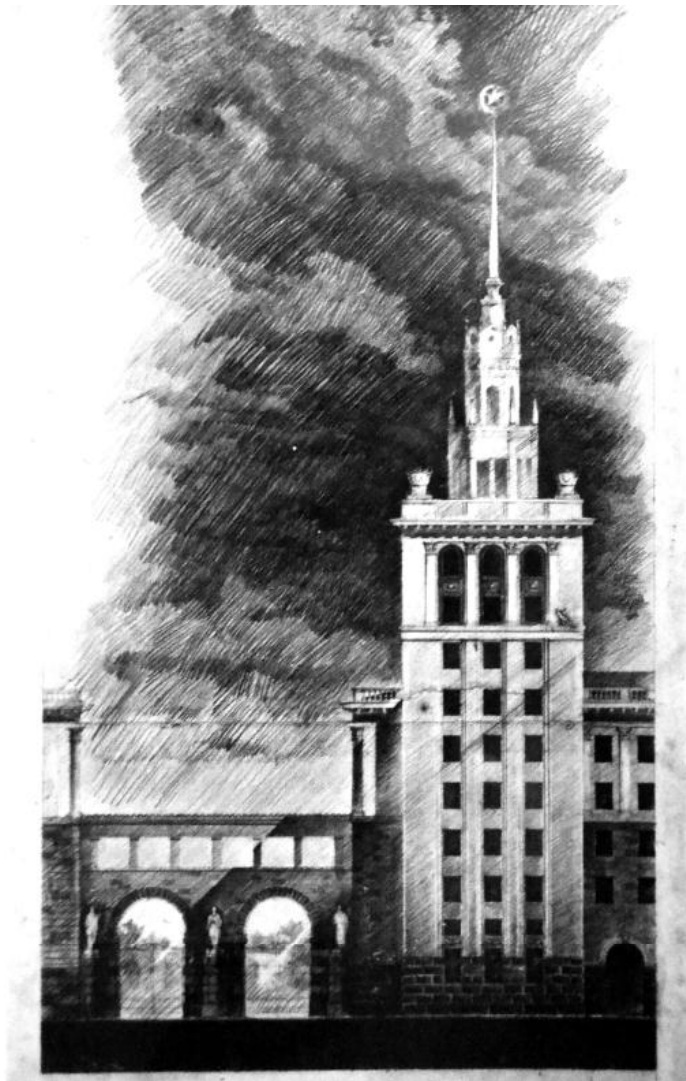
1. Баландин С.Н. Сибирский архитектор (А.Д. Крячков). — Новосибирск: Кн. изд-во, 1991. — 160 с.
2. Баландин С.Н., Ваганова О.П. Сибирский архитектор А.Д. Крячков. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1973. — 56 с.
3. Баландин С.Н., Пустоветов Г.И. Из истории архитектурного образования в Сибири. — Новосибирск: ВО «НАУКА», 1993. — 87 с.
4. Борев Ю.Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. — М.: АСТ, 2008. — 478 с.
5. Вержбицкий Ж.М. Архитектурная культура: искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы». — СПб.: Издательский Дом «АРДИС», 2010. — 44 с.
6. Воловик Анатолий Афанасьевич // Новосибирск: энциклопедия. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. — С. 169.
7. Долнаков А.П. Сибирский архитектор Е.А. Ащепков. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1992. — 119 с.
8. Иконников А.В. Историзм в архитектуре. — М.: Стройиздат, 1997. — 559 с.
9. Иконников А.В. Пространство и форма в архитектуре и градостроительстве. — М.: КомКнига, 2006. — 352 с.
10. Кабаков А. Архитектор Анатолий Воловик. К 75-летию со дня рождения // Проект Сибирь. — 2004. — № 20. — С. 4.
11. Невзгодин И. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск: ООО «Деал», 2013. — 319 с.
12. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. — Л.: Стройиздат. Ленинград. отд-ние, 1980. — 272 с.
13. Оглы Б.И. Новосибирск: от прошлого к будущему. — Новосибирск: Новосиб. кн. из-во, 1991. — 120 с.
14. Пивкин В.М., Евстешина Д.С. Архитектор Т.Я. Бардт: известный и неизвестный. — Новосибирск: Сибпринт, 2007. — 196 с.
15. Соколова Г.Н. Культура труда в социальном развитии технической интеллигенции. Социологический анализ. — Минск: Наука и техника, 1989. — 174 с.

Список источников

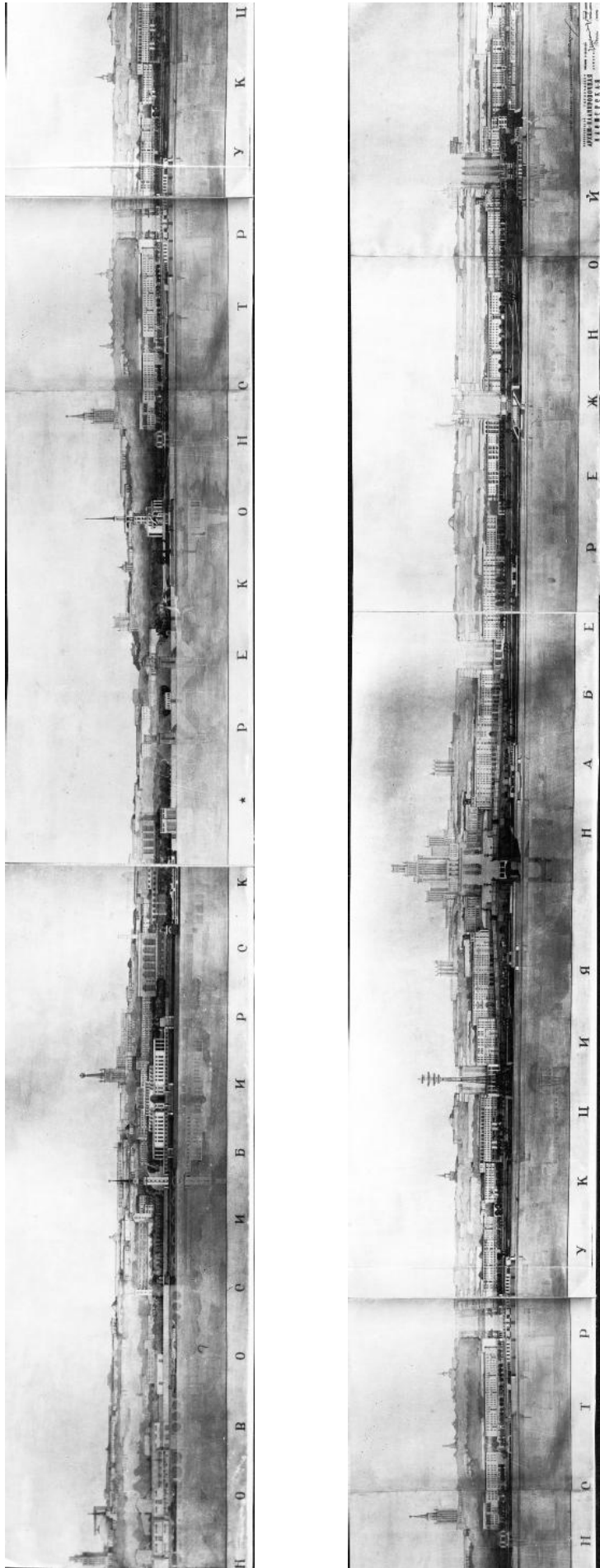
1. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 11.
2. ГАНО. Ф. Р-1445. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 21.
4. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 24.
5. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 140.
6. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 141.
7. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 155.
8. ГАНО. Ф. Р-2102. Оп. 1. Д. 308.
9. ГАНО. Ф. Р-2208. Оп. 1. Д. 4.
10. РГАЛИ. Ф. 674. Оп. 2. Д. 230.

Ил. 1. А.Д. Крячков. Генеральный план организации застройки участка Западно-Сибирского филиала Академии наук СССР. 1946 г. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. ФК. Оп. 1. Л. 14

Ил. 2. А.А. Воловик. Лист из курсового проекта (руководители — С.П. Скобликов и В.С. Масленников). 1954—1956 гг. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. Инв. № 996

Ил. 3. Соколов-Добрев Р.М., Окунова Р.М. Проект реконструкции набережной р. Оби. 1948—1950 гг.
ГАНО. Ф. 2102. Оп.1. Д. 308. Л.2

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10053
УДК: [72.036+711.454](908)

Е.А. Кузнецова
Научно-производственный центр по
сохранению историко-культурного наследия
Новосибирской области (Новосибирск)
lenkas@ngs.ru

Жилой поселок завода «Тяжстанкогидропресс» (Расточка) в Новосибирске

Аннотация

В статье изложены результаты изучения территории жилого поселка завода тяжелых станков и гидравлических прессов (Тяжстанкогидропресс) в Новосибирске. Привлечение ранее неопубликованных проектных материалов из Новосибирского городского архива позволило проанализировать этапы градостроительного развития территории, выявить, что проектный замысел, созданный в 1943 г., не был полностью реализован. Ряд кварталов фактически не застроен по проекту, ряд кварталов проектировался и застраивался вне увязки с существующей, ранее запроектированной застройкой.

Ключевые слова: Расточка, жилой поселок завода «Тяжстанкогидропресс», Новосибирск

Е.А. Kuznetsova
*Scientific and Production Centre on the Conservation
of Historic and Cultural Heritage
of the Novosibirsk Region (Novosibirsk)*
lenkas@ngs.ru

Industrial Community Tyazhstankogidropress (Rastochka) in Novosibirsk

Abstract

The article deals with the results of the study of the territory of the industrial community of the heavy machines and hydraulic press plant — *Tyazhstankohydropress* — in Novosibirsk. The previously unpublished project materials from the Novosibirsk city archive, allowed to analyze the stages of urban development of the territory, identify that the design concept, created in 1943, was not completely implemented. In fact some of blocks are not built upon the project, some of blocks were designed and built irrespective of the existing, previously designed buildings.

Key words: Rastochka, industrial community Tyazhstankogidropress, Novosibirsk

Жилой поселок завода тяжелых станков и гидравлических прессов (Тяжстанкогидропресс) расположен в левобережной части г. Новосибирска, в Кировском районе, на территории, прилегающей к улице Мира.

Градостроительное развитие данного участка связано с промышленным освоением левобережья Новосибирска. В конце XIX в. данная территория примыкала к землям сельских населенных пунктов Вертково и Бугры, располагавшихся по берегам р. Тулы, впадающей в р. Обь.

Решение о строительстве крупных заводов на левом берегу р. Оби и о включении этой зоны в состав г. Новосибирска принимается в 1930 г. Территория в 143 кв. км с населенными пунктами Ерестная, Вертково, Бугры вдоль р. Тулы и Кривошеково на р. Оби административно становится частью города, его Заобским (позднее — Кировским) районом.

В 1934 г. вводится в эксплуатацию железная дорога с мостом через р. Обь в районе д. Малое Кривошеково — Новокузнецкая железнодорожная линия, предназначенная для вывоза сырья с шахт и рудни-

ков Кузбасса. Промышленная зона вдоль этой дороги формируется в конце 1930-х — начале 1940-х гг.

Сооружение завода расточных станков в Новосибирске началось в соответствии с решением Совнаркома СССР от 4 сентября 1939 г. Стройплощадка для предприятия была отведена на левом берегу р. Оби, на свободной от застройки территории за бывшей деревней Бугры, между оврагом р. Тулы и Новокузнецкой железнодорожной линией.

Еще до утверждения генерального плана началось освоение территории и возведение жилья для строителей. К концу 1940 г. было готово несколько жилых бараков. Одновременно началась закладка промышленных объектов: литейного цеха, корпуса малой кузницы с термическим отделением, промышленной котельной и здания центральной подстанции для электроснабжения.

В соответствии с постановлениями Совнаркома СССР от 21 февраля и от 17 апреля 1942 г. в целях развития тяжелого станкостроения в стране на базе строительства Новосибирского завода расточных станков был организован Новосибирский завод тяже-

лых и расточных станков, подчинявшийся народному комиссариату станкостроения СССР [Первенец тяжелого станкостроения..., 1991, с. 5]. Постановления были подписаны наркомом станкостроения Александром Илларионовичем Ефремовым, поэтому в 1951 г. постановлением Совета Министров СССР заводу присваивается его имя [Савицкий, 2003, с. 896].

В конце 1940-х гг. промышленные районы Левобережья находились в отрыве от основной селитебной части Новосибирска. Транспортные связи между ними были затруднены, так как районы разделялись не только значительными расстояниями, но и естественными природными преградами — рекой и оврагом [Баландин, 1986, с. 27, 28].

Капитальный мост через р. Тулу ввели в эксплуатацию в 1948 г. [Первенец тяжелого станкостроения..., 1991, с. 20]. Только тогда возникло регулярное трамвайное (и транспортное вообще) сообщение между жилым поселком завода «Тяжстанкогидропресс» и актуальными в тот период транспортными узлами — будущей площадью им. Станиславского, а также железнодорожной станцией Новосибирск-Западный.

Изучение документов из фондов Новосибирского городского архива позволило выявить, что для строительства поселка завода «Тяжстанкогидропресс» в 1943 г. была отведена территория на возвышенной части правого берега р. Тулы. Жилые кварталы планировалось расположить между промышленной площадкой завода и частной малоэтажной жилой застройкой в пойме р. Тулы, к востоку и западу от современной улицы Сибиряков-Гвардейцев.

Генеральная схема предзаводского комплекса завода «Тяжстанкогидропресс» была составлена Промстройпроектом и утверждена городским архитектором 16 ноября 1943 г. В проекте показана планировка территории, прилегающей к современной площади Сибиряков-Гвардейцев: кварталы № 1, 2, 3, 4, 5 и участок перед заводской проходной с парком [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 546. Л. 37].

В экспликации перечисляются объекты, формирующие застройку предзаводского комплекса:

1. Заводуправление.
2. Школа ФЗО.
3. Общежитие школы ФЗО.
4. Неполная средняя школа на 880 человек.
5. Техникум.
6. Павильон с пропилеями.
7. Проходная.
8. Заводская столовая на 500 посадочных мест.
- 9—14. Двухэтажные шлакоблочные общежития комнатного типа.
- 15—23. Двухэтажные шлакоблочные 12-квартирные жилые дома.
24. Детский сад на 125 детей.
25. Детские ясли на 120 детей.
- 26—37. Сарай для топлива и инвентаря.
- 38—41. Сарай для домашних животных.
- 42—43. Сарай при детском учреждении.
- 44—45. Ледник при детском учреждении.
46. Торговый киоск.
47. Трамвайная подстанция.

В соответствии с детальным проектом планировки первоочередного строительства завода, разработанным Новосибирским проектом и датированным 9 октября

1947 г. (ил. 1), предполагалось создание уже 11 кварталов: № 1, 2, 3, 3а, 4, 4а, 5, 5а, 6, 6а, 7 [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 556. Л. 17].

Согласно экспликации, в кварталах планировалось разместить: жилые дома с магазинами, аптекой, парикмахерской, пошивочными мастерскими, сберкассой, почтой, телеграфом, фотографией, часовой мастерской и ювелирной мастерской, детский сад и ясли, столовую на 530 мест, гостиницу и ремонтно-пошивочные мастерские, баню, прачечную, клуб-кино, учебное помещение и общежитие ФЗО, школу на 880 учащихся, техникум, ремесленное училище, жилые дома с магазинами, спортивные сооружения, фонтан, скульптуры, рынок и коттеджи для руководящего состава.

Квартал № 3а полностью отводился для разбивки регулярного предзаводского сквера.

Анализ выявленной проектной документации показал, что застройка прилегающих к площади им. Сибиряков-Гвардейцев участков рассматривалась как единый комплекс предзаводской территории и прилегающих жилых кварталов. Натурное обследование территории показало, что запланированная застройка кварталов № 1 и 2 фактически не была реализована.

Детальный проект застройки предзаводского комплекса завода «Тяжстанкогидропресс» 1943 г. показывает уже существующие в квартале № 1 каркасно-засыпные бараки, в которых находились не только жилые помещения, но и детские дошкольные учреждения, столовая и объекты соцкультбыта, а также размещались отдельные подразделения заводоуправления [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 546. Л. 6\и].

В дальнейшем квартал № 1 предполагалось заполнить регулярной периметральной застройкой. Западная часть участка отводилась для возведения пекарни, складов и овощехранилищ. В восточной части намечалось строительство двухэтажных жилых домов, сооружение детского сада внутри квартала, размещение индивидуального жилья вдоль северной границы квартала, обращенной к пойме р. Тулы. В настоящее время на данной территории находятся детские образовательные учреждения и многоэтажная жилая застройка 1970—1980-х гг.

На границе проектировавшихся кварталов № 1 и 2 от проектов застройки 1943 и 1947 гг. сохранилось двухэтажное кирпичное здание бани [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 557. Л. 21].

Также в соответствии с проектной документацией было построено три жилых дома, располагавшихся у восточной границы квартала № 2, вдоль современной ул. Сибиряков-Гвардейцев. Эти здания сохранялись до 2010-х гг., в настоящее время демонтированы. Квартал был застроен деревянными каркасно-засыпными жилыми строениями. Фактически большая часть запланированной регулярной периметральной застройки квартала № 2, включавшей жилые дома, столовую, прачечную, подсобные строения, не была реализована. В настоящее время на данной территории находится многоэтажная жилая застройка 1970—1980-х гг.

На участке предзаводской территории, прилегающей к площади им. Сибиряков-Гвардейцев, был предусмотрен парк. Вход в парковую зону оформлен воротами-пропилеями, выполненными в неокласси-

ческих формах. Парковая зона и пропилеи сохранились.

Можно сделать вывод, что фактически жилой поселок завода «Тяжстанкогидропресс» сформировался на территории, ограниченной площадью им. Сибиряков-Гвардейцев и ул. Сибиряков-Гвардейцев — на востоке, ул. Бетонной — на юге, ул. Горбаня — на западе и застройкой на нечетной стороне ул. Бурденко — на севере.

Жилые кварталы, которые прилегают к улицам Мира и Бурденко восточнее ул. Горбаня, были отведены под строительство Новосибирскому оловозаводу [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 326. Л. 8].

Используя документы из фондов Новосибирского городского архива, был проведен краткий поквартальный анализ жилого поселка завода «Тяжстанкогидропресс».

Квартал № 3 предназначался для размещения учебных заведений (фабрично-заводское училище, техникум, спортивный городок, общежития и жилые дома (ил. 2)). Квартал примыкает непосредственно к предзаводской территории. В настоящее время часть квартала утратила первоначальное функциональное назначение обширного спортивного городка, сохранилось лишь небольшое футбольное поле [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 551. Л. 6\и].

В квартале № 4 находится средняя школа на 880 человек и пришкольный участок с парком, спортивными площадками и хозяйственным корпусом [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 546. Л. 5, 6, 37]. Здания учебных заведений формируют фронт застройки площади им. Сибиряков-Гвардейцев. Первоначальное функциональное назначение квартала сохранено.

Кварталы № 4а и 5а согласно решениям горисполкома 1946 г. и 1947 г. отводились заводу «Тяжстанкогидропресс» для малоэтажной индивидуальной жилой застройки [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 555. Л. 18]. Лишь по ул. Бурденко планировалось возвести двух- и трехэтажные многоквартирные дома с магазинами [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 22. Л. 212]. Также в экспликации указаны коттеджи для руководящего состава.

Фактически, запланированная застройка квартала № 4а, не была реализована. Вдоль ул. Бурденко по всей ширине участка в 1970-е гг. был построен пятиэтажный кирпичный жилой дом. В глубине квартала в 1960-е гг. возведено здание детского сада. Предполагаемое функциональное назначение — территория размещения малоэтажной индивидуальной жилой застройки — не реализовано.

Здания, расположенные в южной части квартала № 5а, формируют фронт застройки ул. Бурденко. Сохранилось первоначальное жилое функциональное назначение территории.

Квартал № 5 предполагалось построить по периметру двух- и трехэтажными шлакоблочными жилыми домами и общежитиями. Два детских сада размещались на внутриквартальной территории. Там же были запланированы хозяйственные постройки (сарай для топлива, инвентаря и домашних животных) [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 546. Л. 37]. Детальный проект планировки 1947 г. показывает квартал № 5 в современных существующих границах, с уже сформированной застройкой [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 556. Л. 17].

Квартал № 6, согласно архитектурно-планировочному заданию, предполагалось застраивать малоэтажными зданиями. По инициативе завода как заказчика было решено применить трехэтажную застройку (ил. 3). Проект выполнил архитектор Я.Я. Гринев: детские сады, жилые дома с магазинами, фонтан. Проекты жилых трех- и четырехэтажных домов квартала № 6 были созданы архитектором Б.В. Майковым. Здания детских дошкольных учреждений на внутриквартальной территории проектировали архитекторы Мартыненко, Великанов, Зайцев [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 557. Л. 31]. В настоящее время утрачена часть застройки, сохранилось первоначальное функциональное назначение территории.

В архитектурно-планировочном задании, составленном в 1946—1947 гг., указывалось, что «Квартал № 6 и примыкающая к нему фасадная линия квартала № 6а должны обстраиваться малоэтажными зданиями; остальная часть квартала № 6а, как расположенная на склоне, должна быть запроектирована под индивидуальные дома, являясь продолжением квартала № 5а. <...> Фасадная линия квартала № 6а, выходящая на магистраль, должна иметь трехэтажную застройку с магазинами и обслуживающими учреждениями в первом этаже...» [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 557. Л. 4].

26 августа 1949 г. руководство завода «Тяжстанкогидропресс» обратилось в Управление благоустройства коммунальных предприятий города Новосибирска с просьбой «уменьшить числящийся за заводом земельный участок» в квартале № 6а, так как 25 земельных участков общей площадью 18 227 кв. м переданы рабочим завода по договорам купли-продажи для строительства индивидуальных домов [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 558. Л. 12]. Фактически возведение запроектированных зданий в южной части квартала № 6а происходило в 1950—1951 гг. [ГАНУ. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 90. Л. 33 об.]. Этажность домов с двух этажей повышена до трех и четырех; в первых этажах проектировались административные помещения и магазины [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 558. Л. 45]. В настоящее время сохранилось первоначальное функциональное назначение территории.

Проект планировки 1947 г. показывает квартал № 7 в современных существующих границах. Однако намеченная периметральная застройка заметно отличается от ныне существующей. В архитектурно-планировочном задании 1949 г. указывалось, что квартал № 7 включал территорию строительства заводского клуба, фактически выделенную в самостоятельный квартал № 3а [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 552. Л. 3]. Упомянулось, что при проектировании квартала № 7 требуется «увязка этого квартала с проектируемой предзаводской площадкой завода продольно-строгальных станков и существующим кварталом поселка (№ 5)» [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 552. Л. 3].

«Если по генеральному плану квартала № 7 выявится необходимость установки на нем жилых домов... то эти дома должны быть (по периметру квартала) в три этажа, в первых этажах которых 50% площади отводится под торговые помещения. Внутриквартальная застройка высотой может быть в два этажа. При выборе домов необходимо применять типовые проекты. <...> Считать возможным допустить (согласно пожелания застройщика) применение

проектов домов, имеющих у завода «Тяжстанкогидропресс» и освоенных в строительстве квартала № 6» [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 552. Л. 3]. На основании приказа министра станкостроения СССР в 1950 г. заводу «Тяжстанкогидропресс» для достройки 8 домов передавался земельный участок в квартале № 7 Кировского района, «с находящимися на нем фундаментами» [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 559. Л. 12]. Фактически сооружение жилых домов и благоустройство в квартале № 7 было завершено в 1953 г.

В архитектурно-планировочном задании на проектирование комплекса жилого строительства завода «Тяжстанкогидропресс» в кварталах Кировского района 1947 г. указано, что квартал № 3а отведен заводу под «временное барачное строительство» [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 555. Л. 18, 20].

Там же упоминается, что «квартал № 3а, занятый в настоящее время временным барачным строительством, подлежит застройке двухэтажными капитальными жилыми домами, допуская для отдельных домов 3 этажа».

В детальном проекте планировки 1947 г. квартал № 3а показан свободным от застройки. На территории квартала распланирован регулярный сквер, в центре которого, на пересечении дорожек, предполагалась установка скульптуры.

В марте 1949 г. было выдано архитектурно-планировочное задание на строительство клуба завода «Тяжстанкогидропресс». Для размещения здания был отведен квартал № 3а [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 38. Л. 394]. Проект выполнен архитекторами В.А. Добролюбовым и С.А. Платеком [НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 552. Л. 3].

Строительство клуба, рассчитанного на 750 человек, началось в июне 1949 г. и было завершено 31 октября 1952 г. [Левобережье Новосибирска..., 1999, с. 201]. Участок вокруг здания клуба был благоустроен, выполнено озеленение, установлена летняя эстрада, размещены скульптуры, сооружен фонтан. Территория парка обнесена ограждением. С 1954 г. заводской клуб именуется «Дом культуры им. А.И. Ефремова». Постановлением правительства Новосибирской области от 6 октября 2010 г. № 164-п ему присвоен статус объекта культурного наследия (памятника архитектуры) регионального значения.

По результатам проведенных исследований можно сделать вывод, что изучаемая территория является жилым районом промышленного предприятия — завода «Тяжстанкогидропресс», — примыкающим непосредственно к предзаводской территории и промышленной площадке.

Жилой поселок сформирован двух-, трех-, четырехэтажной шлакоблочной застройкой, выполненной в период с середины 1940-х по середину 1950-х

гг., с разной степенью применения классических и ренессансных архитектурных форм (от сдержанной до активной), что дало большое силуэтное разнообразие объектов. Особенность размещения жилых кварталов в непосредственной близости от территории заводов не позволила добиться градостроительного эффекта комфортной жилой среды.

Проектный замысел жилого поселка, созданный в 1943 г., не был полностью реализован: ряд кварталов фактически не застроен по проекту, ряд кварталов проектировался и застраивался вне увязки с существующей, ранее запроектированной застройкой. Возникшее градостроительное образование оказалось не объединено общим архитектурным решением и композиционным замыслом.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Новосибирск. История градостроительства. 1945—1985 гг. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1986. — 160 с.
2. Левобережье Новосибирска. Страницы истории. — Новосибирск: Изд. дом «Сибирская горница», 1999. — 487 с.
3. Первенец тяжелого станкостроения Сибири: История развития Новосиб. произв. об-ния «Тяжстанкогидропресс». — М.: ВНИИ информ. и техн.-экон. исслед. по машиностроению и робототехнике, 1991. — 141 с.
4. Савицкий И.М. Тяжстанкогидропресс // Новосибирск. Энциклопедия. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 2003. — С. 896.

Список источников

1. ГАНО. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д. 90.
2. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 326.
3. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 546.
4. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 551.
5. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 552.
6. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 553.
7. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 555.
8. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 556.
9. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 557.
10. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 558.
11. НГА. Ф. 578. Оп. 3. Д. 559.
12. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 22.
13. НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 43.
14. НГА. Ф. 584. Оп. 3. Д. 38.

Ил. 1. Реконструкция детального проекта планировки предзаводского комплекса завода «Тяжстанкогидропресс», 1947 г. [ИГА, Ф. 578, Оп. 3, Д. 556, Л. 17]

Ил. 2. Квартал № 3. Дом жилой по адресу: г. Новосибирск, ул. Мира, 12. 1949 г.
[НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 43]

Ил. 3. Квартал № 6. Дома жилые по адресу: г. Новосибирск, ул. Мира, 17; 2-й переулок Мира, 4;
ул. Бурденко, 12. 1949 г. [НГА. Ф. 584. Оп. 1. Д. 43]

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10054
УДК 73.04+73.05

В.В. Паршуков
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
vvp.novosib@rambler.ru

Монументальная скульптура С.Р. Надольского в архитектуре общественных зданий Новосибирска в 1920-е годы

Аннотация

В статье рассматривается новосибирский период творчества скульптора С.Р. Надольского, его сотрудничество с организацией «Сибстройпай» и архитектором А.Д. Крячковым. Впервые публикуется фотография и детально описывается скульптурная композиция знаменосцев, находившаяся на парапете здания Государственных учреждений Сибири.

Ключевые слова: монументальная скульптура, скульптор С.Р. Надольский, скульптурные композиции здания Государственных учреждений Сибири – Сибирского Подворья, архитектор А.Д. Крячков

V.V. Parshukov,
Novosibirsk State University
of Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
vvp.novosib@rambler.ru

Monumental Sculpture of S.R. Nadolsky in the Public Buildings in Novosibirsk in the 1920s

Abstract

The article deals with the Novosibirsk work period of the sculptor S.R. Nadolsky, his cooperation with the organization *Sibstroytay* and the architect A.D. Kryachkov. The photograph is published and the sculptural composition of the standard-bearers, which was on the parapet of the building of the State institutions of Siberia, is described in detail for the first time.

Key words: monumental sculpture, sculptor S.R. Nadolsky, sculptural compositions of the building of the State institutions of Siberia, Siberian courtyard, architect A.D. Kryachkov

В Новосибирске в настоящее время на фасаде единственного здания сохранились две полноростовые скульптуры. И это не герои аллегорической композиции в духе революционного романтизма. Парапет здания Сибирского революционного комитета (Сибревкома), построенного в 1925—1926 гг., венчают фигуры рабочего и крестьянина с атрибутами их труда, выполненные в реалистической манере автором композиции — скульптором Степаном (Стефаном) Романовичем Надольским.

Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения во все сферы социально-политической жизни России, положила начало формированию новой культуры в стране. Принятый руководством молодой республики в 1918 г. план монументальной пропаганды воплощается в жизнь на всей территории страны. Героями строящегося социалистического общества становятся представители угнетенного класса. Скульпторы и художники в новом обществе доказывают важность своей работы, сотрудничают с новой властью и создают правдивые художественные образы, отражающие историческую

конкретность, и включаются в решение задачи идейной перестройки и воспитания нового человека.

Степан Романович Надольский, как он сам пишет в своей автобиографии [Надольский..., 2011], родился 13 декабря 1882 г. в селе Ужур Ужурского района Красноярского края. Учился лепке на вечерних классах в мастерских Строгановского Центрального художественно-промышленного училища в Москве и скульптуре в Санкт-Петербургской Академии художеств как вольнослушатель в мастерской профессора В.А. Беклемишева. В 1907—1918 гг. жил и работал в Москве.

Первой серьезной работой Надольского является успешное выполнение авторского замысла военного инженера Н.С. Шуцмана при создании памятника героям Отечественной войны 1812 г. в Смоленске в 1912—1913 гг. В моделировке фигур памятника и проработке деталей композиции чувствуется уверенная талантливая рука скульптора.

В 1918 г. семья Надольских переезжает в Барнаул. Здесь Степан Романович выполняет ряд работ, которые впервые в Сибири становятся вопло-

щениями государственного плана монументальной пропаганды. Одной из значимых работ скульптора является установленный на фронте Дворца революции (ныне — здание мэрии Барнаула) горельеф с фигурами рабочего и крестьянина. В трактовке пластической формы композиции скульптор, следуя треугольной форме фронтона, еще подчиняется в какой-то мере классическим канонам. Фигуры рабочего и крестьянина представлены статичных поз. Здесь впервые в творчестве Надольского в монументальную скульптурную композицию введены атрибуты труда: молот, наковальня, шестерня, плуг. Такая трактовка образа человека труда берет свое начало в политическом плакате того времени, иконография которого имеет сильное влияние на другие виды изобразительного искусства, включая и монументальную скульптуру. Именно плакат, как вариант наиболее массового искусства политической пропаганды, распространил в короткие сроки образ человека труда по всей стране [Петренко, 2015].

В конце 1923 г. С.Н. Надольский получил предложение переехать на работу в Новониколаевск. Это предложение не было случайным. В то время Новониколаевск после перевода в 1921 г. из Омска всех государственных территориальных управленческих структур становится административным и политическим центром Сибири. Город восстанавливается после разрушений Гражданской войны и начинает быстро развиваться. В Новониколаевск С.Р. Надольского пригласила крупная государственная сибирская строительная организация «Сибстройпай» [ГАНУ. Ф. Р-96. Оп. 1, Д. 8]. Эта организация образовалась в строительный сезон 1923 г. и возводила крупные объекты, такие как здание Сибирского Подворья, Сибдальнешторга (Госдальшторга), здание кинематографа на 600 мест (кинотеатр им. В.В. Маяковского), крупные железобетонные склады Сибторга и Сибдальнешторга и др. [Весь Новониколаевск, 1924—1925, с. 52—53].

В Новониколаевске (с конца 1925 г. — Новосибирск) С.Р. Надольский сотрудничает с архитектором А.Д. Крячковым, по проектам которого возводятся крупные общественные здания. Один из первых объектов, в проекте которого появляются скульптурные композиции, — это здание Государственных учреждений, Сибирское Подворье. На первоначальном проекте четырехэтажного здания Сибирского Подворья, выполненного А.Д. Крячковым в 1923 г., в традиционном для этого архитектора классическом стиле оформления фасадов элементами ордерных систем скульптуры отсутствуют [Паршуков, 2016, с. 207]. Но уже на переработанном проекте в 1924 г. Крячков помещает две парные скульптуры знаменосцев (флагодержателей) на парапетах здания [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. ФК. К.3. Оп. 1. Л. 66. Ф. 2].

В музее истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина НГУАДИ хранятся рисунки скульптурных композиций, выполненные С.Р. Надольским и датированные им августом 1925 г. [МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ, ФК]. Значительно позднее эти рисунки были атрибутированы как эскизы скульптур для оформления здания Сибирского подворья. Возможно, что Надольский делал их для проекта здания Сибревкома, начатого Крячковым в мае 1925 г., и

эти эскизы сохранили первоначальную идею автора. На рисунках изображены монофигурные композиции знаменосцев. Рисунки парные: знаменосцы повернуты лицом друг к другу. Персонажи одной пары — рабочий и крестьянин, второй — ткачиха и крестьянин. Натруженными руками каждый из них сжимает древко флагштока, на котором реет знамя революции — знамя освобожденного труда с государственной символикой. При этом знамя предполагается выполнять из ткани, а не из материала скульптуры, чтобы оно могло развеваться на ветру. В основании скульптур расположены предметы и орудия труда: молот, наковальня, шестерня у рабочего, сноп или мешок с зерном у крестьянина, рулон ткани и прялка у ткачихи. Динамичная композиция подчеркивается движением фигуры — персонаж одной ногой вступает на наковальню, сноп или рулон, как на ступень, ведущую вверх.

На фотографиях и почтовых открытках конца 1920-х — начала 1930-х гг. (ил. 1), а также кадрах киноплёнок того времени, хранящихся в фильмофонде ГТРК Новосибирск (ил. 2), запечатлено построенное здание Госучреждений, где на парапете южного и северного крыльев здания просматриваются двухфигурные скульптуры знаменосцев. При детальном изучении этих документов видно, что каждая из групп состоит из композиции двух полноростовых человеческих фигур, при этом одна из фигур стоит в полный рост, удерживая флагшток, а другая, на коленях, расположена у ног первой. Парные композиции симметрично расположены на главном фасаде здания со стороны Красного проспекта и, кроме того, выполнены в зеркальном отображении. Рисунков этого варианта скульптур не сохранилось. Подобное оформление флагштоков двумя фигурами знаменосцев можно увидеть в проекте здания треста Текстильсиндиката в Новониколаевске, выполненном А.Д. Крячковым в 1925 г. [МИАС им. С.Н. Баландина. ФК. К. 3. Оп. 1. Л. 17. Ф. 1]. Кроме работ Крячкова, в проектах общественных зданий других авторов того времени можно встретить рисунки многофигурных композиций знаменосцев на парапетах фасадов [ГАНУ. Ф. Р-1993. Оп. 1. Арх. № 22]. Нельзя утверждать, что автором композиций был Надольский, но влияние его творчества несомненно, поскольку в то время в Новосибирске Степан Романович был единственным скульптором-монументалистом.

Рассмотрим подробнее скульптурные композиции, размещавшиеся на здании Государственных учреждений Сибири, и проведем их формально-стилистический анализ. На фотографии, хранящейся в ГАНУ, запечатлена одна из этих скульптурных композиций (ил. 3). Глянцевая фактура и блики на поверхности скульптуры дают основание предположить, что это полномасштабная модель из глины. Возможно также, что скульптура выполнена из гипса, покрыта (окрашена) специальными атмосферостойкими грунтовкой и краской и готова для дальнейшего монтажа. Скульптура расположена, судя по деталям интерьера, в помещении строящегося здания. У ее подножия стоят супруги Надольские — Степан Романович и Нина Александровна.

Полуобнаженные фигуры рабочего и крестьянина тонко моделированы: видны складки одежды, вздувшиеся вены натруженных рук и рельеф мускулатуры

напряженных тел. Принадлежность каждого из персонажей легко угадывается по трактовке их образа. Рабочий как представитель городского пролетариата коротко подстрижен и выбрит, его штаны поддерживаются ремнем, на ногах ботинки. Крестьянин как представитель сельского труженика имеет менее ухоженную прическу и бородат, штаны опоясаны бечевой и подвернуты до колен, ноги босы.

Ведущим персонажем композиции является рабочий с флагштоком в руках как представитель класса-гегемона, первым поднявшим знамя освобождения труда от эксплуатации и насилия. Он стоит на невысоком трехступенчатом пьедестале, голова поднята вверх, он смотрит на развевающееся знамя, у его ног сзади вертикально расположена крупная шестерня, символ заводского оборудования. Крестьянин расположен сбоку внизу, с колен он начинает движение вверх, удерживаясь за древко флагштока, его взгляд также направлен вверх на знамя. Зависимое положение фигуры крестьянина символизирует, что при поддержке городского пролетариата он поднимается к новой жизни и в союзе с рабочими участвует в революционных преобразованиях страны.

Скульптурная композиция высотой в два человеческих роста была выполнена либо из гипса, как указано выше, либо, скорее всего, в бетоне, как и простоявшие многие десятилетия скульптуры на здании Сибревкома (ныне Новосибирского государственного художественного музея). Использование бетона для окончательной формовки скульптуры предпочтительнее гипса, так как бетонная скульптура менее подвержена атмосферному воздействию. Правда, следует отметить, что бетонная формовка уступает гипсовой в четкости и тонкости передачи деталей. К сожалению, скульптуры, установленные на парапете здания Государственных учреждений Сибири, как собственно и само здание в своем первоначальном архитектурном облике, недолго украшали центральный проспект и главную площадь в Новосибирске. При надстройке здания для размещения планового института, начавшейся в 1933 г., они были демонтированы. Странно, что простоявшие около семи лет и, надо полагать, еще крепкие бетонные композиции не были установлены где-либо еще.

Кроме работы с объемной монументальной скульптурой для оформления зданий, в Новосибирске С.Р. Надольский выполнил несколько барельефов, сохранившихся до настоящего времени. Один размещен на здании треста «Запсибзолото» в начале Красного проспекта и прославляет тяжелый шахтерский труд, два других — на здании школы им. Мичурина по ул. Ермака с композициями «посадка деревьев пионерами с Мичуриным» и «сбор плодов пионерами».

В 1931 г. Надольский уезжает на работу в Москву. В 1932 г. становится членом Союза художников Советского Союза. В 1943 г. он был направлен на Алтай на поиски природного материала, где на пути в Барнаул умер от воспаления легких. Как отмечают многие исследователи творчества скульптора С.Р. Надольского, сибирский период его жизни самый плодотворный, и имя его известно далеко за пределами Сибири [Царева, 2013, с. 85]. Сегодня можно лишь сожалеть, что в Новосибирске сохранилось так мало работ талантливого скульптора Степана Романовича Надольского.

Список литературы

1. Весь Новониколаевск на 1924—1925 гг. Адресно-справочная книга с краткой историей и планом города. — Новониколаевск: Сиб. отд-ние Рос. телеграф. агентства [б. г.]. — 308 с.
2. Надольский Степан Романович // Сайт Новосибирского регионального отделения Союза художников России, 2011 [Электронный ресурс]. — URL <http://www.nro-shr.ru/node/327> (дата обращения: 10.11.2014).
3. Паршуков В.В. Объемно-планировочные и конструктивные особенности здания Государственных учреждений Сибири в Новониколаевске // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. XI. — С. 203—209.
4. Петренко С.Д. Образ советского рабочего в монументальной скульптуре городов Западной Сибири сквозь призму соцреалистического канона // Архитектон: известия вузов. — 2015. — № 52 [Электронный ресурс]. — URL http://archvuz.ru/2015_4/18 (дата обращения: 05.04.2016).
5. Царева Н.С. Сибирский скульптор С.Р. Надольский (1882—1943) // Поляки на Алтае. Алтай в Польше (XVIII—XXI вв.): сб. науч. ст. — Барнаул: Алт. дом печати, 2013. — С. 85—90.

Список источников

1. ГАНО. Ф. Р-96. Оп. 1. Д. 8. Переписка об организации при Сибстройпае художественно-скульптурной мастерской. 1923—1924 гг.
2. ГАНО. Ф. Р-272 (Н.Н. Яновский). Оп. 1. Д. 551. Конв. 4. Л. 6. Фотография скульптуры «Рабочий и крестьянин водружают знамя победы Октября».
3. ГАНО. Ф. Р-1993. Оп. 1. Арх. № 22. Проект Дворца Труда в Новониколаевске, инж. С.А. Шестов, 1925 г. Чертежи фасадов здания.
4. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. ФК. Рисунки С.Р. Надольского скульптурных композиций знаменосцев, 1925 г.
5. МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. ФК. К. 3. Оп. 1. Л. 17. Ф. 1. Проект дома Текстильсиндиката в Новониколаевске, 1925 г. Чертеж-отмывка перспективы объекта.
6. МИАС им. С.Н. Баландина. ФК. К. 3. Оп. 1. Л. 66. Ф. 2. Проект здания Госучреждений в Новониколаевске, 1924 г. Чертеж-отмывка перспективы объекта.

Ил. 1. Здание Института народного хозяйства (быв. здание Государственных учреждений) в Новосибирске. 1932 г. Открытка из собрания И.В. Поповского

Ил. 2. Скульптурная композиция знаменосцев на северном крыле здания Государственных учреждений в Новосибирске. Конец 1920-х гг. Кадр киноленты из кинофонда ГТРК Новосибирск

Ил. 3. Скульптура «Рабочий и крестьянин водружают знамя победы Октября».
Справа внизу: С.Р. Надольский и Н.А. Янова-Надольская
[ГАНУ. Ф. Р-272 (Н.Н. Яновский). Оп. 1. Д. 551. Конв. 4. Л. 6]

С.Ю. Слободчиков
Институт архитектуры и дизайна,
Сибирский федеральный университет (Красноярск)
sergloboda@yandex.ru

Н.Г. Харитоновна
Лесосибирский педагогический
институт – филиал СФУ (Лесосибирск)

Опыт линейного градостроительства в Сибири на примере города Лесосибирска

Аннотация

В статье делается попытка обратить внимание исследователей на разработки идеи линейного города. Его появление связано с периодом индустриализации и урбанизации. Линейный город стал предметом теоретических и практических разработок советских архитекторов в 1930-е гг. Рассматривается опыт реализации плана линейного города на примере г. Лесосибирска Красноярского края. Этапы формирования территории города совпадают с периодами бурного промышленного развития. Показаны черты Лесосибирска как линейного города: протяженность, наличие промышленной и жилой зон, роль водной коммуникации и т.д. Делается вывод о трансформации идеи линейного города на современном этапе в идею линейного поселения. Высказывается предположение о новых направлениях в развитии Лесосибирска.

Ключевые слова: индустриализация, урбанизация, линейный город, Сибирь, Лесосибирск

S.Y. Slobodchikov
*Institute of Architecture and Design of
the Siberian Federal University (Krasnoyarsk)*
sergloboda@yandex.ru

N.G. Kharitonova
*Lesosibirsk Pedagogical Institution, a branch
of the Siberian Federal University (Lesosibirsk)*

Experience of a Linear Urban Planning in Siberia on the Example of the City of Lesosibirsk

Abstract

The article makes an attempt to draw the attention of researchers to the concept of a linear city. Its appearance is connected with the period of industrialization and urbanization. The linear city became the subject of theoretical and practical development of Soviet architects in the 1930s. The realization of concept of linear city on the example of Lesosibirsk in Krasnoyarsk region is considered. Stages of the city foundations coincide with periods of rapid industrial development. There are some features of Lesosibirsk as a linear city: expanse, availability of industrial and residential areas, role of water lines etc. A conclusion is drawn on the transformation of the concept of a linear city into the idea of a linear settlement in modern times. A suggestion is made about new directions in the development of Lesosibirsk.

Key words: industrialization, urbanization, linear city, Siberia, Lesosibirsk

Изучение города — одно из перспективных направлений в современной гуманитаристике. Находясь на пересечении социально-экономических, политических, культурных процессов, город притягивает к себе взгляды представителей разных научных направлений. Исследуя феномены городской жизни, географы, историки, социологи, психологи обращаются к вопросам градостроительства, осо-

бенностям внешней и внутренней структуры города.

Облик городских поселений начал интенсивно меняться на рубеже XIX—XX вв. под влиянием индустриализации и последовавшей за ней урбанизации. Капиталистический мир требовал новых градостроительных идей. Альтернативой центрической системы, воплощенной в концепции города-сада, стала линейная, эквивалент поточной организации,

родившейся в промышленности. Автором идеи индустриального города был Тони Гарнье (1869—1948) [Иконников, 2001, с. 203—204]. Впоследствии к идеям линейного города не раз обращались как зарубежные архитекторы (Ле Корбюзье, В. Гропиус, Л. Гильберсаймер), так и наши соотечественники (Н.А. Ладовский, И.И. Леонидов, М.Я. Гинзбург, А.Л. Пастернак). Можно выделить два значимых проекта, которые появились в период советской индустриализации в 1930 г. Первый представлен теоретической разработкой Н.А. Милютин, выпустившего совместно со специалистами Строительного комитета РСФСР широко известную книгу о планировании социалистических городов [Милютин, 1930]. Предложенный автором принцип планировки линейного города сводился к схеме из полос жилья и промышленных объектов, расположенных параллельно транспортным коммуникациям. При этом промышленная зона обслуживалась транспортом с двух сторон: автомобильным, со стороны жилой зоны, и железнодорожным, с противоположной. Река с прилегающей прибрежной зоной оставалась рекреационным объектом и как транспортная артерия подробно не рассматривалась (ил. 1).

Вторая (практическая) разработка — генеральный план Сталинграда — принадлежит группе архитекторов под руководством В.Н. Семенова. В представлении авторов проекта линейный город по плану состоял из разделенных лесопарками нескольких районов, каждый из которых, по сути, был самостоятельным городом [Семенов, 1935] (ил. 3).

Как видим, идея линейного города как типа поселения становится актуальной на этапе бурного развития промышленности и появления новых средств коммуникации. На современном этапе пространственного развития Сибири необходимо обратиться к опыту градостроительных проектов XX в. Примером реализации теоретических и практических разработок линейного города является Лесосибирск, расположенный в центральной группе районов Красноярского края. Протянувшись на 27 км вдоль левого берега Енисея, чуть севернее устья Ангары, он обладает многими признаками линейного города.

Формирование его территории прошло несколько этапов (ил. 2,4,5).

С 1640 г. до начала XX в. развивалась основа будущего города — деревня Маклакова [Сибирская советская..., 1932, с. 268—269], которая в 1960-е гг. становится поселком городского типа Маклаково, в это же время происходит образование еще одного поселка — Новомаклаково. Их слияние в 1975 г. приводит к появлению нового населенного пункта — города Лесосибирска. В 1989 г. к нему был присоединен пос. Новоеисейск. Трансформации территории говорят о бурном промышленном развитии Красноярского края в этот период.

Данный регион с конца 1940-х гг. был вовлечен в знаменитый Ангаро-Енисейский проект, предполагающий использование гидроресурсов, полезных ископаемых, леса. В Красноярском крае основное внимание уделялось строительству железнодорожных линий, в том числе Ачинск-Абалаково, имеющей длину 280 км (вместе с 22-километровой подъездной веткой до Маклаково, с перспективой до Енисейска). Линия была запроектирована как однопутная

дорога и давала выход ангарскому лесу на Транссибирскую магистраль. Ее сооружение стимулировало организацию крупных лесозаготовок в районе тяготения к самой линии, а также создание крупного комплекса деревообрабатывающих предприятий [Долголюк, 2000, с. 68—70]. Планы стали активно реализовываться, начиная с середины 1950-х гг. С тех пор регион вышел на ведущие позиции в России по развитию лесного хозяйства, лесозаготовительной, деревообрабатывающей, целлюлозно-бумажной, гидроэлектростанционной и лесохимической промышленности.

Таким образом, планировка пос. Маклаково, Новомаклаково, Новоеисейска выстраивается вокруг основных градообразующих предприятий. Присутствуют все формальные элементы линейного поселения, к которым, помимо протяженности, можно отнести формирование и четкое разграничение жилой и промышленной зоны и ввод в эксплуатацию в послевоенный период железной дороги. Значение в городе всегда имеет речной порт, без которого центры лесодеревообработки не могли существовать.

Нужно отметить, что в силу сложившихся обстоятельств планировка Лесосибирска тяготеет к многоцентричной схеме. В городе до сих пор четко видны отдельные центры, в том числе и в названиях районов. Они имеют свою планировочную иерархию, оставшуюся от поселков, привязанных к лесокombинатам, прочитываются «зеленые клинья», некогда разделявшие поселения.

Специфика города — в его ориентированности на лесную промышленность, для которой река важнее автомобильной и железной дорог. Основа экономики — лесокombинаты, и река исправно поставляет сырье для переработки и позволяет отгружать готовую продукцию. Нужно отметить, что лесопереработка в городе успешно функционировала почти 50 лет до появления железной дороги, полагаясь только на речные пути¹³.

Автомобильные дороги на протяженных территориях с немногочисленным населением прокладывать достаточно сложно, и транспортную роль в лесном хозяйстве они играют сравнительно небольшую. Тем более что регулярное автомобильное сообщение заканчивается в Енисейске, расположенном в 30 км ниже по реке. Автомобильное сообщение с территориями севернее Енисейска ведется только в холодный период года по «зимникам», когда замерзают многочисленные водоемы и становится возможным проложить дороги к населенным пунктам, летом доступным лишь по воде.

Железная дорога к северным районам, как уже отмечалось выше, была проложена довольно поздно и входила в уже сложившуюся планировку Лесосибирска, ограничив его территорию с запада, хотя, несомненно, она играет важную роль в экономике города.

Возвращаясь к планировочным идеям Милютин, видим, что промышленная часть Лесосибирска также получила транспортное обслуживание с двух сторон, но только роль железной дороги на себя взяла река. Она органично входит в структуру города и яв-

¹³ Первый лесозавод был основан еще в 1916 г. норвежским консулом в Красноярске, крупным предпринимателем Йонасом Лидом.

ляется не просто зоной отдыха, как в архитектурных утопиях Милютин. В то же время Енисей и не был отрезан от города железной дорогой, как Волга в сегодняшнем Волгограде. В Сибири река — это и рекреация, и главный транспортный путь, и средство связи с внешним миром.

При ближайшем рассмотрении кроме очевидных преимуществ городов-лент нельзя не отметить присущие им проблемы:

— во-первых, растянутость коммуникаций, что влечет повышенные расходы на транспорт;

— во-вторых, растягивание системы общественного и культурно-бытового обслуживания;

— в-третьих, проблема с размещением крупных образований, как то: вузовские городки, больничные комплексы, административный центр и т.д.

Причиной появления всех этих трудностей является то, что прямолинейный поточно-конвейерный график хорош только для производственных предприятий, а человек в этой системе выступает лишь как обслуживающее звено. Если на этапе активного промышленного освоения в советский период на это закрывали глаза, то в настоящее время эти проблемы отчетливо видны. Город оказался разделенным на части промышленными объектами, что затрудняет развитие общественно-рекреационного пространства Лесосибирска, окруженного заболоченной территорией.

Классическая линейная застройка в чистом виде встречается достаточно редко, чаще всего в виде фрагментов и отдельных городских районов, пример Лесосибирска — скорее исключение, чем правило. Появление такого города — следствие действия совокупности факторов, связанных с особым ландшафтом, географическими и природными условиями, специализацией производства.

Снижение роли промышленных предприятий как градообразующих элементов по сравнению с периодом индустриализации ставит под вопрос появления новых линейных городов. Но возможна трансформация идеи линейного города в идею линейного расселения в противовес системе городских агломераций. Возникает параллель с идеей развития цепи поселений вдоль путей сообщения. Знаменитая «Парабола Ладовского» предполагала развитие Москвы на се-

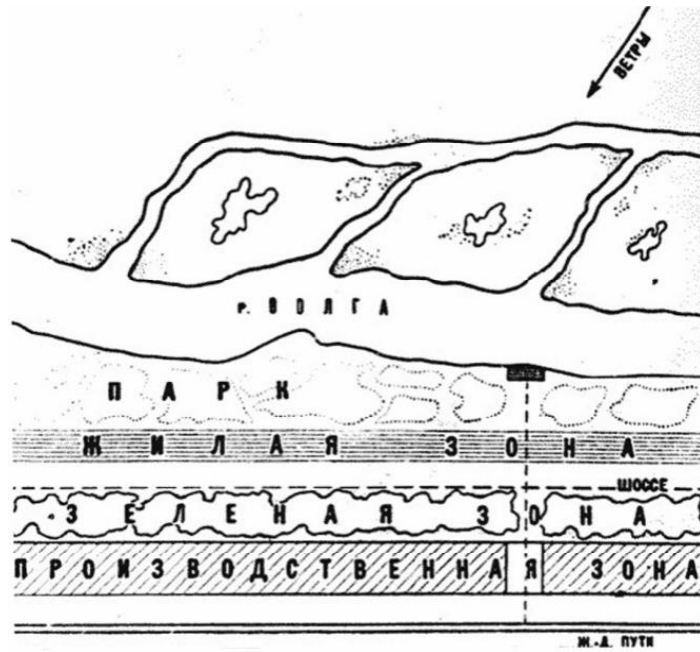
веро-запад, создавая систему расселения в направлении Ленинграда [Хан-Магомедов, 2001, с. 244].

На малоосвоенных пространствах Сибири является перспективным путь освоения территорий вдоль коммуникаций — речных, автомобильных, железнодорожных, линий магистральных трубопроводов. Жизнеспособность этой идеи хорошо видна на примере Транссиба, вдохнувшего жизнь в пространства за Уралом, Байкало-Амурской магистрали, оживившей Забайкальский регион.

Можно прогнозировать появление в будущем прибрежного поселения линейного типа Абалаково-Лесосибирск-Верхнепашино-Енисейск как последнего крупного населенного пункта на пути в низовья Енисея. Требуется поддержка интереса государства к северным территориям. Это позволит продлить железную дорогу до Енисейска и восстановить местное авиасообщение. Вполне вероятно, что основой этого поселения, кроме промышленности, станет экологический туризм, рекреационные, культурно-исторические и сакральные составляющие.

Список литературы

1. Долголюк А.А. Корректировка программы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона в 1940—1950-е гг. // Сибирь: проекты XX века (начинания и реальность). — Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2000. — Вып. 2. — С. 47—79.
2. Иконников А.В. Архитектура XX века. Утопии и реальность. В 2 т. Т. 1. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 656 с.
3. Милютин Н.А. Соцгород: Проблема строительства социалистических городов: Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1930. — 81 с.
4. Семенов В.Н. Вопросы планировки // Академия архитектуры. — 1935. — № 4. — С. 39—43.
5. Сибирская советская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. — Новосибирск: Зап.-Сиб. отд-ние ОГИЗ, 1932. — 432 с.
6. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда: социальные проблемы. В 2 кн. Кн. 2. Социальные проблемы. — М.: Стройиздат, 2001. — 712 с.

Ил. 1. Схема планировки поселка при Сталинградском тракторном заводе по функционально-поточной системе [Милютин, 1930, URL: http://famous.totalarch.com/files/milutin/milutin_02.jpg]

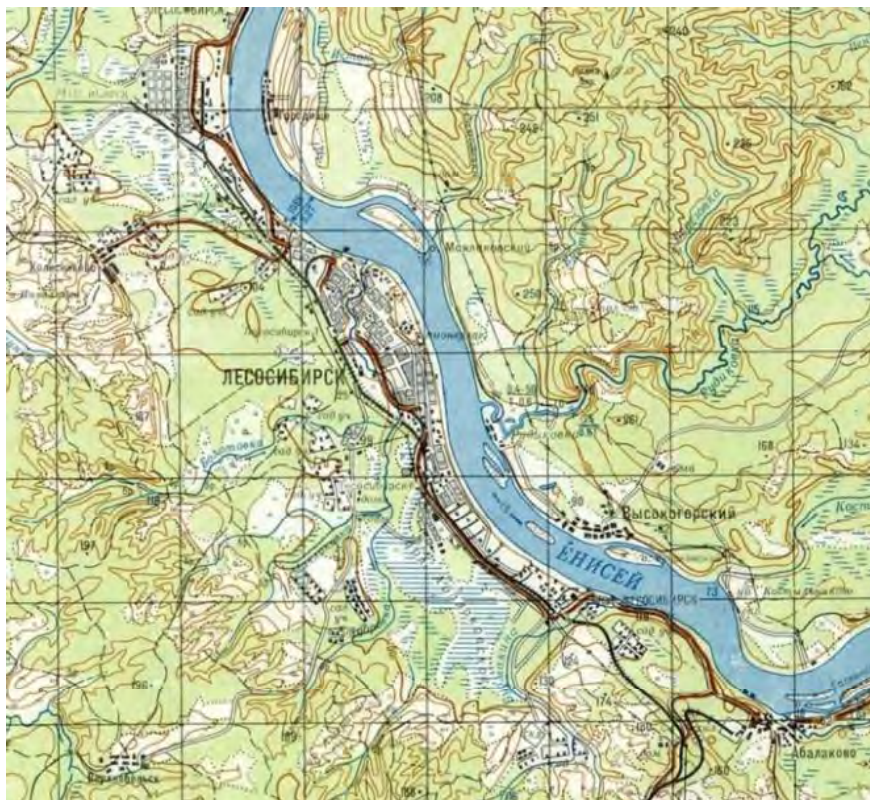
Ил. 2. Фрагмент карты Енисейской губернии 1889 г. с указанием месторасположения г. Енисейска (URL: http://www.krasplace.ru/wpcontent/uploads/2009/06/eniseyskaya_karta_1889.jpg)

Ил. 3. План Сталинградского промышленного района 1932 г. (Шереметьева И. Архитектурная летопись: Царицын-Сталинград-Волгоград. URL: <https://s13.stc.all.kpсdn.net/share/1/12/8845898/wx1080.jpg>)

Ил. 4. Фрагмент топографической карты Енисейского района Красноярского края, 1967 г. (масштаб 1:500 000)
(URL: <http://map046.narod.ru/map5/indexa.html>)

Ил. 5. Фрагмент топографической карты Енисейского района Красноярского края, 1981 г. (масштаб 1:200 000)
(URL: <http://map046.narod.ru/map2/io4615.html>)

М.А. Целищева
Алтайская региональная краеведческая
общественная организация
«Наследие Алтая» (Барнаул)
c.marina64@mail.ru

«Средняя школа» 1930-х годов в Барнауле: история памятника архитектуры

Аннотация

В статье на основе архивных документов представляется история и современное состояние памятника архитектуры г. Барнаула — бывшего здания средней школы на пр. Ленина, 88, построенной в 1937 г. по типовому проекту. В здании была размещена школа № 37, затем мужская школа № 25. С 1993 г. часть помещений в здании занял Алтайский музей изобразительных искусств (совр. Государственный художественный музей Алтайского края), с 2012 г. проводится реконструкция здания с приспособлением его под нужды музея. Объект является образцом советской архитектуры переходного периода — от конструктивизма к архитектуре с применением классических форм.

Ключевые слова: культурное наследие, памятник архитектуры, объекты культурного наследия

М.А. Tselishcheva
*Altai Regional Local History Non-government
Organization Altai Heritage (Barnaul)*
c.marina64@mail.ru

Secondary School Building of the 1930s in Barnaul: History of an Architectural Monument

Abstract

Based on the archival data, the article deals with the history and actual condition of an architectural monument of the city of Barnaul — the formal building of the secondary school at Lenin Prospect 88, built in 1937 according to the typical project. At first there was a school No 37, then a male school No 25 in the building. In 1993 the *Altai Fine Art Museum* occupied part of the building. Since 2012 the building is under the reconstruction for its adaptation for the *State Art Museum of Altai Region*. The building is an example of Soviet architecture of the transitional period from constructivism to architecture with classical forms.

Key words: cultural heritage, architectural monument, cultural heritage sites

В 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О начальной и средней школе», где была установлена номенклатура школ трех типов: двухкомплектная — на 880 учащихся с 22 классными комнатами, однокомплектная — на 400 учащихся с 10 классными комнатами и неполная средняя школа — на 280 учащихся с 7 классными комнатами [История., 1985, с. 133]. В течение 1935—1938 гг. архитектурно-проектными мастерскими страны велись поиски наиболее экономичных проектов, при сооружении которых было возможно наиболее полно использовать индустриальные методы строительства для сокращения смет и уменьшения сроков строительства. Проектные мастерские Наркомпроса на основе новых нормативов разработали восемь типовых проектов, из них два — для школ на 880 учащихся. Переход к экономичным типовым проектам способствовал массовому строительству типовых школьных зданий.

В годы первых пятилеток существенно менялся

и образ города Барнаула. Начало изменениям было положено в 1932 г. строительством текстильного (меланжевого) комбината. В этом же году городской совет принял постановление об отводе участка под жилищное строительство для комбината с западной стороны промышленной площадки. Темпы строительства были настолько высокими, что первые дома ставились без разработки генерального плана всего поселка. Одновременно началась разработка генплана, первый проект которого был составлен в Москве в Гипрогорстрое архитектором Овчаренко. Последующий проект первых двух очередей жилищного строительства был выполнен архитектором Волосевичем в мастерской профессора А.В. Самойлова. Расчетная численность населения поселка при меланжевом комбинате составила 13—14 тыс. человек. Поселок состоял из шести жилых групп (плотность населения составила 250 человек на гектар). Проект предусматривал наличие комплексно-бытового обслуживания: магазинов, предприятий культурно-

го назначения, школы-десятилетки [Долнаков и др., 1982, с. 131—132].

В сентябре 1935 г. на заседании барнаульской планировочной комиссии заслушали ходатайство городского отдела народного образования (Гороно) о закреплении земельных участков под строительство четырех новых школ, в том числе по пр. Ленина, общей площадью 2 га, где контингент обслуживания состоял бы из детей западной части Сада-города и части жилого комплекса Меланжевого комбината [ГААК. Ф. Р.490. Оп. 1. Д. 1. Л. 63]. В октябре 1935 г. Пленум Барнаульского городского совета утвердил титульный список нового школьного строительства по типовым проектам в Барнауле: 3 средних школ на 880 мест — на ул. Аванесова, пр. Социалистическом, пр. Ленина (Меланжевый комбинат) и детского пионерского клуба (Меланжевый комбинат). Чтобы обеспечить охват всех детей школьного возраста в районе Меланжевого комбината и создать нормальные условия для занятий, на 1936 г. было запланировано строительство нового типового здания полной средней школы на 22 класса, на 880 мест. Пленум обязал гороно (школьный трест) и Меланжевый комбинат по титульному списку нового школьного строительства немедленно развернуть подготовительные работы (заготовить стройматериалы, оформить планы, проекты строительства, заложить фундаменты и др.) с таким расчетом, чтобы к ранней весне обеспечить полный разворот строительства во всех указанных точках и закончить к 15 августа 1936 г. [ГААК. Ф. Р.312. Оп. 1а. Д. 7. Л. 39—42; Ф. Р. 142. Оп. 1. Д. 312. Л. 365—366].

Строительство школ по типовым проектам в Барнауле шло ускоренными темпами. Так, из сводки о ходе строительства школ по Западно-Сибирскому краю на 1 мая 1936 г. следовало, что в г. Барнауле строилось три школы, две на средства местного бюджета — на ул. Аванесова и по пр. Социалистическому, а третья — Меланжевого комбината, объемом 14821 куб. м, сметная стоимость составляла 711 тыс. руб., источник финансирования — Народный комиссариат текстильной промышленности [ГААК. Ф. Р.142. Оп. 1. Д. 312. Л. 45, 59]. 22 мая 1936 г. в Москву в Главстройлегпром за подписью начальника строительства Запсибтекстилькомбината Леонтьева была отправлена телеграмма о ходе строительства здания школы. По состоянию на 20 мая земляные работы были выполнены на 94%, фундаменты — на 100%, стены — на 75%, деревянные перекрытия — на 12%, бетонные — на 37%, окна — на 6%. В целом по зданию было выполнено 40% работ. Затрачено было 300460 руб. [ГААК. Ф. Р.142. Оп. 1. Д. 312. Л. 63]. На 1 июня 1936 г. школа Меланжевого комбината была готова на 45%, использовано по смете с начала строительства 381 002 руб. Недостатка в рабочей силе и материалах на стройке не было, но в то же время существенным тормозом строительства были перебои в подаче электроэнергии, неисправность транспортера, плохая погода (дожди) [ГААК. Ф.Р. 142. Оп. 1. Д. 312. Л. 111]. В июле 1936 г. пленум Барнаульского городского совета (протокол № 11) рассмотрел вопрос о подготовке к новому учебному году. В выступлениях было отмечено, что строительство школ в городе шло далеко не успешно. В ряде случаев наблюдалось отступление от проектов

(школа Меланжевого комбината). Необходимо было продумать вопрос снабжения школ наглядными пособиями и необходимым оборудованием [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 7. Л. 229]. Из отчетной карточки от 15 сентября 1936 г. мы можем узнать, что здание принадлежало средней школе № 37 (новое строительство), школа была построена на средства Наркомтекстильпрома. Строил здание Текстилькомбинат, школа рассчитана на 880 мест учащихся, смета составила 901 тыс. руб., строили подрядным способом. Во время строительства наблюдалось отклонение от проекта [ГААК. Ф. Р. 142. Оп. 1. Д. 311. Л. 43].

Здание школы занимает обширный радиально-лучевой участок, образованный разветвившимися проспектами — Ленина и Калинина (ил. 1). Главным фасадом здание ориентировано на площадь Октября и оформляет ее западную сторону. Здание близкое к П-образному в плане, двухэтажное с мансардным (техническим) этажом, кирпичное, оштукатуренное. По краю кровли здания проходит аттиковая стенка с равномерно расставленными слуховыми окошками — квадратными по уличным фасадам и круглыми по главному. Между боковыми ризалитами главного фасада устроена портиковая галерея, покрытие которой служит балконом второго этажа. Боковые ризалиты в уровне второго этажа имеют лоджии, образованные трехпролетными аркадами. И балкон, и лоджии ограждены балюстрадами. В глубине лоджий, в средних пролетах, первоначально были установлены скульптурные изображения пионеров (ил. 2, не сохранились). В основе композиции протяженных уличных фасадов — четкий ритм прямоугольных окон. Декоративное убранство лапидарно — развитые тянутые карнизы, пилястры. Планировочная система здания — коридорного типа, с вестибюлем парадного входа, организованного с площади Октября. К ней примыкает значительный по территории сад. Двухэтажный распластанный объем привлекает своим интересным многоплановым решением, своеобразием трактовки классических форм в архитектуре школьного здания [Долнаков и др., 1982, с. 132, 134]. Здание является примером советской архитектуры переходного периода — от конструктивизма к архитектуре с применением классических форм (ил. 3—4). Имеет важное градостроительное значение, формируя облик центральной площади города.

С октября по декабрь 1941 г. часть помещений в школе № 37 было отдано под резервный госпиталь № 3440. 24 августа 1943 г. на заседании Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся рассмотрели вопрос о введении отдельного обучения мальчиков и девочек в 1943/1944 учебном году. В соответствии с постановлением Совета народных комиссаров СССР от 16.07.1943 № 789 исполком крайсовета решил ввести с 1 сентября 1943 г. отдельное обучение мальчиков и девочек в 1—10-х классах средних и неполных средних школах г. Барнаула. На базе школ № 18, 37 и 25 была образована мужская средняя школа № 25, которую в дальнейшем перевели в помещения бывшей школы № 37 на Октябрьской площади. В школе было 26 классов, 1025 учащихся, учились в 2 смены [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 1а. Д. 77. Л. 448—449].

В январе 1957 г. на заседании архитектурно-планировочной комиссии при Управлении главного

архитектора города рассмотрели вопрос о проекте пристройки к школе № 25, разработанный проектной организацией «Крайпроект» еще в 1955 г. [ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 1. Д. 5. Л. 6]. В дальнейшем из-за недостатка проектирования в строительстве по пристройке актового зала школы был допущен брак, о чем было доложено в мае 1960 г. на заседании городского исполкома. Заслушав объяснения главного инженера Алтайского проектного института Топорова, исполком городского совета решил обязать проектный институт произвести переработку проекта пристройки, приняв за основу заключение главного конструктора Новосибирского областного проектного института от 07.05.1960 г. и в месячный срок выдать окончательное решение по исправлению дефектов в проекте и допущенного брака в строительстве. Исполком рекомендовал Алтайскому проектно-институту для выполнения этой работы привлечь инженеров-конструкторов из Новосибирского инженерно-строительного института [ГААК. Ф.Р. 312. Оп. 6. Д. 6. Л. 139].

В 1961 г. были освобождены школьные помещения, занятые под квартиры. В школе были созданы кабинет физики, электротехники, химии, биологии, географии, истории, математики, иностранного языка, домоводства, русского языка и литературы. Школа имела механическую мастерскую на 20 мест [ГААК. Ф. Р.142. Оп. 3. Д. 13. Л. 60—61, 63]. В 1968 г. в здании провели капитальный ремонт, заменили входные двери и др. В 1973 г. была составлена смета по усилению простенков в здании школы, в 1974 г. было получено техническое заключение по обследованию чердачного перекрытия, рекомендовали провести комплексный капитальный ремонт здания. В 1975 г. здание школы было отдано учреждению дополнительного профессионального образования, а также некоторое время в части здания располагалось Барнаульское специальное конструкторское бюро «Восток». В 1984 г. в здании провели капитальный ремонт. В 1991 г. школа получила новое наименование: средняя с гимназическими классами школа № 25. В этом же году была создана профильная Российско-американская экспериментальная профессиональная школа (РАЭШП), в дальнейшем «Лицей № 130 «РАЭПШ». В 1992 г. предполагалось возведение крыши по парапету актового зала со стороны пр. Калинина. В 1993 г. Государственный художественный музей Алтайского края занял часть здания лицея. В 2011 г. музею передали здание целиком, а в 2012 г. началась специализированная реконструкция. С конца 1980-х гг. существует несколько проектов реконструкции здания для музея. Одним из них является проект В.И. Золотова, В.И. Ревякина и Г.И. Первушиной, который был выполнен в 1989 г. с приспособлением здания под школу эстетического воспитания.

В 2009 г. специалисты ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация» провели инженерное обследование здания. В итоге было рекомендовано провести вертикальную и горизонтальную гидроизоляцию, выполнить отмостку и ремонт цоколя, ремонт перекрытия и кровли, провести реставрацию фасадов. В 2010 г. к реставрации приступили по губернаторской программе «80 x 80», заказчиком выступило краевое управление по культуре и архив-

ному делу, а конкурс на разработку проекта выиграл ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация», и в 2011 г. был предложен эскизный проект. В 2012 г. в ходе реставрации выяснилось, что многие стены просто опасно оставлять в том виде, в каком они дожили до 2012 г. Строителям пришлось разрушить большую часть кирпичной кладки, сделанной еще до войны. В октябре 2013 г. специалисты барнаульской мастерской «Классика» (А.Ф. Деринг) завершили проект реконструкции здания (ил. 5). Общая площадь музея будет увеличена в полтора раза и составит 10300 кв. м. Добавится подвал и дополнительный, третий, этаж. В обновленном здании планируют разместить два тематических зала, отражающих культуру Алтайского края — Колыванский зал и Зал народных ремесел. По оснащению технологическим оборудованием это будет один из самых современных музеев за Уралом [Целищева, 2014, с. 314—315]. Мастерская А.Ф. Деринга стала заниматься проектом уже после ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация». Изначально завершить реконструкцию здания планировалось в конце 2015 г., но в 2016 г. краевая администрация расторгла контракт с главным подрядчиком, компанией «Стройгаз», который работал на объекте с 2012 г. В данный момент здание построено на 50%, ввести объект решено поэтапно. В 2017 г. планировалось завершить отделку фасада, кровли и главного входа музея, закончить прокладку всех коммуникаций и отопления. Для первого этапа была выполнена новая проектно-сметная документация (автор принимал участие в подготовке раздела архивно-библиографических изысканий). У Государственного художественного музея в Барнауле на площади Октября в скором времени может появиться новый подрядчик. На портале госзакупок Алтайского края появилась информация о проведении конкурса на выполнение строительно-монтажных работ на объекте. Заказчиком выступает Единый заказчик капитального строительства Алтайского края.

Здание бывшей школы является объектом культурного наследия регионального значения по решению исполнительного комитета Алтайского краевого Совета народных депутатов от № 108 от 24.03.1989 г. как пример советской архитектуры переходного периода — от конструктивизма к архитектуре с применением классических форм. Объект сохраняет важное градостроительное значение, формируя облик центральной площади города. Объект включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации с присвоением ему регистрационного номера 221610413230005.

Список литературы

1. Долнаков А.П., Долнакова Е.А., Зотева Л.А., Степанская Т.М. Памятники архитектуры Барнаула. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1982. — 160 с.
2. История советской архитектуры, 1917—1954 гг.: учебник для архитектуры вузов. — М.: Стройиздат, 1985. — 256 с.
3. Целищева М.А. Проблемы музейных зданий Алтай-

ского края (объектов культурного наследия) в развитии культурно-познавательного туризма // Междунар. продовольственный форум «Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны»: сб. материалов. — Барнаул: Литера, 2014. — С. 311—320.

Список источников

1. ГААК. Ф. Р.142. Оп. 1. Д. 311
2. ГААК. Ф. Р.142. Оп. 1. Д. 312
3. ГААК. Ф. Р.312. Оп. 1а. Д. 7
4. ГААК. Ф. Р.312. Оп. 1а. Д. 77
5. ГААК. Ф. Р.490. Оп. 1. Д. 1
6. ГААК. Ф.Р. 490. Оп. 1. Д. 5

Ил. 1. Средняя школа № 25, г. Барнаул, пр. Ленина, 88/пр. Калинина, 1.
Снимок 1960-х гг. из архива НПЦ «Наследие»

Ил. 2. Средняя школа № 25, г. Барнаул, пр. Ленина, 88/пр. Калинина, 1.
Снимок 1956 г. из архива НПЦ «Наследие»

Ил. 3. Средняя школа № 25, г. Барнаул, пр. Ленина, 88/пр. Калинина, 1.
Снимок 1940-х гг. из архива НПЦ «Наследие»

Ил. 4. Средняя школа № 25, г. Барнаул, пр. Ленина, 88/пр. Калинина, 1.
Снимок 1960-х гг. из архива НПЦ «Наследие»

Ил. 5. Проект реконструкции памятника архитектуры «Средняя школа» с приспособлением под Государственный художественный музей Алтайского края. ЗАО «Классика», архитектор А.Ф. Деринг, 2013 г.

**Исторический город и историческое поселение
сегодня: проблемы и перспективы**

Historical Places: Actual Problems and Future

Н.С. Акчурина
Уральский государственный архитектурно-художественный университет (г. Екатеринбург)
akchurinans@mail.ru

Особенности объемно-планировочной организации современных православных деревянных храмов и комплексов для малых населенных пунктов

Аннотация

В статье рассматриваются особенности объемно-планировочной структуры современных православных деревянных храмов в малых населенных пунктах и памятников деревянного храмового зодчества, сохранившихся до наших дней, при этом указывается на ряд отличий в их планировочной структуре. В современных условиях церковная территория не позволяет, как правило, иметь все необходимые служебные помещения в отдельных зданиях — особенно это касается городских храмовых комплексов. Выходом в таком случае становится перевод необходимых служб в цокольный этаж храма. Отмечается, что требования ведомственных строительных норм (ВСН) «Здания, сооружения и комплексы храмов», действующие сегодня, очень схематично определяют состав храмовых комплексов в зависимости от величины населенного пункта, тогда как это представляется важным моментом для строительства в малых городах или отдельных городских районах. Например, в сельских условиях в состав комплекса обычно включается церковно-причтовый дом, что не отражено в ВСН.

Ключевые слова: деревянные православные храмы, православные комплексы, церковно-причтовый дом, малые населенные пункты

N.S. Akchurina
Ural State University of Architecture and Art (Yekaterinburg)
akchurinans@mail.ru

Features of the Planning Organization of Modern Wooden Orthodox Temples and Complexes for Small Settlements

Abstract

The article deals with the planning structure of modern Orthodox wooden churches in small settlements and the monuments of wooden temple architecture which have survived up to now. There are revealed a number of differences in their planning structure. As a rule, in modern conditions church territory doesn't allow to have all necessary service premises in separate buildings — especially it concerns urban temple complexes. The solution in this case is to transfer all necessary services to the first floor of the temple. In the article it is reported that the actual requirements of *Department Construction Rules for Temples' Buildings, Constructions and Complexes*, define a structure of the temple complexes in the connection with the settlement's size very schematically, whereas it is obviously significant for construction in the small cities or certain urban areas. For example, in rural conditions a temple complex usually includes a church clergy house, but that isn't reflected in DCR.

Key words: wooden Orthodox churches, orthodox complexes, church clergy house, small settlements

Сравнительный анализ объемно-планировочной структуры православных деревянных храмов в историческом аспекте [Ополовников, 1983] делает очевидным отличие современных православных деревянных храмов от их исторических предшественников. Изменения эти касаются, конечно, не основной функции и построения пространств богослужебного назначения, тут все остается неизменным. Но было бы странно, если на объемно-планировочной структуре совсем не сказалось бы влияние изменившихся внешних факторов — другие характеристики и требования градостроительного контекста

в современном мире, будь то в городе или в сельской местности, другие строительные материалы, другие требования к величине и использованию участка храмовой территории, наконец, другие экономические условия строительства и эксплуатации здания.

В старинных деревянных храмах ленточные фундаменты из блоков, позволяющие функциональное использование цокольного этажа, не применялись. Как некоторый исторический аналог такого пространственного решения можно рассмотреть решение с «верхним» и «нижним» приделами, когда цокольный этаж храма строился из камня, был от-

апливаемым и назывался «зимним храмом», а верхний деревянный объем, не отапливаемый, назывался «летним храмом» [Ащепков, 1950]. В этом была своя логика — деревянная неотапливаемая часть здания лучше сохранялась.

В современных городских условиях церковная территория не позволяет, как правило, иметь все необходимые служебные помещения в отдельных зданиях. Кроме того, затраченные на возведение ленточного фундамента серьезные средства просто жалко закапывать в землю, делая обратную засыпку. Поэтому в цоколе храма располагаются все вспомогательные служебные приходские помещения (рабочие кабинеты, церковная лавка, воскресная школа, трапезная, а иногда и небольшой крестильный храм).

Такое объемно-планировочное решение неизбежно сказывается на внешнем облике храма: появляются дополнительные входы в цокольный этаж, крыши над этими входами, в верхний храм ведут более сложные и высокие крыльца. И в этом случае приходится более сложными путями решать вопросы организации безбарьерной среды — доступа в храм для инвалидов-колясочников. Но такое решение добавляет высоты зданию храма, делает его более зна-

чительным в общем контексте застройки.

В современном деревянном храме, как правило, верхний храм уже не бывает исключительно «летним» по использованию — службы в нем идут круглогодично. И вопросы отопления при современных возможностях в деревянной части храма решаются наиболее приемлемыми для прихода способом.

Действующие ВСН «Здания, сооружения и комплексы православных храмов» не предусматривают норм, определяющих наличие малого храмового комплекса в более мелких городских структурах, чем планировочный район. В то же время наличие храма в пешеходной доступности от дома могло бы решить многие проблемы той части населения, которая особо нуждается в этом — это маломобильные группы населения, престарелые люди. Очевидно, что существующие нормы нуждаются в корректировке, а сельские храмовые комплексы также следовало бы дифференцировать в зависимости от величины поселения.

Размещение храмов, примерный состав, основной и дополнительный набор зданий, сооружений и помещений богослужебного и вспомогательного назначения приведены в таблице [Свод правил..., 2000].

Таблица 1

ВСН «Здания, сооружения и комплексы православных храмов»

Вид комплекса		Рекомендуемое размещение на селитебной территории	Здания, сооружения, помещения			
			Богослужебного назначения		Вспомогательного назначения	
			Основные (вмест.)	Дополнительные	Основные	Дополнительные
Приходской комплекс	Городской	Центр планировочного района	Храм (450 — 1500 чел.)	Крещальня Часовня	Церковно-причтовый дом Хоз. службы Церковная лавка	Воскресная школа Гостиница Богадельня Медицинский пункт Жилые дома причта
	Сельский	Центр сельского поселения	Храм (100 — 300 чел.)	«Летний» храм Часовня	Церковно-причтовый дом Хоз. службы	Воскресная школа Гостиница Жилые дома причта

Очевидно, что существующие нормы не в полной мере соответствуют реальному положению дел. Не каждое сельское поселение может позволить себе храм вместимостью до 300 человек, да и не всегда нужен такой величины храм в селе при современной тенденции сокращения сельского населения. В то же время отсутствие храма в малых селах создает трудности жителям, не всегда имеющим возможность позволить себе поездку в соседнее село или в город. Поэтому вполне оправданным представляется тезис

Патриархии о необходимости иметь храм в пешеходной доступности, что будет вполне актуально как для сельских поселений, так и для городских районов, удаленных от центра.

С учетом корректировок по составу и размещению приходских комплексов в зависимости от величины поселения, на основании опыта реального проектирования и исследований, проведенных автором, приведенная выше таблица могла бы выглядеть следующим образом:

Скорректированные строительные нормы для зданий, сооружений и комплексов православных храмов (по данным исследования автора)

Вид комплекса		Рекомендуемое размещение на селитебной территории	Здания, сооружения, помещения				Примечания
			Богослужебного назначения		Вспомогательного назначения		
			Основные (вмест.)	Дополнительные	Основные	Дополнительные	
Приходской комплекс	Городской (большой участок)	Центр микрорайона	Храм (300—450 чел.)	Крещальня Часовня	Церковно-причтовый дом Церковная лавка Хоз. службы	Воскресная школа Медицинский пункт Жилые дома причта (если позволяет участок)	Развернутый состав приходского комплекса
	Городской (ограниченный участок)	Центр микрорайона	Храм (200—300 чел.)	В уровне храма: воскресная школа, церковная лавка В цокольном этаже здания храма: — крещальня — медпункт, трапезная, служебные помещения, хоз. службы			Развернутый состав приходского комплекса
	Сельский	Центр сельского поселения (большого — 3—5 тыс. чел.)	Храм (300 чел.)	Крещальня Часовня	Церковно-причтовый дом Церковная лавка Хоз. службы	Воскресная школа Гостиница Жилые дома причта	Службы на постоянной основе
		Центр сельского поселения — (среднего 1—2 тыс. чел.)	Храм (200 чел.)	Часовня	Церковно-причтовый дом Хоз. службы	Воскресная школа	Службы на постоянной основе
		Центр сельского поселения (мало — 1 тыс. чел. и меньше)	Храм (50—100 чел.)		Хоз. службы		Службы по особому расписанию
		Населенные пункты менее 500 чел.		Часовня			Службы по особому расписанию

В городских приходских комплексах состав, величина и размещение вспомогательных зданий и помещений будут напрямую зависеть от величины отведенного для строительства участка и величины прихода. В условиях ограниченного по размерам участка целесообразнее размещать все вспомогательные помещения в цокольном этаже здания самого храма.

Причинами широкого распространения деревянного храмового зодчества в современной России можно считать ряд аспектов — от экономических до технологических.

Как и в древности, строительство деревянного храма обходится в 3—4 раза дешевле такого же

по размеру каменного и осуществляется гораздо быстрее. Так же как и раньше, только большие города могут позволить себе возведение или реконструкцию большого каменного храма. На сегодняшний день в России мы имеем практически в каждом большом селе полуразрушенный каменный храм (и то, если его не снесли под корень в годы богоборчества), который в случае его восстановления потребует гигантских капитальных вложений. Порой эти храмы так велики, что об их реконструкции на селе не может быть и речи — у деревенского прихода нет и не может быть таких денег, которые требуются на конструктивное обследование и реконструкцию подобного храма. Бывают, конечно, счастливые ис-

ключения, когда уроженец какого-либо села, успешно работающий в большом бизнесе, не гонится за популярностью храмостроителя в крупном городе, а восстанавливает храм на своей малой Родине. Но каков процент православных удачливых бизнесменов по сравнению с бесчисленными селами, деревнями и деревеньками, лишившимися в годы богоборчества своих храмов и часовен? Кроме того, если говорить о возрождении православных традиций в России, то стоит вспомнить и о традиции до начала строительства каменного храма на храмовой территории строить храм деревянный, чтобы молитвой помогать строительству.

Особенно актуально это сегодня, когда интерес к деревянному строительству возрождается с новой силой, появляются новые технологии обработки древесины, новые возможности использования такого интересного строительного материала, как дерево.

Дерево — живой строительный материал, многообразный и непредсказуемый, представляющий богатейшую палитру по своим физическим свойствам, конструктивным характеристикам, цвету. В зависимости от породы, происхождения, распила и обработки свойства древесины могут сильно меняться.

О естественной цветовой палитре древесины, с древних времен использовавшейся в храмовом строительстве, можно написать самостоятельную работу. В связи с тем что современные возможности строительной индустрии предоставляют в области деревянного домостроения широчайшую цветовую палитру разнообразных пропиток и покрытий, сочетающих в себе антисептические качества и цветовую обработку, в рамках этой статьи хотелось бы только отметить, что традиционно для сруба используют более долговечную древесину хвойных пород с палитрой от светло-желтого до красновато-коричневого цветов, которая со временем набирает глубину тона. Для деревянных главков мастера как в старое время, так и сейчас выбирают осину, которая не боится влаги, не коробится и не трескается, а со временем от атмосферного воздействия приобретает серебристый цвет. Главки из древесины кедра от такого воздействия станут медно-красными. Но осина при работе в таких условиях долговечнее.

Справедливости ради нужно отметить, что на сегодняшний день для строительства малых храмов все чаще используются и другие современные строительные материалы (пеноблок или бризолит с последующей штукатуркой стен). Правда, в этом случае архитектурные детали храмовых зданий приобретают чисто украшательский характер — применяется фасадный декор заводского изготовления.

Цель обращения к данной проблеме — совершенствование представлений об архитектуре деревянного храма и его вспомогательных помещений для современных малых храмовых комплексов, предна-

значенных для строительства в селах и малых городах. Еще один аспект этой проблемы — создание научной основы для формирования более полной нормативной базы в архитектуре, касающейся именно этого типа зданий. На основе изученных данных составлена классификация типов культовых зданий и комплексов для небольших населенных пунктов.

Сегодня, когда от современного храмостроителя требуется не только создание достойной храмовой архитектуры, но и творческий поиск путей возрождения и развития русской храмовой архитектуры, уже не подлежит сомнению, что без неразрывной связи с национальными традициями немислимо было бы появление таких шедевров храмовой архитектуры на Руси, как жемчужина русского деревянного зодчества — Преображенский храм на острове Кижи, всего Кижского музейного комплекса, множества больших и малых храмов Русского Севера, и многих других ныне существующих или, к сожалению, утраченных храмов [Шевелев, 1973]. Как немислимо и сейчас создание новой храмовой архитектуры в отрыве от традиций и исторического опыта.

Статья написана по материалам масштабного исследования, в котором изучен отечественный опыт деревянного храмостроения в исторической ретроспективе и современный опыт деревянного храмостроения; рассмотрены современные технологии работы с деревянными конструкциями и особенности возведения деревянных храмов, проанализированы функциональные особенности деревянных храмов и возможности интерпретации приемов деревянного зодчества в новых условиях городской среды; проанализированы потребности храмовых подворий в помещениях некультового назначения и возможности их размещения как в здании храма, так и в отдельно стоящем здании; выявлены основные типы культовых зданий для малых жилых образований; составлена их классификация в зависимости от функционального состава.

По результатам исследования разработаны проектные предложения и ряд из них внедрены в строительство.

Список литературы

1. Ащепков Е.А. Русское деревянное зодчество. — М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. — 104 с.
2. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. — М.: Искусство, 1983. — 287 с.
3. Свод правил 31-103-99 «Здания, сооружения и комплексы православных храмов». — М.: Госстрой России, 2000. — 34 с.
4. Шевелев И.Ш. Логика архитектурной гармонии. — М.: Стройиздат, 1973. — 188 с.

Т.С. Баландина
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
mas_ngaha@mail.ru

**«Прозрачные одежды» новосибирского концертного зала имени
А.М. Каца и другие материалы в его отделке**

Аннотация

Здание концертного зала им. А.М. Каца в г. Новосибирске являет собой пример удачного включения объекта нового строительства в сложившийся исторический ансамбль. Немалую роль в этом успехе играют использованные в оформлении фасадов отделочные материалы, в частности стеклянный фасад. Подход, заложенный во внешнем облике здания, находит логическое продолжение в его интерьерах.

Ключевые слова: архитектура, различные функции стекла, графика в камне

T.S. Balandina
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)
mas_ngaha@mail.ru

**Transparent Facades of Novosibirsk A.M. Kats Concert Hall
and Other Finishing Materials**

Abstract

A.M. Kats Concert Hall in Novosibirsk is an example of good inclusion of a new object into existing historical ensemble. A significant role in this success is played by the decoration materials used in the decoration of the facades, in particular, the glass facade. A concept of the building exterior continues in the interior.

Key words: architecture, different functions of glass, stone graphic

В Новосибирске завершился грандиозный пятый «Транс-сибирский арт-фестиваль», концерты которого за двадцать дней посетило около 17 тысяч зрителей.

Новая Сибирь. 2018. 6 апреля (№ 14)

Только что завершившийся более чем успешный V Транссибирский фестиваль рождает желание дополнить ранее написанную статью [Баландина, 2015] и сказать еще несколько слов о здании концертного зала Новосибирской филармонии и его влиянии на восприятие окружающей среды.

Итак, нынешнее здание — продукт архитектурной реконструкции, вписанный в весьма малое пространство. И, казалось бы, ожидать от него чего-либо, кроме возможности «вписаться» в компактную окружающую среду, не следует. В фасаде здания появляется материал, уже столетиями используемый в строительстве — стекло. Но это стекло с новыми, современными свойствами: разнообразие размеров и форм, светопреломление и светопрозрачность, замечательный «зеркальный» эффект и т.д. С его применением вполне ординарное здание концертного зала и его уникальный сосед — памятник архитектуры Стоквартирный дом — буквально обретают новый образ. Вот об этом «чудодейственном» стекле и связанных с ним проектных решениях следует ска-

зать несколько слов.

Проект нового зала разработан ООО «Новосибирскградострой 2002», руководитель — Владимир Ермишкин. Зал — основная концертная и репетиционная площадка Новосибирской государственной филармонии, рассчитанная на 1080 зрителей. Общая площадь концертного зала — 21,5 тыс. кв. м, общая площадь фойе — 1080 кв. м, в том числе балкон — 115 кв. м.

Эксклюзивность концертному залу придают огромные стеклянные витражи фасада из гнутого голубого стекла (ил. 1а, б, 2а, б). Проектированием и изготовлением фасадного витража занималась компания Glassbel (г. Барселона, Испания), специализирующаяся на изготовлении стеклопакетов и архитектурного стекла. Компания очень серьезно отнеслась к будущим условиям эксплуатации уникальных стеклянных изделий. Так как размеры стеклянных пакетов составляли 5880 x 2100 мм, и потому нельзя было использовать закаленное стекло, были ужесточены все другие необходимые испыта-

ния уникальных стекол, в частности расчет вероятности термошока. Доказано, что она минимальна. Произведено успешное тестирование проектируемого образца реального максимального размера, подтвердившее правильность принятых решений. Для получения высоких энергосберегающих свойств применялось заполнение стеклопакетов аргоном и низкоэмиссионное внутреннее стекло в составе триплекса. С учетом места строительства испанская компания также ужесточила технологические параметры, таким образом расширив температурный интервал эксплуатации стекла в пределах -40 — $+30$ °C! Таким образом, витраж с изогнутым стеклопакетом, изготовленный в Барселоне и являющийся одним из крупнейших в мире, сегодня украшает концертный зал Новосибирской филармонии, придавая зданию уникальность и неповторимость.

Несколько слов о каменном декоре вестибюля. Прежде всего обращает на себя внимание лестница, занимающая центральное положение в интерьере фойе (ил. 3). Мажорностью ее образ обязан прекрасному облицовочному камню — лабрадориту,

одному из немногих обладающих уникальным свойством иризации (т.е. радужной окраской за счет светопреломления) и издавна любимому в России. Лабрадоритовая лестница выступает торжественным акцентом в остальной, преимущественно светлой цветовой гамме использованных пород: белые, кремовые мраморы, очень светлые белые и серые, граниты. Фактурная обработка — шлифование, полирование — подчеркивает декоративную выразительность этих пород (ил. 4, 5).

Еще один декоративный акцент вестибюля — витраж-портрет создателя филармонии — маэстро А.М. Каца — символ признания его имени любителями музыки (ил. 6).

Список литературы

1. Баландина Т.С. История использования природного камня в архитектурных объектах г. Новосибирска // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. — Т. X. — Ч. 2. — С. 98—106.

а

б

Ил. 1. Концертный зал им. А.М. Каца, г. Новосибирск: а — общий вид.
б — стеклянный фасад — многообразии отражений. Снимки из архива кафедры строительного производства НГАХА

а

б

Ил. 2: Концертный зал им. А.М. Каца: а — город сквозь стеклянный витраж (начало Красного проспекта); б — за «окном» Стоквартирный дом. Снимки из архива кафедры строительного производства НГАХА

Ил. 3. Концертный зал им. А.М. Каца, главный лестничный марш вестибюля, лабрадорит.
Снимок из архива кафедры строительного производства НГАХА

Ил. 4. Концертный зал им. А.М. Каца, фойе. Снимок из архива кафедры строительного производства НГАХА

Ил. 5. Концертный зал им. А.М. Каца, гардероб. Мраморная отделка стен, пол — светлый гранит. Снимок из архива кафедры строительного производства НГАХА

Ил. 6. Маэстро А.М. Кац. Витраж-портрет. Снимок из архива кафедры строительного производства НГАХА

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10058
УДК 902/904

А.А. Бодрова
Экономический лицей № 95 (Новосибирск)
bodrovaaa@gmail.com

Перспективы и проблемы Умревинского острога как музея под открытым небом

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ № 18-09-00150

Аннотация

В настоящей статье Умревинский острог (Мошковский район Новосибирской области) рассматривается как культурно-исторический ресурс. Цель работы состоит в том, чтобы показать своеобразие Умревинского острога как памятника археологии и перспективы его превращения в музей под открытым небом. В работе дана общая характеристика Умревинского острога как памятника археологии, приведено текущее состояние процесса восстановления острога, обозначены проблемы его музеефикации, рассмотрены перспективы его превращения в музей. Актуальность поднятых вопросов обусловлена интересом научного сообщества к музеефикации, сохранению археологических объектов, превращению их в музеи под открытым небом, использованию этих объектов в туристических и образовательных целях, а также очередным юбилеем Умревинского острога.

Ключевые слова: Умревинский острог, археология Сибири, музеефикация, туризм, образование, музей под открытым небом

А.А. Bodrova
Economic school № 95 (Novosibirsk)
bodrovaaa@gmail.com

Perspectives and Problems of the Umrevinsky Ostrog as an Open-Air Museum

Abstract

In this article the Umrevinsky Ostrog (Moshkovo district, Novosibirsk region) is considered as a cultural and historic resource. The paper is aimed at reflecting the uniqueness of the Umrevinsky Ostrog as an archeological monument and perspectives of its becoming an open-air museum. The article presents general characteristics of the Umrevinsky Ostrog as an archeological monument, provides for the current progress of the Ostrog restoration, indicates problems of the Umrevinsky Ostrog preservation, considers perspectives of its turning into a museum. The relevance of the article is determined by an interest demonstrated by the scientific community in museumification, preservation of archeological objects, turning them into open-air museums, use of these objects for touristic and educational purposes as well as by the upcoming anniversary of the Umrevinsky Ostrog.

Key words: Umrevinsky ostrog, archeology of Siberia, museums, tourism, education, open-air museum

Музеи под открытым небом начали появляться с последнего десятилетия XIX в., первоначально в Европе, где эти музеи предполагали собирание в одном наиболее удачном месте нескольких памятников этнографии [Мастеница, 2005, с. 28]. Со временем изменяется концепция музея под открытым небом, интегрируя в себя археологические памятники. Такие музеи стали связаны с местами археологических раскопок, особенно из-за большого потенциала взаимодействия археологии и туризма. В таком контексте музей под открытым небом выступает как культурно-исторический ресурс.

Музеефикация археологических памятников, создание музеев под открытым небом является актуальным направлением в сохранении и изучении

объектов археологии, о чем свидетельствует интерес научного сообщества к этому вопросу, что выражается в вышедших за последнее время диссертационных исследованиях соответствующей тематики. Примером могут быть диссертации «Музейный парк как форма презентации археологического наследия» А.Н. Дробышева [2011], «Музеефикация средневековых памятников археологии» А.Н. Медведь [1999], «Проблемы музеефикации объектов археологического наследия в России в отечественных исследованиях 1961—2012 гг.» Е.В. Ефремовой [2016], а также монографии и статьи: «Опыт музеефикации археологических памятников Алтайского края: проблемы и перспективы» Т.С. Паршиковой [2017], «Проблемы создания новых музеев под открытым небом в Си-

бири как хранителей традиций деревянного зодчества (на примере г. Козинска Красноярского края)» А.Ю. Майничевой и Е.И. Глухих [2014].

Цель работы состоит в том, чтобы показать своеобразие Умревинского острога как памятника археологии и перспективы его превращения в музей под открытым небом. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) дать общую характеристику Умревинского острога как памятника археологии; 2) охарактеризовать текущее положение музеефикации острога; 3) выявить проблемы музеефикации Умревинского острога; 4) обозначить перспективы его музеефикации.

Умревинский острог был основан на берегу р. Оби недалеко от впадения в нее р. Умревы в 1703 г., на территории современного Мошковского района Новосибирской области. Археологические исследования острога начались в 2000 г. под руководством А.В. Шаповалова, а затем были продолжены А.П. Бородовским. На настоящий момент изучены следующие элементы археологического памятника: западный (полностью) и южный (частично) тын, юго-западная башня, приказная изба. Умревинский острог — сложный в структурном отношении объект археологического наследия. Он состоит из таких компонентов, как оборонительные сооружения (башня, тын, ров, вал), постройки внутри двора острога, церковь, посад, дорога, некрополь и пр. На данный момент раскопана и реконструирована юго-западная башня острога — одна из, предположительно, двух башен, примыкающий к ней тын, выявлена и раскопана изба приказчика, изучена умревинская грунтовая дорога, на которой был обнаружен клад монет, частично вскрыт русский некрополь XVIII—XIX вв., перекрывающий острог. Натурная реконструкция тына Умревинского острога была подробно описана С.В. Гороховым в специальной статье [Горохов, 2009]. Археологические исследования острога проводятся ежегодно отрядом под руководством А.П. Бородовского.

Музеефикация Умревинского острога началась в 2003 г., когда Научно-производственным центром по сохранению историко-культурного наследия при администрации Новосибирской области и специалистами ИАЭТ СО РАН был подготовлен проект по реконструкции юго-западной угловой башни острога и части тыновых стен [Бородовский, 2003]. Эти объекты должны были стать площадкой для проведения массовых исторических и культурно-ценностных мероприятий, начиная с юбилейных торжеств 2003 г. (300 лет Умревинскому острогу). Планировалось превратить Умревинский острог в «крупный историко-культурный, образовательный и туристический центр Новосибирской области и всей Западной Сибири» [Бородовский, 2003а].

При финансовом содействии администрации Новосибирской области проект по реконструкции башни и части тына был реализован к 300-летию юбилею острога. С тех пор прошло 15 лет, в течение которых археологи продолжают реконструкцию тына по технологиям, приближенным к началу XVIII в. Вторым вектором в направлении реконструкции и музеефикации является наблюдение за состоянием восстановленных сооружений и динамикой их деградации [Бородовский, Горохов, 2017].

Развитию Умревинского острога и использованию его как музея под открытым небом (как культурно-исторического, образовательного и туристического центра) препятствует ряд факторов, которые мы перечислим ниже.

Транспортная доступность — отдаленность памятника от крупных населенных пунктов и дорог. Вести раскопки и музеефикацию на памятнике возможно только в благоприятные с точки зрения климата отрезки времени. Случаются частые и длительные перерывы, когда на территории острога отсутствуют специалисты по этим видам деятельности. Такого рода сложности порождают трудности использования острога как образовательного ресурса на постоянной основе. Объективные проблемы, связанные со слабой транспортной недоступностью памятника, делают его непривлекательным, затратным с точки зрения физических, транспортных и финансовых ресурсов. К 300-летию юбилею Умревинского острога была отремонтирована дорога, ведущая к острогу. В течение некоторого времени она была пригодна для прохождения транспорта (автобуса), но спустя пару лет щебеночное покрытие с дороги было вывезено местными жителями для личных нужд и дорога пришла в негодность. Широкая колея не позволяет осуществить доставку людей на автобусе или автомобиле с низким клиренсом на площадку острога. Весной, осенью и в дождливое лето глинистая грунтовая дорога становится непреодолимой для проезда неспециализированного транспорта.

Организационно-административные проблемы. Образовательный потенциал Умревинского острога может широко использоваться на различных уровнях образования (как на ступени школьного, так и вузовского специализированного историко-археологического образования). Острог использовался как образовательная площадка для студентов исторического факультета НГПУ, на его базе были проведены археологические, музееведческие и этнографические практики. Начиная с 2002 г. острог служил выездной образовательной площадкой для историко-краеведческого объединения «ИКАР» ДДТ им. В. Дубинина (Новосибирск). Это объединение курирует кандидат исторических наук Е.Л. Бородовская. Транспорт для выезда предоставлялся ДДТ. В сентябре 2016 г. учащиеся МБОУ «Экономический лицей» стали участниками экспериментальной поездки на урок-экскурсию «Умревинский острог». Данное мероприятие требовало согласованной деятельности нескольких сторон: руководства лицея и родительской общности класса (так как транспорт обеспечивался родителями), Городского центра развития образования Центрального округа г. Новосибирска, студентов ИИГСО НГПУ — членов отряда и руководителя раскопками А.П. Бородовского, а также ГИБДД г. Новосибирска. Учащиеся лицея присутствовали на уроке «живой» истории и приняли участие в раскопках тыновой канавки и пересекающего ее некрополя. С точки зрения образовательной ценности мероприятие является очень эффективным, но, учитывая бюрократические, финансовые, логистические трудности, Умревинский острог не может в полной мере реализовывать свой образовательный потенциал.

Информационные и маркетинговые ограничения. Острог как центр туризма Новосибирской области в

настоящий момент тоже несостоятелен. Об остроге знают, он не находится в информационной изоляции, острогу посвящена масса статей на краеведческих и туристических ресурсах Новосибирска, которые содержат краткую историческую справку и подробные карты-схемы, сообщающие о том, как добраться до острога на личном и общественном транспорте. Существуют сообщества об Умревинском остроге в социальных сетях. Острог посещают семьями, о его местонахождении знают рыбаки, острог помещен на герб Мошковского района Новосибирской области. При всей значимости и узнаваемости Умревинского острога без археологов, которые ведут работы на остроге, он не может играть роль полноценного музея под открытым небом. Наблюдается интерес со стороны туристических агентств города. Например, бюро «Паспарту», которое занимается организацией и проведением экскурсий для школьников по Новосибирску и области, запрашивало информацию о возможности проведения массовых экскурсий на острог, но так и не решилось по причине отдаленности от города, сложности доставки групп и малой насыщенности историко-культурного материала в период отсутствия на памятнике археологов. Мошковский район в целом не является удобным и интересным с точки зрения туристической деятельности и не входит в разработанные туристические программы. В случае преодоления изложенных выше проблем Умревинский острог было бы возможно включить в туристические программы, ориентированные на посещение г. Томска новосибирцами.

Туристическая и образовательная инфраструктура, проблемы комфорта. На площадке отсутствует какая-либо инфраструктура. Комфортность пребывания на площадке острога существенно страдает в теплое время года от большого количества гнуса (мошка, комары).

Финансовое обеспечение. Содержание и развитие современных музеев требует финансовых затрат. На настоящий момент такой ресурс отсутствует. В перспективе дальнейших исследований, реконструкции Умревинского острога и реализации его образовательного и культурно-исторического потенциала будет необходимо привлечение соответствующего финансирования.

В 2018 г. Умревинскому острогу исполняется 315 лет. Это первый пункт российской государственности на территории Новосибирского Приобья. К этой дате приурочены мероприятия по разворачиванию крупномасштабных раскопок, дальнейшая реконструкция южного тына острога, поиск и локализация башни, проведение праздничных краеведческих мероприятий совместно с администрациями Мошковского района и Новосибирской области.

На настоящий момент перспективы Умревинско-

го острога стать полноценным музеем под открытым небом достаточно туманны, хотя бы исходя из того, что под музеем под открытым небом чаще подразумевается архитектурный «ансамбль». Умревинский острог же располагает только одной восстановленной башней и частью тына. Острог может стать таким музеем в дальнейшем в случае завершения раскопок основных объектов и их реконструкции.

Список литературы

1. Бородовский А.П. Возрождение Умревинского острога // Наука в Сибири. — 2003. — 15 авг. — № 30—31 (2416—2417). — С. 7.
2. Бородовский А.П. Умревинский острог — связь прошлого с настоящим // Наука в Сибири. — 2003а. — 06 июня. — № 21 (2407). — С. 6.
3. Бородовский А.П., Горохов С.В. Музеефикация деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 93—97.
4. Горохов С.В. Натурная реконструкция тына Умревинского острога // Археология и этнография азиатской части России. Материалы XLIX Регион. археол.-этногр. студ. конф. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. — Ч. 2. — С. 23—25.
5. Дробыщев А.Н. Музейный парк как форма презентации археологического наследия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2011. — 24 с.
6. Ефремова Е.В. Проблемы музеефикации объектов археологического наследия в России в отечественных исследованиях 1961—2012 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Томск, 2016. — 23 с.
7. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Проблемы создания новых музеев под открытым небом в Сибири как хранителей традиций деревянного зодчества (на примере г. Козинска Красноярского края) // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2014. — № 387. — С. 98—104.
8. Мастеница Е.Н. Эволюция музеев под открытым небом и туризм: отражение проблемы в курсе «Музейные заповедники» // Музей и туризм: подготовка кадров. Опыт и перспективы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. — СПб: СПбГУКИ, 2005. — С. 28—38.
9. Медведь А.Н. Музеефикация средневековых памятников археологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1999. — 17 с.
10. Паршикова Т.С. Опыт музеефикации археологических памятников Алтайского края: проблемы и перспективы // Изв. Алт. гос. ун-та. — 2017. — № 5 (97). — С. 213—217.

А.П. Бородовский¹
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск)
Е.Л. Бородовская
Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск)
¹altaicenter2011@gmail.com

Проблемы макетирования русских острогов из окрестностей города Новосибирска

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту РФФИ № 18-09-00150

Аннотация

Достоверное натурное восстановление сибирских острогов и создание их адекватных макетов — достаточно непростая задача. Бытующее мнение, противопоставляющее различные виды исторических источников — письменные и археологические, — методически и фактически не верно. Не меньшее значение имеет тщательный отбор и проверка источников как основы для макетирования. Подчеркнем, что и письменные источники в этом вопросе далеко не безупречны и неоднозначны. Археологи слишком часто сталкиваются с несоответствиями и противоречиями данных раскопок и письменных свидетельств. Именно в процессе тщательной проверки и отбора фактов из этих источников и могут появиться наиболее адекватные реконструкции, следствием которых могут стать достоверные макеты острогов. При этом остроги, существовавшие в окрестностях современного г. Новосибирска (Умревинский, Чаусский и Бердский), имеют различные «стартовые» возможности своей источниковой базы для своего макетирования. В частности, чертеж сохранился только для Чаусского острога, тогда как для Умревинского и Бердского острогов имеются только разновременные и противоречивые описания. Однако, учитывая количество строительных периодов и характер функционирования Умревинского острога, выявленных в ходе многолетних археологических исследований, возможно создание серии макетов. Таким образом, для целого ряда острогов, располагавшихся в окрестностях г. Новосибирска, существуют не только различные, но и типичные условия и проблемы, которые возникают при их макетировании.

Ключевые слова: русские остроги Сибири, Верхнее Приобье, Умревинский острог, Чаусский острог, макетирование

A.P. Borodovskiy¹
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk)
E.L. Borodovskaya
Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk)
¹altaicenter2011@gmail.com

Modeling Issues Related to the Russian Ostrogs near Novosibirsk

Abstract

Authentic prototype reproduction of the Siberian Ostrogs and creation of their proper models is quite a difficult task. The wide-spread opinion implying opposition of different types of historic written and archeological sources is incorrect from the methodical and practical points of view. Another important point is careful selection and verification of sources serving as a basis for modeling. It is noteworthy that written sources are not also perfect and unambiguous in this respect. Archeologists face inconsistencies and contradictions of excavation data and written evidence too often. It is in the course of careful verification and selection of facts from these sources that one can create the most adequate reconstruction units and subsequent authentic models of the Ostrogs. Besides, those Ostrogs located near the city of Novosibirsk (Umrevinsky, Chaussky, and Berdsky) are characterized by different "start capacities" of their source base for modeling. In particular, only the drawing of the Chaussky Ostrog has been preserved until now while there are only asynchronical and controversial descriptions of the Umrevinsky and Berdsky Ostrogs. However, taken into account the number of construction periods and the nature of the Umrevinsky Ostrog, revealed during years of archaeological research, it is possible to create a series of mock-ups. Therefore, a number of the Ostrogs located near the city of Novosibirsk are characterized not only by different but also by typical conditions and problems occurring during their modeling.

Key words: Russian Siberian ostrogs, Upper Ob River, Umrevinskiy Ostrog, Chauskoy Ostrog, prototyping

Процесс возведения русских острогов начала XVIII столетия на севере Верхнего Приобья вполне заслуженно может рассматриваться как локальное проявление антропологии движения в Северной Евразии в эпоху раннего Нового времени. В широком историческом контексте факты строительства Умревинского (1703 г.), Чаусского (1713 г.) и Бердского (1716 г.) острогов органически включены в глобальный процесс освоения обширных пространств Сибири и Дальнего Востока, предпосылки для которого были заложены еще в XVI—XVII столетиях. В частности, возведение Томского острога (1604 г.), а затем, спустя восемьдесят лет, Уртамского острога (1684 г.) на различных берегах р. Оби с явным направлением вектора освоения на юг («полуденную сторону») практически определило на всю первую половину XVIII в. антропологию движения русской многонациональной культуры на Верхней Оби, вплоть до ее непосредственного соприкосновения с центрально-азиатской культурной традицией [Головнев, 2009].

Анализируя особенности пространственного расположения упомянутых выше острогов, можно сделать вывод, что они возводились по так называемой шахматной схеме (ил. 1). Она заключалась в следующем: более ранние остроги на севере (выше по течению) сооружались на одном берегу, а более поздние возводились южнее (ниже по течению) уже на противоположном побережье р. Оби. Такой порядок не менялся с конца XVII по начало XVIII столетия, вплоть до полного исчезновения традиции строительства русских острогов в Сибири. Следует подчеркнуть, что европейская фортификационная техника в этом обширном регионе окончательно утверждается не ранее конца первой четверти XVIII в., создавая предпосылки для формирования уже нескольких поясов Сибирских оборонительных линий (Иртышской — 1745—1752 гг., Тобольско-Ишимской — 1752—1755 гг., Колывано-Кузнецкой — 1747—1768 гг.).

Не менее важно, что у русских острогов и форпостов в Сибири отчетливо проявляются существенные пространственные отличия в их размещении. Остроги, связанные с древнерусской оборонительной традицией, сформировавшейся в Восточной Европе еще в эпоху Средневековья, как правило, распространялись с севера на юг, от верхнего течения реки к нижнему. Форпосты как четкий признак проникновения в Сибирь принципов европейской фортификации сооружались по линиям с северо-запада на юго-восток с пересечением целого ряда водных преград.

С хронологической точки зрения можно отметить существенное увеличение темпов и динамики движения в контексте возведения русских острогов на севере Верхнего Приобья в XVII и начале XVIII столетий. Если в первый период (XVII в.) Томский и Уртамский остроги возводились со значительными временными промежутками (до 80 лет), то во второй период (XVIII в.) объекты фортификации возводились с небольшими промежутками времени (1703—1713 гг. — Умревинский, Чаусский остроги) или синхронно (Бердский, Крутишинский, Белоярский — 1716—1717 гг.). Такие тенденции в строительстве, кроме связей с усложнением военно-политической ситуации на юге Западной Сибири и возрастанием мощи Российского государства, и существенным из-

менением сибирской транспортной «инфраструктуры», еще были объективно связаны с феноменом «ускорения времени», отчетливо проявившегося с самого начала новой эпохи [Ясперс, 1991].

Сооружение русских острогов в Сибири, по данным письменных источников, относящихся к раннему Новому времени (XVII — начало XVIII в.), представляло собой сложившийся алгоритм, частью которого являлось не только описание и чертеж объекта, но и в некоторых исключительных случаях (Албазинский острог) сооружение их макетов [Артемьев, 1999; Трухин, 2016]. Не сохранившаяся во многих случаях документация и ее возможное натурное воспроизведение (макет) не только является проблемой полноты корпуса источников, но и мотивацией, а также критерием для создания их современных прототипов «в миниатюре».

В архитектурно-планировочном отношении сибирские остроги представляли собой различные варианты четырехугольников [Баландин, 1974], вытянутых вдоль берега реки, как правило, с севера на юг. Для организации обороны и наиболее рационального раздела земли внутри острога прямоугольная форма была удобна. При этом очертания острогов учитывали рельеф местности. Оборонительные линии на отдельных участках острогов могли искривляться, приспосабливаясь к ландшафту [Градостроительство..., 1994, с. 30—35; Черная, 2002, с. 151]. Поэтому не случайно, что в плане Умревинский острог, по материалам топографической съемки 2002 г., не отличается правильностью геометрической формы (ил. 2). При этом следует подчеркнуть, что современные визуальные рельефные очертания «руин» Умревинского острога более всего соответствуют границам более позднего кладбища, расположившегося на его площади после окончания функционирования его как фортификационного объекта. Тем не менее такую не совсем «геометрическую особенность» оборонительных сооружений в полной мере подтвердили и продолжающиеся археологические раскопки Умревинского острога. Благодаря этим многолетним и систематическим исследованиям удалось не только выявить острожный ров XVIII столетия, но и установить, что линия южной тыновой канавки имеет далеко не идеально прямые очертания, а существенно отклоняется от своей оси. Наиболее явно такая особенность представлена для тыновой стены после проема южного въезда в западном направлении, вглубь обской террасы.

Не менее важным фактором для острогов являлось то обстоятельство, что их недолговечные деревянные оборонительные сооружения со временем нуждались в систематических ремонтных работах. Каждые 5—10 лет проводили поддерживающий ремонт тесовых покрытий. Мелкие текущие ремонты острогов выполняли в среднем через 29 лет [Варфоломеев, Шаповалова, 1991]. В этой связи очень показательным замечание Д.Г. Мессершмидта, высказанное в своем путевом описании (1722 г.), сделанном спустя 19 лет после основания Умревинского острога, что он был к тому времени частично разрушен [Messerschmidt, 1962, с. 78—79]. По прошествии еще 16 лет плачевное состояние деревянных оборонительных укреплений Умревинского острога было вновь отмечено в путевом дневнике за 1741 г.

академика И.Г. Гмелина. В этом письменном источнике указано, что «в 1738 году он (Умревинский острог — А.Б., Е.Б.) уже так развалился, что по приказу томской канцелярии от 20 июля того же года его следует почти весь заново построить» (перевод С.В. Горохова) [Gmelin, 1752, с. 78].

Поэтому очевидно, что уже в первой трети XVIII в. был необходим, а в дальнейшем и производился какой-то ремонт этих острожных укреплений. В первой четверти XVIII столетия, по данным письменных источников (реестр 1743 г.), ремонт деревянных оборонительных сооружений производился и в Чаусском остроге [Молодин, Бородовский, Троицкая, 1996, с. 159].

Другой проблемный вопрос заключается в том, какое количество башен было у Умревинского острога как в различные временные и строительные периоды, так и в определенный момент его существования. Подчеркнем, что данные очевидцев (И.Г. Гмелин) и описаний, основанных на заочных данных (включая данные анкет), представленных академиком Г.Ф. Миллером для первой четверти XVIII столетия для Умревинского острога, явно не совпадают. В частности, И.Г. Гмелин в своем путевом описании за 4 июня 1741 г. вообще не упоминает о наличии и количестве деревянных рубленых башен в этом остроге. В его дневнике в отношении Умревинского острога приведена только следующая характеристика: «он имеет обыкновенные укрепления вокруг себя — надолбы и рогатки» (перевод С.В. Горохова) [Gmelin, 1752, с. 77].

В связи с этим актуален вопрос: сколько башен, по письменным источникам, было у Умревинского острога в 30—40-е гг. XVIII столетия? Можно привести несколько различных ответов. Один из них дает Г.Ф. Миллер в своем «заочном» описании Умревинского острога за 1734 г. [Элерт, 1988]. Тогда острог якобы «состоял из четырехугольного палисада (тына) с двумя башнями». Именно на основании этой характеристики в конце 80-х гг. XX в. была выполнена одна из первых графических реконструкций Умревинского острога, опубликованная в книге Д.Я. Резуна и Р.С. Васильевского «Летопись сибирских городов» [1989]. Однако в анкете, составленной в Чаусском остроге 10 июня 1741 г. и привезенной И.Г. Гмелиным Г.Ф. Миллеру в г. Томск, указывалось, что башня была одна.

Не менее интригующей была история археологических поисков башен на Умревинском остроге. В частности, во время съемки территории острога в начале 1990-х гг. С.В. Колонцовым за основание еще одной угловой башни была принята западина овальных очертаний, находящаяся во внутреннем, северо-восточном углу земляных укреплений (ров, вал). Рекогносцировочные исследования А.В. Шаповалова в 2000 г. на этом участке не подтвердили это предположение [Бородовский, Горохов, 2009]. Это, по мнению авторов настоящей публикации, произошло вполне закономерно, поскольку, исходя из конструктивных особенностей деревянных рубленых острожных башен, они вряд ли могли иметь под своим основанием углубление. Если уж башни и имели какие-то рельефные признаки, то это должны быть возвышения или всхолмления. Такая особенность была прослежена при исследовании Алазейского

острога [Алексеев, 1996, с. 20, рис. 4]. На второй графической реконструкции Умревинского острога, выполненной А.В. Шаповаловым и Б.А. Осиповым, не менее непонятной была и ситуация с северо-западной угловой башней. Дело в том, что в полевом отчете А.В. Шаповалова 2000 г. на этом участке фактически не было зафиксировано остатков угловой башни. Был выявлен только ряд полубревен, углубленных в канавку и примыкающих под прямым углом к тыновой стене. А.В. Шаповалов интерпретировал этот конструктивный элемент не как часть башни, а как укрепление внешнего угла тына. Тем не менее, судя по сходным особенностям канавок со свайно-столбчатым фундаментом противоположной, юго-западной угловой набережной башни Умревинского острога, выявленным в ходе раскопок 2002 г. А.П. Бородовским, этот конструктивный элемент вполне мог быть сохранившимся фрагментом основания северо-западной башни [Бородовский, Горохов, 2009]. К сожалению, в дальнейшем указанные выше неточности, допущенные при реконструкции, были воспроизведены в 3D-модели Умревинского острога (ил. 3). Они повлияли на некорректность воспроизведения не только общей планиграфии Умревинского острога, но и пропорций его оборонительных сооружений — башен (ил. 4), а также конструкции помостов у тына.

К настоящему времени у Умревинского острога, по результатам археологических исследований, достоверно прослежено существование фундамента только одной башни (юго-западной) и еще, фрагментарно, — северо-западной угловой башни (ил. 2). Если еще одна (юго-восточная) башня и была сооружена на остроге, то это нуждается в своем археологическом выявлении. Следует еще отметить, что на более поздней виртуальной реконструкции Умревинского острога были также воспроизведены все неточности, отмеченные для графической реконструкции А.В. Шаповалова и Б.А. Осипова. В дополнение к ранее подмеченным неточностям следует обратить внимание на несоответствие пропорций и высотности башен острога в сравнении с выявленными археологически их конструктивными особенностями, а также совершенно другой формы острожного помоста. Эта форма явно безосновательно заимствована из Саянского острога, тогда как для Умревинского острога, судя по археологическим исследованиям южного и западного тына, форма была не «угловой», а «прямой», расположенной параллельно линии тыновых стен.

Необходимо подчеркнуть, что, по данным археологических раскопок, для Умревинского острога уже можно проследить несколько строительных периодов (ил. 2). Первый из них относится к самому началу XVIII столетия, когда были возведены подквадратные тыновые укрепления, окруженные рвом и невысоким бруствером (шириной до 1 м). Затем, в конце первой трети XVIII в., на углах (юго-западном и северо-западном) вдоль реки возводятся башни. К середине XVIII столетия оборонительные укрепления постепенно приходят в негодность, а на территории острога на рубеже XVIII—XIX вв. начинает формироваться некрополь. К концу XIX столетия наиболее поздний край погребального комплекса занимает северо-западную часть острога. На этом участке более глубокий ров и высокий кладбищен-

ский вал перекрывает тынины, а поздний ров срезает значительную часть свайно-столбчатого фундамента северо-западной угловой башни Умревинского острога.

Судя по хронологии захоронений Умревинского некрополя, основывающейся на особенностях нагробных крестов и внутримогильных деревянных конструкций — колод, гробов, наиболее ранней частью некрополя является юго-западный край внутренней площадки острога. Здесь стали формироваться целые комплексы ярусных захоронений, довольно часто перерезающих западный тын. Аналогичная ситуация была прослежена во время археологических исследований Красноярского острога [Тарасов, 2003]. Все эти факты явно свидетельствуют о том, что в конце XVIII столетия западный тын в качестве единого оборонительного сооружения уже не существовал. Значительная часть тыновин вообще не сохранилась в тыновой канавке, а была, очевидно, удалена при сооружении некрополя.

Планиграфические особенности некрополя на Умревинском остроге позволяют реконструировать последовательность его формирования. Кладбище складывалось на территории укреплений острога по прошествии 30—50 лет после его запустения, что подтверждается стратиграфически на примере исследованных фортификационных сооружений юго-западной части острога, датированных в пределах первой трети — середины XVIII в. В частности, некоторые погребения перерезают в юго-западной части острога ранее существовавшее тыновое укрепление, перекрывают вход в юго-западную башню, а также приказную избу в центре, тогда как на южном краю острожных укреплений часть могил непосредственно была размещена в тыновой канавке даже без удаления не мешавших сооружению могилы тыновин. Кроме того, на всей изученной территории горизонт, с которого выкапывались могильные ямы, перекрывает культурный слой XVIII в., что четко прослеживается по стратиграфии. Вероятно, в качестве кладбищенских участков в XIX в. были использованы ров и вал острога. С юга, востока и севера ров был подновлен, и новый выкид из него перекрыл на северо-западном участке остатки тыновин.

В связи с этим особой проблемой является локализация некрополя, действовавшего во время функционирования Умревинского острога на протяжении XVIII в., с начала основания этого оборонительного и административного пункта Верхнего Приобья. При этом следует упомянуть варианты расположения кладбищ в некоторых сибирских острогах и форпостах. Для ряда этих оборонительных пунктов характерно размещение некрополя внутри в южном, западном или юго-западном секторах. Например, в Илимском остроге некрополь складывался на западном участке внутри его укреплений, в Красноярском остроге — на юго-западном углу укрепленного посада, в Зашиверском остроге — за пределами острога, вдоль южной его стороны, рядом со стеной церкви. Тем не менее во всех случаях необходимо учитывать конкретные причины возникновения некрополей в этих острогах. В частности, на Албазинском остроге расположение в центральной части острога явно связано с ожесточенным военным противостоянием во время его осады и последующим оставлением в

течение короткого промежутка времени. Другая ситуация характерна для Илимского и Красноярского острогов. В мирное время кладбища формируются в течение длительного периода вдоль западной стороны тыновых стен — в Илимском остроге и юго-западной — в Красноярском остроге. На Красноярском остроге, так же и как на Умревинском, зафиксированы и случаи перерезания погребениями оборонительных сооружений, что является свидетельством продолжения функционирования кладбища на старом месте после прекращения использования оборонительных сооружений. Погребения на южной стороне Зашиверского острога около южной стены церкви, судя по обнаруженной «во втором нижнем венце восточной стены трапезной» монете 1746 г. [Окладников, Гоголев и др., 1977], были совершены в период, когда церковь действовала уже на протяжении почти полувекового отрезка времени, и острог все еще функционировал. Скорее всего, на Умревинском остроге кладбище первоначально располагалось за его пределами. Это соответствует варианту расположения некрополя, связанного с острогом, прослеженному по материалам Зашиверского острога (Якутия), а также Верх-Алейского форпоста (Верхнее Приобье).

Таким образом, достоверное натурное восстановление даже достаточно документированного по письменным и археологическим источникам Умревинского острога и создание его адекватного макета — достаточно непростая задача. К сожалению, слишком часто при решении такой проблемы в спешке создаются далекие от истины реконструкции, которые затем «красуются» в музейных экспозициях (ил. 5). Прежде всего здесь следует придерживаться не фантазий, а фактов. Не меньшее значение имеет их тщательный отбор и проверка. Подчеркнем, что и письменные источники в этом вопросе далеко не безупречны и неоднозначны. Археологи слишком часто сталкиваются с несоответствиями и противоречиями данных раскопок и письменных свидетельств. В частности, для Томского кремля очевидно разночтение в количестве башен в различных описаниях XVII в. [Черная, 2002, с. 83]. В отношении Умревинского острога это справедливо вдвойне, поскольку достоверных письменных источников по этому памятнику фактически не сохранилось, а известные описания не только скудны, но и противоречивы, чтобы получить более или менее полное впечатление об этом оборонительном сооружении даже для определенного временного периода.

Кроме того, надо отчетливо представлять, что острог как деревянное оборонительное сооружение с момента своего возведения до запустения многократно перестраивался, переносился или разрушался. Все эти факторы отчетливо обозначают другой вопрос — как выглядели сооружения острога в конкретный исторический и строительный период его существования. Достаточно достоверным способом реконструкции острогов является детальное проследование расположения отдельных плах, бревен, досок, что в ходе археологических исследований деревянных оборонительных сооружений острога крайне важно для их дальнейших реконструкций [Молодин, 1980, с. 137]. Категоричное мнение В.Н. Курилова, где противопоставляются различные виды исто-

рических источников, о том, что реконструкции, основанные на археологических или графических материалах, гипотетичны, а памятники письменности дают довольно обширную, и главное, достоверную информацию [Курилов, 1989, с. 87] по истории первого этапа сибирской деревянной архитектуры, методически и фактически неверно [Черная, 2002, с. 131].

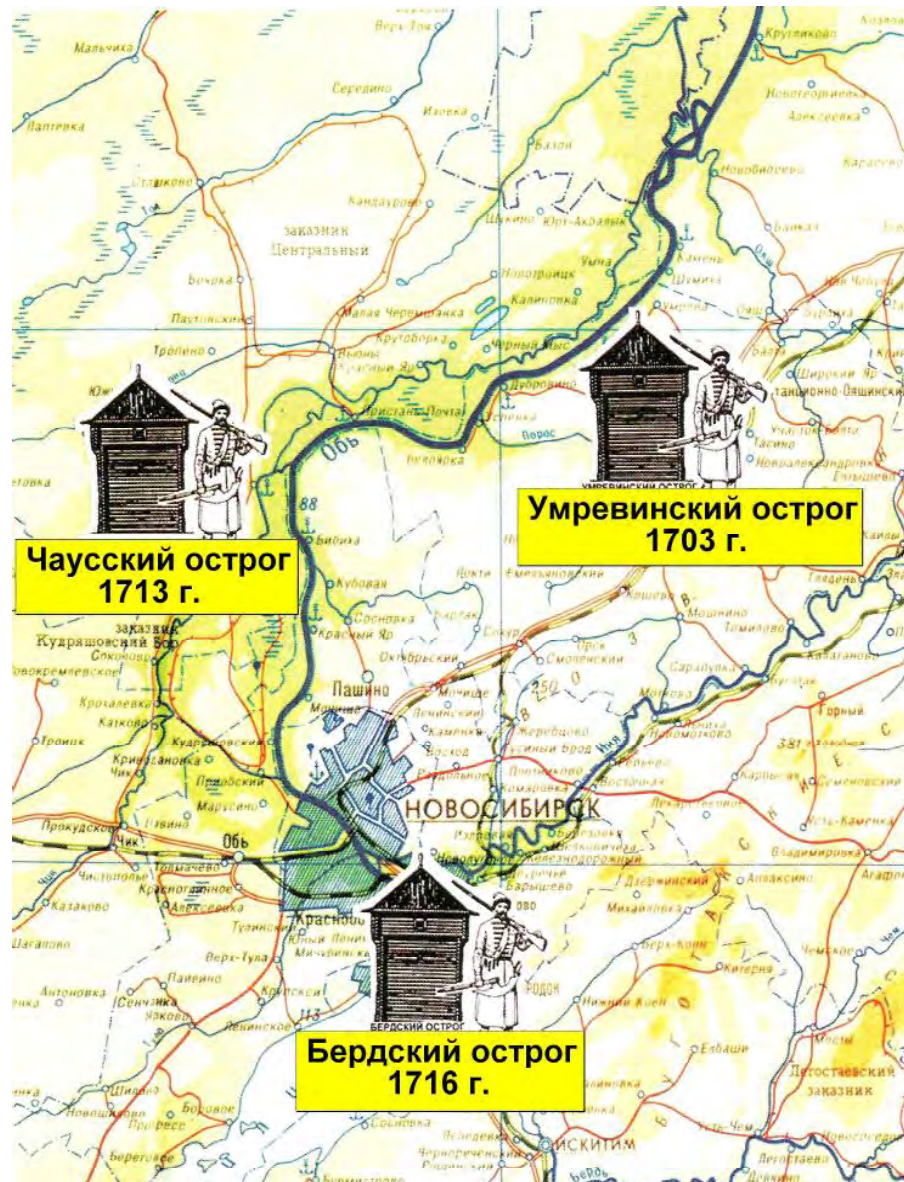
В такой ситуации очевиден один выход — различные виды источников (письменные, археологические) должны дополнять друг друга. Именно в процессе тщательной проверки и отбора фактов из этих источников и могут появиться наиболее адекватные реконструкции.

Учитывая количество строительных периодов и характер функционирования Умревинского острога, возможно создание трех макетов или последовательных 3D-моделей. Первый макет (модель) будет отражать начальный период строительства острога (начало XVIII в.), когда он представлял подквадратное оборонительное сооружение из тыновин. Второй макет уже будет отражать время функционирования Умревинского острога как оборонительного, административного и культурного центра севера Верхнего Приобья (первая половина XVIII столетия), когда появляются башни, приказная изба и церковь Трех Святителей). Третий заключительный макет уже будет соответствовать периоду потери значения Умревинского острога, обветшанию его деревянных оборонительных сооружений, превращению его основной площади в Умревинский погост (конец XVIII—XIX, XX вв.).

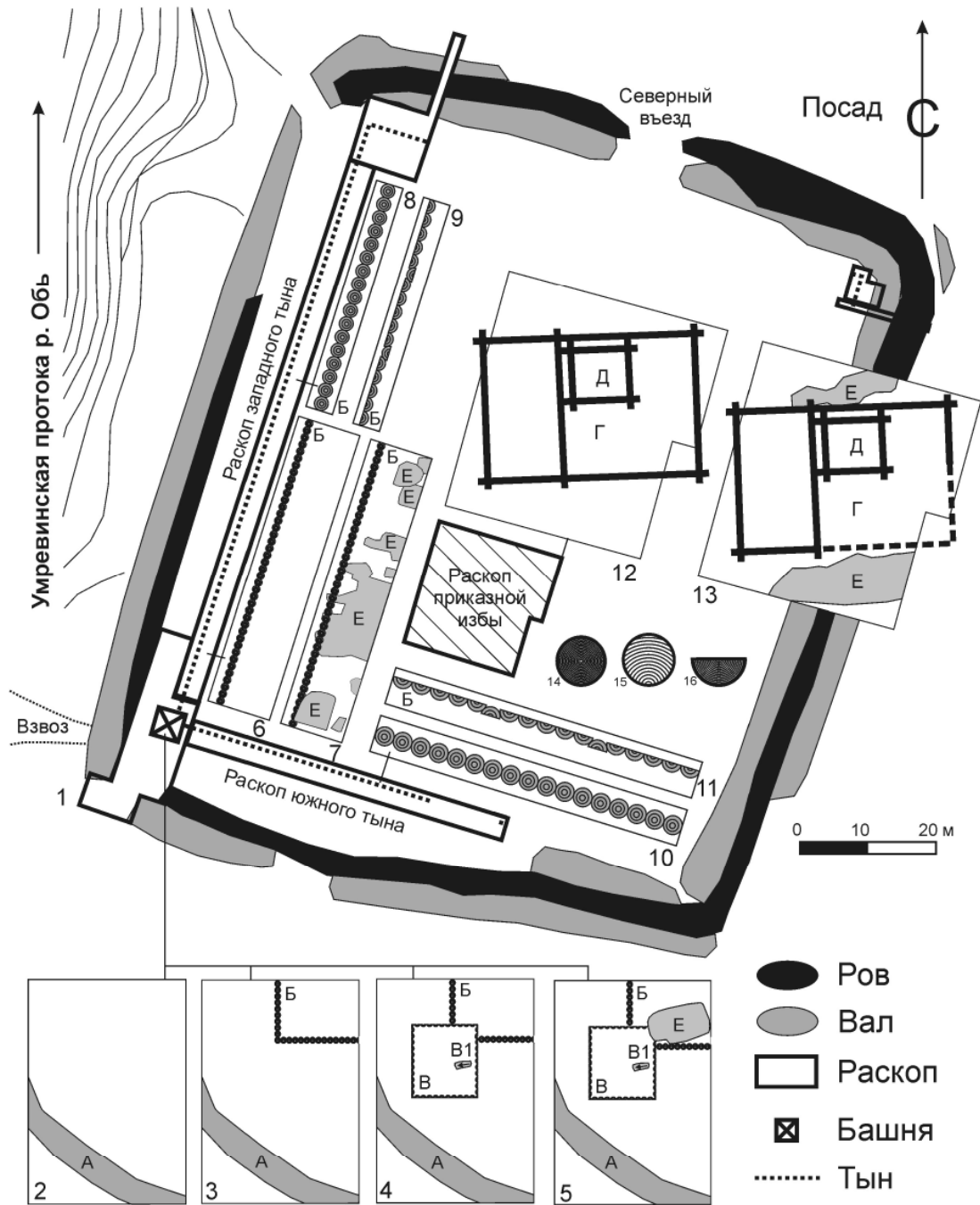
Таким образом, для целого ряда острогов (Умревинского, Чаусского и Бердского), располагавшихся в окрестностях современного Новосибирска, существуют не только различные, но и типичные условия и проблемы, которые возникают при их макетировании (моделировании), характерные для большинства русских острогов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Алексеев А.Н. Первые русские поселения XVII—XVIII вв. на северо-востоке Якутии. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. — 152 с.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII—XVIII вв. — Владивосток: [б. и.], 1999. — 336 с.
3. Баландин С.Н. Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). — Новосибирск: Изд-во «Наука», Сиб. отд-ние, 1974. — С. 7—37.
4. Бородавский А.П., Бородавская Е.Л. Русские остроги XVIII века на территории Новосибирской области. — Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 2003. — 42 с.
5. Бородавский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог (археологические исследования 2002—2009 гг.). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. — 242 с.
6. Варфоломеев Ю.А., Шаповалова Л.Г. Обеспечение долговечности памятников деревянного зодчества при эксплуатации // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского севера. — Петрозаводск: [б. и.], 1991. — С. 150—155.
7. Головнёв А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). — Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН; Волот, 2009. — 496 с.
8. Градостроительство Московского государства XVI—XVII вв. — М.: Стройиздат, 1994. — 317 с.
9. Курилов В.Н. Из истории шатрового зодчества в Сибири XVII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 87—94.
10. Молодин В.И. Археологическая разведка по реке Казым // Историко-архитектурный музей под открытым небом. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 127—140.
11. Молодин В.И., Бородавский А.П., Троицкая Т.Н. Археологические памятники Кольванского района Новосибирской области. — Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма РАН, 1996. — 192 с.
12. Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: Древнерусский заполярный город. — М.: Наука, 1977. — 211 с.
13. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1989. — 304 с.
14. Тарасов А.Ю. История изучения Красноярского острога // Древности Приенисейской Сибири.— Красноярск: ред.-изд. отд. Краснояр. гос. пед ун-та, 2003. — Вып. 2. — С. 78—81.
15. Трухин В.И. Албазинский острог на картах С.У. Ремезова // Дальний Восток на перекрестке культур. — Хабаровск: Изд-во Дальневост. гос. ун-та путей сообщ., 2016. — С. 114—119.
16. Черная М.П. Томский кремль середины XVII—XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. — 187 с.
17. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. — Новосибирск: Наука, 1988. — С. 59—101.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.
19. Gmelin J.G. Reise durch Sibirien, von dem Jahr 1740 bis 1743. — Göttingen: verlegt Abram Vandenhoecks seel. Wittwe, 1752. — 700 с.
20. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien 1720—1727. T. 1: Tagebuchaufzeichnungen, 1721—1722. — Berlin: Akademie-Verlag, 1962. — 380 с.

Ил. 1. Картография расположения острогов XVIII столетия в окрестностях г. Новосибирска. Схема авторов

Ил. 2 Строительные периоды Умревинского острога по данным археологических исследований 2002—2016 гг. (А.П. Бородавский, С.В. Горохов): 1 — общая планиграфия острога; 2 — ров; 3 — ров и угол тына первого строительного периода острога; 4 — ров и угловая башня второго строительного периода острога; 5 — захоронения на месте угловой юго-западной набережной башни; 6 — западный тын как фортификационное сооружение; 7 — остатки западного тына как край Умревинского некрополя; 8, 10 — тыновины первого строительного периода острога; 9, 11 — тыновины второго строительного периода острога; 12 — приказная изба в центральной части острога; 13 — руины приказной избы после пожара и сооружения некрополя внутри острога; А — ров; Б — тын; В — угловая юго-западная башня; В1 — закладное погребение под башней; Г — сруб приказной избы; Д — опечек; Е — погребения

Ил. 3. 3D-модель Умревинского острога (производство SofLab-NSK): 1 — северо-западный край острога; 2 — юго-западный край острога

Ил. 4. Несоответствие пропорций башен Умревинского острога на его 3D-модели (производство SofLab-NSK) (1) и натурной реконструкции (2003 г., снимок А.П. Бородавского), выполненной на основании археологических исследований (2002 г.) (2)

Ил. 5. Макет Чаусского острога (Кольванский краеведческий музей). 1 — общий вид острога; 2 — внутренняя планировка острога

А.Ю. Бухвалова¹, А.И. Клюкина
Тюменский индустриальный университет (Тюмень)
¹A.LOMAKINA-26@ya.ru

История градостроительства города Тюмени и современные проблемы сохранения исторической планировки

Аннотация

В статье на примере Тюмени рассматриваются проблемы сохранения исторической планировки города. Показывается, как во времени формировалась структура города, от чего она зависела и что сохранилось на сегодняшний день. Рассматриваются противоречия между исторической планировкой и современной потребностью города в росте и увеличении транспортных пространств. В работе на примерах показано, что там, где параметры современной застройки соответствуют исторической планировке, сохраняется более высокий уровень комфорта среды. Там, где она разрушается, образуются очаги пространственного хаоса. Жители и особенно гости этих территорий демонстрируют признаки дезориентации в городском пространстве и утрачивают чувство идентичности городу. Также рассматривается вопрос о необходимости сохранения уникального, неповторимого образа города, сложившегося в прошлых столетиях.

Ключевые слова: историческая планировка, планировочная структура города, этапы формирования, историческое ядро, параметры городского квартала, деревянная застройка, капитальная застройка, Тюмень

A.Y. Bukhvalova¹, A.I. Klukina
Tyumen Industrial University (Tyumen)
¹A.LOMAKINA-26@ya.ru

The History of Urban Development of Tyumen and Contemporary Issues of Preserving the Historical City Plan

Abstract

Taken Tyumen for an example, the article deals with issues of preserving the historical city planning. It demonstrates the way how the city structure was formed, what it was depended on and what has survived to nowadays. The contradictions between the historical planning and the modern need of the city for growth and for increase of transport spaces are considered. The examples given in the article show that where the parameters of modern development correspond to the historical layout, a higher level of comfort of the environment is preserved. Where it collapses, sites of spatial chaos are formed. Residents and, especially, guests of these territories lose orientation in the urban space and their sense of city identity. The issue of the necessity of preservation the unique image of the city developed in the past centuries is also being considered.

Key words: historical city planning, planning structure of the city, stages of formation, the historical core, parameters of the urban quarter, wooden buildings, major construction, Tyumen

Большой проблемой нашего времени является сохранение архитектурно-средового наследия. Однако историческая, традиционная застройка не всегда способна удовлетворить современным требованиям как в части функциональной организации, так и в части соответствия типов и размеров планировочной структуры. Город развивается и неизбежно растет в высоту, меняются масштабы кварталов, зданий, меняется их назначение. Историческая среда постепенно исчезает. Возникает проблема сохранения исторической планировки города, чтобы с ней сохранить его историю, а вместе с тем и уникальность и неповторимость каждого города.

Рассмотрим эту проблему на примере исторической части Тюмени.

Для этого сначала обратимся к истории форми-

рования ее планировочной структуры и выделим этапы градостроительного становления.

Первый этап: XVI — начало XVII в.

В начале XVI в. начинается присоединение Сибири к Российскому государству, и в 1586 г., после похода казацкого отряда во главе с Ермаком на Сибирь, на месте будущего города Тюмени была основана деревянная крепость. Таким образом, Тюмень стала первым городом Сибири, позднее появились такие города-крепости, как Тобольск, Пельым, Березов, Сургут, Верхотурье, Мангазея, Томск, Кузнецк. Все они были основаны согласно традициям градостроительства, сложившимся в центральной части России, в соответствии с которыми поселение должно было размещаться на сухом возвышенном месте в устье реки, желательно на пересечении сухопутных

и водных путей [Оглы, 1980, с. 63]. В Тюмени это было устье р. Тюменки, впадающей в судоходную р. Туру, по которой сюда и приплыл Ермак. Возле острога — деревянной крепости — начали селиться люди, сформировалась территория посада. В конце XVI в. царь Борис Годунов разрешает бухарцам беспешинно торговать и оставаться жить на территории посада. Они начинают селиться на другом берегу р. Туры. Позднее там образуется Бухарская слобода (территория современной Зареки). Бабинская дорога соединяла Сибирь с европейской частью России. По ней перевозили государственные грузы и документы. В начале XVII в. вдоль нее, за р. Тюменкой, селятся семьи ямщиков. Они положили начало формированию Ямской слободы.

Так на тот период постепенно сложилась планировочная структура города, состоящая из городского ядра — острога, посада, Ямской и Бухарской слобод, мужского и женского монастырей [Заварихин, Жученко, 2004, с. 21].

Второй этап: середина XVII — начало XVIII в.

В XVII в. завершается процесс присоединения сибирских земель к Российскому государству. Такие города, как Тюмень, Тобольск, Томск, Енисейск, Верхотурье, развиваются как места судостроения, пункты перевалки товаров. Города растут благодаря своему удачному расположению вдоль рек. Тюмень занимает очень выгодное месторасположение, находится на пересечении важных сухопутных (Московско-Сибирский тракт) и водных путей (р. Тура) [Оглы, 1980, с. 28].

В этот период план города начинает приобретать регулярную структуру, геометрически правиль-

ные черты. В это время главной городской улицей становится ул. Спасская (современная ул. Ленина), которая стала основной композиционной осью, определившей дальнейшее развитие планировочной структуры города. Перпендикулярные ей улицы — кратчайшие расстояния между р. Тура и речкой Тюменкой (ил. 1) [Заварихин, Жученко, 2004, с. 25—26].

Третий этап: середина и конец XVIII в.

В XVIII в. Тюмень, Тобольск, Томск и другие города Сибири приобретают статус административно-политических, торгово-ремесленных и культурных центров. В конце XVIII в. Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы по указу Екатерины II проводит мероприятия по регулированию городской застройки, а также занимается составлением регулярных планов городов. Появляется новый план города (ил. 2), но большая часть застройки все еще остается деревянной.

Четвертый этап: XIX в.

В это период Тюмень, благодаря основанию инженером Р.К. Гуллетом первого в Сибири машиностроительного и литейного завода, становится крупнейшим в Сибири центром судостроения [Копылов, 1998]. Это дает новый толчок развитию и росту города. Наблюдается активный рост численности населения (табл. 1). Ведется активное каменное строительство. Более жестко закрепляется планировочная структура кварталов, но масштабность города не меняется, пропорции зданий остаются прежними, соразмерными человеку.

Таблица 1

Рост населения города Тюмени до 1917 г. (тыс. человек)

(по: [Оглы, 1980, с. 63; Заварихин, Жученко, 2004, с. 13, 24])

Год	1596	1713	1736	1771	1851	1875	1897	1910	1917
Население	0,3	-	-	-	2,7	20,0	29,6	50,0	54,0

Вторым толчком для развития города на данном этапе становится прокладка Уральской горнозаводской железной дороги, связывающей Пермь с Екатеринбургом. Сибирский тракт, являющийся на тот период единственным путем через Урал в Сибирь, не справлялся с увеличившимся товарооборотом и торговлей. В 1885 г. было построено продолжение Уральской горнозаводской дороги на Тюмень. После открытия движения по данному направлению Тюмень становится крупным перевалочным центром, а с открытием движения по железной дороге Екатеринбург—Челябинск грузы из Тюмени начали поставляться в районы центральной России, в частности в Москву и Санкт-Петербург. Товарооборот возрос в несколько раз. Продолжилось активное каменное строительство. Открываются учебные заведения — реальное училище, девичья школа, Заречное приходское училище, ремесленное и коммерческое училища.

Пятый этап: XX в.

После строительства Транссибирской железной дороги Тюмень оказывается несколько в стороне от

нее и начинается ее постепенный спад в развитии и росте города. Только в 1913 г. Тюмень была присоединена к Транссибирской железной дороге (ил. 3).

В 1918 г. в Тюмени устанавливается советская власть. До конца 1920-х гг. город остается в основном деревянным. Капитальными строятся главным образом производственные здания. Во время Великой Отечественной войны в Тюмень было перенесено большое количество заводов из центральной части России, что сопровождалось быстрым приростом населения и строительством еще большего числа деревянных зданий.

Послевоенное строительство начинается с реконструкции старых промышленных предприятий. Начинается строительство новых заводов. К концу 1950-х гг. наблюдается резкий рост населения (табл. 2), что влечет за собой развитие массового типового строительства. Город меняется достаточно хаотично, прирастая в юго-восточном направлении. Это было связано с отсутствием регламентирующих документов. Генеральный план развития города появляется лишь в 1969 г. (ил. 4). Тогда же проводит-

ся частичная реконструкция исторического центра города. Новые кварталы были построены с учетом этажности и масштабности старых, что позволило сохранить комфортность городской среды на данной

территории. Массовая же типовая застройка носит упрощенный, аскетичный характер [Заварихин, Жученко, 2004, с. 217—221]. Резкий скачок этажности (до 9 этажей) происходит в конце 1970-х гг.

Таблица 2

Рост населения города Тюмени до 1978 г. (тыс. человек)

(по: [Оглы, 1980, с. 238; Заварихин, Жученко, 2004, с. 211, 218])

Год	1926	1939	1959	1970	1979
Население	54,0	79,2	154,0	269,0	359,0

Изучение этапов градостроительного развития Тюмени показало, что за 400-летнюю его летопись первая планировка сохранились почти полностью. На сегодняшний день она определяет историческое ядро, исторический центр города.

В наши дни Тюмень имеет статус административного и делового центра, самого большого нефтегазодобывающего региона. Ее население — около 650 тыс. жителей. Интенсивный рост города сопровождается уплотнением и строительством капитальной многоэтажной застройки. Территория исторического центра также подвержена этому процессу, который порождает угрозу исчезновения сложившейся за годы формирования Тюмени планировочной структуры.

На территории исторического центра начинают появляться многоэтажные дома (до 24 этажей), которые не соответствуют исторической планировке, ломают ее. Негативные процессы связаны и с тем, что значительная часть территории застраивалась деревянными домами, которые сейчас находятся в ветхом состоянии. Многие из них являются памятниками архитектуры. Если под давлением многоэтажной застройки историческая планировка исчезнет, то исчезнут памятники, создающие уникальность, неповторимость, индивидуальность города [Скалкин, 2017, с. 58].

Одним из таких гибнущих районов является Тычковка. В прошлом это район деревянной застройки, живописно расположившийся на богатом рельефе прилегающей к р. Туре территории. Здесь есть архитектурные и исторические памятники, которые еще поддерживают фрагменты исторической планировки, но облик района уже изменился и утратил свою индивидуальность. Мало того, во многом планировочная структура искажена так, что возникла неупорядоченность, планировочный хаос. Попадая в этот район, гости территории теряют ориентацию в городской застройке. У жителей утрачивается чувство идентичности с городом.

В этой ситуации возникает вопросы, как и где сохранять историческую планировочную структуру в городе. В современную эпоху перехода к постиндустриальному периоду развития городов большое значение отводится туристической составляющей экономики городов. Настал период неудовлетворенности жителей качеством городской среды. Появляется все больше проектов по организации пешеходных улиц, пространств, где с помощью ландшафтного дизайна создается более комфортная, очеловечен-

ная среда города. Ставится вопрос качества среды и окружающей ее застройки, которые, в частности, обеспечиваются памятниками истории и культуры и новыми уникальными, украшающими город зданиями. Все это приводит к требованию сохранения исторической планировки прежде всего в рамках исторического центра города. Это единственно место, которое способно полноценно отвечать новым требованиям.

Более приспособленный для пешеходной зоны исторический центр изначально был рассчитан на пешехода. В то время еще не пользовались личным транспортом, лишь иногда повозкой, поэтому размер квартальной ячейки был небольшим, а этажность зданий не превышала 4—5 этажей в капитальной застройке и 2 этажей — в деревянной. Но город растет, и такие параметры этажности на всей территории исторического центра сохранить сложно, да и неразумно.

При четком понимании этой проблемы как раз и можно решить вопрос сохранения архитектурно-средового наследия, если сосредоточиться на сохранении этажности только там, где можно выделить гостевую территорию, отражающую историю города, его узнаваемость, неповторимый облик. На этой территории следует сохранять историческую планировку. В данном контексте под гостевой территорией нужно понимать не только территорию для гостей города, но и пространства для горожан, где они проводят свой культурный досуг, общаются, гуляют по историческим улицам.

В тех случаях, когда историческая планировка не попала в территорию функционирующего городского центра и его гостевой территории, осталась в стороне (Ямская слобода, Бухарская слобода), но в ней имеются скопления архитектурных памятников, следует прибегать к локально организованной исторической городской среде, предназначенной для специального посещения. Тогда гостевая территория выступит ядром сохранения исторической планировки, а локально организованные зоны в других исторических частях города сохраняют ее фрагменты, в лучшем случае ее основную планировочную направленность.

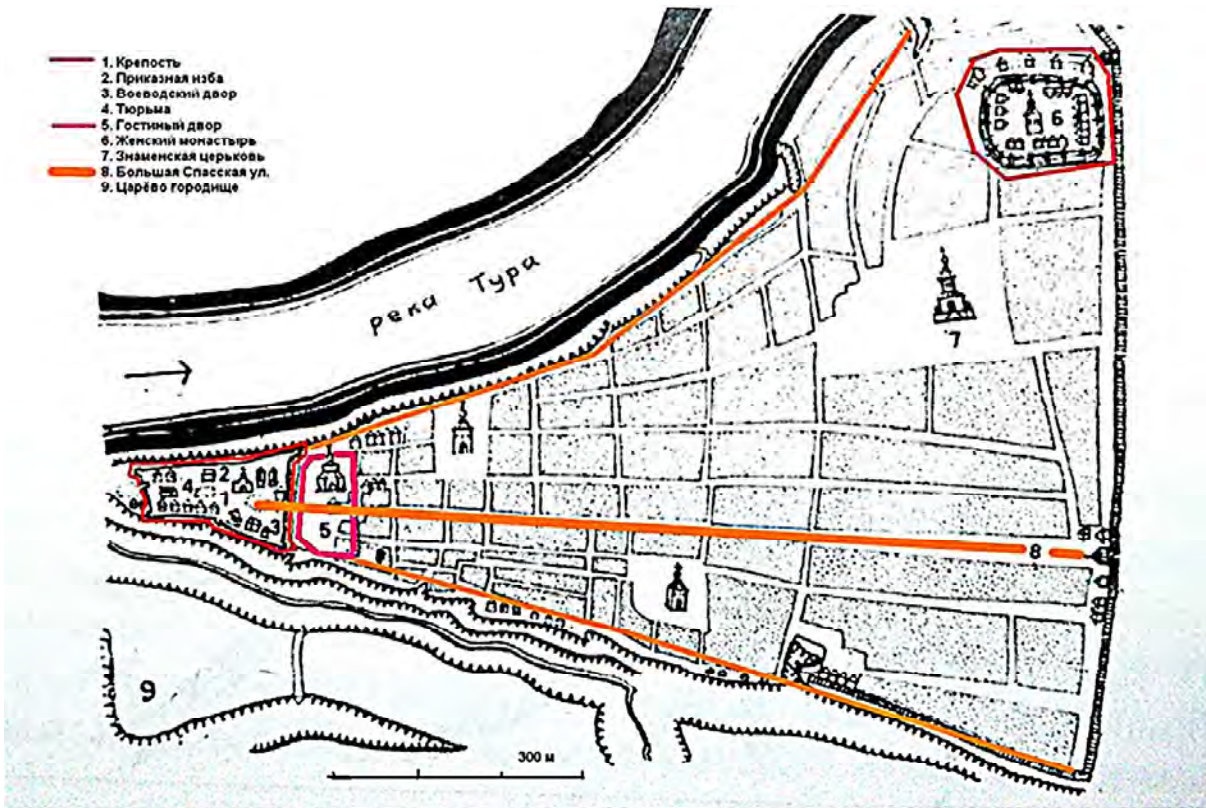
В связи с остротой стоящего вопроса нами был проведен анализ зависимости размеров кварталов, масштабов застройки от ее типа. Под типами застройки понималась деревянная и каменная капитальная застройка. Исследование показало, что параметры планировочной структуры деревянной и

капитальной исторической застройки мало отличаются (ил. 5). Это позволяет говорить о возможной замене деревянной застройки на капитальную. Однако параметры новой капитальной застройки должны соответствовать параметрам исторической. В таком случае историческая планировка может быть сохранена, но результат должен быть увязан со значимостью и ценностью территории.

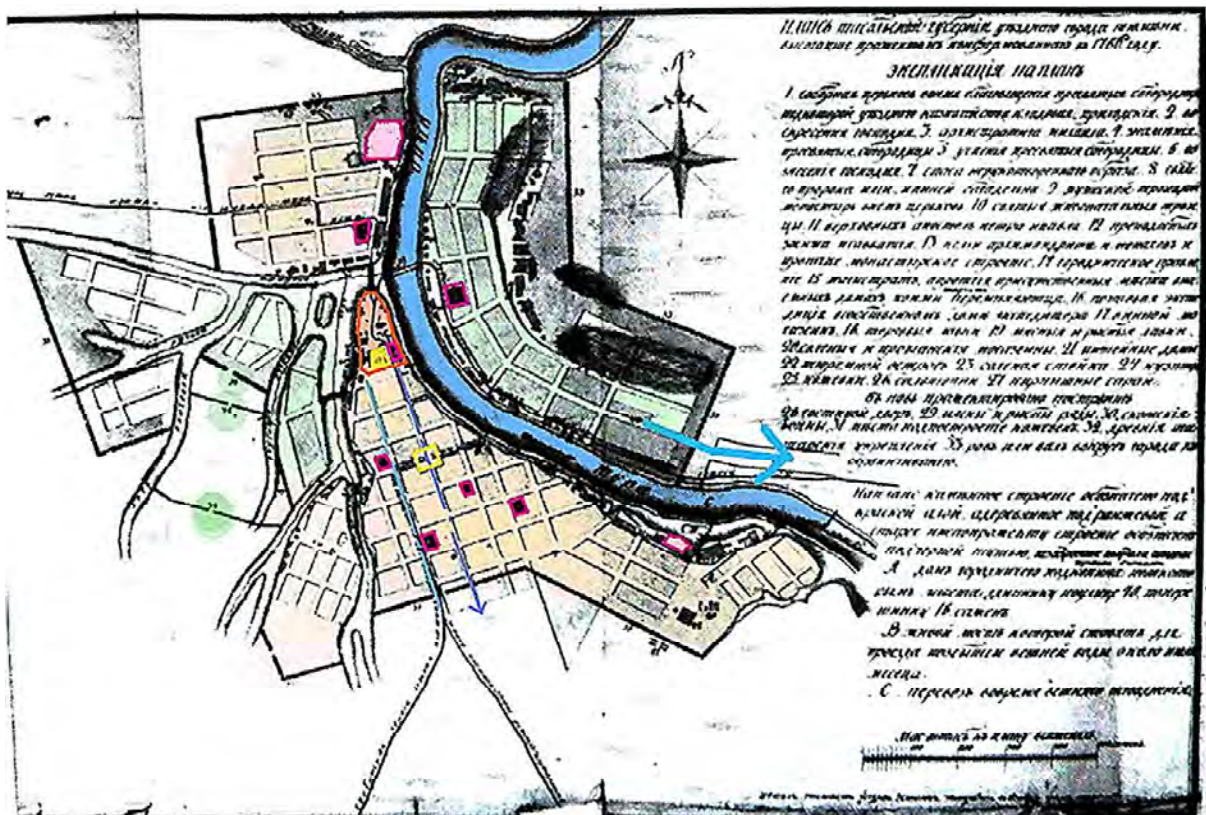
Определение значимости и ценности территории позволяет говорить о том, какую ее часть следует сегодня выделять планировочными средствами, особенно с точки зрения пешеходной доступности. В том случае, когда главным является условие доступности, следует организовать кольцевую систему улиц вокруг ядра исторического центра. Такое кольцо диаметром 1—1,5 км (согласно доктрине Э. Энара «лучеиспускающее ядро города») позволит сделать «непроницаемую» для частного транспорта территорию [Бунин, Саваренская, 1979, с. 241—242]. Вместе с этим уйдут проблемы проездов, парковок и т.д., т.е. все то, что делает среду непешеходной, некомфортной, бесчеловечной. В этом случае открываются возможности сохранения исторической среды, ее планировочной структуры, выполнения условий преемственности.

Список литературы

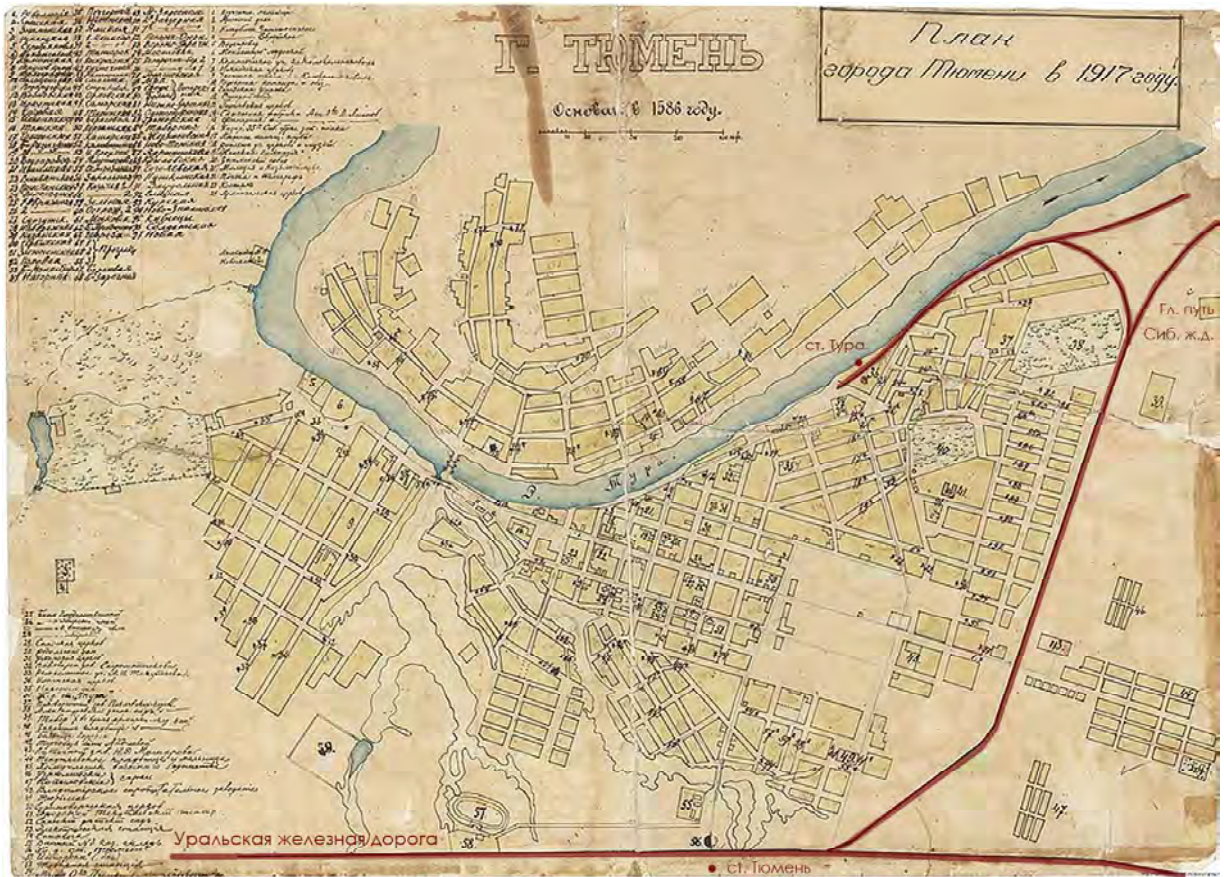
1. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. — М.: Стройиздат, 1979. —Т. 2. Градостроительство XX века в странах капиталистического мира. — 406 с.
2. Заварихин С.П., Жученко Б.А. Архитектура Тюмени. — Тюмень: Изд-во «Радуга-Т», 2004. — 296 с.
3. Копылов В. Завод Гуллета в Тюмени // Лукич. — 1998. — Ч. I. — С. 90—96.
4. Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. — Л.: Стройиздат, Ленингр. отд-ние, 1980. — 272 с.
5. Скалкин А.А. Понятие идентичности и факторы ее формирования // Architecture and Modern Information Technologies. — 2017. — № 4 (41). — С. 57—67 [Электронный ресурс]. — URL: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/05_skalkin/index.php (дата обращения: 10.04.2018).
6. Тюмень в XVII столетии: собр. материалов для истории города с «Введением» и заключительной статьей прив.-доц. П.М. Головачева «Экономический быт Тюмени в XVII в.», с прил. плана старинной Тюмени и 2 видов Благовещенского собора начала XVIII в. — М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1903. — 166 с.

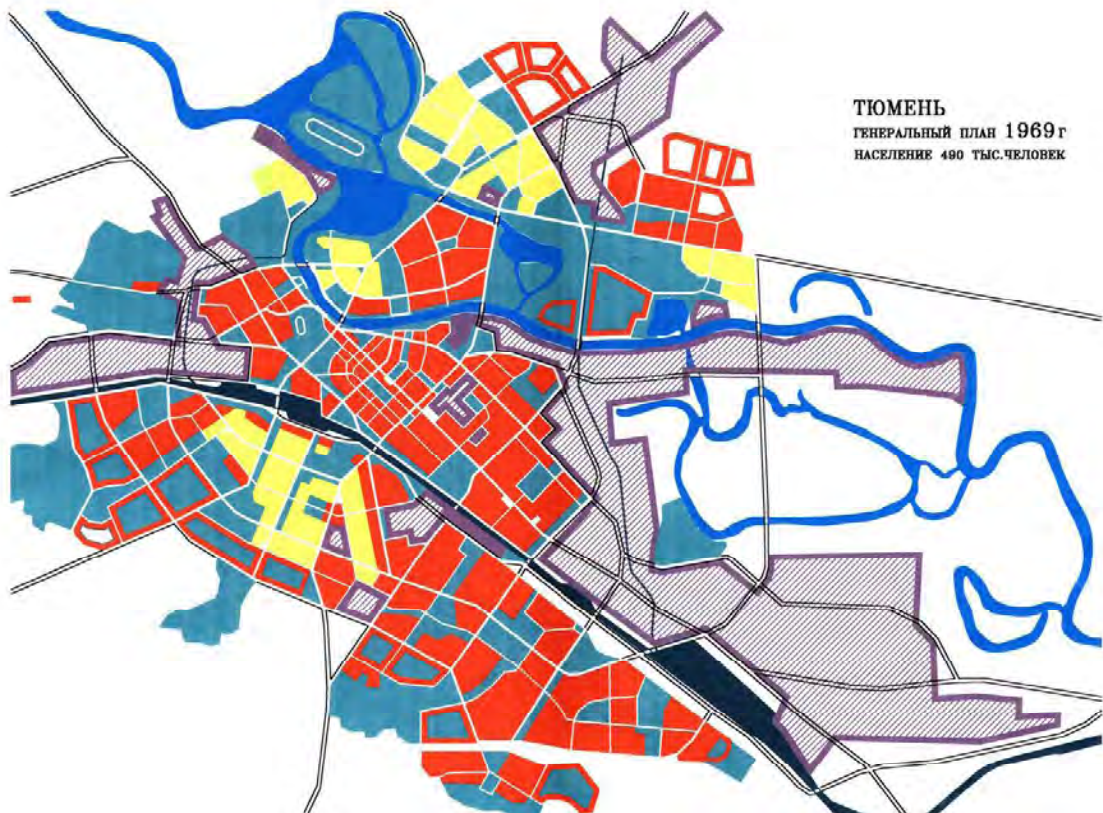
Ил. 1. План основной части Тюмени конца XVII в. [Тюмень..., 1903, с. 172]

Ил. 2. План Тобольской провинции уездного города Тюмени 1766 г. [Заварихин, Жученко, 2004, с. 30, рис. 8]

Ил. 3. План г. Тюмени, 1917 г.
(URL: <http://retomap.ru/m.php#l=1419171&z=15&y=57.136098&x=65.593235>)

Ил. 4. Генеральный план г. Тюмени, 1969 г. Из лекционного материала бывшего главного архитектора г. Тюмени В.Н. Кулачковского

Соотношение длины и ширины кварталов исторического центра города

Ил. 5. Соотношение длины и ширины кварталов исторического центра города. Схема авторов

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10061
УДК 72.03

Д.Ю. Кисельникова
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
kiselnikova.darya@yandex.ru

Научный руководитель: кандидат архитектуры В.Н. Филиппов

Цитаты и аллюзии в архитектуре Новосибирска 1990—2010-х годов

Аннотация

Глобальные социально-экономические перемены 1990-х гг. в России не могли не найти своего отражения в архитектуре. На смену главенствовавшей долгое время второй волне советского модернизма приходят новые стилистические течения, самым масштабным из которых был постмодернизм. В данной работе приводятся примеры использования цитат и аллюзий в архитектуре Новосибирска 1990—2010-х гг. как проявление влияния идей постмодернизма. Рассматриваются примеры архитектурных цитат и аллюзий, отсылающих как к местным историческим примерам, так и к зарубежным историческим и постмодернистским постройкам, а также указываются предпосылки и причины использования этих ссылок. Сравнительный анализ ряда построек Новосибирска позволил выделить ключевые особенности развития использования цитат и аллюзий в архитектуре города 1990—2010-х гг.

Ключевые слова: постмодернизм, архитектура Новосибирска, стиль, архитектурная деталь

D.Y. Kiselnikova
*Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)*
kiselnikova.darya@yandex.ru
Scientific adviser is V.N. Filippov

Citation and Allusions in Novosibirsk Architecture of 1990s—2010s

Abstract

Global socio-economic changes of the 1990s in Russia could not but find their reflection in architecture. In place of the Soviet modernism, which had dominated for a long time, new trends came. The largest of these trends was postmodernism. In this article, examples of use of citations and allusions in Novosibirsk architecture in the 1990s—2010s are presented. These facts could be considered as manifestation of the influence of postmodernism ideas. Examples of architectural citations and allusions refer both to local historical examples and to foreign historical and postmodern buildings. The prerequisites and reasons for using these references are presented as well. A comparative analysis of Novosibirsk buildings made it possible to identify the key features of the development of the use of citations and allusions in the city architecture of the 1990s—2010s.

Key words: postmodernism, Novosibirsk architecture, style, architectural detail

«Аллюзий и ссылок на прошлое или настоящее, на наши великие банальности и старые клише, а также выражения повседневных ценностей в обстановке, неважно, сакральной или профанной, — вот чего не хватает сегодняшней модернистской архитектуре» [Вентури и др., 2015, с. 93], — эта фраза из книги «Уроки Лас-Вегаса», написанной одними из первых идеологов постмодернизма Р. Вентури, Д.С. Браун и С. Айзенуром в 1972 г., указывает на приемы, ставшие впоследствии главными инструментами западноевропейских архитекторов-постмодернистов в середине 1970-х гг., — цитаты и аллюзии [Дженкс, 1985, с. 78].

Советские архитекторы, работавшие в это время, несмотря на некоторую изолированность, были чувствительны к иностранным примерам и старались

использовать ходы и приемы, почерпнутые из западных построек, однако основным источником вдохновения для них оставались бруталистские объекты.

Эстетика брутализма хорошо дополняла советскую модернистскую архитектуру. Основные примеры создания советских бруталистских построек были сосредоточены в столицах республик (Москва, Тбилиси, Киев и др.), где у архитекторов была возможность создавать уникальные здания. Однако были и сибирские образцы синтеза идей брутализма и советского модернизма, например работы новосибирского архитектора В.П. Авксентюка. Одна из его построек — ныне снесенный павильон пригородных касс и переход над путями в Новосибирске, созданные в 1980-е гг. — была выполнена в эстетике брутализма.

История советского модернизма (как главного, во многом директивного архитектурного стиля страны) заканчивается со сменой социально-экономических условий, и возникает большое количество течений и направлений в архитектуре [Худин, 2014, с. 91]. На смену плановой экономике и централизованной системе организации проектирования и строительства приходят рыночные отношения. Растет число заказчиков с разнообразными запросами (в том числе с запросом на «историчность»), а у зодчих появляется возможность применить на практике приемы из арсенала зарубежных архитекторов-постмодернистов [Орельская, 2011, с. 471].

В архитектуре исторических западносибирских городов (таких как Омск и Барнаул) в 1990—2000-х гг. влияние идей постмодернизма выражалось в основном в виде поисков новой пластичности и экспериментов в области формообразования [Гуменюк, 2013, с. 84]. В Новосибирске же большее внимание уделялось поискам новой аутентичности через цитирования и ссылки на местные исторические примеры (в 1990-е гг.), а затем и аллюзий на мировые архитектурные «знаки» (в 2000-е гг.).

При этом создание таких объектов нередко было сопряжено со сложными экономическими условиями строительства, что также имеет связь с постмодернистской концепцией ориентированности на человека и критику «дорогостоящего модернизма» прошлого: «...в ситуации, когда нет денег на архитектуру как таковую, от архитектора требуется максимальная сила воображения. Источником вдохновения для строительства скромных зданий и создания социально значимых образов станет не индустриальное прошлое, а окружающая нас повседневная жизнь города, состоящая из скромных зданий и скромных пространств с символическими добавками» [Вентури и др., 2015, с. 190].

В условиях сложной экономической ситуации в 1990-е гг. и особенностей устройства строительной индустрии в Новосибирске важным строительным материалом становится кирпич. Строительство из кирпича давало востребованную на тот момент свободу в объемно-планировочных решениях зданий (по сравнению со строительством из сборного бетона), а также в решении фасадов.

Естественным источником вдохновения при работе над небольшими кирпичными объектами в центральной части Новосибирска в 1990-е гг. стали дореволюционные постройки А.Д. Крячкова. Цитаты из проектов этого сибирского мастера можно отметить в комплексе по ул. Щетинкина, 32 (арх. А. Лаптяйкин, 1998 г.). В этом здании в решении фасада фронтоны подчеркивают структуру блокированной части, а башенки (со схожими пропорциями, что и в школах, построенных по проектам А.Д. Крячкова в 1910—1912 гг.) увенчивают секционные части здания (ил. 1, 1, 2).

В 2000-х гг. в Новосибирске быстрыми темпами развивается материально-техническая база строительства, появляется возможность использовать монолитные железобетонные конструкции (что дает высокую степень свободы в области формообразования). Появляются примеры, где переосмысление сибирского модерна начала XX в. не связано с использованием исторических материалов и конструк-

тивных схем. Один из ярчайших примеров этого — здание отеля Marriott по ул. Орджоникидзе, 31 (арх. В. Фефелов, М. Фефелова, Т. Голяковская, 2014 г.). Монолитный железобетонный каркас (с рекордной на момент строительства в городе консолью в 9 м) облачен здесь в сложный вентилируемый фасад с использованием натурального камня. При этом облик здания насыщен историческими цитатами и аллюзиями. Один из авторов проекта, В. Фефелов, описывая архитектурные решения отеля, указывает на связь с «питерским модерном» начала XX в. [цит. по: Иванеко, 2014, с. 95]. Однако в большей степени пропорции и детали фасада (форма окон, растительные мотивы в декоре и т.д.) схожи с сибирскими примерами из застройки 1900—1910-х гг. современного проспекта Ленина (в то время — ул. Почтамтская и Большая Садовая) в Томске (ил. 1, 3, 4).

Говоря об изменениях, произошедших в архитектуре Новосибирска после 1991 г., нельзя не отметить преобразований в области жилищного строительства. История развития архитектуры жилых зданий второй половины XX в. в городе вплоть до этих перемен представляется как эволюция типовых проектов. Однако эта ситуация изменилась, и на рубеже веков в Новосибирске было построено несколько жилых зданий, архитектурный облик и планировочные решения которых представляют особый интерес для исследователей постмодернистских тенденций.

В первую очередь это жилой дом по ул. Кирова, 46 (2001 г., арх. 1-й очереди строительства А.В. Андрианов). Здание выходит на широкую магистраль, масштаб окружающей застройки подтолкнул архитектора к созданию монументального с объема с артикулированными углами. В таком акцентировании на угловых решениях в композиции фасада прослеживается связь этого объекта со Стоквартирным домом работников крайисполкома (арх. А.Д. Крячков, В.С. Масленников, 1934—1937 гг.) (ил. 2, 3, 4). Планировочное же решение в виде галерейной системы указывает на внимание к конструктивистским постройкам, таким как жилой дом Крайснабсбыта (арх. Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, инж. Н.В. Никитин, 1931—1934 гг.).

Конструктивизм на рубеже веков стал источником цитирования не только на уровне планировочных решений. В 1998 г. было завершено строительство жилого дома по ул. Ядринцевской, 46а (арх. А. Фомин), в котором легко прослеживаются «изюбленные мотивы многих архитекторов, сторонников авангарда» 1930-х гг. [Невзгодин, 2013, с. 86]: угловые балконы, вынесенные на главный фасад объемы лестничных клеток с вертикальным угловым остеклением. Всё это связывает проект с объектами таких архитекторов, как Б.А. Гордеев и С.П. Тургенев (жилой дом Крайснабсбыта 1931—1934 гг., жилой комбинат «Динамо» 1930—1932 гг. и т.д.), работавшими в Новосибирске в первой половине XX в. (ил. 2, 1, 2).

Среди архитектурных цитат, отсылающих нас к историческому прошлому, встречаются и примеры аллюзий на зарубежные образцы, причем как на исторические здания и детали, так и новейшие постройки постмодернистов. Во многом этому способствовала большая доступность информации о зарубежных постройках и проектах как для архитекто-

ров, так и для заказчиков строительства.

Внимание к работам и приемам зарубежных архитекторов-постмодернистов хорошо видно в облике жилого дома по ул. Октябрьская, 34 (арх. В.Н. Филиппов, М.З. Казаков, 1998—2001 гг.). В решении деталей фасада первых двух этажей используется прямая цитата из проекта Жилого дома на Кохштрассе в Берлине (арх. А. Росси, 1987 г.): над оконными проемами установлены зеленые металлические перемычки, а поверхность красного кирпича разбивают вставки светлых рядов кладки (ил. 3, 1, 2). Выбор такого приема, как использование металлических деталей в оформлении фасада, было еще и попыткой новосибирских архитекторов указать на конструктивную основу здания — стальной каркас. Использование нехарактерного для жилищного строительства стального каркаса — вынужденная мера в условиях отсутствия в то время необходимой опалубки для возведения железобетонного каркаса за короткий сибирский строительный сезон. Другие технические сложности — невозможность создания кирпичной облицовки выше второго этажа — объясняют использование в оформлении фасадов, начиная с третьего этажа, вентилируемой системы с облицовкой фасадными панелями.

Еще один постмодернистский объект со ссылкой на зарубежные примеры: 12—16-этажный жилой дом по ул. Блюхера, 71Б, разработанный группой архитекторов (И. Поповский, М. Поповская, С. Траутвейн, А. Долнаков, А. Баранов, Е. Перепечина, 2006 г.). Стилизованные архетипичные «портики» венчают массивный объем дома, возвышающийся среди окружающей пятиэтажной застройки. С одной стороны, упрощенные «портики античных храмов» являются отсылкой к общеевропейскому античному наследию, с другой — подобные детали часто встречаются в постройках архитекторов-постмодернистов, таких как Леон Крие (например, его жилой дом во Флориде, 1989 г.) (ил. 3, 3, 4).

К 2010-м гг. в архитектуре Новосибирска внимание к историческим и зарубежным цитатам и аллюзиям практически сходит на нет. Вслед за общемировыми тенденциями наступает время критики постмодернизма и реакции на это течение в виде развития идей неомодернизма и деконструктивизма. Однако в середине 2010-х гг. в городе создаются несколько объектов, наполненных сложной постмодернистской реакцией и иронией — например, здание Торгового центра «Амстердам» (арх. В. Филиппов, Е. Филиппов, Д. Кирюхин, 2016 г.) и здание «Федоровские бани», ул. Советская, 36 (решение фасада — В. Филиппов, Д. Плаксин, 2015—2017 гг.).

Работа над проектом здания на месте сегодняшнего ТЦ «Амстердам» велась продолжительное время. Архитекторами «Студии КиФ» первоначально предполагалось создание объекта в духе интернационального соцреализма, однако такая эстетика плохо воспринимается простыми обывателями, а следовательно, малопривлекательна для заказчиков строительства. Тогда архитекторы пошли на смелый шаг — создание объекта с обликом на грани китча, с яркими вставками «архитектурных знаков». Фасад здания, выходящий на ул. Геодезическую, украсила стилизованная плотная застройка «каналов Амстердама» в виде разных по материалу отделки, форме

и цвету отдельных «фасадных зданий», нависающих над остекленным первым этажом торгового центра. Этот плотный «европейский» фронт застройки разрезается вставкой структурного остекления атриума, что еще сильнее и ироничнее подчеркивает бутафорность архитектурных знаков-цитат (ил. 4, 1, 2).

Другой недавний пример использования постмодернистских приемов в архитектуре Новосибирска — фасадное решение «Федоровских бань» (2015—2017 гг.). Здание, выходящее на площадь Кондратюка, должно было соответствовать масштабу большого открытого пространства и гармонично вписываться в окружающую историческую застройку. Архитекторы использовали в решении хорошо освещенного юго-западного фасада, обращенного к площади, высокую аркаду в два этажа, далеко отступающую от плоскости стены. Так появилась композиция с глубокими контрастными тенями и масштабом, соизмеримым с размерами площади.

Проект насыщен цитатами и аллюзиями (ил. 4, 3—5). В. Филиппов, архитектор, работавший над созданием облика «Федоровских бань», в несколько ироничной форме указывал на «атрибуты новониколаевской купеческой архитектуры конца XIX — начала XX века», приемы, характерные «для итальянского ренессанса» и «реминисценции “мансардной парижской темы” начала XVIII века» [цит. по: Сафоновой, 2013], использованные в проекте.

Описанные выше примеры построек Новосибирска 1990—2010-х гг. не всегда получали одобрительную реакцию в профессиональном сообществе, но чаще других положительно оценивались горожанами. В этом противоречии, характерном для постмодернизма, заключается сложность оценки подобных объектов. А слова, которыми завершается книга «Уроки Лас-Вегаса», до сих пор остаются актуальными для новосибирских архитекторов: «Настало время вернуться к предложенному Джоном Рескиным определению архитектуры как украшения постройки — когда-то внушавшему ужас архитекторам. Но к нему следует добавить предостережение Пьюджина: нет ничего дурного в том, чтобы украшать строение, но ни в коем случае не стоит строить украшения» [Вентури и др., 2015, с. 199].

Список литературы

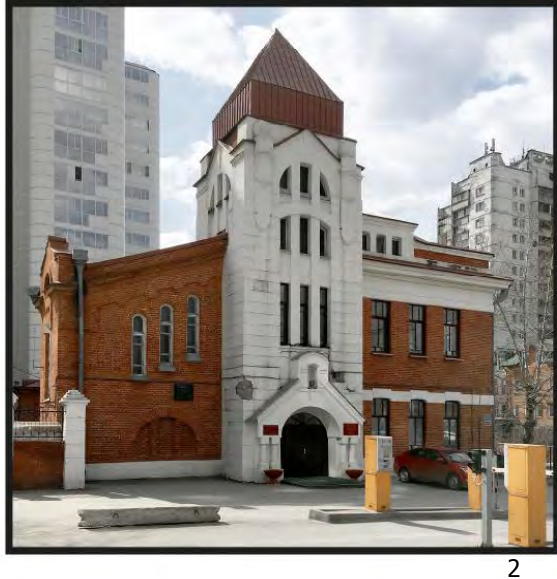
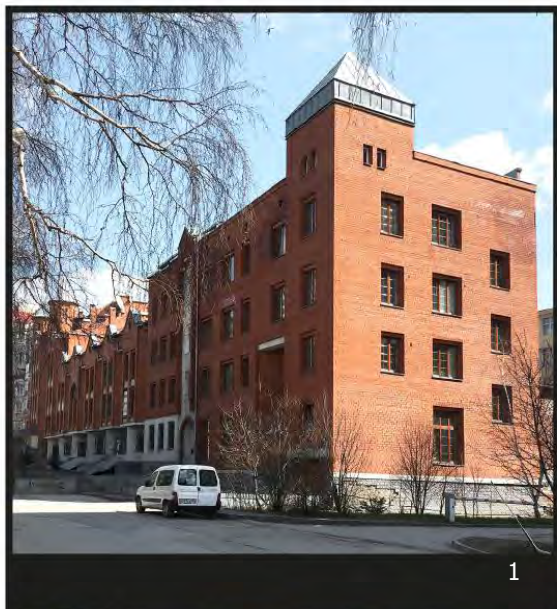
1. Вентури Р., Браун Д.С., Айзенур С. Уроки Лас-Вегаса: Забытый символизм архитектурной формы. — М.: Strelka Press, 2015. — 212 с.
2. Гуменюк А.Н. Современные интерпретации историко-культурного наследия: неомодерн в архитектуре Омска // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. — 2013. — № 2. — С. 83—86.
3. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. — М.: Стройиздат, 1985. — 136 с.
4. Иванеко Т.Ю. Немного модерна в холодных снегах: Отель Marriott в Новосибирске // Современная архитектура etc. — 2014. — № 6. — С. 92—97.
5. Невзгодин И.В. Конструктивизм в архитектуре Новосибирска. — Новосибирск: ООО «Деал», 2013. — 319 с.
6. Орельская О.В. Постмодернизм в архитектуре Н.

Новгорода // Предмет архитектуры: искусство без границ. — М.: Прогресс-Традиция, 2011. — С. 471—475.

7. Сафонова Е. Первые два этажа получит мэрия // Н1.ру. — Новосибирск, 2013 [Электронный ресурс]. — URL: https://novosibirsk.n1.ru/articles/pervye_dva_

etazha_poluchit_meriya-1565348/ (дата обращения: 30.04.2018)

8. Худин А. А. Сходство и отличие постмодернизма в зарубежной и российской архитектуре // Приволжский науч. журн. — 2014. — № 1. — С. 89—93.

Ил. 1. Цитаты и аллюзии, обращенные к дореволюционной архитектуре Сибири: 1 — жилые дома по ул. Щетинкина, 32 (арх. А. Лаптяйкин), 1997 г.; 2 — городская начальная школа по ул. 1905 года (арх. А. Д. Крячков), 1912 г.; 3 — отель Marriott, ул. Орджоникидзе, 31 (арх. В. Фефелов, М. Фефелова, Т. Голяковская), 2014 г.; 4 — Второвский Пассаж (арх. В. М. Сухоровский), 1903—1904 г. Все снимки — автора

1

3

2

4

Ил. 2. Цитаты и аллюзии, обращенные к архитектуре Новосибирска 1930-х гг.: 1— жилой дом по ул. Ядринцевской, 46а (арх. А. Фомин), 1998 г. (снимок автора); 2 — жилой дома Крайснабсбыта (арх. Б.А. Гордеев, С.П. Тургенев, Н. В. Никитин), 1931—1934 гг. (снимок автора); 3— жилой дом по ул. Кирова, 46 (арх. А. Андрианов), 2001 г. (снимок Д.К. Ощепкова); 4 — Стоквартирный дом работников крайисполкома (арх. А.Д. Крячков, В.С. Масленников), 1934—1937 гг. (снимок автора)

Ил. 3. Цитаты и аллюзии, обращенные к зарубежным постмодернистским примерам: 1 — жилой дом по ул. Октябрьской, 34 (арх. В.Н. Филиппов, М.З. Казаков), 1998—2001 г. (рисунок из личного архива В.Н. Филиппова); 2 — жилой дом на Кохштрас-се в Берлине (арх. А. Росси), 1987 г. (снимок из открытых интернет-источников: URL: https://palladium.de/img/uploads/800_thumbs/5b3c43aeb90266f7805d1f82f934e464_800.jpg); 3— жилой дом по ул. Блюхера, 71Б (арх. И. Поповский, М. Поповская, С. Траутвейн, А. Долнаков, А. Баранов, Е. Перепечина), 2006 г. (снимок автора); 4— жилой дом во Флориде (арх. Леон Крие), 1989 г. (снимок из открытых интернет-источников: URL: <https://i.pinimg.com/736x/ae/d4/7a/aed47a66e586fc48dd5c86cc88912f70--seaside-fl-cool-architecture.jpg>)

1

3

2

4

5

Ил. 4. Цитаты и аллюзии, обращенные к зарубежным историческим примерам:

1 — торговый центр «Амстердам» (арх. Е.В. Филиппов, В.Н. Филиппов, Д.В. Кирюхин), 2016 г. (снимок автора); 2— пример застройки Амстердама (снимок из открытых интернет-источников: URL: https://enterpriseiotinsights.com/wp-content/uploads/2016/04/14362828_1.jpg); 3 — «Федоровские бани», ул. Советская, 36 (решение фасада — В. Филиппов, Д. Плаксин), 2015—2017 гг. (снимок автора); 4 — вид на крыши и мансарды в Париже (снимок из открытых интернет-источников: URL: <https://img.tourister.ru/files/7/4/9/5/2/8/8/original.jpg>); 5 — питательный дом (арх. Ф. Брунеллески), 1419—1445 гг. (снимок из открытых интернет-источников: URL: <https://www.geoplan.it/foto-monumento/monumenti/posti-visitare-vedere-firenze-Spedale-degli-Innocenti.jpg>)

Границы применимости доктрины нового урбанизма в российском градостроительстве

Аннотация

В статье представлены результаты анализа идеологии нового урбанизма. Показано, что по своей сути это преимущественно социальное движение, выросшее на основе протеста против дегуманизации среды современных мегаполисов. Данная идеология, ориентированная на преобразование «бесчеловечных» городских пространств, генетически наследует достоинства и недостатки практически всех попыток создания «идеального» города. Показано, что она положительно влияет на степень внимания к недостаткам среды обитания горожан, но непригодна для реального градостроительного проектирования. Ее главным недостатком является излишняя акцентация на потребительском аспекте городской жизни в ущерб вопросам структурного обеспечения самой этой жизни. Поэтому в работе делается вывод, что применение доктрины нового урбанизма оправдано только на локальном уровне проектирования. Здесь за счет развития теории и практики ландшафтного и графического дизайна она в наибольшей степени способствует гуманизации городской среды.

Ключевые слова: градостроительство, новый урбанизм, качество городской среды

A.A. Kliukin¹, A.I. Kliukina
Tyumen Industrial University (Tyumen)
¹aaktmn@list.ru

The Applicability of the Doctrine of New Urbanism in Russian Urban Planning

Abstract

The article deals with the results of the analysis of the New Urbanism ideology. This doctrine was born on the basis of a protest against the dehumanization of modern mega-cities habitat. Therefore, in fact, this doctrine is a social movement. This ideology focuses on the Elimination of «inhuman» urban spaces. For this reason, New Urbanism has a positive effect on the degree of attention to habitat shortcomings. However, it is not suitable for real urban planning. It inherits the strengths and weaknesses of all previous attempts to create the «ideal» city. In particular, its main drawback is the excessive attention to the consumer aspect of urban life to the detriment of life support. On this basis, the authors concluded that application of the doctrine of New Urbanism is justified only on a local level design. At this level, it best promotes humanizing the urban environment. The ideology of the New Urbanism also helps the development of the theory and practice of landscape and graphic design.

Key words: urban planning, New Urbanism, urban habitat, urban environment

Как известно, доктрина нового урбанизма возникла в 80-х гг. прошлого века на фоне обострившихся проблем больших городов. Переуплотненные центры и расползающиеся удаленные пригороды привели к тому, что в мегаполисах обеспечивающие их транспортные структуры практически полностью подавили среду пешеходных пространств. Родившись как своеобразный протест против механической бесчеловечной урбанизации, новая идеология акцентировала свое внимание на гуманизации среды обитания горожан, на создании небольших компактных пешеходоориентированных поселений и отдельных районов, предназначенных заменить автомобилизированные пригороды. В этом смысле идеологию нового урбанизма вполне можно назвать отражением мечты пешеходов об идеальном городе,

в котором они хотели бы жить.

Стремление к лучшему свойственно человеку, возможно, поэтому история градостроительства в некотором смысле представляет собой непрерывную череду утопических проектов и в разной степени удачных или неудачных их воплощений.

Первые попытки осознания самого феномена города как такового связаны с работами мыслителей, художников, архитекторов эпохи Возрождения. Вопрос городского развития в те времена был связан с кризисом, порожденным несоответствием консервативной схемы средневековых городов-крепостей и зародившейся именно в городах новой социально-экономической схемой производственных отношений. Первым ремесленным гильдиям и стремительному расширению торговли начали мешать

стесненные пространства, узкие кривые улочки, хаотичная и скученная застройка.

Резко возросло число обеспеченных «пешеходов» — торговцев и ремесленников. Появился социальный запрос на естественный свет вместо мрака тущоб, свежий воздух вместо вони открытой канализации, чистые улицы, не заваленные отходами. Остро встал вопрос водоснабжения растущих городов, новых удобных путей их снабжения и т.д. Именно в этот период как своеобразные прообразы будущих идей нового урбанизма начали появляться проекты идеальных городов с прямыми улицами, регулярной застройкой, красивыми домами и зелеными пространствами. И хотя эти утопии не были реализованы, заложенные в них принципы стали основой для формирования многих позднейших архитектурных ансамблей [Саваренская, 1984, с. 250]. Но вместе с тем эти же проекты показали главный, часто для первого взгляда скрытый, дефект всех «идеальных» городов — однообразие городских районов. В современном мире хорошо известны следствия этого однообразия — связанная с утратой чувства собственной уникальности социальная депрессия жителей типовых кварталов и дезориентация человека в пространстве.

Следующий кризис городов, развившийся вместе с рождением промышленного производства эпохи капитала, привел к появлению в самом конце XIX в. доктрины Эбенезера Говарда [Бунин, Саваренская, 1979]. Она стала реакцией на переход от средневекового к индустриальному городу.

Массовый приток в города ищущих заработка сельских жителей породил острейшую проблему скученности, хаотичности и небывалой плотности городской застройки. Говард воспринял это как болезнь мегаполисов, отрывающих людей от природы, и предложил выход из положения за счет создания вокруг них городов-садов, образующих федерации. Диаметры «цветущих» пригородов в целях пешеходной проходимости по его доктрине должны были быть не более двух километров, а численность населения ограничивалась цифрой в 32 тыс. жителей.

Говарду казалось, что, если сделать такие города-сады очень комфортными для проживания, то люди по своей воле захотят туда переехать. Теоретически это должно было обеспечить естественный процесс перераспределения населения. Однако первая же попытка построить такой город — Лечворд — потерпела неудачу. Вместо притока людей активного возраста за пять лет в него приехало жить чуть больше пяти тысяч человек, в основном пенсионеров, покинувших суетный Лондон.

Нетрудно заметить, что мысли Э. Говарда достаточно близки идеологии нового урбанизма. Однако неудачная попытка их реализации хорошо показала, что в градостроительстве нельзя идеализировать и преувеличивать естественную тягу человека к природе. Люди очень часто оказываются либо не готовыми к преодолению трудностей, либо не имеют достаточно средств, чтобы жить вдали от места работы.

Идеологические, социальные, политические потрясения, технические прорывы и научные открытия первой половины XX в. отразились в градостроительстве рождением новых городских ячеек — ми-

крорайонов. Чтобы включить их в общегородские пространства, потребовалось, в частности, изменить всю идеологию транспортной структуры мегаполисов. По сути, именно эту работу сделал Г.А. Трипп, опубликовав в 40-х гг. ряд своих исследований (например, [Трипп, 1947]). Вся же многообразная совокупность изменений, происшедших в этот период, привела к появлению новой теории города, изложенной в документе, известном как «Афинская хартия» [Ле Корбюзье, 1933].

Фактическая реализация основных положений этой хартии началась после Второй мировой войны. И сейчас большинство крупнейших городов планеты своим современным состоянием во многом обязаны воплощению идей, содержащихся в этом документе. Однако резкое ускорение технического и научного прогресса на рубеже нынешнего века, изменившего, в частности, всю систему коммуникаций нашей цивилизации, породило новый кризис урбанизма. В настоящее время отчетливо проявляется тот факт, что города, сформированные идеологией Афинской хартии, все меньше и меньше удовлетворяют современного человека.

Большие разрозненные пространства, прямые широкие улицы, развязки, огромные парковки при торговых центрах, автомобили в жилых дворах, санитарные разрывы при промышленных объектах, обезличенные однотипные жилые дома и т.д. Все то, что приспособливает города для промышленного производства, транспорта, делает город бесчеловечным, неудобным для проживания людей. Одним из парадоксов современного мира является наличие личного транспорта горожан. С одной стороны, он обеспечивает им комфортный доступ до любого объекта, с другой — катастрофически снижает качество городской среды: исчезает зелень, пешеходные пространства, загрязняется воздух. При этом интересно отметить, что появление электромобилей не решает проблему экологии городов по той причине, что вредность от производства электроэнергии для них выше, чем от бензиновых автомобилей.

Доктрина нового урбанизма стала первой значимой попыткой решения названных и неназванных здесь проблем городов нашего времени. В некотором смысле — это продолжение череды человеческих усилий по построению идеального города, начатых в эпоху Альберти и Палладио и продолженных Говардом и строителями новых столиц в недавнем прошлом.

Новый урбанизм — это проявление борьбы с бесконтрольным ростом городов, желание восстановить в городах общинный дух и чувство сообщества. Основная мысль данной стратегии развития — люди должны жить, работать и отдыхать в одном и том же месте, как это было в доиндустриальную эпоху, но на новом уровне.

Философия нового урбанизма направлена на то, чтобы дать возможность максимально большому количеству горожан ходить на работу пешком, а после работы также пешком заходить в магазины, кафе, кинотеатры и т.д. Желающие куда-либо ехать должны иметь возможность без затруднений дойти до линии скоростного транспорта, воспользоваться им и после короткой прогулки достичь своей цели. Город, по мнению идеологов нового урбанизма, дол-

жен быть доступен для человека без машины [Новый урбанизм].

В доктрине нового урбанизма, как и у всех ее предшественников, есть ярко выраженные положительные черты. Это, например, относится к акценту на обеспечение высокого качества среды за счет ландшафтного разнообразия, сложного рельефа, эстетики зданий и их индивидуальности. Предполагается хорошая пешеходная доступность до основных объектов и хорошая транспортная доступность до любого желаемого места. Особая роль отводится экологической составляющей урбанизированных пространств. Сюда включаются вопросы использования возобновляемых источников энергии и экологичной утилизации отходов — самообеспечение теплом, электрическими мощностями и т.д.

Однако точно так же как у городов-утопий или садов Говарда, в идеологии нового урбанизма присутствуют детали, не позволяющие говорить о том, что она совершенна.

Прежде всего, в ней игнорируется иерархия городов, их значимость. Города-сады оказались нежизнеспособны во многом именно потому, что их автор недооценил притягательность мегаполисов. Точно так же, как в былые времена, нынче сосредоточение на развитии только малых городов пешеходных размеров, нанизанных на скоростные дороги, не привело к оттоку в них людей фертильного возраста. Население таких городков практически не имеет естественного прироста. Оно чаще всего просто стабилизируется в виде общин в пределах небольших по меркам истории градостроительства отрезков времени. Это явление характерно для всех малых муниципальных образований Западной Европы, реализующих на своей территории концепции нового урбанизма.

Положительным моментом следует считать то, что в мегаполисах идеи данного течения способствовали улучшению городского ландшафтного дизайна и резкому повышению внимания к качеству городской среды на микроуровне. В «каменных джунглях» городов постепенно начали появляться своеобразные «островки человечности», стали формироваться локальные сообщества горожан. Однако, несмотря на эти достижения, новый урбанизм невозможно признать полноценной градостроительной доктриной.

Как известно, идеология нового урбанизма опирается на ряд принципов, среди которых:

- пешеходная доступность, подразумевающая, в частности, своеобразное слияние внутренних пространств зданий и пространства улицы;

- соединенность, равносильная всеобъемлющей обеспеченности оборудованными путями, всех возможных точек притяжения горожан;

- смешанное использование и разнообразие, равносильное трансформации города в единый торгово-досуговый комплекс;

- разнообразие застройки, равное превращению города в аморфный конгломерат разнообразных зданий;

- высокое качество архитектуры и городского планирования, ориентированное на каждого горожанина, которое вызывает ассоциации с разрушенной реальностью мечтами «пламенных» революционеров, зовущих ко всеобщему равенству и братству.

Эти принципы дополняются напоминаниями о различии между центром и периферией и обязательном разуплотнении застройки по мере удаления от центра, который ради обеспечения пешеходной доступности должен стать гораздо плотнее, чем сейчас. Говорится и о «зеленом» высококачественном транспорте, энергоэффективности и экологичности городских систем, о развитии местного производства. Подразумевается, что все эти принципы, соединенные вместе, обеспечат высокое качество жизни и позволят создать места, которые обогащают, поднимают и вдохновляют человека.

Нетрудно заметить, что вся идеология нового урбанизма по своей сути — это идеология горожанина-потребителя. И в некотором смысле — отражение «зеленого движения» в градостроительстве.

Безусловно положительно влияя на уровень качества городской среды, новый урбанизм оказывается бесполезен, как только речь заходит о системах жизнеобеспечения городов, управления территориями, законах городского развития и прогностическом проектировании, об элементарных санитарных нормах инсоляции, аэрации и пожарной безопасности в переуплотненных, в соответствии с его идеями, городских центрах. В силу своей ориентированности на малые поселения новый урбанизм непригоден для анализа процессов, определяющих жизнь даже просто больших городов, не говоря о мегаполисах, агломерациях или урбанизированных территориях.

Границами реальной работоспособности идей нового урбанизма в полном соответствии с его принципами являются границы комфортного движения пешеходов, т.е. уровень локального проектирования.

Думается, что правомерным является и вопрос о том, на какой период времени сохраняется у жителей городов нынешние представления о комфортной среде. Основанием для этого может служить хотя бы факт появления на рынке труда фрилансеров, для которых выбор места жительства не ограничивается тем или иным районом одного города. Учитывая возможность радикального изменения в будущем представления людей о комфортном городе, тем более не стоит воспринимать новый урбанизм как руководство к градостроительному проектированию.

Тем не менее следует особо подчеркнуть, что поскольку эта доктрина акцентируется на улучшении качества городской среды и ведет поиск нового, она важна для современного мира, который вступает в постиндустриальную эпоху и нуждается в переосмыслении существующих норм и правил. Это важно и для российского градостроительства, имеющего значительный багаж как положительного, так и отрицательного опыта применения советских градостроительных регламентов и ограничений.

Наиболее болезненным моментом в этом плане является удручающее состояние среды наших городов, поскольку ей никогда не уделялось должного внимания. Поэтому можно обоснованно говорить, что на локальном уровне проектирования, доктрина нового урбанизма для России является актуальной. А основой для реализации его идей должны стать небольшие зеленые и пешеходные зоны, где происходит непосредственный контакт горожан с окружающей их урбанизированной средой. Все это актуализирует развитие ландшафтного дизайна городских

пространств, графического дизайна и дизайна малых архитектурных форм в нашей стране.

Список литературы

1. Бунин А.В., Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. В 2 т. Т. 2. — М.: Стройиздат, 1979. — 486 с.
2. Ле Корбюзье. Афинская Хартия [Электронный ресурс]. — URL: <http://tehne.com/node/4613> (дата обращения: 30.04.2018).
3. Новый урбанизм [Электронный ресурс]. — URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/518357> (дата обращения: 30.04.2018).
4. Саваренская Т.Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды. — М.: Стройиздат, 1984. — 376 с.
5. Трипп А.Г. Планировка городов и уличное движение. — М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1947. — 152 с.

А.А. Маринич
Институт экономики, управления и права
Иркутский национальный исследовательский
технический университет (Иркутск)
marinichnastja@rambler.ru

Иркутск как исторический город: проблемы и перспективы

Аннотация

Статья посвящена Иркутску как историческому городу. Раскрываются понятия «исторический город», «историческое поселение». Проведен анализ имеющейся нормативной правовой базы, достижений и проблем в определении границ исторического поселения. Поскольку Иркутск признается экспертным сообществом столицей деревянного зодчества, тема защиты исторических памятников в прессе и общественностью поднимается постоянно.

Ключевые слова: исторический город, историческое поселение, историко-архитектурная среда, градостроительный ансамбль, городские проекты, «Исчезающий Иркутск», «Иркутские кварталы», культурное наследие, деревянное зодчество, Иркутск

А.А. Marinich
Institute of Economics, Management and Law
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
marinichnastja@rambler.ru

Irkutsk as a Historical City: Problems and Prospects

Abstract

The article describes the city of Irkutsk as a historical city. The concept of «historical city», «historical settlement» is revealed. The analysis of the existing legal framework, achievements and problems in determining the boundaries of the historical settlement was performed. Since the expert community recognizes Irkutsk as the capital of wooden architecture, the subject of protection of historical monuments is constantly coming up in media and in the public perception .

Key words: historical city, historical settlement, historical and architectural environment, urban planning ensemble, urban project, Vanishing Irkutsk, Irkutsk districts, cultural heritage, Irkutsk, wooden architecture

На современном этапе развития общественность все больше задумывается над судьбой малых и средних городов, имеющих историческое и культурное наследие, но утративших под влиянием различных факторов способность к самостоятельному поддержанию этого наследия на должном уровне. В этой связи появляется все больше программ и исследований по сохранению своеобразия архитектурно-пространственной среды и культурного наследия исторических поселений, а также реконструкции и модернизации исторически ценных участков.

На основании совместного приказа Минкультуры РФ и Минрегиона РФ №418/339 от 29.07.2010 город Иркутск признан историческим поселением. Также это один из редких городов в стране, который обладает уникальным деревянным наследием, и благодаря деревянной застройке в конце 1990-х гг. Иркутск попал в предварительный список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

В первую очередь нужно определиться с понятием исторического поселения. В России понятие

«исторический город» с законодательной точки зрения появилось в 1970 г., когда Министерство культуры РСФСР утвердило список из 115 исторических городов и других населенных пунктов. Этому предшествовало развитие понятия в различных направлениях: краеведческом, искусствоведческом и культурологическом. Этот список несколько раз пересматривался, и с 2002 г., согласно приложению к Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов (2002—2010 годы)», в Российской Федерации было 478 исторических городских поселений, из них 340 — малые и средние города [Список исторических городов России]. Согласно ФЗ №73 от 25.06.2002, историческим является поселение, в границах которого расположены выявленные объекты культурного наследия и объекты, составляющие предмет охраны исторического поселения: памятники, ансамбли, достопримечательные места, представляющие собой ценность с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства, искусства, науки

и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры [Об объектах культурного наследия].

В июле 2010 г. приказом министра культуры РФ был утвержден очередной перечень исторических городов России, который был сокращен более чем в 10 раз (с 478 до 41). В перечень не вошли в том числе такие города с тысячелетней историей, как Москва, Псков и др. Однако, согласно п. 2 приказа, Департамент культурного наследия и изобразительного искусства Минкультуры России в 6-месячный срок должен был представить предложения по дополнению перечня. По мнению экспертов, есть несколько причин сокращения количества исторических городов, в том числе:

1. Список из почти 500 городов размывает само понятие «исторический город».

2. Положение «исторического города» дает не только привилегии, но и накладывает определенные ограничения на современную деятельность поселения [Валерианов, 2010].

В 2013 г. в Иркутске были приняты границы исторического поселения. Постановление правительства региона, которое четко обозначило «особо охраняемую городскую территорию», датировано 12 декабря 2013 г. Однако даже для экспертов от архитектуры и градостроения, горячо обсуждавших проект границ весь 2013 г., это стало сюрпризом. Удивление у специалистов вызывают изменения, которые претерпел проект, и «разжалование» Иркутска в историческое поселение регионального, а не федерального значения.

В ноябре 2013 г. Минкультуры должно было принять порядок утверждения границ, предметы охраны и перечни исторических поселений федерального значения, затем аналогичная работа предстояла региону. Городские власти планировали принять необходимые документы на заседании думы Иркутска в конце года. Но 12 декабря правительство Приангарья выпустило распоряжение, утверждающее перечень из одного исторического поселения регионального значения, и постановление, определяющее его границы. Это стало возможным после внесения 26 ноября соответствующих изменений в областной Закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ в Иркутской области».

Распоряжением губернатора Иркутской области от 12 декабря 2013 г. № 568-рп был утвержден перечень исторических поселений, имеющих особое значение для истории и культуры Иркутской области. В указанный перечень вошел город Иркутск.

Постановлением Правительства Иркутской области от 12 декабря 2013 г. № 575-пп были утверждены границы территории исторического поселения, имеющего особое значение для истории и культуры Иркутской области — города Иркутска.

Также распоряжением Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области от 12 декабря 2013 г. № 189а-спр был утвержден предмет охраны исторического поселения город Иркутск. Таким образом, в настоящее время Иркутск имеет статус исторического поселения регионального значения [Доклад Службы ОКН].

Юридические тонкости и мотивы региональных

властей объяснил Григорий Ивлев, заместитель руководителя Службы по охране объектов культурного наследия Иркутской области (СООКН): «Почему утверждение произошло на региональном уровне? До конца 2012 года Иркутск входил в перечень исторических поселений, утвержденный совместным приказом Минкультуры и Минэкономразвития РФ. В конце 2012 года в Федеральный закон «О памятниках...» внесены изменения, которые предусматривают двухуровневую систему исторических поселений — федерального и регионального значения. Но федеральный закон не распространил свое действие на старый перечень, который формально не отменен. На заседаниях комитетов Госдумы обсуждалось, что исторические поселения нового типа — федеральные и региональные — будут утверждаться по заявлению либо органов местного самоуправления, либо региональных властей. Иркутск в 2013 году был в неопределенном положении, возникло несколько судебных споров, где даже судебная власть не дала точного понимания, является ли город историческим поселением федерального значения. У нас был правовой вакуум: федеральный законодатель не отнес наш город ни к федеральным, ни к региональным, а по-прежнему называет просто историческим поселением. Министерство культуры еще не определило процедуру утверждения исторического поселения федерального значения, в то время как на уровне области мы уже законодательно это отрегулировали» [Махнева, 2014].

Чтобы избежать разночтений градостроительной документации и новых судебных споров, в правительстве региона приняли решение утвердить свой перечень исторических поселений, в который попал Иркутск. В 2013 г. ни одно обсуждение проекта исторического поселения не обходилось без напоминания о том, что, если до конца декабря границы не будут утверждены, с 1 января 2014 г. вся территория города автоматически попадет в категорию охраняемого наследия, и ни одно разрешение на строительство не будет выдано без согласования с федеральным центром. По федеральному закону, до уточнения границ статус исторического поселения распространяется на всю территорию города. Без них нельзя было бы принять в том числе Правила землепользования и застройки (ПЗЗ). А федеральный законодатель четко обозначил срок их утверждения для городских округов и поселений — до 31 декабря 2013 г. В январе 2013 г. в региональной службе по охране объектов культурного наследия прошла первая рабочая встреча, где экспертное сообщество договорилось начать совместную работу над уточнением границ Иркутска как исторического поселения. Непростую задачу предстояло решить в крайне сжатые сроки.

Карта с границами исторического поселения была опубликована в газете «Областная». Это четыре участка — центр города, небольшой кусочек в районе железнодорожного вокзала, Глазковский некрополь и территория в предместье Марата. По мнению Надежды Красной, заместителя директора научной работе СибНИИ «Наследие», в прошлом возглавлявшей Центр по сохранению историко-культурного наследия, границы определены произвольно [Махнева, 2014]. Также Н. Красная обращает внимание

на отсутствие в границах исторического поселения градоформирующих природных элементов — Ангары и Ушаковки, которые явились основополагающими в развитии застройки города. Ул. Карла Маркса расчленена и, например, памятник конструктивизма по ул. Карла Маркса, 53 не вошел в эти границы. Недопустимым явилось, что в столь важном вопросе нет гласности, обсуждения.

В Иркутске, имеющем статус исторического поселения, остается все меньше по-настоящему исторического. Деревянные дома с кружевными наличниками, которыми восхищаются туристы, видимо, не вызывают подобных чувств у местных жителей. По крайней мере, у тех, кто помогает им сгореть. За последние годы центр города, несмотря на регламенты, ограничивающие свободу застройщиков в исторической «заповедной» зоне и рядом с ней, сильно изменился.

По заключению Е.Г. Трифоновой, главного архитектора проекта «Иркутские кварталы»: «Исторический город — это не тот город, где сохранена история, это город, в котором присутствует вся история, включая нынешний день с его стилями, которые завтра тоже станут историческими» [Трифонова, 2017].

Общественники Иркутска, понимающие уникальность города, пытаются делами способствовать сохранению культурного наследия. В Иркутске зарегистрирована городская организация содействия и защиты памятников истории и культуры «Наследие». Организаторы проекта поставили перед собой амбициозные цели и задачи — не просто рассказать иркутянам о памятниках, но и более активно продвигать идею о том, что Иркутск — это не просто деревянный город, а город, где в деревянном доме престижно жить. Кроме того, общественники обеспечены выводом зданий и сооружений из реестра памятников, находящихся под надзором государства [«Наследие»..., 2018]. 28 февраля 2018 г. в пресс-центре «Байкал 24» прошла пресс-конференция активистов организации. По словам президента «Наследия» Дмитрия Разумова, на первом этапе правление организации выделило для себя три направления работы. Самое большое — просветительское. Это создание информационного портала — реестра памятников с фотографиями и историческими справками, собственного ежемесячного бюллетеня, в перспективе — YouTube-канала. Второе, юридическое, направление — судебная защита зданий, которые выводятся из реестра памятников. Третье направление — технологическое, проведение публичных мероприятий, включая пикеты.

Иркутск в экспертном сообществе признан столицей деревянного зодчества, поэтому тема защиты исторических памятников поднимается в городе постоянно. На круглом столе в Общественной палате Иркутской области было заявлено, что с 2000 г. в Иркутске выведено из реестра памятников 632 объекта. Это чуть меньше половины из того, что осталось в городе. Историк Алексей Петров, член правления новой организации, сказал, что еще 17—18 лет, и такими темпами Иркутск может оказаться совсем без памятников. И если нам говорят, что выводом зданий до сего дня чаще всего занимались приезжие эксперты из соседних городов, то на том же круглом столе выяснилось, что иркутяне тоже «гре-

шат» этим. Так, присутствующий эксперт заявил, что он лично вывел десять исторических объектов в Иркутске, а поставил на учет только один. В этом и выражается отношение иркутян к своему городу, собственной истории [Там же].

Возник проект «В поле зрения», цель которого — найти применение заброшенным объектам недвижимости и не допустить утраты памятников архитектуры. Все вновь выявленные пустующие здания можно наносить на интерактивную карту на сайте проекта — vrolezreniya.ru. Кроме этого, открыто онлайн-голосование по вопросу вариантов использования памятников архитектуры. Эдуард Дикунов, инициатор проекта, депутат Законодательного собрания Иркутской области, утверждает: «Заброшенные здания, пустыри, ветхие памятники архитектуры — это огромное пространство для работы и воплощения идей жителей, в поле зрения которых каждый день попадают такие объекты. У горожан определенно есть представление, как использовать многие из них в интересах города. Проект «В поле зрения» — это трибуна для выражения гражданского мнения и средство общественного контроля за тем, как власть реагирует на запросы горожан. Команда проекта, привлекая активных граждан, общественные организации, СМИ и собственников объектов, стремится найти пустующей недвижимости полезное применение» [В поле зрения; Весна, 2018].

С 20 октября 2014 г. Иркутская городская общественная организация «Клуб молодых ученых «Альянс» совместно с информационным агентством «БайкалПост» ведет интернет-проект «Исчезающий Иркутск». Проект поднимает проблему заброшенных объектов культурного наследия, с просветительской точки зрения рассказывает о судьбах зданий, которые могут исчезнуть с карты города, пытается запечатлеть исчезающий Иркутск и поведать о нем горожанам. Основная причина проблемы — слабое внимание к ней со стороны представителей власти. За три с лишним года рассказано более 50 историй [Исчезающий Иркутск]. Как говорит президент клуба Алексей Петров, если снесут «деревяшки», город теряет уникальность. Поэтому необходимо привлекать к ним внимание, рассказывать о них [Мурашева, 2016].

В конце 2015 г. на слушаниях в городской думе состоялась презентация проекта комплексной застройки «Иркутские кварталы». Он включает в себя 13 кварталов, которые начинаются от пересечения ул. Ленина и Тимирязева, тянутся вдоль Иерусалимской горы и заканчиваются ул. Карла Либкнехта. В рамках проекта запланировано создание так называемой Торговой линии города. Ее можно представить себе, если мысленно удлинить ул. Урицкого до Вечного огня на Набережной с одной стороны и до торгового центра «Иркутский» на ул. Советской с другой. Директор АНО «Иркутские кварталы» Сергей Маяренко обещает, что к 2020 г. контур кварталов будет собран и горожане смогут увидеть относительно цельную картину. Иркутяне получат общественные пространства, насыщенные новыми формами городской жизни, и большое пешеходное кольцо, которое замкнется на набережной [Трифонова, 2017].

В областном центре сдан и запущен в эксплуатацию первый десяток объектов «Иркутских кварта-

лов». На сегодняшний день на территории, которая входит в зону кварталов, построено и сдано 11 новых объектов общей площадью 5,7 тыс. кв. м. Все они выполнены с учетом новых требований к городской застройке. Строительство продолжается еще на 11 объектах площадью 7,9 тыс. кв. м. В стадии проектирования находятся 18 объектов площадью 133 тыс. кв. м. 13 объектов на стадии градостроительной подготовки. В качестве положительного примера руководители проекта приводят здание по адресу ул. Тимирязева, 5. Раньше объект входил в фонд культурного наследия, имел интересную архитектуру. Однако после пожара в 1990-х гг. фасад его был облицован плиткой «под гранит». В 2018 г. можно будет оценить первый участок — узел ул. Тимирязева, Лапина, Подгорной. Второй участок, на котором уже идет комплексная средовая застройка, находится в районе пересечения ул. Горной и Байкальской. Наконец, Иерусалимская лестница выступает стартовой площадкой к обновлению еще одного участка [Там же].

Елена Григорьева, главный архитектор проекта, в свою очередь, считает самой большой проблемой кварталов сохранение деревянной средовой застройки. Это старинные деревянные здания, которые не являются памятниками и не защищены законом. Однако опыт «130-го квартала» показывает, что при грамотном устройстве территории, при создании удачного общественного пространства даже средовые, официально не являющиеся ценными здания могут приносить прибыль, что тоже немало важно [Трифонова, 2017].

Таким образом, основным условием сохранения статуса исторического города, на наш взгляд, являются как юридически-правовая урегулированность вопроса, так и деятельное участие горожан в сохранении культурного ландшафта поселения.

Список литературы

1. В поле зрения [Электронный ресурс]. — URL: <http://irkutsk.vpolezreniya.ru/> (дата обращения: 17.04.2018).
2. Валерианов Г. Демагогия по «защите» истории // Лит. газ. — 2010. — 29 сент. (№ 38(6292)).

[Электронный ресурс]. — URL: <http://lgz.ru/article/N38--6292---2010-09-29-/D%D0%B5magogiya-na-%C2%ABzashtit%D0%B5%C2%BB-istorii14030/> (дата обращения: 05.05.2018).

3. Весна 3. В Иркутской области запустили проект по сохранению памятников архитектуры // Твой Иркутск: Информационный портал. — 2018. — 29 янв. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.irk.ru/news/20180129/project/> (дата обращения: 29.01.2018).
4. Доклад Службы ОКН // Официальный портал города Иркутска [Электронный ресурс]. — URL: admirk.ru>DocLib/2.Доклад ОКН 07.02.2014.docx (дата обращения: 05.05.2018).
5. Исчезающий Иркутск [Электронный ресурс]. — URL: <http://cluballiance.ru/portfolio/vanishing-irkutsk/> (дата обращения: 05.05.2018).
6. Махнева А. Историю ограничили // Конкурент. — 11.02.2014 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vsp.ru/2014/02/11/istoriyu-ogranichili/> (дата обращения: 18.06.2017).
7. Мурашева К. Алексей Петров не хочет, чтобы Иркутск исчез [Электронный ресурс]. — URL: <https://les.media/broadcasts/mediapoligon-24?tag=Алексей+Петров> (дата обращения: 11.02.2018).
8. «Наследие» пришло всерьез и надолго // Глагол: Иркут. обозрение. — 2018. — 28 февр. [Электронный ресурс]. — URL: https://glagol38.ru/text/28-02-2018/nasledie_prishlo_vserez_i_nadolgo (дата обращения: 02.03.2018).
9. Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: Федеральный закон №73-ФЗ от 25.06.2002 г. // Гарант: информационно-правовой портал [Электронный ресурс]. — URL: <http://base.garant.ru/12127232/> (дата обращения: 05.05.2018).
10. Список исторических городов России [Электронный ресурс]. — URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_исторических_городов_России (дата обращения: 05.05.2018).
11. Трифонова Е. В поиске культурного кода // Вост.-Сиб. правда. — 2017. — 5 дек. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vsp.ru/2017/12/05/v-poiske-kulturnogo-koda/> (дата обращения: 21.02.2018).

Н.В. Савельева
Томский государственный архитектурно-
строительный университет (Томск)
sava5358@yandex.ru

**Подлинность, определяющий фактор ценности,
на примере здания Новосибирского театра оперы и балета**

Аннотация

В статье представлены результаты анализа понятия подлинности в отношении объектов историко-архитектурного наследия. Критерии подлинности на сегодняшний момент остаются наиболее дискуссионными как в теории, так и в реставрационной практике. На примере объекта культурного наследия федерального значения «Здание Новосибирского театра оперы и балета» рассмотрен «тест на подлинность», результаты которого еще раз подтвердили, что основным принципом научной реставрации является принцип минимального вмешательства в исторический материал объекта с максимальным его сохранением.

Ключевые слова: реставрация, здание Новосибирского театра оперы и балета, «тест на подлинность»

N.V. Savelyeva
Tomsk State University of Architecture and Building (Tomsk)
sava5358@yandex.ru

**Authenticity as a Key Factor of Significance of an Object of Cultural Heritage
(Shown on the Example of Novosibirsk Opera and Ballet Theater)**

Abstract

This article presents the results of analysis of an authenticity as a term of historical architectural landmarks. Criteria of authenticity at the moment remain the most controversial concept, both in theory and in restoration practice. The author considers authenticity on the example of the federal cultural heritage object Building of *Novosibirsk Opera and Ballet Theatre* and confirms that the basic principle of scientific restoration is a principle of minimum intervention in the historical material of an object with its maximum preservation.

Key words: restoration, building of Novosibirsk Opera and Ballet Theatre, test for authenticity

Реставрация, подобно любому другому виду человеческой деятельности, не является неизменной системой принципов и методов, но имеет свое историческое развитие и зависит от того, во имя чего сохраняется и реставрируется памятник. Международно-правовая охрана культурных ценностей основана на концептуальных положениях, реализованных в конвенциях, соглашениях и рекомендациях, принятых в рамках международных организаций, а также на межгосударственном уровне.

Сохранение подлинности памятника в наши дни стало главным критерием научной реставрации, а сам термин — базовым понятием большинства современных концепций. К началу 70-х гг. XX в. дискуссии о подлинности в мировом реставрационном сообществе достигли пика, ЮНЕСКО приняла Международную конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия, которая была ратифицирована СССР в 1988 г. Таким образом, культурные ценности находятся под охраной как внутригосударственного, так и международного права. Каждое государство следит за сохранностью своего культурного наследия, проводит политику,

направленную на организацию реставрационных работ, восстановление и популяризацию объектов [Венецианская хартия, 1965].

В основе этого документа лежит тезис о том, что памятник — это научный документ, исторический источник, монументальное произведение, несущее духовное послание прошлого, которое остается в современной жизни людей свидетелем вековых традиций. Человечество с каждым днем все более осознает общечеловеческую ценность памятников, рассматривает их как общее наследие и несет ответственность за их сохранность. Оно считает себя обязанным передать памятники во всем богатстве их подлинности [Чернышева, 2006].

При всем при этом критерий подлинности памятника является наиболее дискуссионным понятием в теории и реставрационной практике. Не случайно к нему постоянно обращаются исследователи.

Подлинность — это качества и свойства произведения (в том числе объекта культурного наследия), присущие ему изначально, заложенные автором и исполнителем в процессе создания. Подлинность неизменяема, и в этом ее парадоксальность: мате-

рия авторского произведения стареет и видоизменяется, подвергается утратам и повреждениям, а подлинность при этом остается до момента полного исчезновения материальной формы произведения. Подлинность «фрагмента» не может быть меньше, нежели подлинность «целого», так же как нельзя утверждать, что «древнее» предпочтительнее «недавней», ценной или неценной подлинности.

В международной практике объект культурного наследия для включения в список всемирного наследия должен пройти испытание, так называемый «тест на подлинность», критерии которого определены в Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention (Оперативные руководящие принципы по осуществлению Конвенции о всемирном наследии) и составляют четыре основных параметра [Дрост, Бертильсон, 1994]:

— подлинность материала характеризует состояние строительного материала, имея в виду максимальное сохранение его первоначальных характеристик. При этом новые конструкции не могут быть определены как подлинные, но лишь как достоверные или подобные, тем более что очень часто используются новые (не аутентичные первоначальным) технологии и материалы;

— подлинность замысла (проекта) означает сохранение в памятнике тех элементов, которые свидетельствуют об оригинальной художественной, архитектурной, конструктивной или функциональной идее, составляющей основу памятника и его ценность. Произведение архитектуры есть материальное воплощение художественного образа и, несмотря на всю субъективность этого понятия, включает подлинность художественной формы и, может быть, даже подлинность образа. С одной стороны, подлинность материала это и есть подлинность формы. Однако, с другой стороны, между ними обнаруживается некоторое несовпадение. Подлинность материала не может уменьшиться в зависимости от его количества или степени изменения. Капитель колонны обладает теми же качествами подлинности, что и целая колонна. В то же время старение материала и утрата части его формы ведут к искажению художественного смысла, выраженного в этой форме. Таким образом, наступает нарушение подлинного (авторского) смысла или, можно сказать, художественной подлинности. А ведь «передача смысла» и лежит в основе процесса взаимодействия и «общения» эпох. Яркие цвета стен, новый материал пола изменяют эмоциональное восприятие объекта. Новые элементы (пусть даже это только люстры) изменяют соотношение масс и ритм в композиции, искажают смысл и содержание формы. Более того, они порождают новые ассоциации. Любое развитие памятника в соответствии с этим критерием предполагает гармонизацию с первоначальным замыслом. Авторскую (первоначальную) подлинность можно выявить и сохранить, ее можно почувствовать и понять, но к ней нельзя вернуться реально, ее можно лишь имитировать. В соответствии с критерием подлинности замысла необходимо сохранение материи памятника, следов первоначально использовавшейся строительной технологии;

— подлинность мастерства исполнения заключается в том, что нельзя вернуться к его состоянию

в момент завершения творческого процесса. Первоначальная, авторская подлинность сохраняется пропорционально прочности материалов. Паркет стареет быстрее, чем пол из мозаичного бетона. Определение «подлинный памятник» относится не к тому состоянию объекта, в каком он был когда-то, а к тому, в каком объект пребывает в настоящий момент.

— подлинность среды (окружающей обстановки) означает сохранение контекста памятника. Реализация этого критерия предполагает сохранение структуры городской ткани и ее консервативную реабилитацию, а также запрет на перемещение исторических сооружений.

Рассмотрим, в каких нормативных или законодательных отечественных документах зафиксированы критерии подлинности. Одним из основных документов является Федеральный закон № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации», принятый в 2002 г. Однако, как это ни парадоксально, критерий «подлинности» как основополагающий термин сохранения объектов культурного наследия в данном документе отсутствует. Вместо него фигурируют понятия «историко-культурная ценность объекта культурного наследия» и «предмет охраны» (ст. 43, 47.2, 47.3).

Официально данный термин обозначен в ГОСТ Р 55528-2013 «Состав и содержание научно-проектной документации по сохранению объектов культурного наследия. Памятники истории и культуры», п. 3.1.6:

- подлинность «материала» («субстанции»),
- подлинность «мастерства» исполнения,
- подлинность первоначального «замысла» (т.е. подлинность «формы»),
- подлинность «окружения».

Именно это понятие подлинности играет фундаментальную роль во всех научных исследованиях объекта культурного наследия.

Встает вопрос, выдержит ли испытание «тест на подлинность» объект культурного наследия федерального значения, который в реестре памятников Российской Федерации значится как «Здание Новосибирского театра оперы и балета¹, 1931—1954 гг., арх-ры А.З. Гринберг, Т.Я. Барт, А.В. Щусев, худ. М.И. Курилко, ск. В.Ф. Штейн», а именно — его зрительский комплекс. История данного объекта начинается с 1931 г., когда был утвержден проект Дома науки и культуры, затем, в 1934 г., была выполнена реконструкция под театр оперы и балета. Открытие основных помещений театра состоялось в 1945 г., а окончательное завершение строительных работ — в 1956 г.

Спустя полвека, в 2001 г. (срок для памятников не такой уж и большой), с учетом развития новых сценических технологий, с одной стороны, и требований сохранения объекта культурного наследия, с другой стороны, была разработана концепция реставрации, которая определила общий характер предлагаемых работ по зрительскому комплексу (ил. 1) в зависимости от ценности, физического состояния, процента утрат (вплоть до полной утраты). Были назначены режимы ремонтно-реставрацион-

¹ Далее — НГАТОиБ.

ных работ в следующем порядке:

1. Полная реставрация, включающая архитектурно-декоративную отделку интерьеров, обстановочного комплекса и воссоздание утраченных деталей на основании комплексных научных исследований. Воссоздание по образцам, сохранившимся аналогам и чертежам. При этом допускаются варианты усиления конструктивных несущих элементов, не нарушающие первоначального внешнего облика. Отделка выполняется из материалов, аналогичных первоначальному, образцы которых предварительно согласовываются в установленном порядке.

2. Частичная реставрация выполняется на основании комплексных научных исследований.

При утрате либо физическом износе элементов более 50—60% сохранившиеся элементы подлежат реставрации в порядке, определенном пунктом № 1. Утраченные элементы изготавливаются по точному образцу.

Ненормативная стадия проектирования, связанная с созданием концепции реставрации, позволила определить сбалансированный, внятный подход к процессу реставрации и назначить регламент в отношении дальнейшего использования памятника, четко обозначить границы зоны реставрации зрительского комплекса: вестибюль, фойе первого, второго и третьего этажа с кулуарами, зрительный зал.

В 2004—2005 гг. выполнены ремонтно-реставрационные работы и техническое перевооружение зрительского комплекса на основании концепции и защищенного в 2003 г. на Федеральном научно-методическом совете по сохранению культурного наследия МК РФ проекта «Реставрация зрительского комплекса и фасадов НГАТОиБ» (СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск, 2002—2003 гг.) как составная часть проекта «Реконструкция, техническое перевооружение, капитальный ремонт и реставрация НГАТОиБ» (ЗАО МСПА «МОССИБ», г. Москва, ООО «АТТА-Проект», г. Новосибирск). Основным принципом данной научной реставрации являлся принцип минимального вмешательства в исторический материал объекта с максимальным его сохранением. Согласно методике проектирования объектов культурного наследия, реставрационным работам предшествует тщательное и всестороннее исследование памятника: натурные (архитектурные и инженерные) и историко-архивные изыскания. Современная реставрация — это «не застывший», а постоянно развивающийся процесс, который включает в себя изучение памятника на основе документальных свидетельств (письменных и графических источников, фотографий, рисунков, чертежей и т.д.), его фотофиксацию на различных этапах работы, предварительное всестороннее изучение объекта реставрации современными научно-технологическими методами и способами обследования (химические и физические исследования материалов, определение технологий создания объекта). Исходя из того, что памятник неотделим от исторической эпохи, в процессе которой он создавался, ценностная функция реставрации и консервации заключается в сохранении памятника как произведения архитектуры, так и свидетельства истории.

Использование сохранившихся авторских чертежей, иконографических и фотоматериалов по НГА-

ТОиБ позволило с достаточно высокой степенью достоверности провести реставрационные работы на памятнике. В оперном театре, к счастью, есть замечательный архив, где сохранились уникальные бесценные чертежи-оригиналы, в том числе раскладка паркетного пола кулуаров (ил. 2), развертки стен фойе второго этажа с деревянными панелями из дубового шпона (ил. 3), чертежи кресел партера, люстры и бра, банкетки и т.д. Все эти материалы стали основным материалом для реставрации и воссоздания утраченных элементов.

Параллельно скрупулезной работе с архивными материалами велись натурные исследования. Памятник сам по себе уже является исходным материалом, который надо уметь читать. Так, на основе спектрального анализа отделочных слоев покраски стен, потолков, деталей с помощью стратиграфии расчисток методом последовательного внедрения в отделочные слои была составлена полная картина колористического строя интерьеров зрительского комплекса. Спектральное разложение лучей в зоне цветности каждого красочного слоя четко фиксировалось в определенном диапазоне длин волн цвета и оттенка. Лабораторные исследования красочного состава послойно расписаны в листах технического обследования [Архив СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск. Ш. 458/2003 г. Т. II. Кн. 4]. Согласно методике реставрации, в процессе реставрационных работ для последующих исследователей был оставлен так называемый маяк со всеми историческими красочными наслоениями [Архив СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск. Ш. 458/2005 г. Т. V. Кн. 1. Ч. 1. Л. АН-44]. Место для «маяка» в фойе второго этажа было выбрано не случайно: его охраняла лепная «маска» (ил. 4). На основании исторических чертежей и натурных исследований деревянные панели стен фойе второго этажа были воссозданы по исторической технологии с использованием отделки из дубового шпона с рисунком «под ромб». Данные панели являлись визуальным «связующим звеном» с аналогичными панелями зрительного зала стен, амфитеатра и лодочек, а также гармонично сочетались с паркетным полом. Однако есть обратная сторона медали: каждая реставрация уносит частицу подлинности. Каждая реставрация — это глубокое внедрение, добавляющее элементы воссоздания и уносящее частицу подлинности памятника. В Кодексе этики реставрационных профессий Российской Федерации отмечено, что «...для памятника наиболее корректным является изучение, восстановление и использование исторических технологий», что и было предложено: для покрытия пола фойе второго этажа было решено возродить технологию паркетного пола из клепки. Доказательность действий по отношению к памятнику превратилась в один из основных, если не главных, постулатов данной реставрации.

В принятом и утвержденном предмете охраны «Здание Новосибирского театра оперы и балета» (Приказ МК РФ № 987 от 03 июля 2014 г.) обозначены в том числе следующие позиции, которые должны сохраняться как подлинные элементы интерьеров зрительского комплекса объекта культурного наследия: 1) цветовое решение интерьеров зрительской группы, 2) габариты, конфигурация и материал лест-

ничных клеток, 3) ограждение лестниц, 4) кессонные и сводчатые потолки, 5) покрытие полов помещений зрительской группы.

Согласно ст. 47.3 Федерального закона № 73-ФЗ (введена Федеральным законом от 22.10.2014 № 315-ФЗ) обозначены требования к содержанию и использованию объекта культурного наследия и, в частности, указывается: «не проводить работы, изменяющие предмет охраны объекта культурного наследия либо ухудшающие условия, необходимые для сохранности объекта культурного наследия».

В итоге, спустя десять лет после реставрации зрительского комплекса, в 2015 г. компания «РосИнтерьерРеконструкция» (г. Санкт-Петербург) по заказу новой дирекции театра (рук. — В.А. Кехман) выполнила так называемое обновление интерьера. Это обновление коснулось «святая святых» помещений зрительского комплекса: вестибюля, фойе второго этажа, зрительного зала. В результате, игнорируя требования закона, принципы ранее выполненной реставрации (2005 г.) и фундаментальную роль понятия подлинности, без каких-либо научных исследований объекта культурного наследия были использованы современные материалы и технологии, которые никогда не присутствовали в интерьере — ковролин на полах вестибюля и фойе второго этажа (ил. 5), новые люстры, амфитеатр в партере зрительного зала. Были утрачены деревянные панели и мебель фойе второго этажа и т.д. Предложенные новые «жемчужные и терракотовые цвета» в интерьере стали преобладающей цветовой гаммой, с претензией на изысканность и роскошь. При таких ремонтах уничтожаются важные свидетельства — «маяки», которые несут информацию обо всех исторических отделочных слоях. В итоге интерьер зрительского комплекса был обновлен до такой степени, что стал восприниматься как «евроремонт», граничащий с подделкой под «лоск», а следовательно, ничего общего не имеющий с понятием подлинности. Основным критерием выполненных работ

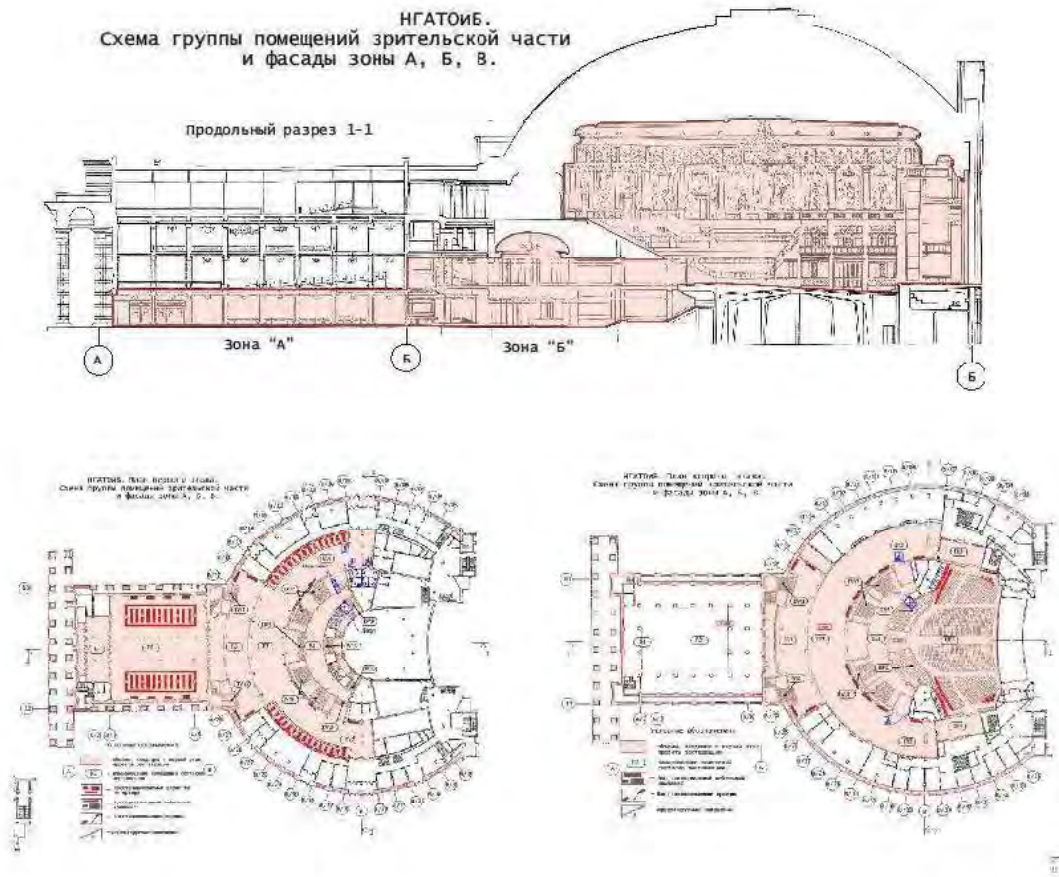
стало «сделаем лучше, чем было». Такой подход к реставрации не является научным, а сам объект культурного наследия федерального значения «Здание Новосибирского театра оперы и балета» «тест на подлинность» не прошел.

Список литературы

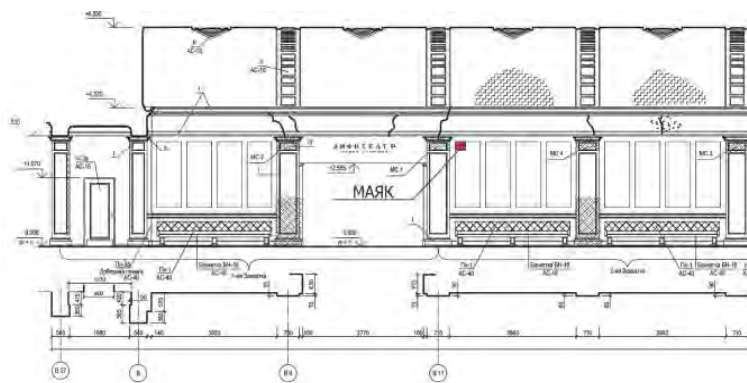
1. Венецианская хартия («Международная хартия по консервации и реставрации памятников и достопримечательных мест»), рассмотренная на II Международном конгрессе архитекторов и технических специалистов по историческим памятникам (Венеция, 1964 г.), принятая ИКОМОС в 1965 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://spbiiir.ru/ftpgetfile.php?id=1674> (дата обращения: 15.04.2018).
2. Дрост Б., Бертильсон У. Подлинность и всемирное наследие (докл. Международной конференции, посвященной проблеме подлинности применительно к Конвенции об охране всемирного наследия; Нара, 1994) [Электронный ресурс]. — URL: http://kgior.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2015/08/27/Подлинность_и_ВН.pdf (дата обращения: 15.04.2018).
3. Чернышева Е.К. Научные и методологические проблемы реставрации: этические аспекты профессиональных отношений // Материалы науч.-практ. конф. «Реставрация в храме-памятнике». — 2006. — № 2 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rusarch.ru/chernysheva1.htm> (дата обращения: 15.04.2018).

Список источников

1. Архив СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск. Ш. 458/2003г. Т. II. Кн. 4. Комплексные научные исследования здания.
2. Архив СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск. Ш. 458/2005г. Т. V. Кн. 1. Ч. 1. Научно-реставрационный отчет.

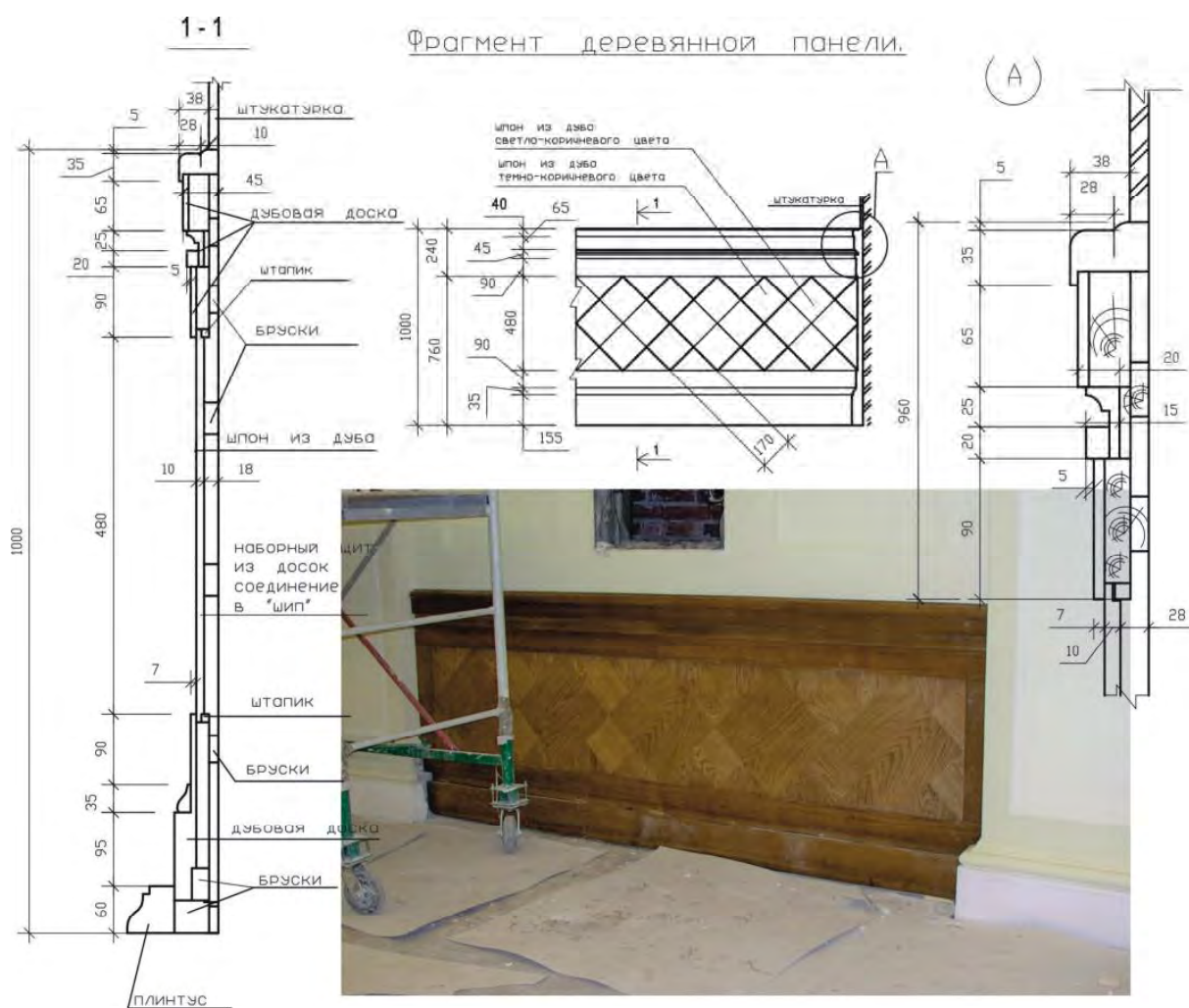

Ил. 1. Фрагменты Концепции реставрации зрительской части здания Новосибирского театра оперы и балета (разрез, план 1-го и 2-го этажей), выполненной институтом «Спецпроектреставрация», г. Москва, 2001 г., с показом зоны реставрации (из архива НГТОиБ)

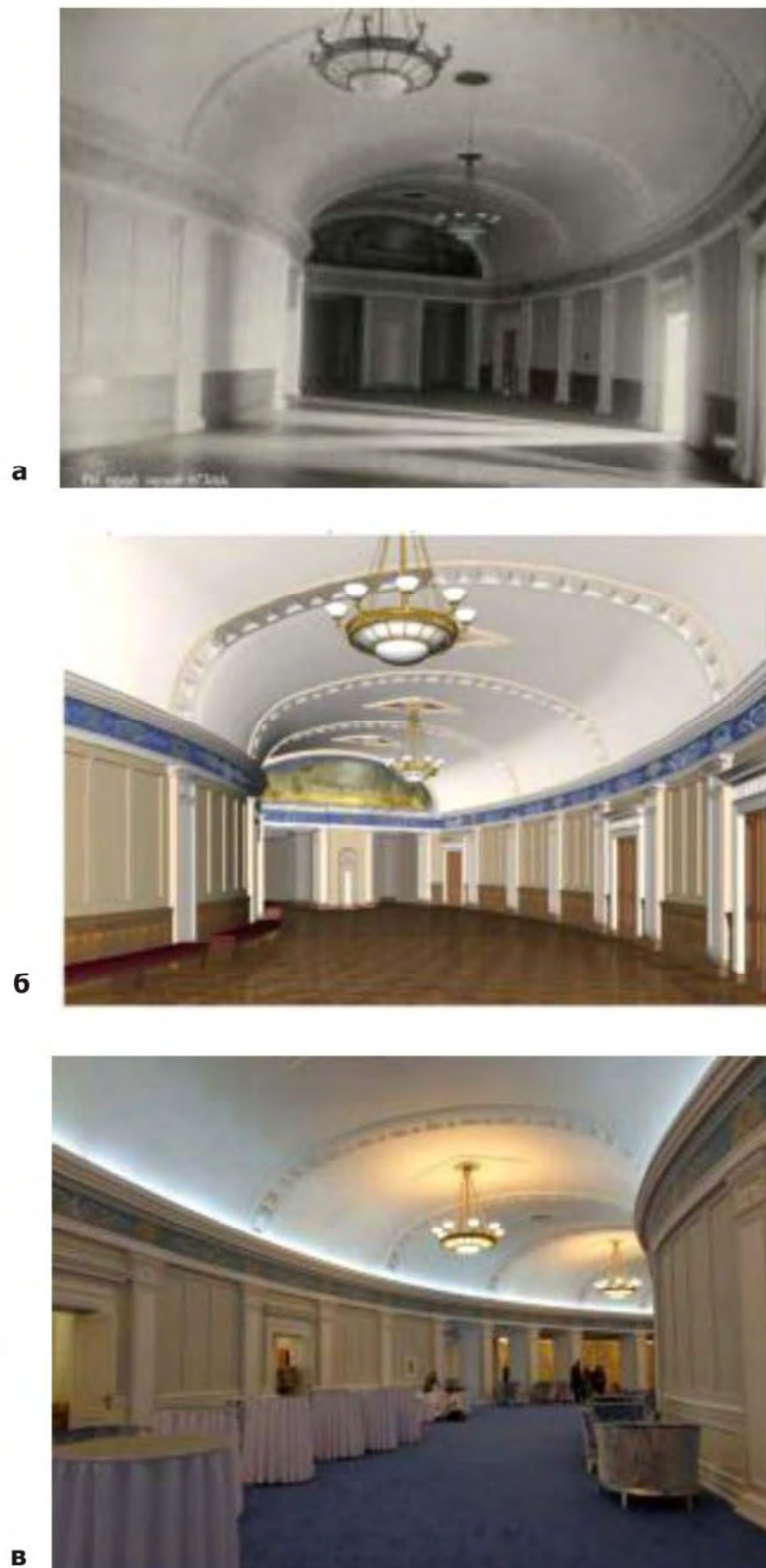

Ил. 2. Фрагмент развертки стены фойе 2-го этажа с показом места «маяка» и маски (МС-1), которая охраняла это место [Архив СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск. Ш. 458/2005г. Т. V. Кн. 1. Ч. 1. Л. АН-44]

Ил. 4. Результаты комплексных научных исследований проекта «Реставрация зрительского комплекса и фасадов НГАТОиБ» (СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск, 2002 г.). Обмерный чертеж деревянной панели фойе 2-го этажа [Архив СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск. Ш. 458/2003г. Т. II. Кн. 3. Ч. 2. Л. ОЧ-42], фотофиксация деревянной панели после реставрации, 2004 г. Снимок автора. В настоящее время (при ремонте 2015 г.) полностью утрачены

Ил. 5. Сравнительный анализ интерьера фойе 2-го этажа: а — историческая репродукция (МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ); б — проект реставрации (СИ «Сибспецпроектреставрация», г. Томск, 2003 г.); в — состояние интерьера после ремонта 2015 г. Снимок автора

М.В. Скуднева
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
Skudneva74@mail.ru

Проблема сохранения историко-архитектурного наследия центра города Ялты

Аннотация

Исследованы основные этапы формирования архитектурно-планировочной структуры исторического центра в период XVIII—XXI вв. Рассмотрена проблема сохранения городской среды, обладающей значительной исторической и архитектурной ценностью. Предложены рекомендации по сохранению значимых городских объектов и сложившейся городской среды в пределах исторического центра города Ялты.

Ключевые слова: историко-архитектурное наследие, городская среда, архитектурно-планировочная структура, реставрация и реабилитация памятников архитектуры, восстановление архитектурно-художественного и стилистического облика зданий

M.V. Skudneva
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)
Skudneva74@mail.ru

The Problems of Preservation of Historical and Architectural Heritage of the City of Yalta Centre

Abstract

The principal stages of architectural and planning structure formation of the city centre during 18th—21st centuries have been researched. The problem of preservations of the city environment, which has the most important historical and architectural value, has been mentioned. The recommendations for preservations of the most important city buildings and the current city environment within Yalta's historical centre have also been suggested.

Key words: historical and architectural heritage, city environment, architectural and planning structure, restoration and rehabilitation of architectural monuments, reconstruction of an architectural – artistic and stylistic image of buildings

Проблема сохранения историко-архитектурного наследия в исторических городах на территории Российской Федерации с их традиционной культурой, веками сложившейся планировочной структурой, неповторимым образом, уникальными материально-художественными и духовными ценностями является актуальной. Эффективное решение задач, связанных с защитой историко-архитектурного наследия на территории исторических субъектов, с учетом бережного отношения к сложившейся городской среде с ценной исторической застройкой и объектам архитектурного наследия, возможно только в результате взаимодействия и коллективной работы архитекторов, историков, органов государственной власти и общественности.

Изучение вопросов охраны объектов культурного наследия, сохранения фрагментов ценной планировочной структуры, ансамблей, памятников архитектуры и истории требует особого внимания на территории Крымского полуострова — нового субъекта Российской Федерации. На примере города Ялты

рассмотрим кратко эволюцию архитектурно-пространственной структуры городского центра в период XVIII—XXI вв., предоставив возможность читателю оценить проблематику темы данной статьи.

Современная Ялта своим появлением обязана небольшому рыбацкому поселку, сформировавшемуся к концу XVIII в. на живописных террасах Поликуровского холма. Введение Крыма и северного Причерноморья в XVIII в. в состав России приобщило их к европейской цивилизации, к русской культуре, открыло путь их экономическому развитию [Макаров, 1956, с. 32]. В конце XVIII в., в период правления Екатерины II, происходит освоение Ялтинской долины. Активная строительная деятельность графа Н.С. Мордвинова, основавшего в Ялте свое имение «Хорошая пустошь», повлияла на формирование архитектурно-планировочной структуры города. Центр города этого периода компактно организован, насыщен функциями, сконцентрированными у подножия холма между морской гаванью и торговой площадью.

Вторая половина XIX — начало XX в. характери-

зается появлением новых зданий и сооружений, архитектурно-художественный облик которых повлиял на формирование центра города. При правнучке Н.С. Мордвинова в «Хорошей пустоши» возводится дворец, созданный по проекту петербургского инженера Ф.Б. Нагеля и архитектора О.Э. Вегенера (ил. 1). Итальянские виллы эпохи Возрождения стали прообразом архитектурно-планировочного решения дворца графа А.А. Мордвинова. Материалами для строительства резиденции послужили серый известняк и гурзуфский зеленый песчаник [Ялта...]. В дальнейшем при возведении общественных и жилых зданий в Ялте будут использоваться именно эти строительные материалы, цвет и фактура которых сыграют важную роль в формировании архитектурно-художественного облика исторического центра города.

В начале XX в. пожаром был уничтожен двухэтажный доходный дом семьи Мордвиновых, простой в архитектурном решении и старейший в Ялте. Построенный еще в начале XIX в., он располагался в исторической части города у подножия Поликуровского холма между ул. Прорезной (ныне ул. К. Маркса) и ул. Бульварной (ныне ул. Ф. Рузвельта). С его утратой открылись новые перспективы планировочного развития центра города, компактно расположившегося по обе стороны ул. Елизаветинской (ныне ул. Игнатенко). В это время определилась высокая ценность данного участка, обозначилась функциональная связь центра города с морской гаванью.

Дальнейшее формирование исторического центра Ялты тесно связано с именем талантливого архитектора Н.П. Краснова, выполнявшего заказы царствующей семьи Романовых в Крыму. На месте утраченного во время пожара доходного дома Мордвиновых по проектам архитектора Н.П. Краснова были возведены два четырехэтажных здания: первое — вдоль речки Дерикойки (ныне гостиница «Крым», ил. 2)), второе — на углу ул. Бульварной и Елизаветинской. Оба здания предназначались для сдачи в аренду. Их архитектурно-планировочное решение отражало большую часть значительных строительных и функциональных задач того времени и было решено в духе неоренессанса. Важным структурным элементом, участвующим в организации городского центра, стали торговые ряды. По замыслу архитектора, их объемно-пространственное решение создано на контрасте с расположенными рядом доходными домами. Торговые ряды получили строгий, деловой вид за счет лаконичной архитектуры и использования в отделке природных материалов. Архитектурно-планировочное решение двухэтажного здания торговых рядов следовало архитектуре итальянских палаццо с их открытыми атриумными пространствами. Первый этаж торговых рядов, выполненный из серого природного камня в виде прямоугольного каре с просторным внутренним двором и подвалами для товаров, предназначался для торговли, а второй использовался как постоялый двор [Ялта...].

Главные архитектурные памятники, средовые элементы, сформировавшиеся в период XIX—XX вв. в историческом центре Ялты, на территории между Поликуровским холмом и речкой Дерикойкой, в дальнейшем сыграют важную роль в социальной, экономической и культурной жизни города на протяжении всего пути его развития.

Формирование исторического центра Ялты у подножия Поликуровского холма и на его склонах (ил. 3) продолжалось с середины XVIII до начала XX в. Для него характерны постройки различных времен, среди которых преобладают двух- и трехэтажные дома времен Российской империи в стиле неоренессанс, классицизм, неоготика, модерн и др. с присущей им пластикой фасадов, лепниной и богатым архитектурно-художественным убранством. Планировочная структура формировалась в сложных ландшафтных условиях и отличалась преобладанием узких, извилистых улочек и большим количеством жилых малоэтажных домов, построенных вплотную друг к другу.

Старая Ялта является носителем культуры и исторического облика прошлого с начала XX в. — здесь ничего не изменилось. Новое строительство из-за дефицита свободных площадей почти невозможно, поэтому многие памятники истории и архитектуры видоизменились из-за стихийных реконструкций, проводимых владельцами этих зданий. В результате ценная застройка утратила былую красоту и величие, разрушив целостность сложившейся городской ткани — структурного элемента городской среды.

В конце 90-х гг. XX в. многие объекты культурного наследия и памятники архитектуры, расположенные на территории исторического ядра Ялты, были подвержены кардинальным изменениям. Бессистемная реконструкция и современная точечная застройка в жилых кварталах улиц Игнатенко, К. Маркса, Свердлова, Рузвельта, Дражинского и др. изменила в корне первоначальный облик исторических зданий и кварталов. Стихийная реконструкция памятника архитектуры — торговых рядов графа А.А. Мордвинова (ул. Игнатенко, 2, 4, ил. 4) — негативно отразилась на общем архитектурном облике здания, нарушив пропорции и ритм, уничтожив заложенный в основу объекта архитектурный замысел. Отсутствие грамотного подхода к проектированию и размещению современных сооружений в кварталах с исторической застройкой привело к утрате целостности сложившейся городской среды, нарушило баланс гармоничного взаимодействия старой и новой застройки.

В целях сохранения историко-архитектурного наследия центра города Ялты необходимо установить режим градостроительной реконструкции, при котором сохраняется и восстанавливается сложившаяся к определенному историческому периоду градостроительная структура при регенерации существовавшей ранее или близкой к ней функции. При восстановлении архитектурно-художественного и стилистического облика зданий, расположенных в кварталах сложившейся застройки в районе Поликуровского холма и набережной им. В.И. Ленина, необходимо выработать индивидуальный подход, в основе которого будут заложены следующие принципы и методы реконструкции:

1. В условиях современной реконструкции и реставрации городской среды и отдельных архитектурных ансамблей, а также в целях сохранения традиций и технологий, применяемых ранее при строительстве в историческом центре, использовать архивные документы, проекты, генеральные планы и другие источники. При проектировании в историческом центре обязательно проводить предпроект-

ную стадию научного исследования.

2. Сохранение неповторимого характера городского окружения за счет использования традиционных типов инженерных коммуникаций или путем устройства скрытой современной инфраструктуры, необходимой для функционирования городских кварталов.

3. Определение алгоритма взаимодействия ценной исторической застройки с новыми современными комплексами с учетом их функционального и архитектурно-художественного взаимодействия. Признание исторического облика центра города целостной системой взаимодействующих друг с другом памятников истории и архитектуры, которые должны подлежать охране, так как взаимодействие здания с окружающей его городской средой является его ценностью и достоинством как в художественном, так и в градостроительном аспекте.

На протяжении последних четырех лет интерес к историческим городам и объектам Крыма возрос. Урбанисты, архитекторы и студенты специализированных вузов участвуют в конкурсах по разработке проектов реконструкции ценных фрагментов городской среды, реставрации памятников архитектуры и истории, создания объектов благоустройства и озеленения на территории исторических городов Крымского полуострова. Несмотря на позитивные тенденции, нельзя забывать о соблюдении системы мероприятий по охране историко-архитектурного

наследия разных зон города, содержащих различные по уровню концентрации памятники архитектуры и градостроительства с разной степенью их сохранности, что определяет выбор основного направления и степень реконструкции.

Рассмотренные в данной статье территории и объекты находятся в пределах исторического ареала Ялты в охранной зоне исторического ядра «Старая Ялта», где должен быть установлен особый режим, при котором будет осуществляться реставрация и реабилитация памятников, обеспечиваться охрана традиционного характера среды, исключаться сооружение и насаждения, нарушающие сложившийся характер городской среды, восстанавливаться утраченные ценные объекты. Новое строительство возможно только в исключительных случаях, по проектам в согласованном порядке, определенном законодательством Российской Федерации.

Список литературы

1. Макаров М.Н. Ялта. — Симферополь: Крымиздат, 1956. — 212 с.
2. Ялта. Усадьба Мордвинова «Хорошая пустошь» // Ялта: путеводитель и справочная информация [Электронный ресурс]. — URL: http://jalita.com/big_yalta/yalta/mordvinov.shtml. (дата обращения: 11.01.2018).

Ил. 1. Дворец графа А.А. Мордвинова
(URL: <https://history-crimea.kudalibo.ru/dvortsy-i-usadby/dvoretz-grafa-mordvinova>)

Ил. 2. Гостиница «Крым», арх. Н.П. Краснов
(URL: http://jalita.com/dwelling/hotels/images/hot_crimea_1.jpg)

Ил. 3. Поликуровский холм, 2-я пол. 1870-х гг.
(URL: <https://visualhistory.livejournal.com/1587113.html>)

Ил. 4. Торговые ряды графа А.А. Мордвинова, ул. Игнатенко, 2, 4. Снимок автора

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10066
УДК 72.03

Л.С. Супонина
Алтайский государственный краеведческий музей (г. Барнаул)
lilya_suponina@mail.ru

Собрание Алтайского государственного краеведческого музея как источник по изучению архитектуры города Барнаула

Аннотация

Барнаул развивался со времени своего основания как центр горнозаводского округа на Алтае. Архитекторы, коллективы строителей и народные мастера создали в городе многие выдающиеся по своей исторической и художественной ценности ансамбли и отдельные произведения зодчества. В фондах Алтайского государственного краеведческого музея хранятся уникальные документальные свидетельства по истории строительства Барнаула и его архитектуры: подлинные документы, фотокопии из Государственного архива Алтайского края, карты, планы города в разные временные периоды, фотографии улиц, зданий, а также их негативы, фрагменты декоративного оформления зданий. Фотодокументальный фонд музея позволяет изучить архитектурный облик города минувших столетий и зданий, не дошедший до наших дней, а также проследить процесс изменения облика сооружений на протяжении столетий.

Ключевые слова: Барнаул, Алтайский государственный краеведческий музей, план города, Демидовская площадь, панорама города, деревянное зодчество

L.S. Suponina
Altai State Regional Studies Museum (Barnaul)
lilya_suponina@mail.ru

Collection of Altai State Regional Studies Museum as a Source of Architectural Research of the City of Barnaul

Abstract

Barnaul was developing as the center of mining and metallurgical district of Altay since the date of its foundation. Architects, master-builders and craftsmen created lots of architectural ensembles and separate pieces of architecture which are distinguished for their historic and artistic values. In the collection of Altai State Regional Studies Museum there are unique documental evidences of the history of construction and architecture of Barnaul: authentic documents, photocopies of State Archive of Altai Krai, maps, city plans from the various periods of time, photos and negatives of buildings, streets and fragments of decorative design of buildings. Photographic documentation fund of the Museum allows to make a research of the town image of previous centuries and buildings, which are not survived to our days, and also to investigate the process of change of the image of buildings within the course of centuries.

Key words: Barnaul, Altai State Regional Studies Museum, city plan, Demidov Square, cityscape, wooden architecture

Город Барнаул — административный и культурный центр Алтайского края, история которого восходит к началу XVIII в. За два с половиной столетия он превратился в один из крупнейших городов Сибири. История города интересна тем, что Барнаул развивался со времени своего основания как центр горнозаводского округа на Алтае. Архитекторы, коллективы строителей и народные мастера создали в городе многие выдающиеся по своей исторической и художественной ценности ансамбли и отдельные произведения зодчества.

В фондах Алтайского государственного краеведческого музея хранятся уникальные документальные свидетельства по истории строительства г. Барнаула

и его архитектуры: подлинные документы, фотокопии из Государственного архива Алтайского края, карты, планы города в разные временные периоды, фотографии и негативы зданий, улиц.

В конце XVIII в. Барнаул был небольшим городом с крепостью в центре. Он располагался по обеим сторонам р. Барнаулки, близ впадения ее в р. Обь. За пределами крепости находились казенные постройки, принадлежавшие заводу: двухэтажный архив, в котором хранилось выплавленное серебро и золото вместе со всем делопроизводством казны, стеклянный и кирпичный заводы, пороховой, хлебный, соляной и другие «магазины», госпиталь, аптека, молитвенный дом, конюшня. Вне крепости была

построена заводская контора, половину которой занимала школа, а также «канцелярия Горного начальства» и «комиссаровское правление».

В фондах Алтайского государственного краеведческого музея (далее АГКМ) имеются негативы, сделанные с подлинных чертежей, хранящихся в Государственном архиве Алтайского края (далее ГААК). Негативы были выполнены в 1950-е гг. фотографом музея С.И. Каманиным. Среди них — план Барнаульского завода 1757 г. [АГКМ. НВФ 206], план и фасад соляного амбара («магазина») в г. Барнауле в 1816 г. [АГКМ. НВФ 210], карта окрестностей Барнаульского завода 1767 г. [АГКМ. НВФ 333]. На карте изображены десятки парубок в Ленточном бору у Барнаульского завода.

В 1785 г. был составлен план города, который утвердил и уточнил уже сложившуюся сетку прямоугольных кварталов. По плану весь город располагался по левому берегу р. Барнаулки и включал в себе около 70 различной величины небольших кварталов. Город должен был иметь восемь улиц, параллельных реке, и десять переулков, перпендикулярных улицам. В плане города четко определилось строительное зонирование. Выделялись застройкой центральные кварталы, примыкавшие к заводу, в которых проживало зажиточное население. В музейном собрании имеются негативы планов Барнаула 1856, 1895 и 1907 гг., подлинники которых хранятся в ГААК [АГКМ. НВФ 102, 105, НФ 1276]. Негативы были выполнены в 1982 г. С.И. Каманиным. На негативе плана Барнаула 1837 г., который был утвержден Николаем I, показаны границы городской земли, кварталы города. План Барнаула 1912 г., составленный Чертежной Управлением Алтайского округа, выполнен в цветном варианте, наклеен на ткань размером 58,5 x 78 см [АГКМ. ОФ 14697]. На плане обозначены улицы, полицейские части и пожарные участки, границы кабинетской земли с перечнем и указанием местонахождения церквей, аптек, больниц, казенных и общественных учреждений. На оборотной стороне сделана надпись: «Каменданту Барнаула Князю Г. Антимирову». Этот план был приобретен музеем у жительницы Барнаула А.Н. Кокиной.

К концу XVIII в. относится сооружение нескольких кирпичных зданий на Петропавловской улице (ныне ул. Ползунова), являющихся памятниками архитектуры. Один из них — это здание Горной аптеки. В фонде АГКМ есть негатив чертежа, подписанного начальником округа Колывано-Воскресенских заводов Г.С. Качкой (подлинник в ГААК), выполненный С.И. Каманиным в 1957 г. [АГКМ. НВФ 158]. Это одноэтажное здание, фасад украшен четырьмя гладкими выступами, многоступенчатым фронтоном и общим для дверей и окон вестибюля карнизом.

Сооружения первой половины XIX в. в Барнауле являются наиболее интересными историко-культурными памятниками города. Это постройки значительно масштаба, с выразительной строгой архитектурой. Среди зданий этого периода, запечатленных на негативах АГКМ, интересен негатив плана и фасада батальонного цейхгауза и типографии. Негатив был сделан С.И. Каманиным с фотографии, присланной Л.В. Крячковой в августе 1955 г. [АГКМ. НВФ 215]. И типография, и батальонный цейхгауз были построены по проекту архитектора Я.Н. Попова — ученика К. Росси.

Одновременно с общим регулированием городского плана началось строительство ряда крупных для сибирского города зданий, которые составили архитектурный ансамбль в центральной части Барнаула. Наиболее интересный комплекс — Демидовская площадь [Баландин, 1974, с. 34]. В ансамбль входят здания горного училища, горного госпиталя и богадельни для инвалидов сереброплавильного завода с церковью Дмитрия Ростовского. Площадь сложилась у северного конца заводской плотины на левом сильно заболоченном берегу пруда. Идея ансамблевой застройки площади возникла еще в 1810-е гг.

Здание госпиталя положило начало формированию площади. Главным украшением фасада служит дорический ордер из шести колонн, представлены в качестве декора горизонтальные выступы — поясик и гурты, протянувшиеся на уровне подоконников и капителей колонн, и геометрических форм налесты, украшающие прямые окна нижнего этажа.

Второе здание площади — заводская богадельня (инвалидный дом) с церковью. Центральная часть фасада богадельни была украшена выступающим вперед портиком из четырех дорических колонн. Фронтон представлял собой сплюснутый к основанию равнобедренный треугольник с модильонами. Окна были украшены прямыми карнизами. В начале XX в. портик был убран, надстроен второй этаж, стерты карнизники окон. За зданием богадельни находилась церковь-ротонда, соединенная с богадельней крытым кирпичным переходом.

Угловое положение в квартале, прилегающем к площади, занимало здание горного училища. План училища имел форму двух соединенных под прямым углом прямоугольных корпусов. Внутренние помещения здания состояли из анфилады больших зал, частью — с двусторонним освещением.

Законченный вид площади придает гранитный обелиск в ее центре в память столетия основания Колывано-Воскресенских заводов. Памятник собран из больших по величине гранитных блоков, соединенных железными штырями на свинцовых прокладках. Двенадцать блоков стержня обелиска опираются на четыре чугунных куба по углам основания обелиска. Памятник сохранился не полностью. От него утерян целый ряд литых чугунных деталей: доска с посвятельными надписями и овальный барельеф с изображением А.Н. Демидова, который сейчас хранится в Алтайском государственном краеведческом музее [АГКМ. ОФ 234]. На барельефе А.Н. Демидов изображен в роскошном костюме, в парике. Над барельефом надпись полукругом «Действительной статской советник Акинфи Никитичъ Демидов». Верхняя часть медальона обрамлена венком, перехваченным лентой. Петли ее, имитирующие банты, были предназначены для крепления медальона на обелиске. Барельеф был отлит на Гурьевском заводе в 1840-х гг.

Фотографии конца XIX — начала XX в. являются незаменимым источником по изучению архитектуры этого периода времени. В связи с тем, что строительство Демидовской площади предшествовало появлению фотографии, начальный период ее застройки никак не был запечатлен на снимках. Однако Демидовскую площадь начала XX в. можно увидеть на серии фотооткрыток, выполненных барнаульским

фотографом С.И. Борисовым. На фотографии цвета сепии [АГКМ. ОФ 12595/7] представлена площадь с видом на гору, в левой части — Демидовский столп, по периметру обнесенный невысокой оградой. На двух других открытках — здание горного училища. Над входом в здание можно увидеть вывеску с названием: «Реальное училище Императора Николая II» [АГКМ. ОФ 12595/20, 75].

Не только Демидовская площадь, но и город начала XX в. запечатлен на снимках С.И. Борисова. Сергей Иванович Борисов (1858—1935) — уроженец г. Симбирска, профессиональный фотограф. С конца XIX в. проживал в Барнауле. Особый интерес представляют панорамные снимки, на которых просматривается одно- и двухэтажный Барнаул, где возвышаются только храмы. В объектив фотографа попали виды городских улиц: Московский проспект (сейчас пр. Ленина), Конюшенный переулок (сейчас Красноармейский проспект), ул. Пушкинская (ныне ул. Пушкина), ул. Гоголя, ул. Толстого (ил. 1), Соборный переулок (сейчас Социалистический проспект), а также отдельные здания.

Здания Петропавловской улицы и Соборной площади проектировались или строились архитектором Я.Н. Поповым. На фотографиях С.И. Борисова можно увидеть, что в основном улицы были застроены небольшими одно- и двухэтажными сооружениями, имеющими простые планы в несколько помещений [АГКМ. ОФ 10573/8, 9, 12595/167].

После отмены крепостного права наступил резкий упадок горно-заводской промышленности Алтая, на первое место стала выходить торговля. В городе стало сравнительно быстро увеличиваться количество каменных домов, строящихся на средства купечества и промышленников. В городской застройке развивается строительство особняков, торговых зданий и контор, складов, зданий церковных учреждений, помещений для мастерских и фабрик.

В застройке последнего десятилетия XIX и начала XX в. увеличился процент каменных сооружений. В 1904 г. общее число зданий было равно 3723, из которых 288 — каменные [Баландин, 1974, с. 55].

Ничем не выделявшийся раньше Московский переулок к концу XIX в. становится главной магистралью города — Московским проспектом. На фотографиях начала XX в. можно заметить, что на проспекте преобладала компактная застройка участков с целесообразным использованием каждого квадратного метра, что становится типичным признаком планировки центральных кварталов [АГКМ. ОФ 417, 428, 9778/8, 10573/15-17, 12595/14, 19, 74, 120]. Здесь возводятся в основном кирпичные здания в два этажа.

Всматриваясь в фотографии начала XX в., можно заметить общие черты архитектурных сооружений того времени [АГКМ. ОФ 9778/5, 9778/7, 12595/118, 10573/5]. Здания образуют сплошной фронт застройки, появляются торговые дома и пассажи, банки, доходные дома. Для оформления фасадов применяются самые разные стилистические мотивы. В первых этажах, как правило, располагаются магазины, верхние этажи используются под жилье и конторы. Почти на каждом здании броская вывеска с фамилией хозяина или рекламой товаров.

Масштаб барнаульских построек и их архитектурный облик несут в себе печать провинциализма. Не-

сомненно, сказывалась и отдаленность от столичных городов, и малочисленность архитектурных кадров. Плотные застроенные кварталы города удивляют многообразием стилей. В архитектуре зданий переплетаются эклектика и модерн. Неповторимый колорит многим зданиям придают разнообразные формы башен на крышах.

В архитектурном наследии конца XIX — начала XX в. значительное место занимают деревянные здания. Среди деревянных зданий этого периода можно выделить несколько типов. Наиболее распространен тип жилого дома-особняка. Особый интерес представляют общественные здания. Они выделяются в окружающей застройке своими крупными формами, богатством и своеобразием декора. Дома ставились на красную линию улицы с парадным входом по главному фасаду. Совершенно отсутствуют палисадники. Хозяйственные постройки располагались в глубине участка. Особое внимание строители обращали на угловые дома, оформлявшие пересечения улиц.

Примером деревянного зодчества конца XIX — начала XX в. является дом, принадлежавший купцам братьям Шадриным, в советское время здесь размещался ресторан «Русский чай», позднее — «Император». Здание является примером хорошей реконструкции и приспособления памятника для новых целей. В 1976—1978 гг. дом был восстановлен по обмерным чертежам (арх. А.П. Долнаков). В фондах АГКМ имеются негативы барнаульского фотографа В.М. Садчикова [АГКМ. НВФ 1247/62-66], на которых запечатлен внешний вид и внутреннее убранство ресторана «Русский чай» в 1978 г. Архитектуру постройки трудно отнести к какому-либо стилю. Четкое построение объема дома удивляет живописной асимметрией на главном фасаде. Парадный вход выявляется выносным фронтоном, переходящим на втором этаже в балкон. Для усиления главного входа по его оси крыша завершается сквозным четвериком, переходящим в башенку с фонариком, и декоративным трилистником. Вторая акцентированная ось проходит по фронтону и лоджии верхнего этажа. Очень продуманно декоративное убранство дома. Профильная резьба насыщенного рисунка украшает только те элементы дома, которые играют важную роль: балкон и лоджия второго этажа, фронтоны. Боковые и дворовый фасады декорированы очень сдержанно. Внешний вид дома купцов Шадриных можно также увидеть на цветной фотографии середины XX в. [АГКМ. ОФ 6059].

Разнообразие декоративной обработки деревянного зодчества раскрывает серия черно-белых негативов, переданных в фонды музея А.М. Родионовым — алтайским писателем и краеведом [АГКМ. НФ 1230]. На негативах можно увидеть вид дома на ул. Мамонтова [АГКМ. НВФ 1230/250, 293-294], дома на углу пр. Социалистический, 4 и ул. Малой Олонской [АГКМ. НВФ 1230/295], фрагмент деревянного здания на ул. Ползунова, 56 [АГКМ. НВФ 1230/296-300]. Наибольший художественный интерес представляют негативы украшений наличников [АГКМ. НВФ 1230/252-260]. На единой конструктивной основе создавались обрамления окон от самых простых с примитивной орнаментикой до чрезвычайно выразительных с богатейшим разным декором в виде накладной резьбы, завершенных кокошниками, с

растительным орнаментом. Излюбленным приемом алтайских резчиков было также изображение парных птиц.

Помимо фотоисточников, в музейном собрании имеется комплекс фрагментов декоративного оформления Казенной женской гимназии (ил. 2), построенной в начале XX в. по адресу ул. Пушкина, 60 [АГКМ. ОФ 17904]. Комплекс был передан в музей при проведении демонтажных работ во время реконструкции здания. Среди фрагментов фасада интересны декоративный фризовый кронштейн, который украшал фасад гимназии и размещался под крышей здания на стене, фрагмент причелины — традиционного декоративного элемента русского деревянного зодчества, подзорная доска с фигурным нижним краем в виде волны с орнаментом в виде завитка в технике проволочной резьбы по центру. Деталь деревянного наличника — балясинка — состоит из шести частей, скрепленных гвоздем, в центре имеется накладка полуэллиптической формы, низ дополнен фасонными накладками-рейками, зрительно делящими центральную и фигурно вырезанную нижнюю часть.

В начале XX в. была велика плотность застройки, что было опасно в пожарном отношении. За 1914—1915 гг. в городе произошло 116 пожаров. 2 мая 1917 г. в Барнауле произошел особо крупный пожар, который начался на ул. Томской (ныне ул. В.Г. Короленко). Вследствие сильного ветра пожар быстро распространился на соседние кварталы. Огонь был настолько сильным, что большинство каменных зданий полностью выгорело. К 1930 г. был в основном закончен ремонт пострадавших от пожара зданий в центре города. Многие из них обновлены. В фондах АГКМ хранится фотография здания городской управы на ул. Большой Тобольской после пожара 1917 г. (ил. 3) [АГКМ. ОФ 429], на которой видны руины кирпичного здания с выгоревшими окнами и дверьми.

В 1920—1930-е гг. в связи с быстрым ростом населения появляются новые тенденции в градостроительстве г. Барнаула. Толчком нового этапа застройки города было и решение правительства о создании в Западной Сибири центра текстильной промышленности. Таким центром и стал Барнаул. В 1932 г. состоялась торжественная церемония закладки фундамента главного производственного корпуса меланжевого комбината [Баландин, 1974, с. 71]. В музейном фонде есть негатив, на котором запечатлен процесс строительства комбината (ил. 4). [АГКМ. НФ 810/12].

Особым динамизмом отличались градостроительные процессы на Алтае в 1950—1960-е гг., когда в центре Барнаула продолжалось строительство крупных объектов общегородского значения. Сформировалась главная площадь краевого центра — площадь Советов. Был построен Дворец зрелищ и спорта, затем — краевой театр драмы (арх. Н.П. Куренной) и главный корпус Алтайского государственного университета (арх. Г.И. Первушина). Создались предпосылки к дальнейшему развитию пространственно-планировочной композиции общегородского центра от Обского бульвара к площади Советов и будущей площади Сахарова [Степанская, 2006, с. 141].

Архитектуру Барнаула периода 1960—1980 гг. можно увидеть на снимках барнаульских фотогра-

фов Б.П. Брызгина и В.М. Садчикова. В репортажных снимках Б.П. Брызгина мы видим то, что интересовало и волновало барнаульцев в этот период времени: открытие памятников, ремонт дорог и др. Негативы с контрольными отпечатками были приобретены у него музеем в 1974, 1980-е, 1990 гг. На них можно увидеть панораму Барнаула с крыши элеватора летом 1978 г. [АГКМ. НФ 1497/80], момент застройки города в районе дороги между ул. А. Петрова и Павловским трактом — так называемой Хрущевки [АГКМ. НФ 1497/78]. Также Б.П. Брызгина интересовал процесс реставрации памятников архитектуры. На фотографии февраля 1989 г. запечатлен процесс реставрации Дома писателей, на июльском снимке можно увидеть уже отреставрированное здание [АГКМ. НФ 1497/107-108].

На снимках В.М. Садчикова 1978—1979 гг. можно видеть строительство новых микрорайонов города: микрорайона у Павловского тракта [АГКМ. НФ 1246/19], комплекса жилых домов с магазинами на пр. Комсомольском [АГКМ. НФ 1246/23], жилые дома на ул. Солнечная поляна [АГКМ. НФ 1246/20], строительство района Дальние Черемушки [АГКМ. НФ 1246/24]. Большую часть фотографий, переданных В.М. Садчиковым, составляют фотографии административных и учебных зданий: здание Барнаульского горисполкома 1978 г. [АГКМ. НФ 1247/35], Крайкома КПСС 1977 г. [АГКМ. НФ 1247/37], здание городского комитета КПСС 1978 г. [АГКМ. НФ 1247/34], здания Краевого статистического управления [АГКМ. НФ 1247/4], Алтайского политехнического института им. И.И. Ползунова 1978 г. [АГКМ. НФ 1247/21], Барнаульское высшее военно-авиационное училище летчиков [АГКМ. НФ 1246/41-44], городскую телефонную станцию [АГКМ. НФ 1247/26], Алтайский государственный театр драмы [АГКМ. НФ 1247/28-30], Барнаульский дворец зрелищ и спорта 1978 г. [АГКМ. НФ 1247/46], Дом печати [АГКМ. НФ 1247/32, 33]. Много снимков города сделано с высоты птичьего полета — панорама центральной части г. Барнаула в 1978 г. [АГКМ. НФ 1247/25-27], панорама площади Советов в 1980 г. [АГКМ. НФ 1247/18, 50].

На панорамных фотографиях барнаульского фотографа В.В. Морозова можно увидеть виды Барнаула и архитектуру его зданий конца 1970-х, 1980-х, начала 2000-х гг. [АГКМ. НФ 1229/7-8, 1446/28-35, 1623/19].

Памятники архитектуры, историческая среда города как составная часть культурно-исторического наследия обладают большим потенциалом. В зданиях и монументах процесс становления и развития города раскрывается для людей достоверно. Фотодокументальный фонд музея позволяет изучить архитектурный облик города минувших столетий и зданий, не дошедший до наших дней, и посмотреть, как менялся со временем их облик.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Архитектура Барнаула. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1974. — 108 с.
2. Степанская Т.М. Архитектура Алтая XVIII—XX вв. — Барнаул: А.Р.Т., 2006. — 299 с.

Список источников

1. АГКМ. НВФ 206
2. АГКМ. НВФ 210
3. АГКМ. НВФ 333
4. АГКМ. НВФ 102
5. АГКМ. НВФ 105
6. АГКМ. НФ 1276
7. АГКМ. ОФ 14697
8. АГКМ. НВФ 158
9. АГКМ. НВФ 215
10. АГКМ. ОФ 234
11. АГКМ. ОФ 12595/7, 14, 19-20, 74-75, 118, 120, 167
12. АГКМ. ОФ 10573/5, 8, 9, 15-17
13. АГКМ. ОФ 417
14. АГКМ. ОФ 428
15. АГКМ. ОФ 9778/5, 7-8
16. АГКМ. ОФ 6059
17. АГКМ. НФ 1230/250, 252-260, 293-300
18. АГКМ. ОФ 17904
19. АГКМ. НФ 810/12
20. АГКМ. НФ 1497/78, 80, 107-108
21. АГКМ. НВФ 5071
22. АГКМ. НФ 1246/19, 20, 23, 24, 41-44
23. АГКМ. НФ 1247/4, 18, 21, , 25-30, 32-35, 37, 46, 50, 62-66
24. АГКМ. НФ 1229/7-8
25. АГКМ. НФ 1446/28-35
26. АГКМ. НФ 1623/19

Ил. 1. С.И. Борисов. Улица Л.Н. Толстого. Барнаул, нач. XX в. АГКМ. ОФ 429

Ил. 2. С.И. Борисов. Казенная женская гимназия. Барнаул, нач. XX в. АГКМ. ОФ 426

Ил. 3. Здание городской управы на ул. Большая Тобольская после пожара. Барнаул, 1917 г. АГКМ ОФ 429

Ил. 4. Строительство Меланжевого комбината. Барнаул, 1932 г. [АГКМ. НФ 810/12]

**Символ и знак в историко-архитектурном
наследии Сибири**

**The Symbol and the Sign in the
Siberian Historical and Cultural Heritagee**

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10033

УДК: 391.9

Н.А. Березиков
 Институт археологии и этнографии
 СО РАН (Новосибирск)
 warumbaum@gmail.com

Севернорусские архитектурно-строительные приемы в жилом строительстве Ангаро-Енисейского бассейна в XVII веке: функции и символика

Аннотация

В статье рассмотрена жилая архитектура русских Енисейского уезда по среднему течению Енисея и верховьям Ангары в XVII в. Предпринят компонентный анализ жилых построек и строительных приемов по письменным источникам. Выделена группа элементов, типологически и в деталях сходных с севернорусской традицией. Среди них отмечены трехкамерные жилища, двухэтажные дворы, двускатные крыши самцовой конструкции, скалье, фронтоны, повалы, балконы, крыльца, двери, окна, интерьер жилища. Представленный локальный материал подтвердил вывод об определяющем влиянии севернорусской традиции на градостроительный облик поселений в Восточной Сибири. Севернорусские черты в строительстве жилых комплексов сформировали самобытный архитектурный ландшафт региона. Они функционально и знаково организовали среду обитания, подчеркнув символическую преемственность с местами выхода переселенцев. Функциональное и символическое воспроизведение зодческих традиций позволило переселенцам идентифицировать себя с новой средой обитания в условиях потери социальных связей.

Ключевые слова: XVII век, архитектура, зодчество, двор, Енисейский уезд, жилое строительство, русские, усадьба

N.A. Berezikov
*Institute of Archeology and Ethnography
 (Siberian Branch of Russian Academy
 of Sciences, Novosibirsk)*
 warumbaum@gmail.com

North-Russian Architectural and Construction Techniques in the Residential Construction of the Angara-Yenisei Basin in the 17th century: Functions and Symbols

Abstract

The article deals with the Russian residential architecture in Yenisei district in the 17th century. A component analysis of residential buildings and building techniques based upon written sources was done. A group of elements typologically and in details similar to the Northern Russian tradition was singled out. Three-chambered dwellings, double decker courtyards, gable roofs of the male structure, a cliff, gables, piles, balconies, porches, doors, windows, dwelling interiors were noted among them. The presented local material confirmed the conclusion about the determining influence of the Northern Russian tradition on the town-planning appearance of the Eastern Siberian settlements. The Northern Russian style in the residential construction formed the original architectural landscape of the region. It functionally and symbolically organized the habitat, which emphasized the symbolic continuity with the places of emigration. The migrants could identify themselves with the new habitat in the conditions of the loss of social ties through the functional and symbolic reproduction of the architectural traditions.

Key words: 17th century, architecture, courtyard, homestead, residential construction, the Russians, Yenisei district

Бытование и развитие традиций этнических групп, переселившихся на новые территории, является актуальной научной проблемой, поскольку они отражают закономерности функционирования их культуры. Строительные традиции составляют значительную часть культуры, формируя архитектурный ландшафт. Статья посвящена проблеме переноса севернорусских традиций создания жилой среды на примере Енисейского края, которая впервые рас-

сматривается в функционально-знаковом аспекте.

Енисейский край по среднему течению Енисея и Ангары не случайно сравнивают с севером европейской части России [Александров, 1964, с. 11; Копылов, 1965, с. 17; Майничева, Глухих, 2013, с. 222]. Не только природа и суровость климата роднит эти территории, но также и общность культуры. Дело в том, что регион заселялся в том числе выходцами с русского севера [Копылов, 1965, с. 43, 66—67; Алек-

сандров, 1964, с. 11, 32, 47], и их хозяйственные практики нашли применение в сходных природных условиях Севера европейской части России и таежной и лесотундровой части Восточной Сибири. Данное обстоятельство проявилось и в строительстве жилых построек. Переселявшиеся в Енисейский край представители севернорусского черносошного крестьянства и посадского населения в конце XVI — начале XVII в. на вновь осваиваемых землях сразу же возводило целые жилые и хозяйственные комплексы (севернорусск. — дворы-хоромы). По среднему Енисею старожилы до сих пор называют свои дома хоромами.

Территориально работа ограничена Енисейским уездом в пределах среднего течения Енисея и вверх по Ангаре до Братских порогов. Хотя Братский и Балаганский остроги на протяжении XVII в. числились в составе Енисейского уезда, но в хозяйственном отношении тяготели больше к соседним Илимскому и Иркутскому уездам. Поэтому в рамках этой статьи они не рассматриваются, равно как не рассматриваются все другие восточносибирские территории, первоначально входившие в состав Енисейского уезда, а затем, в течение 1630—1680-х гг., постепенно выделившиеся в самостоятельные Якутский, Илимский, Нерчинский и Иркутский уезды.

Основным источником стали писцовые и переписные книги Енисейского уезда. Это статистические материалы, которые составлялись переписчиками в целях налогообложения. В писцовых книгах преобладают данные о земельных наделах и находящихся на них постройках. Переписные книги включают в большей степени информацию о количестве людей и постройках во дворах. Хронологически это книги второй половины XVII в.: 1669 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 527. Л. 282—489], 1678—1680 гг. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 619. Л. 439—606; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 403. Л. 1—182], 1685—1691 гг. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 942. Л. 1—336; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1419. Л. 34—237]. Также привлекались документы о передаче тягла, разделении семей, продаже дворов, судебных тяжб, в которых фиксировались жилые и хозяйственные постройки на территории двора. Используемые источники содержат описание строений как жилого, так и хозяйственного назначения, а также перечень личного имущества дворовладельцев, включая домашнюю утварь, одежду и домашний скот.

Усадьбы русского населения состояли из различных по назначению и размерам жилых и хозяйственных построек. Всего по подсчетам А.Н. Копылова в Енисейском уезде было 983 двора в 1688 г. и не более полутора тысяч дворов — к началу XVIII в. [Копылов, 1965, с. 86]. В документах XVII в. встречается свыше 40 названий отдельных помещений, их частей или элементов. К функциональным элементам жилых помещений относятся термины горница, изба, клеть, подсенье, предизбье, предместье, сени. Такие термины, как вежа, голбец, крыльцо, мост, повалуша, подклет, пристен, рундук, чулан, относятся к обозначению хозяйственных помещений, связанных с жилыми постройками. Хозяйственные постройки внутри двора обозначались терминами амбар, верей, ворота, гумно (гуменник), двор, денник, житница, заборы, колодец, конюшня, кузница, мельница, мыльня, мякинница, овин, поварня, по-

веть, погреб, сараи, сенник (сенница, сенничешка), стая, сусеки, угольник, хлев. А.Ю. Майничева также отмечает наличие таких терминов, как зимовьюшка, завозня [Майничева, Глухих, 2015, с. 283]. Большая часть этих слов относится к лексике поморских говоров [Словарь областного..., 1885; Архангельский областной..., 1980—2015; Моисеев, 2005].

Трехкамерные жилища. Большинство документов того же времени позволяет определить планировку многих русских усадеб. В XVII в. повсеместно в енисейском крае самым распространенным типом было трехкамерное жилище, которое соответствовало классическому севернорусскому варианту «изба да клеть, а промеж ими сени». По использованным источникам можно реконструировать 115 усадеб второй половины XVII в. Из них 87 были трехкамерные, а остальные двухкамерные варианты — изба и сени.

Как пишут А.Ю. Майничева и Е.И. Глухих, делая выводы на материалах XIX—XX вв., в Нижнем и Среднем Приангарье «усадьбы, как правило, разделяются на передний (чистый) и задний (скотный) дворы... Дом размещался на переднем дворе» [Майничева, Глухих, 2015, с. 283]. В XVII — начале XIX в. у русских на Енисее и Ангаре в усадьбах с однорядной и двухрядной застройкой жилым помещением являлась изба, почти квадратная в плане и размером 6—7 м. В описаниях постоянно сообщается один и тот же размер: «Изба трех сажень печатных» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 831. Л. 59]. «Трехсаженные еловые бревна» неоднократно упоминаются при возведении новых изб на протяжении XVII—XIX в. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 749. Л. 213—214].

В документах XVII в. называются три вида крестьянских изб: на взмостье («на змостье»), на подклете, поземная (наземная). Суровые природно-климатические условия заставляли плотников приподнимать жилую избу над землей. Из всех известных описаний усадеб только в 14 избы были поземные, т.е. в них пол располагался почти на земле. Такие избы встречались исключительно в южной части Енисейского уезда. Во всех остальных случаях пол приподнимался, и между ним и землей образовывалось высокое помещение — подклет, которое использовалось в хозяйственных целях. Этот конструктивный прием в источниках начала XVII в. назывался подклетом, взмостьем или змостьем. Высокие избы, «до трех сажень печатных», на Енисее и Ангаре преобладали [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 619. Л. 439—606]. Это подтверждается и изобразительными материалами С.У. Ремезова. В них имеются рисунки построек населенных пунктов, расположенных по берегам Енисея и Ангары и их притокам от устья реки Зырянки до устья реки Малой Тунгуски [Remezov, 1711].

В трехкамерном жилище в одной связи с избой через сени (сенцы, предызбье, мост) находилась клеть, которая чаще всего была двухэтажной: «Да против избы клеть на погреб», «перед избой сенцы и клеть на подклете», «против избы две клетки с перерубом, а жить ему в большей клетки с погребом», «перед избой клеть о дву жирах» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1184. Л. 254 об.]. Клетки имели сложную конструкцию. Их разделяли не только на два этажа, но и на две половины. В верхних помещениях, в которые можно было войти из сеней, хранили до-

машинные вещи, продукты, а в летнее время спали. В нижнем этаже клетки обычно оборудовали погреб, хранили хозяйственный инвентарь. По восточно-сибирским материалам второй половины XVII в. А.А. Люцидарской, «самым распространенным типом трехкамерной постройки являлась «изба да клеть, меж ними сени под одной кровлею»». Но были и вариации: ««Изба черная, против нее горница, меж ими сени под одной кровлею», «перед избой клеть белая с подволокою, меж избой и клетью сени под одной кровлею»... На «задворье» у пешего казака Ильинского острога Максима Ипатова помимо трехкамерной постройки имелась еще и «горница белая с предсеньем на подклете»» [Люцидарская, 1989, с. 145—146].

Клеть являлась обязательной принадлежностью трехкамерного жилища на Европейском Севере. Но там устройство ее было несколько иным, чем в енисейском регионе. Врубленными посередине стенами она разделялась на две половины. В середине помещения проходили дополнительные сени, из которых двери вели в обе половины клетки и в хозяйственный двор, являющийся продолжением жилища. В описаниях жилых построек на Енисее XVII в. эта деталь нигде не зафиксирована. По-видимому, там необходимость иметь сени в клетях отпадала потому, что двор всегда ставился сбоку вторым порядком, параллельно жилищу. В этом случае во двор проходили через обычные сени, которые всегда выделялись между избой и клетью.

Жилая изба строилась по правую сторону от крыльца и сеней, а клеть по левую. Аналогичную закономерность отмечали исследователи в усадьбах XVIII в. в Архангельской губернии [Котиков, 1914, с. 6]. Такое же расположение имели усадьбы конца XVIII — первой половины XIX в. на территории Енисейского района. При описании жилищ XVII в. неоднократно встречается выражение «против избы по левую сторону клеть» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 274. Л. 380—386]. В описаниях видно, что трехкамерная планировка была использована при возведении приказных, земских, таможенных и воеводских изб [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 198. Л. 3, 5 об., 11 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 743. Л. 17—25; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1468. Л. 9; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1511. Л. 14; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1184. Л. 272 об.].

Трехкамерными являлись постройки и жилого и оборонного назначения. Об этом, например, прямо указало в описании Еланского острожка 1686 г.: «А на дворе строенья горница на подклете с сеньми и с повальнею... да ружья в повалыше 17 пищалей и мушкетов, и турок, и карабинов, 3 пищали затинных, пороху четверти с три, 21 топор, 27 пик» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 580. Л. 25]. Этот документ убедительно подтверждает вывод А.А. Шенникова о боевом назначении повалуши [Очерки русской, 1979, с. 193—194].

Подобная планировка была и у жилых помещений XVII в., принадлежавших зажиточным горожанам в Енисейском остроге [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 274. Л. 380—386]. От крестьянского жилища они отличались наличием горницы, которую сооружали взамен избы. У состоятельных владельцев горницы были двойными, с перерубами и всегда на

подклетах. В остальном жилище было сходное с крестьянским, так как в описаниях XVII в. везде сказано: «Против горниц сени с клетью» или «горница с сеньми и клетью» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 942. Л. 241]. В первой половине XVIII в. клеть все чаще стала заменяться второй жилой избой. Так, у Прокопия Назимова с сыновьями продавались на посаде в Енисейске «свои дворы со строениями: изба черная, против избы горница, меж избой и горницей сени» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1184. Л. 272 об.]. Таким же выглядело их жилище в трех усадьбах, находящихся в деревне Усть-Тунгусская [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 198. Л. 3, 5 об., 11 об.]. В этом отношении очень показательным является оценочный акт 1803 г., в котором изложены условия продажи трех мещанских домов в Енисейске, построенных в 1743, 1746 и 1781—1782 гг. Из описания видно, что дома имели трехчастную структуру с горницей на месте клетки [Быконя, 2016, с. 224]. Наличие прирубов сеней к дворовым фасадам как типичную черту жилой застройки отмечают и другие исследователи [Майничева, Мыглан, 2009, с. 464].

В сельской местности горницы взамен клетки появляются только в конце XVIII в., причем также сначала у зажиточного населения и в поселениях, близких к уездным городам и слободам. Зажиточные люди увеличивали жилище и за счет боковых пристроек — пристенов [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 406. Л. 47—123; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 406. Л. 47—123; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1328. Л. 72—80 об.].

По архивным источникам, в Енисейском крае с середины XVII в. трехкамерное жилище было преобладающим. Этот вывод подтверждает мнение ряда исследователей о широком распространении трехкамерной связи в жилище XV—XVIII вв. в северных и центральных районах Европейской России и в Сибири [Рабинович, 1975, с. 189, 221; Этнография русского., 1981, с. 78—79; Белов и др., 1981, с. 18—19; Люцидарская, 1989, с. 145, 148; Вилков, Резун, 1978, с. 95; Баландин, 1984, с. 11].

Двухэтажные дворы. Обязательной принадлежностью крестьянских усадеб были хозяйственные двухэтажные дворы. «Сенник на хлеве», «хлев с сенником», «стая с сеницею» — вот самые распространенные формулировки в документах XVII—XVIII вв., описывающих дворы. Внизу в теплых хлевах и стаях держали скот, наверху, на повети, сено и хозяйственный инвентарь. Число дворовых построек не являлось одинаковым. У зажиточных крестьян здесь стояли дополнительно погреба, клетки, конюшни, а иногда и постройки специального назначения. Например, в Бельском остроге Енисейского уезда в 1676 г. на одной усадьбе были «во дворе хоромах изба кожевная да сарай, да два хлева, да клеть житница» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1311. Л. 292—295 об.], а в Дубческой слободе Енисейского уезда воле дома стояли «двор для рогатого скота, в нем три хлева..., черная рабочая изба..., изба скотная с сеньми... двор конюшенной... против небольшой денник» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1389. Л. 2—2 об.]. По материалам исследователей, в XIX—XX вв. «в двухэтажных амбарах нижний этаж назывался “дупле”. Он служил для хранения припасов, зерна. Там стоял ларь, разделенный на сусеки. На втором этаже хранили упряжь, предметы быта, одежду, шкуры»

[Майничева, Глухих, 2013, с. 221—222]. А.А. Люцидарская приводит описание усадьбы пешего казака Енисейского уезда Андрея Кузнецова, в которой амбар был включен в жилой комплекс [Люцидарская, 1989, с. 147]. Большое разнообразие в застройке усадеб наблюдалось у зажиточных горожан Енисейска, занимавшихся различными ростовщическими операциями. В низовьях Ангары до начала XXI в. «сохранилось несколько домов “со связью” с тремя жилыми комнатами. Дом “глаголем”, тип которого известен на Русском Севере, находится в дер. Пинчуга — принадлежал купцу П.В. Толстых. Он стоит в комплексе с большими двухэтажными амбарами» [Майничева, Глухих, 2013, с. 218].

Двускатные крыши самцовой конструкции. В описаниях построек Енисейского края XVII—XVIII вв. встречаются сведения и о других конструктивных приемах, характерных для севернорусского строительства. Избы, клети и хозяйственные постройки имели двускатные крыши самцовой конструкции. Они покрывались «тесом со скатами в желобья», «на два ската со скальем и драницами» или «на два ската тесом и драньем в желобья». У такой «безвоздевой» крыши треугольные фронтоны набирались из бревен и скреплялись между собой деревянными шипами. По склонам фронтонов в углубления укладывали продольные слегги, на которых крепились так называемые курицы — еловые стволы с корневищами, обработанными в виде птичьих и конских голов. В их изгибах крепились вырезанные из цельного бревна желобья, в которые и упирались нижние концы кровли. Верхние концы тесин по князьковому бревну закрывались охлупным бревном. Встречалось и более упрощенное завершение крыши, когда вместо охлупного бревна скаты скрепляли двумя продольными жердями. В этом случае жерди крепились по фронтонам доской — огнивом, или же их просто привязывали к выступающим продольным слеггам. Такой способ чаще применялся на хозяйственных постройках [Ащепков, 1953, с. 104]. Даже в начале XX в. старожилы, ведущие свое происхождение от первых поселенцев, строили дома под двускатной крышей, а переселенцы более позднего времени — под четырехскатной [Майничева, Глухих, 2013, с. 218].

Скалье. Архивные материалы дают представление не только о кровельном материале, но и о способе его приготовления. Скальем называли снятую, содранную большими пластами бересту. Иногда ее сшивали, и она называлась шитой скалой. Поверх бересты укладывали дралицу, или дрань, которую получали из расколотых бревен. Выделявали и топорный тес. О всех этих способах очень ярко говорится в одном документе: «Вытесать десять дерев тесу, а выдрать двести дралиц» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1522. Л. 190]. Аналогичная ситуация была и в Нижнем Приангарье: «Кровля двускатная «самцовая» по слегам, крытая «драньем», с охлупнем. Слегги кровли избы выполнены из обтесанных полубревен, а слегги кровли сеней — из кругляка диаметром 22—24 см... Часть тесовых плах над избой и сенями была сделана из полубревен с затеской к концам и в середине» [Майничева, Глухих, 2013, с. 218—219]. Дралицу обрабатывали топором так, что на одной стороне во всю длину получалось углубле-

ние — желоб, по которому и стекала вода. Этот же желоб позволял наиболее плотно уложить тесины в зубец — одним слоем тесины лежали желобом вверх, а другим вниз. Такой способ покрытия упоминается при описании 1689 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1148. Л. 71—81].

Фронтоны. Самцовые крыши имели большие свесы и массивные фронтоны. На их возведение требовалось материала не меньше, чем на сруб. В документе сообщается, что на кровлю жилища уходило «тесу пятисаженного 120 тесниц» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 403. Л. 45]. Это же сообщение позволяет предполагать бытование крыш с крутыми склонами. Они известны не только у русских, но и у многих народов лесной полосы Европы и Сибири.

Повалы. Нередко в документах XVII в. упоминаются и повалы. Они образовывались за счет выпуска за пределы стены верхних продольных бревен сруба. Повалы придавали прочность всей кровле и одновременно служили своеобразным конструктивным приемом для плавного перехода от бревенчатого сруба к тесовой крыше. В описании дома в низовьях Ангары указано, что подзор карниза восточного фасада украшен резными причелинами, состоящими из двух досок с напуском. Нижняя доска порезана прямоугольной зубчатой ступенькой, а верхняя — треугольным зубом и профилирована в плоскости» [Майничева, Глухих, 2013, с. 218].

Балконы. Устройство балкона на фронтоне крестяских изб — явление очень редкое и в целом нехарактерное для территории Среднего Енисея и Ангары. Известно о существовании одной избы с балконом в деревне Татарской Енисейского уезда, построенной в самом начале XIX в. [Чудновский, 1887, с. 45].

При воеводе М.И. Римском-Корсакове в середине 1690-х гг. в Енисейске был построен казенный амбар с балконом, «писан красками, на нем орел деревянной резной двоеглавый». Рядом, на воеводском доме был построен «балкон новой о двух житеях с перилами, верхнее житее, шатром, круглой, писано красками» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1148. Л. 73, 79 об.].

Крыльцо. Обязательной принадлежностью жилой избы было крыльцо. Документы XVII — начала XVIII в. отмечают разнообразные конструктивные приемы крылец: «У сеней лестницы на ряжах крытые», «у передних дверей крыльцо на столбах забранное из досок с лестницею вдоль стены», «крыльцо с лестницею забранное в столбики из досок, крытое тесом», «лестница в тетивах» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 198. Л. 3, 5 об., 11 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1184. Л. 272 об.]. У жилых изб с высоким подклетом известны крыльца четырех типов: прирубом, на ряжах, на столбах и висячее. Все они признаются древнейшими и типичными для севернорусского жилища.

Техника возведения крылец прирубом оставалась аналогичной технике строительства жилых и хозяйственных построек; бревна в венцы соединялись «в обло» с остатком. Сруб крыльца ставился на землю вдоль избы и закрывал целиком вход в сени. Лестница примыкала к стене, вместе с площадкой-рундуком она покрывалась общей крышей. Такая конструкция надежно защищала избу от ветра, снега и дождей. Крыльцо на ряжах — срубных основаниях — тоже стояло вдоль стены. Верхний рундук и ступени чаще

закрывались по сторонам досками, а сверху двускатной крышей. У висячих крылец рундук держался на двух выступающих из сеней балках, а ступени врезались в наклонные тетивы-брусья. Столбовые крыльца возводились по-разному: на четырех, трех, двух и даже одним столбах.

Как бы ни были многообразны крыльца, они всегда сохраняли такую типичную севернорусскую черту, как расположение лестницы вдоль стены жилой избы, а не клетки. Сообщение о том, что «...крыльцо на столбах с лестницею и нижним рундуком», позволяет выявить еще одну особенность, присущую севернорусскому домостроительству. Крыльца имели и по два рундука — вверху у выхода в сени и внизу на земле. В таком случае крыша крыльца состояла не из двух, а из трех скатов. Один скат закрывал половину верхнего рундука, второй (самый длинный) — другую сторону и лестницу, а третий — нижний рундук. Такие приемы усиливали выразительность всей усадьбы. Аналогичная конструкция крыльца существовала и в XIX в. в русских поселениях низовья Ангары: «Вход в избу — через сени со двора. Деревянное крыльцо имело навес на столбах... Со стороны двора находился вход в дом. Он шел через сени, имевшие крыльцо, сделанное из полубревен, тесовый навес которого покоился на столбах» [Майничева, Глухих, 2013, с. 219].

Двери. По сохранившимся документам можно судить и о наиболее старых приемах сооружения и типах дверей, ворот и окон. Двери у теплых помещений всегда были однополье, их составляли из двух-трех толстых досок и скрепляли двумя шпунтами. В описаниях часто встречается: «Двери в деревянных пятах», «ворота большие одинакие досчаные в деревянной пяте» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1328. Л. 140]. Двери не только у хозяйственных построек, но и у жилых изб крепились при помощи выступов, которые вставлялись в выемки порога и верхнего косяка, а при его отсутствии — в бревно сруба. Для лучшего вращения под нижний выступ — пята — подкладывали позвонок животного [Александров, 1964, с. 83]. По материалам А.А. Люцидарской, относящимся к восточной части Енисейского уезда, богатые дворохозяева могли иметь «горницы белые на подклете, а у нее двери на крюках, во шти окна колодных оконцы слюдяные в белом железе... Двери в помещениях... запирались «нутрянными замками»... В начале XVIII в. «нутряные замки» стали использовать и для хозяйственных помещений, находящихся внутри жилой избы: «у казенышных дверей замок нутрянной» [Люцидарская, 1989, с. 145, 147]. Для устройства больших ворот использовали ствол дерева с корневищем, отходящим под прямым углом. У зажиточного населения уже в XVII в. использовались железные петли, крюки, а также висячие снисьные и нутряные полишные замки [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 983. Л. 20об.].

Окна. Окна различались на волоковые, колодные и косячатые. Изучая енисейские постройки, А.В. Александров отмечал, что, как правило, колодных окон в жилых помещениях было не более двух. Эти данные согласуются с предложенными им средними размерами жилищ [Александров, 1964, с. 167]. Разнообразие окон особенно прослеживается в домах зажиточного населения. У богатых жителей уже в

XVII в. появляются красные, косячатые окна со слюдяными окончинами, а в первой половине XVIII в. и со стеклом. Слюда была покупной, ее привозили из Архангельска через Великий Устюг [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1389. Л. 354 об.]. Переход от волоковых к колодным окнам заметен более всего в посадах и близких к ним поселениях. В первую очередь замена на колодные окна происходила в горницах. Оконные колоды были массивными, а сам проем прорубался не более чем в 6 x 4 или 5 x 3 четверти [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1389. Л. 2—2 об.]. Волоковые окна всегда имели небольшие размеры, их вырезали по толщине одного венца сруба или между двумя венцами и закрывали задвигающимися глухими ставнями — обоконами, рамами с брюшиной или с холстом. «Рядом с окнами делали небольшое отверстие для вентиляции, которое можно было при необходимости затыкать [Майничева, Глухих, 2013, с. 220].

По всей видимости, оконные косяки (обвязка) были толстыми в более раннее время, когда источники их называли колодными. Позже окна стали именоваться косячатыми (красными). Изначально не все колодные окна имели «окончины», которые закрывались ставнями. Такие же этапы развития окон в избах наблюдались повсеместно у русского населения Европейского Севера. В подклетах жилых изб и некоторых хозяйственных постройках вырезались щелевые окна. Они служили одновременно для вентиляции и освещения помещения.

Многочисленные описания жилищ показывают, что у одной избы могли быть разные окна. Так, курная изба в деревне Казачий Луг Енисейского уезда имела «одно окно колодное, пять волоковых без окончин» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1328. Л. 72—80 об.]. Разными были и окончины косячатых окон: из стекла, слюды и даже из брюшины [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1311. Л. 292—295 об.].

Интерьер жилища. Внутреннее устройство жилища практически обойдено вниманием письменных источников XVII в. Частичные сведения говорят в пользу того, что внутренняя планировка жилой избы на Енисее и Ангаре и конструктивные приемы укладывались в севернорусскую традицию. В описаниях отмечаются тесовые полы и бревенчатые потолки, битая глиняная или хрящевая печь в деревянном кожухе при входе в углу, полаты над дверями, тесовые лавки, иконницы в переднем углу [РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 274. Л. 384]. Аналогично описывают исследователи дом в низовьях Ангары, построенный в начале XX в.: «Полы сделаны из плах в полбревна с четвертью... Для пола выбирали прямой лес с мелкими кольцами, бревна раскалывали по длине на две половины, нижнюю половину укладывали (местн. "улаживали") на пол, а верхнюю — на потолок... Пол для чистоты скоблили специальными ножами-косарями» [Майничева, Глухих, 2013, с. 219, 221]. Иным выглядело убранство горниц. В них появлялись кирпичные печи с трубой, не бревенчатые, а тесовые потолки. «Пространство дома могло разделяться дощатыми перегородками» [Майничева, Глухих, 2013, с. 220].

Таким образом, фактический материал всесторонне показывает бытование севернорусских строительных традиций на Енисее и Ангаре, принесенных при активном заселении региона из Русского Севера.

В жилых постройках воспроизводились как функциональные, так и символические элементы культуры переселенцев. На локальном материале показано наличие построек, типологически и в деталях сходных с севером европейской части России. Принимая во внимание количественные данные об устройстве дворовых построек, можно говорить об определяющем влиянии севернорусской традиции на формирование градостроительного облика поселений в указанном районе. Архитектурный ландшафт функционально и знаково формировал среду обитания, подчеркивая символическую преемственность с местами выхода переселенцев. Благодаря воссозданию похожих жилых и хозяйственных построек люди, терявшие при переезде в Сибирь свои прежние социальные связи, могли идентифицировать себя с новой средой обитания.

Список литературы

1. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). — М.: Наука, 1964. — 303 с.
2. Архангельский областной словарь. — Вып. 1—16. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980—2015.
3. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. — М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву и архитектуре, 1953. — 279 с.
4. Баландин С.Н. История архитектуры русских земледельческих поселений в Сибири (XVII — нач. XX в.): учеб. пособие. — Новосибирск: НИСИ, 1984. — 67 с.
5. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI—XVII вв. — М.: Наука, 1981. — 148 с.
6. Быконя Г.Ф. Избранные труды. — Т. 1. — Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед. ун-та, 2016. — 390 с.
7. Вилков О.Н., Резун Д.Я. Историко-архитектурные особенности Илимского края в XVII в. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Серия общественных наук. — 1978. — Вып. 1. — № 1. — С. 89—98.
8. Копылов А.Н. 1965 Русские на Енисее в XVII в. — Новосибирск: Изд-во Акад. наук, 1965. — 298 с.
9. Котиков Л. Изба семи государей // Материалы по этнографии России. — Т. 2. — СПб., 1914. — С. 3—46.
10. Люцидарская А.А. Усадебный комплекс Восточной Сибири начала XVIII в. // Памятники быта и хозяйственного освоения Сибири. — Новосибирск: Наука, 1989. — С. 144—149.
11. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Особенности заселения Нижнего Приангарья и севернорусские традиции в строительном деле русских старожилов-ангарцев // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — Сер.: История, филология. — 2013. — Т. 12. — № 3. — С. 214—223.
12. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Русские старожиль-

ческие поселения Приангарья: проблемы и результаты этноэкологического моделирования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — Сер.: История, филология. — 2015. — Т. 14. — № 7. — С. 281—287.

13. Майничева А.Ю., Мыглан В.С. Жилая застройка города Енисейска в XIX веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. — Т. XV. — С. 462—465.
14. Моисеев И.И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. — Архангельск: [Б.и.], 2005. — 138 с.
15. Очерки русской культуры XVII в.— Ч. 1. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 350 с.
16. Рабинович М.Г. Русское жилище в XVI—XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 156—244.
17. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1885. — 198 с.
18. Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири: статистико-экономические этюды. — Томск: Тип. Сиб. газ., 1887. — 195 с.
19. Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. — М.: Наука, 1981. — 270 с.
20. Remezov S.U. Khorograficheskaya kniga (cartographical sketch-book of Siberia) [Электронный ресурс]; Houghton Library in Harvard University. MS Russ 72 (6). — 1711. — Cambridge. — URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155> (дата обращения: 20.04.2018).

Список источников

1. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1148. Л. 71—81.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1184. Л. 254 об., 272 об.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1311. Л. 292—295 об.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1328. Л. 72—80 об., 140.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1389. Л. 2—2 об., 354 об.
6. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1419. Л. 34—237.
7. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1468. Л. 9.
8. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1511. Л. 14.
9. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1522. Л. 190.
10. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 198. Л. 3, 5 об., 11 об.
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 403. Л. 1—182.
12. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 406. Л. 47—123.
13. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 527. Л. 282—489.
14. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 580. Л. 25.
15. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 619. Л. 439—606.
16. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 942. Л. 1—336.
17. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 983. Л. 20об.
18. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 274. Л. 380—386.
19. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 749. Л. 213—214.
20. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 831. Л. 59.
21. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 743. Л. 17—25.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10034
УДК 395+397+398

В.А. Бурнаков
Институт археологии и этнографии СО РАН
venariy@ngs.ru

Тёсы — мистические охранители и покровители освоенного пространства в традиционной культуре хакасов (конец XIX — середина XX века)

Аннотация

В статье рассматривается культ тёсов (төс'ов) — тот феномен, который возник и существовал в традиционной среде, где форма отношений между миром видимым (рациональным) и невидимым (иррациональным) характеризуется отсутствием жестких непреодолимых границ. Более того, в религиозно-мифологическом сознании этого народа красной линией проходит идея непосредственного пересечения этих миров и, как результат, их постоянное взаимовлияние друг на друга. Периодическое нарушение этих связей, как полагают верующие, приводило к дисбалансу в природе и жизни людей. Для последних же это оборачивалось различными бедствиями и несчастьями. Обрядовая практика традиционного общества в этом случае была направлена на восстановление нарушенного баланса и, как следствие, разрешение возникающих противоречий между мирами и защиту жизненных интересов людей. Огромная роль в этом процессе отводилась служителям культа, в том числе и шаманам, а также непосредственно төс'ам.

Ключевые слова: хакасы, традиция, мировоззрение, шаманизм, культ, фетиш, төс'ы, обряды

V.A. Burnakov
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
venariy@ngs.ru

Tös'es — Mystical Protectors and Patrons of the Developed Space in the Traditional Khakas Culture (the end of 19th — the middle of 20th century)

Abstract

Tös'es cult — this is a phenomenon that has arisen and existed in a traditional environment, where the shape of the relationship between the world, visible (rational) and invisible (irrational) is characterized by the absence of rigid insurmountable boundaries. Moreover, in the religious-mythological consciousness of the people the idea of a red line runs direct intersection of these worlds, and as result of their constant interaction with each other. Recurring violation of these relations, in the opinion of the faithful led to an imbalance in nature and human life. For the latter, this is turning into a variety of disasters and calamities.

Key words: Khakas, tradition, worldview, shamanism, cult, fetish, tös'es, rituals

В мифо-ритуальной практике хакасов существенное место отводилось фетишизму. В российской этнографической науке под этим термином принято понимать «совокупность религиозных представлений, наделяющих сверхъестественными свойствами неодушевленные материальные объекты, чем вызывается особое, религиозное к ним отношение» [Кабо, 1993, с. 212]. Хакасы называли фетиши *төс'ами*.

В традиционном сознании хакасов с его ярко выраженным анимистическим мировосприятием данные культовые предметы устойчиво осмыслились в качестве вместилища разнообразных по своим характеристикам духов. Полагали, что они оказывают огромное влияние на жизнь и судьбу людей. Верили, что они обладают особыми сверхъестественными возможностями, в том числе и негативными — болезнетворными, а порой и разрушительными. Степень положительного или отрицательного воздействия

на людей полностью зависела от их благорасположения. Для того чтобы добиться покровительства духов, верующим необходимо было придерживаться строго регламентированной системы норм коммуникации с ними. Главным образом это выражалось в особых формах почитания и поклонения фетишам, соблюдении определенной последовательности этих действий, выборе жертвовой пищи и времени ее подношения. Кроме того, для посторонних людей в отношении этих сакральных предметов налагалось полное табу. Необходимо заметить, что в процессе поклонения им большое значение имела половая принадлежность отправителей обряда. Мужчины и женщины обычно почитали лишь своих духов. Это соответствовало их семантическому делению на мужские и женские *төс'ы*, в связи с чем Н.Ф. Катанов отмечал, что «божку "тилег" шаманит женщина, божку "каджай" шаманит также женщина, божку

“заяц” шаманит мужчина, божку “широкому” шаманит также мужчина, а божку “медведю” шаманят и кормят его старухи» [1897, с. 100]. Эта норма находила свое выражение в соответствующем их размещении на женской или на мужской половинах юрты. При этом половая идентификация самого божка не имела принципиального значения [Катанов, 1907, с. 409—411, 505]. Подобная специализация *тӧс’ов* отнюдь не означала того обстоятельства, при котором остальные члены семьи могли бы игнорировать их. Хакасы были убеждены, что при непочтительном или неправильном к себе отношении *тӧс’ы* насылали на людей болезни и другие несчастья.

По традиции месторасположение каждого *тӧс’а* определялось его мифо-ритуальным статусом и функциональной спецификой. *Тӧс’ы* располагались как в жилище, так и за его пределами. Е.К. Яковлев отмечал: «Часть идолов, имеющих более общее значение покровителей вообще, покровителей скота, ставятся наружи юрты, на огороже скотских загонов, наконец, на степи или пастбищ; таковы идолы кус *тӧс*, тилег *тӧс*, ильгерка *тӧс*, чалмул изык и др. Другая часть идолов, имеющая отношение скорее к благополучию внутренних обитателей юрты, помещается внутри нее на строго указанных местах; третьи прячутся в абдра (ящички, шкатулки. — В.Б.), сундуки и вынимаются при случае» [1900, с. 109]. Однако во всем своем многообразии фетиши все же были представлены лишь в интерьере юрты. Кроме того, у северных хакасов — кызыльцев — помимо юрт и летних кухонь (*шайгы иб*) *тӧс’ы* нередко располагались и в специальных домашних кумирнях. Они имели вид небольших срубных амбаров [Усманова, 1975, с. 206]. Следует отметить, что эти сооружения могли одновременно использоваться не только в религиозных, но и в утилитарных целях, например как хозяйственные строения. При этом используемые помещения для *тӧс’ов* были нежилыми. Детей и посторонних лиц туда не пускали. Их обычно называли *тӧстӱг киртпе* (букв. «амбар с фетишами») или *сӱбеежӱк* (букв. «маленькая крепость»).

В религиозно-мифологическом сознании хакасов *тӧс’ы* нередко мыслились в качестве важнейших гениев-охранителей жилища и всех его обитателей. На данный сакральный аспект фетишей вслед за многими исследованиями обратил внимание и В.Я. Бутанаев, сообщив о том, что «тӧси-фетиши считались оберегами (хуях) юрты, стражами (хадарчы) или ее хозяевами (эззи)» [1986, с. 91].

По внешнему виду, материалу изготовления и масштабам *тӧс’ы* были представлены в большом многообразии. Они имели антропоморфный, зооморфный и иные виды, причем как реалистичные, так и весьма условные, в связи с чем С.В. Иванов отмечал, что «не всегда легко различимы даже антропоморфные и зооморфные элементы изображений, неясно иногда, один или два антропоморфных образа представлены на одном *тӧсе*» [1979, с. 127]. Так, например, одни из *тӧс’ов* представляли собой куски ткани прямоугольной формы, на которых были изображены антропоморфные фигуры и деревья. Другие же изготавливались из дерева. Они, как правило, имели форму развилки, к верхним концам которых крепились кусочки бересты или ткани, перья и веревочки (нередко из конского волоса или сухожилий и др.).

Кроме этого, были распространены фетиши, состоявшие лишь из одной цилиндрической деревянной основы с прикрепленной к ней лоскутками кожи, меха или ткани. Были представлены вырезанные из дерева или вылепленные из глины антропоморфные и иные скульптуры. Известны *тӧс’ы*, мастерившиеся из коры тополя. Встречались фетиши в виде связки калачиков, мужских и женских рубах. Помимо того, отдельные фетиши имели вид целых шкурок или высушенных тушек мелких животных (колонка, хорька, белки, летучей мыши, крота), черепов росомахи, голов зайцев, медвежьих лап, а также кусочков меха диких животных, их сухожилий, пучков птичьих перьев и др. Следует добавить, что и масштабы *тӧс’ов* варьировались от 12—16 см до полуметра и выше.

Разнообразие внешних параметров *тӧс’ов* и их семантики во многом определялось внутриэтническим составом хакасов. У различных субэтнических групп — сагайцев, бельтыров, койбалов, качинцев и кызыльцев — имелись как внешне схожие фетиши, так и идентичные по названию, но отличные по содержанию и форме. Кроме того, были представлены и специфические, присущие исключительно лишь одной из групп хакасов [Катанов, 1907, с. 411; Иванов, 1979, с. 127]. Вместе с тем следует отметить и то обстоятельство, что в процессе заключения браков между представителями различных субэтнических групп хакасов соответствующие *тӧс’ы* могли переходить от одних к другим. При этом, очевидно, некоторые из них в новой среде подвергались определенным новациям. Это, в свою очередь, могло привести к некоторым их модификациям либо отказу от них в пользу новых.

Субэтническая специфика выражалась и в численном составе *тӧс’ов*. По этнографическим сведениям, самый многочисленный набор этих культовых предметов был выявлен у кызыльцев. Их количество доходило до тридцати [Клеменц, 1892, с. 25—34].

Наличие и конкретный состав *тӧс’ов* также могли существенно варьироваться и внутри каждой из этих субэтнических групп хакасов. Более того, в каждом роду и семье имелись свои индивидуальные потребности, связанные с изготовлением новых фетишей. Среди наиболее распространенных обстоятельств их изготовления обычно выделялись такие как серьезное заболевание кого-то из членов семьи, неудача в хозяйственной, промысловой и иной деятельности и др. Кроме того, следует учитывать и тот факт, что сами сверхъестественные существа по своим демонологическим характеристикам и степени воздействия были крайне неоднородны. Это не могло не отразиться и на соответствующих свойствах и признаках *тӧс’ов*. В этой связи весьма уместными являются замечания А.В. Адрианова о специфике религиозного восприятия хакасами этих сакральных предметов. Ученый писал: «Как многочисленны болезни человека и животных и различные напасти, так многочисленны и те символические изображения духов, их производящих» [Адрианов, 1904, с. 37].

Сакральные функции *тӧс’ов*, как уже было отмечено, были чрезвычайно обширны. Они преимущественно определялись социально-хозяйственным укладом жизни и связанными с ним религиозно-мифологическими представлениями и лечебными потребностями, в результате чего хакасы выделяли

фетиши, покровительствующие скотоводству, охоте и земледелию [Катанов, 1907, с. 409—597; Потапов, 1956, с. 394], а также чрезвычайно широко были представлены так называемые медицинские *тӧс’ы* и *тӧс’ы*, связанные с плодородием. Они «отвечали» за сохранение жизни и здоровья людей и, конечно же, за благополучное воспроизводство потомства, в связи с чем Е.К. Яковлев, конкретизируя функциональную направленность каждого *тӧс’а*, писал: «Божок “тилег” помогает хворым телятам; “каджай” помогает в тех случаях, когда у коровы болят соски, а у детей паршивеет голова; “чалбак” приносит выздоровление хворающим лошадям и крупному рогатому скоту: “аба” излечивает от кашля, насморка, озноба, лихорадки; “алтын” помогает при детских болезнях, “холна” — когда “схватит за сердце” и пр.» [1900, с. 108—109].

Многие божки порой ставились и в превентивных целях. Следует заметить, что если обозначенная хозяйственная, лечебная и иная их специализация *тӧс’ов* хорошо фиксировалась в конце XIX в., то к середине XX в. постепенно осуществлялась нивелировка этих представлений. Подобная специализация стала носить весьма условный характер. В сознании верующих ритуальные функции многих *тӧс’ов* тесно переплетались, дополняя, а порой дублируя друг друга.

По традиционным представлениям хакасов в целях избавления либо превентивного отведения от домохладцев всевозможных несчастий и болезней, а также для установления или сохранения стабильности и благополучия и, конечно же, для привлечения удачи в делах обычно обращались к «знающим лицам». В их число, как известно, входили и шаманы. Они проводили соответствующие обрядовые действия, в том числе и в отношении *тӧс’ов*, в связи с чем эти фетиши выступали важнейшей составляющей шаманского культа. Их изготавливали, как правило, по указанию шамана, а нередко и при его непосредственном участии [Островских, 1895, с. 338; Катанов, 1907, с. 411; Адрианов, 1909, с. 522; Шибаева, 1950, с. 46; Потапов, 1956, с. 395; Усманова, 1975, с. 206 и др.].

В традиционной культуре именно шаман в целях избавления от негативного влияния духов совершал специальный ритуал, посредством которого он, в одном случае, приглашал духа — будущего семейного благодетеля — и «помещал» его в соответствующий материальный предмет. В иных случаях, наоборот, чтобы обезопасить людей от того или иного невидимого вредителя, шаман заключал его в соответствующее изделие. В процессе этих сакральных действий шаман (шаман) совершал своеобразное «оживление» или «одухотворение» конкретного *тӧс’а* в его новой материальной форме. По завершении этого акта он давал необходимые рекомендации домохозяевам по обрядовой практике в отношении этого фетиша.

Необходимо пояснить, что само это действие, главным образом, выражалось в периодических молитвенных обращениях к божкам, обязательно сопровождавшихся «кормлением» их специализированной пищей, окуриванием и другими действиями. Особое внимание придавалось времени, когда должен был осуществляться акт почитания того или иного *тӧс’а*. При этом должна была строго соблю-

даться уже отмеченная очередность поклонения фетишам и в целом последовательность всех этих ритуальных действий. На данные нормы в свое время обратил внимание Е.К. Яковлев, сообщавший, что «для каждого из таких идолов детально установлены: случаи ставления, порядок чествования, время обращения к идолу и место, которое всегда занимает идол» [1900, с. 109]. Н.Ф. Катанов представил более конкретизированные сведения об этом: «Божка “тилег” кормят днем в обеденное время, божка “каджай” вечером, когда со степи возвращается скот, божка “чалбак” утром и днем, божка “кинэн” в эту же пору или вечером, божка “медведя” кормят ночью, а божка “зайца” также днем» [Катанов, 1897, с. 101].

Шаманы и домохозяева ставили *тӧс’ы* на различный срок. Обычно этот период определялся степенью эффективности основных функций фетиша. При ненадлежащем исполнении отведенной ему роли верующие отправляли «провинившегося» божка в отставку, замещая новым. Подобная ротация могла осуществляться двумя способами. Во-первых, изготавливался новый фетиш. При этом смена материальной формы не всегда отражалась на духовной сути этого объекта. Почитались все тот же дух, например, предка, но уже в новом облике. Полагали, что «новоявленный» *тӧс* приступал к исполнению своих обязанностей со свежей силой и большим потенциалом. Во-вторых, нередко были вынуждены ставить совершенно иного вида *тӧс’а*. Следовательно, верующие переориентировались на ритуальную практику, направленную в отношении другого духа. Необходимо заметить, что среди хакасов имели распространение и такие фетиши, которые использовались лишь на протяжении чрезвычайно короткого времени, а именно на период совершаемого обряда. Основная цель этого шаманского действия заключалась в том, чтобы отделить и изолировать вредоносного демона от людей. Для этого его помещали в специально приготовленный предмет. По окончании ритуала это изделие с вселенным в него злым духом обычно зарывалось или выбрасывалось в специальные места — «туда, куда не ступает нога человека», либо сплавлялось вниз по реке. О данных магических манипуляциях, например, сообщал Н.Ф. Катанов. Ученый писал о том, что в тот день, когда должно было состояться камлание, из грязи лепили фигурки змеи, ящерицы и лягушки. Данный набор изделий назывался илгерге. По завершении обряда этот *тӧс* относили в лес [Катанов, 1907, с. 596]. К числу подобных ритуальных предметов относилась и Хара Ымай (букв. Черная Умай). По этнографическим сведениям, хакасы изготавливали ее из глины в случаях массовой гибели детей от различных болезней. Непосредственная включенность шамана в мифо-ритуальный комплекс, связанный с культом *тӧс’ов*, значительно усиливала и без того обостренное чувство опасения и даже трепетного страха верующих перед этими культовыми изделиями. Данное обстоятельство способствовало тому, что в сознании некоторых хакасов, в большей степени обрусевших, фетиши устойчиво ассоциировались с шаманом. Это нашло отражение в соответствующем лексическом обозначении этих ритуальных предметов. Порой их образно называли шаманами.

Таким образом, изложенный материал позволяет

сделать вывод о том, что в культуре хакасов *тӧс'ы* олицетворяли собой разнообразных по своей природе сверхъестественных существ. Из их числа выделялись духи-покровители, духи предков, а также зловредные духи. Их функции были разнообразны. В целом же они были призваны обеспечивать приемлемые условия жизни верующих, успех в хозяйственной деятельности, защиту от злой силы, исцелять и сохранять здоровье. Специфика каждого *тӧс'а* символически выражалась самой его структурой, формой и материалом, из которого он изготавливался. В отношении каждого из них была выработана определенная система норм обращения.

Куль *тӧс'ов* у хакасов мог возникнуть и существовать в традиционной среде, где форма отношений между миром видимым (рациональным) и невидимым (иррациональным) характеризуется отсутствием жестких непреодолимых границ. Более того, в религиозно-мифологическом сознании этого народа красной линией проходит идея непосредственного пересечения этих миров и, как результат, их постоянное взаимовлияние друг на друга. Периодическое нарушение этих коммуникационных связей, как полагали верующие, приводило к дисбалансу в природе и жизни людей. Для последних же это оборачивалось различными бедствиями и несчастьями. Обрядовая практика традиционного общества в этом случае была направлена на восстановление нарушенного баланса и, как следствие, разрешение возникающих противоречий между мирами и защиту жизненных интересов людей. Огромная роль в этом процессе отводилась служителям культа, в том числе и шаманам, а также непосредственно *тӧс'ам*.

Список литературы

1. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края. Отдельный оттиск из «Сибирского Торгово-Промышленного Календаря» на 1904 г. — Томск: Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1904. — 62 с.
2. Адрианов А.В. Айран в жизни минусинского инородца // Записки ИРГО по отд. этногр., 1909. — Т. 34. — С. 489—524.
3. Бутанаев В.Я. Почитание тӧсей у хакасов // Традиционная культура народов Центральной Азии. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 89—112.
4. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII — первая четверть XX в.). — Л.: Наука, 1979. — 195 с.
5. Кабо В.Р. Фетишизм // Свод этнографических понятий и терминов. Религиозные верования. — М.: Наука, 1993. — Вып. 5. — С. 212—214.
6. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. — Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та, 1897. — 104 с.
7. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). — СПб., 1907. — Т. 9. — 640 с.
8. Клеменц Д.А. Заметка о тюсях // Изв. ВСО ИРГО, 1892. — Т. XXIII. — № 4—5. — С. 23—35.
9. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина, 1895. — Вып. 3—4. — С. 297—348.
10. Потапов Л.П. Хакасы // Народы Сибири. — М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — С. 376—419.
11. Усманова М.С. Куль *тӧсей* у кызыльцев // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1975. — Вып. 16. — С. 206—215.
12. Шibaева Ю.А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения Института этнографии. — Т. 10. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — С. 40—53.
13. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. — Вып. 4. — Минусинск: Тип. В.И. Корнакова, 1900. — 212 с.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10035
УДК: [398.341]

О.В. Голубкова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Olga-11100@yandex.ru

Строительные традиции у сибирских коми: актуализация и стратегии сохранения сакральных символов

Аннотация

Статья написана на основе полевых материалов 2000-х гг., она посвящена строительным традициям сибирских (омских, алтайских, обских) коми. Рассмотрены ритуалы, которые проводились на разных этапах строительства — от выбора места и деревьев для постройки до подготовки к заселению нового дома людьми. Переселившись в Сибирь, коми продолжали воспроизводить строительные традиции, которые включали не только прагматические действия, но и обряды, воплощавшие мифологическое осмысление этих действий. Глубина архетипических представлений, связанных с природой и лесом, отобразилась в строительных традициях коми, особенно на этапе выбора деревьев для постройки дома. Строительные ритуалы должны были сделать дом пригодным для безопасного проживания, защищенным от вторжения враждебных персонажей иного мира, что было вызвано потребностями психологической адаптации человека к окружающей среде.

Ключевые слова: дом, коми, строительные традиции, мифология, лес, дерево, Западная Сибирь

O.V. Golubkova
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Olga-11100@yandex.ru

Construction Traditions of the Komi in Siberia: Actualization and Strategies for Preserving of Sacred Symbols

Abstract

The article is based on the field data of 2000. The Komi building traditions in Siberia (Omsk, Altai, Ob) were explored. The rituals were examined at different stages of construction — from the choice of location and trees for construction to settling in a new house. The Komi — migrants in Siberia — were continued to reproduce building traditions that included not only pragmatic actions, but also rituals that embodied the mythological comprehension of these actions. The antiquity of the archetypal ideas about nature and forests is reflected in the Komi building traditions, especially at the stage of selecting trees for building a house. Building rituals were to make the house suitable for safe living, protected from invasion by hostile ghosts from another world. This was caused by the people's needs of a psychological adaptation to the environment.

Key words: house, home, Komi, building traditions, mythology, wood, tree, Western Siberia

Строительные традиции народа, объединяя материальную и духовную стороны, стоят в основе его строительной культуры, формирующей среду обитания, поэтому важно выявить присущие им общие и особенные черты у различных этнических подразделений [Майничева, Глухих, 2016, с. 521]. Так, на примере изучения строительных традиций сибирских коми, можно выявить степень сохранности традиционной культуры (в том числе уровень актуальности сакральной символики) оказавшихся на новой территории коми-зырян (обских, омских, алтайских), а также определить стратегии сохранения традиций и символов, их воплощение (актуализацию) в новой среде обитания. Цель данной работы состоит в выявлении локальной специфики мировоззренческого аспекта строительных традиций у сибирских коми,

которые являются важной составляющей всего мифо-ритуального комплекса.

Статья написана на основе полевых исследований автора 2001—2016 гг., проведенных в местах компактного и дисперсного проживания коми-зырян в Западной Сибири: в Омской области, Алтайском крае, ХМАО и ЯНАО Тюменской области (ПМА: материалы этнографических экспедиций ИАЭТ СО РАН, личный архив автора).

В традиционном мировоззрении коми дом (керка) является элементарной структурной единицей освоенного пространства, наиболее значимой и защищенной от проникновения в «мир свой» «мира чужого». Наряду с этим дом можно рассматривать как модель Космоса — вместилища жизни человека на высшем таксономическом уровне, чем обуславлива-

ется его космическая семантика [Мифология, 1999, с. 186]. Идея о взаимосвязанности традиционных представлений об устройстве Космоса с жилищем и его культовой атрибутикой была раскрыта в работах А.К. Байбурина — у восточных славян [1983] и И.Н. Гемуева — у обских угров [1990]. Вероятно, эта идея является универсальной и в своей основе соответствует мировоззрению коми, как и строительные традиции коми, во многом совпадающие с русскими. Однако существуют и различия, которые можно выявить лишь при детальном исследовании локальных традиций. Именно они определяют самобытность народов и этнокультурное многообразие.

Человек давно живет в искусственной, созданной им среде, которая несет в себе его способ восприятия мира и действия, его мотивы и ценности, т.е. «среда одухотворена человеком». Сама искусственная среда является носителем не только физических полей, но и семантики, которую внес в нее человек [Штейнбах, Еленский, 2004, с. 36—37]. Восприятие дома как символической модели мира сближало процесс его строительства с актом космогенеза, строго регламентировались строительные действия, начиная с заготовки бревен. У коми существовали представления о том, что деревья, как и люди, могли иметь душу. Деревья с душой (ловьяпу) считались живыми [Мифология коми, 1999, с. 186]. Особенно важным было правильно подобрать деревья для строительства дома, поскольку для этого подходило не каждое дерево. От правильного выбора деревьев зависела судьба дома и живущих в нем людей, даже одно «нехорошее» дерево могло стать причиной несчастий. «Деревья бывают живые и мертвые. Раньше люди умели их различать. Чтобы дом построить, сделать стол или люльку для ребенка, можно только живые деревья брать. Из мертвых деревьев гробы делают» (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Кибер-Спасск, 2001). «От плохих деревьев нечистая сила заводится. Может как-то из леса попадает, то ли в самом дереве сидит. Для дома нельзя брать деревья, которые возле кладбища растут. И в лесу есть деревья, которые нельзя рубить. Сейчас уже не соблюдают старые законы, поэтому люди стали болеть и помирать раньше времени» (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал, 2005). «В лесу не все деревья для стройки подходят. Если будет хоть одно плохое дерево в срубе, то в доме людям не будет жизни. Будут часто болеть, умирать, в доме будет что-то чудиться» (ПМА: ЯНАО, Шурышкарский р-н, с. Шурышкар, 2011). «Нельзя для дома брать засыхающее дерево, тогда кто будет жить в том доме, будут сохнуть» (ПМА: там же).

У коми бытовало традиционно негативное отношение к деревьям с раздвоенными вершинами (вожапу), поскольку считалось, что у такого дерева два сердца. Во избежание несчастья такие деревья не использовали не только как строительный материал, но и в качестве дров [Белицер, 1958, с. 322—324]. Согласно фольклорным текстам и этнографическим материалам, деревья с развилками считались знаком местообитания нечистой силы. Посмотрев между двумя вершинами такого дерева, можно увидеть дорогу в иной мир [Мифология, 1999, с. 110] или души умерших (ПМА). Коми-пермяки «нестандартные» деревья связывали с лешим: (дерево с несколькими

верхушками называли «игрушкой лесовика», наклонившееся — «качелями лешего»), их не использовали для построек, потому что верили, что если такое дерево попадет в сруб, то жильцов будет беспокоить лесной хозяин [Голева, 2011, с. 107]. Сибирские коми искривленные деревья связывали не с лешим, а с нечистой силой (образ которой размыт и не конкретен), вероятно, в данном случае заместившей более архаичные представления о лесном хозяине. «Нельзя на стройку дома рубить дерево, у которого две верхушки. От этого в доме заводится нечистая сила» (ПМА: ЯНАО, Шурышкарский р-н, пос. Овгорт, 2004). «Для стройки дома всегда выбирают ровные деревья, прямые. Дерево, у которого не одна верхушка или если с дуплом, то его нельзя рубить, там нечистая сила водится» (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал, 2005). Таким образом, семантическая составляющая живых, растущих в лесу, деревьев оставалась с ними после их рубки и переходила на предметы, сделанные из древесины, в частности на дома.

Чрезвычайно важным был выбор места и времени, подходящего для строительства. Наиболее подходящим считалось место, где раньше стоял дом с «благополучной историей». Такое место характеризовали как счастливое, обжитое, «намоленное». «Когда дом стоит на добром месте, людям в нем легко живется, счастливо. Тогда живут дружно, не скандалят, дети здоровыми рождаются, в хорошем достатке живут» (ПМА: ХМАО, Березовский р-н, с. Саранпауль, 2011). «Для дома, как для церкви, хорошее место должно быть намоленным. Лучше всего поставить дом там, где раньше люди жили, богу молились» (ПМА: Омская обл., Нижнеомский р-н, с. Нижняя Омка, 2002).

У коми юга Западной Сибири неблагоприятным для строительства дома считалось место, где случался пожар [Байдуж и др., 2013, с. 149]. «Если дом сгорел, то никогда, ни за что на свете, нельзя на том месте новый строить. Он тоже сгорит» (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Имшегал, 2005). «На пожарище нечистая сила водится. Там нельзя строить, черти донимать будут» (ПМА: Алтайский край, Заринский р-н, д. Зырянновка, 2009). На сибирском севере коми-ижемцы также не строили новый дом на месте сгоревшего. «На пепелище дома не строили, считали, что нехорошее место. В таких местах нечистая сила водится. Особенно, если в пожаре кто-то погиб, человек или даже животное, его душа будет в новый дом приходить, беспокоить» (ПМА: ХМАО, Березовский р-н, пос. Березово, 2006).

Таковыми же несчастливыми считались места на «дороге духов». Если на такой «тропе» был построен дом, то рано или поздно его покидали: «На дороге духов дома не строят, нечистая сила жить не даст» (ПМА: ЯНАО, Шурышкарский р-н, с. Мужики, 2006). «У лешаков дороги проложены, люди их не видят. По ним нельзя ходить. Чёртова дорога называется. Если на чёртовой дороге построить дом, они не дадут спокойно жить. У нас раньше в старом доме всё посуда по ночам гремела, чашки, ложки стучали, житья не было» (ПМА: ЯНАО, Шурышкарский р-н, пос. Овгорт, 2004). «За селом раньше была чёртова дорога. В той стороне никто не жил, беспокойно было. Говорили, что там лесные люди ходят. <...> Одна семья там

дом построила, так они там жить не смогли. Рассказывали, что каждую ночь у них дом ходуном ходил, стены шатались, посуда гремела. Жутко было. Немного пожили и уехали, дом продать не смогли, забросили» (ПМА: ХМАО, Березовский р-н, с. Саранпалу, 2011).

Трагическая история была записана в Алтайском крае: «Дом, где мы раньше жили, на плохом месте построили. Вечером, как только стемнеет, начинало что-то страшное твориться. Кто-то по дому ходит, стучит, двери сами открываются, а из подпола были слышны голоса, будто кто-то поет или стонет. Однажды я осмелилась и спустилась в подпол вечером. Смотрю, а там люди маленькие ходят. Мужчины, женщины. Как обычные люди, только маленькие, размером с ладошку. Один старичок погрозил мне пальцем и говорит: Вы зачем здесь дом строили? Это наша земля, убирайтесь, здесь вам не жить. Я испугалась, скорей оттуда. Мужу говорю: давай уезжать отсюда будем, нет в этом доме спокойного житья. А он не послушал меня, говорит: построили дом, значит будем жить, ничё не будет. А через год муж умер скоропостижно. Я не смогла там одна жить, совсем нечистая сила одолела. Стало чудиться, что муж приходит, с собой зовет. А из подпола голоса: когда уедешь? когда уедешь? убирайся! Дом продала по дешевке, на раскат. Купила маленький домик, здесь никто не беспокоит» (ПМА: Заринский р-н, д. Зырянновка, 2009).

К новым местам относились с осторожностью. Нередко пытались определить, пригодно это место для постройки дома или нет, ориентируясь на различные приметы, в которых находили благоприятные или опасные знаки. Наиболее распространенной и «верно работающей» была примета о выборе места скотиной. «Раньше выбирали место для нового дома так. Когда выпускали первый раз после зимовья корову, шли за ней и смотрели, куда она ляжет. Где корова легла, значит там хорошее место, можно строить» (ПМА: ХМАО, Березовский р-н, пос. Березово, 2006). Иногда место для постройки дома определяли при помощи гадания на картах: «Чтобы хорошее место под новый дом выбрать, ходили к одной женщине, здесь жила, гадала на картах. Разложит карты, посмотрит в них и скажет: здесь можно дом ставить, а здесь не ставь, худо жить будет» (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Кибер-Спасск, 2001).

Рубку деревьев для строительства чаще всего начинали в начале весны, чтобы в течение лета поставить сруб. В прошлом (до 1930—1940-х гг. — согласно ПМА) коми основательно готовились к «зарону» (от слова ронять) первого дерева, поскольку считали, что это исходная точка, от которой зависит благополучная судьба будущего дома и его обитателей. В ряде мест Республики Коми день «зарона» начинали с пересчета животных в хозяйстве. Если кого-то недосчитались, это считалось недобрым знаком, тогда «зарон» откладывали, нередко до следующего года. В том случае, когда пересчет скота был удачным, не выявившим ущерб в хозяйстве, хозяин будущего дома с двумя товарищами отправлялись в лес — делать «зарон» и присматривать деревья для рубки. Первый удар по первому дереву наносил будущий хозяин. Он подбирал первую щепку, которую при строительстве дома подкладывали под угол

сруба (о «зароне» см. подробнее [Конаков, 1996, с. 77—84]). У сибирских коми традиция делать «зарон», очевидно, утрачена. Воспоминания об особом ритуализированном способе ронять первое дерево были записаны лишь со слов нескольких информантов — как об обычае, который практиковали их деды в начале XX в. (ПМА: Омская обл.: с. Имшегал, д. Кибер-Спасск, с. Кирсаново).

При строительстве дома под его углы подкладывали зерно (иногда муку или ломоть хлеба), шерсть, соль, ладан, деньги, а также щепку от первого срубленного для этого дерева, которую специально хранили для этого случая. Их символическое значение объясняли следующим образом: зерно — чтобы «сытно жилось»; перья и шерсть — чтобы «дом был теплым»; монеты — чтобы «не переводились деньги»; соль или ладан — «для защиты от нечистой силы. Шерсть спасет от холода, хлебное зерно — от голода, соль — для защиты от нечистой силы, деньги — на богатую жизнь» (ПМА: ЯНАО, Шурышкарский р-н, с. Мужы, 2004). Эти вещи можно считать жертвой духам места и одновременно символическим посланием для них, демонстрирующим, что именно хотелось бы получить взамен.

Назначение первой щепки информанты затруднялись объяснить, ссылаясь на традицию: «раньше так всегда делали; дед научил; так надо, чтобы дом крепко стоял» (ПМА: Омская обл.: с. Имшегал, д. Кибер-Спасск, с. Кирсаново). Возможно, первая щепка считалась вместилищем, сосредоточившим жизненную силу (или душу) дерева, ставшего строительным материалом. Соответственно, вся витальная сила первого срубленного дерева передавалась дому. Ведь не случайно существовал ритуал (утраченный, но еще не забытый) начинать рубку первого дерева, направленный на обретение благополучной судьбы для строящегося дома и его обитателей.

Если строили дом нанятые люди, то хозяева за ними внимательно следили, чтобы строители не замуровали в стену дома «подклад» (предмет, обладающий негативной магической силой), который мог навредить жильцам дома. Особенно старались не допустить до сруба людей, считавшихся колдунами, ведьмами. «Рассказывали, до войны еще было, а люди старые еще помнят. На том конце села жил старый колдун — еретик, здесь так говорили. Его дом отдельно от всех стоял. Говорили, что он людей портит. Может мимо пройти, только глазами зыркнуть, а человек заболит. Если дом строили, то сильно боялись, чтобы он не испортил, не подкинул чего, тогда ведь в доме жизни не будет. Ходили к нему, упрашивали быть ласковым, носили ему дань, кто как мог — продуктами, деньгами откупались» (ПМА: Омская обл., Калачинский р-н, д. Кибер-Спасск, 2001).

Среди этапов строительства дома выделялась установка матицы. В маточные гнезда закладывали шерсть и деньги. Было принято готовить праздничный обед в день подъема матицы, других строительных работ в этот день не проводили. У коми-зырян и коми-пермяков при строительном обряде поднимали матицу вместе с привязанным к ней рыбным пирогом. Затем один из строителей должен был по красному углу влезть наверх сруба и, помолившись Богу, совершить круговой обход сруба по ходу солнца, затем перейти на матицу, снять с нее пирог и,

донести его на голове до красного угла. После этого пирог съедали, разделив между всеми работниками [Мифология коми, 1999, с. 190; Голева, 2013, с. 107—108]. У коми в Западной Сибири этот ритуал не был зафиксирован, но сохранилась традиция угощать строителей пирогами в день возведения матицы (ПМА: Алтайский край: Зырянвка; Омская обл.: с. Имшегал, д. Кибер-Спасск; ХМАО: с. Саранпауль; ЯНАО: с. Мужы, пос. Овгорт). Застольем также отмечалась установка конька (ПМА: Омская обл.: с. Имшегал, д. Кибер-Спасск; ХМАО: с. Саранпауль). Для освящения постройки считалось желательным приглашать священника, однако в советские годы эта традиция угасала и начала возобновляться в конце XX в. Обские коми на всех ключевых этапах строительства окуривали сруб (а потом дом) ягодами можжевельника. Считалось, что такое окуривание прогоняет нечистую силу. «Можжевельного духа бесы как ладана боятся» (ПМА: ЯНАО, Шурышкарский р-н, пос. Восяхово, 2004). «Когда строили дом, все бревна можжевельником курили, сухими ягодами. И потом, когда построят, ведь дом обходили, чтобы нечистая сила в доме не завелась» (ПМА: ХМАО, Березовский р-н, с. Саранпауль, 2011).

Заселяясь в новый дом, сибирские коми обязательно приглашали переехать с собой домового (подробнее см.: [Байдуж и др., 2013; Голубкова, 2015]), что совпадало с аналогичными воззрениями и ритуальными действиями коми, проживающих в Коми крае, а также с верованиями и обрядами русских. Параллельно с приглашением домового и обустройством его угла, совершались обряды христианского «обживания» дома: вносили иконы, оформляли красный угол, на окнах и дверях рисовали крестики (обереги от нечистой силы). Для защиты дома от злых духов, наряду с христианскими оберегами, коми повсеместно использовали острые металлические инструменты — ножи, топоры, ножницы, которые выставляли рядом с местами вероятного проникновения духов из внешнего (который в данном контексте воспринимался равнозначным иному) мира: дверями, окнами, печной трубой, входом в голбец. Таким образом осуществлялось включение нового дома в сферу «своего» пространства, пригодного для безопасного проживания, что было обусловлено психологическими потребностями адаптации человека к окружающей среде.

Итак, переселившись на новую территорию — в Сибирь, — коми продолжали воспроизводить строительные традиции, которые включали не только прагматические действия, но и обряды, воплощавшие мифологическое осмысление этих действий. Стратегии сохранения строительных традиций у сибирских коми заключаются в том, что они в своей основе долгое время не претерпевали существенных изменений и воспроизводились в системе мифо-ритуального комплекса с соблюдением обрядов, направленных на обеспечение благополучия людей, которым предстояло жить в новом доме. Все, что делалось при постройке жилища, начиная от выбора строительных материалов и завершая въездом в новый дом, на всех этапах строительства было ритуализировано и подчинено мифологическим воззрениям. Глубина архетипических представлений, связанных с природой и лесом, вероятно, обеспе-

чила жизнеспособность соединенных с ними символов и отобразилась в строительных традициях коми, особенно на этапе выбора деревьев для постройки дома. Дом был не только жилищем, но также местом, где человек мог укрыться от опасностей внешнего мира, в том числе мира иного и его враждебных обитателей (лесных духов, нечистой силы), поэтому уделялось большое внимание соблюдению строительных ритуалов. Мифологическое мировоззрение способствовало сохранению строительных традиций у сибирских коми.

Список литературы

1. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983. — 188 с.
2. Байдуж М.И., Лискевич Н.А., Машаринова А.Х. Традиционные представления о домовом у коми юга Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22). — С. 148—155.
3. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. — Новая серия. — Вып. XLV. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. — 394 с.
4. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. — 232 с.
5. Голева Т.Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. — СПб.: Изд-во «Маматов», 2011. — 272 с.
6. Голубкова О.В. Образ дома и его мифических обитателей в традиционном мировоззрении коми-ижемцев // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. — Т. 10. — № 2. — С. 20—27.
7. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир, пространство и время. — Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО РАН, 1996. — 132 с.
8. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Строительные традиции русских старожилов в Сибири в XX веке: общее и особенное // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итог. сессии ИАЭТ СО РАН. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2016. — Т. XXII. — С. 521—523.
9. Мифология коми. Энциклопедия Уральских мифологий. — Т. I. — М.—Сыктывкар: Изд-во ДИК, 1999. — 480 с.
10. Штейнбах Х.Э., Еленский В.И. Психология жизненного пространства. — СПб.: Речь, 2004. — 239 с.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10036
УДК 294.321+72.01

В.В. Лыгденова
Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск)
victoria.lygdenova@gmail.com

Символика буддийской ступы-Паринирваны на примере ступы-колокольчика у баргузинских бурят

Аннотация

В статье исследована символика хонхо-субургана (бур. «ступы-колокола»), одного из девяти типов буддийских ступ, построенных в виде колокола, и выявляются его эмпирическое (бытовое), религиозное и мифологическое (архаичное) значения. Актуальность данного анализа связана с древними архаическими обрядами установки каменных пирамидальных сооружений — обоо. Однако архаическое значение этого символа в настоящее время утрачивается, поэтому в статье также выявляются его значения в бытовой сфере (эмпирическое) и в буддизме (религиозное). В качестве примера использован субурган, сооруженный в с. Аргада Курумканского района Республики Бурятия в июле 2012 г. и посвященный знаменитому аграмбе Г.З. Занданову. Несмотря на то что доминирующую роль в настоящее время играет интерпретация символики на основе терминов и принципов буддийского учения, эмпирическое значение этого символа связывается с бытовыми функциями — молитвой о благополучии семьи и скота, религиозным элементом — пропагандой буддизма — и мифологической (архаической) составляющей — обоо, пирамидальными каменными постройками, устанавливаемыми в сакральных местах для почитания духов местности.

Ключевые слова: буддийская архитектура, буддийская ступа, символика, традиционные верования, буряты, история Бурятии, этнография

V.V. Lygdenova
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
victoria.lygdenova@gmail.com

Symbolics of the Buddhist Stupa Parinirvana on the Example of the Stupa-Bell of Barguzin Buryats

Abstract

The article deals with the Symbolics of khonkho-suburgan (Bur. Stupa-bell), one of nine types of Buddhist stupas that is built in a form of a bell. Its empirical (domestic), religious and mythological (archaic) meanings are revealed. Actual continuity of the analysis is connected with ancient traditions of building stone pyramidal constructions – oboo. However, archaic meaning of the symbol has almost been lost at the moment. Other meanings such as empiric in everyday life and religious one according to Buddhist philosophy are revealed in the paper. Khonkho-suburgan that was built in the village Argada of Kurumkanskyi district of the Republic of Buryatia in July, 2012 dedicated to the famous Agramba G.Z.Zandanov is taken for an example. Despite the fact that the interpretation of the symbol based on the Buddhist terms and principles plays a dominant role, empirical meaning of this symbol is connected with domestic functions: praying for the family and cattle wellbeing; religious element (Buddhism propaganda) and mythological (archaic) function – oboo, that is pyramidal stone constructions put in sacred places as a sign of respect to local spirits.

Key words: Buddhist architecture, Buddhist stupa, symbol, traditional believes, Buryats, history of Buryatia, ethnography

Символ, согласно Ф. Де Соссюру, состоит из плана-выражения — внешней оболочки — и плана-содержания — собственного значения. Ю.М. Лотман дополняет это утверждение тем, что символ — это своего рода индекс, указывающий на некое архаическое значение плана-содержания. Символы являются носителями мифологического значения, которое возникло в дописьменную эпоху, когда «свернутые программы текста или сюжета» в определенной

«оболочке» хранились в устной памяти народа. Указывая на другую особенность символа — способность существовать независимо в любом контексте благодаря своей архаичности, Ю.М. Лотман отмечает еще один признак символа — его устойчивость во времени. Заметим, что устойчивость не влияет на способность символа видоизменяться под влиянием нового культурного контекста. Также символ может самостоятельно изменять новый культурный

контекст благодаря своему архаичному значению [Лотман, 1992, с. 191—192].

Данную характеристику символа выделяет также Н.Л. Жуковская применительно к этнографии, отмечая присутствие мифологического (архаического) и эмпирического (бытового) содержания в символах монгольской культуры. Например, ею в символе «юрты» рассмотрены мифологическое значение — «модель вселенной», и эмпирическое — собственно «жилище» [Жуковская, 1988, с. 14—15]. Религиозные символы, по мнению Жуковской, всегда несут в себе мифологические (архаические) значения, которые можно выявить, изучив историю возникновения религиозного символа в каждой культуре [Жуковская, 1977, с. 8—10].

Представленная статья посвящена анализу значения ступы — символа буддийской культуры. В июле 2012 г. в ходе полевой экспедиции в Курумканский район Республики Бурятия в с. Аргада нам довелось принять участие в освящении хонхо-субургана (бур. «ступа-колокол»), воздвигнутого в честь известного буддийского священнослужителя аграмбы Гомбо Заяевича Занданова. Действие происходило в восьми километрах от села Аргада в живописной местности Хадын-боори у подножия Икатского хребта. Субурган был построен в соответствии с восьмым типом ступы-Паринирваны, которая отличается от других видов тем, что имеет купол в виде колокола (ил. 1). Выбор был не случаен, поскольку при установке субургана при раскопках в земле был найден буддийский колокольчик (бур. «хонхо»). Вследствие этого организаторы и ламы приняли решение установить хонхо-субурган.

Актуальность исследования символики ступы-колокольчика связана с тем, что установка ступы в Республике Бурятия становится своеобразной традицией, которая связана с древними архаическими обрядами установки каменных пирамид — обоо. Однако архаическое значение этого символа в настоящее время теряет свое значение, поэтому в статье также выявляются его значения в бытовой сфере (эмпирическое) и в буддизме (религиозное).

Восьмой тип ступы-Паринирваны связан с одним из знаменательных событий в жизни Будды — уходом просветленного «за пределы скорби», в окончательную Паринирвану в Кушинагаре в возрасте 80 лет [Beer, 2003, p. 188]. Данный вид ступы характеризуется особой математической символикой. На иллюстрации № 2 представлены все восемь типов ступ, которые были изначально установлены в Индии в ознаменование восьми наиболее памятных событий из жизни Будды. В центре находится ступа просветления с ваджрами в основании, на которой показаны наиболее характерные для ступ украшения. Вокруг нее расположены восемь различных видов ступ. Цифра «восемь» указывает на то, что после ухода Будды в паринирвану представители восьми индийских кланов, являвшихся сторонниками буддизма, разделили между собой его реликвию. Ступы получили название соответственно наименованиям столиц тех мест, где проживали данные кланы.

Ступа Паринирваны впервые была установлена в Индии племенем Мала из Кушинагара. Она характеризуется круглым куполом в форме колокола, который находится на круговом основании десяти

добродетелей без восходящих от львиного трона ступеней. Простота ее внешнего вида и отсутствие ступеней символизируют полное растворение Будды в паринирване, где исчезают также все концептуальные признаки и характеристики. Паринирвана — это состояние просветления, которое, в отличие от нирваны, достигается после физической смерти живого существа, достигшего полного просветления. Форма купола, напоминающая молчаливый колокол, означает физическую смерть просветленного мудреца, отрекшегося от благ мира, и его выход за пределы зависимости средств к существованию.

Хонхо-субурган, посвященный Гомбо-ламе, также имеет подобную символику. Известно, что лама достиг высшей иерархической ступени в практике Тантры и получил звание аграмбы. Информант Ш.Ц. Чирипов (родственник аграмбы Г.З. Занданова) сообщает, что перед началом строительства долгое время он и ламы искали подходящее место. Однажды в процессе поиска они увидели лебедя, который пролетал над местом, где и решили впоследствии поставить субурган, так как лебедь считается благоприятным знаком в культуре баргузинских бурят. Когда начали копать, то в земле был найден ритуальный буддийский колокольчик хонхо, который являлся указанием на то, что субурган должен быть установлен в форме колокола. Третьим знаком, благословляющим место, стало то, что при освящении субургана, в момент подношения местным духам ритуальной еды «далга», полил теплый дождь, который закончился сразу же, как обряд был закончен [ПМА]. Отметим, что благоприятные знаки имеют решающее значение для лам, так как являются подтверждением того, что субурган был установлен в правильном месте, и поэтому он будет иметь положительное влияние на окружающую среду. Кроме этого, значение имеют структура и содержание ступы.

Структура хонхо-субургана, или ступы Паринирваны, представлена на иллюстрации № 3. На иллюстрации № 1 можно рассмотреть, как выглядит хонхо-субурган. В составе ступы можно различить три взаимосвязанные части: основание, главная часть, стоящая на ступенчатой пирамиде, и конусообразный шпиль в виде тринадцати дисков, нанизанных друг на друга, увенчанный сваямбхой (древний комплексный индо-буддийский символ).

Рассмотрим нижнюю часть, или основание ступы. Согласно интерпретации Р. Бира, первая из четырех нижних ступеней символизирует своими четырьмя сторонами четыре близких созерцания тела, чувств, ума и Дхармы. Вторая ступень символизирует четыре великих отречения от недобродетельных действий. Третья ступень содержит значение «четыре ног чудесной силы» [Бир, 2011, с. 140], достигаемой через отречение от умозрительного стремления желаний, ума, усилий и анализа. Четвертая ступень посредством четырех боковых сторон и вершины представляет пять качеств нравственности — веры, упорства, памятования, концентрации и мудрости.

Над четырьмя ступенями, поднимающимися от основания, находится высокий квадратный блок, который представляет собой львиный трон Будды. Он символизирует несокрушимость Дхармы и четыре бесстрашия Будды. Четыре угла основы львиного

трона символизируют четыре неизмеримых: 1) неизмеримую любовь, 2) неизмеримое сочувствие, 3) неизмеримую радость, 4) неизмеримую равенность. Будды-аспекты сидят на львином троне, лотосе, дисках солнца и луны.

Купол, или сосуд, представляет семь условий просветления — совершенное памятование, мудрость, радость, усилие, податливость, сосредоточение и равенность. Восемь углов хармики олицетворяют благородный восьмеричный путь — правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усилие, правильную внимательность и правильное сосредоточение. Осевой столб внутри ступы имеет значение десяти знаний — феноменов, мыслей других, Дхармы, кармы, страданий, пресечения, источника, пути, исчерпания и надеяния, или несозидания. Вокруг осевого столба находятся тринадцать колец, первые десять из которых обозначают десять сил Будды — ясные мысли, полная кармическая ответственность, медитативное знание, восприятие способностей других, знание ментальных способностей других, знание всех путей, знание всех предыдущих жизней, знание всех смертей, перерождения и знание прекращения кармы. Три верхних кольца — это три близких созерцания, имеющих следующий смысл: Будда не испытывает удовольствия, когда все его ученики внимают с уважением; он не испытывает гнева, когда никто из его учеников не слушает с уважением; он не испытывает гнева, когда некоторые ученики слушают с уважением, а другие — нет. Зонт над этими кольцами символизирует великое сострадание Будды и его искусные способы обучать тех, кто обладает скромными, средними и большими способностями. Восемь спиц зонта подразумевают Благородный восьмеричный путь. Расположенная поверх зонта сваямбха, состоящая из растущей луны, солнца и пламени, является, с одной стороны, архаичным символом первоэлементов ветра, пространства и огня. С другой стороны, в буддийской доктринальной философии растущая луна символизирует устремленность к просветлению и прибывание бодхичитты. Солнечный диск связан со значениями мудрости и пустоты. Союз солнца и луны — это взаимосвязь метода и мудрости, абсолютной и относительной бодхичитты. Р. Бир считает, что эфирное пламя на верхушке символизирует просветление и ветер лунного и солнечного каналов [Бир, 2011, с. 140]. В.М. Монтлевич дает иную интерпретацию данного символа и рассматривает его как огонь Нада, огонь премудрости, который наряду с этим символизирует Ади-Будду [Монтлевич, 1972, с. 93]. Культ Ади Будды возникает в XI в., именно тогда заканчивается сложение символики субурганов. Ади Будда известен тем, что он является мистическим существом, вечно пребывающим в нирване, и, в отличие от других Будд, никогда не рождался в сансаре. Таким образом, ступа является символом просветления Будды и напрямую связана с философским содержанием буддийского учения.

Любопытна и важна также иная точка зрения, отличная от доктринальной буддийской, на значение структуры ступы. Основываясь на архаичной символике ступы, О.С. Хижняк обосновывает, что ступа в своей целостности являет собой представления

древних индусов о строении космоса. В свете такого воззрения основание ступы представляет собой землю, купол — атмосферу, кубическая форма хармики — квадрат небес, а конус вершины является солярным символом [Хижняк, 1999, с. 61]. Согласно другой точке зрения, изначально круглое (позднее квадратное) основание символизирует элемент земли, купол ступы — элемент воды, кольца, т.е. треугольная часть ступы — элемент огня, полумесяц — ветер, а солнце — элемент пространства [Гвуппе, 2009, р. 112]. Так, с точки зрения древних индийцев, ступа содержит в себе значения просветления, космоса и единства пяти первоэлементов. Древние представления о солнце выражены в круглом и квадратном основании ступы, в этом веровании берет свое начало обычай обходить субурган по движению солнца.

Символика ступы тесно связана также с реликвиями, которые кладутся внутри нее. В нашем случае, хонхо-субурган, посвященный Гомбо-ламе, содержит реликвии, которые хранились долгие годы у наследников Г.З. Занданова. Одним из них является белый кремний, найденный в личных вещах ламы, который используется обычно при практике высшей Тантры. Данная реликвия вновь подтверждает тот факт, что Гомбо-лама достиг высшей ступени познания Тантры, чего достигают немногие ламы. В газете «Огни Курумкана» В. Будаев указывает на то, что внутри него заложены не только реликвии, но и пять видов различных знаков, пять видов драгоценностей, священные тексты и миниатюрные глиняные таблички с изображением Будды (цаца) [Будаев, 2012, с. 1.]. Все реликвии и ритуальные предметы кладутся строго по трехуровневой схеме, которая изображена на иллюстрации № 3. В I уровень закладки кладутся оружие, сельскохозяйственные орудия, сосуды с крупами, шерсть, т.е. те элементы, которые непосредственно связываются с землей. Во II уровень, находящийся на уровне или чуть выше львиного трона, располагаются драгоценности и цаца. На III уровне раскладываются священные книги и цаца. В дополнение к этому, расположенный внутри ступы осевой стержень расписывается и оборачивается священными текстами. Данный осевой столб соединяет нижнюю и верхнюю части ступы и называется Древом Жизни. Дерево выступает здесь как мировая ось, соединяющая человеческий и божественный миры. По другим трактовкам, осевой стержень является символом Горы Меру. А. Говинда рассматривает смысл помещения реликвий в хармику, имеющую форму жертвенного алтаря, в том, что святой, или Будда, вместо того, чтобы приносить в жертву других живых существ, жертвует миру себя [Хижняк, 1999, с. 58—59].

Необходимо выделить другую важную мифологическую составляющую данного символа. Ступа часто также ассоциируется с традицией монгольских народов «обоо» — установкой пирамидальной каменной структуры в сакральных местах с целью обозначения «святости» данного места и почитания духов местности. Данная традиция характерна и для жителей Тибета. В связи с этим, возможно, установка субурганов-ступ заменила в буддизме данную архаическую традицию.

Таким образом, символика хонхо-субургана, или ступы Паранирваны, являет собой соединение зем-

ного и небесного, вмещающая как архаичные, мифологические, так и доктринальные буддийские значения. Основной символ ступы Паранирваны — колокол, который также обладает несколькими, накладывающимися друг на друга архаичными и доктринальными смыслами. Во-первых, это древний символ женского начала, дополняющий символ ваджры, которая несет в себе мужское начало. Так, например, в процессе практики ритуальный колокольчик используется левой рукой (женское), а ваджра находится в правой руке (мужское). В буддизме колокол ассоциируется с мудростью, напрямую постигающую пустоту, в то время как ваджра связывается с методом. С этой точки зрения рисунки ваджры, использованные при оформлении внешнего вида хонхо-субургана, дополняют женское начало, которое он в себе несет. Перекрещенные ваджры, изображенные на львином троне, символизируют основание горы Меру, землю, а также имеют значение перекрещенных ног Будды. Необходимо добавить, что структура ступы также подразумевает в себе визуализацию образа Будды, сидящего на львином троне субургана (ил. 4).

Подводя итоги, отметим, что символика ступы Паранирваны во многом связана с архаичными и доктринальными значениями. Доминирующую роль играет интерпретация символики, опирающаяся на основные термины и принципы буддийского учения. В то же время хонхо-субурган, поставленный в память о выдающемся буддийском деятеле Гомбо-ламе, является не только мемориалом, установленным земляками в благодарность известному земляку и великому Учителю, но он также несет в себе глубинный смысл буддийской философии — достижение просветления как цели каждого практикующего буд-

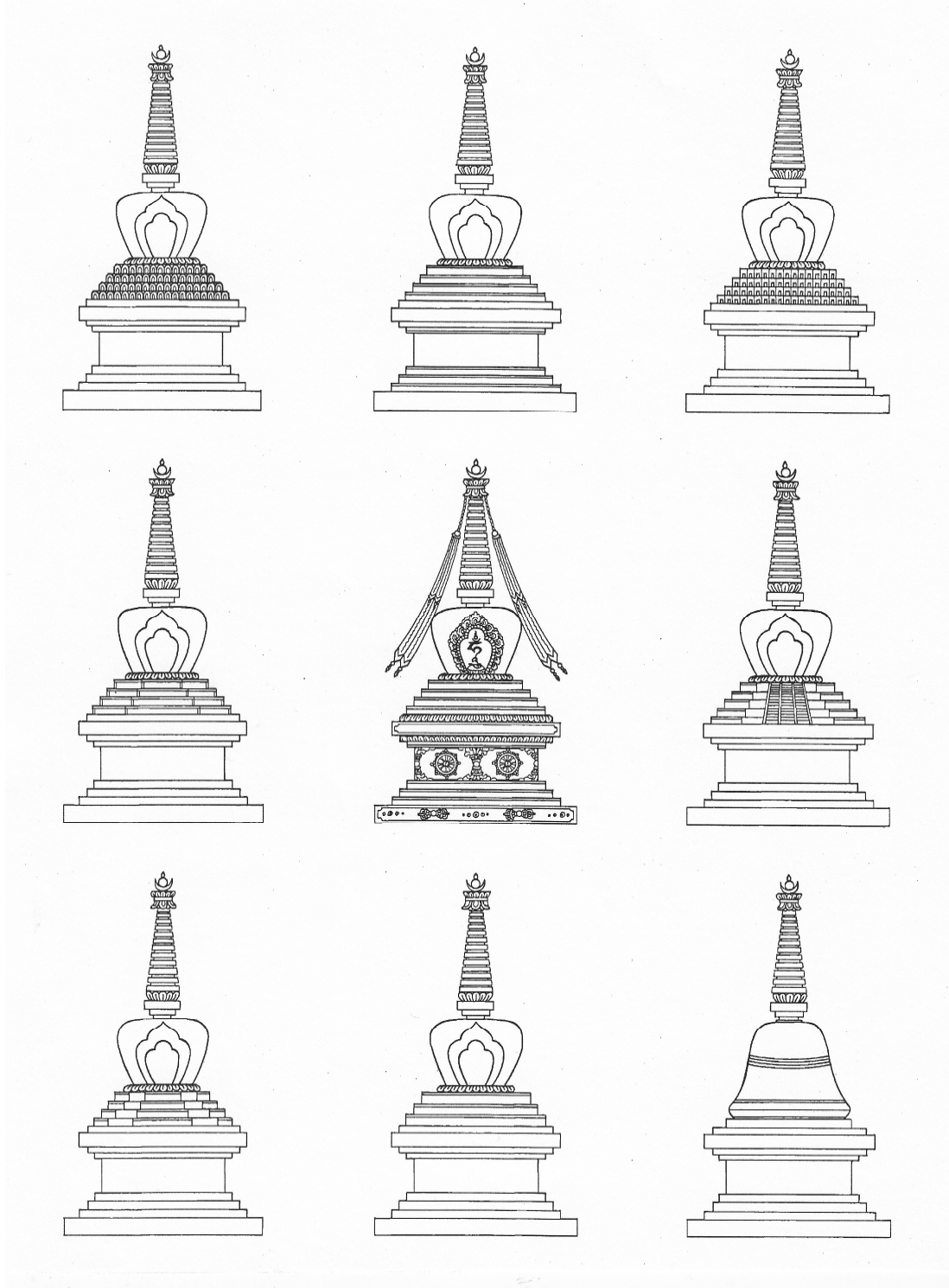
диста. Для мирян субурган, имеющий женское начало, способствует благополучию и здоровью семей, росту и плодовитости скота. Итак, мифологическое, религиозное и эмпирическое (бытовое) значения данного символа тесно переплетаются, создавая новое значение ступы-колокольчика в истории культурной традиции баргузинских бурят.

Список литературы

1. Бир Р. Энциклопедия тибетских символов и орнаментов. — М.: Ориенталия, 2011. — 428 с.
2. Будаев В. О чем звонит колокол? // Огни Курумкана. — 22.06.2012. — № 25 (6117). — С. 1.
3. Жуковская Н.Л. Ламаизм и ранние формы религии. — М.: Наука, 1977. — 200 с.
4. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. — М.: Наука, 1988. — 197 с.
5. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. — Т. 1. — Таллинн, 1992. — С. 191—199.
6. Монтлевич В.М. О символике ламаистских субурганов // Центральная Азия и Тибет. — Новосибирск: Наука, 1972. — С. 91—94.
7. Хижняк О.С. Архаичные истоки символики буддийской ступы (историографический анализ) // Шестая буддологическая конференция: тез. — СПб.: С.-петерб. филос. об-во, 1999. — С. 57—61.
8. Beer R. The Handbook of Tibetan Buddhist Symbols. — Chicago: Serendia Publications, 2003. — 262 p.
9. Gwynne P. World Religions in Practice. — Maiden: Blackwell Publishing, 2009. — 448 p.

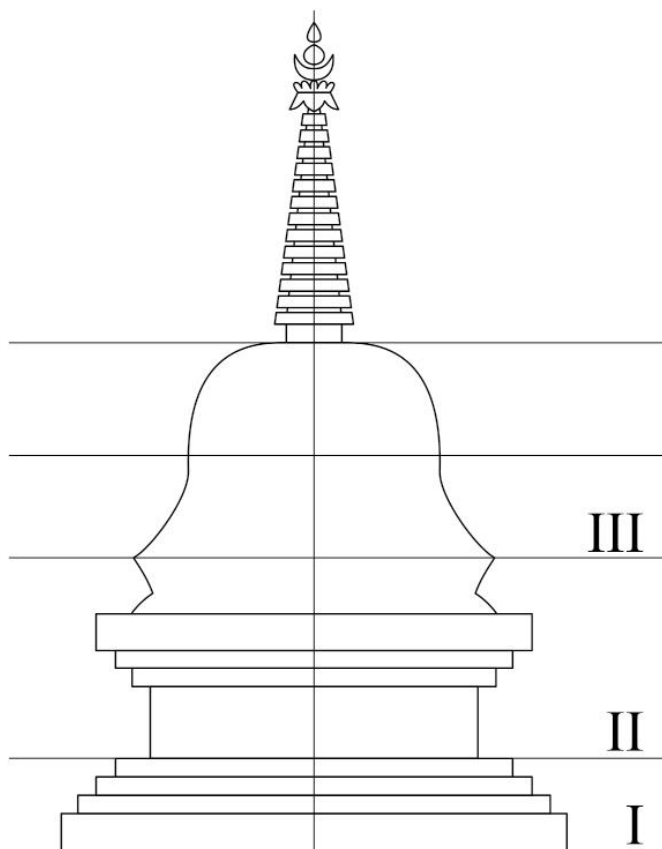

Ил. 1. Хонхо-субурган, посвященный Гомбо-ламе (с. Аргада, Курумканский район, Республика Бурятия). ПМА

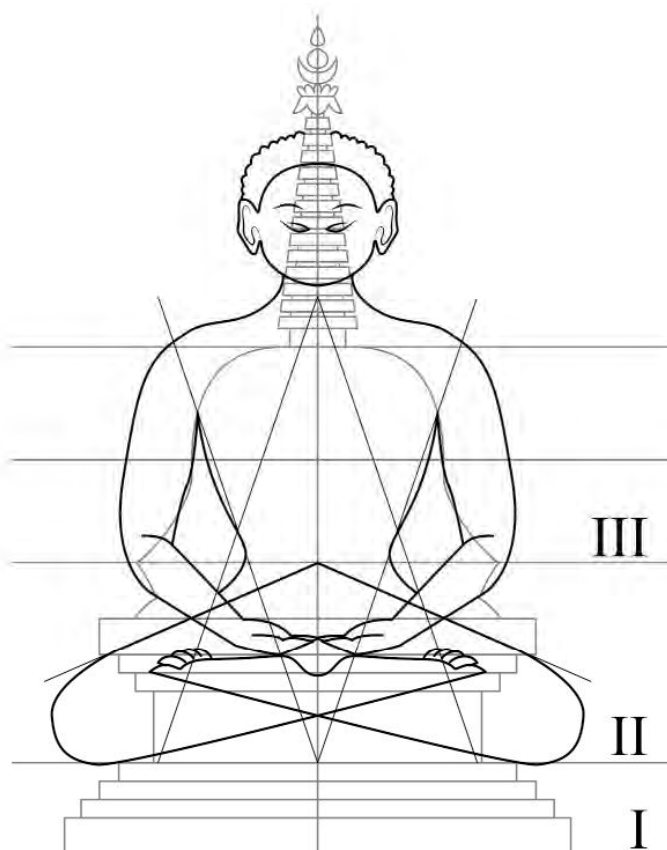

Ил. 2. Восемь типов ступ (в центре ступа просветления с ваджрами в основании, на которой показаны наиболее характерные украшения). Схема автора

Ил. 3. Геометрическая структура ступы Паринирваны. Схема автора

Ил. 4. Фигура Будды в геометрической структуре ступы Паринирваны. Схема автора

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10037

УДК: 39

А.А. Люцидарская
 Институт археологии и этнографии
 СО РАН (Новосибирск)
 lucid1@yandex.ru

Мельницы сибирского региона в XVII веке как знаки становления и развития мукомольного производства

Аннотация

В статье рассмотрены мельничные комплексы сибирского региона в XVII в. как часть символично-знакового освоения территории. Показано, что мельницы были средоточием хозяйственной деятельности населения городской и сельской округи. Для их функционирования привлекался труд мельников, строителей, плотников, кузнецов, разнорабочих, ремесленников, крестьян. Мельницы требовали для поддержания своей деятельности производства металлического проката, ободов, зубцов, обручей, стержней, различных крепежных изделий, деревообработки, дегтя, рыбьего жира, говяжьего сала, кварцита. Представлена типология мельниц в Сибири по используемой энергии, механизму помола, производительности и имущественно-правовой принадлежности. Доказано, что мельницы явились знаковой характеристикой становления и хозяйственного развития Сибири, каждый конкретный владелец мельницы знаково подтверждал свою хозяйственную самостоятельность и степень благополучия. Широкое распространение мельниц в Сибири демонстрирует сохранение хозяйственных традиций, символизирует преемственность многопоколенной памяти и устойчивости мировоззренческих позиций.

Ключевые слова: Сибирь, мельницы, знаки хозяйственного развития, зерновые культуры, мукомольное производство, ремесленные промыслы

A.A. Lutsidarskaya
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
 lucid1@yandex.ru

Mills of the Siberian Region in the 17th Century as Signs of the Formation and Development of Flour Milling

Abstract

The article deals with the mill complexes of the Siberian region in the 17th century as part of the symbolic development of the territory. The mills were the focus of economic activity of the urban and rural district population. The millers, builders, carpenters, blacksmiths, handymen, artisans, peasants were engaged to work at these mills. In order to support mills activity, production of rolled metal, rims, tines, hoops, rods, various fasteners, woodworking, tar, fish oil, beef tallow and quartzite was needed. The typology of the Siberian mills according to the following criteria: the energy used, the grinding mechanism, productivity and legal identity is given in the article. It was proved that the mills were a symbolic feature of the formation and economic development of Siberia. Each mill owner had to confirm his economic independence and degree of well-being. The wide distribution of mills in Siberia demonstrated the preservation of economic traditions, symbolized the continuity of the crossgenerational memory and the stability of worldview positions.

Key words: Siberia, mills, signs of economic development, cereals, flour-milling, handicrafts

С первых лет существования поселений в зонах, пригодных для развития хлебопашества в Сибири, население испытывало необходимость в переработке зерновых культур. Усилиями правительственных структур была создана государева пашня. Большое значение для развития земледелия имели собственные («собинные») запашки. К началу XVIII в., в 1703 г., такие запашки только в Томском уезде имели 1350 дворохозяев — служилых, оброчных и посад-

ских людей. Кроме того, личные запашки имелись и у крестьянских семей, обрабатывающих государеву пашню и монастырские поля. Наличие такого значительного зернового хозяйства нуждалось в обработке зерна и получении из него муки и круп. Мельницы облагались оброком, следовательно, им велся точный учет, в силу которого можно располагать достоверным материалом в отношении числа и типа пространенных в то время мельниц [Люцидарская,

1982, с. 125].

Наличие в регионе мельниц является знаковым подтверждением этого обстоятельства. Учитывая ландшафтные особенности и обилие водных ресурсов в Западной Сибири (рек, проток и речушек) мельницы преимущественно были водяными. Наличие ветряной мельницы (зафиксировано в 1705 г.) зажиточного томского сына боярского Алексея Круглина, шляхтича по происхождению, является скорее исключением из общей тенденции. Между прочим, у того же Круглина имелась и колесчатая водяная мельница на речке Басандайке [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1408. Л. 328].

В Тобольском уезде в конце XVII в. насчитывалось 975 мельниц, а в самом начале XVIII в. в Томском уезде — 95 мельниц, в Кунгуре — 102 мельницы, в Илимске, для сравнения, мельниц было 91 [Громыко, 1965, с. 87]. Почти в каждом сибирском городе имелась государева мельница или мельницы. Мельницы были как казенные, государственные, так и частные. Частных мельниц было несравнимо большее количество, однако по производительности они уступали государственным. Частная мельница облагалась налогом, но обходилась без казенных услуг. Мельницы служилого люда зачастую налогом не облагались. Сибирские переселенцы, владевшие в своих угодьях мельницами, как правило, имели хороший достаток и крепкое хозяйство. В отдельных случаях владельцы мельниц нанимали для работы мельников, однако чаще справлялись с этой работой усилиями семьи или дворовых работников.

Водяные мельницы были двух родов — более производительные «колесчатые», т.е. с наливным, а в отдельных случаях, может быть, и с подливным колесом, и мелкие «мутовчатые», т.е. с рабочим лопастным валом. На больших реках строились колесчатые мельницы, на малых — мельницы-мутовки, или колотовки, отличавшиеся от колесчатых по размерам и конструкциям колес: в мутовках, или колотовках, колесо располагалось горизонтально. Последние ставились на малых водостоках и работали зачастую только летом или даже только весной.

Кроме казенных мельниц, в городах существовали частные мельницы, работающие «на сторону», т.е. на нужды населения. Только в Томске к концу XVII в. таких мукомольных предприятий было 29 [Люцидарская, 1982, с. 126]. Плата взималась по 20—33 копейки за 100 пудов. Принимая во внимание, что некоторые мельницы, по показаниям их собственников, размалывали по 1500—2000 пудов, доход от них мог подниматься до 3—6 рублей в год. Мутовчатые мельницы размалывали за сезон самое большее по несколько сот пудов и служили для удовлетворения потребностей одного или нескольких дворов.

Колесчатые мельницы обладали большей мощностью и нуждались в больших объемах воды. Казенные мельницы были исключительно колесчатыми и строились на значимых реках или их притоках. Производительность мельниц определяли жернова и их количество. Например, на томской казенной мельнице «в перемену» работали 3 жернова; из-за небольшого объема воды для одновременного использования они, как правило, не применялись. В архиве сохранилось описание томской мельницы середины XVII в. Описание было сделано после весеннего по-

ловодья, думается, для обоснования просьбы на выделение средств для починки. Вот этот документ: «На подгородной мельнице всякие мельничные снасти и заводу и амбар старый худ, впредь к новой мельнице не годится, изба поверх амбара худа ж, два колеса водяные худы и впредь к новой мельнице не годятся, а третье колесо новое.., а сухие колеса все добрые.., трое жерновы и снасти железные, веретена и шипы все добрые к новой мельнице годятся, ковш и лари... годятся. Под железную снастью и под каменную деревянную снасть худа... молот железный годен, два камня новые нетруженные. А иного заводу никакого нет, все давешнею водой заломало» [Люцидарская, 1992, с. 45]. Весенние разливы рек были постоянной угрозой для мельниц, но на государевы мельницы выделялись средства из казны.

Несмотря на наличие 3 жерновов государева мельница в полную меру не работала, поскольку Ушайка не была полноводной рекой: зимой она вымерзала, а весной «подходит к той мельнице с Томи сгорная вода и тою водою все годы плотину размывает и портит...» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1408. Л. 599]. Скорее всего, в той или иной мере все мельницы томского региона испытывали подобные проблемы. К началу XVIII в. в Томске было уже несколько колесчатых мельниц, о чем свидетельствует план города 1708 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. Кн. 1371. Л. 23]. Определенную конкуренцию томской казенной мельнице составляла частная мельница сына боярского Андрея Степнова, равная ей по производительности. Мельница Степнова находилась на речке Сосновке и имела 2 жернова, она работала «на сторону», выполняя заказы томичей [РГАДА. Ф. 214. Оп. Кн. 1371. Л. 5 об. — 6]. Колесчатую мельницу с одними жерновами имел томского списка дворянин Осип Родионов Качанов. Его мельница также стояла на Ушайке, рядом был поставлен двор, в котором жили обслуживающие мельницу дворовые работники.

Наличие частной колесчатой мельницы являлось определенным знаком, свидетельствующим о высоком достатке и значимом социальном положении ее хозяина. Именно таким хозяином колесчатой мельницы в Чулымской заимке на речке являлся сын боярский Иван Елизаров Серединин. Мельница имела один жернова, кроме того, Ивану Серединину принадлежала еще одна колесчатая мельница с одними жерновами на речке Князь Стояновой. У семейства Середининых были обширные пахотные угодья, а наличие 2 производительных мельниц позволяло ему принимать заказы на помол зерновых с жителей близлежащей округи [РГАДА. Ф. 214. Оп. Кн. 1371. Л. 9 об. — 10]. Семейный клан служилых Середининых в XVII в. состоял из состоятельных и предприимчивых томских переселенцев, занимавшихся торговлей, различными промыслами и имеющих значительные земельные угодья. Очередным знаковым подтверждением тому служили колесчатые мельницы в их собственности. Две такие мельницы на речках Бирле и Князь Стояновой имел Федор Иванов Серединин, вероятно сын упомянутого выше Ивана Серединина [РГАДА. Ф. 214. Оп. Кн. 1371. Л. 76]. Была колесчатая мельница и у конного казака Прокофия Дорофеева, жившего в селе Никольском, которая на речке Сосновке работала с одними жер-

новами на нужды хозяина и жителей села [РГАДА. Ф. 214. Оп. Кн. 1371. Л. 53].

Таким образом, наличие производящих мельниц символизировало не только утверждение хлебопашества, но и развитие товарно-денежных отношений и наращивание мелкотоварного производства и, соответственно, капиталов. Мельницы, как и любое постоянно действующее предприятие, нуждались в подпитке сопутствующими материалами и деталями. Все это могли в XVII в. обеспечить местные ремесленники, специализирующиеся по различным хозяйственным направлениям и зависящие от спроса. Местные расходные книги фиксировали только затраты на государеву колесчатую мельницу, тогда как таких колесчатых мельниц в томской округе было немало, о чем свидетельствуют вышеизложенные факты.

Мельницы были двигателем развития региона в целом. Экономисты отмечают их роль в развитии хозяйства: «На основе использования механической энергии гидравлического колеса развилась первая форма капиталистического производства — мануфактура... В ней впервые был заложен принцип машинного производства, ее функциональные блоки — двигательный, передаточный и исполнительный — в дальнейшем развились в самостоятельные механизмы, «положившие начало механическому двигателю, передаточным механизмам и рабочей машине» [Уварова, 1960, с. 14]. В XVII в. наблюдается настоящий бум водно-мельничного строительства. В Московском государстве дело дошло до того, что царь Алексей Михайлович вынужден был специальными распоряжениями регламентировать строительство и эксплуатацию водяных мельниц, дабы они не мешали речному судоходству и рыбной ловле [Российское законодательство..., 1985, с. 183].

Мельницы были высокотехнологическими сооружениями того времени, требовавшими большой материально-технической базы. Судя по раскопкам археологов на р. Ангаре, для мельницы требовались изделия из железа (ободы лотка и водяного колеса; зубцы, передающие тягу на вал; обручи, скреплявшие жернова; обод с зубьями сухого колеса; стержни в торцах вала; различные крепежные изделия), кварцита (жернова диаметром 120 см, толщиной 17 см, со сквозным отверстием диаметром 26 см), дерева (лоток длиной 3—5 м, шириной 40 см и высотой 20 см для подачи воды из реки; короб для засыпания зерна; мельничный вал длиной 3,6 м и диаметром 34 см; водяное колесо диаметром 2,3 м, с лопастями, ободами и спицами; опорная балка для вертикального передаточного вала с жерновами со сложной профилировкой), а также инженерные сооружения (плотины, насыпи, ямы, укрепленные срубам, подвальные помещения, бытовые помещения) [Глушенко, Яровой, 2017, с. 375—377].

Письменные источники свидетельствуют, что для нужд государевых мельниц у горожан покупали рыбий жир и говяжье сало, которые использовали для смазки мельничных колес, кроме того, для мельничного дела постоянно требовался деготь и иные необходимые материалы, а также различные мельничные снасти, что, несомненно, поддерживало ремесленные промыслы. На казенную мельницу только в 1630—1631 гг. были совершены следующие

затраты: кузнец Еремеев получил 1 рубль на поездку для поиска «мельничного жернового камня»; у некоего Степана за 3 алтына приобретена пешня на государеву мельницу; у некоего Екимова за 2 рубля на нужды мельницы приобретено 14 ведер дегтя; на мельничные всякие поделки приобретен за 1 рубль «якор» железный у Микитина, в это же время у торгового человека Никонова куплен за 2 руб. железный якорь на всякие мельничные поделки и расходы [Томск., 2005, с. 98—113].

Через 76 лет казенные расходы (для приобретения материальной части) на томскую мельницу составляли более 8 рублей в год. Они состояли из закупок материалов «к мельничному строению» — кричное железо, уклад, «жерновы шестирики» говяжье сало, рыбий жир, деготь. Сало и рыбий жир для смазки колес закупались в большом количестве [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452. Л. 130—133]. Однако, как следует из источников, значительных колесчатых мельниц, помимо государевых, насчитывалось к началу XVIII в. в томской округе около 20, и все они нуждались в сопутствующих материалах, которые обеспечивались местными промыслами. По записям 1667 г. следует, что в это время томская государева мельница требовала серьезного ремонта либо отстраивалась заново. К такому заключению можно прийти исходя из того, что к работе на мельнице был привлечен плотник и вызван мельник из Енисейского острога. Томскому же пешему стрельцу были выделены средства за то, что он «молот на своей мельнице государевы хлебные запасы» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 157. Л. 14 об, 20].

Следует заметить, что томский Алексеевский монастырь также обладал мельницами, в том числе и колесчатой. Монастыри в Сибири имели значительные пахотные угодья и строили на доступных реках водяные мельницы. Как правило, они были колесчатыми и достаточно производительными. М.М. Громыко отмечает, что монастыри получали от крестьян значительные суммы за пользования мельницами. Тобольский знаменский монастырь имел в XVIII в. более 3 действующих мельниц, Томский Алексеевский монастырь — 3 мельницы. [Громыко, 1965, с. 246].

Несоизмеримо большее количество мельниц в Западной Сибири, в том числе и Томском уезде, приходилось на долю менее производительных колотовок или мутовок. Такие мельницы могли себе позволить иметь и пашенные крестьяне. Однако количество крестьянских мельниц более чем в 2 раза уступало количеству мельниц более обеспеченного служилого населения. Аналогичная ситуация наблюдалась и в Восточной Сибири [Шерстобоев, 1949, с. 363—368; Нефедьева, 1997, с. 3—9].

Колотовки ставились на малых речках вблизи от заимок хозяев. Так, пеший казак Петр Бржицкой построил на речке Киндерепе совместно с родным братом мельницу колотовку, которую использовал в личном хозяйстве [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 157. Л. 161], а у пешего же казака Остафья Степанова такая мельница располагалась на речке Тайменке [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 157. Л. 164]. Совладения мельницами было распространенным явлением: колотовка на той же Тайменке была в общем владении пешего казака Кузнецова и посадского Трофимова [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 157. Л. 165]. Вполне вероятно, что

большинство мельниц сооружалось на удобных для строительства достаточно полноводных водных артериях. На речке Тайменке в Томском уезде было построено 4 мельницы, причем одна колесчатая.

Для сравнения с томским регионом можно привести данные по Верхотурскому уезду. В Аякской слободе, находящейся во владении Микиты Демидова, в 1705 г. была проведена перепись крестьянских мельниц, которая дает представление о развитии там мукомольного промысла и типе существующих мельниц. Все мельницы в этой слободе были водяными и принадлежали по своим конструктивным особенностям к колотовкам с горизонтально установленным колесом. Следует заметить, что на зауральской территории использовался термин «мутовка». Всего в 1705 г. в слободе было 19 таких мельниц с указанием размеров строений и количества и размера жерновов. Анализируя эти сведения, можно сделать вывод, что мельничное строение имело размер в 2 сажени и лишь в одном случае составляло 1,5 сажени.

Думается, что такие размеры были наиболее типичны для водяных мельниц и подобные параметры можно с большой долей вероятности отнести к иным подобным строениям этого типа. В документе также указываются размеры и количество мелющих жерновов. Преобладающее большинство мельниц имело одни жернова (16) и лишь в трех случаях — по 2 жернова. Документ также указывает расстояние от мельничной избы до пруда (расстояние сброса воды в сажнях). Сброс воды колебался от 4 до 10 сажней, наиболее часто он составлял 7—8 сажней. Вот образец такого документа: «У крестьян у Григорья Любимова, у Степана Логинова, Евтифея Кирилова Возовика на Сапу речке мельница мутовчатая, а та мельница по мере две сажени, а в той мельнице одне жерновы, а мерою те жерновы в три четверти, а под мельницею и под прудом по мере земли восемь сажен, а поставлена та мельница на государственной земле, а иных никаких угодий у той мельницы нет, а в казну великого государя оброку платят с той мельницы шесть алтын четыре деньги» [РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 157. Л. 93]. Данный источник ценен сгруппированными сведениями о крестьянских мельницах, которые при переписях не указывались в иных документах. Это позволяет более точно представить рабочее состояние строений, участвующих в переработке зерновых культур. Список мельниц дополняется «сказками» со слов владельцев о принадлежащих им строениях на речках. И эти сведения совпадают [РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 252. Л. 92 об.—96, 245—250, 300—300 об., 373—374].

Таким образом, наличие мельниц являлось знаковой характеристикой становления и хозяйственного развития того или иного региона, в данном случае Сибири. В конкретных случаях хозяин мельниц или мельницы знаково подтверждал свою хозяйственную самостоятельность и степень благополучия, поэтому исследование мельничного потенциала свидетельствует об экономическом развитии Сибири.

В малодоступных уголках Сибирского пространства водяные мельницы как реликты существовали в XX в. и даже отмечены в XXI в. В Восточной Сибири в бассейне Ангары до 1960 г. действовала колесчатая мельница [Глушенко, Яровой, 2017, с. 376], также — и на р. Илиме (ил. 1). Мельница-колотовка выявлена

во время полевых работ этнографом Г.В. Любимовой в 2014 г. в верховьях Малого Енисея [Любимова, 2017, с. 128]. На этой небольшой колотовке перемалывали в основном черемуховую муку (ил. 2). Сохранение хозяйственных традиций в быту сибиряков символизирует преемственность многопоколенной памяти сибиряков и служит знаком устойчивости мировоззренческих позиций.

Список литературы

1. Глушенко М.А., Яровой Б.П. Перспективы использования развалин водяных мельниц в качестве источника по культуре русских // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Изд. дом «Наука», 2017. — С. 374—380.
2. Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке. Русское население и земледельческое освоение. — Новосибирск: Наука, 1965. — 267 с.
3. Любимова Г.В. Модернизация земледельческого труда в культуре сибирских старообрядцев // Урал. ист. вестн. — 2017. — № 2 (55). — С. 122—130.
4. Люцидарская А.А. Мельничное дело в г. Томске в начале XVIII в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху. — Новосибирск: Наука, 1982. — С. 125—131.
5. Люцидарская А.А. Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII вв. — Новосибирск: Наука, 1992. — 195 с.
6. Нефедьева А.К. Мукомольный промысел в Среднем Приангарье (конец XIX — начало XX в.) // Тальцы. — 1997. — № 1 (2). — С. 3—9.
7. Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. — М.: Юрид. Лит., 1985. — Т. 3. — 512 с.
8. Томск в XVII веке: документы и материалы; приходные и расходные книги Томского города 30-х гг. XVII в. / сост. В.А. Есипова. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. — 183 с.
9. Уварова Л.И. Развитие средств передачи механической энергии. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. — 195 с.
10. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1949. — 600 с.
11. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II—IV четвертях XVIII в. — Иркутск: Иркут. кн. изд-во, 1957. — 673 с.

Список источников

1. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6ж. Д. 252.
2. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1408.
3. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1452.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 157.
5. РГАДА. Ф. 214. Оп. Кн. 1371.

Ил. 1. Действующая мельница у деревни Березняки на р. Илиме, 1948 г.
Фотография В.Н. Шерстобоева [Шерстобоев, 1957, с. 316]

Ил. 2. Действующая мельница-колотовка в верховьях Малого Енисея, 2014 г.
Фотография Г.В. Любимовой [Любимова, 2017, вклейка]

А.Ю. Майничева
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
annmaini@gmail.com

Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими

Аннотация

В статье представлен анализ некоторых аспектов символического освоения Сибири русскими на примере архитектуры. Новизна работы связана с отсутствием в отечественной историографии системного исследования проблемы на сибирских материалах. Выделены виды освоения пространства средствами архитектуры при основании и росте населенных мест: оборонное зодчество, формирование культового пространства, жилищно-производственной и торговой среды. Предложена концепция роли архитектуры как способа символического освоения пространства, причем закрепление символического содержания за их материальными воплощениями требуется для обеспечения освоения реальности, осознания взаимосвязи ее компонентов на различных социальных уровнях, включая личностный. Символы устойчиво сохраняются даже в условиях непрерывного преобразования архитектурной среды, во многом благодаря сохраняющейся своеобразной этнокультурной определенности мировосприятия русских как движущегося этноса с самосознанием оседлого.

Ключевые слова: символы, знаки, архитектура, освоение пространства, поселения, мировоззрение, русские, Сибирь

A.Y. Mainicheva
*Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)
annmaini@gmail.com*

Architecture of Siberia: the Symbolic Familiarization of Space by the Russians

Abstract

The article presents an analysis of some aspects of the symbolic development of Siberia by the Russians on the example of architecture. The novelty of the work relates to the absence of a systematic study of the problem based on Siberian materials in the domestic historiography. The types of familiarization of space and environment are singled out: defense architecture, formation of cult space, housing and production and trade environment. The following concept is proposed: the fixation of the symbolic content behind their material incarnations is required to ensure the mastery of reality, to realize the interconnection of its components at various social levels, including the personal one. Symbols are persistently preserved even in the conditions of continuous transformation of the architectural environment, in large part due to the preservation of the peculiar ethno-cultural certainty of the world perception of the Russians as a moving ethnos with a self-aware as sedentary one.

Key words: symbols, signs, architecture, familiarization of space, settlements, world outlook, the Russians, Siberia.

История развития культуры показывает, что символическое постижение пространства человеком неизменно сопровождается его физическое, материальное, географическое освоение, признаком которого является заселенность территории людьми. Наиболее наглядно этот процесс можно проследить на явлениях, характерных для вновь приобретаемых территорий, поэтому Сибирь, активно осваиваемая русскими с XVII в., является адекватным исследовательским полигоном для обнаружения особенностей пространственного символично-знакового ряда, вос-

производившегося в новых условиях. В настоящей статье предполагается остановиться лишь на некоторых аспектах символического освоения Сибири русскими на примере одного из пространственных видов искусства — архитектуры. Новизна такого подхода связана с практическим отсутствием в отечественной историографии системного исследования заявленной проблемы на сибирских материалах, исключая несколько статей автора, посвященных постановке проблемы [Майничева, 2017], духовному освоению территорий, относящихся к ведению двух

сибирских епархий (Тобольской и Енисейской) в XIX — начале XX в. [Майничева, 2005б, 2015а], пространственным символам [Майничева, 2010] и имеющей этническую коннотацию символике отдельных храмов [Майничева, 1999, 2000, 2005а, 2008, 2015б, Mainicheva, 2015b].

Кроме того, необходимо упомянуть работы, наиболее близко стоящие по тематике, например, статью К.Н. Невоструевой, которая выделяет основные идеи ученых о роли символов в жизни общества, в том числе на примере символического пространства города, что важно для начального периода освоения Сибири, для которого характерно основание большого количества городов [Невоструева, 2016], статью Т.Б. Щепанской, посвященную традициям духовного освоения пространства на Русском Севере путем выделения особой коммуникационной системы, названной «кризисной сетью», поскольку по ее каналам шла информация, связанная с нарушениями, кризисами, несчастьями, а узлами этой системы выступали святые места, святыни, которые притягивали паломников [Щепанская, 1995]. Нашей тематике частью отвечают и публикации, показывающие результаты исследований в рамках иеротопии (изучение сакральных пространств) [напр., Лидов, 2006] и сакральной географии, рассматривающей религиозно-мифологическое пространство культуры [Теребихин, 1993]. Из публикаций иностранных авторов общетеоретического характера можно назвать монографию Э.Д. Смита по проблемам этно-символизма и национализма, в которой высказывается мысль о том, что этнические символы являются базовыми для консолидации групп и формирования нации [Smith, 2009].

Следует также оговориться, что, признавая историческую изменчивость форм символического освоения пространства, в статье тематика ограничится этнически специфичными признаками освоения территорий русскими, устойчиво существовавшими в течение веков и сохранившимися в той или иной форме до наших дней. В связи с трансформациями в исторической ретроспективе, понимания категории этнической идентификации «русский» и учитывая длительность бытования понимания этого термина как сочетания этнического происхождения (по рождению русский), конфессиональности («православный»), подданства («подданный русского государства»), а также самоидентификацию, в этом же значении термин «русские» употреблен в статье.

Включение в хозяйственную деятельность нового пространства, что является основой освоения территории, сопровождается образованием поселений, выступающим важным показателем ее освоенности. Можно выделить типологически разные сферы освоения пространства средствами архитектуры при основании и росте населенных мест: оборонное зодчество, включавшее не только военные, но и управленческие функции, формирование культового пространства, жилищно-производственной и торговой среды.

В XVI—XVIII вв. оборонное зодчество, необходимость которого была связана с ведением боевых наступательных и защитных действий, управленческих нужд, являлось одним из способов освоения пространства, маркирующего этнос. К этому периоду в

культуре русских уже существовала традиционная многоуровневая программа практического и символического преобразования семантически чуждого пространства в «свое». На практическом уровне шло продвижение по территории и ее присвоение, воспроизведение привычных форм оборонных сооружений, поселений, элементов хозяйства и культуры, символический уровень охватывал сакрализацию пространства, которая была обеспечена символами государственной власти и православия: на башнях острогов и городов устанавливались двуглавые орлы, над воротами — иконы, на городских вертикалях, церквях — кресты, на церковных стенах — иконы.

Русское сибирское оборонное зодчество явилось развитием традиций градостроительства; следование им позже, в XIX в. при строительстве крепостей в Калифорнии, например Форта Росс, показало свою оправданность. Основательное обустройство на новых территориях поддерживалось одной из основополагающих идей православия — строительства на земле «небесного Иерусалима», о чем говорят, например, условные знаковые изображения острогов и городов на картах С.У. Ремезова в «Чертежной книге Сибири» конца XVII в. Сравнение рисунков российских и зарубежных крепостей XVI—XVII вв. выявило ряд закономерностей. Авторы их руководствовались общими правилами, одно из которых состояло в выборе для размеров изображения числовых пропорций, позволяющих заключить его в рамку, стороны которой составляли 1:1, 1:2 или 1:√2, что характерно для изображений «горнего града». Создание символического изображения евангельского Иерусалима закономерно для всего русского искусства XVI—XVII вв., например, в этот период иконописцы в своих творениях ставили целью передачу в видимых образах незримого. Поддержанное традицией воспроизведение в каждом новом поселении идеального божественного града воплощало идею освященности действий русских первопроходцев на приобретаемой территории [Подробнее см.: Майничева, 2014].

Изменения в оборонных сооружениях соответствовали трансформации статуса поселений при сохранении символических функций всех структурных частей. Когда нужда в обороноспособности городов ушла в прошлое, крепостные сооружения сохранили значение символа государственной власти, а затем немногочисленные деревянные башни, каменные проезжие ворота в г. Омске и Тобольский кремль были музеефицированы и получили статус памятников архитектуры, что указывает на сохранение их символической значимости, приобретшей оттенок свидетельств прошлого.

Продвижение русских в Сибирь шло в тесной связи с созданием культового символического пространства, основной особенностью которого стало воспроизведение традиционных черт русской архитектуры в форме часовен и церквей. В архитектуре храмов использовались известные ранее формы, элементы и детали, имевшие аналогии в истории русского искусства и строительства. Наряду с сохранением форм, уже ушедших в регионах центральной части страны, в Сибирь быстро проникают и распространяются новые правила культового формообразования, например введение пятиглавия и запрещение стро-

ительства шатровых церквей. На месте утраченных церквей возводились новые, или памятное место отмечалось часовней или крестом.

Для семантики сибирской русской архитектуры характерно обращение к архетипическим элементам культуры русских, основанным на древнейших представлениях, включая числовую и топографическую символику. Системы священных чисел, признаваемые первыми мыслителями христианства, стали основой построения храмов; количество глав и алтарей подчинялось законам священной нумерологии. За геометрическую основу построения плана зданий, их горизонтального и вертикального пропорционирования брали символические схемы формирования внутреннего пространства, имевшие распространение в христианском мире Византии, Руси и средневековой Европы [Подробнее см.: Майничева, 2015, Mainicheva, 2015a.].

Размещение церквей и часовен было символически оправданно. Часть из них строилась в центре поселений, на кладбищах, а позже размещалась в жилых, торговых, учебных, больничных, тюремных постройках, часть — возводилась на месте языческих капищ коренных народов, некоторые — на источниках и там, где происходили явления чудотворной иконы или чудесное событие. Расположение храмов вне крепостных стен поселения усиливало их роль как оберега города. Сохраняющиеся элементы поклонения русских природным объектам совмещались с принципами следования древним христианским канонам, заключенным в трактовке текстов Священного Писания, преимущественно Ветхого Завета [Подробнее см.: Майничева, 2005a].

Правила, лежащие в основе символической преемственности форм и образов храмов, распространялись на Руси после принятия христианства и во многом совпадали с теми, что существовали в Византии и средневековой Европе. Они претерпевали трансформации под влиянием западной и восточной архитектуры, что выразилось в разнообразии стилистики церквей.

Символика посвящений престолов церквей была основана на правилах православия и соответствии литургическому циклу, получая дополнительный смысл личностного характера (почитания местных святых, исторических деятелей, жертвователей и меценатов), который в ряде случаев сопряжен с фиксацией важных моментов русской истории в Сибири. По подсчетам, сделанным автором на основании епархиальных справочников, к началу XX в. наибольшее распространение получили культы свт. Николая Чудотворца, Пресвятой Троицы, Покрова Пресвятой Богородицы, Архистратига Михаила, Рождества Христова, св. ап. Петра и Павла, св. пророка Илии.

Мировоззренческое содержание православных храмов, выраженное в символах, формах и образах, обеспечивало создание комфортного психологического климата в условиях освоения новых территорий и совместной жизни с народами, следовавшими иным религиозным и социальным нормам как на общественном, так и индивидуальном уровне, давало ощущение общности людей, их защищенности и причастности к более высокому в духовном смысле, чем земное бытие, удовлетворяло разнообразные

религиозные и эстетические потребности, помогало убедиться в правильности своего способа жизни, а значит, адаптироваться в новых условиях.

В принципах формирования жилищно-производственной и торговой среды также нашли выражение символично-знаковые ряды. Как башни, крепостные стены, таможенные, воеводские и прочие избы управленческого характера являлись знаковыми элементами оборонно-властного назначения поселения, культовые сооружения — мировоззренческими знаками, так жилища, амбары, хозяйственные постройки разного назначения (мельницы, винокурни, солеварни, погреба, бани и пр.), лавки, гостинные дворы можно считать знаковыми для характера и уровня жизнеобеспечения и развития хозяйственной деятельности. Сибирские избы и дворы обеспечивали не только бытовые удобства, но и представляли пример иерархически окрашенной социальной символичности, что давало возможность ориентации в мироустройстве. Символы православия присутствовали в жилой, производственной и торговой застройке, например как иконы над входами, образа, четверговая соль, веточки вербы в интерьерах зданий. Верования в духов и покровителей дома, обрядовые действия, семантика элементов жилища, историческая память об образовании поселений сохраняются в той или иной форме вплоть до наших дней.

Выступая в различных формах, выполняя различные функции — оборонно-управленческие, культовые, обеспечивающие жильем, хозяйственными, производственными, торговыми постройками — средства архитектуры предоставляют один из значимых способов символического освоения русских пространств Сибири. Символы и знаки служат для истолкования окружающей действительности, осознание которой опосредуется мировоззренческой системой, а результаты познания используются для адаптации элементов культуры в окружающем мире. Закрепление символического содержания за их материальными воплощениями требуется для обеспечения освоения реальности, осознания взаимосвязи ее компонентов на различных социальных уровнях, включая личностный. Символы устойчиво сохраняются даже в условиях непрерывного преобразования архитектурной среды во многом благодаря сохраняющейся своеобразной этнокультурной определенности мировосприятия русских как движущегося этноса с самосознанием оседлого.

Список литературы

1. Лидов А.М. Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. — М.: Индрик, 2006. — С. 325—348.
2. Майничева А.Ю. О семантике архитектурного образа собора Софии Премудрости Слова Божия в Тобольске (1622—1643 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. — 1999. — № 3. — С. 42—44.
3. Майничева А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. — 64 с.
4. Майничева А.Ю. Семантика пещерных православ-

- ных храмов Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005а. — № 1 (21). — С. 152—157.
5. Майничева А.Ю. Церкви Тобольской епархии (по справочным материалам начала XX в.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005б. — Т. XI. — Ч. II. — С. 122—127.
6. Майничева А.Ю. Женские культы православной церкви в Тобольской губернии (начало XX века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2008. — Т. XIV. — С. 334—338.
7. Майничева А.Ю. Природные объекты и православные святыни: пространственные символы как маркеры коммуникативной среды первопроходцев Сибири в XVII—XVIII веках // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. — Сер.: История, филология. — 2010. — Т. 9. — № 1. — С. 70—76.
8. Майничева А.Ю. Изображения русских сибирских крепостей XVII — начала XVIII века // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. — 2014. — С. 168—171.
9. Майничева А.Ю. «Как мера и красота скажут»: традиционные принципы геометрии планов русских православных церквей // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015. — Т. 43. — № 1. — С. 135—143.
10. Майничева А.Ю. Православные культы в русских старожильческих поселениях Тобольской и Енисейской епархий в начале XX века // Этнография Алтая и сопредельных территорий: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 25-летию центра устной истории и этнографии лаборатории исторического краеведения Алт. гос. пед. ун-та. — Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2015а. — С. 136—141.
11. Майничева А.Ю. Этноконфессиональные маркеры самоидентификации русских в Сибири в XVII—XVIII веках: церкви с бочечным покрытием // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2015б. — Т. 43. — № 3. — С. 100—106.
12. Майничева А.Ю. Стратегии сохранения и актуализация символических систем в архитектуре и культурном наследии народов Сибири в XVII—XXI веках: к постановке проблемы // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 88—91.
13. Невоструева К.Н. Символическое пространство города: обзор идей и подходов // Вестн. Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. — Социально-экономические науки. — 2016. — № 2. — С. 113—121.
14. Терехин Н.М. Сакральная география Русского Севера: религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры. — Архангельск: Изд-во Помор. пед. ун-та, 1993. — 220 с.
15. Щепанская Т.Б. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север: К проблеме локальных групп. — СПб.: [б. и.], 1995. — С. 110—176.
16. Mainicheva A.Y. «As the measure and beauty suggest»: traditional principles of geometry in Russian Orthodox churches // Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. — 2015а. — Т. 43. — № 1. — С. 135—143.
17. Mainicheva A.Y. Ethno-confessional markers of Russian identity in the 17th—18th-century Siberia: churches with barrel roofing // Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. — 2015b. — Vol. 43. — Iss. 3. — Pp. 100—106.
18. Smith A.D. Ethno-symbolism and nationalism: a cultural approach. — New York: Routledge, 2009. — 184 p.

А.Ю. Охотников
Институт археологии и этнографии
СО РАН (Новосибирск)
tindrum@mail.ru

Исследования российско-немецкой сельской архитектуры: историографический обзор

Аннотация

Актуальность избранной теме задают масштабные процессы сельской депопуляции и деиндустриализации, практически трансграничный статус современных российских немцев, делающие объект исследования — архитектуру немецких поселений России — уходящей натурой фактически и символично. Автор обосновывает актуальность максимально полного, контекстуального рассмотрения феномена немецкой колониальной архитектуры как с учетом внешних взаимосвязей, так и внутренней эволюции явления.

Ключевые слова: этнография, российско-немецкая архитектура, модернизация, традиционная культура, урбанизация, индустриализация, деиндустриализация, аграрная миграция

A.Yu. Okhotnikov
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
tindrum@mail.ru

Studies of the Russian and German Rural Architecture: a Historiographical Overview

Abstract

Relevance of this topic is determined by transfrontier status of modern Russian Germans and the processes of rural depopulation and de-industrialization. These facts make the architecture of German settlements in Russia disappearing. Both in practice and symbolically. The author substantiates the urgency of the most complete, contextual consideration of the phenomenon of German colonial architecture. External contacts and the internal evolution of the phenomenon are taking into account as well.

Key words: anthropology, Russian and German architecture, modernization, traditional culture, urbanization, industrialization, deindustrialization, agrarian migration

Изучение российско-немецкой архитектуры длительное время оставалось сюжетом второго плана в российско-немецкой этнологии, уступая по актуальности исследовательским вопросам, способствующим реабилитации российских немцев (основанным на работе с архивными материалами, воспоминаниями бывших спецпоселенцев); а по значимости для отечественной этнологии — разработке этнографии обрядов, пищи, конфессиональной проблематики — обычных, классических исследований, которые практически не могли быть реализованы на пике развития советской этнографии в 1960—1970-х гг. по причине идеологических табу и неполной реабилитации советских немцев.

В результате реализации репрессивной национальной политики 1940-х гг. прекратили существование немецкие колонии европейской части СССР, а их население было депортировано в районы Западной Сибири и Северного Казахстана. К 1990-м гг. старожильческие немецкие села (с датой основания не старше 1890-х гг.) сохранились лишь на Урале

(преимущественно Оренбуржье) и в Западной Сибири (Омское Прииртышье и Кулундинская степь). Вернакуляр сибирских немецких сел испытал влияние русской сибирской культуры, процессов маргинализации 1930—1940-х гг., индустриализации и маргинализации 1960—1980-х гг.; с момента основания сибирские колонии отличало форсированное развитие производственной культуры в ущерб бытовой, прагматичный выбор новоселами наиболее доступных вариантов обоснования с максимальным использованием местных строительных материалов — глины, дерна, тальника. Вместе с тем, пусть и с рядом оговорок, исторические немецкие поселения Сибири являются наследниками и архитектурного своеобразия колоний Украины и Поволжья.

Немецкие колонисты длительное время воспринимались российскими имперскими властями как специфическое служилое сословие, призванное к исполнению аграрных экспериментов, хозяйственному освоению степных территорий и созданию товарных партий сельхозпродукции. Подобное по-

нимание разделяли и колонисты: первые массовые миграции поволжских немцев произошли в 1870-х гг. после предоставления общегражданского статуса и распространения на них всеобщей воинской повинности; в годы Первой мировой войны словная идентичность «немец-колонист» служила удобной формой дистанцирования от противников «германцев». Информант-старожил в исторически менонитском селе Кусак (б. Александркроне, совр. Немецкий национальный район Алтайского края) летом 2017 г. пояснял, что он «калншта» (колонист), а не «меннонист». Сравнительно поздно появившись в истории России немцы-колонисты, изначально определяемые как носители прогресса в аграрной среде, не представляли интереса для дореволюционных этнографов, ориентированных на традицию, а не модернизацию, изучение колонизируемых народов, а не колонизаторов. Первые этнографические описания российских немцев были любительскими краеведческими зарисовками, однако отсутствие узкой специализации позволило Минху [1901] и Галлеру [1927] включить в состав очерков и особенности поселений. В годы Первой мировой войны было составлено историко-этнографическое описание поволжских немцев, выполненное юристом и политическим деятелем Я. Дитцем [1997], содержащее весьма полные описания современного автору интерьера и особенностей селитьбы поволжских колоний. Упомянутые исследования, помимо уникальности сообщаемых историко-архитектурных подробностей, имеют весьма важное на сегодняшний день достоинство — сведения о поволжско-немецких поселениях и жилище находятся в плотной контекстуальной связи с повседневностью колонистов.

Якоб Дитц отмечает весьма слабое распространение ведовства в поволжско-немецкой традиции, его ориентацию прежде всего на социальные контакты; взаимодействие колонистов с природой почти исчерпывалось рациональными технологиями, формируемыми нередко поверх синкретического опыта русских старожилов. Производным от рационализации природопользования являлось и скромное фасадное убранство поволжско-немецкого жилища в сравнении с русской крестьянской традицией. Однако повседневные контакты с населением близлежащих старообрядческих сел нагорной стороны Волги не могли не сказаться на строительной и декоративной традиции колонистов: для работы с высокосортной камской древесиной (преимущественно полубрусом-«пластиной») колонисты нанимали русских плотников, при этом совершенно лишить дом декора не представлялось возможным — консенсус традиционных культур Нижней Волги подобного варианта просто не предполагал. В результате колонистское деревянное зодчество оказалось прямым наследником и «собеседником» русской крестьянской традиции (в ее старообрядческом и нижневолжском варианте) не только в части конструктивных решений, но и в композиции и базовых сюжетах фасадных украшений.

Первые специализированные описания немецких поселений относятся к 1930-м гг.: публикуется диссертация Э. Коха 1931 г. [Терехин, 2000], посвященная рассмотрению архитектурно-строительных особенностей немецких колоний под Санкт-Петербургом; публикация К. Крамера «Die

Architektur in den wolgadeutschen Dorfern» [Терехин, 2000] впервые называет поволжско-немецкую селитьбу архитектурой. На рубеже 1920—1930-х г. реализуются исследования Жирмунского, посвященные преимущественно фольклору, но содержащие и ряд подробностей поволжско-немецкого быта [Солодова, 2015]. Краеведческие и этнографические исследования в АССР Немцев Поволжья были реализованы довольно мало, они касались главным образом сюжетов духовной культуры; традиционная материальная культура поволжских немцев вообще, жилища и поселения в частности, плохо вписывались в канон советского этнографического описания 1930-х гг. об «отсталом дореволюционном быте народа».

В связи с депортацией и ссылкой в изучении немецкой этнографии наступил длительный перерыв. Возможно, знаковый момент: в 1969 г. именно историко-архитектурным сюжетом открывается изучение немецкого населения СССР — публикуется статья Л.В. Малиновского «Жилище немцев-колонистов в Сибири» [1968], которую считают первым отечественным опытом обращения к строительной практике немецких колоний в России. В статье были установлены особенности характерных жилых построек в немецких селах Новосибирской области, рассмотрены их типология, планировочные и объемно-пространственные решения, строительные приемы, указывалось на заданность такой архитектуры местами выхода поселенцев, что не во всем соответствовало истине. Л.В. Малиновский застал сибирских немцев в период целинной модернизации, во время мощной реализации целого ряда строительных и планировочных решений, продиктованных опытом участия в индустриальном строительстве, советскими строительными и пожарными регламентами, контактами с иноэтничным окружением.

К 1960-м гг. относится и разработка сюжетов, связанных с историей поволжских и украинских колоний в западногерманской историографии. Большая часть исследований по истории и культуре поволжских немцев вплоть до 1990-х гг. проводилась непрофессиональными историками в рамках общественной активности землячества российских немцев, работы издавались в ежегоднике *Heimatsbuch der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland*. Немецкие поселения рассматривались авторами как уже утраченная фактура, адресатом исследований изначально выступала сравнительно небольшая группа российских\советских эмигрантов первой и второй волны. Результатом деятельности стали многочисленные описания как отдельных колоний, так и групп поселений, представляющие интерес скорее как образчики историко-мемориального жанра, фиксирующие хронологию обоснования, хозяйственной и социальной жизни, биографии наиболее известных колонистов. Важность разработки этнографической и историко-архитектурной составляющей жизни колоний осознавалась редактором «Хайматбуха» Йозефом Шнурром, однако за все время издания альманаха увидели свет лишь три статьи, описывающие архитектурный облик колоний, авторства самого Й. Шнурра — две публикации по культовой архитектуре [Schnurrg, 1963; 1972] и один обзор, охватывающий наиболее общие черты застройки немецких поселений, иллюстрированный рисунками и фото-

графиями эмигрантов [Schnurr, 1967/68]. Подобному положению дел способствовала и длительная невозможность наблюдения фактуры в бывших колониях Украины и Поволжья, фрагментарная информация о жизни советских немцев в сибирских селах.

В основной работе саратовского архитектора С.О. Терехина «Поселения немцев в России: Архитектурный феномен» [Терехин, 1999] охарактеризована эволюция застройки поволжских немецких колоний с момента возникновения по начало XX в. Автор воспроизводит развитие поволжско-немецких поселений в логике градостроения позднего классицизма, что соответствует особенностям их основания (ряд военно-инженерных мероприятий по изысканию участков, водных источников и планированию селитьбы) и вектору дальнейшего развития, близкого к слободскому, ремесленно-аграрному типу. Немецкие колонии Поволжья на всем протяжении существования оставались открытыми для «городского» влияния, будучи ориентированными на мелкотоварное производство и располагая вполне комфортными рынками сбыта зерна, фруктов, ремесленных изделий на волжских пристанях, уездных и саратовских рынках. Близкое к трактовке С.О. Терехина толкование архитектурного облика петербургских колоний мы находим в работах Е.В. Лебедевой (Бахмутской): автор рассматривает обустройство и организацию повседневной жизни колонистов как дочерний проект Просвещения [Бахмутская, 2002].

Среди недостатков «градостроительного» подхода, в целом успешно реализованного на поволжско-немецком материале, можно упомянуть следующие.

Имеет место недооценка влияния русской крестьянской архитектуры на застройку немецких поселений. С.О. Терехин справедливо относит «избу из двух связей» и пятистенки к «архитектурным предкам» поволжско-немецких жилищ, но исследованию повседневных контактов с русскими плотниками из соседних старообрядческих сел в его монографии места не нашлось. Как следствие, без внимания автора остались элементы застройки, вызванные к жизни взаимодействием с негородским населением Нижнего Поволжья — культурами русских старообрядцев, татар, волжских казахов; в стилевом отношении — барочное влияние на сельскую архитектуру поволжских немцев. Последнее обстоятельство также имеет основания: русская крестьянская традиция в отношении барочного орнамента и оригинальнее, и богаче; в равной степени, гораздо заметнее и полнее взаимоотношения колонистов и российского государства.

В фокусе исследовательского внимания архитектора-реставратора оказались прежде всего наиболее заметные детали Саратовского Поволжья — руинированные культовые здания (возведенные в 1890—1900-е гг., нередко по типовым проектам), а не жилищная архитектура. Этот факт объясняется в первую очередь эффектом первопроходца — возможностью выбирать наиболее благодарные для исследователя объекты огромного «белого пятна», которым по цензурно-идеологическим соображениям и была до 1990-х гг. российско-немецкая сельская архитектура.

Этнографические исследования поволжско-немецкого жилища предпринимались сотруднича-

ми Саратовского областного музея краеведения в первой половине 1990-х гг. Так, в публикации Е.А. Арндт (Горобцовой) «Классическое жилище поволжского немца в конце XIX — начале XX в.» [Горобцова, 1997] представлены описания планировки и интерьера типичных колонистских домов.

Однако наиболее полные на сегодняшний день этнографические описания российско-немецких поселений реализованы на материалах степного Алтая и Прииртышья сотрудниками МАЭ ОмГУ, представлены в обобщающей работе Т.Б. Смирновой, А.Р. Бетхера, С.Р. Курмановой [Смирнова и др., 2013]. Перед экспедициями ОмГУ, реализованными в 1990-х — начале 2000-х гг., стояла задача заполнения громадных лакун в антропологическом изучении российских немцев, осуществляемая на фоне масштабной миграции немецкого населения Сибири и Казахстана в Германию и драматичного вхождения отечественной аграрной экономики в постиндустриальные хозяйственные практики. Кроме того, в 1970-е гг. большинство сибирско-немецких сел прошли масштабную реконструкцию на средства передовых колхозов, обеспечившую значительную степень урбанизации и унификации селитьбы «центральных усадеб» и ликвидацию «неперспективных» поселений-«бригад». Тем не менее А.Р. Бетхеру удалось создать на сибирском материале типологию российско-немецкого усадебного комплекса. Исследователь выделяет четыре разновидности немецкой усадьбы в Сибири, которые достаточно корректно детализированы и районированы.

При всех достоинствах типологии, предложенной А.Р. Бетхером, формировалась она изолированно, без сопоставительного материала исторических немецких поселений, что не могло не сказаться на корректности сделанных обобщений. В частности, П-образный тип усадьбы, выделяемый А.Р. Бетхером, вряд ли можно соотносить с украинско-немецкой традицией. Этот тип усадьбы сложился вокруг «избы с двумя связями», жилища, предоставляемого колонистам на две семьи в момент основания поволжских немецких поселений; был вполне удобным в условиях малоснежной зимы, компактный полуоткрытый двор подобной усадьбы использовался как гумно, для сушения и молотбы хлеба, и поэтому забурывался либо мостился. В климатических условиях Новосибирской и Томской областей при сохранении традиционной планировки (и даже забуровки) нередким (в Кожевниковском районе Томской области — практически повсеместно) приемом является перекрытие двора навесом — поскольку зерно на нем уже не сушат и не молотят, а снег выпадает обильно.

«Критериями «немецкого» дома являются его ухоженность, демонстрация достатка и идеальный порядок, чистота и аккуратность, поскольку красивый и ухоженный дом — это еще и средство доказать, что его хозяева — настоящие немцы» [Смирнова, 2013, с. 131]. Эта формулировка достойно продолжает тезис А.К. Байбурина о доме как о «квинтэссенции освоенного человеком пространства» [Байбурин, 1983, с. 9], но справедлива прежде всего в отношении депортированных немцев и их потомков, проживавших среди более или менее чужих культур (включая и сибирских немцев) и вынужденных ма-

нифестировать добросовестным трудом и «домами образцового порядка» перед соседями лучшие крестьянские качества. Для сибирского немца в большей степени все же характерна приверженность традиции: он проживал в родном, выбранном предками ландшафте и на уровне своего села не видел нужды доказывать право быть немцем. Определенное соперничество культур, впрочем, задавалось и здесь: приселенные на центральную усадьбу менонитского села Кусак лютеране («калншта») имели мнение о том, что они и есть настоящие степняки, впрочем, их оппоненты («меннонисты») считали себя столь же настоящими.

Сегодня можно предполагать ряд новых запросов на исследования по российско-немецкой проблематике, порожденных вызовами не только текущей современности (постиндустрии, глобализации и присущим им миграционным процессам), но и рядом упущенных возможностей российско-германских отношений и отечественной аграрно-экономической политики. Сибирское село, родина или вмещающий ландшафт для сотен тысяч немцев сегодня включены в процессы депопуляции, деиндустриализации и, в рамках частных и государственных инициатив, реиндустриализации: наследники степных колхозов-миллионеров оказались нежизнеспособны в условиях постиндустрии; огромные «немецкие дома» сегодня дорого отапливать и трудно содержать; чиновников и директоров среди немцев-старожилов заметно больше, чем простых «тружеников села». Речь также идет о смене поколений российских немцев, для которых более актуальной сегодня является интеграция и в российское, и в германское (и шире — европейское) социокультурные пространства как «народа с историей». Причем важной стороной процесса является не только освоение социально-политической истории, центрированной на трагичных событиях XX в. (ни в коей мере не умаляя их горечь и значение), но и повседневности, содержащей необходимый набор антропологических символов, необходимых для диалога культур в современных полиэтничных государствах. Обращение к изучению традиционных российско-немецких культур, с одной стороны, позволяет полнее зафиксировать уходящую натуру, с другой — сделать полнее и достойнее процесс интеграции российских немцев как трансграничной общности.

Список литературы

1. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983. — 188 с.
2. Бахмутская Е.В. Немецкие колонии Санкт-Петербургской губернии. 1760—1870-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2002. — 319 с.
3. Галлер П.К. Воспоминания П.К. Галлера (Быт немцев-колонистов в 60-х годах XIX ст.) — Саратов: Н.-Волж. обл. науч. о-во краеведения, 1927. — 71 с.
4. Горобцова Е.А. Классическое жилище поволжского немца в конце XIX — начале XX веков // Российские немцы. Проблемы истории и современного положения: материалы Междунар. науч. конф. — М.: Готика, 1997. — С. 381—391.
5. Дитц Я.Е. История поволжских немцев-колонистов. — М.: Готика, 1997. — 495 с.
6. Малиновский Л.В. Жилище немцев-колонистов в Сибири // Советская этнография. — 1968. — № 3. — С. 97—105.
7. Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии. — СПб: Тип. В. Безобразова и К°, 1890. — 152 с.
8. Смирнова Т.Б., Бетхер А.Р., Курманова С.Р. Хозяйство и материальная культура немцев Сибири. — Омск: Изд. дом «Наука», 2013. — 280 с.
9. Солодова В.В. Ленинградские ученые и их вклад в этнографическое изучение советских немцев на рубеже 1920—1930-х годов // Ежегодник МАИИКРН. — 2015. — № 1. — С. 257—266.
10. Терехин С.О. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. — Саратов: Изд-во «Кадр», 1999. — 216 с.
11. Терехин С.О. Поселения российских немцев. Архитектурная традиция и ее развитие: дис. ... д-ра архитектуры. — М., 2000. — 232 с.
12. Schnurr J. Das protestantische Gotteshaus. Eine Bilddokumentation // Heimatbuch der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — 1969—1972. — S. 316—397.
13. Schnurr J. Der Kirchenbau in den dt. Siedlungen Russlands 1750—1925 // Heimatbuch der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — 1963. — S. 109—140.
14. Schnurr J. Die Siedlung, der Hof und das Haus der Russlanddeutschen // Heimatbuch der Landsmannschaft der Deutschen aus Russland. — 1967/68. — S. 1—64.

А.Б. Пермиловская
Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики им. академика
Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск)
annaperm@fciarctic.ru

Архитектурный декор как конструкция и символ в русском традиционном зодчестве

Исследование выполнено по гранту РФФИ № 18-49-290001 «Деревянный храм в контексте изучения русской традиционной культуры: синкретизм материального и духовного (по материалам Русского Севера и Арктики)», 2018 г.

Аннотация

Научной базой исследования послужил материал 34 архитектурно-этнографических экспедиций, в которых были обследованы 368 поселений Архангельской, Вологодской областей и Карелии. В качестве источника исследований использованы также архивные материалы и памятники деревянной архитектуры музеев под открытым небом: «Малые Корелы» (Архангельская обл.), «Кижи» (Республика Карелия), «Семёнково» (Вологодская обл.) и др., фотоколлекция из ГНИМА им. А.В. Щусева (Москва). В статье представлены результаты анализа декоративного убранства в конструктивном и символическом значении. Декор как часть архитектурной конструкции может рассматриваться в контексте конструкции, архитектурного украшения и символа. Исследование посвящено завершению кровли крестьянского дома — коньку-охлупню, который часто имел зооморфную и орнитоморфную символику и изображался в форме коня, птицы, или к его концу крепились настоящие олени или лосиные рога. По мнению автора, архитектурно-декоративные элементы составляли не только основу конструкции жилища, но и конструкции крестьянского мировоззрения.

Ключевые слова: крестьянский дом, традиционное зодчество, архитектурный декор, символ, охлупень, архаичная картина мира, Русский Север, Арктика

A.B. Permilovskaya
N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research,
a branch of Russian Academy of Sciences (Arkhangelsk)
annaperm@fciarctic.ru

Architectural Decor as a Design and Symbol in the Russian Traditional Architecture

Abstract

The data of 34 architectural-ethnographic expeditions, during which 368 settlements of the Arkhangelsk, Vologda and Karelia regions were explored, provided scientific background for this article. Archival materials and museums with wooden architecture monuments were used as a research source as well. These were: Malye Korely (Arkhangelsk region), Kizhi (Republic of Karelia), Semencovo (Vologda region), collections from the State Scientific- Research Architecture Museum by A.V. Shusev (Moscow) and others. The article presents the results of the analysis of the decoration in the constructive and symbolic sense. Decor as part of the architectural design can be considered as: design, architectural decoration and symbol. The study is devoted to the folk dwelling roof decoration: the horse-ridge (okhlupen). This element often had zoomorphic and orthomorphic symbolism and was sculpted in the horse or bird form. Sometimes, real deer / moose horns were attached to the roof end. According to the author, the architectural and decorative elements were not only the basis of the construction of the dwelling, but also the construction of the peasant world.

Key words: peasant house, traditional architecture, decor, Symbol, horse-ridge (okhlupen), archaic world picture, Russian North, Arctic

Крестьянский дом занимает исключительное место в традиционной культуре, отражая народное мировоззрение, особую картину мира, смыслы коллективной и индивидуальной ментальности; сим-

волически в архитектурном декоре воплощаются главные ценности и смыслы человеческого существования. Безусловно, в условиях севера жилой дом был одним из главных способов освоения природной

среды; благодаря его адаптивным возможностям, отраженным в архитектурно-конструктивном устройстве, стало возможным освоение и выживание человека на Русском Севере и в Арктике [Пермиловская, 2016; Фурсова Е.Ф. и др., 2014]. Архитектура жилища Русского Севера, формировавшаяся столетиями, к XIX в. обрела свой завершённый смысл и конкретный архитектурный образ, отразившийся в его архитектурно-планировочном решении. Практически все дома были двухэтажные. Жилые помещения располагались на высоком подклете, используемом для хранения продуктов, а также для хозяйственных нужд. Под одной крышей с жильем находились хозяйственные помещения: хлев для скота и поветь. Этот сложный бытовой комплекс прекрасно продуман в мельчайших деталях, предельно компактен и приспособлен к суровым условиям. Постепенно на Русском Севере, на просторах больших судоходных рек сложился классический вариант крестьянского дома, не встречающийся в других районах России и значительно более совершенный в архитектурном решении (ил. 1).

На декоративное убранство крестьянского жилища оказали влияние многие факторы: географическое и экономическое положение, строительные традиции, степень развития кустарных и отхожих промыслов. Крестьянские плотники-отходники из разных районов имели свой стиль, манеру и навыки мастерства, передававшиеся из поколения в поколение. Сложность архитектурной отделки и качество ее исполнения всегда зависели от имущественного положения семьи. Непосредственное влияние на декоративное убранство северного дома оказала церковная и гражданская городская архитектура. Большое значение имело также индивидуальное творчество мастера, придающее декоративному решению дома черты самобытности [Чижикова, 1967, с. 10—11].

В орнаменте резьбы или скульптурных фигурах, украшающих традиционный дом, воплотилось понимание микро- и макрокосмоса. Особенность орнаментальной символики состояла в том, что это были не единичные символы, а целостная система, воспринимающая окружающий мир. На протяжении веков шло формирование декоративно-художественных приемов оформления различных архитектурных элементов крестьянского дома. Символика декоративного убранства неотделима от архитектурно-конструктивных особенностей: декор — это часть архитектурной конструкции. Способ крепления декора на сооружении может рассматриваться в контексте: конструкции, архитектурного украшения и символа. Эта взаимосвязь укладывается в следующую триаду: функция — канон — украшение [Пермиловская, 2013].

Вся история древнерусского деревянного зодчества свидетельствует об исключительном внимании плотников к архитектурным формам и композиционным приемам возведения кровли. «По понятию древности, первая красота здания заключается в его покрытии, в его кровле, головном уборе» [Забелин, 1990, с. 57]. Самой распространенной и древней на Севере является двухскатная тесовая кровля по потокам и курицам, сделанная без гвоздей.

Верхнее обрамление крыши крестьянской избы — шелом, или охлупень. Это тяжелое, толстое брев-

но, выдолбленное снизу, держащееся собственной тяжестью; диаметр его доходил до 60 см. В другом варианте охлупень был связан с князевой слогой деревянными стержнями — стамиками. Охлупень прикрывает стык скатов кровли. Архаичные черты в севернорусской архитектурной традиции наиболее устойчиво проявляются в скульптурном завершении охлупня. Это скульптурное завершение осмысливается в качестве головы коня (ил. 2). Идея защиты, оберега — один из главных семантических аспектов традиционного искусства. Значение слова «шелом» было связано с защитой и означало шлем древнерусского воина. В скульптурных фигурах, украшающих северный дом, отразилась традиционная архаичная картина мира его строителей. Так, на Русском Севере посредине строящегося сруба ставили елку. Установленное деревце должно было стоять здесь в течение всего времени строительства [Бломквист, 1956, с. 132; Пермиловская, 2005].

Дерево посредине сруба — это одновременно и центр будущего жилища, и «центр мира». Связь дерева (креста) с концепцией мирового дерева не вызывает сомнений. С идеей мирового дерева непосредственно связана строительная жертва. На ранних этапах у славян не исключены человеческие жертвоприношения при закладке крупных строений. Ритуальным эквивалентом человеческой жертвы становятся домашний скот и мелкие животные. Можно предположить наличие связи между конскими головами, приносившимися в жертву (археологические раскопки в Новгороде, относящиеся к XI в.), и коньками на крыше. Дом, как бы выраставший из закопанной в землю конской головы, увенчивался ее же изображением на крыше [Байбури, 1983, с. 64]. По данным В.В. Стасова, «есть свидетельств, что деревянному изображению некогда предшествовала настоящая лошадиная голова» [Стасов, 1861, с. 267]. Косвенным подтверждением этому служит архаичная практика установки конских черепов «от дурного глаза» на пасаках [Бломквист, 1956, с. 354].

На символику декоративного убранства оказали влияние традиции как русского, так и аборигенно-финно-угорского населения. Верхнее бревно на кровле северного дома — конек — изображалось в форме конской головы. Конь в славянской традиции имел двойственную природу. Наряду с культом плодородия, воплощенным в солярной семантике, он был связан с хтоническими существами, смертью и погребальным культом. В соответствии с двойственной природой коня-медиатора амбивалентными свойствами наделялся конский череп. Ритуализированная смерть коня должна была способствовать плодородию земли, а его череп использовался в качестве строительной жертвы.

По архитектурно-конструктивному и планировочному устройству большого размера северный дом иногда имел 2—3 охлупня. Их концы нависали над передним и задним фасадами избы. Охлупень над хозяйственным двором иногда обрабатывался в форме второй конской головы или, чаще всего, в форме валутообразного завитка, образующего своеобразный «хвост». Во время экспедиции в Устьянский район Архангельской области в 1982 г. автором был обследован дом Попова в д. Мозолово, имеющий 4 конька: над летней, зимней избами, хозяйственным двором

(тип дома «на два жилья»), крыльцом. В этой усадьбе коньки украшают амбар и ледник. Украшая дом, амбар или ледник, северный крестьянин никогда не вырезал конек на бане, считавшейся нечистым местом [Пермиловская, 2005, с. 145]. Охлупни в форме конской головы не украшают кровли культовых построек, необходимый конструктивный элемент здесь обрабатывался стилизованно, его форма следовала за конструкцией.

Дом, украшенный внутри и снаружи солярными символами, антропоморфными фигурами, птицами, конями и символической, носившей магический характер, стал носителем идеи оберега, т.е. собственно оберегом: он хранил семью от нечистой силы.

Скульптурно вырезанный охлупень в форме конской головы и голова предка-покровителя взаимозаменяются и размещаются в одних и тех же местах. Анализ архетипических черт реального хозяина дома, проведенный в определенном историческом и символическом контекстах, дает интерпретацию дома как места хозяина. Действительно, без дома нет хозяина, и, следовательно, защищая от нечистой силы дом, защищали в основном род и его главу. Подтверждением этому служит существующая на Русском Севере традиция: охлупень для дома делал лично глава семьи. «В нем вся красота дома» — можно услышать объяснение хозяина.

По славянской традиции жертвенными животными в строительных обрядах служили конь и петух (курица), вероятно, с этим также связано распространение этих изображений на коньках крыш северных изб [Гришина, 1991, с. 78]. В финно-угорской мифологии и фольклоре большая роль отводится оленю, лосю, которые являются жертвенными животными, а также водоплавающей птице, но упоминания об их использовании в строительной обрядности и декоре не найдены. В целом в декоре жилища карел и коми на охлупнях, как правило, встречаются абстрактно-геометрические мотивы. Влияние финно-угорской традиции и отражение культа оленя в символике декоративного убранства дома встречаются у русских Мезени (ил. 3), на берегах Вычегды и Пинеги. Олень с ветвистыми рогами был вырезан из природных отростков корня, на домах охотников и оленеводов можно было увидеть настоящие лосиные или оленьи рога. Культ коня и оленя нашел отражение в известной мезенской росписи на прялках и других деревянных изделиях.

В восточнославянской мифоритуальной традиции изображение коня и птицы в декоре дома связано с солярным культом. Конь и птица — символы движения солнца, а расположение солярных знаков в сопровождении коней или птиц на щипце крыши, уподобляемой небосклону, описывает дневной ход небесного светила [Рыбаков, 1987, с. 468]. Солнечная символика дома представляла народную космологию стихий, была органична мироощущению северянина и рождалась из самой жизни русского населения в северных краях, где дом был открыт снегам и ветрам, где о лете и солнце слагались поэмы, где в планировочном решении дом был ориентирован на юг, юго-восток, юго-запад; подобная планировка в структуре деревни получила название «на лето» или «лицом к солнцу».

Солнечную символику получает не только конек

крыши, но и элементы, поддерживающие ее свесы — кронштейны, курицы, а также окончания причелин. Полотенце в ряде регионов (Каргополье, Онега, Поважье) изображалось в форме резного деревянного солнца-ветренницы. Причем для изготовления этих знаков-оберегов использовались как индивидуальная манера резьбы, так и трафареты (Каргополье), как в XIX, так и в XXI столетии. В г. Каргополе существует небольшое предприятие по изготовлению декоративных элементов для сельского дома, дачи, где деревянное солнце-ветренница изготавливается в настоящее время.

Конь — один из древнейших образов, стоящих у истоков традиционной народной культуры. Он всегда присутствует в культурном пространстве северной деревни и дома. Конь возвышается на крыше избы, становится кронштейном и поддерживает мощный вынос кровли. В интерьере он также распространен в повседневных бытовых вещах: принимает форму ковши для питья воды или кваса, изображается на деталях ткацкого станка, выполняет роль детских игрушек.

Стилизованная форма конской головы украшает печную доску — конник, а также силуэты конской головы можно увидеть по бокам божницы в красном углу. Например, в Поважье боковые ограждения деревянных божниц в красном углу имели форму конской головы. Аналогичные конские головы (иногда парные, обращенные друг к другу) часто встречались у печной доски — коника. Такой же фигурой завершался и свободный конец лавки, расположенной у порога избы, которая также называлась коником. Со временем в декоративной традиции Русского Севера наблюдалась тенденция к замещению изображений коня солярными символами как в обработке архитектурных деталей кровли, так и в интерьере на примерах резных печных коников.

В результате такой эволюции естественные очертания и наклон головы птицы или коня, декоративно обобщаясь, образуют самостоятельные мотивы волюты и, подчиняясь угадываемой логике декоративно-семантического преобразования, преопределенного тематической связкой «конь — птица — солнце», трансформируются в солярные формы, основанные на круге [Гришина, 1991, с. 79—82].

Изображение охлупня в форме конской головы получило широкий ареал распространения. Оно встречалось в среднем течении Пинеги, на Верхней Тойме, среднем течении Северной Двины, на Устье, Кокшеньге, в среднем течении Сухоны, в верховьях Юга. Наряду с этим ареалом скульптурная резьба фиксируется в бассейнах Шоноши, Пуи, Моши, низовьях Онеги и на востоке — в бассейнах Вятки и Северном Приуралье [Шелег, 2000, с. 62]. В то же время традиции украшать коньками не было в таких районах, как Каргополье, Карелия, где деревянное зодчество (в том числе способы декорации крестьянского жилища) достигло высокого мастерства [Пермиловская, 2005, с. 145].

Интересен вопрос о происхождении парных коньков на причелинах кровли, украшающих крестьянские избы Ярославской, Костромской, Владимирской, Нижегородской губерний. Парные коньки распространены также в Белоруссии, Литве, Латвии, Эстонии, Польше, Словакии, Венгрии, Швеции, Нор-

вегии, Швейцарии, Германии, Голландии.

О древности бытования данного мотива на территории средней полосы России свидетельствуют многочисленные археологические находки женских украшений, удивительно напоминающих архитектурные коньки. Подобные женские украшения были обнаружены археологами в погребениях славянских и финно-угорских племен X—XI вв. на северо-востоке европейской части России [Рыбаков, 1948, с. 100]. Особенно распространен этот мотив у древнего населения Прикамья, Верхнего Поволжья, в частности, он характерен для культуры поволжской мери. По мнению исследователей, парные коньки на крышах ярославских и костромских изб XIX—XX вв. восходят к древним поволжским традициям [Чижикова, 1967, с. 27].

На Русском Севере изображение парных коньков встречается в Подвинье (ил. 4). В отличие от средней полосы России коньки здесь изображались не на концах причелин, а охлупень имел не одну, а две, иногда три конские головы. Исследователями были зафиксированы парные коньки на доме М.И. Бурмагиной в с. Бредовицы Виноградовского района [Маковецкий, 1962, с. 181], на доме Деревцова в с. Кодима Верхнетоемского района, на жилом доме в с. Пучуга Верхнетоемского района [Маковецкий, 1955, с. 107], на доме А.М. Тропина из д. Цивозеро Красноборского района. Двуглавый конь встречается в знаменитой каргопольской глиняной игрушке.

В скульптурных украшениях охлупня также получила распространение орнитоморфная символика: изображения курицы, петуха, утки, лебедя — по течению р. Виледи, Сухоны (ил. 5) [Пермиловская, 2000, с. 145]. Лебедь — символ красоты, мудрости, плодородия, его образ связан со временем, солнцем [Копалинский, 2002, с. 113]. На Русском Севере лебеди считались священными птицами, их нельзя было убивать. Крылья по каким-то причинам убитого лебедя приносили в часовню, где ими опахивали иконы [Лавонен, 2000, с. 96].

Охлупень часто крепится к коньковой слеге деревянными клиньями — нагельями («стамики», «шарики», «бабайки», «сороки»). Последнее определение не случайно: они действительно напоминают рассевшихся на крыше птиц. Орнитоморфные, согласно названию, и антропоморфные мотивы выявлены в этих декоративных деталях кровли. Слово «сорока» означает женский головной убор, украшенный жемчугом, получивший распространение на Русском Севере [Даль, 2002, с. 672; Головные уборы..., 1999, с. 3—8]. В Сольвычегодском уезде сверху охлупня на всем протяжении вместо «сорок» устанавливались «мужички» — вертикальные деревянные скульптуры с круглым основанием и подобием человеческого бюста в верхней части [Суворов, 1863, с. 170]. В Поважье им соответствовали «солдатики» или резные столбики [Едемский, 1913, с. 66]. В некоторых местностях стамики называют «куклами» [Чекалов, 1974, с. 4].

Декоративное убранство народного жилища содержало символы как православные, так и языческие, как социальные по своему смыслу, так и природные: на божнице — лики святых, охлупень — символ солнца. Объединенные в целостном культурном смысле архитектуры северного крестьянского дома-двора, они являют единство народной культу-

ры, моделирующей весь крестьянский мир, во взаимосвязи микро- и макрокосмоса. Отсюда следует вывод: мастер, рубивший избу и изготовлявший все необходимое для нее, был до начала XX в. скорее зодчим, чем просто плотником. Кроме того, дерево, по его представлениям, имело душу, которую нужно было ублажить жертвоприношением и соответствующим заговором или обрядом. Именно поэтому традиционное народное зодчество, обладая комплексом культурных смыслов, в основе своей было магически-сакральным.

Орнаментация декора представляет собой знаковую систему. Архитектурные и декоративные элементы составляли не только часть конструкции жилища, но и «конструкции» крестьянского мировоззрения, где определяющее место принадлежит православию и мифопоэтическому мировосприятию русского народа. В орнаменте резьбы, в скульптурных фигурах, украшающих северный дом, отразилась традиционная архаичная картина мира его строителей. Сбалансированность утилитарных и символических функций определила ту исключительную роль, которая дает возможность говорить о народной архитектуре Русского Севера как о феномене культуры [Permilovskaya, 2017, p. 392—397].

Список литературы

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — Л.: Наука, 1983. — 188 с.
2. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX — нач. XX в. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. — С. 3—458?
3. Гришина И.Е. О развитии декоративных мотивов в деревянном крестьянском зодчестве Российского Севера // Проблемы исследования, реставрации и использования архитектурного наследия Российского Севера: межвуз. сб. — Петрозаводск: Петрозавод. ун-т, 1991. — С. 72—89.
4. Головные уборы Русского Севера в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского севера»: каталог. — Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 1999. — 154 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 2. — М.: Олма-Пресс, 2002. — 1118 с.
6. Едемский М.Б. О крестьянских постройках на Севере России // Живая старина. — СПб., 1913. — Вып. 1/2. — С. 25—116.
7. Забелин И.Е. Русское искусство. Черты самобытности в древнерусском зодчестве. — М.: Гроссман и Кнебель, 1900. — 160 с.
8. Копалинский В. Словарь символов. — Калининград: ФГУИПП «Янтарный сказ», 2002. — 267 с.
9. Лавонен Н.А. Стол в верованиях карел. — Петрозаводск: Периодика, 2000. — 173 с.
10. Маковецкий И.В. Памятники народного зодчества русского Севера: по материалам комплексной экспедиции Ин-та истории искусств АН СССР и Гос. Ист. музея. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. — 182 с.
11. Маковецкий И.В. Архитектура русского народно-

го жилища. Север и Верхнее Поволжье. — М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. — 338 с.

12. Пермиловская А.Б. Северный дом. — Петрозаводск: ПетроПресс, 2000. — 223 с.

13. Пермиловская А.Б. Крестьянский дом в культуре Русского Севера. — Архангельск: Правда Севера, 2005. — 312 с.

14. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. — Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. — 608 с.

15. Пермиловская А.Б. Русский Север — специфический код культурной памяти // Культура и искусство. — 2016. — № 2. — С. 155—163. DOI: 10.7256/2222-1956.2016.2.18345

16. Рыбаков Б.А. Древние элементы в русском народном творчестве // Советская этнография. — 1948. — № 1. — С. 90—106.

17. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М.: Наука, 1987. — 783 с.

18. Стасов В.В. Коньки на крестьянских крышах // Изв. Имп. археол. о-ва. — СПб., 1861. — Т. 3. — Вып. 4. — С. 267.

19. Суворов Н.Н. О коньках на крестьянских крышах в некоторых местах Вологодской и Новгородской гу-

берний: письмо Н.Н. Суворова к В.В. Стасову // Изв. Имп. Археол. о-ва. — СПб., 1863. — Т. 4. — Вып. 2. — С. 170—172.

20. Фурсова Е.Ф., Пермиловская А.Б., Черных А.В., Зуев А.С., Люцидарская А.А., Майничева А.Ю., Глухих Е.И., Голомянов А.И. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XIX — начало XXI века). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. — 296 с.

21. Чекалов А.К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. — М.: Искусство, 1974. — 191 с.

22. Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: историко-этнографический атлас. — М.: Наука, 1967. — С. 7—60.

23. Шелег В.А. Этнокультурные зоны Русского Севера: механизм формирования // Народная культура и музеи под открытым небом: пути сохранения и возрождения традиционной культуры: материалы Междунар. науч.-практ. конф. — Архангельск: Изд-во «Правда Севера», 2000. — С. 52—69

24. Permilovskaya A. Wooden Folk Architecture in Western Russia // Habitat: Vernacular Architecture for a Changing Planet. — London: Thames & Hudson LTD, 2017. — P. 392—397.

Ил. 1. Дом А.Ф. Пухова — самый древний в Архангельской обл., с Т-образной связью дома-двора, д. Большой Халуи, Каргопольский р-н, 1812 г. (Музей «Малые Корелы»). Снимок Н. Чеснокова, из архива автора

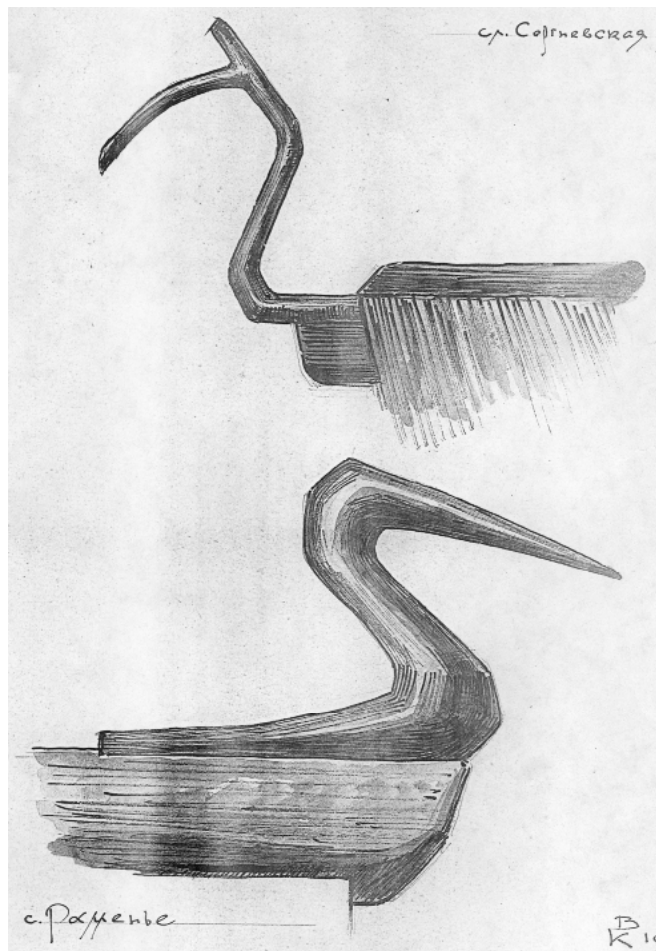
Ил. 2. Дом-двор Русиновых с двумя коньками над жилой и хозяйственной частью, д. Кондратовская, Верхнетоемский р-н, кон. XIX в. (музей «Малые Корелы»).
Снимок Н. Чеснокова, из архива автора

Ил. 3. Дом-двор с лосиными рогами, с. Кимжа, Мезенский р-н, кон. XIX в.
Снимок Н. Чеснокова, из архива автора

Ил. 4. Дом-двор Тропина с двумя парными коньками, д. Цивозеро, Красноборский р., кон. XIX в. Снимок автора

Ил. 5. Охлупни на крестьянских домах, Вологодская обл., кон. XIX в. ГНИМА им. А.В. Щусева № PV-1923/1

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10041
УДК 394

У.В. Светачева
Минусинский региональный краеведческий музей
им. Н.М. Мартьянова (г. Минусинск)
uliankalibra@yandex.ru
Научный руководитель: А.Ю. Майничева

**Традиции домостроения белорусских переселенцев
Минусинского округа по материалам этнографической
экспедиции Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова 2017 года**

Аннотация

Статья посвящена особенностям домостроения белорусских переселенцев, компактно проживающих на территории современного Идринского района Красноярского края. Материалом служат данные, полученные в ходе экспедиции Минусинского регионального краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова 2017 г. Установлено, что деревни были образованы выходцами из Витебской и Могилевской губерний, также имела доля украинского населения, а ряд населенных пунктов появился на месте старожильческих заимок. Среди белорусских переселенцев подтаежной области в районе р. Убей и Киндидюль получило распространение срубное, выстроенное из хвойных пород, без подклета, жилище с двускатной тесовой крышей. Традиционное наименование жилища — хата. Преобладали пятистенные и четырехстенные дома, во внутренней планировке — западнорусский тип внутренней планировки, но встречался и северно-среднерусский. Мифоритуальная сфера, связанная с жилищем, сохранилась слабо и представлена главным образом обрядами, связанными с новосельем.

Ключевые слова: традиционное жилище, домостроение, белорусы, переселенцы, Минусинский край

U.V. Svetacheva
Minusinsk Martyanov Museum (Minusinsk)
uliankalibra@yandex.ru
Scientific advisor is A.Y. Mainicheva

The Belarusian Housebuilding Traditions in Minusinsk District Researched by Ethnographic Expedition of Minusinsk Martyanov Museum in 2017

Abstract

The article deals with housebuilding peculiarities of Belarusian settlers, living in the territory of the modern Idrinsky district. The data presented in the article is based on the field studies made during the expedition which was organized by the *Minusinsk Martyanov Museum* in 2017. It was established that the villages were formed by settlers from the Vitebsk and Mogilev provinces, also it had a share of the Ukrainian population. Several settlements appeared on the site of old-timer small settlement. Belarusian settlers live in taiga place near Ubei, Kindidul rivers. A log house without a ground floor was built of coniferous species. Traditional name for the house was "hata". Five-walled and four-walled houses were predominated. Western Russian type of internal planning was predominated, also there was a North-Central Russian type. The mythological sphere connected with the house is little presented, only in housewarming rituals.

Key words: traditional house, housebuilding, Belarusian, settlers, Minusinsk territory

Традиционная культура белорусских переселенцев Сибири уже стала предметом специальных исследований, однако изучалась прежде всего территория Западной Сибири. Изучение переселенцев юга Приенисейского края ограничивается на сегодняшний день главным образом краеведческими публикациями в районных газетах. Исследование культуры белорусских переселенцев, компактно проживающих на севере Идринского района Красноярского края, стало целью экспедиции Минусинского

краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова 2017 г. Были обследованы с. Романовка, д. Иннокентьевка, д. Королевка, а также собрана информация о ныне исчезнувших деревнях Николаевке, Новопокровке, Вознесенке. Собранный материал касался прежде всего праздничной обрядности и домостроения.

Роль жилища как важного этномаркера уже не раз описывалась в литературе. Жилище несет в себе особенности, присущие этносу или этнолокальной группе, а по трансформации жилища можно судить

об устойчивости и изменчивости традиционной культуры [Майничева, 2016, с. 52; Майничева, 2013, с. 257]. Особенно актуальны эти темы при изучении традиционной культуры переселенческого населения Сибири: как переселенцы адаптировались к местным условиям, в какой степени и какие сферы их культуры претерпели изменения, что имеет наибольшую сохранность и устойчивость. К настоящему времени существенно изменился образ жизни даже в сельской местности, вышла из обихода традиционная одежда, но объекты зодчества сохраняются, хотя зачастую претерпевают изменения: меняются дворовые постройки, крыша, довольно часто дома обшиваются, а при замене окон иногда убирают наличники.

Методике изучения памятников зодчества уделено внимание в этнографической литературе, так автором при сборе информации использовались программы обследования жилища, разработанные А.Ю. Майничевой [Там же].

Стоит отметить, что источники изучения памятников зодчества белорусских переселенцев юга Приенисейского скудны. Практически не сохранились фотографии деревень. Архивные источники представлены главным образом материалами фонда № 54 «Минусинское управление земледелия и государственных имуществ» Архива города Минусинска, где отложились документы об образовании переселенческих участков и деревень. В них содержатся списки участников крестьянских сходов и особенности планировки деревень, включая сами планы. В ряде случаев информация ограничивается описанием расположения участка относительно других и данными об угодьях: удобных землях, сенокосах, лесе и т.д.

Одно из первых упоминаний о проживании белорусских переселенцев на территории Минусинского округа относится к середине XIX в. Авторы «Списка населенных пунктов по сведениям 1859 г.», основываясь на данных церковно-приходских списков, отмечали проживание белорусов в Минусинском, Красноярском и Енисейском округах [Список..., 1864, с. 26—27], предположительно приехавших после реформы П.Д. Киселева. Аналогичные процессы в данное время проходили в других регионах Западной Сибири [Мамсик и др., 2010].

Приток переселенцев усилился после отмены крепостного права и особенно в конце XIX — начале XX в. К этому времени относится возникновение деревень в районе р. Убей, Сидориха, Киндидюль (в настоящее время — территория Идринского района Красноярского края). На карте 1893 г. впервые появляются пункты Кызынджунь (буд. Николаевка) и Чухарево (буд. Романовка) [АМКМ, Инв. № 254]. Документы об образовании переселенческих участков Кызынджуньский, Торгашинский (буд. Иннокентьевка), Чухаревский относятся к 1896—1897 гг., о возникновении переселенческого участка Четвертый (буд. Вознесенка) — к 1907 г. [АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 230. Л. 1—4; АГМ, Ф. 54. Оп. 1. Д. 232. Л. 1—6; АГМ. Ф. 54. Оп. 1. Д. 237. Л. 1].

Возникновение поселений Вопиловка (буд. Королевка) и Чухарева связывают с жителями с. Екатеринбург, выходцами из Пермской губернии: первопоселенцами Вопиловыми и приехавшими в 1880-е гг.

Чухаревыми. Населенные пункты возникли как заимки, затем на их месте появились переселенческие участки [Ковалевский]. Местные жители связывают происхождение названия поселения Опиловка (Вопиловка) с именем приехавшего «с России» первопоселенца Вопилова, при этом старожилы деревни не помнят проживавших в ней Вопиловых [ПМА, 2017], зато известны Вопиловы, проживавшие в Екатеринбургке [ПМА, 2016].

Похожая ситуация сложилась с первым названием д. Иннокентьевки — Торгашино. Фамилия Торгашин — старожильческая, «Торгашино» называлась одна из первых деревень Красноярского уезда, появившаяся в XVIII в. [Энциклопедия..., с. 85—89]. В д. Иннокентьевке Торгашин считается первым поселенцем, белорусского происхождения, «витебским», проживавшим в землянке у истока ключа, откуда и пошла деревня. Второе название — Иннокентьевка — также связывают с его семьей: считается, что Иннокентием звали сына, первого ребенка, родившегося в деревне. Однако и в данном случае информанты не помнят проживавших в деревне Торгашин [ПМА, 2017]. Возможно, что данный населенный пункт вырос на месте старожильческой заимки.

В Иннокентьевке, Романовке, Королевке, Вознесенке, Николаевке, Новопокровке проживали преимущественно переселенцы из Могилевской и Витебской губерний, а также «хохлы», выходцы из Черниговской губернии. Информанты отмечали различия в говорах между жителями деревень. Этнический состав был зафиксирован в названиях краев деревни: Витебцы (Витебка, Витебска), Могилевцы, Черниговцы, Зеленковская [Там же]. На юге Приенисейского края, как и в других регионах Сибири, носители различных культурных традиций занимали разные края деревни даже в случае компактного проживания [Белорусы..., с. 35].

Местность, где расположились поселения, таежная и гористая. Рельеф местности отразился в названиях краев д. Иннокентьевки: Подъяель, Гора, Убейщина (по названию р. Убей), Заблудовка. Для пашен переселенцы расчищали леса, окружавшие деревни: «приехали, березняк был непролазный, корчевали, свекр рассказывал» [здесь и далее — ПМА, 2017].

Переселенцы не испытывали недостатка в лесе. Распространение получили рубленные дома, строительным материалом для которых служили лиственница, сосна, пихта: строили либо целиком из лиственницы, либо с лиственным подрубом (нижними венцами). Сруб размещался на земле, без подклета, дома строились низкие.

Крыши традиционно сооружали двускатные, из теса (по-амбарному). Тес делали из пихты, кедра («пихтарь», «кедрач»), пилили ручной пилой. В настоящее время значительная часть построек покрыта четырехскатными крышами, которые получили распространение в советское время.

Дома, как правило, рубили сами. Использовали «помощи», «помочи»: «собирались родня, помогали», «самогонки выпили по стакану, по два». Иногда сруб покупали.

Жилую постройку обычно называли «хата». Также в употреблении были понятия «изба», «дом». Домом называли постройку с четырехскатной кры-

шей («крыто по-домски»), хата крылась двускатной крышей. Ориентирована жилая постройка была на восток, а окна — «к солнцу» и «к дороге».

Распространены были пятистенки и четырехстенные избы. Крестовые дома практически не встречались. Сени — обычно пристроенные — были, но не в каждом доме. Также в доме могли быть кладовка, подполье.

Стены в довоенный период были нештукатуренными, полы не красили, «жерстой шоркали, чтобы блестел», «песком терли». Бревна на стенах иногда оставляли круглые, замазывали щели между ними глиной, иногда стесывали, не штукатурили, пазы мазали глиной; некоторые информанты сообщают, что оштукатуренные стены были у более обеспеченных.

Внутри дома находилась глинобитная печь, месторасположение ее и ориентация устья указывалась информантам различные. Преобладало размещение печи слева или справа от входа при ориентации устья к двери, т.е. западнорусский тип. Реже информанты описывали северно-среднерусский тип с печью, расположенной справа от входа и устьем печи, ориентированным к противоположной от входа стене. Также интерьер жилища составляли лавки на ножках вдоль стен; посередине комнаты под иконами ставили стол. В настоящее время во многих домах глинобитные печи заменили кирпичные.

За жилой постройкой располагались огороды. Большая часть населения носила воду с речки, колодцев же в усадьбах было мало, «три колодца на деревню», как вспоминает информант из с. Романовка. Встречались и колодцы-журавли.

Как и в других деревнях, долгое время бытовали бани по-черному, с каменками, причем бани были не у всех.

Примет, поверий, связанных с жилищем, зафиксировано мало. Практически не сохранилось информации о строительной обрядности, примет при выборе места будущего дома. Информанты сообщают, что находили монетки в углах, под балкой (лагой), под матицей, однако сами такой традиции уже не придерживались. Отмечают особую роль матки: «матка в доме должна быть, специально оставил в своем доме».

В большей степени сохранились поверья, связанные с переходом в новый дом. На новоселье первой пускали кошку, в некоторых семьях — курицу. Кошка и курица у восточнославянских народов традиционно выступали животными — ритуальными двойниками человека, их первыми запускали при входе в новый дом [Байбурин, 1983, с. 104—105].

Считалось, что при переходе в новый дом в старом нужно оставлять стол и икону, однако чаще всего это поверье не соблюдалось. Аналогичные представления бытовали в среде украинских и пермско-вятских переселенцев Минусинского края, что было зафиксировано в ходе экспедиций 2015—2016 гг. [ПМА, 2015; ПМА, 2016], и были распространены среди русского населения Сибири в целом [Майничева, 2002, с. 46].

Рассказы о домовом практически не встречаются: «вроде жена звала», «мать рассказывала про домового, сама не верю», «где-то приглашали домового, может, в церкви говорят».

Традиционная культура белорусских переселен-

цев Минусинского края исследована слабо. Материалы, полученные в ходе экспедиции 2017 г., позволяют описать домостроение лишь в общих чертах. Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы: в месте компактного поселения белорусов в районе р. Убей и Киндидюдь проживали главным образом переселенцы из Витебской и Могилевской губерний. Точного описания дворовых построек получено не было. Жилище — хату — строили из деревьев хвойных пород, без подклета, с двускатной крышей. Крестовые дома распространения не получили, преобладали пятистенки и четырехстенные избы. Во внутренней планировке преобладал традиционный для белорусов западнорусский тип, но встречался и северно-среднерусский. Мифо-ритуальная сфера, связанная с жилищем, сохранилась слабо и представлена, главным образом, обрядами, связанными с новосельем, но и они соблюдались не все. Вера в домового практически не сохранилась. Обследование других белорусских поселений позволит раскрыть данную тему подробнее.

Список литературы

1. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — М.: Наука, 1983. — 191 с.
2. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформация этнической культуры. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. — 424 с.
3. Ковалевский А. Таежная заимка братьев Вopilовых и Чухарёвых // Екатеринбург [Электронный ресурс]. — URL: <https://ekaterinovka.jimdo.com/> (дата обращения: 28.09.2017).
4. Майничева А.Ю. Методика полевого этнографического исследования жилища русских в Сибири: проблемы выявления традиций и новаций // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2016. — Т. XI. — С. 52—55.
5. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. — 144 с.
6. Майничева А.Ю. Методические основы этнографических исследований объектов деревянного зодчества // Баландинские чтения: сб. ст. VII науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2013. — С. 257—263.
7. Мамсик Т.С., Майничева А.Ю., Шишкин В.Г. Белорусы // Историческая энциклопедия Сибири. — Т. 1. — Новосибирск, 2010. — С. 186—189.
8. Список населенных пунктов по сведениям 1859 года. — LI. Енисейская губерния. — СПб: типография Карла Вульфа, 1864. — 118 с.
9. Энциклопедия Красноярского края. Юг. — Красноярск: Буква С, 2008. — 590 с.

Список источников

1. АГМ. Ф.54. Оп. 1. Д. 230.
2. АГМ. Ф.54. Оп. 1. Д. 232.
3. АГМ. Ф.54. Оп. 1. Д. 237.
4. АМКМ. Инв. № 254. Карта частей Минусинского и

Ачинского округов. Сост. И. Ковригин, 1893 г.

5. ПМА 2015. Этнографическая экспедиция 2015 г. Красноярский край, Минусинский район, с. Кавказское, д. Новотроицкое, д. Николо-Петровка, Курагинский район, с. Алексеевка, д. Новопокровка, Краснотуранский район, д. Моисеевка, д. Новоивановка. Данные об информантах находятся в материалах экспедиции.

6. ПМА 2016. Этнографическая экспедиция 2016 г.

Красноярский край, Идринский район, с. Никольское, Новотроицкое, Екатериновка, д. Мензот, Зезезино, Васильевка, Еленинск. Данные об информантах находятся в материалах экспедиции.

7. ПМА 2017: этнографическая экспедиция 2017 г. Красноярский край, Идринский район, с. Романовка, д. Королевка, Иннокентьевка. Данные об информантах находятся в материалах экспедиции.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10042
УДК: 72.05

Е.А. Стрекалина
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (г. Иркутск)
strekalina.lena@mail.ru

Вопросы музеефикации административного историко-культурного наследия Иркутской области: волостные правления XIX века

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные для современного отечественного искусствознания вопросы комплексного исследования архитектурно-культурных памятников и их воспроизведения на территории музейных комплексов. Описывается опыт создания одной из экспозиций архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск). Приводятся архивные документы сибирских волостей конца XVIII — начала XIX в. Рассматриваются цели и задачи музеефикации памятников архитектуры.

Ключевые слова: музеефикация памятников архитектуры, волостное правление, историко-культурное наследие, выставочная инсталляция

Е.А. Strekalina
Taltsy Architectural and Ethnographic Museum (Irkutsk)
strekalina.lena@mail.ru

Questions of the Museumification of the Historical and Cultural heritage of Irkutsk oblast: Buildings of Regional Administrations of the 19th Century

Abstract

The article deals with architectural and cultural monuments complex research actual for Russian art criticism, and reconstruction of these monuments on the museum territories. The author describes her own experience of creation of one of the expositions in *Taltsy Architectural and Ethnographic Museum (Irkutsk)*. Also the author presents archival documents of the Siberian volosts of the end of the 18th — the early 19th centuries and explores the purposes and tasks of museumification of architectural monuments.

Key words: museumification of architectural monuments, volost administration, historical and cultural heritage, exhibition

Деятельность музеев, направленная на поиск, исследование и реставрацию объектов культурного наследия для дальнейшего преобразования их в объекты музейного показа, — одна из важнейших задач, стоящих перед современными российскими музеями. Об ее важности писал еще в 1929 г. Ф.И. Шмит в своей работе «Музейное дело. Вопросы экспозиции» [Шмит, 1929].

Но о музеефикации памятников архитектуры в СССР начали говорить только после Великой Отечественной войны, когда проходила реставрация историко-культурного наследия и организация музеев-заповедников. Тогда выделилось две формы музеефикации: «под музей», т.е. использование памятника под экспозицию, и «как музей», т.е. превращение памятника в самостоятельный объект; последняя форма и стала главной в направлении деятельности для музейного комплекса «Тальцы». Стоит отметить, что наш музей задумывался еще в 1960-е гг. как способ сохранения памятников истории и архитектуры, которые попадали в зону предстоящего затопления Усть-Илимским водохрани-

лищем. В этом направлении идет работа и по сей день, так, в 2017 г. нами проведена реэкспозиция комплекса «Волостное правление XIX в.».

Стоит отметить, что архитектурный процесс в Сибири в XVIII в. в целом был близок к среднерусским и северорусским постройкам Европейской России. Показательно это и для казенных зданий. Поэтому главной задачей для нас стало не только сохранение материальной культуры (так как постройки данного типа не уникальны), но и воссоздание по возможности нематериальной — духовной — составляющей того времени.

Работы по восстановлению с новыми дополнениями заняли год. Проводились они по двум основным направлениям: работа с архивными документами и поиск, перенос и реставрация объектов материальной культуры. Результатом проведенной работы и явилась реэкспозиция, однако остановимся подробнее на каждом из двух направлений.

Прежде чем вести поиск и работы по переносу и реставрации объектов, мы провели большую архивную работу, в частности, были найдены интерес-

нейшие документы, позволяющие лучше понять не только административное устройство государства и уклад жизни наших предков, но и их мечты и стремления. Приведем лишь часть из них, на наш взгляд, наиболее интересные.

«Общее положение о волостном управлении» появилось в 1866 г. [Сборник постановлений..., статья закона 43034]. К концу XIX в., согласно этому документу, окончательно определился состав и функции крестьянского самоуправления.

В Госархиве Иркутской области сохранено дело, содержащее документы, регламентирующие смысл и форму волостных учреждений, в том числе Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского от правительствующего Сената, разосланный каждому департаменту. В нем говорится: «Учредить волостное правление, в коем быть волостному голове, одному старосте и одному писарю» [ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 6].

Закрытой структурой волостной состав не стал. С согласия волостного схода в сельские общества принимались все сословия. Н.В. Астырев приводит в пример осевшего на землю по личным причинам бывшего горожанина, выкреста, добившегося такого расположения волостного схода, что он «...был принят за заслуги на землю в число крестьян» [Астырев, 1886, с. 70].

«Путеводитель» по фондам ГАИО называет крупные волостные правления, существовавшие на Иркутской земле повременно: Ашехобатское (1823—1916); Бодайбинское (1858—1874); Бельское (1857—1917); Братское (1881); Верхоленское (1833—1914); Гадалейское (1911—1917); Гымыльское (1880—1915); Заларинское (1914—1915); Индинское (1873—1916); Ичерское (1912—1916); Качугское (1854—1918); Кимильтейское (1889—1916); Киренское (1902—1919); Куйтунское (1897—1916); Макаровское (1783—1920); Манзурское (1790—1916); Марковское (1902—1917); Мартыновское (1886—1916); Оекское (1842—1858); Олонское (1886—1918); Орленгское (1800—1918); Перфильевское (1911); Подкаменное (1905—1917); Преображенское (1885—1919); Суховское (1887); Табукское (1913—1918); Тулунское (1889—1915); Урикское (1856—1918); Усть-Кутское (1899—1915); Усть-Удинское (1834—1917); Хомутовское (1868—1916); Чечуйское (1858—1900); Чирагульское (1900—1917) [Путеводитель...].

Однако это далеко не полный список, так как не обозначены более мелкие волости. Волости делились, объединялись, упразднялись по административным надобностям, поэтому список может быть продолжен. Так, вплоть до 1919 г. существовали Киренская, Преображенская, Смоленская волости.

В 1881 г. появился проект комиссии под председательством М.С. Каханова о преобразовании местного управления в России, говорящий о необходимости реформы управления крестьянской волости и образования волостей территориальных. Но реальных действий предпринято не было.

Н.В. Астырев в своих очерках о крестьянском самоуправлении предлагает вообще слово «самоуправление» поставить в кавычки, потому что, на его взгляд, главный уездный начальник — это предводитель дворянства, совмещающий, как правило, должность председателя земской управы. Он кара-

ет, назначает, увольняет выборных и наемных по своему усмотрению, «...сокращает старшин и писарей меньше чем за 24 часа». Происходило это в здании земства, куда писарей и старшин собирали один раз в месяц.

Впечатления писаря Н.В. Астырева заканчивались страстным монологом: «...и часто думалось мне, глядя на полные драматизма картины деревенской жизни: «Встань же, встань, народ русский, проснись, стряхни с себя этот тяжелый сон, который навалили на тебя монголо-татарское иго, московская неволя и барское рабство. Ты спишь, заколдованный богатырь, а могучие твои руки и ноги заткали цепкой паутиной отвратительные пауки, кровь твою сосут паразиты, и на груди твоей уселись жабы и лягушки, громким кваканьем торжествуя победу над сонным. В жилах твоих еще течет здоровая кровь, сердце твое еще бьется, но когда-то сильные руки, грозные для врагов, бессильно лежат плетями вдоль полумертвого тела, и только изредка пробегающая, мимолетная и безрезультатная судорога напоминает паразитам, что ты еще жив, так они еще быстрее начинают ткать свои тенета, еще безжалостней сосать твою кровь... Встань, богатырь, разорви эти путы, пока тебе еще под силу их разорвать, раздави паразитов, скорпионов, жаб, покуда они не отравили еще твоего организма!...Но спит, свинцово-тяжелый, похожий на смерть, сон не покидает его, и не нам, слабым, исторгнуть его вражеской власти...И он спит; и с ужасом смотрят мимоидущие на этот могучий, но заживо пожираемый паразитами организм; и бегут одни, жалея и плача по безвременно погибшем; и смеются другие, желая его скорейшей гибели, в уверенности, что на месте разложившегося организма произрастет новый, для них более удобный и приятный...» [Астырев, 1886, с. 89].

Волостное правление принимало участие в решении многих общественных и личных вопросов. В ведение волостного правления входил контроль за общественной жизнью (решение финансово-административных вопросов, регулирование земельных отношений, выполнение приказов уездного полицейского управления) и решение личных вопросов, подчас не имеющих никакого отношения к волостным делам (семейные скандалы, суд за драку и пьянство). Но оно не имело полной власти для решения вопросов, касающихся всей волости целиком.

Несмотря на все попытки провести реформы структуры волостного правления, основа оставалась неизменной, со всеми выявленными за годы существования волости недостатками. Волостной суд оставался узкословным, с выборным судьей, который вел маловажные дела, пользуясь народными понятиями и местными обычаями. Служащие волостного управления, такие как волостной голова, писарь, пользуясь служебным положением, брали взятки, выдумывали несуществующие законы, чтобы решить вопрос в пользу определенной стороны.

Имущество волости состояло из общественных зданий (волостного правления, «чижовки» — помещения для содержания осужденных волостным судом на краткие сроки наказания, складов, запасных магазинов, ледников), требующих значительных издержек и не приносящих дохода и мирских оброчных статей. Еще в законе 1797 г. сказано, что там, где

будет волостное правление, нужно назначать ежегодно одну из изб его пребывания. Первоначально под правление нанимали небольшой ветхий дом, где раньше жил бобыль. Х. Лопарев составил описание здания волостного правления, в котором заседал Совет Самаровской волости Тобольского округа. Это же и прослеживается и в Иркутской губернии. «Волостное правление ничем не отличалось от других домов. Это было низкое одноэтажное здание. Под навесом стояла пожарная машина, редко употреблявшаяся в делах. Внутренность здания делилась на три части: сени, или преддверие, затем большая комната с двумя местами заключения по обеим сторонам от входа, с громадной печкой, лавками вдоль стен, большим столом в углу под образами и папками старых дел на полках, начиная с 40-х годов. Здесь собирался волостной или мирской сход. Эта комната небольшой дверью соединялась с другой комнатой, где висел портрет государя, находились законодательные книги, дела, казначейство, и где заседал административный персонал: голова, староста и писарь». [Лопарев, 1896, с. 36].

Реформой П.Д. Киселева 1837—1841 гг. был поставлен вопрос о создании компетентной администрации, которая должна была полностью разбираться в крестьянских вопросах, в улучшении их быта и хозяйственной жизни. Именно тогда был поставлен вопрос о строительстве новых зданий. Строительство, наем и содержание домов происходило на мирские деньги. Например, в делах Манзурского волостного правления сохранилась переписка о переносе здания из д. Манзурки в пос. Качуг.

В сибирских волостях 80-х гг. XIX в. под административные общественные здания использовались как типовые здания, так и приспособленные. Что они из себя представляют, можно судить по тем зданиям, которые сохранились в Иркутской области. Так, например, о постройке Уриковского волостного правления было принято решение 12 декабря 1900 г., и за постройку его иркутский мещанин А.С. Толстой должен был заплатить 1490 рублей. В здании предполагалось разместить волостное правление, суд и тюрьму. Постройка была принята сходом в 1901 г. Здание было прямоугольной формы, длиной в семь саж. Крыша покрыта железом. «Высотой от крыши до потолка четыре с половиной аршин, а от стоек до стропил восемь аршин. В здании том должно быть: три кирпичные печи, одна из них русская, две голландские, шесть окон в улицу по фасаду, одна парадная дверь... внутри здания должно быть четыре капитальных стены, отделяющие комнаты, предназначенные для присутствия, канцелярии, каталажки и прочего... мерою не менее в длину 7 саж. и шириною 4 саж., которое должно быть покрыто железной крышей высотой от пола до потолка 4,5 аршина, а от стоек до стропил 8 аршин. В ограде, в правой стене 4 окна, в левой — 3 окна, одно заднее крыльцо с помещением чуланчика и ретирадными дверями. В задней стене 5 окон, внутренних дверей 6, из них две филанчатых, а остальные простой работы» [ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 97. Л. 41].

В 1855 г. в «Главных основных правилах об учреждениях волостного управления в селениях казенных крестьян Иркутской губернии» были приведены рекомендации по оформлению помещений

волостного управления [ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 257. Л. 10—11]. Внутреннее убранство имело определенный типовой набор мебели, предметов обихода и канцелярии. Дом должен был иметь необходимый минимум комнат, в которых должны располагаться «присутствие», «писарская», помещение под заключенных.

В результате экспедиций по Иркутской области нами было обнаружено волостное правление в удовлетворительном состоянии, соответствующее полностью типовой постройке. Так на территорию музея в 2000 г. попал памятник архитектуры XIX в. из с. Бельск Черемховского района Иркутской области (ил. 1). Объединить найденные нами архивные данные и материальные объекты в выставочную инсталляцию стало следующим этапом работы. Так появился комплекс «Волостное правление XIX в.» (ил. 2). В современном виде он представлен следующими постройками:

— амбар двухъярусный с ледником (ил. 3) — помещение для хранения продуктов и утвари, необходимых при решении всех хозяйственных дел волости;

— под амбаром находится ледник для временно хранения трупов;

— тюрьма («каталажка») — помещение для содержания временно задержанных лиц и крестьян, по решению волостного схода определенных на небольшой срок задержания;

— конюшня — помещение для хранения упряжки, средств передвижения и содержания пары лошадей;

— навес-завозня, который использовался для хранения сена в стогу;

— противопожарный сарай — бревенчатый сруб, крытый односкатной крышей, был предназначен для хранения противопожарного инвентаря: крюков, багров, лопат, песка, ведер.

Эти инсталляции — напоминание об исторических корнях наших предков, которые строили и укрепляли Российское государство, доставшееся нам в наследство. Тем самым мы возвращаем людям историческую память, вдыхаем новую жизнь в исторический памятник архитектуры «Волостное правление XIX в.» (ил. 4).

Таким образом, музеефикация памятников — это действенный способ их сохранения для будущего поколения, который становится важной частью историко-культурного наследия. Поэтому основной целью музея должно быть не только сохранение и популяризация, но и музеефикация, реставрация и консервация памятников архитектуры.

Состояние находящихся на государственной охране памятников истории и культуры России почти на 80% характеризуется экспертами как неудовлетворительное. Около 70% от общего числа объектов нуждается в принятии срочных мер по спасению от разрушения и уничтожения в результате проявления различных негативных явлений и процессов, включая экологические. Объекты историко-культурного наследия необходимо сохранять для передачи их в хорошем состоянии будущим поколениям.

Список литературы

1. Астырев Н.В. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. — М.: Типо-лит. Высоч. утвер. Т-ва И.Н. Кушнер и Ко, 1896. — 324 с.
2. Лопарев Х. Самарово — село Тобольской губернии и округа. — СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1896. — 244 с.
3. Путеводитель по фондам государственного архива Иркутской области [Электронный ресурс]. — URL: <http://xn--80afqy.xn--p1ai/resources/guide/>.
4. Сборник постановлений для руководства волост-

ных и сельских правлений. — СПб.: [б. и.], 1853. — 626 с.

5. Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. — Л.: Academia, 1929. — 245 с.

Список источников

1. ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 6.
2. ГАИО. Ф. 26. Оп. 2. Д. 257. Л. 10—11.
3. ГАИО. Ф. 145. Оп. 1. Д. 97. Л. 41.

Ил. 1. Волостное правление в с. Бельск Черемховского района Иркутской области. Снимок из музейного фонда АЭМ «Тальцы»

Ил. 2. Волостное правление кон. XIX в. Музей «Тальцы». Снимок автора

Ил. 3. Амбар двухъярусный с ледником кон. XIX в. Музей «Тальцы». Снимок автора

Ил. 4. Внутренний интерьер волостного правления кон. XIX в. Музей «Тальцы». Снимок автора

В.В. Тихонов

Иркутское областное государственное автономное учреждение культуры
Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (г. Иркутск)
talci@irk.ru

Поселения русских старожилов Иркутской губернии

Аннотация

В статье автор рассматривает историко-культурный потенциал русского старожильского населения Иркутской губернии, сформировавшийся в период заселения ее территории русскими в XVII—XVIII вв. Анализируются практика освоения территории русскими, обоснование на землях пашенного крестьянства, формирование деревень от однодворок до сел, особенности формирования и эволюции деревень. Уделяется также внимание составу усадеб, их комплектованию и планировке, составу семьи; технологии земледелия и структуре сельскохозяйственных культур; эволюции домостроения за рассматриваемый период.

Ключевые слова: деревня-однодворка, острог, пашенный крестьянин, дом-связь, клеть, ясное зимовье

V.V. Tikhonov

Taltsy Architectural and Ethnographic Museum (Irkutsk)
talci@irk.ru

Settlements of Russian Old-timers in Irkutsk Province

Abstract

The article deals with the historical and cultural potential of the Russian old-timer population of the Irkutsk province, which was formed during the settlement of this territory by the Russians in the 17th — 18th centuries. Also, some attention was paid to the practice of developing the territory by the Russians, the formation of settlements and their development, appearance of peasantry, the formation of villages from one courtyard village to big villages and their evolution. The author describes the composition and planning of the homestead and the peasant family members at that time. The technology of tillage, the structure of agricultural crops and the evolution of house building are revealed in the article.

Key words: village of one courtyard, jail, peasant, house-connection, pantry, winter hut

Проникновение русских на территорию Иркутской губернии началось с 20-х гг. XVII в. небольшими казачьими отрядами с основной целью обложить местные племена ясаком (натуральным налогом) в варианте пушнина, главным образом шкурок соболя. В связи с отсутствием на то время на территории Предбайкалья дорог, движение русских отрядов шло в основном по рекам, главными из которых в регионе были Ангара и Лена. На местах соединения этих рек с сухопутной дорогой (волоком) ставили первоначально зимовье и затем остроги: Балаганский и Рыбинский (1621 г.), Илимский (1630 г.), Братский (1631 г.) [Сабурова, 1971, с. 30]. В районе первого Илимского острога начинался знаменитый Ленский волок. Это была основная сухопутная транспортная артерия, соединяющая реки Ангару и Лену [Шерстобоев, 2001, с. 43]. В литературе иногда упоминаются еще два волока, но они большого значения не имели. В период 1631—1640 гг. именно по рекам бассейна Ангары и Лены стали возникать административные единицы в Предбайкалье — волости, фактически слободы: по р. Илему — Нижне и Верхне Илимская,

а по р. Лене Орленская, Усть-Кутская и Киренская [Шерстобоев, 2001, с. 36].

В 1665—1668 гг. по рекам бассейна Лены создаются Илимская, Бирюльская и Манзурская волости (слободы). В то время термин «волость», или «слобода», часто отождествлялся с термином «острог» [Тихонов, 2013, с. 39]. По масштабам волость включала в себя около десяти деревень, редко больше. Населенный пункт, где имелось укрепление, именовался острогом. Остроги, безусловно, возникали не сразу. Первоначально ставилось укрепленное зимовье, затем возводился частокол (тын) и формировалась внутренняя инфраструктура. Остроги часто переносились на новые, более удобные места. Нередко это происходило после пожаров. Примерами этого могут служить Илимский и Братский остроги. Неудачно поставленные остроги хирели и в последующем бросались. В состав внутренней инфраструктуры острогов в зависимости от их величины и предназначения могли входить: церковь или часовня (иногда, что видно на примере Илимского острога, была и церковь (Спаская), и купеческая часовня при го-

стином дворе), воеводский двор, караульная изба (в составе которой была аманатская изба), редко стояли отдельным строением гостиный двор, колокольня при церкви, соляной, оружейный амбары, пороховой погреб, таможенная изба, при церкви существовал погост (кладбище), небольшую территорию занимал огород, обычно было не менее двух колодцев. Перед главными въездными воротами вне территории острога могла ставиться как оберег церковь-часовня (в Илимском остроге при Спасской проезжей башне стояла как оберег Казанская церковь-часовня, построенная в 1667 г.). Вне территории острога напротив него разрастался посад из крестьянских изб. За территорией острога также ставили кружечные дворы (кабаки) [Шерстобоев, 2001, с. 49], создавали и другую инфраструктуру.

Основной целью постановки острогов-крепостей была защита первопоселенцев-казаков от возможного внешнего враждебного окружения. В период освоения русскими первопроходцами территории Предбайкалья здесь проживали местные племена, в последующем сформировавшие западнобурятский и тунгусский этносы. Племена по составу и организации были неоднородные. Сильные племена подчинялись слабым — так называемых кыштымов. В основном наиболее организованные и сильные племена в регионе были западнобурятские, а кыштымами, соответственно, были тунгусы. Существовала еще одна опасность — это набеги с юга монгольских племен. Если приход русских в Предбайкалье кыштымы восприняли как возможность их защиты от гнета бурятских князьков и набегов монгольских орд с юга, то отдельные богатые бурятские князья теряли власть над кыштымами и приход русских в регион восприняли враждебно. Ко всему прочему, иной раз разбойное поведение некоторых русских отрядов также настраивало местное население против русских. В этой ситуации остроги служили гарантией защиты русского населения от враждебных действий. Остроги были опорой не только населения, живущего около них, но и нарождающегося пашенного крестьянства, которое селилось на удобных землях вдоль рек и довольно успешно обеспечивало хлебом как местные остроги, так и экспедиции, снаряжаемые на север и далее в сторону Чукотки [Колгушкин, 1983, с. 45]. По существующим сведениям, уже через четверть века после прихода русских в край земледельцы, проживающие по р. Илим и притокам Лены (около Усть-Кута, Орлинги, Киренска), перешли на товарное производство зерна [Шерстобоев, 2001, с. 109].

Процесс закрепления пашенных крестьян на земле был довольно сложен. В данном случае следует остановиться на известной истине, что земля считалась закрепленной за государством надежно только тогда, когда на ней закреплялись пашенные крестьяне. Первоначально при освоении земли под пашню крестьяне ее раскорчевывали, освобождали от леса (часто старались использовать безлесные поляны), а до первой вспашки ставили починок (шалаша, землянку, небольшой сруб или заимствованные у местного населения варианты строений — чумы, балаганы) [Сабурова, 1971, с. 72]. Починок постепенно превращался в заимку [Колгушкин, 1983, с. 47] и в последующем разрастался в однодворную деревню [Шерстобоев, 2001, с. 233]. Состав пашенных кре-

стьян формировался из «охочих людей», переселенцев и ссыльных [Колгушкин, 1983, с. 45], таким образом, в основном из тех, кто уходил в Сибирь на различные промыслы или убегал от крепостного гнета, из так называемых гулящих людей. О соотношении гулящих и ссыльных в качестве примера можно привести следующую информацию: «В 1668 г., при создании земледелия на р. Бирюльке, на пашню осели 9 человек из вольных людей и 7 ссыльных крестьян» [Шерстобоев, 2001, с. 235]. Атрибутом пашенного крестьянина было наличие у него земли, двора и семьи. Основными орудиями труда крестьян были сохи, серпы, косы, топоры. В первые годы водворения крестьян на пашню в качестве своего рода налога они пахали и убирали хлеб с десятинной государевой пашни. Позже крестьян перевели на хлебный оброк и уже с XIX в. — на денежный налог [Сабурова, 1971, с. 30]. Первоначально земельные наделы ограничивались только возможностью крестьянского хозяйства. В дальнейшем на хозяйственный двор в среднем приходилось 8—12 десятин пахотной земли, 15—20 десятин покосов, 1—2 десятины под выгон [Шерстобоев, 2001, с. 304].

Посевная земля использовалась первоначально по системе «пар — зерновые» [Шерстобоев, 2001, с. 311]. Трехполье, на то время широко используемое крестьянами в европейской части России, в Сибири из-за суровых климатических условий и избытка пахотной земли не приживалось вплоть до конца XIX в. Соотношение сельхозугодий на начало 1722 г. было разным. В частности, соотношение «пашня и сенокос» было от 1:1 до 1:2,4 [Шерстобоев, 2001, с. 323]. Помимо вольных пашенных крестьян обработкой земли занимались хлебные обратчики, служилые люди, посадские и монастырские крестьяне. На 1720—1722 гг. их соотношение было следующим: пашенных крестьян — 77,2%, хлебных обратчиков — 4,9%; служилых людей — 6,4%, посадских — 1,9%, монастырских крестьян — 9,6% [Шерстобоев, 2001, с. 335]. Соотношение в эти же годы по культурам посеваемых площадей составляло соответственно: рожь — 75,8%, пшеница — 3,3%, ярица — 3,8%, ячмень — 5,1%, овес — 9,7%, горох — 0,4%, конопля — 1,9% [Шерстобоев, 2001, с. 334]. По технологии посева озимые составляли 68,4%, яровые — 31,6%.

Зерновые убирали серпами, увязывая в снопы, которые обмолачивали, увозя в усадьбы на гумно, а в последующем — подсушивая в овинах. Попытки засеять лен оканчивались в связи с непродолжительным вегетативным периодом неудачей [Лебедева, 1971, с. 80]. Однако для производства тканей вполне успешно использовали коноплю. Ее засевали густо, что позволяло получить больше мужских стеблей — поскони, как раз и используемых в ткачестве. Еще из конопли получали масло.

Основным орудием производства, с которым крестьянин создавал хозяйство, был топор. Им он рубил дома и хозяйственные постройки. Делал из ели соху, борону и иные сельхозпринадлежности. Топором и ножом крестьянин делал домашнюю посуду. Некоторые иностранные путешественники-исследователи, возвращаясь в Европу, утверждали, что сибирские крестьяне даже не знают пилы. Про пилу крестьяне, конечно, знали, но она, во-первых, была очень дорогой, а во-вторых, крестьянин иной раз при рубке

дома торцевые части бревна специально не пилил, а рубил топором, так как при рубке топором торцевые поры бревна забиваются и в таком состоянии бревно в строении служит намного дольше. Лес под строения обычно рубили в конце зимы, когда еще нет сока, а поры дерева забиты смолой. Такое дерево в строении также служит намного дольше. Лес рубили и ошкуривали (сняли кору) [Сабурова, 1971, с. 60]. Рубку леса осуществляли поблизости от места строительства. Рубкой дома могли заниматься летом на месте заготовки древесины с последующей ее вывозкой по первому снегу. Могли заготовленный лес вывозить через несколько лет. Существовало выражение: «Построили дом за один день». Это означало, что срубленный в лесу дом был вывезен на его основное место и артельно мужики его собрали как конструктор за один день. Дом уседал почти год, хотя иногда его вводили в эксплуатацию раньше, летом или осенью. Эти сроки определялись необходимостью строительства глинобитной печи в теплое время. Печь строилась также за один день, без остановки. В случае остановки в глине получались прослойки, и при вводе в эксплуатацию (обжиге) печь могла треснуть. Такую печь эксплуатировать было невозможно. Нижняя часть дома — 2—3 венца — строилась из лиственницы как древесины, менее подверженной гниению. Остальную часть дома старались рубить из сосны как менее теплопроводного материала. Если поблизости не было сосны, то дом рубили из лиственницы. У первых домов обычно были большие подклеты, так как первые поселенцы и крестьяне вначале использовали строительные традиции мест, откуда они прибыли. В основном это были северные регионы европейской части России. После 5—6-го венца делали врубки под лаги пола. У жилой части дома обычно было от 10 до 15 венцов. Печи в доме первоначально делали по-черному на подклетах. Печи были русского типа. Дым из избы удалялся через волоковое окно, которое прорубалось на дверной стене на высоте двух венцов от потолка. Волоковое окно закрывалось заслонкой (завдвижкой). Печь ставилась у выхода хайлом (топкой) в противоположную сторону. Между печью и стенами было расстояние, иногда занимаемое спуском в подполье (гобец) или рундуком, используемым для хранения вещей и спанья на его крышке.

Так как первые переселенцы принесли в Предбайкалье свои строительные традиции, то изначально они ставили дома-клетки на высоком подклете, с крытыми дворами, по аналогу домов севера европейской части России, где много снега. В новых местах снега было намного меньше, и такие дома здесь не прижились. Информаторы автору рассказывали, что последний дом такого типа был разобран в пос. Марково Усть-Кутского района в 80-х гг. XX в.

Самыми распространенными домами в XVII—XVIII вв. были клетские избы с высоким подклетом и, соответственно, высоким крыльцом, с маленькими окнами колодного типа, затянутыми бычьим пузырем. Кровля у таких домов была самцовая, двухскатная. Различного рода украшений — наличников, подзоров и т.д. — первоначально было мало. Стремление к украшению дома стало появляться к концу XVIII в. Ярким примером такого дома стал дом из д. Большежилкино, перевезенный в музей «Тальцы». Изба-

пятистенок с холодными сенями. Кровля самцовая. Кровлю венчает охлупень с вырезанными по концам головами утки. Причелины в виде крыльев с солярыными знаками. Выдающиеся повалы выполнены насечкой в виде перьев птицы. Такие дома-пятистенки стали появляться уже с начала XVIII в. [Маковецкий, 1971, с. 123]. Отсутствие в Предбайкалье таких больших объемов снега, как в Европейской России, позволило уже в XVIII в. перейти от домов с крытыми дворами к домам с открытыми дворами, в том числе к такому архитектурному типу дома, как дом-связь. В плане это две клетские избы, связанные между собой сенями. При развитии такого типа дома первоначально строилась клетская изба; когда семья разрасталась, строили зеркально вторую клетскую избу и связывали обе избы сенями с выходом на обе стороны к чистому и скотному (или хозяйственному) двору. Получались дома с самцовой двухскатной кровлей на высоком подклете. У двух выходов из сеней — высокие крыльца. Такого типа дома описал И.В. Маковецкий в работе «Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.)» [Маковецкий, 1971]. Но в данном случае нам интересен переходный образец от дома с крытым двором к дому с открытым двором — так называемый дом-связь с полуоткрытым двором (конец XVIII — начало XIX в.), каковым является дом Непомилуева из д. Гарманка, в настоящее время находящийся в музее «Тальцы» [Тихонов, 2004]. При реставрации дома в музее «Тальцы» архитектор Г.Г. Оранская отреставрировала его в варианте дом-связь. В последующем при разборе архивов Г.Г. Оранской автор обнаружил обмерочные чертежи этого дома, где со стороны скотного двора фигурирует полуоткрытый (без боковых стен) двор. В будущем при очередной реставрации объект планируется восстановить в его аутентичном варианте по обмерочным чертежам Г.Г. Оранской. Дома-связи в Предбайкалье, особенно на территориях возле Ангары и верхнего течения Лены, были распространены вплоть до начала XX в. Не менее распространены стали дома-пятистенки, первоначально на высоком подклете, с самцовой кровлей. Затем пошли пятистенки с низким подклетом и двух-, а потом четырехскатной (вальмовой) стропильной кровлей. В качестве образца пятистенка с холодными сенями, высоким подклетом и крыльцом, самцовой кровлей можно рассматривать дом Московского (конец XVIII — начало XIX в.), вывезенный в музей «Тальцы». У многих домов XVIII — начала XIX в. в последующем произошли изменения за счет расширения оконных проемов после применения оконного стекла, получившего распространение с середины XIX в. У дома Московского расширения оконных проемов не было, что объясняется значительной выработкой подоконника. Это говорит о том, что первоначально в окнах был вставлен бычий пузырь и только в последующем — стекло. Выработанность подоконника происходила оттого, что бычий пузырь в отличие от стекла пропускал очень мало света и мелкие работы приходилось делать не внутри дома, а непосредственно на подоконнике. Дома-крестовики и дома иных форм в регионе стали встречаться в основном с середины XIX в.

В планировочном решении населенных пунктов — деревень преобладал следующий принцип: дома

усадеб старались ставить лицом к реке, на высоком проветриваемом берегу для избавления от гнуса, который досаждал как людям, так и домашнему скоту. Таким образом, уже при наличии нескольких усадеб образовывалась односторонняя улица. Напротив дома у реки ставили летние бани и самоловни (небольшие клетские избушки для хранения рыболовецких снастей). Зимние бани ставили в усадьбах. Первоначальная планировка селений была гнездовой [Колгушкин, 1983, с. 48]. Каждый поселенец выбирал удобное место для усадьбы и ставил двор. Такой планировки до нашего времени не дошло. Уличная, или геометрическая, застройка считается более поздней. Да и деревни на начальном этапе освоения края по большей части были одно-двухдворные. На 1700 г. по статистике (по описям) в Среднем Приангарье было однодворок 40%, двухдворок — 27%, трехдворок (это уже деревни-малодворки) — 11,5%, четырех- и пятидворных деревень, соответственно, — 4,8 и 4,3%, крупных деревень с 7—12 дворами — 4,2%. Только к 1723 г. появились 4 селения с 18—27 дворами, что составило 1,3% селений на то время [Шерстобоев, 2001, с. 42]. Столь малое количество деревень говорит об их разбросанности по территории. Расстояние между ними достигало 80—120 верст.

В усадьбе обычно в то время жили нераздельные семьи из близких родственников — родителей, сыновей со своими женами и детьми — или семьи, состоящие из братьев со своими женами, детьми и внуками. Очень редко встречались «договорные» семьи. Обычно в договорные объединялись семьи с небольшим количеством работников. Еще более редки были семьи, которые для ведения хозяйства заключали «договор» с посторонними людьми. В среднем тогда нормальной считалась семья из 12—15 человек [Горелов, 1971, с. 97]. Встает вопрос, как же такая семья размещалась в столь маленьких объемах жилых помещений того времени? В этом плане все прозаично просто. Вся семья редко собиралась в полном составе. Кто-то был на охоте, кто-то — в поле или на заимке. В летнее время молодые семьи использовали в качестве жилья кладовые, амбары и т.д. Стремлению к нераздельной семье способствовали не только желание или возможность более полноценного ведения натурального хозяйства, но и подворовая налоговая система. С переходом на подушную налоговую систему нераздельных семей стало меньше, и в последующем они практически перестали существовать.

Ведущий принцип планировки усадеб заключался в том, что центр усадьбы занимала изба, лицевой частью выходившая на улицу, которая, в свою очередь, делила усадьбу на два основных двора — скотный и чистый. Все остальные строения усадьбы по периметру окружали избу. У каждого двора был свой выход на улицу. Из дома в каждый двор устраивался свой выход. Чистый двор обычно мостился обтесанными полубревнами, и его формировали одно- или двухъярусные, одно- или двухкамерные амбары, кобрик (ледник), навесы для работы в непогоду. На скотном дворе строились навесы для лошадей, стайки с поветями, завозни, зимние бани. В планировке усадеб встречались отдельно хозяйственный и скотный дворы с выходами также на улицы. Приме-

ром этого может служить усадьба Прокопьева в музее «Тальцы». А у усадьбы Московского конца XVIII в., также расположенной в музее «Тальцы», планировка двора вертикальная: чистый двор, мощный полубревнами, плавно без разгорода переходит в хозяйственный двор и за ним в продолжение с разгородом скотный двор с выходом в боковой проулок. В практике было множество и иных вариантов формирования усадеб, в зависимости от удобства в эксплуатации и фантазии их хозяев. Так, в музее «Ангарская деревня» г. Братск есть усадьба Скрипова из д. Подъяланка Усть-Илимского района [Тихонов, 2013, с. 51] также вертикальной планировки, где хозяйственный и скотный дворы занимают заднюю часть усадьбы за домом, деля ее поровну, при этом чистый и хозяйственный дворы земляные и скотный двор вымощен полубревнами.

В XVII—XVIII вв. православное культовое зодчество в основном несло в себе северорусские архитектурные традиции. За полтора столетия местных особенностей в культовом православном зодчестве практически не проявилось. На сегодня XVII в. в Предбайкалье характеризует только одна деревянная церковь-часовня — это Казанская привратная церковь Илимского острога, которая находится в музее «Тальцы». Музей «Тальцы» в ближайшее время намерен провести аутентичное восстановление Введенской церкви 1673 г., входившей в состав первого Илимского острога.

Следует также отметить такое явление в сибирской архитектуре, как ясачное зимовье. Для сбора у местных аборигенов — тунгусов и бурят — ясака (вида налога), который, как отмечалось, производился в виде сбора пушнины, в основном соболя, в конце зимы ставились ясачные зимовья. В Предбайкалье такое зимовье обнаружил в начале 90-х гг. XX в. этнограф О.В. Бычков. Автор статьи обследовал это ясачное зимовье в 2010 г. Оно представляет собой рубленую клеть 4,5 x 4,5 м, визуально напоминающую боковую башню Братского острога. Окна маленькие, в виде бойниц. Верхняя часть строения обрушена и не сохранилась. Ясачное зимовье расположено в 8 км от новой автомобильной дороги Жигалово—Магистральная в противоположную от пос. Карам сторону. К сожалению, в связи с тем что срок службы деревянных (дерево являлось основным конструктивным материалом) конструкций незначителен и составляет в среднем около 100 лет (хотя встречаются отдельные объекты и с большим сроком), иных строений XVII—XVIII вв. в Предбайкалье до нашего времени не дошло.

В заключение статьи напрашивается вывод, что основная масса первых строений, которые возводили переселенцы, создавалась по строительным традициям, существовавшим в местах, откуда они прибыли. Только в последующем формировались новые строительные традиции, уже исходя из опыта проживания в определенных климатических условиях, приспособления под сформировавшуюся хозяйственную деятельность, экономику хозяйства и с учетом строительных и иных традиций, существовавших в Предбайкалье у местного населения до прихода в регион русских.

Список литературы

1. Горелов В.А. Структура и численность состава семьи (по материалам Братского и Нижне-Илимского районов Иркутской области и Кежемского района Красноярского края) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. — С. 96—105.
2. Колгушкин В.Д. Развитие деревянного зодчества Нижнего Приангарья в процессе заселения и освоения района // Общественный быт и культура русского населения Сибири XVIII — начала XX в. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1983. — С. 44—57.
3. Лебедева Н.И. Хозяйство и быт Приангарья (XIX — начало XX в.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1971. — С. 78—95.
4. Маковецкий И.В. Деревянное зодчество Среднего Приангарья (XVII—XX вв.) // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. — С. 106—143.
5. Сабурова Л.М. Русское население Приангарья // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. — Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1971. — С. 28—77.
6. Тихонов В.В. Усадьба Непомилуева из деревни Гарманка // Тальцы. — 2004. — № 1 (20). — С. 34—41.
7. Тихонов В.В. Историко-культурное наследие Предбайкалья. — Иркутск: Изд-во ООО «Репроцентр А1», 2013. — 364 с.
8. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. В 2 т. — Иркутск: Обл. Тип. № 1, 2001. — Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. — 2-е изд. — 602 с.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10044
УДК: [392+77+7.04]

Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии
СО РАН (Новосибирск)
Mf11@mail.ru

**Творчество народного мастера В.А. Югова: сибирские образы
(к 90-летию со дня рождения)**

Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2018-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII-XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения»

Аннотация

Статья посвящена творчеству самобытного новосибирского художника В.А. Югова как одного из первоходцев в деле популяризации культурного наследия в 1980—1990-е гг. Каким бы видом творчества ни занимался мастер — резьбой по дереву, чеканкой по металлу, графикой, живописью, эмальями, фотографией, он неизменно обращался к образам родного города Новосибирска (Новониколаевска), его окрестностей. Старинные церкви, резные наличники, жилые дома — многие из этих объектов сохранились теперь в виде его авторских фотографий и описаний. Художник был наделен способностью неумолимо наблюдать стихию народной жизни, делать яркие репортажи с мест фотографирования. Он оставил после себя богатый фотоархив, анализ этих материалов лег в основу статьи.

Ключевые слова: Новосибирск, фотохудожник Владимир Афанасьевич Югов, деревянное зодчество, сибирские символы

E.F. Fursova
*Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)*
Mf11@mail.ru

**Creativity of the National Master V.A. Yugov: Siberian Symbols
(on the Occasion of his 90th Birthday)**

Abstract

The article deals with the creative work of the original Novosibirsk artist V.A. Yugov as one of the pioneers in the popularization of the cultural heritage in the 1980-1990s. Whatever kind of work the master does - wood carving, metalsmithing, graphics, painting, enamelworks, photography, he invariably turned to the images of his native city of Novosibirsk (Novonikolaevsk) and its vicinity. Ancient churches, carved platbands, apartment houses — many of these objects are now preserved in the form of photographs and descriptions of the author. The artist was endowed with the ability to monitor the events of people's lives, make bright reports from the photography sites. He left a rich photo archive, the analysis of these materials formed the basis of the article.

Key words: Novosibirsk, photo artist Vladimir Afanasievich Yugov, wooden architecture, Siberian symbols

В.А. Югов родился 30 октября 1927 г. на сибирском хуторе, о чем он вспоминал: «Это было новое поселение из девяти дворов в один ряд, окнами на солнце. За окнами поляна, уходящая в ложбину, заросшая кустарником, и колодец. Пыльный проселок, вдалеке — березовые колки, поля. Такой запомнилась наша Пролетарка, названная в середине 1920-х гг. в духе времени. Обживали хутор переселенцы из Республики Коми, северного таежного края. Среди них были и мои родители — Афанасий Алексеевич и Евдокия Ивановна Юговы. В те годы наблюдались массовые миграции из малоземельных районов на сибирские и алтайские вольные земли» [Лой, 1997].

С детства художника окружали образы родной

старины, мальчик слушал рассказы о персонажах народной мифологии. В интервью журналистке А. Лой В.А. Югов в 1997 г. вспоминал: «Моя мать была человеком суеверным, верила в домовых, в водяных, лесовиков, русалок и всевозможных духов. И при этом в глубине души была истинной христианкой. По большим православным праздникам она вставала очень рано, зажигала свечу перед образами и, готовя праздничный стол, тихонько напевала молитвы. Это были счастливейшие минуты. Лежишь еще полусонный и слушаешь ее благостное песнопение. Это осталось в моей душе навсегда. Тепло, уютно, горит свеча, у плиты бесшумно двигается мать и поет голосом умиротворения и любви» [Там же, с. 24]. На-

верное, именно поэтому в своих заметках и статьях художник не только восторгался произведениями уникального деревянного и каменного зодчества, пытаясь в фотографиях передать их красоту, но и выказывал тревогу за гибнущие памятники старины.

У Владимира Афанасьевича Югова не было постановочных работ: все свои фотографии художник увидел своим фотоаппаратом «в полете» и сумел запечатлеть на пленку. Наверное, именно по этой причине люди и животные здесь так естественны, так узнаваемы, природа — родная, близкая нашему сердцу, храмы удивительным образом «парят» над земным бытием.

Влюбленный в красоту древнерусского зодчества, Югов везде искал и находил образцы этого нестареющего искусства. Как рассказывал художник, его «манила российская старина». В маршруты путешествий входили Тобольск, Томск, Иркутск, Красноярск; средняя полоса России включала Сергиев Пасад, Переяславль-Залесский, Александров, Звенигород, Суздаль, Гороховец и пр. «Без громких слов о своей любви к малой и большой Родине человек в трудную минуту готов многим пожертвовать ради защиты Отечества и собственных убеждений. Примером для меня стала жизнь и творческий подвиг Василия Шукшина...», — писал Владимир Афанасьевич о творческом кредо [Там же, с. 25].

Резьбу по дереву, украшавшую дома в Новониколаевске (теперь Новосибирске) и сохранившуюся разными путями до 1980-х гг., можно увидеть на многих работах мастера. Ценность этим фотографиям придает тот факт, что целый ряд старых домов в советские и постсоветские годы подверглись уничтожению или не всегда умелой реставрации. Ушли в небытие постройки на месте гостиницы «Новосибирск», кинотеатра «Маяковский», Челюскинского жилмассива с говорящими названиями дореволюционных улиц и т.д. (ил. 2а, 1в, 1б). Хотя узоры двух-трехъярусных карнизов и наличников деревянных домов не повторялись, преобладал растительный орнамент, характерный для застройки конца XIX — первой трети XX в. Кружевная, праздничная резьба роднит сибирские наличники с поволжскими, среднерусскими традициями. Гибкие стебли растений, почки-ростки, листья, в том числе папоротника, цветы, корни изображали и прославляли не только образы природного мира, но и, по словам С.Н. Баландина, Мать-природу, вечно рождающуюся и вечно обновляющуюся [Баландин, 1987, с. 40]. В период 1870—1917 гг. городская архитектура в Сибири получила исключительное многообразное формообразующее и декоративное развитие, особенно в национально-романтическом направлении и стиле модерн [Баландин, 1983, с. 44]. Этнографы находят здесь образное и стилистическое единство с орнаментами женских рукоделий, вышитыми узорами [Фурсова, с. 133; Fursova, p. 133]. Конечно, в витиеватых формах, по мнению ряда исследователей, невозможно уже не увидеть отступление от вековых традиций народного деревянного зодчества [Ополовников, 1983, с. 100], тем не менее нельзя не признать, что многие новониколаевские и другие сибирские деревянные дома — достойные памятники своей эпохи.

Тяга к поискам образов Родины, любовь к которой В.А. Югов носил в своей душе, звала его в

путешествия по стране. Так появились циклы о деревянном зодчестве одного из старейших городов Сибири — Томска, малых городов Средней полосы России, Тверской области и др. (ил. 1а, 1г). Хотелось бы особо отметить характерную черту почерка Владимира Афанасьевича — включенность памятников культурного наследия, будь то деревянное зодчество или каменные постройки, в повседневную жизнь людей. Одной из самых известных работ является фотография старой лошади на фоне такого же обветшавшего дома, видимо, в бытность своей молодости — красавица с балконом (ил. 2в). Настрой легкой печали картины передается как бы погружившейся в воспоминания лошади на фоне подпираемого досками забора.

Сибирский колорит читается в работе «Встреча», которая наблюдалась художником у дома по ул. Свердлова в Новосибирске, очевидно весной, на рубеже 1970—1980-х гг. (ил. 2б). На фоне деревянного двухэтажного дома показана встреча двух знакомых женщин. Автору удалось передать это очень по-сибирски: одна, бойкая, настроена на беседу, другая не столь расположенная к общению, не спешит поворачиваться к подруге, слушает ее вполборота. В Сибири, как традиционно считается, живут не очень разговорчивые люди, включая женщин, на что намекает и фотохудожник.

Следующая фотография называется «Рубленый дом в Колывани» (Новосибирская область). Собственно дом оказался в стороне, на первом плане весело бегущие за конной повозкой мальчишки так, что «только пятки сверкают». Рубленый дом, таким образом, не выглядит как историческая достопримечательность, но «живет» и как бы «смотрит» на убегающую лошадь и своих, деревенских детей (ил. 2г).

Фотография хорошо известного жителям и туристам г. Томска игрушечного резного дома названа «Томский дворик» (ил. 3а). Здесь предстает перед нами не просто памятник деревянного зодчества, но уютный Томск с деревянными домиками, катающимися на велосипедах детьми. Памятник показан с оборотной стороны: здесь живут до сих пор люди, наши современники, которые хранят дрова в сараях, ходят по траве и из поколения в поколение любят совершенным творением человеческих рук. Именно дети, у которых юные годы прошли в таких домах, никогда не забудут своей малой родины, думается, что сохраняют теплые чувства именно в тех образах, как это передал мастер.

Наконец, невозможно не обратить внимание на фотографию «Старая арка по ул. Ленина». Вид из дома, который к настоящему времени не сохранился, ограничивает арка, которая была сооружена и рассчитана на проезд конной подводы. Художнику удалось поймать момент встречи пожилого человека в плаще и шляпе, который, наверное, с детства видел этот дом с аркой, и молодой красивой женщины. Видимо, здесь, как и в работе «Встреча», событие происходило поздней весной на переходе к лету, когда сибиряки еще не определились с одеждой: старик тепло укутан, а молодая женщина в платье 1960-х гг. и школьники одеты по-летнему (ил. 3б).

Удивительная этнографичность работ Владимира Афанасьевича поражает зрителя. Вот идут молодые девушки, жительницы небольшой деревушки Мош-

ковского района Новосибирской области (ил. 4г). В привычном занятии загона коров с пастбища художник увидел и запечатлел свое: все здесь дышит миром и порядком, потому-то так неспеша идут по дороге люди и животные. Какую-то свою «повседневную» красоту рассмотрел он в переправе на реке или в сосредоточенных юных рыболовах Забайкалья (ил. 4а, 4б). Встречается среди старых фотографий и вид на р. Обь в период ледохода, об этой традиции посещения великой сибирской реки Владимир Афанасьевич писал в прошедшем времени: «Это всегда было событием года. Народ, толпясь, спешил на берег реки. И вот оно — незабываемое зрелище, стихия — ледоход. Всеобщее возбуждение, ликующая ребячница, спящие собаки. Разве тут усидишь за партой!» [Югов В.А. ...Без ледохода, 1987—1988].

Цикл фотографий каньона речки Каменки сопровождался авторскими воспоминаниями детства, которое прошло на овражистых склонах, сплошь застроенных нахаловками, которые иногда называли «шанхаем» (ил. 4в). Приведем текст: «Рубленные дома, бараки, халупы с голубятнями, цепными собаками, хулиганистой детворой, сварливыми домохозяйками составляли ту живую среду обитания рабочего люда послевоенной поры. Всякое бывало... тарарам у соседа-забудыги сапожника, заиграла гармонь напротив — песни, голоса, пополнение у портного Ивана. Но не было жалоб на жизнь, на судьбу, на убожество. Хозяйки спускались к дымящейся проруби набрать ключевой воды (ключей вдоль Каменки было много) и поднимались по замысловатым закоулкам знакомой тропой» [Югов В.А. Там били некогда ключи]. После замытия реки Каменки, писал В.А. Югов, «нет больше известного Бийского спуска с деревянным мостом и бойким магазином рядом. Нет извилистого серпантина мощного бульжником Ядринцевского спуска. На этих спусках лихо гоняла на своих самодельных тарантасах отчаянная детвора» [Там же].

Во многих произведениях В.А. Югова раскрытие сущностного порядка повседневного уклада жизни происходит через таинственное единение людей, животных и традиционных жилых (или культовых) построек. Изображение селян в привычных занятиях и заботах, в движении является как бы визитной карточкой фотохудожника. Именно так увидел Югов старинную церковь села Турнаево Болотнинского района Новосибирской области — с идущими к ней людьми, едущими на велосипедах мальчишками, маленькой девочкой. Фотография ценна и тем, что передает облик церкви до ее реставрации и современного многоцветия (ил. 5а). Сходным образом сфотографирована деревянная шатровая Спа-

со-Зашиверская церковь Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН: на первом плане что-то заинтересованно обсуждают люди, принимавшие непосредственное участие в ее восстановлении в 1980—1990-х гг. (ил. 5б).

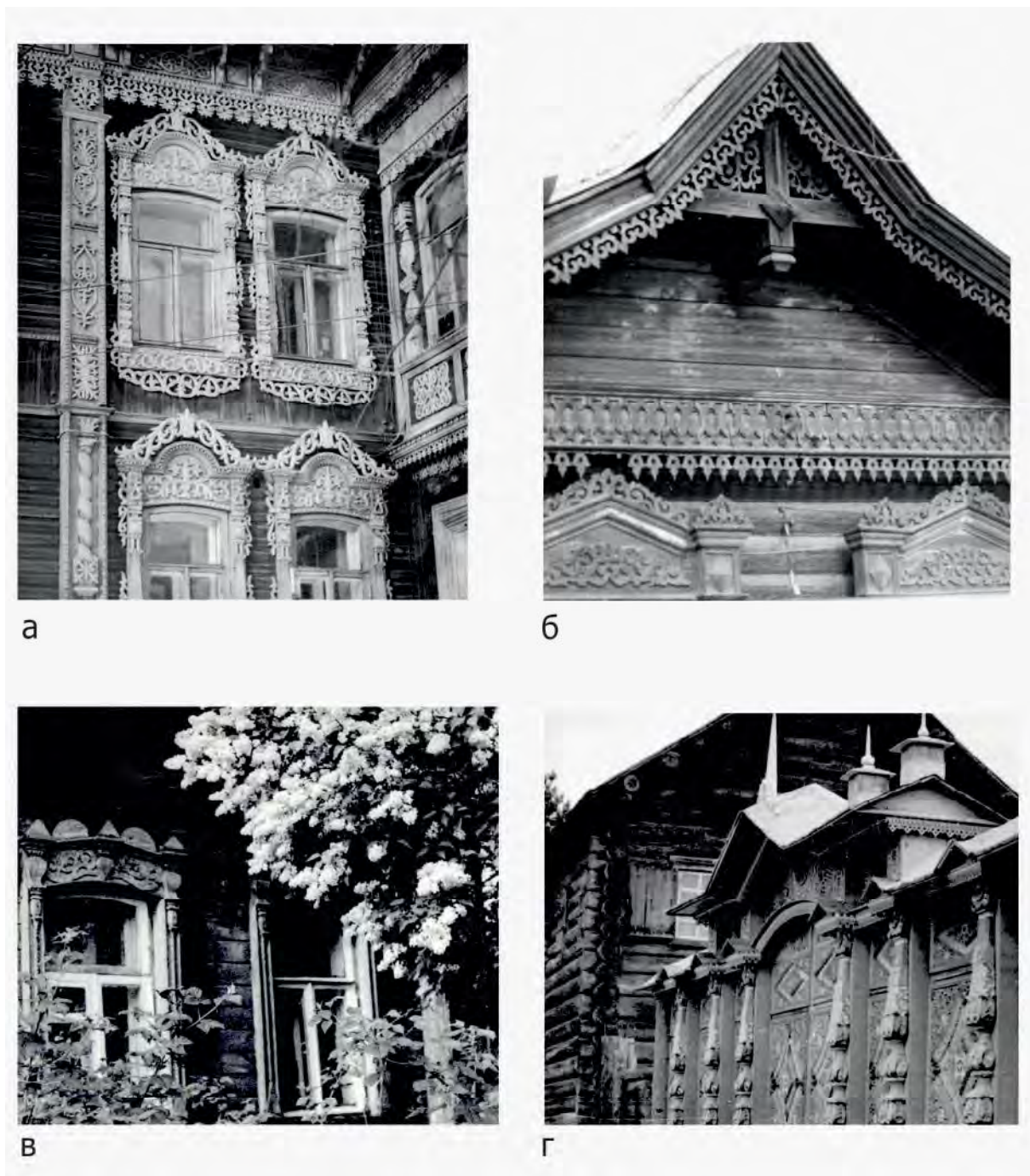
Этнографическая составляющая фотографий В.А. Югова еще не оценена должным образом современниками. Это собрание фоторабот, как и известные исторические архивы, фольклорные фонды является неоценимым источником для исследований стихии народной жизни сибиряков как небольших сельских поселений, так и г. Новосибирска (Новониколаевска). Галерея фотографий раскрывает не только региональные особенности архитектуры, массовой жилой застройки, но и сибирские нравы, отношения людей к жизни и друг к другу и, главное, высокий уровень творческого начала жителей сибирской провинции, сумевших дать дальнейшее развитие высокому уровню российской культуры.

Список литературы

1. Баландин С.Н. Деревянное зодчество Сибири в XVII—XIX веках (генезис, эволюция, географическое районирование, типологические особенности): автореф. дис. ... д-ра архитектуры. — М., 1983. — 47 с.
2. Баландин С.Н. Эволюция русского деревянного зодчества Сибири с конца XVI до начала XX века: автореф. дис. ... д-ра архитектуры. — М., 1987. — 46 с.
3. Лой А. Очарованный Россией // Слово Сибири. — 1997. — № 10. — С. 24—25.
4. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. Гражданское зодчество. — М.: Искусство, 1983. — 287 с.
5. Фурсова Е.Ф. Орнаментальные традиции рукоделий крестьянок Барабы и Васюганья как результат межкультурных взаимодействий // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2005. — № 1 (21). — С. 128—140.
6. Fursova E.F. Traditions of ornamentation patterns employed in feminine handicrafts reflecting intercultural links in the Baraba and the Vasiugan basin // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. — 2005. — № 1 (21). — Pp. 128—140.

Список источников

1. Югов В.А. ...Без ледохода. Записи 1987—1988 гг. Частный архив автора.
2. Югов В.А. Там били некогда ключи... // Вечерний Новосибирск. Б/г, Б/н. Архив автора (вырезка из газеты).

Ил. 1: а — Наличник деревянного дома до реставрации, г. Томск; б — Новосибирск, ул. Чаплыгина, 7; в — Новосибирск; г — Томск. Снимки В.А. Югова

а

б

в

г

Ил. 2: а — Наличник деревянного дома до реставрации, г. Новосибирск; б — Встреча у старого дома по улице Свердлова в Новосибирске; в — Средняя полоса России; г — Рубленый дом в Кольвани. Снимки В.А. Югова

а

б

Ил. 3: а — Томский дворик; б — Старая арка по ул. Ленина. Дом не сохранился. Снимки В.А. Югова

а

б

в

г

Ил. 4: а — Переправа; б — Юные рыболовы в Забайкалье; в — Пойма реки Каменки; г — Деревня Белоярка Мошковского района Новосибирской области. Снимки В.А. Югова

а

б

Ил. 5: а — Церковь в селе Турнаево Болотнинского района Новосибирской области. 1991 г.;
б — идет реставрация Спасо-Зашиверской церкви. Слева — сотрудник
Института археологии и этнографии СО РАН, д-р ист. наук И.В. Асеев. Снимки В.А. Югова

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10045

УДК: [392, 398+613.4+392.5]

Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск)

М.В. Васёха
Институт этнологии и антропологии РАН (Москва)
maria.vasekha@gmail.com

**Русская баня в обрядовой жизни: по этнографическим материалам рукописи
«О ветлужских банях, печах и о мытье в них» Д.А. Маркова**

Аннотация

Смыслообразующим стержнем любой этнической культуры выступает «ведущая ценность» — идея, разделяемая большинством представителей культуры и тем самым обеспечивающая каждому чувство идентичности, личной определенности. Русская баня стала знаковым элементом в культуре русских по причине ее особой роли в этническом бытии народа, который нашел в себе силы освоить северные территории Евразии. Источником исследования послужила рукопись «О ветлужских банях, печах и о мытье в них», написанная на основе материалов, собранных и изложенных в 1924—1929 гг. Д.А. Марковым. При изучении функций бани в обрядовой жизни ветлужан высвечиваются не только ее практическое и символическое значение, но и гендерный, половозрастной, соционормативный, этнологический аспекты.

Ключевые слова: русская баня, смыслы и ценности культуры, Ветлужский край, традиции мытья и парения, баня в свадебных обычаях, народные поверья, мифология

E.F. Fursova
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
Mf11@mail.ru

M.V. Vasekha
Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences (Moscow)
maria.vasekha@gmail.com

Russian bath in the Ritual Life: According to the Ethnographic Materials of the Manuscript "About the ovens of Vetluzh District Bathhouses, the Baths and Washing in Them" by D.A. Markov

Abstract

The core value of any ethnic culture is *the leading value* as an idea shared by the majority of representatives of culture and thereby providing everyone with a sense of identity and personal certainty. The Russian bath became a landmark in the Russian culture because of its special role in the ethnic life of the people, who found the strength to master the northern territories of Eurasia. The source of the research was the manuscript "About the ovens of Vetluzh District Bathhouses, the Baths and Washing in Them" written on the basis of materials collected and set out in 1924—1929 by the local historian D.A. Markov. When studying the functions of a bath in the ritual life of the population of Vetluga region, it is not only its practical and symbolic significance that is highlighted, but also gender, sex and age, social and regulatory, ethological aspects.

Key words: Russian bath, meanings and values of culture, Vetluzhsky region, traditions of washing and soaping, bathhouses in wedding customs, folk beliefs, mythology

Круг интересов культурной антропологии включает в себя аналитическое изучение явлений культуры, структурированных символически значимых систем. В 1930-х гг. о знаковой стороне этнографических фактов (вещей) как структуре функций писал П.Г. Богатырев [2007, с. 252—258]. Ученый пытался извлечь информацию о функционировании вещей

не только на основе высказываний о них носителей, но привлекал тексты (поверья, былички, приметы и пр.), которые «говорят» о семантике фактов опосредованно [Байбурин, 2007, с. 14]. Согласно концепции К. Гирца 1970—1980-х гг., культура рассматривается по преимуществу как система символов и взаимосвязанных значений [Елфимов, 2004, с. 531]. Задачей

антрополога выступает понимание связи между этими символами и связями [Американская социологическая мысль, 1996, с. 464]. Функции русской бани, ее роль в системе жизнеобеспечения народов России раскрыты в трудах В.А. Липинской [Баня и печь..., 2004], Л.И. Никоновой, И.А. Кандринной [Никонова, Кандринна, 2003], М.В. Васёхи [2015]; о культурных смыслах русской народной архитектуры писала А.Б. Пермиловская [2013, с. 109, 121], строительные традиции сибирской бани рассматривала А.Ю. Майничева [2002, с. 83] и др.

О бане, в том числе как важном, очистительном средстве для тела и души, написано много, так что, кажется, тема исчерпана полностью. Однако всякий раз вновь обнаруженные этнографические материалы «оживляют» интерес к этому этнически значимому элементу русского традиционного быта. В процессе архивных работ в Нижегородской области (1995—1996 гг. и позднее) нами была выявлена рукопись «Собрание материалов по Горьковской области в 1924—1929 гг. Очерки Д.А. Маркова». Д.А. Марков в 1920-е гг. был деятелем одной из нижегородских краеведческих организаций. В силу того, что в те годы не было достаточных финансовых средств на осуществление регулярной издательской деятельности, часть исследований так и осталась неопубликованной и хранится в фондах Государственного архива Нижегородской области.

Имея под руками этнографическое описание языком свидетеля того времени, когда в сельской местности сохранялся во многом традиционный уклад жизни (хотя и потревоженный войнами и революцией), постараемся сделать перевод традиционных слов и смыслов на современный язык, т.е. интерпретировать исследуемый текст.

Предлагаемый для рассмотрения раздел рукописи имеет название «О ветлужских банях, печах и о мытье в них». Предваряя это описание, автор объясняет свое внимание к баням тем, что они, по его мнению, являются особыми объектами быта, материальной и духовной культуры ветлужан. «С точки зрения народных обычаев, верований, предсудков баня также представляет своеобразные особенности, которые не связаны ни с какой другой хозяйственной постройкой» [ЦАНО. Ф. 2013. Д. 189. Л. 31—32].

Д.А. Марков, подчеркивая факт, что бани представляли собой древнейшее и простейшее строение, наблюдал их использование в послереволюционное время в качестве «жилья, убежища». Ветлужцы строили эти сооружения в огородах на расстоянии 5—7 саженей от жилых строений в одну линию с последними или у речки, для удобства ношения воды. Автор пишет о банях, топившихся по-черному, видимо, как наиболее распространенных в Ветлужском крае в 1920-х гг.

По обычаю бани топили один раз в неделю, в субботу, а также накануне больших православных праздников — Рождественского и Крещенского сочельников, а также в Чистый понедельник. Топили для заболевшего человека, путешествующего, для «сговоренки» (невесты) и жениха. Как указывает автор рукописи, баню топили те члены семьи, которые оказывались «посвободнее» на данный момент: это могли быть старики и старухи, а также более

молодой состав семьи. Существовали традиции в порядке посещения бани: первыми шли старики, а затем люди помоложе, дети. Приведем текст автора: «Они (старики — Е.Ф., М.В.) отпаривают свои кости, да они ведь и брезгливые, не идут после молодых. Супруги идут в баню обязательно вместе, а иногда и вместе с детьми» [Там же. Л. 39].

Д.А. Марков подчеркивал, что в некоторых местах Поветлужья в баню принято ходить «всем вместе», т.е. «мужчинами и женщинам, старым и молодым, чужим и родным в одно время». Так как баня считалась местом «нечистым», то деревенские жители Ветлужского края предпочитали не снимать кресты во время мытья или даже парения. «Умереть в бане значит лишиться вечного блаженства» [Там же]. В этом плане ветлужане поступали иным образом, чем та часть российских крестьян, которая снимала кресты, хотя бы и по той же причине «нечистоты» этого места [Шапарова, 2001, с. 55].

В 1920-х гг. для мытья, ввиду экономии мыла в условиях массового обнищания крестьян, употребляли щелок с золой, а для мытья волос использовали кипяченый квас. Квасом также брызгали на печку-«каменку» для ароматизации воздуха. Лишившиеся волос люди старались мыть голову «снадобьями» разных трав. Техника парения включала следующие этапы: после мытья головы и намыливания тела замоченный заранее в горячей воде (или квасе) веник клали на каменку, чтобы сделать его горячим. После того как плескали три раза на каменку водой, располагались на пологе и начинали с азартом париться. Парились обычно в рукавицах, так как руки не выдерживали крепкого жара, затем валялись зимой в снегу, а летом прыгали в реку, если баня была построена вблизи.

Особый интерес с точки зрения функционирования бани в обрядовой жизни имеют те страницы рукописи, где описывается посещение бани во время свадебных обрядов и сопровождавший их фольклор (эта часть текста называется «Иное назначение бани и роли ее в других сторонах народной жизни»). Автор указывал, что в «бытовой повседневности» здесь «бабы мнут лен, стирают белье, в ней живут после пожара, когда морозят тараканов, помещают родильниц и вообще больных, помещают телят, поросят и пр.» [ЦАНО, Ф. 2013. Д. 189. Л. 42]. Причиной помещения в баню родильниц ветлужане объясняли тем, что «в избе родильнице нельзя оставаться, все узнают, за кого ей придется мучиться. А в бане никто не узнает» [Там же]. Эти рассуждения надо, видимо, понимать в том смысле, что это помещение одновременно рассматривалось как пороговое, опасное для человека место, и как очищающее от грехов и болезней. Переходное состояние выявляло недоброжелательных людей по отношению к рожавшей женщине, из-за «недоброга взгляда» которых она могла мучиться дополнительно к обычным родовым мукам. Родильница пребывала в бане три ночи, когда повитуха топила печь и парила женщину, т.е. происходил процесс ее очищения.

Согласно местной традиции, жених и невеста парились в бане каждый отдельно: просватанная девушка («сговоренка») ходила вместе с подругами, жених посещал парную в компании парней. Мотив преобразования девушки в женщину звучал в песнопении

ниях, причитаниях невесты перед посещением бани, к которой она обращалась, называя «Парушей» [Там же. Л. 43]. Невеста причитала о заманивании ее в баню обманным образом, следствием чего было наведение «кики проклятой», смена своего жизненного, родового пространства на «чужую сторону».

«Пошли мы в баню, во пару-Парушу,
Говорили подруженьки мне,
Что до бани, до Паруши,
Все мостом вымощено,
Да все мостом ковры разосланы.
Говорили подруженьки,
Что вокруг бани-Паруши,
Дымом обдымено,
На каждой дыденки — по золотой головочке,
Сидят на колодочках разные пташечки,
И поют эти пташечки всякими голосами.
Говорили подруженьки, что во бани, во Паруше,
Жемчужная каменка, почурпушка серебряная.
Как у нас во бане, во Паруше [Там же. Л. 44],
Все по-старому, по-прежнему.
Только я молодешенька,
Я не по-старому, я не по-прежнему,
Что пришлось молодешеньке
Сдавать девью красоту.
А пришлось положить на буйную голову
Кику проклятую, злодейку нехорошую.
И на чужой-то стороне крапива жалючая,
То богоданный батюшка,
А осока резучая — то богоданная матушка,
То шипица колючая — то чужой чуженин».
(запись в Охомской волости Ветлужского уезда).

Таким же образом, причитая, невеста просила у братьев дров:

«Братец-батюшка, дай-ка дров березовых,
Затопить баню-Парушу» (с. Карцево Рождественской волости).

Обращаясь к снохе, причитала:
«Свет, мой, голубушка, сношенька любезная,
Я о чем тебе покучуся (?),
Моги меня послушати, на веках меня не впервые,
[Там же. Л. 45]

Остальные во последние в душах, во красных де-
вушках.

Истопи-ка баню-Парушу,
Мне помыться и попариться со желанными под-
ружками.
Еще тебе покучуся: ты моги меня послушати,
Уж ты дай мне пару веников».

Подружки, когда парили невесту, приговаривали:
«Последняя баня постная, а тут будет молосная».

После бани невеста садилась на лавку и продол-
жала причитать:

Недалеко гуляла я со желанными подружками,
Кругом да обреталася, потеряла три потерюшки.
Первую потерюшку — батюшкину волюшку,
А другую-то потерюшку — матушкину волюшку.
Дай свою девью красоту, девичье житье — укра-
шеньце,
Золотую матку — связочку».

Упомянутая «девичья (девья) красота» — это головной убор, который носила «сговоренка» на голове до бани, а после бани снимала. Возможно, что это был венец или повязка, в любом случае при его ношении макушка должна была оставаться открытой. Таким образом, посещение бани было важным переходным обрядом от девичества к женской сущности, что наглядно выражалось в том, что невеста уже не имела права надевать «девичью красоту».

В д. Печенкино Печенковской волости был записан иной вариант причитаний («вытья») невесты перед баней [Там же. Л. 46]. Подружки приглашали «сговоренку» в баню накануне свадьбы следующими словами:

«Ты пойдешь, наша подруженька,
Еще наша, да голубенька,
В нашу баньку парную.
Что у нашей баньки парной,
Три окошка, да три косящие.
Что на первом, на окошечке,
Что лежат да мыла разные,
На втором-то, на окошечке
Что лежат-то да ленты алые,
На третьем, на окошечке,
Что лежат да девья красота,
Что твоё-то украшеньце».

В ответ невеста отвечала причитаниями:

«Уж ты дай мне, кормилец-батюшка,
Уж ты новой мне банюшки,
Уж ты дай мне, родная матушка,
Свежую переменушку.
Уж ты дай, да разлюбезный брат,
Сухих, да дров березовых.
Уж ты дай, да сноха милая,
Ты шелковых да мягких веников.
Уж подай ты, сестрица милая,
Уж ты мыла да душистого.
Я пойду-то, горемышница,
Со своими, да со подружками.
В достальные, во последние
В душах, во красных девицах
Во свою, да баньку парную.
Уж ты дай мне, кормилец-батюшка,
К воротам ты, да приворотничка,
Ко двери ты, да придверничка,
К ключевой воде отливальничка,
Мне не смывать, не спарить бы
Мне свою, да девью красоту,
Девичье-то украшеньце».

Как сообщает автор, часам к 4—5 вечера девица
входит с подружками, причитая:

«Мойся хохол, промывайся хохол,
Завтра хохол, ты наскочишь на кол.
Мойся усок, промывайся усок,
Завтра усок дадут мясо кусок» [Там же. Л. 47].

По возвращению из бани невеста опять причи-
тала:

«Те спасибо, родной батюшка,
Те на новой-то банюшке!
Те спасибо, родна матушка,
Свежей переменушке!
Те спасибо, разлюбезный брат,

На сухих дровах, на березовых!
 Те спасибо, сноха любезная,
 На шелковых, мягких веничках!
 Ай, спасибо, мои подруженьки,
 Вам на пару да вам на банюшке,
 Не шла бы, голубеньки, не видала,
 Да мыла разного.
 Не нашла да ленты алые,
 Не найду да девью красоту.
 Поманули меня подруженьки,
 Что меня, да горемышницу.
 Не спасибо, кормилец-батьюшка,
 Что не дал к воротам приворотничка,
 А ко дворам да ты придверничка.
 Уж я смыла, я попарила,
 Уж свою, да девью красоту,
 Девичье-то украшеньица.
 Что ушла-то девья красота
 С жаром-паром в поднебесье,
 За ключевой водой во сыру-землю.
 Вы подумайте, подруженьки,
 Матки милые голубоньки,
 По тех пор, по то времечко,
 Как в одну избу сходилися,
 На одну скамью садилися,
 Волос за волосом сливалися,
 Голос на голос спивалися.
 Во тепереча, подруженьки,
 Вы меня одну посадили,
 Одну песню петь заставили.
 Заплети, подружка, милая,
 Заплети мою руссу-косу,
 На один плетень — «на девичий» (видимо, вверх
 пряжками — Е.Ф., М.В.) [Фурсова, 1985, с. 58]. Одна
 из подруг при этих словах заплетала невесте косу.

В «понитенке» сговоренка причитала [ЦАНО, Ф.
 2013. Д. 189. Л. 50]:
 «Мойся хохол, промывайся хохол,
 Завтра хохол, ты наскочишь на кол».

В г. Ветлуге, по записи автора «еще 30 лет на-
 зад» (т.е. в конце XIX в.), при выходе из бани не-
 веста причитала:

«Не спасибо вам, да родители,
 На вашей, на бане, на Паруши,
 Прошла да моя девья красота,
 С ключевой водой, да во сыру-землю,
 С паром-жаром, да по поднебесью».

По мнению автора, с «ветлужской баней» было
 связано много народных поверий, так как баня, как
 и повсеместно у русских, считалась «местом нечи-
 стым», «поганым», где «нет Бога» [Там же]. По этой
 причине здесь могли случиться непредвиденные
 события. Д.А. Марков рассказал об одном случае,
 имевшем место в деревенской жизни. «Девке по-
 сулили на сарафан, если она заклянется, не будет
 говорить про Бога, снимет с себя крест, отрекется от
 отца и матери, если она в полночь сходит в три бани
 и из каждой каменки принесет по камню. А если она
 обратно отнесет камни и положит на свои места.
 Девка камни принесла благополучно и два камня
 отнесла по баням. А когда пошла в третью баню с
 третьим камнем, ей померзщилось что-то мохнатое

как корова. Она сказала: «Ну, Бог с тобой!» И ей ни-
 чего не сделалось. Только три дня она после того не
 говорила». Это рассказ имел варианты.

Как в нечистом месте, в бане могли производиться
 гадания. По данным Д.А. Маркова, перед гадани-
 ем занавешивали окна, ставили напротив друг друга
 два зеркала и воспламеняли две свечи [Там же. Л.
 53]. В одно из зеркал смотрели «образ», не мигая,
 при этом запрещалось «вытирать сопли и слезы».

Непосредственно лечебные свойства бани, по-
 мимо очистительных процедур, включали добавки в
 виде приговоров или «молитв». Например, в д. Па-
 дураихе, когда мать парит своего ребенка, то гово-
 рит: «Пресвятая Паруша, иди к нам париться не ради
 пару, не ради жару, а ради доброго здоровьица!»
 Еще вариант: «Расти милое дитя дюже да больше
 и слушай тут две курицы кокочут да бабы хлопчут,
 слушай тут, где свиньи спят, в одно место дышат»
 [Там же. Л. 51].

Лечили в банях и так называемые уроки, при-
 зоры, озеvy (озевища) и прочие заболевания, вы-
 званные повреждением от злого человека, дурного
 глаза, или сглаза. Например, берут с ребенка воду
 в рот и выплевывают, чтобы «уроки не нашли». При
 этом в с. Карцево Рождественской волости говори-
 ли: «Уроки-призоры откуль пришли, туда и идите».
 Видимо, эти молитвы варьировались от деревни к
 деревне: «Урочище-озевище, откуда пришли, туда и
 идите, на все четыре стороны» (Макарьевский уезд,
 Ивано-Вознесенская губерния). При выздоровлении
 после болезни в бане окачивали водой и приговари-
 вали молитву, хорошо известную в других местно-
 стях: «С гуся вода — с меня худоба! Не я тебя парю,
 а мать Пресвятая Богородица» (д. Большая Слутка
 Рождественской волости) [Там же. Л. 53].

В Ветлуге был распространен прием избавления
 от веснушек или угрей на лице путем перемещения
 их на спину. Для этого в бане перед одеванием чи-
 стой рубахи вытирали сначала лицо задним полот-
 нищем, чтобы потом это место соприкасалось со
 спиной. Бытовала примета, что, если кто-то наденет
 в бане рубаху «с изнаночья», то это значит, что че-
 ловек где-то заблудится [Там же].

Автор заканчивает текст в духе своего време-
 ни, выказывая отрицательное отношение к народ-
 ным предрассудкам. Как думается, именно по этой
 причине связанные с баней поверья он поместил в
 конце текста, чтобы логично перейти к критике «су-
 еверий в нашей ветлужской деревне в настоящее
 революционное время».

Столь значительная включенность бани в раз-
 ные сферы русской традиционной культуры даже
 в «революционное время» 1920-х гг. подтверждает
 археологические и исторические данные о ее древ-
 нем происхождении на территории Руси, о чем сви-
 детельствуют также письменные источники [Шапа-
 рова, 2001, с. 57; Никонова, Кандрин, с. 6]. Было
 высказано мнение, что корни русской бани проис-
 ходят из Византии на том основании, что, по мнению
 лингвиста Р. Фасмера, название представляет собой
 заимствование из греческого языка, что М. Фасмер
 назвал невероятным [Фасмер, 1986, с. 121—122].
 Д.К. Зеленин считал, что отделившись от жилища,
 обособленное помещение для мытья стало у славян
 (в их числе украинцев, сербов, хорватов, болгар) на-

зваться либо римским словом «баня», либо своим собственным (у белорусов «лазня») [Зеленин, 1991, с. 314]. В представленных этнографических записях очевидно, что бытовали и другие названия этого помещения — «Паруша» (видимо, от слов «пар», «париться»). Именно с такими словами обращалась ветлужская невеста к бане как носительнице одушевленной сущности, именно с этого места невеста начинала прощаться с родовым гнездом и семейно-родовыми обитателями, в их числе — духовными. В сибирских старожильческих семьях с извещением о подготовленной «бане-Паруше» пела истопница, приглашая невесту и подружек париться [Сибирь и Русский Север, 2014, с. 169]. И это не случайно: старожилы Малышевской и Сузунской горнозаводской волостей Алтайского горного округа (кержаки, сибиряки) по своему происхождению были связаны с Керженским краем в Нижегородской губернии [Там же, с. 106]. Первоочередность этого помещения при исполнении прощальных песнопений, возможно, исходит от тех представлений крестьян, что баня была в хронологическом отношении «старше» помещения для варки пищи (которое впоследствии отделилось и стало жилищем — «избой») [Зеленин, 1991, с. 314].

Список литературы

1. Американская социологическая мысль. — М.: Изд-во Междунар. ун-та Бизнеса и Управления, 1996. — 560 с.
2. Байбурин А.К. Предисловие // Богатырев П.Г. Народная культура славян. — М.: ОГИ, 2007. — С. 7—18.
3. Баня и печь в русской народной традиции. — М.: Интрада, 2004. — 287 с.
4. Богатырев П.Г. Народная культура славян. — М.: ОГИ, 2007. — 368 с.
5. Васёха М.В. Современные общественные московские бани как городской социокультурный феномен // Традиционная культура. — 2015. — № 1. — С. 149—160.

6. Елфимов А.Л. Клиффорд Гирц: интерпретация культур / К. Гирц // Интерпретация культур. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 523—551.
7. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. — М.: Наука, 1991. — 511 с.
8. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные традиции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. — 144 с.
9. Никонова Л.И., Кандрина И.А. Баня в системе жизнеобеспечения народов Поволжья и Приуралья. — Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. — 224 с.
10. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. — Екатеринбург: Урал. отд-ние РАН; Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера»; Ярославль: Яросл. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского; 2013. — 608 с.
11. Сибирь и Русский Север. Проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII — начало XXI века). — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. — 296 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1986. — 576 с.
13. Фурсова Е.Ф. Головные уборы русских крестьянок Южного Алтая во второй половине XIX — начале XX в. // Изв. Сиб. отд-ния Акад. наук СССР. — Сер. История, филология и философия. — 1985. — № 9—2. — С. 57—63.
14. Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. — М.: Астрель, Русские словари, 2001. — 624 с.

Список источников

1. ЦАНО. Ф. 2013. Д. 189. 61 л. Собрание материалов по Горьковской области в 1924—1929 гг. Очерки Д.А. Маркова.

**Сибирь: архитектурная среда обитания в
условиях глобализации и современных
экологических проблем**

**Siberia: Architectural Environment
In the Age of Globalization and Actual
Ecological Problems**

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10046

УДК: 72.01

Г.П. Ведмидь
Историко-культурный НПЦ «Барсова Гора» (г. Сургут)
v-g-p-56@yandex.ru

Этнокультурный подход к формированию архитектурно-пространственной среды (поиск метода творчества)

Аннотация

Процессы глобализации, охватившие все сферы современной цивилизации, существенно нивелируют своеобразие локально-этнических типов культур. Их сохранение и развитие крайне актуально в Западно-Сибирском регионе. Успешное решение данной проблемы в равной степени касается как обско-угорской традиции, так и городской урбанизации. Исходя из этих позиций, поиск этнокультурного подхода к формированию архитектурно-пространственной среды обретает особую важность. Не менее значим и конечный результат образно-эстетических поисков, подразумевающих стилевое единство объектов зодчества, возводимых в пределах обитания этнических сообществ.

В статье дана краткая оценка процессов урбанизации. Кроме того, обозначены вопросы поисков источников идейно-содержательного и предметно-вещественного материала. Творческое осмысление этой первоосновы является прологом становления региональной системы архитектурного языка.

Ключевые слова: Западно-Сибирский регион, обские угры, этнокультурная традиция, техногенная субкультура, этнокультурный подход, архитектурный метод, региональный стиль в архитектуре, городская урбанизация, содержание архитектуры, язык архитектурной формы, архитектурный образ этнокультуры

G.P. Vedmid
*Historical and Cultural Research and Production
Center Barsova Gora (Surgut)*
v-g-p-56@yandex.ru

Ethnocultural Approach to the Forming of Architectural Environment (a Search for the Method of Creativity)

Abstract.

The processes of globalization that have covered all spheres of the world civilization substantially level the basis of local and ethnic cultural types. Their preservation and further development in the Western Siberia is one of the problems to be solved not only in the Ob-Ugrian, but also of urbanized regions. Proceeding from these positions, the search for an ethnocultural approach to the formation of an architectural and spatial environment is of particular importance. No less significant is the final result of figurative and aesthetic searches, implying the stylistic unity of objects of architecture erected within the habitation of ethnic communities.

The article gives a brief assessment of urbanization processes. In addition, the questions of searching for sources of ideological and material subjects are indicated. Creative comprehension of this fundamental principle is the preface to the formation of a regional architectural language.

Key words: West Siberian region, Ob Ugrians, ethnocultural tradition, technogenic subculture, ethnocultural approach, architectural method, regional architectural style, urbanization, architecture content, language of architectural form, architectural image of ethnoculture

В культурогенезе мировых цивилизаций одна из важнейших функций принадлежит сфере архитектурной деятельности, все этапы становления и развития которой характеризует множество различных подходов, стилевых особенностей, творческих парадигм, тенденций и направлений.

Используемый подход обусловлен, как правило, целым комплексом социально значимых проблем в обществе, возникших в тот или иной период его раз-

вития. Исключения не составляет и этнокультурный подход в архитектуре, актуальность применения которого стала особенно острой в нынешней ситуации, создавшейся в эпоху глобализации и господства научно-технического прогресса.

Вся сложность противоречий, назревших в современной действительности, требует детального анализа не только на уровне региональном, в контексте, например, межэтнического и поликультурно-

го пространства Западной Сибири, но также и на локальном, т.е. в пределах исторически обособленной среды обитания определенного этноса.

Западная Сибирь сегодня — это прежде всего тот регион, где в своем «классическом» виде наблюдается стык традиционных локально-этнических культур и современной техногенной цивилизации. Негативный аспект такого взаимодействия отражают три тесно дополняющих друг друга фактора, среди которых:

— производственно-хозяйственный — заключается в активной экспансии новых видов деятельности, в основном направленных на добычу углеводородного сырья;

— миграционный — связан с интенсивным притоком из других регионов населения, занятого в инфраструктуре нефтегазового комплекса;

— полиэтнический — предполагая тесные межнациональные контакты, влечет за собой разного рода инокультурные влияния, привносимые также в контекст архитектурно-пространственной среды. В результате этого традиционная культура подвергается «прогрессивным», но зачастую чуждым ей по духу и характеру влияниям.

Эти факторы в их тесном взаимодействии формируют ту общую социокультурную ситуацию, когда замкнутость и многовековая обособленность этнокультурного пространства сибирских этносов (ненцы, ханты, селькупы, манси и др.) за короткий период сменилась открытостью и общедоступностью. В регионе, как следствие, сформировались две противоположные субкультуры: с одной стороны, это городская урбанизированная среда как вновь возникшее пространство, техногенное по сути своей; а с другой — традиционная этнокультурная сфера, где природно-ландшафтное окружение задает наиболее общий и тот основополагающий контекст, на фоне которого исторически разворачивался культурогенез. Он обусловлен единством соотношения «человек—природа», их органическим взаимодействием и веками сложившимся взаимодополнением.

Крайне противоположный характер двух обозначенных субкультур служит главным источником множества противоречий, сложившихся не только на локальном, но и на региональном уровне. Выделим некоторые из них:

— во-первых, необходимо отметить такой факт, что техногенное городское пространство изначально возникло в регионе и обособлено сформировалось как таковое, на фоне самобытной культурно-исторической традиции;

— во-вторых, невзирая на всю территориально-пространственную близость, городская урбанизация и традиционная этносфера все же противоположны не только по своему мировоззренчески-идеологическому духу, но и контрастны по укладу жизни;

— в-третьих, если к основным локусам урбанизированной инфраструктуры относятся такие образования, как город, вахтовый поселок и промплощадка, которые динамично развиваются по всем параметрам, то стойбище и национальный поселок, как элементы другой структуры, имеют обратную направленную тенденцию, т.е. их этнокультурное пространство постоянно сужается;

— в-четвертых, неоспоримым является и тот

факт, что в контексте двойственной ситуации только стойбище с его природно-ландшафтным окружением и укладом жизни — единственный на сегодня носитель исторически сложившейся самобытной культуры, как ее духовной, так и материальной сферы;

— в-пятых, с позиции этнопсихологии аборигенного населения, а также с учетом их стереотипа мировосприятия, архитектурная среда урбанизированной субкультуры — это «чужое пространство», инокультурное для них средоточие, ядром которого является город.

И, наконец, если в целом техногенная цивилизация образует самый характерный признак современности, коей присущи столь всеобъемлющие черты, как глобализация, геополитичность, экстерриториальность различных видов и форм ее выражения, то исключения не составляют и результаты архитектурной деятельности. Ведь уже так называемый интернациональный стиль, его утилитарно-конструктивный хай-тек, порожденный совершенством технологии строительной индустрии, — одно из наиболее достоверных подтверждений этого.

Таким образом, вся сложность противоречий, наблюдаемых в самых различных сферах и отраслях региона, обусловлена, как правило, общей бикультурной ситуацией. Ее двойственный характер задают техногенная субкультура с одной, и культурно-историческая традиция с другой стороны. На этом фоне особо актуальной стала проблема сохранения самобытности локально-этнических типов культур, что во многом идет вразрез с урбанизированной, геометрически «чистой» монотонностью современной архитектурно-пространственной среды.

Именно в этой связи необходимо использовать принципиально иной, т.е. этнокультурный подход в архитектуре, цель которого заключается в сохранении и приумножении исторически сложившегося своеобразия культур Западно-Сибирского региона.

История градостроительства свидетельствует о том, что господствующий в течение XX в. функциональный, прагма-конструктивный подход наряду с положительным решением ряда актуальных проблем породил и множество крайне негативных последствий культурологического характера. В частности, в противоположность классицизму, как ведущему до этого эстетико-стилевому направлению, в архитектуре была воплощена тенденция рационализма, индустриально-технологическая целесообразность которой рассматривалась в качестве руководящего принципа. Конструктивная «чистота» внешней формы, геометрически-утилитарная монотонность и однообразие городской среды стали не только одним из отрицательных следствий урбанизации, но и превратились в главный признак «современности». К началу XXI в. верховенство парадигмы техногенеза как универсальной идеи и метода формирования «второй природы» приобрело глобальный межконтинентальный характер и в итоге предстало «хай-тек-символом» нынешней цивилизации.

Более того, отрицая классицизм, функциональный подход всячески нивелировал и самобытность автохтонных, исторически сложившихся традиций, которые, подобно цивилизации, также нуждаются в своем новаторском развитии. Именно с этих позиций этнокультурный подход ориентирован на поиск

локально-этнических предпосылок как творческой основы, дающей возможность выделить ряд принципиальных положений, способных раскрыть индивидуальность архитектурной тенденции творчества. В частности, речь идет о формировании архитектурно-пространственной среды обитания аборигенного населения с учетом стереотипа его мировосприятия, этнопсихологии, включая ряд эколого-ландшафтных факторов, в совокупности определяющих специфику региональной культуры.

С этих позиций сфера архитектурной деятельности должна быть рассмотрена в качестве одной из форм развития этнокультурной традиции. Для достижения обозначенной цели необходимы приемы, способы и средства, использование которых напрямую связано с поиском наиболее оптимального метода творчества. Эта задача — одна из центральных в архитектурной деятельности, и успех ее решения во многом обусловлен способностью выражения средствами зодчества специфики конкретно взятой этнокультурной традиции.

Так, например, этносфера обских угров характеризовалась в прошлом как субстанция «пространство—целостное», основу которого предопределяла этнически монокультурная парадигма [Песикова, 2006]. Однако под влиянием внешних воздействий техногенной цивилизации структура «этнического поля» существенным образом трансформировалась. И это осуществилось за счет вновь образованного контекста городской урбанизации. В итоге бикультурная ситуация стала такой реальностью, когда даже на локальном уровне непосредственно «соседей» компоненты двух чуждых друг другу тенденций. Этнокультурный подход в архитектуре должен считаться с подобной двойственной реальностью, ориентируясь в процессе творчества как на обско-угорскую традицию, так и на городскую урбанизированную среду обитания.

При этом постановка вопроса о дальнейшей перспективе развития монокультурной тенденции как на локальном, так и на региональном уровнях, вероятней всего, будет нецелесообразна. Это не исключает, естественно, взаимопроникновения и взаимовлияния двух этих тенденций. Здесь важен поиск принципиально различных методов, адекватно выражающих своеобразие каждой из субкультур — этнической либо техногенной.

Следовательно, главная задача этнокультурного подхода состоит в том, чтобы, используя всю систему образно-архитектурного языка, а также весь комплекс приемов и способов, наиболее полно выразить сущность конкретно взятой локальной традиции. Для этого очертим целостный абрис этнокультурной сферы, избираемой в качестве исходного объекта отражения. Его наиболее общие контуры задают:

— пространство-содержательный субстрат, образующий духовную сферу, понимаемую как то, что нисходит над «этническим полем», свыше, как то, связующей основой чего выступает трансцендентная «идея-душа», одухотворяющая, соответственно, всё и вся;

— пространство-объективирующая парадигма, которая, адекватно трансформируя идейно-духовное начало, воплощает его компонентами материальной культуры. То есть становление предметно-

вещественного мира — это процесс материализации трансцендентной идеи-первопричины, преобразованной и в итоге воплощенной в этнокультурную сферу.

Пространство-содержательный субстрат и пространство-объективирующая парадигма представляют собой параметры, фиксирующие границы этнокультурной сферы. Процесс ее познания предполагает этапы образно-архитектурного осмысления с учетом ряда таких, например, уровней, как иррационально-мыслимый, идеологически-мировоззренческий, кросс-культуральный, эволюционно-исторический (этногенез), эстетико-философский, архитектурно-художественный и др.

Высший уровень этнокультурной сферы составляет «имматериальный мир идей» (по Платону) [Виндельбанд, 1993, с. 85], т.е. абсолютно идеальную сферу познания и наиболее универсальную субстанцию «вечного» и неисчерпаемого источника содержательности. Бесконечность иррационально-мыслимых состояний, порождающих идеи, а также их бестелесность, формируют этот уровень как первопричину, которая, выступая побудительным мотивом, стимулирует процесс становления всего сущего — этнокультурной сферы в том числе. Ее пространство-содержательный субстрат целиком обусловлен этой высшей сферой.

Мировоззренчески-идеологический уровень — одна из целостных форм освоения иррационально-мыслимой сферы идей. Здесь они получают не только конкретно-историческую объективацию, но также и региональную «привязку». «Идея-сущность», например, отражая исконные помыслы человека об истине и смысле бытия, обретает фактически у всех этносов осознание как «идея Бога», олицетворенная впоследствии и персонафицированная посредством самых различных образов-символов.

Система культовых идей, фиксируя мировоззренческий уровень человеческого общества, находит свое отражение во множестве форм религиозно-мифологических и политико-социальных идеологий. «Идея священного пути» выступает, например, связующей основой в египетской мифологии; «идея райского сада» — в исламской религии; «идея небесной иерархии» — в христианстве; «идея поднебесной» — в буддизме; «идея светлого будущего» — в мирозерцании социализма; «идея мировой души» получает антропоморфное воплощение в древнегреческой мифологии и полиизоморфное — в системе мировосприятия обско-угорской традиции.

Таким образом, всеохватывающая и всепронизывающая трансцендентная «идея-первопричина», воедино связывая этнокультурную сферу, определяет специфическую направленность ее внутренней тенденции и, как следствие, обретает индивидуализированное образно-символическое воплощение в пределах того либо иного региона.

Кросс-культуральный (местный или локальный) уровень творческого освоения этнокультурной сферы предполагает раскрытие специфических особенностей как наиболее характерных в ее пространственно-территориальных границах. Главная цель состоит в поиске исходного культурологического материала, его отборе и дальнейшем образно-архитектурном переосмыслении.

Этнокультурная сфера, воплощенная в духовной, материальной и образно-художественной формах, является главным источником как содержательно-смыслового, так и предметно-вещественного материала, столь необходимого в ходе реализации архитектурного процесса творчества.

Во-первых, материальная культура — это образно-визуальный носитель информации, функцию которого выполняет предметно-вещественный мир. Обладая особым семантико-повествовательным строем и как специфически значимый архетип этнокультуры, он реализуется через «язык вещей», познание и переосмысление которого позволит в итоге трансформировать его в систему средств языка архитектурного.

Во-вторых, сфера духовной культуры, ее мифы, сказания и легенды, народные обычаи, приметы и поверья, священнодействия и ритуалы составляют ценный образно-смысловой материал, столь необходимый в процессе поиска идейно-содержательных основ архитектуры.

Из контекста двух обозначенных выше параметров, рассматриваемых в качестве наиболее общих и потенциальных источников, целесообразно выделить такие их системно-вещественные комплексы, как фетишизм, зоо-, флоро-, антропо- и миксантропоморфизм. В совокупности они задают целостный полиизоморфный характер обско-угорской культуры, а также формируют внутреннюю структуру образности как в сфере духовной, так и материальной.

В-третьих, функцию непосредственной «формо-содержательной» взаимосвязи сфер духовной и материальной выполняет культура художественная. Будучи специализированной подсистемой в контексте традиционной культуры, она существенно отличается от урбанизированной цивилизации по ряду качественных характеристик, а именно: мифологически-мировоззренческой обусловленностью традиционного искусства, целостностью (синкретизмом) мировосприятия с присущим ему образно-мифологическим характером мышления, неразрывностью, взаимодополняемостью как образно-художественного творчества, так и процесса осуществления хозяйственной деятельности.

В-четвертых, особо важен этап познания существа трансцендентной «идеи судьбы», согласно которой с незапамятных времен мифологических и ныне, в динамике, запечатлен эволюционный путь народа. Речь идет об этногенезе традиции, взятом в контексте исторической ретроспективы. Он представляет собой тот аспект, который непременно должен быть отображен в архитектурном процессе творчества.

Эстетико-философский уровень осмысления этнокультурной сферы в значительной мере связан с такими категориями, как «художественный образ», «идейное содержание», «художественная форма», «стиль», «метод», «художественный канон», «язык искусства». Вместе с этим необходимо учитывать и ряд более частных понятий: «эстетическое и художественное», «отображение и выражение», «чувственное и эмоциональное», «художественное познание» и т.д.

Кстати, эстетико-философская сторона обско-угорской культуры, по сравнению с материальной

и духовной сферами, требует по многим аспектам более детальных исследований. И тем не менее из множества актуальных вопросов, фиксирующих данный уровень, выделим лишь один, центральный — это проблема художественного образа. Будучи важнейшим способом отображения и выражения в искусстве, он воедино сорганизует всю систему компонентов произведения искусства. К числу таковых относятся идейно-художественное содержание, источником которого является сфера духовной культуры, а также художественная форма. Последняя из них включает систему выразительных средств, непосредственно опирающихся на возможности культуры материальной.

Синтезируя весь комплекс обозначенных уровней, образно-архитектурный уровень, раскрывая существо этнокультурной традиции, призван преобразовать ее идейно-содержательный потенциал и воплотить в единую эстетико-стилевую целостность — региональную систему произведений зодчества. Следовательно, подход или же метод формирования архитектурно-пространственной среды должен быть обусловлен парадигмой культуругенеза. Согласно ей культура — это не застывшая субстанция, не только фиксация, каталогизация и консервация готовых артефактов, включая их музеефикацию, посредством «складирования» в пространстве, замкнутом либо развернутом под открытым небом. Культура — это прежде всего процесс, порождающий социально значимые объекты (феномены). Одним из путей их воплощения является сфера архитектурной деятельности. Будучи непосредственно включенным в единый эволюционный ход развития традиции, т.е. в культуругенез, зодчество предполагает следующий ряд этапов становления: а) объект отражения (этнокультурная сфера), б) процесс преобразования (творческий метод мышления), в) конечный результат (архитектурный объект или их система), г) потребление (как непосредственно утилитарное, так и чувственно-эмоциональное восприятие, т.е. эстетическая оценка архитектурного окружения).

Итак, главным объектом отражения в его целостно мыслимой форме, определяющим направленность, характер и метод архитектурного творчества, избирается этнокультурная сфера как то самостоятельное единство, где представлено существо локальной традиции. Его познание связано с раскрытием соотношения таких понятий, как «этнос—миф—природа», согласно которым реальность осмыслена человеком и представлена в сознании посредством системы легенд и мифов. В совокупности они формируют целостное миропредставление — картину мира, где каждый из ее компонентов пронизан идеей божественного начала, творящего Вселенную. Она многомерна как в пространстве безбрежного космоса, так и в сферах ментальных. Олицетворенные фантазией стихии природы — огонь, вода, воздух, земная твердь — уподоблены образу человеческой сущности и воплощены в сакральных символах-атрибутах духов, в образах-персонажах различных божеств. В их честь совершаются священнодействия и ритуалы, им посвящены подвиги героев, наделенных сверхъестественными качествами. Все они, включая мир живых существ и растений, а также мир созданных предметов и вещей, обладают животворя-

щим началом-душой (анимистичны), объединены и взаимообусловлены (синкретичны) и, как элементы мировоззрения, создают обобщенный религиозно-мифологический образ Вселенной. Будучи соотношенным с миром реальным, он эмоционально воздействует на процесс жизнедеятельности человека, его мораль, этику поведения, этнопсихологию.

Таковы наиболее общие штрихи к мифологической картине мира, для раскрытия смысла которой некоторые из наук (этнология, культурология) используют множество понятий и категорий. Фиксируя с их помощью основные идеи, сюжеты, темы, сказания и ритуальные действия, мы получаем исходный образно-смысловой материал, используя затем его в качестве содержательной основы зодчества. Сразу же заметим, что сфера духовной культуры воплощается компонентами архитектурной формы не в буквальном, этнографически достоверном, «прямом» виде. Первоначально она творчески преобразуется и лишь впоследствии, знаменуя собой начальный этап познания, становится идейно-художественным содержанием. Его специфичность заключена в раскрытии цепочки соотношений: «идея—действие—пространство» как средоточия или ядра, образа-замысла, изнутри которого произрастает древо архитектурной формы.

Этап преобразования содержания в архитектурно-художественный язык связан не только с поиском идей в пространстве чистой мысли, но и с творческим актом перехода, трансформацией идей, мыслимых в сфере мифологического сознания, в мир бытия предметов и вещей. Будучи облаченной материальной плотью предмета, идея в итоге становится наглядной, визуально воспринимаемой, предметно обусловленной. Совокупно с исходным атрибутивно-вещественным материалом она выступает первичной содержательно-смысловой предпосылкой средств архитектурной выразительности. Двойственный процесс их становления характеризует обоюдно направленный способ мышления. С одной стороны, он ориентирован на предметную обусловленность идей, а с другой — на смысловую наполненность предметов. Подобная взаимодополняемость и взаимообусловленность — главное из условий, согласно которому «предмет со смыслом» обретает специфически иную ипостась. Он исполняет роль материального носителя информации. Процесс образно-художественного переосмысления сопряжен с оценкой множества его ситуаций-перевоплощений. Связано это с тем, что первоначально бытовая функция предмета как орудия утилитарно-практического назначения может существенно видоизменяться. Если в реальности он используется согласно своему прямому функциональному назначению, то, будучи освоенным в контексте мировоззрения, вещь обретает качество знака, символа либо олицетворения и становится предметом мифологическим. Последний же, являясь эстетически осмысленным в сфере искусства, выступает предметом художественным, точнее, визуальным средством замещения, т.е. предметом-изображением. Используя его в качестве атрибутивного, художественно-смыслового дополнения к архитектурной форме, мы существенно можем усилить ее содержательный потенциал. Следовательно, атрибуты-дополнения делают форму идейно более емкой,

информативно насыщенной и, реализуя свою семантико-эстетическую функцию, окончательно предстают в ипостаси средств архитектурного выражения — важнейшей основы образно-художественного языка.

Метод преобразования исходного предметно-вещественного материала, способы включения образов-персонажей антропо-, зоо-, флоро- и полизооморфного характера в архитектурные средства выражения обусловлены творческим актом отбора, художественным осмыслением, а также их адаптацией к специфике искусства зодчества. В этой связи сами по себе элементы «языка вещей» как носители информации материальной культуры не сразу прямолинейно становятся архитектурными средствами выражения смысловых значений, а посредством ряда образно-художественных трансформаций. Важно лишь подчеркнуть, что процесс их преобразования — это не произвольный, творчески свободный либо необузданный полет фантазии, а целенаправленный, идеологически ориентированный ход авторской мысли, проистекающий в рамках заданной картины мира.

Созданный архитектурный объект — конечный результат творчества. Данный этап объективации содержания, воплощенного материальной формой архитектуры, предполагает, что в итоге она представлена не только единичным произведением, но и системой архитектурно-пространственной среды, способной концептуально, образно-стилистически охватить весь ареал обитания этноса. К числу параметров, направляющих процесс становления зодчества, относятся содержание и форма, включая средство выражения их взаимосвязи — архитектурно-художественный язык. Проблема триединства обозначенных параметров — важнейшая из задач, решение которой — залог достижения поставленной цели: создания обобщенного архитектурного образа локально-этнической культуры. Подобная взаимосвязь должна быть подготовлена уже на стадии образа-замысла. Организацию смыслового ядра в нем призваны обеспечить «идея—действие—пространство», а конструктивный замысел, соответственно, материальная оболочка архитектурной формы. Логика взаимосвязи элементов образа-замысла сводится примерно к тому, что идея, стимулируя действие, разворачивает его в пространстве; действие в процессе реализации идеи формирует пространство; пространство, освоенное действием, объективирует идею. В совокупности они организуют исходный смысловой материал, используемый в ходе становления художественного содержания, определяют его главную идею, тему, сюжет, образы-персонажи, образы-представления, первичные образно-смысловые значения.

Объективация содержания в предметно-визуальную плоскость архитектурной формы должна быть реализована посредством образно-художественного языка. Согласно образу-замыслу, его можно подразделить как минимум на две системы:

— первая система элементов направлена на раскрытие содержательной стороны архитектуры с использованием для этих целей средств выражения идей, извлеченных из контекста этнокультурной сферы, средств выражения действий, организующих функциональные процессы жизнедеятельности, а

также средств выражения пространства, первообраз которого составляет мифологически освоенная идея пространства;

— вторая система включает элементы раскрытия материальной основы зодчества, в состав которой отнесены средства выражения рационального, конструктивно-технического начала архитектурной формы, подразумевая эстетико-тектонический аспект ее осмысления.

В соответствии с этим и способ перехода компонентов содержания в компоненты архитектурной формы предполагает двойственный характер образного мышления. С одной стороны, он ориентирован изнутри наружу, объективируя идейно-смысловую наполненность формы, а с другой — извне внутрь, реализуя конструктивно-тектоническое оформление содержания. Созданная в итоге архитектурно-пространственная среда суть не только носитель материальной, но и сфера духовной культуры, целостно воплотившей обско-угорскую картину мира. Ее

проекция в пространственный континуум региона должна определить методологию этнокультурного подхода к формированию архитектурной среды, воплощенной как в этнокультурной традиции, так и в урбанизированном городском пространстве.

Список литературы

1. Виндельбанд В. Платон. — Киев: Зовнішторгвидав України, 1993. — 176 с.
2. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. — М.: ДИДИК, 1994. — 542 с.
3. Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. — 96 с.
4. Тюхтин В.С., Ларкин Ю.Ф. Содержание и форма в искусстве. — М.: Знание, 1984. — 64 с.
5. Шацкий Е. Утопия и традиция. — М.: Прогресс, 1990. — 456 с.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10047
УДК: [72+316.7]

А.П. Иванова
Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
iva.nova@mail.ru

Народная дальневосточная архитектура: наши субурбии

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00537

Аннотация

В статье рассказывается о ходе реализации проекта, посвященного исследованию малоизученного сегмента дальневосточных поселений, так называемой народной (спонтанной, стихийной, вернакулярной) архитектуре. Предмет исследования — застройка субурбий, окраин и других территорий, лежащих вне городского центра и типовых панельных жилмассивов, а также все формы проявления вернакулярного дизайна. На основе собранного в экспедициях полевого материала будет создан каталог дальневосточной «народной» архитектуры. Участники проекта намерены сформулировать концепцию универсального дальневосточного стиля, базирующегося на традициях исторической застройки Приморья и Приамурья. Основой дальневосточного стиля должна стать «гарнизонная» краснокирпичная архитектура начала XX в. Актуальность проекта обоснована необходимостью создания убедительного культурного кода, понятного как коренным дальневосточникам, так и новым переселенцам.

Ключевые слова: вернакулярная архитектура, субурбии, окраины, краснокирпичная архитектура, архитектура фронта, дальневосточный стиль

A.P. Ivanova
Pacific National University (Khabarovsk)
iva.nova@mail.ru

Far Eastern Vernacular Architecture: the Suburbs

Abstract

The article deals with the study of a poorly explored segment of the Far Eastern settlements, the so-called «folk» (spontaneous, random, vernacular) architecture. The subject of the study is the construction of suburbs, outskirts and other territories lying outside the city center and typical panel housing areas, as well as all vernacular design forms. Based on the field data collected in expeditions, the catalog of the Far Eastern «folk» architecture will be created. The participants of the project intend to formulate the concept of a universal «Far Eastern style» based on the traditions of the historical housing development of Primorye and the Amur River Region. The basis of the «Far Eastern» style should be the «garrison» red brick architecture of the early 20th century. The significance of the project is justified by the need to create a convincing «cultural patterns», understandable both to native inhabitants of Far East, and to new immigrants.

Key words: vernacular architecture, suburbs, red brick architecture, frontier architecture, Far Eastern style

С 2010-х гг. и до сегодняшнего дня в фокусе внимания архитектурного сообщества находятся публичные пространства. С началом федеральной программы «Комфортная городская среда» (2017 г.) благоустройство всевозможных public space объявлено государственной задачей. В Хабаровске и Владивостоке, так же как в Москве или Новосибирске, администрация, профессиональные комьюнити, городские активисты бесконечно обсуждают реконструкции набережных, площадей и парков, проблемы пешеходных пространств и благоустройство дворовых территорий. Порой кажется, что реализация программы нового урбанизма на постсоветском пространстве — основной сюжет современной жизни. Однако есть колоссальный сегмент городского

ландшафта, совершенно не затронутый передовыми идеями friendly city, а наоборот — неуклонно и настойчиво сползающий в архаику, в жестко охраняемую непроницаемую приватность. Речь идет о так называемых субурбиях. Подобные формы расселения также называют «пригород», «предместье», «слобода», «периферия», «окраины». Ссылаясь на французского географа Андре Алликса, московский географ Ф.А. Попов упоминает термин «умланд», переводимый с немецкого языка как «окрестность» [Попов, 2018]. В заголовке статьи используется рабочее определение «народная архитектура»: эта условная категория объединяет постройки, возведенные без помощи/надзора государства и крупного бизнеса. По мнению А. Павлова, эксперта Фонда

поддержки социальных исследований «Хамовники», «водораздел между двумя реальностями чаще всего проходит по линии третьего этажа: все, что выше, — предмет заботы государства; все, что ниже, — территория свободы» [Павлов, 2018]. Однако мы включаем в понятие народной архитектуры постройки до пяти-шести этажей, появившиеся в Хабаровске в 2017—2018 гг. и мимикрирующие под «старинный стиль».

Территории, сплошь покрытые высокоплотной малоэтажной частной застройкой, нечасто привлекают внимание историков архитектуры. Меж тем социологи, городские антропологи и особенно городские географы давно активно и успешно исследуют частную жизнь горожан, ускользающую от внимания государства. Анализ состояния проблемы изучения постсоветских субурбий на 2016 г. приводится в статье К.В. Григоричева [2016, с. 7—8], где отмечается «показательное отсутствие устоявшегося названия (и самоназвания) жителей российских пригородов. И в российских медиа, и в академических текстах невозможно найти определения жителей таких поселений, близкого к англоязычному *suburbanites*, *suburban settlers* (буквально — «пригорожане»), цит. по: [Григоричев, 2016, с. 8]. На наш взгляд, образцовыми являются работы Фонда «Хамовники», именно их метод сплошного пешего обхода изучаемых территорий использовался при работе над статьей.

Полевые исследования: методика и риски. Предварительно выявив по гугл-картам основные скопления частного сектора и коттеджных поселков в Хабаровске, Владивостоке и других населенных пунктах, участники проекта провели полевые исследования в намеченных районах. Сначала предполагалось осуществлять ковровую фотофиксацию с помощью дрона, но аэросъемка потребовала таких сложных согласований, что на первом этапе работы было решено ограничиться велосипедами и пешим обходом. Надо отметить, что изучение «умланда» связано с определенными рисками. Фотофиксацию значительно осложняют многометровые глухие заборы из кирпича и профнастила, а также сторожевые собаки буквально в каждом дворе. Мы хотим предостеречь коллег, которых заинтересует эта тема: жители предместий крайне настороженно относятся к незнакомцам, фотографирующим их жилье, выражают сомнения в целесообразности подобных действий и склонны спускаться с цепей сторожевых псов, поэтому советуем иметь объяснительный документ с гербовой печатью. Но основной проблемой изучения малоэтажного частного сектора является короткий период, приемлемый для фотофиксации: осенью полевой сезон осложнен постоянным смогом и гарью (сезонные пожары — важнейший фактор депопуляции Хабаровского края, Приморья и Приамурья), с ноября до конца марта на Дальнем Востоке очень холодно (в Приморье — шквальные ветра), а уже в середине мая густая листва полностью скрывает невысокие постройки. Основной полевой сезон — апрель.

Весной 2018 г. участники проекта обследовали частный сектор Благовещенска, Свободного и Шимановского (Амурская обл.), северо-восточные и южные субурбии Хабаровска и поселки в окрестностях краевого центра — Хор, Вяземский, Тополево; при-

городы Владивостока (от «Чайки» до «Океанской»), пос. Раздольное и Кипарисовое (Приморский край); волонтеры сделали фотофиксацию пос. Ванино (побережье Татарского пролива) и г. Дальнереченска и Находки (Приморский край).

Кроме полевых исследований, были изучены основные базы недвижимости, популярные на Дальнем Востоке (*farpost.ru*; ЦИАН, Avito). В объявлениях о продаже коттеджей, помимо фотографий объектов, можно найти даты и планы построек, их технические характеристики, упоминания конструкций, материалов, технологий строительства, а также развернутые описания «интерьеров» и «ландшафтного дизайна». Отметим, что наиболее весомыми аргументами в объявлениях о продаже частного дома является утверждение «строили для себя» (гораздо реже встречаются примечания — цитируем дословно — «строили по прозекту дизайнеров»).

В ходе подготовительного этапа был собран огромный фактологический материал, требующий осмысления, структурирования и анализа. Поэтому предлагаемый вашему вниманию текст, написанный по «горячим следам» полевых сезонов 2017—2018 гг., по жанру ближе не к научной статье, а к свободному эссе, суммирующему предварительные соображения. Попытки типологии дальневосточного вернакуляра предпринимались нами ранее [Иванова, 2017], в этой статье подробнее остановимся на хабаровских субурбиях.

Краткий очерк народной архитектуры Хабаровска: история и география. История постсоветской народной архитектуры насчитывает 30 лет (1988—2018 гг.), срок достаточный для того, чтобы говорить о сформировавшемся объекте исследования. Застройка субурбий на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, имеет сегодня две основные формы: ИЖС (индивидуальное жилищное строительство) и коттеджные поселки. Поселки строятся, как правило, по готовому проекту, предполагающему единое архитектурное решение. Стилистика коттеджных поселков в большей мере отражает эстетические установки архитектора и девелопера, чем представления о родовом гнезде рядового представителя хабаровского среднего слоя. Особняки/усадьбы/коттеджи, самостоятельно возводимые дальневосточниками, напротив — материализуют глубинные архетипы, иллюстрируют «большие нарративы». Как было отмечено выше, методология исследования базируется на сплошном пешем обходе и фотофиксации предместий; закрытые виллы премиум-класса остались за рамками проекта, так как их трудно назвать «народными».

Основной целью проекта является конструирование дальневосточного стиля на базе вернакулярной застройки. Поэтому особое внимание уделяется выявлению рецепций краснокирпичного стиля, который считается важнейшей частью регионального культурного кода.

Условная периодизация народной дальневосточной архитектуры совпадает с регулярно повторяющимися экономическими кризисами. Можно выделить 4 этапа: ранний (1988—1998 гг.), «буржуазный» (2000—2008 гг.), небывалый рост благосостояния, связанный с высокими ценами на энергоносители (2008—2014 гг.) и текущий посткризисный

период (2014—2018 гг.).

В первое постсоветское десятилетие Дальний Восток был наводнен китайскими строительными бригадами. Наличие дешевой рабочей силы спровоцировало первую волну строительного бума. С уходом китайских гастарбайтеров рост субурбий замедлился. Постепенно менялись основные заказчики частного жилья. В начале перестройки это были так называемые кооператоры, хозяева «серого» бизнеса. Главными заказчиками дальневосточного вернакуляра на ранних этапах выступали легендарные пассионарии 1990-х, предпочитавшие романтическую «средневековую» архитектуру. С 2000-х гг. в Хабаровске заказчиками коттеджей все чаще становятся представители силовых ведомств и национальных диаспор (в этом предположении мы опираемся на непосредственные наблюдения, а не статистические данные). Подъем экономики в 2010-х гг. закономерно сопровождался массовым строительством загородных домов, появлением коттеджных поселков и первых таунхаусов. Довольно часто особняки, заложенные на пике экономического подъема, оказывались законсервированными на несколько лет, а то и десятилетий. Многие дома строились годами, по мере пополнения семейных бюджетов (о времени начала строительства свидетельствуют даты, выложенные контрастной кладкой на фронтонах). Поэтому не приходится говорить о каких-то стилевых отличиях, характеризующих выделенные этапы, наоборот — удивляет принципиальная консервативность хабаровчан, вновь и вновь обращающихся к приемам «гарнизонной архитектуры» и упорно предпочитающие таунхаусам симбиоз форта и усадьбы.

Новый строительный бум начался в 2016—2018 гг. Возможно, это связано с миграционной государственной политикой и появлением в Хабаровске значительного количества переселенцев из бывших советских республик. Дешевый труд среднеазиатских строительных бригад является, на наш взгляд, основой ренессанса краснокирпичной архитектуры Хабаровска. Особенность текущего периода — появление так называемых клубных домов и массовое использование в коммерческой застройке приемов исторической кирпичной архитектуры. Это сказалось на общем колорите архитектурного ландшафта Хабаровска: на традиционно-сером фоне все заметнее выкрапления терракотового цвета.

Характерной чертой Хабаровска является крайняя рыхлость городской ткани — рабочие поселки 1950-х гг., фрагменты массовой застройки 1960—1970-х гг., позднесоветские микрорайоны и высотные новостройки 2010-х гг. чередуются с огромными массивами частного сектора, сохранившегося с довоенной поры. Если во Владивостоке окраины четко локализованы и «дачный пояс» начинается прямо за въездным знаком в город, в Хабаровске предместья вклиниваются в городскую структуру, подступая к центру. Причем это не единичные объекты или фрагменты барачной застройки, но огромные территории, сплошь покрытые усадебной застройкой. С точки зрения анализа вернакуляра наиболее интересен именно этот тип смешанной среды, где рядом с ветхим, частично сожженным, пришедшим в крайнюю степень запустения и одичания деревянным частным сектором, высятся двух-, трех-, а порой

и четырехэтажные кирпичные особняки, огороженные глухими заборами. Особенно эта чересполосица характерна для района акватории (ул. Камчатская, ул. Читинская, ул. Уборевича), плотно застроенного деревянными избушками, чередующимися с феодальными усадьбами за кирпичными трехметровыми оградами, блокирующими виды на р. Амур. Именно «у высоких берегов Амура» в районе железнодорожного моста, откуда открывались грандиозные панорамы на хребет Хехцир и знаменитые амурские закаты, начинается история постсоветской краснокирпичной архитектуры Хабаровска. В водоохранной зоне, среди санаторных парков, еще в ранние 90-е прошлого века стали появляться первые частные замки и виллы, до сих пор поражающие размахом (ул. Штормовая и ул. Щорса). Однако, несмотря на то что Хабаровск, являющийся типичным ленточным городом, вытянут вдоль Амура на 50 (с дальними пригородами — на 70) км, свободных выходов к реке крайне мало, береговая линия все еще практически сплошь занята промзонами. Поэтому вернакуляр стал развиваться вдоль основного транспортного каркаса города (Воронежское и Восточное шоссе, Тихоокеанская и Краснореченские улицы, проспект 60-летия Октября).

Массовые дачные пояса Хабаровска локализованы на самых дальних перифериях: на севере — в лесопарковой зоне «Воронеж», на юге — на сопках и отрогах Хехцирского хребта. С запада Хабаровск ограничен Амуром, но субурбии выплескиваются и на левый берег, постепенно вытягиваясь вдоль федеральной трассы, ведущей в ЕАО, к Биробиджану. Авторы статьи пока не могут назвать точную площадь, занятую частными сектором, но при визуальном анализе складывается впечатление, что три четверти Хабаровска затянута вернакуляром.

Драйвером превращения сплошь деревянного частного сектора в кирпичные усадьбы стали так называемые цыганские слободки (ул. Шелеста), где в начале 2000-х гг. стали появляться «роскошные» по местным меркам особняки (которые продаются сегодня, судя по объявлениям на farpost.ru, по стоимости от 12 до 20 млн рублей). Типичная хабаровская усадьба и сегодня, как правило, развивается из старого одноэтажного строения, которое сначала зашивается сайдингом, а затем постепенно трансформируется в двух-трехэтажный особняк из пеноблоков, облицованных декоративным кирпичом. Иногда старый деревянный дом сохраняется на участке, и вплотную к нему возводится новенький коттедж. Странно, что при всей любви хабаровчан к режиму *privacy*, практически нет усадеб атриумного типа с внутренним двориком, окруженным по периметру строениями. Даже многочисленные выходцы из Средней Азии, выкупающие пепелища сгоревших изб, возводят на их месте не традиционный тип ковровой застройки, а все те же «форты» — компактные кирпичные здания на пригорке, контролирующие пустынный участок.

Дальневосточный стиль. В качестве гипотезы выдвинем предположение о том, что стилеобразующей базой для народной архитектуры дальневосточных пригородов конца XX — начала XXI в. является краснокирпичная «архитектура фронта» (ил. 1, 2). В эту условную категорию предлагается объединить

военные городки конца XIX — начала XX в., сохранившиеся в большинстве населенных пунктов Приморья и Приамурья, а также близкую по стилистике, но уступающую в количественном отношении «железнодорожную архитектуру», появившуюся вдоль Амурской ж/д (1907—1916 гг.).

«Красные казармы», которые дальневосточники считают уникальной и ключевой особенностью регионального архитектурного ландшафта, сохранились во многих русских городах от Санкт-Петербурга до Иркутска. Строительство военных городков вдоль Транссиба было связано с необходимостью переброски войск сначала на восточные рубежи империи во время Русско-японской войны, а затем, в 1914—1916 гг., наоборот — на запад. Проблемы с размещением контингента на восточных территориях упоминаются в мемуарах военного министра Российской империи А.Ф. Редигера (1905—1909 гг.): «войска располагались в бараках, построенных для лазаретов, а во Владивостоке — в блиндажах, построенных во время войны; но эти помещения вовсе не отвечали климатическим условиям, блиндажи были сыры и антисанитарны и, при всем том, помещений не хватало» [Редигер, 1999]. Сетуня на недобросовестность местного командования («на Востоке идут гомерические рассказы про воровство некоторых военных инженеров, а войска расквартированы ужасно» [Там же]), Редигер пишет, что был вынужден обратиться к помощи отлично зарекомендовавшей себя ранее «Казарменной комиссии» и противопоставляет ее безупречную работу полной анархии и коррупции, царившей в восточных округах благодаря Инженерному ведомству. Многочисленные краснокирпичные казармы, здания штабов, офицерские флигеля и пр., построенные на высоком профессиональном уровне, являлись основным источником подражания для гражданской застройки.

Надо заметить, что рецепции «гарнизонной архитектуры» начала XX в. были широко распространены по всей Юго-Восточной Азии. В качестве примера приведем краснокирпичные трехэтажные склады, построенные в 1911—1913 гг. в Иокогаме. Этот японский порт в 1859 г. был открыт для европейцев (во Владивостоке режим порто-франко был объявлен в 1862 г.), и портовые склады, практически неотличимые от типичных британских казарм (так называемые Victoria Barracks), стали символом стремительной вестернизации. В архитектуре складов использованы характерные приемы викторианских барачков: двухъярусные галереи на всю длину горизонтально-вытянутого фасада, треугольные фронтоны с пинаклями и брандмауэры со шипцами. Похожие готицизмы широко представлены в приморской и хабаровской гарнизонной архитектуре.

Говоря о генезисе «дальневосточной готики», можно упомянуть «лютеранский след», связанный с деятельностью общества Красного Креста в годы Русско-японской войны. Постройки Общества Красного Креста традиционно декорировались в неоготике (типичный пример: госпиталь Общества касперовских сестер милосердия Красного Креста в Одессе, угол Итальянского бульвара и Мариинской ул., 1891—1893 гг., арх. — А. Бернардацци). Лазареты, госпитали и станции переливания крови, ставшие частью гарнизонной архитектуры, строились под

эгидой Красного Креста в Приамурском крае, в Приморье, в городах и поселках вдоль КВЖД. Несколько подобных построек сохранились в Хабаровске. Это одно-, двухэтажные краснокирпичные здания, где комнаты высотой до 4,5 м отапливались каминами по голландской системе (одно энергетическое ядро на 4 смежные блока). По-прежнему используется по назначению одноэтажная станция переливания крови (Хабаровск, ул. Волочаевская, 46) с коридорами туннельного типа и большими подвалами (до 6 м высоты), где находились ледники-охладители. На ул. Ленинградской расположено двухэтажное здание бывшего общежития служащих Красного Креста; несколько кирпичных объектов с ярко-выраженными готицизмами сохранились на Комсомольской улице.

В заключение сформулируем несколько тезисов, требующих более серьезного подтверждения. Основными типами застройки колонизируемых территорий традиционно являлись форты (гарнизоны) и фактории; форты символизировали государственную идею, фактории — частную инициативу. Хабаровский архитектурный код базируется на краснокирпичной гарнизонной архитектуре; эстетика фронта оформляет идею нерушимости территориальной целостности и служению государству. Хабаровские вернакулярные постройки — типичные форты: они имеют лаконичную объемно-пространственную композицию (куб, параллелепипед), перекрыты двух- или четырехскатными кровлями и декорированы традиционным кирпичным декором (карнизы из сухариков, накладные геометрические элементы, квадратные ниши). Основную выразительность краснокирпичным хабаровским фортам придает треугольные фронтоны (реже встречаются вимперги) и высокие печные трубы (ил. 3, 4). Часто используются вставки серого цвета, имитирующие историческую кладку из «дикого» камня.

Более раскрепощенный архитектурный код Владивостока основан на культурном наследии эпохи порто-франко, когда германские, французские, голландские и американские предприниматели основывали там свои фактории. В отличие от краснокирпичных хабаровских субурбий, новая малоэтажная застройка владивостокских пригородов визуально воспринимается как светлая (белая, бежевая, светло-серая с красными деталями). Для приморского вернакуляра характерны асимметричная композиция, большие и разнообразные по форме проемы, многочисленные башенки, террасы, веранды, балкончики, а также обязательные мансарды. (Отметим, что в Хабаровске мансарды встречаются значительно реже). Можно предположить, что на каком-то глубинном, не очевидном с первого взгляда уровне приморский вернакуляр восходит к восточному модерну первой четверти XX в. Образцовые примеры регионального Jugendstil были построены немецким архитектором Г.Р. Юнгхенделем (1874—1949 гг.) в Уссурийске-Никольском, Спасске-Дальнем и, конечно, во Владивостоке. Прямых архитектурных цитат и буквального воспроизведения этих изощренных построек мы не нашли (что, возможно, объясняется невысоким уровнем строительных бригад, не умеющих выполнять сложные ордерные элементы и лепной декор), но, безусловно, владивостокские коттеджи по своему характеру ближе к европейским виллам,

чем к казармам (ил. 5). Трудно научно обосновать ощущение того, что светлая «народная» архитектура Владивостока транслирует идею частной жизни и частной инициативы, характерные для европейской цивилизации, в то время, как краснокирпичный хабаровский вернакуляр оформляет государственную идею.

Список литературы

1. Григоричев К.В. Многообразие пригорода: субурбанизация в сибирском регионе (случай Иркутска) // Городские исследования и практики. — 2016. — Т. 1. — № 2. — С. 7—23.
2. Иванова А.П. Архитектура предместий // Вестн. Тихоокеан. гос. ун-та. — 2017. — № 2 (45). — С. 99—108.
3. Павлов А. Двухэтажная Россия: все, что практики самостроя рассказывают нам о россиянах. Дом. Частное жилье и частная жизнь в современной России // InLiberty — 06.04.2018 [Электронный ресурс]. — URL: inliberty.ru/article/dom-navalny/ (дата обращения: 02.05.2018).
4. Попов Ф.А. Размышления о целях и методах изучения зон ментального влияния городов // Городские исследования и практики. — 2018. — № 1. — С. 13—32 [Электронный ресурс]. — URL: usp.hse.ru/data/2018/01/10/1160565189/13-32_Popov.pdf (дата обращения: 02.05.2018).
5. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 2. — М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999. — 528 с. [Электронный ресурс]. — URL: militera.lib.ru/memo/russian/rediger/index.html (дата обращения: 02.05.2018).

Ил. 1. Красные казармы начала XX в., до сих пор сохранившие жилую функцию: Владивосток, Камский переулок. Снимок автора

Ил. 2. Красные казармы начала XX в., до сих пор сохранившие жилую функцию: Батареинный переулок. Снимок автора

Ил. 3. Дальневосточная «народная» архитектура: Хабаровск, субурбия в границах Воронежское шоссе — ул. Большая. Новостройки 2017—2018 гг. Снимок автора

Ил. 4. Дальневосточная «народная» архитектура: Хабаровск, субурбия в границах Воронежское шоссе — ул. Большая. Новостройки 2017—2018 гг. Снимок автора

Ил. 5. Дальневосточная «народная» архитектура: Владивосток, р-н Чайка. Наглухо огороженные виллы можно рассмотреть только со стороны Амурского залива. Снимок автора

Г.В. Любимова
Институт археологии и этнографии
СО РАН (Новосибирск)
terra-gl@mail.ru

Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX — начала XX века

Аннотация

На основе такого источника, как крестьянская мемуарная литература, с привлечением массовых документов периода Столыпинской аграрной реформы в статье рассматриваются способы экологической и социокультурной адаптации русских старожилов и переселенцев к степным, лесостепным и притаежным районам Томской губернии в конце XIX — начале XX в. Особое внимание уделяется вопросам, касающимся образа сибирского региона в сознании аграрных мигрантов и принципов организации переселенцами нового жизненного пространства, связанных с традиционными крестьянскими представлениями об оптимальных условиях для занятий хлебопашеством. Показан обусловленный натуральным характером хозяйства экологический прагматизм сибирских крестьян, распространявшийся на все виды природных ресурсов и компоненты природного ландшафта.

Ключевые слова: аграрные переселенцы, экологическая адаптация, организация жизненного пространства, природные ландшафты Сибири

G.V. Lyubimova
Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)
terra-gl@mail.ru

Siberian Russians: Problems of Ecological Adaptation of Agrarian Settlers in the Late 19th — Early 20th centuries

Abstract

The article deals with the ways of ecological and socio-cultural adaptation of Russian old-timers and newly settlers to the steppe, forest-steppe and taiga regions of Tomsk province at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. The research is based on peasant memoir literature and a great number of documents of the Stolypin Agrarian Reform period. A special attention is paid to issues relating to the image of the Siberian region in the minds of agrarian migrants. The principles of organization of living space and traditional peasant ideas about the optimal conditions for farming are presented in this article as well. The environmental pragmatism of the Siberian peasants, determined by the natural character of peasant farming is also revealed here. This pragmatism spread over all kinds of natural resources and components of the natural landscape.

Key words: agrarian settlers, ecological adaptation, organization of living space, natural landscapes of Siberia

Разработка долгосрочных программ развития сибирского региона предполагает поиск новых подходов к проблеме рационального освоения природных ресурсов и целенаправленного формирования окружающей среды. Одним из наиболее эффективных инструментов организации не только городского, но и сельского пространства в настоящее время является ландшафтное планирование. К важнейшим предпосылкам такого планирования, включающего прогнозирование экологически обоснованного социально-экономического развития сельских территорий, относится изучение исторического опыта видоизменения и преобразования антропогенных ландшафтов, в том числе принципов организации

жизненного пространства и способов адаптации местных локальных сообществ к социоприродному окружению.

Ценным источником для изучения очерченной проблематики как составной части экологической истории и культурного ландшафтоведения Сибири могут служить документы, созданные в ходе реализации Столыпинской аграрной реформы. Землеустроительные отчеты периода массовых аграрных миграций, как было недавно показано, позволяют в деталях восстановить механизмы освоения и обживания степных и лесостепных ландшафтов крестьянскими сообществами сибиряков-старожилов и российских переселенцев в конце XIX — начале XX в.

[Любимова, 2017, с. 26—33].

Вместе с тем, наряду с массовыми источниками, какими являются отчеты землеустроительных партий, в качестве информационного ресурса для раскрытия заявленной темы целесообразно также привлекать источники личного происхождения — эго-документы², а именно: автобиографии, дневники, письма, записные книжки и прочие свидетельства исторических событий, в которых довелось лично участвовать авторам [Петрова, 2014, с. 39—49]. Подобные документы содержат уникальную информацию о повседневной жизни рядового участника исторического процесса, человека «толпы», сближаясь в этом отношении с источниками и методами «устной истории», а также произведениями «наивной литературы», авторами которых, как правило, становились люди «неписьменной культуры» — те, кого долгое время называли «безмолвствующим большинством» [Минаева, 2003, с. 68—74].

К документам личного происхождения, обладающим характерными признаками «наивной литературы», относятся произведения крестьянской мемуарной литературы. Относительная новизна и немногочисленность таких произведений, как отмечалось ранее, обусловлены низким уровнем грамотности и особенностями демографического развития российского крестьянства [Любимова, 2014, с. 293—308].

Яркий образец крестьянской мемуаристики, раскрывающий проблемы экологической и социокультурной адаптации сибирских аграрных переселенцев начала прошлого века, представлен рукописным сочинением Сергея Ивановича Курина, хранящимся в Колыванском районном краеведческом музее Новосибирской области³ [Воспоминания...].

В воспоминаниях С.И. Курина изложена типичная история сибирского переселенческого села, основанного в конце XIX в. выходцами из центральных и северных губерний России (Казанской, Рязанской, Тамбовской, Вятской, Вологодской, Симбирской и др.) в б. Колыванском уезде Томской губернии на расчищенном от леса участке «лиственной тайги». Автор подробно описывает обстоятельства возникновения Сидоровки, расположенной «в 25 верстах от города Колывани, бывшего Чаусского острога», а также развитие населенного пункта вплоть до образования колхозов. В рамках заявленной проблематики значительный интерес представляют затронутые в описании темы, касающиеся образа сибирского региона в сознании аграрных мигрантов, а также выбора места для постройки жилья и планировки поселения. Подобного рода вопросы носят мировоззренческий характер, отражая понимание народом устройства миропорядка и своего места в нем [Майничева, 2002, с. 60].

«Сильно боялись расейские Сибири», — конста-

тирует автор, ссылаясь на распространенные представления жителей европейской России о гибели человека «или звери съедят или (он сам — Г.Л.) с голоду умрет». Опровергая данное мнение, рассказчик, напротив, характеризует Сибирь как «райское место», «божий рай», поясняя подобные оценки тем, что «Тут тебе и рыбы, сколь хошь, и дичины уйма... Лес кругом березовый да осиновый, хоть избы руби... Земли свежие для пашни... И хлеб родится, скота сколько надо, столяр и разводил... Работай, не ленись, все будет». Главными достоинствами сибирской жизни С.И. Курин считает отсутствие подневольного труда и земельные просторы («ни надзору, ни барщины, живи себе на здоровье», «и поработать есть, где ... не то, что в России, малоземелье»), неоднократно подчеркивая, что переселенцы «не могли наработаться на вольных сибирских землях» [Воспоминания... Л. 8—9, 11, III, IV].

По мере роста земельного утеснения аграрным переселенцам, как известно, отводились земли худшего качества — участки в таежных урманах и залежи, сложность обработки которых была «сравнима с подъемом целины». Процесс первоначального освоения горно-лесных и притаежных районов, как пишут авторы коллективной монографии «Столыпинские мигранты в Алтайском округе», получил название «врубания в тайгу»⁴ [Разгон и др., 2013, с. 165—166].

Природное окружение Сидоровки, названной так в честь первого поселенца, обосновавшегося «на вершине речки Вьюнки» (в левобережной части верхнего Приобья), С.И. Курин характеризует как «лиственную тайгу». Ср.: «Тайга у нас лиственная. Береза, осина да тальник с акацией... Озерки небольшие... Места болотистые. Вьюнское займище» [Воспоминания... Л. 5, 11]. Главной задачей новоселов после первичного обустройства (постройки «шалашей да землянок») была подготовка земли под пашню. Невысокое качество почвы, обозначенное в рукописи выражением «плохие земли... необработанное междулесье, целина», компенсировалось тщательной ее обработкой⁵. По словам автора, «землицу надо было хорошо обработать, целик ведь, дважды приходилось пахать» [Там же. Л. 10, III]. Процесс «врубания в тайгу» представлен в воспоминаниях как резкое усиление антропогенного воздействия на природу. Ср.: «От ступа топоров и людских голосов... нарушилась тишина верх-вьюнской поймы. Забеспокоился зверь лиственной тайги». С наплывом переселенцев «лес опять застонал от пил и топоров...стал все дальше отступать на север... местами до 20 км за тойское займище... Поблизости остался только дровяник» [Там же. Л. 25—26, 32—33, 56, 75].

² Заимствованное из европейской историографии понятие эго-документа в современных отечественных исследованиях широко используется для обозначения особой группы исторических свидетельств, отличающихся ярко выраженным личным характером.

³ Рукопись С.И. Курина «Какой была Сидоровка» включает в себя шестнадцать тонких «ученических» тетрадей, двенадцать из которых имеют сплошную нумерацию листов (л. 1—374). Оставшиеся пронумерованные тетради в настоящей работе обозначены римскими цифрами I—IV.

⁴ В то же время ограниченное (по сравнению со старожилами) развитие у переселенцев традиционных для Сибири добывающих промыслов — охоты, рыболовства и лесного собирательства — расценивается исследователями как показатель «недостаточной вживаемости (новоселов) в природно-географическую среду обитания» [Разгон и др., 2013, с. 257].

⁵ В литературе отмечается, что даже старожилы уважали «рьяную приверженность» переселенцев к земледельческому труду. См.: [Бардина, 1995, с. 19].

Описывая родную природу, автор в первую очередь обращает внимание на потенциально полезные в крестьянском хозяйстве ресурсы окружающей среды, отмечая, что в небольших озерцах водилась «рыбешка» («карась да голян»); росший по берегам мох «шел в построение домов». Из прибрежной глины били печи («глины на берегу Вьюнки сколько хочешь, столько и копай»); ее же использовали для изготовления кирпича-сырца, из которого делали печные трубы. Ценным сырьем считался тальник, поскольку «таловое корье» шло на «дубление кожи, выделку овчин» и плетение лаптей. Широкие промысловые возможности определялись обилием дичи, которой хватало и людям, и диким зверям. Даже хищники, пишет С.И. Курин, бывали иной раз полезными в хозяйстве: ср.: «вон у соседа Михаила... в стожку в сене уже три года живет волчица... Дак он этот стожок и не трогат, чтоб не обидеть ее, по то что она стережет его хозяйство от остального зверья...» [Там же, л. 11, 14—15, 27—29, 56].

Тот же принцип взаимодействия с природной средой был выявлен при анализе землеустроительных документов периода массовых аграрных миграций, рассмотренных на материалах более южного (по сравнению с б. Колыванским) Барнаульского уезда Томской губернии. Было показано, что все перечисленные в отчетах элементы степных и лесостепных ландшафтов (лога, лощины, гривы, болота, согры, елани, а также боровые места, лиственные леса и речные долины) воспринимались крестьянами как потенциальные угодья (пашни, сенокосы и пастбища), т.е. с точки зрения их ценности в крестьянском хозяйстве. Лучшими («вполне пригодными для хлебопашества») угодьями признавались возвышенные места — гривы. «Менее ценными пашнями» считались «небольшие клочки», разбросанные среди леса или «чередующиеся с солонцами, колками и сограми». В качестве удобных для сенокосения расценивались речные долины и низменные места — лога и лощины и т.п. [Любимова, 2017, с. 28—29].

Высокий экологический потенциал крестьянского единоличного хозяйства, считает Т.К. Щеглова, определялся адаптированностью сельскохозяйственного производства к природно-климатическим и ландшафтным условиям конкретной местности, будь то степные или таежные участки, ложки или согры, низины или возвышенности. Хорошо зная производительные окрестности своего села, особенности почвы, климата и потенциальные возможности отдельных участков, крестьяне определяли оптимальные сроки посева и уборки урожая, подходящий состав культур, лучшие способы содержания скота и рациональное сочетание различных направлений хозяйственной деятельности [Щеглова, 2008, с. 81—84].

Изначально, как следует из текста рукописи, Сидоровка формировалась как заимка. Сибиряки-старожилы, поясняет со ссылкой на «рассказы стариков» С.И. Курин, не принимали приезжих на поселение, не разрешая им селиться своим хозяйством. «В работники — пожалуйста, нанимайся, хоть временно, хоть постоянно, на год или два... (а нет — Г.Л.) — тайга большая. Селись и живи». Вот так и обосновался на высоком речном увале «в отдаленности от населенных деревень» приехавший из Чувашии Иван Егорович Сидоров [Воспоминания...

Л. 5, 16—17]. На соседних заимках проживали постоянные работники «колыванских и новотырышкинских богатеев», которые ухаживали за скотом («содержали скот на откорме»), заготавливали сено и обрабатывали «небольшие участки полей». Сеяли в основном овес и озимую рожь. Пшеница, по словам автора, «не успевала вызреть... то морозом уберет после всходов, то осенью недозревшую прихватит»⁶ [Там же. III].

Судя по тексту воспоминаний, Сидоровка началась «с шалашей да землянок», которые «на первых порах... (приходилось строить — Г.Л.) на скорую руку». Большую стройку, уточняет автор, некогда было разводить: «покос подходит (новоселам — Г.Л.), коней надо кормить». Шалаш («по-расейски балаган») делали из таловых или березовых прутьев. Сплетенный каркас ставили как «корзину вверх дном», «только (это была — Г.Л.) большая корзина», с лазом вместо двери, и обкладывали соломой, чтобы «ветром не продувало, да дождем не промочило» [Там же. Л. 7, 25, IV].

Первопоселенец Иван Егорович, подчеркивает рассказчик, подобрал себе «хорошее место на небольшом взгорке на правом берегу... Лес кругом, поляны хорошие... посевом хлебов есть, где заняться». В описании наглядно представлена планировка крестьянской усадьбы с «избенкой», расположенной в «полсотне сажень... от русла речки», хозяйственным двором и «разделанным» под овощи «огородишком», примыкавшим задним концом прямо к речке, «чтобы вода для полива поближе была» [Там же. Л. 6—7, III].

Та же организация жизненного пространства, отвечавшая крестьянским традиционным представлениям об оптимальных условиях для занятий хлебопашеством, отличала усадьбы более поздних переселенцев, приехавших в Сидоровку, когда в селе уже появились богатые крестьяне, имевшие «большие площади пахотной и покосной земли». «Устроились хорошо, — читаем в одном из переселенческих писем на родину, текст которого приводится в рукописи, — построили себе избенку... получили землю для посева и покоса, огород для картошки, капусты и всякой мелочи, лес рядом для дров... на постройку жилья и амбаров для хранения своего урожая»⁷ [Там же. Л. 67, III].

Большую часть первых домов в Сидоровке, отмечает С.И. Курин, составляли однокомнатные избы из местного березового и осинового леса⁸. Пережив

⁶ В связи с этим аграрные историки В.А. Ильных и Г.А. Ноздрин обращают внимание на то, что по мере развития сибирского земледелия структура зерновых посевов менялась в пользу пшеницы. Сокращение площади лесов заставляло крестьян отдавать предпочтение яровым культурам, поскольку озимые на открытых местах вымерзали [Ильных, Ноздрин, 1995, с. 19].

⁷ При этом «конфигурация жилого комплекса» у новоселов оценивается в современных исследованиях как более рациональная, чем у старожилов. Переселенцы располагали огороды и жилые помещения у реки или запруд, а хозяйственные постройки — в отдалении, тогда как старожилы возводили конюшни, хлева и скотные дворы возле источников проточных вод, куда осуществлялся сток навоза [Разгон и др. 2013, с. 191].

⁸ Эти данные согласуются с приводимыми в литературе сведениями о том, что поздние переселенцы вынужденно ис-

«тяжелые и мучительные годы... всякой нечестивой заварухи» (как обозначены автором политические катаклизмы начала прошлого века), село стало обновляться — появились «новые дома... пятистенники (и) крестовые, то есть в четыре комнаты», часть из которых была «под железной крышей», с «резными узорчатыми карнизами» и «разделанными разными кудрями» наличниками [Воспоминания... Л. 87—91, III].

Переселенцы, судя по описанию, стремились навести у себя такие же «порядки... как в сибирских селах». В частности, они строго следили за тем, чтобы улицы были прямыми и ровные («планировку постройки как по шнуру отбивали»). В итоге планировка Сидоровского поселения с прочерченными «как стрела» улицами получилась иной по сравнению с планировкой соседних чалдонских сел Южино и Тырышкино. Как свидетельствует рассказчик, отступления от «ровного... прямолинейного построения улицы» в Сидоровке приходилось делать лишь из-за рельефа местности, которую пересекали впадающие во Вьюнку ручьи, особенно бурные «весной... при таянии лесных снегов». По этой причине «не всем довелось строиться близко к речке... всего один километр, потом... пошла трясина и лес». Тем не менее новоселы старались «не нарушать планировку» и «не портить красоту улиц». В Южино, напротив, каждый, по словам автора, строился по своему усмотрению: «ни улиц прямых, ни порядку... вот и получилось поперек господствующих ветров. Летом еще можно проехать на коне, а зимой, особенно если снежная, рядом живущего соседа не увидишь» [Там же. Л. 18—19, 34—35, III]. Однако подобная планировка расценивается С.И. Куриным скорее как исключение. В целом приведенное им описание отражает характерные особенности линейной по преимуществу планировки русских сибирских селений, вытянутых обычно вдоль берега реки и повторяющих в своей уличной застройке все речные изгибы. При этом огороды, расположенные позади обращенных на одну сторону усадеб, как правило, примыкали к реке⁹. Если же речной берег был высоким, то в сторону водоема были обращены не огороды, а фасады домов [Бардина, 1995, с. 6, 11; Майничева, 2002, с. 60].

Разрастание Сидоровки, пишет автор, продолжалось «до 30-х годов», когда протяженность центральной улицы с церковью и церковно-приходской школой составляла три с половиной версты, а в самом селе «в общей сложности (насчитывалось) 580 домохозяйств». Несмотря на то, что в селе имелись свои «купчишки», закупавшие сельхозинвентарь на конной тяге, державшие лавочки и торговавшие «всем необходимым», включая «соль, спички, керосин и даже мануфактуру (ситец)», хозяйство сибирских крестьян во многом продолжало сохранять натуральный характер [Там же. III]. Основным материалом для постройки жилища, изготовления

одежды, обуви, орудий труда и предметов домашнего обихода накануне коллективизации (а местами и дольше)¹⁰ по-прежнему оставалось местное природное сырье.

Так, основную часть материалов растительного и животного происхождения, необходимых для изготовления одежды, крестьяне производили в рамках семейного производства, стараясь также максимально использовать ресурсы окружающей природы [Бардина, 1995, с. 104]. По словам старожилов, вся жизнь была «своедельская». «Носили домотканную одежду своего рукоделья», — поясняет выросший в переселенческой семье С.И. Курин. Мало на ком можно было увидеть рубашку или штаны «фабричного изготовления». «Все было самими выращено, обработано на волокно, спрядено на пряжу, да выткано на ручных станах. Особенно (теми), которых душила беднота». «Самой роскошной обувью» у переселенцев считались «новенькие, фигуристые сплетенные лапоточки... из талового лыку». В такой обуви ходили круглый год, меняя по сезону только портянки, летом — «самотканые из конопляного волокна», зимой — «сотканые из овечьей шерсти». В праздники надевали «хромовые сапоги да ботинки» (также «из кожи своего изделия»). «У мужского полу, — продолжает рассказчик, — мозоли с рук не сходили, но и женскому полу доставалось... Было дело, за ткацким станком будили ото сна женщин, а девок за вязаньем или за пряжей» [Там же. Л. 31—32, 70, 84—85, 180, 200, III, IV].

Таким образом, массовое крестьянское семейное производство Сибири в начальный период аграрной модернизации оставалось «самодостаточным и патриархальным» [Щеглова, 2008, с. 84]. Принципы организации жизненного пространства (прежде всего планировка усадьбы и поселения) подчинялись традиционным крестьянским представлениям об оптимальных условиях для единоличных занятий хлебопашеством. Экологический прагматизм местных крестьянских сообществ, распространявшийся на все виды флоры, фауны и компоненты природного ландшафта, определялся натуральным (в значительной степени) характером крестьянского производства. Восприятие отдельных ландшафтных участков как потенциальных угодий (пашен, покосов и выпасов), т.е. с точки зрения их ценности в крестьянской экономике, предполагало дробное, дифференцированное отношение к природному окружению и максимально полное использование полезных в хозяйстве природных ресурсов. Этим в конечном итоге и обеспечивался высокий экологический потенциал крестьянских производственных традиций, не ис-

¹⁰ Так, признаки натурального хозяйства долгое время сохранялись в культуре весьма специфичной группы русского населения Тюменской области, проживавшего в труднодоступных районах южносибирской тайги, Тобольском Заболотье. Имевшие угорские корни и говорившие на татарском языке, но исповедовавшие христианскую веру обрусевшие заболотные татары даже в послевоенное время носили одежду из льна, оленьего и собачьего меха, лапти и кожаные бродни, продолжали использовать в быту самодельную глиняную посуду, изготавливали из лыка «туяся» и покрывали крыши домов берестой. При этом у жителей соседних татарских поселений еще в 1960-е гг. окна в избах закрывались «бычьим пузырем, а не стеклами» [Адаев, 2012, с. 7—9, 11].

пользовали для возведения жилищ считавшиеся небожественными у старожилов лесные материалы — березу и осину [Майничева, 2002, с. 54].

⁹ Сидоровские огороды, как отмечает С.И. Курин, «примыкали задами прямо к речке» [Воспоминания. III].

ключавший, однако, существенного антропогенного воздействия на окружающую среду.

Список литературы

1. Адаев В.Н. Последние угры Заболотья: информация XVIII—XX вв. // Сулеймановские чтения: материалы и докл. Всерос. науч.-практ. конф. — Тюмень: Тюм. гос. ун-т, 2012. — С. 7—13.
2. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. — Томск: Том. гос. ун-т, 1995. — 223 с.
3. Ильиных В.А., Ноздрин Г.А. Очерки истории сибирской деревни. — Новосибирск: ЭКОР, 1995. — 280 с.
4. Любимова Г.В. Крестьянские рукописные воспоминания как источник для изучения массового экологического сознания сельского населения Сибири // Экологическая история в России: этапы становления и перспективные направления исследований. — Елабуга: Елабуж. ин-т КФУ, 2014. — С. 293—308.
5. Любимова Г.В. Отчеты землеустроительных партий как источник по экологической истории и культурному ландшафтоведению Сибири // Вестн. Сургут. гос. пед. ун-та. — 2017. — № 6 (51). — С. 26—33.
6. Майничева А.Ю. Архитектурно-строительные тра-

диции крестьянства северной части Верхнего Приобья: проблемы эволюции и контактов. Середина XIX — начало XX в. — Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2002. — 144 с.

7. Минаева А.П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. — 2003. — № 2. — С. 68—74.
8. Петрова И.С. Эго-документ как информационный ресурс регионального архива по истории первой мировой войны 1914—1918 гг. // Вестн. архивиста. — 2014. — № 4. — С. 39—49.
9. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе. Переселение, землеобеспечение, хозяйственная и культурная адаптация. — Барнаул: АЗБУКА, 2013. — 348 с.
10. Щеглова Т.К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX в. Устная история. — Барнаул: Барнаул. гос. пед. ун-т, 2008. — 528 с.

Список источников

Воспоминания С.И. Курина «Какой была Сидоровка». Рукоп. Л. 1—374, I—IV. Колыванский районный краеведческий музей Новосибирской области.

DOI 10.24411/9999-001A-2018-10049
УДК:[39 +72.03](911.53)

О.В. Мальцева
Институт археологии и этнографии
СО РАН (Новосибирск)
olymals@gmail.com

Влияние среды обитания на организацию жизненного пространства народов северной части тихоокеанского побережья (Восток России)

Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (№14-50-00036)

Аннотация

В статье рассматриваются основные типы организаций жизненного пространства Востока России (Дальнего Востока). Эта территория составляет северную часть тихоокеанского побережья и по своим природно-климатическим условиям совмещает признаки, характерные для Сибири и северных широт, тихоокеанского побережья и Юго-Восточной Азии. Адаптация к местным условиям и промысловая специализация определили характер поселений у местного населения. Так, занятия таежной охотой и оленеводством легли в основу кочевого образа жизни, что обусловило появление переносного жилища в виде чума. У жителей береговой зоны и больших рек охота на морского зверя и вылов проходной рыбы способствовали переходу на полустационарную форму существования. Для этого типа характерна организация зимних постоянных и летних временных поселений. Необходимость консервации продуктов в зимнее время послужила толчком к возведению хозяйственных, подсобных сооружений.

Ключевые слова: тихоокеанское побережье, среда обитания, промысловое хозяйство, жилище, временные и полустационарные поселения

O.V. Maltseva
*Institute of Archeology and Ethnography
(Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)*
olymals@gmail.com

Influence of Habitat on Living Space of the Eastern Russia (Far East) People

Abstract

The paper deals with the main types of the Eastern Russia (Far East) living space and vernacular architecture. This area is part of the Pacific coast. Its nature and climatic conditions are typical for Siberia and Northern latitudes, the Pacific coast and Southeast Asia. Adaptation to local conditions, hunting and fishing specialization determined settlements of the local population. Taiga hunting and reindeer herding formed the basis of the nomadic life that led to emergence of the portable dwelling called chum. Among the coastal and big river inhabitants, the hunting for sea animals and fishing pacific salmon have caused transition to a semi-stationary form of existence. This type is characterized by the organization of winter permanent and summer temporary settlements adding the household buildings. The necessity of preservation of products in the winter time encouraged the erection of economic and auxiliary facilities.

Key words: Pacific coast, habitat, commercial household, dwelling, permanent and semi-stationary settlements

Территория Востока России (Дальний Восток), омываемая с севера и востока водами Северного Ледовитого и Тихого океана, расположена в различных природно-климатических зонах — арктической, субарктической, северной и южной бореальной [Берг, 1947, с. 34—284]. Основное население, освоившее данный регион, принадлежит к палеосибирской и тунгусо-маньчжурской языковым группам. На большей части региона длительная зима и короткий вегетационный период обусловили выработку у данных народов определенной стратегии освоения пространства.

В ее основе находится способность организма выживания в северных широтах, что сказалось и на ритмах его жизни. Как у человека, так и животных был выработан механизм регулирования метаболизма, когда с наступлением холодов снижаются обменные функции в организме. Фактор холода стимулирует и запуск защитных функций организма: у животных — в виде накопления толстой прослойки жира и образования плотного шерстистого покрова для сохранения теплообмена; у человека появилась необходимость изготовления меховой одежды как средство защиты

от переохлаждения [Крупник, 1989].

В условиях протяженной тундры и занимающей обширные территории тайги с преимущественным составом хвойных пород деревьев, постепенно сменяющихся к югу широколиственными, человек вынужден был выработать соответствующие навыки выживания. Безлесная открытая местность тундры или лесотундры со слабой кормовой базой способствовала развитию умения мигрировать на длинные дистанции в поисках пропитания, что обусловило развитие оленеводства [История и культура дальневосточных эвенков, 2010, с. 130—152; История и культура коряков, 1993, с. 72—87; История и культура чукчей, 1987, с. 55—62; История и культура эвенков, 1997, с. 63—69]. Таежный край, представляющий более емкую среду для проживания с плотным растительным пологом, являющимся укрытием и кормовой базой, определил тенденцию к обустройству остановок, кочевий. Сезонные изменения в природе обусловили экстенсивно-присваивающую форму ведения хозяйства с переключением на тот или иной промысловый источник. Для выживания в суровом климате необходимы ресурсы в тайге человек получал за счет мясной и пушной охоты, которая осуществлялась путем перекочек от одного промыслового места к другому [История и культура дальневосточных эвенков, 2010, с. 191—195; История и культура чукчей, 1987, с. 73—76; История и культура эвенков, 1997, с. 101—110].

Береговая зона Дальнего Востока (протяженностью с севера на юг почти 5 тыс. км) отличается от континентальной местности не только климатическими особенностями, но и ресурсным потенциалом. Морской климат (типичный для тихоокеанского побережья), близость океанской акватории определили появление у местных народов технологий, связанных с водонепромокаемостью, и ориентацию на морские, речные ресурсы в своем существовании. Кроме того, районы юго-восточной части России имеют смешанный состав флоры и фауны с характерными чертами северных и южных широт [Смоляк, 2001, с. 8—13].

Часть территории Северной Пацифики, простирающейся от Северного Ледовитого океана до северной границы Китая; с запада на восток — от мест слияния рек Шилки и Аргуни, Станового хребта, Колымского нагорья до побережья Чукотки, полуострова Камчатка и побережий Охотского моря и Татарского пролива, стала зоной распространения различных форм организации пространства, связанных с промысловой деятельностью. В этих вариациях можно выделить три основных типа — характерные для Сибири и северных широт; для тихоокеанского побережья; совмещающие традиции Сибири и Юго-Восточной Азии. Природное окружение определило структуру жилых и хозяйственных зон и специфику жилищного строительства. Многие традиции домостроения и типы поселений, распространенные у коренного населения тундры и тайги, восходят к эпохе неолита. Они сформировались вследствие длительной адаптации человека к местным условиям. Базовым элементом жизнеобеспечения местных сообществ стала добыча таежного и морского зверя [История и культура дальневосточных эвенков, 2010, с. 152—163; История и культура коря-

ков, 1993, с. 62—72; История и культура эвенков, с. 59—63]. Другой ключевой фактор, повлиявший на уклад жизни поморских народов, связан с ежегодной миграцией тихоокеанского лосося по рекам побережья. Промысел проходной рыбы имеет много общих черт у жителей Восточной Азии и Северной Америки. С эпохи голоцена в Северной Пацифике массовый заход лососевых в реки, впадающие в океан, делал их привлекательными для бродячих охотников и собирателей. Обосновавшись в долине реки, с течением времени они приобретали рыболовецкие навыки. Знание циклов захода лососевых в реки служило гарантом их стабильного существования, что стимулировало переход к оседлости и строительству долговременных поселений [Васильевский, 1971, с. 161—163; Васильевский и др., 1997, с. 39—48; История и культура ительменов, 1990, с. 40—45; История и культура эвенков, с. 69—72; Мальцева, 2012; Maltseva, 2012].

Так, у народов арктических, субарктических, таежных районов континентальной части кочевой образ жизни обусловил появление переносных жилых строений. Основным сегментом поселений стала коническая или шатрового типа юрта (чум), получившая распространение у оленных чукчей и эвенков (ил. 1—2). Остов илума, яранги состоял из скрещенных деревянных жердей, шестов; стенки укреплялись короткими палками. В зависимости от района проживания и основных занятий группы выбирался материал покрытия. Оленеводы тундры чаще использовали шкуры оленей. В таежной полосе применяли бересту, настил из травы, шкуры животных; зимой юрту покрывали шкурами оленей, летом — берестой. На этой территории пол в юрте устилали ветками лиственницы или кедрового стланника, а сверху — невыделанными оленьими шкурами. Вход закрывали ровдужной занавеской. Через отверстие на вершине купола выходил дым от очага (ил. 3). Круглое основание юрты, используемой в северных широтах, благоприятствовало равномерному распределению и сохранению тепла, идущего от очага. Такое строение использовалось как временная стоянка, для ночлегов. При смене места его разбирали и детали конструкции — жерди, шесты, полог — транспортировали на оленьих нартах [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 131—151; История и культура дальневосточных эвенков, 2010, с. 179—183; История и культура чукчей, с. 78—79; История и культура эвенков, с. 78—84].

У жителей побережья Берингова пролива тип переносного жилища имел некоторые отличия. Береговые чукчи ярангу сооружали в небольшом углублении почвы, снаружи покрывали дерном. В связи с отсутствием леса, в ней не было дымового отверстия, в таких постройках даже не устраивали очага. Пищу готовили на жировых лампах или в специально устроенных «кухнях» около яранги, где жгли кости морских животных, обливая их жиром. Прибрежные чукчи также использовали жилище, собранное из китовых челюстей. В нем могли проживать сироты или посторонние, которые могла поселить около себя большая семья [История и культура чукчей, 1987, с. 76—77].

У населения акватории Охотского моря, специализировавшегося на вылове тихоокеанского лосося,

добыче морского зверя, полустационарная форма существования обусловила появление другого вида дома по типу землянки, полуземлянки с прямоугольным, многоугольным основанием. У оседлых коряков крыша такого жилища была с сооружением в виде воронки (ил. 4). Основу жилища составляли четыре столба высотой 5—7 м, которые вкапывали в землю посередине круглой ямы глубиной 1—1,5 м. Стенки ямы укреплялись толстыми плахами с выступающими над поверхностью земли концами. Снаружи их обкладывали сухой травой, дерном [Историко-этнографический атлас, 1961, с. 151—153; История и культура ительменов, 1990, с. 62—63; История и культура коряков, с. 29—33].

В отличие от кочевников, у жителей береговой полосы поселения варьировались по сезонам. Зимним (постоянным) видом жилищ являлась землянка (полуземлянка), летним (временным) — балаганы. В местах изобилия леса в строительстве последних использовали древесный материал. У ительменов летние балаганы имели дополнения в виде обрешетки для прочности каркаса, двери, внешнюю площадку, лестницы. Как правило, летние строения возводились на период лососевого промысла, недалеко от рыболовного участка. Зимние жилища строили на холодное время, в защищенных от ветра местах [История и культура ительменов, 1990, с. 59—66; История и культура коряков, с. 25—29].

У береговых поселенцев появился еще важный элемент в постройках — хозяйственные, подсобные сооружения, что связано с необходимостью консервации продуктов на зимний период. В данном случае особое внимание привлекают типы построек коренного населения юго-восточной части России. В долине Амура отмечено разнообразие вариантов, типичных для северной таежной зоны и юго-восточной части тихоокеанского побережья. У нанайцев и ульчей промысел кеты и горбуши обусловил их привязку к определенным местам. У них отмечены постоянные (зимние) и временные поселения. Основой временных поселков являлись сплетенные из веток тальника, камыша шалаши (с пологом из бересты), используемые в основном как средство укрытия от непогоды. Их сооружали во время лососевой путины, на берегу реки, и в период летнего собирательства, где-нибудь на таежной опушке. Для постоянных поселений выбирались безветренные, защищенные горными преградами территории. Жилище фанза являлось одним из вариантов зимних построек (ил. 5—7). Для его сооружения выбирали летний период без дождей. По краям прямоугольного основания втыкали шесты, которые переплетали прутьями. В пазухи переплетений вбивали глину. Снаружи такой глинобитный дом дополнительно обмазывали глиной. Крыша у него была двухскатной, покрытая настилами из сухой травы. Внутри, по периметру дома, от очага протягивали глиняные трубы. Наружная труба выходила через боковую стену дома. Теплый воздух, циркулирующий по трубам, обогревал пол, деревянные нары, расположенные над ними. Подобный тип жилища отмечен на юге Дальнего Востока еще в XII в. и встречался у населения, жившего за пределами Амура. Многие исследователи считают, что традиция строительства глинобитных домов была привнесена в среду нанайцев маньчжу-

рами (из Северо-Восточного Китая) и адаптирована к амурским условиям [История и культура нанайцев, 2003, с. 95—100; История и культура ульчей, 1994, с. 50—53].

Из хозяйственных построек распространенными в среде коренного населения Приамурья и Камчатки можно назвать бревенчатые амбары на сваях, в которых хранились охотничье, рыболовное снаряжение, вяленая рыба (ил. 8) [История и культура ительменов, 1990, с. 66—67; История и культура нанайцев, 2003, с. 100—101; История и культура ульчей, 1994, с. 53—54; Сем, 1973, с. 70—75]. По данным В.И. Лопатина, свайные постройки являются традиционными для населения юго-восточной Азии и характерны для пойменной зоны. Наличие их в северных широтах свидетельствует о давних контактах народонаселения всего тихоокеанского побережья. У нанайцев выбор строительного материала между глиной и деревом был обусловлен предназначением строения, имевшим тесную связь с верованиями. Использование дерева в строительстве амбара указывает также на сакральный статус этого сооружения [Лопатин, 1922, с. 94—95]. Помимо хозяйственных предметов, в нем зачастую хранилось снаряжение шамана, что подчеркивает их ритуальное значение.

Среди подсобных конструкций, встречающихся у речных рыболовов, можно назвать вешала, на которых вялили пойманную рыбу (ил. 9). Вешала представляли собой воткнутые в землю под наклоном шесты с деревянными перекладинами, на которые подвешивали для просушки разделанную рыбу [История и культура ительменов, 1990, с. 67; История и культура нанайцев, 2003, с. 101—102; История и культура ульчей, 1994, с. 53—54].

С 1930-х гг. с реформированием жизни аборигенов Дальнего Востока, переводом их на оседлый образ жизни, экологическая составляющая в их жилищном строительстве исчезла. С коллективизацией повсеместной практикой стало возведение бревенчатых, брусчатых домов с чердаком и подполом для хранения огородного урожая. Как отмечали исследователи начала XX в., введение печного отопления спровоцировало ослабление иммунитета аборигенов. Если в зимней нанайской фанзе температура зимой достигала максимум +15°C, накопленные ресурсы организма позволяли переносить длительный холод. С печным отоплением появился резкий температурный контраст, вызвавший появление у представителей коренного населения легочных заболеваний. В настоящее время площадками возрождения традиций жилищного строительства служат музейные комплексы под открытым небом, фестивальная практика.

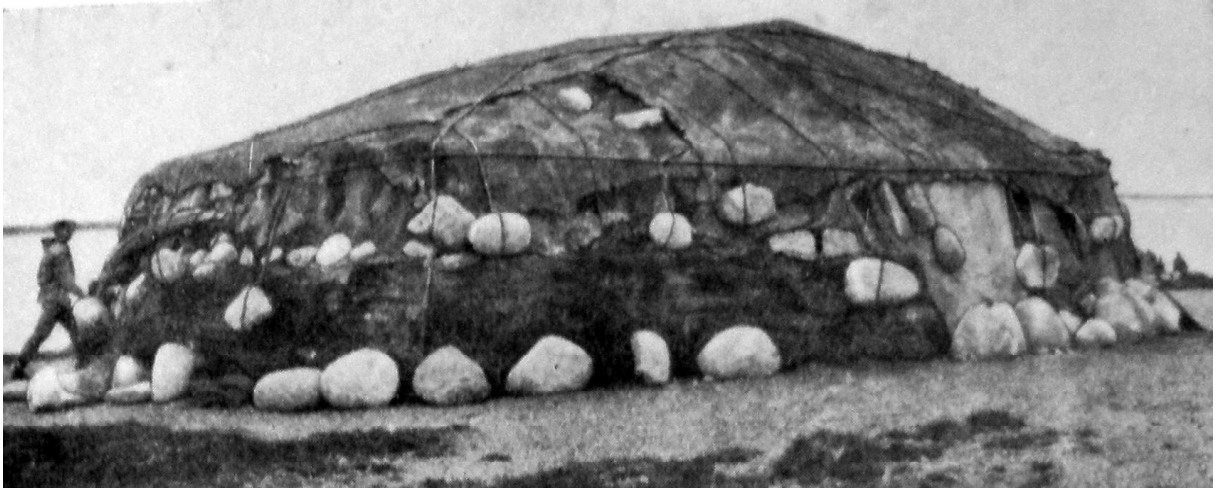
Список литературы

1. Берг Л.С. Географические зоны Советского Союза. — М.: Географгиз, 1947. — 400 с.
2. Васильевский Р.С. Происхождение и древняя культура коряков. — Новосибирск: Наука, 1971. — 252 с.
3. Васильевский Р.С., Крупяно А.А., Табарев А.В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока России. Каменная индустрия и проблема ранней оседлости. — Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. — 160 с.

4. Историко-этнографический атлас Сибири. — М.; Л.: Акад. наук СССР, 1961. — 498 с.
5. История и культура дальневосточных эвенков. Историко-этнографические очерки. — СПб.: Наука, 2010. — 336 с.
6. История и культура ительменов. Историко-этнографические очерки. — Л.: Наука, 1990. — 208 с.
7. История и культура коряков. — СПб.: Наука, 1993. — 240 с.
8. История и культура нанайцев. Историко-этнографические очерки. — СПб.: Наука, 2003. — 328 с.
9. История и культура ульчей в XVII—XX вв. Историко-этнографические очерки. — СПб.: Наука, 1994. — 178 с.
10. История и культура чукчей. Историко-этнографические очерки. — Л.: Наука, 1987. — 288 с.
11. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. — СПб.: Наука, 1997. — 184 с.
12. Крупник И.И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. — М.: Наука, 1989. — 270 с.
13. Лопатин И.А. Гольды амурские, уссурийские и сунгарийские. — Владивосток: [б. и.], 1922. — 371 с.
14. Мальцева О.В. Влияние лососевого промысла на хозяйственную специализацию и социальные отношения в среде ульчей и амурских нанайцев // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2012. — № 2 (50). — С. 124—132.
15. Народы Сибири. — М.; Л.: АН СССР, 1956. — 1084 с.
16. Сем Ю.А. Нанайцы: Материальная культура. — Владивосток: Акад. наук СССР, 1973. — 314 с.
17. Смоляк А.В. Народы Нижнего Амура и Сахалина (фотоальбом). — М.: Наука, 2001. — 320 с.
18. Maltseva O.V. Impact of salmon fishing on livelihood and social relations among the Ulchi and the Amur Nanai (second half of the 19th — early 20th century) // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. — 2012. — Vol. 40. — Is. 2. — Pp. 124— 132.

Ил. 1. Чум, характерный для таежной зоны. ПМА

Ил. 2. Цилиндрический шалаш (яранга) чукчей. По: [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 195]

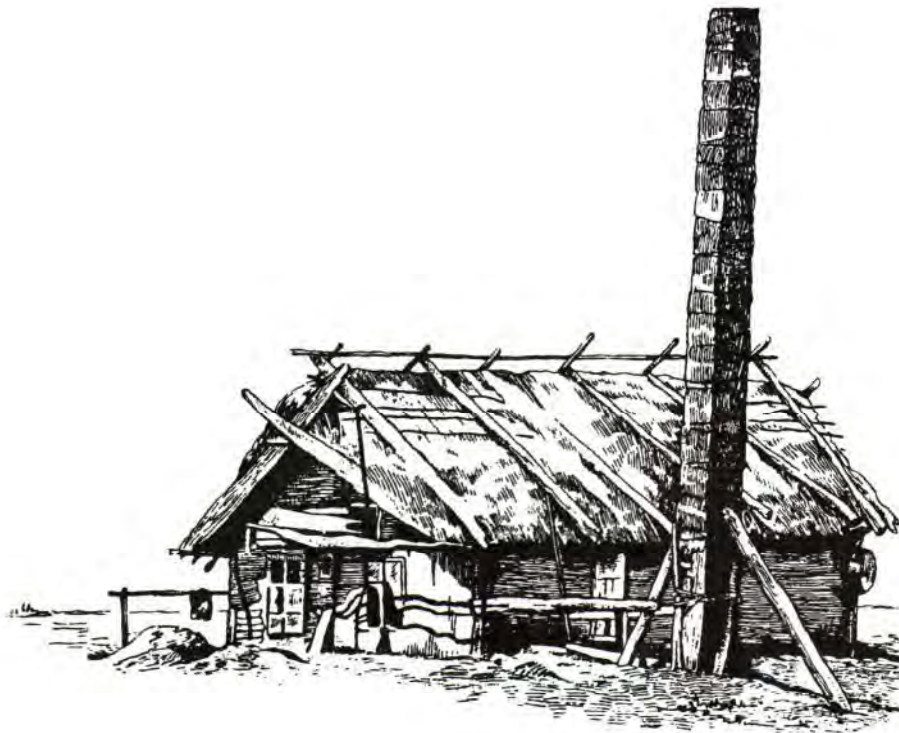

Ил. 3. Отверстие в вершине купола чума. ПМА

Ил. 4. Полуподземное жилище с раструбом у коряков. По: [Историко-этнографический атлас Сибири, 1961, с. 195]

Ил. 5. Фанза с кановой отопительной системой. По: [Народы Сибири, 1956, с. 797]

Ил. 6. Фанза, внешний вид. ПМА

Ил. 7. Фанза, внутренний вид. ПМА

Ил. 8. Бревенчатый амбар на сваях. ПМА

Ил. 9. Вешала для просушки рыбы. ПМА

Исследования молодых авторов

Young Researches Issues

УДК: 902.01

О.С. Абакумова
Уральский Федеральный университет (Екатеринбург)
olesya_93@list.ru
Научный руководитель: доктор
исторических наук С.Ф. Кокшаров

Опыт археологической реконструкции сооружений сайгатинского этапа городка Эмдер

Аннотация

В статье приводится анализ и реконструкция разновременных жилищных и фортификационных построек средневекового городка Эмдер — столицы остяцкого княжества. На городке были обнаружены девять разновременных культурных слоев. Слои со второго по девятый относятся к XI—XII — XV—XVI вв. — времени существования столицы, основанной на площадке городища, относящегося к VI—VII вв. В данной работе изучались сооружения сайгатинского периода, который был условно выделен начиная с третьего строительного горизонта и заканчивая последним (XIII—XVI вв.). Исходя из исследования археологического источника, можно сделать вывод о некоторых изменениях в жилищной традиции: в начале периода — это каркасные дома с очагом в центре, в конце периода — срубные, с печами-чувалами. Со временем также происходит эволюция фортификационных построек — добавляются рвы, увеличивается гребень вала, строится и усложняется внешняя линия фортификации.

Ключевые слова: фортификация, жилища, средневековый городок, Северо-Западная Сибирь, городище, Средневековье, сайгатинский этап, Нижнее Приобье

O.S. Abakumova
the Ural Federal University (Yekaterinburg)
olesya_93@list.ru
Scientific adviser is S.F. Koksharov

An Attempt of Archaeological Reconstruction of the Constructions Of Saigatinsky Stage of the Town of Emdar

Abstract

The article deals with analysis and reconstruction of asynchronal houses and fortification buildings of the medieval town of Emdar, the capital of the Ostyak principality. Nine asynchronal cultural layers were discovered in the town; layers from the second to the ninth are dated to the 11th—12th— 15th—16th centuries — the time of existence of the capital, founded on the site of the ancient fortified settlement of 6th—7th centuries. The structures of the Saigatian period, which was conditionally singled out from the third construction level to the last (13th—16th centuries) were studied in this article. Conclusion about some changes in dwelling tradition can be derived from the study of archaeological source. In the beginning of the period, there were frame houses with a hearth in the center, at the end of the period — log houses with furnaces. Over time, there is also the evolution of fortification structures — ditches are added, the crest of the embankment is increased, an external fortification line is built and becomes more complicated.

Key words: fortification, dwellings, medieval town, North-Western Siberia, ancient settlement, Middle Ages, Saigatian stage, Lower Ob region

Материалы городищ являются информативным источником для реконструкции системы жизнеобеспечения человека. Наиболее важными элементами последней являются жилища и фортификации. Средневековые памятники на севере Западной Сибири активно исследовались с середины XX в. За это время была получена информация об особенностях хозяйственной деятельности и социальной организации обществ рыболовов и охотников тайги. Определенные успехи достигнуты в изучении домостроительства [Соколова, 2009; Морозов, 1994; Мар-

тинова, 1995], фортификационного зодчества, даже предложены варианты реконструкций отдельных укрепленных поселений (городищ) [Кардаш, 2013]. Вместе с тем некоторые из раскопанных археологических памятников, давших значительный объем новой информации, продолжают привлекать внимание археологов, поскольку дают уникальные возможности для проведения реконструкций планировки, отдельных сооружений, жилищ и т.д. К числу таковых относится нижнеобское городище Ендырское I, или городок Эмдер, который изучался в период с 1993—

2001 гг. археологами г. Екатеринбурга.

Городище Ендырское I расположено примерно в 68 км к юго-юго-востоку от г. Нягань, на территории Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа, в большой излучине р. Ендырь, на ее левом берегу. Памятник занимает оконечность мыса, образованного с востока изгибом береговой террасы, а с запада — глубоким логом, уходящим под прямым углом вглубь террасы [Зыков, Кокшаров, 2001, с. 9].

Городище Ендырское I является многослойным памятником, который состоит из девяти строительных горизонтов, первый из которых отнесен к VI—VII вв. н. э. Второй—девятый строительные горизонты, датируемые с XI—XII по XV—XVI вв., связываются с существованием городка Эмдер — столицы одноименного княжества, прославленного в «Былине про богатырей города Эмдер», которая записана в XIX в. С.К. Паткановым у южных хантов [Патканов, 1899]. Впрочем, название поселения встречается и в русских письменных источниках, например в «Книге Большому Чертежу», которая опирается на сведения XVI в. В «Книге...» оно упоминается в чередке укрепленных «городков», расположенных в Нижнем Приобье: Чемаш, Шеркар, Нецгаркор, Курмыш-Юган, Атлым, Карымкар, Емдыр, Калым и Обской Большой [Книга., 1950, с. 169].

При работе над проектом реконструкции городища предполагалось воссоздать разновременные жилые сооружения и фортификации. Для выполнения этой задачи использовался углубленный анализ полевой документации, направленный на выявление зафиксированных в раскопе деталей постройки и их интерпретации с целью разработки принципиальной структурной и конструктивной модели жилища и внутренней и внешней фортификаций¹¹.

Основанием для реконструкции служили следующие элементы:

1. Планиграфия и характеристика столбовых ямок.
2. Канавки, впущенные по очертаниям жилищ.
3. Котлованы жилищ.
4. Внутренний ров (внутренняя фортификация).
5. Внешний ров и остатки вала (внешняя фортификация).

При реконструкции памятников деревянного зодчества коренных народов Сибири вопрос аналогов стоит достаточно остро, так как дерево в этой лесной и климатической зоне сохраняется плохо. Для того чтобы найти подобные сооружения, необходимо учитывать хронологический диапазон произведений деревянного зодчества, но, следуя реставрационной теории, общий характер архитектуры в деревянном зодчестве остается почти неизменным [Ополовников, 1974, с. 160]. Даже если и происходят какие-либо изменения, то главным образом лишь в сфере общей композиции. Архитектурная масса складывается из типовых и стандартных элементов — одинаковых для зданий различного времени, назначения, типа, размеров и т.п. Следовательно, такие показатели, как дата памятника, его композиция, назначение, размеры и пр. при определении аналога существен-

ного значения не имеют, поэтому в качестве аналогов в работе привлечены элементы жилищ с таких памятников, как Надымский городок и городище Усть-Войкарское, верхние строительные горизонты которых датируются более поздним периодом, чем Эмдер. Таким образом, при определении аналога на основное место выступает не само аналогичное здание, а тот или иной типовой элемент, многократно повторяющийся в традиционной форме.

В данном случае наиболее частый элемент — это канавки по границам жилищ, которые говорят о наличии внутренней деревянной обшивки. Так как котлованы были выкопаны в рыхлых песчаных отложениях, обшивка использовалась для закрепления стенок. Аналогичные постройки изучались на Надымском городке и на неолитическом поселении Быстрый Кульеган 66 [Борзунов, 2011, с. 193]. Фортификационные постройки сайгатинского времени на городке Эмдер не имеют аналогов в настоящее время.

Попробуем оценить информативность материалов, полученных при раскопках городка Эмдер (гор. Ендырское I), для последующей реконструкции. Как уже упоминалось выше, на городище Ендырское I было обнаружено девять строительных горизонтов (с. г.).

Первый с. г. не связан с городком Эмдер, он датируется V—VII вв. н. э. и относится к зеленогорскому времени. Но именно в этот период была отсыпана площадка, использовавшаяся в конце XI—XII вв. — уже во время строительства будущего городка Эмдера. Большая часть этого с. г. была разрушена поздними перестройками. Частично сохранилась лишь линия фортификации, которую А.П. Зыков определял как частокол, подобный тому, что был обнаружен на Сургутском городище [Зыков и др., 1994, с. 42, рис. 19].

Второй с. г. — это начало существования городка Эмдер. На нем были обнаружены котлованы двух жилищ и фрагмент оборонительного рва. К сожалению, у данных объектов плохая сохранность и реконструкция затруднительна. Судя по найденным фрагментам керамики, данное напластование относится к кинтусовскому периоду.

Третий с. г. содержит в себе также очертания двух жилищ и две линии фортификации — внутреннюю и внешнюю. Обилие столбовых ямок в разных частях жилищ позволяет отнести строения к типу каркасных (каркасно-столбовых), предполагающих наличие несущей рамы на вертикальных столбах [Очерки культуригенеза., 1994а, с. 73—74]. При необходимости балки в любой части жилища могли подпираться столбами, в том числе незаглубленными, что и оправдывает бессистемное расположение столбовых ямок по дну котлована. Судя по остаткам деревянных плах, заполнение стен могло быть выполнено одним из двух способов: набором из горизонтальных бревен, концами закрепленных в пазах столбов внешнего ряда (конструкция «в заплот»), либо из бревен, плах, жердей, наклонно приставленных к наружной раме. В этнографии встречаются оба варианта [Очерки культуригенеза., 1994б, с. 60]. Кровля могла быть заполнена сплошным накатом жердей, плах, покрыта ветками и берестой, но в ходе раскопок таких данных не было выявлено.

Жилище представляло собой слабо углубленную бревенчатую постройку, обшитую изнутри доска-

¹¹ В работе используются материалы отчетов, любезно предоставленные авторами раскопок С.Ф. Кокшаровым и А.П. Зыковым.

ми, о чем говорят канавки, идущие вдоль стен по дну углубления [Кокшаров, 1995, с. 12]. Такой тип обшивки известен по этнографическим источникам [Гемуев и др., 1989, с. 31, рис. 1; Сирелиус, 2001], но использование этнографических данных требовало осторожности, чтобы избежать модернизации объекта. Если информация была недостаточной или отсутствовала, элементы конструкции намеренно не прорабатывались, т.е. были решены условно: например, способы скрепления отдельных строительных деталей.

Кровля, судя по оставшимся ямкам от столбов, была двускатной, с небольшим отверстием между скатами для выхода дыма. Очаг, вероятно, располагался в центре, но, к сожалению, в раскопе он не был зафиксирован (ил. 1).

Помимо этого, авторами раскопок (С.Ф. Кокшаров и А.П. Зыков) была зафиксирована и изучена линия внешней и внутренней фортификации. Фортификация третьего с. г. состояла из внутренней оборонительной стены, выстроенной по краю холма, рва у его основания и внешней оборонительной стены, вынесенной на 10 м от подножия холма.

Внешняя оборонительная стена данного с. г., несмотря на очень плохую сохранность остатков, представляла собой бревенчатую, скорее всего срубную, конструкцию, поставленную прямо на грунт. Внутри конструкция имела забутовку из грунта, взятого с прилегающей внутренней, северной части площадки, так как погребенный подзол в napольной части остался непо потревоженным. Ров перед стеной с napольной стороны не прослеживался [Зыков, 2001, с. 53] (ил. 2).

Третий с. г. был сожжен, и на его пепелище был построен четвертый, в отложениях которого очертания жилищ повторяются. По ним невозможно определить, насколько изменилась техника строительства, а вот линия внешней фортификации значительно усложняется — в стены добавляется частокол, пристраиваются клетки, возможно, служившие укрытием для караула. Для этого в развале стены третьего строительного горизонта был прорыт котлован глубиной 0,2 м. Затем здесь была сооружена воротная конструкция, на полу которой выложен настил из плах шириной 7—18 см с подведенными под него продольными лагами. Лаги фиксировались на грунте столбами и камнями. Хорошая сохранность древесины была обусловлена тем, что настил перекрывала подушка спрессованных органических остатков из костей и чешуи мелких частичковых рыб. По обеим сторонам от прохода (ворот) зафиксированы остатки срубных стен, различавшихся по своим конструктивным особенностям (ил. 3). Одна из них, пристроенная с западной стороны от прохода, фиксировалась в виде нагромождения древесных остатков, в которых легко читается сруб, раскатившийся в napольную сторону. Самые крупные фрагменты бревен достигали в длину 1,76 м, их диаметр приблизительно равен 18 см. В верхней части одного из бревен сохранилась «чашка» от вруба в виде выемки в верхней части бревна. Уверенно можно говорить о том, что стена была выстроена на предварительно выровненной площадке. Нижние венцы конструкции фиксировались столбами и камнями, а ширина ее достигала 2,5 м. Стена имела внутренние перебор-

ки-перерубы через 1—1,2 м, забутованные грунтом на высоту не менее 0,4 м. Под нижними венцами обнаружены строительные жертвы — две отрубленные собачьи головы.

Остатки стены, примыкавшие к проходу с востока, имели иное устройство. Здесь прослеживался настил из березовых жердей длиной 1,6 м, диаметром 7—12 м. Жерди лежали параллельно направлению прохода и, соответственно, поперек оборонительной стены. Под них были подведены поперечные лаги в виде березовых бревен диаметром до 15 см. Судя по остаткам, настил был сооружен внутри стены, основание которой было опущено в котлован глубиной до полуметра. Внутренняя северная стенка сруба фиксировалась столбами, длина одного из которых достигала 1 м. На настиле не обнаружено кухонных остатков, как и в проходе, а из находок — лишь колечко из тонкой серебряной проволоки. Под настил была уложена строительная жертва — костяк собаки [Кокшаров, 1995, с. 24]. Расположение древесных остатков и характер находок свидетельствует о том, что данная часть оборонительной стены была пустотелой и обитаемой. Возможно, данные остатки привратного сооружения служили для укрытия караула. Таким образом, оборонительные сооружения принимают более серьезный облик.

В толще отложений пятого с. г. отмечена кардинальная перепланировка городища: появляется ров с проходом шириной 2,2 м поперек холма перед внутренней стеной, а внешняя фортификация приобретает окончательный облик тарасной конструкции, перед которой ров не был зафиксирован. Данный с. г. не является достаточно информативным для реконструкции. Вероятно, если провести дальнейшие исследования городища Ендырское I, в будущем археологам удастся произвести реконструкцию и предположить причины данных перестроек.

На шестом с. г. зафиксированы котлованы двух жилищ, которые очень плохо сохранились, поэтому реконструировать их также не представляется возможным. Помимо этого, наблюдается усиление внутренних фортификаций — добавляются рвы по склону городища. На линии внешней оборонительной системы возник вал, сложенный из забутовок стен предыдущих горизонтов. На гребне вала на выровненной площадке располагалась бревенчатая стена, от которой при раскопках сохранились вмятины — отдельные небольшие углубления.

На седьмом с. г. меняется жилищная традиция постройки — на смену постройке с двускатной кровлей приходит четырехскатная шатровая постройка. На данном с. г. были обнаружены очертания двух жилищ и остатки внутренних и внешних фортификаций [Кокшаров, 1999, с. 25]. Одно из жилищ сохранило в себе достаточную информацию для реконструкции: оно было зафиксировано полностью, в раскопе прослеживались очертания всех сторон жилища. В центральной части жилища, пострадавшей от перекопов восьмого с. г., отмечено 13 ям от опорных столбов, которые удерживали перекрытие дома. Четыре ямы — самые глубокие — достигали 54—72 см, и в них были отмечены основания истлевших столбов длиной свыше 52 см и диаметром 20 см. Сохранность древесных остатков была обусловлена тем, что они находились в окружении мерзлоты.

Расположение центральных опор свидетельствуют о том, что в центре сооружения столбы удерживали раму размерами 4,7 × 4,4 м, на которой покоилось четырехскатное шатровое перекрытие. В центре жилища располагался очаг. Жилище представляет собой слабоуглубленную срубную постройку с несущими столбами; изнутри стены также были обшиты досками либо жердями, но канавки прослеживаются только вдоль двух стен — южной и восточной (ил. 4).

Внутренняя и внешняя линия фортификации практически аналогична предшествующему с. г., различаясь только в небольших деталях.

Сооружения восьмого с. г. пострадали как минимум дважды. Во-первых, они были уничтожены при втором пожаре городища (при первом выгорело городище третьего строительного горизонта), во-вторых, сгоревшие конструкции были снивелированы и сильно деформированы при строительстве крепости девятого с. г. На нем удалось зафиксировать три котлована жилищных построек и остатки внутренних и внешних фортификаций [Зыков, 1998, с. 48]. В отличие от жилищ более ранних горизонтов, места расположения этих построек устанавливаются по скоплениям сгоревших деревянных конструкций. Поскольку одни конструктивные элементы повторялись на трех жилищах, другие (в силу вариативности или неполной сохранности) прослеживались только в одном, реконструкция разрабатывалась на основании суммарных данных по трем жилищам. Итак, жилище восьмого с. г. представляло собой слабоуглубленную постройку срубного типа размерами 7 × 7 м. Углубление было укреплено не только бревнами и жердями, но и обшивкой из вертикально вбитых досок. От последних сохранились как древесный тлен, так и заполненные углем канавки. Они аналогичны канавкам, опоясывающим жилища ранних строительных горизонтов. Помимо этого, появляются новые элементы в интерьере — дощатый пол и две глинобитные печи-чувала, которые были также найдены и на Усть-Войкарском городище [Гаркуша, Новиков, 2015, с. 56] и на Надымском городке [Кардаш, 2013, с. 9]. Кровля, скорее всего, была двускатной. Около жилища находилась хозяйственная пристройка, но ее не удалось реконструировать в силу плохой сохранности (она сильно пострадала при пожаре) (ил. 5). Остатки внутренней фортификаций повторяли округлые очертания холма. Внешняя фортификация продолжает тенденции к усилению — увеличивается ширина вала и рва.

Девятый с. г. является одним из самых информативных и наиболее представительных. Так как данный с. г. уже реконструировался А.П. Зыковым при подготовке монографии «Древний Эмдер» в 1990-х гг. и за это время новых исследований не было, то его реконструкция по-прежнему считается актуальной.

Из проведенного исследования жилищных и фортификационных построек можно сделать вывод о консервативности местного населения. Традиция менялась, но скорее постепенно и не радикально. Наблюдения, сделанные в ходе раскопок, демонстрируют динамику развития средневековой крепости. Возникшая на относительно ровном коренном берегу реки на месте заброшенного городища, она непрерывно функционирует на протяжении почти 500 лет. Активная жизнедеятельность обитателей

городка привела к существенному наращиванию культурного слоя и, как следствие, оформлению холмообразного возвышения и росту его площади.

Средневековое городище, в отличие от городищ железного века в Западной Сибири, имеет более мощную фортификационную систему. Чаще всего городки располагались на мысах у рек, а планировка вписывалась в рельеф местной среды. Наблюдения над жилой площадкой Эмдера свидетельствует, что она менялась в сторону все более свободной и постепенно вписывалась в окружающий ландшафт. Таким образом, городок Эмдер можно отнести к мысовым городищам по классификации П.А. Раппопорта [Раппопорт, 1965, с. 54].

Материалы, полученные из раскопок, ставят перед исследователями важную источниковедческую проблему — создание периодизации сайгатинского времени (вторая половина XII—XVI вв.). Для этого необходимо провести исследования памятников данного периода различных типов — городища, поселения, святилища и пр.

Итак, тема реконструкции средневековых городков Северо-Западной Сибири является актуальной в настоящее время, и потому ее необходимо развивать. Тема открывает новые горизонты, так как реконструкция помогает визуально представить средневековый городок, на основе которой в дальнейшем можно смоделировать процесс постройки городища, что выдвигает исследование на новый уровень — процесс познания бытовой и инженерной жизни угорского населения.

Список литературы

1. Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Об одном из типов деревянных построек городища Усть-Войкарское (Нижнее Приобье): архитектурные особенности, археолого-этнографические параллели // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. архит.-худ. акад., 2015. — Т. X. — Ч. 1. — С. 51—61.
2. Борзунов В.А. У истоков оборонного зодчества Севера Евразии: Проблема неолитических укреплений Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том гос. ун-та, 2011. — Вып. 9. — С. 170—238.
3. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. — Новосибирск: Наука, 1989. — 176 с.
4. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. — Екатеринбург: Изд-во «Волот», 2001. — 320 с.
5. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие: древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. — Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. — 160 с.
6. Кардаш О.В. Обдорские городки конца XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Надымский городок князей Большой Карачеи. — Екатеринбург, Салехард: Изд-во «Магеллан», 2013. — 360 с.
7. Книга Большому Чертежу / под. ред. К.Н. Сербиной. — М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. — 230 с.
8. Мартынова Е.П. Этническая история хантов по ле-

гендам и преданиям // Методика комплексных исследований культур и народов Сибири. — Томск: Том. гос. ун-т, 1995. — С. 119—121.

9. Ополовников А.В. Реставрация памятников народного зодчества. — М.: Стройиздат, 1974. — 392 с.

10. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. I. — Томск: Том. гос. ун-т, 1994а. — 485 с.

11. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Кн. II. — Томск: Том.

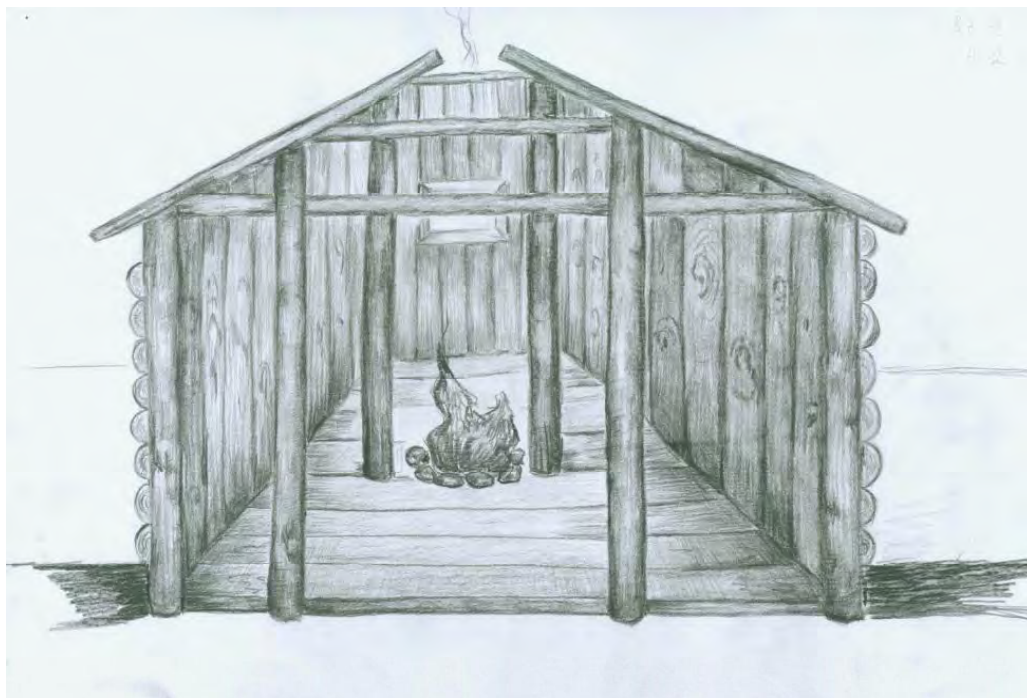
гос. ун-т, 1994б. — 286 с.

12. Раппопорт П.А. Древние русские крепости. — М.: Наука, 1965. — 87 с.

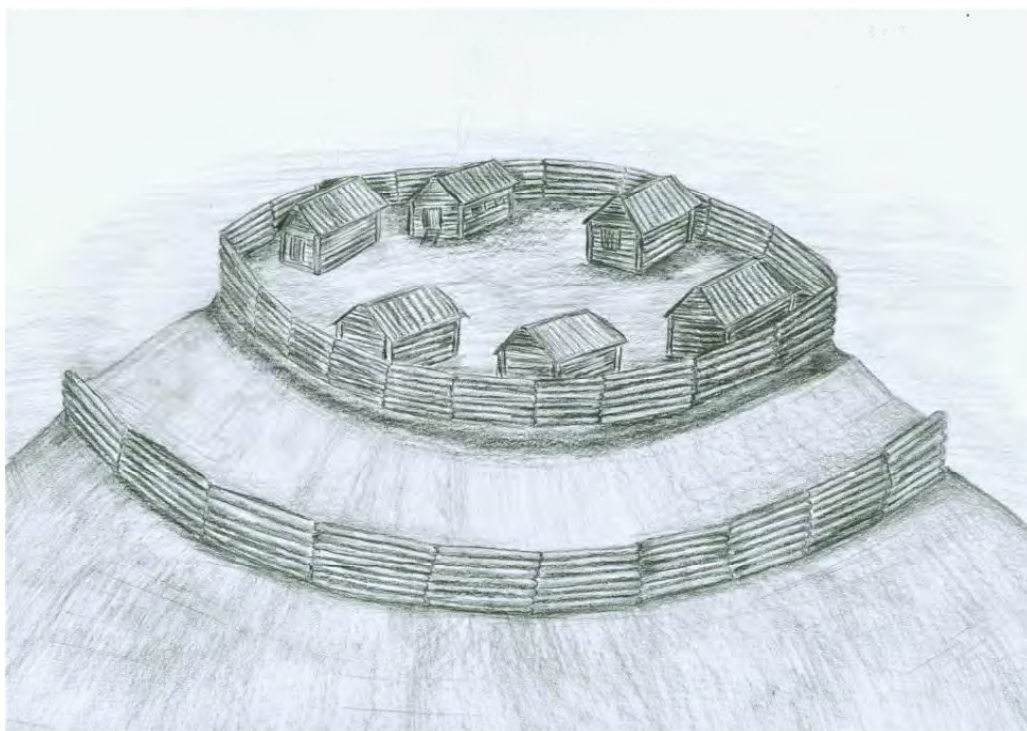
13. Сирелиус У.Т. Путешествие к хантам. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. — 344 с.

14. Соколова З.П. Ханты и манси. Взгляд из XXI века. — М.: Наука, 2009. — 756 с.

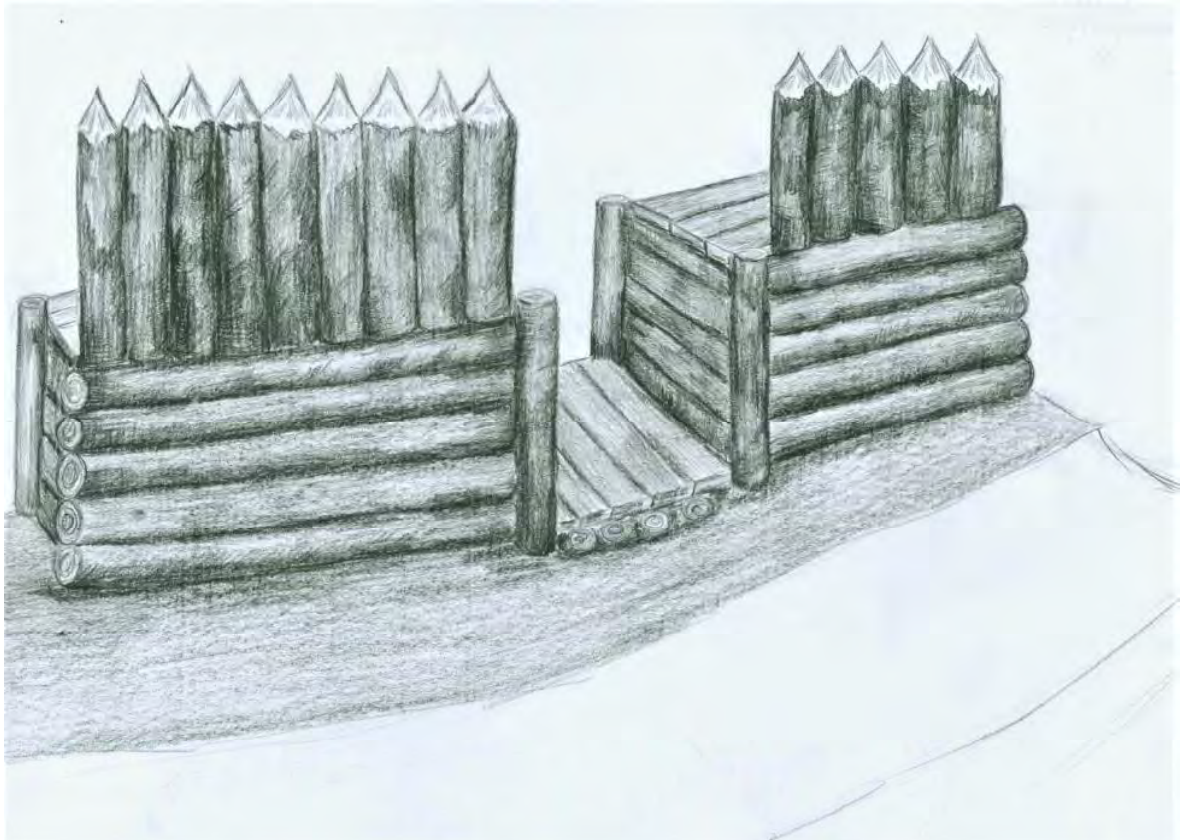
15. Патканов С.К. Остяцкая былина про богатырей города Эмдер // Живая старина. — Вып. 2. — СПб., 1899. — С. 92—97.

Ил. 1. Реконструкция жилища 3-го с. г. городка Эмдер. Выполнена автором

Ил. 2. Реконструкция общего вида на городок Эмдер 3-го с. г. Выполнена автором

Ил. 3. Реконструкция части внешней фортификации 4-го с. г. Выполнена автором

Ил. 4. Реконструкция жилища 7-го с. г. городка Эмдер. Выполнена автором

Ил. 5. Реконструкция жилища 8-го с. г. городка Эмдер. Выполнена автором

УДК 930.85

И.И. Атапин
Томский национальный исследовательский
государственный университет (Томск)
ivatapin@gmail.com
Научный руководитель: кандидат
исторических наук, доцент О.В. Богданова

Сибирские инженеры-строители на Урале: к истории свердловской группы Объединения современных архитекторов

Аннотация

Рассматривается деятельность инженеров-строителей — выпускников Сибирского технологического института (СТИ), работавших на Урале в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Обобщаются и анализируются факты, связанные с их участием в работе Свердловского (Уральского) отделения Объединения современных архитекторов (ОСА), которое было организовано в 1928 г. Инженеры-строители, окончившие СТИ, а также студенты-дипломники этого института составили большинство в первоначальном составе свердловского отделения. Впоследствии они заняли ключевые посты в руководстве. Некоторые инженеры-строители (такие как В.П. Парамонов) обращались к темам, связанным с уральским градостроительством, уже во время учебы. Выпускники СТИ отстаивали идеи конструктивизма и сыграли большую роль в распространении этого авангардного архитектурного направления на Урале.

Ключевые слова: история советской архитектуры, конструктивизм, Свердловск, Томск, СТИ, ОСА

I.I. Atapin
Tomsk National Research State University (Tomsk)
ivatapin@gmail.com
Scientific adviser is O.V. Bogdanova

Siberian Building Engineers in the Urals: To the History of the Sverdlovsk Group of OSA

Abstract

The article deals with the activity of *Siberian Technological Institute* (STI) alumni in the Urals during the late 1920s and early 1930s. Building engineers who graduated from STI participated in the formation of the Sverdlovsk (Yekaterinburg) group of OSA (the *Organization of Contemporary Architects*). STI alumni and graduate students made up the majority of the Sverdlovsk OSA members. Later they took key posts in the OSA management. Some of the graduate students (Paramonov V.P.) focused on topics connected with Uralian town planning, already during the studying. They defended ideas of Constructivism and played a major role in bringing this avant-garde architectural style to the Urals.

Key words: history of Soviet architecture, Constructivism, Sverdlovsk, Tomsk, STI, OSA

Объединение современных архитекторов (ОСА), созданное в Москве в 1925 г., активно отстаивало и пропагандировало принципы конструктивизма — авангардного направления советской архитектуры, в основе которого лежал функциональный метод проектирования. В 1928 г. была организована группа (отделение) ОСА в Свердловске (Екатеринбурге). Ее история получила освещение в работах исследователей А.Д. Шелушнина [Шелушинин, 1974], Ю.Л. Косенковой [Косенкова, 2007], И.А. Казуся [Казузь, 2009], Л.Н. Смирнова [Смирнов, 2010] и др.

Цель данной статьи — впервые рассмотреть роль студентов и выпускников Сибирского технологического института (СТИ) в создании свердловской группы ОСА и в развитии конструктивизма на Урале в целом.

Сибирский технологический институт (до 1925 г. — Томский технологический институт, ТТИ) был открыт в 1900 г. Спустя два года в составе института начало свою работу инженерно-строительное отделение, переименованное в 1917 г. в факультет. ТТИ—СТИ являлся центром сибирского архитектурного образования, его выпускники активно участвовали в градостроительном процессе Западной и Восточной Сибири, Урала и Дальнего Востока [Богданова, 2016, с. 42—43]. Преподавателями инженерно-строительного факультета в 1920-х гг. были такие выдающиеся сибирские архитекторы и инженеры, как К.К. Лыгин, А.Д. Крячков, Г.В. Ульяновский, Н.И. Молотилев. Вместе с тем «традиции революционной архитектурной школы продолжали во многом определять... профессиональное обра-

зование» в институте [Косенкова, 2007, с. 330]. Как отмечает С.О. Хан-Магомедов, уже в предреволюционные годы академические методы обучения в высших учебных заведениях вступали в противоречие с реальной архитектурной практикой, в которой происходил процесс формирования новых творческих направлений [Хан-Магомедов, 1996, с. 36].

Когда в середине 1920-х гг. в Сибирь проникли идеи конструктивизма, они были поддержаны именно студентами, выражавшими свое недовольство академизмом. В 1927 г., после поездки в Ленинград и Москву, часть учащихся инженерно-строительного факультета СТИ организовала томское отделение ОСА. Студенты открыто критиковали преподавательский состав и учебную программу института, но в то же время вели активные теоретические поиски, участвовали в архитектурных выставках и конкурсах, в работе Первой конференции (1928 г.) и Первого съезда (1929 г.) ОСА [Атапин, 2017]. В 1929 г. бывший председатель томского отделения ОСА А.С. Огородников стал одним из организаторов группы Современных архитекторов в Омске, аналогичная группа была создана выпускниками СТИ в Новосибирске.

«Отток» сибирских инженеров-строителей на Урал активизировался во второй половине 1920-х гг., когда там стали возводиться крупные промышленные объекты. В Свердловске работал целый ряд проектных ведомств и организаций: Управление окружного инженера (Окринж), Уральское областное отделение Гипромеза (Государственного института по проектированию металлургических заводов — Уралгипромез), Уральское строительно-промышленное акционерное общество (Уралпромстрой), Проектное бюро управления государственного строительства Уральского машиностроительного завода (Уралмашинострой) и др. [Казусь, 2009, с. 266, 304—305]. Кроме того, архитекторы и инженеры могли выполнять проектные работы по договорам — как поодиночке, так и в составе групп. Одна из таких групп, «чувствуя необходимость объединить последователей современной архитектуры в гор. Свердловске», начала летом 1927 г. подготовку к организации местного отделения ОСА. Его официально оформлению предшествовали переговоры выпускников СТИ К.Н. Карташева и Е.С. Балакшиной с правлением ОСА в Москве [Жизнь ОСА, 1928, с. 38—39].

Примечательная история связана с именем К.Н. Карташева. С 1925 г. он был научным сотрудником при кафедре гражданской архитектуры СТИ [Томский технологический институт..., 1928, с. 167] и поначалу не поддерживал конструктивистов. Один из наиболее активных участников томской группы ОСА, студент Н.С. Кузьмин, упомянул Карташева в своей статье, опубликованной в печатном органе ОСА — журнале «Современная архитектура» («СА»):

«...ОСА, кажется, охотно, даже с радостью принимает в свое объединение всех современных деклараторов без разбора, без предварительного изучения их архитектурной работы. <...> На самом деле такой “конструктивист”, как бывший научный сотрудник СТИ инженер Карташев (декларирует о Свердловской группе, СА № 1, 1928 г.), который за несколько месяцев до этого стучал и грозил кулаками по адресу “безобразий ОСА”, работавший в стиле

“барокко”, разве он теперь, объединившийся, вернее — примазавшийся к ОСА “конструктивист” (?) не сойдет с толку не только малограмотного пытливого студента, но и опытного искусствоведа? Конечно, говоря о Карташове, я имею ввиду целую плеяду ново-явленных “конструктивистов”, среди которых есть и честные архитекторы» [Конструктивизм и конструктивисты..., 1928, с. 103].

Кузьмин относил Карташева к тем, кто понимал под конструктивизмом лишь очередное стилевое направление (а не метод творчества, «рожденный революционной эпохой») и примкнул к ОСА только ради «легкого сбыта своих гнилых, старомодных изделий» (т.е. проектов). По мнению студента, такие архитекторы грубо искажали «социальную установку» ОСА. Кроме того, «настоящий» конструктивист должен был «овладеть в совершенстве методами диалектического материализма, методами марксизма» [Там же, с. 104], чего Карташев, по всей видимости, не сделал. По прошествии 90 лет мы можем по-разному оценивать вклад К.Н. Карташева в развитие конструктивизма, но не следует отрицать его важную роль в процессе консолидации молодых архитекторов.

Рассмотрим состав свердловской группы ОСА на момент ее создания в 1928 г. Это прежде всего выпускники инженерно-строительного факультета ТТИ—СТИ: Е.С. Балакшина (1924 г.), К.Н. Карташев (1924 г.), П.А. Осипов (1926 г.), М.В. Рейшер (1926 г.), С.Е. Захаров (1927 г.), В.П. Парамонов (1927 г.), А.Ф. Романов (1927 г.). Затем — студенты СТИ, «оканчивающие по архитектурной специальности»: В.Н. Мурычев, Д.А. Полобов, А.Д. Янишевский. И, наконец, выпускник (1925 г.) Ленинградского высшего художественно-технического института И.И. Робачевский и москвич, техник-строитель Уралгипромеза И.Г. Стадлер [Жизнь ОСА, 1928, с. 39; Юбилейный справочник..., 2007, с. 244; Смирнов, 2010, с. 62]. Итого — 12 человек, из них 10 являлись выпускниками или студентами-дипломниками СТИ.

Известно, что Е.С. Балакшина, М.В. Рейшер и С.Е. Захаров на тот момент работали в Уралгипромезе, П.А. Осипов и А.Ф. Романов — в Окринже (Осипов занимал должность главного инженера). Тем не менее группу возглавил представитель ленинградской архитектурной школы — сотрудник Уралмашиностроя И.И. Робачевский. Вероятнее всего, это было связано с его опытом и квалификацией: Робачевский получил звание архитектора-художника, в то время как в СТИ выдавали дипломы инженеров-строителей.

Заслуживают внимания дипломные и конкурсные проекты упомянутых студентов СТИ. Так, например, томская газета «Красное знамя» писала 21 июня 1927 г. о проекте театра, который разработал А.Ф. Романов: «Из дипломных проектов строительного факультета особенно интересными были работы Романова, выполнившего под руководством проф. [К.К.] Лыгина проект городского театра для Томска. Театр намечен на 1500 человек около городского сада, на площади, где в настоящее время обычно устраивается каток. Очень красивое и солидное здание спроектировано в стиле немецкого модернизма, при чем дипломант проявил большое художественное чутье и вкус» [Театр на 1500 чел..., 1927].

В.Н. Мурычев (совместно с другим студентом СТИ — А. Сальвиным) получил в мае 1928 г. вторую премию в конкурсе на постройку Дома культуры в Камне-на-Оби [Советская Сибирь, 1928]. Стоит добавить, что им пришлось соревноваться с профессором А.Д. Крячковым, проект которого и был принят к реализации.

Некоторые студенты уже во время учебы выбирали темы, связанные с уральским градостроительством. В.П. Парамонов (сын П.А. Парамонова, выпускника ТТИ, томского городского архитектора в 1916—1917 гг.) выполнил под руководством Крячкова дипломный проект «рабочего поселка при машиностроительном заводе в гор. Свердловске на 60 000 человек» (ил. 1). В нем, как отмечает С.Н. Баландин, «принципы конструктивизма (функционализма) были проведены через все элементы, составляющие поселок (город): жилище, общественные и производственные здания, планировку поселения» [Баландин, 1991, с. 119]. При разработке планировки поселка В.П. Парамонов обратился к идее города-сада, что не было случайным: ее последователями являлись и А.Д. Крячков, и отец Парамонова. В 1918 г. оба архитектора участвовали в конкурсе на проект города-сада Щегловска (будущий Кемерово), по результатам которого П.А. Парамонову присудили первую премию.

В дипломном проекте рабочего поселка на всех улицах предусматривалась посадка деревьев, основные магистрали проектировались в виде бульваров. В центре поселка размещалась большая площадь, состоящая из двух частей: для движения и «для митингов и демонстраций». Отличие проекта В.П. Парамонова от ранних проектов городов-садов заключалось в том, что индивидуальная одноэтажная жилая застройка была заменена двух- и трехэтажными многоквартирными домами и общежитиями (ил. 2). В целях экономии применялась кладка стен из пустотелых бетонных камней АМБИ с заполнением шлаком [МИАС им. С.Н. Баландина. Инв. № 467. Проект рабочего поселка...]. Дипломный проект не был воплощен в жизнь, но идея города-сада впоследствии нашла отражение в генеральном плане соцгорода Уралмаша. Три «луча», сходящихся у проходной завода, — бульвар Культуры, проспект Орджоникидзе и улица Ильича — имеют сходство с улицами, запланированными Парамоновым.

Одним из первых достижений Свердловского отделения ОСА стало участие в строительстве цехов Уралмаша [Практика Свердловского отделения ОСА, 1928]. Проект выполнили И.И. Робачевский, Е.С. Балакшина, М.В. Рейшер и И.Г. Стадлер; при этом, как пишет А.Д. Шелушинин, опыт проектирования промышленных сооружений имел только Стадлер [Шелушинин, 1974, с. 80]. М.В. Рейшер также выполнил эскизный проект водонапорной башни соцгорода завода (так называемой Белой башни; ил. 3), который был доработан в товариществе «Техбетон» и реализован в 1929—1931 гг. Башня стала «классическим примером слияния функции, конструкции и формы» [Там же, с. 80—81] и ныне является одним из архитектурных символов Екатеринбурга. В своем выступлении на Первой конференции ОСА в Москве (апрель 1928 г.) И.И. Робачевский подчеркнул значимость работы на Уралмаше, но отметил,

что деятельность Свердловского отделения ОСА «шла до сих пор, к сожалению, не совсем по плану», так как мало внимания уделялось «проведению идеологических вопросов» [Первая конференция..., 1928, с. 121]. В 1931 г. по проекту И.И. Робачевского, М.В. Рейшера и П.В. Оранского было построено первое здание Дома культуры им. Горького в Асбесте (ныне утрачено).

С.Е. Захаров известен как архитектор Дома юстиции на ул. Малышева (1930—1932 гг.). Здание являлось центральным объектом Городка юстиции, построенного на месте бывшего Екатеринбургского тюремного замка. Еще один осуществленный проект Захарова — гостиница «Большой Урал» (соавтором стал инженер-строитель В.И. Смирнов, выпускник СТИ 1926 г.) [Свод памятников..., 2007, с. 236—238]. Примечательно, что победителем конкурса на проект гостиницы был известный московский архитектор И.А. Голосов, но вариант Захарова и Смирнова выбрали как более экономичный.

В.П. Парамонов в конце 1920-х и начале 1930-х гг. участвовал в разработке первых свердловских фабрик-кухонь — принципиально новых предприятий общественного питания. По его проектам были построены фабрики-кухни на ул. Свердлова, 8, на ул. Шарташской и в соцгороде Уралмаша (ул. Красных Партизан, 9). Помимо этого, Парамонов также выполнил проект одного из первых многоэтажных жилых зданий города — дома товарищества «Уральский старожил» на ул. Белинского, 8/10 [Там же, с. 88].

По данным на 1929 г., Свердловское (Уральское) отделение ОСА находилось по адресу ул. 9 Января, 15 и к этому времени возглавлялось выпускниками СТИ. Председателем стал В.Н. Мурычев, должность секретаря занимал М.В. Рейшер. Работали три секции — идеологическая, архитектурная и конструкторская. В справочнике-путеводителе «Свердловск» лаконично описывалась деятельность отделения: «Теоретическая и практическая разработка вопросов современной архитектуры. Консультация по проектам зданий определенного назначения» [Свердловск. Справочник-путеводитель..., 1929, с. 461—462].

На Первой конференции ОСА И.И. Робачевский сообщал, что уральские архитекторы-традиционалисты считают существование ОСА «временной болезнью», и организация, по их мнению, «сама собой умрет» [Первая конференция..., 1928, с. 121]. Прогноз старших коллег сбылся. В начале 1930-х гг. конструктивизм все чаще критиковался, внутри Объединения современных архитекторов возникли разногласия. В 1930 г. ОСА вошло в состав Московского областного отделения Всесоюзного архитектурно-научного общества (МОВАНУ), а в следующем году было преобразовано в Сектор архитекторов социалистического строительства (САСС). Постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932 г.) окончательно ликвидировало авангардные творческие группировки. В течение нескольких последующих лет большинство бывших участников свердловской группы ОСА влились в новый, полностью подконтрольный государству Союз советских архитекторов и перешли к «освоению классического наследия».

Многие свердловские конструктивисты, в том числе и выпускники СТИ (К.Н. Карташев, Е.С. Балак-

шина, М.В. Рейшер, В.И. Смирнов), также были привлечены к преподавательской работе и заложили основы уральской архитектурно-строительной школы. Впрочем, такая успешная творческая судьба сложилась не у всех. В 1937 г. был репрессирован И.И. Робачевский; в том же году в Красноярске подвергся аресту В.П. Парамонов [Слабуха, 2004, с. 253]. Другой участник группы ОСА, С.Е. Захаров, в дальнейшем отошел от архитектурной практики и стал известен как выдающийся художник-акварелист.

Таким образом, в создании и деятельности свердловской группы Объединения современных архитекторов наиболее значимое участие принимали выпускники и студенты Сибирского (Томского) технологического института. Из этого вуза, где было организовано одно из первых региональных отделений ОСА, они привнесли в архитектурную среду столицы Урала новое направление — конструктивизм. Стоит отметить, что такие участники свердловской группы ОСА, как К.Н. Карташев, Е.С. Балакшина и В.П. Парамонов, являлись представителями сибирской научно-технической интеллигенции уже во втором поколении. Выпускники СТИ, первоначально не имевшие большого опыта проектирования промышленных предприятий, сразу же начали работать на площадке Уральского машиностроительного завода. Впоследствии они построили ряд крупных жилых и общественных зданий как в Свердловске, так и в других городах Урала и внесли существенный вклад в развитие уральской архитектуры, градостроительства и архитектурного образования.

Список литературы

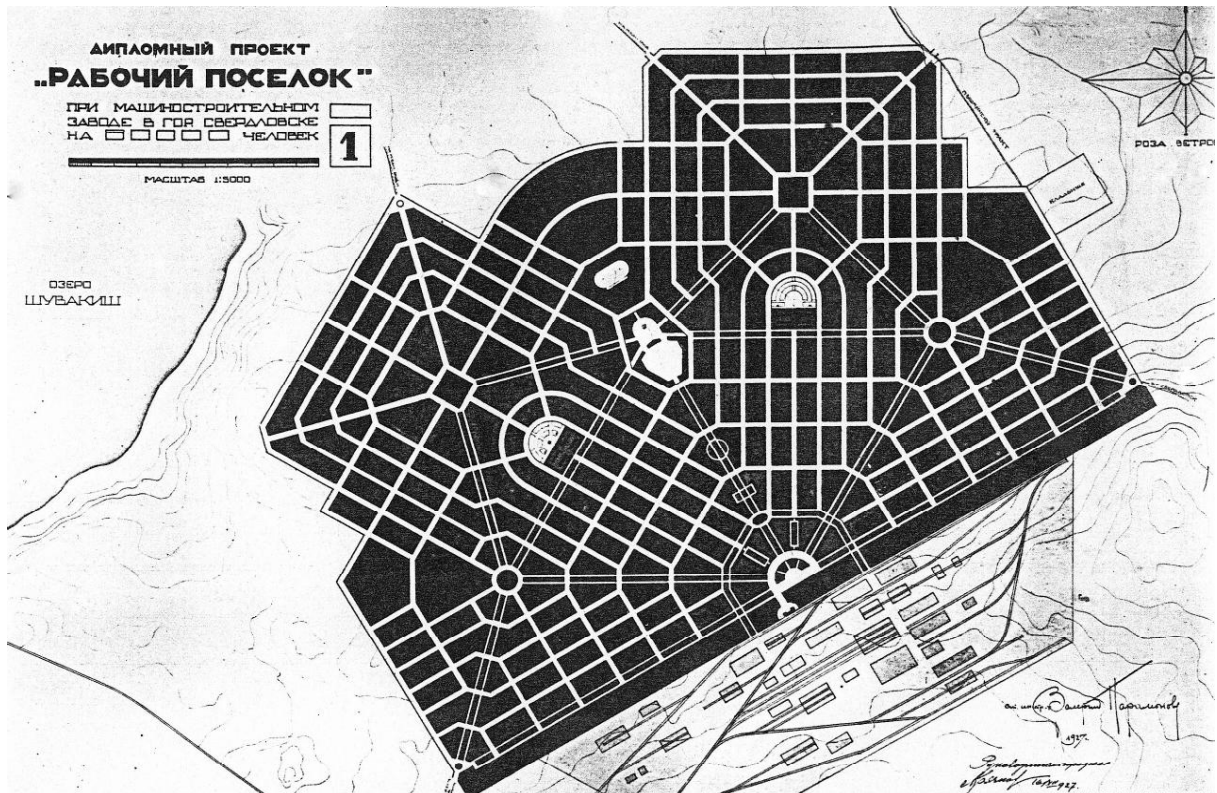
1. Атапин И.И. «Настоящие конструктивисты»: борьба за «новую архитектуру» в Томске в конце 1920-х годов // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 169—172.
2. Баландин С.Н. А.Д. Крячков. Сибирский архитектор: Документальный очерк. — Новосибирск: Новосибир. кн. изд-во, 1991. — 159 с.
3. Богданова О.В. Роль российских инженерно-технических кадров в истории градостроения Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2016. — № 406. — С. 40—44.
4. Жизнь ОСА // Современная архитектура. — 1928. — № 1. — С. 38—40.
5. Казусь И.А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. — М.: Прогресс-Традиция, 2009. — 464 с.
6. Казусь И.А. Товарищество «Техбетон» и развитие архитектуры конструктивизма на Урале (1920—1930-е годы) // Архитектурное наследство. — М., СПб.: Коло, 2015. — Вып. 62. — С. 287—302.
7. Конструктивизм и конструктивисты на местах (письмо из Томска) // Современная архитектура. —

1928. — № 3. — С. 103—104.

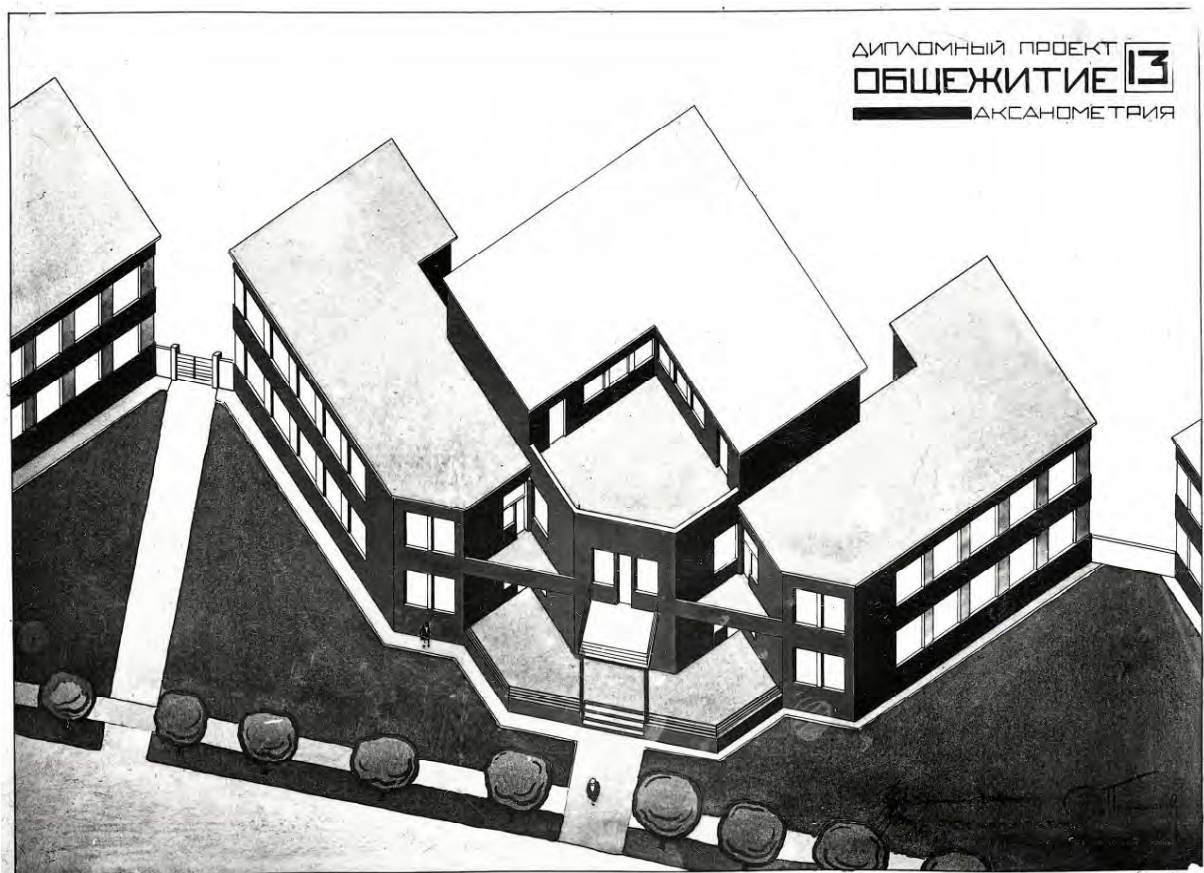
8. Косенкова Ю.Л. «Эхо конструктивизма» и «опыт стройки» на Урале (конец 1920-х — 1930-е годы) // Архитектурное наследство. — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — Вып. 47. — С. 330—335.
9. Первая конференция Общества современных архитекторов в Москве // Современная архитектура. — 1928. — № 4. — С. 116—121.
10. Практика Свердловского отделения ОСА // Современная архитектура. — 1928. — № 4. — С. 121—122.
11. Свердловск. Справочник-путеводитель на 1929—1930 год. — Свердловск: Изд. Свердл. Горсовета, 1929. — 590 с.
12. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. — Екатеринбург: Сократ, 2007. — Т. 1. — 535 с.
13. Слабуха А.В. Архитекторы Приенисейской Сибири. Конец XIX — начало XXI века. — М.: Прогресс-Традиция, 2004. — 432 с.
14. Смирнов Л.Н. Истоки архитектурного авангарда на Урале. Уральская область (1923—1934 гг.) // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. — 2010. — № 1. — С. 60—63.
15. Советская Сибирь (Новосибирск). — 1928. — 15 мая.
16. Театр на 1500 чел. Над чем работают студенты (на защите дипломных проектов) // Красное знамя (Томск). — 1927. — 21 июня.
17. Томский технологический институт за 25 лет своего существования (22 октября 1900—1925): юбилейный сборник. — Томск: Изд. Сиб. технолог. ин-та, 1928. — 269 с.
18. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. В 2 кн. — Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. — М.: Стройиздат, 1996. — 709 с.
19. Шелушинин А.Д. К истории архитектуры Свердловска (конструктивизм 1920—1930 годов) // Из истории художественной культуры Екатеринбурга — Свердловска: к 250-летию города. — Свердловск, 1974. — С. 72—82.
20. Юбилейный справочник выпускников Санкт-Петербургского Государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Российской Академии художеств, 1915—2005. — СПб.: Петрополь, 2007. — 792 с.

Список источников

МИАС им. С.Н. Баландина НГУАДИ. Инв. № 467 («Альбом студенческих проектов СТИ — Сибстрина. 1927—1936 гг.». Проект рабочего поселка при Свердловском машиностроительном заводе на 60 000 человек. Студ. В. Парамонов, рук. А.Д. Крячков, 1927 г.).

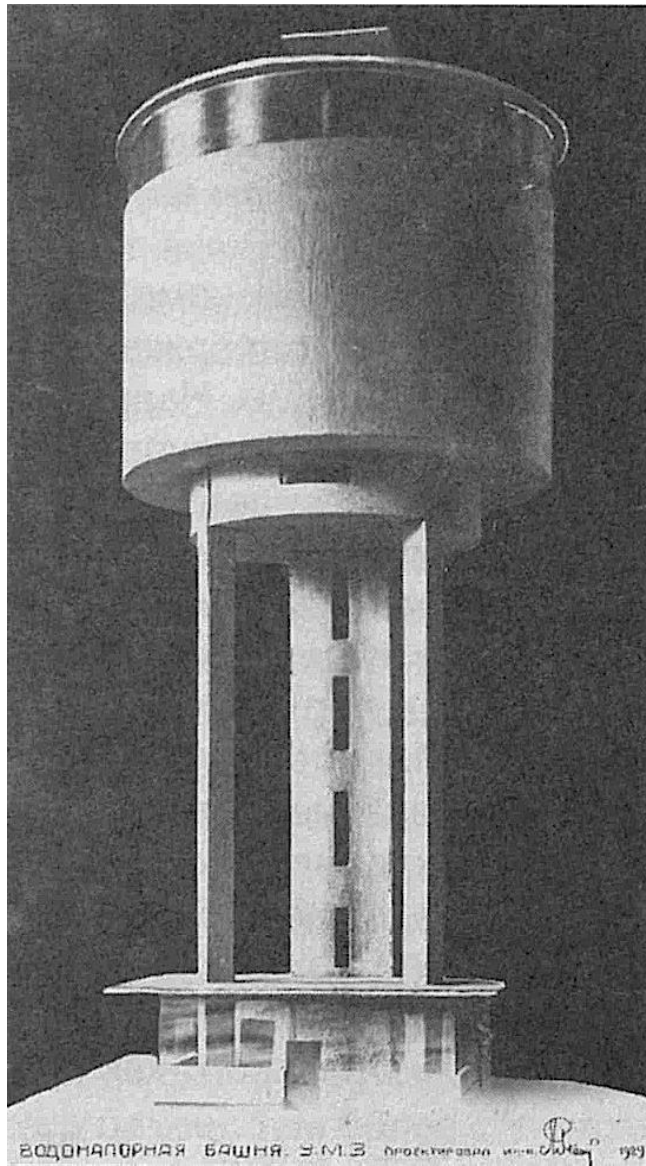

Ил. 1. Дипломный проект «Рабочий поселок при машиностроительном заводе в гор. Свердловске на 60 000 человек». 1927 г. В.П. Парамонов. Генплан [МИАС им. С.Н. Баландина. Инв. № 467. Проект рабочего поселка...]

Ил. 2. Дипломный проект «Рабочий поселок при машиностроительном заводе в гор. Свердловске на 60 000 человек». 1927 г. В.П. Парамонов. Общежитие (аксонометрия) [МИАС им. С.Н. Баландина. Инв. № 467. Проект рабочего поселка...]

Ил. 3. Эскизный проект водонапорной башни соцгорода Уралмаша. 1929 г. М.В. Рейшер. Модель [Казусь, 2015, с. 298]

УДК: 72.035.93

Т.В. Бирюкова
Томский государственный архитектурно-
строительный университет (Томск)
Tvbiyukova@sibmail.com
Научный руководитель: кандидат
искусствоведения А.П. Герасимов

Интерьер дома-особняка гражданского инженера А.Д. Крячкова в городе Томске. К проблеме архитектуры модерна в Сибири

Аннотация

Статья посвящена исследованию особенностей интерьера жилого дома, выполненного в стиле модерн в Сибири. Самобытность интерьера сибирского модерна показана на примере особняка гражданского инженера А.Д. Крячкова, построенного в 1910 г. в Томске. Рассмотрены декоративные решения фасадов здания, планировка первого и второго этажей, особенности оформления интерьера и сохранившихся предметов мебели. В статье раскрываются вопросы сочетания комфортабельности и красоты интерьера, которые достигаются с помощью неординарных приемов отделки стен, проработки дизайна комнат, мебели и бытовых предметов. Основное внимание в работе уделяется средствам достижения соответствия функционального назначения помещений их внутреннему устройству, конструкции и декоративному оформлению мебели.

Ключевые слова: история интерьера, стиль модерн, мебель, А.Д. Крячков, деревянная архитектура, Томск

T.V. Biryukova
*Tomsk State University of Architecture
and Building (Tomsk)*
tvbiyukova@sibmail.com
Scientific supervisor is A.P. Gerasimov

The Interior of Civil Engineer A.D. Kryachkov's Mansion in the City of Tomsk. To the Problem of Art Nouveau Style in Architecture of Siberia

Abstract

The article deals with the study of interior features of an apartment house made in the Art Nouveau style in Siberia. The identity of the interior of the Siberian Art Nouveau is shown on the example of the mansion of the civil engineer A.D. Kryachkov, built in 1910 in the city of Tomsk. Decorative solutions of the facades of the building, layout of the first and second floors, interior design features and surviving pieces of furniture are considered. The article deals with questions of a combination of comfortableness and beauty of an interior which are reached by means of unusual methods of wall finishing, study of room design, furniture and household items. The main attention in the work is paid to the means of achieving the correspondence of the functional use of the premises to their internal arrangement, to the decorative design of furniture.

Key words: interior history, art Nouveau style, furniture, A.D. Kryachkov, wooden architecture, Tomsk

Стиль модерн, сформировавшийся как направление в искусстве и архитектуре Европы в конце XIX в., достаточно быстро распространился в сибирских городах. Здесь он воплотился во внешнем облике и интерьере доходных домов, утилитарных зданий и особняков зажиточных горожан. Одним из проводников модерна в Томске становится гражданский архитектор Андрей Дмитриевич Крячков. Свои идеи он воплотил в художественном облике и техническом оснащении дома-особняка, построенного в центре г. Томска.

Считая, что в Сибири надо строить дома из дерева — материала экологически чистого, красивого и недорогого, которого здесь в избытке, — для стен

своего дома А.Д. Крячков выбрал сосну, меньше других пород дерева поддающуюся гниению. Цокольный этаж предполагалось выполнить из кирпича и частично из лиственницы, которая во влажной среде со временем «каменеет». Дом был задуман как первый в городе деревянный дом с паровым отоплением: А.Д. Крячков стремился продемонстрировать, что дерево — современный материал, и что деревянный дом может быть совмещен со всеми достижениями начала XX в. «Экспериментальный деревянный дом с автономной системой жизнеобеспечения первоначально не был утвержден из-за высоты здания. Два этажа с полуподвалом и жилым мезонином составляли почти три этажа, что было запрещено

строительным уставом для деревянных домов» [Герасимов, 2010, с. 95]. После долгих обсуждений и небольшой доработки проект был одобрен (ил. 1а, б). Особняк был построен за два года (1910—1911) — это был один из первых деревянных особняков Сибири в стиле модерн (ил. 1в).

Дом-особняк прямоугольный в плане, главная ось здания проходит по центру главного фасада. Сруб выполнен конструкцией «в обло», являющейся надежным конструктивным соединением, которое ведет свое начало с древнейших времен и позволяет лучше сохранить тепло в здании. Углы сруба центрального ризалита обшиты досками и подчеркнуты белым цветом, входная группа украшена полуциркульным проемом, остеклена и выделена эркером второго этажа (ил. 2а). Асимметрия центрального фасада уравновешена диагональным расположением двойных окон с характерным для модерна оформлением наличников. Как и многие русские зодчие, которые «почти отказывались от стилизованных декорированных элементов, столь свойственных раннему модерну» [Борисова, Стернин, 2009, с. 259], А.Д. Крячков минимально использует декор на фасадах, вокруг оконных и дверных проемов, во фризе вальмовых крыш.

Решение дворового фасада более строгое, спокойное, с равномерным ритмичным расположением окон, которые, визуально расширяя объем внутренних помещений, выходили в большой сад, создавая ощущение свободного полета фантазии и выполняя одну из функций модерна — «изнутри-наружу» (ил. 1г). Учитывая сибирский климат, архитектор старался найти оптимальное решение в размерах оконных проемов, позволяющих, с одной стороны, обеспечить наиболее хорошую освещенность, с другой — сохранить тепло. Большие окна способствовали увеличению солнечного света, визуальному расширению внутренних помещений дома, что коренным образом меняло пространство интерьера.

Согласно принципам «нового стиля», когда на первом месте стояли функциональные вопросы внутреннего пространства, внешний вид здания определялся назначением каждого из его помещений [Коссовский, 2013]. На первом этаже, который занимала семья архитектора, размещались гостиная, столовая, детская, спальня и кабинет, второй этаж сдавался внаем преподавателям Технологического института. Вход для прислуги находился с западной стороны, откуда по узкой лестнице можно было попасть в кухню, кладовые и подсобные помещения. Главный вход для семьи и гостей А.Д. Крячкова был с центральной улицы, в столовой на первом этаже находился выход в сад (ил. 2б). Кабинет зодчего располагался на первом этаже с выходом в гостиную и коридор; в общем пространстве здания большие комнаты чередовались с малыми. Планировка первого и второго этажей выполнена таким образом, что прислуга и хозяева дома практически не встречались. Основную площадь второго этажа занимали гостиная с видом на центральную улицу и столовая с выходом на балкон.

Интерьер помещений сам по себе сдержан и рационален, архитектор использует четкие геометрические формы, делая главный акцент на отделку стен и меблировку комнат особняка. Во внутреннем

оформлении спальни используется классический ордер (ил. 2в). Гладкий потолочный карниз разделяет плоскости стен и потолка. Пространство разделено потолочной балкой, поддерживаемой колоннами коринфского ордера, оно гармонирует с классической правильностью объема помещения, придающей комнате ощущение необычности (ил. 2г). Деление комнаты на зоны подчеркнуто шторами из темной ткани, отсутствием простых геометрических форм и симметричной расстановкой мебели. Тахта, кресла, шкаф с большим зеркалом отодвинуты от стен комнаты и собраны в своеобразные зоны отдыха. Строгие формы шкафа, расположенного в углу комнаты, сочетаются с изогнутыми волнообразными очертаниями тахты и кресел. Окрашенные стены драпированы гобеленом с цветочным орнаментом, ковер на полу при открытых шторах призван визуально объединить зоны. Люстра, выполненная в стиле модерн, с текстильным абажуром, приглушает свет, успокаивая и создавая романтическое настроение. Внутреннее пространство спальни дополнено множеством бытовых мелочей и фотографиями; индивидуальность интерьера архитектор подчеркивает своеобразным дизайном мебели. «Предметное изобилие отождествлялось с красотой и уютом. “Всего должно быть много” — этот принцип стал необходимым условием “стильного” и комфортабельного жилища» [Стругова, 2011, с. 13].

Гостиная особняка, в которой собирались друзья и знакомые — представители творческой интеллигенции, ученые и архитекторы, — представляла собой интерьер, где прослеживается соответствие между внутренним пространством и современной на тот момент обстановкой (ил. 2д). Высокий, увеличивающий пространство помещения балочный потолок позволил архитектору использовать в оформлении интерьера карнизы и подвесную лампу в стиле модерн. Рисунок и цвет стен повторяет обивку дивана. Центром композиции в комнате является массивный стол, вокруг которого размещены стулья, диван, сервант, буфет, пианино. Простота отделки стен, мелкие детали интерьера одновременно подчеркивают асимметрию в расстановке мебели и сохраняют динамическое равновесие интерьера (ил. 2е). Сервант со строгими, четкими, слегка изогнутыми линиями и растительной орнаментикой изготовлен из фактурной древесины. Небольшие квадратные стеклянные вставки в дверцах серванта инкрустированы геометрически правильным сложным переплетом (ил. 3а). Дизайн выполненного из светлой древесины буфета с асимметричными боковыми объемами и со стеклянными дверцами в среднем отделении характерен для модерна. Простой рельефный декор дверок буфета повторяет узор межкомнатных дверей (ил. 3б). Рисунок материала обивки дивана повторяет отделку кресел в спальне, объединяя стиль мягкой мебели двух комнат (ил. 2е). Верхняя часть спинки стульев в гостиной оформлена резьбой (цветочным орнаментом), сиденья из темно-зеленой материи по периметру обиты заклепками (ил. 3в). Расстекловка межкомнатных дверей, характерная для модерна, сохранилась до нашего времени (ил. 3г, 4а). Живые цветы заполняют комнаты и сгруппированы у окон, располагаются на жардиньерках.

Дизайн немногих сохранившихся предметов ме-

бели из кабинета А.Д. Крячкова разработан самим инженером. Этажерка для чертежей выполнена из дерева и отдаленно напоминает греческую вазу (ил. 4б). Плавные гнутые ножки, переходя в петлеобразные ручки, соединены между собой образующими пирамиду горизонтальными полками. На вершине пирамиды расположена жардиньерка. Деревянные небольшие стулья в кабинете выполнены по эскизу архитектора. Обитая кожей невысокая спинка, сиденье удобны и практичны (ил. 4в, г). Поясничная полукруглая спинка стула соединена с сиденьем изогнутыми прутками из древесины. По замыслу архитектора, каждая деталь интерьера — мебельная фурнитура, ручки дверей, витрины сервантов, отделка комнат и дизайн мебели — должны являть собой единство между практичностью и красотой.

Воплотившиеся в собственном доме прогрессивные идеи А.Д. Крячкова были призваны изменить облик сибирских городов строительством индивидуальных жилых домов из дерева, оснащенных современными техническими средствами жизнеобеспечения. Почин не был поддержан, и особняк остался единственным в своем роде экспериментом. Однако «эстетизм модерна в зданиях, созданных в Сибири, наполнил городскую среду новым содержанием, хотя стиль и просуществовал короткое время, он дал импульс для дальнейшего развития архитектуры в регионе, понимание архитектурной формы, способствовал в дальнейшем появлению новых направлений в зодчестве» [Груздева, 2009, с. 24].

В объемно-планировочном решении, оформлении интерьера дома-особняка А.Д. Крячков использует свойственные рациональному модерну геометрическую схематизацию, упрощенность и стилизацию форм. Архитектор в дизайне комнат практически не использует декоративный орнамент, акцентируя внимание на вещи в интерьере, значение которых проявляется не только в функциональной, но и в их эстетической ценности.

Список литературы

1. Борисова Е.А., Стернин Г.Ю. Русский модерн. — М.: Советский художник, 1990. — 360 с.
2. Герасимов А.П. Томский модерн. — Томск: В-Спектр, 2010. — 134 с.
3. Груздева Е.А. Стиль модерн в архитектуре сибирских городов: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Новосибирск, 2009. — 28 с.
4. Залесов В.Г. Архитекторы Томска (XIX — начало XX века). — Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2004. — 170 с.
5. Коссовский Г.М. Стиль модерн в русской архитектуре. — М.: Спутник+, 2013. — 110 с.
6. Стругова О.Б. Вещь в интерьере [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.artinstitut.ru/library/articles/thing-in-the-interior.html> (дата обращения: 27.04.2018 г.).

Ил. 1. Дом-особняк архитектора А.Д. Крячкова в Томске: а — графическая реконструкция первоначального и итогового проектов: главный фасад, планы 1-го и 2-го этажей. По: [Залесов, 2004, рис. 36]; б — фотокопия листа из первоначального проекта, 1909 г. (URL: <http://news.ngs.ru/articles/50186801/>); в — главный фасад; г — дворовой фасад. Снимки автора

а

б

в

д

г

е

Ил. 2. Интерьеры особняка архитектора А.Д. Крячкова в Томске: а — эркер, современный вид; бывшая столовая, современный вид. Снимки автора; в, д, е — гостиная; г — жилая комната. Снимки из архива МДЗ ТОХМ

а

б

в

г

Ил. 3. Фрагменты и детали интерьеров особняка архитектора А.Д. Крячкова в Томске:
а, в — декоративные элементы отделки мебели; б — буфет; г — коридор 1-го этажа.
Снимки автора

а

б

в

г

Ил. 4. Фрагменты и детали интерьеров особняка архитектора А.Д. Крячкова в Томске:
а — оформление межкомнатной двери; б — этажерка для чертежей; в, г — стулья.
Снимки автора

УДК: [711.55(571.14)]

Т.Л. Вальтеран, О.С. Альсова¹
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹alsova@mail.ru

Модели трансформации исторических промышленных территорий на примере радиозавода «Вега» в городе Бердске Новосибирской области

Аннотация

В статье представлены модели трансформации исторических промышленных территорий и расположенных на них объектов на примере радиозавода «Вега» в г. Бердске Новосибирской области. Выделены основные векторы трансформации на основе анализа существующего опыта. Приводятся данные об историческом развитии территории радиозавода «Вега», сформулированы основные этапы этого развития, выполнен анализ актуального состояния территории для выявления вектора трансформации и потенциала изучаемого объекта. На основе анализа разработаны модели трансформации территории радиозавода «Вега» по вектору «реабилитация».

Ключевые слова: трансформация промышленных территорий и объектов, векторы трансформации, радиозавод «Вега»

T.L. Valteran, O.S. Alsova¹
Novosibirsk State University of
Architecture, Design and Arts (Novosibirsk)
¹oalsova@mail.ru

Models of Transformation of Historical Industrial Territories Shown on the Example of Vega Radio Manufacturer in the Town of Berdsk (Novosibirsk Region)

Abstract

The article presents models of transformation of historical industrial areas and objects, which are connected with them, on the example of the *Vega Radio Manufacturer* in the town of Berdsk, Novosibirsk region. The authors reveal the main vectors of transformation based on analysis of existing practice. The article gives data on historical development of the territory of the *Vega Radio Manufacturer*, the main stages of this development are formulated, the actual state of the territory is analyzed to identify the «vector» of transformation and the potential of the object under study. Based on the analysis, models for the transformation of the Vega radio plant's territory by the «vector» «rehabilitation» have been developed.

Key words: transformation of industrial territories and objects, vectors of transformation, Vega radio manufacturer

С конца XX в. промышленность по производству радиоэлектроники и точного приборостроения в России перестала быть приоритетным направлением, вследствие чего на территории Новосибирской области был запущен процесс сокращения производственных площадей, образовались пустующие, заброшенные фрагменты промышленных территорий, находящихся в собственности предприятий. Это повлекло за собой дисбаланс территорий городов Новосибирска и Бердска. Одним из вариантов решения данной проблемы стала реиндустриализация территорий и перефункционалирование объектов.

В рамках изучения существующего опыта трансформации промышленных территорий и объектов были выявлены основные векторы трансформации:

1. *Реконструкция* — изменение параметров объекта капитального строения (внешнего вида, конструкций), воспроизведение процессов, происхо-

дивших в прошлом на территории, или объектов, располагавшихся на территории.

2. *Реновация* — процесс замещения выбывающих из производства вследствие морального и/или технического износа технологий на новые технологические процессы, что может повлечь за собой перепланировку либо полный снос здания, сооружения [Быстрова, 2014, с. 25].

3. *Реабилитация* — процесс осуществления комплексных мероприятий, направленных на восстановление, приспособление к актуальным условиям территорий и объектов, осуществляемый государственными органами, частными лицами, общественными организациями [Демидова, 2010, с. 9].

4. *Ревитализация* — процесс «оживления» пространства путем обеспечения людей качественной и благоприятной средой обитания [Быстрова, 2014, с. 10].

Для объектов радиоэлектроники и точного приборостроения в России характерна трансформация по типу реабилитации и реконструкции. В качестве одного из примеров можно назвать приборостроительный завод «Манометр» в Москве. Первые объекты появились на территории завода в 1886 г. В 2000 г. по проекту высвобождения территорий Москвы производство было вынесено в г. Энгельс Саратовской области. Редевелопмент территории прошел в 2008—2009 гг. [Тыкулов, 2012, с. 6]. В результате преобразований на территории завода были размещены центр дизайна Artplay, различные архитектурные мастерские и дизайнерские конторы, непосредственно влияющие на внешний облик зданий и объектов, расположенных на территории. Также на территории были размещены галереи, профильные магазины, шоурумы.

Другой московский пример трансформации объектов радиоэлектроники и точного приборостроения — завод «Электролуч» [Матвеев]. Основная часть комплекса была построена к 1899 г. на ул. Большой Пироговой по проекту гражданского инженера А.И. Роопа. В 2006 г. по программе развития территорий Москвы производственные мощности данного предприятия были выведены в г. Гагарин Смоленской области. В 2012 г. началась реставрация заводских корпусов и территорий. В настоящее время территория и объекты работают в формате бизнес-центра. В результате благоустройства территории помимо создания комфортной среды была реализована и социальная составляющая, направленная на улучшение условий работы работников бизнес-центра.

В Новосибирске также есть пример трансформации объектов промышленности радиоэлектроники и точного приборостроения: в Заельцовском районе города с 2015 г. функционирует индустриальный парк «Экран». Изначально это был завод по производству кинескопов, позже он был перепрофилирован на производство стеклотары [Индустриальный парк]. В конце XX в. производственные мощности спали, оборот продукции упал, часть территории была отдана для строительства торгового комплекса «Красный мамонт» и «Сибирская ярмарка», основная часть территории сохранила свою промышленную функцию. В данный момент на территории организован индустриальный парк, помещения сдаются в аренду резидентам. Основное направление — это производство стекла, ПЭТ-бутылок. Также на территории есть множество мелких производств легкой промышленности.

Приведенные выше примеры являются положительными вариантами продуманной трансформации, так как они отвечают современным потребностям города и вносят вклад в его развитие, но, если рассматривать территории заводов радиоэлектроники и точного приборостроения в России в целом, то большинство территорий находятся в упадке, здания ветшают, объекты в структуре города деградируют.

Проблема реновации территорий заключается в неэффективных трансформациях объектов, при которых не учитываются технологические, социально-экономические, экологические, функционально-планировочные и архитектурно-эстетические требования городской среды. Территории рассматриваются в нашем проекте в качестве потенциаль-

ных резервов городской среды, перспективных для развития городской инфраструктуры и пространств.

Целью реализации проектов по трансформации промышленных территорий и объектов является улучшение качества городской среды во всех аспектах (социальном, функциональном, культурном, градостроительном). Суть данного действия заключается в максимально эффективной эксплуатации территории, реализации ее потенциала. Новая жизнь промышленных территорий и объектов, реализация новых пространств, новых функций может обеспечить городу новые экономические возможности, создать новые рабочие места, улучшить качество жизни в городе.

Исследование, необходимое для реализации вектора трансформации, заключается в трехэтапном формировании концептуального проекта трансформации территории на основании методических рекомендаций, разработанных КБ «Стрелка». Первый этап — подготовительный, в него входит всесторонний анализ территории, второй этап — это выбор вектора трансформации и формирование концептуальных моделей трансформации, третий этап — концептуальное проектирование.

Рассмотрим пример исследования по формированию моделей трансформации промышленных территорий и расположенных на них объектов на примере территории радиозавода «Вега» в г. Бердске. Данная территория была выбрана из-за своего расположения (территория располагается недалеко от крупного транспортного узла Бердска, непосредственно на главной улице города, имеет развитую инфраструктуру), а также из-за экономического потенциала и характерных для объектов радиоэлектроники и точного приборостроения параметров — планировочной структуры, набора объектов, планировок объекта.

Для выбора «вектора» трансформации и формирования моделей был проведен анализ территории радиозавода по следующим параметрам: история развития территории, анализ современного состояния территории и объектов, анализ перспектив развития территории по генеральному плану развития города.

История развития завода подробно изложена в энциклопедии «История промышленности Новосибирска» [Звезда Сибири, 2005, с. 309—378]. Территория развивалась поэтапно, и можно выделить шесть основных этапов:

1. Первый этап — «эвакуационный» (1941—1946 гг.) — период работы эвакуированных мощностей Харьковского завода им. Дзержинского. После войны производство было возвращено обратно в Харьков, но на бывшей территории остались объекты, построенные в период эвакуации, и некоторые мощности, на базе которых в 1946 г. был основан Государственный союзный Бердский радиозавод.

2. Второй этап (1946—1949 гг.), совпадающий с первой послевоенной пятилеткой, — «укрепление» — период, когда завод получил официальное название «Государственный союзный Бердский радиозавод» и начал свое развитие. Производство было ориентировано на мирные цели. Этап был продуктивен — на территории начали функционировать 7 цехов (4 из них с печным отоплением, 3 — с центральным),

был создан участок по изготовлению слесарного инструмента. К концу 1946 г. уже 14 цехов были сданы в эксплуатацию и начали реализовывать свой потенциал. Также была создана лаборатория новых разработок, а в сентябре 1947 г. была выпущена первая партия приемников. Для улучшения качества продукции и внешнего вида аппаратуры были реконструированы цех по производству пластмасс и деревообрабатывающий цех. В конце 1947 г. был запущен массовый выпуск приемника «Рекорд-47». В апреле 1948 г. была открыта центральная измерительная лаборатория, в августе этого года создан цех по производству динамиков.

3. Третий этап (1949—1955 гг.) — «становление» — с середины 4-й по середину 7-й пятилетки. В этот период происходит освоение производства, формируются заводские территории и объекты, разрабатываются образцы продукции, линии производства, налаживаются объемы продукции. В 1949 г. происходит модернизация ряда технологических процессов. В 1952 г. были завершены работы по расширению цехов и увеличению их энергоэффективности. Происходит переход на конвейерное производство, расширяется номенклатура. К концу 6-й пятилетки начинается вторая волна модернизации производства, завод получает финансовую поддержку от государства на промышленное строительство.

4. Четвертый этап (1956—1987 гг.) — «экономическая стабильность» — пик экономического потенциала завода, самый протяженный этап в периоде его существования (с середины 7-й по конец 11-й пятилетки). В этот период укрупняются производства, завод переживает свой расцвет. Мощности растут, продукция совершенствуется. Завод активно влияет и на городское развитие, строя и развивая социальные объекты для своих работников. На территории завода проходят реконструкции объектов, связанные с изменением технологий производства, а также производится новое строительство, направленное на развитие. В 1963 г. возводятся новые корпуса: трехэтажный корпус, второй корпус, в который перенесены производства из старых цехов, третий корпус. В 1964 г. заводу выделяются новые площади из городского резерва для развития. К 1965 г. капитальное строительство на заводе завершено, происходит комплексное развитие производства, увеличивается номенклатура выпускаемой продукции, а также рост ее качества. В 1971 г. начинает свою работу специальное конструкторское бюро. В 1974 г. открывается филиал в рабочем поселке Сузун, здание одного из новосибирских предприятий репрофилировано для производственных помещений Бердского радиозавода. Во время 10-й пятилетки происходит строительство цеха № 5, в 1980 г. сдан в эксплуатацию многоэтажный административный корпус. Во время 11-й пятилетки происходит внедрение новых технологий производства.

5. Пятый этап (1988 – 1998 гг.) — «стагнация» — это кризисный этап, 1987—1988 гг. Он заключался в резком спаде производства, в проблемах, возникших в момент перестройки. В данный период производственное объединение «Вега» старается удержать мощности производства, принимает меры по реиндустриализации (создание мебельного цеха, установка нового оборудования).

6. Шестой этап (1999 г. по настоящее время) — «реабилитация» — меры по реабилитации объектов и территории — этот этап на изучаемом объекте еще не закончен. С 1999 г. площади начали сдавать в аренду разнонаправленным резидентам [Звезда советской радиотехники, 2005, с. 309—378].

В результате исторического анализа было выявлено, что территории и объекты радиозавода «Вега» в период реализации стратегий пятилеток в СССР развивались планомерно и с целью увеличения мощности производства. Кризисная ситуация в стране в 1990-х гг. оказала существенное влияние на состояние завода. Именно в данный период территории пришли в упадок, объекты перестали быть целостным объединением.

Анализ современного состояния территории радиозавода «Вега» необходим для выявления возможностей развития, требований городского сообщества и выбора вектора трансформации территории и заключается в рассмотрении композиционных характеристик территорий и объектов, выявлении роли территории в городской структуре, определении транспортной доступности, определении функционального назначения зданий и сооружений территории, выявлении объектов исторического или культурного значения.

Территория радиозавода «Вега» в настоящее время открыта для посещения, она состоит из нескольких блоков, на которых реализуются новые функции. Они связаны общей инфраструктурой, оставшейся на территории завода со времен его действия. Планировочная структура имеет строгие геометрические формы.

На территории радиозавода доминантой визуальной композиции выступает главное административное здание, выходящее на ул. Ленина (ил. 1). Транспортная структура территории завода сформирована двумя большими транспортными потоками: на севере основные въезды и выезды тяготеют к ул. Вокзальной, на юге — к ул. Ленина, важному транспортному потоку в Бердске, который является легкодоступной для пешеходов и общественного транспорта, что предоставляет возможность вывести транспортные и грузовые потоки территории к железнодорожным путям, а в перспективе и к речному порту.

Территории радиозавода в соответствии с картой градостроительного зонирования города Бердска (ил. 2) являются зоной коммунальных объектов IV и V класса вредности, это объекты с низкой и очень низкой степенью вредного воздействия опасных отходов на окружающую природную среду. Данные территории являются промышленной зоной «Вега-1» города Бердска.

Функциональное наполнение зданий на территории завода представлено на иллюстрации 3. Общий анализ показал, что основная функция на территории на 2018 г. — хозяйственно-складская.

Исходя из анализа современного состояния территории радиозавода, был выбран основной вектор трансформации — «реабилитация», так как территория имеет потенциал для дальнейшего сохранения промышленной функции и развития потенциала промышленных объектов. В результате двумя основными моделями для развития территории выступают (ил. 4):

1) промышленно-логистический парк мононаправления «радиоэлектроника» типа «браундфилд» (Brownfield, промышленно-логистический парк, сформированный на уже сложившейся промышленной территории в городской структуре);

2) промышленно-логистический парк полинаправления типа «браундфилд».

Обе предлагаемые авторами модели трансформации вписываются в проект планировки Бердска, благоприятно повлияют на экономику города, также могут послужить толчком к развитию и увеличению транспортного и пассажирского потока в нем. Основной целью при выбранном векторе трансформации является создание крупной точки притяжения для логистических потоков Новосибирской области в Бердске. Промышленно-логистический парк подразумевает круглосуточную работу территории и объектов в ней. В предлагаемых моделях предполагается создание новых рабочих мест, улучшение социального благосостояния сотрудников, что, в свою очередь, благоприятно повлияет на город в целом.

После определения вектора трансформации и моделей необходимо обратить внимание на следующие аспекты:

- не только ответ предлагаемых моделей на потребности инвесторов, но и их гармоничное «вписание» в стратегию развития города;

- формирование точных целей и задач для их достижения в конкретном проекте для конкретной территории;

- постоянный характер пользования объектов;

- создание новых рабочих мест.

Дальнейшая разработка концептуального проекта трансформации будет происходить при заинтересованности инвесторов после выбора модели. Разработка должна будет пройти в несколько этапов:

Первый этап — предварительный — подготовительный (всесторонний анализ территории).

Второй этап — создание стратегии развития, которая включает в себя:

- «легенду объекта» — основная функция (создание «легенды» объекта) лежит в обосновании выбранной трансформации и формировании положительного восприятия объекта горожанами. Для формирования положительного образа промышленно-логистического парка в Бердске «легендой» объекта будет выступать создание новых рабочих мест, развитие территории и транспортных потоков, что повлечет за собой развитие городской среды;

- стратегию активации объекта — это те меры, которые необходимо принять для активации объекта: привлечение горожан, привлечение резидентов, открытие территории после реконструкции;

- брендинг проекта — это разработка узнаваемого бренда проекта, характерных запоминающихся особенностей [Вовлечение горожан..., с. 4—33];

- адаптацию объекта в городском пространстве — эта реализация новых функциональных связей. В предлагаемых моделях предлагается развитие транспортно-логистической функции территории, а также дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры Бердска, создание грузового и пассажирского речного порта.

Третий этап — разработка концептуального проекта — реализуется при непосредственном зака-

зе инвесторов на разработку конкретной модели и включает в себя:

- транспортную инфраструктуру объекта — план организации транспортных, пешеходных, снабженческих потоков и других потоков на территории;

- реализацию потребностей резидентов — это те пространственные решения, которые отражают непосредственные требования резидентов — устройство выставочных пространств, формирование необходимых объектов;

- план (проект) размещения бытовых, сервисных и прочих сопроводительных объектов на территории;

- план (проект) благоустройства и озеленения территории;

- развитие фонда помещений — те конкретные приемы, которые необходимы для реализации модели;

- реорганизацию среды — те меры, которые предполагаются для изменения визуального восприятия, функционального наполнения среды объекта;

- информационную и навигационную инфраструктуру объекта — план расположения информационных и навигационных блоков на территории модели;

- активизацию прилегающих пространств — необходимые меры и варианты активизации прилегающих к объекту территорий и зданий;

- обновление архитектурных фасадов объекта, необходимое для реализации стратегии развития;

- визуальное восприятие объекта — это план новых видовых точек;

- «вписание» объекта в городскую структуру — план территории, встроенный в городскую ткань, развертки концептуального проекта, вписанного в городской пейзаж [Там же, с. 8—12].

Таким образом, для реабилитации территории радиозавода «Вега» была разработана «легенда» объекта на базе исторического анализа. Основой для развития «легенды» является эвакуационный период и период укрепления. При разработке проектного этапа в проекте будет учтена сформированная «легенда», что повлияет на функциональное наполнение территории и внешний облик объектов на ней.

Список литературы

1. Быстрова Т.Ю. Виды и параметры архитектурной деятельности по реабилитации промышленных территорий // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. — 2014. — № 3. — С. 23—27.
2. Быстрова Т.Ю. Парк Эмшер: принципы и примеры реабилитации промышленных территорий // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. — 2014. — № 2. — С. 9—14.
3. Вовлечение горожан в проекты благоустройства: Методические рекомендации по реализации проектов повышения качества среды моногородов / КБ «Стрелка», «Проектная группа В», НКО «Фонд развития городов» [Электронный ресурс]. — URL: http://моногорода.рф/uploads/knowledge_file/content/48/250917_Report_17.4_OTRED_vovlechenie.pdf
4. Демидова Е.В. Понятие и опыт трансформации

промышленных пространств в российских и зарубежных городах // УралНИИпроект РААСН «Проект Архей»-2010 [Электронный ресурс]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/reabilitatsiya-promyshlennyh-territoriy-kak-chasti-gorodskogo-prostranstva>

5. Звезда советской радиотехники // История промышленности Новосибирска. — Т. V. (Новый отсчет). — Новосибирск: ИД «Ист. наследие Сибири», 2005. — С. 309—378.

6. Индустриальный парк «Экран» [Электронный ре-

сурс]. — URL: <http://park-ecran.ru/> (дата обращения: 02.12.2016).

7. Матвеев О. Новая жизнь заводов и фабрик // Мослента [Электронный ресурс]. — URL: <https://moslenta.ru/articles/promzony.htm>

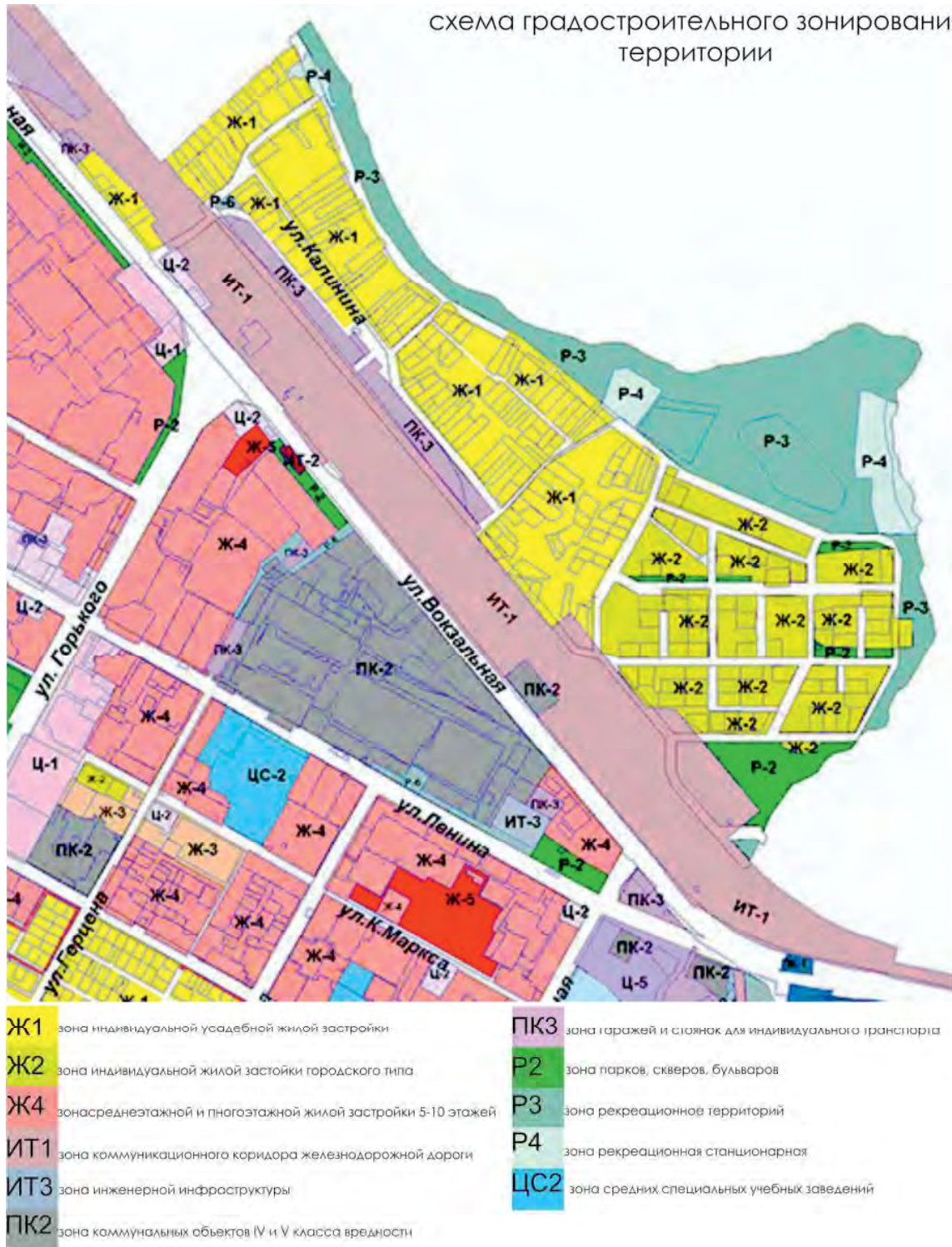
8. Тыкулов Д. Фабрики превращаются в арт-кластеры // Эксперт Недвижимость. — 2012. — № 1 (16).— [Электронный ресурс]. — URL: <http://expert.ru/expreaity/2012/01/fabriki-prevraschayutsya-v-art-klasteryi/> (дата обращения: 15.07.2018).

фотофиксация объекта

Ил. 1. Виды территории радиозавода «Вега». Снимки О.С. Альсовой, январь 2018 г.

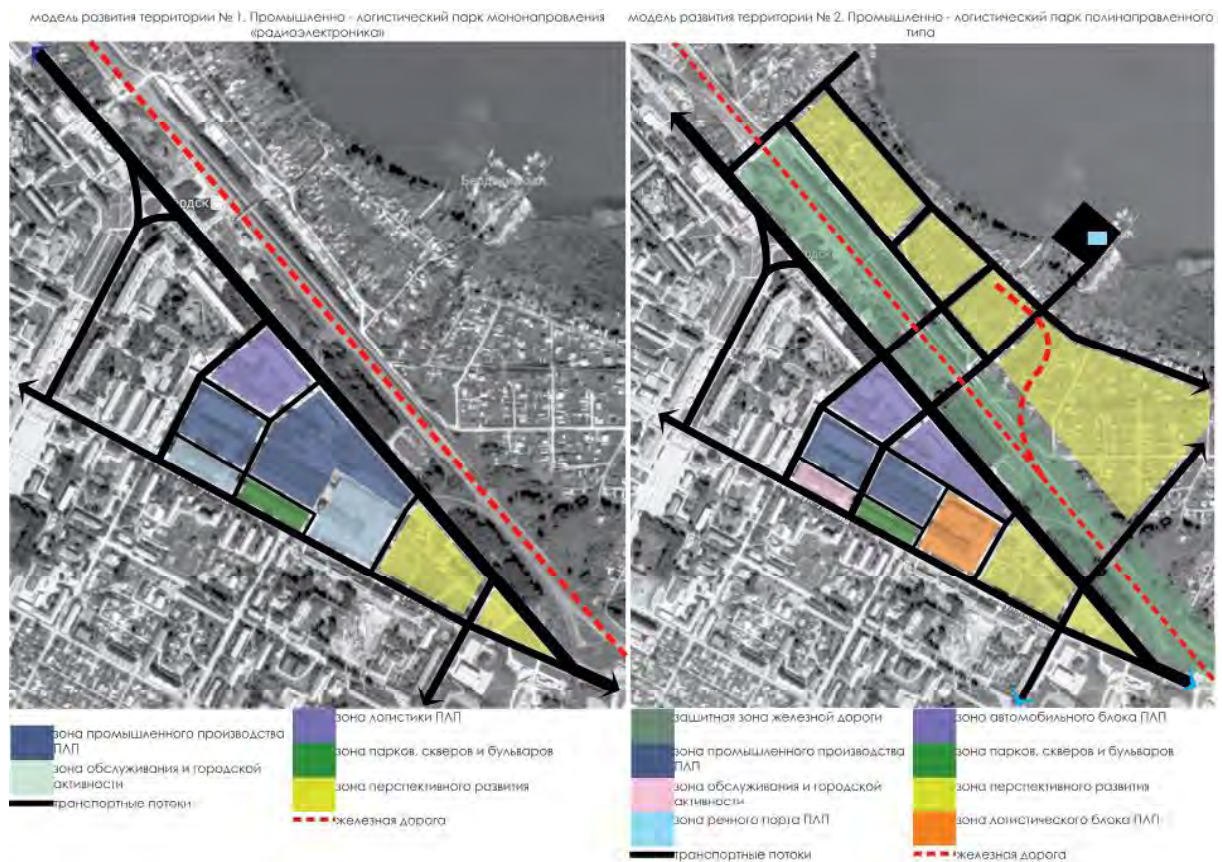
схема градостроительного зонирования территории

Ил. 2. Карта градостроительного зонирования территории города Бердска. Генеральный план города был разработан в 2003 г. проектным институтом «Новосибгражданпроект»

Ил. 3. Схема функционального наполнения территории. Автор – О.С. Альсова

Ил. 4. Модели для развития территории. Автор – О.С. Альсова

УДК: 711.581-168

В.С. Купич¹, А.Е. Гашенко
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹valyakupich@gmail.com

Преемственное развитие застроенных территорий с повышением инвестиционной эффективности нового строительства

Аннотация

В статье приводятся результаты проектного эксперимента по моделированию жилой среды с сохранением исторического контекста и рентабельности новой застройки. Предпринята попытка трансляции «генетического кода» архитектурно-градостроительной среды при комплексном развитии застроенных территорий. Исследование выполнялось с целью проверки гипотезы о том, что экономическая эффективность нового строительства возможна при сравнительно невысокой этажности, сохраняющей соразмерный человеку масштаб. Для моделирования была выбрана территория соцгородка Расточка (поселок завода «Тяжстанкогидропресс») в г. Новосибирске.

Ключевые слова: генетический код, исторический контекст, преемственность, развитие застроенных территорий, рентабельность

V.S. Kupich¹, A.E. Gashenko
*Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)*
¹valyakupich@gmail.com

Development of Built-Up Territories with High Investment Efficiency and Historical Context Surviving

Abstract

The article presents the results of an experimental study on the residential environment modeling with preservation the historical context of the territory and commercial profitability of the building. An attempt to translate the genetic code of architectural and planning structure in the integrated development of built-up areas was made. The study was carried out to test the hypothesis that economic efficiency of new construction is possible with a relatively low number of storeys with a scale suitable for human use. The territory of the industrial community of the plant of heavy machines and hydraulic presses — Tyazhstankohydropress in Novosibirsk was chosen for the modeling.

Key words: genetic code, historic context, continuity, brownfield development, profitability

Бурное развитие жилищного строительства в последние 20 лет имеет несколько ярко выраженных тенденций — как положительных, так и отрицательных. Помимо роста квадратных метров жилья и воспроизводства старого жилого фонда город сталкивается с проблемой деформации своей пространственной структуры. Целостность и идентичность районов и микрорайонов, созданная в эпоху комплексной застройки, сейчас подвержена разрушению, деструкции. При реконструкции районов с ветхим и аварийным жильем пустые пространства от снесенных зданий заполняются по принципу максимальной экономической эффективности, при этом существовавший ранее архитектурно-градостроительный контекст жестко нарушается путем размещения новой застройки, рассогласованной в архитектурно-пространственном и символическом

отношении.

Между тем проявление принципов преемственности при реконструкции застройки за рубежом, где рынок недвижимости функционировал всегда, позволяет не только получить экономически рентабельный проект, но и создать адекватную историческому контексту среду, в которой сохранение «генетического кода» территории играет важную роль в том числе в отношении рентабельности.

Возникает вопрос: возможно ли, интерпретируя историческую среду с, казалось бы, заведомо «нерентабельными» показателями по плотности застройки, добиться, во-первых, качественных характеристик среды, а во-вторых, тех же технико-экономических показателей, что и застройщики, работающие по принципу «выжимания» квадратных метров через увеличение этажности? Описанная проблемная си-

туация и необходимость ее разрешения составляют актуальность исследования.

Гипотеза исследования состоит в том, что сохранение идентичности, «генетического кода» среды при ее развитии позволит получать коммерчески выгодный результат.

Цель исследования — определить возможности преемственного сохранения «генетического кода» при развитии территорий с условием инвестиционной эффективности новой застройки. Для этого в исследовании необходимо: 1) дать определения основных понятий, 2) описать методику исследования и материалы апробации, 3) изложить результаты проектного эксперимента.

Под развитием застроенных территорий (РЗТ) понимается технология, изложенная в градостроительном кодексе — новое строительство со сносом многоквартирных домов ветхого и аварийного фонда. Западным аналогом понятия РЗТ является *Brownfield development*.

«Генетический код» территории — «специфический набор символов для выявления и сохранения исторической знаковой составляющей архитектурно-пространственной среды» [Козырева, 2010, с. 13]. Нами под «символами» понимаются параметры застройки, доступные для отражения в градостроительном регламенте.

Инвестиционная эффективность — результат проявления принципа максимального экономического поведения, связанного с рентабельностью капиталовложений. В целях данного исследования этот параметр интерпретируется через плотность населения и жилого фонда, реализуемого в рамках строительства.

Материалы и методы исследования. В качестве метода исследования был применен проектный эксперимент, суть которого заключается в моделировании архитектурно-градостроительной среды с внешними параметрами, поддерживающими «генетический код территории» с одной стороны, и с планируемыми показателями плотности населения и жилого фонда с другой. Эксперимент был выполнен в рамках курсового проектирования по теме «Микро-район».

Для моделирования была выбрана территория соцгородка Расточка (поселок завода «Тяжстанко-гидропресс») в Новосибирске, которая, согласно планам департамента строительства и архитектуры мэрии, была определена под развитие. Задачей проекта была поставлена контекстуальная регенерация территории, совмещающая в себе принципы микро-районирования и квартальной застройки. Участок располагается в периферийной зоне города рядом с перспективной транспортной магистралью непрерывного движения. Существующая этажность — от 2 до 5 этажей [Пашнина, Чернозипунникова, 2017, с. 94]. В качестве проектного показателя была положена плотность населения 250 человек на гектар (брутто) — показатель, принимаемый для периферийной зоны города [Стерник и др., 2016].

Экспериментальная часть. В проекте за основу была взята существующая квартальная система с классическим принципом периметральной застройки. Квартал как структурная единица [Бычкова, Ганжа, 2016, с. 277] имеет ряд преимуществ с точки

зрения комфорта и качества формируемой среды. Главное преимущество состоит в возможности создания замкнутого частного пространства, которое бы учитывало особенности восприятия человеком окружающего мира в совокупности с физиологическими и психологическими особенностями. Сильно протяженные, большие расстояния (что, например, часто встречается в микрорайонной застройке) некомфортны для человека [27 принципов, 2016]. Речь идет не только о протяженности самого квартала, но и о размерах внутриквартальной территории — двора, габариты которых в соотношении с высотой окружающих зданий (и их замкнутостью) определяют степень визуального комфорта для человека. Для удобства проектирования было выбрано примерное соотношение высоты зданий к расстоянию между ними. Значение этого соотношения находится в пределах от 1 до 1,5. Таким образом, при максимальной высоте здания в 9 этажей (приблизительно 30 м) получаем двор шириной 30—45 м в узкой части. Данные значения могут варьироваться в каждом конкретном случае, но они задают общее направление для формирования квартальной планировочной структуры, общий масштаб частных и общественных пространств.

Так как существующие кварталы имеют большую протяженность, в проекте был применен принцип разукрупнения кварталов (ил. 1). Это позволило существенно повысить эффективность освоения территории ввиду увеличения плотности застройки, так как при периметральной застройке существующих кварталов оставалась бы неосвоенной большая часть территорий. При этом по линиям разукрупнения были созданы транзитные пешеходные пути, которые также являются проездом для спецтранспорта.

Частное пространство двора создается прежде всего периметральной застройкой. Однако создание полностью закрытых дворов-«колодцев», ввиду планировочных ограничений, во многих кварталах оказалось невозможным. В центре большинства кварталов расположены предприятия обслуживания: детские сады, ясли, школы. Таким образом, были сформированы транзитные пешеходные пути для связи этих объектов с остальной частью района. Сформированная сеть пешеходных связей внутри квартала создает новые общественные пространства, делая территорию более проницаемой, просматриваемой и безопасной. Чтобы отделить частные пространства дворовых территорий от общественных, был использован перепад высот как наиболее приемлемый метод естественного обособления. Дворовая территория, расположенная на крыше подземного автопаркинга, находится выше отметки земли. Это становится возможным только при полном или частичном освоении подземных пространств кварталов и позволяет реализовать концепцию «двор без машин», существенно повышая качество и комфорт среды.

Общественные пространства вдоль жилых улиц и магистрали имеют наибольшую пешеходную активность, поэтому предприятия обслуживания следует размещать в первых этажах прилегающих жилых зданий.

Принципы формирования этажности. Для обеспечения комфортного проживания человека в доме

очень важным параметром является так называемая связь с землей. Она характеризуется возможностью человека ощущать зрительный контакт с окружающей территорией.

Ввиду физиологических ограничений человеческого зрения наиболее благоприятным считается проживание не выше девятого этажа [Стугирёв, Киричев, 2017, с. 797]. Эта же этажность является предельной при формировании уличных общественных пространств, где речь идет о восприятии окружающей среды с уровня человеческого роста.

В контексте преамбленного развития в проекте была сохранена территория малоэтажной застройки. Предполагается ее дальнейшая реорганизация, постепенная замена ветхого жилья, расширение типологического разнообразия. Частью концепции было совмещение малоэтажного и среднеэтажного типов жилья путем постепенного уменьшения этажности в северном направлении.

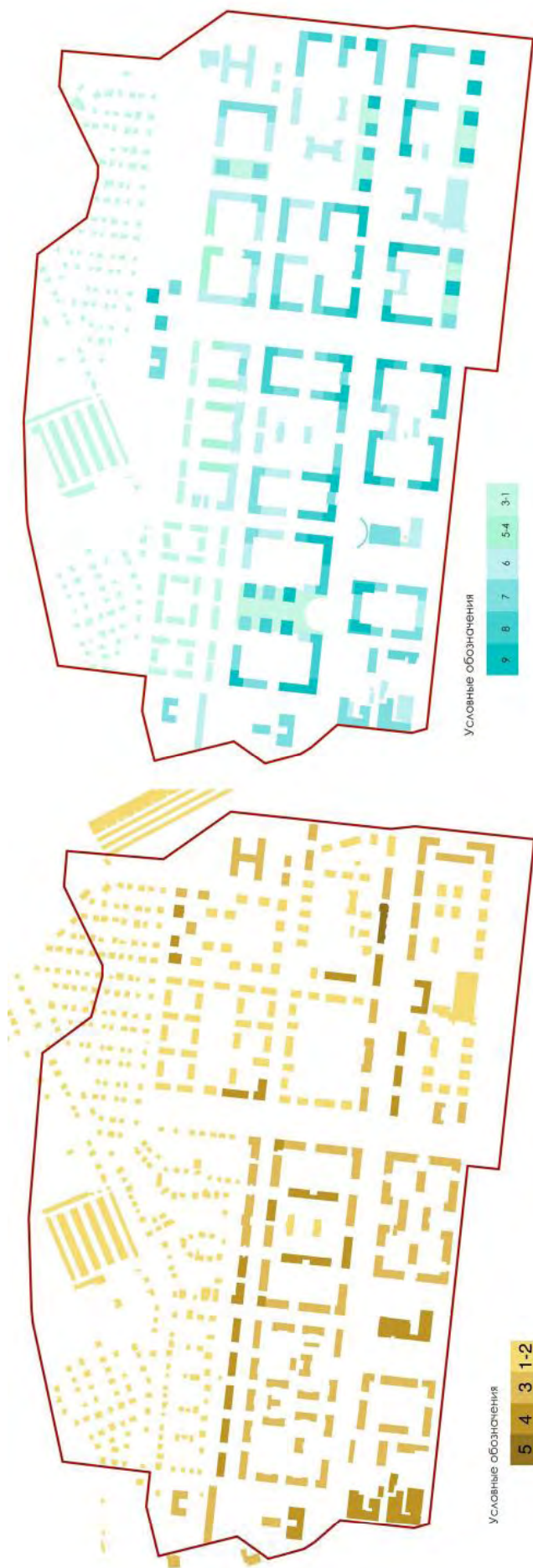
Результаты. В итоге проектным решением удалось добиться повышения плотности населения по отношению к существующему состоянию в 150 чел/га (брутто) к показателю 215 чел/га. Плотность населения нетто по отдельным кварталам увеличилась с 220 до 365 чел/га, т.е. более чем в 1,5 раза. Целевого показателя в 250 чел/га (брутто) достичь не удалось ввиду, во-первых, сознательного сохранения малоэтажной застройки, включенной в расчет; во-вторых, усложнения типологии квартальной застройки и общественных пространств и, в-третьих, включения в расчетные границы значительного количества общественных объектов. Принимая во внимание формат проектной работы (микрорайон) и интерпретируя полученные результаты на условия чистого эксперимента, гипотезу можно считать подтвержденной. Для получения точных расчетных значений необходимо также абстрактное (теоретическое) моделирование описанной в статье ситуации на материале, не обремененном локальной конкрети-

тикой и учебно-методическими допущениями.

В результате проведенного авторами исследования было установлено, что формирование комфортной жилой среды на условиях сохранения исторического контекста среднеэтажной застройки возможно с достаточно высокими (для данной этажности) показателями плотности населения и, соответственно, капитализацией. Грамотное позиционирование исторического контекста на этапе маркетинга может привести к большей финансовой отдаче при последующей продаже недвижимости.

Список литературы

1. Бычкова А.Н., Ганжа С.Д. К вопросу об эволюции понятия «квартал» // Регион. архит.-худ. школы. — 2016. — № 1. — С. 277—283.
2. Козырева Л.К. Семиотическая модель, как основа сохранения исторической архитектурно-пространственной среды // Наука и современность. — 2010. — № 2—1. — С. 12—16.
3. Пашнина Ю.П., Чернозипунникова В.А. Сравнительный анализ соцгородков «Расточка» и «Красная горка» в Новосибирске // 25-я Межвуз. (Регион.) науч. студ. конф.: сб. науч. тр. В 23 ч. — Ч. 6. Искусствоведение и культурология. — Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2017. — С. 91—94.
4. Стерник Г.М., Стерник С.Г., Тулинова Н.В. Девелопмент недвижимости. — М.: Проспект, 2016. — 304 с.
5. Стугирёв И.Д., Киричев Д.И. Квартальная жилая застройка и ее интеграция в городской среде // Синергия Наук. — 2017. — № 18. — Т. 1. — С. 796—812.
6. 27 принципов формирования жилой среды [Электронный ресурс]. — URL: <http://archspeech.com/article/27-principov-formirovaniya-zhiloy-sredy> (дата обращения: 28.02.2018).

Ил. 1. Существующая морфология застройки жилого района Расточка (слева) и проектное предложение по его развитию (справа). Схемы В. Кулич. В условных обозначениях отмечена этажность зданий

УДК 711.5:656

Ю.П. Лазарева¹, А.Е. Гашенко
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹jaguana25@mail.ru

Развитие планировочной структуры Владивостока в аспекте транспортного планирования

Аннотация

Развитие планировочной структуры Владивостока анализируется в исторической ретроспективе. Выделены три периода развития планировки города. Определены планировочные районы города. Раскрыты факторы, повлиявшие на процесс формирования и сложившуюся конфигурацию районов. Указываются особенности существующей морфологии города, необходимые для исследования в целях дальнейшего транспортного планирования.

Ключевые слова: Владивосток, транспорт, планировочная структура, районирование

Yu.P. Lazareva¹, A.E. Gashenko
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)
¹jaguana25@mail.ru

Vladivostok Planning Structure Evolution in the Aspect of Transport Planning

Abstract

Evolution of the Vladivostok planning structure is analyzed in a historical retrospective. Three periods of town planning have been allocated. The planning districts of the city have been defined. The factors that influenced the planning process and the existing configuration of the districts have been revealed. Specific features of the existing morphology of the city, necessary for research for further transport planning, are indicated.

Key words: Vladivostok, transport, planning structure, layout of district

Транспортное планирование в крупных и крупнейших городах становится все более непростой задачей. Во многом это связано с уровнем автомобилизации, однако сложность зачастую обусловлена и множеством других локальных факторов, таких как развитие общественного транспорта, наследование уличной сети дотранспортного периода, структурой социальных перемещений и прочих факторов, учет которых возможен с изучением специфики конкретного города. Одним из таких городов с безусловно неоднозначной транспортной моделью является Владивосток, в котором планировочная структура развивалась по особым принципам, характерным для города порта и города на рельефе. Изучение особенностей планировки города, выявление закономерностей ее генезиса и формирования важно для понимания организации и моделирования транспортных потоков. В этом состоит актуальность исследования.

Цель исследования, изложенного в статье, — выявление особенностей планировочной структуры Владивостока в процессе его исторического развития для задач дальнейшего транспортного планирования.

Исторический анализ развития Владивостока
Владивосток является ядром зарождающейся

агломерации — наиболее крупной в системе расселения всего Дальнего Востока России, а в составе Генеральной схемы расселения на территории России он является важнейшим центром Тихоокеанской региональной системы расселения. Однако демографическая ситуация в регионе остается негативной. Несмотря на то, что за последние пять лет население увеличилось на 30 тыс., в 2017—2018 гг. во Владивостоке наблюдается отток населения [ФСГС: БД ПМО Приморского края].

В мировой истории территория Приморья занимает достаточно скромное место. Развитие Владивостока хорошо прослеживается в динамике изменения численности населения, взятого за основу приведенной ниже периодизации как одного из важных показателей развития города.

Доколониальный период (до середины XIX в.). С 698 г. территория современного Владивостока находилась в составе первого государства тунгусо-маньчжуров Бохай, которое в 926 г. было завоевано кочевыми монгольскими племенами, позже чжурчжэнями. После монгольской экспансии территория оказалась в запущенном состоянии и была практически заброшена.

В 1655 г. русские первопроходцы начали осваивать север Приморья. Однако после Албазинской

войны Русское царство лишилось части освоенных территорий, а южные земли Приморья так и остались заброшенными.

Дореволюционный период (середина XIX — начало XX в.). В 1860 г. был основан военный пост, получивший название Владивосток. В годы строительства форпоста преобладало военное население. Прирост численности гражданского населения осуществлялся за счет ссыльных поселенцев. В районе долины Первой Речки основали Каторжную слободку (с 1902 г. — слободка Первая Речка).

В 1871 г. было принято решение о переводе опорного пункта из Николаевска-на-Амуре во Владивосток, что способствовало быстрому развитию города в начале этого десятилетия. На строительство портового хозяйства активно привлекались вольнонаемные переселенцы, отставные матросы и ссыльные каторжники.

В 1880 г. Владивостоку был присвоен статус города. Развитие города прогрессировало за счет роста промышленности и городского хозяйства. Облик Владивостока быстро менялся, деревянная застройка сменялась каменными двух- и трехэтажными зданиями. Помимо капитального строительства, в городе активно велись работы по благоустройству территории.

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. на развитие города оказали значительное влияние три фактора:

1) 1889 г. — Владивосток получил статус морской крепости 4-го разряда. Происходит усиление гарнизона и усовершенствование фортификационного строительства;

2) 1890 г. — Владивосток стал административным центром Приморской области. В город перенесли из Хабаровска все областные учреждения;

3) 1891 г. — в городе состоялась торжественная закладка Уссурийского участка Транссибирской железной дороги. Значительное влияние на формирование современного Владивостока оказало строительство Транссибирского железнодорожного пути [Дмитриев-Мамонов, Здзярский, 1900].

В 1899—1901 гг. всю экономику России потряс нарастающий экономический кризис. Во Владивостоке переломный период начался на год раньше. Из-за строительства нового коммерческого порта Дальний и военно-морской базы Порт-Артур город лишается статуса «порто-франко».

Экономический кризис усугублялся в 1900—1901 гг. резким обострением международных отношений с Японией и, как следствие этого, Русско-японской войной (1904—1905 гг.). В ходе войны государство восстанавливает во Владивостоке статус свободного порта. Однако город находился в осадном положении, были эвакуированы учебные заведения, крупные гражданские учреждения и около 3 тыс. жителей.

В 1905 г. война окончилась подписанием Портсмутского мирного договора. Россия уступила Японии южную часть о. Сахалин, полуостров Квантунский и полосу отчуждения Южно-Маньчжурской железной дороги. Во Владивостоке наблюдался резкий приток русского народа в город из завоеванных Японией земель. В городе усугубился жилищный кризис, начались самовольные захваты земельных участков с последующим незаконным строительством примитивных жилищных построек. Во Вла-

дивостоке была безработица, нехватка продовольствия и, как следствие, обострилась социальная напряженность.

В условиях революционной ситуации местное самоуправление добилось от государства расширения административных границ. К концу 1906 г. город вернулся к мирной жизни и вновь приобрел статус торгово-экономического центра Дальнего Востока России. Период характеризуется постепенным возвращением к экономической стабильности. В городе велись работы по развитию и благоустройству улично-дорожной сети, проложена линия пассажирского трамвая, развивалась промышленность, росло число учебных заведений, храмов, театров и кинотеатров. Помимо гражданского строительства, реализовывался проект фортификационного усиления гарнизона.

В годы Первой мировой войны город находился в глубоком тылу, выполнял функцию транспортно-логистического пункта. Грузооборот значительно возрос, что привело к организации грузовой железнодорожной станции. В военные годы часть фортификационных территорий была разоружена и отдана под освоение [Аникеев, Обертас, 2007], так как город был тыловым и поступления провизии от союзников увеличили грузооборот. Экономика города процветала, однако трудящаяся часть населения ощущала бремя войны, что привело к возрождению революционного движения.

На рубеже XIX и XX вв. Владивосток, который первоначально развивался по регулярной сетке вдоль бухты Золотой рог, начал развиваться в меридиональном направлении: по следам некоторых военных постов. Сложный рельеф предопределил живописную планировочную структуру новых освоенных территорий.

Советский период (XX в.). После свержения самодержавия и захвата власти большевиками в 1917 г. Япония, США и Англия объявили иностранную интервенцию, которая длилась 4 года. Иностранцы установили полный контроль над городом. В годы интервенции городское хозяйство Владивостока было почти полностью разграблено: похищено около 1,5 млн тонн грузов, за границу угнан весь военно-морской и торговый флот, в городе не работала электростанция, не ходили трамваи, не действовали промышленные предприятия, не осуществлялось железнодорожное сообщение между другими городами. Город оказался в разграбленном состоянии. К 1923 г. население резко сократилось, когда город покинули интервенты и белогвардейцы [Обертас, 2011].

В 1925 г. власть была вновь передана Советам. Начался восстановительный период с возобновления транспортных связей, наладки электростанции и промышленных предприятий, ликвидации массовой безработицы и снабжения населения продуктами.

Особенностью восстановительного периода во Владивостоке считается постепенный переход к общей национализации объектов хозяйства и промышленности. В 1920-е гг. в городе функционировали частные предприятия, парходные компании, верфи, электростанции, гостиницы и др. Вытеснение частных организаций шло постепенно, и к 1931 г. во Владивостоке их уже не осталось, что позволило городу быстро пройти восстановительный этап.

В первом пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР (1928—1931 гг.) большое внимание уделялось Дальнему Востоку. К сожалению, запланированное строительство не было полностью реализовано из-за отсутствия строительных материалов и техники.

В годы второй пятилетки Владивосток был отнесен к 12 важнейшим городам РСФСР, подлежащим полной социалистической реконструкции. В 1931 г. начинается разработка проекта устойчивого развития Владивостока. Постепенно рос объем жилищного, культурно-бытового и промышленного строительства. Проводились работы по озеленению и развитию общественного транспорта. Наряду с гражданским строительством развивалось и военное дело.

В конце 1930-х гг. начался период мобилизации войск с последующим переходом на военное положение, что отрицательно сказалось на развитии Владивостока. С начала Великой Отечественной войны в регионе были проведены мероприятия по укреплению обороноспособности, так как существовала высокая вероятность нападения Японии на Советский Союз. Коммерческий порт вновь стал единственным тыловым портом страны и работал с особой нагрузкой. В военные годы во Владивостоке в небольшом объеме велось гражданское строительство: достраивались многоэтажные жилые здания, в порту сооружались дополнительные причалы. Город стал прифронтовым в 1945 г., когда СССР вступил в войну с Японией. Из города шло все снабжение войск Тихоокеанского сражения, на дальневосточных кораблях отправлялись воинские эскадрильи к берегам Кореи, Маньчжурии и Сахалина.

После Второй мировой войны почти третья часть государства лежала в руинах. Для Владивостока как тылового города не предусматривалось крупных инвестиций для гражданского строительства и совершенствования городского хозяйства. Развитие города велось в основном на средства промышленных предприятий, которые отстраивали жилые поселки для своих служащих и рабочих, а работы по благоустройству центральной части города велись силами пленных японских солдат.

В 1953 г. правительством было принято постановление, в котором предусматривалось выделение дополнительных средств на развитие базы строительной индустрии. Осенью 1954 г. Владивосток посетил генеральный секретарь СССР Н.С. Хрущев. По результатам визита было принято более развернутое постановление, которое предусматривало строительство за годы шестой пятилетки (1956—1960 гг.) 900 тыс. кв. м жилой площади типовой многоэтажной застройки, ряда новых объектов культурно-бытового и медицинского обслуживания населения, организацию научно-исследовательских институтов, сооружение заводов крупнопанельного домостроения, развитие теплофикации путем постройки новой ТЭЦ.

В 1952 г. Владивостоку присвоили статус закрытого порта, который запрещал иностранным судам заходить в гавани города. Однако в целом последующий 25-летний период (1960—1985 гг.) — это время осуществления крупного проекта, в народе известное как «Большой Владивосток». При реализации намеченных планов упор делался прежде всего на

жилищное строительство и учреждений социальной инфраструктуры. Также стояли задачи по реконструкции исторически сложившегося ядра города, с введением новых общегородских учреждений.

Вскоре городской пейзаж наполнился большим количеством строительных площадок и башенных кранов. В северной части города шло сооружение научно-исследовательских объектов. В 1959 г. было начато строительство Владивостокского фуникулера. В 1964 г. были введены пригородные электрички и первая линия троллейбуса. К середине 1980-х гг. Владивосток являлся дальневосточным научным, культурным, промышленным и военным центром страны.

Проект «Большого Владивостока» — это масштабный проект, который позволил освоить новые территории, расположенные севернее центральной части города. Владивосток продолжал развиваться в меридиональном направлении вдоль линии железнодорожного сообщения. Таким образом, в конце XX в. планировочная структура северной части города стала носить линейный характер.

Современный период (XXI в.). К сожалению, некоторые планы и проекты «Большого Владивостока» остались нереализованными в связи с резкими изменениями условий социально-экономического развития страны, смены социального устройства, слома финансово-хозяйственной деятельности и, как следствие, распада СССР. В 1991 г. показатель вводимой жилой площади снизился почти в два раза. В 1990-е гг. наблюдается жилищный кризис, часть жилого фонда из рынка купли-продажи перешла в рынок аренды. Тихоокеанский Флот был почти расформирован, что вызвало массовую безработицу.

В это время стали появляться первые частные предприниматели. Владивосток был центром нелегального рыболовства, а также контрабанды древесины и японских машин. Из-за снижения уровня жизни упала рождаемость и началась миграция в центральные регионы страны. К концу 2000-х гг. население Владивостока сократилось почти на 40 тыс. жителей.

В начале XXI в. намечилось улучшение социальной и экономической обстановки. Большое значение для развития города имел проведенный в сентябре 2012 г. саммит АТЭС. По итогам 2017 г. Тихоокеанский флот признан лучшим в ВМФ России по боевой подготовке. 12 октября 2015 г. городу присвоили статус свободного порта.

Владивосток сегодня — это политический, культурный и экономический центр региона, конечный пункт Транссибирской магистрали, один из крупнейших морских портов Дальневосточного бассейна, главная база Тихоокеанского флота и крупнейший научно-образовательный центр Дальневосточного региона.

Динамика численности населения Владивостока растет, только в отдельные исторические промежутки, вследствие каких-либо бедствий, она временно понижалась. Показатель четко фиксирует точки нарушения естественного роста населения. Развитие Дальнего и Порт-Артура, поражение в Русско-японской войне, Октябрьская революция, иностранная интервенция с белогвардейской эмиграцией в конце Гражданской войны, бурный рост в 1960—1980-х гг.,

последствия развала СССР и саммит АТЭС — это точки нарушения естественного прироста населения, которые фиксируют временные промежутки, когда наблюдались экономические спады или подъемы в развитии города.

Планировочная структура Владивостока сегодня — это сложная планировочная организация, которая носит гибридный характер. В городе присутствует регулярная, свободно-живописная и линейная планировочная организация. С советского периода планировочная структура Владивостока кардинально не изменилась, это связано с ограниченностью градостроительной территории и спецификой рельефа п-ова Муравьева-Амурского. Для современного периода особую актуальность имеет развитие транспортной системы, так как планировочная структура города в значительной степени зависит от величины и построения транспортной структуры. В целях транспортного планирования проведен подробный анализ современного состояния планировочной структуры города.

Планировочная структура Владивостока

Структура города выражается во взаимном расположении основных планировочных зон и системе связей между ними [Веретенников, 2014]. Исторические факторы формирования планировочной структуры Владивостока и природно-ландшафтные условия предопределили особенности ее современного состояния и направления дальнейшего развития. Главными планировочными факторами, которые определяют территориальное развитие сложившейся структуры Владивостока, являются:

— Географическое положение. Владивосток расположен в южной части Приморского края на берегу Японского моря, занимает территорию п-ова Муравьева-Амурского. В зону влияния города входят островные территории, а также п-ов Песчаный с прилегающей материковой частью. Побережье Владивостока омывается водами Амурского и Уссурийского заливов, входящих в акваторию залива Петра Великого Японского моря;

— Рельеф и геоморфология. По характеру рельефа территория города классифицируется как сложенная структурными возвышенностями, которые на Дальнем Востоке называются сопками. Отличительная черта сопок — плавность и мягкость, отсутствие выразительных гребней или каньонов. Однако чем ближе к берегу океана, тем чаще встречаются остроконечные скалы и крутые обрывы. Сопки имеют направление с северо-востока на юго-запад и в значительной степени расчленены распадками и долинами небольших речек. Проходящие водораздельные хребты делят полуостров на две части: западную (большую) и восточную (меньшую). Высота сопок колеблется от 50 до 300 м. Все пониженные формы рельефа и склоны сопок, расположенные в центральной части города, в основном каменистые и покрыты травянистой растительностью;

— Гидрографическая сеть. Все реки, находящиеся в черте города Владивостока, текут с западных склонов хребта Глагодинза и имеют характер горных с большим количеством перепадов. Речная система города развита неравномерно. Все реки имеют небольшую длину и резкий переход от больших уклонов к почти нулевым. Наиболее крупные реки горо-

да: Первая речка, Вторая речка, река Объяснения;

— Рекреационные ресурсы. Крупные лесные массивы на территории города отсутствуют, за исключением отдельных зеленых зон (парки и скверы). Рекреационные зоны расположены на побережьях Уссурийского и Амурского заливов. Важную роль в структуре города играет природный лесопарк с ботаническим садом (ДВО РАН), расположенный на склонах хребта Богатая Грива в 19 км от центральной части города. Территория занимает 170 гектаров леса — это крупнейший ботанический сад на Дальнем Востоке;

— Транспортная система. Планировка неразрывно связана с транспортной системой Владивостока, имеющей довольно развитую инфраструктуру. Транспортная система города включает в себя систему внешнего транспорта (морского, железнодорожного, автомобильного и воздушного) и систему городского транспорта, составной частью которой является улично-дорожная сеть и объекты транспортного хозяйства. Через территорию города проходят Транссибирская железнодорожная магистраль, дорога федерального значения М-60 Хабаровск — Владивосток, а также дороги краевого и местного значения;

— Исторически сложившийся общегородской центр. Планировочную структуру центра определяет исторически сложившаяся застройка и трассировка магистральных улиц городского значения, выполняющих роль композиционных и планировочных осей. Центр Владивостока ориентирован протяженной стороной к водной поверхности бухты Золотой Рог. Главную площадь с западной стороны обрамляет высотное здание администрации Приморского края, а с восточной — бывшее управление парходства. Трассировка улиц регулярная, подчиняется главным взаимно перпендикулярным композиционным осям — улице Светланской и Океанскому проспекту;

— Портовые территории. Промышленные зоны, имеющие причалы, в основном располагаются на нижних уровнях берегов бухт Золотой Рог, Диомид и Улисс. Причалы морского порта размещаются на п-ове Шкота, рыболовного — на п-ове Голдобина. Судоремонтные заводы и объекты обслуживания рыболовного, торгового, военно-морского и других флотов размещены по побережью упомянутых бухт.

— Промышленные территории. Значительные по площади промышленные зоны в местах концентрации крупных градообразующих промышленных предприятий и объектов инженерной инфраструктуры. Промышленные зоны занимают территорию в долинах наиболее крупных рек — Первой речки, Второй речки и реки Объяснения. Такое расположение вызвано наличием подходов железнодорожного и автомобильного транспорта.

Выводы. Планировочная структура — одна из основных характеристик пространственной организации современного города, отражающая расположение и взаимосвязь промышленных, жилых, коммунальных, транспортных и других территорий. Элементом крупного членения планировочной структуры города с учетом естественного разделения территории реками, путями сообщения и коммуникациями является планировочный район. Согласно генеральному плану, планировочная структура

Владивостока включает в себя 6 планировочных районов [ГП Владивостокского городского округа]:

1. Планировочный район «Курортный», включает Сад-город, дачный поселок с зоной отдыха Седанка — Океанская, часть Уссурийского побережья, долины рек Черная и Лазурная и часть территории ДВО РАН.

2. Планировочный район «Северный», занимает территорию от Академгородка ДВО РАН до долины Первой речки.

3. Планировочный район «Центральный», включает территории от долины Первой речки до бухты Золотой Рог и долины реки Объяснения.

4. Планировочный район «Южный», занимает территорию п-ова Черкавского (Чуркин) и южные склоны долины реки Объяснения.

5. Планировочный район «Западный», включает территорию п-ова Шкота (Эгершельд).

6. Планировочный район «Уссурийский», расположен в районе бухты Горностаи и урочища Мертвая Падь.

Планировочное районирование не совпадает с административно-территориальным делением города Владивостока. Исходя из приведенного в градостроительной документации планировочного членения, можно сделать вывод о том, что на характер планировочного районирования оказывают влияние следующие группы факторов:

- величина города;
- естественно-географические условия;
- планировочные особенности;
- традиционно-исторические тенденции.

Для планировочной структуры Владивостока характерна разномасштабность планировочных районов, что связано с плотностью освоения города (ил. 1). При разбивке Владивостока на планировочные районы границы в основном определяются на основе естественных линейных объектов: долин рек (Первая, Вторая речка, Черная, Лазурная). В отдельные планировочные районы выделяются участки города, выдающиеся в водный бассейн (мыс Эгершельд, п-ов Черкавского). Также границами районов являются крупные автомагистрали и линии железнодорожного сообщения. Так как транспортная инфраструктура фиксирует планировочную структуру города, то и во многом предопределяет ее последующее развитие.

Данное исследование позволило рассмотреть

планировочную структуру Владивостока в исторической ретроспективе. Установлено, что эволюция планировки города прошла путь от очаговой системы планировочных элементов с регулярной центральной зоной через линейную структуру к гибридной сложносоставленной системе, в которой локальные особенности геоморфологии и особенности функционирования портового города сформировали уникальный и в то же время сложный для транспортного анализа объект. Задачами дальнейшего исследования является изучение транспортных районов и их сравнение с выявленной в данной статье планировочной структурой.

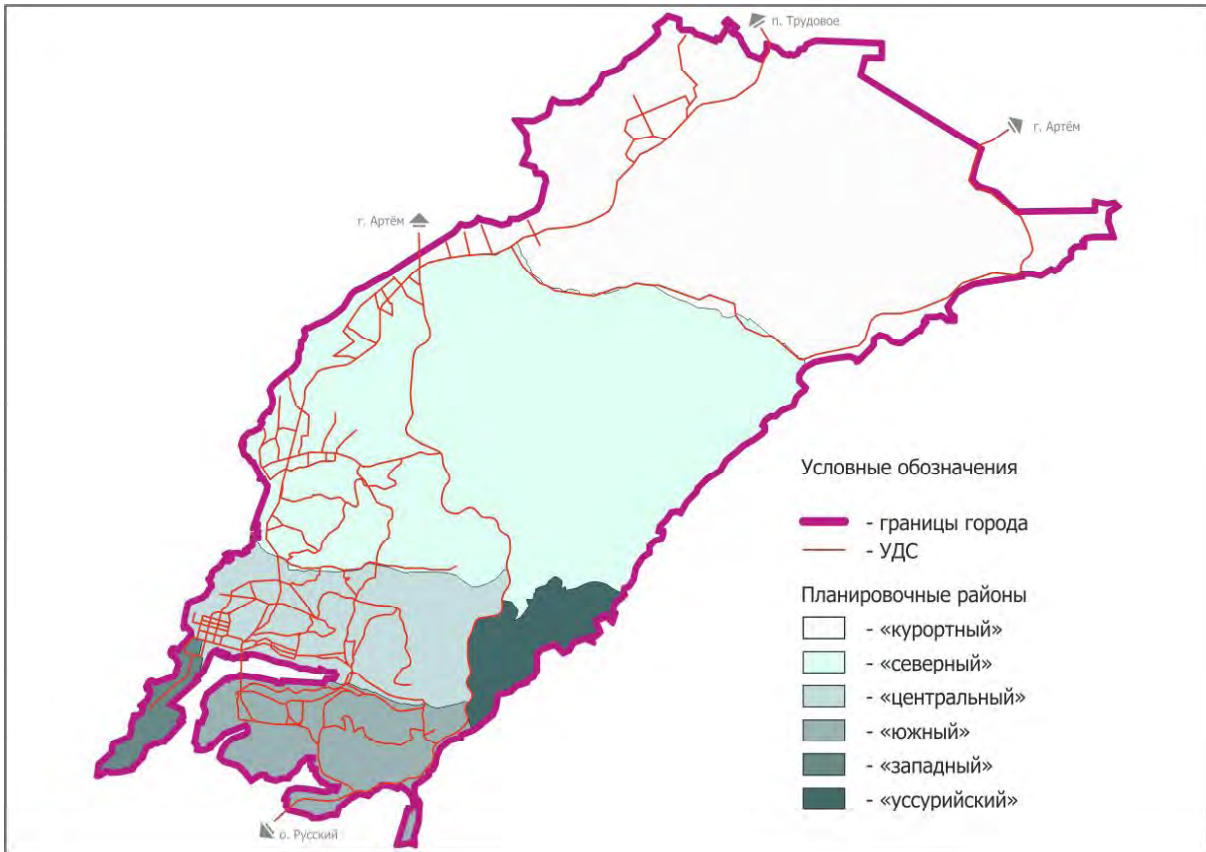
Список литературы

1. Анিকেев В.В., Обертас В.А. Генеральные планы Владивостока: история, проблемы, решения. — Владивосток: Дальнаука, 2007. — 259 с.
2. Веретенников Д.Б. Метод исследования исторического развития планировочных структур // Вестн. Самар. гос. архит.-строит. ун-та. Градостроительство и архитектура. — 2014. — № 4 (17). — С. 6—9.
3. Дмитриев-Мамонов А.И., Здзрский А.Ф. Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге. — С. Петербург: Т-во художественной печати, 1900. — 600 с.
4. Обертас В.А. Основы градостроительной структуры Владивостока. — Владивосток: Рея, 2011. — 115 с.

Список источников

1. Федеральная служба государственной статистики: БД ПМО Приморского края [Электронный ресурс]. — URL: www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/pass.aspx?base=munst05&r=5701000
2. Генеральный план Владивостокского городского округа: материалы по обоснованию территориального планирования [Электронный ресурс]. — URL: vlc.ru/life_city/architecture_and_construction/general_plan/ (дата обращения: 12.04.2018).

Ил. 1. Планировочные районы г. Владивостока. Схема Ю. Пашниной

УДК 72.035

К.А. Леонтьева
 Новосибирский государственный университет
 архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
 ms.leonteva.kseniya@mail.ru
 Научный руководитель: кандидат
 архитектуры А.В. Радзюкевич

История и архитектура кафедрального собора Александра Невского в городе Чите

Исследование выполнено в рамках президентского гранта № 17-2-001237 «Музей архитектурных миниатюр под открытым небом «Кафедральные соборы Сибири»»

Аннотация

В статье рассмотрена история строительства кафедрального собора Александра Невского в г. Чите с момента закладки первого камня в 1888 г. и до разрушения в 1936 г. На основе документов 1911—1936 гг. о проектировании и строительстве собора, хранящихся в Государственном архиве Забайкальского края, и планов областного г. Читы из Российского государственного исторического архива, был установлен ряд планировочных, композиционных и конструктивных характеристик храма, а также некоторые особенности его интерьеров. Собор является ярким образцом архитектуры византийского стиля, и, несмотря на то что автор проекта пока не установлен, можно отметить влияние разработок архитектора В.А. Косякова. Отмечается роль специалистов из разных регионов Российской империи в строительстве храма. Авторами сделана попытка реконструкции проектных размеров и пропорций собора. Наглядным результатом проведенной работы стала созданная 3D-модель.

Ключевые слова: Чита, собор Александра Невского, архитектура, история, византийский стиль

K.A. Leonteva
 Novosibirsk State University of Architecture,
 Design and Arts (Novosibirsk)
 ms.leonteva.kseniya@mail.ru
 Scientific adviser is A.V. Radziukevich

The History and Construction of Alexander Nevsky Cathedral in the City of Chita

Abstract

The article deals with the history of Alexander Nevsky Cathedral construction in the city of Chita from the time of Foundation stone laying in 1888 and to the destruction in 1936. A number of planning, compositional and constructive characteristics of the temple based on documents of 1911—1936 on the design and construction of the cathedral stored in the State Archives of the Trans-Baikal Territory and the plans of the city of Chita from the Russian State Historical Archives, was determined. Some features of its interiors were revealed as well. The cathedral is a vivid example of the «Byzantine style» architecture, and, despite the fact that the author of the project is not identified yet it's worth paying attention to the works of the architect V.A. Kosyakov. The role of specialists from different regions of the Russian Empire in the construction of the temple is noted. The authors made an attempt to reconstruct the project sizes and proportions of the cathedral. A visual result of the work is the 3D model.

Key words: Chita, Alexander Nevsky Cathedral, architecture, history, Byzantine style

На рубеже XIX—XX вв. в архитектуре Российской империи сформировалась школа византийского стиля. С участием выдающихся архитекторов были разработаны грандиозные проекты соборов, которые отражали и понимание этого стиля, и высочайший уровень науки строительного производства. Появилось новое поколение зодчих, для которых византийский стиль становился нормой творческой деятельности. Приоритет в распространении принципов стиля принадлежал Академии художеств в Санкт-

Петербурге. Храмы в византийском стиле строились по всей Российской империи, как в крупных городах, так и в провинции, в частности, в городах Сибири и Дальнего Востока.

Кафедральный собор Александра Невского в Чите был заложен 12 августа 1888 г., строился с 1899 по 1912 г. В научной литературе крайне мало информации об архитектуре читинского кафедрального собора, хотя, по мнению Ю.Р. Савельева, церковь следует считать самым изящным храмом «византийского

стиля» [Савельев, 2005, с. 189].

Проведенное нами изучение архивных источников показало, что до сих пор сохранившиеся материалы по кафедральному собору Александра Невского использовались фрагментарно и не были введены в научный оборот. Поэтому мы попытались подробно изучить найденные материалы, уточнить и систематизировать некоторые факты из истории и описания архитектуры собора.

В Государственном архиве Забайкальского края нами было найдено «Дело о постройке в г. Чите каменного соборного храма и о суммах на сей предмет». В этом деле есть письмо, направленное из Забайкальской Духовной консистории военному губернатору Забайкальской области генерал-майору Е.И. Мацеевскому 4 мая 1899 г. по вопросу постройки войскового храма Забайкальского казачьего войска на Софийской площади: «Честь имею уведомить Ваше превосходительство, что постройку названного храма на означенной площади полагаю возможным разрешить на следующих основаниях: так как Софийская площадь по Высочайше утвержденному плану предназначена для постройки на оной Кафедрального собора и называется по тому же плану соборною, то построенный на сей площади казачий войсковой храм должен быть в то же время Читинским Кафедральным Собором и состоять в ведении Епархиального начальства на общем положении Кафедральных соборов... Согласно предложению Вашего Превосходительства, 6 мая сего года, после божественной литургии в домово́й церкви имеет быть отслужен на сказанной площади торжественный молебен перед началом подготовительных работ к закладке храма» [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1388. Л. 2].

В Российском государственном историческом архиве хранится «План проектированного расположения г. Читы. 1886 г.» (ил. 1), на котором было определено место для постройки будущей соборной церкви [РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Забайкальская область. Д. 22].

Из того же «Дела о постройке в г. Чите ...» мы представляем еще одно письмо комиссии по сбору средств для постройки войскового храма от 6 апреля 1899 г в Забайкальскую духовную консисторию: «Препровождая проект плана войскового храма во имя св. Благоверного Великого Князя Александра Невского, предполагаемого соорудить на добровольные пожертвования на Атамановской площади в г. Чите, Комиссия по сбору пожертвований и постройке этого храма покорнейше просит Духовную консисторию испросить разрешение на утверждение посылаемого плана у Преосвященного Мефодия, Епископа Забайкальского и Нерчинского, и его архипастырское благословение на сооружение названного храма, а затем план не отказать возвратить комиссии» [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1388. Л. 43].

План собора, о котором идет речь в письме, до сих пор не найден. Однако в Государственном архиве Забайкальского края нами была найдена Опись имущества Градо-Читинского кафедрального Александро-Невского собора за 1923 г., в которой есть перечень документов по собору, где указано, что имелись «Планы собора и церковной земли» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3198. Л. 1—3].

Собор строился на протяжении нескольких лет.

В 1907 г. А.И. Попов в своем «Справочнике-путеводителе по г. Чите» повествовал: «Снаружи работы почти окончены, поставлены кресты, повешены колокола, но внутренняя отделка еще не окончена. Постройка была приостановлена по недостатку средств. В начале 1905 года получено уведомление об ассигновании на окончание собора 30 тыс. рублей из сумм, находящихся в распоряжении Святого синода. В настоящее время, впрочем, кажется, работы не могут продолжаться по другой причине: в соборе оказались трещины, и до выяснения степени опасности отделка остановлена» [Попов, 1907, с. 37].

Для строительства привлекались разные специалисты, причем из других регионов России. Подтверждение этих фактов нам удалось найти в архивном деле «Договоры о постройке в городе Чите Кафедрального собора за 1909 г.». В деле содержатся несколько договоров о работах по строительству собора. Со стороны комиссии по постройке собора выступал ее председатель, отец Иоанн Карелин. С другой стороны выступали подрядчики: крестьянин Моршанского уезда Тамбовской губернии Иван Ильич Чернышев и крестьянин Алатырского уезда Сибирской губернии Иван Александрович Плетнев взяли на себя работы по устройству бетонного основания для полов и укладку плиточных полов; крестьянин Ардатовского уезда Нижегородской губернии Василий Иванович Макаров принял на себя работы по укладке гранитных тесаных ступеней и площадок у наружных входов; крестьянин Курской губернии Павел Латышев взял на себя обязанность исправления кровли; крестьянин Покровского уезда Владимирской губернии Иван Жигалов принял на себя производство столярных работ и устройство трех больших внутренних двустворчатых дверей [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1529. Л. 6—31].

Из «Описи имущества Градо-Читинского кафедрального Александро-Невского собора за 1923 г.» следует, что собор был построен в «три света» [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3198. Л. 4—5], (ил. 2). Как пишет Ю.Р. Савельев, «центральный объем был увенчан куполом на барабане, окружен с четырех сторон аспидами, рисунок которых напоминает очертания барабана центральной главы. Над западным входом возвышалась небольшая звонница, объединенная с основным объемом одноэтажной трапезной. Для входа в храм были предназначены северный и южный порталы» [Савельев, 2005, с. 189]. Общее декоративное впечатление усиливалось за счет орнаментации купола. Купол стоял на двенадцатигранном барабане, который, в свою очередь, опирался на восьмерик.

Также из упомянутой «Описи имущества...» мы установили, что цоколь собора был сделан из тесаного гранита, снаружи облицован водоупорным кирпичом двух цветов (красного и серого) продольными полосами по 5—6 рядов. Карнизы были выполнены из светло-серого кирпича. Крыша покрыта цинковым железом без окраски. Крыльца открытые, гранитные с точечными колоннами и полуциркулем из того же гранита, полуциркули украшены надписями: с западной стороны: «Дому твоему подобает святыня пс. ХСII, 6», с южной стороны: «Вниду в домъ твой въ страсть твою пс. V, 8», с северной стороны: «Господи, возлюбих благолепие Дому твоего, пс. XXV,

8». Кресты невысокие, вызолочены через огонь. В нижнем ярусе имеется 35 окон, в среднем — 28, в верхнем — 12 и в колокольне — 3 окна. Во всех рамах было бемское стекло, в нижних просветах вставлены железные решетки с круглыми световыми отверстиями. Внутри собора были устроены хоры для певчих, с деревянной решеткой, а свод под хорами устроен на железных рельсах [ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3198. Л. 4—5].

Собор отапливался калориферно печью, устроенно в подполе, кроме того, две печи из белого гладкого изразца были установлены в алтаре, а две терракотовые печи — устроены при боковых входах с северной и южной сторон. Все печи были сделаны с герметической топкой [Там же, л. 5]. Из «Договоров о постройке в городе Чите Кафедрального собора за 1909 г.» удалось установить, что работы по устройству отопления на себя взял мещанин города Люблина — Леопольд Антонович Лютынский [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1529. Л. 30—31].

В «Деле о постройке в городе Чите каменного соборного храма и о суммах на сей предмет» есть письмо 1898 г., в котором комиссия по постройке храма предполагала, что общий вес звона должен составлять не менее 270 пудов, с тем расчетом, чтобы из этого количества меди или латуни вышло восемь колоколов. Из них самый большой должен быть в 120 пудов. Что касается колокольни предполагаемого войскового храма, то ее размер комиссия обещала заблаговременно предусмотреть для указанного выше числа колоколов [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1388. Л. 3]. Как сообщается в «Духовной летописи Забайкалья» в 1913 г., по случаю 300-летия дома Романовых на юбилейный колокол собрали 3 тысячи рублей. Колокол весом в 300 пудов был куплен и поднят на колокольню [Евдокимов, 2009, с. 151].

В 1908 г. на достройку собора не хватало 40 тысяч рублей [Евдокимов, 2009, с. 150]. Не хватало денег и на иконостас. В «Переписке о заказе иконостаса» со стороны комитета по постройке Читинского собора выступал отец Иоанн Карелин, в качестве подрядчика — мастер иконостасных и столярных работ А.А. Давыдов из г. Верхнеудинска [ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1944, Л. 7—8].

В 1909 г. в соборе прошли первые службы, а в 1912 г. храм уже начал действовать [Чита. Собор Александра Невского]. Как повествует в своем документальном рассказе «Старая Чита» историк В.Г. Лобанов, «сам проект не устраивал горожан. Сегодня, когда уничтожены все церкви, мы, глядя на фотографии Собора, восхищаемся его внешним видом. Иначе думали наши предки. Так, в газете «Забайкалье» писали: “Новый собор тяжелый, давящий, неуклюжий. Купол и кресты принижены, и их не видно из-за массы кирпича. Жалкая, неодоухотворенная мысль, и такое же неосмысленное осуществление ее. Те же архитекторы, что возводят его, для себя умеют строить легкие и красивые здания”. Не прав был журналист, обвиняя местных архитекторов. Дело в том, что проект был «казенным», он был прислан издалека. Точно такие же соборы были построены в Ново-Николаевске и Курске. Недостатки проекта отмечены правильно» [Лобанов, 2001, с. 152—153].

Как рассказывает «Духовная летопись Забайкалья», после разгрома большевиков белой арми-

ей атамана Г.М. Семенова церковная жизнь в Чите временно приобрела стабильное течение [Евдокимов, 2009, с. 153]. Во время существования Дальневосточной республики (1920—1922 гг.) кафедра правящего архиерея оставалась в Читинском соборе Александра Невского. Однако уже в конце 1920-х гг. после антицерковных репрессий собор Александра Невского был конфискован новыми властями. В храме был организован кинотеатр под названием «Безбожник». В 1936 г. собор был взорван (ил. 3). В связи с тем, что в городе не хватало общеобразовательных школ, а производительность нового кирпичного завода была мала, требовался материал для нового строительства [Лобанов, 2001, с. 153—154].

А.Г. Туманик в своей монографии «Архитектура православных кафедральных храмов Российской империи XIX в. — начала XX в.» отмечает: «в полной мере в судьбе Свято-Александро-Невского кафедрального собора Забайкальской и Нерчинской епархии запечатлелись катастрофические события, определившие российскую историю XX в.» [Туманик, 2016, с. 355—356].

На основании проведенного исторического анализа нами была поставлена следующая задача: попытка воссоздания архитектурного облика читинского кафедрального собора Александра Невского. Существенно, что судьба проектных чертежей остается до сих пор невыясненной. Для определения основных габаритных размеров собора нами был использован «План Областного г. Читы за 1911 г.» (ил. 4). Из «Описи имущества Градо-Читинского кафедрального Александро-Невского собора за 1923 г.» были взяты данные о количестве окон и внутренних габаритных размерах здания (размеры восстановлены в аршинах). Проект воссоздания архитектурного облика храма был сделан с помощью полученных данных и сохранившихся исторических фотографий; результатом явилось создание 3D-модели кафедрального собора (ил. 5).

Изучение ряда храмов в византийском стиле позволило нам сделать предположение, что автор проекта читинского собора Александра Невского ориентировался на работы В.А. Косякова [Кириченко, 2016, с. 217—234].

Мы провели сравнительный анализ читинского собора с Владимирским собором в Астрахани и церковью во имя Милующей Божией матери в Санкт-Петербурге, выполненными по проектам Косякова. Кроме того, сопоставили здание с храмом Александра Невского в Новониколаевске (Новосибирске), так как именно на этом объекте В.Г. Лобанов в своем документальном рассказе «Старая Чита» сделал акцент, назвав читинский собор точно таким же, как новониколаевский храм Александра Невского (ил. 6).

Оказалось, что в проекте читинского собора явно выражены элементы из художественного арсенала Владимирского собора в Астрахани — повтор мотивов орнаментации на куполах. Наблюдается также похожий декоративный прием пластики барабанов. Несмотря на то, что у астраханского собора — шестнадцатигранный барабан, а у читинского — двенадцатигранный, в основание и того и другого заложен восьмигранный. Присутствует одинаковая форма апсид под полукуполами и повторение декоративных приемов в пластике фасадов.

При сравнении основных габаритных размеров двух соборов следует отметить, что диаметры барабанов отличаются на 5 аршин. Ширина апсид астраханского собора — 40 аршин, читинского — 37 аршин. Звонницы соборов одинаковой высоты — в 32 аршина, расхождение в ширине звонниц — в 0,5 аршина: ширина звонницы астраханского собора — 10 аршин, а у читинского — 9,5 аршин (ил. 7). Однако форма звонницы читинского собора больше напоминает звонницу храма Александра Невского в Новониколаевске. После того как мы привели все объекты к одной масштабной линейке, сравнение показало, что читинский собор значительно превышает по высоте и габаритным размерам новониколаевский храм Александра Невского, подчеркивая тем самым статус Читы начала XX в. над молодым Новониколаевском (ил. 6).

Можно предположить, что в качестве образцов южного и западного входных узлов читинского собора использована композиция входных узлов, запроектированных в церкви Милующей Божьей матери в Санкт-Петербурге (ил. 6). Как отмечает Ю.Р. Савельев, «именно версия этого проекта, опубликованная в журнале «Зодчий», многократно воспроизводилась другими архитекторами по всей России: в Нижнем Новгороде, Вильне, Кельцах, Каменец-Подольске, Бессарабии, Ташкенте и т.д.» [Савельев, 2005, с. 100].

При сравнении дат постройки данных сооружений (табл. 1) следует отметить, что к тому времени, когда решено было возвести собор Александра Невского в Чите, существовали проекты всех исследуемых объектов. Проект церкви Милующей Божьей Матери был опубликован в журнале «Зодчий» [Новая церковь Божьей матери..., 1888]. Проект собора во имя Святого Владимира в Астрахани был опубликован в журнале «Строитель» [Астрахань, 1896]. Также эти проекты дублировал в своей энциклопедии Г.В. Барановский [1902, с. 113, 139]. Очевидно, что эти публикации повлияли на художественный замысел автора проекта.

После проведения сравнительного анализа мы пришли к выводу, что даже если зодчий, проектировавший читинский собор, опирался на творчество В.А. Косякова, то из-за дефицита средств на строительство ему приходилось значительно упрощать архитектурные элементы. Несмотря на заимствования и некоторое упрощение архитектурных элементов из других объектов, в читинском соборе во имя Александра Невского всякий декоративный элемент играл роль служебного, имевшего свое самостоятельное назначение. Все использованные приемы трактованы индивидуально и выдержаны в традициях византийского стиля. Невзирая на упрощения в пластике фасада, неизвестному автору проекта удалось воспроизвести, на наш взгляд, вполне гармоничное сооружение. Полагаем, что авторитетный исследователь византийского стиля Ю.Р. Савельев в своей книге «Византийский стиль в истории России», справедливо подчеркивает, что кафедральный собор Александра Невского в Чите был самым изящным храмом византийского стиля [Савельев, 2005, с. 189].

Список литературы

1. Астрахань // Строитель. Вестн. архитектуры и домовладения. — 1896. — С. 67—68.
2. Барановский Г.В. Архитектурная энциклопедия второй половины XIX века.— СПб.: Изд. ред. журн. «Строитель», 1902.— Т. I. Архитектура исповеданий. — 500 с.
3. Евдокимов (Епископ Евстафий). Духовная летопись Забайкалья, Читинская и Забайкальская Епархия. — Чита: Читинская и Забайкальская Епархия, 2009. — 456 с.
4. Кириченко Е.И. Архитектор Василий Косяков. — М.: БуксМАрт. 2016 г. — 352 с.
5. Лобанов В.Г. Старая Чита. — Чита: Степанов М.А., 2001. — 336 с.
6. Новая церковь Божьей матери в С. Петербурге // Зодчий. — 1888. — № 17. — С. 22—25.
7. Попов А.И. Город Чита. Описание, путеводитель и справочник. — Чита: Тип. Т-ва «М.И. Валов и Б.М. Ахитович», 1907. — 329 с.
8. Савельев Ю.Р. Византийский стиль в архитектуре России. — СПб.: Лики России, 2005. — 272 с.
9. Туманик А.Г. Архитектура православных кафедральных храмов Российской империи XIX — начала XX века. В 3 т. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2015. — Т. 1. Храмы Азиатской России (Туркестана, Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока). — 416 с.
10. Храм-собор Святого князя Владимира (Астрахань) [Электронный ресурс]. — URL: <http://vetert.ru/rossiya/astakhan/sights/499-hram-sobor-svyatogo-knyazy-vladimira.php>
11. Чита. Собор Александра Невского // Соборы.ру. Народный каталог православной архитектуры [Электронный ресурс]. — URL: <http://sobory.ru/article/?object=23543>

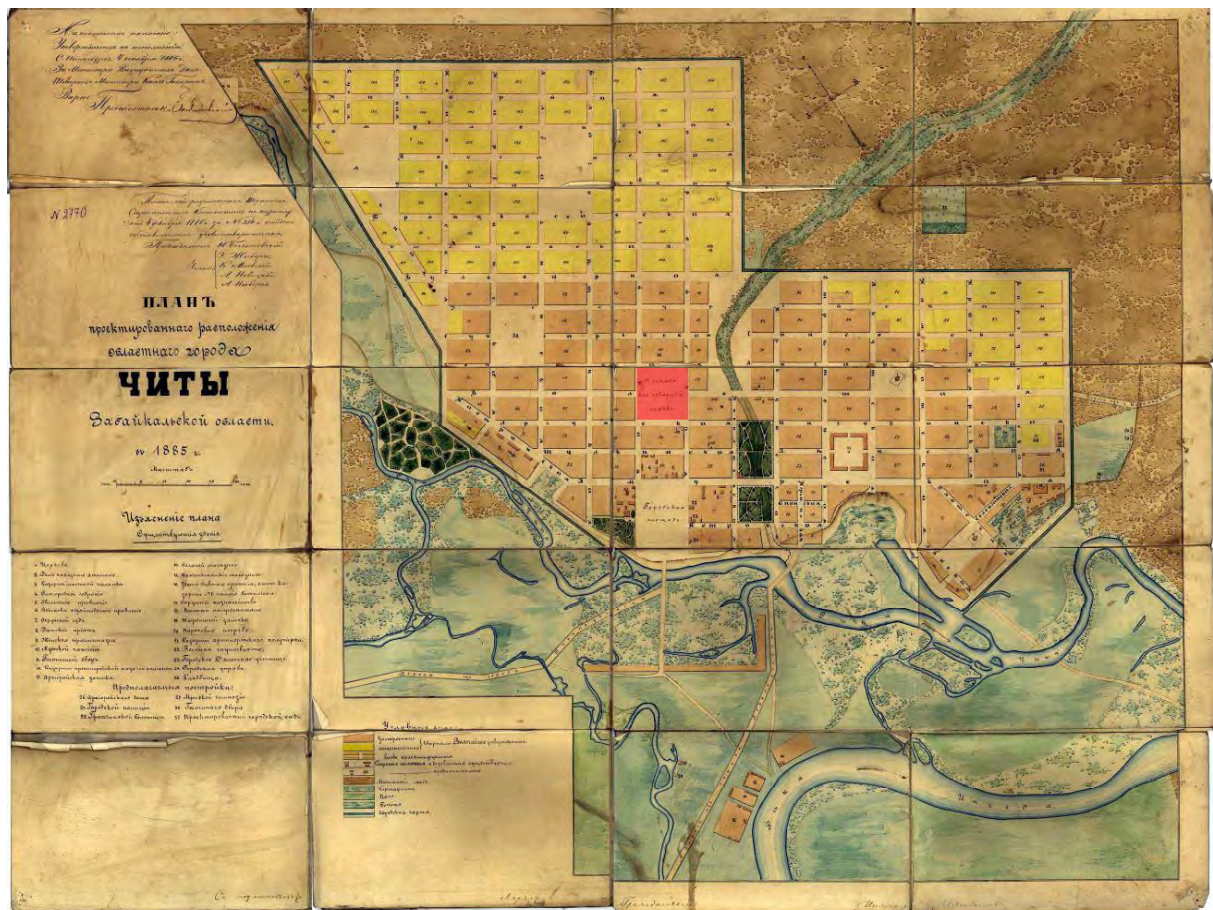
Список источников

1. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1388. Дело о постройке в г. Чите каменного соборного храма и о суммах на сей предмет.
2. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1529. Договоры о постройке в городе Чите Кафедрального собора за 1909 г.
3. ГАЗК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1944. Переписка по заказу и постановке Иконостаса в Читинском Кафедральном Соборе, 8 с.
4. ГАЗК. Ф. 282. Оп. 1. Д. 3198. Опись имущества Градо-Читинского кафедрального Александро-Невского собора за 1923 г., 58 с.
5. РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Забайкальская область. Д. 22. План проектированного областного города Читы Забайкальской области, 1885 г.

Таблица 1

Временные рамки и другие характеристики исследуемых объектов

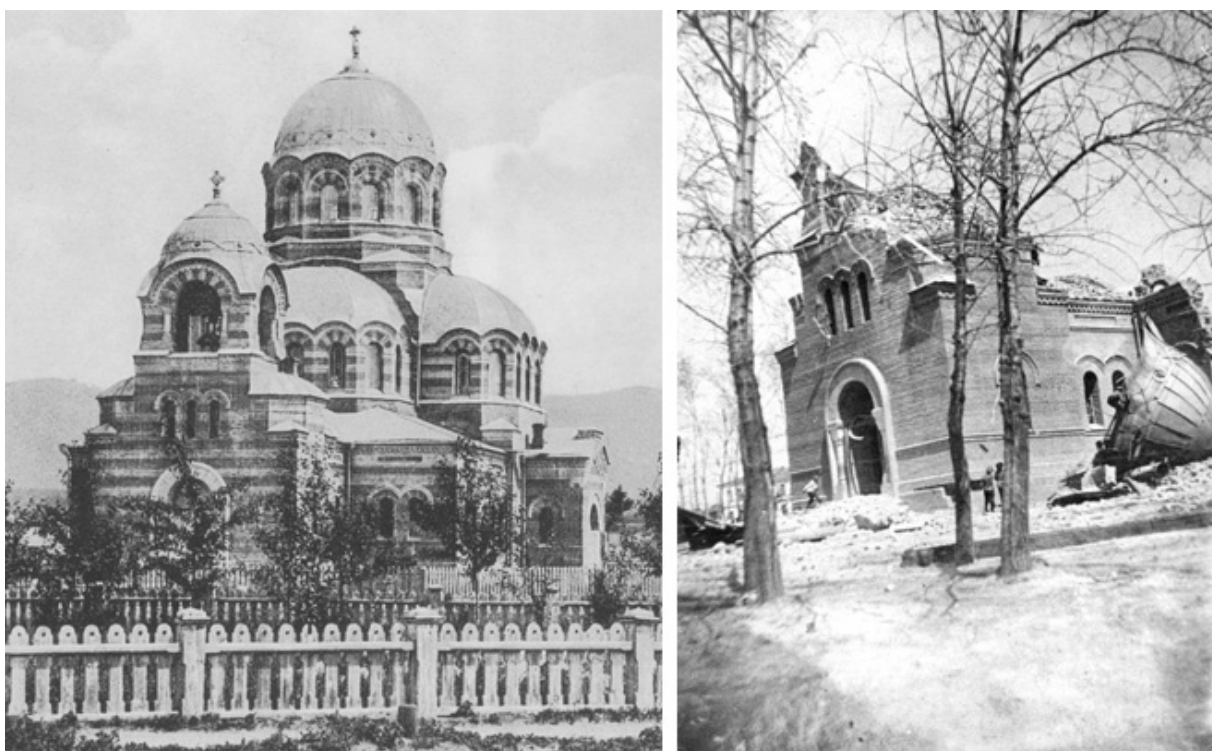
Название	Церковь Милующей Божией Матери	Собор во имя Святого Владимира	Храм Александра Невского	Кафедральный собор Александра Невского
Город	Санкт-Петербург	Астрахань	Ново-Николаевск	Чита
Авторы проекта	В.А. Косяков	В.А. Косяков	К.К. Лыгин	Автор неизвестен
Год создания проекта	1887 г.	1888 г.	Конец XIX в	-
Освещение места/ решение о строительстве	1887 г.	1895 г.	1895 г.	1888 г.
Закладка первого камня	1889 г.	1895 г.	1897 г.	1899 г.
Год окончания строительства	1898 г.	1902 г.	1899 г.	1912 г.

Ил. 1. План проектированного расположения областного города Читы Забайкальской области. 1885 г. [РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Забайкальская область. Д. 22]. Красным отмечено место для постройки будущей соборной церкви

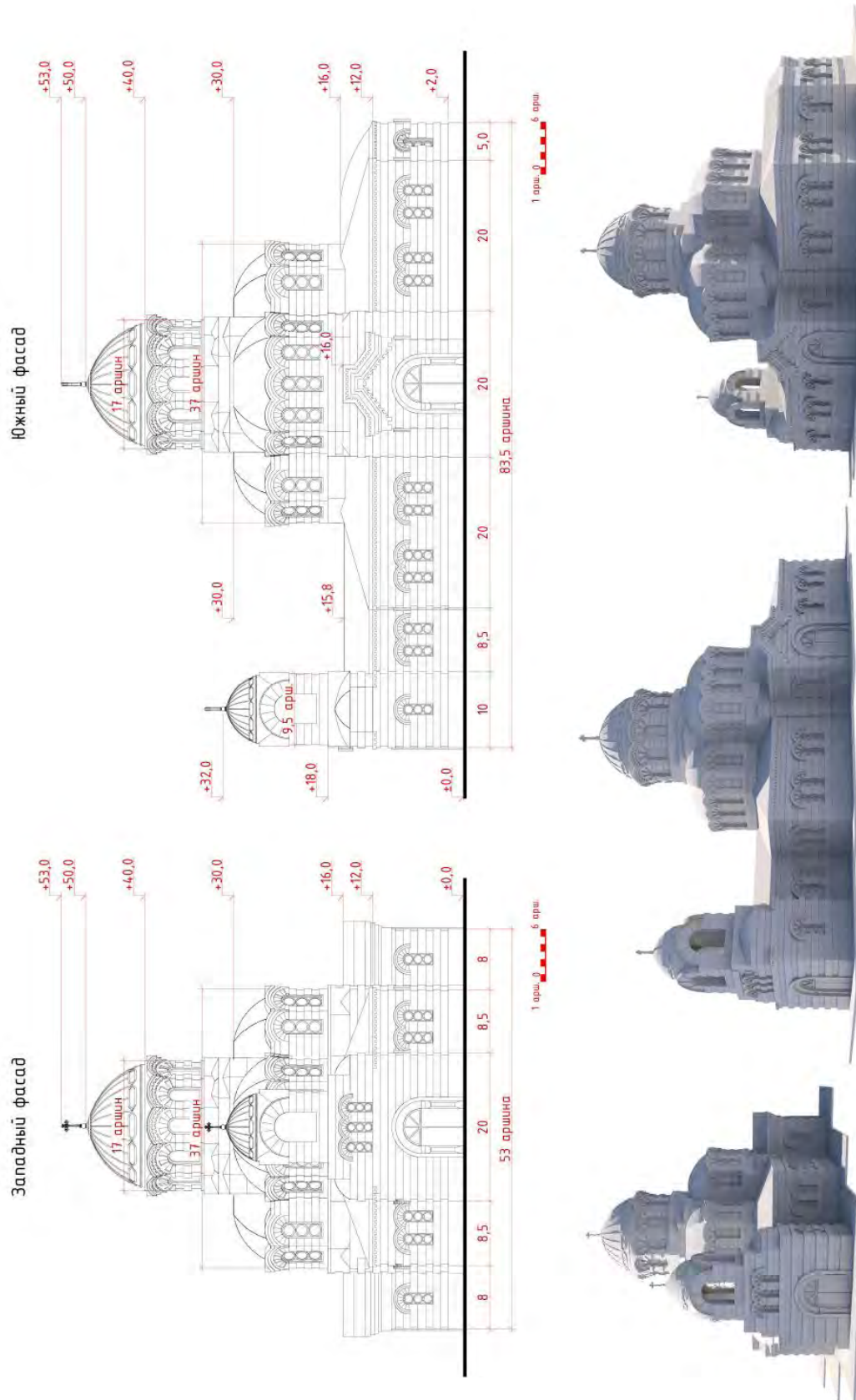
Ил. 2. Собор во имя Александра Невского в г. Чите. Фотография начала XX в. [Евдокимов, 2009, с. 151]

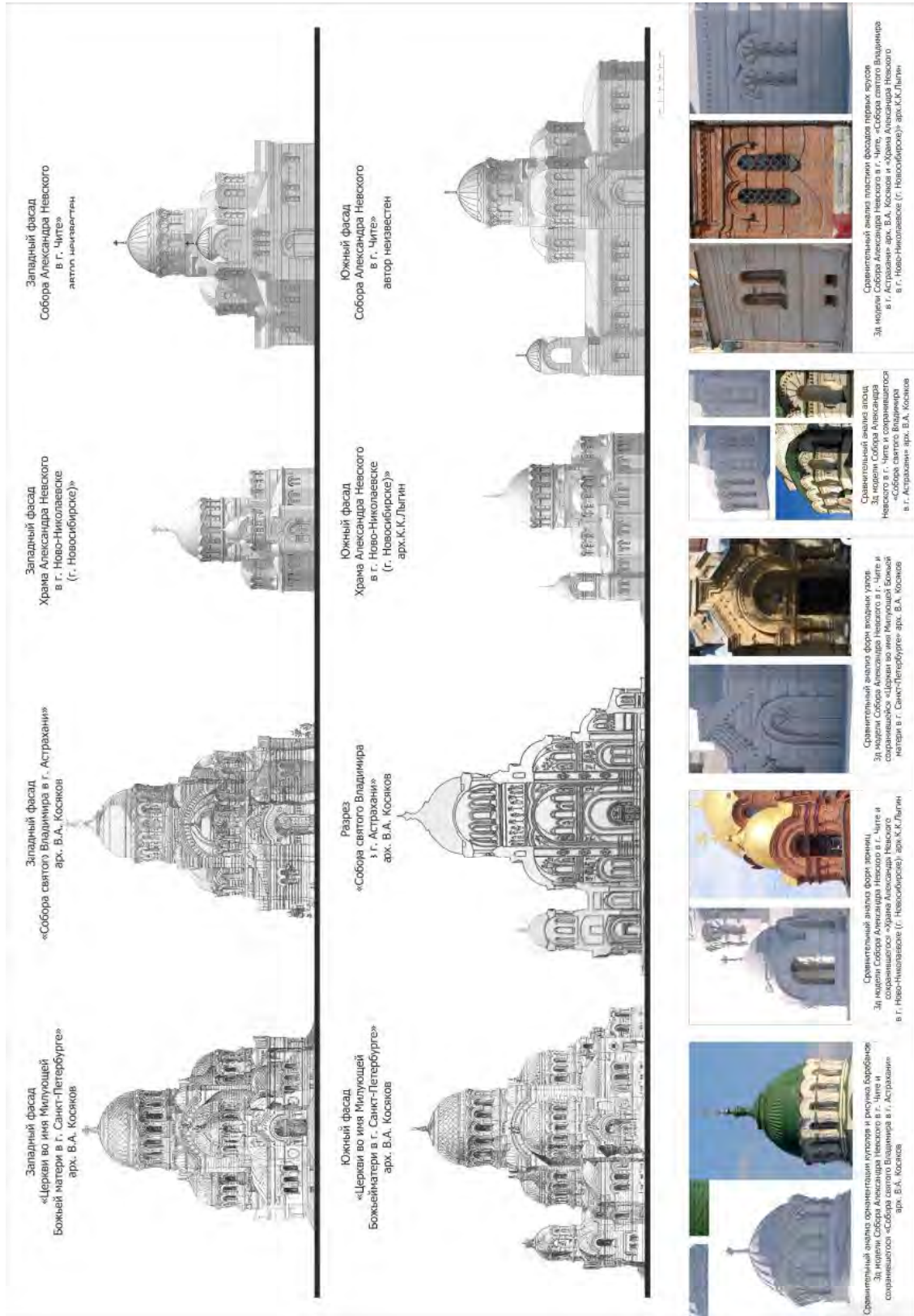
Ил. 3. Собор во имя Александра Невского в г. Чите. Слева — фотография начала XX в. [Савельев, 2005, с. 219]; справа — снимок 1936 г. [Евдокимов, 2009, с. 154].

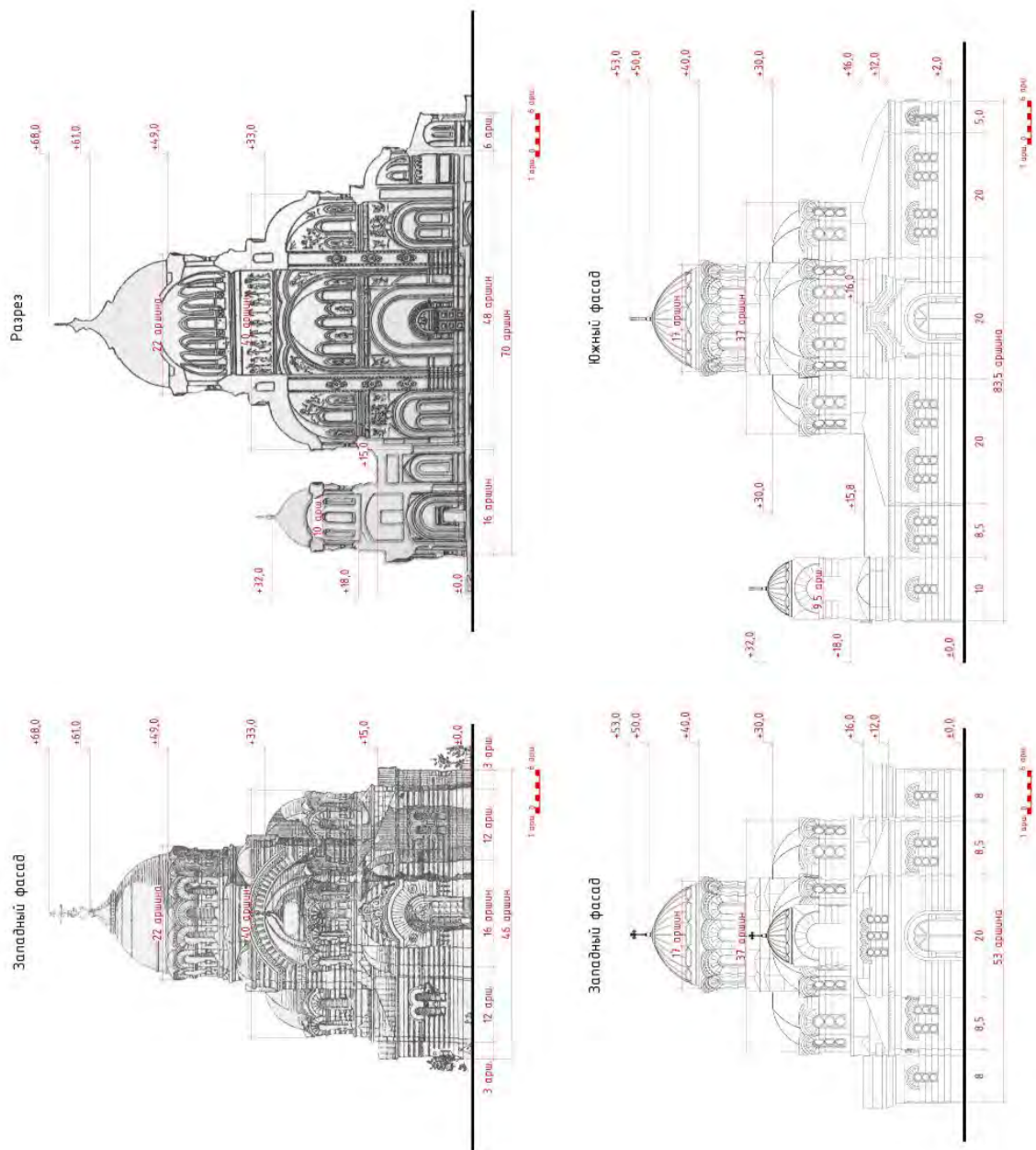

Ил. 5. Проект воссоздания архитектурного облика Читинского кафедрального собора Александра Невского:
вверху — реконструкция проектных размеров (приведены в аршинах,
1 аршин — 0,7112 м); внизу — 3D-модель

Ил. 6. Сравнительный анализ соборов в византийском стиле. Использованы фрагменты-фотографий собора Святого князя Владимира (Астрахань) [Храм-собор Святого князя Владимира...]. Чертежи сооружений: [Астрахань, 1896; Новая церковь Божьей Матери в Санкт-Петербурге, 1888]

Илл. 7. Сравнительный анализ проектных размеров собора во имя Святого Владимира в Астрахани [Астрахань, 1896] и собора Александра Невского в г. Чите

УДК 711.581-168

Е.С. Ловчагина
 Институт архитектуры, строительства и дизайна
 Иркутского национального исследовательского
 технического университета (Иркутск)
 redbutton969@gmail.com

Развитие застроенных территорий 1960-х — первой половины 1970-х годов в городе Иркутске: сравнительный анализ вариантов

Аннотация

Статья посвящена истории массовой панельной застройки в г. Иркутске в период 1960-х — первой половины 1970-х гг. и актуальному вопросу дальнейшей судьбы этих объектов в связи с истекшим сроком эксплуатации. Были выявлены и проанализированы различные методы решения проблем устаревшего жилого фонда в стране и за рубежом.

Ключевые слова: Иркутск, массовая панельная застройка, реконструкция, реновация

E.S. Lovchagina
Institute of Architecture, Construction and Design
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
 redbutton969@gmail.com

Development of Built-up Areas of the 1960s — the first half of 1970s in the City of Irkutsk: a Comparative Option Analysis

Abstract

The article deals with the history and scientific analysis of mass panel building in the period of 1960s — the first half of 1970s. Various methods of solving the problem of outdated housing stock in the country and abroad were identified and analyzed. In this way, the issue of eliminating or reconstructing panel houses of the first mass series stays serious and urgent, since the period of their operation is far expired.

Key words: Irkutsk, mass panel building, reconstruction, renovation

Анализ строительства в Иркутске 1960—1970-х гг. обычно сосредоточен на объектах, возводимых по индивидуальным проектам. В это время в городе работали такие архитекторы, как В.А. Павлов, В.Ф. Бух, С.Д. Нечволодов, В.А. Чемерис, В.С. Воронежский и др., благодаря которым сложилась своя творческая школа, известная по всей стране [Григорьева, 2014, с. 6]. Период был очень ярким и наполненным в отношении развития городской застройки, так как помимо улучшения качества жилищных условий в Иркутске появлялись интересные индивидуальные проекты, однако мы сосредоточили свое внимание на том, как архитекторы работали с типовой застройкой.

Начиная с 1960-х гг. происходила массовая застройка основных городов Иркутской области жилыми крупнопанельными зданиями с различными конструктивными схемами. Применялись следующие серии типовых проектов домов:

- 1) панельные: 1-335-с, 1-335-кс, 1-335-ас (первоначально — с начала 1960-х гг. — дома серии 1-335-1с, 1-335-3с строились в Иркутске из изделий, привозимых из г. Ангарска);
- 2) панельные: И-163, 1-464-с, 1-464-ас, 1-464-ас-

И (с улучшенными фасадами);

3) панельные: 135;

4) крупнопанельные здания с неполным и полным сборным железобетонными каркасами серий 1-335С и 1-335А (АС, КС).

Типовые проекты крупнопанельных жилых домов серии 1-335-с и 1-335-ас (кс) были разработаны ЛенЗНИИЭП (быв. Ленинградское отделение Горстройпроекта) для условий сейсмичности 7 и 8 баллов и находились в составе действующих до 1970-х гг.

В 1964 г. дома серии 1-335-с со стеновыми панелями из газозолобетона были откорректированы ЛенЗНИИЭП совместно с Иркутским отделением Горстройпроект (Иркутскгражданпроект). Стеновые панели для этой серии стали выпускаться на Ленинском заводе ЖБИ в г. Иркутске. Город Иркутск застраивался домами этой серии до 1976 г. [Паспортизация..., 2000].

Строительные комбинаты в течение нескольких лет выпускали конкретные серии домов и ничего другого выпускать не могли, их технологии были направлены на выпуск конкретных серий. Архитекторы вынуждены были, создавая градостроительную среду, оперировать именно этими домами как элемен-

тами застройки, и никаких других в их распоряжении не было. Поэтому, например, если дома были широкими, то и располагались они широко, как этого требовала инсоляция. Планировочные решения должны были предусматривать инсоляцию хотя бы одной комнаты в квартире в течение 1,5 часов. Точно так же накладывались ограничения на серию домов, где в торцах располагались окна. Такие дома нельзя было блокировать друг с другом.

Помимо соблюдения строительных норм перед архитекторами стояла задача обеспечить художественной выразительностью и комфортностью микрорайон с точки зрения рациональной планировки, и поэтому они находили подход к проектированию для каждого микрорайона, основываясь на его местоположении и существующей вокруг застройке.

Первый принцип застройки, который был распространен в г. Иркутске в первых микрорайонных жилых образованиях после укрупненных кварталов, был принцип строчной застройки территории, расположенной сообразно горизонталям рельефа. Наиболее полно это выразилось в застройке первых двух микрорайонов жилого района Нижняя Лисиха [Дорофеев, 2014, с. 230] (ил. 1). Проект застройки Лисихи был разработан в 1960—1965 гг. в институтах «Горстройпроект» и «Иркутскгражданпроект», авторы В.С. Воронежский, В.Ф. Бух, В.М. Аптекман, В. Нечволодов, В.А. Чемерис [Иркутская летопись..., 2010, с. 310].

Также строчная застройка присутствует в микрорайоне Байкальском (ил. 2). Территория этого микрорайона представляет собой компактное жилое образование на спокойном рельефе [Дорофеев, 2014, с. 234]. Проект микрорайона разработан в начале 1970-х гг. в институте «Иркутскгражданпроект», авторы генплана В.А. Павлов и Т.Г. Потапова [Иркутская летопись, 2010, с. 372]. Микрорайон небольшой, компактный, и, хотя еще преобладает строчная застройка, но появляется идея контраста между длинными и короткими жилыми домами — композиционный контраст, и контраст применяемых материалов: используются бетонные панели и кирпич. Сочетаются и разные подходы к проектированию — использованы как типовые дома серии 1-335АС, так и индивидуальные проекты — жилая группа с квартирами в двух уровнях, общежитие. Сформированное лицо микрорайона благодаря яркой архитектуре жилого дома «для заселения семьями с разным демографическим составом», расположенного на оживленной магистрали, узнаваемо не только горожанами, но и было известно в стране [Дорофеев, 2014, с. 235].

На примере районов, которые мы рассмотрели, мы убедились, что проектные организации нашли подход к каждому микрорайону, органично вписали панельную застройку в сложившийся ландшафт и подчеркнули уникальность каждой территории за счет индивидуальных проектов зданий. Эти микрорайоны и сейчас являются уютными жилыми образованиями Иркутска несмотря на изношенность жилого фонда. За долгий период в них сложилась своя атмосфера, которую жители стараются поддерживать и по сей день.

Дома серии 335 распространены по всей территории Иркутска, они являются частью таких крупных

районов, как Юбилейный, Ново-Ленино, Кировский и др. Некоторые микрорайоны рассматриваемого периода стали визитной карточкой города, а дома, которыми они застраивались, нуждаются в срочной реконструкции.

В последние 15—20 лет остро растет потребность в модернизации и реконструкции крупнопанельных зданий серий 1-335 различных модификаций в Иркутской области. Минимально необходимые объемы реконструкции этих зданий в столице Приангарья составляют около 1,5 млн кв. м общей площади, в Иркутской области — около 4 млн кв. м. Для сравнения, за 2016 г. в Иркутской области было построено всего 560,9 тыс. кв. м жилой площади [Строительство нового жилья..., 2018].

К настоящему времени исчерпаны нормативно установленные сроки эксплуатации и технический ресурс стеновых несущих и ограждающих конструкций крупнопанельных зданий серии 1-335 застройки 1960—1970-х гг. Многочисленные обследования и данные региональной паспортизации подтверждают наличие дефектов, повреждений и деструкции материалов, отдельно и в совокупности свидетельствующих о снижении эксплуатационной надежности зданий данного типа [Сводное заключение..., 1995]. Для сейсмически активных районов существенно повышены нормативные требования, которым рассматриваемые здания объективно не могут полностью соответствовать. Кроме того, стеновые панели из газозолобетона не отвечают требованиям действующих норм по условиям энергосбережения более чем в 3 раза. Основные проблемы панелей из газозолобетона связаны с низкими защитными свойствами газозолобетона по отношению к арматуре и, как следствие, коррозии наружных арматурных сеток, приводящих к расслоению наружно-стеновых панелей. Второй основной причиной расслоения панелей является грубое нарушение заводами ЖБИ технологии их изготовления.

Рассмотрим несколько вариантов дальнейшего развития территорий, застроенных панельными домами первых серий в г. Иркутске.

Первый вариант решения данной проблемы — реконструкция. Под реконструкцией мы подразумеваем, в первую очередь, повышение надежности зданий жилищного фонда путем санации с утеплением и гидроизоляцией ограждающих конструкций. Кроме того, подразумевается демонтаж вышедших из строя стеновых панелей с заменой их новыми изделиями в полном объеме (полный каркас), а также восстановление несущей способности стеновых панелей односторонним и двусторонним армированным торкретом и установкой внутренних пристенных колонн из стального проката с последующим монтажом системы утепленного вентилируемого фасада. Второй способ, как показывает практика, предпочтительнее, так как позволяет производить ремонтно-восстановительные работы без частичного выселения жильцов.

По всей стране можно найти удачные примеры того, как изношенные годами дома 335-й серии превращаются в интересные архитектурные проекты. Кроме того, изучив проблему старого жилого фонда в Европе, можно сделать вывод, что в европейских странах не стремятся к массовому сносу панельной

застройки, а, наоборот, выделяют больше средств на реконструкцию, чем на новое строительство.

Разрабатываются и внедряются новые технологии реконструкции панельных домов. Немецкие специалисты предлагают наладить строительство энергопассивных домов, применяя каркасно-соломенные технологии. Данная технология предполагает наращивание старых домов с помощью блоков из спрессованной соломы. Надстройка одного или двух мансардных этажей не только снимет проблему старой кровли, но и даст дополнительную площадь, продав которую, можно компенсировать часть затрат на утепление и ремонт. К тому же обновленный дом получит внешнюю лифтовую систему — это и комфорт, и дополнительное утепление [Немцы хотят термомодернизировать..., 2018].

В Иркутской области есть примеры капитального ремонта домов 335-й серии с применением теплоизоляции для предотвращения «мостиков холода» и монтажом вентилируемого фасада (ил. 3). Также в Иркутске разрабатываются методы по архитектурным решениям реконструкции домов 335-й серии. Разработаны технологии обстройки здания объемными блоками, а также возведения мансардных этажей методом монтажа укрупненных на пролет объемных блоков, которые обеспечивают прирост площадей в следующем диапазоне:

- пристройка объемных эркеров — 7%;
- надстройка мансардного этажа — 15%;
- надстройка мансарды на 2 этажа — 30%;
- пристройка объемных эркеров и надстройка мансардными этажами — 22...37%.

При возведении мансардных этажей с применением складывающихся объемных блоков (ил. 4) достигается снижение трудоемкости в несколько раз, что приводит к уменьшению сроков реконструктивных работ [Петров и др., 2018, с. 4]. Были проведены исследования и разработан строительный генеральный план комплексной реконструкции для отдельного квартала г. Иркутска, в результате чего было выявлено, что за 10 месяцев можно выполнить весь комплекс работ по реконструкции четырех крупнопанельных домов серии 1-335С. Анализ реконструктивных работ показал рациональность и финансовую привлекательность такого подхода по сравнению с демонтажем здания [Там же, с. 5].

Варианты модернизации и реконструкции крупнопанельных зданий серии 1-335С позволяют:

- привести здание в соответствие с требованиями действующих норм строительства в сейсмических районах;
- устроить эркеры и надстроить мансарду на 1—2 этажа;
- повысить комфорт здания за счет увеличения площадей помещений и повышения теплотехнических характеристик ограждающих конструкций;
- значительно улучшить архитектурный облик здания за счет пристройки эркерной системы к кухонным комнатам, при этом увеличивается площадь кухни с 5,8 м до 9,8 кв. м, что доводит эти показатели до нормативного уровня;
- с помощью обстройки эркеров и устройства мансардного этажа повысить архитектурную выразительность здания.

Проанализировав отечественный, зарубежный

и местный опыт реконструкции панельных домов, можно сделать вывод, что реконструкция обеспечит не только безопасное проживание в устаревших и вышедших из срока эксплуатации домов, но и придаст серой типовой застройке новый облик, который способен вписаться в современную архитектурную среду города, подчеркивая его особенности.

Второй вариант решения проблем массового панельного домостроения в Иркутской области — снос застройки. Аргументом в пользу сноса можно считать наименьшие затраты, однако европейский опыт убедил нас, что это не так. Отремонтированные дома могут стать удобными и привлекательными для проживания. В последнее время многие специалисты сходятся во мнении, что здания 335-й серии необходимо снести и на их месте построить новые современные многоэтажные дома, отвечающие критериям энергоэффективности и комфортного проживания. Такая программа реновации требует огромных затрат, что не под силу Сибирскому региону. Снос предполагает отселение жильцов, но временный жилой фонд в области не сформирован. Демонтаж, утилизация старого жилого фонда, строительство нового жилья — все это требует источников финансирования.

Следовательно, проблема практической реализации сноса жилых домов затрагивает довольно много аспектов: экономический, технический, экологический, социальный и др.

Строительные компании видят экономическую привлекательность кварталов, застроенных старым жилым фондом, так как некоторые из них занимают центральную часть города и потому имеют большой градостроительный потенциал. У строительных компаний появляются собственные заводы по производству железобетонных панелей — это первые шаги к реализации программы реновации первых панельных домов 335-й серии в Сибири. В будущем это может способствовать быстрому внедрению нового комфортного жилья.

Таким образом, проблема застроенных первыми панельными домами территорий нуждается в скорейшем разрешении. Проживая в сейсмически активном районе, необходимо соблюдать бдительность в отношении устаревшего жилого фонда города, поэтому нужно обдуманно подойти к данной проблеме, чтобы обеспечить жильцам уверенность в безопасном проживании в хрущевках, а также придать новый облик не только домам, но и территории, на которой они расположены.

Список литературы

1. Григорьева Е. Иркутские шестидесятники // Проект Байкал. — 2014. — № 43. — С. 6—7.
2. Дорофеев П. Микрорайонные структуры 1960—1970-х годов в Иркутске // Проект Байкал. — 2014. — № 43. — С. 230—235.
3. Иркутская летопись. 1941—1991 гг. / сост. Ю.П. Колпаков. — Иркутск: Оттиск, 2010. — 719 с.
4. Немцы хотят термомодернизировать украинские «хрущевки» и строить энергопассивные дома из соломы // ABCnews. — 18 сентября 2015 [Электронный ресурс]. — URL: <https://ecotechnica.com.ua/>

arkhitektura/247-nemtsy-khotyat-termomodernizirovat-ukrainskie-khrushchevki-i-stroit-energopassivnyedoma-iz-solomy.html

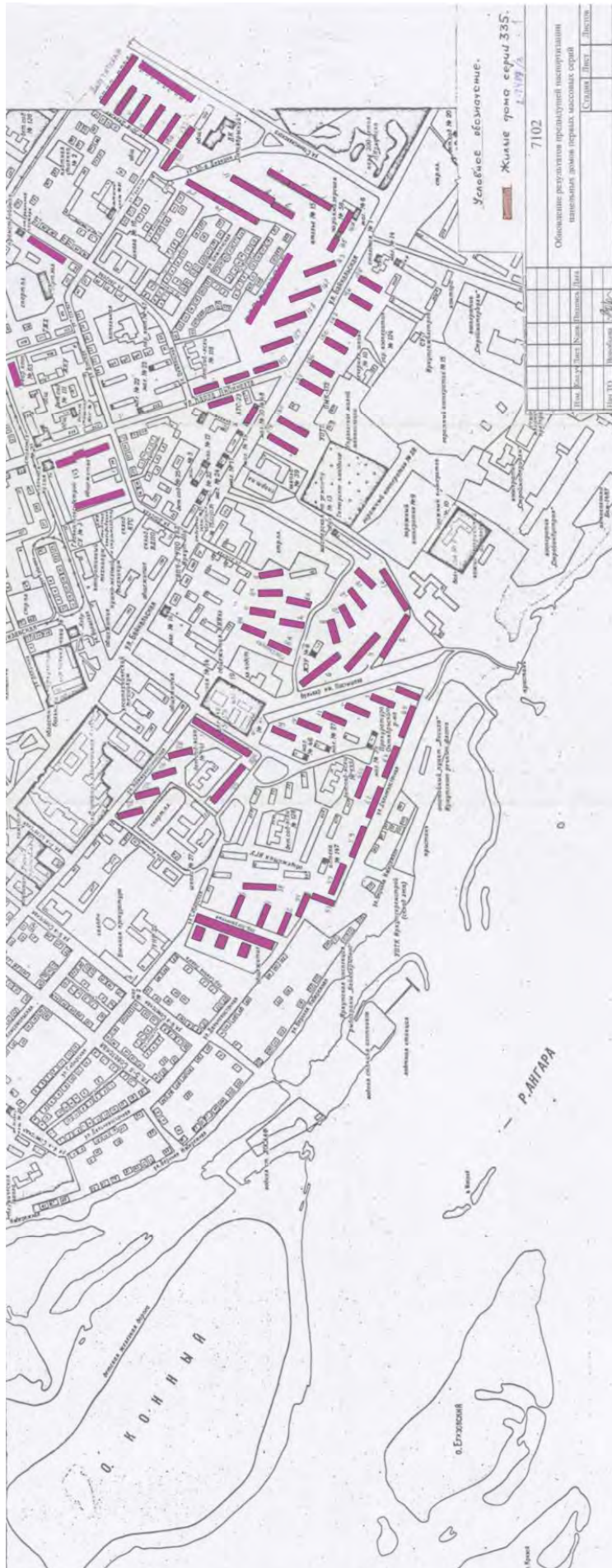
5. Петров А.В., Пешков В.В., Петунин А.Г. Индустриальные технологии реконструкции крупнопанельных зданий серии 1-335. — Иркутск: Иркут. нац. исслед. техн. ун-т, 2018. — 237 с.

6. Строительство нового жилья сократилось // Новости МК Байкал. — 2016. — 21 декабря [Электронный ресурс]. — URL: <http://irkutsk.aldana.ru/new/view/id/50791>

Список источников

1. Паспортизация устаревшего жилого фонда и разработка рекомендаций и мероприятий по его усилению // Отчет по теме НИР и ОКР. 1-й этап. Методика оценки устаревшего жилого фонда. — Иркутск: ОАО Иркутскгражданпроект, 2000. — 257 с.

2. Сводное заключение по результатам обследования конструкций домов различных модификаций серии 335, возведенных в г. Иркутске. — Иркутск: Проектно-экспериментальная фирма ТОО ЭКС. ПРО-ЕКТ, 1995. — 66 с.

Ил. 1. Схема расположения домов 335-й серии в микрорайоне Нижняя Лисиха, г. Иркутск [Паспортизация...]

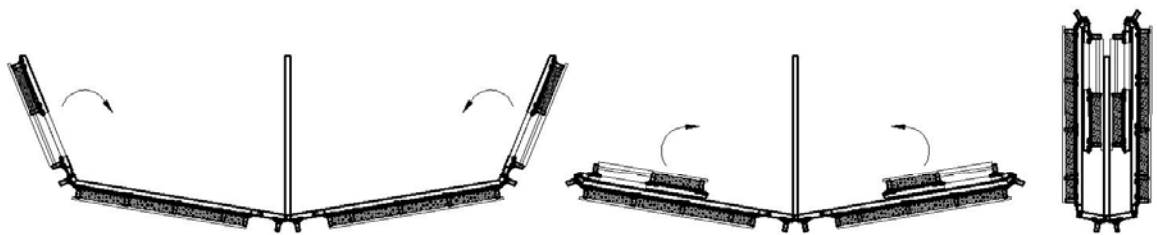

Ил. 2. Схема расположения панельных домов в микрорайоне Байкальском, г. Иркутск [Паспортизация...]

Ил. 3. Пример реконструкции дома 335-й серии в г. Иркутске (URL: http://www.stvolna.ru/page/about/areas_of_activity/)

Ил. 4. Складывающиеся объемные блоки [Петров и др., 2018, с. 4]

УДК: [726.03]

Е.А. Прибылева
Институт архитектуры, строительства и дизайна
Иркутский национальный исследовательский
технический университет
themailboxe@gmail.com
Научный руководитель: доцент А.А. Ляпин

Реставрация памятников архитектуры в Иркутске во второй половине 1960 — середине 1970-х годов

Аннотация

Во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. в Иркутске активизировались процессы изучения и реставрации памятников архитектуры. Существенным в этой деятельности было то обстоятельство, что исторический центр Иркутска, в отличие от других сибирских городов, в эти годы практически не затронуло массовое типовое жилищное строительство, что позволило на качественно ином уровне осуществлять восстановление исторической застройки. В статье освещается вклад архитекторов Б.И. Оглы, Г.Г. Оранской, Г.А. Вязуновой, В.И. Сотникова, В.И. Колпикова, В.Т. Щербина, А.В. Яковлева, Л.И. Гуровой и Е.В. Хохрина в восстановление ключевых памятников города: Спасской и Преображенской церквей, собора Богоявления, Польского костела, Дома-музея Н. Трубецкого, Дома-музея С. Волконского, «Желябовского комплекса», ансамбля улицы К. Маркса и др.

Ключевые слова: деревянное зодчество, архитектура Иркутска, реставрация архитектурных памятников, историко-архитектурный опорный план

Е.А. Pribileva
Institute of Architecture, Construction and Design
Irkutsk National Research Technical University (Irkutsk)
themailboxe@gmail.com
Scientific adviser is A.A. Lyapin

Restoration of Architectural Monuments of Irkutsk in the Second Half of 1960s — the Middle of 1970s

Abstract

In the second half of the 1960s — the middle of 1970s the processes of studying and restoring monuments of architecture in Irkutsk have been intensified. It was essential for this activity that in those years the historical center of Irkutsk, in contrast to other Siberian cities, did not practically affect by the mass standard housing construction, and it allowed to restore historical development at a high quality level. The article deals with the contribution of architects B.I. Ogly, G.G. Oranskaya, G.A. Vyazunova, V.I. Sotnikov, V.I. Kolpikov, V.T. Shcherbin, A.V. Yakovleva, L.I. Gurova and E.V. Hohrin in the restoration of main architectural monuments of the city: the Spasskaya and Preobrazhenskaya churches, the Epiphany Cathedral, the Polish church, N. Trubetskoi house museum, S. Volkonsky house museum, Zhelyabovsky housing complex, ensemble of K. Marx street and others.

Key words: wooden architecture, architecture of Irkutsk, restoration of architectural monuments, historical and architectural key plan

Период конца 1960-х — середины 1970-х гг. стал для городов Сибири периодом радикальной реконструкции городских центров. В эти годы набирает обороты массовое многоэтажное типовое строительство, одновременно во многих сибирских городах укрупняются станционные железнодорожные узлы и вместо старых вокзалов возводятся новые, крупнейшие предыдущих. Иркутск в эти годы тем не менее избежал подобных трансформаций, затрагивающих центральную часть города. Массовое типовое строительство почти не затронуло исторический центр, а существующий вокзал был расширен не слишком существенно. Особенность Иркутска во второй половине XX в. по отношению к другим городам Сибири

была в том, что в период массового жилищного строительства застройка микрорайонов происходила по окраинам города, на новых осваиваемых территориях в центре города типовые жилые дома практически не строились. Историк архитектуры Б.И. Оглы отмечает, что «территориальное развитие города предопределялось наметившейся к 1960-м гг. тенденцией его роста по внешним радиальным направлениям, которые вклинивались в зону пригородного расселения и ландшафта» [50 лет ВООПИК, 2016, с. 83].

Изучение архитектурных памятников в городе эпизодически велось с начала XX в. Уже в 1920-х гг. историки и художники описали наиболее значительные и интересные церковные здания в Иркутске,

которые в то же время были поставлены на государственную охрану в качестве архитектурных памятников. Когда в 1944 г. при Иркутском облисполкоме был создан отдел по делам архитектуры, то вопрос об охране архитектурных памятников был передан в его ведение. Однако никаких существенных продвижений в деле изучения архитектурного наследия города и его охраны до середины 1950-х гг. не происходило.

Именно в то время молодой архитектор Борис Иосифович Оглы проявил большой интерес к архитектурному наследию Иркутска. Исследователи архитектуры из Иркутского технического университета отмечают: «этот архитектор-исследователь начал изучение исторической архитектуры Иркутска в 1950-х годах как аспирант Новосибирского инженерно-строительного института. Научный руководитель Б.И. Оглы, доктор архитектуры Е.А. Ащепков ориентировал своего аспиранта на углубленное изучение основных этапов градостроительного развития и основных типов застройки Иркутска. По материалам своих натурных исследований Б.И. Оглы подготовил ряд статей, первым из историков архитектуры начав научное обсуждение типологии исторической деревянной архитектуры Иркутска» [Ляпин, 2013, с. 181]. В 1982 г. Б.И. Оглы издал книгу о планировке и об архитектуре города [1982], которая остается актуальной до сегодняшнего дня.

В середине 1960-х гг. глава администрации города Н.Ф. Салацкий поддержал инициативу московского архитектора-реставратора Г.Г. Оранской в ее стремлении восстановить первоначальный архитектурный облик двух старейших храмов города — Спасской церкви и Богоявленского собора. Приехав в Иркутск в начале 1960-х гг. по запросу историков В. Тюкавкина и А. Фатьянова для экспертизы культурной значимости Спасской церкви и Богоявленского собора, Галина Геннадьевна Оранская «заняла принципиальную позицию: сохранить уникальные сооружения, провести их консервацию с целью дальнейшего их восстановления... Она выполнила первые обмеры памятников, необходимые для разработки проектов реставрации» [Полунина, 2013, с. 10]. Одновременно с этой инициативой Г.Г. Оранская руководила созданием музея под открытым небом недалеко от Иркутска, который сегодня известен как музей «Тальцы». Постоянно приезжая в Иркутск в 1960-е и 1970-е гг., Оранская при любой возможности стремилась сохранить архитектурное наследие города, всячески содействовала расширению реставрационных работ.

В 1975 г., на волне 150-летия со дня восстания декабристов, в Иркутске возник проект создания специального архитектурного комплекса, посвященного ссыльным декабристам — «Декабристы в Иркутске» [50 лет ВООПИИК, 2016, с. 90]. По предложению Г.Г. Оранской работу по проектированию этого комплекса возглавил московский реставратор Евгений Юрьевич Барановский. В сотрудничестве с иркутскими архитекторами Галиной Анатольевной Вязуновой, Владимиром Ивановичем Сотниковым и Владимиром Ивановичем Колпиковым он выполнил проект историко-мемориальной зоны «Декабристы в Иркутске», которая охватывала около 10 кварталов в северо-восточной части исторического центра. Н.Ф.

Салацкий в своих мемуарах отмечал: «Встал вопрос о проведении комплексного капитально-восстановительного ремонта жилых домов, отнесенных к категории памятников, проведении реставрационных работ в заповедных зонах Желябовского комплекса и в зоне «Декабристы в Иркутске» [Салацкий, 1993, с. 248]. К настоящему времени в рамках начатого в середине 1970-х гг. проекта выполнена реставрация более десятка деревянных жилых домов, а также Преображенской церкви.

В то же время глава города Н.Ф. Салацкий предложил Г.А. Вязуновой выполнить проект реставрации с приспособлением под зал органной музыки здания Польского костела в Иркутске — архитектурного памятника XIX в. [Иркутские архитекторы, 2011, с. 46]. Это здание было построено в 1885 г. архитектором Иваном Фомичом Тамулевицем на Соборной площади рядом с кафедральным собором Казанской Божией Матери. И.Ф. Тамулевич пользовался большим авторитетом в Иркутске. Как указывает А.А. Ляпин, «с 1892 года он исполнял обязанности управляющего строительными и дорожными частями при иркутском генерал-губернаторе» [Ляпин, 2012, с. 14]. В период политических репрессий в отношении церкви кафедральный Казанский собор был разрушен, однако бывшие на этой площади Спасская церковь и Польский костел сохранились. Н.Ф. Салацкий в своих мемуарах отмечал: «Г.А. Вязунова, окончив институт, с головой окунулась в разработку и практическое осуществление реставрации Польского костела» [Салацкий, 1993, с. 239]. Реставрация редкого для Сибири здания вызвала большой энтузиазм как среди жителей города, так и в городе-побратиме Иркутска — польском городе Пила, где местные жители собрали средства для приобретения органа, предназначенного отреставрированному костелу. Эти средства горисполком Иркутска использовал для того, чтобы заказать инструмент в Восточной Германии. В 1978 г. реставрация Польского костела была завершена.

Деятельность Галины Оранской и Евгения Барановского в Иркутске вызвала появление группы любителей и энтузиастов истории и архитектуры в самом городе. Центром по изучению истории и архитектуры города стало Иркутское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Располагая достаточными финансами и организационными средствами, Иркутское отделение ВООПИИК обеспечивало изучение исторической застройки города местными краеведами и искусствоведами. Лидером в такой научной работе стал преподаватель Иркутского политехнического института, искусствовед Валерий Трофимович Щербин, который возглавил в региональном отделении ВООПИИК секцию истории архитектуры. А.А. Ляпин пишет об этом: «Валерий Щербин много внимания уделял пропаганде архитектурного наследия Иркутска и всей Восточной Сибири. Он пишет статьи, участвует в дискуссиях в прессе, по радио и на телевидении, выступает с публичными лекциями в учреждениях и библиотеках Иркутска. Участвует в создании нескольких фильмов, посвященных культурному наследию Сибири, в том числе, фильма «Иркутск с нами» в сотрудничестве с писателем Валентином Распутиным» [Ляпин, 2014, с. 321].

Качественно новым рубежом в реставрации архитектурного наследия Иркутска стал 1986 г. В этом году отмечали 300-летний юбилей со дня присвоения Иркутску статуса города. Городская администрация под руководством Б.А. Говорина инициировала проектные работы сразу по нескольким кварталам в историческом центре, присвоив им статус заповедных историко-архитектурных зон. Первой такой зоной стала территория в северо-восточной части центра — «Декабристы в Иркутске», основу которой составил проект, разработанный под руководством Е.Ю. Барановского. В этой части города, доминантой которой являлась Преображенская церковь, построенная в конце XVIII в., сохранились в деревянных кварталах дома, в которых проживали декабристы Николай Трубецкой и Сергей Волконский. В зданиях были учреждены Дом-музей декабриста Трубецкого и Дом-музей декабриста Волконского. В разработке проекта, выполненного под руководством Е.Ю. Барановского, участвовали иркутские архитекторы-реставраторы Александр Яковлев и Лариса Гурова.

Другие историко-архитектурные зоны Иркутска — «Желябовский комплекс» и «Ансамбль улицы Карла Маркса» — потребовали детального изучения исторической застройки центральной части города. Возникший среди жителей Иркутска интерес к истории и архитектуре стимулировал профессиональные поиски архитекторов. В то время, когда увеличилось число архитектурных исследований, появилось несколько инициативных проектов по реставрации памятников. Опираясь на методическую и аналитическую базу Б.И. Оглы, московские и иркутские архитекторы детализировали и расширили представление о деревянном архитектурном наследии города.

Значительную роль в очередном шаге постижения особенностей иркутской деревянной архитектуры сыграл Е.Ю. Барановский. В статье Е.В. Хохрина, А.А. Ляпина и Ю.О. Казановой о научном изучении типологии архитектуры Иркутска отмечено: «Евгений Юрьевич Барановский приехал в Иркутск в середине 1970-х годов и начал работать над историческим мемориальным комплексом “Декабристы в Иркутске”. Через несколько лет Управление культуры Администрации Иркутской области, в чьем ведении находились памятники архитектуры, обратилось к нему с предложением о проведении инвентаризации и паспортизации архитектурного наследия Иркутска. В 1977—1979 гг. он совместно с Е.В. Хохриным выполнил первые паспорта на наиболее значимые памятники архитектуры города. Свою статью “О типологии жилых домов Иркутска” с представлением разработанной им типологии он опубликовал

в 2002 г. в иркутском журнале “Земля Иркутская”» [Хохрин и др., 2013, с. 182].

Таким образом, во второй половине 1960-х — середине 1970-х гг. в Иркутске было проведена реставрация около 20 крупных общественных зданий — архитектурных памятников — и около полутора десятков деревянных жилых домов XIX в. Среди крупных архитектурных памятников можно отметить — собор Богоявления и Польский костел. Этот же период стал временем формирования Иркутской школы реставрации, созданной усилиями московских специалистов — Г.Г. Оранской и Е.Ю. Барановского. Линию, заложенную коллегами, продолжили молодые архитекторы-реставраторы Лариса Ивановна Гурова, Алексей Валентинович Поликарпочкин, и Алексей Павлович Бельский. В конце 1980-х гг. эти авторы подготовили проекты реставрации Казанской церкви и бывшего здания Русско-Азиатского банка.

Список литературы

1. Иркутские архитекторы / авт.-сост.: С.Б. Димков, Е.В. Протасова, А.А. Ляпин, Р.А. Хотулев — Иркутск: Изд-во «Репроцентр А1», 2011. — 270 с.
2. Ляпин А.А. Архитекторы — выпускники института гражданских инженеров в Иркутске в начале XX века // Вестн. гражданских инженеров. — 2012. — № 2. — С. 12—16.
3. Ляпин А.А. Искусствовед Валерий Щербин и формирование иркутской школы истории архитектуры // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. — 2014. — № 10 (93). — С. 318—322.
4. Оглы Б.И. Иркутск. О планировке и архитектуре города. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1982. — 112 с.
5. Полунина Н.Н. Галина Геннадьевна Оранская. Краткая летопись жизни с послесловием // Архитектор и время: материалы чт., посвящ. 100-летию со дня рождения Г.Г. Оранской (1913—1986). — Иркутск: ИОГАУК «Тальцы», 2013. — С. 6—18.
6. 50 лет ВООПИиК: храним и помним. — Иркутск: Тип. «Принт-Лайн», 2016. — 96 с.
7. Салацкий Н.Ф. О былом как было. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. — 255 с.
8. Хохрин Е.В., Ляпин А.А., Казанова Ю.О. // Формирование типологии деревянных жилых домов Иркутска в работах исследователей архитектуры XX в. // Изв. вузов: инвестиции, строительство, недвижимость. — 2013. — № 1 (4). — С. 180—185.

УДК: [72.025.5]

Г.Я. Рагино¹, Ю.А. Явкина
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
¹rag_g@mail.ru,

Научный руководитель: кандидат архитектуры Е.Н. Лихачев

Адаптация объектов индустриального наследия (на примере предприятий товарищества «Сибирский мукомол»)

Аннотация

В статье сделана попытка обобщения мирового опыта адаптации объектов индустриального наследия, выделено несколько типовых путей. На примере двух объектов индустриального наследия г. Новониколаевска (Новосибирска) — паровой вальцовой мельницы (1910 г.) и здания макаронной фабрики (1912 г.), составляющих комплекс зданий товарищества «Сибирский мукомол», рассмотрены два принципиально разных пути адаптации: перепрофилирование и эксплуатационная модернизация.

Ключевые слова: индустриальное наследие, Новониколаевск, адаптация, реконструкция зданий, модернизация зданий, перепрофилирование зданий

G.I. Ragino¹, Yu.A. Yavkina
*Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)*
¹rag_g@mail.ru
Scientific adviser is E.N. Lihachev

Adaptation of Industrial Heritage Facilities (Shown on the Example of Enterprises of the *Siberian Miller Company*)

Abstract

The article presents an attempt to generalize the world experience of adaptation of industrial heritage objects. Several typical ways of the adaptation have been revealed. The authors show two very different ways of the adaptation — re-profiling and operational modernization. These ways are considered on the example of two objects of industrial heritage of the city of Novonikolaevsk (Novosibirsk): a steam roller mill (constructed in 1910) and a building of the pasta factory (constructed in 1912). These objects were included into industrial complex of the *Siberian Miller Company*.

Key words: industrial heritage, Novonikolaevsk, adaptation, reconstruction of buildings, modernization of buildings, re-profiling of buildings

К индустриальному наследию принято относить здания заводов, вокзалов, различные агрегаты и механизмы, построенные как по индивидуальному заказу, так и согласно массовым проектам. Помимо этого, к объектам индустриального наследия стоит относить элементы транспортной инфраструктуры, социальной организации, связанные с производством, места переработки энергии.

Часто объекты индустриального наследия (ОИН) ускользают из поля зрения. Если объект культурного наследия является старинным домом или особняком, то он, как правило, используется в качестве музея или иного культурного учреждения. С бывшими промышленными объектами ситуация сложнее: вопросы поиска путей их адаптации, интеграции в современную городскую среду и наполнения новой функцией остаются актуальными на сегодняшний день.

Для того чтобы понимать, какой потенциал за-

ключен именно в индустриальном культурном наследии, необходимо понимать экономические и социальные эффекты. Для бизнеса объекты индустриального наследия могут быть привлекательны. Если говорить об особняках или палатах XVII—XVIII вв., то приспособить их к каким-либо иным функциям, помимо музейной или культурной, достаточно сложно. Между тем памятники индустриальной эпохи позволяют более активно коммерчески использовать свои территории. Важным фактором выступают масштабы имущественного комплекса и привлекательное территориальное расположение: то, что еще в начале века находилось на окраине, сейчас входит в черту города, зачастую в центральную его часть. В большинстве случаев эти объекты находятся в заброшенном состоянии и требуют оживления, что также скажется в виде социального эффекта на сглаживании определенной социальной напряженности.

Архитектурным сообществом было предложено множество различных классификаций подходов к работе с архитектурным наследием, в том числе индустриальным. В статье была предпринята попытка обобщить мировой опыт в этой области профессиональной деятельности, и, опираясь на труды предшественников [Титова, 2017; Чайко, 2007], предложить некоторую классификацию, в связи с чем были выделены следующие пути адаптации объектов индустриального наследия (ил. 1).

1. *Сохранение ОИИ.* Подразумевает комплексные работы по исторической реставрации объекта, реставрацию и ремонт строго по архивным чертежам и документам, воссоздание утраченных элементов либо сохранение одной или нескольких ключевых составляющих памятника: интерьера, экстерьера или функции. При этом в ряде случаев сохраняется и закрытость ОИИ от города и горожан.

2. *Эксплуатационная модернизация.* Подразумевает изменения памятника в сторону улучшения эксплуатационных свойств. Это могут быть не слишком значительные изменения, например, устройство отопления, электрификация, установка систем кондиционирования или же более существенная реконструкция: пристройка новых объемов с целью размещения новой технологии производства, расширение площадей и монтаж лифта, и т.д.

3. *Социокультурная модернизация.* Происходит на стыке модернизации и внедрения в ОИИ новой функции. Разница в том, что при этом сценарии функция преобразует не столько сам объект, сколько становится тем магнитом, который начинает формировать вокруг себя новую социальную и культурную среду. Примерами подобной модернизации могут служить производственные предприятия, которые открыли цеха для посещения экскурсионными группами. При этом важная составляющая — сохранение производственной функции ОИИ.

4. *Перепрофилирование.* ОИИ перестает функционировать как производственное предприятие. Вместо этого здание подвергается серьезной реконструкции с приспособлением к новой функции. Сценариев перепрофилирования множество, как и типов зданий, под которые возможно приспособить ОИИ: жилье, гостиницы, общественные, офисные и административные здания и др.

5. *Музеефикация.* В ряду перепрофилирования особняком стоит внедрение музейной функции в ОИИ. Это частный случай перепрофилирования, когда объект либо сам становится музеем-экспонатом архитектуры, либо выступает объектом, в котором можно разместить любой музей, не связанный с промышленным профилем ОИИ. В отличие от социокультурной модернизации при данном сценарии производство в ОИИ не сохраняется.

Вышеописанные варианты адаптации необходимы для сохранения исторических зданий в том или ином виде. Но если одни варианты работают главным образом на повышение утилитарной ценности памятника (п. 1—2), то в случае других (п. 3—5) возможна максимизация также исторической, градостроительной и социокультурных ценностей. Эти сценарии успешно применяются как за рубежом, так и на территории Российской Федерации. Как правило, целый комплекс внешних и внутренних условий

и ограничений диктует проектировщикам, по какому именно сценарию должна происходить адаптация ОИИ.

Однако подчас даже здания с общей историей и схожими исходными данными могут пойти кардинально разными путями адаптации. Так случилось с двумя сохранившимися до наших дней зданиями из комплекса товарищества «Сибирский мукомол» начала XX в. (ил. 2), расположенными по ул. Фабричной в Новосибирске, — корпусом макаронной фабрики и паровой вальцово-мельничной. Решающую роль в выборе сценария адаптации для каждого из этих зданий сыграл их статус: с 1990-х гг. здание макаронной фабрики имеет статус официальный памятника архитектуры регионального значения, тогда как здание мельницы по ряду причин не было удостоено этого статуса. В результате в 2005 г. мельница товарищества «Сибирский мукомол» оказалась в сложной ситуации, остро требующей пересмотра ее роли в жизни города. Здание с богатейшей историей долгое время было полностью изолировано и недоступно для горожан.

Согласно материалам книги Л.М. Горюшкина и Г.А. Бочановой [1983], И.М. Луканин с братом в начале XX в. основали в Новониколаевске крупную мельницу. Уже к 1913 г. в городе насчитывалось 8 паровых мельниц, чья производительность составляла 12 миллионов пудов в год — половину губернского и треть всего западносибирского помола. Крупнейшей мукомольной фабрикой в Западной Сибири и первоклассной в системе мукомольных предприятий в России была мельница «Алтайской фабричной компании», построенная в Новониколаевске в 1905 г. К крупным относились также мукомольные фабрики «Южно-Алтайской мукомольной компании», «Новониколаевского мукомольного товарищества», И.М. Луканина, компании «Сибирский мукомол».

«Мукомольная промышленность города, как и всей Сибири, отличалась от мукомолья Европейской России. В Новониколаевске эта отрасль возникла в период господства монополий. В ней широко использовались готовые приемы переработки зерна и передовая техника, в частности, вальцовые станки, при которых выход муки из сырья был выше, чем на жерновах. В 1911—1912 гг. в городе находилась почти половина всех вальцов, действовавших на мельницах Западной Сибири. Мельницы строились многоэтажными. Это позволяло распределять в них машины так, что все продукты переходили к другой операции полуавтоматически или автоматически. Для подъема продукции на верхние этажи строились самотаски, а для горизонтального перемещения применялись винты» [Горюшкин, Бочанова, 1983, с. 72—73].

К началу первой мировой войны мукомольная промышленность Новониколаевска стала монополизироваться, постепенно мукомолье вышло на позиции ведущей отрасли обрабатывающей промышленности. С 1913 г. Русско-Азиатский банк, чье отделение было открыто на пересечении Болдыревского и Новониколаевского проспектов, входил в правление и вкладывал капиталы в мукомольное предприятие. Эксплуатация промышленного комплекса на ул. Фабричной продолжалась и в годы советской власти, и в постсоветский период.

Так случилось, что, когда после длительной истории мелькомбинат прекратил свое существование, судьба одного из знаковых для промышленности Новониколаевска зданий повисла на волоске. В течение пяти лет (с 2005 до 2010 г.) не было никаких решений по приспособлению или реставрации здания. И только после 2010 г., по словам Дмитрия Яухмана, сегодняшнего владельца здания, появилась инициатива по созданию лофт-проекта, вдохновленная отчасти московским опытом приспособления объектов индустриального наследия («Красный Октябрь», ARTPLAY) [Самойленко, 2016]. В итоге в ноябре 2014 г. состоялось торжественное открытие нового пространства.

Согласно материалам сайта «Приметы городов» [Лофт-проект «Мельница»], результат приспособления выглядит следующим образом: реализован проект реновации индустриального лофта 1910 г. в торгово-выставочный центр, где представлены премиум-товары и услуги для дизайна интерьера, декорирования, ремонта, строительства. В здании проведена комплексная реконструкция, произведено оснащение современными инженерными системами. Полностью обновлена система отопления, водоснабжения, канализации, кондиционирования, пожарной безопасности. В процессе реконструкции была добавлена лифтовая шахта с грузопассажирским лифтом.

Целевая аудитория лофта — профессионалы и заказчики, интересующиеся дизайном. В планах «Мельницы» — объединить в своих стенах всех креативных дизайнеров и архитекторов города, а также проводить тематические мастер-классы, выставки, круглые столы. Сегодня на территории лофт-проекта «Мельница» кипит бурная жизнь: помимо мастерских, шоурумов и контейнерной улицы с офисами, в здании базируется САДА, чьей задачей является подготовка и переподготовка дизайнеров Новосибирска, а также обеспечение основной части культурной программы заведения.

Несколько иная ситуация сложилась вокруг здания макаронной фабрики, которое на протяжении своего существования перенесло множество реконструкций и обросло пристройками. По данным ГАУ НСО НПЦ, здание макаронной фабрики крупчато-мукомольного товарищества «Сибирский мукомол» по ул. Фабричная, 33 построено в 1911 г. [Материалы ГАУ НСО НПЦ]. Хотя более точной датой основания одного из старейших предприятий пищевой промышленности города принято считать 1910 г.: при реконструкции здания фабрики в кладке стены был найден кирпич с датировкой этого года [История промышленности, 2004, с. 612]. А на исторических фотографиях на фасаде здания фабрики отчетливо читается надпись: «Паровая булочная, год 1912».

С момента своего возникновения макаронная фабрика размещалась на улице с символическим для нее названием — Фабричная. Фабричной тогда называли улицу в обиходной речи, так как на ней размещались мельницы, артели и фабрики Новониколаевска. Позднее, по просьбе промышленников улице присвоили это название официально.

Над производством продукции, выпускаемой из муки, первыми задумались в товариществе «Сибирский мукомол». В 1910 г. Было принято решение организовать при мельнице небольшую фабрику по

изготовлению лапши, макарон, сушек и бубликов. С этой целью из Германии выписали паровые двигатели немецкой компании Siemens и пригласили немецких мастеров.

Здание фабрики было выполнено по индивидуальному проекту и задумывалось как торгово-промышленное. Общая стилистика объекта представляет собой пример промышленного сооружения с элементами рационалистического модерна в декоре фасадов, построенного в период становления Новониколаевска как центра переработки сельскохозяйственной продукции. К сожалению, история не сохранила имени автора проекта.

Уже более 100 лет, с момента своего возникновения и до настоящего времени, фабрика функционирует как производственное здание хлебомакаронной промышленности. За это время его внешний облик претерпел существенные изменения. О первоначальном облике здания можно судить по сохранившимся историческим фотографиям и свидетельствам современников.

Первоначально здание было построено двухэтажным с цокольным этажом и с мезонином в центральной части. Композиция главного фасада была симметрична. Центральная часть была акцентирована аркой в уровне первого этажа, большим окном в уровне второго этажа с сандриком и мезонином с окном, имеющим лучковое завершение. В настоящее время мезонин является частью третьего этажа. В последующие годы арка в центральной части была заложена, но при проведении последних реставрационных работ восстановлена вновь [Материалы ГАУ НСО НПЦ].

Первая значительная реконструкция прошла на фабрике только в 1949 г.: в соответствии с технологическими требованиями к северо-западному и юго-западному фасадам здания были пристроены разновеликие объемы. В 1950-х гг. здание было надстроено по технологическим требованиям до 4 (а северо-западное крыло — до 6) этажей. Предположительно в 1960—1970-е гг. были пристроены объемы новой линии по производству макарон. Со времени постройки здание значительно видоизменялось в соответствии с технологическими требованиями производства. Ветхие деревянные междуэтажные перекрытия были заменены на бетонные, установлены дополнительные колонны, прогоны и балки из железнодорожных рельсов.

В 70-е гг. прошлого столетия к зданию с дворового фасада выполнена пристройка на высоту трех этажей. В это же время в уровне чердачного помещения был возведен четвертый этаж с высотой помещения 2,5 м, над которым выполнена новая чердачная кровля. Несколько позже под импортную технологию с дворового фасада возводится еще одна пристройка. Обе названные пристройки построены вплотную к старому зданию без каких-либо переходных вставок. Они полностью закрыли дворовый фасад (ил. 3).

Были проведены работы по реконструкции помещения надстроенного четвертого этажа. Именно здесь существенно претерпела изменение конструктивная схема здания. Функциональное назначение реконструируемого помещения — столовая с запасным выходом через боковой фасад по металли-

ческой лестнице, которая полностью закреплена на этом фасаде.

Здание типично для промышленной архитектуры начала XX в. Согласно материалам технического обследования от 22 мая 1992 г. [Материалы ГАУ НСО НПЦ], памятник имеет прямоугольную форму с выступающим со стороны речного фасада объемом лестничной клетки. Однако некоторые обстоятельства заставляют предположить, что выступающая лестничная клетка появилась далеко не сразу. Об этом свидетельствуют, например, старые фотографии, запечатлевшие оригинальный юго-западный фасад (ил. 4), а также наличие крупного кирпичного руста на стене, разделяющей лестничную клетку и прямоугольный контур здания (ил. 3). К сожалению, не удалось найти данных, однозначно указывающих дату пристройки лестницы к историческому фасаду.

Здание старой постройки имеет размеры в плане 14,4 x 35,8 м. Отметка конька крыши правой части здания равна 17 м, а левой — на 2 м выше. В плане можно выделить три основные части: правую, центральную и левую. Названные части отличаются конструктивными схемами перекрытий и высотой этажей.

После всех пристроек в относительно хорошем состоянии сохранилось два фасада здания: северо-восточный по ул. Фабричной и боковой юго-восточный. Северо-западный и юго-западный фасады сохранились частично. Центральная часть фланкируется оштукатуренными пилястрами, аналогичными угловым пилястрам, с декоративными лепными элементами в стиле модерн. Мезонин завершен прямоугольным фронтоном. Междуэтажные карнизы украшены сухариками. Фронтон бокового фасада имеет криволинейное завершение и декорирован с использованием элементов в стиле модерн.

Каждая последующая реконструкция макаронной фабрики дается все труднее, так как фабрика находится в чрезвычайно стесненных условиях. Свободных площадей вокруг нет совсем, вплотную подступают другие предприятия. Осложняет ситуацию и необходимость сохранять прежний облик основного корпуса как памятника промышленной архитектуры регионального значения. Вместе с тем на сегодняшний день не представляется возможным полное восстановление здания без изменения производственной технологии.

Здание по ул. Фабричная, 33 имеет ценность как исторический и средовой памятник. Оно отражает конкретный период развития города Новониколаевска, когда шло становление в городе функции крупнейшего в Сибири центра высококачественной переработки сельскохозяйственных продуктов. К сожалению, на сегодняшний день здание изолировано от социокультурной жизни города. Старейшее действующее предприятие Новосибирска закрыто для общества.

Подводя итоги, стоит отметить следующее:

В ходе реновации территории и перепрофилирования здание мельницы товарищества «Сибирский мукомол» превращено в современное арт-пространство с аутентичными интерьерами (ил. 5). Результатом перепрофилирования стало активное включение объекта индустриального наследия в культурную жизнь города. Вокруг здания форми-

руется информационное и культурное поле, смежные территории постепенно облагораживаются и начинают так же, как и кирпичный гигант-сосед с индустриальным прошлым, работать на город. Безусловно, такой путь адаптации ОИН стоит считать успешным.

Адаптация же здания макаронной фабрики затронула в основном производственную технологию, что позволило предприятию быть конкурентоспособным и держаться на рынке и по сей день. Однако изменения памятника лишь в сторону утилитарности, удобства эксплуатации не решили проблем закрытости предприятия от горожан (ил. 6). Возможно, злую шутку сыграл охранный статус памятника архитектуры или отсутствие необходимого для качественных изменений финансирования. Так или иначе, на сегодняшний день старейшее действующее предприятие Новосибирска недоступно для горожан и никак не участвует в жизни города.

Список литературы

1. Галерея Tate Modern, г. Лондон, Великобритания (проект реконструкции: арх. бюро Herzog & de Meuron) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/newstopics/howaboutthat/11883206/Tate-Modern-to-become-social-space-as-it-unveils-260m-revamp.html> (дата обращения: 25.04.2018).
2. Горюшкин Л.М., Бочанова Г.А. Так начинался Новосибирск, конец XIX — начало XX века. — Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. — 176 с.
3. Государственный центр современного искусства, г. Москва, Россия (проект реконструкции: под рук. арх. М. Хазанова) [Электронный ресурс]. — URL: https://mirputeshestvij.mediasole.ru/razgadka__teatralnyu_dom (дата обращения: 25.04.2018).
4. Еврейский музей и центр толерантности, г. Москва, Россия (арх. К.С. Мельников, инж. В.Г. Шухов) [Электронный ресурс]. — URL: <https://archi.ru/projects/russia/2673/bakhmetevskii-garazh> (дата обращения: 25.04.2018).
5. Жигулевский пивоваренный завод г. Самара, Россия [Электронный ресурс]. — URL: <http://strana.ru/journal/25104937?photo=25105295> (дата обращения: 25.04.2018).
6. Здание лофт-проекта «Мельница» (здание мельницы товарищества «Сибирский мукомол») после реконструкции [Электронный ресурс]. — URL: <http://interiorsib.ru/articles/litsa/dlya-novosibirska-melnitsa-unikalnyy-proekt/> (дата обращения: 25.04.2018).
7. Здание макаронной фабрики товарищества (а) «Сибирский мукомол» после реконструкции [Электронный ресурс]. — URL: <https://d-popovskiy.livejournal.com/80310.html?thread=259510> (автор снимка Д. Поповский) (дата обращения: 25.04.2018).
8. Здание макаронной фабрики (б) товарищества «Сибирский мукомол» после реконструкции [Электронный ресурс]. — URL: <https://neferjournal.livejournal.com/> (дата обращения: 25.04.2018).
9. Здание мельницы товарищества «Сибирский мукомол» до реконструкции [Электронный ресурс]. — URL: <http://nsk-kraeved.ru/viewtopic.php?id=608> (дата обращения: 25.04.2018).
10. Здание электростанции «Луч», г. Екатеринбург,

- Россия (арх. А.С. Чирковский) [Электронный ресурс]. — URL: <https://ural-n.ru/p/elektrostantsiya-luchramyatnik-promyshlennoy-arhitektury.html> (дата обращения: 25.04.2018).
11. Завод Bombay Sapphire, г. Хэмпшир, Англия (проект реконструкции: арх. Thomas Heatherwick) [Электронный ресурс]. — URL: <https://archi.ru/projects/world/8760/zavod-kompanii-bombay-sapphire-levestokmill> (дата обращения: 25.04.2018).
- История промышленности Новосибирска. — Т. I (Начало, 1893—1917 гг.). Исторические очерки. — Новосибирск: Изд. дом «Историческое наследие Сибири», 2004. — 653 с.
12. Самойленко С. Для Новосибирска Мельница — уникальный проект: Интервью с Дмитрием Яухманом // Интерьер-Сибирь: электрон. журн. — 2016. — 15 февр. [Электронный ресурс]. — URL: <http://interiorsib.ru/articles/litsa/dlya-novosibirska-melnitsa-unikalnyy-proekt> (дата обращения: 27.04.2018).
13. Лофт-проект «Мельница», Новосибирск // Приметы городов [Электронный ресурс]. — URL: <http://primetygorodov.ru/loft-proekt-melnica-novosibirsk/> (дата обращения: 15.03.2018).
14. Лофт-проект «Мельница», г. Новосибирск, Россия [Электронный ресурс]. — URL: http://www.redeveloper.ru/redeveloperskie-proekty/realise_actual/loft-proekt-melnitsa/ (дата обращения: 25.04.2018).
15. Музей воды, г. Санкт-Петербург, Россия (арх. Э.Г. Шуберский, И.А. Мерц) [Электронный ресурс]. — URL: <https://intercolumnium.ru/projects/muzey-vody> (дата обращения: 25.04.2018).
16. Обувная фабрика «Фагус», г. Альфред, Германия (арх. Вальтер Гропиус) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.archdaily.com/612249/ad-classics-fagus-factory-walter-gropius-adolf-meyer> (дата обращения: 25.04.2018).
17. Офисное здание в бывшем зернохранилище, г. Амстердам, Нидерланды (проект реконструкции: арх. бюро J. van Stigt) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.burovanstigt.nl/product/graansilos/?lang=en> (дата обращения: 25.04.2018).
18. Петроградский механический хлебозавод, г. Санкт-Петербург, Россия (арх. Л.В. Шмеллинг, инж. Н.Н. Нагель) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.citywalls.ru/house9740.html> (дата обращения: 25.04.2018).
19. Преобразовательная тяговая подстанция № 2, г. Новосибирск, Россия [Электронный ресурс]. — URL: <http://wikimapia.org/37308531/ru/Преобразовательная-тяговая-подстанция-№2> (дата обращения: 25.04.2018).
20. Пивоварня The Brewery Yard, Австралия (проект реконструкции: арх. студия Tzannes) [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.archdaily.com/770027/the-brewery-yard-tzannes> (дата обращения: 25.04.2018).
21. Титова Л.О. Архитектурные сценарии конверсии объектов промышленного наследия (на примере текстильных предприятий 1822—1917 годов постройки в г. Москве: автореф. дис. ... канд. архитектуры. — М., 2017. — 35 с.
22. Турбинные цеха фирмы AEG, г. Берлин, Германия (арх. Петер Беренс) [Электронный ресурс]. — URL: <https://deu.archinform.net/projekte/22225.htm> (дата обращения: 25.04.2018а).
23. Турбинные цеха фирмы AEG г. Берлин, Германия (арх. Петер Беренс) [Электронный ресурс]. — URL: <http://pixgallarehd.com/behrens+aeg+turbine+hall> (дата обращения: 25.04.2018б).
24. Чайко Д.С. Современные направления интеграции исторических производственных объектов в городскую среду: автореф. дис. ... канд. архитектуры. — М., 2007. — 34 с.
25. Центр De Hallen в здании бывшего трамвайного депо, г. Амстердам, Нидерланды (проект реконструкции: арх. бюро J. van Stigt) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.redeveloper.ru/redeveloperskie-proekty/realise_actual/de-hallen-amsterdam/ (дата обращения: 25.04.2018).
26. Торговый дом Беляков, Копылов, Кротков и Ко [Электронный ресурс]. — URL: <http://kraeved.ngonb.ru/node/3396> (дата обращения: 25.04.2018).

Список источников

Материалы ГАУ НСО НПЦ: проектные и науч.-исслед. работы 1990—1997 гг. СПТЭ 7.93. Т. 1, 2.

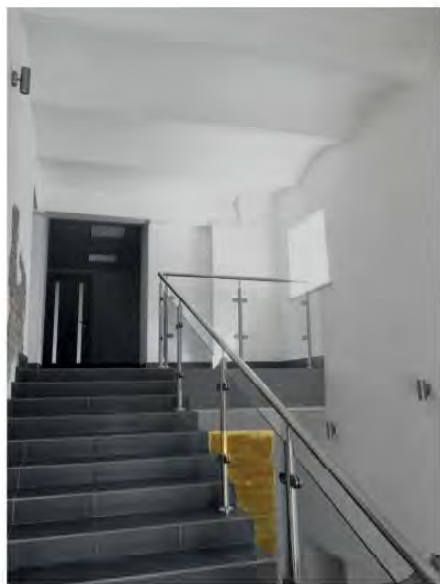

Илл. 1. Анализ мирового опыта адаптации объектов индустриального наследия

- Пояснения к ил. 1** 1.1, 1.2 — обувная фабрика «Фагус», г. Альфред, Германия [Обувная фабрика «Фагус»];
 1.3, 1.4 — турбинные цеха фирмы AEG, г. Берлин, Германия [Турбинные цеха фирмы AEG (а, б)];
 1.5 — преобразовательная тяговая подстанция № 2, г. Новосибирск, Россия [Преобразовательная тяговая подстанция];
 1.6 — здание электростанции «Луч», г. Екатеринбург, Россия [Здание электростанции «Луч»];
 1.7 — Петроградский механический хлебозавод, г. Санкт-Петербург, Россия [Петроградский механический хлебозавод];
 1.8, 1.9 — The Brewery Yard, Австралия [Пивоварня The Brewery Yard];
 1.10 — здание макаронной фабрики крупчато-мукомольного товарищества «Сибирский мукомол», г. Новосибирск, Россия [Здание макаронной фабрики, а];
 1.11, 1.12 — Жигулевский пивоваренный завод, г. Самара, Россия [Жигулевский пивоваренный завод];
 1.13, 1.14 — завод Bombay Sapphire, г. Хэмпшир, Англия [Завод Bombay Sapphire];
 1.15 — Государственный центр современного искусства, г. Москва, Россия [Государственный центр];
 1.16 — Еврейский музей и центр толерантности, г. Москва, Россия [Еврейский музей];
 1.17 — галерея Tate Modern, г. Лондон, Великобритания (автор фото — Hayes Davidson) [Галерея Tate Modern];
 1.18 — Музей воды, г. Санкт-Петербург, Россия [Музей воды];
 1.19, 1.20 — Центр De Hallen в здании трамвайного депо, г. Амстердам, Нидерланды [Центр De Hallen];
 1.21 — лофт-проект «Мельница», г. Новосибирск, Россия [Лофт-проект];
 1.22 — офисное здание в бывшем зернохранилище г. Амстердам, Нидерланды [Офисное здание]

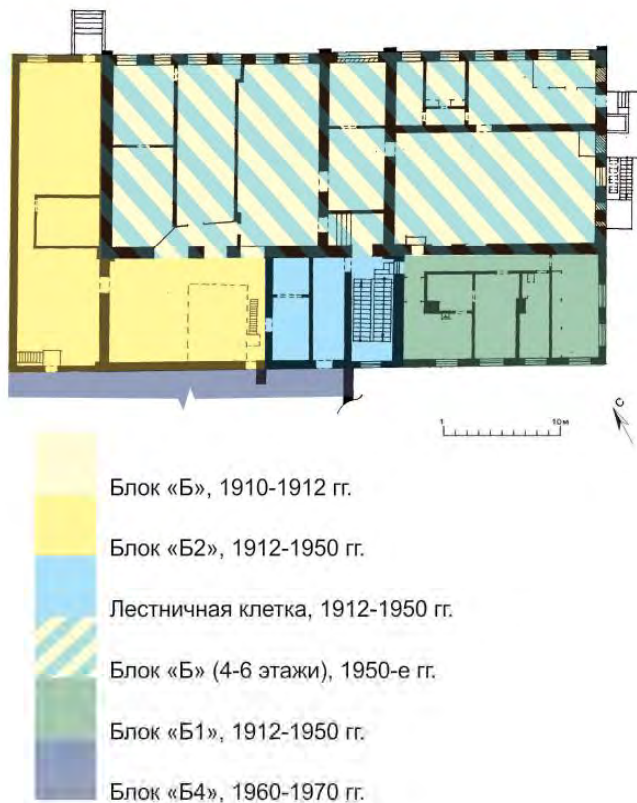

Ил. 2. Вид промышленного комплекса, принадлежавшего товариществу «Сибирский мукомол». 1910-е гг. [Торговый дом]

Вверху: лестничная клетка макаронной фабрики, современное состояние. Под лестницей виден фрагмент, предположительно фасадной кладки.

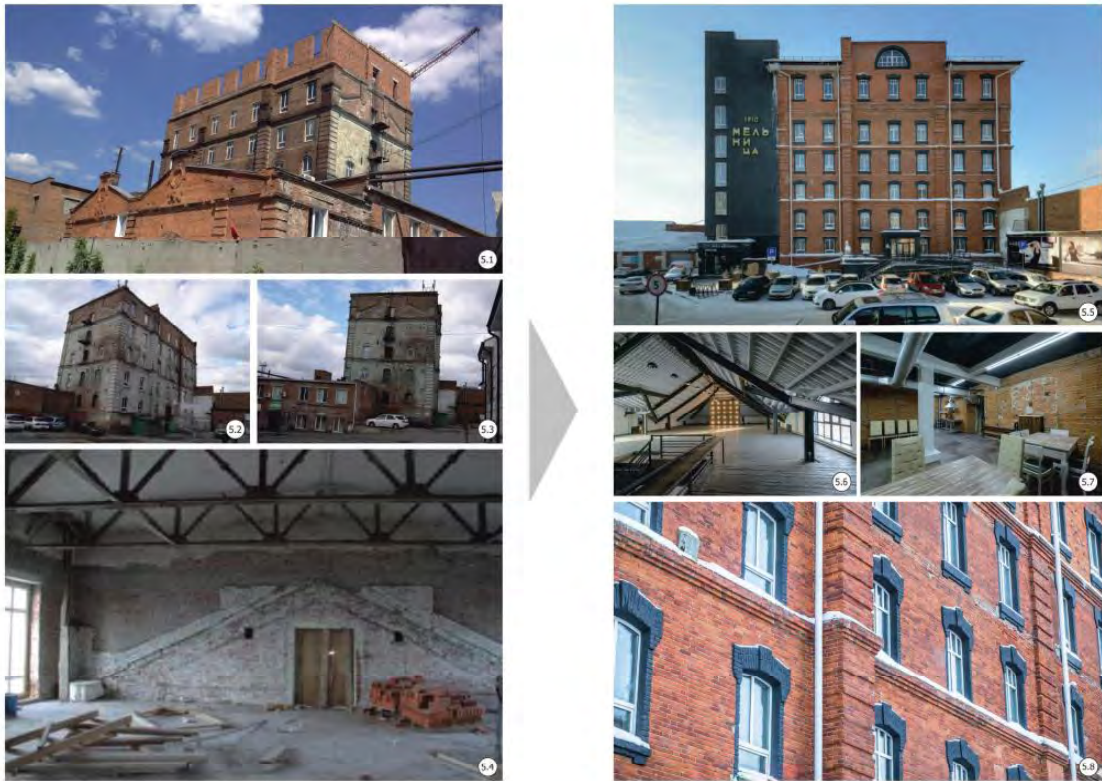
Справа: предполагаемые этапы реконструкции здания.

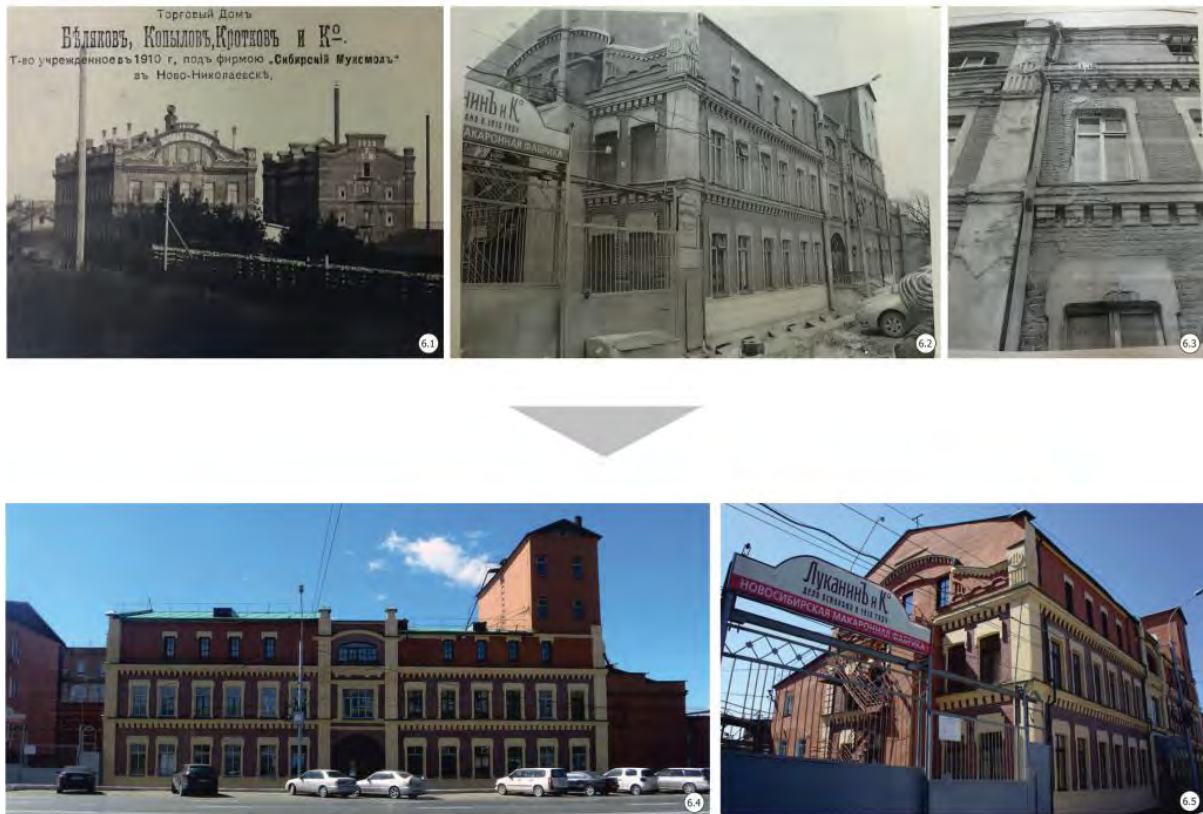
Ил. 3. Этапы строительства и реконструкции здания. Снимок и графический материал авторов

Ил. 4. Новониколаевск. Фабричная улица. Копия фотооткрытки [Архив ГАУ НСО НПЦ]

Ил. 5. Здание мельницы товарищества «Сибирский мукомол» до [Здание мельницы] (слева) и после [Здание лофт-проекта] реконструкции (справа)

Ил. 6. Здание макаронной фабрики товарищества «Сибирский мукомол» до [Торговый дом; Архив ГАУ НСО НПЦ, автор снимков В.В. Кривоногоих] (верху) и после реконструкции (внизу) [Здание макаронной фабрики (а, б)].

УДК 902/904(571)+930.2

П.И. Романов
Новосибирский государственный
педагогический университет (Новосибирск)
pol777tip@yandex.ru
Научный руководитель: доктор
исторических наук А.П. Бородовский

Башни Умревинского острога по материалам письменных источников

Исследование выполнено в рамках проекта по гранту «Комплексные археологические, исторические и этнографические исследования Умревинского острога» РФФИ, проект 18-09-00150

Аннотация

В статье на основе данных письменных источников — анкет и историко-географического описания Томского уезда Г.Ф. Миллера и путевого описания И.Г. Гмелина — рассматривается вопрос о количестве башен в конструкции Умревинского острога. В рамках актуальных проблем современной исторической науки о функциях и различиях в конструкции острогов Сибири, а также взаимоотношениях письменных и археологических источников, с привлечением данных археологических исследований анализируются расхождения сведений документов. Сделан вывод о возможных злоупотреблениях при составлении ответов на вопросы анкет Г.Ф. Миллера, связанных с халатностью администрации Томского уезда, которые могли сказаться на объективности данного источника. Впервые выдвигается гипотеза о деконструкции башен Умревинского острога в период с 1730—1740 гг. в связи с утратой его оборонительного значения.

Ключевые слова: Умревинский острог, Томская воеводская канцелярия, анкеты Миллера, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, Великая Северная экспедиция, башни острога

P.I. Romanov
Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk)
pol777tip@yandex.ru
Scientific adviser is A.P. Borodovsky

Towers of the Umrevinsky Ostrog on Materials of Written Sources

Abstract

The article deals with the question of the number of towers in the construction of the Umrevinsky ostrog based on data from written sources: Miller's questionnaires and the historical and geographical description of the Tomsk region, the road description by I.G. Gmelin. Within the framework of the current problems of modern historical science on the functions and differences in the construction of Siberian stockaded towns, as well as the relationships between written and archaeological sources, with the use of archaeological data, the differences in the information of the documents are analyzed. A conclusion was made about possible irregularities in the preparation of answers to the questions of G.F. Miller, associated with negligence in the management of the local administration of Tomsk region, which could affect the fairness of this source. For the first time, a hypothesis is proposed about the deconstruction of the towers of the Umrevinskyostrog in the period from 1730 to 1740 due to the loss of its defensive significance.

Key words: Umrevinskyostrog, Tomsk regional office, Miller's questionnaires, G.F. Miller, I.G. Gmelin, Great Northern Expedition, towers of ostrog

Умревинский острог был основан в 1703 г. отрядом казаков под руководством Алексея Кругликова на территории современного Мошковского района Новосибирской области с целью хозяйственного освоения новых территории Приобья и обороны южной границы Томского уезда от «вражеских неприятельских людей».

С 2002 г. под руководством А.П. Бородовского проводятся археологические исследования данного административно-оборонительного сооружения с

целью получения репрезентативного вещественного материала для изучения истории освоения региона в XVIII в. [Бородовский, Горохов, 2009]. С этого момента ведутся и работы по натурному восстановлению Умревинского острога. Планируется его дальнейшая музеефикация [Бородовский, Горохов, 2017].

В 2016 г. автором был начат процесс корреляции письменных и археологических источников по истории Умревинского острога, одной из главных задач которого является получение максимального коли-

чества документов описательного характера, свидетельствующих о конструкции административно-оборонительного пункта [Романов, 2017]. Отдельным аспектом данного исследования является вопрос о количестве башен Умревинского острога. В настоящей статье данный вопрос будет рассмотрен с точки зрения письменных источников. Археологические исследования юго-западной башни Умревинского острога описаны С.В. Гороховым и А.П. Бородовским [Горохов, Бородовский, 2017].

В историографии нет отдельного труда, посвященного конкретно истории Умревинского острога на основании письменных источников (монография А.П. Бородовского и С.В. Горохова, построена на данных археологических исследований), но есть работы, затрагивающие ее разные аспекты.

О конструкции острога упоминали лишь Д.Я. Резун и Р.В. Васильевский в работе «Летопись сибирских городов»: «В начале XVIII в. Умревинский острог представлял из себя четырехугольник, обнесенный деревянным частоколом с 3 башнями. Здесь размещались двор приказчика, «государевы» амбары и Трёхсвятительная церковь» [Резун, Васильевский, 1989, с. 277—278].

В архивах Томской и Новосибирской области отсутствуют «Росписные списки» Умревинского острога — документы, описывающие все строения острога, вооружение и «государево» имущество, принимаемое приказчиком. Не были обнаружены документы, связанные с Умревинским острогом и в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) [РГАДА. Ф. 214 и Ф. 633].

В данном контексте наибольший информативный потенциал имеет документация академического отряда Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.), а особенно так называемые анкеты Миллера.

Руководитель академического отряда Г.Ф. Миллер с 1734 г. опрашивал администрации сибирских уездов по самым разным вопросам истории освоения Сибири и ее настоящего. Анкеты были направлены и в Томское ведомство, к которому относился Умревинский острог.

В Томске на вопросы Миллера отвечали два раза в то время, когда Миллер прибывал в Томск в 1734 и 1740 гг. А.Х. Элерт ссылается в своей работе «Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник для изучения Сибири» на анкеты, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале архива РАН [Элерт, 1990, с. 22], в то время как нами были изучены анкеты, сохраняемые в РГАДА. По сопутствующим документам анкеты из РГАДА можно уверенно датировать 1740 г. [РГАДА. Ф. 199. портф. 481].

При сравнении между собой путевых описаний И.Г. Гмелина — друга и заместителя Г.Ф. Миллера в Академическом отряде, — а также времени составления некоторых документов в Томских анкетах Миллера, становится очевидным тот факт, что значительную часть документов на местах собирал именно И.Г. Гмелин, в том числе и документы, связанные с Умревинским острогом.

Практически в самом начале анкеты, сразу за перечислением строений и истории самого Томска, начинается описание острогов Томского ведомства, выстроенное по определенной структуре: название острога — конструкция — строения в остроге — рас-

стояние от Томска.

В случае с Уртамским острогом отмечена также дата и обстоятельства основания сооружения: «а вышепоказанных Сосновского, Чаусского, Имревинского, Верхотомского, Мелесского, Ачинского острогов, в которых годах и по каким указам построены и где те места приисканы, такого известия в Томской воеводской канцелярии по делам не сыскано от того, что многие старинные дела были положены в кладовую палату и погнили и разобрать невозможно» [РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. Л. 97].

Интересно, что к данной анкете профессорами был прикреплен документ, дошедший до середины XX в. (времени, когда дела портфелей Миллера были микрофильмированы) в относительной целостности, — копия челобитной Данилы Лаврентьева царю Петру I о строительстве Чаусского острога в 1713 г. [РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. Л. 153]. Настоящий факт свидетельствует о недобросовестном отношении Томских чиновников к составлению анкеты.

Умревинский острог в анкете был описан следующим образом: «об одной башни огорожен стоячим тыном. В нем церковь деревянная. Расстояние состоит от города Томска в ста пятидесяти шести верстах в трехстах пятидесяти саженьях» [РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. Л. 97]. Данный ответ был направлен Г.Ф. Миллеру, по всей видимости, в 1740 г., однако в 1734 г. им (на основании ответов на анкеты того же года) было составлено следующее историко-географическое описание Томского уезда, приведенное А.Х. Элертом [1988]: «Умревинский острог... состоит из четырехугольного палисада с двумя башнями и церкви Трех святителей. В остроге кроме избы приказчика, судной избы и амбаров нет никаких зданий». Очевидно расхождение текста анкет 1740 года, описания 1734 г. и сведений, приведенных Д.Я. Резуном и Р.С. Васильевским в «Летописи сибирских городов».

И.Г. Гмелин отметил в своем описании Умревинского острога, который он посетил в июне 1741 г.: «прямоугольник, окруженный поднятными вверх бревнами: с одной стороны 30 и с двух других 24, четвертая сторона вплотную примыкала к воде. Острог имел обычные укрепления в виде надолбов и рогаток. Внутри были расположены церковь «в честь Святого», построенная в 1719 г., два амбара для хранения зерна, а также остатки бывшей тюрьмы. Здесь же проживал командующий» [Автушкова, 2017, с. 110—114].

В описании острога И.Г. Гмелина — ученого, лично посетившего Умревинский острог, — башни отсутствуют вовсе. Хотя в других описаниях он обязательно свидетельствовал об их наличии.

Таким образом, на коротком промежутке с 1734 по 1741 г. мы имеем сразу три варианта сведений о количестве башен. Авторы «Летописи сибирских городов» добавляют четвертый вариант с тремя башнями, но относят его к началу XVIII в. без ссылок на источники, поэтому нет никаких оснований рассматривать этот вариант.

Обратимся к критике каждого источника в отдельности.

«Историко-Географическое описание Томского уезда» зачастую не используется историками как полноценный исторический источник, поскольку

историки имеют доступ к анкетам Миллера, на которые руководитель академического отряда опирался при составлении текста описания. Анализ же описаний, по мнению А.Х. Элрета, показал, что Г.Ф. Миллер использовал при составлении не только архивные документы, но и личные наблюдения, а также сведения от местного населения [Элерт, 1988].

Анкета 1740 г. дискредитирует себя как исторический источник сразу по нескольким причинам. Во-первых, очевидна очень слабая работа томских чиновников не только с хранением архивных документов, но и с поиском в доступных материалах ответов на, казалось бы, совершенно простые вопросы.

В Томской воеводской канцелярии не могут ответить, где конкретно находятся остроги, причем не только потерявший свое оборонительное значение Умревинский острог, но и важнейший административно-оборонительный пункт уезда — Чаусский острог. Отсутствуют или не прикладывались по каким-то причинам планы острогов, а из текста приложенных И.Г. Гмелиным к анкете документов становится очевидным систематическое невыполнение воеводским управлением указов Сената «о крепкой предосторожности» [РГАДА. Ф.248. Оп. 3. Кн. 139. Д. 26. Л. 700—716.; РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 143. Д. 92. Л. 1049—1069] и крайняя запущенность даже тех сооружений, которые оставались на опасных рубежах уездной границы. Вот что в Томскую воеводскую канцелярию докладывал командир Каинского и Убинского форпостов Василий Лунеев: «По указу о крепкой предосторожности... велено мне быть в Каинском и Убинском форпосте с Томскими служилыми людьми разночинцами и татарами для охраны барабинских ясашных татар от приходу и от нападения воровских неприятельских людей в двухстах человек. <...> Токмо у меня на обоих форпостах восемьдесят человек... и те помирают голодной смертью. <...> По указу Его Императорского Величества подтверждается накрепко чтоб оные форпосты были в строении и в исправности, а на оных форпостах и надолбы и рогатины обветшали и мост через речку строить надлежит, а прежний мост Волей Божьей снесло водой, оные вышеозначенные строения не с кем строить понеже служилых людей малородство а о том в Томскую воеводскую канцелярию писано неоднократно лично» [РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. Л. 140].

Становится очевидной та степень халатности в управлении уездом, которую Томской администрации хотелось скрыть, а значит, ответы на вопросы Г.Ф. Миллера могли составляться с некоторыми упущениями (или намеренными искажениями).

По итогам данного исследования мы имеем сразу четыре варианта сведений о наличии башен на Умревинском остроге, три из которых — описание Умревинского острога И.Г. Гмелина (нет башен), анкета Миллера 1740 г. (одна башня), «Историко-Географическое описание Томского уезда» 1734 г. (две башни) — выглядят вполне правдоподобными и могут объясняться утратой Умревинским острогом его оборонительной значимости и переводом его к выполнению исключительно административных функций.

Возможно, после проведения археологических исследований, когда будут выяснены все особенности конструкции Умревинского острога, мы сможем

расширить представления не только о взаимосвязи функций административно-оборонительного сооружения и его планиграфии, но и археологических и письменных источников. В 2018 г. планируется продолжение раскопок Умревинского острога Центрально-Алтайским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН.

Список литературы

1. Автушкова А.Л. Русские остроги и форпосты на территории современной Новосибирской области в описании Иоганна Готлиба Гмелина // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Наука, 2017. — С. 110—114.
2. Бородовский А.П., Горохов С.В. Умревинский острог. Археологические исследования 2002—2009 гг. — Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН; Новосиб. гос. пед. ун-т, 2009. — 244 с.
3. Бородовский А.П., Горохов С.В. Музеефикация деревянных оборонительных сооружений Умревинского острога // Баландинские чтения: сб. ст. науч. чт. памяти С.Н. Баландина. — Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2017. — Т. XII. — С. 93—98.
4. Горохов С.В., Бородовский А.П. Юго-западная угловая башня Умревинского острога // Культура русских в археологических исследованиях. — Омск: Наука, 2017. — С. 324—329.
5. Долгова С.Р., Резун Д.Я. Новое о Чаусском остроге XVIII в. // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России [Археография и источниковедение Сибири]. — Новосибирск: Наука, 1984. — С. 224—229.
6. Резун Д.Я. Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1989. — 304 с.
7. Романов П.И. Проблемы и перспективы корреляции архивных документов и археологического материала на примере Умревинского острога // Вестн. Том. гос. ун-та. — Сер. История. — 2017. — № 45. — С. 93—98.
8. Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/pred6.phtml?id=9712> (дата обращения 31.05.2018).
9. Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. — Новосибирск: Наука, 1990. — 247 с.

Список источников

1. РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ.
2. РГАДА. Ф. 633. Томская воеводская канцелярия.
3. РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 2. Ответы на вопросы пункты Г.Ф. Миллера из различных учреждений Сибири.
4. РГАДА. Ф. 248. Сенат и его учреждения.

УДК 72.03 (571.17)

Ж.М. Чередниченко
Сибирский государственный индустриальный университет
Архитектурно-строительный институт (г. Новокузнецк)
Научный руководитель: кандидат архитектуры Е.А. Благиных

Новокузнецк в 1920—1930-е годы в памятниках модернизма

Аннотация

В 1920—1930-е гг., в период строительства градообразующего предприятия на юге Кемеровской области — Кузнецкого металлургического комбината — и становления города Новокузнецка, при комбинате были построены модернистские здания, которые десятилетиями формировали лицо города. Часть из них по сей день не утратили своего первоначального функционального назначения.

Здания этой эпохи, даже те, которые выявлены как объекты культурного наследия, в лучшем случае находятся в эксплуатации, в худшем — их состояние близко к руинированному. Поэтому актуальным является привлечение внимания администрации города и общественности к вопросу сохранения памятников конструктивизма, в которых наиболее ярко выразился дух первых советских десятилетий, проявилось новое формообразование в архитектуре. В числе таковых в статье рассматриваются здания гостиницы КМК, Театра металлургов, Сибирского металлургического института и первого городского детского сада.

Ключевые слова: модернизм, эпоха авангарда, объект культурного наследия, архитектура Новокузнецка

Zh.M. Cherednichenko
Siberian State Industrial University (Novokuznetsk)
Scientific adviser is E.A. Blaginyh

Novokuznetsk in the 1920s—1930s in the Monuments of Modernism

Abstract

In the 1920s—1930s, during the construction of Kuznetsk Metallurgical Combine, a town-forming enterprise in the south of the Kemerovo region, and during the period of formation of the city of Novokuznetsk, there had been constructed modern buildings which shaped the city face for the following decades. Some of these buildings don't lose their original function till our days.

It should be noted that nowadays the buildings at best are in the operation, at worst their condition is close to ruined one, even they are identified as objects of cultural heritage. Therefore, it is urgent to draw the attention of the city administration and the public to the issue of preserving of constructivism architectural monuments, in which there were most clearly expressed spirit of the first Soviet decades and a new forms in architecture. The author considers among them buildings of the hotel of *Kuznetsk Metallurgical Combine*, *Theater for Steel Workers*, *Siberian Metallurgical Institute* and the first Novokuznetsk preschool.

Key words: modernism, age of the avant-garde, object of cultural heritage, architecture of Novokuznetsk

В городе Новокузнецке сохранились постройки периода его становления, имеющие безусловную ценность с точки зрения архитектуры, истории и культуры. Многие из этих зданий требуют сейчас к себе немедленного внимания как объекты, нуждающиеся в спасении. Цель нашей работы — определение особенностей развития архитектурно-пространственной структуры города Новокузнецка в 20—30-е гг. XX в. с выявлением памятников культурного наследия этого периода.

Для разработки концепции схемы сада-города в 1918 г. Кузнецким металлургическим и каменно-угольным акционерным обществом был приглашен молодой, но уже известный сибирский архитектор А.Д. Крячков. Необходимо отметить, что разработанная Крячковым схема так и не получила своего

практического воплощения (ее реализация была прервана Октябрьской революцией и последующими событиями в стране и регионе), однако к началу 1930-х гг. в соответствии с этим планом была сформирована уличная сеть одного из районов Новокузнецка — Редаково.

В 1920-х гг. был объявлен градостроительный конкурс на проект планировки Кузнецкого поселка. Конкурс был ориентирован на полное обобществление бытовой жизни трудящихся. В конкурсе приняли участие ведущие отечественные и иностранные архитекторы — А.В. Щусев, братья Веснины, Э. Май. По проекту Л.А. и А.А. Весниных город был составлен из отдельных жилых комплексов — домов-коммун. Каждый дом имел комплекс обслуживания, дошкольные и школьные учреждения. Но этот интересный

с градостроительной точки зрения проект оказался не отвечающим новым условиям быстрорастущего поселения ни по численности планируемого населения, ни по идеологическим соображениям.

По градостроительной концепции Гипромеза (ил. 1) предполагалось создание поселка коттеджного типа с одноэтажными домами и усадьбами, обилием зеленых насаждений, что в значительных степени перекликалось с идеями английского архитектора Э. Говарда о создании городов-садов, популярных в России в первые два десятилетия XX в. Планировка кварталов была компромиссной: с одной стороны, закладывалась лучевая система улиц, учитывающая характер местности, но, с другой стороны, предлагалась искусственно созданная «правильная планировка» кварталов. Заводуправление и площадь перед ним рассматривалась как центральное ядро рабочего городка. Но даже в таком виде гипромезовский «поселок-сад» подвергся жесткой критике и не был принят.

В 1932 г. была представлена Планировка соцгорода Сталинска, которая предусматривала размещение города в северной и южной его частях, разделенных железнодорожной линией. Планировка северного района вобрала в себя элементы радиальной и прямоугольной схем: появились две системы лучевых магистралей — первая с центром схода у Кузнецкого металлургического комбината (КМК), вторая — с центром схода в зоне вокзала, получившая впоследствии основное развитие. Планировка южного нагорного района имела более свободное начертание, продиктованное рельефом. В силу чрезвычайно сложных гидрогеологических условий (заболоченных прибрежных территорий) генпланом не предусматривалась пространственная связь города с рекой Томь.

В проектировании планировки Новокузнецка также принял участие немецкий архитектор Э. Май. В настоящее время Новокузнецк является единственным городом бывшего Советского Союза, где в таком объеме и целостности сохранилось архитектурное наследие этого оригинального мастера. В основу планировки города Мама была положена прямоугольная сетка застройки, связанная двумя магистралями с заводом как главным градообразующим объектом. В 1931—1932 гг. по проекту Мая район соцгорода в пределах современных ул. Хитарова и Энтузиастов застраивается трехэтажными жилыми домами (в конце 1950-х гг. часть из них была достроена до 4 этажей). Общественные сооружения, в том числе школы, концентрировались в одной зоне, вдоль так называемой «школьной» улицы. Несмотря на некоторый аскетизм и примитивизм композиционного построения, в проекте была сделана попытка ответить на новый социальный заказ и решить вопрос комплексного размещения жилья, школ, детских учреждений, объектов обслуживания и отдыха [Захарова, 2005]. Проекту Э. Мая были присущи и недостатки: однообразный казарменный вид лишенных декора зданий, отсутствие дворов и зеленых насаждений.

Отметим характерные особенности зданий периода 1920—1930-х гг.:

а) простые объемы и планировки помещений, идущие от прямоугольного модуля и комбинаций параллелепипедов;

б) простые средства пластической выразительности (отношения ритма-метра, фактуры здания и игры теней на фасаде за счет перфорации окон, сдвижек балконов и др.);

в) максимальное использование аутентичного эстетического потенциала фактур, текстур, цвета материалов и строительных блоков (кирпич, бетон, стекло, дерево).

Рассмотрим архитектурные объекты Новокузнецка, являющиеся яркими примерами модернистских зданий.

С 1928—1929 гг. строительство жилья для технического персонала, служащих и строительных рабочих КМК велось в Верхней колонии, расположенной на склоне горы, к западу от площадки металлургического завода. С 1933 г. здесь начинается строительство капитального здания общежития для ИТР — первой городской гостиницы Новокузнецка. Гостиничный комплекс Верхней колонии интересен своей многофункциональностью в сочетании с компактностью, а также архитектурно-пластическим решением фасадов (ил. 2). Высотность центрального объема подчеркивается большими окнами, объединенными вертикальными лопатками.

После окончания строительства (1936 г.) в гостинице разместили 46 двух- и трехкомнатных номеров и клуб ИТР с большим кинозалом. А.Д. Крячков был автором реконструкции фасадов в духе неоклассики, начавшейся уже в процессе строительства второй очереди гостиницы. Им была увеличена до пяти этажей высота центральной части гостиницы [Гостиница Верхней колонии...]. Долгое время левое крыло здания оставалось «конструктивистским», а правое — «неоклассическим». Полная реконструкция фасадов была завершена уже в послевоенное время. В целом внешний облик здания сохранился в неизменном виде. В процессе реконструкции фасадов были убраны «конструктивистские» балконы боковых крыльев. Внутри здания использован железобетонный каркас с монолитными балочными перекрытиями и лестницами, планировка решена по коридорному принципу.

Объект представляет историческую и архитектурно-художественную ценность как первая городская гостиница, пример неоклассической реконструкции конструктивистского здания во второй половине 1930-х гг. Сейчас здание гостиницы (памятник градостроительства и архитектуры муниципального значения) находится в плачевном состоянии, нуждается в срочной реконструкции и восстановлении.

Интересен другой объект культурного наследия эпохи авангарда — театр металлургов, построенный на площади КМК напротив здания заводуправления. Авторы проекта — немецкий архитектор Г. Козель и инженер Е. Аппак. В общем решении здания драматического театра прослеживаются объемно-планировочные принципы конструктивизма с асимметричным сочетанием объемов, обусловленным внутренней структурой здания. План здания отличается простотой и логичностью. Входной вестибюль, зрительный зал на 800 мест с кулуаром, сценическая коробка с уборными для артистов и подсобными помещениями выделены в отдельные блоки разной формы и величины, располагающиеся друг за другом по продольной оси здания [Театр металлургов].

Общие пропорции здания несколько тяжело-весны, приземлены, однако в интерьере возникает ощущение простора благодаря продуманной функциональной организации внутреннего пространства и хорошей освещенности естественным светом. Представляют интерес интерьеры вестибюля с нависающим над ним балконом-галереей второго этажа и просторного кулуара, разделенного рядом колонн и освещенного ленточными окнами.

В результате реконструкции (1961 г., арх. Ю.А. Медведков) внешний облик здания потерял стилистическую цельность. Убран козырек над входом, опирающийся по периметру на столбы и придававший крупномасштабную торжественность главному фасаду. Вместо него пристроен остекленный тамбур, увеличен уклон кровли, которая раньше была скрыта за парапетом, слуховые окна выходят на главный фасад. Уменьшена ширина окон, увеличены простенки. Окна в верхней части стен зрительного зала заложены. Изменена окраска фасадов здания (ил. 3).

Строительство еще одного модернистского здания — Сибирского металлургического института (СМИ) — было закончено в 1933 г. В соответствии с популярной в годы первых пятилеток идеей завода-ВТУЗа здание института было размещено рядом с площадкой строившегося КМК. Сейчас оно находится на границе промышленной зоны. Архитектура здания решена в стилистике конструктивизма: гладкие фасады с мерным ритмом окон, завершенные скрывающими скатную кровлю высокими парапетами, лишены декора. Горизонтальное членение фасадов подчеркнуто на центральном корпусе ленточными балконами, на боковых крыльях — горизонтальными тягами, объединяющими окна, и темной окраской простенков [Сибирский металлургический институт]. Лестничные клетки выделены на фасадах ризалитами со сплошными витражами (ил. 4).

Объемно-планировочная композиция здания асимметрична. Его объем состоит из трех расположенных под прямым углом друг к другу корпусов. К пятиэтажному центральному корпусу, выходящему торцом на ул. Рудокопровую, справа и слева примыкают два четырехэтажных крыла разной длины. Внутренняя планировка решена по двухсторонней коридорной схеме. Изменение ширины корпусов с ризалитами на дворовом фасаде позволило создать аудитории разной площади и ширины.

В 2007 г. здание учебного корпуса СМИ приобрело статус памятника архитектуры регионального значения. Сейчас его внешний и внутренний облик имеет крайне неудовлетворительное, запущенное состояние и не соответствует данному статусу.

Не получившим на данный момент статуса объекта культурного наследия, но несомненно заслуживающим его, является первый детский сад города Новокузнецка, построенный в начале 1930-х гг. ар-

хитектором И.С. Гуревичем. Данное здание разрушается, но является шедевром русского авангарда — конструктивизма, так как не имеет псевдоклассического декора. Расположено оно торцом к главной улице и перекрыто вместо традиционной двухскатной односкатной кровлей. К основному двухэтажному объему примыкает одноэтажный блок, также под односкатной кровлей (ил. 5). На восток обращены 25 огромных окон с характерной для конструктивизма расстекловкой. Детский сад № 1, по мнению некоторых экспертов, проектировала знаменитая Маргарете Шютте-Лихоцки, первая австрийская женщина-архитектор, мастер европейского авангарда XX в. [Лизогуб, 2017].

В авторстве Шютте-Лихоцки убеждает ее внимание к проектированию и дизайну детских учреждений и некоторая схожесть внешнего вида детского сада №1 с объектами, спроектированными ею в Европе. Решающим аргументом служит наличие фамилии Шютте-Лихоцки в немецком справочнике архитекторов, участвовавших в составе группы Эрнста Мая в проектировании социалистического Новокузнецка: Шютте-Лихоцки указана там как автор kindergarten в соцгороде [В Новокузнецке спасают..., 2016].

Список литературы

1. В Новокузнецке спасают постройку Шютте-Лихоцки // Хранители наследия. 6 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. — URL: <http://hraniteli-nasledia.com/articles/initiativy/v-novokuznetske-spasayut-postroyku-shyutte-likhotski/>
2. Гостиница Верхней колонии // Достопримечательности Новокузнецка / Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя [Электронный ресурс]. — URL: <https://libnvkz.ru/chitatelnyam/o-novokuznetske/dostoprimechatelnosti/gostinica-verhnej-kolonii>
3. Захарова И.В. Архитектурное наследие Кузбаса 1910—1930-х гг. Материалы к своду памятников архитектуры Кемеровской области. — Кемерово: Агентство рекламных форм, 2005. — 104 с.
4. Лизогуб П.П. Немцы в городе: «немецкий след» в архитектуре Новокузнецка 1930-х годов // Наш город Новокузнецк. — 2017. — № 1 (март). — С. 46—53.
5. Сибирский металлургический институт / Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя. [Электронный ресурс]. — URL: <https://libnvkz.ru/chitatelnyam/o-novokuznetske/dostoprimechatelnosti/sibmet>
6. Театр металлургов // Достопримечательности Новокузнецка / Центральная городская библиотека им. Н.В. Гоголя [Электронный ресурс]. — URL: <https://libnvkz.ru/chitatelnyam/o-novokuznetske/dostoprimechatelnosti/teatr-metallurgov>

Ил. 2. Гостиница Верхней колонии. Снимок автора, 2015 г.

Ил. 3. Театр металлургов. Снимок автора, 2012 г.

Ил. 4. Первое здание Сибирского металлургического института. Снимок автора, 2015 г.

Ил. 5. Детский сад № 1 по ул. Хитарова, 26а. Снимок автора, 2017 г.

Город и судьба A Town of My Life

Т.С. Баландина
Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств (Новосибирск)
T.S. Balandina
Novosibirsk State University of Architecture,
Design and Arts (Novosibirsk)
mas_ngaha@mail.ru

О городе Мариинске и его невольных жителях About the Town of Mariinsk and Its Citizens

Некоторое время назад я прочла небольшое сообщение о том, что в 2017 г. город Мариинск Кемеровской области (ранее — село Кийское) отмечал 160-летие, а к прошлому, 150-летнему, юбилею в нем был установлен памятник императрице Марии Александровне (ил. 1а), в честь которой город и получил свое имя. Автор памятника — скульптор Леонтий Усов, а средства на его установку собирали сами горожане. Это краткое сообщение вызвало у меня недоумение: так не похоже было то, что я знала о городе раньше, на эти, новые для меня, сведения. Естественно, захотелось узнать, какое отношение имела императрица Мария Александровна к далекому сибирскому городу и почему император Александр II, когда перед ним в 1857 г. был поставлен вопрос о переименовании села Кийского, совершенно категорически ответил, что это должен быть город Мариинск, имея ввиду при этом свою супругу Марию Александровну (ил. 1б), которая своей благотворительностью и общественной деятельностью заслуживает такого увековечивания. Убедиться в справедливости слов императора мне позволили материалы из энциклопедии «Википедия», которые содержат большой список дел императрицы. Достаточно назвать лишь некоторые из них.

При Марии Александровне в России был учрежден Красный Крест, превратившийся в самую крупную общественно-государственную структуру, аккумулирующую большие суммы, переводимые благотворителями в пользу вдов, сирот, раненых, больниц. Императрица являлась высочайшей покровительницей «Красного креста», патронировала 5 больниц, 12 богаделен, 36 приютов, 2 института, 38 гимназий, 156 училищ, 5 частных благотворительных обществ. Мария Александровна положила начало учреждению женских высших учебных заведений (гимназий). Этот перечень можно еще долго продолжать, но справедливость присуждения имени Марии Александровны городу не подлежит сомнению — Мариинск (ил. 2)!

Но что же и когда я узнала об этом городе впервые?

Было это уже в далеком 1947 г., когда мама отправила меня, шестиклассницу, лечиться от ревматизма в «ссылный» город Мариинск, где не по собственной воле жила старшая мамина сестра Вера Сергеевна Маркони (о ней чуть позднее). Не могу не

вспомнить экзотическое, даже для своего времени, средство передвижения — поезд, называемый в народе «500-веселый» (был у него, конечно, какой-то официальный номер, но я его не помню). Это были ничем не приукрашенные товарные вагоны с довольно большим количеством пассажиров (бытовые неудобства не очень их смущали, так как поезд останавливался довольно часто). И вот — город Мариинск.

Первое, что бросалось в глаза, — огромное красно-кирпичное здание тюрьмы, казавшееся громадным (возможно, на фоне одно-, двух- и трехэтажных построек), подавляющим все вокруг. Еще одной особенностью города, уже совсем другого свойства, был театр. Актеры — заключенные, которых на спектакли водили под конвоем. На таком спектакле мы были с тетей. Название спектакля, увы, не помню, но узнала, что этот особенный театр был в городе популярен. Уже тогда, в юном возрасте, я, наверное, кожей ощущала парадоксальность ситуации: город — театр — невольники! Но не возникало никакого страха, никакого недоверия к людям, которых город держал в заключении, как монархистов, пусть и псевдо (по официальным данным, в Сиблаге в 1923—1950 гг. было 100 тыс. заключенных). Они были интеллигенты, приветливы и профессиональны (тот же доктор-ревматолог Николай Николаевич, к которому я была послана за сотнями километров). Среди этих людей, как я уже сказала выше, была и мамина сестра, которая на долгие годы оказалась в Мариинске невыездной.

Все дискуссии, которые время от времени и сегодня возникают в печати: много или мало жертв сталинских репрессий, а так ли уж были невинны обвиненные, и пр., и пр. — для меня становятся кощунственными, когда я думаю об одной единственной жертве репрессий — моей родной тете (ил. 3). Как свидетельствуют сохранившиеся документы, точнее их копии, родилась Вера Сергеевна 10 августа 1896 г. в Санкт-Петербурге в семье губернского секретаря Сергея Николаевича Скуридина и его жены Софьи Аркадьевны (во втором браке с моим дедом — С.А. Гюнтер). По окончании Красноярской женской гимназии и высших курсов французского языка Alliance française de Petrograd Вера Сергеевна получает звание учительницы средних учебных заведений по французскому языку. На этом образо-

вание не заканчивается. В период с 1916 по 1918 г. Вера Сергеевна Скуридина (по мужу — Маркони) являлась студенткой юридического факультета Бестужевских высших женских курсов, а с 1918 по 1921 г. — студенткой юридического факультета Иркутского университета, который она успешно окончила. Один только перечень учебных заведений — доказательство основательности полученных знаний и безусловного стремления к ним. И это в тревожные 1918—1920 гг.!

К сожалению, прекрасная подготовка к планируемой (действительно универсальной) работе педагога гуманитарных дисциплин осталась нереализованной. До начала массовых репрессий 1930-х гг. Вера Сергеевна работала в Новосибирске, где и была объявлена «врагом народа» постановлением тройки Управления НКВД Новосибирской области от 27 декабря 1937 г. и отправлена в Мариинск. Будучи на поселении, Вера Сергеевна в основном работала в учреждениях, где не требовались ее достаточно универсальные знания — в детских кухнях, яслях и т.д. Как у многих людей, ограниченных в правах, одним из главных ее желаний было стремление соединиться с родными людьми (в тот момент это было семьей двух ее младших сестер и брата, которого не стало в 1937 г.).

И вот настал 1956 г., когда в стране в довольно широком масштабе шел процесс реабилитации. Вере Сергеевне, получившей право приехать в Новосибирск, была выдана справка военного трибунала Сибирского военного округа о том, что дело по ее обвинению было пересмотрено 12 июня 1956 г. и прекращено. Тогда следователь, принесший соответствующий документ, произнес фразу, которую я, присутствующая при разговоре, запомнила на всю жизнь: «страдали вы не за понюшку табака». К большому сожалению, после полной реабилитации моей тети, ей оказалось отпущенным не многим более двух лет жизни. Вера Сергеевна скончалась в феврале 1959 г. в возрасте 62 лет.

История и ее, и многих — с подобной судьбой — более чем грустная, и все-таки мне захотелось сказать несколько слов об одной из тысяч женщин, жизнь которых оказалась несправедливо поломанной. Пусть эти строки будут памятью не только моей тете, но и многим другим, вспоминать которых сегодня уже некому, а городу Мариинску пусть предстоит более гармоничная и счастливая судьба, и пусть имя покровительницы города, императрицы Марии Александровны, будет защитой новым поколениям от несправедливости.

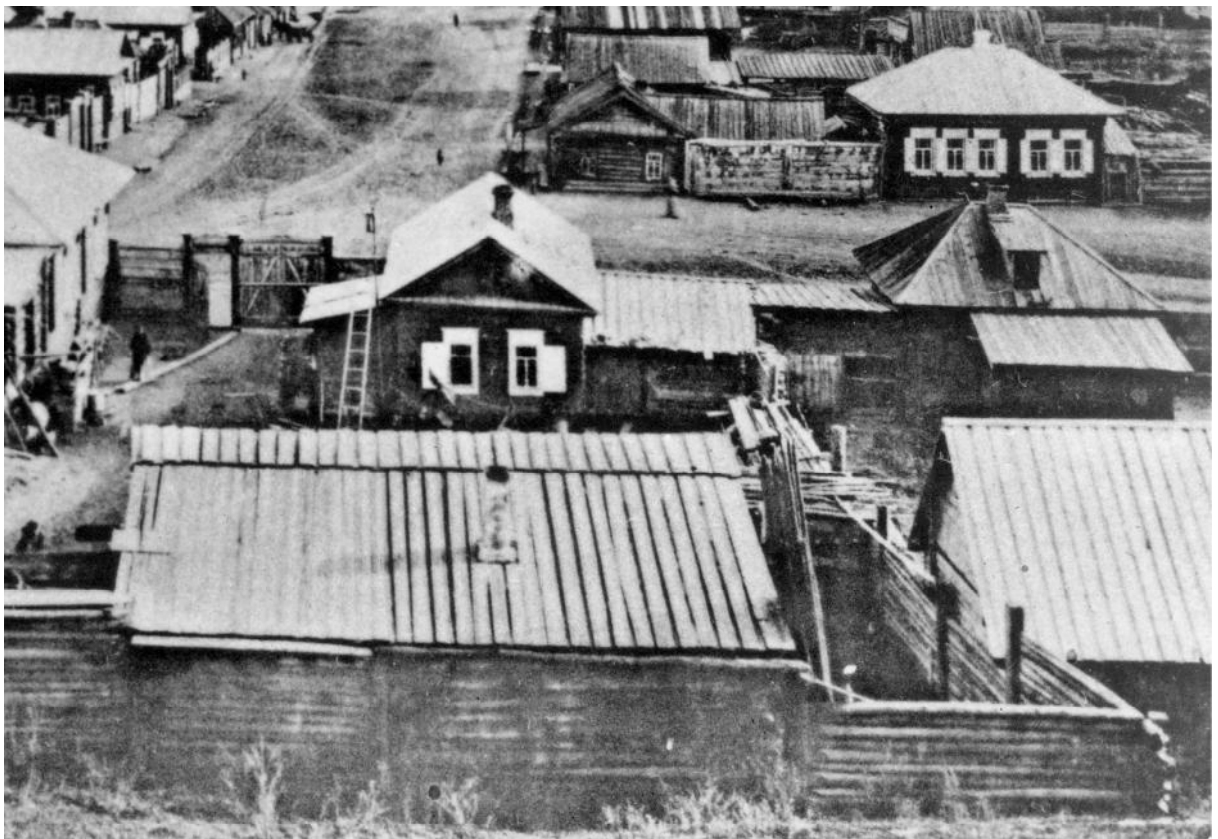

а

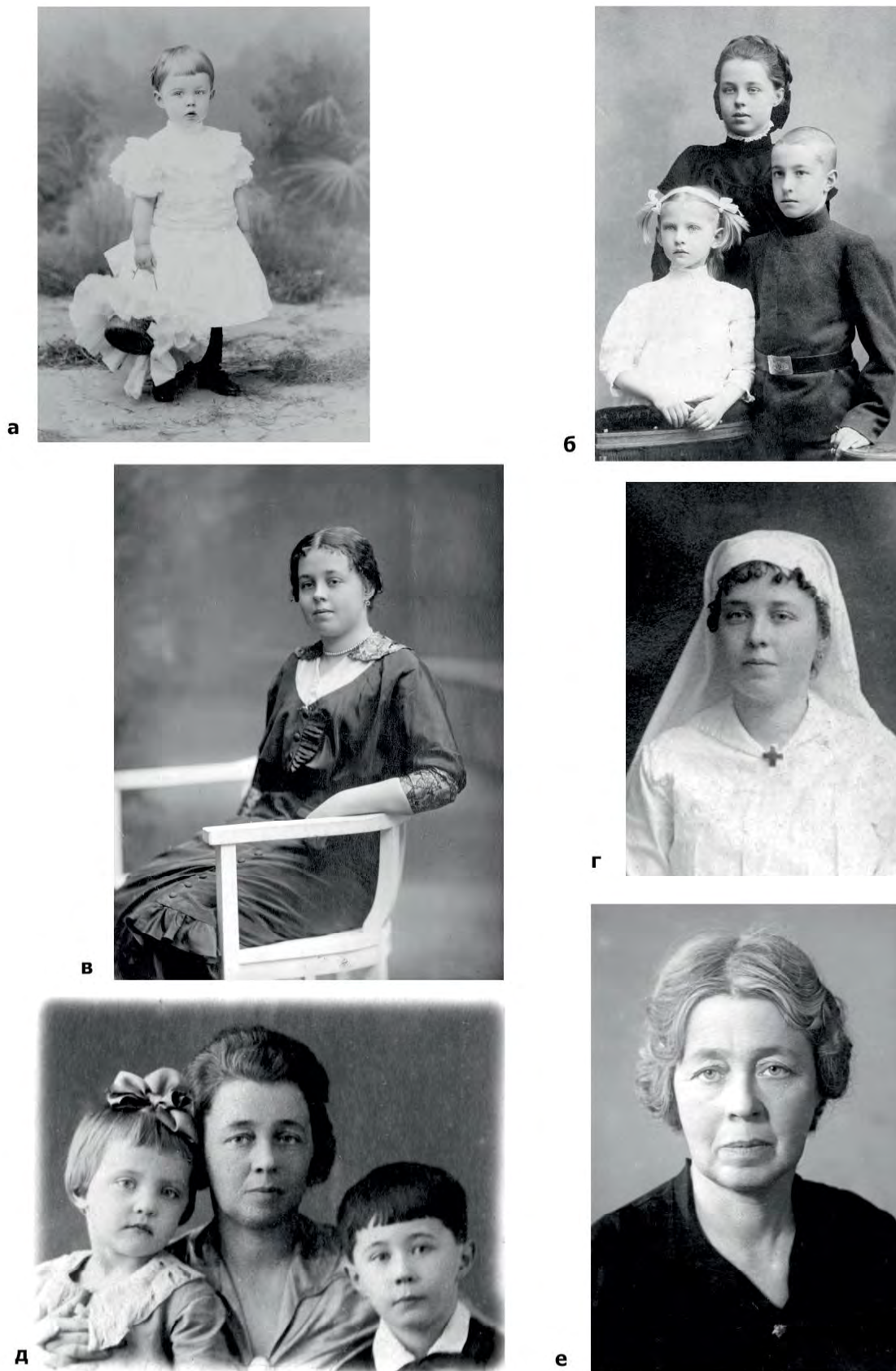

б

Ил. 1: а — памятник императрице Марии Александровне в г. Мариинске. Скульптор Л. Усов (URL: <http://fb.ru/>); б — К. Робертсон. Портрет Марии Александровны. 1849—1851 гг. (URL: <https://philologist.livejournal.com/8407784.html>)

Ил. 2. Мариинск, кон. XIX — нач. XX в. Фотооткрытка из личного архива автора

Ил. 3: а — Вера Скуридина, примерно 1900 г., Санкт-Петербург; б — ученица гимназии г. Красноярска, с младшими братом Аркадием и сестрой Таней Гюнтер; в — выпускница высших курсов французского языка, 1916 г.; г — сестра милосердия, 1918 г.; д — с племянниками Володи Скуридиным и Татой Кареповой (автором статьи), 1936 г., Новосибирск; е — в Мариинске, 1947 г. Снимки из личного архива автора

Список сокращений

List of Abbreviations

- АГЕ — Архив города Енисейска
 АГКМ — Алтайский государственный краеведческий музей
 АГМ — Архив города Минусинска
 АИК Кузбасса — Автономная индустриальная колония Кузбасса
 Акв. — акварель
 АКОРТ — акционерное общество розничной торговли
 АМКМ — архив Минусинского краеведческого музея
 АН СССР — Академия наук СССР
 АНО — автономная некоммерческая организация
 АРАН. СПб — Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал
 АРУ — Объединение архитекторов-урбанистов
 АСНОВА — Ассоциация новых архитекторов
 АССР Немцев Поволжья — Автономная Советская Социалистическая Республика Немцев Поволжья
 АТЭС — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество
 АУИПИК — Агентство по управлению и использованию памятников истории и культуры
 АЭМ «Тальцы» — Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»
 Б. — бумага
 БД ПМО — база данных паспортов муниципальных образований
 БПЛА — беспилотный летательный аппарат
 БУ — бюджетное учреждение
 ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
 ВМФ — военно-морской флот
 ВНИИ — Всероссийский научно-исследовательский институт
 ВОГИ — Всероссийское общество гражданских инженеров
 ВолгГАСУ — Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет
 ВОПРА — Всесоюзное объединение пролетарских архитекторов
 Востсиблеспром — Восточно-Сибирское государственное лесопромышленное объединение
 Всекобанк — Всероссийский кооперативный банк
 ВСН — ведомственные строительные нормы
 ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
 ВСО ИРГО — Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
 ВХУТЕИН — Высший художественно-технический институт
 ВХУТЕМАС — Высшие художественно-технические мастерские
 ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
 ГААК — Государственный архив Алтайского края
 ГАЗК — Государственный архив Забайкальского края
 ГАИО — Государственный архив Иркутской области
 ГАКК — Государственный архив Красноярского края
 ГАНО — Государственный архив Новосибирской области
 ГАТО — Государственный архив Томской области
 ГАУ НСО НПЦ — Государственное автономное учреждение Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
 ГАУК — государственное автономное учреждение культуры
 ГИБДД — Государственная инспекция безопасности дорожного движения
 Гипрогор — Государственный трест по планировке населенных мест и гражданскому проектированию НКВД
 ГНИМА им. А.В. Щусева — Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. Щусева (Москва) РСФСР (с 1932 г. — Государственный институт съемки и планировки городов и проектирования гражданских сооружений Народного комиссариата коммунального хозяйства РСФСР)
 Гипроград — Государственный институт планировки городов Украинской ССР
 Гипромет — Государственный институт по проектированию металлических заводов
 Гипрогорстрой — Государственный институт проектирования городского строительства
 ГИС — геоинформационные системы
 Главнаука — Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями
 Главстройлегпром — Главное строительное управление Народного комиссариата легкой промышленности
 Горисполком — городской исполнительный комитет
 Горкомхоз — отдел городского коммунального хозяйства
 Гормет — Свердловский горно-металлургический трест
 Горсовет — городской совет
 Горстройпроект — Проектный институт городского строительства
 Госплан — Государственная плановая комиссия
 Госпроект — Государственная техническая контора по проектированию новых фабрик и заводов
 Госторг (РСФСР) — Государственная экспортно-импортная контора Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
 ГТРК «Новосибирск» — Государственная телерадиокомпания Новосибирска
 Губисполком — губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
 Губфинотдел — губернский финансовый отдел
 Гурметзавод — Гурьевский металлургический завод
 ГУТО ГАТ — Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»
 ГЭС — гидроэлектростанция
 Д. — дело
 ДВО РАН — Дальневосточное отделение Российской академии наук
 ДПИ — декоративно-прикладных искусств
 ЕАО — Еврейская автономная область
 ЖБИ — железобетонные изделия
 ЗАО МСПА «МОССИБ» — закрытое акционерное общество «Международная строительно-проектная

- ассоциация «МОССИБ»
 ЗапсибкрайСНХ — Западно-Сибирский краевой совет народного хозяйства
 Запсибкрайисполком — Западно-Сибирский краевой исполнительный комитет
 Запсибнаробраз — Западно-Сибирский комитет народного образования
 Запсибтекстилькомбинат — Западно-Сибирский текстильный комбинат
 Запсибторг — Западно-Сибирское государственное экспортно-импортное торгово-заготовительное акционерное общество
 ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
 Изд. дом — издательский дом
 ИИГСО НГПУ — Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета
 ИИЕТ РАН — Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук
 «ИКАР» ДДТ — «История. Краеведение. Археология». Дом детского творчества
 ИКОМОС (ICOMOS) — International Council on Monuments and Sites
 ИОКМ — Иркутский областной краеведческий музей
 ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Тюмень)
 ИРГО по отд. этногр. — Императорское Русское географическое общество по отделению этнографии
 Иркутскгражданпроект — Территориальный проектный институт гражданского строительства, планировки и застройки городов в г. Иркутске
 ИрНИТУ — Иркутский национальный исследовательский технический университет
 ИРООПМИ — Иркутская региональная общественная организация поддержки молодых инициатив «Иркутский кремль»
 Исполком — исполнительный комитет
 ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук
 КВЖД — Китайско-Восточная железная дорога
 КГБУ — краевое государственное бюджетное учреждение
 КГКУ ГААК — краевое государственной казенное учреждение «Государственный архив Алтайского края»
 Кн. — книга
 КНР — Китайская Народная Республика
 Крайисполком — краевой исполнительный комитет
 Крайсовет — краевой совет
 Крайсовнархоз (КрайСНХ) — краевой совет народного хозяйства
 Крахмалпатсиндикат — Всероссийский государственный крахмалопаточный синдикат
 КубГАУ — Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина
 Кузнецкстрой — Управление строительством Кузнецкого металлургического комбината
 КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
 КФУ — Казанский федеральный университет
 Лакокраска — Всесоюзный трест лакокрасочной промышленности
 ЛенЗНИИЭП — Ленинградский зональный научно-исследовательский институт экспериментального проектирования
 Лесосиндикат — Всероссийский синдикат лесной и деревообрабатывающей промышленности
 Лесохим — Государственный лесохимический трест
 Леспромтрест — лесопромышленный трест
 Л. — лист
 МАИИКРН — Международная ассоциация исследователей истории и культуры российских немцев
 МАО — Московское архитектурное общество
 Масложирсиндикат — Всесоюзный масложировой синдикат
 МАУ — муниципальное автономное учреждение
 Махорсиндикат — Всероссийский махорочный синдикат
 МАЭ ОмГУ — Музей археологии и этнографии Омского государственного университета
 МБОУ ЭКЛ — Муниципальное бюджетное образовательное учреждение «Экономический лицей»
 МБУ ГКМ — муниципальное бюджетное учреждение «Гурьевский краеведческий музей»
 МВТУ — Московское высшее техническое училище
 МГУ — Московский государственный университет
 МДЗ ТОХМ — Музей деревянного зодчества, подразделение Томского областного художественного музея
 МИАС (НГУАДИ) — Музей истории архитектуры Сибири им. С.Н. Баландина Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств
 МИИГАиК — Московский государственный университет геодезии и картографии
 МКМ — Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова
 МК РФ — Министерство культуры Российской Федерации
 МКУ АМ — муниципальное казенное учреждение «Архив г. Минусинска»
 МКУК ЦИИ — муниципальное казенное учреждение культуры Сузунского района краеведческий музей «Центр исторической информации»
 ММФ — механико-математический факультет
 Наркомлес — Народный комиссариат лесной промышленности
 Наркомпром — Народный комиссариат промышленности
 Наркомпрос — Народный комиссариат просвещения
 Наркомснаб — Народный комиссариат снабжения
 Наркомтекстильпром — Народный комиссариат текстильной промышленности
 Наркомтяжпром — Народный комиссариат тяжелой промышленности
 НПЦ «Наследие» — научно-производственный центр «Наследие»
 Наробраз — Комитет народного образования
 НА ТИАМЗ — Научный архив Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника
 НА ТКНС — Научный архив Тобольской комплексной научной станции
 НГА — Новосибирский городской архив
 НГАСУ — Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
 НГАТОиБ — Новосибирский государственный академический театр оперы и балета
 НГКМ — Новосибирский государственный краеведческий музей

- НГУ — Новосибирский государственный университет
 НГУАДИ — Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 Новосибгражданпроект — Территориальный проектный институт гражданского строительства, планировки и застройки городов в г. Новосибирске
 НПЦ «Наследие» — Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Алтайского края
 НРО СХР — Новосибирское региональное отделение Союза художников России
 НЭП — новая экономическая политика
 ОАО — открытое акционерное общество
 Облсполком — областной исполнительный комитет
 ОГАУК — областное государственное автономное учреждение культуры
 ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
 ОЖК — оборонительно-жилой комплекс
 ОИН — объект индустриального наследия
 Окргосстрой — окружная государственная строительная контора
 Окрисполком — окружной исполнительный комитет
 ОмГАУ — Омский государственный аграрный университет
 Оп. — опись
 ОСА — Объединение современных архитекторов
 ОСВОК — Особое совещание по воспроизводству основного капитала
 ПГГПУ — Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
 ПЖЭТ — производственный жилищно-эксплуатационный трест
 ПМА — полевые материалы автора
 Предокрисполкома — председатель президиума окружного исполнительного комитета
 Продасиликат — Всероссийский синдикат силикатной промышленности
 ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
 Рабис — профсоюз работников искусств
 РАН — Российская академия наук
 РАНХиГС — Российская академия народного хозяйства и государственной службы
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 РЖВ — ранний железный век
 РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)
 РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
 РФФИ — Российский фонд фундаментальных исследований
 САДА — Сибирская ассоциация дизайнеров и архитекторов
 Сахаротрест — Всероссийское государственное объединение сахарной промышленности
 СГГА — Сибирская государственная геодезическая академия
 СГУиТ — Сибирский государственный университет геосистем и технологий
 Сельмашина — Всесоюзный государственный трест сельскохозяйственного машиностроения
 Сетеснасть — Государственный пенько-льняной, сетевязальный и канатно-веревочный трест
 Сибвинтрест — Сибирский краевой трест винной промышленности
 Сибгипрозолото — Сибирский государственный проектно-изыскательный институт драгоценных металлов
 Сибдальвнешторг (РСФСР) — Сибирское и Дальневосточное областное управление уполномоченного народного комиссариата внешней торговли Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
 Сибзолото — Сибирский государственный союзный золотопромышленный трест
 Сибкожтрест — Сибирский краевой трест кожевенно-обувной промышленности
 Сибкомбанк — Сибирская краевая контора Цеккомбанка
 Сибкрайисполком — Сибирский краевой исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
 Сибкрайплан — Сибирская краевая плановая комиссия
 СибкрайСНХ — Сибирский краевой совет народного хозяйства
 Сибкрайсоюз — Сибирский краевой Союз потребительской кооперации
 Сиблессиндикат — Сибирский лесной синдикат
 Сиблестрест — Сибирский лесопромышленный трест
 Сибмаслотрест — Сибирский краевой маслобойный трест
 Сибметаллтрест — Сибирский краевой трест металлической промышленности
 Сибплан — Сибирская плановая комиссия
 Сибпромбюро — Сибирское областное промышленное бюро
 Сибпромстрой — Сибирский краевой трест промышленного строительства
 Сибревком — Сибирский революционный комитет
 Сибстройобъединение — Сибирское краевое государственное объединение строительной индустрии и промышленности строительных материалов
 Сибторг — Сибирское торговое товарищество
 Сибфарфор — Сибирский фарфорофаянсовый трест
 Сибцемент — Сибирский государственный трест цементной промышленности
 СИ «Спецпроектреставрация» — Сибирский институт «Спецпроектреставрация»
 СКСНХ — Сибирский краевой совет народного хозяйства
 СМ РСФСР — Совет министров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
 СНК РСФСР — Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической республики
 СНХ — Совет народного хозяйства
 Совнарком РСФСР — Совет народных комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
 СООКНИО — Служба по охране объектов культурного наследия Иркутской области

СО РАН — Сибирское отделение Российской академии наук
 Союзмука — Всесоюзное государственное объединение мукомольной промышленности
 Союзмясо — Всесоюзное государственное объединение мясной промышленности
 СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств
 ССА — Союз советских архитекторов
 СССР — Союз Советских Социалистических Республик
 СТО — Совет труда и обороны
 СФУ — Сибирский федеральный университет
 ТГАСУ — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный архитектурно-строительный университет»
 ТГУ — Томский государственный университет
 Текстильсиндикат — Всесоюзный текстильный синдикат
 Тельбесбюро — Бюро по подготовке строительства Тельбесского металлургического комбината
 ТОХМ — Томский областной художественный музей
 ТРОБФ — Тюменский региональный общественный благотворительный фонд
 ТТИ — Томский технологический институт
 ТФ ГИАОО — Тарский филиал Государственного Исторического архива Омской области
 ТЭЖЭ — трест эфирно-жировых эссенций
 ТЭЦ — теплоэлектроцентраль
 УИИЯЛ УрО РАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (г. Ижевск)
 Уисполком — уездный исполнительный комитет
 Уралзолото — Уральский государственный союзный золотопромышленный трест
 Уралмет — Уральский горнозаводской синдикат
 УралНИИпроект РААСН — Уральский научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт Российской академии архитектуры и строительных наук (г. Екатеринбург)
 УралоблСНХ — Уральский областной совет народного хозяйства
 Уралплатина — Объединение государственных платиновых предприятий
 Уралпромстрой — Уральское строительно-промышленное акционерное общество
 Уралтекстиль — Уральское объединение текстильных предприятий
 Химсиндикат — Всесоюзный государственный синдикат химической промышленности

ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
 Ф. — фонд
 ФГАОУ ВО — федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
 ФГБОУ ВО — федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
 ФГБУ — федеральное государственное бюджетное учреждение
 ФГБУН — федеральное государственное бюджетное учреждение науки
 ФГУИПП — федеральное государственное унитарное издательско-полиграфическое предприятие
 ФЗО — фабрично-заводское обучение
 ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области
 ЦБРИЗ — Центральное бюро по реализации изобретений и содействию изобретательству
 Цекомбанк — Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства
 Центрест — Объединение портландцементных заводов
 Центрофарфортрест — Государственный центральный фарфорово-фаянсовый трест
 Центрошамот — Государственный центральный огнеупорно-керамический трест
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет
 ЦК — Центральный комитет
 ЦКК — Центральная контрольная комиссия
 ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
 ЦК РСДРП — Центральный комитет Российской социал-демократической рабочей партии
 ЧПУ — числовое программное управление
 ЭКОСО — Экономическое совещание
 Экспортлес — Всесоюзное акционерное общество по экспорту лесных материалов
 ЮНЕСКО (the UNESCO) — The United Nations Educational, Scientific and Culture Organization (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры)
 ЯГПУ им. К.Д. Ушинского — Ярославский государственный педагогический университет имени Константина Дмитриевича Ушинского
 ЯНАО — Ямало-ненецкий автономный округ
 ACM — Association of Computing Machinery
 BIM — Building Information Modeling
 IEEE — Institute for Electrical and Electronics Engineers

Сведения об авторах
The Authors' Information

БАКУМОВА Олеся Сергеевна — магистрант ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

АВАНЕСОВ Сергей Сергеевич — доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет» (г. Томск, Российская Федерация)

АДАМОВ Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН» (г. Тобольск, Российская Федерация)

АЛЬСОВА Ольга Сергеевна — магистрант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

АКЧУРИНА Наталья Сергеевна — кандидат архитектуры, профессор ФГБОУ ВО «Уральский государственный архитектурно-художественный университет» (г. Екатеринбург, Российская Федерация)

АТАПИН Иван Ильич — студент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск, Российская Федерация)

БАЛАНДИНА Татьяна Сергеевна — кандидат технических наук, почётный работник высшего профессионального образования РФ (г. Новосибирск, Российская Федерация)

БАЛЮНОВ Игорь Валерьевич — кандидат исторических наук, главный научный сотрудник Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (подразделение ГАУК Тюменского музейно-просветительского объединения, г. Тобольск, Российская Федерация)

БЕРЕЗИКОВ Николай Александрович — младший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

БИРЮКОВА Татьяна Владимировна — магистрант ФГБОУ ВО «Томский государственный архитектурно-строительный университет» (г. Томск, Российская Федерация)

БОГАЧЁВА Ирина Анатольевна — директор МБУ «Гурьевский городской краеведческий музей» (г. Гурьевск, Кемеровская область, Российская Федерация)

БОГДАНОВА Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» (г. Томск, Российская Федерация)

БОДРОВА Анна Андреевна — учитель истории 1-й категории МБОУ «Экономический лицей № 95» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

БОЛЬШАКОВ Андрей Геннадьевич — доктор архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурного проектирования ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

БОРОДОВСКАЯ Елена Львовна — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

БОРОДОВСКИЙ Андрей Павлович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

БУХВАЛОВА Анна Юрьевна — ассистент ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» (г. Тюмень, Российская Федерация)

БУШУЕВА Елена Сергеевна — аспирант ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

ВАЛЬТЕРАН Татьяна Леонидовна — кандидат архитектуры, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ВАСЁХА Мария Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН» (г. Москва, Российская Федерация)

ВЕДМИДЬ Григорий Павлович — главный архитектор МАУ «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова гора» (г. Сургут, Российская Федерация)

ВОРОЖЕЙКИНА Вера Александровна — доцент кафедры коммуникативного дизайна и графики ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ВОРОНИНА Ольга Салаватовна — кандидат архитектуры, доцент ФГБОУ ВО «Томский государственный архитектурно-строительный университет» (г. Томск, Российская Федерация)

ГАРКУША Юрий Николаевич — научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ГАШЕНКО Антон Евгеньевич — старший преподаватель ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ГОЛУБКОВА Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ГОНИНА Наталья Владимировна — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет» (г. Красноярск, Российская Федерация)

ГОНЧАРЕНКО Евгения Борисовна — заведующая отделом реставрации ОГАУК «Томский областной художественный музей» (г. Томск, Российская Федерация)

ГОРОХОВ Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ГРУЗДЕВА Евгения Александровна — кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ДАНИЛОВ Петр Григорьевич — научный сотрудник ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН» (г. Тобольск, Российская Федерация)

ДВОРЕЦКАЯ Анна Павловна — кандидат исторических наук, доцент ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск, Российская Федерация)

ЕМЕЛЬЯНОВА Татьяна Борисовна — научный сотрудник МКУК «Центр исторической информации» Сузунского краеведческого музея (р.п. Сузун, Новосибирская область, Российская Федерация)

ЖУРИН Николай Петрович — кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой основ архитектурного проектирования, истории архитектуры и градостроительства ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЗАГВАЗДИН Евгений Петрович — младший научный сотрудник ФГБУН «Тобольская комплексная научная станция УрО РАН» (г. Тобольск, Российская Федерация)

ЗАРУБИНА Наталья Александровна — соискатель кафедры архитектурного проектирования ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

ИВАНОВА Алина Павловна — кандидат архитектуры, доцент ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» (г. Хабаровск, Российская Федерация)

КАЗУСЬ Игорь Александрович — кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник ФГБУ «Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства» (г. Москва, Российская Федерация)

КАРДАШ Олег Викторович — кандидат исторических наук, директор АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск, Российская Федерация)

КИСЕЛЬНИКОВА Дарья Юсуфовна — аспирант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

КЛЮКИН Алексей Алексеевич — кандидат технических наук, доцент ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» (г. Тюмень, Российская Федерация)

КЛЮКИНА Анна Ивановна — доцент ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет» (г. Тюмень, Российская Федерация)

КОЗЛОВ Григорий Валерьевич — аспирант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

КОЗЛОВА Галина Серафимовна — старший преподаватель ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

КОСЕНКОВА Юлия Леонидовна — доктор архитектуры, главный научный сотрудник, советник директора ФГБУ «Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства» (г. Москва, Российская Федерация)

КУЗЕВАНОВ Виктор Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (г. Омск, Российская Федерация).

КУЗНЕЦОВА Елена Анатольевна — главный научный сотрудник ГАУК «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

КУЛИКОВА Софья Олеговна — архитектор-реставратор, Synergy Systems (г. Москва, Российская Федерация)

КУПИЧ Валентина Сергеевна — студент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

КУРИЛОВ Владимир Николаевич — доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЛАТЫШЕВА Кристина Геннадьевна — старший преподаватель ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск, Российская Федерация)

ЛАЗАРЕВА Юлия Павловна — магистрант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Александровна — магистрант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЛИПС Светлана Александровна — специалист-архитектор, помощник директора АНО «Институт археологии Севера» (г. Нефтеюганск, Российская Федерация)

ЛИТВИНОВА Ольга Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Томский государственный архитектурно-строительный университет» (г. Томск, Российская Федерация)

ЛОВЧАГИНА Екатерина Сергеевна — студент ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

ЛЫГДЕНОВА Виктория Васильевна — кандидат философских наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЛЮБИМОВА Галина Владиславовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЛЮЦИДАРСКАЯ Анна Алексеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

МАЙНИЧЕВА Анна Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН», главный научный сотрудник ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

МАЛКИНА Лариса Николаевна — кандидат культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

МАЛЬЦЕВА Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

МАРИНИЧ Анастасия Андреевна — соискатель ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

МИНИНА Наталья Алексеевна — старший научный сотрудник ГАУК «Новосибирский государственный краеведческий музей» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ОРЛОВА Елена Юрьевна — кандидат искусствоведения, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ОСТРОВСКИЙ Леонид Казимирович — доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ОХОТНИКОВ Андриан Юрьевич — старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ПАРШУКОВ Владимир Владимирович — доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ПЕРМИЛОВСКАЯ Анна Борисовна — доктор культурологии, заведующая Центром традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики им. акад. Н.П. Лаверова РАН (г. Архангельск, Российская Федерация)

ПЕСИК Сандра (Piesik Sandra) — архитектор, руководитель бюро Zideas.ltd, главный редактор научного атласа НАВИТАТ: Vernacular Architecture for a Changing Planet (г. Лондон, Великобритания)

ПОЛИЩУК Анна Олеговна — научный сотрудник ГАУК «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ПОМЫТКИНА Вера Леонидовна — архивист 1-й категории филиала БУ «Исторический архив Омской области в городе Таре» (г. Тара, Омская область, Российская Федерация)

ПОНЕДЕЛЬЧЕНКО Лидия Олеговна — младший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ПОПОВСКИЙ Дмитрий Игоревич — ассистент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ПРИБЫЛЕВА Елена Андреевна — студент ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

РАГИНО Георгий Янович — магистрант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

РАДЗЮКЕВИЧ Андрей Владиславович — кандидат архитектуры, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

РОМАНОВ Павел Игоревич — студент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

САВЕЛЬЕВА Нина Валентиновна — старший преподаватель ФГБОУ ВО «Томский государственный архитектурно-строительный университет», начальник реставрационной мастерской ОАО «Сибирский институт «Сибспецпроектреставрация» (г. Томск, Российская Федерация)

СВЕТАЧЕВА Ульяна Владимировна — научный сотрудник МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартыанова» (г. Минусинск, Красноярский край, Российская Федерация)

СЕЛИВАНОВ Роман Александрович — доцент ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (г. Иркутск, Российская Федерация)

СКУДНЕВА Марина Валерьевна — кандидат архитектуры, доцент ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация).

СЛОБОДЧИКОВ Сергей Юрьевич — старший преподаватель ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Красноярск, Российская Федерация)

СОКОЛОВСКИЙ Иван Ростиславович — кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт истории СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

СТЕПАНЦОВ Иван Сергеевич — архитектор-реставратор ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

СТРЕКАЛИНА Елена Анатольевна — заведующая отделом организации экскурсионного обслуживания и культурно-просветительных мероприятий ОГАУК «Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (г. Иркутск, Российская Федерация)

СУБОТИН Олег Степанович — доктор архитектуры, профессор ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина» (г. Краснодар, Российская Федерация)

СУПОНИНА Лилия Сергеевна — заведующая экспозиционно-выставочным отделом КГБУ «Алтайский государственный краеведческий музей» (г. Барнаул, Российская Федерация)

ТАЛАПОВ Владимир Васильевич — кандидат физико-математических наук, доцент ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет геосистем и технологий» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ТИХОНОВ Владимир Викторович — кандидат культурологии, директор ОГАУК «Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (г. Иркутск, Российская Федерация)

ТИХОНОВ Сергей Семёнович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского филиала ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Омск, Российская Федерация)

ФУРСОВА Елена Фёдоровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ХАРИТОНОВА Наиля Галимжановна — старший преподаватель Лесосибирского педагогического института — филиала ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет» (г. Лесосибирск, Красноярский край, Российская Федерация)

ЦАРЁВ Владимир Владимирович — кандидат архитектуры, ведущий специалист Министерства строительства Красноярского края (г. Красноярск, Российская Федерация)

ЦАРЁВ Владимир Иннокентьевич — доктор архитектуры, профессор ФГАОУ ВО «Сибирский федеральный университет», главный научный сотрудник ФГБУ «Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства» (г. Красноярск, Российская Федерация)

ЦЕЛИЩЕВА Марина Александровна — историк-краевед Алтайской региональной краеведческой общественной организации «Наследие Алтая» (г. Барнаул, Российская Федерация)

ЧЕРЕДНИЧЕНКО Жанна Михайловна — аспирант ФГБОУ ВО «Сибирский государственный индустриальный университет»

ЧЖАН Гуаньин — архитектор-реставратор, компания AVIC Forestry CO (Китайская народная республика)

ШУЛЬГА Анна Александровна — начальник отдела международного сотрудничества Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ШУЛЬГА Даниил Петрович — старший преподаватель ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», старший преподаватель Сибирского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ШУЛЬГА Пётр Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН «Институт археологии и этнографии СО РАН» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

ЯВКИНА Юлия Андреевна — магистрант ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств» (г. Новосибирск, Российская Федерация)

Научное издание

**Баландинские чтения: сборник статей
научных чтений памяти С.Н. Баландина**

Том XIII

Корректор О.В. Федоркова
Корректоры англоязычной части А.В. Дьячков, Д.В. Шифман
Вёрстка Д.В. Шевень
Дизайн обложки Е.Ю. Орлова

Подписано в печать 01.11.2018. Формат 84х108/16
Гарнитура Таhoma. Усл. печ. л. 65,1. Тираж 500 экз.
Заказ № 250

Отпечатано в типографии ООО «Издательство СИБПРИНТ»
630099, г. Новосибирск, ул. Максима Горького, д. 39

НОВОСИБИРСК 2018